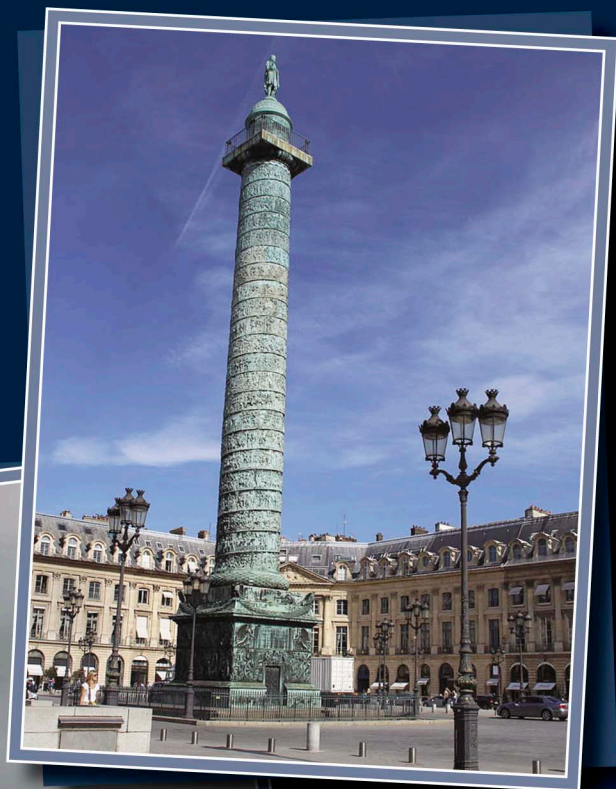

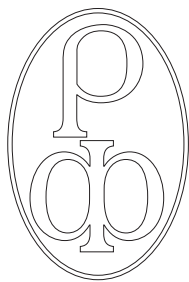
Россия и Франция XVIII – XX века

ВСЬ
МИР

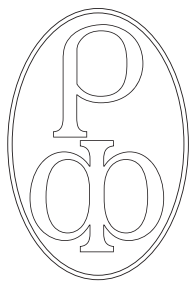
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE
INSTITUT D'HISTOIRE UNIVERSELLE
CENTRE D'ÉTUDES HISTORIQUES FRANÇAISES

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE
INSTITUT D'HISTOIRE UNIVERSELLE
CENTRE D'ÉTUDES HISTORIQUES FRANÇAISES

La Russie et la France

XVIII-ème – XX-ème siècles

Volume 13

Sous la direction de
PIOTR TCHERKASSOV
membre-correspondant
de l'Académie des sciences de Russie

MOSCOU

VES
MIR

2020

Россия и Франция XVIII – XX века

Выпуск 13

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
ПЕТР ЧЕРКАСОВ

МОСКВА

ВЕСЬ
МИР

2020

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 76

Издание основано в 1995 г.

Составитель *П.П. ЧЕРКАСОВ*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г.В. Цыпкин*
доктор политических наук *Н.К. Арбатова*

В оформлении обложки использованы:

на передней стороне – виды двух колонн-памятников: Вандомская колонна (арх. Ж. Гондуэн, Ж.-Б. Лепер) в Париже установлена в 1810 г. в память о победах Наполеона в 1805 г. (*вверху*) и Александровская колонна (арх. О. Монферран) в Санкт-Петербурге установлена в 1834 г. в память о победе Александра I над Наполеоном (*внизу*)
на задней стороне – телеграмма А. Тьера кн. А.М. Горчакову от 4 октября 1870 г., а также портреты двух дипломатов.

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0812-0

© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Черкасов П.П., составление, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Весь Мир», 2020

ФРАНЦУЗСКАЯ РОССИКА ПЕРИОДА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ (1725—1762)¹

С.А. Мезин

Сочинения французских авторов XVIII в. о России не оставляли равнодушными их русских современников. Достаточно вспомнить острые полемические отклики на произведения Ф. Локателли, Вольтера, Ж. Шаппа д'Отроша, Н.Г. Леклерка, П.Ш. Левека и др. Уже в конце XVIII столетия была осознана историческая ценность донесений французских дипломатов из России. Во время Французской революции граф А.Р. Воронцов обращался к советнику российского посольства в Париже Машкову с просьбой приобрести записки французских дипломатов о России: копии депеш де Ла Шетарди, Дальона, Дугласа, де Лопиталья и др.² В XIX и в начале XX в. в России широко публиковались, переводились и использовались в качестве источников записки иностранцев, в том числе французская россика века Просвещения. Однако с середины 1930-х гг. внимание историков к сочинениям подобного рода заметно ослабло. Лишь во второй половине 1980-х гг. изучение россики, обогащенное новыми подходами, вновь стало занимать заметное место в исторических исследованиях отечественных авторов.

На сегодняшний день наиболее пристальное внимание исследователей привлекла французская россика петровского времени, а также сочинения французских авторов, посвященные эпохе Екатерины II³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00131.

² Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 481—482.

³ См.: *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872; *Сомов В.А.* Французская Россика эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986; *Somov V.A.* Les Russica français à travers les archives russes // La Culture française et les archives russes: Une image de l'Europe au XVIII-e siècle / Études réunis par Georges Dulac. Ferney-Voltaire, 2004. P. 27—34. *Беснятых Ю.Н.* Иностранные источники по исто-

Наименее изученными представляются известия французов о России середины XVIII в. Некоторые сочинения этого времени остаются неопубликованными и малоизвестными отечественным историком.

Французская россика середины XVIII в., времени, по традиции называемом периодом дворцовых переворотов (1725–1762), включает в себя сочинения разных видов. Это и научно-литературные произведения знаменитого Вольтера, которые до сих пор полностью не переведены на русский язык, и частично опубликованная политическая переписка французских послов в России (Ж.-Б.Н. Маньян, Ж.И. де Ла Шетарди, Л. Дальон, П.Ф. де Лопиталь и др.), и записки путешественников (П. Дешизо, О. де ла Мотре, Ф.Ш. д'Агей де Мион), среди которых выделяется основательное, но никогда не переводившееся на русский язык сочинение Ж. Жюбе «Религия, нравы и обычаи московитов», это антирусский памфлет Ф. Локателли «Московитские письма» и специальные записки о России французских дипломатов (Ш.Ж. д'Эон, Л.А. де Ла Мессельер, Ж.Л. Фавье), это, наконец, записки о путешествии в Сибирь Ж. Шаппа д'Отроша, совершенном в конце царствования Елизаветы, опубликованные и получившие широкую огласку уже в 1760-е гг.

В настоящей работе речь пойдет об известиях авторов, побывавших в России, зачастую принадлежавших к дипломатическим кругам. (За пределами авторского внимания останутся сочинения на русскую тему Ш.Л. Монтескье, Вольтера, Ш.И. Сен-Пьера, Л. де Жокура и др.) Единственную попытку дать общую характеристику интересующих меня сочинений можно найти в недавно изданном томе «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова (1841–1923)⁴. Известный историк дал обзор донесений и сочинений Маньяна, Локателли, Шетарди, Дальона, Лопиталья, Мессельера, Фавье с точки зрения их ценности в качестве материала для изучения политической и дипломатической истории того времени. В приложении к тому опубликована статья С.Н. Киржаева⁵, дающая информацию о современном состоянии литературы по этому вопросу и актуальных подходах к изучению известий иностранцев о России.

рии России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 15–17; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003; *Он же.* Французская Россика конца XVII – первой четверти XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 7. М., 2016. С. 332–343; и др.

⁴ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии: в 2 т. Т. 2, кн. 3. СПб., 2013. С. 616–635.

⁵ *Киржаев С.Н.* Небесполезное, хотя и пристрастное «инаковидение» России // Иконников В.С. Указ. соч. С. 717–743.

Многие произведения французской россики середины XVIII в. попали в поле зрения А.Ф. Строева, проанализировавшего мифологический образ далекой страны, созданный французскими авторами XVIII – начала XIX в. Автора интересует бытование литературных клише, рождающихся из смысловых оппозиций: центр и окраина, цивилизация и варварство, свобода и рабство (деспотизм), «блаженство» и «ледяной ад». Автор рассматривает эволюцию стереотипов на протяжении длительного отрезка времени, выделяя лишь две хронологические вехи – Французскую революцию и войну 1812 г. Строев соглашается с французским исследователем Д.А. Пажо (D.H. Pageaux) в том, что вопрос о правдивости или ложности путевых заметок не корректен в принципе, речь должна идти в первую очередь об исследовании законов дискурса, о приемах и правилах преобразования чужого мира, соединения и развертывания стереотипов⁶. Замечу, что при исследовании конкретных исторических источников такой чисто «риторический» подход едва ли продуктивен.

Накопленный опыт изучения «образа другого» позволяет по-новому взглянуть на известные тексты французской россики. Сегодня нас интересует не только то, *как* современник-иностранец характеризует различные явления русской жизни, но и вопрос *почему именно так* воспринимаются русские реалии, какова роль стереотипных представлений в формировании образа чужой страны. Проблема правдивости и ложности информации не снимается вовсе, но приобретает иной смысл при рассмотрении причин ошибок и искажений. Этнокультурные аспекты восприятия «иного» находятся в центре внимания. Новые публикации и находки дают возможность расширить исследовательское поле французской россики середины XVIII в.

В конце царствования Петра I появились надежды на улучшение и стабилизацию русско-французских отношений, которые в более раннее время омрачались взаимным непониманием и враждой. Однако заключение русско-австрийского союзного договора 1726 г. вновь и надолго привело к охлаждению отношений между Россией и Францией. Между тем внешнеполитический контекст являлся важным фактором взаимовосприятия и во многом определял тональность сочинений французов о России. Тем более что авторы многих записок были дипломатами.

Впрочем, французы, побывавшие в России сразу после смерти великого реформатора, находились еще под влиянием личности Петра I и совершенных им перемен. Вслед за Фонтенелем, сочинившим

⁶ Строев А.Ф. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41; см. также: *Он же*. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998; *Stroev A. La Russie et la France des Lumières: Monarques et philosophes, écrivains et espions*. Paris, 2017.

«Похвальное слово царю Петру I»⁷, они готовы были писать о царе, выведшем свой народ из состояния варварства, «сотворившем новую нацию». К таким поклонникам русского царя можно отнести врача и ботаника Пьера Дешизо (Pierre Deschisau, 1687–1730)⁸, посетившего Петербург дважды: в 1724 и 1726 гг. Результатом второго посещения было сочинение «Московитское путешествие»⁹. Несмотря на то, что ему не удалось ни получить место ботаника в Российской академии наук, ни совершить «ботаническое» путешествие в Персию, любопытный автор в доброжелательном духе описал своё пребывание в России. Дешизо не стал излагать деяния покойного царя, ибо «этот предмет был превосходно изложен... господином де Фонтенелем». Он лишь констатировал: «Мы с удивлением рассматриваем чудесную перемену, произошедшую в столь короткий срок с прежней Московией силой одного человека»¹⁰. Зато автор вставил в свое сочинение краткое «похвальное слово» царствующей императрице Екатерине I, «которая обещала довести до завершения проекты и предприятия к пользе своего народа, начатые ее высоким благодетелем, или, лучше сказать, подсказанные ею самой (! – С.М.)»¹¹. В небольшом сочинении Дешизо привлекает внимание описание Петербурга и наводнения 1726 г. Обозревая русскую столицу, автор отмечал наличие «квартала французов» на Васильевском острове и существенный вклад французских мастеров в строительство и украшение Петербурга и окрестностей. В качестве «непорядков» автор отмечал чрезмерное пьянство (даже при дворе!) и бани, «в которых находятся мужчины и женщины, по большей части лишенные стыда и скромности». Упомянул он и о «баранце» – выдумке о некоем растении из Астрахани, схожем с ягненком.

В том же 1726 г. Петербург посетил профессиональный путешественник Обри де ла Мотре (Aubrey de la Motraye, 1674–1743). Он происходил из семьи гугенотов и, покинув Париж в 1696 г., всю жизнь провел в странствиях, которые нашли отражение в трех томах его «Путешествий». В предисловии к первому тому автор писал о своем намерении сообщать читателям новые и неизвестные сведения о странах и городах, которые он посетил. Его интересовали политические события и придворные новости, внешний вид городов, нравы и обычаи на-

⁷ См.: Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2017. С. 108.

⁸ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 254–256.

⁹ Deschisau P. Voyage de Moscovie, présenté à monsieur Herault, Lieutenant General de Police de la Ville, Previsté et Vocomté de Paris. Paris, 1727. P. 39; Пьер Дешизо. Путешествие в Петербург (1724 и 1726 гг.) / Предисловие, перевод с франц. и прим. Н.Л. Сухачева и Ю.Н. Беспятых // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 134–150.

¹⁰ Deschisau P. Voyage de Moscovie. P. 38.

¹¹ Ibid. P. 15.

родов. Автор утверждал, что он стремится описывать страны и народы «без предрассудков и без прикрас». Следует признать, что ему это в основном удавалось. В первом и втором томах, увидевших свет в 1723 г., де ла Мотре сообщал о противостоянии Карла XII и Петра I — об обоих монархах он отзывался с неизменным уважением. В первом томе «Путешествий» несомненный интерес представляют подробности о Полтавской битве, сообщаемые со слов шведских офицеров, бежавших вместе с королем в Турцию, где тогда находился путешественник. Во втором томе много внимания уделено Прутскому походу Петра I 1711 г. В третьем томе, озаглавленном «Путешествия на английском и на французском [языках] О. де ла Мотре по различным провинциям и местностям герцогской и королевской Пруссии, России, Польши и т.д.»¹², можно найти любопытные сведения о Петре I, его жене и сподвижниках, а также описания Пскова, Новгорода, Ладоги, Петербурга¹³. Например, автор, проезжая Ливонию, произвел разыскания о происхождении императрицы Екатерины I, которая, по его словам, не была дочерью ни полковника Абенделя, ни полковника Розена; ее отец был слугой последнего. Она примерно в пятилетнем возрасте осталась без родителей и без средств к существованию. Сначала сироту приютил местный учитель, а затем доктор (пастор) Глюк из Мариенбурга. По словам очевидцев, Глюк и его жена обращались с девочкой как со своей дочерью, выучили ее домашним делам, а также чтению и немецкому языку и выдали замуж за шведского сержанта «из хорошей фамилии». На следующий день после свадьбы Мариенбург был взят русскими войсками. Красивая пленница стала служанкой генерала Бауэра, а затем она перешла в услужение к князю Меншикову; с 1704 г. она стала любовницей царя¹⁴.

Вышеназванные путешественники находились еще в плену петровской темы и не были склонны к общим рассуждениям о России и русских, ограничиваясь в основном личными наблюдениями частного порядка.

Внимательным и вдумчивым наблюдателем российских реалий петровского и последующего времени оказался Жан-Батист Ноэль Маньян (Jean-Baptiste Noël Magnan, 1682—1752)¹⁵. Значение его дипломатических донесений в качестве источника признано давно, но поч-

¹² Voyages en anglais et en françois d' A. de la Motraye en diverses provinces et places de la Prusse Ducale et Royale, de la Russie, de la Pologne &c. À la Haye. 1732. Т. 3.

¹³ Описание Петербурга в современном переводе с научными комментариями помещено в книге Ю.Н. Беспятых «Петербург Петра I в иностранных описаниях» (Л., 1991. С. 29—30, 211—251). Автор характеризует описание де ла Мотре как «чрезвычайно содержательное» и «превосходное».

¹⁴ Voyages en anglais et en françois d' A. de la Motraye. Т. 3. Р. 196—201.

¹⁵ См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. Р. 557—559.

ти никто не задумывался о специфике его суждений и оценок. Автор единственной специальной статьи о Маньяне С.О. Андросов справедливо отмечал, что донесения французского дипломата из Петербурга насыщены разнообразной и полезной информацией. Историк обратил внимание на богатство и точность характеристик русских государственных деятелей: «Из многих черточек и разбросанных по разным письмам сведений складываются их портреты. И мы нередко с удивлением видим, что мнение Маньяна о них во многом сходно с тем взглядом, который выработала позднее историческая наука»¹⁶. Однако наблюдения Андросова о том, что Маньян с симпатией относился к России, а его дипломатические усилия подчас шли вразрез с официальным направлением французской политики, требуют уточнения. Трудно согласиться и с вскользь брошенной П.П. Черкасовым характеристикой Маньяна как «бесцветного»¹⁷. Маньян не обладал высоким дипломатическим рангом, но был человеком незаурядным. Необычным был и его жизненный путь.

Будущий дипломат родился в семье французов, проживавших в Стамбуле. В турецкой столице он провел молодость и овладел, кроме «природного» французского и турецкого, латинским, итальянским и греческим языками. Случай свел его с русским послом в Турции П.А. Толстым, и молодой человек стал сотрудником русского посольства. Во время русско-турецкой войны 1711 г. Маньян вместе с Толстым был заключен в Семибашенный замок и «полтора года всякую нужду терпел горькую». В тюрьме Маньян перешел из католичества в православие, что предопределило его дальнейший переезд в Россию. Около 1714 г. он приехал в Петербург, где стал советником Коммерц-коллегии, которую возглавлял П.А. Толстой. Маньян изучил русский язык и подписывался по-русски «Иван Маньян». С 1716 г. он был доверенным лицом известного негоцианта и дипломата Саввы Рагузинского в Петербурге, принимал товары с его кораблей из Венеции. В 1721 г. он стал советником Мануфактур-коллегии, был лично известен царю Петру I. В 1723 г. французский посол Ж. де Кампредон рекомендовал Маньяна на королевскую службу, где он пользовался покровительством министра Ф. де Морвиля. Пребывание во Франции в 1724–1726 гг. не принесло Маньяну ожидаемой должности переводчика с русского языка в Королевской библиотеке. Он даже собирался возвратиться на русскую службу. В конечном счете после охлаждения русско-французских отношений и отъезда посла Кампредона из Петербурга Маньян

¹⁶ Андросов С.О. Жан-Батист Маньян. Француз в России в первой трети XVIII в. // Андросов С.О. От Петра I к Екатерине II. Люди, статуи, картины. СПб., 2013. С. 183.

¹⁷ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 26.

был назначен поверенным в делах и находился в Петербурге с 1726 по 1733 г. Его главной обязанностью было ведение переписки и информирование министерства о событиях в России.

Свою должность Маньян исполнял самым тщательным образом, за что неоднократно получал благодарность министра. Знание русского языка и широкие связи в петербургском обществе¹⁸, знакомство с проблемами русской коммерции — все это позволяло Маньяну быть отличным наблюдателем. Его просьбы предоставить ему верительные грамоты и обеспечить дипломатическую неприкосновенность не находили отклика у французского министерства, которое сводило роль поверенного к тому, чтобы «слушать, расследовать и очень мало говорить». Несмотря на свой низкий статус, Маньян в 1729 г. вел переговоры со своим давним покровителем графом Рагузинским о возможности заключения русско-французского торгового договора, а в 1732 г. через графа Миниха пытался договориться о русско-французском союзе. Однако эти переговоры не увенчались успехом, поскольку противоречили общей политической обстановке, не способствовавшей сближению двух стран. Переписка Маньяна с руководителями французского внешнеполитического ведомства была опубликована Г.Ф. Штендманом в трех томах «Сборника Императорского Русского исторического общества».

Сообщая о событиях периода царствования Екатерины I, Маньян отмечал «неправильный образ жизни» императрицы, «не умевшей во все писать», расточительство двора, финансовые трудности и нерегулярную выплату жалования чиновникам и офицерам, плачевное состояние русского флота, снижение ввозных пошлин на иностранные товары и разрешение торговать через Архангельск. Констатируя всевластие А.Д. Меншикова, французский дипломат упоминал о всеобщей ненависти к временщику со стороны русских вельмож. Еще при жизни Екатерины I он прозорливо предсказал, что когда-нибудь все члены Верховного тайного совета дружно объединятся против Меншикова. Не скрылась от взгляда проницательного наблюдателя и особая роль гвардии в политической жизни страны: «Гвардия здесь играет ту же роль, что янычары в Турции»¹⁹. Без комментариев сообщал Маньян об аресте и ссылке своего бывшего патрона П.А. Толстого, а позже и о смерти его на Соловках. Информацию о болезни Екатерины I ди-

¹⁸ В частности, платным информатором Маньяна был казначей Академии наук Алексей Юров. — См.: *Курукин И.В.* Алексей Юров: «лишний человек» в эпоху петровских реформ и после // *Россия в XVIII столетии.* Вып. III / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2009. С. 146–147.

¹⁹ Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона и агента Маньяна за 1725 и 1727 гг. // *Сборник Имп. Русского исторического общества* (далее — Сб. ИРИО). СПб., 1888. Т. 64. С. 481, 519, 523.

пломат сопроводил замечанием, что она похожа на ту, от которой умер царь и которая трудно вылечивается. (В свое время французский посол Кампредон писал о том, что причиной смерти Петра I был сифилис²⁰.)

В письмах периода царствования Петра II Маньян подробно описывал расстановку политических сил при дворе, характеризовал личные качества и устремления членов Верховного тайного совета, детально излагал историю опалы А.Д. Меншикова, но ошибался в том, что последний был сослан «в Иркутск». Личность вице-канцлера А.И. Остермана, ведавшего вопросами внешней политики и твердо придерживавшегося «австрийской» ориентации, вызывала особый интерес французского наблюдателя. Он часто отмечал необыкновенное трудолюбие и высокие деловые качества Остермана, его умение отстраняться от сомнительных политических действий, что делало его незаменимым в глазах правителей. По словам Маньяна, «ни один из русских не чувствует себя достаточно трудолюбивым», чтобы взвалить на себя бремя государственных забот Остермана²¹.

Маньян писал, что воцарение Петра II вызвало радость «всего русского народа». Выдвижение на первый план «старорусской партии» Долгоруковых и Голицыных, побуждало французского дипломата все чаще высказываться о национальных чертах русского народа, которые проявлялись в политической практике. Он отмечал ненависть русских вельмож к Петербургу и их желание жить в Москве. Изображение других национальных качеств не позволяет говорить об особой симпатии автора к России. Русские, по его замечанию, «никогда не имеют вежливого и любезного вида», они небрежны в делах, недобросовестны в торговых операциях, склонны к обману, «хвастливы по природе», подозрительны, легко поддаются ложным впечатлениям. Более того, Маньян писал о «диком характере этого народа», о его «зверстве»: «этот народ по природе своей не чувствует уважения ни к кому... Ни правила чести, ни дружбы, ни благодарности, сами по себе не руководят ими и не могут на этот народ подействовать; преобладающие его свойства — с одной стороны, страшная грубость, а с другой — грязное корыстолюбие; можно даже сказать, что эта грубость растет, по мере того как находит все более и более снисхождения в нынешнее царствование несовершеннолетнего государя...»²²

Давно живший в Петербурге «русский француз» Маньян явно симпатизировал Петру I, который, по его словам, был смелым и дельным

²⁰ См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором... // Сб. ИРИО. СПб., 1886. Т. 52. С. 401, 415.

²¹ Донесения французского поверенного по делам при русском дворе за 1727–1730 гг. // Сб. ИРИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 192.

²² Там же. С. 413; см. также с. 111, 142, 353, 397.

руководителем, направлявшим народ к славе и отучавшим его от лени. Он с сожалением замечал, что «большая часть постановлений этого государя, не понравившихся здешнему народу, в настоящее время уничтожены, и русские возвращаются постепенно ко всем своим прежним порядкам»²³.

Попытка «верховников» после смерти Петра II ввести в России «новую форму правления» расценивалась французским дипломатом как «намерение этого народа... возвратиться назад, к своему прежнему положению и своим старым обычаям». Министр Ж.Л. де Шовелен легко соглашался с этим мнением и выражал надежду, что торжество «старорусской партии... обратит снова Россию к прежнему варварскому состоянию». Столкновение русско-французских интересов в Польше позволяло рассматривать Россию в качестве врага. Маньян, подыгрывая своему министру, сообщал мнение некоего офицера-француза на русской службе о том, что легко будет «уничтожить Россию при помощи черемисов и других татар, живущих около Казани», которые недоброжелательны русской властью и готовы поднять восстание²⁴.

Провал аристократических планов Долгоруких и установление самодержавного правления Анны Ивановны (Иоанновны) породило у Маньяна надежду, что государство будет устроено так, «как оно было устроено... Петром I». Однако очень скоро сравнение «нынешнего правления» с петровским стало производиться не в пользу аннинского царствования, а основным лейтмотивом писем французского поверенного стала тема господства при дворе иностранцев и ненависти к ним русских. Царица, по словам наблюдателя, «окружена и руководствуется советами лишь немцев», русских она держит в качестве шутов и доводит собственный народ до полного отчаяния. Фаворит царицы Бирон «невыносим» для всего народа. Он повторит путь Меншикова, — справедливо предвидел Маньян. Русские терпеливо выносят страдания, но их терпение должно иссякнуть. «Здешнему государству грозит переворот вследствие сильного желания всего русского народа освободиться от ига чужеземного владычества»²⁵, — писал Маньян накануне своего отъезда из России. Он уже тогда обратил внимание на принцессу Елизавету Петровну, которая, по его мнению, могла бы легко найти сторонников, а придя к власти, возродила бы «систему покойного ее отца, царя Петра I». Однако этого переворота французской дипломатии пришлось ждать до 1741 г. Заметим, что Маньян искренне желал улучшения русско-французских отношений, считал, что внешнеполитическая система Петра I предполагала союз

²³ Там же. С. 309.

²⁴ Там же. С. 439, 287.

²⁵ Сб. ИРИО. СПб., 1892. Т. 81. С. 532; см. также с. 186, 194, 254–255, 483, 484, 531.

с Францией, но все действия скромного французского поверенного по налаживанию этих отношений находились в русле внешнеполитического курса Парижа.

Внимательным наблюдателем жизни послепетровской России оказался аббат Жак Жюбе (Jacques Jubé de La Cour, 1674–1745)²⁶, побывавший в России в 1728–1732 гг. Известный священник-янсенист, сторонник галликанской церкви, проповедовавший на французском языке, борец с папством, он укрылся от преследований в Голландии. Здесь он сблизился с женой русского дипломата княгиней Ириной Петровной Долгоруковой, урожденной Голицыной, перешедшей в католичество. Жюбе стал духовником княгини и воспитателем ее детей. Сорбонские профессора-янсенисты рекомендовали Жюбе последовать за семьей Долгоруковых в Россию и способствовать делу объединения церквей, о чем парижские теологи еще в 1717 г. говорили Петру I. Аббат опасался ехать в «страну неизвестную, грубую, упрямо привязанную к своим обычаям и непросвещенную», однако в конечном счете согласился, признав важность своей религиозной миссии. По характеру Жюбе был строгим моралистом, смелым и непримиримым борцом за «истинную веру», заядлым полемистом – французский историк сравнивает его с протопопом Аввакумом²⁷.

На первых порах, когда у власти в России при юном Петре II были Долгоруковы и Голицыны, деятельность Жюбе находила некоторую поддержку среди русского дворянства и духовенства, ему активно покровительствовал испанский посол в России герцог де Лириа. Ситуация радикально изменилась после прихода к власти императрицы Анны Ивановны (Иоанновны), опалы Долгоруковых и отъезда из России де Лириа. Жюбе едва не подвергся аресту и получил приказ покинуть Россию. Его религиозная миссия не удалась, но результатом поездки стала содержательная рукопись под названием «Религия, нравы и обычаи московитов с некоторыми подробностями в отношении их схизмы с точки зрения их присоединения к латинской церкви», работу над которой аббат закончил в Голландии в 1735 г. Рукопись, находившаяся в муниципальной библиотеке города Руана, через 250 лет была издана и прокомментирована известным специалистом по истории России Мишелем Мерво. Исследователь представляет текст Жюбе как «самый важный французский рассказ о России первой половины XVIII в.»²⁸. Сочинение принадлежит к жанру «поучительного» путешествия, формирующего мнение о России.

²⁶ См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 434–435.

²⁷ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites / Texte présenté et annoté par Michel Mervaud. Oxford, 1992. P. 78.

²⁸ Ibid. P. VII.

Аббат Жюбе полагал, что в его сочинении «найдется почти все, что можно пожелать, чтобы сформировать представление об этой огромной империи»²⁹. Впрочем, все сюжеты излагались без определенной системы. Как священника, принявшего на себя миссию присоединения русских «схизматиков» к латинской церкви, его, конечно, в первую очередь интересовали вопросы веры и состояние церкви, перспективы объединения. По этой же причине он не склонен подчеркивать глубину разрыва между церквями. Объединение, по его мысли, может привести к тому, что в России появится патриарх (желательно, получивший образование во Франции), а русский император станет императором Востока³⁰. Особенности православного вероисповедания, обряды, праздники, характеристика русских иерархов, описание московских церквей и монастырей — все эти сюжеты нашли отражение на страницах сочинения Жюбе, он неоднократно к ним возвращался. Главным врагом аббата Жюбе среди русских иерархов был архиепископ Новгородский Феофан Прокопович, которого автор характеризовал так: неглуп, красноречив, вхож в различные компании, повседневно пьян, трезвым его можно застать только рано утром, служит в церкви в пьяном виде, демонстративно не соблюдает постов, имеет двух любовниц, владеет прекрасной большой библиотекой³¹. Перечисляя праздники (главным образом церковные), аббат отмечал любопытную деталь: русские по-прежнему тайно празднуют наступление нового года в сентябре, а первое января не является для них большим праздником вопреки календарным нововведениям Петра I.

Описание политических событий Жюбе давал чаще всего с позиции князей Долгоруковых и Голицыных, связями с которыми он гордился. Автор весьма благожелательно отзывался о Петре II, который, по его словам, имел представительную внешность, был хорошо воспитан и образован, любил чтение, знал иностранные языки, был справедливым и щедрым. Однако юный царь был подвержен влиянию фаворита Ивана Долгорукова — человека бесчестного и развратного³². После смерти императора, по наблюдению француза, «большинство дворянства склонялось к республике, управляемой выборными сенаторами». Голицыны и Долгоруковы составили «кондиции», ограничивающие власть Анны Ивановны (Иоанновны), из-за чего

²⁹ Ibid. P. 80.

³⁰ Примечательно, что папский посол Антонио Поссевино на переговорах 1582 г. соблазнял Ивана IV титулом восточного императора в обмен на унию с католиками. (Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 306; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 169.)

³¹ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 107.

³² Ibid. P. 146.

и пострадали. Победила «партия» князя Черкасского, предложившая императрице порвать «кондиции» и принять самодержавие. При этом офицеры-гвардейцы громко бранили членов Верховного тайного совета, угрожая выбросить их из окна³³.

В сочинении Жюбе подробно описаны церемонии похорон Петра II и коронации Анны Ивановны (Иоанновны). Автор обратил внимание, что во время коронации все придворные были одеты «à la française». Как истинный француз Жюбе придиричиво описывал внешность императрицы, которая была одета роскошно, однако не имела никакой прически, была с ненапудренными черными волосами. Он также заметил, что во время коронации Анна проявила женскую слабость: «сев на трон, императрица вынула большой платок и несколько раз поднесла его к своим глазам». Эти слезы показались наблюдателю наигранными, неестественными³⁴.

В целом же политическая атмосфера в России обрисована автором в мрачных тонах: «Для русских в политике все средства хороши: ложь, клевета, обман, измена — ничего их не останавливает»³⁵. Лишь страх жестоких наказаний удерживает людей от преступлений.

Подобно другим европейским авторам, Жюбе писал о «всеобщем рабстве» русских перед лицом деспотической власти. Пётр I запретил именоваться рабами, «но никто от этого не выиграл, ибо они все рабы — не больше и не меньше, чем прежде»³⁶. Впрочем, об этом писали не только иностранцы. А.С. Пушкин не читал записок Жюбе, но был согласен с ним применительно ко времени Петра I: «Все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкой»³⁷.

Вместе с тем политическая власть в России нестабильна: «катастрофы и перевороты здесь обычное дело». Кто был первым, может стать последним. Опасность ссылки в Сибирь грозит каждому. «При этом русские испытывают удовольствие, видя падение и несчастье тех, кто еще вчера занимал высокие места»³⁸. Подобные утверждения можно было бы принять за враждебные инсинуации, если бы сами русские не признавались в этой слабости. Юродивый императрицы Анны Ивановны (Иоанновны) Тихон Архипыч говорил: «Нам, русским, не надобен хлеб, мы друг друга едим и с того сыты бываем»³⁹.

Жюбе был одним из немногих французов, кто специально обратил внимание на крепостное состояние русских крестьян. В подмосков-

³³ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 141.

³⁴ *Ibid.* P. 152.

³⁵ *Ibid.* P. 137–138.

³⁶ *Ibid.* P. 180.

³⁷ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Л., 1978. С. 122.

³⁸ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 134.

³⁹ *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 162.

ном имении Долгоруковых Никольское он наблюдал скованных по ногам крепостных, которые должны были работать в таком положении. Он заметил, что господа жестоко избивают своих слуг, но на это никто не обращает внимания. Жюбе не только подробнейшим образом описал наказание кнутом и батогами, но и зарисовал жестокие сцены⁴⁰. Крестьяне даже жениться не могут без разрешения господина. Земли в Московии продаются с крестьянами, а слуги покупаются⁴¹.

По мысли Жюбе, всеобщее рабство влияло на нравы и обычаи москвитов («в этой ситуации им трудно быть другими»), которые он подробно описал. Русские, по его словам, замкнуты на себе, самолюбивы, буйно придаются удовольствиям, любят обильный, а не хороший стол. Они неумеренно упиваются квасом, пивом, мёдом, водкой и вином при каждом удобном случае. Князья и мужики мало различаются в этом смысле⁴².

Внешне набожные, они лживы, вороваты и развратны. Самым ужасным символом разврата были для Жюбе общественные бани, где моются раздельно, но вход в воду — общий. Сам аббат бани не посещал (Боже, упаси!), но видел, проезжая по берегу реки, как мужчины и женщины вместе плескались в реке, на берегу которой была устроена баня⁴³. Жилища, пища, одежда, похоронные и свадебные обычаи, охота, кулачные бои, игры — ничто, кажется, не укрылось от взора любознательного наблюдателя. Крестьянские дома показались ему убогими, закопченными, без привычной европейской обстановки, дома знати — большими и внешне красивыми, но неудобными внутри; пища — обильной, но малосъедобной (рыба и икра дурно пахнут, пироги несъедобные, мясо непроваренное); плач и причитания на похоронах — глупыми, танцы — нелепыми. Много места в сочинении Жюбе отведено описанию Москвы, издали она показалась французу красивейшим городом мира, но вблизи разочаровала: вид был такой, будто враги только что покинули город⁴⁴.

По мнению Жюбе, особый характер москвитов делает их хорошими солдатами. Русские солдаты, приученные к дисциплине и командам, могут быть лучшими в Европе. Они сильные, закаленные, привычные переносить холод и жару, неприязнательные в еде. Они не боятся смерти, но не из-за храбрости и любви к славе, а из чувства повиновения⁴⁵.

⁴⁰ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 156–158.

⁴¹ *Ibid.* P. 154–155.

⁴² *Ibid.* P. 133.

⁴³ *Ibid.* P. 134–135.

⁴⁴ *Ibid.* P. 186–189.

⁴⁵ *Ibid.* P. 190–192.

Аббат Жюбе был единственным французом, побывавшим в России в первой половине XVIII в. и оставившим описание ее климата, природы, плодородия и естественных ресурсов.

Россия для Жюбе — «другой мир», далекая и своеобразная страна Севера, в то же время многое здесь напоминало ему о близости Востока (китайское, персидское, калмыцкое посольства). Однако не все казалось ему страшным и безнадежным в России. Русские разделены с католиками лишь по своему невежеству, — считал Жюбе. «Из всех народов Европы московиты самые невежественные, но, может быть, самые способные»⁴⁶. Если дать им свободу и просвещение, они будут такими же достойными людьми, способными культивировать науки и искусства. Опыт Петра I по просвещению своего народа Жюбе признавал неудачным, ибо царь торопливо создавал Академию из иностранцев, а надо было учить читать своих подданных⁴⁷.

Вековые стереотипы «русского варварства» (ненастоящее христианство, деспотизм и рабство, невежество), несомненно, оказывали влияние на восприятие французским аббатом русской действительности. Состояние русско-французских отношений, неудача религиозной миссии, печальная судьба Долгоруковых также омрачали для него картину русской жизни. Однако аббат Жюбе оказался одним из первых и редких европейских наблюдателей, кто стремился понять и объяснить темные стороны российской жизни и верил в возможность просвещения народа.

В конце 1735 г. в Париже появилась книга под названием «Московитские письма»⁴⁸. Сочинение это сразу же привлекло внимание русского посла в Лондоне (своего посла во Франции Россия тогда не имела) князя А.Д. Кантемира. Он писал вице-канцлеру А.И. Остерману 14 ноября 1735 г.: «На сих днях явилася здесь книжка, в осьмушку, печатаная на французском языке в Париже через Huart l'Ainé, под титулом *Lettres Moscovites*, о которой нужно мне показалось вашему сиятельству покорно донести, понеже, сколько я ни видел изданных до сих пор сатир и либелльов (памфлетов. — С.М.), сия с крайнейшею безстыдностью и продерзостию порекает двор, министров и весь народ российский...»⁴⁹ Проведенное в Петербурге расследова-

⁴⁶ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 79.

⁴⁷ *Ibid.* P. 101.

⁴⁸ (*Locatelli F.*) *Lettres Moscovites*. Paris, 1736.

⁴⁹ *Оболенский М.А.* Сведения об авторе книги «*Lettres Moscovites*» // Библиографические записки. 1859. № 18. Стлб. 545–546; см. также о Локателли: *Оболенский М.А.* Дополнительные разыскания о судьбе книги «*Lettres Moscovites*» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. СПб., 1862. Кн. 3. С. 1–14; *Александренко В.Н.* Переписка М.А. Корфа с М.А. Оболенским по поводу «Московитских писем» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892, февраль. С. 428–438; *Matthes E.* Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725

ние вскоре установило, что автором книги был некий Ф. Локателли, который с июня 1733 г. до ноября 1734 г. находился в России.

Граф Франциск (Франческо) Локателли Ланца (Francesco Locatelli Lanza, 1687–1770)⁵⁰ родился в итальянском городе Бергамо, но смолоду состоял на французской военной службе, участвовал в войне за Испанское наследство. Долгое проживание во Франции сделало его горячим поклонником политики, обычаев и языка этой страны, которую он называл «лучшей страной мира». «Московитские письма» были написаны по-французски, они вышли в Париже в момент обострения русско-французских отношений в связи с войной за польское наследство 1733–1734 гг. и принадлежат в равной мере и французской и итальянской россике. Слова издателя о том, что письма носили частный характер, были написаны по-итальянски и зашифрованы, а также его указание на то, что письма попали к нему случайно после таинственной смерти «анонимного» автора, не соответствуют действительности.

Локателли сообщал, что он был вынужден покинуть Париж из-за «приневоленной ему женитьбы». Более вероятно, что он покинул любезный ему город, чтобы не платить кредиторам. Желая укрыться от глаз знакомых, повествует автор, он отправился в далекую Россию, чтобы поступить там на службу. Однако исследователи видят в нем типичного европейского авантюриста, который прибыл в Россию не без тайных политических целей. Поскольку он остался без средств и якобы не мог поддерживать себя в положении, соответствующем его знатности, он выдал себя за купца под вымышленной фамилией Рокафорт. В российской столице он не захотел вступать в военную службу, так как назревала война в Польше, где русские сражались с французами, а автор считал, что «лучше навсегда отказаться носить шпагу, чем воевать с французами». Будучи знакомым с известным астрономом Ж.Н. Делилем, Локателли задумал вместе с ним отправиться в Камчатскую экспедицию, организованную Петербургской академией наук. Он доехал вместе с экспедицией до Казани, но оттуда решил направиться в Персию на службу в расположенный там русский корпус под командованием принца Л.-В. Гессен-Гомбургского. В Казани Локателли явился к губернатору П.И. Мусину-Пушкину⁵¹ и попросил помочь ему в дальнейшем путешествии до

und 1762. Frankfurt/M., Bern, Cirencester/U. K., 1981. S. 286–365; *Овсянников Ю.М.* «Московские письма» графа Локателли // Вопросы литературы. 1994. № 4. С. 219–239; *Беспятовых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 34–36, 49–50.

⁵⁰ См.: *Мария Ди Сальво.* Франческо Локателли и его памфлет «Lettres Moscovites»: из Петербурга в Стамбул // Россия и Италия: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Под ред. Е.С. Токаревой, М.Г. Талалая. Вып. 6. М., 2015. С. 223–229.

⁵¹ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 476.

Астрахани. При этом он назвал свое настоящее имя и причины, заставившие его путешествовать под вымышленной фамилией. Губернатор пообещал помочь, но вместо этого отдал приказ задержать и обыскать подозрительного иностранца. Не без оснований принятый за шпиона, Локателли был отдан под стражу и с конвоем отправлен в Петербург. В дороге от Казани до Москвы и далее до Петербурга он содержался в суровых условиях, был, по его словам, обворован конвоирами, которые якобы даже пытались его отравить. Около года (с декабря 1733 г. по октябрь 1734 г.), пока дело Локателли рассматривалось в Сенате, он находился под арестом в весьма стесненных обстоятельствах: ему не позволяли пользоваться услугами врача и парикмахера, не давали переводчика, плохо кормили и т.д. Более всего незадачливого графа раздражала русская волокита: убежденный в своей невинности, он долго не имел возможности доказать ее русским властям. В конце концов сенаторы его оправдали и отвели подозрения в шпионаже. В представлении императрице Анне Ивановне (Иоанновне) говорилось: «Итак признается, ежелиб он Локателли выехал для какого шпионства, то бы он для корреспонденции жил в С.-Петербурге или бы поехал на Украину и в Польшу; а он ехал в низовой корпус для принятия службы в такое отдаленное место, где шпионства или переписок в европейские государства чинить ему не можно, и опасности б от того не было». На этом докладе императрица 15 октября 1734 г. написала следующую резолюцию: «Отпустить из России на кораблях и дать ему на дорогу сто рублей»⁵².

Свою книгу Локателли писал в Голландии. После ее выхода российский посланник в Гааге А.Г. Головкин добился от голландского правительства ордера на арест Локателли, но тот успел убежать. Вскоре он объявился в Испании, а оттуда направился в Стамбул с явной целью навредить России, которая в 1735–1739 гг. состояла в войне с Турцией. Локателли имел переписку с гетманом Правобережной Украины Филиппом Орликом, жившим в Османской империи. После того, как турки потеряли интерес к услугам «специалиста по России», Локателли вернулся на родину и закончил свою жизнь в Бергамо.

Приключения, пережитые автором в России, не могли не наложить отпечаток на содержание «Московитских писем», хотя Локателли пытался убедить читателей, что он пишет с «холодным разумом» и не мстит русским за несправедливость. Однако эмоции давали себя знать. Автора особенно возмутило то, что русские власти хотя и оправдали его, но впредь запретили ему появляться в России. Он писал, что если ему и придется вернуться туда, то только «в хорошей компании» и с оружием в руках.

⁵² *Оболенский М.А.* Сведения об авторе... Стлб. 549–550; ср.: (*Locatelli F.*) Op. cit. P. 250–251.

«Я возвращаюсь из другого мира», — сообщал автор в первом письме. Каким же представлялся ему этот «другой», русский, мир?

Русские — это другой тип людей, они коренным образом отличаются от европейцев. Более того, они хуже татар, которых ныне угнетают. Их происхождение неизвестно, сами они своей древностью не интересуются. По-видимому, они являются потомками скифских рабов, восставших когда-то против хозяев и укрывшихся затем в северных лесах. Татары — потомки скифов, а русские — потомки их подлых рабов. Рабство и невежество — их вечный удел⁵³. Московиты считают себя единственными истинными христианами в мире, даже европейцев они третируют как идолопоклонников. Но при этом в них полностью отсутствуют какие-либо религиозные и нравственные принципы. Суеверие заменяет им веру. Они не замечают глубины невежества, в которое они погружены. Их монахи — это пьяницы, живущие в преступной праздности и предающиеся всем видам пороков. В монастырях они спасаются от голода и от армии⁵⁴. Русские грубы и жестоки, но в то же время ленивы, трусливы и малодушны, они легко уступают перед силой⁵⁵. Они вороваты и продажны, «воровство так распространено среди этого народа, что никто его не стыдится»⁵⁶. Живут они в деревянных избах (они хорошие плотники, умеют строить одним топором, не используя гвоздей), спят на лавках, не пользуются ни простынями, ни одеялами. «Русские много спят — и долгими ночами, и после обеда. Все следуют этому обычаю, и это, вероятно, делает их глупыми»⁵⁷. Московиты очень подозрительны и недоверчивы по отношению к иностранцам: «никто из тех, кто однажды узнает их дела, не должен больше уехать из страны».

Мнение Локателли о русском народе пристрастно и необъективно, оно сродни наиболее мрачным стереотипам, которые неприятели России распространяли в Европе в XVI—XVII вв. Вместе с тем автор подметил некоторые слабые стороны русского характера, утрировав их.

По мнению автора, европейцы теперь имеют о России «более обширные знания, чем в прошлом, и большая реформа, которую там пытались провести, вызвала много разговоров»⁵⁸. Локателли считал, что под влиянием петровских реформ в Европе сложилось слишком хорошее впечатление о России, которое он пытался рассеять. Поэтому большое место в «Письмах» уделено Петру I и его реформам.

В духе своего времени Локателли полагал, что один человек может много сделать, если он наделен гением и монархической властью, как

⁵³ (Locatelli F.) Op. cit. P. 141—145.

⁵⁴ Ibid. P. 62—63.

⁵⁵ Ibid. P. 65.

⁵⁶ Ibid. P. 120.

⁵⁷ Ibid. P. 210.

⁵⁸ Ibid. P. 4.

Петр Великий. У царя было много хороших проектов и учреждений, он старался извлечь своих подданных из варварства. Он действовал самыми жестокими средствами, но громадные усилия и «потоки крови, которые Петр I должен был пролить», чтобы цивилизовать свой народ, не дали ожидаемых результатов⁵⁹. Все старания царя, кажется, завершились лишь тем, что подданные обрезали бороды и сменили одежду.

Действия Петра и его преемников сами по себе не очень удачны, считал автор: они слишком торопились. «Они хотели, так сказать, идти гигантскими шагами, и получилось, что они часто не обращали внимания на самое существенное». Вместо того чтобы создавать Академию наук и Кадетский корпус, надо было создать начальные школы, в которых обучали бы основным принципам религии и морали. Без хорошо образованной молодежи страна не выйдет из варварства⁶⁰. Но главная причина неудачи петровских реформ виделась автору «Московитских писем» в том, что Петр не знал своего народа и не смог изменить его. Царь стремился создать правительство на европейский манер. Однако оно оказалось неподходящим для «деспотического государства». «Сегодня нет ни одного москвитя, который не любил бы свою деревню и свою печку больше, чем самый важный пост»⁶¹. Петр I не смог искоренить воровства среди чиновников и говорил обычно, что, «если бы он хотел повесить всех воров, которые находятся в его государстве, он остался бы без подданных»⁶². Автор не верит в успех такого мероприятия царя, как строительство флота. «Отвращение всех москвитов к морю всегда было и будет в будущем одним из величайших препятствий для улучшения этого великого дела. ...Из-за непростительного небрежения оставлены гнить в Кронштадте все прекрасные корабли, которые были построены по приказу царя, что я видел сам с возмущением... Если верить служащим Адмиралтейства, все находится в ужасном беспорядке»⁶³. Не исполнен план Петра по строительству Петербурга, Академия наук находится в полном беспорядке, построенный при Петре Ладожский канал не оправдывает тех средств, что потратили на его строительство, к тому же при этом погубили огромное количество людей... Петр не понял свой народ, и народ не понял

⁵⁹ (Locatelli F.) Op. cit. P. 50–51.

⁶⁰ Ibid. P. 228–229.

⁶¹ Ibid. P. 113.

⁶² Я. Штелин записал со слов П.И. Ягужинского «анекдот» о том, как Петр приказал ему написать указ, что каждый, укравший на сумму, превышающую стоимость веревки, будет повешен. На что Ягужинский ответил: «Государь, неужели вы хотите остаться императором один без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». См.: Штелин Я. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом. СПб., 1786. С. 124–125.

⁶³ (Locatelli F.) Op. cit. P. 231.

реформатора. «Они мечтают только о том, чтобы вернуться к своим старым обычаям, ненавидят все нововведения последнего времени»⁶⁴.

Реформы Петра I оценивались в «Московитских письмах» с точки зрения того положения, в котором оказалась Россия при Анне Ивановне (Иоанновне). Мнение Локателли в данном случае не расходится с общепринятым, и автору, проведенному год в заключении, нельзя отказать в некоторой проницательности. «В России все важные дела находятся в руках иностранцев, которые очень ревниво относятся к своей власти»⁶⁵. Сенат, напротив, свою власть утратил. Сенатские чиновники глупы и высокомерны, все дела откладываются ими на завтра. Коллегии являются марионетками в руках министров-иностранцев. Губернаторы ничего не делают без указки сверху. «Московиты находятся под игом иностранцев. Их можно было бы пожалеть, если бы они того заслуживали», — подытоживал автор. Власть иностранцев держится на всеобщем рабстве, все шпионят друг за другом. Но в народе живет общая ненависть к иностранцам.

Книгу Локателли можно было бы принять за излияние души обиженного человека, за горестные заметки о России — то легкомысленные, то проницательные. Но в ней имелось и нечто более опасное для русских властей, чем брань в адрес русского народа и «господ чужестранных в российской службе». И дело не только в том, что распространение книги в Европе могло усугубить неблагоприятное впечатление о России, а потому, как писал Кантемир, «трудно будет вызывать отовсюду мастеровых людей в службу». После первого столкновения России и Франции в войне за польское наследство во французской публицистике устами автора «Московитских писем» впервые отчетливо прозвучали две мысли: об агрессивности России, опасной для всей Европы, и о том, что Россия является колоссом на глиняных ногах, что ее могущество эфемерно, и европейские армии легко могут поставить ее на место силой своего оружия. Россия имеет планы распространить свое владычество на соседние территории. Русские уже завоевали прекрасные провинции, которые прокладывают им путь в Германию. Они давно пытаются главенствовать на Балтике. Весь мир является свидетелем тирании, которую они творят в Польше, посеяв несогласие в этом королевстве. Следует опасаться, как бы русские не проникли дальше в Европу, истребляя там все огнем и железом⁶⁶.

Логика автора не безупречна, когда он после заявлений о воинственности России писал о военной слабости русских. Локателли был последователен лишь в своей ненависти к России. «В действительно-

⁶⁴ Ibid. P. 141.

⁶⁵ Ibid. P. 107.

⁶⁶ Ibid. P. 141.

сти эта монархия представляет собой лишь призрак могущества, который может существовать только в представлении тех, кто не имеет о ней никакого представления»⁶⁷. Далее следуют разъяснения автора: Россия обширна, но она слабо населена, в ней населения меньше, чем в Германии; русская армия сравнительно невелика, около ста тысяч человек; русский флот вскоре полностью развалится; а главное — русские очень плохие воины, они трусливы по своей природе. «Если бы все знали, как я, трусость этого народа, то в Европе бы имели о нем совсем другое мнение, чем то, которое сформировалось в последнее время»⁶⁸. Русская армия хорошо одета, но очень плохо оплачивается. Ни солдаты, ни офицеры почти не получают денег. Правда, москвиты довольствуются малым: хлеб, соль, вода — их обычная еда. «Если бы можно было поместить другие души и умы в эти крепкие тела, это были бы отличные воины». Пока все держится лишь на страхе. Под Нарвой «горсточка смелых шведов обратила в бегство армию в 100 тысяч человек», после чего Петр искал способ, чтобы препятствовать бегству войска. Он не нашел ничего лучшего, как сформировать вторую линию сзади каждого батальона и эскадрона, приказав солдатам стрелять в каждого, кто попытается бежать.

Откровенно подстрекательская позиция автора, призывающего европейцев взять реванш за все поражения, мечтающего дожить до того времени, когда русские «будут загнаны в свои леса, в которых они прятались целые века», делала книгу Локателли особенно одиозной в глазах русских правителей. Правительству Анны Ивановны (Иоанновны) не могли понравиться и слова о том, что дочь Петра Великого Елизавета «имеет неоспоримые права на эту корону», но в России с ней обходятся плохо: «она не имеет возможности вести достойное существование и поддерживать своих старых слуг, у нее нет своего двора, она покинута всеми». Такое положение должно, по мнению Локателли, вызвать мщение. Если москвиты окажут поддержку Елизавете и выйдут из иностранного рабства, то министрам-иностранцам «не миновать грозы»⁶⁹.

А. Кантемиру не удалось предотвратить английское издание книги Локателли. В 1738 г. вышел немецкий перевод «Московитских писем» с прибавлением подробных возражений, подготовленных по указанию русского правительства⁷⁰. Автором «опровержения» был А. Кантемир⁷¹, а перевод его на немецкий язык был сделан секретаря-

⁶⁷ (*Locatelli F.*) Op. cit. P. 193.

⁶⁸ Ibid. P. 187.

⁶⁹ См.: (*Locatelli F.*) Op. cit. P. 348–351.

⁷⁰ Die sogenannte Moscovitische Brieffe... Franckfurth und Leipzig, 1738.

⁷¹ См.: *Оболенский М.А.* Дополнительные разыскания... С. 8; *Крестова Л.В.* Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике

рем русского посла Г. Гроссом⁷². Книга Локателли была запрещена в России до конца XIX в.

Локателли, выпуская антирусскую книгу, похоже, участвовал в определенной политической игре и учитывал конъюнктуру — заметное ухудшение в первой половине 1730-х гг. русско-французских отношений.

Когда дипломатические отношения между Россией и Францией были прерваны, в Петербурге для секретных переговоров с марта по сентябрь 1738 г. побывал граф Тома Артур де Лалли, барон де Толлендаль (Thomas Arthur de Lally, baron de Tollendal, 1702—1766)⁷³. Он составил записку для министра иностранных дел кардинала де Флери, в которой развивал мнение, что Российское государство и общество деградируют после смерти Петра I. «Царь Петр I вел 23 года непрерывные войны против Турции, Персии, Швеции, татар и калмыков, которых он подчинил своей власти; создал в то же время огромный флот; строил порты и города, заводил училища для усовершенствования искусств и наук и привлек в свое государство изумительное множество иностранцев, которым платил огромное жалование. При всем том, умирая, он оставил значительные суммы, достаточные для окончания задуманных им предположений. Кажется, что последующие три царствования (Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны. — С.М.) употребили все усилия, чтобы уничтожить даже следы основанных Петром учреждений: морские силы совершенно уничтожены, мануфактуры в упадке, искусства и науки в небрежении, кредит потрясенный, казна истощенная»⁷⁴.

В то время, когда Локателли находился под арестом, в Петербурге неожиданно для самого себя побывал подполковник Блезуасского полка Филипп Шарль д'Агей де Мион (Philippe Charles d'Agay de Myon)⁷⁵. В ходе войны за Польское наследство на помощь избранному королю Станиславу Лещинскому, осажденному русскими войсками в Данциге, прибыла французская эскадра. С нее высадился десант под руководством бригадира Ламотта де Ла Пейруза, который попытался прорваться в осажденный город. Один из руководителей десанта хвастливо заявлял: «Я сожалею, что мы пойдем против них (русских. — С.М.) с оружием в руках, нам было бы достаточно палок, чтобы их разогнать».

первой половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958.

⁷² Современные немецкие исследователи считают Г. Гросса автором примечаний. См.: *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin (Ost), 1973. S. 157; *Matthes E.* Op. cit. S. 324—335.

⁷³ См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* Vol. 2. P. 455.

⁷⁴ Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 гг. СПб., 1762. С. 23—24.

⁷⁵ См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* Vol. 2. P. 5—6.

Однако силы были неравны, и под угрозой уничтожения французский отряд капитулировал. Пленные французы были посажены на русские корабли и отправлены в Кронштадт. Сначала их разместили в специальном лагере в Копорье, затем перевели на квартиры в Нарве. Они пробыли в России с середины июля до начала ноября 1734 г. Русские власти обращались с французами весьма учтиво, стремились привлечь их на свою службу⁷⁶. Бригадир Ламотт и десять офицеров, в том числе Агей де Мион, были приглашены в Петербург ко двору Анны Ивановны (Иоанновны). Императрица принимала их в своих дворцах и угощала обедом, вельможи следовали ее примеру. Французов знакомили с достопримечательностями русской столицы. В конце концов, военно-дипломатический конфликт был урегулирован и французов отпустили на родину. Позже на основе дневниковых записей подполковник д'Агей де Мион составил рассказ под названием «Московитское путешествие», который увидел свет лишь в 1899 г.⁷⁷, а его краткий пересказ тогда же был опубликован по-русски⁷⁸.

Повествование французского офицера не претендует на литературность, выглядит простым и безыскусным. Оно является результатом непосредственного восприятия необычной страны. Рассказ не обременен книжными стереотипами и политическими видами. Автор не испытывал озлобления по отношению к пленившим его русским. Тем не менее менталитет француза, полагающего свою страну центром цивилизованного мира, и некоторые ходячие представления о русских порядках проявились в «Московитском путешествии» наряду с наблюдениями очевидца.

Неожиданно оказавшись в России (по условиям капитуляции их должны были высадить в шведском порту), французские пленники были уверены, что их отправят в Сибирь. Автор был удивлен смелыми речами русского адмирала И.М. Головина, осуждавшего несоблюдение этих условий. Француз был наслышан, что в России «малейшее слово против правительства наказывается Сибирью, куда посылают всех преступников и государственных заключенных, чтобы работать на рудниках, и откуда никто не возвращается»⁷⁹.

В Копорье д'Агей де Мион наблюдал жизнь русских мужиков и солдат. Мужики удивили его своей внешностью: «варварским и диким видом». Церковные обычаи «схизматиков» (крещение, поминки на кладбище) также показались ему нелепыми. Русская еда (хлеб по-

⁷⁶ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. С. 29.

⁷⁷ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie // Revue hebdomadaire.* 1899. № 19. P. 178–205; № 20. P. 317–344; № 21. P. 474–500.

⁷⁸ *Тимирязев В.А. Иностранцы о России // Исторический вестник.* 1899. Т. 78. № 11. С. 723–731.

⁷⁹ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 20. P. 326–327.

лусьрой, черный и кислый, пиво и водка) была не по вкусу французам; пищу европейского качества они нашли лишь в Нарве, однако вино казалось им слишком дорогим. Удивлял обычай париться в бане, а затем бросаться зимой в прорубь — автор писал об этом, хотя провел в России лишь лето и осень. Близко наблюдая жизнь крестьян, д'Агей де Мион оказался среди первых французов (наряду с Ж. Жюбе), кто писал о крепостном состоянии сельских жителей: «Крестьянин в этом месте, как и повсюду в России, является рабом: господин покупает семью или несколько семей, чтобы поселить на своей земле; они размножаются, передаются по наследству и образуют колонию в деревне; господин является их сувереном и платит подушную подать царице»⁸⁰. Земля принадлежит помещикам, на ней работают крестьяне, которых господин может наказывать по своему усмотрению.

Русские солдаты, по мнению французского наблюдателя, были хорошо экипированы и вооружены, непритязательны в еде и выносливы. Солдаты показывали хорошую выучку и прекрасно владели оружием. Их наказывали за малейшие ошибки. Однако они легко и спокойно переносили наказание батогами, а наказание кнутом могло завершиться смертью, хотя такое случалось редко⁸¹. В столице для французских офицеров устраивали смотр гвардейских полков и показательные учения кадетов. Проход конногвардейцев произвел самое благоприятное впечатление. Автор признал, что они ни в чем не уступают французской кавалерии⁸². В манеже французам продемонстрировали прекрасных лошадей фаворита Бирона.

Пребывание в Петербурге французских офицеров было заполнено приемами, обедами, смотрами войск, увеселительными прогулками. Д'Агей де Мион описал аудиенции у императрицы, встречи с А.И. Остерманом, Э.И. Бироном, Р.Г. Левенвольде, Б.К. Минихом и др. Французов поразили великолепие царских апартаментов и роскошь одежды придворных. В окружении Анны Ивановны (Иоанновны) обращали на себя внимание две принцессы, возможные наследницы престола. Анна Леопольдовна — молодая и красивая, но стесняющаяся много говорить по-французски. Ее «поддерживают при дворе все иностранцы, которые управляют царицей»⁸³, — подметил автор. Принцесса Елизавета, оказавшая самый теплый прием французам, напротив, показалась очень общительной. «Ей около тридцати лет. Она довольно высокого роста, но немного полновата, у нее черные волосы»⁸⁴ и такие же

⁸⁰ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 20. P. 343. Автор допускает неточность: на деле подушную подать платили крестьяне под контролем помещиков.

⁸¹ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 20. P. 335–337.

⁸² *Ibid.* № 21. P. 487–488.

⁸³ *Ibid.* P. 491.

⁸⁴ Ошибка автора. Елизавета Петровна имела светло-каштановые волосы.

широко раскрытые глаза. У нее очень белая кожа и лучший цвет лица. Она наделена бесконечной грацией в движениях; ее полнота не мешает ей казаться прекрасно сложенной. Это одна из красивейших женщин на свете»⁸⁵. Эту принцессу, отмечает автор, очень любит русский народ, но императрица ее не жалует, предпочитает ей Анну Леопольдовну, которой и намерена передать корону.

Наконец, в сочинении д'Агей де Миона имеется вразумительное описание Петербурга 1734 г., которое вполне могло бы дополнить известный сборник Ю.Н. Беспятых⁸⁶.

При всей своей непосредственности и простоте повествование Агей де Миона содержит набор типичных для французской роскики замечаний: варварство простого народа, засилье иностранцев при дворе, ссылки в Сибирь и наказание кнутом, русские бани. Выказал он и обычную для французов симпатию к личности Елизаветы Петровны.

С идеей о деградации петровского наследия и о всевластии иностранцев в России, с надеждой на переворот в пользу Елизаветы Петровны связывал свой приезд в Петербург в конце 1739 г. французский посол де Ла Шетарди. Жак Иоахим Тротти, маркиз де Ла Шетарди (Jacques Joachim Trotti, marquis de La Chétardie, 03.10.1705 – 01.01.1759)⁸⁷ родился в Париже в дворянской семье, начал свою дипломатическую карьеру в Пруссии (1731–1738), а в июле 1739 г. был назначен чрезвычайным и полномочным послом при дворе российской императрицы Анны Ивановны (Иоанновны). Это назначение последовало после длительного охлаждения русско-французских дипломатических отношений и их полного прекращения из-за вооруженного конфликта в ходе войны за Польское наследство 1733–1734 гг.⁸⁸ Затем французская дипломатия выступила посредником при заключении Белградского мира России с Турцией (1739). Хотя этот мир оказался крайне невыгодным для России, обе стороны – Россия и Франция – посчитали французское посредничество поводом для возобновления нормальных отношений.

⁸⁵ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 21. P. 489–490.

⁸⁶ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.

⁸⁷ *Фурсенко В.* Шетарди // Русский биографический словарь. Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 245–267; *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995. С. 32–49; *Он же.* «Одиссея» маркиза де Ла Шетарди в России (1739–1744) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 165–191; *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Vol. 1–2. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 796–797.

⁸⁸ О русско-французских отношениях середины XVIII века см.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии; *Он же.* Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762. М., 2010.

Шетарди прибыл в Петербург в конце декабря 1739 г. Сблизившись с великой княжной Елизаветой Петровной, он (в союзе со шведским послом бароном Э.М. Нолькеном) стал одним из вдохновителей дворцового переворота 25 ноября 1741 г., который привел ее к власти. Впрочем, роль Шетарди в перевороте была не настолько существенной, чтобы утверждать, что «именно благодаря Франции дочь Петра взошла на престол»⁸⁹. Позже дипломат упрекал свое министерство за то, что оно отказало в просьбе принцессы Елизаветы одолжить ей 15 тыс. дукатов⁹⁰. Едва ли можно согласиться с Ф.Д. Лиштенан и в том, что «французы... хотели видеть в союзницах страну просвещенную, сильную, современную, прогрессивную»⁹¹. Целью Франции и ее дипломатов было «истощить силы» России, поставить ее в полную зависимость от короля, и тем самым избавиться от могущественного врага.

В начале нового царствования Шетарди занимал выдающееся место при дворе, на некоторое время стал, по выражению английского дипломата, «первым министром» Елизаветы Петровны. Однако открытая защита интересов Швеции вскоре отдалила его от императрицы, и он, нагруженный ее подарками, вынужден был покинуть Петербург в сентябре 1742 г. Через год (это был благоприятный момент после раскрытия заговора маркиза Ботты, когда Австрия и ее сторонники в России попали под подозрение императрицы) он вернулся в русскую столицу в надежде возродить свое влияние при дворе. Сторонник союза с Австрией (Священной Римской империей германской нации) и главный противник Шетарди А.П. Бестужев-Рюмин сумел дешифровать донесения французского дипломата, из которых было ясно, что тот печется об интересах врагов России, вмешивается во внутренние дела и позволяет оскорбительные высказывания в адрес императрицы. Вследствие этого Шетарди был выслан из России в 24 часа 17 июня 1744 г. У бывшего друга императрицы отобрали знаки ордена Андрея Первозванного, миниатюрный портрет Елизаветы и подаренную ею табакерку. Была направлена специальная нота французскому правительству, которое для вида подвергло неудачливого дипломата временному аресту.

Красивый, обладавший утонченными манерами и красноречием Шетарди всем своим видом и поведением стремился дать «понять русским... что такое Франция». В своих действиях маркиз проявил себя как человек крайне расточительный, тщеславный и самовлюбленный. Особое внимание он уделял одежде, церемониалу, тонкостям этикета. Не лишенный наблюдательности и остроумия он во многих случаях

⁸⁹ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 236.

⁹⁰ Сб. ИРИО. СПб., 1899. Т. 105. С. 226.

⁹¹ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. С. 28.

судил и поступал легкомысленно. Эти личные качества проявились и в его сочинениях.

Выписки из донесений маркиза де Ла Шетарди впервые были сделаны А.И. Тургеневым (1784–1846), однако Николай I запретил их публикацию, считая, что эти материалы «оскорбительны для России и не имеют исторической важности»⁹². Уже в 1862 г. эти выписки были переведены и опубликованы П.П. Пекарским в сопровождении содержательных комментариев⁹³. Инструкции, данные Шетарди французским правительством, были опубликованы А. Рамбо⁹⁴. Наконец, научная публикация донесений Шетарди была осуществлена Г.Ф. Штендманом⁹⁵.

Смерть императрицы Анны Ивановны (Иоанновны), воцарение Ивана Антоновича и регентство Бирона, ссылка последнего, возвышение и падение Миниха, регентство Анны Леопольдовны, подготовка и осуществление переворота 25 ноября 1741 г., начало правления Елизаветы Петровны – эти события нашли отражение в письмах Шетарди министру иностранных дел Ж.Ж. Амело де Шайу. Подчас французский наблюдатель проявлял прозорливость. Так, незадолго до кончины Анны Ивановны (Иоанновны) Шетарди довольно точно предсказал расстановку сил при дворе после ее смерти и возможные политические последствия (борьба между Остерманом и Минихом и стремление Анны Леопольдовны к личной власти)⁹⁶. Однако в деле возведения на престол Елизаветы Петровны, одним из инициаторов и вдохновителей которого он сам являлся, он проявлял поразительное непонимание реальной ситуации, когда за день до переворота сомневался в его успехе и рассуждал о том, не является ли «партия» принцессы «порождением фантазии», и больше рассчитывал на военную помощь шведов⁹⁷. Шетарди разделял мнение о нестабильности власти и легкости переворотов в России: «Здесь солдатчина и отвага нескольких низших гвардейских офицеров производят и в состоянии произвести величайшие перевороты»⁹⁸. И в то же время он полагал, что «здесь труднее, чем в какой-либо дру-

⁹² См.: *Искюль С.Н.* Александр Иванович Тургенев. 1784–1845 // Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке / Пер. с франц. Д.В. Соловьева. СПб., 2005. С. 33.

⁹³ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге издал с примечаниями и дополнениями П. Пекарский. СПб., 1862.

⁹⁴ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France*. Т. 1–30. Paris, 1890. Т. 8 (1). P. 341–353.

⁹⁵ Сб. ИРИО. СПб., 1893. Т. 86; СПб., 1894. Т. 92; СПб., 1896. Т. 96; СПб., 1897. Т. 100; СПб., 1899. Т. 105 (в двух последних томах донесения публиковались без перевода).

⁹⁶ Там же. Т. 86. С. 559–563.

⁹⁷ Там же. Т. 96. С. 609.

⁹⁸ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 374; Сб. ИРИО. Т. 96. С. 557.

гой стране подбить на неверное предприятие; власть здесь безгранична, и естественно, что даже самый неустрашимый человек, если не трусит за себя, то поколеблется и будет осторожен, когда вспомнит, что от сомнительной приверженности зависит пожертвование своей жизнью, имуществом и всем семейством до четвертого колена»⁹⁹.

Подстрекая шведское правительство к войне с Россией, Шетарди в своих посланиях сообщал о ничтожестве русской армии и флота, отсутствии денег, офицеров и матросов («нельзя выразить, как плохи у них лошади и оружие... русские морские силы без матросов... это государство не так страшно, как бы оно желало то показать... полки в жалком виде»)¹⁰⁰, а после воцарения Елизаветы распространялся о могуществе России, за что получил выговор от своего министра¹⁰¹.

Историки, изучавшие депеши Шетарди, отмечали, что они «мало касались внутренней жизни страны» (Иконников), «являлись повторением общих мест» (Фурсенко). Эти общие места (топосы), суждения о России, которые в значительной степени разделяли и другие представители французской россики середины XVIII в., также заслуживают внимания.

Россия ни в чем не похожа на другие европейские страны – эта мысль, пожалуй, является лейтмотивом писем Шетарди. Само познание России, по его мнению, затруднено: «страх и рабство парализуют всякое содействие» в сборе информации¹⁰². Нет возможности иметь корреспондентов в провинции из-за громадного пространства земель и слабых связей между областями.

В понимании того, что отличает Россию от европейского мира, французский дипломат не оригинален: это деспотизм власти и рабство всего населения без различия сословий. Господа полностью лишают своих крестьян прибыли, поэтому народ не склонен к предпринимательству и терпеливо сносит нищету. Промышленность в стране не развита, торговля в упадке, да и та, что есть, находится в руках англичан и голландцев. Отсюда же проистекает недостаток финансов¹⁰³. Русские дворяне только по имени являются знатными, «в действительности же они рабы, и так свыклись с рабством, что большая часть из них не чувствуют своего положения»¹⁰⁴. «Народ привык к неволе, к низкому бесчестному раболепию перед тем, кто всего более ему делает зла»¹⁰⁵. А это зло исходит от самого правительства: «Этот народ...

⁹⁹ Сб. ИРИО. Т. 96. С. 609.

¹⁰⁰ Там же. С. 172–173.

¹⁰¹ Там же. Т. 100. С. 38.

¹⁰² Там же. Т. 86. С. 302.

¹⁰³ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 79–80.

¹⁰⁴ Там же. С. 74.

¹⁰⁵ Там же. С. 117.

управляется безрассудством, которое, кажется, основало здесь свое владычество, нисколько не печалась о том, что крайности, до которых оно уже доходит, могут повергнуть эту страну в ее первоначальное состояние невежества»¹⁰⁶. Как и другие французские наблюдатели, Шетарди развивал тему иностранного владычества в России, писал об «иностранном правительстве» и «чужеземном иге»: «горсть иностранцев... завладели здесь властью, унижая народ»¹⁰⁷. Однако не одно сочувствие к русскому народу побуждало французских дипломатов постоянно педалировать тему иностранного засилья. Власть «немецкого правительства» ассоциировалась у них с влиянием враждебной Вены, с русско-австрийским союзом. Французская дипломатия исходила из того, что «система Петра Великого состояла в тесном союзе с Францией и Пруссией»¹⁰⁸.

Возвращение к «системе Петра Великого», как во внешней, так и во внутренней политике французские дипломаты давно связывали с приходом к власти Елизаветы Петровны. К достижению этой цели Шетарди приложил немало усилий. Он полагал: «если Елизавета придет к власти, любовь к своему народу побудит ее к удалению иностранцев. Уступая своей и народной склонности, она переедет в Москву. Знать обратится к своим хозяйственным занятиям, от чего была долго оторвана. Морские силы будут пренебреженны, и Россию увидят постепенно обращающуюся к старине... которая существовала до Петра I»¹⁰⁹. Идея о том, что возвращение к национальным принципам в политике приведет к деградации страны, к подчинению ее интересам Франции, оказалась иллюзорной. Сам Шетарди был вынужден констатировать: «Мало знают Россию, если станут заблуждаться насчет значения иностранного вмешательства...»¹¹⁰

На примере писем Шетарди можно увидеть, как идея русской угрозы для Европы странным образом сосуществовала с утверждением о слабости России. В этом смысле он был столь же непоследовательным, как Локателли. С одной стороны, он с тревогой писал: «Степень могущества, которой достигла Россия, в состоянии нарушить и поколебать равновесие на Севере»¹¹¹. Однако это могущество виделось ему воображаемым: «Они в опьянении от своего величия. Хотят предписывать законы всей Европе. При малейшем поражении они перейдут из одной крайности в другую и будут чрезмерно уважать

¹⁰⁶ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 120; Сб. ИРИО. Т. 86. С. 574.

¹⁰⁷ Сб. ИРИО. Т. 96. С. 446.

¹⁰⁸ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 314.

¹⁰⁹ Там же. С. 248. Сб. ИРИО. Т. 96. С. 131.

¹¹⁰ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 494.

¹¹¹ Там же. С. 97.

других». «Ошибочно представляю себе страшилищем Московское государство»¹¹².

Страх Сибири, наказание кнутом, низкая ценность человеческой жизни — эти привычные штрихи также присутствуют в образе российского общества, созданном в депешах Шетарди.

Своеобразным дублером Шетарди на посту дипломатического представителя Франции в России был Луи д'Юссон, граф Дальон (Louis d'Usson, comte d'Allion, 1705—1760)¹¹³. Этот дипломат впервые побывал в России в 1724 г., когда его дядя Жан Луи д'Юссон де Боннак, бывший послом Франции в Турции, отправил своего племянника с поручением ко двору Петра I. С конца 1739 г. он исполнял обязанности секретаря Шетарди, который характеризовал коллегу как человека, знающего Россию, честного, усердного и преданного интересам короля¹¹⁴. После первого отъезда Шетарди из России Дальон был назначен в августе 1742 г. посланником при дворе Елизаветы Петровны. Когда в ноябре 1743 г. Шетарди возвратился на свой прежний пост, дипломаты не ладили между собой, и в драке Дальон шпагой поранил своему начальнику руку, после чего вынужден был покинуть Петербург. После высылки Шетарди Дальон вернулся в Россию в ноябре 1744 г. в ранге полномочного посла. Хотя Дальон был уполномочен королем признать императорский титул Елизаветы Петровны, он не принадлежал к числу ее любимцев и не имел к ней прямого доступа. Болтливый и неосторожный в своих высказываниях, не слишком любезный с дамами, неопрятный, он получил прозвище «французский дурень», «обезьянья рожа». М.П. Бестужев говорил, что «Дальон незаметно готовит себе дорогу в Сибирь». На самом деле Дальон был неглуп и умел анализировать происходящее, но при этом был вспыльчив, бестактен, не обладал талантом царедворца. Помимо дипломатии он занимался коммерцией — торговал в своем особняке пудрой, помадой и табаком без уплаты таможенной пошлины¹¹⁵. Наметившийся было при Шетарди франко-русский союз, основанный на его участии в перевороте 1741 г., изворотливости и интригах, не получил развития при Дальоне. Французское посредничество в русско-шведской войне (1741—1743) было отклонено, а в продолжавшейся войне за Австрийское наследство (1740—1748) Россия поддержала императрицу Марию-Терезию в противовес Франции и Пруссии. Между тем Дальон находился под влиянием прусского посла Мардефельда. Французский посол оставил свой пост в Петербурге в декабре 1747 г. Его ненадолго сменил консул Жан-Батист Декюри де Сен-Совер, не имевший ника-

¹¹² Там же. С. 220, 221.

¹¹³ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 804.

¹¹⁴ Сб. ИРИО. Т. 100. С. 293.

¹¹⁵ *Литтенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. С. 117.

кого веса в политических делах. В июне 1748 г. Версаль на несколько лет порвал отношения с Россией.

Послания Дальона французским министрам иностранных дел Амело де Шайу и д'Аржансону¹¹⁶ содержали сведения о текущих делах в России и поступающих в Петербург внешнеполитических новостях. Ограниченный в средствах, Дальон понимал, что своими интригами он не сможет изменить политическую ситуацию в России, а потому высказывал «свою слабую идею», что Франция не нуждается во внутренних смутах при русском дворе¹¹⁷. Его депеши кажутся прагматичными по сравнению с галантными и витиеватыми эпистолами Шетарди, их отличает заинтересованность в торговых делах и в заключении торгового договора, который мог бы стать шагом к политическому союзу с Россией¹¹⁸.

Впрочем, Дальона интересовали и общие вопросы политического развития России, о чем свидетельствует, например, приложенная к депеше от 19 января 1743 г. рукопись «Размышление отшельника», содержащая критику политического курса Елизаветы. Записка для конспирации была представлена как сочинение русского автора¹¹⁹. Министр, хотя и одобрил замечания Дальона, но не рекомендовал ему впредь давать императрице советы, касающиеся «столь деликатной материи»¹²⁰. Не избегал Дальон и рассуждений о судьбе реформ Петра I. В марте 1743 г. он писал, что после окончания войны со Швецией все русские будут желать лишь отдыха, а императрица — удовольствий. Страна погрузится в покой, нарушаемый лишь внутренними волнениями, и обратится в прежнее ничтожество, из которого ее извлек Петр Великий¹²¹.

Пауза в русско-французских дипломатических отношениях продолжалась до 1756 г. Однако в условиях опасного для обеих стран усиления Пруссии Фридриха II вновь появилось стремление к взаимному сближению России и Франции.

В октябре 1755 г. в Петербурге побывал агент тайной дипломатической службы Людовика XV (так называемого «секрета короля») шотландец шевалье Александр Пьер Макензи Дуглас (Alexandre Pierre Mackensie Douglas, 1713—1765)¹²². Ему удалось встретиться с вице-канцлером М.И. Воронцовым, который заверил его в желательности продолжения русско-французского политического диалога. В преддверии Семилетней войны Франция, готовая заключить антипруссский союз

¹¹⁶ Сб. ИРИО. Т. 100; Т. 105.

¹¹⁷ Там же. Т. 105. С. 15.

¹¹⁸ Там же. С. 403—410, 549—567.

¹¹⁹ Там же. Т. 100. С. 480—484.

¹²⁰ Там же. С. 513, 532.

¹²¹ Там же. С. 520.

¹²² Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 555—556.

с Австрией (Версальский договор 1 мая 1756 г.), получивший название дипломатической революции, считала целесообразным восстановить дипломатические отношения и с Россией, давней союзницей венского двора. Для подготовки обмена посольствами в русскую столицу вновь был направлен шевалье Дуглас. На этот раз он пробыл в Петербурге с апреля 1756 г. по август 1757 г. При его участии, хотя и с большими трудностями, было оформлено присоединение России к Версальскому договору. Во время своего пребывания в России Дуглас должен был собирать информацию о положении русской армии и флота, о состоянии финансов и торговли, о русских государственных деятелях и фаворитах императрицы, о дворе наследника престола. Насколько шотландец справился с этим заданием, сказать трудно, поскольку депеши Дугласа остаются неопубликованными. В определенной степени эту задачу информирования правительства удалось решить его помощнику шевалье д'Эону де Бомону, прибывшему в Петербург в августе 1756 г.

Шарль Женевьев Луи Огюст Андре Тимоте, шевалье д'Эон де Бомон (Charles Geneviève Louis Auguste André Thimothée, chevalier d'Éon de Beaumont, 1728–1810)¹²³ — один из знаменитых авантюристов века Просвещения. Его имя давно попало на страницы исторических исследований и романов. Известный французский писатель Фредерик Гайярде опубликовал вымышленные «Мемуары шевалье д'Эона»¹²⁴, в которых описывал приключения юного кавалера в женском обличье при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны. Миф о шпионе, проникшем под видом девушки в спальню русской императрицы, был развеян еще в классической работе А. Вандаля¹²⁵. Достоверные сведения о жизни и сочинениях шевалье д'Эона можно найти в работах П.П. Черкасова¹²⁶, А.Ф. Строева¹²⁷, Ф.-Д. Лиштенан. Между тем его сочинения, созданные во время пребывания в России, стали известны исследователям совсем недавно. В 2006 году Лиштенан опубликовала «Записку о России в 1759 году шевалье д'Эона»¹²⁸. В 2016 г. автор этих слов получил от французских экспертов по антиквариату Рока

¹²³ Ibid. P. 305–307.

¹²⁴ *Gaillardet F. Mémoires du chevalier d'Éon, publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille, et d'après les matériaux authentiques déposés aux Archives des affaires étrangères. Paris, 1836. T. 1–2.*

¹²⁵ *Vandal A. Louis XV et Élisabeth de Russie. Étude sur les relations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle d'après les Archives du Ministère des affaires étrangères. Paris, 1882. P. 223, 265–269, 300–310.*

¹²⁶ *Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. С. 98–100.*

¹²⁷ См.: *Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. С. 108–115 и др.*

¹²⁸ *En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / présenté et annoté par Francine-Dominique Liechtenhan. Paris, 2006.*

де Колиньи и Гули Маретт транскрипцию рукописи XVIII в. «Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies»¹²⁹ («Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»), которую они атрибутировали как сочинение того же автора. Это произведение французской россики до сих пор не было известно исследователям. Сведения о дворе императрицы Елизаветы Петровны были собраны шевалье д'Эоном во время его пребывания в Петербурге с августа 1756 г. по июнь 1757 г. Текст составлен в Париже, где летом 1757 г. находился шевалье между двумя поездками в Россию. Сочинение относится к популярному в XVIII в. жанру анекдотов — «неопубликованных», устных рассказов о скрытых, неизвестных сторонах жизни известных людей. Рассказы посвящены следующим сюжетам: распорядок дня императрицы, ее стол, фавориты, круг общения императрицы (вельможи, статс-дамы, фрейлины, артисты, дипломаты), одежда императрицы и придворных, приемы во дворце, дипломатические приемы, опалы и наказания, ссылка в Сибирь, личные качества императрицы, театр в Петербурге, придворные свадьбы, гвардия. В центре повествования находится личность императрицы Елизаветы Петровны.

В отличие от «Анекдотов» «Записка о России в 1759 году» претендует на обобщение сведений о России. Сам автор указывал, что в первом случае он выступал как литератор, а во втором — как государственный деятель¹³⁰. «Записка» была составлена во время повторного пребывания д'Эона в России в качестве первого секретаря французского посольства с сентября 1757 г. по август 1760 г.¹³¹ Д'Эон включил в нее информацию, которая могла бы быть полезной для руководителей внешнеполитического ведомства и для короля.

Как свидетельствуют комментарии Лиштенан, сведения о географии и истории России автор почерпнул из известных сочинений Д. Перри и Ф.И. Страленберга, которые давно были переведены на французский язык. Другие разделы «Записки», посвященные природным ресурсам страны, Петербургу, Академии наук, правительственным учреждениям, финансам, армии и флоту, торговле и мануфактурам, имеют более оригинальный характер. Автор подчеркивал трудность сбора такого рода информации в России из-за невежества и подозрительности русских, которые к тому же склонны к преувеличенному мнению о собственной стране¹³². Д'Эон, как и многие его

¹²⁹ Рукопись. Личный архив автора.

¹³⁰ En Russie au temps d'Élisabeth. P. 16.

¹³¹ А.Ф. Строев справедливо полагает, что «Записка» была написана до марта 1758 г., скорее всего, в июле — сентябре 1757 г.: *Строев А.Ф.* Русские царицы глазами кавалер-девицы // Россия в XVIII столетии / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Вып. 4. М., 2013. С. 110—111.

¹³² En Russie au temps d'Élisabeth. P. 84.

предшественники, указывал на необходимость установления прямой торговли между Россией и Францией, которые имеют обоюдную заинтересованность в производимых в их странах товарах, но вынуждены терпеть большие убытки из-за посредников¹³³. Особое внимание он уделил описанию двора, вельмож, их связей и интересов (в этом плане «Записка» является своеобразным продолжением «Анекдотов»). Амбициозный автор стремился показать, что благодаря своим дипломатическим талантам он вхож в высшее общество Петербурга.

К двум названным сочинениям шеваляе д'Эона примыкают его записки «Персоны первых рангов этого двора» (1759) с характеристикой главных лиц из окружения Елизаветы Петровны и «Размышление о легкости переворота в России по смерти императрицы с планом, которому должно следовать для достижения успеха, и о возможности его дальнейшего исполнения» (март 1762). Этот сочиненный задним числом план указывал на возможность составить заговор русских вельмож в пользу великого князя Павла Петровича с целью введения в России «свободного» правления по образцу Польши и Швеции, которое привело бы страну к анархии и ослаблению¹³⁴. Д'Эон мечтал занять место французского посла в России и вдохновлялся примером де Ла Шетарди, также полагававшего в свое время, что дворцовый переворот приведет страну к ослаблению и восстановлению допетровских порядков¹³⁵. Это была одна из «вечных» идей французской дипломатии при Людовике XV.

Дипломатическая корреспонденция французского посла Поля Франсуа Галлюси, маркиза де Лопиталья (Paul François Galluci, marquis de L'Hôpital, 1697–1776)¹³⁶, занимавшего этот пост с июня 1757 г. по январь 1760 г., частично опубликована А. Рамбо¹³⁷. В его депешах информация о текущих придворных событиях, личные характеристики императрицы и ее окружения перемежаются с сообщениями о действиях русской армии против Фридриха II. Старый вояка маркиз не был склонен к активным интригам при русском дворе. «Я, конечно, знаю сильные и слабые стороны этого двора, но я не могу изменить ни форму правления, ни характер людей, которые влияют на большую политику»¹³⁸, — писал он. Его донесения дополняются относящимися к тому же времени записками дипломатов д'Эона и Мессельера.

¹³³ Ibid. P. 124.

¹³⁴ Ibid. P. 141–170, 141–170.

¹³⁵ Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 96. С. 131, 170.

¹³⁶ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 353–355.

¹³⁷ Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France. Paris, 1890.

Т. 8 (2). P. 31–102.

¹³⁸ Ibid. P. 97.

Луи Александр Фротье де Ла Мессельер (Louis Alexandre Froitier de La Messelière, 1710–1777)¹³⁹ к моменту приезда в Россию сделал военную карьеру и занимал высокий пост во французском посольстве в 1757–1759 гг. Он был лично известен императрице Елизавете Петровне, пользовался ее благосклонностью и был награжден орденом Св. Анны. Мессельер, как ранее Дуглас, утверждал, что в России на его жизнь покушались сторонники англо-прусской «партии». В 1772 г. он начал писать воспоминания¹⁴⁰, которые частично переведены на русский язык¹⁴¹. Мемуары Мессельера по манере и тону изложения отличаются от записок его предшественников. В них нет документальной точности дипломатических донесений, они откровенно субъективны и на редкость благожелательны к России и к русским. Мессельер не свободен от стереотипных представлений о России как об экзотической полуазиатской стране, но эти стереотипы не выливались в данном случае в образ варварской и враждебной державы. Автор выражал уверенность в том, что русские преодолеют варварские традиции и деспотизм и станут «одним из первых народов мира». Наблюдая учения русской армии, он восхищался ее боеспособностью и храбростью русских солдат, которых «можно повести штурмовать самый ад». Русские дороги (!), Петербург и его архитектура произвели на него самое благоприятное впечатление. Мессельер давал высокую оценку государственным способностям Елизаветы Петровны. Арест канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, извечного врага французских дипломатов, породил в авторе надежды на улучшение русско-французских отношений. Заметное место в мемуарах занимает весьма поверхностное описание участия России в Семилетней войне.

В 1760 г. произошла смена лиц во французском посольстве в Петербурге. Маркиза Лопиталья заменил Луи Шарль Огюст Ле Тоннелье, барон де Бретей, а на должность секретаря посольства вместо д'Эона был назначен другой агент «секрета короля» – Жан Луи Фавье (Jean Louis Favier, ок. 1710–1784)¹⁴². Последний прибыл в Петербург в феврале 1761 г. вместе с известным ученым путешественником аббатом Шаппом д'Отрошем. Фавье покинул Россию уже в апреле того же года, а в октябре он подал министру иностранных дел герцогу Шуазелю-Пралену записку «Observations sur la cour de Russie, le ministère et le système actuel» («Заметки о русском дворе, правительстве и нынешней системе»). Копия, снятая с записки в том же 1761 г., хранится в Отделе рукописей

¹³⁹ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 345–346.

¹⁴⁰ Voyage à Pétersbourg, ou Nouveaux memoires sur la Russie, par M. de La Messelière... Paris, 1803.

¹⁴¹ Записки Мессельера / Пер., предисл., примеч. и послесловие М.Н. Лонгинова // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 4. Стб. 952–1031.

¹⁴² Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 319–322.

Российской национальной библиотеки¹⁴³. Отдельные части этого сочинения публиковались в русском переводе¹⁴⁴.

Записки Фавье привлекательны уже тем, что их автор был известным писателем, эрудитом, полиглотом, знатоком европейской политической системы. Россия могла привлечь его внимание еще в бытность его секретарем маркиза Шетарди, когда последнего после высылки из Петербурга назначили послом в Турине (1749–1752). Еще более важными представляются его контакты с семейством Воронцовых. Будучи агентом «секрета короля» Фавье незадолго до своего приезда в Россию подвизался в качестве воспитателя молодого А.Р. Воронцова во время его путешествия по Испании и Италии. Обширные знания, наблюдательность, литературный талант придают несомненную ценность «Заметкам» французского дипломата, несмотря на краткость его пребывания в России.

В центре внимания автора – императрица Елизавета Петровна и ее окружение, великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна и их двор. Автор анализирует цели, которые Россия преследует в Семилетней войне, характеризует ее политику в отношении основных европейских государств, дает описание русской торговли. Личные характеристики отличаются проницательностью и тонкой нюансировкой образов. Автор, например, показывает, как под влиянием болезни менялись характер и поведение Елизаветы Петровны, ее «нравственное состояние».

* * *

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что сочинения французских авторов, побывавших в России в период дворцовых переворотов, различаются по целям написания и по жанрам: эпистолярный жанр представлен деловой дипломатической перепиской; присутствуют «аналитические» записки, дающие характеристику страны и двора, мемуары (воспоминания) и путешествия (травелоги). В этих сочинениях сполна отразились личные особенности их авторов – основательность «русского француза» Маньяна, проницательность и прозелитизм Жюбе, авантюризм и враждебность Локателли, высокомерие и легкомыслие де Ла Шетарди, грубоватый прагматизм Дальона, авантюризм и бахвальство д'Эона, созерцательность Лопиталья, благожелательность Мессельера, аналитический ум и тонкая наблюдательность Фавье. Тем не менее рассмотрение сочинений французской россики середины XVIII в. позволяет выделить общие «родовые» черты,

¹⁴³ ОР РНБ. Фг. F IV 186.

¹⁴⁴ Русский двор в 1761 году // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 178–206; Записки Фавье // Исторический вестник. 1887. Т. 29. С. 384–405.

характеризующие представления французских авторов о России. Эти представления уходят своими корнями в эпоху Петра I, когда образ России подвергался определенной трансформации при сохранении некоторых стереотипов о «варварской» стране Севера. Подобно их коллегам петровского времени, французские авторы середины XVIII в. еще нередко демонстрировали поверхностность наблюдений, отсутствие подлинного интереса к внутреннему состоянию русского общества, преобладание сюжетов персонального и придворного характера, любовь к интригам, склонность к беллетристике¹⁴⁵. Французским авторам середины XVIII в. Россия представлялась огромной неизведанной страной, которая за исключением столиц и некоторых западных городов оставалась *terra incognita* для иностранцев. Они подчеркивали глубокое отличие России от других европейских стран, нередко выделяли «дикие», азиатские черты в быте и нравах народа и двора. Редко касаясь темы простого народа, они отмечали его невежество и заботливость. Общим местом были рассуждения о деспотизме русской власти и рабстве всех подданных без различия сословий и званий. Деспотизм изображался следствием недостаточной цивилизованности общества, которым можно управлять только с помощью страха, кнута и угрозы ссылки в Сибирь. Свидетельством внутренней слабости страны была, по мнению авторов, легкость дворцовых переворотов, «революций», совершавшихся с помощью гвардии («янычар»).

Почти все сочинения были проникнуты сознанием огромной роли Петра I как создателя «новой» России, хотя степень ее обновления авторы не склонны преувеличивать. Парадоксальным образом отмеченная ими «любовь» народа к наследию Петра I сочеталась в писаниях французов с «ненавистью» русских к Петербургу и иностранцам, которые с легкой руки реформатора наводнили страну. Нередко отмечалось стремление всех русских вернуться к «допетровскому» состоянию (или по меньшей мере перебраться из Петербурга в Москву). Созданная царем сильная армия, состоящая из неприхотливых и смелых солдат, представляла, по мнению французских наблюдателей, серьезную угрозу для соседних государств. Однако стремление России вмешиваться в решение европейских дел они полагали необоснованным.

Авторам рассмотренных сочинений нельзя отказать в верности наблюдений, которые, однако, утрировались и искажались под влиянием как вековых стереотипов «русского варварства», так и нового «мифа Петра Великого». Сложившийся в сочинениях французских авторов середины XVIII в. по большей части негативный образ страны был обусловлен также внешнеполитической доктриной версальского

¹⁴⁵ Мезин С.А. Французская Россия конца XVII – первой четверти XVIII в. С. 340–341.

двора, которая (подчас вопреки политическим реалиям) отводила России место политического захолустья Европы и потенциального врага Франции.

Впрочем, о цельном образе России, предполагающим глубокое и всестороннее описание и понимание явления, применительно к французской россике середины XVIII в. едва ли можно говорить. Детальное описание отдельных сторон русской жизни сочеталось в рассмотренных сочинениях с целым сонмом стереотипов. Желание понять и объяснить особенности состояния страны и народа лишь едва наметилось в сочинениях французских наблюдателей.

ВКЛАД ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕНОГО, БАРОНА ДЕ БАЯ, В ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ 1812 ГОДА

Е.М. Букреева

4 сентября 2012 г. в Государственном историческом музее состоялось торжественное открытие Музея Отечественной войны 1812 г. Этот проект был реализован по Государственной программе о праздновании 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.¹ Экспозиция музея, расположенного на 1500 квадратных метрах, включает более 2 тыс. памятников по истории Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г., бóльшая часть которых происходит из фондов так и не открывшегося в начале XX в. Музея 1812 года²

В экспозиции нового музея можно увидеть уникальные экспонаты, хранящиеся в единственном экземпляре. Такие, например, как жезл маршала Даву, парадная сабля и личные награды французского императора Наполеона I, большое количество гравюр, бюсты французских маршалов, предметы из стекла и фарфора, книги, документы, в том числе автографы французских генералов, предметы обмундирования.

Значительный вклад в формирование этой коллекции внес французский ученый барон де Бай³. Являясь членом Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года⁴, он не только приносил в дар

¹ План был утвержден Председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным 2 ноября 2009 г.

² *Букреева Е.М.* «В память Отечественной войны 1812 года» (к истории первой выставки Музея 1812 года) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: Сборник материалов // Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 183. С. 250–264; *Она же.* Музей 1812 года // Война 1812 года и освободительной поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. С. 531–533.

³ О нем см.: *Букреева Е.М.* «Русские струны французской души барона де Бая» // Золотая палитра. Информационно-аналитический журнал. М., 2010. С. 52–59; *Она же.* Бай де, барон // Война 1812 года и освободительной поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 1. С. 103–104; *Журавская И.Л., Рыбаченок И.С.* Русско-французский союз конца XIX века в документальных материалах ГИМ // Труды ГИМ. Вып. 67. М., 1988; *Кошелев П.А.* История комплектования фондов Музея 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 110. М., 1999; *Петров Ф.А.* Материалы ОПИ ГИМ по истории Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 92. М., 1997; *Полунина Н.М.* «Оказавшие особые заслуги музею» // Труды ГИМ. Вып. 106. М., 1998; *Палтусова И.Н.* Московский коллекционер оружия А.А. Катуар де Бионкур // Труды ГИМ. Вып. 121. М., 2000; *Белозерова И.В.* Князь Н.С. Щербатов (1853–1929). Материалы к биографии // Труды ГИМ. Вып. 136. М., 2003.

⁴ *Букреева Е.М.* Корреспондент Особого комитета Музея 1812 года барон де Бай (1853–1931). Материалы к биографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII: Сборник материалов // Труды ГИМ. М., 2009. С. 241–257.

многочисленные предметы, но и привлекал к этому своих соотечественников.

Амур-Огюст-Луи-Жозеф-Бертело де Бай (Amour Auguste Louis Joseph Berthelot de Baye) родился в Париже 31 января 1853 г. в старинной аристократической семье⁵. Его предки, известные с XI в., были участниками первых Крестовых походов⁶. С XIII в. бароны жили в родовом замке Château de Baye в 113 километрах от Парижа, недалеко от города Эперне.

В возрасте двадцати лет барон де Бай сделал научное открытие, обнаружив более ста гротов неолитической эпохи в долине Малого Морена (dans la Valle du Petit Morin), зарисовал их и включил рисунки в свою монографию, вышедшую в 1880 г. в Париже⁷. Его приглашают выступать с лекциями научные общества Франции, Бельгии, Англии, Венгрии. В 1889 г. он становится членом Национального общества антиквариев Франции, потом его секретарем, а в 1906 г. — президентом.

Впервые в Россию барон де Бай приехал в 1890 г. на VIII археологический съезд, где познакомился с русскими археологами: И.Е. Забелиным, графиней П.С. Уваровой, князем П.А. Путятиным, В.Н. Поливановым. С этого момента судьба барона де Бая будет неразрывно связана с Россией. Он полюбит ее как второе отечество и будет называть себя «полуфранцузом — полурусским». Тридцать лет жизни барон посвятит изучению археологии⁸, этнографии и истории Российской империи. География его путешествий по России поистине впечатляет. Это Сибирь, Урал, Поволжье⁹, Кавказ, Крым, Прибалтика, Украина, центральные районы России.

⁵ Семья барона де Бая состояла из отца Огюста Амеде Александра Бертело де Бай (Auguste Amédée Alexandre Berthelot de Baye, Paris, 4 avril 1825 — Baye, 18 novembre 1892), матери Джорджины Уилкинсон (Georgina Wilkinson, Grande-Bretagne 1825 — Paris 15 février 1903), брата Жана (Jean, 21 décembre 1857—1927); жены с 1877 г. Мари-Анн-Беатрис Оппенгейм (Marie Anne Béatrix Oppenheim, Constantinople, 19 avril 1859 — Paris, 9 novembre 1928); дочерей Иоланды (Renée Guillemette Georgina Marie Antoinette Yolande, Paris, 10 janvier 1887 — Saint-Germain-en-Laye, 6 août 1970) и Мари-Луиз, в замужестве графини де ля Прад (Marie-Louise Augustine Georgina, Comtesse de la Prade, Paris, 14 juillet 1879 — Montmirail, 6 mars 1977).

⁶ Первое упоминание о баронах относится к 1019 г., когда в Шампани поселилась семья сеньора де Бая, так называемого Бардуля II. Об этом см.: *Baye Joseph, de. Baronnie de Baye. Documents historiques réunis. Châlons-sur-Marne, 1883. P. 7.*

⁷ *Baye, Joseph de. L'Archéologie Préhistorique. Paris, 1880.*

⁸ *Букреева Е.М.* Вклад французского ученого барона де Бая в изучение археологической науки Российской империи // Уваровские таврические чтения «Древности Юга России» / Тезисы докладов и сообщений Второй международной научной конференции. Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 19—22 сентября 2017 г. С. 5—8.

⁹ Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 190; *Чистяков Н.С.* Бай // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998.

Французский ученый изучал историю русских дворянских усадеб и русское искусство. Именно ему принадлежит первое монографическое исследование творчества В.М. Васнецова, позже он напишет книги о русских иконах¹⁰ и живописце XVIII столетия Михаиле Шибанове. Но ярче всего его научная деятельность проявилась в этнографии¹¹. Везде, где барон бывал, он приобретал предметы старины для личной коллекции сувениров из России. Из археологических памятников, историко-бытовых предметов, икон сформировалась коллекция русского искусства, хранившаяся в парижском отеле барона на улице Grande Armée, 58 и родовом замке в провинции Шампань. Своей коллекцией де Бай очень гордился и с удовольствием экспонировал ее в музеях и галереях Парижа.

В 1890 г. барон де Бай стал членом Императорского Московского археологического общества¹². Он принимал деятельное участие в раскопках и принес в дар Историческому музею и Московскому археологическому обществу свои коллекции предметов каменного века, найденные в провинции Шампань¹³. Дары были оценены российским правительством, и барон де Бай получил свой первый русский орден – Св. Анны 3-й ст.¹⁴

В ГИМ хранятся более 2 тыс. предметов на тему франко-русского союза, подаренных бароном в середине 1890-х гг.¹⁵ За этот дар дирек-

С. 55; *Нестеров А.Г., Сачкова И.И.* Франко-русская коллекция Свердловского областного краеведческого музея // Россия. Романовы. Урал. Вып. 3. Материалы III научных чтений, посвященных памяти Великого Князя Николая Михайловича. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 1997. С. 113–115; *Панина Светлана.* Уральские экскурсии барона Жозефа де Бая // «Французский след» на Урале. Материалы круглого стола, состоявшегося 23 июня 2010 года. Екатеринбург, 2010. С. 124–127; *Терехин В.* Две поездки с научной целью, совершенные в нынешнем 1897 г., в уездах Пензенском и Городищенском // Пензенские губернские ведомости. 1897. № 159.

¹⁰ *Baye, de.* Les Icones russes // Extrait de la Revue des études historiques. Janvier-Mars 1925. Paris: A. Picard, [s.d.]. 14 p.

¹¹ *Белоусов С.В., Борисов А.В., Букреева Е.М., Юрченков В.А.* Научная миссия французского ученого барона де Бая в Пензенскую губернию в 1897 году // Центр и периферия. Саранск, 2016. № 1. С. 58–65.

¹² Барон де Бай избран членом ИМАО 6 марта 1890 г. См.: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 23, 24.

¹³ Труды ИМАО. Древности. М., 1894. Т. 15. С. 105; ГИМ. Отдел учета. ГИК № 97172 (коллекция из франкских могильников в бассейне реки Марны, состоящая из 16 железных и др. предметов).

¹⁴ См.: Протокол № 372 заседания ИМАО от 2 ноября 1890 г. // Труды ИМАО. Древности. М., 1894. Т. 15. С. 94.

¹⁵ Коллекция франко-русских предметов барона де Бая поступала в музей на протяжении четырех лет: с марта 1894 г. по апрель 1897 г. См.: ГИМ. Отдел учета. ГИК №№ 29324, 30235, 32202, 32208, 32476, 32832, 33414, 34738, 34737.

ция Исторического музея 25 августа 1894 г. избрала его своим «членом-соревнователем»¹⁶.

В январе 1908 г. в Москве был создан Особый комитет по устройству Музея 1812 года¹⁷, куда почти сразу вошел корреспондент от Франции барон де Бай¹⁸. Статус официального представительства в комитете Музея 1812 года предоставлял барону широкие полномочия: возможность привлекать своих соотечественников к сбору материалов для музея и передавать их через Российское посольство во Франции, свободный доступ в национальные архивы с целью поиска документов и возможного их копирования, посещение заседаний комитета.

Казалось бы, археолог, специалист по каменному и бронзовому векам должен был быть далек от времени Наполеоновских войн. Но как любитель российской истории он не мог остаться в стороне и с интересом погрузился в эпоху 1812 г. Написал несколько небольших книг, посвященных этой тематике: «Borodino», «Voronovo. Le Château de Rostoptchine»¹⁹, «Smolensk. Les origines l'épopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits»²⁰, «Episodes de l'histoire du Couvent de St Sawa. Le Prince Eugène à St Sawa, 1812».

Став официальным представителем комитета Музея 1812 года от Франции, барон приступил к сбору материалов для будущего музея. На собственные средства барон приобретал все, что имело отношение к эпохе Наполеоновских войн. Состав его коллекции самый разнообразный: французские гравюры с портретами маршалов и генералов Великой армии, предметы живописи с батальными сценами, литографии с изображением членов королевской семьи, золотые монеты и бронзовые

¹⁶ Отчет Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 25 лет (1883–1908). М., 1916. С. 160.

¹⁷ *Митрошенкова Л.В., Львов Л.В.* Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года // Бородино в истории и культуре. Материалы Международной научной конференции, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 346–376.

¹⁸ Барон де Бай. Письмо графу С.Д. Шереметеву от 17 февраля 1909 г. См.: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 41. Ч. 3. Л. 250.

¹⁹ *Барон де Бай.* Вороново. Имение Ростопчина / Вступ. ст. *Е.М. Букреевой*; авт. прилож. — *И.В. Бармина, Е.М. Букреева, О.С. Данилова, Жан-Жак Шарпи.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.

²⁰ Об этом см.: *Букреева Е.М.* Беспристрастный взгляд на Смоленское сражение (к 100-летию выхода книги барона де Бая) // Край Смоленский. Гуманитарный, научно-популярный, литературно-художественный журнал. Смоленск, 2010. № 11. С. 30–45; *Она же.* Уникальный экземпляр книги французского ученого барона де Бая в собрании Национальной библиотеки Беларуси / *Е.М. Букреева* // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / складальнікі Г.У. Кірзева, А.А. Суша. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. Вып. 15. С. 112–118; *Букреева Е.М., Данилова О.С., Жан-Жак Шарпи.* Барон де Бай в гостях у княгини Тенишевой (из записных книжек французского ученого) // Край Смоленский. Смоленск, 2014. № 2. С. 25–33.

медали, фарфоровые бюсты, стекло, курительные трубки, табакерки с барельефом Наполеона, чернильницы, книги о Наполеоне, миниатюры и рисунки. Коллекция барона де Бая по эпохе Наполеоновских войн насчитывала, в общей сложности, более 2 тыс. предметов и поступала в Музей 1812 года постепенно, по мере приобретения.

К юбилейному 1912 г. общий объем фондов Музея 1812 года достигал уже нескольких тысяч предметов. Члены комитета не успевали регистрировать все поступления. Барон де Бай, приезжая в Россию, сам распаковывал посылки с французскими коллекциями и описывал их. Ближайшими помощниками и единомышленниками де Бая во Франции были в первую очередь родственники: младшая дочь Иоланда, в годы Первой мировой войны – сестра милосердия в военном госпитале Витриле Франсуа²¹; кузен барона Фернан-Жак, маркиз де Жирарден (род. 1857), подаривший музею большое количество иллюстративного материала; Андре Брюн, известный правовед, сотрудник военного журнала «Carnet de la Sabretache» и капитан Эмманюэль Сезар Мартен (род. 1852), командир эскадрона жандармов (1901). Все они в отсутствие барона собирали материалы для музея и отправляли в Москву через Российское посольство в Париже. Как правило, дары французских граждан подписывались: сохранились наклейки на живописных произведениях, благодаря которым можно уточнить источник поступления в ГИМ.

Так, благодаря дарственным надписям на оборотах холста были выявлены два живописных полотна, подаренных бароном Музею 1812 года: «Эпизод сражения при Прейсиш-Эйлау» Пьера Пти-Жерара (Pierre Petit Gérard, 1852–1933) и «Стреляющий француз» Мишеля Труайена (Michel Troyen, 1875–1915).

Дарственные надписи сохранились на некоторых миниатюрах, предметах из стекла и керамики, на гравюрах и титульных листах книг. Так, в фондах Государственной публичной исторической библиотеки было обнаружено более 50 книг из бывшей библиотеки Музея 1812 года, переданных туда в 1938 г.²² Благодаря наличию автографов французских дарителей в отделе редких книг ГПИБ было выявлено 18 изданий. Семь из них оказались бюллетенями императора Наполеона I, изданными в 1812 г. Три книги были подарены Альфредом Маркизе, графом

²¹ Букреева Е.М. «Русские струны французской души» барона де Бая // Золотая палата. Информационно-аналитический журнал. М., 2010. № 2. С. 58–59.

²² Об этом см.: Букреева Е.М. Библиотека Музея 1812 года: опыт реконструкции в Государственном историческом музее // Материалы XV Международных книговедческих чтений «Библиотеки в формировании инновационной среды для развития науки, образования и бизнеса» (Минск, 27–29 октября 2010 г.) / НББ. Минск, 2010. С. 98–103; Она же. Библиотека Музея 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. X: Сборник материалов // Труды ГИМ. Вып. 184. М., 2012. С. 219–239.

Сегюром и Анри Бонналем. Неожиданной находкой явилось наличие одного иллюстрированного издания с круглой печатью Музея 1812 года в отделе изобразительных материалов ГИМ. Это книга «Napoléon» Армана Дайо, подаренная Музеем 1812 года парижским редактором Эрнстом Фламарьоном и переданная через барона де Бая.

Барон де Бай принимал активное участие в организации юбилейной выставки, устроенной Особым комитетом Музея 1812 года в Историческом музее. Выставка, разместившаяся в девяти залах, состояла из двух отделов: русского и французского. Барон де Бай и его помощник, член военного общества «La Sabretache» Альбер Депрео (род. 1875), заведовали французскими залами. Стоит отметить, что экспозиция залов Наполеона и французской армии целиком состояла из предметов, подаренных Музеем 1812 года французскими гражданами. Не только частные лица откликнулись на просьбу де Бая оказать содействие молодому музею, но и различные учреждения Франции. Так, архив Военного министерства подарил карты, Генеральный штаб – документы, Лувр – гравюры с оригиналов Антуана Гро, Франсуа Жерара и других придворных живописцев французского императора. Президент Франции Раймон Пуанкаре подарил молодому музею гипсовые бюсты французских маршалов и генералов, копии со скульптуры, хранившейся в Лувре.

Успех выставки был огромным. Ее посетило более 42 тыс. человек, в том числе члены императорской фамилии, был издан иллюстрированный каталог²³, который и сегодня является бесценным источником по истории многих коллекций, разрозненных после революции. Сохранилась памятная фотография членов бюро выставки в Историческом музее, где среди прочих запечатлены два французских дарителя – барон де Бай и Альбер Депрео.

Вклад французских граждан был по достоинству оценен царским правительством. За принесенные в дар Музею 1812 года предметы барону де Баю был пожалован орден Св. Станислава 1-й степени, Альберу Депрео – орден Св. Станислава 3-й степени²⁴. Трем французским гражданам – Андре Брюну, Эмманюэлю Мартену и маркизу де Жирардену – была выражена официальная благодарность через Российское посольство. В личном фонде московского генерал-губернатора В.Ф. Джунковского и в документах Особого комитета были обнаружены послужные списки французских дарителей, высланные бароном де Баем для представления к награждению.

После закрытия юбилейной выставки здание для Музея 1812 года так и не было построено. Потешный дворец Кремля, в котором Музеем

²³ Выставка 1812 года. Иллюстрированное издание под редакцией В. Божовского. М., 1913.

²⁴ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Ед. 116. Л. 173; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 11. Л. 181; Ед. 25. Л. 70.

было отведено несколько комнат, не мог вместить все коллекции, которые продолжали поступать еще в течение семи лет. Общий объем предметов, включая архив и библиотеку, достиг к 1916 г. двадцати четырех тысяч. Запечатанные ящики с коллекциями Музея 1812 года временно помещали в кладовых других музеев и учреждений: Музея изящных искусств, Оружейной палаты²⁵. Картины Верещагина, к примеру, были развешаны в доме московского генерал-губернатора.

Несмотря на отсутствие собственного здания, Музей 1812 года активно функционировал. Он был инициатором проведения двух выставок и участником одной зарубежной выставки, регулярно проводил экскурсии по двум залам своей временной экспозиции в Потешном дворце Кремля; издавал печатную продукцию; вел обширную переписку с потомками участников Отечественной войны 1812 г.; принимал активное участие в юбилейных Бородинских торжествах 1912 г.

Барон де Бай был свидетелем важных событий в истории Российского государства – коронации Николая II, открытия исторических памятников в Москве, с супругой и дочерью участвовал во всех юбилейных торжествах в 1912 г., посвященных 200-летию Отечественной войны 1812 г.²⁶

Приехав в Россию в июле 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны, он оказался здесь в вынужденной эмиграции на шесть долгих лет. Благодаря документам личного архива барона – письмам, дневникам, фотографиям, оставшимся в России, мы имеем возможность восполнить лакуны в биографии барона для французских исследователей и хранителей его коллекций в парижских музеях.

С 1914 по 1920 г. барон продолжал свою деятельность в Музее 1812 года: разбирали французские посылки и описывали предметы, участвовал в заседаниях. В этот период его, конечно, больше интересует политика. Он стал печатать в журнале «Русский архив» обличительные статьи в адрес немецкого правительства²⁷, собирать коллекцию по истории Первой мировой войны и революции в России,

²⁵ ГАРФ. Ф. 826. Ед. 151. Л. 26.

²⁶ Букреева Е.М. Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино (по материалам французских архивов) // Материалы XIX Международной научной конференции «Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов», 3–6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2016. С. 74–90.

²⁷ Библиография работ барона де Бая, опубликованных в «Русском архиве» (1914–1916): Размышления француза в его втором отечестве // Русский архив. М., 1914. Кн. 3. Вып. 11. С. 350–381; Пруссификация Германии, ее история, цели, средства // Там же. 1915. Кн. 1. Вып. 1. С. 86–105; Дело Вильгельма II // Там же. 1915. Кн. 1. Вып. 2. С. 330–357; Мировой германский вопрос // Там же. 1915. Кн. 2. Вып. 6. С. 208–243; Нравоучения войны // Там же. 1915. Кн. 3. Вып. 9–10. С. 18–43; Освобождение или рабство. Их мировое владычество или упадок // Там же. 1916. Кн. 2. Вып. 5–6. С. 164–191.

выступать с публичными лекциями в различных обществах Москвы и Петрограда.

В 1919 г. судьба Музея 1812 года была предрешена: по решению Коллегии музейного отдела Наркомпроса он переходит в ведение Отдела по делам музеев. Создается комиссия для приема имущества Музея. Члены упраздненного Особого комитета В.А. Афанасьев, Н.С. Щербатов, В.А. Петров, барон де Бай и др. собираются на последнее свое заседание в помещении библиотеки Исторического музея 1 июня 1919 г., где обсуждают вопросы о порядке сдачи имущества. Они решают ходатайствовать перед музейным отделом, «чтобы имущество и собрания музея не разбивались, а были сосредоточены в общем военно-историческом музейном фонде, как отдельная самостоятельная и законная организацией часть»²⁸.

К концу 1921 г. все фонды Музея 1812 года, кроме коллекций, хранившихся в Музее изящных искусств, были сосредоточены в одном хранилище, располагавшемся в бывшем доме Юсупова у Красных ворот. Там в мае 1923 г. откроется Военно-исторический музей, где эпоха Наполеоновских войн будет частично представлена собраниями бывшего Музея 1812 года. К примеру, в 10 витринах экспонировалось более 340 предметов из коллекции де Бая²⁹: медали, жетоны, гравюры, бюсты, барельефы.

В сентябре 1920 г. барон де Бай смог вернуться во Францию. На родине его ждала заслуженная награда — орден Почетного легиона и титул маркиза. Французский ученый ушел из жизни 30 мая 1931 г.³⁰ Как и его предки, он был похоронен в фамильной усыпальнице церкви Сен-Рок недалеко от родового замка Château de Baye.

О вкладе французских граждан в создание московского музея как нельзя лучше сказал московский генерал-губернатор В.Ф. Джунковский: «Барон де Бай пробудил среди военных кругов и исторических кружков в Париже большой интерес к устраиваемому музею, последствием чего в музей поступило очень много ценных предметов, гравюр, писем, коллекций эпохи войны 1812 года, любезно присланных соотечественниками барона де Бай»³¹.

Эти коллекции французских дарителей существенно обогатили фонды Государственного исторического музея. Их можно назвать уникальными.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф.160. Ед. 10. Л. 29.

²⁹ Описание собраниям бывшего Музея 1812 года, хранящимся временно в ВИМ. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. 21. Л. 71–74.

³⁰ Возрождение. Париж, 1931. 11 июня (№ 2200). С. 4; Dictionnaire de biographie française sous la direction de M. Prévost et Roman d'Amat. Tome cinquième. Paris, 1951. P. 999.

³¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Ед. 50. Л. 227, 228.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСУЛЬСТВА ФРАНЦИИ В ВАРШАВЕ В ЭПОХУ РЕСТАВРАЦИИ*

Т.Н. Гончарова

Королевство Польское (в русской традиции Царство Польское), созданное по решению Венского конгресса 1814–1815 гг.¹, имело статус автономного государства в личной унии с Российской империей. Наличие общего монарха и общей внешней политики исключало аккредитацию дипломатических представителей при польском правительстве в Варшаве. Однако иностранные государства сохранили за собой право назначать в столицу Царства Польского консулов, в первоочередную задачу которых входило развитие торговых связей и защита прав соотечественников.

Престиж и лидерские позиции, завоеванные Российской империей после победы над Наполеоном, имели следствием поспешность, с какой режим Реставрации возобновил политические контакты: посольство Франции в Санкт-Петербурге было восстановлено уже в сентябре 1814 г. Затем пришел черед консульских представительств. В 1815 г. начали работу генеральное консульство в Санкт-Петербурге, консульства в Одессе и Риге, вице-консульство в Феодосии, в 1820 г. — консульское агентство в Кронштадте, в 1821 г. — вице-консульство в Москве и консульство в Тифлисе. Позже остальных, в 1824 г. открылось консульское агентство в Варшаве, преобразованное спустя два года в консульство. Французские кандидатуры на пост консула в Варшаве неоднократно давали российской стороне повод к проявлению недовольства. Чем было вызвано такое недовольство?

В статье предпринята попытка дать ответ на этот вопрос, основываясь на дипломатических источниках, хранящихся в архиве Министерства иностранных дел Франции.

Польша как объект франко-русского соперничества

После того как Речь Посполитая исчезла с политической карты Европы в результате последнего из трех разделов, осуществленных Пруссией, Австрией и Россией в 1772, 1793 и 1795 гг., многие польские

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383 «Контрреволюции: Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе нового и новейшего времени».

¹ Статья 1 финального акта от 9 июня 1815 г.

патриоты видели в революционной Франции государство, способное восстановить справедливость и права несчастной нации, погрязшие вследствие чудовищного «преступления». Войны Наполеона против держав-участниц разделов оживили эти упования, подкрепляемые присутствием французских войск на польской территории с 1806 до конца 1812 г.

Основанное по условиям Тильзитского мира от 25 июня (7 июля) 1807 г. на отошедших к Пруссии исконно польских землях герцогство Варшавское, казалось, было первым шагом в процессе восстановления польской государственности. На тот момент прошло очень мало времени – всего 12 лет с тех пор, как Речь Посполитая прекратила свое существование! Диктуя условия с позиции силы, Наполеон мог бы потребовать от России вернуть отошедшие к ней по разделам Правобережную Украину, Белоруссию и Литву, но он предпочел проявить щедрость. Утвержденная императором французов конституция поставила герцогство номинально под управление короля Саксонии Фридриха-Августа I, однако фактически оно подчинялось Франции, которая была представлена в Варшаве посланниками в лице Ш.-Ф. Серра (1807–1811), Л. Биньона (1811–1812, 1813) и Д. Дюфур де Прадта (1812). К тому же при короле Саксонии, в Дрездене, находился французский посланник, так что Наполеон получал информацию о польских делах из двух источников.

Генерал Юзеф Понятовский, военный министр герцогства, приложил усилия для воссоздания польской армии. Воинственный пыл поляков, сражавшихся под французскими знаменами в составе польских легионов, снискал им славу превосходных солдат. Отражая вторжение австрийских войск в пределы герцогства в 1809 г., армия Понятовского захватила часть Галиции, вошедшей в состав Австрии по разделам. Согласно Шенбруннскому миру (14 октября 1809 г.), в результате присоединения Западной Галиции территория герцогства увеличилась на 50% при численности населения более 5 млн жителей, на которых легла обязанность содержать в боевом состоянии 60-тысячную армию².

Герцогство Варшавское создавало напряженность в отношениях России с Францией, особенно после расширения его территории. Отошедшие к Российской империи по воле Наполеона Белосток и Тарнопольский округ в 1807 и 1809 гг. не были достаточной компенсацией, способной развеять опасения императора Александра I по поводу наполеоновских планов на «русскую» Польшу. Царь попытался в январе 1810 г. заручиться гарантией Наполеона в том, что «Королевство Польское никогда не будет восстановлено», на что тот

² *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Vol. 2. Paris, 2004. P. 457–458.

ответил менее обязывающим контрпредложением, не получившим одобрения Александра³.

В действительности существование герцогства Варшавского под французским протекторатом воспринималось Александром I не столько даже как угроза его владениям, сколько как препятствие на пути к славе восстановителя Польши. Авторство этого плана принадлежало польскому магнату Адаму Чарторыйскому⁴, который решил сделать ставку на Россию в деле возрождения польской государственности. Объявив Пруссию «естественным врагом» Польши, А. Чарторыйский разработал хитрый «план убийства»⁵, который сводился к тому, чтобы посредством войны присоединить прусскую часть разделов к российской и возродить Польшу в недрах большой славянской империи. Отошедшую к Австрии Галицию планировалось присоединить в обмен на прусскую Силезию или Баварию⁶. Предполагая воспользоваться несговорчивостью берлинского кабинета в период оформления третьей коалиции 1805 г., Чарторыйский, тогда министр иностранных дел Российской империи, надеялся спровоцировать нападение русских войск на Пруссию. Но вместо этого Александр I отправился в Берлин на встречу с Фридрихом-Вильгельмом III, где вместе с ним и королевой Луизой принес клятву в вечной дружбе на могиле Фридриха Великого, инициатора первого раздела Польши⁷. Политическая программа А. Чарторыйского оказалась нереалистичной. Спустя всего лишь год, 14 октября 1806 г., Пруссия потерпела сокрушительное поражение при Йене и Ауэрштедте, заплатив дорогую цену за свое участие в четвертой коалиции.

В начале 1811 г. Александр I вновь решил разыграть польскую карту. Стягивая к западной границе империи воинские силы для того, чтобы произвести нападение на герцогство Варшавское, царь рассчитывал привлечь симпатии польского населения объявлением о возрождении Речи Посполитой под его скипетром. Однако узнав о контрмерах, принятых Наполеоном незамедлительно после того, как тому стало известно о готовившемся нападении, Александр I вынужден был отказаться от первоначального плана и вернуться на оборонительные позиции⁸.

³ *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Paris, 2004. Vol. 2. P. 459–466.

⁴ Князь Адам Чарторыйский (1770–1861), государственный деятель и мемуарист, входил в «негласный комитет» при Александре I, помощник канцлера А.П. Воронцова с 1802 г.; с 1804 по 1806 г. руководил дипломатией Российской империи.

⁵ «Mordplan» в немецкой историографии. См.: *Zawadzki W.H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland 1795–1831. Oxford, 1993.

⁶ *Dabrosz P., Kerautret M.* Le plan anti-prussien de Czartoryski. Le retour de la question polonaise // *La revue Napoléon.* Ao t 2005. № 23. P. 48.

⁷ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008. С. 188–190.

⁸ См.: *Соколов О.* Битва двух империй 1805–1812. М., 2012. С. 402–414.

Нашествие на Россию в 1812 г. было названо Наполеоном «второй польской кампанией», предпринятой для того, чтобы завершить дело, оставленное незаконченным в 1807 г.⁹ Ставка тем самым делалась на патриотический подъем поляков, прямо заинтересованных в успехе войны, от которой зависело возрождение их родины. Примерно 70 тыс. польских солдат сражались в составе Великой армии¹⁰. Так и не перейдя от слов к делу после занятия Литвы, Наполеон приберегал польскую карту на случай поиска компромисса с Александром I. После гибели Великой армии в снегах России, герцогство Варшавское выбыло из числа союзных Наполеону государств уже в конце января 1813 г., когда русские войска без боя заняли Варшаву, отеснив саксонские, польские и австрийские части за Вислу. Учрежденный Россией временный Верховный совет встал во главе администрации оккупированного герцогства. Несколько месяцев спустя после отречения Наполеона польский вопрос оказался вынесен на обсуждение Венского конгресса (октябрь 1814 – июнь 1815), где оказался в центре дискуссий.

Александр I выразил желание, чтобы все герцогство Варшавское, находившееся под контролем русского оружия, отошло России. Саксонию планировалось отдать Пруссии в качестве компенсации за «прусскую» часть Польши. Однако Франция в лице своего представителя на конгрессе Ш.-М. де Талейрана изо всех сил старалась помешать России утвердиться в Польше, продолжая в этом вопросе политическую линию наполеоновской империи. Склонив на свою сторону делегатов Австрии и Англии, К. фон Меттерниха и Р. С. Каслри, опасавшихся чрезмерного усиления России и Пруссии, Талейран подписал с ними 3 января 1815 г. договор о союзе, после чего все разрешилось компромиссом 11 февраля. Россия получила лишь часть бывшего герцогства Варшавского, а Пруссия лишь часть Саксонии.

В соответствии с Заключительным актом Венского конгресса от 9 июня 1815 г. западная часть Великой Польши с Познанью возвращалась Пруссии, Тарнопольский округ – Австрии, Краков объявлялся вольным городом под покровительством России, Австрии и Пруссии. Урезанное территориально герцогство Варшавское передавалось России, которая получила также восточную часть Великой Польши с Калишем и Западную Галицию¹¹. Образованное на этих землях Царство Польское объявлялось связанным личной унией с Российской империей через персону императора Александра I,

⁹ *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1810–1815). Paris, 2004. Vol. 3. P. 64.

¹⁰ *Kerautret M.* “L'armée des 20 nations”. Cohésion et diversité // Carnet de la Sabretache. 1812, la campagne de Russie. Décembre 2012. № 194. P. 6.

¹¹ Царство Польское простиралось на 127 тыс. км², немного уступая герцогству Варшавскому, которое занимало 149 тыс. км².

который стал именоваться царем (королем) польским. В целом так называемая Конгрессовая Польша представляла собой частичную реализацию взлелеянного царем совместно с Чарторыйским плана воссоздания Польши под его скипетром в качестве конфедеративного государства.

*Ликвидация долгов герцогства Варшавского.
Теодор де Эдувиль*

Либеральная конституция Царства Польского, утвержденная императором Александром I 15 (27) ноября 1815 г., вызвала ассоциации с конституцией герцогства Варшавского от 22 июля 1807 г. В соответствии с буквой этого документа поляки получили больше прав, чем подданные Российской империи. Все общественные дела должны были вестись на польском языке. Только поляки имели доступ к государственным должностям. Национальное представительство осуществлялось через двухпалатный сейм. По аналогии с герцогством Варшавским существовало пять министерств, на его территории продолжал действовать Кодекс Наполеона, имелась своя денежная система. Управление Царством Польским осуществлял назначенный королем наместник¹². На эту должность был определен бывший наполеоновский генерал поляк Юзеф Зайончек¹³. На деле же, брат Александра I цесаревич Константин, поставленный во главе 30-тысячной польской армии, сосредоточил в своих руках все рычаги управления, вопреки конституции. После смерти Ю. Зайончека в 1826 г., Константин Павлович официально стал именоваться наместником Царства Польского, сохранив пост главнокомандующего польской армии, состоявшей из солдат, которые после краха наполеоновской империи вернулись на родину. Третьим значимым лицом в государстве стал Н.Н. Новосильцев, полномочный делегат императора при Административном совете (правительстве) Царства Польского¹⁴. Ему было передано руководство тайной полицией.

¹² Конституция Польши 1815 г. Государственный реестр уникальных документов архивного фонда Российской Федерации // URL:<http://unikdoc.rusarchives.ru/GRSearch/Search/Details/74833797-e050-4df9-9476-747d0a16eb79?AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 19 февраля 2019 г.).

¹³ Юзеф Зайончек (1752–1826), участник восстания 1794 г. под руководством Т. Костюшко, командовал польскими войсками в 1807 г.; генерал армии герцогства Варшавского, принимал участие в Русском походе Наполеона 1812 г.

¹⁴ Николай Николаевич Новосильцев (1761–1838), член т.н. «Негласного комитета» при Александре I, вице-президент Временного верховного совета, управлявшего герцогством Варшавским с 1813 по 1815 г.; перешел от либеральных воззрений к реакционным.

Прежнее вассальное положение герцогства Варшавского по отношению к Франции вызвало к жизни большое количество задолженностей между частными лицами и французскими властями. В результате перед режимом Реставрации встал вопрос о выплате обоюдных долговых обязательств как предварительного условия для налаживания отношений с Царством Польским. В дополнительной статье к Парижскому мирному договору от 30 мая 1814 г. Франция и Россия обязывались «назначить специальную комиссию, составленную с обеих сторон из одинакового количества комиссаров, на которых будет возложена задача экспертизы, ликвидации и всех договоренностей относительно взаимных претензий»¹⁵.

После эпизода «Ста дней» и восстановления власти Бурбонов, дополнительная статья к второму Парижскому договору от 20 ноября 1815 г. подтвердила намерение Франции без промедления отправить в Варшаву одного или нескольких комиссаров для того, чтобы способствовать ликвидации взаимных претензий с бывшим герцогством Варшавским¹⁶. По прошествии времени конвенция, заключенная в Париже 27 сентября 1816 г., заменила собой отдельную статью второго Парижского договора¹⁷.

Французскую сторону в этой тяжбе должен был представлять Теодор де Эдувиль¹⁸. Людовик XVIII подписал распоряжение о его назначении 9 мая 1817 г.¹⁹ Младший брат генерала Габриэля де Эдувиля, посла Наполеона в России с 1801 по 1804 г., члена Палаты пэров в эпоху Реставрации²⁰, Теодор к моменту своего назначения приобрел достаточно большой опыт в сфере дипломатии. В период с 1806 по 1813 г. ему довелось представлять интересы Франции во Франкфурте при князе примасе Рейнского союза. Именно этим во многом можно объяснить выбор его кандидатуры для ликвидации обоюдных долгов Франции и бывшего герцогства Варшавского, прежде входившего в Рейнский союз.

¹⁵ *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1810–1815). 3 vol. Paris, 2004. Vol. 3. P. 161–162.

¹⁶ *Ibid.* P. 278–279.

¹⁷ *La Fontaine H.* Pasicrisis internationale 1794–1900. Histoire documentaire des arbitrages internationaux. The Hague; Boston; London, 1997. P. 113.

¹⁸ Теодор Шарль де Эдувиль (1767–1846), граф, товарищ Наполеона по военной школе в Бриенне, полковник, впоследствии был секретарем посольства в Риме (1804), посланником в Регенсбурге при эрцканцлере Священной Римской империи (1805–1806), после упразднения которой он получил назначение во Франкфурт.

¹⁹ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее – АМАЕ). Personnel 1ère série. Dossier Hédouville № 2039.

²⁰ Габриэль Мари Теодор Жозеф де Эдувиль (1755–1825), персонаж высокого ранга, уже пожилой и увечный в 1817 г., иногда выдается создателями энциклопедий за комиссара в Варшаве. Такая путаница, вероятно, происходит от того, что оба брата имели среди своих трех-четырёх имен два одинаковых Теодор Жозеф, что ввело в заблуждение их биографов.

Между тем иностранные спекулянты принялись активно скупать французские долговые обязательства в Царстве Польском по заниженной цене, работая на собственную прибыль в ожидании интегрального возмещения долгов Францией. Вывозя деньги за рубеж, скупщики тем самым наносили ущерб государству, в связи с чем в июле 1817 г. на имя цесаревича Константина поступило обращение от некоего Игнатия Нёмарка, в котором этот подданный Царства Польского, вероятно, банкир, предлагал назначить его в качестве уполномоченного лица, которому будет доверена немедленная оплата частных долговых обязательств по более низкой цене, чем сумма, указанная в векселях. Из таблицы, приложенной к тексту проекта следовало, что из общей суммы претензий в 44 млн флоринов²¹ корона, таким образом, извлекла бы для себя прибыль в 15 млн²². В архиве Польской Библиотеки в Париже, где хранится эта записка, нам не удалось обнаружить документ, который помог бы пролить свет на реакцию цесаревича Константина на поступившее предложение, хотя можно с известной долей уверенности предположить, что она скорее всего была отрицательная.

Между тем 25 апреля 1818 г. между Францией и четырьмя союзными державами, Англией, Россией, Австрией и Пруссией, была заключена конвенция, которая окончательно разрешила вопрос об иностранных долговых обязательствах Франции. Союзники пришли к соглашению, что из общей суммы долгов, изначально составлявшей 1 млрд 300 млн, Франция должна была выплатить 340 млн²³. К конвенции прилагалась таблица, в которую были сведены все суммы, которые Франция задолжала разным странам, кроме бывшего герцогства Варшавского. Вопрос польских долговых обязательств должен был решиться прямым соглашением между Францией и Россией.

Т. де Эдувиль получил инструкции, подписанные председателем Совета министров герцогом де Ришелье 8 июля 1818 г.²⁴ В августе того же года начался сбор сведений с целью ликвидации долгов между Францией и бывшим герцогством Варшавским.

По прибытии в Варшаву, Эдувиль собрал частные претензии жителей к Франции, о чем уведомил министерство в своем рапорте от 6 марта 1821 г. Год спустя, комиссар жаловался на медлительность, с ка-

²¹ В Польше флорин обозначал золотую монету и являлся счетно-денежной единицей равной 30 польским грошам.

²² *Projet de liquidation des dettes pesant sur le duché de Varsovie par Ignace Newmark, 6 juillet 1817 // Archives de la Bibliothèque Polonoise de Paris. № 340.*

²³ *Koch C.-R., Schoell F. Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie. T. 3. Bruxelles, 1838. P. 563–569.*

²⁴ Арман-Эмманюэль дю Плесси, герцог де Ришелье (1766–1822), министр иностранных дел и председатель Совета министров с 24 сентября 1815 г. по 19 сентября 1818 г., затем в декабре 1818 г.

кой продвигались дела. Ф.-К. Любецкий²⁵, министр финансов Царства Польского, которому были вверены вопросы ликвидации долгов, считал необходимым сначала заключить соглашения с Пруссией и Австрией и только потом с Францией, тогда как последняя заявляла о своем желании вести переговоры исключительно с Россией. В апреле 1822 г. Эдувиль обратился к министру иностранных дел М. де Монморанси²⁶ с просьбой отозвать его в Париж в силу того, что ему более нечего добавить к уже собранным документам, в то время как намерение российской стороны заключить единое соглашение с Пруссией, Австрией и Францией отодвигало переговоры на 1823 г. К тому же, Эдувиль считал целесообразным перенесение переговоров в Париж, уверяя, что российская сторона не станет возражать против этого²⁷. В мае 1822 г. Т. де Эдувиль был отозван во Францию.

Вопрос о взаимных долговых обязательствах Франции и бывшего герцогства Варшавского не был урегулирован ни в 1823 г., ни в последующие годы, вплоть до падения режима Реставрации²⁸. Дело осложнялось тем, что герцогство Варшавское как одна из сторон тяжбы юридически более не существовало. Стороны пришли к согласию возобновить процесс ликвидации долгов в 1830 г., но Июльская революция во Франции и Ноябрьское восстание в Царстве Польском воспрепятствовали поездке польского комиссара. Только в 1834 г. Ф.-К. Любецкий по приглашению правительства Июльской монархии прибыл в Париж с целью ведения переговоров²⁹.

В то время как дело ликвидации долгов застопорилось, вопрос о консульстве Франции в Варшаве возник самым неожиданным образом. Объяснение этому можно, вероятно, усмотреть в том, что в течение четырех лет, проведенных в Варшаве, Теодору де Эдувилю приходилось заниматься не столько предметом его специальной миссии, сколько обычными консульскими обязанностями. Взаимодействуя

²⁵ Франциск-Ксаверий Друцкий-Любецкий (1778–1846), князь, уроженец Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, автор проекта автономии Литвы под протекторатом России в 1810–1812 гг., член временного Верховного совета герцогства Варшавского в 1813 г., министр финансов в правительстве Царства Польского с 1821 по 1830 г.

²⁶ Матьё де Монморанси (1766–1826), виконт, возглавлял министерство иностранных дел с 14 декабря 1821 г. по 25 августа 1822 г., затем с 30 ноября по 22 декабря 1822 г.

²⁷ Письмо Т. де Эдувиля от 8 апреля 1822 г. Варшава (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Hédouville № 2039).

²⁸ *Capefigie M. L'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe. Bruxelles, 1846. Vol. XII. P. 217–219.*

²⁹ Польский вопрос в сфере долговых обязательств стал предметом оживленной дискуссии в Палате депутатов в 1835 г. См.: *Procès-verbaux des séances de la Chambre des députés. Session de 1835. Vol. 2. Janvier 1835. Paris, 1835. P. 270–309.*

с цесаревичем, ему удалось войти к нему в доверие, в том числе и посредством оказания мелких услуг. Он, в частности, позаботился о доставке ему из Парижа при участии военного министерства определенной модели конской упряжи, представлявшей собой предмет мечтаний Константина Павловича³⁰. В итоге инициатором создания консульства Франции в Варшаве выступило не правительство Реставрации, а великий князь Константин, в ведении которого находились иностранные дела Царства Польского.

Консульское агентство в Варшаве. Габриэль де Корду и Адриен Кошле

Незамедлительно после отъезда Т. де Эдувиля цесаревич Константин письменно изложил стоявшему во главе иностранных дел графу К.В. Нессельроде свое пожелание о необходимости создания консульства Франции в Варшаве, аргументируя это неудобством переписки между Петербургом и Парижем для решения дел французов, проживающих в Царстве Польском, и трудностями наблюдения за политическими ссыльными³¹. При этом Константин Павлович высказывал пожелания относительно качеств будущего консула: «Как только будет признана своевременность этой меры, очень важно, чтобы выбор кандидата, на долю которого выпадет защита интересов французского правительства, пал на человека, чьи принципы и преданность легитимизму не вызывают сомнений, и который, кроме безупречного поведения с этой точки зрения, объединяет в себе качества, способные обеспечить ему уважение. Присутствие агента, в котором были бы соединены эти качества, явится несомненным свидетельством в пользу современного правительства Франции...»³² При этом цесаревич дал понять, что хотел бы видеть в качестве консула Теодора де Эдувиля, рекомендовав Нессельроде предпринять через посла России в Париже Шарля-Андре Поццо ди Борго необходимые демарши для его возвращения в Варшаву.

Действительно, в соответствии с приказом, отправленным из Петербурга, Поццо ди Борго попытался вытребовать желаемую великим князем кандидатуру, но эта попытка оказалась безуспешной. Несмотря на полученный им от императора Александра орден

³⁰ Письмо Монморанси к Эдувилю от 11 мая 1822 г. Париж (АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Hédouville № 2039).

³¹ Письмо великого князя Константина к Нессельроде от 3/15 июля 1822 г. Варшава (АМАЕ. Correspondance politique Russie (далее – СР Russie). Vol. 163. F. 305–306).

³² Ibid. F. 306.

Св. Станислава 2-го класса, Эдувиль не выказал никакого энтузиазма относительно возможного назначения в Варшаву³³.

Российское правительство, разочарованное отказом Эдувиля, остыло к этой идее, в то время как министр иностранных дел Ф.-Р. де Шатобриан³⁴ с горячностью ухватился за нее, предложив кандидатуру Габриэля де Корду, приходившегося ему родственником. Желание понятное, тем более что Пруссия и Австрия на тот момент уже были представлены в Варшаве генеральными консулами.

Спустя год после упомянутого письма, в июле 1823 г. Александр I дал свое согласие на открытие консульского агентства в Варшаве³⁵. Но этого оказалось недостаточно. Ожидали согласия цесаревича Константина на предложенную французской стороной кандидатуру, хотя и было ясно, что у него в принципе не может быть возражений. Роялизм Габриэля де Корду, «внука добропорядочного Мальзерб³⁶», прославившегося как адвокат Людовика XVI во время процесса 1792 г. и павшего жертвой якобинского террора, не вызывал сомнений. Уроженец Бургундии, он занимал блестящее положение в обществе эпохи Реставрации и, по словам вдовствующей маркизы де Корду, о нем отзывались как о «религиозном и добродетельном человеке»³⁷.

В конце сентября 1823 г. Шатобриан адресовал письмо генеральному консулу Франции в Санкт-Петербурге Гальц де Мальвираду³⁸, в котором просил его снабдить Габриэля де Корду инструкциями сразу после его приезда в столицу Российской империи. Сообщая, что его протееже новичок в консульских делах, Шатобриан препоручал Корду руководству Мальвирада, прося ввести его в курс дела и объяснить характер его обязанностей. «Большая часть дел, которыми он будет заниматься в Варшаве, — уточнял министр, — будет касаться частных интересов французов, которые еще довольно многочисленны

³³ См. копию письма Нессельроде к Поццо ди Борго от 22 июля / 3 августа 1822 г., Санкт-Петербург (АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. F. 8).

³⁴ Франсуа-Рене де Шатобриан (1768–1848), французский писатель и дипломат, руководил иностранными делами в период с 28 декабря 1822 г. по 14 августа 1824 г.

³⁵ Деша Ла Ферронэ от 30 июня / 12 июля 1823 г., Санкт-Петербург // Николай Михайлович (великий князь). Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 456–457.

³⁶ Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб (1721–1794), магистрат и министр Людовика XVI.

³⁷ Письмо маркизы де Корду к Дама от 22 августа 1824 г. замок д'Овон (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cordoue № 1040).

³⁸ Жан-Пьер-Эдуар Гальц де Мальвирад (1781–1843), докладчик в Государственном совете Первой империи, в 1814 г. начал свою деятельность в качестве второго секретаря посольства Франции при российском дворе; получив назначение генеральным консулом в Санкт-Петербурге в октябре 1819 г., исполнял эти обязанности до упразднения генерального консульства в мае 1831 г.

в Польше». Ожидалось, что Мальвирад сделает все необходимые демарши для того, чтобы Корду получил аккредитацию в Варшаве как представитель генерального консульства. «Г-н де Корду не молод; он серьезный и старательный, и я не сомневаюсь, что мы останемся довольны его службой, принимая во внимание его пылкую преданность королю»³⁹, — заключал свое письмо Шатобриан.

Габриэль де Корду прибыл в Санкт-Петербург в январе 1824 г., где был радушно встречен. Посол Франции Огюст де Ла Ферронэ⁴⁰ задержал его в российской столице для того, чтобы лично представить цесаревичу Константину, приезда которого ожидали со дня на день⁴¹. В марте 1824 г. Г. де Корду приступил к исполнению консульских обязанностей в Варшаве, вполне довольный своими отношениями с великим князем, который любил вести с ним светские беседы, хотя временами бывал резок и несдержан.

Подчиненное по отношению к генеральному консулу Гальц де Мальвираду положение не позволяло Корду поддерживать прямое сообщение с французским правительством. Необходимость постоянной переписки с генеральным консульством в Петербурге для решения самых незначительных вопросов задерживала делопроизводство, от чего страдала сама идея, ради которой было создано консульское представительство в польской столице. Цесаревич выразил желание, чтобы консульская значимость Корду была приведена, наконец, в соответствие с занимаемым им положением в обществе⁴². Исходя из этого, Ла Ферронэ принялся настоятельно убеждать министра в необходимости присвоить Корду звание вице-консула с жалованьем в 10 тыс. франков, что позволило бы ему меньше зависеть от генерального консульства⁴³. Цесаревич, со своей стороны, проявлял нетерпение, однако дело не сдвигалось с мертвой точки⁴⁴.

³⁹ *Bassan F.* Deux lettres inédites de Chateaubriand: du Ministère des Affaires Étrangères à la publication de la "Vie de Rancé" // *Revue d'Histoire littéraire de la France.* 65e année. № 2 (Apr. — Juin, 1965). P. 273.

⁴⁰ Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф де Ла Ферронэ (1777–1842) впервые оказался на территории Российской империи в составе армии принца Конде в 1798 г.; назначенный в 1819 г. посланником Людовика XVIII при российском императоре; в 1821 г. он был повышен в звании до посла Франции в Российской империи, в каком качестве оставался до конца 1827 г., когда получил назначение на пост министра иностранных дел в правительстве Мартиньяка.

⁴¹ Дешеш Ла Ферронэ от 28 января 1824 г., Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 166. F. 26).

⁴² Дешеш Ла Ферронэ от 27 февраля 1824 г., Санкт-Петербург (Ibid. F. 72). См. также: Николай Михайлович (великий князь). Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 510.

⁴³ Дешеш О. де Ла Ферронэ от 26 апреля 1824 г., Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 166. F. 152).

⁴⁴ Дешеш О. де Ла Ферронэ от 13 мая 1824 г., Санкт-Петербург (Ibid. F. 173–174).

В результате пребывания Г. де Корду в Варшаве оказалось недолгим. Уже летом 1824 г. он испросил себе трехмесячный отпуск и отбыл в октябре во Францию, после чего в декабре подал в отставку, слишком уязвленный незначительностью звания и скромным жалованьем, которое вынуждало его расходовать на служебную деятельность личные средства⁴⁵. В ожидании замены Г. де Корду заботу об интересах подданных короля Франции в Царстве Польском взял на себя генеральный консул Пруссии Юлиус Шмидт.

Для оставшегося вакантным консульского агента в Варшаве Ла Ферронэ рекомендовал Адриена Кошле, на тот момент временно исполнявшего обязанности руководителя канцелярии в генеральном консульстве в Санкт-Петербурге⁴⁶. Бывший атташе при генеральном интендантстве Великой армии А. Кошле прибыл в Петербург в 1820 г. для ввода в действие новых машин на русских ткацких фабриках. Он был замечен за свои деловые качества, пригодные для консульской карьеры⁴⁷. Несмотря на его бонапартистское прошлое, Нессельроде и Поццо ди Борго выступили за него ходатаями перед французским правительством⁴⁸. Такой интерес высокопоставленных чиновников объяснялся тем, что Кошле приходился младшим братом чтице и доверенному лицу королевы Гортензии, супруги Луи Бонапарта, бывшего правителя вассальной по отношению к Французской империи Голландии⁴⁹. Гортензия являлась дочерью Жозефины де Богарне, семейству которой Александр I покровительствовал в период Первой Реставрации⁵⁰.

Тем не менее назначение А. Кошле в первый январский день 1825 г. было плохо принято в Варшаве. Цесаревичу не понравилось, что «Кошле являлся интендантом области Белосток в 1812 г., что тем

⁴⁵ Письмо Г. де Корду к Дама от 31 декабря 1824 г., Париж (АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Cordoue № 1040).

⁴⁶ Адриен Луи Кошле (1788–1858), аудитор в Государственном совете при Первой империи, он поддержал Наполеона в эпоху «Ста дней» в качестве префекта департамента Мёз. Письмо О. де Ла Ферронэ к Дама от 20 декабря 1824 г., Париж (АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Cochelet № 986).

⁴⁷ *État general des services de M. Cochelet (Adrien Louis)*. Ibid.

⁴⁸ Письмо Нессельроде к Поццо ди Борго, 1823 г., Санкт-Петербург (Ibid).

⁴⁹ Луиза Кошле, которую К. В. Нессельроде называл «известная demuазель» в упомянутом выше письме к Поццо ди Борго от 1823 г., является автором мемуаров о королеве Гортензии. АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Cochelet. № 986. См. также: *Mémoires sur la reine Hortense et la famille impériale, par mademoiselle Cochelet, lectrice de la reine*. 4 v. Paris, 1836–1838.

⁵⁰ Поццо ди Борго пытался определить А. Кошле на консульскую службу еще в 1814 г. См.: письмо Поццо ди Борго к Нессельроде от 14/26 сентября 1814 г. Париж // *Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1816) / Сборник русского исторического общества*. Под ред. А. Половцова. СПб., 1901. Т. 112. С. 95.

самым он должен был вступать в сношения с самыми значительными ее жителями в целях той политики, которую преследовало тогда французское правительство, и что данные обстоятельства, воспоминания, которые с ними связаны, и связи, которые явились естественным их следствием, неизбежно поставят г-на Кошле в ложное положение...»⁵¹. Уполномоченный российской стороной посол Поццо ди Борго уведомил министра иностранных дел Франции М. де Дама⁵² об этой чрезвычайно деликатной для будущего отношений обеих стран ситуации. Однако консульский агент уже отправился на место своего назначения.

Прибыв в марте 1825 г. в Варшаву, А. Кошле натолкнулся на холодный прием со стороны цесаревича и общества. Александр I вынужден был согласиться с возражениями своего брата, доведя до сведения французского правительства о нежелательности дальнейшего пребывания Кошле в Варшаве. Для того чтобы сгладить неприятное впечатление от подобного демарша, российское правительство изъявило готовность не чинить затруднений при назначении Кошле в качестве консульского агента в любом другом торговом городе империи.

Смушение, испытанное Ла Ферронэ вследствие этого инцидента, проглядывает в его письме от 28 мая, где он отзывается о Кошле как о жертве «неоправданных предубеждений великого князя Константина»⁵³. По прошествии всего семи месяцев после своего прибытия в Варшаву Адриен Кошле получил назначение консульским агентом в Ригу, где оставался до 1828 г.⁵⁴ Чрезвычайная подозрительность, которую проявил цесаревич Константин, протестуя против его пребывания в Варшаве, имела под собой определенные основания.

Консульство в Варшаве. Жан-Франсуа Мимо и Реймон Дюран

Бешю де Ла Сансе, бывший военный комиссар в армии Наполеона, проведя в Варшаве август–сентябрь 1820 г., написал по итогам своего там пребывания отчет об исполнении возложенной на него обязанно-

⁵¹ Письмо Нессельроде к Поццо ди Борго от 7/19 мая 1825 г. Варшава (АМАЕ. СР Russie. Vol. 168. F. 242).

⁵² Максанс де Дама (1785–1862), барон, возглавлял министерство иностранных дел Франции с 4 августа 1824 по 4 января 1828 г.

⁵³ Письмо О. де Ла Ферронэ к М. де Дама от 28 мая 1825 г. Санкт-Петербург (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986).

⁵⁴ Впоследствии А. Кошле довелось сделать блестящую карьеру в консульской службе при Июльской монархии, но не в России, а в Центральной Америке, Дунайских княжествах, Египте и Великобритании. См.: АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet. № 986.

сти передать Александру I, находившемуся в польской столице по случаю открытия сейма, ноту французского правительства о революции в Неаполе. В заключительной части этого пространного отчета были зафиксированы интересные наблюдения о настроениях поляков. В них отмечалось состояние обеспокоенности и экзальтации, которое царило в Варшаве. Речь Александра I на открытии сейма в 1818 г. была истолкована как желание в будущем присоединить к Королевству Польскому отошедшие к России украинские, белорусские и литовские земли для того, чтобы восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г.⁵⁵ Бешю отмечал большую свободу в разговорах и господство в Королевстве Польском «идеи независимости»⁵⁶. Строя предположения о том, что расширение Королевства стало бы гибельным для России, Бешю давал французскому правительству совет не противиться ее «неосторожным проектам». Заметка герцога де Ришелье, оставленная на полях донесения, выражала полное согласие министра с этим выводом. Отмечая неприязнь между русскими и поляками, наблюдатель констатировал устойчивые польские симпатии в отношении французов. Многие поляки были «заражены бонапартизмом», путая его с либерализмом. «Поляки очень любят французов; но то, что усиливает чудесным образом их естественную склонность в этом отношении, это неприятность, которую они надеются доставить русским проявлением этого чувства»⁵⁷.

Отмеченная Бешю враждебность польских патриотов в отношении русско-польского государства еще более обострилась к 1825 г. Александр I разочаровал тех, кто возлагал надежды на воссоздание Речи Посполитой с его помощью, сейм не созывался с 1820 г., была введена цензура, полиция совершала аресты без суда и следствия. Цесаревич Константин тратил большие суммы на военное дело, генералы растрачивали казенные деньги, следствием чего стали финансовые проблемы и рост налогов, вызывавший недовольство населения. Вместе с тем в Царстве Польском происходило развитие промышленности, в том числе и за счет обоснования там французских предпринимателей и инженеров. Среди них — Филипп де Жирар⁵⁸, известный

⁵⁵ Слухи о желании царя объединить в будущем западные окраины Российской империи с Царством Польским стали активно циркулировать уже после того, как в 1817 г. состоялось присоединение к 30-тысячной польской армии литовского полка, одетого в одинаковые с поляками мундиры. См.: *Beauvois D. Histoire de la Pologne*. Paris, 1995. P. 218.

⁵⁶ *Mémoire de Béchu sur sa mission à Varsovie* (АМАЕ. СР Russie. Vol. 161. F. 96).

⁵⁷ *Ibid.* F. 97.

⁵⁸ Филипп Анри де Жирар (1775—1845), уроженец Лурмарена на юго-востоке Франции, прибыл в Царство Польское, чтобы спастись от кредиторов. Участник объявленного в 1810 г. конкурса, по условиям которого изобретатель прядильной машины должен был получить 1 млн франков, он так и не увидел причитавшихся

своими изобретениями, такими как машина для прядения льна, основал льняную фабрику в окрестностях Варшавы в местечке, которое впоследствии стало называться Жирардув. С урбанизацией и развитием экономики все большее число французов оседало в пределах Царства Польского, так что потребность в консульском присутствии в Варшаве со временем возрастала.

Французское правительство стало рассматривать вопрос о преобразовании консульского агентства в настоящее консульство, возможно, рассчитывая тем самым задобрить цесаревича. Жан-Франсуа Мимо⁵⁹, литератор, бывший консул в Картахене (Испания) и Кальяри (Сардиния), казалось, был подходящей кандидатурой для назначения в Варшаву. Но министр Максанс де Дама предварительно пожелал убедиться в благоволении цесаревича к этому кандидату. Неожиданная смерть Александра I 19 ноября (1 декабря) 1825 г., последовавшее затем междуцарствие, восшествие на престол Николая I, восстание на Сенатской площади и процесс над декабристами отсрочили ответ цесаревича. Лишь в мае 1826 г. до Парижа дошло известие о том, что Константин в конечном счете отверг кандидатуру Ж.-Ф. Мимо.

Посол Ла Ферронэ не скрывал своей растерянности, сообщая министру следующее: «По-видимому, великий князь Константин настолько отсрочил свой ответ, чтобы иметь досуг навести о г-не Мимо самые детальные справки. Мне неизвестно, каковы источники, в которых Его Императорское Высочество почерпнул предубеждения против выбора министерства; но я знаю, что биограф г-на Мимо <...> сумел поставить ему в вину его отношения с г-ном Биньоном⁶⁰. Великий князь утверждает, что г-н Биньон отнюдь не оставил по себе в Варшаве воспоминаний, которые могут рекомендовать его друзей, и основываясь на столь легковесной причине, которая носит характер необъяснимого предубеждения, Его Императорское Высочество аргументирует свой отказ кандидатуры г-на Мимо»⁶¹.

Дружба с Луи Биньоном, публицистом и депутатом в 1820-е гг., явилась в глазах цесаревича достаточным основанием для того, чтобы

ему денег, вследствие медлительности имперской бюрократии и краха наполеоновской империи. См.: *Girbal Ph. Philippe de Girard, inventeur de genie, Lourmarinois. Lauris, 2009.*

⁵⁹ Жан-Франсуа Мимо (1774–1837), автор «Истории Сардинии», изданной в Париже в 1825 г.

⁶⁰ Луи Биньон (1771–1841), администратор и дипломат, имперский комиссар в Пруссии в 1806–1808 гг. и Австрии в 1809 г., представлял Наполеона в герцогстве Варшавском и Литве в 1811–1812 гг.; в эпоху Реставрации, в 1817 г. был избран депутатом, автор воспоминаний и 10-томной «Истории Франции», написанной по поручению Наполеона и изданной в 1829–1830 и 1838 гг.

⁶¹ Конфиденциальная депеша О. де Ла Ферронэ к Дама от 3 мая 1826 г. Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 170. F. 355).

вторично отклонить предложенную правительством Реставрации кандидатуру. Причина заключалась в прошлом Биньона, который в своем качестве посланника в герцогстве Варшавском в контексте предвоенной напряженности (март 1811 — июнь 1812) создал разветвленную разведывательную службу, позволившую ему регулярно поставлять в Париж сведения о России военного, географического и статистического характера. Впоследствии, уже после вторжения Наполеона и занятия им Вильно, Биньон возглавил созданное в Литве временное правительство. В контексте выявленного в Варшаве в 1826 г. тайного Патриотического общества, связанного с декабристами, и последовавшего ареста его членов, цесаревич более всего опасался, что друг Биньона, известного своей поддержкой польского национального движения, примется поощрять подогреваемые извне антироссийские настроения.

Тем не менее император Николай I, по просьбе Ла Ферронэ, попытался убедить великого князя Константина в необходимости пересмотреть решение, которое рисковало негативно сказаться на франко-российских отношениях. Цесаревич упорствовал в своем отказе. В мае 1826 г. кандидатура Ж.-Ф. Мимо все же была утверждена императором, и французский посол увидел в этом доказательство его стремления укреплять отношения с Карлом X. Однако навязывание цесаревичу неугодного ему консула было чревато всевозможными осложнениями, поэтому Ла Ферронэ посоветовал отсрочить отъезд Ж.-Ф. Мимо, тем более что раскрытие заговора среди польских офицеров создавало атмосферу политической напряженности в Варшаве⁶².

Жан-Франсуа Мимо так и не отправился в польскую столицу. Вместо него в Варшаву прибыл Реймон Дюран⁶³, назначенный консулом 19 июля 1826 г. с окладом в 11 тыс. франков. Ж.-Ф. Мимо получил назначение на освобожденный Дюраном пост консула в Венеции.

На этот раз французские власти постарались найти кандидата, не имевшего никакого отношения к наполеоновской эпопее. Роялизм Реймона Дюрана был безусловным и очевидным для всех. Родом из богатой семьи торговцев зерном из Лангедока, он рано лишился отца, погибшего на гильотине в 1794 г., после чего сын перебрался в Барселону, где со временем основал собственное дело. Его дебют в консульской

⁶² Деша О. де Ла Ферронэ от 31 мая 1826 г. Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 170. F. 391).

⁶³ Луи-Мари-Реймон Дюран (1786—1837) состоял в родстве с высокопоставленными лицами эпохи Реставрации, депутатами и банкиром, которые принимали активное участие в консульской карьере своего племянника, так что его досье, хранящееся в дипломатическом архиве Министерства иностранных дел в Ла Курнёв, содержит большое количество адресованных ими просьб. См.: АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Durand № 1470.

службе пришелся на эпоху «Ста дней», благодаря рекомендации герцога Ангулемского, племянника Людовика XVIII, попытавшегося (безуспешно) организовать сопротивление продвижению Наполеона на юг. Наполеон мог бы тогда захватить герцога Ангулемского в плен, однако, надеясь на примирение с Европой, приказал генералу Груши, командовавшему войсками в районе Монпелье, дать герцогу возможность спастись, благодаря чему наследник Бурбонов смог перебраться из города Сет в Барселону на торговом корабле, принадлежавшем Реймону Дюрану⁶⁴.

Начав карьеру в Барселоне, Дюран был переведен в консульство Порто в 1816 г. и далее в Венецию в 1824 г., где оставался менее двух лет до назначения в Варшаву. По всей видимости, Дюран ничем не скомпрометировал себя в глазах великого князя Константина Павловича. Сменивший Ла Ферронэ в качестве посла Франции в России Казимир де Мортемар⁶⁵ проездом через Варшаву в мае 1828 г., заметил с удовлетворением, что Дюран оказался «на хорошем счету у великого князя, обыкновенно любим и уважаем населением, что делает ему тем больше чести, что он находится в деликатном положении под наблюдением суровой и хорошо организованной полиции»⁶⁶.

Эпилог

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что именно великий князь Константин Павлович выступил инициатором открытия в 1824 г. французского консульского агентства в Варшаве, которое в угоду ему было преобразовано в консульство в 1826 г. В то же время его стремление жестко контролировать процесс отбора кандидатов на этот пост имело следствием частые осложнения в двусторонних отношениях. Объяснение такому придирчивому поведению можно усмотреть в Русской кампании Наполеона 1812 г., в ходе которой французская администрация поддерживала в польских патриотах надежды на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.

Рискуя вызвать раздражение французской стороны, великий князь Константин Павлович тем не менее отклонил одна за другой

⁶⁴ *Turquan J.* La dernière dauphine. Madame duchesse d'Angoulême (1778–1851). 4e éd. Paris, 1909. P. 246.

⁶⁵ Казимир-Луи-Викторьен де Рошешуар, герцог де Мортемар (1787–1875), генерал, назначенный послом в России в марте 1828 г., в ходе первой кампании Русско-турецкой войны находился при генеральном штабе русской армии вместе с императором Николаем I.

⁶⁶ Деспеша К. де Мортемара от 16 мая 1828 г. Варшава (АМАЕ. СР Russie. Vol. 174. F. 181).

кандидатуры А. Кошле и Ж.-Ф. Мимо, движимый опасениями, что бывший интендант Белостока и друг Л. Биньона, посредством прежних знакомств, не преминули бы поставить под сомнение российское господство в Польше. Напротив, кандидатуры роялистов Г. Корду и Р. Дюрана, не запятнавших себя поддержкой польского национального дела, пришлось по вкусу русскому наместнику в царстве Польском.

Сменившая режим Реставрации Июльская монархия оставила Реймона Дюрана консулом в польской столице, несмотря на закрепившуюся за ним репутацию приверженца старшей ветви Бурбонов и в особенности герцога Ангулемского, которому он был обязан началом своей консульской карьеры. Пришедший к власти в результате Июльской революции Луи-Филипп I, представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов был настроен миролюбиво, тогда как отзыв консула из Варшавы мог бы дать лишний повод для осложнения политических отношений с Россией.

Император Николай I, как известно, в штыки воспринял известие о новой революции во Франции, свергнувшей легитимного короля Карла X, хотя и признавал определенную вину самого свергнутого монарха в сложившейся ситуации⁶⁷. Последовавшая за июльскими событиями в Париже августовская революция в Брюсселе с лозунгами отделения Бельгии от Объединенного королевства Нидерландов усилила негодование императора, придававшего большое значение поддержанию порядка, учрежденного на Венском конгрессе в 1815 г. Осенью 1830 г. распространились слухи о готовившемся Николаем I наступлении на Бельгию, в котором войскам Царства Польского отводилась роль авангарда, что спровоцировало взрыв возмущения в среде польских патриотов, нацеленных на восстановление независимой Речи Посполитой.

Ноябрьское восстание в Варшаве, в результате которого великий князь Константин Павлович вынужден был спасаться бегством из Бельведерского дворца, ввергло Царство Польское в тяжелые испытания. На весь период вызванных восстанием беспорядков и русско-польской войны, начало которой пришлось на февраль 1831 г., консульство Франции в Варшаве приобрело первостепенное значение. Польские патриоты уповали на французскую помощь, полагая найти в консуле Дюране проводника их чаяний перед правительством Июльской монархии. Однако Дюран занял отстраненную позицию в полном соответствии с правительственным курсом на невмешательство. «С первого дня восстания консул Франции в Варшаве г-н Реймон Дюран объявил многим членам сейма, что они не должны ожидать от

⁶⁷ *Выскочков Л. Николай I. М., 2003. С. 361–365.*

его правительства ни поощрения, ни поддержки»⁶⁸. Луи-Филипп I, будучи реалистом, не хотел своими действиями в пользу польских повстанцев спровоцировать европейскую войну, в которой Россия, Пруссия и Австрия выступили бы против Франции единым фронтом. В этой миролюбивой политике Июльской монархии просматривается не только идеологическая составляющая, но и прагматичная оценка ситуации.

Последовавшее в декабре 1830 г. назначение чрезвычайным послом в России герцога де Мортемара, известного своими доверительными отношениями с Николаем I, должно было служить значимым залогом миролюбивой политики Луи-Филиппа I. Повстречав по дороге в Санкт-Петербург в конце января 1831 г. агентов повстанческого правительства, К. де Мортемар, основываясь на полученных им инструкциях, приложил усилия к тому, чтобы разубедить их в обоснованности надежд на французскую помощь. Более или менее подробные описания этой встречи ночью, посреди густого леса, в сильный холод, приводятся во многих трудах по истории внешней политики Июльской монархии для иллюстрации ее приверженности курсу на невмешательство⁶⁹. Однако увещевания посла Луи-Филиппа I не имели должного эффекта. Разгоряченные борьбой поляки уповали на то, что волна общественных манифестаций в Париже с требованиями их поддержки и демократическая оппозиция в парламенте возьмут верх над осторожной политикой короля.

В марте 1831 г., в атмосфере накала страстей в Палате депутатов консул Реймон Дюран стал в какой-то момент восприниматься как символическая фигура проводимой правительством Казимира Пьерье политики невмешательства, следствием чего стало выражение несдерживаемого негодования либералов в его адрес. За Дюраном закрепилась репутация «карлиста», иными словами, легитимиста и, как следствие, предателя. Маркиз де Лафайет, патриарх европейской демократии, выступил против Дюрана с обличениями в том, что тот принес присягу новому режиму только после того, как цесаревич Константин посоветовал ему так поступить, исходя из собственных интересов, а именно из стремления предотвратить его замену кем-либо из либералов. В довершение скандала, по словам Лафайета, выходило, что великий князь Константин сам отправил министру М. Моле присягу

⁶⁸ *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 2e éd. 8 v. Paris, 1859. Vol. 2. P. 280.*

⁶⁹ См., например: *Nouvion V. Histoire du règne de Louis-Philippe, roi des Français, 1830—1848. 4 v. Paris, 1858. Vol. 2. P. 189—192; Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 2e éd. 8 v. Paris, 1859. Vol. 2. P. 280—281; Thureau-Dangin P. Histoire de la Monarchie de Juillet. 3e éd. 7 v. Paris, 1897. Vol. 1. P. 193; Montfort H. La Pologne. Paris, 1946. P. 182.*

консула, при полном одобрении императора и невозмутимости французского правительства⁷⁰.

Прозвучавшие с трибуны обвинения были два года спустя воспроизведены леворадикальным депутатом (впоследствии — социалистом-утопистом) Этьеном Кабе в хлестком памфлете, обличавшем короля в заискивании перед Николаем I. В качестве доказательства автор памфлета приводил среди прочего факт оставления Р. Дюрана консулом в Варшаве в 1830 г. «Этот консул, который не скрывал ни в коей мере своей привязанности к Карлу X, принес присягу Июльской революции лишь после того, как выслушал мнение Константина на этот счет, и руководствуясь лишь советом этого русского, данным в интересах России»⁷¹. По мнению Кабе, характеризовавшего Дюрана как приверженца сохранения Польши под пятой «московского колосса», министерство не могло не знать о его легитимистских пристрастиях. В результате, заключал Кабе, Луи-Филипп и министр иностранных дел О. Себастиани действовали как его сообщники, бросив поляков на произвол судьбы. «Консул Дюран, преданный Карлу X и Николаю, внушал только недоверие полякам и был им бесполезен: его равнодушные, его раздражение против польской революции, могли принести этой последней только вред; это враг; лживость его донесений такова, что в марте Себастиани счел, что русские штурмом взяли Варшаву, тем не менее, он оставил его на посту, несмотря на неотступные просьбы польской дипломатической миссии заменить его кем-нибудь другим»⁷².

Жесткая критика Реймона Дюрана в Палате депутатов и публицистике за равнодушие к делу польского освобождения несколько не повредила его положению. После вступления русской армии в Варшаву 27 августа (8 сентября) 1831 г. и принятия 14 (26) февраля 1832 г. Органического статута Царства Польского, упразднившего полученные ранее по конституции 1815 г. элементы польской государственности, Дюран остался консулом в Варшаве, против чего российская сторона не возражала. Более того, тактика сдержанного наблюдателя, которой придерживался Дюран в ходе восстания, была по достоинству оценена Николаем I, который наградил французского консула орденом Св. Анны 2-й степени.

⁷⁰ Для того чтобы утверждение не звучало голословно, Лафайет ссылался на письмо великого князя Константина, адресованное в Санкт-Петербург 6 (18) сентября 1830 г. // *Sarrans B. Lafayette et la Révolution de 1830: histoire des choses et des hommes de Juillet*. 2 vol. Paris, 1833. Vol. 2. P. 13–14.

⁷¹ *Cabet. Révolution de 1830 et situation présente (novembre 1833) expliquées et éclairées par les Révolutions de 1789, 1792, 1799 et 1804 et par la Restauration*. 3e éd. Paris, 1833. P. 52.

⁷² *Ibid.* P. 56.

Французские официальные круги также не имели оснований для недовольства им. По словам самого Дюрана, в частной аудиенции в декабре 1835 г. Луи-Филипп I выразил ему свое удовлетворение точностью, с какой «польская революция» была представлена в его депешах. «Действительно, я писал по три рапорта в неделю, и они были примечательны своей верностью»⁷³. Повышение в звании до генерального консула стало бы для Дюрана реальным признанием его заслуг. Скорее всего, такое повышение было бы хорошо воспринято и императором Николаем I, который усмотрел бы в нем признание произведенных им в Царстве Польском перемен. Тем не менее, несмотря на посулы французского правительства, сделанные еще в 1831 г., Реймон Дюран так и остался представлять Францию в Варшаве в звании консула до начала 1837 г., когда проблемы со здоровьем потребовали немедленно его возвращения в родной Монпелье.

⁷³ Письмо Р. Дюрана к Моле от 29 октября 1836 г. Варшава (АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Durand № 1470).

ОБРАЗ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ: РУСОФОБЫ ИЛИ РУСОФИЛЫ?*

Н. П. Таньшина

Годы правления в России императора Николая I (1825–1855), а во Франции – короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848) были отмечены резким обострением двусторонних отношений, что было связано с негативным отношением российского государя, убежденного защитника принципа легитимизма, к режиму, рожденному Июльской революцией 1830 г. На это время приходится всплеск антирусских настроений во французском обществе и в политической элите Франции, а русофобия становится устойчивым явлением. Несмотря на крайне ограниченные контакты между двумя странами интерес французов к России оставался достаточно высоким. Какой же образ Российской империи воссоздавали на страницах своих работ французские путешественники, побывавшие в нашей стране?

Хрестоматийным стал взгляд на нашу страну, запечатленный в книге маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». О книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» написано множество работ. Наверное, она является самой известной и скандальной книгой о России. По ней судили и судят о России по сию пору, из нее выдергивают цитаты как в пользу России, так и против нее. П. П. Черкасов справедливо отмечает, что путешествие маркиза имело весьма негативные последствия для репутации Российской империи, которая оказалась основательно «подмоченной» по меньшей мере на полтора столетия вперед¹. Однако можно ли считать выводы, сделанные Кюстином, не говорившим по-русски, пробывшим в России только два месяца, посетившим лишь четыре города, объективными и обоснованными? Составил ли он адекватное представление о стране, ее народе и политических нравах? Как справедливо подчеркивает П. П. Черкасов, «... автор и не ставил перед собой столь широких задач. Ни народ, ни русская культура его не интересовали. Зато государственная система и политические нравы, утвердившиеся в Российской империи, вызы-

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

¹ Черкасов П. П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 76.

вали нескрываемый интерес у путешествующего литератора, равно как и живые символы этой системы – придворные, министры и чиновники»².

Легитимист Кюстин, отец и дед которого были гильотинированы в эпоху террора, прибыл в Россию с искренним намерением найти здесь веские аргументы против либерально-конституционных тенденций, характерных для Июльской монархии. Поездка в Россию явилась для него своеобразным экспериментом: он хотел понять, способна ли абсолютная монархия оправдать надежды, которые на нее возлагали французские легитимисты.

Однако когда французский аристократ побывал в России, он отказался от своего первоначального замысла и написал обширный четырехтомный памфлет, в котором его впечатления от путешествия были облечены в форму сатирической публицистики³. Кюстин вернулся из России убежденным противником абсолютной монархии и сторонником представительного правления как наименьшего из зол⁴. Он писал: «Уезжая из Парижа, я полагал, что лишь тесный союз Франции и России способен внести мир в европейские дела; но, увидев вблизи русский народ и узнав истинный дух его правительства, я почувствовал, что этот народ отделен от прочего цивилизованного мира мощным политическим интересом, опирающимся на религиозный фанатизм; и мне думается, что Франция должна искать себе поддержку в мире тех наций, которые согласны с нею в своих нуждах»⁵.

Кюстин не спешил публиковать свою работу. Да и издание книги было непростой задачей. Его «Испания во время правления Фердинанда VII» вышла в свет только в 1838 г., тогда как Кюстин посетил Испанию в 1831 г., а король Фердинанд VII умер в 1833 г.

Анонсированная в «Библиографии Франции» 13 мая 1843 г., «Россия в 1839 году» поступила в продажу в магазине П.Ф. Амио по цене 30 франков за 4 тома. Издание быстро разошлось, и в ноябре вышло второе издание за 14 франков тиражом в 3 тыс. экземпляров. И снова успех! Этот успех заставил журналистов обратить внимание на эту работу в последние месяцы 1843 г. и в первые месяцы 1844 г. От одного издания к другому Кюстин вносил в текст какие-то фрагменты или дополнения. В 1846 г. вышли еще два издания. Пятое издание,

² Черкасов П. П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 76.

³ Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. М., 1937. С. 156.

⁴ Литература о книге А. де Кюстина обширна, см., например: Мильчина В. Несколько слов о маркизе Кюстине, его книге и первых русских читателях // Мильчина В., Осповат А. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008.

⁵ Кюстин А. де. Указ соч. С. 346.

опубликованное в июле 1854 г., было особенно заметным — оно появилось во время Крымской войны, что придавало книге пророческий смысл.

Книга Кюстина имела большой общественный резонанс. В каждой стране у нее были как поклонники, так и противники, причем первых было гораздо больше, особенно в Германии. Во Франции же, по словам французского исследователя Мишеля Кадо, напротив, политическая метаморфоза, превратившая убежденного легитимиста в сторонника конституционного режима, была слишком внезапной, чтобы не вызвать подозрения. Это вовсе не означало, что книгу не читали, но читали ее во многом вопреки, а не благодаря появлявшимся критическим статьям⁶. Однако как бы к книге не относились, как справедливо отмечал М. Кадо, после А. Кюстина никто не мог писать о России так, как писали до него⁷. В России книга была немедленно запрещена, благодаря чему стала одной из самых читаемых в свете в сезон 1843—1844 гг.

Несмотря на то, что в России возобладали точка зрения императора Николая I — взирать на все публикации с холодным равнодушием — антикюстиновская пропаганда под руководством Третьего отделения была весьма активна (другое дело, что не особенно эффективна). В ней были задействованы выдающиеся умы эпохи — Ф.И. Тютчев, П.А. Вяземский и многие другие. Работа князя Вяземского «Еще несколько слов о работе г-на Кюстина “Россия в 1839 году” по поводу статьи в “Le Journal des Debats” от 4 января 1844 г.», может быть, является самой сильной в длинном списке опровержений⁸. Петр Андреевич тонко подметил основные причины успеха книги Кюстина. *Во-первых*, она состояла из набора устоявшихся штампов и стереотипов, воссоздавая распространенный на Западе образ России. То есть французы видели в России то, что хотели увидеть, как это было, например, в ходе Отечественной войны 1812 г., когда, обработанные пропагандистской машиной, офицеры видели под Смоленском северное сияние и белых медведей, о чем сообщали в своих мемуарах. Поэтому книга Кюстина применяется на Западе и к России сталинской, и к России брежневской, и к России современной. *Во-вторых*, что не менее важно, книга провоцировала скандал, и уже одно это предрекало ей успех. Как писал Петр Андреевич, «если людям нравятся сказки, то еще больше им

⁶ Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. P., 1967. P. 242—243.

⁷ Ibid. P. 540.

⁸ Французский текст статьи Вяземского содержится в книге М. Кадо «Россия в интеллектуальной жизни Франции. 1839—1856» и используется в авторском переводе по этому изданию. Первый перевод на русский язык был сделал Г.А. Невелевым: *Невелев Г.А. А. де Кюстин и П.А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 66—93.*

нравится шумиха и скандал. Это прекрасная пища для бездельников, людей простодушных и доверчивых. Стоит ли удивляться тому, что эта работа, написанная, очевидно, исключительно с целью угодить современным политическим настроениям, имела резонанс?»⁹.

Кстати, это прекрасно понимал и сам Кюстин. В своей книге он приводит очень точное наблюдение императрицы Александры Федоровны, заметившей в разговоре с ним: «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас знают очень мало и не хотят узнать лучше»¹⁰. Это весьма характерная деталь: она объясняет, почему из книги Кюстина, где было сказано много хорошего о России, надергали нужных цитат, составив своеобразный дайджест, или пасквиль о России, растиражировав удобные клише и стереотипы.

И это же объясняет абсолютную неизвестность других книг о России, позитивных, написанных современниками Кюстина, а их было немало. Но такие книги, не имеющие скандально-памфлетного характера, имели гораздо меньше шансов стать бестселлерами.

Например, одна из них принадлежит барону Просперу де Баранту, в 1835–1841 гг. являвшемуся посланником Франции в России¹¹. Книга Баранта «Заметки о России», местами тоже критическая, но в целом доброжелательная, в немалой степени разрушала сформировавшиеся во Франции и на Западе стереотипные представления о России: Барант считал, что Россия, при всей ее самобытности, являлась неотъемлемой частью западной цивилизации, а не дикой и варварской страной. Но именно по этой причине его книга и оказалась забыта (она была опубликована только один раз в 1875 г., на русский язык не переводилась): иностранцам импонирует другой взгляд на Россию, кюстиновский¹². Характерно, что французские исследователи, изучавшие работу Баранта, в частности М. Кадо, весьма объективный историк, вовсе

⁹ *Vyazemsky P.A.* Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // Cadot M. Op. cit. P. 265–266.

¹⁰ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 163.

¹¹ После дипломатического инцидента 1841 г. барон де Барант и граф П.П. Пален не вернулись к исполнению своих обязанностей, хотя официально отозваны не были, а интересы двух стран представляли поверенные в делах.

¹² См.: *Таньшина Н.П.* «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 184–204; *Она же.* «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Материалы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016 г. Ялта, 2016; *Она же.* Маркиз де Кюстин и барон де Барант; два образа России в исторической памяти // Образы будущего России: желаемое-возможное-необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, МПГУ, 8–9 июня 2016 г. М., 2016. С. 75–84.

не зараженный антирусскими настроениями, считал работу Баранта враждебной России. Он вообще полагал, что наиболее критические свидетельства о России принадлежат путешественникам, находившимся в нашей стране продолжительное время¹³. Но это уже к вопросу о том, что у книги столько интерпретаций, сколько у нее читателей. Каждый видит то, что хочет увидеть, а цитат для создания крайне одиозного образа России можно надергать и у Проспера де Баранта.

Не менее показательной является и работа Шарля де Сен-Жюльена, французского журналиста и писателя (1802–1869), многие годы работавшего в России¹⁴. Весной 1851 г. он совершил долгое путешествие через Москву, Нижний Новгород, Казань, потом по Волге добрался до Астрахани; оттуда направился на Кавказ, в курортные города Пятигорск, Кисловодск и оказался в Тифлисе. Обратный путь проделал через Тамань, Керчь, Крым, Херсонес, Одессу, украинские степи и Киев. В 1853 г. Сен-Жюльен опубликовал о своем путешествии весьма увлекательную книгу под названием «Живописное путешествие по России»¹⁵.

Как полагал М. Кадо, Сен-Жюльен вернулся в Россию искать успеха, который не мог обрести во Франции, отсюда и его доброжелательный тон. В предисловии к книге, написанном в Петербурге в мае 1853 г., он объясняет свой замысел: уже давно у него возникла идея написать книгу о России, политическое влияние которой в Европе заметно возросло. Однако, по словам Сен-Жюльена, за исключением небольшого коли-

¹³ Cadot M. Op. cit. P. 539.

¹⁴ См. о нем: *Сперанская Н.М.* Шарль де Сен-Жюльен – французский журналист в России // *Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века.* М., 2013. В 1831 г. он был приглашен на должность старшего лектора французского языка и истории французской литературы на филологический факультет Петербургского университета, издавал в Петербурге газету «le Furet». В 1834 г. Сен-Жюльен опубликовал «Краткий курс французской литературы», прочитанный им в 1833–1834 гг. Он познакомил Россию с Виктором Гюго, несмотря на негативное отношение к писателю со стороны императора Николая I. В 1836 г. Сен-Жюльен был назначен библиотекарем в Румянцевский музей. В 1840 г. он опубликовал «Книгу для чтения по французскому языку», и анонимно – «Путеводитель по Санкт-Петербургу». Именно этот путеводитель изучал Бальзак перед поездкой в Россию. Осенью 1846 г. Сен-Жюльен вышел в отставку и тогда же стал членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук с чином «надворного советника». Он писал сценарии или адаптировал сценарии других авторов для французской труппы Михайловского театра. Летом 1847 г. он вернулся во Францию, а уже 1 октября «la Revue des Deux Mondes» опубликовал первое из его больших исследований о русской литературе под заголовком «Пушкин и литературное движение России за последние сорок лет». В России работа была воспринята критически.

¹⁵ *Saint-Julien Ch. de.* Voyage pittoresque en Russie. P., 1853. В следующем году эта работа была опубликована в книге вместе с работой М. Бурдьё «Путешествие по Сибири». См: *Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M.R. Bourdier.* P., 1854. Цитаты далее приводятся по этой работе.

чества работ, публиковавшихся в «la Revue des Deux Mondes» и некоторых других изданиях, о России издавались только памфлеты или книги, содержащие массу заблуждений. Россия, по его мнению, остается terra incognita для Европы, отдаленная от нее расстоянием, незнанием языка и нехваткой серьезного изучения на местности. По его мнению, «путешествие по России может быть плодотворным только после глубокого погружения в ее историю, язык, обычаи»¹⁶.

Сен-Жюльен говорит об огромном прогрессе, достигнутом Россией, вовсе не чуждой европейской цивилизации. Причем, по его словам, ощутимые изменения затронули все слои общества. Если в его прежний визит одна русская барышня на его вопрос, какие из французских новинок она читала, простодушно ответила: «Мольера», то спустя десять лет дамы в салонах мелкопоместного дворянства были неплохо осведомлены о современной французской литературе. И сами салоны изменились: если прежде они поражали француза просто обилием угощений и напитков, то теперь приемы стали более изысканными¹⁷. И при этих изменениях, по мнению Сен-Жюльена, русские смогли сохранить свою национальную идентичность, самобытность, не подверженную никаким пертурбациям. Он пишет, что славянский характер остался тем же, и «старый боярин, старая Русь навсегда в нем остались»¹⁸. Более того, по его мнению, вместе с приобщением России к принципам европейской цивилизации национальный дух «повсюду пустил еще более мощные корни»¹⁹. Сущность же русского национального характера француз выразил предельно лаконично, и заключается она в одном слове: «авось», или «avos», в интерпретации автора: «Никакие бедствия не смогут покорить Россию. Avos спасет от всего; это непере译имое слово означает одновременно веру в Бога, надежду на судьбу, подчинение силе вещей»²⁰. Единственное, чего не хватает русским, по мнению Сен-Жюльена, это дара предвидения.

Несмотря на то, что Сен-Жюльен особо оговаривал, что его книга находится вне политики и не отражает какую-либо политическую доктрину, уйти от политики ему не удалось, и политическая позиция автора видна с первых страниц книги. Прежде всего это проявляется в его отношении к абсолютной власти, которую он считает «прогрессивной и правильной». По его словам, «идеи разумных реформ и полезных улучшений занимают лучшие умы, включая императора»²¹. Император Николай, которого Сен-Жюльен именуется «достойным последовате-

¹⁶ *Saint-Julien Ch. de. Voyage pittoresque en Russie...* P. 4–5.

¹⁷ *Ibid.* P. 221–223.

¹⁸ *Ibid.* P. 5.

¹⁹ *Ibid.* P. 15.

²⁰ *Ibid.* P. 5.

²¹ *Ibid.* P. 15.

лем» Петра Великого, «не имеет времени быть царем-бездельником»²². При этом, подчеркивал он, Николай наследовал только положительные качества Петра I: «Он имеет силу воли, твердость принципов, моральную мощь своего предка, но у него нет жестокости его характера. Его бояться и любят (добавим в скобках, идеальное сочетание по Макиавелли. — *Н. Т.*), особенно народ, который очень редко ошибается в своих чувствах по отношению к тому, кто им управляет»²³. Кроме того, Сен-Жюльен был убежден, что абсолютная власть в России направлена только во благо подданных; «она становится бессильной, если захочет сделать зло»²⁴. Это связано, по мнению путешественника, с тем, что в России, как и в Европе, существует общественное мнение: «Злоупотребления властью возможны только во времена варварства или революционной диктатуры. Иван IV больше невозможен в наши дни в России, как невозможен Людовик IX во Франции»²⁵. Как видим, Сен-Жюльен был весьма далек от того, чтобы ассоциировать образ власти в России с «черным мифом» об Иване Грозном. Абсолютная власть, по его словам, персонифицирует «в своем отеческом действии все живые силы страны». Отсюда «национальность абсолютной власти, то есть ее соответствие национальным интересам»²⁶.

Как и Барант, Сен-Жюльен не ограничился только посещением столиц. Помимо Нижнего Новгорода, пункта «обязательной программы» для иностранных путешественников, он побывал в Астрахани, на Кавказе, где ему очень понравилось, поэтому покидал он этот гостеприимный край с большим сожалением: «Я испытал там незабываемые эмоции, повстречал удивительных людей. Я там нашел все то, что может возбудить воображение и очаровать душу: в целом жизнь, наполненную приключениями, и дружеские сердца»²⁷.

После Кавказа его ждал Крым; причем он намеревался путешествовать как настоящий цыган, ночуя в палатке в степи. Из Тифлиса он направился в Кисловодск, потом в Пятигорск, через Тамань — в Крым.

По мнению Сен-Жюльена, Крым остается территорией, известной только в теории: «Все знают о том, где находится Крым, этот почти остров. Знают, что он плодороден, богат и живописен, что он имеет тенистые долины с журчащими ручьями, что красоте его мест и видов позавидовали бы Швейцария и Италия. Все это знают, но никто этого не видел, и потому я хотел его увидеть своими глазами...»²⁸ В этом

²² Ibid. P. 15–16.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Ibid. P. 15.

²⁵ Ibid. P. 16.

²⁶ Ibid. P. 14.

²⁷ Ibid. P. 405–406.

²⁸ Ibid. P. 414.

проявляется весьма характерная деталь: о России все путешественники пишут так, будто до них никто и никогда о ней не писал (а в Крыму побывали многие путешественники, в том числе французы, и многие оставили свои наблюдения, как, например, П. Гибаль и П. де Барант). Как ученого-филолога его особенно привлекал Херсонес Таврический, именно туда был устремлен его взор! Он отмечал большой прогресс, достигнутый в Керчи, после того, как она в 1774 г. перешла к России. В отличие от многих иностранцев, подчеркивавших, что после присоединения Крыма к России татары были вынуждены покинуть свои места, что привело к упадку полуострова, Сен-Жюльен отмечал, что, действительно, татары оставили Керчь и она, действительно, обезлюдела. «Но за 30 лет Керчь совершила значительный прогресс. Ее торговля возрастает с каждым днем. И сегодня она может забыть об исходе татар. Керчь должна стать одним из важнейших городов полуострова. И это уже происходит»²⁹, — такой вывод делает Сен-Жюльен. Вообще, в Керчи его привлекали прежде всего «ее греческое имя, ее греческое происхождение и античное прошлое»³⁰.

Поэтому с огромным нетерпением путешественник желал увидеть Херсонес Таврический. Он писал: «Ступив на знаменитый берег Херсонеса, я испытал нечто вроде электрического разряда»³¹. Его переполняли эмоции. Если Россия в целом — это незнакомая ему культура, то в Херсонесе на него нахлынули «воспоминания о прошлом, об античных памятниках, социальных потрясениях, исторических революциях. Немного в мире земель, история которых уходит так глубоко, как история Крыма»³².

Еще Сен-Жюльен хотел увидеть Крым татарский. Он провел настоящую классификацию татарского населения, разделив его на три группы: татары, проживающие на южном побережье полуострова; татары городов северного Крыма, живущие в горах; татары степные. Последние, по его словам, сохранили чистоту расы, не смешиваясь с монголами. Они занимаются земледелием, скотоводством, но не разводят сады³³. Среди горных татар доминирует тюркский тип, особенно в высших классах. У южных татар преобладает почти монгольский тип. Эти татары ленивые; они довольствуются фруктами, табаком и выпечкой. В целом же татары Крыма, по мнению Сен-Жюльена, «достойные, трезвые и гостеприимные». «Что касается недостатков, то я скажу так: у какого народа их нет? Да, они нечистоплотные, но это проистекает из их природы. Да,

²⁹ *Saint-Julien Ch. de. Op. cit. P. 416.*

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibid. P. 409.*

³² *Ibidem.*

³³ *Ibid. P. 411–412.*

они не всегда держат слово, но только по отношению к христианам. Я же замечаю у них только хорошие качества»³⁴.

С другой стороны, Сен-Жюльен порой воспроизводит хрестоматийные представления о татарской лени: «Эти три класса татар ничего ни у кого не просят. Объем их труда пропорционален их потребностям, а сумма их удовольствий регулируется их состоянием»³⁵.

Оказавшись в Феодосии, он отметил ее удобное местоположение, но больше всего его поразило название одного из отелей, «La Ville de Paris»: «Приехать в Херсонес Таврический, чтобы разместиться в отеле с таким названием!» Поэтому Сен-Жюльен выбрал гостиницу с названием «Ville de Constantinople», что гораздо больше соответствовало местному колориту³⁶.

Ему был очень интересен Бахчисарай, по его словам, его важнейшая цель в Крыму (хотя до этого такой целью был Херсонес, как мы знаем). Он описывает ханский дворец, где все «все утопает в садах и фонтанах, наполнено запахами, свежестью, тенью и тайной, самой фееричной вещью на свете»³⁷. Он описывает фонтан, «воспетый Пушкиным в его знаменитой поэме»³⁸. Бахчисарай для него — это татарская Гренада; город, сумевший сохранить свой древний характер³⁹.

Севастополь как военный порт его не заинтересовал (видимо, потому что он ученый, а не политик). Из Севастополя он совершил 36-часовое морское путешествие на пароходе в Одессу. «Вот город, происхождение которого может сравниться с Венецией или Амстердамом, не обстоятельствами, предшествовавшими его рождению, но скорее, случаю, которым он обязан своему рождению. Когда подумаешь, что еще в конце прошлого века не был заложен первый камень, поражешься этому городу. В 1792 г. на месте, которое занимает сегодня этот большой город, этот замечательный порт, была только маленькая татарская деревушка и турецкая крепость»⁴⁰.

По его словам, после того как герцог Ришелье в 1803 г. стал губернатором Одессы, под его руководством эта территория родилась во второй раз, а всего спустя 60 лет превратилась в замечательный город с 72 тыс. жителей. Ришелье он именует «подлинным создателем новой столицы Новороссии»⁴¹. Правда, по его мнению, в городе доминирует торговый дух, поэтому не стоит там искать «ничего для души, ума

³⁴ Ibid. P. 412–413.

³⁵ Ibid. P. 413.

³⁶ Ibid. P. 418.

³⁷ Ibid. P. 425.

³⁸ Ibid. P. 427.

³⁹ Ibid. P. 426–427.

⁴⁰ Ibid. P. 433–434.

⁴¹ Ibid. P. 435.

и чувств. Там, где деньги занимают первое место, не надо думать ни об искусствах, ни о душе, ни о чувствах». В то же время через Одессу Европа получала зерно: «Одесса кормит Европу во времена неурожая, и даже этой зимой, что бы делала Европа без Одессы?»⁴²

Потом по степям через Херсон и Екатеринослав Сен-Жюльен направился в Киев. Теперь Киев — его главная цель: «Теперь я вижу только Киев, Киев древний и благочестивый!»⁴³ Пишет о стенах времен Ярослава Мудрого (в его интерпретации — Великого), которые должны были «поразить варваров»⁴⁴, видимо, имея в виду степные народы. То есть русские для него не варвары. Киев для него «город московитской веры», «колыбель могущества» Руси, «бывшая столица Владимира Великого», «река, где крестились народы». Его поразила Киево-Печерская лавра, особенно «священные катакомбы этого московитского Рима, но не пустые, как Рима латинского. Здесь покоятся в саркофагах тела мучеников и святых»⁴⁵.

В целом же можно сказать, что взгляд Сен-Жюльена на Россию весьма доброжелательный, позитивный. Работа написана очень ярко, создавая привлекательный для иностранцев образ России. Как полагал М. Кадо, книга Сен-Жюльена не стала бестселлером: она появилась в очень неподходящий момент, накануне Крымской войны, когда публике было не до травелогов, особенно если в них Россия описывалась в позитивном ключе, а противник априори не может быть привлекательным. На мой взгляд, появившись она в другое время, и тогда вряд ли стала бы популярной: как известно, хорошая история — это негативная история, но и тут важно не переборщить, о чем мы еще поговорим.

Бывали в России и другие французы, стремившиеся разрушить отождествление русских с «казаками» и «варварами», например, легитимист граф Поль де Жюльвекур. В России он даже женился на Лидии Николаевне Кожинной, побочной дочери Николая Сергеевича Всеволожского⁴⁶, и в целом приезжал в нашу страну не за несколькими быстрыми репортажами, как другие путешественники.

В 1834 г. вместе с Жюлем Сен-Феликсом⁴⁷ Жюльвекур опубликовал книгу «Вокруг света» (*Autour du monde*), посвященную России. Он был поражен Петербургом, его гранитными набережными, памятниками; повсюду он видел руку Петра Великого. Русский абсолютизм его

⁴² *Saint-Julien Ch. de*. Op. cit. P. 434–435.

⁴³ *Ibid.* P. 435.

⁴⁴ *Ibid.* P. 443.

⁴⁵ *Ibid.* P. 443–444.

⁴⁶ Н.С. Всеволожский (1772–1857), российский государственный и военный деятель, историк, топограф.

⁴⁷ Сен-Феликс Жюль (Феликс д'Аморе), французский поэт и писатель (1806–1874), автор множества романов и исторических очерков.

тоже не возмущал. Он не испытывал никакой антипатии к Николаю I и даже пытался реабилитировать его в глазах французов.

В 1837 г. появилась вторая книга Жюльвекура – «Балалайка, русские народные песни и поэзия, переведенные в стихах и прозе»⁴⁸. Это изложение его мыслей и впечатлений от литературной России. Значительную часть книги составляют переводы, сделанные в том числе Пушкиным, Венедиктовым, Баратынским. В предисловии автор подробно излагает свои взгляды, утверждая, что вплоть до настоящего времени Россия в целом была французам не известна: жители старой Европы, сидя за одним европейским столом с Россией, отворачивались от нее как от соседа-варвара⁴⁹. Как справедливо отмечал французский исследователь Шарль Корбе, это общая черта всех французских работ: все авторы пишут так, будто бы до них никто Россию не изучал.

По Жюльвекуру, это не Россия является варварской, а, напротив, современная Европа погрязла в революциях и возвращается к варварству. Россия же является оплотом порядка против «революционной пропаганды». Сегодня, как пишет Жюльвекур, европейцы запрашивают «паспорта в Петербург и Москву. Рим и его бывшее величие их больше не интересует. Будущее находится на берегах Невы»⁵⁰.

Россия, следовательно, идет не в хвосте, а в авангарде цивилизованных наций. В плане просвещения и цивилизации она ничем не уступает Европе, разве что, возрастом: Россия, по словам Жюльвекура, страна молодая, но в этом заключается ее достоинство: она полна сил и надежд, ею движет любовь, в том числе к семье и отечеству, тогда как страны старушки-Европы, с их иссохшей душой, руководствуются только эгоизмом и чувством наживы»⁵¹.

Как отмечал М. Кадо, это открытие до Жюльвекура сделали еще эмигранты в годы Революции конца XVIII в., радушно принятые императрицей Екатериной II. Правда, они не прониклись так глубоко духом русской цивилизации, чтобы восхищаться ею. Жюльвекур же попытался Россию понять. Причем он подчеркивал, что Россию нельзя изучать на расстоянии и судить о ней по европейским стандартам, поскольку «если ее голова находится в Европе, ее физиономия – в Азии, то ее душа – у Бога»⁵².

Изучение русского общества открыло ему, как он решил, земной рай, где все организовано во благо людей: «Мы думали увидеть здесь варварское, тираничное правительство, без законов, без институций,

⁴⁸ *Julvécourt P. de*. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. P., 1837.

⁴⁹ *Ibid.* P. VI.

⁵⁰ *Ibid.* P. VII.

⁵¹ *Ibid.* P. VIII.

⁵² *Ibid.* P. XI–XII.

без юстиции, и вот, при более близком знакомстве с Россией наша происходящая от невежества ненависть сменяется истинным восхищением. При этом режиме, называемом деспотическим, преобладает чувство патернализма. Этот патернализм распространяется на все общество, от императора до последнего из его подданных...»⁵³

Власть императора, который в Европе, по словам Жюльвекура, воспринимается не иначе, как «северный султан, своей «железной рукой давящий на каждого из своих подданных», вовсе не является деспотичной. Он отмечает патерналистский характер власти в России: «Государь окружен народом, который любит и обожает его, как родного отца. Издаваемые им указы зачастую менее произвольные, чем ордонансы наших гражданских королей, издаваемые при участии представительных палат»⁵⁴.

Соответственно система крепостного права в России, по Жюльвекуру, также является формой патернализма, а вовсе не эксплуатации: «... эти так называемые рабы, живя под патронажем своих хозяев, в гораздо меньшей степени рабы, нежели мы, живущие под защитой конституции и не имеющие свободы»⁵⁵.

Жюльвекур, вероятно, намеревался посвятить свою жизнь изучению России и опубликовать когда-нибудь серьезную работу на эту тему, однако у него не хватило времени исполнить задуманное: в конце 1840-х гг. он умер от аневризмы⁵⁶. Что касается «Балалайки», то, по мнению князя А.В. Мещерского, книга не имела большого успеха во французском обществе⁵⁷.

В Россию дважды приезжала принцесса Матильда Бонапарт, дочь Жерома Бонапарта, племянница Наполеона⁵⁸, вместе со своим супругом Анатодем Демидовым. Ее воспоминания, в которых описывается их путешествие в Россию, публиковались в журнале «la Revue des Deux Mondes» в 1927 и 1928 гг. под названием «Воспоминания о годах изгнания»⁵⁹.

Николай пригласил принцессу присутствовать на бракосочетании своего сына Александра с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской, состоявшемся в Москве 16 (28) апреля 1841 г. Дорога из Петербурга в Москву показалась Матильде мрачной, она с ужасом описывала жи-

⁵³ *Julvécourt P. de. Op. cit. P. XI–XII.*

⁵⁴ *Ibid. P. IX.*

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967. P. 192.*

⁵⁷ *Мещерский А.В. Из моей старины // Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011. С. 234.*

⁵⁸ Ее мать, Екатерина Вюртембергская, была кузиной Николая I.

⁵⁹ *Mathilde, princesse de. Souvenirs des années d'exil // Revue des Deux Mondes. 1927. 15 déc. 1928. 1, 15 janvier.*

лища крестьян — «норы, вырытые в земле, покрытые опавшими листьями и навозом», где люди и животные жили вместе, являясь добычей паразитов⁶⁰.

Но вот об императоре Николае у нее остались совсем иные воспоминания. Находясь в Москве, она видела, как на Красной площади толпа народа встречала Николая криками «Ура!»: «Тысячи людей осадили его коня, пытаясь его коснуться, и когда им это удавалось, они крестились». Матильда была поражена зрелищем подобного «восхищения, без всякого намека на пошлость и подобострастие». Николай, по ее словам, принимал эти «безумные проявления [любви] со слезами на глазах, проникнутый не надменностью, но признательностью»⁶¹.

По словам М. Кадо, принцесса Матильда разрешила одну из важнейших проблем, волновавшую западных наблюдателей: они полагали, что русские так поклоняются своим государям исключительно из чувства вечного страха. Матильда же говорит не о страхе, а о привязанности народа к монарху и восхищении им (об этом, как мы знаем, писал и Сен-Жюльен)⁶². По мнению исследователя, лестные слова Матильды в адрес императора — это не что иное, как благодарность за любезный прием, оказанный ей Николаем⁶³. На мой взгляд, Матильда в своем восхищении императором была искренней.

Бывали в России и технические специалисты. В 1838 г. для геологических исследований южных земель — Кавказа и степей Каспийского моря, в Россию отправилась супружеская чета Ксавье и Адель Оммер де Гелль. За открытие в 1839 г. железного рудника на берегу Днепра император Николай I наградил Ксавье орденом Св. Владимира. В 1841 г. семья путешествовала по Молдавии и югу России. В 1848 г. Ксавье Оммер де Гелль умер от дизентерии в Персии, а Адель в 1860 г. еще раз побывала в России. Супруги оставили ряд работ о путешествиях по Кавказу, степям Каспийского моря, Крыму и югу России⁶⁴.

Как полагал М. Кадо, супругам в России явно не понравилось. У меня же по прочтении работ Адель Оммер де Гелль сложилось иное мнение. Сам факт того, что по следам путешествия по России и Молдавии Адель выпустила поэтический сборник, показателен. А после прочтения ее поэмы о Крыме создается впечатление, что она

⁶⁰ Ibid. 1928. 15 janvier. P. 378.

⁶¹ Ibid. P. 379.

⁶² Cadot M. Op. cit. P. 145.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ *Hommaire de Helle X.* Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. T. 1—3. P., 1843—1845; *Hommaire de Helle A.* Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell. Orient, Russie et Moldavie. P., 1846; *Hommaire de Helle A.* Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. P., 1860; *Hommaire de Helle A.* Équipée dans les steppes de Russie 1840—1844. P., 1868 (переизд. в 1993 г.).

в него совершенно влюбилась! Она пишет о том, что невозможно не испытывать удовольствия от посещения Крыма и чувства сожаления от расставания с ним⁶⁵, и что «Бог создал эту землю для тех, кто хочет жить в мире и любви»⁶⁶.

Аналогичное впечатление создается по прочтении работы Адель Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря и южной России», опубликованной в 1860 г. Свою книгу она предваряет статьей, написанной известным литератором Сен-Марк Жирарденом и публиковавшейся в «Le Journal des Débats» 5 декабря 1845 г. и 6 января 1846 г. Статья, имеющая явно критический характер, посвящена работе ее мужа «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крыма и южной России», выходившей в 1843—1845 гг. Сен-Марк Жирарден называет работу Ксавье де Гелля самой «забавной и поучительной из всех книг, которые можно прочесть о России», и упрекает супругов-путешественников в том, что, не посетив ни Петербурга, ни Москвы, и видя только южные русские земли, берега Каспийского и Черного морей, они судят о России в целом, принципах ее управления, составе населения, нравах, обычаях, то есть обо всем, что, якобы, лучше понимаешь вдали от двора и административного центра⁶⁷. Адель не спорит с известным литератором; она просто делится своими впечатлениями о путешествии по югу России, теперь уже в прозе, но ее отношение к нашей стране остается прежним: Россия ей нравится. Адель — настоящая путешественница; а путешествие по степям Каспийского моря для нее настоящая авантюра! Утонченная парижанка, она не боится трудностей, более того, она в восторге от того, что окажется в столь отдаленных местах, где будет вести кочевую жизнь, полную приключений, ночевать не в уютной комнате гостиницы, а под навесом в пустыне⁶⁸. Нельзя сказать, что восторженная путешественница видит российскую действительность исключительно в радужных тонах. Адель говорит и о «деспотизме» власти (которая, по ее же словам, оказывается не такой уж деспотичной⁶⁹), и воспроизводит стереотипы о «потемкинских деревнях»⁷⁰, но в целом увиденную ею Россию описывает, на мой взгляд, с симпатией.

⁶⁵ *Hommaire de Helle A. Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell.* P. 157.

⁶⁶ *Ibid.* P. 156.

⁶⁷ *Hommaire de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* P. II.

⁶⁸ *Ibid.* P. 2—3.

⁶⁹ Например, дипломат Виктор Балабин поражался, как трепетно французы относились к сохранению того, что называется «культурно-историческим наследием», а Адель не понимала, почему русские не только не сохраняли, но разрушали исторические памятники, а «деспотичная» власть никак не могла этому воспрепятствовать. *Ibid.* P. 6.

⁷⁰ *Ibid.* P. 6—8.

В 1839 г. путешествие по Северу России совершил еще один французский путешественник, медик и естествоиспытатель Эжен Робер, который в свое время был в составе экипажа Жозефа-Поля Гемара в его арктических путешествиях. По следам путешествия по России Робер опубликовал работу «Письма о России», опубликованную в 1840 г.⁷¹ Книга построена в виде писем из Архангельска, Москвы, Нижнего Новгорода, адресованных В.Я. Струве. В его текстах нет политики как таковой, его интересует прежде всего природа, ресурсы России, особенно Севера, ну и, конечно, люди. Причем это и представители высшего общества, но в основном простые люди, с которыми путешественнику доводилось общаться.

В Архангельск он отправился из столицы, и первое письмо датируется 10 (22) июля 1839 г. Письмо второе – из Нижнего Новгорода, от 28 августа (7 сентября), тоже посвящено описанию Архангельска. От Петербурга он в восторге. Исаакиевский собор, который он посетил вместе с французом Лемером, украшавшим церковь Мадлен в Париже и приглашенным в Россию; Казанский собор, Александрийская колонна, статуя Петра, Невский проспект, Эрмитаж, Биржа, Петергоф, Павловск, Царское Село, Елагин остров, своими водами напомнивший ему Сен-Клу, – традиционный набор туристических достопримечательностей⁷². Как натуралист, он посетил Ботанический сад, Горный институт, где его особенно заинтересовала минералогическая коллекция, а также «знаменитый мамонт, или сибирский слон»⁷³.

Однако дальше началась другая Россия. «Едва я покинул Петербург, чтобы отправиться в путешествие на север России, как оказался в совершенно новом мире, и почти сразу от порога этой огромной и шумной столицы я вдруг был перенесен в недра огромных лесов. Один, без переводчика за 12 дней, которые мне показались гораздо длиннее, я смог предаться размышлениям, побыть наедине с самим собой, и, однако, на каждом шагу я мог делать интересные наблюдения»⁷⁴. Первые наблюдения были живописного свойства: Робера поразили сосны: «В молчаливом одиночестве сравнивал я мириады сосен с тропическими пальмами!»⁷⁵ Сосны, по его словам, – это пальмы Севера⁷⁶. Его потрясло, как посреди этого моря сосен, вдруг появились пять куполов храма (азиатских куполов, в его изложении) «греческой», то есть православной, церкви, своими белыми, будто снежными маковками

⁷¹ *Robert E. Lettres sur la Russie. P., 1840.*

⁷² *Ibid. P. 83, 89.*

⁷³ *Ibid. P. 90.*

⁷⁴ *Ibid. P. 5.*

⁷⁵ *Ibidem.*

⁷⁶ *Ibid. P. 6.*

возвышавшимися над темнотой леса»⁷⁷. Такая картина, по его словам, постоянно возникала перед глазами на всем протяжении следования от Петербурга до Архангельска. Он отправился в это путешествие без переводчика, чем вызвал непонимание окружающих. Однако это был сознательный шаг: «Так я смогу лучше изучить страну, вынужденный уделять огромное внимание всему, что меня окружает. Хотя, вовсе не зная языка, я не встречал никаких препятствий. Хорошей карты достаточно, а доброжелательность жителей (kharacho! Kharacho! Хорошо, хорошо!) и их чистосердечность делали остальное. При желании таким образом можно добраться до Камчатки»⁷⁸.

Ему помогли превосходные рекомендательные письма, полученные от барона П. де Баранта, французского посланника в России в 1835–1841 гг., а также государственного советника Фишера, директора Императорского ботанического сада, секретаря Академии наук. Кроме того, у него была подорожная («padarogni», то есть, как он объясняет, почтовый билет, чтобы брать лошадей)⁷⁹. Однако в Шлиссельбурге наличие этого документа ему не особенно помогло: там ему встретился рыжий бородатый малый, сразу внушивший недоверие. По словам Робера, это был единственный начальник почты, на которого он мог бы пожаловаться. Несмотря на его подорожную, тот хотел, чтобы француз заплатил 12 рублей вместо 4-х, которые тот ему был должен. Робер был рад сойтись с ним на 6 рублях, но не преминул пожаловаться коменданту крепости. В дополнение всего лошади оказались плохими⁸⁰.

Робер особо подчеркивал гостеприимство простых русских и то, что они никогда не стремились заломить цену за оказанную помощь, а, напротив, «стремились продемонстрировать вам свое гостеприимство и позволяли самим оценить их услуги, или очень скромно просили за свои хлеб и молоко»⁸¹.

Вообще, русские люди показались ему необычайно вежливыми: «Вежливость, царящая среди жителей этих земель, поистине восхитительна. Они приветствуют друг друга с самым глубоким почтением, обнажая голову. Женщины здороваются по-азиатски, склонив голову к груди, что, по словам Робера, исполнено благородства. Иностранец, по его словам, «обязательно будет объектом уважения этих храбрых людей»⁸². По его словам, мальчишки, которым он давал монету в 5 копеек, буквально целовали ему ноги. Конечно, это было проявлением

⁷⁷ Robert E. Op. cit. P. 7.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid. P. 8.

⁸⁰ Ibid. P. 7.

⁸¹ Ibid. P. 9.

⁸² Ibidem.

не столько уважения, сколько того, что для этих мальчишек пять копеек — невиданные деньги. Русские крестьяне, или «мужики», по его словам, очень веселые люди. «Мои сопровождавшие пели почти всегда, может быть, по причине тех 6 гривен (60 сантимов), которые я им давал», а в их пении ему слышались ирландские мотивы⁸³. Проезжая через одну деревню, он заметил группу из 3-х или 4-х человек, которые, по его словам, вне всякого сомнения, были пьяными от кваса, то есть «разновидности пива, ароматизированного мятой». Веселость этих людей, на взгляд Робера, была замечательной. Так, по его мнению, реагируют на усталость большинство крепких мужчин⁸⁴.

Относительно женщин он, во многом, находился в плену стереотипов. Как и многие путешественники-иностранцы, красавиц он не видел: «Женщины, которых я встречал до настоящего времени, вовсе не хорошенькие». Только в одном населенном пункте ему удалось увидеть очень красивую девушку. В то же время он замечал: «Если красивые лица редки, то мало и уродов, каких я видал в Гамбурге, где девушки красивы и свежи, как розы, но горбуны на каждом шагу»⁸⁵. Часто по пути он встречал босоногих женщин, с головой, обмотанной, как у морисков⁸⁶. Хотя женщины являются превосходными наездницами: «Женщины вскакивают на лошадь как настоящие амазонки, или как Дульсинея Дон Кихота, одна нога тут, другая там»⁸⁷. Русские, по его словам, очень хорошо управляют лошадью; ребенок 10–12 лет может вполне управлять четверкой лошадей⁸⁸.

При этом русские, по словам Робера, гонят лошадей с такой скоростью, что бедные путешественники в своей повозке чувствуют все дорожные камни. «Не будь откидного верха моей повозки, я неоднократно рисковал бы оказаться на дороге. Первые дни такого путешествия трудно выносить, и я бы не советовал дамам путешествовать подобным образом»⁸⁹.

По пути он остановился на ночлег в Холмогорах (не упоминая в этом месте текста, что это родина Ломоносова) в надежде поспать несколько часов на почтовой станции. Но, увы: там было столько насекомых, что спать было совершенно невозможно, хотя он устроился на столе. По его словам, такого количества тараканов, как на севере, он не встречал даже в Сенегале⁹⁰.

⁸³ Ibid. P. 10.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibid. P. 12.

⁸⁶ Ibid. P. 14.

⁸⁷ Ibid. P. 10.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibid. P. 11–12.

⁹⁰ Ibid. P. 15.

Наконец он прибыл в Архангельск. По словам Робера, Александр I, оказавшись здесь в 1819 г., назвал его своим «малым Петербургом». Из архитектурных сооружений Робер выделяет Адмиралтейство, здание правительства, многочисленные церкви, а также «древний замок», то есть Гостиный двор, построенный в 1669 г. Центральное место города украшает бронзовая статуя Ломоносова, которого Робер именует «знаменитым русским поэтом, выходцем из холмогорских крестьян»⁹¹.

Что касается порта Архангельска, то, по словам Робера, французы недооценивают его важность. Он отмечает, что каждый год в этот порт заходят более 300 английских, прусских и голландских торговых судов, тогда как французских – всего один или два. Он в целом говорит об экономическом потенциале края, отмечая, что помимо тканей, здесь изготавливают изделия из кости морской коровы или мамонта. Как исследователь-натуралист он отмечает, что хотя растительность в Архангельске и его окрестностях весьма привлекательна, ему не хватает фруктов юга России, хотя здесь его угощали вкуснейшей дыней, которую ему доставили из Вологды, но больше всего ему понравилось малиновое варенье (конфитюр в его терминологии)⁹². Кроме того, по его словам, в теплицах в Архангельске выращивали «самые красивые персики, какие только можно встретить». Он писал, что «эти фрукты «без всякого сомнения, привлекли бы внимание наших гурманов на парижских рынках». Персиковые деревья были привезены из Гавра. Кроме того, в этих теплицах выращивают красивые яблоки. Вишневые деревья растут в открытом грунте, но, к сожалению, в тот год были заморозки, и плоды не завязались⁹³.

Из архангельских «достопримечательностей» Робер выделяет производство сахара-рафинада братьев Брандт. «Эта сахарная фабрика способна соперничать с лучшими французскими аналогичными заведениями». Она производит сахар трех видов. Русский сахар, по мнению Робера, очень хорошего качества и по очень умеренной цене. По его данным, во время континентальной блокады Архангельск снабжал сахаром Европу⁹⁴.

Архангельск, или «Архангел», как называет город Робер, имел и свой театр, который, правда, уже давно являлся биржей по продаже зерна. И торговцы весело шутили: встретимся в опере. В городе был торговый клуб и публичный сад, и, по словам Робера, если бы не комары, все было бы замечательно⁹⁵.

⁹¹ Robert E. Op. cit. P. 16.

⁹² Ibid. P. 17.

⁹³ Ibid. P. 30.

⁹⁴ Ibid. P. 31.

⁹⁵ Ibid. P. 16.

По сведениям Робера, во время Войны 1812 г. после отступления из Москвы около 200 французов направились в Архангельск. Офицеры, по его словам, были превосходно приняты в домах местной знати. Однако два года спустя все они вернулись во Францию и ко времени его путешествия там не осталось ни одного француза, не считая французского консульского агента г-на Руссатье, рожденного в Швеции, но происходившего из Пуату⁹⁶.

Робер в Архангельске был введен в дома местного дворянства, получил превосходный прием у военного губернатора адмирала Сулима и гражданского губернатора, которым его рекомендовали С.С. Уваров, министр народного просвещения, и вице-канцлер К.В. Нессельроде. Благодаря помощи Руссатье он смог посетить дома знатных горожан, которые, по его словам, жили так же богато, как в Гамбурге. Кроме того, вместе с капитаном Румянцовым он осмотрел новый корабль, который должен был отправиться в Кронштадт и который мог брать на борт 700 человек экипажа⁹⁷. Робера поразил внутренний каркас судна, сделанный из дерева лиственницы. Рядом с портом находилась великолепная фабрика по производству канатов, построенная по приказу Петра Великого. Все потребности порта обслуживала огромная литейная, расположенная на берегу Белого моря. По словам Робера, каждый год один линейный корабль и один фрегат выходили из порта Архангельска. Экипажи комплектовались матросами, прибывавшими из Кронштадта или даже с берегов Черного моря. Преодолевая, таким образом, 1,5–2 тыс. верст пешком, эти матросы, по словам Робера, были готовы как к службе на земле, так и на море. В Архангельске же рекрутов почти не брали⁹⁸, однако на этот корабль взяли 30 рекрутов из Архангельска. Вместе со своими женами они сопровождали судно до Кронштадта. Причем, по словам Робера, эти женщины, вместе с водкой, получали обычный рацион матросов, и занимались на корабле разного рода работами⁹⁹.

Как натуралисту, ему очень хотелось отправиться на Новую Землю, тем более что как раз в это время планировалась так и не состоявшаяся совместная международная экспедиция в эти края под руководством Ж.-П. Гемара. Но, к его большому сожалению, в тот год туда не было рыболовных судов, а самому снарядить судно ему было не по силам. Поэтому он осматривал город и окрестности, а гражданский губернатор рассылал приказы, дабы облегчить ему его исследования.

Как этнографа его интересовало местное население и его обычаи. По его словам, территория Архангельской губернии, включая Новую Землю, в два раза превосходила Францию, но насчитывала всего

⁹⁶ Ibid. P. 18.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibid. P. 26.

⁹⁹ Ibidem.

220 тыс. жителей. Он сообщал, что в Коле, столице русской Лапландии, и Мезене, столице земли самоедов, были школы, где изучали грамматику, арифметику, географию и историю. Около Архангельска он видел семьи самоедов и был поражен их сходству с лапландцами. И у тех, и у других татаро-монгольские черты. Самоеды приходили просить милостыню в Архангельск, где они не хотели заниматься какой-либо деятельностью¹⁰⁰. Однако женщины у самоедов очень трудолюбивы и всегда заняты по хозяйству. По словам Робера, они легко осваивали русский, между собой говорили, как и лапландцы, на языке саамов. Огонь для них был священен, и они его бережно хранили¹⁰¹.

Роберу довелось побывать на праздниках в двух деревнях, расположенных на разных берегах Двины. В одной деревне было много народа, девушки собрались на красивой лужайке, водили хороводы, напомнившие Роберу немецкий котильон. Большинство танцующих девушек, как и их кавалеры, были, по словам путешественника, детьми богатых крестьян, у которых он побывал в гостях, где его угощали превосходным вином с Тенерифе или Мадейры¹⁰².

В другой деревне программа праздника была еще более насыщенной. Там девушки пели хором, потом, сменив наряды на более простые и покрыв голову платками, «светловолосяе, свежие как розы», они водили хороводы, обмениваясь платками. Обойдя церковь, они разделились на группы по 3 человека и начали играть в какую-то игру, похожую на догонялки¹⁰³. Праздник длился до часу ночи, а с восходом солнца Робер со спутниками на трех лодках, на одной из которой щедро вознагражденные музыканты продолжали исполнять народные песни, отправился в Архангельск¹⁰⁴.

Оттуда в сопровождении одного купца он держал курс в Нижний Новгород. Ему очень понравилось путешествовать в обществе русских: «Те русские, с которыми я путешествовал, были для меня лучшими людьми на свете, всегда веселыми и активными. Я должен только заметить, что если крестьяне были несколько грубоватыми от усталости, то торговцы были более обходительными. Моему компаньону, например, было неловко спать в пуховой кровати рядом со мной¹⁰⁵.

В пути ему попадались «солидные дома и фермы»; он видел, по его словам, большой прогресс в выращивании льна и конопли, а все жители ему казались очень счастливыми¹⁰⁶.

¹⁰⁰ *Robert E.* Op. cit. P. 23.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 24.

¹⁰² *Ibid.* P. 27.

¹⁰³ *Ibid.* P. 28.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 29.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 32.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 33.

По дороге в Нижний они встретили купца с женой, направлявшихся туда на ярмарку, и решили поехать вместе. Робер был поражен аппетитом русских, которые ели огурцы с медом, тогда как он пил молоко, не уступающее по качеству, по его словам, молоку швейцарских коров. Он сожалел, что русские не любили кофе; более того, они его почти презирали. Однако они любили чай: он и стоил дешевле и лучше подходил холодному и влажному климату севера России. Вообще, по его словам, русские повсюду ели хлеб с молоком. «Я как Анри Монье, не помню в какой пьесе, восклицаю: Молоко! Оно хорошо только для кошек и собак!» И, однако, француз был вынужден признать, что, путешествуя по России, этой пищи было достаточно¹⁰⁷. От жажды и жары его спасала простокваша¹⁰⁸. Женщины в этих краях ему показались более привлекательными: по крайней мере, они были хорошо сложены и были не такими костлявыми, как на севере. «Хотя из-за жары и жатвы они носили только простую тунику (то есть рубаху. — *Н. Т.*), их очарованию это не вредило»¹⁰⁹.

Дорога же из Москвы в Петербург, по его словам, должна поразить воображение путешественника, проезжающего по ней впервые. «На протяжении 150-ти верст она превосходна и содержится в отличном состоянии»¹¹⁰.

Конечно, бывали среди французских путешественников и такие, которые, как маркиз де Кюстин, возвращались из России разочарованными и создававшими крайне непривлекательный образ России. Примером такой работы может являться книга Фредерика Лакруа «Тайны о России. Политическая и нравственная картина Российской империи»¹¹¹, увидевшая свет в 1845 г., всего через два года после публикации работы Кюстина. Лакруа сам не бывал в России, но берется судить о ней по очень широкому кругу вопросов. Буквально на первой странице книги автор утверждает, что только он провел всесторонний анализ русского общества, прежде всего властных структур, включая персону самого императора, и поэтому только его книга раскрывает все тайны о России, проникнуть в которые не удалось даже маркизу Кюстину.

Напуская флера таинственности, Лакруа сообщает читателю, что его книга написана на одном очень серьезном источнике, рукописи, переданной ему одним человеком, долгое время проживавшим в России. Конечно, имя этого человека не может быть раскрыто, а сам он не может опубликовать работу под своим именем. Более того, в дополнение

¹⁰⁷ Ibid. P. 36.

¹⁰⁸ Ibid. P. 37.

¹⁰⁹ Ibidem.

¹¹⁰ Ibid. P. 80.

¹¹¹ *Lacroix F.* Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. P., 1845.

к этой рукописи в распоряжении Лакруа оказались, якобы, некие архисекретные и совершенно неизвестные в Европе документы!¹¹²

То обстоятельство, что автор не бывал в России, не помешало ему выполнить главную задачу: разоблачить российский деспотизм. Об этом заявляется буквально в первых строках этой книги. Лакруа нужно снять маску с России, разоблачить ее «ловкие интриги» и «наглое шарлатанство»¹¹³, показать весь ложный блеск ее кажущийся цивилизации и деспотичность власти ее правителя. Автор сразу заявляет, что «деспотизм» — это ключевое слово, и именно исходя из идеи деспотичности власти он строит свою работу и анализирует все слои русского общества¹¹⁴.

Несмотря на интригующее название книги — «Тайны о России», — все секреты автор раскрывает буквально с первой страницы. Уже из введения мы узнаем про все и всех в России. Правитель — деспот: «Он самодержец, это значит, что только в себе самом он черпает силу и право управлять. Он есть свой государственный совет и свой сенат. Более того, он глава церкви, представитель Бога на земле, он сам почти Бог. Все существует только посредством его и для него. Он может все создать и все разрушить. Он располагает свободой и жизнью каждого из своих подданных».

Подданные, понятное дело, предельно развращены деспотичной властью. Дворянство имеет только четыре привилегии: не получать палочных ударов; самому раздавать эти удары; быть подавляемым императором; душить этого самого императора, когда притеснение становится невыносимым. Духовенство столь же аморально, как и невежественно. Народ — лживый, скрытный, без чувства собственного достоинства, невосприимчивый к издевательствам и преступлениям со стороны деспотичной власти. Ну, и далее по списку: законодательство — запутанное; администрация — продажная и сутяжническая; система народного просвещения — смехотворная; торговля — в состоянии стагнации, армия — полностью лишена военного духа, морской флот — блестящая погремушка в руках шарлатана; финансы — в таком состоянии, что их не спасет и все золото Урала. В целом — изъеденный червями эшафот¹¹⁵. И не пытайтесь найти хоть какие-то хорошие слова о России, их в лексиконе автора этой книги просто нет!

Текст Лакруа — это настоящий антирусский памфлет, содержащий только лозунги, разоблачения и обвинения! Да и мотивация у автора книги соответствующая: что-то Россия заметно усиливает свои позиции, пугает старушку Европу. Соответственно, надо создать крайне

¹¹² *Lacroix F.* Op. cit. P. 1.

¹¹³ *Ibid.* P. 471

¹¹⁴ *Ibid.* P. 2.

¹¹⁵ *Ibidem.*

неприглядный образ врага, ведь «авторитет и вес России в мире будет значительно подорван, если ее престиж «будет окончательно разрушен, и если все увидят, что нация, распираемая от чувства гордости в своем лживом глянце цивилизации, под видимостью блеска скрывает лишь многочисленные хвори и полное бессилие»¹¹⁶.

Большинство критических работ появляются уже накануне и в ходе Крымской войны. После окончания Крымской войны отношения между Россией и Францией начали быстро восстанавливаться. И в это время появляются работы, дружественные России. К таким относится книга Нестора Консидерана «Россия в 1856 г. Воспоминания о путешествии», опубликованная в 1857 г.¹¹⁷

В предисловии к своей книге автор справедливо отмечает: «На протяжении долгого времени признаком хорошего тона считалось плохо говорить о России, которую почти не знали, или скорее не знали вовсе»¹¹⁸. Консидеран провел в России семь недель и, по его собственным словам, не претендовал на то, что проник в суть вещей и узнал жизнь империи, которую он смог только пересечь (от Петербурга до Москвы и от Москвы до Варшавы). Он лишь внимательно наблюдал и точно фиксировал свои наблюдения¹¹⁹. Его задача заключалась в следующем: «Увидеть, услышать и рассказать»¹²⁰. Автор выражает уверенность, что «каждый, кто захочет изучить эту огромную и любопытную страну, найдет, что изучать»¹²¹. По его словам, суровые суждения, выносимые иностранцами о России, являются следствием того, что большинство посещавших ее путешественников имели лишь одно занятие: сравнивать ее во всем и всегда со своими собственными странами»¹²².

Конечно, Консидеран не мог обойти молчанием книгу Астольфа де Кюстина, даже название его книги, «Россия в 1856 году», созвучно работе Кюстина. Как справедливо отметил французский исследователь Мишель Кадо, после ее публикации никто не мог писать о России так, как писали до появления этой книги. По словам Консидерана, книга Кюстина интересна обилием фактического материала, но в целом является не «более чем диатрибой рассказчика, мечтающего стать историком»¹²³. Кстати, эту черту подмечали многие критики Кюстина. По мнению Консидерана, Кюстин «не захотел понять, что у народа

¹¹⁶ Ibid. P. 4.

¹¹⁷ *Considérant N. La Russie en 1856. Souvenirs de voyage. Bruxelles, Leipzig, Paris, 1857. T. 1.*

¹¹⁸ Ibid. P. III.

¹¹⁹ Ibid. P. II.

¹²⁰ Ibid. P. 5.

¹²¹ Ibid. P. III.

¹²² Ibid. P. III–IV.

¹²³ Ibid. P. V.

нового, самобытного, автохтонного, есть собственная цивилизация», а постоянные сравнения русского народа с Европой, сравнение социальной жизни России с социальной жизнью Европы приведут лишь к тому, что вы так никогда и не узнаете этот народ¹²⁴. Об этом, кстати, в одном из своих донесений графу Луи Моле сообщал Проспер де Барант. Поэтому книга Кюстина, по справедливому замечанию Консидерана, при всей любви ее автора к правде, была воспринята как памфлет¹²⁵.

Как и многие авторы, Консидеран позиционирует свою работу как новаторскую и объективную и отмечает, что его книга может избавить читателя от некоторых предубеждений, сформированными книгой Кюстина. Вообще-то, он не делает никаких выводов и обобщений, он, действительно, только описывает то, что видел. Но взгляд этот доброжелательный. Оценочные суждения содержатся, наверное, лишь во введении. Он убежден, что с 1839 г., то есть с момента путешествия Кюстина в Россию, наша страна «прошла гигантскими шагами по пути цивилизации. Ее социальная и политическая роль выросла, провоцируя опасения объединенной Европы»¹²⁶. С другой стороны, он, в отличие от Кюстина, по его же словам, «не был заражен духом подозрения, недоверия и скепсиса, что не позволило Кюстину увидеть страну такой, какой она была в реальности»¹²⁷. Он не согласен с одним из важнейших утверждений Кюстина о том, что Россия — это «царство фасадов», что все в ней — лишь видимость и делается только с «целью пустить пыль в глаза»: «Я не понимаю, почему Кюстин видит в расположении к нему императорского двора только желание его ослепить. Меня никто не ослеплял. Везде меня встречали с симпатией и сердечностью, о чем я всегда буду помнить. Я себя чувствовал совершенно свободным и был хозяином своих собственных суждений с первого до последнего дня путешествия. И я испытываю чувство глубокого уважения к народу, чья социальная миссия едва началась, и которому предстоит еще так много сделать, но который, бесспорно, владеет двумя качествами великих народов: верой в свои собственные силы и любовью к родной земле»¹²⁸. Конечно, автор относит Россию к великим народам, это важно, но тут явно прослеживается определенный элемент снисходительности: Россия — это молодая страна, молодая нация, и ей еще предстоит многому научиться.

Как и книга Кюстина, работа Консидерана построена в виде писем, посвященным самым разным аспектам жизни России: социаль-

¹²⁴ *Considérant N. Op. cit. P. V.*

¹²⁵ *Ibidem.*

¹²⁶ *Ibidem.*

¹²⁷ *Ibid. P. V–VI.*

¹²⁸ *Ibid. P. VI–VII.*

ной иерархии, церемонии коронации, придворным балам, ресторанам и тюрьмам, состоянию гигиены, больницам, национальной кухне, театрам, музыке, нравам.

В путь он отправился из Брюсселя через Берлин и морским путем в Санкт-Петербург. Первое письмо датируется 9 (21) августа 1856 г. и написано из Петербурга. Он справедливо пишет, что без знания русского языка невозможно понять жизнь широких слоев русского общества, не элиты и не аристократии¹²⁹.

Дорога его не утомила; путь из Брюсселя до Петербурга занял всего лишь неделю, а состояние дорог было превосходным. По его словам, если не принимать во внимание процедуру прохождения таможни, «невозможно желать более удобной дороги»¹³⁰.

В столице он осмотрел все достопримечательности, но не стал описывать свои впечатления, полагая, что до него это уже многократно делали. Его поразила коллекция голландского и фламандского искусства в Эрмитаже: там собраны полотна мастеров, которые, по словам Консидерана, французы не знают, поскольку большинство их работ находится за границей¹³¹.

17 (29) августа он отправился по железной дороге в Москву. По его словам, «если для географа это всего лишь 150 лье¹³², то для человека, который наблюдает и сравнивает, это целый мир»¹³³. И этот человек из европейского города, Петербурга, попадает в мир совсем другой цивилизации, где есть мужики с длинными бородами, попы в черных рясах и церкви с зелеными или золотыми куполами¹³⁴.

Москва для него — «это Восток, перенесенный в сердце России; это символ слияния старых азиатских рас с великой славянской семьей, это душа, религия, это священный ковчег огромной империи, чья мысль находится в Санкт-Петербурге»¹³⁵. По его мнению, «тот, кто не видел Москву, не поймет самого главного в России: только там начинаешь проникать в историческую сущность этого могущественного государства, простирающегося от Варшавы до Петропавловска»¹³⁶.

Ему очень понравилась русская кухня; он побывал в лучших московских ресторанах, из которых особо выделил «Троицкой трактир». Его поразило, что все блюда подавались с огурцами, а закуску он на-

¹²⁹ Ibid. P. 3.

¹³⁰ Ibid. P. 5.

¹³¹ Ibid. P. 80.

¹³² 1 лье = 5,5 км

¹³³ *Considérant N. Op. cit.* P. 85.

¹³⁴ Ibid. P. 86.

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Ibid. P. 86–87.

зывает «задуской»¹³⁷. В другом заведении, куда его отвел князь Петр Долгорукий, он впервые отведал пироги. Но больше всего по душе ему пришлось «превосходная черная икра, привезенная рыбаками с берегов Волги, из владений Долгоруких»¹³⁸.

Именно через Москву и Варшаву он решил возвращаться домой. Так он мог посмотреть внутреннюю Россию, проделав путь по новой дороге, а не описывать те же впечатления, что и в первых письмах, только с меньшей степенью живости. А заодно у него появлялась прекрасная возможность побывать в Польше и познакомиться с Варшавой¹³⁹.

В обратный путь из Москвы он отправился 15 сентября; поскольку было уже холодно и, видимо, памятуя о невзгодах своих соотечественников, оделся по-зимнему: облачился в тулуп, до ушей завернулся в огромную шаль, укрылся пледом, а на ноги обул валенки, называемые им «фетровыми ботинками»¹⁴⁰. И на обратном пути остался очень доволен русскими почтовыми станциями и, в целом, состоянием дорог, отметив, что дорожная служба в России была организована даже лучше, чем во Франции (до начала развития во Франции железнодорожного строительства). Лошади проделывали 11 верст в час, что, по словам путешественника, было весьма быстрым ходом¹⁴¹. У извозчиков любимое слово — «soukinzin», сын собаки, объясняет Консидеран для читателя¹⁴².

На него произвел огромное впечатление самовар, из которого они пили чай. Самовар, по его словам, несомненно, завезенный в Россию из Голландии, был единственным «предметом мебели» у русских. Как и прочих иностранцев, его поражало отсутствие кроватей, и он писал, что богатые русские в путешествие их берут с собой, а мужики предпочитают спать на полу, завернувшись в свои огромные одежды¹⁴³.

Дорога от Москвы до Брест-Литовска поразила его своей безлюдностью; по его наблюдениям, на протяжении 250 лье они встретили лишь 7–8 населенных пунктов, из которых самые крупные менее 2 тыс. человек¹⁴⁴.

Конечно, двигаясь по дороге, по которой отступали французы, он не мог не предаться тягостным для него мыслям. Пересекая по хлюпкому мосту, по которому боялись идти лошади, Березину, он с ужасом, по его словам, думал, что на дне реки лежат тела французов, «героев

¹³⁷ *Considérant N.* Op. cit. P. 111–112.

¹³⁸ *Ibid.* P. 113.

¹³⁹ *Ibid.* P. 164.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 167.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 168.

¹⁴² *Ibid.* P. 169.

¹⁴³ *Ibid.* P. 172.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 177.

1812 года»¹⁴⁵ (как это странно звучит для русского слуха). На него нахлынули ужасные воспоминания о той «катастрофе», о «шестидесяти тысячах человек, измученных, окоченевших от холода, без кавалерии, без артиллерии... окруженных со всех сторон ста двадцатью тысячами русских под командованием лучших генералов Александра...». Он размышляет об «ужасной катастрофе, когда двадцать тысяч несчастных, раненых, отставших, женщин и больных, погибли в реке под русским огнем и обрушившимися на них кессонами и обозом...». Березину он именует «ужасной страницей истории этого бронзового человека... когда в один день было разрушено здание его славы и могущества, за которое он так дорого заплатил»¹⁴⁶.

Конечно, в рамках этой статьи рассмотрены далеко не все работы французских путешественников о России¹⁴⁷. Несмотря на то, что в исторической памяти и массовом сознании осталась книга А. де Кюстина, работ, в которых содержался позитивный взгляд на николаевскую Россию, было, на мой взгляд, гораздо больше. Для французов Россия была неизвестной и только открываемой ими страной, одновременно дикой и гостеприимной. Русского языка они, чаще всего, не знали; оставались в России на протяжении нескольких недель или месяцев; видели лишь два-три русских города; общались, в основном, с аристократией. Антиниколаевская либеральная и католическая пропаганда, несмотря на ее настойчивый характер, не повлияла на впечатления большинства французских путешественников о России. Даже крепостное право, как отмечалось выше, не воспринималось многими из них как варварский институт. Напротив, жизнь русской аристократии в обществе, экономически основанном на крепостничестве, в глазах французов обладала определенным шармом и напоминала образ жизни плантаторов на Юге США.

Все это делает несомненно важным новое прочтение травелогов о России, в нашей стране совершенно неизвестных. Парадоксально, но мы сами, по какой-то непонятной традиции, продолжаем ссылаться на Кюстина и смаковать его выводы. А работ многих его соотечественников, имевших другой взгляд на Россию, просто не знаем. Между тем их изучение позволяет сделать вывод о том, что русофобия — это во многом явление политического свойства. Французы, побывавшие в николаевской России, в большинстве своем оказывались если и не русофилами, то отнюдь не русофобами.

¹⁴⁵ Ibid. P. 179.

¹⁴⁶ Ibid. P. 180.

¹⁴⁷ Краткий анализ многих работ о России представлен в классической работе французского исследователя Мишеля Кадо: *Cadot M. Op. cit.*

МИССИЯ АДОЛЬФА ТЬЕРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (20–22 СЕНТЯБРЯ 1870 Г.)

П.П. Черкасов

Падение Второй империи в результате революции 4 сентября 1870 г. поставило перед новой республиканской властью во Франции неотложную задачу прекращения войны с Пруссией. После капитуляции под Седаном 100-тысячной Шалонской армии во главе с Наполеоном III война Францией фактически была проиграна, хотя 170-тысячная Рейнская армия маршала Ф.А. Базена продолжала удерживать стратегически важную крепость Меца, но была там окружена. Тем временем прусские войска, практически не встречая сопротивления, продвигались из Эльзаса и Лотарингии к Парижу, который 19 сентября был блокирован.

Большинство членов правительства «национальной обороны» во главе с военным губернатором Парижа генералом Л.Ж. Трошю, вчерашним бонапартистом, переметнувшимся на сторону республиканцев, пришли к выводу о бесперспективности продолжения войны. Желая предотвратить становившуюся вполне реальной угрозой безвозвратной утраты захваченных противником территорий на востоке страны, правительство «национальной обороны» приняло решение обратиться за помощью к великим державам с призывом убедить Пруссию в необходимости немедленного прекращения военных действий на приемлемых для Франции условиях, главное из которых — сохранение ее территориальной целостности.

Эта ответственная миссия была возложена на ветерана французской политики 73-летнего Адольфа Тьера, старого либерала-орлеаниста, одного из столпов Июльской монархии, а затем последовательного противника Второй империи¹. Во Франции неожиданно вспомнили, что он был одним из 10 депутатов Законодательного корпуса², кто 15 июля 1870 г. выступил против объявления войны Пруссии, считая, что Франция не готова к военным действиям. Тогда его предостерега-

¹ О нем см.: *Christophe R.* Le Siècle de Monsieur Thiers. Paris, 1966; *Descaves P.* Monsieur Thiers. Paris, 1960; *Dreyfus R.* Monsieur Thiers contre l'Empire, la guerre, la Commune 1869–1871. Paris, 1928; *Guillemin H.* L'avènement de Monsieur Thiers, suivi de Réflexions sur la Commune. Paris, 1971; *Guiral P.* Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986; *Hanotaux G.* Le Gouvernement de M. Thiers. 1870–1873. Vol. I–II. Paris, 1925; *Игнатченко И.В.* Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017.

² Законодательный корпус — нижняя палата парламента Второй империи. К началу франко-прусской войны состояла из 245 депутатов.

ющий голос утонул в криках воинственно настроенного парламентского большинства, а в день объявления войны (19 июля) дом «предателя» Тьера в Париже подвергся нападению агрессивно настроенной толпы. Полиции с трудом удалось предотвратить расправу с Тьером и членами его семьи. Теперь же, в сентябре 1870 г., вчерашний «предатель» превратился в глазах протрезвевшего от милитаристского опьянения общества в «прозорливого оракула».

В сформированном правительстве «национальной обороны» Тьеру, как самому опытному политику, которого знала вся Европа, предложили пост министра иностранных дел, но он отказался, уступив это место Жюлю Фавру, одному из лидеров республиканцев, не имевшему никакого опыта в международных делах³.

Тьер не разделял намерения той группы пришедших к власти республиканцев во главе с Л. Гамбетта, кто требовал продолжать войну. Он настаивал на немедленном заключении перемирия, пока пруссаки не подошли к Парижу. Счет шел на дни. Именно по этой причине он и согласился на доверенное ему правительством деликатное поручение — попытаться убедить великие державы поддержать Францию в критический для нее момент.

Миссия Тьера осложнялась тем обстоятельством, что пришедший 4 сентября 1870 г. к власти во Франции республиканский режим не обладал в глазах великих держав, и прежде всего Пруссии, необходимой легитимностью. В Берлине даже после Седанской капитуляции 2 сентября 1870 г. продолжали считать оказавшегося в плену Наполеона III законным правителем Франции, а в Лондоне, Вене и Петербурге откровенно сомневались в устойчивости новой власти в Париже. Тьеру предстояло рассеять эти сомнения и убедить своих собеседников в прочности правительства «национальной обороны», которое он представлял. Маршрут его дипломатического турне предполагал посещение Лондона, Петербурга, Вены и Флоренции⁴.

О предстоящем приезде Тьера в Петербурге узнали из телеграммы, полученной 12 сентября 1870 г. из Парижа от Жюля Фавра. «Достопочтенному господину Тьеру, бывшему депутату Законодательного корпуса, доверено особое поручение к Вашему превосходительству, —

³ Учитывая неопытность Фавра, новые республиканские власти сохранили на их постах в МИД Франции двух ключевых дипломатов бонапартистского режима — графа Александра де Шодорди, директора кабинета министра иностранных дел, и Депреза, директора Политического департамента. Они стали главными дипломатическими советниками Фавра, занявшего также пост заместителя председателя правительства «национальной обороны». См.: *Histoire de la diplomatie française / J.-C. Allain, P. Guillen, G.-H. Soutou, L. Theis, M. Vaïsse. Vol. II. De 1815 à nos jours.* Paris, 2005. P. 143.

⁴ Флоренция — столица Итальянского королевства в 1865—1871 гг.

писал Жюль Фавр канцлеру и министру иностранных дел Российской империи князю А.М. Горчакову. — Он лично сообщит Вам о цели и характере своей миссии. Здесь же я ограничусь тем, что попрошу Вас принять его и выслушать с теми дружескими чувствами, которые правительство Его Величества императора России всегда проявляло в отношении Франции.

Наделенный моим полным доверием, как и доверием моих коллег, и я бы здесь добавил — доверием всей страны, г-н Тьер, как никто другой, может представлять в своем лице всю французскую нацию. С нашей стороны я готов одобрить все, что он будет иметь честь сказать вам от имени правительства национальной обороны»⁵.

Из телеграммы следовало, что Тьер наделен самыми широкими полномочиями в ведении переговоров с князем Горчаковым.

Через несколько дней после получения телеграммы от Фавра Горчаков был письменно проинформирован французским временным поверенным в Петербурге о том, что Тьер 16 сентября покинул Лондон, и направляется в российскую столицу на борту парового корвета. Маркиз Жозеф де Габриак⁶, заменивший в качестве поверенного в делах только что покинувшего свой пост в Петербурге посла Франции генерала Э.Ф. Флери⁷, запросил Горчакова о возможности захода корвета в Петербург для пополнения запасов угля. Дело, конечно, было не в угле, а в необходимости высадить на берег единственного пассажира — Адольфа Тьера. Разумеется, необходимое разрешение на заход корвета в петербургский порт было получено.

Одновременно французский дипломат в том же письме поинтересовался, не получал ли князь Горчаков из Берлина новую информацию относительно намерений Пруссии в отношении Франции⁸. По этому

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее везде — АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 470. 1870 г. Д. 50. Л. 2—2 об. Фавр — Горчакову, 12 сентября 1870 г. (Здесь и далее даты указаны по новому стилю. — П. Ч.)

⁶ Жозеф де Габриак прослужил в качестве первого секретаря посольства Франции в Петербурге более трех лет (1868—1870). Ему принадлежит авторство содержательной записки о внутреннем состоянии пореформенной России. См.: Archives des Affaires Étrangères (далее — ААЕ). Correspondance politique. Russie. 1870. Vol. 243. Fol. 61—72. Служебное досье Жозефа де Габриака см.: ААЕ. Personnel. 1-ère série. № 1719.

⁷ Генерал Эмиль Феликс Флери принадлежал к числу давних и ближайших советников Наполеона III. Он был назначен послом в Россию в сентябре 1869 г. Его служебное досье см.: ААЕ. Personnel. 1-ère série. № 1625. На своем посту в Петербурге Флери пробыл менее года, до момента крушения Второй империи. 9 сентября 1870 г. генерал сложил с себя полномочия посла и через несколько дней выехал во Францию. О своей посольской миссии в России Флери рассказал в воспоминаниях (*Fleury. La France et la Russie en 1870. Paris, 1902*).

⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 49. Л. 49—49 об. Габриак — Горчакову, 16 сентября 1870 г.

вопросу русский министр не мог ничем обнадежить французского поверенного в делах. Ему было хорошо известно намерение короля Вильгельма I и канцлера Бисмарка в полной мере удовлетворить территориальные и финансовые аппетиты Пруссии за счет находившейся на грани поражения Франции.

Самого Горчакова в то время больше интересовал вопрос о том, удержится ли во Франции новый республиканский режим, и можно ли вообще иметь с ним дело?.. Необходимую информацию по этому вопросу он получал от Г.Н. Окунева, временного поверенного в делах России во Франции⁹.

Окунев внимательно следил за развитием событий в Париже и практически в ежедневном режиме информировал о них министра иностранных дел. «Сегодня Франция побеждена, но она не упала духом», — отмечал он в депеше от 9 сентября. В этом смысле, продолжал Окунев, перед сформированным правительством «национальной обороны» стоит «единственная задача — защитить родную землю от вражеского нашествия; именно для этого оно и было образовано»¹⁰.

Вместе с тем, как считал русский дипломат, новое французское правительство сознает очевидное превосходство противника и намеревается обратиться к великим державам с призывом о поддержке с их стороны в заключении такого мира с Пруссией, который не был бы очевидно унижителен и, следовательно, неприемлем для Франции. Принципиально важным вопросом для Франции является сохранение ее «территориальной целостности» при согласии на «возмещение Пруссии понесенных ею военных расходов». «Франция хоть сегодня готова подписать мирный договор на этих двух основаниях», — резюмировал Окунев¹¹.

Информируя Горчакова о своих контактах с министром иностранных дел Фавром, Окунев передал просьбу французского министра к императору Александру попытаться склонить короля Вильгельма к прекращению войны на основе двух принципов — сохранение территориальной целостности Франции и согласие последней на выплату

⁹ Григорий Николаевич Окунев (1823—1883) временно возглавил дипломатическую миссию в Париже в мае 1870 г. после неожиданной смерти (от инсульта) посла, графа Эрнеста Густавовича Стакельберга. Новым послом во Францию был назначен 72-летний барон Ф.И. Бруннов, но начавшаяся в июле того же года франко-прусская война воспрепятствовала его приезду в Париж. В результате статский советник Окунев, занимавший пост советника посольства, стал официальным представителем России в воюющей Франции, свидетелем разворачивавшихся там драматических событий. Формулярный список Г.Н. Окунева: АВПРИ. Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел — ДЛС и ХД). Оп. 464. Д. 2470. Л. 5—9.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 6 об.—7. Окунев — Горчакову, 9 сентября 1870 г.

¹¹ Там же. Л. 7—7 об.

репараций Пруссии. В то же время, отмечал Окунев, в Париже принимаются срочные меры к организации обороны французской столицы перед угрозой ее окружения пруссаками¹².

Одновременно российский дипломат сообщал об оживленных контактах британского посла в Париже лорда Лайонса и австро-венгерского — князя Рихарда фон Меттерниха с Фавром и другими членами правительства «национальной обороны». У него складывалось впечатление о расположенности Лондона и Вены официально признать новый режим в случае, если он сумеет доказать свою жизнеспособность¹³.

Во второй депеше, составленной в тот же день (9 сентября), Окунев сообщил Горчакову о неожиданном визите к нему Фавра, который проинформировал его о том, что британский министр иностранных дел лорд Джордж Гренвилл счел основы предлагаемого правительством «национальной обороны» мирного окончания войны с Пруссией «умеренными» (“modérées”). Об этом французскому министру только что сообщил английский посол лорд Лайонс¹⁴. «Г-н Жюль Фавр, — продолжал Окунев, — сказал мне также, что он только что был проинформирован князем Меттернихом о том, что австро-венгерский канцлер¹⁵ уже передал правительству Пруссии французские мирные предложения»¹⁶.

Теперь, по словам французского министра, многое зависит от позиции России. «Он (Фавр. — П. Ч.) умоляет Его Императорское Величество (Александра II. — П. Ч.) выступить с инициативой коллективного демарша нейтральных держав с тем, чтобы побудить Берлин принять основы мира, предлагаемые Францией», — писал Окунев¹⁷.

В третьей телеграфной депеше, отправленной в Петербург на исходе 9 сентября, Окунев сообщил, что правительство «национальной обороны» в обстановке начинавшегося наступления пруссаков на столицу Франции приняло решение не покидать Париж, но одновременно настоятельно порекомендовало иностранному дипломатическому корпусу перебраться в более безопасное место, в г. Тур, расположенный в долине Луары¹⁸.

¹² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 7–7 об.

¹³ Там же. Л. 3–4 об.

¹⁴ Там же. Л. 11–11 об. Окунев — Горчакову, 9 сентября 1870 г.

¹⁵ Граф Фридрих Фердинанд фон Бейст (1809–1886) — канцлер и министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1867–1871 гг.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 12. Окунев — Горчакову, 9 сентября 1870 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Иностранцы, в том числе и Г.Н. Окунев, выехали из окруженного пруссаками Парижа в Тур 20–21 сентября 1870 г. Незадолго до их отъезда в Тур переместились отдельные представители правительства Трошю—Фавра во главе с министром юстиции Адольфом Кремье, назначенным председателем правительственной

В ответном письме Окуневу князь Горчаков высказал скептическое отношение к идее совместного посредничества нейтральных держав, включая Россию, в мирном разрешении франко-прусского военного конфликта. В то же время он проинформировал временного поверенного о том, что император намерен посоветовать королю Вильгельму «войти в неформальные сношения с людьми, находящимися в настоящее время у власти во Франции, хотя последние и сами признают, что не являются законным правительством».

Новые французские власти, продолжал Горчаков, намерены вручить свою судьбу в руки Учредительного собрания, которое должно будет определить будущий политический режим во Франции, который придаст необходимую законную основу мирному окончанию франко-прусской войны. Такова позиция России, которая должна быть понятна правительству «национальной обороны». Император будет твердо ее придерживаться, и он не предпримет никаких дополнительных шагов в этом вопросе.

«Мы не можем знать, на каких условиях обе воюющие стороны придут к заключению мира, — писал Горчаков. — Г-н Жюль Фавр согласен на денежную компенсацию, но безоговорочно отказывается от любой территориальной уступки. Берлинский двор настаивает на стратегических и оборонительных гарантиях. Нам трудно определить смысл и границы этого эластичного определения. К настоящему времени мы не получали по этим вопросам никаких конфиденциальных уточнений ни от одной из воюющих сторон. Если им удастся вступить в непосредственный контакт, даже в неофициальном порядке, они, возможно, сумеют договориться, и в этом случае никто не сможет порадоваться больше, чем Его Величество Император, успешному окончанию этой кровавой войны и установлению прочного мира»¹⁹.

Из письма министра со всей определенностью следовало, что надежды правительства «национальной обороны» Франции на активное содействие великих (нейтральных) держав, включая Россию, поискам мирного выхода из франко-прусской войны безосновательны. Россия, во всяком случае, считала, что достижение мира — это дело исключительно воюющих сторон: Франции и Пруссии. Единственно, что император Александр и министр иностранных дел могли порекомендовать прусскому королю и его канцлеру, так это найти способ вступить в прямой контакт с республиканской властью в Париже, при всей ее неустойчивости. К этому, собственно, и сводились “bons offices”, которые Россия соглашалась оказать Франции.

делегации в Туре. Непосредственные контакты с дипломатическим корпусом в Туре осуществлял граф Шодорди, директор кабинета министра иностранных дел.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 119. Л. 199–103. Горчаков — Окуневу, 14 сентября 1870 г.

Дело осложнялось тем, что Вильгельм и Бисмарк все еще продолжали считать плененного в Седане Наполеона III законным императором. На худой конец, они были бы согласны вступить в мирные переговоры с его 14-летним наследником, Эженом Луи Наполеоном (Наполеоном IV), точнее — с главой Регентского совета (императрицей Евгенией), но никак не с захватившими власть республиканцами, не имевшими в глазах Берлина никакой легитимности. К тому же, Пруссия твердо намеревалась оставить за собой, по меньшей мере, две захваченные еще в начале войны провинции — Эльзас и Лотарингию.

Все эти обстоятельства делали миссию Адольфа Тьера по вовлечению великих держав в поиски выхода из франко-прусской войны практически невыполнимой. Первый неутешительный сигнал он получил еще в Лондоне, где вежливо уклонились от миротворческих инициатив, тем более согласованных с другими нейтральными странами. Премьер-министр Уильям Гладстон, с которым встретился Тьер, посоветовал ему вступить в прямые переговоры с Бисмарком, пообещав со своей стороны всяческое содействие в организации этой встречи²⁰. Бóльшего французскому эмиссару добиться в Лондоне не удалось.

Тем не менее, исполненный сознанием гражданского долга и ответственности перед Францией, ветеран французской политики направился с берегов туманного Альбиона в Северную Пальмиру, куда он прибыл утром 20 сентября.

Когда Тьер уже завершал переговоры с Горчаковым, последний получил телеграфную депешу от Окунева. Дипломат сообщал, что накануне его отъезда в Тур (20 сентября) он встретился с Жюлем Фавром, который сказал, что поездка Тьера по европейским столицам имеет двойную цель: внушить доверие к новому правительству в Париже и убедить великие державы оказать посреднические услуги Франции в прекращении злополучной войны с Пруссией, безответственно начатой Наполеоном III. «Цель его (Тьера. — П. Ч.) миссии, — передавал Окунев слова Фавра, — заключается в том, чтобы представить европейским кабинетам объяснения относительно природы и временного характера правительства, подхватившего [в Париже] власть, выпавшую из рук императора Наполеона, разъяснить им намерения этого правительства и убедить их в необходимости, как коллективных, так и индивидуальных усилий трех держав, чтобы склонить короля Вильгельма к тому, чтобы сохранить за Францией целостность ее территории, удовлетворившись самой широкой компенсацией за понесенные издержки, которую страна [Франция] готова заплатить ради прекращения войны»²¹.

²⁰ Guiral P. Op. cit. P. 345.

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 26–27. Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г.

Не теряя драгоценного времени, Тьер, приведя себя в порядок после морского путешествия, немедленно отправился к ожидавшему его князю Горчакову. Государственный канцлер, который всегда с уважением относился к патриарху французского либерализма, своему ровеснику²², принял его весьма радушно, но сразу же определил пределы возможного участия России в выходе из франко-прусской войны. «Вы найдете здесь, — сказал Горчаков, приветствуя именитого гостя, — живые симпатии к Франции, порожденные предпочтением, питаемым в России к вашей родине, и старую общностью интересов, давно забытых. Симпатии эти вам будут выражать, но не заблуждайтесь на этот счет²³. В России один владыка — император, он один правит. А император хочет мира, и усилиям вашим воспротивится не племянник²⁴, а государь, обязанный пешисть о благе своего народа, и только его одного. Впрочем, — продолжал канцлер, — он окажет вам помощь для переговоров, но и не больше. Вам помогут вступить в переговоры без потери времени, и верьте мне: вот все, что можно для вас сделать»²⁵.

Вечером того же дня Тьер получил в Царском Селе аудиенцию у императора Александра, который был с ним приветлив, но чуть более сдержан по сравнению с Горчаковым. «Канцлер был прав, и я скоро в этом убедился, — резюмировал Тьер свои впечатления от встречи с царем. — Государь этот — благороднейший в мире человек, прилежный к делам, понимающий в них толк и исполненный откровенности и прямотушия. Он подтвердил мне слова своего министра, сказав, что сам войны не поведет, но послужит нам опорой в переговорах и делает все от него зависящее, чтобы Франция понесла возможно меньшие жертвы, земельные и денежные. Он честно сдержал слово»²⁶.

В тот же вечер Тьер был принят членами императорской фамилии, которые все дружно заверили его в расположенности к Франции и высказали пожелание скорейшего заключения мира.

На следующий день французский эмиссар продолжил переговоры с Горчаковым, но не услышал от него ничего нового. Канцлер подтвер-

²² Оба они родились на исходе XVIII века: Тьер — в 1797 г., а Горчаков — в 1798 г. Оба были свидетелями и участниками важных событий 1820—1860-х гг. XIX в.

²³ Горчаков имел в виду т.н. московскую партию, возглавляемую редактором «Московских ведомостей» Михаилом Катковым, который отстаивал идею сближения России с Францией против Пруссии (Германии).

²⁴ Александр II приходился племянником прусскому королю Вильгельму I по линии матери (императрицы Александры Федоровны), дочери Фридриха-Вильгельма III.

²⁵ Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 475.

²⁶ Сразу же после этой встречи Александр II отправил в прусскую штаб-квартиру в Версаль телеграмму с просьбой принять Тьера и обсудить с ним возможность открытия переговоров о прекращении войны (*Татищев С.С.* Указ. соч. С. 476).

дил пожелание императора о необходимости установления прямого контакта Тьера с Бисмарком, находящимся в Версале и добавил, что в Петербурге с часу на час ожидают ответа на предложение царя принять Тьера. Вместе с тем Горчаков не стал скрывать настороженного отношения Петербурга к новым французским властям, не доказавшим пока свою способность ни управлять страной, ни даже эффективно противостоять врагу.

В ожидании ответа из Версаля прошел еще один день, и Тьер уже собирался выехать из Петербурга в Вену, когда Горчаков пригласил его к себе. «Мы получили известия, — приветствовал он своего гостя. — Мир возможен. Но вам надо много принять на себя. Надо ехать в Версаль, мужественно начать переговоры, и вы получите условия, которые позволительно принять, особенно если Париж хоть немного, но сумел защититься. Проявите мужество мира (*ayez le courage de la paix*) и, я повторяю вам, вы дадите мир вашей родине и всей Европе, особенно если счастье чуть-чуть улыбнется французскому оружию под стенами Парижа»²⁷.

Одновременно Горчаков передал Тьеру предварительные условия прекращения войны, на которых настаивает Пруссия. «Король Вильгельм хочет получить Эльзас и Лотарингию, — сказал он. — Из телеграммы Бисмарка я узнал, что они могли бы ограничиться Эльзасом. Может быть, только Страсбургом, при условии, конечно, что вы немедленно сложите оружие. Если вы согласны, я могу дать вам паспорт для проезда в Версаль, где находится Бисмарк. Вы с уверенностью можете вести с ним дела»²⁸.

Тьер ответил, что у него нет полномочий на мирные переговоры от правительства, находящегося в окруженном Париже²⁹. «Будьте великим гражданином, — возразил канцлер, — и возьмите на себя ответственность. Вас ждут в Версале; вы будете приняты хорошо и получите все, что возможно получить в настоящую минуту»³⁰.

Тьер сказал, что в любом случае ему необходимо каким-то образом попасть в осажденную столицу, чтобы получить полномочия от правительства «национальной обороны» на переговоры и заключение мира.

Горчаков взялся устранить препятствие с проездом Тьера в Париж и Версаль. Канцлер отправился к императору, который дал санкцию на обращение к Бисмарку с просьбой о выдаче Тьеру охранного свидетельства (“*sauf-conduit*”) для проезда через расположение прусских войск, блокировавших французскую столицу. В конечном счете в результате бесед с Горчаковым французский эмиссар получил от россий-

²⁷ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 476.

²⁸ *Guiral P.* *Op. cit.* P. 348.

²⁹ *Castrie, duc de.* *Monsieur Thiers.* Paris, 1983. P. 325.

³⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 476.

ского канцлера лишь два совета: незамедлительно установить прямой контакт с Бисмарком и одновременно добиться повышения боеспособности французской армии, что должно укрепить позиции нового правительства Франции в переговорах с Берлином. На реальное посредничество России в прекращении войны рассчитывать не приходилось.

22 сентября, попрощавшись с Горчаковым, которого он поблагодарил за оказанные “bons offices”, Тьер выехал из Петербурга в направлении Вены.

О ходе своих переговоров с Горчаковым он сообщал в шифрованных телеграфных депешах, которые отправлял в Тур³¹. С содержанием некоторых из этих депеш уполномоченный МИД Франции в Туре Александр де Шоторди считал нужным ознакомить российского временного поверенного Г.Н. Окунева. «Шоторди, — сообщал последний князю Горчакову, — доверительно дал мне прочесть телеграфные отчеты Тьера о его миссии в Петербурге. Он отмечает теплый прием, который был ему оказан и который согрел его душу. Он пишет, что, как и ожидал, столкнулся здесь с предубеждениями против режима, установленного во Франции, и старался их рассеять...; общественное мнение здесь очень благожелательно по отношению к Франции, что объясняется [возросшей] военной мощью Германии. [В этом смысле] просматривается перспектива тесного союза с Францией, что отвечало бы интересам России. К сожалению, шовинистическая бонапартистская политика, приведшая к развязыванию войны, вызвала [здесь] опасения, под влиянием которых императорский кабинет взял на себя обязательства по отношению к Пруссии. И он получил все, что было возможно, не вовлекая Россию в войну.

Она (Россия. — *П. Ч.*) желает участия Европы в мирных переговорах. Если же мир будет достигнут без посредства держав, Россия не признает достигнутые договоренности. Эти меры, лишённые одобрения, никогда не смогут стать частью европейского права.

Он (Тьер. — *П. Ч.*) получил также обещание добрых услуг (“bons offices”) со стороны императорского кабинета в том, чтобы обеспечить Франции наилучшие, из возможных, условия мира. Единственно, о чем сожалеет Россия, так это о том, что отсутствие военных успехов Франции не приближает такую возможность.

Он (Тьер. — *П. Ч.*) хотел бы продлить свое пребывание в Петербурге, чтобы проследить за выполнением полученных обещаний, но считает, что его присутствие в Туре более необходимо. К тому же он глубоко убежден, что Франция может с полным доверием отнестись к обещаниям императорского кабинета.

³¹ См. ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1870. Vol. 244. Fol. 307 и далее.

Он намерен провести три дня в Вене, и не может поступить иначе, потому что хорошо знаком с императором (Францем-Иосифом. — П. Ч.), который желает встретиться с ним. Затем он отправится на два дня во Флоренцию, где тоже есть дела, после чего вернется в Тур, чтобы посвятить себя служению своей несчастной стране».

«Это почти текстуальное воспроизведение двух телеграмм Тьера, — прокомментировал Окунев полученную от Шоторди информацию. — Похоже, от нас ожидали более четкого отношения к Пруссии. Тем не менее, я думаю, что они (новые власти Франции. — П. Ч.) должны быть довольны тем, что получили»³².

Версия Горчакова о его встречах с Тьером изложена в зашифрованной телеграмме, которую канцлер направил Окуневу 23 сентября: «Тьер вчера уехал. Должно быть, он убедил себя в том, что мы разделяем его позицию. Сочувствуя бедствиям во Франции, мы будем настойчиво соблюдать строгий нейтралитет. Мы высоко оценили мужество французского переговорщика (*négociateur*), но не дали ему никаких обещаний и не взяли на себя никаких обязательств. Он, со своей стороны, проявил умеренность и трезво оценивает ситуацию. Я указал ему на целесообразность вступления в переговоры со штабом короля [Пруссии].

Он был бы готов к этому, имея на руках “*sauf-conduit*” (пропуск для проезда), в чем мы могли бы в случае необходимости ему посодействовать перед королем. Но прежде он хотел бы встретиться в Туре с людьми, находящимися у власти. Оттуда через Вас он свяжется с нами по телеграфу³³. Таково истинное положение вещей. Ни больше, ни меньше. Это единственно верная версия. Я излагаю ее для вашего руководства»³⁴.

Окончательную оценку содержания и результатов переговоров с Тьером князь Горчаков дал в Отчете Министерства иностранных дел за 1870 г., который он подал императору весной 1871 г. К тому времени в Версале уже был подписан прелиминарный мирный договор (26 февраля 1871 г.), положивший конец франко-прусской войне.

«В беседах со мной г-н Тьер пытался исправить прошлое, даже из-за своей любимой идеи английского союза, — писал Горчаков. — Он дал мне наилучшие заверения относительно будущей политики Франции, наученной постигшими ее неудачами во всем, что касается интересующих нас политических вопросов. Он попытался показать мне опасность, которую представляет военное преобладание и амби-

³² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 73–73 об. Окунев — Горчакову, 23 сентября 1870 г.

³³ Именно так Тьер и поступит, прислав 4 октября 1870 г. телеграмму и письмо на имя Горчакова. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 51. Л. 1–2 об.

³⁴ Там же. Д. 119. Л. 70–70 об. Горчаков — Окуневу, 23 сентября 1870 г.

ции Пруссии для России, из чего должно следовать, что, нельзя допустить сокрушения Франции.

Ответ был для меня очевиден. Вернув его (Тьера. — *П. Ч.*) к настоящему положению вещей, я обратил внимание на то, что его видение ситуации не соответствует реальностям.

Отдав должное свидетельствам нашей доброй воли в отношении Франции, он (Тьер. — *П. Ч.*) заметил, что в конечном счете наш нейтралитет со всей очевидностью был выгоден Пруссии, и он попросил нас возместить ущерб, нанесенный Франции, коллективным посредничеством Европы вместо обреченных на неудачу односторонних попыток [tentations isolées].

<...> Я обязан был напомнить ему, что наш нейтралитет продиктован исключительно нашими собственными интересами; и что мы не могли ими пожертвовать... <...>

Одних только воспоминаний о последовательной враждебности, которую Франция демонстрировала по отношению к нам даже в ущерб себе, было бы достаточно, чтобы поколебать нашу веру в необходимость союза с этой страной. Ее нынешние неудачи еще больше уменьшили [для нас] ее ценность, а постигшие ее социальные бедствия, угрожающие [Франции] гибелью в анархии, делают проблематичными любые расчеты на будущее.

Напротив, наши отношения с Пруссией и Германией всегда основывались на традициях близости и на взаимных услугах. Эти традиции порождены не случайным стечением обстоятельств, а глубокими причинами и общими интересами. Благоразумие должно побуждать нас к сохранению союза с этим могущественным соседом [Германией], к укреплению, а не ослаблению наших общих интересов и взаимной симпатии. <...>

Правительство национальной обороны неоднократно призывало нас воздействовать на короля Пруссии, чтобы склонить его к миру, умерив его притязания. Не отказываясь от такого содействия, мы убедили [французское правительство] в бесполезности всех подобных попыток до тех пор, пока оно не предложит конкретную программу переговоров, что сделало бы возможным достижение соглашения. Мы же, со своей стороны, ограничились передачей в ставку германского командования высказанных нам пожеланий»³⁵.

Таким образом, можно сделать совершенно определенный вывод: петербургская миссия Тьера имела весьма ограниченный успех, что, впрочем, было вполне предсказуемо³⁶.

³⁵ Там же. Ф. 137 (Отчеты МИД). Оп. 475. Отчет за 1870 г. Д. 61. Л. 76–88 об.

³⁶ То же самое можно сказать о результатах поездки Тьера в Лондон, Вену и Флоренцию. Ни в одной из столиц не пожелали вовлекаться в урегулирование

Во-первых, республиканский режим, установившийся в Париже после падения Второй империи 4 сентября 1870 г., был глубоко чужд русскому самодержавию, и к тому же еще не успел доказать свою жизнеспособность. Поэтому спешить с его признанием и изъявлять готовность к оказанию ему важных политических услуг в Петербурге не желали.

Во-вторых, еще с середины 1860-х гг. Россия испытывала возрастающее разочарование в попытке сближения с Францией, происходившего после окончания Крымской войны в 1856 г. Вопреки неоднократным обещаниям Наполеона III содействовать отмене дискриминационных в отношении России статей Парижского мирного договора, запрещавшего ей держать военный флот на Черном море и даже иметь береговые укрепления на своем побережье, Франция ничего не предприняла в этом отношении, хотя умело воспользовалась поддержкой России в приобретении Лазурного берега и Савойи в 1859–1860 гг.³⁷

К тому же, в Петербурге не забыли о недружественной по отношению к России позиции Франции во время восстания 1863 г. в Польше, о покушении польского эмигранта Антония Березовского на Александра II в Булонском лесу в июне 1867 г., как не забыли и о том, что террорист отделался в Парижском суде сравнительно легким наказанием.

Все это имело следствием охлаждение России к Франции и ее поворот к более тесному сближению с Пруссией, чему способствовали и близкие родственные связи Романовых с Гогенцоллернами. Поэтому нейтралитет России в начавшейся франко-прусской войне, которую российская дипломатия не смогла предотвратить, как ни старалась, оказался более благожелательным по отношению к Пруссии, и Тьер, безусловно, был прав, когда попенял на это Горчакову, встречаясь с ним в Петербурге.

Что касается самого Тьера, то, добравшись с полученным через посредство Горчакова «*sauf-conduit*» до Тура и Парижа, он получил согласие правительства «национальной обороны» на переговоры с Бисмарком, которые проходили во второй половине октября 1870 г. Эти переговоры оказались безуспешными, и лишь после капитуляции Парижа (28 января 1871 г.)³⁸, избранный Национальным собранием гла-

франко-прусского конфликта, посоветовав правительству «национальной обороны» напрямую договариваться с Бисмарком.

³⁷ См. об этом: *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 218–236.

³⁸ Тремя месяцами ранее, 27 октября 1870 г., после 72 дней осады Меца (Лотарингия) капитулировала защищавшая его боеспособная 170-тысячная армия маршала Ф.А. Базена. В результате этой неоправданной капитуляции две высвободив-

вой исполнительной власти Адольф Тьер³⁹ и канцлер Германской империи граф Отто фон Бисмарк 26 февраля 1871 г. подписали в Версале прелиминарный мирный договор, положивший конец войне, в результате которой Франция лишилась Эльзаса и Восточной Лотарингии, а также была обложена контрибуцией в размере 5 млрд франков.

шиеся немецкие армии были брошены против наспех сформированных Луарской и Северной французских армий, которые не устояли под натиском превосходящих сил противника и потерпели ряд поражений, ускоривших окончательный военный разгром Франции.

³⁹ Выборы в Национальное собрание прошли 8 февраля 1871 г., а 17 февраля депутаты избрали Тьера главой исполнительной власти, что означало объединение в его руках полномочий главы государства и правительства.

ПУБЛИКАЦИИ

«ДНЕВНИК МОЕЙ ПОЕЗДКИ В ГЕРМАНИЮ»: ВОСПОМИНАНИЯ ЭММАНИЛА ОСИПОВИЧА ДЕ РИШЕЛЬЕ (1766–1822)

Жизненный путь автора мемуаров – французского аристократа, русской службы генерал-лейтенанта (1799) в представлении не нуждается. В истории России он известен как Эммануил Осипович де Ришелье, в истории Франции – как Арман Эммануэль Софи Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон (с 1766 г.), герцог де Фронсак (с 1788 г.), герцог де Ришелье (с 1791 г.). Его отец приходился знаменитому кардиналу Ришелье правнучатым племянником. Но Эммануил Осипович де Ришелье стал известен в России не по родству с великим кардиналом, а благодаря его вкладу в развитие Одессы – он стал не только одним из самых ее знаменитых градоначальников (1803–1814), но и одним из ее отцов-основателей, и генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии (1805–1814).

В его честь в Одессе был поставлен памятник и названы ряд городских объектов (улица, лицей, гимназия) и не только (шампанское и коньяк «Золотой Дюк», футбольный клуб). Во времена первой Реставрации Ришелье вернулся во Францию (которую оставил после Французской революции), где занимал ряд важных государственных постов: сменил знаменитого Ш.-М. Талейрана на посту министра иностранных дел (1815–1818) и возглавил правительство при Людовике XVIII (1815–1821, с перерывом).

Деятельность «дюка Ришелье» изучалась и изучается в трудах как на русском, так и на французском языках: в ряде документальных публикаций, научной и научно-популярной литературе¹; одной из не-

¹ Алданов М. Дюк Эммануил Осипович де Ришелье // Наука и жизнь. 1995. № 5. С. 110–124; К повышению... достоин // Исторический архив. 2010. № 6. С. 190–191; Третьякова Л. Последний из рода Ришелье // Вокруг света. 2001. № 1. С. 66–73; Crousaz-Crétet L. Le Duc de Richelieu en Russie et en France, 1897; Waresquiel E. de. Le Duc de Richelieu. Paris, 1990 (rééd. 2009).

давних работ следует назвать его подробную биографию в знаменитой серии ЖЗЛ².

Самой серьезной публикацией его преимущественно эпистолярного наследия стал 54-й том (один из 148-ми томов), изданных Императорским Русским историческим обществом, но на французском языке, без перевода на русский³.

Именно в этом сборнике и были опубликованы воспоминания Ришелье о его участии в штурме Измаила (11/22 декабря 1790 г.) в качестве французской службы гусарского полка Эстерхази майора герцога де Фронсак, под названием «Дневник моей поездки в Германию»⁴ (далее — «Дневник»). Цель, время и место написания «Дневника» не совсем понятны. Скорее всего, Ришелье двигало желание рассказать о пережитом, включая знакомство с Россией, русской армией, о первых шагах на военном поприще, которые он совершил именно под Измаилом. Не исключено, что Ришелье написал воспоминания в первой половине 1791 г., то есть сразу после первого возвращения из России.

«Дневник» описывает события, произошедшие с Ришелье в период с 23 августа/3 сентября 1790 г., касавшиеся его отъезда из Франции днем ранее, то есть после Революции, которую он не принял, до 14/25 января 1791 г. включительно. Цель поездки, по его словам, заключалась не только в присутствии при коронации в Вене императора Священной Римской империи германской нации Леопольда II в октябре того же года, но и «в тщательном изучении намерений сильных мира сего в отношении разного рода событий, происходивших в различных державах и во Франции»⁵.

В том же октябре, и в той же Вене Ришелье познакомился с австрийской службы полковником принцем К. де Линем, сыном фельдмаршала К.-И. де Линя, и именно в Вене Ришелье узнал, совершенно случайно, от прибывшего к фельдмаршалу курьера от князя Потемкина, о планируемом захвате Измаила русскими войсками. Принц де Линь высказал горячее желание участвовать в штурме; к его мнению незамедлительно присоединился Ришелье вместе с французской службы полковником графом А.-Л.-А. Ланжерон (А.Ф. Ланжерон); к тому же в русской императорской армии уже служил родственник Ришелье — русской службы (с 1787 г.) полковник граф Р. де Дамá д'Антиньи (известный в русской литературе как граф Дамас). Втроем (де Линь, де Фронсак и Ланжерон) они прибыли к светлейшему князю Г.А. Потёмкину, направившего иностранных офицеров под Измаил, в распоряжение командующего Дунайской флотилии генерал-майора О.М. де Рибаса.

² *Глаголева Е.* Дюк де Ришелье. М., 2016.

³ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54.

⁴ *Richelieu.* Journal de mon voyage en Allemagne. С. 111–198.

⁵ Там же. С. 112.

Они прибыли под Измаил задолго до штурма, и Ришелье имел хорошую возможность познакомиться с военным бытом русских войск. Хотя в ходе штурма Ришелье, входивший в состав колонны бригадира Е.И. Маркова, не зная русского языка, потерял ее, тем не менее во главе небольшого отряда проявил мужество, за что был удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. и золотой шпаги с надписью «За храбрость».

Как известно, взятие Измаила стало громким событием в карьере А.В. Суворова, но источников личного происхождения, посвященных этому событию, не столь много, как кажется на первый взгляд, и не всегда информативных: воспоминания С.И. Мосолова, служившего при штурме командиром батальона Лифляндского егерского корпуса, и генерал-поручика А.Н. Самойлова⁶, переписка обер-офицера Г.И. Чернышева с генерал-поручиком С.Ф. Голицыным⁷ и современный перевод на русский язык небольшой записки полковника Ланжерона⁸. На французском языке касательно штурма известен (не считая воспоминаний Ришелье) только один источник – полковника Дамá⁹, воспоминания которого переведены на русский язык только в части событий, произошедших до штурма Измаила¹⁰. Из мемуаров Дамá и Ришелье самый больший интерес вызывают, безусловно, впечатления последнего, которые, как известно, легли в основу 7-й и 8-й глав «Дон Жуана» Дж. Г. Байрона.

По большому счету, отсутствие перевода мемуаров Ришелье на русский язык не удивительно (достаточно вспомнить, что разговоры героев романа «Война и мир» на французском языке в дореволюционный период тоже не переводились на русский); интересно другое – авторы работ о штурме Измаила редко ссылались на воспоминания Ришелье, хотя при небольшом количестве опубликованных источников его мемуары, не представлявшие тайны и не хранившиеся в спецхране, должны были привлечь внимание исследователей. Например, генерал-лейтенант Н.А. Орлов, автор единственной посвященной штурму Измаила в дореволюционную эпоху крупной работы, сослался на эти воспоминания не более двух раз и, можно сказать, осторожно, только в рамках штурма, словно демонстративно не об-

⁶ *Самойлов А.Н.* Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина-Таврического // Русский архив. 1867. № 12. Стлб. 1537–1578; Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова // Там же. 1905. № 1. С. 124–173.

⁷ Бумаги и письма князя Сергея Федоровича Голицына // Русский архив. 1876. № 5. С. 136–138; Письма во время осады Измаила 1790 года от графа Г.И. Чернышева князю С.Ф. Голицыну // Там же. 1871. № 3. Стлб. 385–408.

⁸ *Полевщикова Е.* Французские волонтеры в Измаиле: неопубликованная записка графа Ланжерона // Дерибасовская-Решильевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. 2007. Вып. 29. С. 6–11.

⁹ *Damas R. de.* Mémoires. 1787–1806. Paris, 1912.

¹⁰ Записки Рожера Дамá / Русская новизна. СПб., 1914. Кн. 18. С. 1–100.

рашая внимания на изложенные Ришелье предшествовавшие штурму события¹¹. Данная тенденция — умалчивание существования воспоминаний Ришелье (впрочем, как и не переведенных на русский язык мемуаров Дамá) — существовала не только в дореволюционный период¹², но и в советский¹³, разве что за исключением современности, да и то мемуары использовались более чем фрагментарно и конъюнктурно¹⁴.

Нежелание исследователей ссылаться на воспоминания Ришелье можно объяснить. Например, дореволюционных историков, вероятно, не устраивало описание «досуворовацкого» периода осады, где он не упоминал ни о каком военном совете (краеугольном камне официальной версии как причины отправки Потемкиным под Измаил Суворова), и давал достаточно критическое описание действий русских войск. При этом факт насилий, совершенных русскими войсками в Измаиле, в дореволюционной литературе не скрывался.

В свою очередь, воспоминания Ришелье не устраивали и советских историков, выступавших в рамках поддержания патриотической версии изложения событий, не желающих признавать ни отсутствие военного совета, ни, скажем так, достаточно странных действий в бою русских войск, ни тем более сцен жестокостей и грабежей, учиненных русскими войсками по взятии города.

Описанию событий под Измаилом Ришелье отвел в «Дневнике» достаточно много места — около половины из почти 90 страниц¹⁵. Этот отрывок делится на условные две части равной пропорции: пребывание Ришелье под стенами крепости и непосредственное его участие в штурме. Таким образом, события изложены в стандартной хронологической последовательности. К сильным сторонам воспоминаний можно отнести наблюдательность и проницательность автора, попытки разобраться в окружавших его явлениях и происходивших вокруг него событиях.

Много места в «Дневнике» занимает, разумеется, русская армия. Ришелье показал ее сильные и слабые стороны: он хвалил русского солдата за его высокий боевой дух, невероятную набожность, безупречную

¹¹ Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890. С. 58, 73.

¹² Колобакин Б.М. Суворов под Измаилом / Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. 1800 г. — 6 мая — 1900 г. СПб., 1900. Т. 1. С. 172—196; Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787—1791 гг. СПб., 1880. Т. 2; Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов СПб., 1900.

¹³ Боголюбов А.Н. Полководческое искусство А.В. Суворова. М., 1939; Гарнич Н.Ф. Штурм Измаила. М., 1952; Коробков Н.М. Взятие Измаила (1790 год) // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 24—40; Михайлов О.Н. Суворов. М., 1973; Осипов К. Александр Васильевич Суворов. М., 1955.

¹⁴ Лопатин В.С. Суворов. М., 2012. С. 220.

¹⁵ Richelieu. Journal de mon voyage en Allemagne. P. 152—192.

дисциплинированность, крайнюю неприхотливость, одновременно рисуя безжалостность российской действительности, мало обращавшей внимания, например, на сохранность человеческой жизни в России, и высказывая негодование в адрес системы продвижения русских офицеров по службе, о воровстве командиров кавалерийских полков.

Одновременно Ришелье представил очень интересные (и редкие) образы отдельных исторических персонажей: как неизвестных (шевалье де Ломбар), так и известных (генерал-поручика П.С. Потёмкина, де Рибаса), и прежде всего Суворова. Ришелье не только говорил о его необычайно простом и здоровом образе жизни, о его храбрости и огромном авторитете среди русских войск, но и о необычайной удачливости генерала, заменявшей ему подчас военные дарования.

Мемуары изобилуют интересными деталями, которые трудно встретить в других известных источниках о событиях до и во время штурма: о неоднозначном поведении некоторых русских офицеров в бою; о нежелании запорожских казаков становиться в авангард атаковавших колонн; о беспорядке среди высадившихся под стенами Измаила солдат; о цифрах потерь (10 тыс. чел. убитых и раненых), отличавшиеся от официальных (21 декабря 1790 г. Суворов в рапорте на имя Г.А. Потемкина вывел потери русских войск в 4577 чел.¹⁶). Отдельного изучения заслуживает концепция самой идеи штурма, которую Ришелье представил с не менее редкой стороны, настаивая на отсутствии четких целей русского командования по отношению к взятию Измаила, и достаточно логично представил успех как закономерную цепь случайного стечения обстоятельств в пользу русских войск.

Практически единственный из всех мемуаристов Ришелье нарисовал широкими мазками картину совершенных русскими войсками злодеяний, включая акты насилия над гражданскими лицами, которая вызовет неприятие у определенной части читателей.

Однако Ришелье, как следовало бы подумать, не упивается подобным зрелищем: русофобия не свойственна мемуаристу, если кто-то успел его так себе представить. Более того, у него нет никакого желания рисовать негативный образ русского солдата, хотя, казалось, он имел полное на это право, как непосредственный участник. С другой стороны, Ришелье не собирается замалчивать факты убийств горожан, невиданные размеры грабежа победителями имущества поверженного врага. В данной ситуации Ришелье выступил защитником русского солдата, и без обиняков объяснил соответствующее его поведение как вполне естественное в сложившейся исторической ситуации. Как сказал Байрон в «Дон Жуане»,

¹⁶ Суворов А.В. Документы. М., 1951. Т. 2. С. 540, 577. О противоречиях в численности потерь см.: Чиняков М.К. Суворов и Измаил. М., 2017. С. 137–151.

«...в боях
Меняются характеры и страсти,
И наш порыв уже не в нашей власти».

Правда, Ришелье, в силу происхождения, не мог не объяснить причины произошедших фактов жестокости с точки зрения своей принадлежности к благородному сословию, убеждая читателя в невозможности постижения простыми людьми в ответственные моменты чувств «просвещения и разума»¹⁷.

Очень интересны рассуждения Ришелье, приведенные в завершающей части рассказа о взятии Измаила, о критическом анализе действий русской и турецкой армий до и во время штурма, словно подталкивая читателя (вряд ли намеренно) к достаточно логичному выводу о похожем способе ведения боевых действий обоими противниками (заклучавшемся в полном пренебрежении к действиям друг друга вопреки даже здравому смыслу). Одновременно он пытался извлечь уроки из штурма на будущее (например, когда указал о выдаче необходимого количества патронов для солдат перед штурмом).

Ришелье не ограничился описанием боевых действий как таковых. Он пытался выступать как сторонний наблюдатель внутренней жизни России, являвшейся тогда (и не только тогда) *terra incognita* для Франции и французов. При отсутствии познаний в русском языке Ришелье многое в российской жизни было непонятно, и вместе с тем интересно и занимательно. Он даже пытался рассуждать о происхождении курганов (трактуя их как древние ориентиры в степи для татар), о жизни запорожских казаков. Автор оставил любопытные зарисовки и о турках, о турецкой армии, о способах ведения ими боевых действий, — достаточно редкую информацию среди других свидетельств того периода.

Мемуарист не упустил случая показать и свои политические пристрастия: не намекая на монархию как на идеальный тип государства, он демонстрировал понятное неприятие (явно в силу того же социального происхождения) революции, выставляя только отрицательные ее стороны.

Не обошлось в воспоминаниях и без недостатков, главным из которых является противоречивость изложения материала. Например, сначала Ришелье сомневался в огромной численности турецкого гарнизона, но затем убедительно и постоянно рассказывал о нем как о само собой разумеющемся факте; сначала Ришелье говорил о ненужности взятия крепости, но затем убедительно доказал обратное. Отзываясь достаточно объективно (насколько возможно для любого

¹⁷ Richelieu. Op. cit. P. 189.

мемуариста) о русской армии, тем не менее Ришелье иногда может сгущать краски (впрочем, как любой автор воспоминаний). В частности, он не намеревался сопоставлять отрицательные стороны поведения русских войск по взятию крепости с другими аналогичными действиями в Истории, например, связанными с французской армией.

Не всегда критика мемуариста объективна. Хотя Ришелье справедливо критиковал состояние русской военной медицины, утверждая, что из раненного в русской армии можно было быстро превратиться в покойника, однако общее состояние медицины во Франции и в России, думается, было вполне сопоставимо: в 1781 г. Людовик XVI, вследствие экономических и финансовых проблем, сократил количество военных госпиталей и уменьшил в них количество врачей, а в 1794 г. в военном госпитале Нанта ежемесячно умирали до 16% солдат, в основном от болезней¹⁸. С другой стороны, мнение Ришелье проистекает, скорее всего, из-за отсутствия у него боевого опыта в рядах французской армии.

В целом, думается, не стоит по прочтении мемуаров пытаться переписать штурм Измаила «à la Richelieu», основываясь только и исключительно на представленном ниже мемуарном отрывке, но введение воспоминаний Ришелье в широкий научный оборот (для читателей, не владеющих французским языком), и использовать их при изучении штурма Измаила, сравнивая с другими источниками (включая личного происхождения), безусловно, является насущной необходимостью, учитывая известную аксиому: степень достоверности мемуариста часто пропорциональна степени его осведомленности, а Ришелье, служивший под началом де Рибаса, излагал обстоятельства штурма с точки зрения последнего, причем иногда своеобразно. Например, первоначально он хвалил прозорливость де Рибаса, просившего накануне штурма отсрочить его ближе к рассвету, но спустя пару страниц сам же и указал, что именно утренний туман и спас его и других на берегу Дуная под турецким огнем.

В тексте «Дневника» даты сохранены по новому стилю; в других случаях они приведены по обоим стилям. Описание жизни запорожских казаков, маршрут движения Ришелье по Измаилу во время штурма оставлен без комментариев.

Перевод публикуется впервые. Перевод с французского языка и комментарии подготовлены автором публикации.

М.К. Чиняков

¹⁸ *Pigeard A.* Dictionnaire de la Grande Armée. Paris, 2002. P. 535; *Wey R.* Le Service de santé des armées au centre du champs de bataille // *Médecine et Armées*. T. 38. № 5. Décembre 2008. P. 411; *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 494.

ДНЕВНИК МОЕЙ ПОЕЗДКИ В ГЕРМАНИЮ*

(отрывок)

Крепость Измаильская расположена на левом берегу одного из главных гирл Дуная¹, в двадцати лье² от его устья в Черное море. Крепость просторная, построенная амфитеатром, с тремя мечетями и минаретами. С противоположного берега реки крепость являла зрелище впечатляющее и запоминающееся. Город, представлявший полукруг вокруг Дуная, имеет предположительно два лье в дуге окружности, а по диаметру, то есть по длине реки, учитывая две крайние точки крепостной ограды, — около 800 туазов³. Измаил пал в последнюю войну⁴, но тогда он был в виде негодного селения со слабыми ретраншементами⁵. Турки с тех пор почувствовавшие значимость местоположения сего города и осознавшие, насколько выгодно для них иметь на Дунае крепость, коя может служить либо в качестве плац-парада⁶, либо опорною базою для вторжения в Молдавию⁷, либо для прибежища потерпевших поражение войск, во время длившегося мира с последней войны⁸ укрепили сию крепость и расширили ее территорию⁹.

Работы по совершенствованию крепости производил французский инженер месье Делафит¹⁰, составивший очень четкий ее профиль, искусно следовавший неровностям местности. Но месье Делафит был отозван во Францию до того, как успел завершить работу над укреплением, включавшее ныне только очень высокий вал, насыпанный

* *Richelieu. Journal de mon voyage en Allemagne.* (Пер. с фр. и прим. М.К. Чинякова).

¹ Речь идет о Килийском гирле. Далее идут примечания М.К. Чинякова, либо указывается, где «Прим. автора (*Richelieu*)», а где «Прим. перев. (*М.К. Чернякова*)».

² Лье — старинная французская единица измерения расстояния (4,444 км).

³ Туаз — старинная французская единица измерения расстояния (1,949 м).

⁴ 26 июля/6 августа 1770 г. генерал-поручик Н.В. Репнин взял Измаил (без боя).

⁵ Ретраншемент — вспомогательная фортификационная постройка в виде внутренней оборонительной ограды. Представляет, как правило, ров и вал.

⁶ Плац-парад — расчищенное, выровненное место, площадь в городе или крепости обычно перед казармами для учений, разводов, парадов и смотров войск.

⁷ По условиям Кючук-Кайнарджийского мира (1774) Молдавское княжество стало протекторатом Российской империи.

⁸ Ришелье намекал на период после русско-турецкой войны (1768—1774).

⁹ Турки именовали Измаил «армейскою крепостию». — *Прим. автора.*

¹⁰ Лафит-Клавé (Делафит) Андре-Жозеф де (1740—1794), — французской службы инженерных войск генерал-майор (1792). С 1784 по 1788 г. находился в командировке в Турции. По его проекту и под его наблюдением строились и перестраивались укрепления Очакова. Участвовал в попытке турок высадиться в Кинбурне (1787). Был отозван во Францию приблизительно осенью 1788 г.

из очень плотной земли, подобной туфу¹¹, с широким и глубоким рвом и чрезвычайно крутыми эскарпом и контрэскарпом¹². По правилам фортификации, для невозможности пробития в валу бреши следовало обшить его камнем, но Делафит предположил укрепить его палисадом¹³ по европейскому образцу. Однако наследовавший ему турецкий инженер, служивший бостанджи-пашой¹⁴ или главным садовником сераля¹⁵, не имея никаких познаний в фортификационном деле и располагая очень большими магазинами¹⁶ кольев для палисада, не счел нужным сделать лучше, как поставить сей палисад в середине парапета¹⁷, вместо того, чтобы вбить колья на самой внешней оконечности вала с целью сделать эскаладу¹⁸ почти невозможной. Можно даже приписать успех приступа, как увидим ниже, незнанию основ фортификации неизвестным мусульманским зодчим.

До нашего прихода со стороны Дуная отсутствовали оборонительные сооружения, кроме как нескольких батарей, и подход к реке фланкировал¹⁹ очень большой редут в форме бастиона²⁰. Сей возведенный из гранита редут²¹ прикрывал крепость с тыла, со стороны Дуная, и защищал подход от неприятеля со стороны реки; редут входил в состав

¹¹ Туф – легкая, цементированная, пористая горная порода. Очень прочная и долговечная.

¹² Эскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или рва, обращенный передней частью к противнику. Контрэскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или рва, обращенный передней частью к обороняющемуся.

¹³ Палисад (или частокол) – препятствие или стена из ряда заостренных столбов (в среднем высотой около 3 м), вертикально врытых или вбитых на 1/3 своей длины в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусьями.

¹⁴ Бостанджи-паша (в данную эпоху) – глава садоводов или суперинтендант султанских садов.

¹⁵ Сераль – резиденция турецкого султана в восточной части Стамбула.

¹⁶ Магазин (*уст.*) – склад.

¹⁷ Парапет – насыпь в фортификационном сооружении, предназначавшаяся для удобной стрельбы, защиты от пуль и укрытия от наблюдения противника, а также и в качестве дополнительной преграды на случай штурма.

¹⁸ Эскалада – штурм крепости при помощи лестниц (от *фр.* *escalier* – лестница).

¹⁹ Фланкировать – обстреливать противника с флангов продольным огнем для защиты своих позиций.

²⁰ Бастион – пятиугольное долговременное укрепление, возводившиеся на углах крепостной ограды и примыкавшие к ней. Здесь и далее Ришелье под словом «бастион» подразумевал преимущественно известное измаильское укрепление под названием «Табия», классифицировать которое по документам затруднительно.

²¹ Редут – сомкнутое укрепление в виде правильного или неправильного многоугольника и самостоятельное в смысле обороны. Таким образом, бастион и редут – два разных укрепления. Получается, что Ришелье либо путался, либо не мог квалифицировать «Табью», либо плохо разбирался в фортификации.

ную часть крепости, но был отделен от нее, хотя с горжи²² был закрыт почти совершенно. В противоположной стороне от редута, по сему берегу Дуная, с тою же целью находился сильно укрепленный кавальер²³, но не обшитый камнем. Линия между обоими укреплениями, как я сказал, длиною около 800 туазов, была очень плохо защищена²⁴. Турки, рассматривавшие реку как преграду более чем достаточную, совершенно не ожидали увидеть русскую флотилию на Дунае, и во время осады принялись работать с неутомимым усердием, построив на сем протяжении, от одного укрепления до другого, коммуникационную линию²⁵, коя, фланкированная развернутыми в батарее 90 пушками, чрезвычайно затрудняла бы приступ. Посему, если приступ состоялся в день прибытия войск к городу, они столкнулись бы намного с меньшим сопротивлением и потеряли менее людей²⁶, чем за 24 дня осады²⁷. Сие описание крепости мне кажется необходимым для общего разумения операции.

Теперь я перейду к изложению событий осады. Я уже говорил, что предприятие противу Измаила было не более как покушением²⁸, ибо приступить к осаде было невозможно ввиду погодного сезона, где столько непредусмотренных трудностей могли остановить проведение операции. Войска русские отнюдь не располагали осадною артиллериею, а невозможность приобрести шпионов среди турок оставляла осаждавших в полном незнании о численности гарнизона, — если верить слухам, в крепости насчитывалось от 15 до 40 тыс. чел. Сверх того, между начальниками, действовавшими самостоятельно, происходило мало понимания и уразумения. До прибытия генерала Суворова²⁹ ге-

²² Горжа — тыльная сторона отдельных укреплений.

²³ Кавальер — вспомогательное внутреннее оборонительное сооружение, то есть малый бастион, огороженный стенами главного бастиона. Возвышаясь над главным бастионом, кавальер обеспечивал обстрел, как правило, артиллерийским огнем ворвавшегося на него (главный бастион) противника. В данном случае Ришелье имел в виду высокую насыпь для обстрела ружейным огнем ворвавшегося в крепость противника.

²⁴ Однако для обороны крепости со стороны реки следовало рассматривать находившиеся на Дунае 35–40 турецких судов.

²⁵ Коммуникационная линия (*фр.* *ligne de communication*) (в фортификации): часть вала или траншеи, насыпь для защиты прислуги крепостной артиллерии от огня противника.

²⁶ Здесь и далее, как правило, под словом «люди» (в дореволюционную эпоху) подразумевалось слово «нижние чины».

²⁷ Как вскоре увидим, сие мнение о скором приступе исходило от генерала де Рибаса.

²⁸ Покушение (*усм.*) — попытка.

²⁹ Суворов Александр Васильевич (1730–1800), — граф (1789), князь (1799), русский полководец, генералиссимус (1799). С 1789 г. носил почетное прозвище граф

нерал де Рибас³⁰, начальствовавший флотилией, отнюдь не подчинялся генералам, начальствовавшими сухопутными войсками. Таково было положение вещей, когда мы прибыли на борту одного из судов флотилии.

Нас принял генерал де Рибас, под началом коего, как я сказал, находились военно-морские силы императрицы на Дунае. Сия флотилия, включавшая суда, известные только в здешних краях, насчитывала около ста двадцати парусов; самые большие, под названием бригантины³¹, располагали 16-ю пушками.

Главная сила сего флота именовалась лансонами³², то есть судами, ходившими как под парусами, так и на веслах, с низкой осадкой, и вооруженные пушками очень большого калибра и 120-фунтовыми³³ гаубицами, стрелявшими картечами, ядрами и воспламеняющимися бомбами³⁴. Остаток флота включал множество легких судов, таких как прамы, шлюпы, канонерские лодки, дубель-шлюпки³⁵ и т.д.

Суворов-Рымникский, с 1799 г. — князь Итальянский граф Суворов-Рымникский. За штурм Измаила Суворов был награжден весьма скромно.

³⁰ Рибас де (Дерибас) Иосиф (Осип) Михайлович (Хосе де Рибас Жузеп де Рибас) (1751—1800) — испанский дворянин по происхождению, российский военный и государственный деятель, генерал-майор (1789), контр-адмирал (1792), вице-адмирал (1793). Основатель Одесского порта и города Одессы. Во время штурма Измаила командовал Черноморской гребной флотилией. За штурм Измаила был удостоен шаги с алмазами и 800 душ в Полоцкой губернии.

³¹ Бригантина — двухмачтовое парусное судно, распространенное во всех регионах — от Средиземного моря до Тихого океана. Вооружение бригантины не превышало 20 пушек.

³² Лансон — одно- или двухмачтовое парусно-гребное промысловое или каботажное судно, распространенное в черноморских странах в XVIII—XIX вв., в основном в Турции. На лансонах, используемых в военное время, могло быть установлено вооружение, состоявшее из 4—8 орудий малого калибра, либо 1—2 крупнокалиберных пушек или мортир. Из-за низкой осадки обладали прекрасной возможностью для высадки десанта на мелководье.

³³ Вероятно, опечатка или ошибка Ришелье, ибо если 68-фунтовое орудие имело диаметр артиллерийского ствола около 200 мм, 120-фунтовое должно было иметь диаметр около 350 мм и весьма значительную массу ствола с соответствующим лафетом для установки на борту корабля. Скорее всего, речь шла о 12-фунтовом орудии (около 100 мм).

³⁴ Русские называли сии снаряды на германский лад — *hundkugel*. — Прим. автора. (В действительности речь идет о брандскугеле (нем. *brandkugel*), бомбе (в описываемое время) — разрывной артиллерийский снаряд, предназначенный для стрельбы из мортир, гаубиц и пушек. Бомбой считался снаряд весом 1 пуд и более (снаряды весом от одного артиллерийского фунта до пуда назвались гранатами, а менее одного артиллерийского фунта — пулями.)

³⁵ Прам — крупное плоскодонное артиллерийское парусно-гребное судно, применявшееся в качестве плавучей батареи, то есть с сильной артиллерией, для действий против береговых укреплений и при осадах приморских крепостей. Шлюп — тип парусного корабля, несшего до 28 орудий. Канонерская лодка —

Сия флотилия, с посаженными на борт ее судов 4 тысячами солдат, вышла из портов Крыма, пересекла устье Дуная, защищаемое многочисленными батареями, кои она захватила, и, изгнав оказавшие лишь слабое сопротивление турецкие суда, сия флотилия продвинулась по реке до пятнадцати сотен туазов от города, где и находилась к нашему прибытию. Часть сей флотилии, поднявшаяся по другому гирлу Дуная и повернувшая вокруг острова³⁶, бросила якорь ниже города; она включала суда с запорожскими казаками³⁷, сим родом человеческим, странным весьма и не похожим ни на один какой другой народ.

Сии казаки представляли объединение большого количества особ разных народов, — русских, поляков, донских казаков, турок, соединившихся вместе для проживания при соблюдении известных³⁸ правил, и подчинялись вождям, коих они сами себе и выбирали. У них совершенно не было ни женщин, ни постоянного места для проживания: они жили в тростниковых зарослях на берегу Черного моря за счет лихоимства и морского разбойничества.

Императрица попробовала дать сим казакам землю и сделать из них добрых и полезных подданных, но до настоящего времени сей проект не увенчался успехом. Сии люди, по образу их жизни, каковая не укротила их нравы, предаются при всяком случае невоздержанному бессердечию и варварству самому безжалостному. Сей вид удали есть единственный, коим они добыли себе славу, и их храбрость противу неприятеля, каковой отвечает им сопротивлением, никак не сообразуется с тою жестокостию, кою они проявляют к противнику, обращенному в бегство. Следует не путать ни в коем разе сих варваров, узурпировавших имя казаков, с настоящими казаками, иными словами,

небольшие боевые корабли с артиллерийским вооружением, предназначенным для боевых действий на реках, озерах и в прибрежных морских районах. В эпоху парусного флота канонерскими лодками называли крупные шлюпки или небольшие парусно-гребные суда с 1–3 крупными орудиями. Дубель-шлюпка — небольшое парусно-гребное военное судно, располагавшее до 15 орудий, предназначенное для действий на реках, в лиманах и вблизи морских побережий.

³⁶ Речь идет о т.н. острове Чатал (Сулин), который островом не является. Ришелье и другие современники под этим «островом» подразумевали противоположную от крепости территорию суши (14 на 15 км), омываемую двумя гирлами (Килийским и Сулинским). Под «другим гирлом» Ришелье имел в виду именно Сулинское.

³⁷ 3/14 августа 1775 г. вышел манифест Екатерины II «Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии». С этого времени название «запорожские казаки» официально исчезло, хотя словосочетание использовалось еще в течение длительного времени. Из оставшихся в России запорожских казаков с 1783 г. Г.А. Потемкин создал Войско верных казаков Черноморских (с 1860 г. Кубанское казачье войско).

³⁸ Известных (*уст.*) — некоторых.

с донскими казаками, о коих я говорил выше³⁹, и кои не менее полезны войскам, ибо они бдительностию предохраняют войски от всяких неожиданностей и неустрашимостию наводят страх на врага.

Во время нашего прибытия мы стали свидетелями небольшой стычки между одною дивизиею лансонов и двумя малыми судами под командованием подполковника де Рибаса, брата генерала⁴⁰, и турецких судов, устремившихся их атаковать. Впрочем, последние, после бесчисленных выстрелов, были вынуждены отступить с уроном под защиту пушек крепости.

30-го ноября вся флотилия бросила якорь на расстоянии около 900 туазов от города. Весь день турки вели огонь достаточно живой, но безуспешный. Именно тогда сухопутные войски и приблизились к крепости. Они включали два корпуса: один, под начальством генералов Гудовича⁴¹ и Павла Потемкина⁴², был составлен из войск, бывших в Килии⁴³, и вставших лагерем в добром лье от города. Другой корпус, под начальством генерал-майора Кутузова⁴⁴, оставался еще на расстоянии около четырех лье от города. Затем к крепости подошел еще и третий корпус, под начальством Самойлова⁴⁵, сформированный из войск, стоявших под Килией⁴⁶, и вставший лагерем между двумя вышеозначенными корпусами. Сии корпуса последовательно сближались друг к другу, но полное обложение Измаила так и не состоялось,

³⁹ Эта часть не публикуется.

⁴⁰ Ришелье ошибся: брат генерала, де Рибас (Дерибас) Эммануил Михайлович (1760–1791), был русской службы полковником. Вместе с братом активный участник русско-турецкой войны (1788–1791). Потерял правую руку при осаде Очакова, но продолжал воевать с протезом. Умер от ранений, полученных при взятии Измаила.

⁴¹ Гудович Иван Васильевич (1741–1820) – граф (1797), русский генерал-фельдмаршал (1807). Прибыл под Измаил, но был отозван князем Г.А. Потёмкиным на Кавказ.

⁴² Потёмкин Павел Сергеевич (1743–1796) – граф (1795), русский военный и государственный деятель. Приходился троюродным братом князю Г.А. Потёмкину. За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 2-й ст.

⁴³ То есть осаждавших и взявших Килию.

⁴⁴ Голенищев-Кутузов (с 1812 г. Голенищев-Кутузов-Смоленский) Михаил Илларионович (1745–1813), граф (1811), светлейший князь (1812), – российский полководец, дипломат, генерал-фельдмаршал (1812), участник русско-турецких войн, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г. Первый полный кавалер ордена Св. Георгия. Во время штурма крепости командовал 6-й колонной (со стороны суши). За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁴⁵ Самойлов Александр Николаевич (1744–1814) – граф, российский полководец и государственный деятель, племянник Г.А. Потёмкина, генерал-прокурор Правительствующего сената (1792–1796). За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Владимира 1-й ст.

⁴⁶ То есть не штурмовавших Килию.

и сие неудобство могло стать гибельным, если б другой неприятель, нежели турки, действовал более дерзновенно, особенно со столь многочисленным гарнизоном. Все сии русские войски заключали около двадцати тысяч человек, не считая семи-восьми тысяч регулярных казачков, коих в русских войсках почти никто никогда не считал⁴⁷.

Казачки весьма полезны не менее регулярных войск, и среди их преимуществ, например, можно назвать их дешевизну, поскольку за 40 рублей, получаемых ими ежегодно от казны, они снабжаемы за собственный счет и также без денег от казны содержат собственную лошадь, — вряд ли возможно иметь кавалерию менее дорогую. Правда, форма казачков не отличалась ни богатством, ни изяществом: круглая меховая шапка, чем-то похожий на польскую форму мундир, очень широкие шаровары⁴⁸ и пара сапог, — вот почти и весь их гардероб. Их оружие заключалось в паре пистолетов, каковые они носили за поясом, сабле и пике двенадцати футов⁴⁹ длиною. Сии казачки бреют голову, оставляя единственно косу посреди головы, коя спускается до низа спины. Их вожди, подобно туркам, носят бороду. Казачки не имеют надобности ни в приказах, ни в словах, и общаются друг с другом посредством особого свиста, по коему спознают друг друга. Казачки ездят на очень невысоких лошадях, но крепких и выносливых, на коих они совершали ловкие набегии. Сии люди, за коими действительно любопытно наблюдать, наделены чрезвычайною сметливостию. Не имея никакого представления ни о компасе, ни о меридианах, ни о какой астрономии, казачки находят дорогу в степи простым наблюдением за звездами, и, руководствуясь сим единственным способом, они почти никогда не сбиваются с пути. В походах они беспрестанно занимают большое пространство впереди войск, и их пикеты всегда связаны друг с другом разъездами для быстрого осведомления начальства.

Казачки не менее полезны и во время осадной войны, охраняя войски от внезапной вылазки неприятеля. Но самый лучший способ ведения боевых действий, в коем они не знают себе равных, — совсем другой: когда, например, следует что-то сжечь или опустошить область, будь то в прямой вред неприятелю, будь то для воспрепятствования ему обеспечения себя провиантом. Пруссия еще не забыла зло, каковое казачки учинили ей во время Семилетней войны. Другая легкая кавалерия, даже венгерская, никоим образом даже не достигала, разве что в редчайших случаях, достигнутых казачками высот разрушения и истребления.

⁴⁷ Ришелье не упомянул об арнаутах, о которых либо забыл, либо включил их в категорию «запорожские казачки».

⁴⁸ Ришелье назвал их кюлотами (*фр. culottes*). О кюлотах см. ниже.

⁴⁹ Фуг (*фр. pied*) — на описываемый период около 0,3 м.

Вечером 30-го ноября настало время для построения на острове батарей, кои должны были бомбардировать крепость и кои не могли не причинить ей много вреда, поскольку сей город расположен амфитеатром, и посему почти ни один выстрел не долженствовал пропасть даром. Одновременно следовало постараться потопить стоявшие у берега и служившие крепости защитой турецкие суда в количестве 25-ти или 30-ти лансонов. Осаждавшие льстили себе, что сия канонада с сухого пути, умноженная поддержкою артиллерии с флотилии, должна внушить туркам достаточно ужаса и принудить их сдаться.

Для построения батарей отрядили пять сотен солдат, коих, в случае десанта со стороны неприятеля, должны были поддержать другие шесть сотен. Сии силы находились под начальством бригадира⁵⁰ Маркова⁵¹, резерв — под начальством графа де Дамас⁵². На правом фланге, где начальствовал генерал-майор Арсеньев⁵³, приняли подобные же меры для построения другой подобной батареи⁵⁴.

При наступлении ночи мы выдвинулись к разведанному прежде участку: он находился приблизительно в 150 туазов от каменного бастиона, о коем я уже говорил выше. Возведение батареи началось с небольшой конфузии, ибо рабочие не знали, что им нужно делать, и сверх того, не обошлось без известной лености в исполнении работ. Пуще всего меня поразило, что, несмотря на предпринятые чрезвычайные предосторожности, все разговаривали и кричали, а турки, кои не могли не слышать производимый нами шум, тем не менее предоставили нам возможность построить укрепление, ни разу не выстрелив по нам из пушки. Сие нерадение происходит, как мне показалось, из питаемого беспрестанно русскими к туркам глубокого презрения, ибо русские рассматривали недостойным принимать диктовавшиеся на войне благоразумием меры предосторожности от турок, и чувство их,

⁵⁰ Бригадир (в 1722–1796 гг.) — военный чин выше полковника и ниже генерал-майора, относящийся к генеральским чинам.

⁵¹ Марков Евгений Иванович (1-й) (1769–1828) — российский военачальник, генерал-лейтенант (1807). При штурме Измаила, в чине лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майора командовал 3-й колонной (со стороны Дуная). За героизм при взятии Измаила, в 1792 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

⁵² Дамас (Дамá) д'Антиньи Роже де (1765–1823) — граф, французской службы полковник (1789), перешедший с 1787 г. на русскую службу, неаполитанской службы генерал-лейтенант (1804). За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁵³ Арсеньев Николай Дмитриевич (1749/1754–1796) — российский военачальник, генерал-майор. При штурме Измаила командовал 1-й колонной (со стороны Дуная). За героизм при взятии крепости был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁵⁴ Я не говорю о построенной у устья малой реки [речь идет о реке Репида. — Прим. перев.] третьей батарее, находившейся столь смешно далеко, что пальба с нее по крепости была совершенно бесполезною, и посему батарею весьма быстро забросили. — *Прим. автора.*

русских, превосходства над сим неприятелем, было распространено в равной мере как среди нижних чинов, так и среди русских офицеров, и служило причиною бесполезной потери множества людей, вместо того, дабы проявить излишнюю осторожность и осмотрительность.

Офицеры, занимавшиеся построением сей батареи, не принадлежали к инженерному корпусу, хотя таковые служили в войсках, но никто не прибегал к их услугам, и я не знаю почему, — их обязанности исполняли офицеры из разных корпусов, служивших в артиллерии, кои должны были иметь знания достаточные. Но нетерпение бригадира Маркова, всем начальствовавшим, и также испытывавший, как и всякий другой представитель армии своей, вышеозначенное предубеждение к туркам, верил, что противу турок укрепление будет всякое весьма полезным, и не позволил дать сему укреплению соответствовавшее ему улучшение.

Около трех часов утра вдруг обнаружилось, что строившаяся батарея находилась слишком близко к крепости, дабы привести туда пушки⁵⁵, — поставленные на выгруженные с судов морские лафеты 48-фунтовые пушки, носивших в России наименование единорогов⁵⁶. Ввиду короткого ствола единороги не предназначались для стрельбы на дальность прямого выстрела и могли действовать только с возвышенности. Однако сия артиллерия не могла успешно пробить брешь в огромном редуте, весьма солидно построенном из гранита. Сверх того, удаление от крепости в 150 туазов было уже значительным, и поскольку русские не удосужились построить в батарее платформу⁵⁷, нельзя было и надеяться на верность стрельбы, посему пушке рассчитывали на присущий туркам ужас, последовавший бы по разрушению и пожару их жилищ, чем на нанесенный вред их укреплениям. Тем не менее батарея была построена как построена, и осталось ждать сигнала для открытия каонады.

Сигнал долженствовал последовать на рассвете, когда флотилии следовало приблизиться к городу, и тогда артиллерия как с сухого пути, так и с судов, начала бы пальбу. Около шести часов утра русские пу-

⁵⁵ Вообще сия батарея была построена настолько дурно, насколько сие было вообще вообразить возможно. Парапету не хватало долженствовавшей ему высоты, а амбразуры были такою ширины, что чрез них могла свободно проехать повозка, но сие, как мне говорили, достаточно противу турок, и в силу сего блестящего принципа под Очаковом и Измаилом можно было не страшно потерять две-три тысячи людей. — *Прим. автора.*

⁵⁶ Единорог — русская гладкоствольная артиллерийская пушка-гаубица. Превосходила пушки в скорости заряжания, дальности стрельбы и меньшей массой.

⁵⁷ На платформах (деревянных) в осадных батареях пушки размещались для более меткого и быстрого ведения огня: например, для обеспечения уменьшения отката пушки при выстреле и облегчению работы расчета пушки для накачивания к бойнице после заряжания платформы ставились с подъемом к тылу.

стили два брандера для нанесения урону турецким судам; но либо они пустили брандеры издалека, или в силу какой-либо иной причины, но они взорвались в стороне, не причинив никакого ущерба ни одному турецкому судну⁵⁸. Около семи часов вся флотилия придвинулась вперед, и спустя полчаса началась канонада. Дивизия судов, составлявшая авангард, отправилась вниз по течению реки, с героической храбростью разместилась между нашими батареями и городом, и под ужасным неприятельским картечным и ружейным огнем держалась в сей ужасной позиции целых шесть часов⁵⁹.

Турки ответствовали с великою живостью, и на столь малой дистанции причинили много урону судам. Один из них поднялся на воздух у меня на глазах, представив зрелище жуткое и страшное, самую волнующую картину смерти и разрушения. Другой лансон унесло течением, и, дрейфуя, он пристал к турецкому берегу, где на наших глазах попал в плен с экипажем в пятьдесят или шестьдесят человек. Батареи на сухом пути также пострадали, ибо в силу несовершенства исполнения постройки они не служили надежным убежищем от неприятельского огня. Амбразуры были чрезвычайно велики и земля внутри батарей недостаточно вырыта, и посему было достаточно лишь немного отодвинуться от проема амбразуры, как тебя становилось видно издалека с ног до головы, до самых пряжек на башмаках. Впрочем, турки понесли также большой урон: многие их суда были истреблены, другие потоплены, и мы знали, что они потеряли много людей. С нашей стороны были четыре или пять сотен человек раненых и убитых, что составило значительную потерю относительно того малого количества людей, коими мы располагали.

Около часа пополудни флотилии дали сигнал к отступлению, и именно тогда много потерпели урону два самых выдвинутые вперед судна, переходившие под батареями крепости⁶⁰. Турецкие пушки, принужденные замолчать нашими усилиями, вновь обрушили сильный огонь на сии несчастные суда, шедшими словно на смотр, и потярявшими много людей.

⁵⁸ По официальной версии, брандеры отнесло в сторону течением.

⁵⁹ Авангард флотилии был доверен принцу Карлу Линю, выказавшему в сем деле, где ему посчастливилось избежать очень больших опасностей, как присутствие духа, так и мужество в равной мере. — *Прим. автора.*

⁶⁰ Я не должен упустить случая рассказать, как находившаяся ниже по течению дивизия флотилии с запорожскими казаками на борту, желая соединиться с остальными судами флотилии, пересекла вышепомянутое пространство крепости вдоль сказанных 800 туазов, не обращая внимания на обрушившийся на них неприятельский дождь из огня. Сверх того, около 150 казаков решили произвести дерзновенный набег с целью грабежа самых ближайших к берегу домов. Сия дерзость им не удалась, и, как и следовало ожидать, почти все казаки погибли. — *Прим. автора.*

Охваченные внезапным дерзновением и воодушевлением, известное количество турецких смельчаков сели в шлюпы, переплыли чрез Дунай и высадили десант на наш берег. Тогда граф де Дамас получил приказ выйти с батареи во главе двух сотен солдат и сбросить турок обратно в Дунай. Едва мы вышли с батареи, как превратились в мишень для всей крепостной артиллерии. Граф де Дамас велел людям рассеяться, что стало причиною малых потерь. В сем случае я не был доволен поведением русских солдат. С превеликим трудом нам удалось принудить их идти вперед, ибо каждое мгновение они бросались на землю, и нам приходилось ударами заставлять их подниматься. Хотя, признаться, мы шли под ливнем пуль и вспахивавших землю вокруг нас ядер.

Несмотря на наши малопривлекательные действия, турки не стали дожидаться нашей атаки и вернулись на суда достаточно проворно. По нашему возвращению на батарею турки сопровождали нас тем же огнем, коим мы были встречены по выходу из сего укрепления, и наши солдаты доказали частым коленопреклонением, что они не были приучены к нахождению под сей стрельбою. Однако я могу уверенно сказать, что полк, в состав коего входили сии люди, покрыл себя славою при приступе, каковой был намного длиннее и более горяч, чем сия стычка⁶¹. Сей день, каковой, можно сказать, прошел достаточно живо, стал моим первым шагом на военном поприще. Покуда длилось сие дело, я очень внимательно изучал себя, и находил себя соответствовавшим прошлому моему состоянию, когда я твердо решил продолжать военную карьеру.

После сего первого покушения, успех коего, как только что видели, был, по крайней мере, сомнительным⁶², генерал де Рибас, полагавший принудить турок к сдаче только канонадою, разработал проект произвести тотчас приступ по захвату крепости. Но, поскольку сей генерал не имел под своим начальством достаточного количества войск для баталии, коя долженствовала быть также живой, он сообщил о сим намерении генералам Гудовичу и Павлу Потёмкину с целию дать ему часть войск и поддержать его диверсиею с сухого пути. Оба генерала, напуганные предполагавшейся опасностью и решительностью предприятия, и, может быть, завидуя возможной славе де Рибаса, под предлогом невозможности надежды на успех с твердостью отказали ему, хотя легкость перевозки большого количества войск на самую менее защищенную сторону крепости, где можно было встретить наименее сопротивления, не предоставляя времени туркам укрепить сию сторону, представляло явную выгоду. Генералы отнюдь не прислушивались

⁶¹ Ришелье, вероятно, намекал на Полоцкий мушкетерский полк, о подвигах которого рассказал ниже.

⁶² Мы были сильно удивлены, когда узнали немного времени спустя, что сие дело превратилось в викторию: сим чудом мы обязаны автору реляций.

к доводам генерала де Рибаса, и он решил первоначально потребовать от турок сдачу крепости как некую формальность, от каковой нельзя было ожидать большого успеха, после чего он построил бы еще несколько батарей, и посмотреть, принудит ли турок уступить сие увеличение огня противу крепости.

В соответствии с сим решением, не предполагавшим большой активности, в ночь на 2-е декабря приступили к постройке третьей батареи, наиболее приближенной к берегу Дуная, долженствовавшей произвести наижесточайший огонь на турецкие дома и суда. Батареи продолжали строить многие другие последующие ночи, и 12-е декабря⁶³ на берегу Дуная уже находились свыше 80 пушек в батареях. Каждый день сего промежутка времени проходил в канонаде более или менее жестокой, — либо с батареей, либо с судов, кои, приближаясь к городу, бросали в него бомбы. Турки, со своей стороны, не оставались безучастными: они без устали работали над укреплением берега Дуная посредством построения ретраншементов и батарей. Одновременно они по-прежнему вели сильный огонь, и их канониры⁶⁴, кои, я не знаю почему, не уступали нашим или даже превосходили их; особенно турки проявляли большую ловкость в бросании бомб, в искусстве, предполагавшим пуще умения, чем в чем-либо⁶⁵.

С вечера 30-го ноября до 12-го декабря мы находились на батарее бригадира Маркова, к коему были причислены с самого начала. Войски, охранявшие батарею, отнюдь не сменялись в течение столь долгого времени, и я должен воздать должную похвалу русским солдатам, переносившим с превосходными храбростию и терпением трудности, каковые другие народы не смогли бы претерпевать. Несмотря на неудобства долгого пребывания в одном и том же месте, в условиях постоянной изменчивости суровой погоды, со слабою надеждою на редкие мгновения отдохновения и сна на земле сырой и холодной,

⁶³ В тексте ошибочно указано «12-е сентября».

⁶⁴ Неслыханное дело, но, располагая столь посредственной артиллериею в виде отвратительных лафетов, очень низких колес с широким ободом и большим весом пушки с лафетом, не дававших возможности быстро сменить прицел, турецкие канониры могли стрелять весьма целно. — *Прим. автора.* [Поскольку в данную эпоху пушки не имели прицельных приспособлений и их наводили на глазок, диаметр колеса (не говоря уже о массе лафета) играл огромное значение: чем больше он был, тем быстрее можно было развернуть пушку в нужную сторону. — *Прим. перев.*]

⁶⁵ Бомба для гладкоствольного орудия представляла начиненное порохом ядро с дистанционной трубкой, также начиненной порохом и вставлявшееся в отверстие; вокруг отверстия были две скобы, за которые бомбу поднимали особыми крючками при зарядении. Вставлялась в ствол дистанционной трубкой вниз и воспламенялась от пороховых газов. В случае неосторожного обращения бомба могла взорваться в артиллерийском стволе.

занимаясь каждую ночь работами, — либо делать поправки⁶⁶ батареи, либо укреплять коммуникационные линии, — от людей не только нельзя было услышать никакого ропота, но они даже не теряли ни на мгновение присущую им веселость и доброе настроение⁶⁷.

Пища, каковую русские солдаты довольствовались среди множества трудов, солдатам других армий не показалась бы никоим образом достаточною для вознаграждения за перенесенные тягости. Овсянка, приготовленная на воде⁶⁸ с щепоткою соли, без хлеба, мяса, овощей, — такова обыкновенная пища русского солдата, и самое примечательное, что употребляя в пищу на первый взгляд малопитательный продукт, они сохраняли, по крайней мере, силу и бодрость подобно австрийскому солдату, каковой, бесспорно, питается лучше всех солдат Европы. Сия воздержанность в питании не является единственным ценным качеством русских, и сие справедливо, что воздержанность вкупе с храбростию и покорностию, коими они владеют в степени не менее превосходною, русского солдата можно рассматривать как лучшего в Европе. Будь немного построже отбор в обер-офицеры, наличие большего боевого опыта у генералов, меньше оказанных вопреки обычаю милостей и произвола в продвижении по службе, — все сие возвысило бы русские войски намного выше над другими армиями, приобретшими самую высокую репутацию в последнее время⁶⁹.

Один из серьезных упреков, коих можно сделать русским войскам, проявление малой заботы к людям, пренебрежение как варварское, так и неразумное в стране, население коей на огромных ее пространствах весьма немногочисленное. Вследствие нехватки хирургов и лекарств всякий раненый уже почитается как убитый; к больным отношение не отличается большим ожидаемым человеколюбием, и сие досадное затруднение нельзя объяснить скудностию и удаленностию края, где проходят боевые действия, поскольку количество лошадей, каковым, как я уже говорил, располагали русские войски⁷⁰, дало бы им

⁶⁶ Поправление (*уст.*) — ремонт.

⁶⁷ В Европе нет ни одного солдата столь постоянно веселого нрава, как русский. Нередко можно было наблюдать, как они исполняли песни в течение пяти или шести часов без малейшего перерыва. — *Прим. автора.*

⁶⁸ Русские именуют сие блюдо кашею. — *Прим. автора.*

⁶⁹ Можно сказать, что русская кавалерия совершенно бесполезна в силу того, что каждый полковник рассматривает свой полк как имение, из коего он хочет извлечь как можно более прибыли, не заботясь ни о состоянии, в коем пребывают его войска, ни даже о полном комплекте конского состава, за содержание коего он кладет деньги себе в карман. Сие злоупотребление, быть может, самое трудное для истребления, ибо всякий генерал или министр, вознамерившийся бы предпринять сие, будет неминуемо повержен господами кавалерийскими полковниками, большинство коих являются влиятельными особами при высочайшем дворе. — *Прим. автора.*

⁷⁰ Эта часть не публикуется.

всякую возможность создать походные госпитали для перевозки больных⁷¹, и при желании можно было бы без усилий добыть себе добрых хирургов⁷², кои, в случае поддержания сего начинания, не мешкали бы набрать учеников. Но невысокая ценность солдатской жизни в совокупности с совершенною нерадивостию внушает уверенность посредством рекрутского набора без стеснений восполнить умерших солдат новыми и заставляет пренебрегать способами, использовавшимися в странах более просвещенных, для сохранения здоровья подданных, каковые являлись ценными для тамошних монархов, и коих не трудно заменить там, где покорность менее слепа и ярмо менее тяжелое. Одно только размышление об ужасном расходе людей, происходившим без пользы в сей армии, заставляет ужаснуться и повергнуть в ужас чувства человеколюбия от дурного зрелища, кое можно предвидеть, и кое приведет к гибели пуще людей, чем от оружия неприятеля⁷³.

Пребывание наше на батарее, как можно было в сие поверить, не было ни приятным, ни удобным. Тем не менее, несмотря на многочисленные неудобства образа жизни столь странной, все окружавшее меня было столь ново, что сие времяпровождение не казалось мне прискорбным. В жизни человеческой все познается в сравнении, и человек, обладая лишь небольшою долю храбрости, способен привыкнуть к всякому образу жизни. У нас не было ничего похожего на кровать, мы спали на земле, а шинель с легкостью заменяла нам самые лучшие на свете тюфяки. Отвратительный на блюде ужин, каковым он и был в действительности, мы принимали со всеобщею радостью, и момент его прибытия являлся, без сомнения, самым приятным событием дня.

⁷¹ Во-первых, Ришелье, вероятно, подразумевал под «походными госпиталиями» (*фр.* «*hôpitaux ambulants*») «летучие амбулансы», появившиеся во французской республиканской армии в 1792 г. благодаря предприимчивости военного врача Д.-Ж. Ларрея для транспортировки раненых с поля боя до госпиталя. Во-вторых, Ришелье уверен, что «летучие амбулансы» могли появиться в русской армии намного раньше, чем во французской.

⁷² Известны только два хирурга наивысших добродетелей, — французские господа Мюссо и Лодземан. — *Прим. автора.*

⁷³ Существует еще большая причина разрушительной силы среди русских войск: проявление малой заботы при перевозке рекрутов. В столь необъятной империи перевозке следовало бы уделять гораздо больше внимания, но оно совершенно отсутствует. Рекруты или Рекрут, поставляемые помещиками, собираются в губерниях в назначенном месте, где становятся объектом алчности обер-офицеров, кои, рассматривая свое назначение как подарок судьбы, стараются заработать деньги всеми возможными способами: они уменьшали размер рационов, изнуляли солдат двойными маршами и т.д.; другие, и самые гуманные, переживали, что рекрут, получив малое вознаграждение, вернется в свое село, и отправляли его на верную смерть. Таким образом, до армии не доходила и четвертая часть необходимого количества рекрутов. Только сим и объясняется огромная потребность русских войск в живой силе, — из-за потерь, не вызванных ни болезнями, ни огнем неприятеля. — *Прим. автора.*

Хотя мы находились всего в около 150 туазах от города, мы отлично различали происходившие и на валу, и на части берега различные события жизни турок, их разнообразные занятия, — ничто не ускользало от нашего ока. На двух воротах со стороны, смотревшей на лагерь⁷⁴, располагались киоски⁷⁵, похожие на возведенные в английских садах. Именно в них, сидя на подушках, паши и другие старшие офицеры гарнизона проводили большую часть дня, курили трубки, наблюдая за судами и позициями войск. Ничто не могло поколебать их духа, и их храбрость, или, скорее, безучастность, ярко проявилась, например, во время самой оживленной бомбардировки: они на наших глазах оставались недвижимыми в неизменной позе на одном и том же месте, где, без малейшего сомнения, подвергались самым большим опасностям. Султан⁷⁶ из императорской семьи⁷⁷, находившийся в крепости со своими шестью детьми, воодушевлял осажденных, отличаясь неоднократно выказываемыми неустрашимостью и дерзновением. Как-то раз, в силу непрерывности нашего огня турки были принуждены бежать со своих батарей, размещенных против наших, и мы воочию увидели, как прискакавший на лошади на пляж султан, несколько не обращая внимания на пролетавшие мимо него ядра со всех сторон, ободрял солдат, гарцуя перед ними, и волею-неволею вернул их на батареи. Сей принц завидного присутствия духа и героической храбрости имел конец печальный, о чем я поведаю ниже.

Тем временем успехи, добытые нами силою огня и умножением количества наших батарей, имели мало успеха. Много раз, по правде говоря, в различных частях города принимался вспыхивать пожар, но турки быстро его тушили, после чего озаботились выкапыванием в валах подземных жилищ от бомб и ядер, выказывая полное безразличие к судьбе собственных жилищ, полагаясь на их количество и силу

⁷⁴ Поскольку батарея Маркова располагалась западнее крепости, Ришелье мог видеть только Хотинские и Бросские ворота.

⁷⁵ Киоск — архитектурный термин. Обозначает легкую, на столбах или колоннах постройку, род беседки, с круглым, квадратным или многогранным планом, с открытыми пролетами между столбами или с решетчатой отделкой этих пролетов, с невысокой конической или пирамидальной формой крыши. Обычно строились в парках и садах.

⁷⁶ Судя по всему, здесь и далее Ришелье отождествлял под султаном обладателя высокого титула в Османской империи, — сераскера (сераскира) (*тур.* serasker). Под сераскером (на тот период) мог пониматься либо чин, соответствовавший маршалу (т.е. носитель его являлся весьма ответственным лицом перед монархом), либо обычный титул, присваиваемый султаном (монархом) провинциальным ага (в Османской империи: титул военачальников) в надежде сохранить их лояльность Стамбулу, хотя эта надежда часто ею и оставалась.

⁷⁷ Если Ришелье рассматривал сераскера (Айдозли-пашу или Айдозли-Мехмет-пашу) как родственника султана, — это единственное упоминание о сераскере, биография которого совершенно не известна.

их крепости. Они с презрением смотрели на наши работы, выходили в большом количестве на берег, где бесчисленное количество раз потрясали саблями, словно вызывая нас на бой. Тем временем нельзя не заметить, что несмотря на сие бахвальство и многочисленность их гарнизона, они не отваживались ни выйти из крепости со стороны суши, ни высадить десант на нашем берегу⁷⁸. Все сие доказывает, что турки не имели большого желания отважиться на серьезное дело.

Генерал де Рибас, человек амбициозный и расторопный, уставший от медлительности развития событий и скучавший от отсутствия успеха, попытался во второй раз склонить генералов к приступу крепости. Он приводил им прежние доводы, но достиг не большего успеха, чем в первый: либо из-за опасения за свою судьбу, либо из-за опасения скомпрометировать себя, они никоим образом не хотели соглашаться с его просьбою, и всё, что он сумел добиться от них, — обещания предпринять покушение действий: сухопутные генералы⁷⁹ должны были приблизиться к крепости с видимостию приступа; одновременно одна большая часть судов должна была выдвинуться вперед к крепости и открыть жестокий огонь по ней вместе с батареями с сухого пути. Если сие покушение не принудило бы турок к сдаче, следовало немедленно оставить экспедицию, — войска сухопутные должны были вернуться на свои квартиры⁸⁰, а флотилия, посадив на борт судов свои войска и пушки, — уйти вверх по Дунаю к Галацу; генерал Суворов, в лагере у Бырлада, неподалеку от Галаца⁸¹, ждал только прибытия генерала де Рибаса для атаки Браилова, сильно укрепленного турецкого города, расположенного почти у Дуная. Таков был согласованный проект генералов.

Утром 11-го числа декабря, огонь возобновился со всех батарей с чрезвычайною силою. Значительное количество канонерских лодок и лансонов выдвинулись на очень близкую дистанцию к городу и открыли сильный огонь. Сия ужасная и беспрестанная канонада по городу около двух сотен пушек, включая орудия флотилии, была прервана только среди ночи, и возобновилась с тою же силою до вечера 12-го⁸². Хотя турки отвечали с живостию, тем не менее после полудня

⁷⁸ За исключением того случая, о коем я поведал выше, и другого, произошедшего два дня спустя, когда четыре-пять сотен неприятеля отважились атаковать батарею генерала Арсеньева, отбросившего турок ценою жизни малого количества солдат. — *Прим. автора.*

⁷⁹ Под сухопутными генералами (*фр. généraux de terre*) Ришелье понимал генералов, командовавших сухопутными войсками (Гудовича, Самойлова, П.С. Потёмкина, Кутузова), в отличие от де Рибаса, командовавшего флотилией.

⁸⁰ Квартирное расположение — временное размещение войск на постой в населенных пунктах в военное и мирное время.

⁸¹ Бырлад находится в сотне километров севернее Галаца.

⁸² В сей день последнее турецкое ядро задело лицо французского волонтера графа Дюбуа-Милон, находившегося вместе с нами на батарее генерала Маркова,

12-го они оставили многие батареи, и их огонь умолк совершенно. Тем не менее турки даже не помышляли сдаться; красный флаг продолжал полоскаться над городом, означая намерение неприятеля обороняться до последней крайности. Для пущего устрашения осаждавших собственным числом, турки водрузили на всем протяжении вала огромное количество малых знамен всех цветов, каждое из коих принадлежало отдельной роте⁸³.

После исполненного генералами плана, в ночь с 12-го на 13-е декабря русские начали возвращать пушки обратно на борт судов, войска — отступать. Добившиеся успеха турки принялись проявлять радость очередными криками и новыми бахвальствами.

Во время нашего пребывания на батарее мы успели привыкнуть к ярким выражениям турками их разнообразных чувств каждый вечер в час молитвы, производившейся на закате солнца. Повсеместные восклицания доносились с разных сторон города и продолжались в течение получаса. К крикам турок незамедлительно присоединялись вой и лай несметного количества собак и животных, заполнявших всякий турецкий город, и сие продолжалось еще долго вечером и в течение всей ночи⁸⁴. Каждое малое событие, выражение радости или боли, они выказывали тою же тональностью и теми же возгласами. Слово «Алла», обозначавшее «Господь», повторялось ими чаще всего, либо в молитве, либо в их боевых кличах, либо при изъявлении веселья или скорби. К словесным оборотам они обыкновенно присовокупляли множество оскорблений и соответствовавших случаю выражений презрения к неверным.

Всю ночь и самую большую часть дня, в течение коего осуществлялась наша погрузка на суда, турки докучали нам шумными и раскатистыми взрывами хохота и не прекращавшимися радостными кликами, коими не переставали оглашать окрестности. Шум со стороны турок, причиняемые ими же нетерпение и скука, умножались разочарованием, проистекавшим от неудачи экспедиции, и нерешительные солдаты, в душе не огорчавшиеся отложенному приступу, теперь получили возможность более, чем другие, выражать сожаление, что им не удалось воспользоваться столь прекрасным случаем приобрести славу.

и изуродовало его. Несчастный граф ушел в мир иной спустя восемь дней после ужасных страданий. — *Прим. автора.*

⁸³ Они называли роту байрак, а командира — байрактар. — *Прим. автора.* [В действительности байрак (*тур.* bayrak) — знамя, байрактар (*тур.* bayraktar) — знаменосец, рота — бёлюк (*тур.* bölük). — *Прим. перев.*]

⁸⁴ Разведение собак у турок составляет один из канонов их религии, запрещавшей им убивать собак. — *Прим. автора.* [Наличие большого количества собак в Измаиле, скорее всего, проистекало от соблюдения турками провозглашенного в Коране запрета на убийство любого животного без достаточной причины. — *Прим. перев.*]

Днем 12-го декабря все было готово для нашего отъезда, и часть флотилии подняла паруса для следования к Галацу. На судне, на борт коего взошел генерал де Рибас, и на коем находились и мы, матросы уже подняли часть парусов, когда в сие самое мгновение неожиданно пришло известие о прибытии офицера, отправленного срочно князем Потёмкиным⁸⁵ генералу де Рибасу. Дело в том, что сей генерал тайно послал к князю сообщение с деталями плана захвата города приступом, и с нетерпением ожидал возвращения курьера. В письме князь Потёмкин одобрил в виде намека взгляды де Рибаса, и, полагаясь на непрестанно споспешествующее его оружию счастье, приказал не атаковать, но взять крепость. Сей необычный приказ прекрасно показывал характер князя.

По прочтении приказа генерал де Рибас не мог сдержать радости, возникшей от чтения новости; он нам ее сообщил тотчас же, одновременно велел вернуться обратно части флотилии, начавшей подниматься вверх по Дунаю, а остальным оставаться на месте и не предпринимать никакого движения. Одновременно де Рибас довел до нашего сведения, что тот же приказ долженствовали получить сухопутные генералы, кои соответственно также начали возвращаться, и что князь Потёмкин предписал графу Суворову принять общее начальствование всеми русскими силами, собранными под крепостию Измаильскою⁸⁶.

Многие причины способствовали возникновению радости у генерала де Рибаса. Мысль о службе рядом с человеком настолько смелым, как и постоянно удачливым во всех начинаниях, каким и был Суворов; сознание того, что он не мог упустить случая оказаться под началом столь блестящего генерала, и предчувствие, что большая часть успеха от сей экспедиции долженствовала обязательно осенить и его, ибо, как я уже говорил, де Рибас мог рассматриваться как подлинный зачинщик предприятия⁸⁷, — все сие преисполнило месть де Рибаса надеждою, удовлетворением и желанием возвыситься над генералами Гудовичем и Павлом Потёмкиным, кои, как уже видели, не собирались разделять

⁸⁵ Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739–1791) — русский военный и государственный деятель, создатель Черноморского военного флота и его первый главноначальствующий, светлейший князь (1776) и генерал-фельдмаршал (1784). Руководил присоединением к России и первоначальным устройством Таврии и Крыма. Основал ряд городов, включая современные областные центры: Екатеринослав (1776), Херсон (1778), Севастополь (1783), Николаев (1789). Возможно, тайный (morganatic) супруг Екатерины II.

⁸⁶ Сей приказ поручил генералу Гудовичу начальство над русскими силами на Кубани. — *Прим. автора.* [12/23 ноября 1790 г. Гудович был назначен командующим Кубанского корпуса и начальником Кавказской линии. — *Прим. перев.*]

⁸⁷ Де Рибас не ошибся в предположении, ибо вся честь экспедиции принадлежала ему, и был осыпан милостями, коих, надо сказать, он заслуживал. — *Прим. автора.*

его взгляды, а также тайною радостью от унижения противодействовавших его проектам, идеям и расчетам сих генералов. Одним словом, известие от князя Потёмкина вызвало в генерале де Рибасе проявления чувства самолюбия и тщеславия к его вящему чрезмерному удовольствию. Не зная о мотивах сего генерала, мы искренне разделяли его радость, и с тех пор были почти совершенно уверены в предстоящем приступе, каковой, следуя пророчеству, сделанному нам месяцем ранее в Вене посетившим принца де Линя⁸⁸ русским офицером, долженствовал стать очень живым и очень занятым.

Радость, испытываемая турками по поводу нашего отъезда, и проявленная в манере столь бурной, оказалась, как можно было предвидеть, недолгою. Со следующего дня пушки вновь начали выгружать с судов флотилии на берег, и солдаты приступили к производству работ, необходимых для восстановления недавно оставленных батарей, кои заняли достаточным количеством людей для воспрепятствования туркам в разрушении укреплений. Турки, удивленные увиденным, и особенно заметив вновь покрытый судами Дунай, тем не менее открыли пальбу, но вялую. Сухопутные войски, следуя полученному приказу от князя Потёмкина, вновь приблизились к городу и заняли прежний лагерь, по коему турки во время их отсутствия совершали прогулки. Вместе с принцем Карлом де Линь я разместился на борту дубель-шлюпки, возглавляемую капитаном шевалье Ломбаром⁸⁹, выдающейся доблести офицером флота и известного необычайными приключениями, произошедшими с ним в Константинополе, где он был арестован и заключен под стражу в бане, откуда сбежал, можно сказать, чудесным образом.

Мы жили в дыре столь узкой, что в ней могли не иначе только как спать. Однако, несмотря на неудобства проживания, жилище было чрезвычайно предпочтительно проживанию на батарее, поскольку по крайней мере, там была крыша над головою, — преимущество, в котором нам было отказано на батарее совершенно.

Таким образом мы оставались в бездействии до прибытия графа Суворова, каковой вечером 16-го числа декабря⁹⁰, следуя своему

⁸⁸ Принц де Линь, Карл-Иосиф-Антоний-Ламораль-Гислен (1759–1792), — австрийской службы полковник, сын фельдмаршала К.-И. де Линя (1735–1814). За героизм при штурме Измаила полковник Линь был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁸⁹ Шевалье Ломбар был невероятно храбрым человеком, но с редким недостатком среди подобных ему выдающихся людей в виде хвастовства. Он умер зимою вследствие неизлечимой лихорадки на фоне последствий истощения, вызванного последствиями чрезмерных удовольствий в объятиях чрезвычайно хорошей турецкой пленницы. — *Прим. автора.*

⁹⁰ Ришелье ошибся: Суворов прибыл к Измаилу 2/13 декабря.

обыкновенному правилу, прибыл к нам на казацкой лошади⁹¹, без палатки и экипажа.

О прибытии графа Суворова, каковое произвело большое впечатление на войска, объявил всеобщий пушечный залп с суши и флотилии. Сей генерал, виктория коему не уставала сопутствовать в его начинаниях, и успех коего был столь также велик противу польских конфедератов, как и противу турок в течение сей войны⁹², внушал солдатам доверие чрезвычайно полезное в предстоявшем отважном начинании. Манеры генерала были простыми, поскольку жил он в солдатской палатке, где не имел даже стульев. Приветливость Суворова и его добродушие снискали ему всеобщую привязанность всех войск. Сей странный человек, подобный более вождю казаков или татар, чем генералу европейской армии, был наделен неустранимостью и смелостью необыкновенными. Храбрость Суворова, могущая превратиться в безрассудство, заставляла пренебрегать его всякими правилами военного искусства. Успехи Суворова, укреплявшего общее предубеждение у всех русских в тщетности предосторожности и науки противу турок, умножали еще пуше его совершенную беспечность в отношении всего, что составляет военное искусство.

Образ жизни, одежда и речи графа Суворова есть не менее странные, как и его военные взгляды. Он обедал между семью и восемью часами утра. Он принимал самую отвратительную пищу на простой циновке в разбитой прямо на земле палатке. После полудня та же самая пища служила ему ужином. Он спал несколько часов в день и проводил часть ночи в песнях; на рассвете выходил из палатки почти голым и катался по траве, утверждая, что сие упражнение ему необходимо для предохранения от ревматизма. У него не было лошадей, и, когда ему следовало выезжать на разведку, он брал первую попавшуюся ему казацкую лошадь, мчался во весь опор, или шел по краю рва, не стесняясь ни пушечных ядер, ни реальной опасности попасть в плен. Его манера изъясняться на всех языках производила не менее странное впечатление, как и он сам, — его фразы отличались несвязностью. Если Суворов выглядел безрассудным, он, по крайней мере, не делал и не говорил почти ничего, чтобы таким казаться; но он был удачлив, и за сие качество, кое столь высоко ценил кардинал Мазарини⁹³,

⁹¹ Ришелье подчеркнул простоту Суворова.

⁹² Ришелье намекал на участие Суворова в Войне против Барской конфедерации (1769–1772), где он получил 3-ю степень ордена Св. Георгия, минуя 4-ю. В течение русско-турецкой войны (1787–1791) Суворов разбил турок при Кинбурне (1787), Фокшанах (1789) и Рымнике (1789).

⁹³ Джулио Мазарини (1602–1661), урожденный Джулио Раймондо Маццарино, — церковный и политический деятель и первый министр Франции при Людовике XIII и Людовике XIV.

Суворова по праву очень уважали императрица и князь Потёмкин. Его невиданная набожность имела успехом много привязанности к нему со стороны войск, проявлявших последнюю беспрестанно.

Русские солдаты сохранили еще, к счастью для них и их государя, богобоязненность, может быть, суеверную, но умножавшую их храбрость. Они не пренебрегали исполнением ни одного религиозного обряда, и убеждение умереть мучениками, особенно в войне против турок, каковую они рассматривали как религиозную, чрезвычайно умножало их храбрость и отважность, — если нижние чины сохранят сию ценную черту характера в течение долгого времени, сие будет иметь счастливое продолжение, хотя, к сожалению, проявление религиозных чувств их офицеров, по сравнению с чувствами их подчиненных, проявляется в весьма меньшей степени⁹⁴.

Суворов согласился с мнением генерала де Рибаса, к которому питал большое доверие, уполномочил его составить план производства атаки и приказал войскам плотнее приблизиться к крепости, сужая кольцо осады, что было незамедлительно исполнено. Например, корпус под начальством генерал-майора Кутузова разместился на дистанции столь близкой к городу, что неприятельские ядра залетали даже в его лагерь⁹⁵. По приказу Суворова солдаты приступили к производству большого количества фашин и лестниц, в коих имелась надобность для исполнения задуманного приступа.

Одновременно, дабы избежать, насколько возможно, смертоубийственных действий, было решено потребовать еще раз у турок сдачи. Большие надежды возлагали на присутствие генерала Суворова, коего турки почитали за его счастье и смелость и рассчитывали, что одно только его присутствие внушит им необъятный ужас и заставит капитулировать. Генерал написал туркам письмо с предложением военных почестей и условий капитуляции, предложенных турецкому гарнизону в Бендерах годом ранее и исполненных⁹⁶, угрожая одновременно туркам обращению самому жестокому, если они попробуют оказать сопротивление, и дал им три дня на раздумье⁹⁷. Сие письмо было вручено туркам чрез офицера в сопровождении двух трубачей.

⁹⁴ Ришелье, вероятно, намекал на антирелигиозные чувства французов, приведшие, по его мнению, к Французской революции.

⁹⁵ Одно из срикошетировавших ядер залетело в палатку, где обедали четырнадцать офицеров. Ядро выбило ножки у семи стульев, на коих восседали офицеры, и они благополучно опрокинулись на задницы без всякого ущерба здоровью, что исторгло большой смех у участников сего действия. — *Прим. автора.*

⁹⁶ Осада Бендер продолжалась с 29 октября/9 ноября по 3/14 ноября 1789 г. По условиям капитуляции Г.А. Потёмкин даровал жителям свободный выход из крепости и неприкосновенность имущества горожан.

⁹⁷ В действительности в письме срок на раздумье отводился только на одни сутки 7/18 декабря, затем срок был отодвинут Суворовым до утра 10/21-го.

Когда офицер с трубачами приблизились к городу, нам явилось зрелище, каковое можно было себе трудно вообразить. Стояла отменно ясная погода, и подавляющая часть офицеров вышла посмотреть своими глазами, на достаточно большом расстоянии от города, способ передачи послания туркам. Турки, со своею стороны, при приближении к валу офицера и трубачей, высыпали на вал, успев украсить его большим количеством знамен, о коих я говорил выше, представив нашим взорам зрелище действительно живописное огромным количеством прекрасно одетых людей, привлеченных со всех сторон города любопытством.

Следующий день, 18-го числа декабря⁹⁸, предназначался для заложения пяти новых батарей, одну из коих следовало разместить на самой приближенной к Дунаю части берега острова, не более в сотне туазов от города. Поскольку в русских войсках не было офицера инженерных войск, равного по чину де Линю, занимаемым им в австрийской армии, и таланты коего в сей области были всеми признаны, генерал Суворов уполномочил его заняться проведением соответствующих работ. К сему новому назначению принц де Линь отнесся не без отвращения, прекрасно зная, что русские всегда завистливы к иностранцам, и сие обстоятельство могло привести к самым большим непредвиденным трудностям.

Вечером 17-го числа того же месяца, в день передачи письма турецкому гарнизону, принц де Линь лично разведал участок на берегу Дуная, и на закате следующего дня русские начали возводить укрепления. Сии батареи были весьма значительны, ибо каждая из оных, связанная друг с другом коммуникационными линиями, должноствовавшими воспрепятствовать неприятелю в случае вылазки неприятеля, предназначалась для десяти пушек⁹⁹. Сверх того, в каждой батарее следовало разместиться пяти сотням рабочих; для отражения возможной вылазки неприятеля был приготовлен резерв в виде четырех батальонов, четырех эскадронов гусар и четырех сотен как спешенных, так и в конном строю казаков. Сии батареи, составленные из 12-фунтовых пушек¹⁰⁰ и удаленные от крепости приблизительно на 120 туазов, предназначались для частичного разрушения вала, дабы войски

⁹⁸ Поскольку письмо было вручено 7/18 декабря, следовательно, следующий день — 8/19 декабря.

⁹⁹ Обычно осадные батареи строили из расчета на шесть пушек.

¹⁰⁰ Следует непременно отметить, что осада происходила без единой 18-фунтовой или тем более 24-фунтовой пушки. Батареи включали единороги на лафетах морских орудий или пушки полевой артиллерии. Совершенно верно, что действие сих батарей оказалось бесполезным, и что можно было провести приступ без серьезной опасности, и даже с известными преимуществами, 29 сентября вместо 22 октября. — *Прим. автора.* [Ришелье имел в виду 18/29 ноября и 11/22 декабря. — *Прим. перев.*]

понесли меньше потерь при приступе. С противоположной стороны крепости следовало построить с тою же целью две подобные батареи, но офицеры, уполномоченные заниматься работами, имели неосмотрительность установить их на столь большой дистанции от крепости, что цель обстрела оказалась вне сферы ведения огня.

Батарея, построение коей долженствовало начаться вечером, началось только в восемь с половиною вечера, и, как видите, мы потеряли три часа¹⁰¹. Командиры проявили столь много нежелания, что ничего не было готово вовремя. Принц Линь, испытывая нетерпение от задержек, готов был многократно оставить предписанное ему к исполнению предприятие: однако после известных размышлений мы все-таки отправились на место постройки батареи. Наконец, после долгих неудобств, началось долгоожидаемое заложение укрепления, но опять не без большой лености и конфузии. Четыре батальона резерва в двух кареях разместились в сотне шагов позади места, уготованного для возведения каждой из батарей; четыре эскадрона гусар стояли подалее позади слева. Находившиеся впереди казаки формировали цепь аванпостов, самые выдвинутые из коих находились у самого рва крепости. Такова была диспозиция.

Шум и конфузия в сей раз оказались весьма значительнее, чем во время построения первой батареи, где я присутствовал. Поскольку мы находились на близкой дистанции к крепости, при великолепном лунном свете турки не могли не слышать нас и даже не могли не видеть. Тем не менее турки оставались спокойными и не выказывали никаких знаков беспокойства, пока новый шум не вывел их из глубокой беспечности. Дело в том, что габионы и фашины¹⁰², предназначенные для возведения батарей, нижние чины долженствовали, следуя правилу, нести в полной тишине, но офицеры прибегнули, как им показалось, к самому простому и самому ловкому способу перевозки, — доставляя их на место постройки батареи на повозках. Можно вообразить удивление принца Линя, услышавшего и увидевшего прибытие запряженных быками восьмидесяти повозок, шум от коих раздавался на доброе лье в окружности. Он отправлял многие приказы, один за другим, с целью остановить движение сих повозок, но они все равно продолжали двигаться.

Сей бесстыдный образ действий не замедлил получить наказание: моментом спустя, с вала Измаила раздался всеобщий залп артиллерии,

¹⁰¹ Под Измаилом солнце восходило в 7 ч 40 мин и заходило в 16 ч 20 мин

¹⁰² Габион — цилиндрическая плетенка без дна из хвороста и кольев, применяемая для устройства крутостей высоких насыпей укреплений и служившая для прикрытия от пуль людей, работающих при осаде и обороне крепостей и орудий полевых войск. Фашина — пуки хвороста, перевязанные в нескольких местах. Применяются в фортификации для самых разнообразных целей: укрепления насыпей, устройства плотин, мощения дорог и т. д.

последствия коего трудно вообразить. Тотчас же все рабочие, солдаты и казаки побросали пушки и побежали сломя голову как можно дальше, мечтая единственно о спасении жизни своей. Нам стоило большого труда, посредством угроз и ударов, удержать людей на месте, но второй залп и обрушившиеся на нашу батарею большое множество ядер внушило им такой ужас, что невозможно было и помышлять о продолжении работ. Самые смелые бросались наземь и искали убежище во всех неровностях поверхности земли, другие бежали прочь от крепости во весь дух и были остановлены только при помощи резерва и гусар¹⁰³, выказавшими в течение сего времени очень твердую выдержку. Потратив время впустую в течение получаса по возвращению к работе разбежавшихся работников, принц Линь, пришедший в отчаяние и посчитавший невозможным добиться от сих работников усердия для окончания работ до утра и так уже поздно начатого укрепления, принял решение идти к Суворову за необходимыми приказами с целью продолжить постройку батареи на следующий день, поскольку сегодня продолжать начатое было просто невозможно. Сия идея казалась единственно верным решением, ибо, как и все, даже офицеры¹⁰⁴ потеряли голову, что вылазка неприятельская, каковую можно было без труда предвидеть, неминуемо привела бы нас в большое затруднение.

Мы с величайшею поспешностью отправились к палатке генерала Суворова. Хотя мы прекрасно представляли, что у нас были важные причины побеспокоить генерала, его адъютанты и ординарцы отказывались будить Суворова, заявив, что генерал отдал самые достойные приказы, и нет никаких причин тревожить его сон под каким-либо предлогом. Таким образом, следовало искать помощи у генерала Павла Потёмкина¹⁰⁵. После известного размышления тот продиктовал самый простой приказ, — вывести солдат всякими возможными способами на работы и принудить продолжать их неважно какую ценою.

¹⁰³ Разница в поведении между солдатами, не имевшими оружия и занятых только проведением работ, с теми, кто находился в строю под наблюдением прямым офицеров и унтер-офицеров, являлась весьма великою. Хотя наш резерв подвергался опасности наравне с рабочими, но ни один солдат в строю даже не помышлял и двинуться с места, в то время как не было возможности удержать хотя бы одного рабочего. — *Прим. автора.*

¹⁰⁴ Я видел спрятавшегося в канаве одного офицера, где он шевелился не более, чем кусок дерева. Когда его подняли на ноги и намеревались вернуть к предписанному ему ранее работам, сей офицер оказался настолько глуп и объят страхом, что не понимал, жив ли он, а если жив, то где находился — или в Петербурге, или в Константинополе. — *Прим. автора.*

¹⁰⁵ Когда раздались первые выстрелы, сей генерал, отправившийся за мгновение до канонады осмотреть строившееся укрепление, находился за сто шагов до него. Вместо того, чтобы ободрить находившихся под огнем работников, генерал галопом вернулся в лагерь. — *Прим. автора.*

По нашему возвращению на батарею турки, каковые не могли не заметить успех канонады, прекратили ее безо всякой причины, ибо предпочли, вероятно, сон преимуществам, кои они могли приобрести полнейшим вмешательством в наши работы, и более не произвели за всю ночь ни единого выстрела из пушки. Сие можно было полагать за счастье, всегда способствовавшего русскому оружию даже в самых малых случаях. Сие неожиданное спокойствие облегчило восстановление среди наших людей известного порядка. Наученные опытом, рабочие с бодростью возобновили работы, и на рассвете батареи и коммуникационная линия находились если не законченными, то, по крайней мере, достаточно выдвинутыми к крепости и защищенными. Поскольку пальба долженствовала начаться только по окончании срока, данного туркам требованием о сдаче крепости, мы могли в следующую ночь не только закончить начатое, но и провести работы по улучшению уже сделанного. До самого рассвета мы ждали вылазки, приготовившись достойно встретить неприятеля, но турки оставались спокойными и не помышляли атаковать укрепление, постройку коего они могли бы затруднить очень легко, посредством одною только канонады. Они возобновили ее только утром, когда рабочие и резерв ушли вне сферы действия огня, оставив только один батальон в каждой батарее с артиллеристами для obsługi пушек. Сии войска пострадали немного, ибо величина батарей и коммуникационная линия предлагали им уверенное убежище противу пушек: погибли несколько нижних чинов, но только вследствие действия бомб. Сие укрепление, отлично расположенное и построенное по лучшим правилам фортификации, сделало много чести принцу де Линю, тем более что для его завершения он столкнулся с огромным количеством препятствий всех видов¹⁰⁶.

Два последовавших дня использовались генералом де Рибасом, уполномоченного, как я уже говорил, для составления плана для приступа, каковой долженствовал состояться, если турки не приняли бы предложенную им капитуляцию, 22-го декабря. Сей план был доведен до генерала Суворова, одобрявшего и прочитавшего его на военном совете, где собрался весь генералитет. Суворов сопровождал чтение плана речью весьма патетической, в коей увещевал генералов забыть существовавшую между ними вражду и частные претензии друг к другу во благо общего интереса и славы императрицы.

Предложенный генералом де Рибасом план атаки крепости, коему впоследствии следовали, предусматривал одновременный приступ Измаила со всех сторон. Как с флотилии, так и с батарей с сухого пути

¹⁰⁶ Например, со злою волею всех офицеров в целом, совершенною неспособностью к выполнению работ теми, кого ему выделили в помощники, и отсутствием долженствовавшего порядка среди солдат и рабочих. — *Прим. автора.*

и батарей с острова надлежало в течение 24 часов вести сильный огонь по городу непрерывно. Между пятью и шестью часами утра сухопутные войски, разделенные на шесть колонн, должныствовали произвести эскаладу вала. Три другие колонны, составленные частично из приписанных флотилии войск и частично из сухопутных войск, должныствовали сесть на шлюпы, барки, баркасы и другие малые суда, и, поддержанные известным количеством лансонов и канонерских лодок, высадиться на берегу в трех местах. Сим войскам надлежало захватить батареи, перейти чрез коммуникационные линии и соединиться, двигаясь вправо и влево, с колоннами с сухого пути, кои, преодолев вал эскаладою, должныствовали захватить его и не двигаться далее вовнутрь города¹⁰⁷. Таков был план, одобренный всеми присутствовавшими генералами.

Начальствование колонн было разделено между генерал-майорами¹⁰⁸ и бригадирами. Генерал-лейтенанты Самойлов и Павел Потёмкин имели под начальством: первый – левое крыло, второй – правое; генерал де Рибас начальствовал флотилиею и тремя колоннами, долженствовавшими произвести десант. 19-го и 20-го декабря прошли, как и предыдущие дни, в эзерцициях и маневрах, предназначенных для обучения войск для производства приступа в день сражения¹⁰⁹ во избежание, насколько возможно, беспорядка и конфузии, неразлучных при проведении операции подобного рода¹¹⁰.

Утром 20-го прибыл, наконец, ответ от турок, составленный в весьма надменном стиле: они выражали доводы, принуждавшие их отказаться от предложенной им капитуляции, и в заключение сказали, что в случае приступа сумеют защититься от штыков саблями, иначе говоря, с помощью Аллаха и Пророка сумеют победоносно отбиться от неприятеля. Письмо турок окончательно лишило всякую надежду добиться уступки крепости кроме как силой, и отныне все помыслы были не более как о приступе.

¹⁰⁷ Запрет двигаться вовнутрь города действительно касался, в соответствии с диспозицией (первой) Суворова (точная дата ее составления неизвестна), всех штурмовавших Измаил войск.

¹⁰⁸ 1-й сухопутную колонною начальствовал генерал-майор Львов, 2-й – генерал-майор Ласси, 3-й – генерал-майор Мекноб, 4-й (из казаков) – бригадир Орлов, 5-й (из казаков) – бригадир Платов и 6-й – генерал-майор Голенищев-Кутузов. Генерал-лейтенант Павел Потёмкин и Самойлов начальствовали каждый тремя колоннами. Первою колонною со стороны флотилии командовал бригадир Марков, 2-й – бригадир Чепега, 3-й – генерал-майор Арсеньев. Сиими тремя колоннами начальствовал генерал-майор де Рибас. – *Прим. автора.*

¹⁰⁹ Суворов настаивал на точности исполнения сих репетиций, дабы обучить рекрутов штыковым ударам по особо заготовленным с сей целью фашинам. – *Прим. автора.*

¹¹⁰ Сия репетиция проводилась с известным беспорядком и конфузиею, вселявшими мало надежд на успех высадки, долженствовавшей произойти послезавтра в боевых условиях. – *Прим. автора.*

Граф Дамас, во главе двух баталионов, кои долженствовали действовать как частный десант, вошел в правую колонну. Принцу де Линю, хотя не причисленному к русской службе, поручено было тем не менее начальствовать двумя баталионами егерей, входивших в состав колонны бригадира Маркова и долженствовавшими действовать по высадке на берегу у каменного бастиона. Не желая расставаться с принцем де Линем, я вошел как волонтер в сию колонну.

Всё было приготовлено, и на рассвете 21-го началась, в соответствии с приказом, одна из самых жарких канонад, кои знала история. Сорок пушек со стороны суши, сто — с острова и не менее ста пятидесяти орудий с различных судов в течение двадцати четырех часов повели непрерывную жестокую пальбу. Турки отвечали очень живо, и «Константин», вторая бригантин флотилии об осмнадцати бронзовых¹¹¹ пушек, поднялась на воздух около 10 часов утра без всякой надежды спасти кого-либо из экипажа. Правда, занятая судами позиция была чрезвычайно опасная — там же, где они размещались днем, во время первой атаки. Экипажи понесли урон в людях и особенно в офицерах. Сухопутные же войска отнюдь не использовались в течение сего дня, посвященного отдохновению и подготовке к приступу. В частности, русские посвятили сей день исполнению религиозных обрядов, о коих никогда не забывали, особенно накануне баталии.

Приступ, как я уже сказал, долженствовал проводиться девятью колоннами, каждая из коих включала приблизительно около двух тысяч двести-триста человек, включая регулярные войска и казаков; две колонны были составлены исключительно из казаков. Многие лодки запорожские составляли авангард трех колонн со стороны Дуная; но нельзя было заставить сих казаков идти впереди до тех пор, пока регулярные войска не расчистили бы для них дорогу. Каждая из сухопутных колонн была снабжена восемью лестницами, кои должныствовали нести два человека. Сверх того, известное количество человек должныствовали нести фашины, кои, однако, не нашли никакого применения из-за глубины рва.

В случае отбития турками приступа резервом служила кавалерия: она состояла только из одного гусарского полка и одного карабинерного полка¹¹² и нескольких тысяч казаков, часть коих была спешена. Сия кавалерия в общем была посредственной. Русские имели привычку посылать лошадей в табун, то есть на подножный корм, и почти не кормили

¹¹¹ Бронзовые пушки предпочитали ставить на быстроходных кораблях, ибо, по сравнению с чугунными пушками, они были легче, хотя и обладали невысокой живучестью ствола.

¹¹² В штурме Измаила принимали участие Воронежский гусарский и Северский карабинерный полки.

их; сии животные беспрестанно страдали во время зимних кампаний, употребляя в пищу более чем отвратительную прошлогоднюю траву.

Для наблюдения за приступом генерал Суворов выбрал некий курган¹¹³, нечто вроде небольшого отдельного стоявшего холма, коих в изобилии находили на сих равнинах, и сия возвышенность, сильно приближенная к крепости, давала ему простую возможность наблюдать, если не за всеми атаками, то, по крайней мере, за самыми подавляющими частям оных, кои можно было бы окинуть одним оком.

Перед приступом следовало выпустить каждые полчаса три ракеты, последняя из оных, за несколько минут до пяти часов с половиною утра, должна была стать сигналом выступления всех колонн. Генерал де Рибас, разумно опасавшийся неразлучного при ночной атаке беспорядка, напрасно просил на Военном совете начать приступ только за четверть часа до наступления дня. Генералы возражали, настаивая на необходимости застать неприятеля врасплох в темноте, и убеждали де Рибаса, что конфузия, неизбежно произошедшая бы среди турок, уменьшила бы их сопротивление и поспособствовала бы успеху осаждавших. Позднейшие события подтвердили прозорливость предположения генерала де Рибаса, видевшего намного лучше, чем другие генералы.

В нижеследующем повествовании о сем небывалом памятном деле, о коем я ниже поведаю, я прежде всего расскажу о том, что происходило в колонне, в составе коей мне довелось участвовать, затем перейду к описанию деталей действий каждой другой колонны и закончу общими размышлениями о сей удивительной экспедиции.

Хорошо отдохнув в течение нескольких часов перед завтрашними трудами, около часа пополудни мы перебрались на другую сторону Дуная, где в нескольких сотнях туазов выше малой реки, впадавшего в главную реку¹¹⁴, нашли ожидавшие приступа войска, долженствовавшие составлять нашу колонну. Колонна включала пять баталионов пехоты, около двух тысяч человек, и в авангарде три сотни запорожских казаков, но кои ни в коей мере оным не стали, ибо они остались позади, не имея ни малейшего намерения садиться на суда.

¹¹³ Нет согласия о происхождении и использовании сих курганов, находящихся в большом количестве в степях. Одни утверждали, что сии суть древние могилы татарских вождей, проживавших там. Но мне кажется, что их слишком много для данного утверждения. Я очень охотно принимаю мнение тех, кто верил, что татары имели обычай воздвигать сии возвышенности во время движения по степи, желая обеспечить себя средствами находить дорогу по возвращению. — *Прим. автора.*

¹¹⁴ Речь шла о реке Репида, впадающей в Дунай. Поскольку Ришелье решил участвовать в штурме в колонне Маркова, он должен был сначала переправиться на «остров», и только оттуда в составе этой колонны уже десантироваться на берег близ бастиона («Табии»).

Посадка войск на баркасы и шлюпки прошла в полном порядке, и по ее окончании мы плыли на буксире вдоль берега противу батарей, возведенных принцем де Линем, где стали ожидать последнего сигнала в виде третьей ракеты. Сии батареи были местом встречи и первой колонны, но с сухого пути, составленной из двух тысяч отборных гренадер Фанагорийского гренадерского полка, шефом коего являлся Суворов. Сия колонна должна была действовать вместе с нами — ей следовало, захватив эскаладаю ретраншемент, соединявший сей бастион с Дунаем, овладеть бастионом чрез горжу; в то время как мы должны были высадиться противу батареи, расположенной слева от каменного бастиона.

После сигнала мы двинулись на приступ, и я могу сказать со всею ответственностию, что нельзя вообразить картину одновременно столь величавую и столь великолепную, чем та, коею нам довелось стать очевидцами.

Ночь стояла как никогда самая темная, а густой туман не позволял нам различать ничего, кроме отражавшихся в воде вспышек огня нашей артиллерии, представлявших весьма особенное зрелище; горизонт полыхал со всех сторон. Едва мы преодолели пространство в несколько туазов, оставив позади батареи, как турки, отнюдь не стрелявшие в течение ночи, заметив наши перемещения, открыли очень жестокий огонь, воспламенивший весь горизонт окончательно и совершенно. Но сие было еще не столь впечатляющее зрелище: когда мы придвинулись вперед к месту высадки, на всем протяжении вала, каковой мы могли заметить, разгорелся ружейный огонь. Вот именно тогда крепость на наших глазах превратилась в настоящий вулкан, изрыгавший пламя со всех сторон. Ружейная пальба умножилась, и залпы следовали столь быстро один за другим, что я не мог припомнить случая, видел ли я подобное на учениях, даже когда нижние чины вели стрельбу рядами, — пальбу столь насыщенную и мощную.

Раздавшийся отовсюду со стороны города общий клич «Алла!» сделал еще более необычным наблюдаемое нами зрелище, не поддающееся описанию. Наши люди стали машинально кричать в ответ свои воинственные боевые кличи, но желая избегнуть беспорядка и конфузии, мы использовали все возможные способы, дабы принудить их замолчать, и счастье сопутствовало нам. Тем временем мы продолжали двигаться вперед сквозь сию невероятную пальбу неприятеля и его беспрестанные крики, кои могли сильно воздействовать только на тех, кто еще не привык к сему.

Наши гребцы, безо всякого сомнения напуганные, начали терять силы. Многие лодки принялись нас обгонять, и страх, что сии лодки воспрепятствуют нам прийти первыми к берегу, и что боязливость гребцов станет причиною нашего бесчестия, побудил принца де Линя

оставить корму баркаса, где он находился до тех пор, пока не поспешил перейти вперед и принудить гребцов исполнить свой долг. В итоге мы опередили другие лодки, и чрез несколько ударов веслами приблизились к берегу, где можно было причалить только в самом что ни на есть узком месте, ибо пространство у пляжа было забито затопленными турецкими судами.

Приблизившись к сему месту, принц Линь, державшийся у самого края борта, дабы быстрее спрыгнуть на берег, внезапно получил пулю прямо в нижнюю часть голени. К счастью, пуля не задела кость и нанесла легкое ранение, но контузия оказалась очень тяжелою, и, если бы не помощь денщика, каковой вместе со мною поддержал его вовремя, он точно упал бы. Но, едва придя в себя, принц, не теряя ни пыла, ни храбрости, спрыгнул на берег, осыпaeмый пулями и картечами из каменного бастиона, находившегося от нас не более чем в двух десятиках шагах.

Около четырех десятков егерей с нашего шлюпа последовали за нами, быстро спрыгнув на берег, где оставались в течение нескольких минут без движения, прежде чем суда с остальными войсками смогли, наконец, пересечь Дунай и добраться до берега. Турки, как только заметили прибытие войск, тотчас оставили батарею слева от каменного бастиона и укрылись в нем. Конечно, сей поступок турок имел счастливые для нас последствия, и если темнота не помешала бы им разглядеть наше малое число, они непременно сбросили бы нас в Дунай, где мы неминуемо бы все потонули, ибо лодки, на коих нас привезли, не замедлили поспешить прочь на расстояние вне ружейного выстрела неприятеля. Во всяком случае, наша позиция не очень благоприятствовала нам, ибо мы находились под самым наихудшим огнем, каковой можно было вообразить, но, если бы тумана было менее, мы были бы перебиты до единого в течение менее получаса.

Как только два батальона высадились, спустя известное мгновение они построились в боевой порядок, и сие движение они исполнили самым совершенным образом, каковой нельзя было ожидать в подобного рода обстоятельствах, в коих мы оказались. Мы двинулись вправо, как для приближения к батарее, каковую нам следовало захватить, так и для установления связи с остатком нашей колонны, высадившейся намного ниже по течению реки. В сие время колонна, составленная из Фанагорийских гренадер, эскаладаю взобралась на ретраншемент и перешли чрез палисад не без больших потерь из-за убийственного огня с бастиона, сильно и нам вредившего. Мы оказались не бесполезными в сей операции, ибо наше присутствие и наша помощь произвели очень большое впечатление на гренадер, кои, войдя в черту города, немедленно присоединились к нам. Тем временем мы несли большие потери от огня неприятеля, и я могу сказать, что пока мы оставались

на сей позиции, двигаясь вправо, свыше половины офицеров наших обоих баталионов были убиты или ранены. Я сам чудом избежал плачевной участи, ибо ружейная пуля с бастиона пробила мою фуражную шапку¹¹⁵ и прошла едва над моею головою. Солдаты падали со всех сторон, и берег был усеян их телами.

Увидев, что принц Линь с опухшими коленом и бедром мог держаться только с помощью двух человек, и что ему было почти невозможно двигаться по топкому берегу, где все утопали по щиколотку, колонный начальник бригадир Марков подошел к нам и принялся уговаривать принца использовать все возможные средства вернуться на борт судна генерала де Рибаса. Я поддержал доводы бригадира настолько живо, насколько сие было возможно, и в то же мгновение Марков также получил пулю в ногу. Теперь мне пришлось искать баркас для перевозки обоих сих господ, и, хотя для перевозки десанта в две тысячи двести человек нашлось достаточное количество лодок, я с трудом нашел один баркас для перевозки трех человек. После того, как мои поиски увенчались успехом, принц Линь, бригадир Марков, некие подполковник и майор егерей, также раненые, сели на борт баркаса для возвращения обратно. Принц Линь, ранение коего вывело его из строя и каковой не смог более оставаться до конца сражения, где он рассчитывал завоевать большую славу, отчаявшись, залился слезами боли и гнева.

Сам я оказался в одной из самых тягостных ситуаций в жизни. Вместе с Карлом Линем, конечно, я сделал бы все, что следовало, наилучшим образом, а теперь, после его проклятого ранения, я находился в одиночестве среди солдат, языка коих я не знал, и в обстоятельствах самых неприятных во всех отношениях. На какой-то момент сие размышление повергло меня в глубокое уныние, но вскоре я пришел в себя, и мы не замедлили уйти из неприятного места, где находились, ибо причисленный к гренадерскому полку офицер, входивший во второй отряд нашей колонны¹¹⁶, подошел к нам с целию просить помочь нас поддержать продвигавшийся вперед поражаемый огнем неприятеля его отряд.

Таким образом, мы двинулись вперед, и пройдя чрез турецкие коммуникационные линии и ретраншемент, вошли в пространство между городскими лачугами, среди коих было трудно соблюсти порядок, каковой мы сохраняли до сей минуты. Не зная того, кто взял начальство над отрядом, частию коего я состоял, и не зная, куда мне далее двигаться, я заметил, что в стороне, в направлении коей меня немного

¹¹⁵ Фуражная шапка (*фр.* bonnet de police или bonnet) – форменный головной убор французской армии в XVIII в.

¹¹⁶ В состав колонны Маркова входил либо Днепровский Приморский гренадерский полк, либо Николаевский Приморский гренадерский полк.

сориентировали, должен находиться вал, и где велась весьма оживленная пальба, что дало мне основания поверить в присутствие там второй колонны с сухого пути, под начальством генерал-майора Ласси¹¹⁷. Призвав к себе егерей, окружавших меня в достаточно большом количестве, я немедленно двинулся в сию сторону. Мы не заставили долго нас искать у подножия внутреннего склона вала, на коем я заметил наших людей, крики коих я слышал уже в течение известного времени. Я не ошибся в расчетах: сей колонною действительно начальствовал Ласси, посредством эскалады достигший вершины вала. Турки, позади траверсов¹¹⁸ и фланков¹¹⁹ соседнего бастиона, обрушили на колонну живейший ружейный и пушечный огонь. Я вскарабкался на вал по его внутреннему склону вместе с последовавшими за мною людьми, и как раз именно тут я и признал, как нам помогло незнание турецкого инженера при построении палисадов, ибо мы находились посередине верхней части вала, имевшего ширину около 20 футов¹²⁰, на коей можно было разместиться солдатам, кои, взобравшись на вал, могли удобно построиться на внутреннем пространстве сего парапета и перешагнуть чрез палисад, возвышавшийся не более чем на два фута¹²¹. Вскоре я увидел генерала Ласси, и испытал настоящее удовольствие в объединении усилий со столь достойным генералом, доказавшим в сем деле свою заслуженную репутацию.

Несмотря на запреты офицеров и на их старания остановить нижних чинов, последние принялись стрелять. Поскольку пространство, занимаемое нами, было чрезвычайно узким, те, кто стоял позади, или стреляли в воздух, и их огонь не мог причинить никакого урона неприятелю, или их пальба, коя велась слишком горизонтально, вредила пуше товарищам, нежели туркам. Я не колеблюсь заявить, что успех сей пальбы привел к множеству убитых таким образом, что стоявшие в первых рядах боялись не столь турецких пуль, сколь русских. Пользуясь случаем, следует отметить, что все приступы почти всегда должны быть решаемы штыком, и для достижения успеха следует побеспокоиться о нижних чинах, выдавая каждому из них только четыре,

¹¹⁷ Ласси Борис Петрович (1737–1820) – российский военачальник, генерал от инфантерии (1798), герой штурмов Измаила и Праги. При штурме Измаила (в чине генерал-майора) руководил 2-й колонной (со стороны суши). Получил ранение, но не оставил поле боя. За героизм при взятии крепости был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

¹¹⁸ Траверс – земляная насыпь для закрытия внутренностей укреплений, располагавшаяся на протяженных прямолинейных участках для прикрытия входов, защиты от рикошетов и т.п.

¹¹⁹ Фланк – сторона укрепления, перпендикулярная или почти перпендикулярная линии фронта.

¹²⁰ Около 6 м.

¹²¹ Около 0,6 м.

но никак не более чем шести патронов, ибо прекрасно доказано, что сия беспорядочная стрельба не только ничуть не вредит неприятелю, но рождает в вашем войске много беспорядка и конфузии, затрудняет нижним чинам слышать голос офицеров и ввергает людей в возможный страх и панический ужас, каковой особенно пагубен в боях противу турок.

Сей беспрестанный огонь, коему предались наши солдаты, привел к резкому замедлению нашего продвижения вперед, и турки, спрятанные за траверсами, стреляли по нам цельно и причинили нам немало потерь. Напрасно генерал Ласси с офицерами, отлично выполнявшие свой долг, посредством просьб и угроз старались мешать нижним чинам вести стрельбу и принуждать их идти вперед. Они смогли добиться лишь частичного исполнения приказов, и огонь прекратился не ранее чем патронные сумки оказались опустошенными. Тогда у солдат осталось только холодное оружие противу турок, кои в малом количестве, но с невероятною храбростию устремились на нас и нашли верную гибель на штыках наших.

Вал был повсюду пересечен сказанными траверсами, приблизительно каждые полусотню шагов. Стоило нам штыковым ударом изгнать турок до единого из-за одного траверса, как неприятель проворно убегал за следующий, откуда возобновлял стрельбу и вновь старался попытать счастья тем же приемом на всем протяжении вала до большого бастиона.

Захват каждой батареи стоил нам огромных трудов. Первая, куда мы вошли, была расположена поверх Килийских ворот¹²², где располагался один из вышепомянутых киосков¹²³. На батарее располагались шесть пушек, некоторые из коих были очень большого калибра, другие очень небольшого; турки сами себе причиняли неудобство: они равнодушно стреляли по одной и той же цели хоть из 48-фунтовой пушки, хоть из 6-фунтовой.

Как только мы двинулись далее сей батареи, среди наших солдат вдруг возник страх, заставивший нас поверить в скорую гибель нашу. Некоторые из шедших в первых рядах прыгали за траверс, где и погибали; ужас распространился среди шедших за нами, и они отступили на полусотню шагов с криками во весь голос: «Турки! Турки!» и неся на лицах печать ужаса или отчаяния. Нельзя не заметить, что если б в сей момент, когда солдаты потеряли голову, турки заметили бы сию ретираду, они не преминули бы ею воспользоваться, и тог-

¹²² Ришелье ошибся – Килийские ворота находились именно с противоположной стороны; колонна Ласси штурмовала Бросские ворота.

¹²³ Оказавшись на сей батарее, я был столь преисполнен радостию, что не минуя не медля, достал кошелек и раздал большую часть его содержимого окружающим меня солдатам. – *Прим. автора.*

да немногие среди нас могли бы уцелеть, ибо нет неприятеля в бою страшнее, чем турки, к коим ты поворачиваешься спиною. К счастью, неприятель не открыл нашу ретираду, и люди, увидев, что за ними никто не следует, устыдились овладевшего ими испуга. Они воспрянули духом и возобновили движение вперед, выказав твердость, благодаря коей мы вскоре стали хозяевами сего бастиона, траверс коего преграждал нам вход вовнутрь.

У нас почти не было патронов, но храбрость наших солдат умножилась в силу преодолеваемых ими трудностей, а храбрость турок пропорционально уменьшилась, и каждое мгновение виктория, хотя не намного, но становилась более вероятною, чем ранее. Тем не менее мы продвигались вперед, поражая неприятеля почти одним только холодным оружием, и спустя шесть часов боя начали уставать от грядущей неизвестности. Естественно, нами овладело беспокойство.

Колонна под начальством генерал-майора Мекноба¹²⁴ во время эскалады встретила намного пуще сопротивления, чем колонна генерала Ласси¹²⁵, и хотя пространство, что она могла преодолеть для объединения с Ласси, было многократно меньше преодолеваемого пространства нами, время, потерянное из-за повстречавшегося сопротивления при эскаладе, стало причиною сего случившегося опоздания. Вместо того, дабы пройти свою половину пути до объединения с его силами, нам пришлось преодолеть его почти весь, хотя место, откуда они начали свою атаку, было всего в сотне туазов.

Незадолго до окончания боя, я имел счастье избежать второго ранения самым счастливым образом: ружейная пуля угодила мне в колено, но не ранила меня, пробив только мои кюлоты¹²⁶. Известное время погода я проникся уверенностью, что далее меня подстерегали не меньшие опасности, ибо, приближаясь к бастиону, мы столкнулись с новым очень живым сопротивлением, но общий клич «Ура!», означавший викторию, и «Да здравствует Екатерина Вторая!» раздались со всех сторон. Турки отступили, и мы вошли в бастион подобно горному

¹²⁴ Мекноб Федор Иванович (1737–1791) – российский военачальник, генерал-майор (1787). При штурме Измаила, командуя 3-й колонной (с суши), получил пулевое ранение ноги. За героизм при штурме крепости награжден орденом св. Владимира 2-й ст. Скончался от последствий измаильской раны.

¹²⁵ Только благодаря принцу Карлу колонна не потеряла ни одного человека при эскаладе, так как был приказ поставить лестницы в посередине куртины, где она могла бы быть разгромлена. По увещанию принца Карла, генерал Ласси взял на себя смелость подняться на фас бастиона, что и помогло ему избежать больших потерь. – *Прим. автора.* [Не совсем понятно, как принц Карл, отправленный в тыл из-за ранения, мог рекомендовать что-либо Ласси. Вероятно, речь могла идти о советах, данных принцем Карлом Ласси перед штурмом. – *Прим. перев.*]

¹²⁶ Кюлоты – часть мужского костюма: штаны, предназначенные для ношения вместе с чулками или гетрами.

потоку, каковой сметает преграды на своем пути, разрушает плотины и совершенно заливаает равнину водою.

Именно в сем бастионе укрывался сераскер или командующий войсками¹²⁷. Именно в сем бастионе была разбита его зеленая палатка, и здесь же были выкопаны подземные жилища для размещения части гарнизона; здесь же находилось большое количество женщин. Сераскер являл образ очень храброго человека. Когда некий английский офицер военно-морского флота¹²⁸ захотел пленить сераскера, тот застрелил неприятеля из пистолета, но пал и сам, пронзенный то ли пятнадцатью, то ли шестнадцатью штыковыми ударами.

В сем бастионе находились не менее трех тысяч турок, из коих никто не уцелел. Хотя их было много, по крайней мере, больше, чем тех, кто их атаковал, туркам даже не пришла в голову идея защищаться: либо увидев себя окруженными со всех сторон, они сочли сопротивление бессмысленным, либо они лишились храбрости ввиду долгого боя, но во всяком случае, как только сие мнение охватило их, они ожидали момента смерти с беспримерною покорностью Провидению.

Я не буду изображать картины гнусностей, образ коих парализовал мои чувства в течение последовавших трех часов, начиная с сего момента. Образ смерти и печали представал со всех сторон перед моими глазами. Солдаты, обуреваемые неистовством, вдохновленные резней, взбудораженные проливавшейся кровию, стали абсолютно безразличными ко всему происходящему и не желали пуше слушать внушения офицеров; ничего не могло смягчить солдатские сердца, даже крики женщин и плач детей. Я не собираюсь оскорблять чувства тех, кто приступит к чтению о жутких деталях ужаса, коему мы все являлись свидетелями. Никогда, я верю, более не представится глазам моим зрелище столь ужасное, кое мне суждено было узреть тогда. Но, желая смягчить воспоминания о стольких несчастиях, я не могу отказать себе в удовольствии рассказать о счастье спасения мною жизни десятилетней девочки, образ невинности и непорочности коей представлял резкий контраст с окружавшею ее жестокостию.

Прибыв к бастиону, где бой сменился резней, я увидел лежавших на земле четырех женщин с перерезанными горлами, между телами коих находился ребенок с очаровательным личиком, искавший убежища от неистовства двух казаков, готовых и ему перерезать горло. Сие зрелище тотчас привлекло мой взгляд, и я, как и следовало думать, не колебался принять в объятия несчастную маленькую девочку,

¹²⁷ Теперь Ришелье вводит в рассказ сераскера, не ассоциируя его с султаном, но рассказывая далее о судьбе (традиционно повторяемой в отечественной литературе) именно сераскера.

¹²⁸ Этот никому не известный офицер должен был служить волонтером в войске Суворова, как и Ришелье.

защищая ее от сих обоих варваров. Мне потребовалось много усилий, дабы сдержаться и не пронзить сих негодяев саблей, каковую держал в руке. Я довольствовался тем, что отогнал их прочь, расточая им удары и оскорбления, коих они вполне заслужили, и имел удовольствие заметить, что моя юная пленница имела только легкий порез от того же оружия, кое, вероятно, нанесло смертельный удар ее матери. Приглядевшись, я увидел на шее у ребенка золотой медальон, висевший на золотую же цепочке, с ликом короля Франции, о чем свидетельствовала надпись вокруг него. Сие последнее обстоятельство послужило для меня последним доводом в пользу спасения и охранения от опасностей сей девочки, каковая, увидев добрые мои намерения и мое искреннее желание не причинять ей никакого зла, быстро привязалась ко мне.

Вместе с милою пленницею на руках я продолжал идти вдоль вала, и нередко имел счастье избежать многих опасностей, ибо турки могли избежать неистовства солдат только под защитою офицеров. Не зная итогов уже совершенно законченной баталии, но не желая, как кто-то мог подумать, использовать сию возможность для сбережения жизни своей, я шел посередине резни, и земля повсюду была усеяна убитыми. Если солдаты переставали быть ожесточенными, то только для того, дабы сменить сию жестокость на страсть к овладению добычей, каковую они могли с легкостью удовлетворить ввиду ее изобилия, ибо никогда ранее город, набитый столь огромными богатствами, не попадал в руки русских. Причины богатства заключались в большом количестве находившихся в Измаиле богатых людей, прибывших в сей город из капитулировавших ранее других гарнизонов, и жителей из других городов. Особенно в изрядном количестве, около восемнадцати сотен, мы нашли в подземных или в устроенных на валу конюшнях лошадей необычайной красоты, многие из коих принадлежали к египетским табунам и являлись собственностью султана¹²⁹; напуганные шумом, они выбежали из стойла и носились по всему городу.

Невозможно было представить себе ужас и даже причудливость представшей перед моими глазами картины. Солдаты, нагруженные добычею, одетые в женские платья и турецкую одежду и ставшие почти неузнаваемыми; избегнувшие бойни несчастные турки, бегавшие повсюду полуголыми в поисках убежища от жестокости солдат; ржание лошадей, галопировавших вокруг вала; лай и вой бесчисленного количества собак, смешанные со стонами умиравших и воинственными криками победителей; земля, покрытая разбросанною драгоценною одеждою; стоявшие повсюду разноцветные палатки, — сие зрелище предлагало глазам вопиющие контрасты, впечатление от коих нельзя

¹²⁹ Вероятно, под султаном Ришелье подразумевал сераскера.

вообразить. В сложившейся ситуации почти невозможно поведать о хаосе душевных переживаний. Ужас от окружавшего вас опустошения, удивление от впервые увиденных вами воочию сцен и даже, если можно так сказать, тайное удовлетворение от осознания удачи избежания стольких опасностей, — все сие родило у меня большое количество впечатлений, менявшихся с невероятной стремительностью одно за другим.

Принятые мною беспрестанные заботы для спасения моей юной пленницы от угрожавших ей опасностей возложили на меня огромную обязанность и чрезвычайно занимали меня, но вскоре я имел приятную возможность отвлечься от сих переживаний, ибо на бастионе, где-то рядом с центром крепости¹³⁰, я имел удовольствие заметить графа Дамас, каковой, войдя в город с противоположною нам стороны, исполнял на валу, со своими нижними чинами, маневры, подобные нашему. Как можно рассказать об удовольствии отыскать друга, про коего ты даже не знаешь, жив ли он, и вдруг встречаешь его живым и здоровым после столь тревожного долгого отсутствия. Взаимная радость друзей броситься в объятия в столь похожих обстоятельствах не может сравниться ни с чем на свете. После того, как я ему рассказал об участии принца Карла, а он мне об участии бывшего с ним графа Ланжерона¹³¹, мы блуждали еще в течение известного времени по валу в твердом намерении убедиться в окончании боев.

Меня уже начали утомлять картины окружавшего нас зрелища мертвых тел и умиравших. Почти каждую минуту на наших глазах солдаты умерщвляли несчастных самым страшным образом и в самых возмутительных обстоятельствах. Я чувствовал, что вскоре силы оставят меня от видения сих открывавшихся мне мерзостей, и отнюдь не сомневаясь в достигнутой нами виктории, поскольку мы увидели прибывший чрез ворота многочисленный кавалерийский отряд, взявший под контроль главные улицы, я оставил графа Дамаса, возвратившегося к своему генералу, а сам вновь направился к берегу, следуя вдоль вала, откуда мы прибыли. Как я говорил выше, количество убитых было чрезвычайно велико, и мне беспрестанно приходилось переступать чрез многие трупы, беря на руки девочку, кою хотел уберечь от ужаса наступать на тела соотечественников. Вместе с тем я мог

¹³⁰ Теперь под бастионом Ришелье либо имел в виду не «Табую», либо ошибся с ее местоположением.

¹³¹ Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), — граф, французский эмигрант, российский военачальник, русской службы генерал от инфантерии (1811), генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии (1815–1822). Именем Ланжерона названы некоторые объекты города Одессы. Во время штурма он шел в колонне Арсеньева, и, когда взобрался на вал, его случайно столкнул вниз один из солдат, но Ланжерон отделался небольшой травмой.

оценить количество погибших наших людей, и мне кажется, оно было чересчур значительно.

Приблизившись к каменному бастиону, я заметил, что сие укрепление, каковое я полагал давно уже взятым, еще не находилось во власти русских. Атаковавшая бастион колонна обогнула его и атаковала чрез горжу, но успех не сопутствовал ей, поскольку, как я говорил выше, бастион представлял настоящий редут с забаррикадированною очень узкою и почти закрытою горжей, двумя пушками защищенною. Внутри оборону держали около тысячи турок, старавшиеся добиться капитуляции.

Как только турки в бастионе увидели девочку у меня на руках, они громкими возгласами потребовали отпустить ее к ним, ибо страшлись, что она будет убита, и старались взять ее к себе и включить в состав гарнизона, готового капитулировать. Я был вынужден уступить их просьбам и просьбе офицера, ведшего с осажденными переговоры. Не без больших трудностей и не без строгого обещания со стороны сего офицера вернуть ее мне тотчас же, как только турки сложат оружие, я отдал ребенка, ставшего мне столь дорогим, и даже сейчас, когда я пишу сии строки, меня обуревают горестные мысли о судьбе сей девочки, поскольку, несмотря на предпринятые мною невиданные розыски и труды, мне не удалось отыскать ее, и мне остается только верить, что она не погибла самым несчастным образом.

Турками, укrywшимися в бастионе, предводительствовал трехбунчужный паша, начальствовавший в крепости всеми оттоманскими войсками¹³². Сей старик соединял самым достойным образом самые отличные качества турецкого характера. Он вышел из убежища под честное слово полковника де Рибаса, уполномоченного принять капитуляцию, уселся на распростертые на земле несколько ковров среди руин своей крепости и посреди обезображенных трупов соотечественников и закурил трубку с невиданным спокойствием, словно находился в собственном гареме. Старшие офицеры при паше, окружавшие его, не выказывали никаких знаков скорби, более того, на их лицах лежала печать безучастности к происходившему вокруг.

Была достигнута договоренность, что сия тысяча турок сдастся безусловно и спасет жизни свои при условии сдачи оружия, после чего они вышли из бастиона. Сии смелые люди, не побежденные, были принуждены сложить к нашим ногам оружие, каковое столь умело использовали противу нас. Большинство из них, кои до сих пор столь храбро держались в несчастье, не опускались до последней степени унижений. Слезы гнева капали с их глаз, и многие старались сломать свое оружие, только чтоб оно не попало в наши руки. Сии люди, как

¹³² Речь идет о мухафизе (коменданте) Мехмет-паше.

и почти все защитники города, были отлично вооружены: одно ружье, пара пистолетов у пояса, сабля, кинжал и часто с ножом¹³³; но их ружья, в отличие от русских, не имели штыков, и сие обстоятельство являлось одною из главных причин их частых поражений, — предубеждение турок и их привязанность к древним обычаям мешали им использовать опыт неприятеля, дабы встать на один уровень с ним.

Паша был единственным, кому разрешили сохранить саблю. Он гордо ехал на лошади во главе других пленников, и проследовал перед уменьшившимся вдвое гренадерским полком генерала де Рибаса¹³⁴, располагавшего только своим штабом и единственным офицером и не более чем двумя сотнями егерей, — единственным войском, каковое не разбежалось. Под конвоем егерей и нескольких кавалеристов турки были препровождены в лагерь, откуда их чрез известное время увезли в Бендеры¹³⁵.

Еще большее количество турок пришли сдать на большом закрытом пространстве, кое обыкновенно окружает мечети¹³⁶. Здесь собрались семь или восемь тысяч человек, и, конечно, было большое счастье, что их поверженная храбрость не позволила нам почувствовать на себе ее силу; ибо если они вышли бы из своего состояния покоя, они истребили бы всякого русского в городе или беспорядочно разбежались бы во все стороны. Победители не занимались ничем иным, кроме как грабежом, но генерал де Рибас, вступивший с турками в переговоры, внушил им гордою осанкою уверенность в наличии у него возможных средств для их погибели, если они не примут предложенных им условий, и турки поверили генералу.

Среди турок был один из сыновей султана, единственный из всех принцев, избегнувший было убиения. Сей юноша шестнадцатилетний, с приятным лицом, казавшийся нечувствительным к обрушившимся на его страну и семью несчастиям. Его отец сделал во время приступа все, что можно было ожидать от человека большой храбрости, каким он и был. Увидев, что русские проникли в крепость со всех сторон, не встречая на своем пути сопротивления, сын султана устремился к тому месту в городе, где сходились множество улиц,

¹³³ Сие холодное оружие имело высшую степень закалки.

¹³⁴ Вероятно, речь идет о Днепровском Приморском гренадерском полку.

¹³⁵ В Бендерах располагалась ставка князя Г.А. Потёмкина.

¹³⁶ Ришелье назвал «большое закрытое пространство, окружавшее мечети» термином «коп». Не очень понятно, о чем идет речь, ибо он, например, мог иметь в виду построенную в XV–XVI вв. Малую мечеть (существующую и в современное время), вокруг которой Ришелье мог увидеть некий забор, но строительство заборов вокруг мечетей не характерно для исламской архитектуры, ибо мечеть не должна быть огорожена, символизируя открытость ислама для любой нуждавшейся в спасении души. Либо Ришелье увидел христианскую церковь, использовавшуюся как мечеть.

и, велел беспрестанно играть воинственную музыку, собрал всех, кто пришел с разных сторон вала.

Начальствуя сим небольшим отрядом, сей принц двинулся вперед в намерении атаковать русских, пока они рассеялись по городу в целях грабежа. Сей план был хорошо задуман и доказывал наличие у сына султана ума и особенно хладнокровия. Он даже первоначально одержал некий успех, ибо, повстречав в начале одной из улиц несколько запорожских казаков, лично отрубил им головы и захватил две небольшие пушки, каковые убитые казаки привели с собою. Но, к несчастью для принца, он повстречал шедшие в полном порядке известные отряды, каковые, едва заметив его, двинулись противу принца сразу в штыки. Несмотря на героическую храбрость, силы оставили принца, и он был сброшен с лошади на землю большим количеством штыковых ударов, отчего и скончался на месте. Его пять детей и войско, кое он сумел собрать, были перебиты до единого. Нельзя выразить словами глубокое сожаление в адрес сего несчастного, равно как и смелого принца, соединившего с героическим мужеством редкое великодушие воинов его народа, ибо наши пленные, кои попадали в плен, свидетельствовали о гуманном с ними обращении с его стороны.

Таким образом закончился сей достопамятный приступ, где в течение одного дня тридцать тысяч восемьсот шестьдесят, хоть и турок, лишились жизни. В сие число, заставляющее содрогнуться чувства человеческие, входили не менее двух тысяч женщин и детей. Урон со стороны русских войск составил двести офицеров и четыре тысячи нижних чинов погибших; ранено приблизительно пять тысяч офицеров и нижних чинов.

Все колонны понесли приблизительно равные потери, за исключением трех из них, особенно пострадавших, чем другие. Прежде всего две колонны, составленные из регулярных казаков, под начальством бригадиров Орлова¹³⁷ и Платова¹³⁸. Особенно большие потери понесла колонна последнего, следовавшего предписанною ему диспозицией маршем на приступ вала и центр куртины¹³⁹ в месте, где ров был чрезвычайно глубоким. Несмотря на препятствия, ставшие, несомненно, естественным результатом подобного рода атаки, сии смелые казаки

¹³⁷ Орлов Василий Петрович (1745–1801) – российский военачальник, генерал от кавалерии (1798), войсковой атаман (с 1797 г.) Донского казачьего войска. За героизм при штурме Измаила награжден орденом Св. Владимира 2-й ст.

¹³⁸ Платов Матвей Иванович (1753–1818), – российский военачальник, граф (1812), атаман Донского казачьего войска (с 1801 г.), генерал от кавалерии (1809), принимавший участие во всех войнах Российской империи конца XVIII – начала XIX в. За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

¹³⁹ Куртина – участок крепостной ограды, соединявший два смежных бастиона или две башни.

смело прыгнули в ров и поставили лестницы к валу. Не в силах сопротивляться обрушившемуся на них ужасному огню с двух соседних флангов, после многих попыток неудачного приступа казаки были принуждены отступить, оставив во рву большое количество павших. Турки, воодушевленные успехом, спустились по приставленным казаками лестницам, с помощью коих казаки намеревались взобраться на вал, и преследовали оных в течение доброй четверти лье от города. Бежавшие смогли собраться только под защитою Полоцкого пехотного полка¹⁴⁰, совершившего в сложившихся обстоятельствах настоящие чудеса. При поддержке полка казаки, в свою очередь, поменялись ролями с турками, коих гнали до Измаила, и немногим туркам удалось вернуться обратно в крепость. Развивая успех, казаки вновь предприняли эскаладу вала, и на сей раз счастье сопутствовало им.

Я не могу упустить случая рассказать о героическом подвиге, совершенном священником Полоцкого полка¹⁴¹. Сей бесстрашный человек, увидев, что почти все офицеры погибли, и что полк, лишенный начальников, готов был дрогнуть, лично возглавил нижних чинов. Держа в одной руке крест, в другой саблю, сей воин Христов обратился к солдатам с более чем короткою речью, в коей посредством патетического красноречия предложил им терновый венец, если они пойдут вперед, одновременно пугая их адовыми муками, если они уступят неверным. Сия характерная от священника речь, произнесенная в решительный момент и обращенная к нижним чинам, завоевала бóльший успех, чем можно было ожидать, и солдаты тотчас же воспрянули духом. Во время атаки священник встал во главе колонны, и в его крест попали две неприятельские ружейные пули, не причинившие сему кресту никакого вреда. В воздаяние за проявленную им отважность и присутствие духа он получил разрешение носить нагрудный крест с лентою Св. Георгия.

Сия колонна, под начальством Платова, имела приказ, войдя в город, идти прямо и не останавливаясь до самого берега Дуная и захватить батареи на берегу; колонна должна была поддержать левый фланг десанта под начальством графа Дамас. Тот, высадившись на берег и вскарабкавшись по крутому спуску, находившемуся противу места его высадки, отнюдь не нашел никакой помощи, и батареи,

¹⁴⁰ Со времен Петра I полки назывались мушкетерскими, получив с 1811 г. название «пехотные».

¹⁴¹ Речь идет об о. Трофиме (Куцинский Трофим Егорович) (?–1806). За беспримерную храбрость о. Трофим стал первым в России священником, получившим золотой наперсный крест, бриллиантами украшенный, на Георгиевской ленте (17 октября 1791 г.), специально учрежденный для награждения военных священников за боевые заслуги; кроме того, он был награжден также 500 рублями и пожизненной пенсией в 300 рублей.

каковые должны были захватить казаки, остались в руках турок, кои развернули пушки и принялись стрелять по городу в течение долгого времени после того, как он оказался в наших руках. Граф Дамас присоединился к остальным войскам, составлявшим колонну, частью коей он и был, после захвата батарей, кои он долженствовал взять, и продолжил марш, сражаясь вдоль вала до тех пор, пока мы не повстречались. Колонна Дамаса понесла потери, приблизительно равные потерям нашей колонны.

Колонна под начальством генерал-майора Кутузова оказалась, бесспорно, самую особо пострадавшей, не считая двух предыдущих, составленных из казаков. Колонна появилась перед валом, высоту коего, разумеется, не видя его собственными глазами, определить представлялось невозможным. Сия знатная высота вала столь напугала волонтеров, коим следовало первыми спуститься в ров, что в момент исполнения сего движения они повернулись к следовавшему за ними генералу Кутузову и убедили его идти первым. Кутузов не колебался удовлетворить их просьбу, и, осенив трижды себя крестным знаменем и увещав солдат последовать его примеру, первым прыгнул в ров. Турки оказали ожесточенное сопротивление, и сия колонна потеряла половину численности ее.

Отряд, коему следовало исполнить третий десант, между десантом генерал-майора Арсеньева и нашим, находившемся под начальством бригадира Чепеги¹⁴², мог почитаться только как резерв, и вошел в город намного позднее наших колонн.

В вышепомянутах рассказе я привел детали операций каждой колонны и препятствий, с коими они столкнулись и кои победоносно преодолели для их взаимного успеха. Сия виктория навсегда сделала честь мужеству, послушанию и особенно непобедимому упорству русских войск. К несчастью, сей триумф, совершенно бесполезный¹⁴³, обошелся очень большою кровью и оказался оскверненным невиданною доселе во всей истории резней, совершавшейся по большей части хладнокровно¹⁴⁴.

¹⁴² Чепега Захарий Алексеевич (1725–1797) – российский военачальник, казачий атаман Войска верных казаков Черноморских, генерал-майор русской армии, активный участник русско-турецких войн второй половины XVIII в. При штурме Измаила командовал 2-й колонной (со стороны Дуная). За героизм при взятии крепости был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. В 2013 г. в г. Ейск Краснодарского края ему был установлен памятник.

¹⁴³ Ниже Ришелье заявил о противоположном.

¹⁴⁴ Ришелье явно лукавил. Хотя ниже он отзывался уже не столь категорично о поведении русских войск после взятия Измаила, он, будучи человеком образованным, не мог не знать хотя бы о последствиях штурма Константинополя (1204), не говоря уже о последствиях взятия римлянами Карфагена (146 г. до н.э.), бургундскими войсками Неля (1472) и французскими войсками Негрепелисса (1622).

С противной стороны, будет не меньшим заблуждением приписывать совершенные варварства характерною чертою русских. Пребывая без предубеждения к русским, я твердо убежден, что никакое войско в Европе в сложившихся обстоятельствах не смогло бы проявить большую человечность и гуманизм. Такова натура большинства людей, коим не свойственны проявления хладнокровия и возможности для подавления чувства гнева в момент прекращения сопротивления; трудно принудить солдат видеть в поверженных неприятелях только людей, коим нельзя причинять какое бы то ни было зло, поскольку они пуше не защищаются. Я видел, как по мере увеличения сопротивления, с коим приходилось сталкиваться солдату, умножалась жестокость его, и по внезапному исчезновению сопротивления гнев солдата вспыхивал с новою силою, и, несмотря на господствовавшую среди русских войск обыкновенную субординацию, даже князь Потемкин или, быть может, сама императрица Екатерина, не смогли бы спасти жизнь ни одного турка, коего солдаты решили бы лишить жизни.

Следует воздержаться от мнения, что просвещение и разум могли бы оказать пуше влияния на сознание людей низшего разряда, чем дисциплина и субординация. Например, жестокосердие англичан в войне в Америке¹⁴⁵ и примеры невиданного варварства, коему мы являемся очень часто свидетелями во Франции после революции¹⁴⁶, решительно укрепляют мнение превосходства дисциплины над просвещением, и можно безапелляционно утверждать, что плоды просвещения распространяются на людей сего низшего разряда только во время их работы, каковую они выполняют, и не способны смягчить их привычки и характер, а в случае, когда сии люди вырываются из-под принуждения, они остаются предоставленными своим порокам. Таким образом, как в интересах человечности, так и в интересах дисциплины, долг генерала состоит в воздержании проявлять всякое действие, каковое лишает нижнего чина покорности офицеру. Пример русских войск только подкрепляет сие предположение, ибо хотя они самые дисциплинированные в Европе, без сомнения, их можно почитать потерянными, как только они безостановочно опускаются до насилия.

Мне не остается ничего более, как завершить описание сей экспедиции, лишний раз добавив только что сказанное несколькими общими размышлениями о главных причинах, способствовавших успеху предприятия, отмечаемого во всех рапортах как непостижимого.

¹⁴⁵ Ришелье, вероятно, намекал на серию войн между англичанами и французами в Северной Америке: Войну королевы Анны (1702–1713), Войну короля Георга (1744–1748) и франко-индейскую войну (1754–1763).

¹⁴⁶ Речь идет о хорошо известных истории последствиях Французской революции.

Точное количество убитых и пленных турецкого гарнизона составило свыше тридцати шести тысяч человек.

До сих пор нельзя не удивляться потрясающему бездействию гарнизона, располагавшего столь значительными силами. К тому же турки располагали весьма изрядным количеством судов, с помощью коих могли перевезти чрез Дунай достаточный десант на остров для проведения упорных боев противу намного меньших по численности русских войск, следствием чего турки могли бы замедлить построение батарей, тем самым выигрывая время, что оказалось бы для неприятеля знатным преимуществом в силу погодных условий. В случае неудачи турки, что они совершенно упустили из вида, могли бы предусмотрительно вырубить часть соседнего с Дунаем острова густых зарослей тростника, о коих я говорил выше¹⁴⁷, дабы не препятствовать наблюдению за происходившими событиями на другом берегу, то есть у русских.

Ворота крепости с началом осады, казалось, превратились для турок в некие загадочные барьеры, кои они не отважились перейти, и, несмотря на подавляющее численное превосходство гарнизона, они ни разу не показывались вне вала до приступа.

Расположение русского лагеря предлагало туркам достаточно много возможностей атаковать его с выгодами, если турки проявили хотя бы немного расторопности. Различные корпуса, входившие в состав осадных войск, находились не на том расстоянии друг от друга, дабы нельзя было ударить между ними или вредить каждому из оных отдельно до того момента, пока они смогли бы помочь друг другу. Но турки, похоже, не знали обо всех сих обстоятельствах, кои, я считаю, были для них совершенно неизвестными. Мы видели, что они не выказывали много рвения для расстройства возведения батарей, и их невиданная леность и абсолютная беспечность представляются совершенно непростительными.

Успех приступа не делал более чести военным талантам турок; если они обладали бы большею предусмотрительностью, вне всякого сомнения, двадцать три тысячи человек никогда не смогли победить тридцать шесть тысяч турок, совершенно укрывшихся за надежным валом. Военное искусство турок ограничилось тем, что они поставили на валу всех имевшихся у них в распоряжении воинов, но, кажется, они не догадались поставить в одном из выгодных мест, коих город предлагал изрядное количество, один резервный отряд для производства атаки на русских в тот момент, когда они начали бы рассредоточиваться по городу. Без сомнения, подобное ведение действия со стороны турок стало бы достаточным обстоятельством для воспрепятствования успеху приступа.

¹⁴⁷ Эта часть не публикуется.

По правде говоря, во время приступа турки выказали очень много мужества, но только ни малейшего видения порядка и подчинения дисциплине, без коих отважность совершенно бессмысленна. Нет сомнений, что турки, по сравнению с народами Европы, обладали выдающимся индивидуальным мужеством, но отсутствие среди их войска порядка и покорности их командирам в бою помешало туркам использовать их преимущества. Если судить по мгновенному успеху маневра султана¹⁴⁸, не располагавшего никакою предварительно составленною диспозицией, можно предположить успех неожиданною атакой русских турецким резервным отрядом, атаковавшего бы уставшего от боя неприятеля с присущей туркам стремительностью.

С другой стороны, можно бросить несколько упреков и русским войскам, ошибки коих могли стать для них фатальными. Прежде всего, столь широко распространенное в их войсках пренебрежение и презрение к туркам, когда требуемые военным искусством предосторожности рассматриваются ими как совершенно бесполезные. Сие равнодушие проявлялось во всем, — в построении батарей, траншей, насыпей, в проведении разведки, и беспрестанно оплачивалось бесславно погибавшими солдатами, в то время как проявление пушей заботы и предосторожности могли бы сохранить жизнь оным.

К сей ошибке, являвшейся одинаковою во всех войнах у русских, можно присовокупить скажем, еще одну. Если бы начальствовавшие русскими войсками последовали советам генерала де Рибаса, и войски пошли на приступ крепости тотчас, можно было бы сберечь много жизней, поскольку оборона города имела множество изъянов, и 24 часа канонады сохранили бы немалое множество солдат.

Расположение лагеря вокруг города предлагало также обширное поле для критики: каждый из трех корпусов¹⁴⁹, составлявших армию, стоял лагерем отдельно один от другого и мог быть занят неприятелем, если последний проявил бы немного расторопности.

Способ производства приступа представлял также много неудобств для русских, и сие предприятие можно назвать даже безрассудным, ибо можно быть уверенным, что в случае неудачи приступа войски не сумели бы спастись и были бы совершенно разгромлены. Я не знаю, можно ли было составить лучшую диспозицию со столь небольшими по количеству войсками, но мне кажется, что вполне возможным было пойти другим путем, чем подвергать смертельному риску большое войско во имя успеха, каковой был более чем сомнителен. Сие размышление, несмотря на достигнутую викторию, обосновано во всех отношениях.

¹⁴⁸ Разумеется, Ришелье имел в виду того, кого назвал сыном султана.

¹⁴⁹ Ришелье имел в виду войска Самойлова, П. С. Потёмкина и Кутузова.

Много солдат полагали, что их потери не достаточно компенсировались приобретенными выгодами, но я отнюдь не согласен с их мнением: ибо, несмотря на ужасное несчастье потерять более половины офицеров и треть нижних чинов, невозможно отказаться верить с политической и военной точек зрения, что сии потери не окупались выгодами полной гибели армии в почти сорок тысяч человек и покорению одного из ключевых городов Османской империи, самой большой крепости, коей владели тогда турки¹⁵⁰, и каковая, кроме триста восьмидесяти пушек¹⁵¹, располагала 25-тью или 30-тью судами, попавшими в руки русских. Боеприпасы в городе находились в избытке, но съестных припасов, наоборот, имелось в недостаточном количестве, и до меня дошли даже слухи, что их хватило бы не более чем на три недели. Посему, если можно было бы подождать, крепость пала бы без единого выстрела, но о нехватке провианта никто и помыслить не мог, и опыт восставал противу сего мнения, ибо во всех городах, взятых приступом во время сей войны, победители всегда находили в поверженных крепостях продовольствие в огромном количестве.

Добыча победителей, как я сказал, была удивительно дивною, и солдаты обогатились сверх того, что можно было бы вообразить. Без особого труда можно было найти владельцев многих тысяч дукатов; при сем самая большая часть офицерских денег доставалась солдатам во время продажи офицерам награбленных вещей.

Несмотря на знатное своеволие, господствовавшее среди войск в тот день, уже с вечера порядок был восстановлен; в город вошли и встали гарнизоном пять баталионов под начальством генерал-майора Кутузова¹⁵².

¹⁵⁰ Намеренно или нет, но Ришелье ввел читателей в явное заблуждение, ибо умолчал о настоящих крупнейших крепостях Османской империи (не говоря уже о Стамбуле) — Багдаде, Белграде, Бендерах и Виддине.

¹⁵¹ Большинство турецких пушек были 25-фунтовыми, к коим турки испытывали много предпочтения. Лафеты сих пушек перемещать было невозможно, и нельзя не переставать удивляться, как с такими посредственными средствами туркам удавалось вести цельную стрельбу. — *Прим. автора.*

¹⁵² После штурма Суворов оставил в крепости гарнизон — Херсонский гренадерский полк, Бугский егерский корпус, Полоцкий мушкетерский полк, бомбардирскую роту с 12 полевыми орудиями и 3 донских казачьих полка.

КАНЦЛЕР К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ В ОЦЕНКАХ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1850, 1853, 1858, 1862 ГГ.)

Из фондов Архива Министерства иностранных дел Франции

23 (11) марта 1862 г. в Санкт-Петербурге на 82-м году жизни скончался канцлер Российской империи (с 1844 г.), бывший министр иностранных дел (1822–1856 гг.) граф Карл Васильевич Нессельроде¹. Смерть этого крупного государственного деятеля, возглавлявшего российскую дипломатию на протяжении трех с половиной десятилетий, разумеется, не могла пройти мимо внимания иностранных дипломатов в столице России.

Откликнулся на это событие и Анри де Фурнье, 1-й секретарь посольства Франции в России², исполнявший в то время обязанности временного поверенного в отсутствие находившегося в отпуске посла, герцога Луи Наполеона де Монтебелло. О смерти канцлера он пишет в депеше от 25 марта 1862 г., адресованной министру иностранных дел Эдуарду Тувенелю.

Депеша объемом шесть листов рукописного текста recto verso посвящена внутрироссийским делам, в частности, начинавшейся в тот момент реформе в армии, инициированной военным министром генералом Д.А. Милютиним. Однако начинается донесение Фурнье сообщением о смерти канцлера Нессельроде.

Как и полагается в подобных случаях, французский дипломат воздает должное заслугам покойного русского вельможи, который «на протяжении столь долгого периода времени так достойно служил стране и династии». Ни одного критического высказывания по адресу графа Нессельроде. Разве что легкий намек можно было усмотреть

¹ О ветеране российской политики четырех царствований (Павла I, Александра I, Николая I и Александра II) см.: *Гребенщикова Г.А.* К.В. Нессельроде: К 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // Клио. 2010. № 3 (49); *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* М., 2002. Т. 1, 3; *Пономарев В.Н.* Финал долгой карьеры. К.В. Нессельроде и Парижский мир // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992; *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887.

² Фурнье служил в петербургском посольстве с декабря 1859 г., являясь ближайшим сотрудником герцога Монтебелло, который оставлял его за себя, когда должен был выезжать во Францию. В Петербурге Фурнье пробыл до октября 1862 г., когда получил назначение посланником в Стокгольм. Его служебное досье см.: Archives des Affaires Étrangères (далее везде –ААЕ). Personnel. 1-re série. № 1680.

в словах Фурнье о том, что покойный «лицетворял собой славное и все еще живое прошлое России».

Однако не всегда французские дипломаты, работавшие в Петербурге, были столь же благосклонны к Нессельроде. Их оценки всякий раз зависели от текущего состояния франко-российских отношений.

Критику ветерана российской политики нередко можно встретить в переписке посольства Франции в Петербурге с Министерством иностранных дел Франции в период «фальшивой», как ее определил русский самодержец, Июльской монархии (1830–1848 гг.), неприязнь к которой не считали нужным скрывать ни сам император Николай I, ни его ближайший сподвижник граф Нессельроде. На протяжении почти 18 лет существования Июльской монархии франко-российские отношения были отмечены холодной сдержанностью³.

С приходом к власти во Франции в конце 1848 г. Луи-Наполеона, возродившего в 1852 г. Вторую бонапартистскую империю, эти отношения постепенно улучшались до той поры, пока интересы двух стран не столкнулись на Ближнем Востоке, следствием чего стала Крымская война 1853–1856 гг.⁴ Немалая доля ответственности за этот конфликт лежала на канцлере К.В. Нессельроде, не предпринявшим ни малейших усилий для того, чтобы охладить воинственный пыл императора Николая Павловича.

Ниже публикуются выдержки из четырех документов, выявленных автором в Архиве Министерства иностранных дел Франции. В них содержатся оценки личности графа Нессельроде и проводившейся им политики последних лет его нахождения у власти. Эти документы, относящиеся к 1850, 1853, 1858 и 1862 гг., публикуются в хронологической последовательности.

Автор первого из публикуемых документов – дивизионный генерал, маркиз Жак де Кастельбажак, французский посланник при дворе Николая I в 1850–1854 гг.⁵ Ниже публикуется фрагмент его депеши от 27 апреля 1850 г., направленной в Париж. В ней французский дипломат характеризует ближайшее окружение императора Николая, в котором, как отмечает Кастельбажак, первую роль играл граф Карл Васильевич Нессельроде.

³ См.: Манухина Н.П. Русско-французские отношения в годы Июльской монархии // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2003. Вып. 5. С. 115–142; Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.

⁴ См.: Тарле Е.В. Крымская война // Сочинения: в 12 т. М., 1959. Т. VIII–IX; Figes O. La guerre de Crimée: une histoire. New York, 2012; Gouttman A. La Guerre de Crimée 1853–1856. Paris, 1995.

⁵ Сведения о нем см.: ААЕ. Personnel. 1-re série. № 783.

Второй документ также составлен Кастельбажаком. Он относится к кануну Крымской войны (июль 1853 г.), когда в Париже (и Лондоне) были встревожены действиями России в Дунайских княжествах, занятых русскими войсками, что станет прологом к ее очередному столкновению с Турцией. Французский посланник информирует своего министра иностранных дел о настроениях в окружении Николая I по вопросу назревавшей войны.

Здесь он высказывает свое мнение и о позиции канцлера Нессельроде, выгодно отличавшейся, как считал Кастельбажак, своей умеренностью от воинственных настроений «ультра-русских» патриотов во главе с великим князем Константином Николаевичем, вторым сыном императора Николая. Здесь же французский дипломат отмечает ограниченность возможностей непопулярного в обществе и армии Нессельроде, не способного (или не рискнувшего) противостоять ура-патриотической волне.

Третий документ, автором которого является Шарль Боден, временный поверенный в делах Франции в России⁶, представляет собой фрагмент составленных им для министра иностранных дел графа Александра Валуевского «Конфиденциальных записок о наиболее важных лицах Российской империи. 1858 год»⁷.

Среди них под номером XXVIII Боден помещает графа К.В. Нессельроде, остававшегося канцлером и после того, как его место во главе министерства иностранных дел занял князь Александр Михайлович Горчаков. Правда, уже сам номер (XXVIII), присвоенный французским дипломатом канцлеру империи, красноречиво свидетельствовал о том, что бывшее влияние Нессельроде к 1858 г. в значительной степени было утрачено.

О четвертом публикуемом ниже документе, относящемся к 1862 г., уже было сказано.

⁶ Шарль Боден был первым официальным представителем Франции в России после окончания Крымской войны и возобновления дипломатических отношений между Петербургом и Парижем. На посту временного поверенного он провел в России полтора года — с июля 1856 г. до декабря 1857 г. За это время Боден серьезно изучил положение дел в России и расстановку сил при дворе Александра II. Свои наблюдения и оценки он изложил в «Конфиденциальной записке», написанной по возвращении в Париж в начале 1858 г. Личное досье Ш. Бодена см. ААЕ. Personnel. 1-re série. № 269.

⁷ “Notes confidentielles sur les principaux personnages de l’Empire de Russie. 1858” [Charles Baudin] // ААЕ. Mémoires et Documents. Russie. Vol. 45. Этот объемный документ, составленный французским дипломатом по возвращении из России, включал в себя сведения, в ряде случаев снабженные краткими комментариями автора, о 99 представителях высшей петербургской знати, министрах, губернаторах и крупных военачальниках, составлявших окружение молодого императора Александра II, а также о видных литераторах и журналистах — М.Н. Каткове, Н.А. Некрасове и др.

Документы публикуются на языке оригинала и в моем переводе с французского.

П.П. Черкасов

I

Фрагмент депеши Жака де Кастельбажака министру иностранных дел Франции Жану Эрнесту Дюко де Лаитту⁸ (27 апреля 1850 г.)

[...] Il y a certainement en Russie, comme dans tous les pays, et sous toutes les formes de Gouvernement, des influences secondaires et des influences subalternes, et même plus qu'ailleurs, dans l'administration intérieure, où la vénalité a une grande action: mais dans les grandes affaires et surtout dans les questions politiques importantes c'est l'Empereur Nicolas qui a l'initiative et la décision.

Le Chancelier, malgré sa longue expérience, et la confiance méritée dont il jouit depuis si longtemps, n'a dans les grandes questions toute l'influence qu'on pourrait supposer. Il peut cependant influencer, atténuer une résolution trop prompte ou trop forte et exerce une action réelle sur la direction et la conduite des affaires. Il a donc une influence, et il est important pour la diplomatie étrangère, de la ménager et de la cultiver.

C'est un homme d'état d'un esprit intelligent, facile, délié, bienveillant et conciliant: par caractère et lassitude des affaires, dont il s'occupe cependant journellement et activement, il est porté à la paix, à l'affranchissement des difficultés, et il répugne aux partis extrêmes.

C'est, après l'Empereur, le seul homme réellement influent dans les grandes questions politiques. [...]

Перевод:

[...] Конечно, в России, как и во всех странах и при всех формах правления, присутствуют различные второстепенные и третьестепенные влияния, особенно в делах внутренней администрации, где большую роль играет продажность: но в важных политических вопросах все инициативы и все решения исходят от императора Николая.

Несмотря на свой многолетний опыт и заслуженное доверие, которым он пользуется на протяжении столь долгого периода времени, канцлер не играет определяющей роли в решении важных вопросов, как можно было бы предположить. Однако он может оказывать смягча-

⁸ ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 206. Fol. 64 verso – 65 verso. Подлинник, фр. яз.

ющее и сдерживающее влияние при принятии излишне резких или поспешных решений, и тем самым влияет на направление и ведение дел. Следовательно, его можно считать влиятельной фигурой, которую иностранная дипломатия должна [всячески] обхаживать и поддерживать.

Это государственный деятель, наделенный ясным, проницательным и тонким умом, легким, доброжелательным и примирительным нравом; по своему характеру и по причине усталости от ежедневных дел, он склонен к душевному спокойствию, к избавлению от трудностей; его натуре претят крайности.

После Императора это единственный действительно влиятельный человек при решении больших политических вопросов. [...]

II

Фрагмент депеши Жака де Кагельбажака министру иностранных дел Франции Эдуарду Друэн де Люису⁹ (1 июля 1853 г.)

[...] Mr. de Nesselrode se trouve dans une position difficile: il excite le mécontentement de la noblesse et du haut commerce qui veulent la paix pour leurs intérêts personnels et qui trouvent qu'il n'est assez modéré.

D'autre côté, le peuple et l'armée et tous les ultra-Grec l'accusent de faiblesse et les hauts employés civils et militaires Russes lui sont hostiles à cause de son origine allemande, comme ils le sont plus ou moins à tout ce qui n'est pas slave et surtout aux Allemands qui leur sont plus antipathiques encore comme les Polonais, Slaves comme eux. [...]

Перевод:

[...] Г-н Нессельроде находится в трудном положении: [с одной стороны,] он вызывает недовольство дворянства и высших торговых кругов, которые в силу своих личных интересов желают сохранения мира и которые считают его [Нессельроде] недостаточно умеренным.

С другой стороны, народ, армия и все ультра-греки¹⁰ обвиняют его в слабости, а высокопоставленные гражданские и военные российские чины враждебны ему из-за его немецкого происхождения, как они вообще враждебны ко всему неславянскому и особенно к немцам,

⁹ ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 209. Fol. 139 recto verso. Подлинник, фр. яз.

¹⁰ Имеются в виду поборники идеи освобождения греков и других православных народов Балкан от турецкого господства, активизировавшиеся в России с обострением Восточного вопроса в начале 1850-х гг.

которые им еще более антипатичны, чем поляки — такие же славяне, как и они. [...]

III

Фрагмент «Конфиденциальных записок о наиболее важных лицах Российской империи. 1858 год»¹¹

[Шарль Боден]

[...] XXVIII. Le Comte de Nesselrode, Chancelier de l'Empire

Né en 1780. Fils d'un Allemand naturalisé Russe, et d'une mère d'origine juive; étranger à la Russie par sa naissance comme il l'a toujours été par ses sentiments. Il a, pendant trente cinq ans, mené la politique Russe dans l'arrière Autrichienne, où il a fini par l'embourber. Maintenant, il ne peut pardonner au Prince Gortchakoff, son successeur, d'avoir fait rentrer la Russie dans le systeme de ses alliances naturelles. Le Comte Nesselrode a immensément de finesse, mais peu de portée dans l'esprit; c'est un intrigant tres habile, mais un homme d'etat très mediocre. Les vues larges et élevées lui sont étrangères; il ne les comprend meme pas, mais personne ne s'entend mieux que lui aux petits expédieux, aux finesses de cuisine et aux intrigues de couloirs. Jamais il n'a su resister a son maître l'Empereur Nicolas, et son seul mérite a été s'attenuer quelque fois dans la journée la violence des déterminations du Souverain. Il est d'une grande avidité en matiere d'argent. "Petit Juif", tel est le surnom dont-il jouit dans la Russie entière. [...]

Перевод:

[...] XXVIII. Граф Нессельроде, канцлер империи

Родился в 1780 г. Сын натурализовавшегося в России немца и еврейки. Чужд России как по происхождению, так и по сознанию. На протяжении тридцати пяти лет он направлял русскую политику в угоду Австрии, и в конечном итоге завел ее в тупик. Теперь он не может простить князю Горчакову, своему преемнику, возвращение России в систему ее естественных союзов. Граф Нессельроде в избытке наделен утонченностью, но ему не хватает дальновидности; он очень умелый интриган, но очень посредственный государственный человек. Широкие и возвышенные взгляды ему чужды; он даже не понимает их, но никто не может превзойти его в знании кулинарных деликатесов¹²

¹¹ ААЕ. Mémoires et Documents. Russie. Vol. 45. Fol. 105 verso — 106 verso. Подлинник, фр. яз.

¹² Граф Нессельроде был известен пристрастием к изысканной кухне и считался непревзойденным гастрономом-новатором. Нередко он баловал себя и наиболее по-

и закулисных интриг. Он никогда не был в состоянии противостоять своему господину, императору Николаю, и его единственной заслугой можно считать то, что иногда ему удавалось сдерживать суровость решений, принимаемых монархом. Он отличается крайней жадностью в денежных делах. «Маленький еврей» — это то прозвище, которое он заслужил в России. [...]

IV

Фрагмент депеши Анри де Фурнье министру иностраннных дел Эдуарду Тувенелю¹³ (25 марта 1862 г.)

[...] Mr. Le Comte de Nesselrode est mort, avant-hier Dimanche à 8 heures du soir. Sa santé atteinte gravement depuis six semaines, semblait assez remise pour que l'on espérât prolonger son existence encore quelques mois. Une imprudence commise par lui compliqua son mal d'une fluxion de poitrine, qui l'a emporté. Il avait 82 ans. Jusqu'au dernier moment, Mr de Nesselrode est resté avec toute sa présence d'esprit et toute sa lucidité de facultés.

J'ai vu, cinq ou six jour avant sa mort, des lettres qu'il écrivait sur les questions de Finances les plus ardues, et qui montraient une intelligence encore toute aux affaires.

Samedi soir, il appela auprès de lui le Ministre des Finances M. de Reutern, auquel il avait voué une affection toute particulière, et l'entretint longuement des questions de crédit public qui sont à l'ordre du jour, et que l'on considère comme urgentes.

Dimanche l'Empereur, qui venait plusieurs fois chaque jour savoir des nouvelles du malade, eut avec lui son dernier entretien. Mr. de Nesselrode pria Sa Majesté Impériale qui le quitta d'envoyer auprès de lui le Grand Duc Constantin, ajoutant: "Sir, je désire que se soit le plutôt possible, car demain je n'y serai plus".

Le Grand Duc arriva quelque temps après; personne n'assista à ces dernières et solennelles paroles; personne n'a su ce qui s'était dit. Le Grand Duc sortit ému et en larmes. Mr. de Nesselrode s'éteignit peu d'heures après.

Cette fin, calme, toute aux affaires du Pays et de la Dynastie que Mr. de Nesselrode avait pendant sa longue présence aux affaires, si heureusement

четных своих гостей блюдами собственного приготовления, получившими его имя — «суп Нессельроде», «пудинг Нессельроде», «мороженое Нессельроде» и т.д.

¹³ ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 226. Fol. 271 verso — 272 verso. Подлинник, фр яз.

et si glorieusement servis, a vivement impressionné. C'était le passé glorieux et encore vivant de la Russie, et en le voyant disparaître de la scène du monde, plus d'une pensée triste et préoccupée par les choses incertaines du présent, l'aura sans doute accompagné. [...]

Перевод:

[...] Граф Нессельроде умер вчера, в воскресенье в 8 часов вечера. Его здоровье серьезно ухудшалось на протяжении последних шести недель, но вместе с тем оставалась надежда, что он может прожить еще несколько месяцев. Проявлявшаяся им неосмотрительность осложнила его состояние воспалением легких, которое и унесло его в могилу. Ему было 82 года. До последнего момента господин Нессельроде в полной мере сохранял присутствие духа и ясность рассудка.

Еще за пять-шесть дней до своей смерти он писал записки по самым сложным вопросам финансов, что свидетельствовало о том, что его разум в полной мере продолжает работать.

В субботу вечером он вызвал к себе министра финансов г-на Рейтерна¹⁴, к которому всегда испытывал особое расположение, и подробно обсудил с ним вопросы текущей финансовой политики, выделив из них наиболее приоритетные.

В воскресенье Император, который ежедневно навещал его по несколько раз, интересуясь состоянием здоровья больного, побеседовал с ним — как оказалось, в последний раз. Перед тем как Император покинул его, г-н Нессельроде попросил Его Императорское Величество пригласить к нему Великого князя Константина. При этом он добавил: «Государь, я бы хотел, чтобы это произошло как можно скорее, потому что завтра меня уже может не быть».

Некоторое время спустя явился Великий князь. Никто не присутствовал при их встрече, и никто не знает, о чем они говорили. Великий князь вышел [от умирающего] взволнованным, со слезами на глазах. Г-н Нессельроде скончался несколько часов спустя.

Его спокойная кончина, отмеченная до последнего вздоха участием в делах страны и династии, которым господин Нессельроде так достойно служил на протяжении столь долгого периода времени, произвела большое впечатление. Он олицетворял собой славное и все еще живое прошлое России. Уходя с мировой сцены, он несомненно был озабочен грустными мыслями о неопределенности настоящего [положения дел], [...]

¹⁴ Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), граф, министр финансов России в 1862–1878, впоследствии — председатель Комитета министров.

FRANÇOIS de CHEVILLY, AVENTURIER, BANQUIER ET DIPLOMATE

Anne Hogenhuis

Le parcours de François de Chevilly peut être retracé grâce à trois sortes de sources qui se complètent: le manuscrit de souvenirs rédigé par sa fille dans les années 1950 (non paginé), les mémoires ou études sur l'époque et les documents d'archives. Il éclaire de façon originale les relations franco-russes au début du XXe siècle sous leur aspect économique, diplomatique et humain.

François d'Humilly de Chevilly est né à Chambéry le 29 juin 1867. A la mort de son père il a cinq ans. Il hérite d'un titre de comte, d'une large parentèle savoyarde et d'un château massif et sombre, mais de peu de fortune¹. Il termine ses études à Paris au collège des Jésuites, rue des Postes, pépinière qui offre à la France un vivier de bons serviteurs civils et militaires. En 1887 il entre à Saint-Cyr où il remporte des prix aux concours hippiques et se fait beaucoup d'amis.

On le note dans l'entourage du jeune Marcel Proust, parmi les élégants rencontrés à Thonon, sur le Léman, sans préciser si c'est lui ou son cousin Pierre. Par contre la présence de sa sœur aînée, Marie, est attestée en 1900 auprès de Proust². Sont aussi là, à Coppet les d'Haussonville. Ils ont employé un Chevilly comme messenger auprès de la princesse Marie d'Orléans, fille du duc de Chartres et épouse d'un prince danois pour suggérer à Alexandre III le mariage du futur Nicolas avec une princesse française, ce qui faciliterait le rapprochement entre les deux pays³. Le complot orléaniste se perd dans des embrouillaminis d'amateurs. Déjà la Russie.

A sa sortie de Saint-Cyr, Chevilly est envoyé à Morlaix où il est reçu chez le préfet maritime, le comte de Marquessac, où on donne des bals, des

¹ Son patron, saint François de Sales, se retrouve dans les lignées de ses deux parents. Evêque et diplomate il a œuvré pour la réconciliation entre catholiques et protestants.

² *George D. Painter*, Marcel Proust, 2 vol. 1959, Pinguin. Vol. 1. P. 227 et suiv., 234–243.

³ Archives du ministère des Affaires étrangères, (MAE), Papiers Hansen, carnet gris. Alexandre III passe ses vacances chez ses beaux-parents danois.

dîners et de grands banquets où les jeunes gens se moquent des «officiels» (républicains). La fortune des Marquessac avait été largement entamée par la vie parisienne de l'amiral et lorsque le 12 novembre 1891, il épouse leur fille Marguerite, ce n'est pas un mariage d'argent. Après un passage à Nantes, ce sera Paris et l'École militaire, avec leur fille Odette née le 25 août.

Aucun document photographique ne subsiste sur le jeune ménage. Pour François, un cliché avec sa mère et ses sœurs où il disparaît sous son képi. A ce vide supplée la description qu'en fait Odette, qualités morales et physiques confondues, dans un genre agiographique: «Grand, blond, les yeux bleus, un peu myope, il portait monocle. Distingué, très courtois et bien élevé, d'une intelligence immédiate. Optimiste, aimant tout ce qui est beau. Dans l'intimité il était charmant, d'un caractère très égal, il s'intéressait à tout, sans attacher jamais d'importance aux menus ennuis quotidiens et diminuant aussi leur portée. Dans le monde il était très brillant et très recherché. Sa conversation éblouissante tenait tout le monde sous le charme. Il savait écouter aussi». Il avait du succès auprès des femmes. De nombreux amis et des obligés en légion.

Odette expliquera qu'il n'avait pas les moyens nécessaires au train de vie d'un officier de carrière et qu'il a démissionné de l'armée en 1894 pour se lancer dans les affaires. C'est l'année du Conseil de guerre qui condamne Dreyfus à la déportation. Il serait toutefois audacieux d'établir un lien.

L'aventure

Débute une nouvelle vie, sous le signe d'aventures où dans un climat de prospérité générale la fortune paraît à portée de la main.

Chevilly s'occupe d'abord d'une affaire de gaz acétylène qui périclité faute d'investissements. La suivante dont on ne sait rien, en Espagne semble mieux prospérer. On invite beaucoup à dîner, ce que facilitent une cuisinière et une femme de chambre. Un fils Alain naît le 5 février 1899. Mais, suit en 1900 un déménagement à Asnières, une banlieue modeste dans une grande maison en bordure d'un terrain vague qui longe la Seine. Chevilly tente en vain sa chance en Espagne, Allemagne, Autriche ou Bohême. Marguerite se débat dans la pauvreté et une solitude croissante. A l'été 1903 elle fait une fausse-couche et s'enfonce dans la maladie. Un nouveau départ s'impose.

Chevilly «se laisse convaincre» d'accompagner une dame qui possède les titres d'une mine d'or en Colombie dont elle veut remettre en route l'exploitation. Sur ce voyage, juste quelques anecdotes. Avec un ingénieur, ils débarquent en Colombie en pleine révolution et se heurtent aux troupes des deux camps. Ils sont arrêtés par l'un d'entre eux et invités à dîner par le général qui a la lèpre. Lorsqu'il s'agit de signer sa libération, le monocle de Chevilly tombe dans l'herbe haute. La troupe se met à sa recherche et le retrouve. Ils

se quittent les meilleurs amis du monde. Pour retrouver la mine située sur les hauts-plateaux, le groupe voyage à dos de mulet. L'ingénieur décède de la fièvre jaune. Chevilly tombe à son tour malade. Guéri, il cherche encore l'or et revient à Paris sans l'avoir trouvé, mais content de son aventure. Il en fait une communication à la Société de Géographie, rédige plusieurs articles et publie un fascicule sous pseudonyme.

Le moment est venu d'assurer sa situation. Seul il ne peut rien. En septembre 1904, il accepte un poste à la Banque privée dont le siège est à Lyon. Une banque d'affaires qui prend son essor. Il accepte: le mot sous la plume d'Odette trahit un manque d'enthousiasme. Mais Chevilly a déjà quelques attaches à Lyon et il se fait de bons amis dans l'établissement, dont le meilleur est M. Zbinden, le PDG suisse de la banque. Il loue un logement, quitte à faire la navette pour voir sa famille quand il le peut. Marguerite effectue alors un séjour dans une maison de santé tenue par les sœurs auxiliatrices qui avaient accueilli gratuitement Odette dans leur pension de l'avenue d'Iéna. Elle se sait perdue mais tente encore de s'installer à Lyon. Elle décède près de Paris le 10 mai 1906. Sitôt après, Chevilly liquide l'appartement parisien et accepte une mission de la banque pour régler une affaire en Equateur. Les enfants sont envoyés chez leurs grand-mères.

La mission en Equateur est tout aussi riche en aventures que la précédente en Colombie. Et aussi peu documentée, sinon par les souvenirs que note Odette. Débarqué à New York, Chevilly en profite pour une excursion aux chutes du Niagara, puis par le canal du Panama il rejoint Quito. Là, il règle les affaires de la banque puis part vers la plantation de caoutchouc qu'il vient d'acheter. (L'essor de l'automobile fait du caoutchouc une matière première recherchée). Il nomme un contremaitre, mais il n'en aura plus de nouvelles jusqu'en 1920. Il apprend que celui-ci avait exploité la plantation puis l'a vendue. Pour le retour il descend vers Guayaquil en pirogue, prend beaucoup de photos et se heurte au chef d'une tribu Jivaros dont il connaît les talents pour rapetisser les têtes coupées.

L'aventure pour lui se termine bien. Peu après une promotion lui donne des responsabilités au siège parisien de la banque. Il loue un bel appartement boulevard Pereire où il installe sa famille et part en Russie.

La Banque privée

A partir de 1908 la carrière de Chevilly s'oriente vers la Russie. La biographie officielle du *Qui êtes-vous?* cite des missions pour la Banque privée en Russie et en Espagne⁴. La chronique familiale n'a gardé aucune trace de séjours espagnols. Seule la Russie figure au palmarès.

⁴ *Qui êtes-vous?* Annuaire des contemporains. Notices biographiques. Paris: Ruffly, 1924.

Au départ, les activités de la banque étaient dirigées vers les colonies. Créée en 1898, après l'absorption du Comptoir lyonnais, elle se nommait encore Banque privée, industrielle, commerciale et coloniale Lyon-Marseille, mais la seconde partie du titre ne tarde pas à sauter. Epaulée d'administrateurs et de juristes aux noms prestigieux, dont la Banque de commerce privé de Saint-Petersbourg⁵, elle se place au centre des affaires franco-russes. Ses résultats justifient les espoirs des promoteurs, malgré un mauvais passage en 1902/1903 où la banque s'était tournée vers la Hongrie ou la Finlande. Depuis elle renoue avec les bonnes affaires d'antan. En 1912 la direction de la banque est aux mains de François-Marsal, futur ministre des Finances, tandis que M. Zbinden conserve la direction des agences. Elle finance le chemin de fer Riazan-Ouralsk et fortifie son conseil d'administration en y faisant entrer des banquiers influents.

Comment expliquer l'ascension rapide de Chevilly, sinon par sa bonne mine et la confiance qu'il inspire. Il apporte à la banque un nom et un titre qui lui ouvriront des portes et séduiront d'autant plus les Russes que la Banque privée s'adresse à une clientèle très privée, sensible au titre et à la particule. En retour Chevilly profite du renom de la banque. Qu'y fait-il? Les archives bancaires ont mal survécu au régime soviétique et les récits d'Odette sont rien moins que précis: «Tout va pour le mieux». Après avoir rempli plusieurs missions, il se fait énormément de relations. «La vie russe lui plut énormément, il connaît vite tout le monde et séjourne souvent à Saint-Petersbourg». Tout en restant attaché à la banque dont il surveille les intérêts, «il traite aussi d'affaires pour son propre compte, en particulier dans les chemins de fer».

Des intérêts annexes s'y ajoutent. En témoigne le compte-rendu du conseil d'administration de juin 1912. La banque se réunit à Riga pour l'AG de la société *Le caoutchouc*. Sont nommés membres du conseil d'administration, les actionnaires: M. Bergougnan, l'ancêtre des pneus Michelin de Saint-Etienne, le comte de Chevilly et un M. Berthier. Cette société conclut un accord avec La Banque privée et la Société Bergougnan. Les résultats sont très satisfaisants⁶.

Le prestige de François s'affirme aussi bien dans la société que dans les milieux d'affaires. Par son propre mérite, il est devenu visible aux yeux de la chronique mondaine. A des obsèques parisiennes, *Le Figaro* du 20 février 1909, a reconnu le comte de Chevilly venant après le prince de Ligne, le comte Greffuhle, le prince de Chimay, le duc de Mortemart, le comte

⁵ Les autres fondateurs sont: Ulysse Pila, Charles de Fischer, Auguste Lumière, Louis Pradel, Francisque Vial et Jacques Vuy. S'y ajoute en 1906, entre autres, André Poniatowski.

⁶ Banque privée industrielle commerciale et coloniale Lyon Marseille «Banque Privée» www.entreprises-coloniales.fr mis en ligne 31 décembre 2016, Dernière modification 3 mars 2018.

d'Haussonville, et suivi de quelques marquis et autre piétaille... A présent, il en impose, tout comme le monocle qui l'a distingué au cœur de la jungle.

Pourtant, ses fidèles ne sont pas tous à particule. Il a fait le tour des usages du monde auquel il appartient. Son non-conformisme lui permet de s'adapter aux hasards pour saisir l'occasion. Il expose ses règles de bonne conduite à Odette en août 1909: «...fais sur ton caractère l'effort nécessaire pour t'adapter. Songe bien à cela. C'est une des plus grandes qualités et des plus difficiles que la faculté d'adaptation. C'est par elle que l'on est goûté partout par où on passe. Note bien qu'il ne s'agit pas du tout de perdre sa personnalité. Il faut au contraire la conserver mais en même temps la montrer sous les formes qui conviennent le mieux et plaisent le plus dans le milieu où on se trouve. Réfléchis. Fais toi-même et sur toi-même les remarques nécessaires, observe et écoute les personnes qui composent le milieu où tu te trouves, ensuite, tout naturellement, tu t'adapteras. C'est la suprême bonne éducation et la suprême distinction en même temps que d'être partout à sa place. Il faut que tout dans la contenance, dans l'habillement, la conversation, le maintien varie suivant l'ambiance et le milieu [...] garde-toi aussi des jugements trop hâtifs. Ne te laisse pas aller à de vains emportements...» Ce moment de sincérité le révèle dans ce qu'il a de plus intime. Opportuniste, Chevilly? Sa capacité d'adaptation pourrait le suggérer, encore que ses codes privés lui tracent des limites. Mais le résultat est une réussite rapide.

Entre deux voyages à Saint-Petersbourg, un nouveau déménagement en 1910 coïncide avec une fortune éclatante. Le pavillon au 128 boulevard Pereire, entouré d'un jardin est une belle adresse dans un quartier à la mode : On se promène le matin au Bois et on salue ses connaissances. Suivra en 1912 l'achat d'un yacht en Angleterre du le *Gipsy Queen*, un «dundee deux mats» de vingt mètres de long. Les voyages avec les enfants mêlent les excursions touristiques et les rendez-vous d'affaires à Bruxelles, Ostende, Rotterdam ou Amsterdam. Chevilly se fait aussi construire à peu de distance de la vieille forteresse d'Humilly un petit château clair et gai, *Les Granges*, achevé à l'été 1914. Une décapotable 16 cv Berliet, bleu marine, à l'immense capot allongé, peut transporter huit personnes, la grand-mère Chevilly comprise.

La Russie

Le train de vie en Russie est au diapason. Chevilly invite Odette en Russie. Ils partent le 28 avril 1911. Les deux jours passés dans le Nord-express sont «un enchantement», surtout dû à la compagnie d'un père de bonne humeur, qui sait voir et expliquer. A la station frontière de Wirballen, elle est impressionnée par la faveur qu'on accorde à son père en lui abrégeant les formalités. Il est une personnalité connue.

Saint-Pétersbourg plait beaucoup à Odette. Chevilly habite au 34, quai des Français, dans bel appartement où un couple russe assure le ménage et la cuisine. Un petit bureau est réservé au secrétaire M. Bibikoff (prince?). Ce sera une suite de réceptions, dîners, spectacles et courses en traineau sur la Neva gelée. Son père l'invite au *Cuba* où l'on dîne au son des violons tsi-ganes. Il y serre beaucoup de mains et connaît au moins de nom tous ceux qui comptent. Il emmène Odette chez le prince et la princesse Dolgorouki dont le fils Michel la guidera dans le tour des palais et des musées.

Le pittoresque reprend le dessus avec un voyage qui débute par trois jours à Moscou. De là ils partent à Nijni Novgorod d'où ils descendent la Volga jusqu'à Simbirsk. Là, ils sont reçus chez l'ingénieur qui suit le projet. Le lendemain a lieu l'inauguration officielle du premier tronçon de la ligne de chemin de fer Volga-Bougoulma qui traverse la Sai, un affluent de la Kama, sur l'immense pont qu'on vient de terminer⁷. Puis ils remontent la Volga en bateau jusqu'à Kazan et Samara d'où le Transsibérien les ramène à Moscou. Les chemins de fer sont une entreprise privée russe qui procure aux rentiers français des retours sur investissement raisonnables et qui promettent de croître sur la longue durée⁸.

La fortune

L'année 1912 consacre le succès en Russie de la France et aussi celui de Chevilly. En août arrive le président de la République, Raymond Poincaré qui entraîne de nombreux contrats. Les entreprises que Chevilly patronne pour la Banque sont florissantes. Les siennes propres suivent la courbe des investissements français dans les matières premières : fer, charbon, blé et déjà le pétrole. Assez importantes pour que l'ambassade envoie un rapport à Paris sur ses activités. En 1913 il soutient Gustave Gain l'explorateur qui part au Turkestan à la recherche des gisements de pechblende nécessaires à Madame Curie pour en extraire le radium⁹. Chevilly fait aussi la promotion d'œuvres d'art, un marché en plein essor pour un public épris de modernité. Il a passé un contrat avec Paul Guillaume. Celui-ci, employé dans un garage automobile, aurait découvert des sculptures africaines dans une cargaison de caoutchouc¹⁰.

⁷ Bougoulma, petite ville tatare aux portes de l'Oural deviendra importante par les gisements de Magnitogorsk. La Banque privée de Saint-Pétersbourg avait lancé en 1910 des titres d'emprunt à 4./ au prix de 500 francs, offerts aux épargnants français.

⁸ *Thierry Claeys*, Les investissements français en Russie de 1870 à 1917, Francirus, daylymotion.com, 0.03.2015.

⁹ Archives du MAE Correspondance politique avec Saint-Pétersbourg. Vol. 493.

¹⁰ iesanetwork.com/s.lenoel/html/paulguillaume.himl, mars 2019.

Les belles voitures et le caoutchouc, voilà qui permet un rapprochement. «Un peintre assez miteux à l'époque,» juge Odette. «Papa qui avait du flair s'intéressait à lui et l'aida matériellement en plusieurs occasions». Chevilly la rassure «Ce n'est pas si mal, ça plaira un jour, tu verras». Néanmoins, il n'en achète pas pour son propre salon. Elle ajoute que Guillaume «apportait en vrac au 128 bd Pereire quantité de sculptures nègres, en bois, authentiques ou fausses pour les placer dans le petit jardin, exposées aux intempéries afin qu'elles vieillissent avant d'être offertes au public. Mais cela ne nous gênait pas». Il eut bientôt sa galerie où en 1914, sa première exposition présentait deux artistes russes, Larionov et Gontcharova.

Chevilly peut acheter ce qu'il veut. Pour son fils, il prépare une éducation d'héritier moderne. A la rentrée 1912 il le retire de sa pension religieuse et engage un professeur pour l'instruire sur les matières qu'il trouve importantes: «Tant pis pour les examens qui ne servent à rien». Voit-il déjà son fils en banquier ou en négociant d'art? A Odette pour sa majorité, en 1913, il offre du parfum et une rente qui sera sa dot. L'idée de la marier s'installe. Elle sort, elle prend des leçons de chant et assiste aux grands dîners élégants que son père offre à Paris. Dans un dîner chez les Fredericks, de l'ambassade russe, elle se distingue en affirmant tout haut qu'elle a une belle voix. Le maître de maison dit à François: «Hé bien! Chevilly, la *toche* n'ouvre pas souvent la bouche, mais au moins, quand elle parle, on sait ce qu'elle veut dire...» La *toche* commente Odette est une déformation, pour *dotch*, fille. Une autre fois un convive le complimente sur sa fille hystérique. «Ah bon?» Chevilly réajuste son monocle. «Oui, hystérique, elle ressemble à Charlotte Corday...» «Vous voulez dire historique!» Il s'amuse.

L'été la *Gipsy Queen* emmène François et ses enfants dans des endroits à la mode. A Biarritz ils rencontrent Maurice Verstraete qui possède un yacht plus grand et plus beau que le leur, commente Odette. Elle hésite aussi à dire si cet ami était belge ou russe. Son incertitude s'explique car Verstraete est au cœur d'un écheveau de liens franco-belges et russes. Secrétaire d'ambassade chargé du commerce, il a surveillé les achats de céréales et plongé dans des projets industriels en Ukraine ou pétroliers au Caucase. En 1899 le gouvernement français en a fait son représentant à la Banque russo-chinoise. Il a profité de la défaite russe en Extrême-Orient pour racheter les parts du chemin de fer russo-chinois et fonder avec la Société générale, et un apport de la Banque de Paris et des Pays-Bas en 1910 la Banque Russo-Asiatique. Auprès de ce géant, la Banque privée reste modeste, mais elle s'appuie sur ce modèle de réussite¹¹.

¹¹ Anna Krantz, *Maurice Verstraete*. Un banquier français en Russie au début du XXe siècle, in *Miscellanées franco-russes*, Bordeaux, s. d. P. 456–463. Thierry Claeys. Description d'une action de la Banque Russo-Asiatique (1911) in *Revue française d'histoire économique* 2017/1 (n°7–8). P. 216–223.

Pour le printemps 1914 le maire de Lyon prépare une exposition internationale et charge Chevilly de la section russe. Pour le pavillon, celui-ci choisit comme architecte son cousin Paul de Launay, qui construit une isba où l'on vend tous les produits russes imaginables. Pendant les fréquents déplacements à Lyon que le projet exige, Chevilly rencontre le maire, Edouard Herriot, avec lequel «il eut beaucoup de contacts toujours très agréables».

La guerre

A l'été 1914 Chevilly part en famille pour la croisière de l'été sur le *Gipsy Queen*. Comme les nouvelles sont mauvaises, il débarque pour aller prendre le vent à Paris. Tout confirme une guerre prochaine. Par dépêche, il enjoint aux navigants de rentrer à la maison. Ils ne remonteront plus à bord du yacht que le capitaine rachètera et armera pour la pêche au homard.

Lorsque Odette revient à Paris, son père est déjà en partance pour Saint-Pétersbourg. Il court y arranger ses affaires car se dessine déjà l'entrée en guerre de la Russie. Ses enfants et sa belle voiture sont envoyés à Cieurac. De Saint-Pétersbourg parviennent des lettres très attendues qui relatent l'enthousiasme des foules dans les rues, portant des drapeaux, chantant des hymnes russes et alliés. Mais pour les affaires, il est trop tard, Chevilly n'a pas pu sortir à temps ses capitaux qui resteront bloqués en Russie et subiront les conséquences des événements. Sur ce constat, il revient en France, on ne sait par quelles voies, pour reprendre du service malgré ses quarante-sept ans. Il rejoint le 137e d'Infanterie au Mans, avec le grade de capitaine, et sans délai il monte au front.

Il écrit alors à sa fille pour lui parler d'Inna Neslukowska. De son attachement pour elle et de l'ennui qu'il a, étant au front, de ne pouvoir lui écrire. De l'inquiétude aussi où elle serait de ne pas recevoir de ses nouvelles. Il lui demande, comme à sa meilleure amie, d'écrire de temps à autre à Inna pour la rassurer. Il comprendra si elle refusait. Au contraire très touchée d'être dans la confiance, elle écrira et Inna répondra, deux fois seulement car le danger s'estompe.

Chevilly a mené fin octobre, à la tête de sa compagnie «une dure charge à la baïonnette» au Quesnoy, près de Valenciennes. Ces lignes du front franco-britannique occupées par les Allemands à la fin d'août 1914 ne seront plus reprises avant 1918. A sa famille il confie qu'il a souffert d'une crise d'asthme assez violente pour qu'on l'évacue. Déjà les gaz asphyxiants? Remis en état, il arrive en permission à Cieurac. Il parle peu de la guerre et lorsqu'il relate sa bataille, le plus mauvais souvenir vient des crapauds qui infectaient les tranchées et qu'il attrapait avec une pince spéciale fabriquée par ses soldats. Des récits en litote pour ne pas ajouter à l'angoisse de ses enfants.

Après ce congé il revient au Mans pour y former les recrues avec lesquelles il passe les fêtes de Noël. Au printemps 1915 Il loue une petite maison

et invite ses enfants à venir le retrouver. Au cours d'un exercice Odette entend de loin les commentaires de deux soldats : «Tu vois ce capitaine-là, le blond, ben tu sais il n'y a pas un plus chic type dans tout le régiment». On peut croire à leur sincérité, son père est profondément humain!

L'état-major interallié

Le séjour au Mans s'interrompt par une mutation à Versailles, à l'état-major interallié. Le 15 octobre 1915 Chevilly est décoré de la Légion d'Honneur dans la cour du château. Les délégués alliés siègent à l'Hôtel des réservoirs. Sa mission au centre de commandement allié le place au cœur d'un dispositif où science militaire et diplomatie se mêlent. Il est dans son élément. Sa promotion suivante en découle. Elle repose sur son expérience de la Russie.

Le colonel Jacques Langlois qui prend en main la carrière de Chevilly est le chef de la section russe à l'état-major général où il assure la liaison avec la *Stavka*. Il s'agit d'établir une bonne coordination avec les Russes, chacun des deux côtés soupçonnant l'autre de ne prendre en compte que les difficultés de son propre front et oublier celles de l'autre. Pour les résoudre, Joffre a envoyé en mission Langlois. Celui-ci, de février 1915 à février 1917, a effectué neuf voyages dont il a conclu qu'il ne suffit pas d'un front à l'autre d'être représenté, il faut résoudre les problèmes d'armements et celui des nouvelles technologies à transférer. Une meilleure coordination stratégique s'impose aussi, sur le modèle franco-britanniques, à la fois militaire et diplomatique¹².

Paraphés par Joffre, Poincaré et le ministre de la Guerre, les rapports de Langlois sont mis en œuvre et le resteront malgré le limogeage de Joffre en décembre 1916. La représentation militaire est simplifiée, les diverses missions dépendront toutes du général Janin, nommé le 16 avril 1916. Des missions spécialisées dans les armements, les transferts de technologie ou la propagande.

Langlois recommandait une réorganisation de la propagande en Russie pour prendre en compte la susceptibilité des Russes et informer la presse russe et l'opinion sur la situation en France. Dans les instructions de Janin à ses officiers, du 13 mars 1917, il leur recommande de veiller à établir un dialogue entre égaux et ne pas se conduire comme en pays conquis, mais en amis cordiaux et réservés. On passe à une nouvelle diplomatie plus confiante et ouverte entre partenaires d'une même coalition.

¹² Reorganizatsia francuzskogo voennogo predstavitel'stva v Rossii: predtchustvie peremen (1916–1917) *Vladimir Babintsev, Julia Galkina*, (The reorganisation of the french military commission in Russia: in anticipation change (1916–1917) in *Quaestio Rossic*. Vol 5 n., p. 241–254. 2017.1.221. Cité p. 250–251 d'après le SHD T. 17, N° 574.

L'organigramme désigne le commandant de Chevilly comme responsable de la propagande. Langlois le connaissait-il déjà ? L'a-t-il choisi sur la recommandation du général de Castelnau, qui en son temps avait été au collège jésuite rue des Postes, et nommé en 1915 son adjoint par Joffre, lui aussi ancien élève des Jésuites? Quelle que soit l'origine de sa nomination, en mars 1916 Chevilly repart à Petrograd, nouveau nom de la capitale.

La situation dès le premier abord s'y révèle inquiétante. Il faut rendre confiance aux Russes, les persuader que la France ne les lâchera pas. Rompre leur sensation d'isolement et de méfiance envers les Alliés. Sensibiliser aussi les Russes aux difficultés inouïes que doit résoudre le gouvernement français. Telle est la mission de Chevilly. Mission à laquelle il se donnera avec l'énergie qu'on lui connaît. Sa vie privée heureuse le soutiendra dans d'inextricables difficultés.

Le mariage russe

Chevilly va épouser Inna Neskludowa. Une décision qu'il confie à sa fille pendant un court séjour à Paris. Du moins, ajoute-t-il, si Odette lui donne son assentiment. Elle sait que si elle accueillait l'idée avec mauvaise grâce, il ne changerait rien à son projet, mais en serait attristé. Donc elle se dit prête à accueillir de bon cœur Inna comme belle-mère, bien qu'elles aient juste quelques années de différence. Il lui fait garder le secret jusqu'après la cérémonie. Malgré son courage, il n'ose affronter sa mère qui sera furieuse. Un bref orage: elle ne peut jamais se fâcher longtemps contre son fils.

Lorsqu'il l'avait rencontrée «quelques années auparavant», Inna avait vingt-deux ans, d'une famille selon Odette «de bonne noblesse», de culture russe et orthodoxe. Ses parents avaient divorcé et sa mère l'avait destinée au ballet. Entrée à l'École des ballets impériaux à huit ans, elle y a reçu, en plus de la danse une excellente éducation. Une école sévère, au nombre de places limitées. A dix-huit ans elle faisait ses débuts sur scène avec de beaux succès dans des danses espagnoles surtout. Ces détails, Inna les révèle de vive voix à Odette.

En Russie où on adore les chorégraphies de Petipa, les ballerines sont adulées comme des princesses, ce qui a permis d'entourer d'un chaste rideau d'admiration les amours du prince héritier Nicolas avec une danseuse remarquée pour ses bonnes manières par Alexandre III, Matilda Kseczinskaia. Un nom d'origine polonaise et une éducation très russe. Inna également. Les frères de sa mère, née Kouskoff, sont officiers supérieurs dans l'armée impériale.

Le mariage a lieu en mai 1916. Civil au consulat, religieux à l'église orthodoxe, puis catholiques à Saint-Louis-des-Français. Après les dîners et réceptions, il repart à Paris d'où il ramènera ses enfants pour leur faire rencontrer Inna.

Les préparatifs des enfants sont une affaire d'Etat. Il faut tenir son rang avec une garde-robe adaptée au grand monde. Ils partent le 21 septembre 1916, munis de passeports diplomatiques signés par Philippe Berthelot. Pour qu'Odette se souvienne de son nom, il faut que ce grand serviteur de l'Etat ait été sinon un ami, du moins un personnage proche de son père. Un personnage des plus discrets, qui a largement déterminé la diplomatie française¹³.

L'itinéraire du voyage est choisi pour éviter les territoires ennemis et en mer les mines allemandes. Qu'ils soient diplomates, militaires, hommes d'affaires, artistes ou révolutionnaires en transit clandestin, tous décrivent une expérience marquante. Ces voyages périlleux sont l'occasion de rencontres et d'échanges d'informations pour ceux qui savent les entamer à leur gré, ce en quoi excelle Chevilly. A la gare de Petrograd les attendent Inna et la Delaunay-Belleville.

Chevilly a déménagé, toujours quai des Français, dans un immeuble vert amande où une plaque de marbre indique que Koutouzov y avait résidé. Un appartement au bel étage, avec de grandes pièces de réception est desservi par trois domestiques. Mme Neslukowska y règne en maîtresse. Grande, distinguée, elle aime beaucoup converser avec les hôtes de passage. Elle adore son beau-fils qui n'a qu'une dizaine d'années de moins qu'elle. Elle lui a fabriqué un diminutif qui joue sur son nom et sa nationalité: Françoussia!

Inna ne lui ressemble pas. Elle est petite, très mince, vive, très brune, avec un visage attrayant et expressif ainsi qu'un caractère affectueux. Enfin, Odette la dit intelligente et cultivée. Elles deviennent de grandes amies. Le choix de Chevilly révèle une personnalité non-conformiste, restée discrètement sous-jacente. L'occasion de sortir du cercle de la société dite bonne, quelque peu sclérosée des familles façon Marcillac pour entrer dans ce qu'on appellera la *coffee society*, celle d'un XXe siècle libéré des codes superfétatoires. Une liberté d'avant-garde, jusque-là juste effleurée par ses amitiés avec des artistes.

Les collègues et amis

Chevilly se jette immédiatement à l'eau. Dès son arrivée, il fait des conférences à l'Alliance française où va la bonne société. Il en prononce une à *Tsarskoe Selo* à l'hôpital de l'impératrice, en présence de celle-ci et des quatre grandes-duchesses, ses filles. Son talent et son charisme opèrent. Il rappelle comment en 1896, à Paris, il avait vu l'aînée, Olga, passer en carrosse dans les bras de sa nourrice, en magnifique costume russe. Il amène un sourire «sur le visage si beau et si triste de l'impératrice». Le contact est établi, mais reste

¹³ A l'exception des périodes où Poincaré, ministre, l'écartera pour lui préférer Paléologue.

encore à convaincre de la solidité de l'alliance le monde politique et les intellectuels.

Dans la tâche énorme qui lui incombe, il dispose d'une bonne équipe et lui-même se dépense sans compter. Dans le cercle très étendu de ses relations, viennent en premier les membres des nombreuses missions et de la mission militaire en particulier, une partie en poste fixe, l'autre faisant la navette entre Paris et la Russie. Auprès de l'ambassadeur, l'attaché militaire, le général Janin, ne dépend que de la Guerre. Il fréquente les grands-ducs et les généraux de l'état-major et supervise les quelques deux cents membres de la mission militaire. Langlois est son adjoint principal, viennent ensuite les colonels: Renard, Lavergne et Pyot de la mission des armements.

Parmi le personnel de la mission de propagande, deux Français de Moscou, Henri Ferrand et Louis Landru deviennent des familiers Parmi les amis, Pierre Darcy est l'un des plus proches, un homme d'affaire et d'industrie au grand cœur. Claude Anet aussi, le journaliste qui arrive d'Orient, et qui sait toutes les rumeurs. S'ajoutent quelques savoyards dont le commandant Ernest Grenard¹⁴ et son épouse Alma ainsi que les Jouan, les Welter. Ces derniers sont à l'Alliance française et collaborent avec la mission de propagande, de même que Brianchaninoff, détaché de l'administration russe. Passent souvent un voisin, Tchikatchoff dont le père et l'oncle furent des explorateurs célèbres et francophiles, ainsi que l'avocat de l'ambassade, Posnansky.

Chevilly a enrôlé Alain qui tape son courrier à la dictée. L'éducation en prise directe avec la vie des affaires porte ses fruits. Ses progrès en russe semblent supérieurs à ceux d'Odette qui pendant ce temps se promène avec Inna au Jardin d'été, malgré un froid de -25 et même -29. Elle visite aussi l'hôpital français où Inna aide les soldats à remplir leurs paperasseries administratives, en particulier les demandes de rapatriement. Elle fait la conversation aux blessés, qu'elle pense arrivés de Salonique. Par ailleurs, elles reçoivent. En plus des invités à déjeuner ou à dîner, viennent tous les jeudis en soirée «des gens qui leur plaisent». Si les invités ne sont pas trop nombreux, on joue aux cartes ou aux petits chevaux. Puis vient le souper, autour du samovar que préside Inna, le plus agréable moment de la soirée, selon Odette qui juge qu'encore, pendant cet hiver 1916, la vie en Russie est très large, luxueusement agréable, dans la société du moins: «On parle beaucoup de la guerre, mais on ne la sent pas. En tout cas, infiniment moins qu'en France». Chevilly continue à dîner au champagne chez Donon et aller au spectacle une ou deux fois par semaine, en habitués. Une revue sur papier glacé au printemps 1916 place en couverture une caricature de lui à l'Opéra: en habit et monocle, il lorgne la salle, une consécration. Il jubile. Il prend toujours une grande loge, où il invite deux ou trois personnes. Une loge souvent voisine de celle de l'ambassade.

¹⁴ Un parent du consul Fernand Grenard?

Protocole oblige, au premier entracte Chevilly va rendre ses devoirs à l'ambassadeur. Puis, au deuxième, Maurice Paléologue vient saluer les dames de la loge voisine. Malgré sa courtoisie rigoureuse, Odette ne le trouve pas sympathique. «Avant la révolution, il ne nous plaisait guère. Après, nous le détestions, trouvant qu'il s'occupait un peu trop des intérêts de l'ambassade et qu'il négligeait les intérêts des Français qui n'étaient pas de la maison. Ridicule aussi, trouve Odette, lorsque pour le baise-main, il prend dans sa main droite la main de la dame et l'élève un peu en s'inclinant puis met sa main gauche devant la bouche comme s'il crachait un noyau d'olive! Il est toujours accompagné de sa suite qu'Odette trouve insipide, les R. (Regnault?) et les H. (du Halgouet?), incolores et munis d'épouses bêtement suffisantes». L'ambassadeur porte un nom qui crée l'impression d'un lien avec les empereurs de Byzance¹⁵, et bien que républicain confirmé, il ne fréquente que la haute aristocratie.

Chevilly n'est pas un familier de l'ambassade. Parmi les diplomates qui rédigeront leurs souvenirs, son nom n'est que rarement évoqué. Paléologue l'ignore. Seul Louis de Robien, premier secrétaire, en est assez proche pour rapporter ses opinions¹⁶: «Chevilly dit que...» Charles de Chambrun, premier secrétaire, ne le mentionne pas, bien qu'ils se connaissent par alliance. D'ailleurs leurs attitudes face à la Russie reflètent leur opposition. Là où Chevilly se plonge avec curiosité dans la société environnante pour agir sur elle, Chambrun est sur ses gardes. Il trouve les hôtels affreux ou tout juste acceptables, la nourriture détestable et les Russes très ploucs, les fleurons aristocratiques exceptés¹⁷. Certainement la facilité avec laquelle Chevilly circule dans cette société incommode à l'ambassade. Son yacht, sa splendide voiture et ses moyens de banquier disproportionnés par rapport à son grade militaire, ne concordent pas avec ses fonctions, encore que l'armée l'ait promu commandant.

Et puis il y a Inna. Les dames de l'ambassade sont loin d'être la crème de la crème, mais elles sont très regardantes sur leurs relations : Inna ne fait pas partie du groupe social où il faut être vue et reçue. Rien ne la recommande aux yeux de ces épouses rétives et la grande aristocratie lui est fermée. Chevilly lui-même, par ses activités et son pedigree a pénétré ce milieu exclusif, mais son mariage ne lui apporte rien dans ce domaine, encore qu'il n'ait pas l'air d'en souffrir. Ses réseaux s'étoffent toujours plus d'hommes d'affaire et d'artistes.

Les protections réelles ou supposées dont il bénéficie à Paris pèsent certainement aussi dans la méfiance que lui manifeste l'ambassade. Tout au

¹⁵ *Paléologue, Maurice*. Le crépuscule des Tsars (Journal 1914–1917), Mercure de France, 2007.

¹⁶ *Robien, Louis de*. Journal d'un diplomate en Russie, 1917–1918, La Librairie Vuibert, 2017.

¹⁷ *Chambrun, Charles de*. Lettres à Marie, 1914–1918, Plon, 1941.

contraire, elles lui valent une considération appuyée de la part des Russes, très sensibles à la hiérarchie du pouvoir. En particulier lorsqu'arrive en mission le général de Castelnau avec sa suite nombreuse. Il passe voir les Chevilly en ami. Il plaît beaucoup à Odette avec laquelle il discute comme un bon grand-père.

Les journées révolutionnaires de février n'apportent pas de rupture dans les habitudes de la maisonnée, mais dès les premiers jours, Chevilly s'inquiète de la propagande en faveur de la paix qui se fait dans la Douma et à l'armée. Il signale au général Janin que les partis modérés arrivent mal à endiguer le flot révolutionnaire et pacifiste. Il estime avantageuse une démarche des socialistes français qui exprimeraient leur confiance dans le triomphe de la démocratie et la chute de la dernière citadelle de l'absolutisme qui est l'Allemagne grâce à la guerre poussée jusqu'au bout. Ce que Janin transmet par dépêche à Paris¹⁸.

Les journées de février 1917

Le récit que fait Odette de la Russie entrée en révolution, sans aucun doute, reflète les opinions de son père, encore qu'elle ne mesure pas les difficultés auxquelles il est confronté. Il n'apporte rien sur le déroulement des journées qui ne soit connu. Néanmoins, il reflète l'état d'esprit dans lequel elles ont été vécues par les représentants de la France qui dans un avenir proche devront prendre des décisions importantes pour l'avenir des relations franco-russes.

En décembre 1916 la famille organise une grande soirée de Nouvel an. «L'atmosphère était gaie et pleine d'espoir, on souhaitait la victoire, la fin de la guerre. De présages habituels chez les Russes on tirait des pronostics favorables. Hélas, en enterrant l'année finissante nous ne nous doutions pas que c'était bien plus encore à la Sainte et vieille Russie que nous disions adieu [...] Cependant toutes les conversations commençaient à refléter un malaise et une inquiétude générale. Tout le monde était mécontent. Partout régnait la corruption dans les ministères, les détournements et la débauche personifiée par Raspoutine qui avait ses petites et grandes entrées à la cour et en particulier auprès de l'impératrice que tout un parti et une partie de la cour accusaient de tous les crimes». Odette précise qu'elle n'en croit rien et pense que l'influence de Raspoutine se limitait à sa capacité d'arrêter les hémorragies du jeune Alexis. Chevilly, qui avait refusé de faire sa connaissance, l'avait croisé dans l'escalier d'un restaurant et était resté «désagréablement impressionné par ses yeux et le fluide qui en émanait». Un soir de décembre, au

¹⁸ *Général Maurice Janin*, En mission dans la Russie en guerre, (1916–1917) L'Harmattan, 2015. 17 mars, p. 117.

Théâtre Michel, on chuchote de loge en loge l'incroyable rumeur: Raspoutine a été assassiné. «Tout le monde est très excité, satisfait, mais aussi un peu inquiet. L'émotion est très vive en ville et dans tout le pays».

«Dans le peuple le mécontentement grondait. L'hiver était particulièrement rude, le ravitaillement mauvais, le charbon et le pain se faisaient rares. On voyait de longues files de gens à la porte des boulangeries. Toutes ces misères étaient habilement exploitées par des meneurs, si bien qu'un jour l'orage éclata. Ce fut je crois le 11 ou 12 mars 1917 que la révolution éclata. Ce matin-là papa partit avec Alain au bureau comme à l'ordinaire et nous renvoya l'auto. Au milieu de la matinée Inna et moi descendîmes pour chercher une montre en réparation. Devant la porte le concierge causait avec un petit groupe de gens assez animés racontant que tout allait mal, qu'on venait de mettre le feu à je ne sais quel bâtiment du Liteiny, pas très loin derrière chez nous. Avec Inna on se regarda et on monta en voiture. Nous avons remarqué que les rues étaient anormalement désertes (...) On continua donc jusqu'à la perspective Nevski où tout était aussi mort et silencieux et où, bien entendu, la bijouterie comme ses voisins était fermée. On donna l'ordre au chauffeur de rentrer à la maison. A ce moment-là on voit arriver à fond de train du haut du Nevski une patrouille de cosaques. Montés sur de petits chevaux, avec leurs longues robes, leurs bonnets de fourrure et leurs cartouchières, la lance en avant. A l'angle de la Morskaia on dût s'arrêter quelques instants le temps de laisser passer une autre patrouille...»

Chevilly, au téléphone, est très fâché de cette sortie. Il annonce qu'Alain et lui reviendraient à pied. «Le bureau était fort loin. Ils revinrent en bon état, mais ils avaient entendu des coups de feu en arrivant sur la Fontanka. Ils virent que l'entrée et la sortie des petits ponts étaient gardées par des hommes allongés avec une mitrailleuse devant eux. Que faire, sinon passer, puis qu'il n'y avait pas d'autre issue. Papa força l'allure, pressé de se sortir de ce mauvais pas. Il s'aperçut qu'Alain avait gardé un pas nonchalant et restait en arrière. Il l'attendit et tout bas le secoua vertement. Alain d'un air tranquille lui répondit: «Enfin, papa, nous ne pouvons pas marcher plus vite, ces hommes pourraient croire que nous avons peur».

«L'après-midi, aucun de nous ne sortit et tant qu'il faisait jour nous étions restés dans la chambre d'Inna, regardant par les fenêtres qui donnaient sur le quai les files interminables d'ouvrier venant des usines des faubourgs et traversant la Neva à même la glace comme des fourmis qui envahissaient la ville. Nous étions hypnotisés par ce spectacle d'autant plus impressionnant que c'était un déroulement silencieux. Le téléphone marchait bien et toute la journée nous téléphonions à droite à gauche, chacun échangeait ses pronostics, ses impressions ou ses renseignements. A vrai dire on en avait peu, assez contradictoires et peu encourageant. On comptait sur l'armée. Mais tout de suite, ou presque, une partie de la troupe se mutina, chassa ou assassina ses officiers et fit cause commune avec la révolution. Cependant cer-

tains régiments restèrent fidèles. Tout de suite et les jours suivants des barricades s'élevaient un peu partout et la ville fut sillonnée de camions remplis de soldats débraillés, d'ouvriers, d'agitateurs, voire de femmes qui faisaient le coup de feu. Tous armés jusqu'aux dents avec des soldats couchés sur les marches-pied et les garde-boues, les armes pointées sur les passants, sans parler des nombreuses autos volées instantanément à leurs propriétaires. Vers deux heures du matin on entendit taper à coups redoublés à la porte cochère sur la rue. Tous nous nous habillâmes par prudence. On entendit une grande discussion dans la cour intérieure près du garage. Puis les hommes repartirent. Le chauffeur vint alors nous dire qu'un groupe de gens étaient venus prendre l'auto, mais qu'il leur avait fait remarquer qu'elle appartenait à un officier français et convaincu non sans peine de ne toucher à rien.» L'uniforme français protège les Chevilly contre la colère des foules mais des changements s'opèrent d'heure en heure.

Le Gouvernement provisoire

Odette se remémore avec précision les incidents au lendemain de la chute du régime impérial. Alors que la famille finit de déjeuner, on entend du bruit sur le quai. «Deux camions bourrés d'individus, moitié soldats, moitié tout ce qu'on veut, s'arrêtent devant l'immeuble avec leur habituel harnachement de fusils et de mitrailleuses.» Inna et Odette courent vers la fenêtre. Aussitôt Chevilly les attrape par les épaules et les refoule vers la salle à manger qui n'a pas de baies. Peu après de nombreux coups de fusils sont tirés, mais les balles ricochent sur le mur et n'atteignent pas les vitres. Puis, la porte de la rue s'ouvre et toute la horde se rue dans l'escalier. Chevilly enfle son uniforme. On attend. Les hommes cherchent pour le pendre l'ancien ministre de l'Agriculture, Alexandre Krivochéïne leur voisin de palier. Après quelques tirs et une porte défoncée, ils trouvent son appartement vide et le mettent à sac, en tirant de temps à autre une salve, « pour le plaisir de faire du bruit ». Puis ils frappent des coups à la porte. Chevilly ouvre avant qu'ils n'entrent de force tandis qu'Inna déclare que c'est le logis d'un officier français et personne n'y est caché. Les manifestants saluent la magnifique révolution française et s'excusent du dérangement.

D'autres visites suivent. Seule avec Inna, Odette voit la cour intérieure envahie par un groupe de «tovarich» les bras pleins d'armes et de bouteilles. Puis monte leur chauffeur, très rouge et excité. Il s'installe dans un fauteuil, dans chaque main un pistolet ciselé d'argent avec lequel il gesticule et qu'il leur propose. Evitant de le contrarier ou de refuser ses pistolets et pour ne pas lui donner prétexte à les décharger contre le mur, les deux femmes l'écoutent de la façon la plus naturelle comme s'il était en visite. Le lendemain, il revient s'excuser de «son audace» de la veille, les camarades l'avaient enivré et il ne savait pas d'où venaient les armes. On fait semblant de le croire.

Néanmoins, un calme relatif suit l'abdication de Nicolas II. Un gouvernement dit provisoire s'installe au Palais d'hiver, formé de personnalités libérales qui s'engagent à continuer la guerre et les beaux quartiers attendent que passent les désordres. On se rend à nouveau au théâtre, encore que l'humeur de la salle soit à l'inquiétude. Les insignes impériaux ont disparu en même temps que les beaux uniformes. «Tout semble triste et morne». Au théâtre Michel, les loges réservées à la famille impériale sont occupées par des soldats. Après la représentation, on annonce Kerenski, ministre de la Justice «Plutôt petit, avec un masque de brute il parla assez longuement, il aboya plutôt exactement, contre la guerre en particulier... Les soldats déchaînés descendirent et envahirent la salle puis la scène. Ils installèrent leur idole du jour dans un fauteuil et le descendirent, par-dessus la rampe, jusque dans l'orchestre et dans la salle où il fut à nouveau acclamé tandis que les soldats en chœur chantaient la Marseillaise. Pauvre Marseillaise! ils la mettaient à toute les sauces. Nous en avons assez vu et nous sortîmes. Presque tous les spectacles se terminaient de la même manière...»

A la fin de mars Chevilly part pour quelques jours en Finlande tandis que le 6 avril une foule grosse de plusieurs milliers de manifestants va enterrer au Champ de Mars les victimes de la révolution. C'est aussi la fête de Pâques selon le calendrier julien. Les femmes s'absorbent dans les préparations culinaires, les cadeaux traditionnels d'œufs peints ou précieux et les embrassades de rigueur, entre autres avec le chauffeur «frotté, lustré et calamistré».

Un incident survient lorsqu'Inna traverse une foule en meeting qui s'en prend à sa splendide voiture. Elle s'en tire en assurant que son mari officier français appartient à l'ambassade: les voitures de l'ambassade arborent un fanion français et sont respectées. Chevilly en avait demandé un aux services de l'ambassade, qui, «assez en froid» avec lui, pour être désagréables, ont refusé. «Nous n'aimions déjà guère Paléologue, mais de ce jour on le vomit et du reste, à tous les Français, il donnait par trop l'impression de se soucier d'eux comme d'une guigne. Cependant je ne sais comment, quelques temps après on finit par arborer le fameux fanion à notre voiture.» Les dames prendront le tramway.

Albert Thomas

Les activités de Chevilly subissent même une accélération soudaine avec l'arrivée à Petrograd du ministre des Armements, le socialiste Albert Thomas, le 9 avril. Paléologue et son équipe redoutent que son arrivée, tout comme celle des députés socialistes, Cachin, Moutet et Laffont, par les manières trop populaires qu'ils adoptent dans leurs contacts ne donnent une mauvaise image de la France. Il redoute surtout la réaction des cadres de l'armée, restés conservateurs. Thomas avait été nommé ministre des Armements pour

mettre fin à la crise des munitions. Le gouvernement l'envoie pour déterminer la politique à tenir envers la Russie révolutionnaire, et en premier lieu assurer la poursuite de la guerre selon les conventions de l'alliance¹⁹.

Une mission extraordinaire par l'étendue de son champ et par la personnalité charismatique de Thomas qui conquerra ses auditeurs et triomphera à la Douma. Dépassant largement les problèmes d'armements, il vérifiera la tenue des divers fronts, discutera des buts de guerre et de la conférence internationale réclamée par les socialistes pour négocier la paix. Il supervise aussi l'activité diplomatique. Il a les pleins pouvoirs pour signifier son départ en congé à Paléologue. Il le lui annonce dès le 10. Il suggérera un peu plus tard à Paris de le remplacer par Herriot, sans éveiller d'écho. Paléologue se défendra, mais Paris tranchera et priera l'ambassadeur, suivant la formule, de prendre un congé. «A notre grande joie» s'exclame Odette. Pour son départ, les officiers français lui offrent un grand dîner d'adieu, auquel «papa assista naturellement, quoi qu'il en eût».

Sans tarder Thomas consulte. Il voit le général Janin, qui craint le pacifisme dans l'armée russe, Gravier de la mission des armements, qui confirme, Darcy qui explique le côté industriel du problème et Chevilly avec lequel il vérifie l'état d'esprit dans le public. Selon celui-ci «la Russie veut la paix. Le Soviet veut aussi la paix, seul le Gouvernement provisoire veut la guerre. La politique menée jusque- là a consisté à diminuer les gens qui sont pour la paix au lieu de les convaincre.» Il pense aussi que les socialistes français envoyés pour renforcer la solidarité avec le gouvernement provisoire ont renforcé le rôle du Soviet. «Il préconise donc, au lieu de convaincre les socialistes russes et la masse russe, d'une manière plus générale qu'il faut carrément dire que ceux qui ne veulent pas marcher avec nous sont des traîtres. Il faut parler très haut, bousculer. Le seul moyen de prévenir le danger»²⁰. Thomas et Chevilly s'entendent bien, ils ont un langage direct et le courage d'affronter les difficultés sans tomber dans l'esprit de parti.

Les jours suivants Thomas verra les leaders du Soviet²¹. Pour contrer la propagande pacifiste de Lénine qui vient de rentrer de Zurich, il réfléchit à une contre-propagande. Aux responsables civils et militaires il demande un service de presse qui dépouille les journaux, les fasse traduire et en tire un bulletin quotidien à remettre aux journaux de tous les partis, «directement ou indirectement» pour en tirer des articles ou des suggestions. Verstraete propose la création d'un journal français. Raoul Labry, de l'Institut français est disposé à l'aider, sans enthousiasme. Conscient du pessimisme, Thomas met tous les Français au travail. Il reçoit les ingénieurs mobilisés et les re-

¹⁹ *Albert Thomas Journal de Russie*, Ioannis Sinanoglou éd. in *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 14. n° 1-2. Janvier - juin 1973. Pp. 86-204.

²⁰ *Ibid.* P. 93-95.

²¹ Il a pour adjoint Eugène Petit qui a fréquenté par sa femme, Sofia Balachovskaia, les socialistes-révolutionnaires et les intellectuels antistaristes.

présentants des sociétés françaises. Il réunit le 23 avril tous les instituteurs, gouvernantes ou professeurs. Ils doivent tous plaider la cause de la France: «un monde assez médiocre» qu'il faudra encadrer, éduquer...»²²

Chevilly a aussi reçu, le 23 avril la visite du colonel Langlois qui l'informe des plans d'offensive sur le front français. La Russie doit de son côté remplir son rôle. Il expose au général Janin, la nouvelle façon dont il va procéder pour contrer le Soviet qui veut imposer au grand quartier général la négociation d'une paix séparée avec l'Allemagne «sans plus se soucier des alliés et des alliances».

Thomas centralise les services et les actions sous la direction de Chevilly. Il note: «Feuilles volantes, agence de presse, contacts avec les journaux russes, propagande par la parole et les affiches. Les thèmes traités sur les feuilles volantes distribuées sur le front russe furent choisis de façon à stimuler la combativité de l'armée. 1/ Discours de Kerenski aux paysans (un million tiré distribué). 2/ Première série de huit feuilles: – Nécessité d'une offensive. Kerenski aux délégués du front sud; – Appel belge – Pourquoi les Anglais font la guerre – Lettre d'un soldat français – Appel serbe. 3/ Seconde série: (Tirage à 500 000 sera terminé le 8 juin) – Théories allemandes sur la guerre – Paix allemande – Y aura-t-il une révolution allemande? – Historique du début de la guerre. 4/ Troisième série: – Si l'Allemagne était victorieuse; – Pourquoi le soldat russe se bat-il?»²³

Le gouvernement français mise sur une république qui sous le signe de la liberté galvanisera les foules pour reprendre l'offensive, une réminiscence du mythe des soldats de An II à Valmy. Les désertions mettent en question la vanité des exhortations qui s'adressent à un pays fourbu. Chevilly craint le pire, il est épuisé et pense que le moment est venu de prendre du repos, comme le lui suggèrent Inna et Odette. Il souffre certainement de l'inanité de ses efforts. Mais il n'est pas question de baisser les bras. Le ministre apprécie Chevilly, ses services et ses idées. Il ne veut surtout pas qu'il s'en aille. Lui de son côté salue le courage et la volonté du ministre. Il le soutiendra d'autant plus qu'un médecin consulté l'a rassuré sur son état général. Il reste donc à son poste alors que «Tout le monde se désolait sentant qu'on se rapprochait de plus en plus d'une paix séparée».

Chevilly continue sans états d'âme. Une grande exposition à l'Alliance française présente des objets fabriqués par des soldats français. La conférence qu'il y organise le 16 mai au soir fait salle comble. Odette relate. Pierre Darcy, aimé et apprécié de toute la colonie française, introduit la séance. Puis Chevilly prononce une allocution extrêmement bien et très émouvante. Russes et Français lui font une ovation qui lui cause, comme à Inna, beaucoup de fierté. Enfin «Albert Thomas parle longuement et remarquablement,

²² Ibid. P. 118–127.

²³ Ibid. P. 136–137.

disant carrément ce qu'il a à dire, pourquoi il est venu en montrant nettement la situation. Là encore, un énorme succès». Tous reprennent courage à entendre ce qu'ils désirent...

L'été 1918

La nouvelle organisation impose à Chevilly de quitter ses bureaux pour se rapprocher de l'ambassade avec laquelle il coopère désormais officiellement. Il loue à la princesse Gagarine un appartement sur la Serguevskaia, près de la Douma, tandis qu'au Quai des Français s'installent les bureaux de la Propagande. Pour ses proches ce n'en est qu'une étape qui les rapproche du retour en France, sans savoir à quelle échéance, mais qui s'impose comme inévitable. Souhaitable aussi, pense Odette. Inna fait ses malles pour les confier au garde-meuble et avec Odette elles portent l'argenterie en dépôt à la Banque d'Etat, la plus sûre. Dans le grand hall de la banque, règne une cohue comme dans une gare avec une longue attente pour les formalités d'enregistrement. La banque sera parmi les premières à être nationalisée, ses coffres fracturés et vidés.

Le mobilier sans intérêt est vendu en peu de jours. Le reste sera envoyé aux Granges. On vend aussi la belle voiture et on prend en location une victoria avec un cheval noir et un cocher. La voiture de Saint-Sauveur (du Creusot), plus belle encore que celle de Chevilly, sera confisquée avant peu. La famille emménage le 27 mai dans un vaste appartement moderne, et ne garde que les femmes de chambre. Pour battre les tapis Inna emploie des tirailleurs arabes, heureux de gagner un peu d'argent. Fait prisonniers par les Allemands en France et expédiés en Turquie. Ils se sont évadés et passés en Russie ils ont été décorés par Thomas.

Si les Chevilly reprennent leurs réceptions du jeudi, c'est désormais en petit comité. Les mondanités ne sont plus de saison, les gens «s'éparpillent». Eux-mêmes hésitent à sortir le soir. Néanmoins s'ajoutent au cercle de nouveaux venus, de l'ambassade, les Laurent, Saint-Denis et Billion «si prétentieux». Pour le quotidien «tout est beaucoup plus difficile. On s'approvisionne à l'état-major en sucre ou en farine. Manque la viande, mais la volaille abonde, si on peut la payer. Le calme est du reste des plus relatifs. On entend des explosions, qu'on pense venir de 'la République de Cronstadt' qui bombarde la ville. Le soir les rues ne sont plus sûres. On crie, on vole, on assassine.» Le 15 juin, six cent marins de Cronstadt sont venus manifester et crier «A bas la guerre» en brandissant leurs drapeaux rouges, sans que le gouvernement réagisse.

A la Propagande on travaille dur. «Papa voulut qu'on sorte un journal édité en français, *Le Journal de Petrograd*. On réussit à mettre au point le premier numéro pour le 8 ou 10 juin, avec des articles écrits par Chevilly, Welter,

Briantchaninoff...» Thomas organise encore une démonstration de solidarité avec le ministre des Affaires étrangères, Milioukov, engagé pour la poursuite de la guerre et très fragilisé par les manifestations. Il réunit dans un grand banquet tous les industriels qu'il a convaincu de participer à l'effort de guerre. Les gouvernements alliés s'y sont associés. Il a ainsi réuni une petite cagnotte qu'il lègue à la Propagande, le banquier saura gérer l'affaire.

Le décompte révèle 200 000 roubles pour la Russo-asiatique et autant pour Schneider (c'est à dire Verstraete et Saint-Sauveur); 100 000 pour la Société russe de munitions (Poutilov) ainsi que la Société Baranowsky et la Société des tabacs; 50 000 chacune pour la Société d'optique, la Société Giraud, la Société Gillet et fils; 67 000 pour le gouvernement français; 133 000 pour les gouvernements anglais et américain²⁴. Ce rapprochement entre alliés et associés souligne leur inquiétude. Le ministre part le 14 juin. Au gouvernement français, il dira sa satisfaction d'avoir mené à bon terme sa mission.

Joseph Noulens

L'été à Petrograd est lourd, étouffant au propre comme au figuré «Le 1er juin une manifestation de la Ligue patriotique défile devant la maison avec de “vrais drapeaux russes”. Il y avait si longtemps qu'on n'en avait pas vus que c'était très réconfortant! Au front russe une première offensive réussit et une seconde quelques jours après. Ce furent deux belles victoires et on annonçait une vingtaine de mille prisonniers...» Le 14 juillet tous les Français assistent à une grande messe solennelle. Le lendemain Chevilly dit à sa fille qu'il a vu le nouvel ambassadeur, Joseph Noulens qui a été très aimable avec lui.

Sitôt arrivé, Noulens se trouve au cœur du chaos Il ne sait pas grand-chose de ce qui se passe en Russie sinon ce qu'en relataient les dépêches assez optimistes de Thomas. Il a été choisi pour son réalisme d'homme d'affaires, attentif aux détails et au coût des options. D'avoir à la Propagande un banquier ne peut que le rassurer. Ils s'entendront très bien. Avant de quitter Paris, il a rencontré les représentants des grandes entreprises qui ont des intérêts en Russie. Il emmène une mission de techniciens de l'armement, d'une trentaine de personnes²⁵.

Il débarque le jour où une grande manifestation organisée par les bolcheviks fait défiler sur le quai des Français des régiments entremêlés de mitrailleurs et d'autos blindées, suivis d'une masse désordonnée de soldats armés. «On en compta 20 000 qui allaient à la Douma réclamer du pain». On

²⁴ Note d'Albert Thomas sur l'organisation de la propagande à Petrograd, mai 1917, (Archives nationales) cité par Ioannis Sinanoglou. Op. cit. P. 279–280.

²⁵ *Noulens, Joseph*. Mon ambassade en Russie soviétique 1917–1919, Le Quai Michel de Maule, 2017. P. 51–55.

se bat dans les rues. Chevilly et Alain veulent se rendre à leur bureau et se trouvent à deux reprises face à des mitrailleurs en action. Ils se réfugient dans une église et s'échappent par une autre porte. Des accrochages ont lieu entre les cosaques et l'armée révolutionnaire. Noulens est sidéré par la situation insurrectionnelle et par l'inertie du Gouvernement provisoire. Ses compatriotes découvrent, comme lui, qu'à Paris il a été très mal informé.

L'offensive lancée par Kerenski, devenu chef du gouvernement a tourné au désastre. Riga tombe aux mains des Allemands. La Finlande s'est proclamée détachée de la Russie. L'Ukraine est en pleine incertitude entre l'occupation allemande, l'afflux des militaires blancs qui s'y réfugient et les autonomistes qui hésitent. A Petrograd, les émeutes obligent le gouvernement à se remanier à nouveau. Noulens ne supporte pas le marasme ambiant et l'irrésolution de Kerenski. Il pense qu'il suffirait d'un peu de poigne pour éliminer les meneurs, comme l'ont fait Pétain et Clemenceau en France²⁶. D'autres le pensent aussi. Tractations et discussions vont bon train pendant ce mois d'août 1917.

Madame Neslukowska décide d'émigrer en France. Les démarches pour obtenir un passeport et un visa prennent beaucoup de temps. Dans les bureaux la cohue et les longues files sont harassantes. Elle partira par Arkhangelsk où accostent les navires alliés. Chevilly n'est pas rentré pour l'accompagner au train. Odette et Inna s'alarment. Dans les premiers jours de septembre il était parti à Kiev. Il reviendra le lendemain en disant qu'il s'est trompé de date.

Des rumeurs de putsch circulent. Beaucoup de Russes pensent qu'il suffirait d'un bon coup de balai pour chasser le Soviet et mettre fin à l'anarchie. En premier Boris Savinkov, l'ancien terroriste SR devenu ardent patriote. Nommé ministre de la Guerre par Kerenski, il est soutenu par les militaires français sur place et à Paris. Des pourparlers sont entrepris par son intermédiaire avec le général très populaire, Lavr Kornilov, stationné à l'ouest de la capitale pour rétablir l'ordre. Kerenski lui a donné le feu vert et à la tête de sa Division sauvage il marche sur Petrograd où on se bat pendant plusieurs jours et voilà, note Odette, que «la marche de Kornilov fut interrompue, ses régiments ayant soudain passé du côté du gouvernement». En fait, Kerenski sans prévenir, le 14 septembre, accuse le général de putsch et l'arrête en s'appuyant sur le Soviet²⁷. «On ne pouvait plus rien y comprendre. La ville était en état de siège depuis deux jours et les arrestations pleuvaient. On apprend que Tchikatcheff était aussi à Kiev...»

La France aurait versé des fonds. Les journaux parlent d'ingérence impérialiste. Les ambassades affirment qu'elles sont restées dans une neutralité expectative tout en tentant une médiation. Les archives évoquent le voyage d'un

²⁶ *Noulens, Joseph*. Op. cit. P. 21.

²⁷ *Ibid.* P. 85.

proche de Kornilov, Zavoïco, directeur à la Russo-Asiatique, reçu à Paris et à Londres. Mais rien n'implique un ancien directeur de la Banque privée²⁸.

Kornilov s'enfuit en Russie méridionale où avec d'autres il reprendra la lutte, à la fois contre l'Allemagne et contre les Rouges. Odette constate: «Profondément dégoûtés de tout ce qui se passait» des amis russes s'engagent comme volontaires. D'autres quittent le pays. L'émigration commence en même temps que la guerre civile. Dans ces circonstances troubles, le 15 septembre Kerenski proclame enfin la République, mettant fin au provisoire. «C'est après cette dernière nouvelle que nous avons dit adieu à la Russie...»

La mise à l'abri

Les Chevilly partent le 18 septembre par Arkhangelsk en compagnie d'une division serbe avec son état-major qui après avoir combattu dans leur pays, ont traversé la Russie pour rejoindre le front de Salonique en passant par la France et Marseille. Durant les quinze jours de voyage, on ne se déshabille qu'à moitié pour être prêts en un instant. L'escadre formée de dix-sept bâtiments passe à cent milles au-dessus du Cap Nord. Pour éviter mines et torpilles elle marche en ordre irrégulier, zigzagant autour du navire principal qui, au centre, avance aussi en zigzags. Au lieu d'aller à Brest, le navire accoste au nord de l'Ecosse. Les Serbes ne veulent pas lâcher les Chevilly, traités avec eux en prioritaires jusqu'à Cherbourg. «C'était le moment de se séparer de l'armée serbe. On se fit de grands adieux avec promesse de se revoir et de s'écrire [...] Les Anglais, très bien d'ailleurs furent très aimables, leur première surprise passée et nous donnèrent cinq nègres superbes pour porter nos valises au train...» L'arrivée à la gare Saint-Lazare, siattendue, n'en reste pas moins abrupte, le passage d'un monde à un autre.

Un retour dans une ville dont on ne sait plus rien et la tête encore pleine de la Russie dont on a partagé la vie et le malheur. Des images qui déchirent le cœur et qui laissent indifférents ceux qui n'ont pas vécu cette tragédie. «C'était bien triste de voir partir en lambeaux la Russie d'autrefois et l'on sentait son avenir si sombre et incertain que cela serrait le cœur. Quand y reviendrions-nous?» Puis tout reprend, les embrassades, les courses. Les malles perdues en gare de Petrograd arrivent grâce au consul qui les fait transporter sur un petit cargo. Une propension naturelle leur fait retrouver à Lyon et à Paris leurs compagnons de voyage serbes. Des amis, autant russes que français réapparaissent. Madame Neslukowska, Ferrand, Landru, les Jouan, les Welter, Matveeff, Brianchaninoff...

Chevilly passe «trois ou quatre jours» au Grand quartier général (GQG) pour voir le général de Castelnau, puis, le 9 novembre il part avec Inna se

²⁸ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. P. 22–23.

reposer à Nice. Elle avait toujours rêvé de la Côte d'Azur. En se promenant à Beaulieu, il achète une villa «très bien», séparée de la mer par un sentier, avec des terrasses et un jardin plein de roses. La villa *Douchka* sera pour Inna un point de chute et une assurance contre les aléas de la politique. Alain s'engage dans l'armée. Odette séjourne encore chez Inna, mais elle vivra seule à Paris. Des amis arrivant de Russie retrouvent Inna dont la villa devient un point de chute. Redevenu libre, François refait ses valises sans s'attarder.

Entre temps, à Saint-Pétersbourg le petit parti bolchevik a chassé le gouvernement provisoire. Le coup d'Etat de Lénine se répercute à Moscou où la résistance est plus sérieuse. Dans les provinces la révolution progresse cahin-caha. En France le GQG s'appuie sur les obligations de l'alliance de revers et se prépare à intervenir en Russie contre l'Allemagne. Le Quai d'Orsay recense le 26 novembre les moyens sur place et dresse une image des missions militaires liées à la poursuite de la guerre, dont la mission du comte de Chevilly, qui doit, avec 17 personnes, créer et diriger la propagande française en Russie.

Réunie à Paris les 22 et 23 décembre la conférence interalliée avec les Anglais, décide d'intervenir. Les représentants à Petrograd devront s'abstenir de toute relation directe avec le gouvernement de Lénine, mais pourront laisser entendre qu'ils seront disposés à le reconnaître et discuter d'une paix juste et durable dès que la Russie aura un gouvernement régulier. On espère ainsi en détacher ceux qui veulent la paix²⁹. Dans la foulée, un accord confie aux deux puissances interventrices la responsabilité d'un secteur particulier. A la France revient la Russie méridionale, en fait l'Ukraine avec son blé et ses industries. A l'Angleterre, le sud-est, avec le Caucase et son pétrole³⁰.

L'intervention

Le 29 décembre 1917, Chevilly retourne en Russie «où à présent régnaient les bolcheviks qui rendaient tout encore plus difficile et dangereux». Il est accompagné de deux militaires. Laporte de la Banque de France voyage avec eux. Qui l'envoie? La Guerre dont il dépend, encore que l'ambassadeur, mal relié aux Affaires étrangères, dépende largement des militaires pour son information et son action. Il sera placé sous sa tutelle. Quelle est l'objet de sa mission? Odette n'en dit rien et les archives restent muettes sur ce point. L'ambassadeur Noulens le dit chargé de la propagande française en Russie. Mais entre-temps, dans son ancien poste, le remplace Robert de Flers, connu dans un genre plus léger.

²⁹ Robien qui commente la décision pense que c'est le désir de paix qui domine et il ne comprend pas les militaires qui pensent possible une reprise de la guerre. Cf. Louis de Robien. Op. cit. P. 197–198.

³⁰ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. P. 42–45.

Des contacts que Chevilly prend à Petrograd nous savons seulement que le 22 février il est allé avec Robien à Tsarskoe Selo où le grand-duc Paul vit en résidence surveillée dans un cottage modeste. Ce francophile de toujours leur reproche d'avoir fait le jeu des bolcheviks en menant campagne pour une reprise de la guerre contre l'Allemagne que les soldats refusent³¹. Chevilly partage ce pessimisme et la suite de ses contacts en témoigne. Il est de tout cœur aux côtés de ceux qui combattent Moscou, mais sans abandonner l'idée d'une reprise des opérations contre l'Allemagne.

La situation évolue de jour en jour. Rapidement les négociations de paix ouvertes à Brest-Litovsk soulignent la position de faiblesse des bolcheviks. Ils sont englués dans une situation très difficile. Dans les pays baltes, l'abandon du front ouvre la porte vers Petrograd dont les Allemands se rapprochent. Ils avancent aussi en Ukraine, le grenier à pain, qui ne reconnaît aucun pouvoir aux bolcheviks. Les Ukrainiens envoient leurs propres négociateurs à Brest-Litovsk, ils préfèrent l'occupation allemande aux bolcheviks. La France continue à agir. A la fin de l'année le général Tabouis, sur place a reconnu l'Ukraine indépendante. Il est rappelé sans délai. Mais la Rada a demandé du secours contre l'Allemagne et a reçu 100 millions de roubles pour sa propagande³². On ne sait par quel moyen.

Le brouillard est total. Le gouvernement de Lénine a déménagé à Moscou. Les membres des missions militaires restées sur place entament des conversations officieuses avec le gouvernement de Lénine qui n'empêchent pas la paix «honteuse» d'être signée le 3 mars à Brest-Litovsk. Les ambassadeurs alliés quittent Petrograd et se retrouvent à Vologda, à mi-chemin entre Moscou et Mourmansk et à des années-lumière de l'actualité. Installés dans un train, ils gèrent sans grands moyens leurs relations avec les bolcheviks et se préparent pour le débarquement allié à Arkhangelsk et Mourmansk, approuvé par le CSG.

Chevilly apparaît à Vologda. Il a pris des contacts sérieux à Moscou³³. Il en rend compte aux diplomates. Le 22 avril il rencontre Robien dans son wagon, qui regrette qu'on n'emploie pas la méthode forte et rapide pour restaurer l'ordre. Tous deux pensent que «les bolcheviks n'en ont plus pour très longtemps. D'ailleurs, pense le diplomate, il n'est pas de folie qu'ils ne fassent et ils semblent prendre à tâche de faire sombrer leur règne dans l'absurdité»³⁴.

Chevilly est encore à Vologda le 14 mai. Il partage l'attente de l'intervention alliée. «L'ambassadeur la réclame tous les jours, tout en se berçant de l'illusion de former un nouveau front contre l'Allemagne. Les Russes d'ordre en ont compris la nécessité: ils acceptent et désirent notre intervention. Tous ceux que Chevilly a rencontrés à Moscou, depuis Krivochéine, son ancien voisin,

³¹ *Robien, Louis de*. Op. cit. P. 272.

³² Archives MAE Russie, vol 165, note du 22/12/17). Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Op. cit. P. 39 et suiv. La reconnaissance bâclée sera démentie et Tabouis rappelé.

³³ *Noulens, Joseph*. Op. cit. P. 249–260.

³⁴ *Robien, Louis de*. Op. cit. P. 290–291.

jusqu'au patriarche Tikhon, sont d'accord sur l'urgence de la réaliser. L'ancien ministre Krivochéïne lui a dit très nettement que si les Alliés ne se décidaient pas, la Russie serait obligée de se tourner vers les Allemands, auxquels la remise en ordre en Finlande et en Ukraine a donné un grand prestige»³⁵.

Le plan allié repose sur un débarquement de troupes britanniques à Mourmansk, qui devraient marcher sur Petrograd. Le 10 juin Noulens part à Moscou, annoncer l'intervention alliée. Chevilly commente: «En mars Noulens avait tout le monde contre lui, y compris la colonie française mais grâce au service de propagande, un retournement s'est produit en avril-mai, regroupant la majorité des forces russes et laissant les Allemands accolés au cadavre bolchevik»³⁶.

A Moscou, Noulens et Grenard ont pris contact avec l'organisation des SR qui prépare un soulèvement le 7 juillet, au nord de Moscou à Yaroslav, Mourom, Rybinsk, soutenus par des troupes britanniques. L'organisation de Savinkov leur paraît la meilleure pour continuer la guerre contre l'Allemagne et faire front aux bolcheviks. D'autres aventuriers de haut vol entrent en action. On trouve Bruce Lockhart, le consul britannique incontrôlé qui inquiète Noulens ou Sidney Reilly, l'espion mythique qui coopère avec eux³⁷. Mais les troupes britanniques ne débarquent que le 2 août et ne manifestent aucune envie de se battre. Quinze jours plus tard les soulèvements sont réprimés dans un massacre horrible.

Les bolcheviks accusent la France d'avoir monté et monnayé l'action. Le lieutenant de Savinkov à Moscou évoque des subsides qui lui ont permis de prendre pied, transmis par un agent secret anglais³⁸. Noulens se défendra dans ses mémoires d'avoir encouragé Savinkov, qui lui fait tout de même bonne impression... Il concède tout au plus d'avoir suivi les phases successives du complot pour en informer Paris. Grenard admettra bien plus tard, qu'il a sur ordre de l'ambassadeur transmis 150 mille roubles aux insurgés, succédant au versement d'une somme plus modique. Pour transférer les sommes, destinées à redresser le lien franco-russe, si on a eu besoin d'un intermédiaire, rien n'indique son nom. Noulens, pour gérer les problèmes bancaires, obtient un attaché financier Clément-Simon, collègue de Chevilly à la Banque privée, qui l'aidera à former sur place un consortium d'entreprises françaises³⁹. Car Chevilly a quitté Vologda au plus vite, après avoir rempli sa mission⁴⁰.

³⁵ *Robien, Louis de*. Op. cit. P. 307–309.

³⁶ Dépêche du 23/8/1918. Cf Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Op. cit. P. 64.

³⁷ *Lockhardt, Robin Bruce*. *Ace of Spies*, New York 1968. *Milton, Gilles*. *Roulette russe*, Noir sur blanc, 2015.

³⁸ *Klement'ev V.F.* *V bolchevitskoy Moskve (1918–1920)*, Moskva, Russkij Put', 1998, P. 120–123 et passim.

³⁹ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. *Les relations franco-soviétiques*. P. 100.

⁴⁰ Noulens et son équipe quitteront Vologda pour Arkhangelsk en septembre. Entre temps il organise un commerce d'export import avec la France, graines de betterave ou lin contre parfums et liqueurs.

Un bilan

Il a aussi visité les Français à Petrograd, en grande détresse. «Ce qu'il trouvait comme ravitaillement, il le repassait les trois quarts du temps aux Français restés sur place, mais sans pouvoir faire plus. Très éprouvé par les privations, à son retour il a maigri de dix-sept kilos. Très fatigué aussi par la tension nerveuse. [...] Constamment il se sentait suivi, épié et on venait pour un oui ou un non le réveiller au milieu de la nuit pour perquisitionner dans sa chambre. Ne sachant jamais s'il prendrait la fantaisie aux gens de l'emmener. A Moscou, tout ce qu'il avait vu ou entendu ne rapportait pas de nouvelles encourageantes. Dieu merci, il est revenu à temps pour lui éviter d'être arrêté comme le fut à ce moment son cher ami Darcy qui mourut d'épuisement six mois plus tard en prison».

A Moscou, Darcy, proche du Comité des Forges, entreprenant et astucieux avait regroupé les petits propriétaires de la colonie et à l'occasion s'était chargé de missions officielles. Avec Saint-Sauveur, Verstraete et Chevilly, ils ont dîné chez Donon, soudés par le danger et par l'espoir de sortir de la tourmente. L'hiver suivant les Chevilly iront au service solennel dit à Saint-Philippe du Roule, dans une église pleine de monde: «C'était un homme exceptionnel et aimé de tous».

Moscou est perdu pour la France. Restent sur place pour jouer les intermédiaires quelques agents, dont Georges Sadoul ou Pierre Pascal qui partagent la foi bolchevique et ont jugé que Darcy méritait son sort⁴¹.

De retour à Paris, Chevilly dresse le bilan de l'été, peu satisfaisant. Il a retrouvé un poste à la Banque privée parisienne, celle de Saint-Pétersbourg n'existe plus et les investissements en Russie figurent au passif. Il a perdu les sommes laissées en 1914 sur son compte russe. Restent des titres et des actions. Ses affaires, pour la plupart, se situent entre l'Oural et l'Ukraine. Avec son optimisme et son savoir-faire il espère encore les récupérer.

Les succès des Blancs sont rassurants et on attend la convergence des armées qui, de Sibérie, d'Estonie et de Russie méridionale, marchent sur Moscou. Tout irait donc pour le mieux si ce n'était le contrecoup en France et en Angleterre de la victoire sur l'Allemagne. Néanmoins, Chevilly reste engagé dans l'action entreprise auprès de l'armée des Volontaires en Russie méridionale. La propagande a encore un rôle à jouer, mais on s'oriente de plus en plus vers des considérations économiques. Un rôle destiné au banquier qui n'hésitera pas à boucler ses valises s'il obtenait le feu vert pour reprendre le chemin de la Russie, du côté de l'Ukraine. En témoignent les instructions qu'il se rédige lui-même, comme c'est l'usage agréé au Quai d'Orsay. Quel

⁴¹ *Coeuré, Sophie, Pascal, Pierre*. La Russie entre christianisme et communisme. Les Editions Noir sur blanc, 2014.

qu'ait été son interlocuteur, la note qu'il lui laisse le 19 novembre suscite assez d'intérêt pour figurer dans deux dossiers différents.

«Si nous voulons nous réserver quelques avantages sur le terrain politique et surtout sur le terrain économique, nous devons être sur place et y travailler activement. Avant tout, il faudrait être fixé sur la situation exacte des pays où nous pouvons agir: Ukraine, Crimée, Donetz, Caucase. Il me semblerait donc utile de se rendre compte de ce qui existe réellement, de prendre un premier contact avec ces pays et de ne décider des modalités de notre action qu'en toute connaissance de cause. C'est peut-être dans ce rôle d'avant-garde que je pourrais être utilisé.

Suivant les circonstances, je serai en mission officielle ou en voyageur privé, chargé d'étudier l'état des affaires françaises dont nous sommes sans nouvelle. Pour faciliter mon enquête, je pourrais emmener trois ou quatre Russes ayant chacun une situation et des intérêts dans les régions à visiter. Je pourrais aussi emmener quelques Français choisis si possible parmi mes anciens collaborateurs que j'installerais dans les principales villes où nous devons reprendre notre œuvre de propagande, c'est-à-dire Odessa, Kief, Kharkov et Tiflis. Ces agents de propagande seraient en même temps mes correspondants pour les renseignements nécessaires. Aussitôt que les consuls seraient réinstallés dans ces villes, mes agents seraient reliés et feraient partie officiellement ou non de leur personnel. Je pourrais, il me semble terminer assez vite cette première et nécessaire enquête et donner au gouvernement des éléments sérieux d'appréciation sur les mesures qu'il aurait à prendre»⁴². Le projet circulera entre les instances hiérarchiques et aboutira à la fin de l'hiver. En attendant, Chevilly n'a qu'une envie, repartir...»

Odessa

Au printemps 1919 Chevilly repart en Russie, cette fois-ci vers Odessa. Dès la réouverture des Dardanelles à la suite de l'armistice, l'armée française d'Orient qui avait combattu dans les Balkans a débarqué à Odessa, apportant son soutien aux Volontaires. En échange d'armes et d'avions, l'armée des Volontaires a passé un contrat promettant des exportations de blé. Paris réclame avec impatience leur livraison : les récoltes portent encore les stigmates de la guerre alors que le retour à la paix oblige le gouvernement à améliorer la situation alimentaire.

D'Odessa au début de l'été Chevilly prend contact avec le représentant militaire chargé des achats de blé. La guerre civile perturbe les récoltes ainsi que le transport et lorsque les Volontaires reculent, les exportations de blé se réduisent encore plus. Chevilly n'a aucune autorité pour se faire entendre

⁴² Archives MAE Russie, vol 379 et 467, 19 novembre 1918.

auprès des Blancs d'autant moins qu'ils ont d'autres problèmes plus urgents que les récoltes, mais il intervient auprès du commandant Villaine, qui n'a rien pu faire malgré toute sa bonne volonté, observe Chevilly. La commission interalliée du ravitaillement lui a imposé un programme sans grand souci de s'assurer s'il était réalisable. Ceci d'autant moins que le Anglais et même les Italiens semblent en bien meilleure position auprès des Volontaires. Il note le fossé entre les promesses de jadis et «notre abandon actuel»⁴³. Une opinion qu'il a pour mission de désamorcer. Car la situation se détériore à vue d'œil.

L'armistice du 11 novembre signé, les troupes françaises de l'armée d'Orient ne veulent plus s'engager et la Marine entend ne pas s'opposer aux sommations des Rouges. Ainsi sont évacués les ports de Kherson et Nikolaev en mars 19 tandis que la chute d'Odessa est prévisible. L'occupation française n'a abouti à aucun résultat, pour les mêmes raisons qui ont entraîné l'évacuation du contingent intervenu en Russie du Nord⁴⁴. Odessa est évacuée le 4 avril. Une tragédie dans l'improvisation.

Chevilly insiste sur les responsabilités du commandement militaire français à Odessa, la non-exécution des engagements pris, l'absence d'approvisionnement et la surprise de voir les vainqueurs des Allemands battus par les bolcheviks. «L'évacuation n'est pas due à la faiblesse des Volontaires... les seuls succès sur les bolcheviks sont à leur actif, pas au notre»⁴⁵. Les rescapés remercient Chevilly qui par «son sang-froid» a pu éviter les scènes de paniques. Débarqués à Constantinople, ils font l'éloge de leur sauveur auprès du commissaire de la République en Orient, Jules Defrance. Leur lettre collective de remerciements les plus élogieux et sincères est transmise au Quai d'Orsay. Ils ont été sensible au caractère très humain de l'envoyé qui partage la douleur des malheureux alors que les structures étatiques n'en sont pas capables.

A Constantinople, Chevilly continue sa mission auprès de Defrance. Les Turcs ne peuvent s'occuper de ces réfugiés sans ressources et le haut-commissaire français souhaite avoir auprès de lui «un fonctionnaire talentueux» pour résoudre les problèmes créés par leur afflux. Chevilly transmet au ministre des Affaires étrangères, Stephen Pichon le certificat d'excellents services que lui ont délivré les Russes. Il ajoute à la main: «J'ai fait de mon mieux pour servir les intérêts de la France bien que rentré dans la vie civile et je reste toujours à la disposition de mon pays et serai toujours heureux s'il m'était donné de me rendre utile et s'il vous paraissait convenable de me confier une mission ou de me demander des renseignements...» Le poste ne sera pas créé. On n'a que faire des réfugiés, même s'ils se prévalent encore de leur fidélité à l'alliance⁴⁶.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ *Noulens, Joseph*. Op. cit. P. 417.

⁴⁵ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 115. Notes du 22/3 et du 6/5 1919.

⁴⁶ Archives MAE, Notes et rapports du Service russe, Z619 11 E, Action en Russie méridionale, documents du 28 mai, 1er juin et 18 juillet 1919. Ainsi que du 30 mai, 13 juin.

Chevilly aide encore ces réfugiés en revenant quelques mois plus tard sur l'île de Halki, aux portes de Constantinople, vérifier si se sont améliorées les conditions de vie spartiates offertes par la Marine. Il demande que soit créée une petite école pour les enfants, qu'on leur distribue du lait ainsi qu'aux vieillards et aux malades, puis du linge et des chaussures pour les plus indigents. Dans ces Russes il reconnaît des semblables... Les réfugiés ne reculent devant aucune hyperbole pour exprimer leur reconnaissance: «Grâce à cet homme remarquable, sa présence d'esprit, son abnégation et son dévouement absolu, des centaines et des milliers de Russes ont pu être évacués et sauvés. M. de Chevilly a agi noblement, dignement, correctement. Grâce à son amitié sincère et bien comprise envers les Russes et la connaissance profonde de notre pays, et des événements qu'y s'y déroulent, il a contribué à préserver l'idée de l'alliance franco-russe bien comprise sous l'assaut de la propagande allemande et bolcheviste. A ces moments pénible, M. de Chevilly représentait pour nous la France, comme pouvait le faire un de ses meilleurs fils...» Hélas, il a dû repartir... Il a aimé la société russe. Il a aidé ses semblables, encore qu'on ne puisse oublier que la propagande a été au cœur de ses missions».

Dans son rapport du 28 mai 1919 aux Affaires étrangères, il fustige l'attitude du général Franchet d'Esperey qui exprime «son opinion sur les Russes avec une franchise brutale et quelques fois mal renseignée» et nomme des incapables à des postes de responsabilité où personne n'en veut. En retour, le Quai d'Orsay apprécie l'action du bureau de propagande «qui a eu le mérite d'agir avec adresse et de ne pas obtenir des résultats opposés à ceux qu'on espérait». Chevilly a pu désamorcer quelques conflits, mais il reste que l'opinion russe en veut à la France.

De Constantinople, il tente de ressusciter le commerce par l'intermédiaire des coopératives russes qui ont fleuri dans l'anarchie ambiante. Au départ Darcy avait imaginé un système pour acheter des matières premières au nez des Allemands sans se compromettre avec les soviets. Il a créé une société de troc, *Tovarobmen*, dont le commerce passe par Constantinople. Pour le faciliter, avec un groupe de propriétaires financiers et d'industriels russes, Chevilly crée la Banque commerciale pour la Russie et le Levant⁴⁷. Il agit en personne privée. Il est l'homme de la situation, en liaison avec les trois mondes auxquels il appartient, ceux des banquiers, des diplomates et des militaires. Le rôle de ces derniers s'efface avec la fin de la guerre civile russe⁴⁸.

Jusqu'en novembre 1920 le gouvernement du général Wrangel résiste encore dans le réduit de la Crimée. L'ancienne armée finit évacuée dans les îles grecques, le Balkans ou la Tunisie et se retrouvera en France, mais Chevilly n'est plus dans l'aventure héroïque. Il est au côté de Noulens, immergé dans le chaos des relations avec la Russie soviétique.

⁴⁷ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 171.

⁴⁸ *Ibid.* P. 155.

Entre deux mondes

Bien que Paris n'ait pas subi de révolution politique, la société vit une profonde transformation. Ses compagnons de jeunesse, Saint-Cyriens ou membres du Jockey Club, ont disparu, tués, gazés, terrés dans leurs provinces. Les caisses de l'Etat sont vides. Chevilly garde pour soi son sens d'une défaite.

Les Russes blancs se réclament encore du titre d'anciens alliés, mais ne rencontrent d'écho qu'au ministère de la Guerre⁴⁹. La France a gagné la guerre et il n'est plus question d'aider ceux qu'on avait poussés à la continuer. Chevilly garde un sens aigu de la faillite humaine dans la tragédie dont il a été un acteur.

Avec l'ancien ambassadeur Noulens il participe en 1921 à la campagne de secours contre la famine en Russie. Le Suédois d'origine russe, Nobel a créé un comité d'aide. Les Américains procèdent par l'ARA. Noulens, en marge, propose une aide au président du Comité russe, Skobelev, mais dans les pourparlers qui s'engagent, il demande que Moscou revienne sur les nationalisations. Dans le contexte tragique du moment, il n'a pas la moindre chance d'aboutir et fait figure d'affameur. L'entrée en Russie est refusée à son délégué. Un échec personnel pour lui et son équipe⁵⁰. Il faut s'adapter, dirait Chevilly, et prendre les soviétiques comme ils sont. Les ignorer ou, avec un peu d'adresse les amadouer. Peu après, à Berlin à Berlin le 5 janvier Chevilly rencontre Skobelev et discute avec lui des dettes en homme d'affaires réaliste.⁵¹

En France, la défense des intérêts en souffrance s'organise. Les porteurs de titres se regroupent dans la Commission pour la défense des intérêts français, présidée par Noulens, tandis que les propriétaires s'organisent en une Ligue nationale. Ils ne croient pas vraiment à une restitution de leur bien et se contenteraient de le recevoir en concession pour le remettre en état de produire. Chevilly travaille en liaison étroite avec Noulens pour éviter que des propriétés françaises ne soient offertes à des concurrents américains, anglais ou allemands. Dans ces négociations il joue un rôle actif qu'il doit à son expérience, à ses connections et à l'argent qu'il a perdu.

Depuis la guerre l'économie est devenue un instrument de politique étrangère. Tel est l'esprit de la réforme au Commerce introduite le 25 août 1919 par Alexis Charmeil, conseiller d'Etat, en charge de la direction de l'Expansion économique qu'il a lui-même créée⁵². Il veut centraliser l'information

⁴⁹ *Hogehuis, Anne, Hippus, Zinaïda, Savinkov, Boris.* Alexandre Kerenski face à la guerre, in *Revue Russe*, n° 47 2016. P. 105–116.

⁵⁰ DDF 1922 I, document 5 du 2/1/ 1922.

⁵¹ DDF 1922 I, document 119 ; Anne Hogehuis-Seliverstoff. Op. cit. P. 208.

⁵² *Badel, Laurence.* Le grand commerce français, 1925–1948. In *Un milieu libéral européen*, Chap. III, Vincennes, Institut de la gestion publique et du développement économique 1999, disponible sur Internet.

et l'action, en particulier pour les pays où il n'y a pas d'ambassade. Ce qui est le cas de la Russie. Sous sa tutelle Chevilly obtient la création de l'Office commercial pour la Russie et les pays limitrophes, ce dernier rajout destiné à rassurer les parties de l'empire devenues indépendantes par où transitent beaucoup d'échanges en rupture des règles officielles. Le commerce est un lien naturel entre la Russie soviétique, qui a besoin d'importer du matériel, et la France, qui veut en exporter et acheter du blé ou du pétrole. L'Office centralise les offres et les demandes, encore qu'une grande partie des opérations échappe à l'administration. Il suit aussi les négociations en cours pour des concessions d'entreprises. On ne reconnaît certes pas le gouvernement soviétique, mais il y a toujours moyen de contourner la règle. En ce sens, le poste d'attaché commercial permet de procéder à des échanges discrets. Il sera l'antichambre officieuse où s'enclenchent des contacts facilités par la NEP⁵³.

A la Chambre, des députés demandent à la fin de mars 1921 la reprise des relations commerciales avec la Russie. Sans tarder les «hirondelles qui annoncent le printemps» affluent vers la Russie soviétique, à leurs propres risques et périls, leur dit-on. Chevilly organise des réunions à l'Office commercial où les voyageurs présentent les résultats de leurs incursions, même s'il doute que leur enthousiasme soit spontané... Le mouvement est donné.

Le pétrole volé

Cette vision correspond au dessein d'Aristide Briand, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères. Au début 1922, il a convoqué une grande conférence européenne pour reconstruire l'Europe en recréant les échanges d'avant-guerre. Celle-ci se réunira sous la présidence de Raymond Poincaré, dont l'opposition au projet augure mal de la suite. Elle se réunit en avril à Gênes pour subir un échec retentissant lorsque Rathenau et Tchitcherine signent à Rapallo un accord où ils renoncent aux dettes et prétentions respectives.

Pendant les mois précédents, de multiples rumeurs ont circulé sur les activités de Chevilly. Il a tenté un rapprochement avec les Hollandais qui ont beaucoup investi dans les titres de chemins de fer russes, mais qui redoutent d'être noyés dans les revendications françaises. Il s'est rendu à Berlin, qui grouille de soviétiques. Il négocie avec les coopératives soi-disant indépendantes qui sont passées sous le contrôle de Skobelev. Par l'intermédiaire de la firme commerciale *Arcos*, dont il est le président, il les représente à Londres et par extension à Paris. Skobelev demande au Commerce des vi-

⁵³ *Hogenhuis, Anne*. French Plans for the Reconstruction of Russia : A History and Evaluation, in Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922, Carol Fink et alli. Cambridge University Press, 1991.

sas et des entrepôts pour stoker ses produits : œufs, fourrures, soies, charbon, laine à carder, lin, tout ce qu'il peut vendre. Et surtout, le pétrole qui donne l'impulsion à la reprise de conversations avec l'URSS.

On se retrouve en août, pour en discuter à La Haye, capitale de l'or noir. Chevilly n'y participe pas comme délégué, mais il suit de près les négociations. Car à Paris, si on affirme qu'on respecte le droit des propriétaires anciens, on adopte une attitude plus souple sur les achats. En effet, la Marine se ravitaille en pétrole caucasien. Consulté, Chevilly admet que les commerçants français doivent être libres de s'approvisionner à leurs risques et périls. Il le souligne quelques jours plus tard en démissionnant de la Ligue des intérêts français en Russie qui proteste contre l'achat de « pétrole volé ». Il suggère, d'accord avec le directeur des Pétroles, de créer une commission qui formulerait la politique française en matière de pétrole afin d'échapper aux grands trusts anglo-saxons, d'autant plus qu'il est très difficile de prouver la provenance d'une cargaison de pétrole⁵⁴.

Chevilly a posé des jalons. Le principe d'une reprise économique avec l'URSS est admis au Quai d'Orsay avec l'accord du Commerce, des associations de propriétaires et de porteurs de titres. On y étudie l'expérience des divers pays qui ont envoyé des représentants à Moscou⁵⁵. Des contacts sont pris de toute part. On s'interroge sur le voyage à Moscou d'Edouard Herriot, avec lequel Chevilly avait eu de bonnes relations en 1914. En vue des élections qui se préparent pour le printemps 1924, le maire de Lyon promet dans son programme la reconnaissance du régime soviétique.

La négociation

Toutefois, Poincaré, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères, pris dans le contexte difficile de l'occupation de la Ruhr temporise. Il ne veut pas que le Commerce prenne l'idée en main, la prérogative lui appartient. Ce sont les banques qui prennent l'initiative. Pour s'engager dans des affaires russes elles ont demandé des garanties du gouvernement français contre le risque de saisies, un engagement auquel Poincaré ne peut souscrire tant qu'un règlement définitif n'est pas en vue. C'est alors que le 16 octobre 1923, François-Marsal, ministre des Finances, ex-administrateur de la BUP et de la Banque Privée, fait obtenir des visas d'entrée au directeur de la Gosbank, Aron Scheinemann qui vient régler le problème des transferts de fonds, accompagné par Matvei Skobelev et Alexandre Lekitch⁵⁶.

⁵⁴ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 243–244. Documents diplomatiques français (DDF) 1922 II, document 234 du 20/10/1923.

⁵⁵ DDF 1922 II, document du 2/10/1922.

⁵⁶ *Sur Lekitch, voir V.A. Chichkine, Sovetskoe gosudarstvo i strany zapada, 1917–1923*. Leningrad, 1983.

L'accélération est soudaine. Le 26 octobre Skobelev tente d'être reçu aux Affaires étrangères par Grenard du Bureau russe, qui se dérobe, car on ne lui reconnaît aucune légitimité. Le 15 novembre, un intermédiaire, Jules de Cuverville, qui négocie pour introduire en Russie le système métrique, relate que Lekitch, arrivé en France pour y commander des poids et mesures, attend pour conclure que les questions pendantes entre les deux pays soient résolues. Il serait muni de pleins pouvoirs et s'apprêterait à proposer la réunion d'une conférence pour régler les problèmes et échanger des représentants entre les deux capitales.

Le lendemain, Chevilly vient demander au directeur des Affaires politiques, Emmanuel de Peretti, s'il peut rencontrer Lekitch qui souhaite que se développent les relations commerciales avec la Russie et affirme que la France pourrait y prendre une place importante. «Mais oui, répond Peretti, on voudrait bien des relations économiques, même politiques avec le peuple russe», mais comment faire tant qu'il y a des Soviets qui ne reconnaissent ni le droit de propriété ni la dette envers la France?⁵⁷

Ce sont là les principes affirmés par Poincaré. Fait-il confiance à Chevilly? Le sous-directeur des Affaires commerciales du Quai d'Orsay, Jacques Seydoux, lui rédige la note de renseignements suivante: «M. de Chevilly, attaché commercial pour la Russie. Ses fonctions devraient être renouvelées prochainement (mai 1924). Elles le seront. Il est parent de M. Charmeil au Commerce et le Commerce a l'air satisfait de lui. Les Affaires étrangères n'ont pas d'objection à faire». Mais quelques lignes de commentaire suivent, barrées par le destinataire: «Seydoux a dit qu'il s'occupait d'affaires et entre autres d'affaires de pétrole et Seydoux n'a pas confiance». Averti, Poincaré, accorde néanmoins sa confiance à Chevilly⁵⁸.

Lekitch n'a qu'un visa de 15 jours. Chevilly obtient qu'il soit prolongé et lui-même se démet de sa fonction d'attaché commercial pour dialoguer sans qualité officielle. Un pari risqué, il opérera sans filet. Espère-t-il en retour un poste? Certainement. Néanmoins, le service de son pays passe sans aucun doute en premier. Il s'engage dans une négociation suivie au plus haut niveau. Il y aura quatre entretiens dont à chaque fois il rendra compte et prendra ses instructions chez Peretti⁵⁹. Les rencontres auront lieu dans un appartement privé, surveillé par la police qui s'inquiète.

Le 2 décembre Lekitch entame la discussion sur le statut de la représentation commerciale en France. Le 5, il entre dans le vif du sujet. Il a un mandat pour négocier au niveau gouvernemental. Le moment est favorable pour la France, dit-il, car d'ici quelques semaines interviendra un traité avec un autre pays. Il pense possible de s'entendre sur tous les points sans excep-

⁵⁷ DDF 1923 II, document 338 du 16/11.

⁵⁸ DDF 1923 II, document 361 du 26/11/23.

⁵⁹ Ibid. Document 385 du 2/12, 399 du 5/12, 409 du 10/12, 425 du 13/12, 429 du 16/12, 446 du 20/12 et 466 du 27/12.

tion en dressant deux tableaux parallèles des propositions. Du côté soviétique, il envisage une déclaration de non-agression envers les voisins polonais et roumains, alliés à la France, et envers la France, un engagement de non propagande. Une extinction des dettes de guerre par les dommages consécutifs à l'intervention militaire. Pour les biens nationalisés, des compensations ou des remises en possession ainsi qu'une indemnisation par Moscou pour les porteurs de fonds. Suivraient un accord commercial et un échange de missions restreintes en attendant la reconnaissance officielle. Une personnalité ayant la confiance de son gouvernement s'installera à Moscou pour régler les problèmes pendants... Ceci réglé, il ira Londres prendre des instructions.

Poincaré donne l'instruction de poursuivre, tout en marquant des limites de principe. Il « ignore » le gouvernement soviétique qui veut être reconnu. « Nous ne demandons rien: il faut que le gouvernement soviétique fasse des offres ». « La reconnaissance ne peut faire l'objet d'une négociation. C'est un acte spontané, suivant une offre spontanée, du gouvernement soviétique, de conditions qui sembleraient suffisantes au gouvernement français. Il n'y a lieu d'envisager ni négociateurs officieux ni officiels ni mission ». Chevilly expose à Peretti les inconvénients de cette méthode: « Vous souhaitez qu'ils fassent une proposition unilatérale qui ait l'apparence d'une reculade ou d'un abandon de principe, sans compensation, ce qui est toujours gênant pour des gens à l'amour propre sensible... Une conversation préalable qui flattait leur amour-propre nous permettait plus facilement d'heureuses compensations. Je comprends parfaitement que c'est cette compensation d'amour-propre que vous tenez à ne pas leur donner... » Il reprend néanmoins les sessions, même si Lekitch lui déclare qu'il est entré en contact avec des sénateurs et des députés et que ces conversations parallèles sont tout aussi importantes que les leurs.

Poincaré semble satisfait, trouvant suffisantes les ouvertures faites. Il suggère que Lekitch prenne contact avec Moscou et transmette les propositions qu'il sait pouvoir être agréées à Paris. Le seul risque qu'il court est qu'on ne lui répondra pas si à Moscou on ne s'en tient pas aux idées qu'il a exprimées au premier contact. Lekitch part donc consulter ses supérieurs. Noulens soutient l'ouverture en transmettant à Poincaré une résolution de la Commission générale pour l'envoi d'une mission commerciale à Moscou.

Soudain, c'est la consternation. Le 26 décembre, le substitut du tribunal de la Seine a ordonné la saisie d'un lot de ballots de soie importés que son propriétaire spolié déclare volés par les Soviets. Poincaré avait pourtant au début de décembre écrit au ministre du Commerce qu'en se fondant sur le précédent dit du pétrole volé, il était difficile de fournir une preuve incontestable de propriété, ce qui donnait une sérieuse garantie aux acheteurs. De son côté le Quai d'Orsay avait averti le Garde des Sceaux des conséquences du réquisitoire du procureur de la République. En vain. Les Affaires

étrangères essaient de rattraper l'affaire. Benes intervient. *Le Temps*, journal officieux, reproduit les propositions soviétiques, mais Lekitch a été rappelé. Il ne veut plus rien transmettre à Moscou étant donnée l'humeur qui y règne et les mauvais procédés du gouvernement français!⁶⁰

Chevilly a-t-il joué le rôle d'appât pour permettre à Poincaré de se déjuger après avoir pratiqué une ouverture apparente? Poincaré avait misé sur la pression et il a échoué. Aux élections du 11 mai 1924 il est battu. C'est à Herriot devenu président du Conseil que revient le soin de négocier une reprise des relations qui aboutira à la reconnaissance par les télégrammes du 28 et 29 octobre 1924.

La fin de son rôle diplomatique pour Chevilly. Ses fonctions ne sont pas renouvelées. Dans la compétition pour les nouveaux postes créés à Moscou, les politiques seront privilégiés. Le bureau russe où officiait Grenard est supprimé. Aucun des collègues et amis de Chevilly ne figure dans les nouvelles nominations. L'esprit des temps nouveaux ne veut plus des anciens. Les problèmes litigieux sont renvoyés à des commissions. Chevilly y siège avec Noulens et les propriétaires spoliés, sombrant dans d'interminables évaluations qui n'aboutiront pas de son vivant⁶¹.

Epilogue

La vie s'est passée, avec des hauts et des bas, trop portée par ses coups de cœur pour que Chevilly ait envie de s'appesantir sur ce qui fut bon ou ne le fut pas. On le verra encore siéger dans les commissions, à Paris ou Genève. En mai 1935, il a 65 ans. Sa santé «si longtemps superbe» décline. Il décède le 11 mai. A ses obsèques, l'église de la Trinité déborde de monde. Il est inhumé à Humilly et quelques jours plus tard, selon son désir, un dernier office est célébré à la cathédrale russe de Paris, rue Daru. S'y retrouvent les rescapés de l'épopée russe. «Un service magnifique et la cathédrale pleine de monde».

Le portrait de son père tracé par Odette se terminait par un hommage posthume: «Il eut à la fin de sa vie la satisfaction de voir sa persévérance couronnée de succès, mais les revers et les difficultés qu'il eût au début et à la fin de son existence ne l'abattaient pas. Il tenait bon avec un cran formidable. Il avait toujours eu une santé magnifique, et même lorsqu'elle

⁶⁰ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 253–254.

⁶¹ *Bonin, Hubert*. L'épargne française exposée au risque russe dans les années 1900–1920, Cahiers du GREThA n°2010-05. P. 9–12. Une école d'historiens a discrédité les investissements et les emprunts russes, accusant les promoteurs d'avoir réalisé d'énormes profits aux dépens des épargnants. Pourtant, d'après les chiffres sur l'ensemble de la période, les retombées pour les rentiers furent réelles. Banquiers et experts ont joint leurs compétences pour des projets dont les Français ont bien profité.

s'altéra il ne s'abandonna jamais. Il était d'un naturel conciliant, cherchant par-dessus tout la paix et la tranquillité, ne s'emballant jamais, sachant discuter calmement avec ses interlocuteurs si leurs vues ne correspondaient pas aux siennes. Il était croyant et pratiquant sans exagération, plein d'indulgence envers tous. Enfin il aimait son pays et le prouva en reprenant du service dans l'armée puis en accomplissant avec succès les diverses missions qui lui furent confiées car il avait aussi les qualités d'un diplomate».

Il emporte avec lui les secrets de ses vies successives, aventurier à la découverte du monde, banquier doublé d'un entrepreneur hardi et agent officiel ou officieux au service de son pays. Il est resté fidèle aux trois pôles qui ont orienté sa vie: Humilly, Paris et la Russie.

РУССКИЕ СОЛДАТЫ В АЛЖИРЕ (1918–1920). ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

М.К. Чиняков

Во время Первой мировой войны в связи с тяжелым положением на западноевропейском театре военных действий (ТВД) в конце 1915 г. Франция обратилась с просьбой к Российской империи выделить войска для оказания помощи в борьбе против общего врага — держав Центрального союза. В силу специальных соглашений и договоренностей, заключенных между французским и императорским правительствами, в феврале 1916 г. — октябре 1917 г. Россия направила во Францию (и на Балканы) пять бригад (1-я, 2-я, 3-я и 4-я Особые пехотные и 2-я Особая артиллерийская бригады) и один батальон (2-й Особый инженерный батальон). После окончания Первой мировой войны все они стали называться «Русский экспедиционный корпус» общей численностью свыше 50 тыс. солдат и офицеров.

Во Францию были отправлены 1-я и 3-я Особые пехотные бригады, сведенные в июне 1917 г. в 1-ю Особую пехотную дивизию, и на Балканы — 2-я и 4-я Особые пехотные, 2-я Особая артиллерийская бригады и 2-й Особый инженерный батальон, сведенные в том же месяце во 2-ю Особую пехотную дивизию.

Обе «французские» бригады приняли достойное участие в боях против германцев с июня 1916 г. по апрель 1917 г. Однако последствия Февральской революции и большие потери, понесенные в апреле 1917 г. в ходе неудачного наступления, получившего имя главнокомандующего французскими армиями генерала Р.-Ж. Нивеля — «наступление Нивеля» (или «бойня Нивеля») — привели бригады, находившиеся с июня—июля того же года в военном лагере Ля-Куртин, к военному мятежу (Куртинскому кризису), характеризовавшемуся резким падением дисциплины и боевого духа.

В течение четырех дней (16–19 сентября того же года) мятеж среди куртинцев был подавлен силами оставшихся верными командованию войсками, размещенными в военном лагере Курно (курновцами), но французское и Временное правительства не знали, что делать с русскими воинскими контингентами во Франции (16–18 тыс. чел.). 5 ноября орган Временного правительства — «Междуведомственный Комитет по заграничному снабжению» — вынес решение об отказе в возвращении в Россию бригад 1-й дивизии и возможности их использования во Франции, если не на фронте, то в качестве рабочей силы.

16 ноября на основании этого решения председатель Совета министров и военный министр Франции Ж. Клемансо издал постановление № 27576 I/II о разделении русских воинских контингентов на три категории (так называемый триаж, то есть отборка, сортировка): желавших сражаться вместе с союзниками (Русский легион), добровольцев-рабочих и тех, кто не желал ни сражаться, ни работать и подлежал ссылке на принудительные работы в Северную Африку¹. Для управления русскими контингентами на территории Франции в декабре 1917 г. была создана Русская база, размещавшаяся в г. Лаваль.

На Балканах русские войска также поддержали славу русского оружия, но общественно-политические процессы, переживаемые Россией в 1917 г., докатились и до них. В январе—феврале 1918 г. система «триажа» была введена и среди частей 2-й Особой пехотной дивизии, но 3-ю категорию командование дислоцировавшейся на Балканах Союзной Восточной армии (СВА) разделило на две части: самые «дурные элементы» этой категории были отправлены в Алжир, бóльшая же часть осталась на Балканах в распоряжении французов, греков и англичан. Здесь на Балканском ТВД была создана другая Русская база, в Салониках.

Впервые о пребывании русских солдат 1-й и 2-й Особых дивизий 3-й категории «триажа» в Северной Африке упомянуто (не считая газетных публикаций) в изданном в 1919 г. сборнике «Русские солдаты во Франции»². О солдатах 3-й категории обеих дивизий в Африке рассказывали только разноплановые работы, освещавшие в той или иной степени историю русских войск во Франции и на Балканах, поскольку никакого обобщающего труда на эту тему в советский период так и не было создано. Даже крупнейший отечественный арабист в монографии по истории Алжира в XX в. не посвятил пребыванию нескольких тысяч русских солдат ни строчки³. Не совсем понятно отсутствие интереса к этой теме в советское время (с политической точки зрения), ибо как не по данному вопросу можно было бы показать классовую жестокость французской буржуазии по отношению к солдатам, то есть простым рабочим и крестьянам из России. Возможно, слабый интерес к данной проблематике находился в прямой взаимосвязи с советско-французскими политическими отношениями. Иными сло-

¹ О 1-й категории см.: *Чиняков М.К.* Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны (декабрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) / Россия и Франция. XVIII—XX вв. Вып. 11. М., 2014. С. 167—186. О 2-й категории см.: *Он же.* Русские рабочие отряды во Франции (1917—1919). Из истории Русского экспедиционного корпуса // Там же. Вып. 12. М., 2017. С. 152—175.

² Русские солдаты во Франции. М., 1919. С. 10—13.

³ *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М., 1999. См. также: *Шведов А.А., Подцероб А.Б.* Советско-алжирские отношения. М., 1986.

вами, в СССР, вероятно, не хотели лишний раз вспоминать неприятные моменты, способные омрачить сложившиеся в 1960-е гг. хорошие отношения между Москвой и Парижем.

И лишь в постсоветский период появился интерес к истории пребывания русских солдат в 1917–1920-е гг. на территории Северной Африки, точнее, Алжира. Первым отечественным ученым, вплотную занявшимся исследованием этой проблематики, стал известный африканист, доктор исторических наук А.Б. Летнев (1929–2013). Из иностранных исследователей, изучавших данный вопрос, большой интерес к теме проявил французский ученый Р. Адан, посвятивший 3-й категории русских войск в Алжире солидный раздел монографии, вводя в научный оборот материалы французских отчетов военно-полевой цензуры⁴. Работы Летнева и Адана внесли серьезный вклад в изучение данной тематики и заложили прочный фундамент для дальнейших исследований.

На сегодняшний день отечественные историки вынуждены оперировать немногими источниками. К опубликованным можно отнести воспоминания, как изданные в СССР (вероятно, подвергшиеся цензурной правке), так и в современной России. Здесь следует выделить воспоминания солдат 1-й Особой дивизии (А.П. Власов, М. Егерев, П.Ф. Карев, Д.У. Лисовенко) и 2-й Особой дивизии (В.И. Иванов и В.Н. Новиков). Особняком стоят воспоминания солдата 1-й Особой пехотной бригады Д.А. Попова, опубликованные в обработке писателя М.А. Ардашева⁵, ибо не совсем понятно, во-первых, насколько Ардашев следовал оригиналу (по смыслу, а не в рамках литературного стиля); во-вторых, существует ли оригинал воспоминаний, и если «да», то в каком архиве он хранится. Здесь же можно отметить и публикацию комплекса очень интересных документов, посвященных пребыванию русских войск и во Франции, и на Балканах⁶ (в рамках вышеуказанной тематики).

К неопубликованным источникам следует отнести, во-первых, служебную документацию; во-вторых, неизданные воспоминания, храня-

⁴ *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея (Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте) / Африка глазами современников и историков. М., 1998. С. 129–185; *Он же.* Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 128–136; *Adam R.* Travail, luttres et conscience révolutionnaire des soldats-travailleurs russes en France. 1918–1920. Annexes. Université des Science Sociales Grenoble II. Grenoble, 1989. См. также: *Болтаевский А.А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁵ *Власов А.П.* Незабываемые переживания (Воспоминания рядового солдата). Владимир, 2014; *Егерев М.* Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–97; *Карев П.Ф.* Нас не укротили. Иваново, 1937; *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины. М., 1960; *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: воспоминания русского солдата о пребывании во французских лагерях. М.; Л., 1929; *Ардашев М.А.* Куртинцы // Фронт без окопов. Б. м., 1966. С. 54–102.

⁶ «Мы пережили здесь свою революцию...» // Источник. 2000. № 1. С. 20–41.

щиеся в отечественных государственных и частных архивах. К последней категории (неизданные воспоминания) следует отнести воспоминания солдат обеих дивизий И.А. Астрова, В.И. Иванова, Г.Д. Обичкина (будущего директора Института марксизма-ленинизма) и хранящихся у Н.Р. Малиновской, дочери министра обороны СССР маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского мемуаров солдата 2-го Особого пехотного полка А.Д. Носова⁷. К сожалению, вне внимания отечественных исследователей остается находящийся во французских архивах (прежде всего в Военно-историческом архиве в Венсенне) крупнейший массив письменных источников, включая служебную и частную переписку французских должностных лиц по данной тематике.

В данной статье все даты указываются по новому стилю.

* * *

Вопрос об отправке непокорных солдат 3-й категории 1-й дивизии «трияжа» именно в Африку Париж решил достаточно быстро. Уже 30 ноября 1917 г., спустя две недели после постановления Совета министров Франции о провозглашении системы «трияжа» (16 ноября), Клемансо сообщил главнокомандующему Североафриканской армией генералу Ш.-Э. Муанье (с декабря 1917 г. его сменил генерал Нивель) о скорой отправке на работы в Северную Африку русских солдат в качестве работников «принудительного труда, за которыми следует надзирать»⁸. (Существовали проекты об отправке солдат и в Тунис.)

Время прибытия из Франции первых эшелонов записавшихся в 3-ю категорию, точно неизвестно, но можно предположить три самые первые и крупные отправки солдат из Франции в алжирские порты [Оран, Бон (совр. Аннаба)]: 13 декабря (прибыли 19), 19 декабря (прибыли 24) и 20 декабря (прибыли 25).

Прибытие первой партии солдат 2-й Особой пехотной дивизии с Балкан (через Бизерту) на территорию Алжира можно отнести на середину или конец февраля 1918 г., ибо по данным главнокомандующего СВА к африканским берегам отправились четыре эшелона с солдатами, вышедшие из Салоник с 1 по 9 февраля (время прибытия неизвестно).

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 1–8 (И.А. Астров); Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 71 (с 2017 г. ф. 802). Оп. 44 (с 2017 г. оп. 1). Д. 2 (с 2017 г. д. 83). Л. 1–136 (В.И. Иванов); Там же. Д. 6 (с 2017 г. д. 84). Л. 62–114 (Г.Д. Обичкин); *Носов А.Д.* Записи песен, трансформированных солдатами Особого лагеря Ля Куртин под свое настроение, записанные рядовым 3 батальона 2 особого пехотного полка 1 бригады Афанасием Демьяновичем Носовым. Л. 1–138. Рукопись. (Архив Н.Р. Малиновской).

⁸ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 27, 28.

В дальнейшем (в течение 1918 г.) французы отправляли в Алжир группы солдат разной численности, общее количество которых можно приблизительно оценить в две-три сотни человек.

Таким образом, основной массив солдат был доставлен в Алжир двумя партиями в течение декабря 1917 г. — февраля 1918 г.

Можно выделить две причины, по которым солдаты оказались в 3-й категории: либо на добровольной основе (то есть осознанно, как, например, Иванов, Обичкин), либо в качестве наказания (то есть по принуждению, как Карев или Попов). С другой стороны, мотивация первой категории представляет широкое поле для исследования. Здесь можно указать несколько факторов, в частности неприятие русскими солдатами французского командования или существовавших исторических условий. Например, генерал Лохвицкий видел причину записи в 3-ю категорию среди курновцев в том, что среди них «явилось желание пострадать за правду»¹. Часть мемуаристов (Астров, Егеров, Иванов, Носов) не акцентировали внимание на причинах своего решения записаться в 3-ю категорию.

Основываясь на косвенных данных, можно высказать предположение, что солдаты в большинстве оказались обыкновенными жертвами не столько левой (сугубо антивоенной?) агитации, не мучениками во имя высоких идей, как их обычно изображали, а заложниками собственной ошибочной убежденности, ибо, судя по всему, они могли полагать, что записавшиеся в первые две категории будут отправлены в Россию позже.

Согласно предписанию премьер-министра и военного министра от 6 мая 1918 г. русские войска в Алжире «во всех отношениях» подчинялись главнокомандующему Североафриканской армии². При штабе армии было создано Русское бюро, осуществлявшее контроль над всеми солдатами 3-й категории (в Африке). Отделения Русского бюро действовали в каждом из трех департаментов: в Алжирском, Оранском и Константинском.

В Русском бюро в Алжире (как центральном учреждении) работали специалисты, владевшие русским языком (40 офицеров и сержантов французской службы), однако квалифицированных переводчиков постоянно не хватало: их насчитывалось не более пятнадцати человек. Поскольку они собирали информацию, обеспечивали выполнение приказов французского командования, докладывали о настроениях депортированных, доверием солдат они не пользовались³.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 15234. Оп. 1. Д. 87. Л. 25. См. также: *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 13.

² РГВИА. Ф. 15235. Оп. 1. Д. 4. Л. 100.

³ *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 142; *Adam R.* Travail, luttes et conscience révolutionnaire... P. 71.

Полномочия Русской базы в Лавале были сильно ограничены на территории Алжира, и она не играла там никакой серьезной роли, хотя по министерскому постановлению от 24 декабря 1917 г. именно Русская база должна была осуществлять управление всеми русскими воинскими контингентами на территории Франции. С Лавалем шла только переписка о французском персонале, переводчиках и о выплачиваемом им Парижем денежным содержанием. Контроль за русскими войсками осуществлялся из г. Алжир. На практике неоднократно возникали проблемы между Лавалем, Парижем, штабом Североафриканской армии и Русским бюро (в г. Алжир) по вопросам разграничения полномочий административного, интендантского и финансового характера⁴. Противоречия в работе привели к созданию в сентябре 1918 г. в г. Алжир единой «Вспомогательной базы» (*франц.* «Base Annexe Divisionnaire»), призванной координировать решения штаба Нивеля и Русского бюро, но по-прежнему без строгого подчинения Русской базе в Лавале.

Непосредственно солдатами командовали русские офицеры (обер-офицеры и несколько штаб-офицеров), из которых, судя по всему, в 3-ю категорию записалось из 2-й дивизии (из 1-й дивизии записываться в 3-ю категорию запрещалось) ничтожное количество. Однако после перехода русских войск под французское командование все русские офицеры оказались на французской службе, и Париж отправил часть их, по представлениям начальников обеих дивизий (разумеется, в разный временной промежуток), в Алжир, из расчета 2–3 офицера на некую условную роту (200–300 чел.). Не располагая авторитетом среди подчиненных и не желая продолжать службу в 3-й категории, а также в силу нежелания подчиняться французским офицерам и, возможно, из-за несогласия с их действиями, русские офицеры старались оставить Алжир. Многие подавали рапорты с просьбой об отправке на фронт, но их просьбы проходили тщательную проверку на благонадежность и боевые качества; в случае отправки на ТВД их старались заменять новыми офицерами, остававшимися без применения (преимущественно из 2-й дивизии). Тем не менее, по данным Адана, количество офицеров русской службы в Алжире с середины 1918 г. постоянно сокращалось: летом 1918 г. их насчитывалось не более 50 человек; в феврале 1919 г. — 31; весной 1919 г. — пара десятков; в июне того же года в Алжирском департаменте остался только один офицер на 3 тыс. русских солдат.

Условия жизни и особенности проживания офицеров в Алжире остаются неизвестными. В силу малого влияния на солдат со стороны русских офицеров Нивель ставил французских, но их катастрофически не хватало. Унтер-офицерский состав «африканцев» состоял, как

⁴ Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 40–41, 320–323.

правило, из русских при минимальном участии французских военнослужащих⁵.

Таким образом, судя по всему, управление русским воинским контингентом в Алжире формально выполнялось русскими же офицерами, но фактически руководство 3-й категорией осуществлялось через французские органы власти г. Алжир (Русское бюро, Вспомогательная база, штаб Североафриканской армии), подчинявшихся (формально) напрямую Парижу (Военному министерству).

Точную численность 3-й категории «трияжа» (как и численность остальных двух категорий) определить трудно, прежде всего из-за того, что солдаты приблизительно до середины 1918 г. имели право переходить из одной категории в другую (не говоря уже о принудительном зачислении в 3-ю категорию).

По официальным французским сводкам, в январе–феврале 1918 г. (то есть без 3-й категории 2-й дивизии) в Алжире находились от 3261 чел. до 4,5 тыс. солдат: в абсолютном большинстве – куртинцы, остальные курновцы⁶. Однако не все куртинцы записались в 3-ю категорию; о причинах решения которых можно только догадываться (либо что-то осознали, либо в чем-то разочаровались, либо чего-то испугались).

По итогам «трияжа» 2-й дивизии в 3-ю категорию записались, по данным главнокомандующего СВА, приблизительно 23–24 июня, 11649 чел., из которых 46 офицеров и 4462 солдата были отправлены в Африку⁷.

Таким образом, общее количество «африканцев» из двух дивизий можно определить в 9–9,5 тыс. человек⁸ (не считая прибытия солдат в позднейший период и незначительную отправку «африканцев» на территорию метрополии).

30 ноября 1917 г. Клемансо сообщил главнокомандующему Североафриканской армией Муанье: «в случае необходимости, работникам можно поручить общественно полезную работу или работу на военных объектах»⁹.

⁵ *Adam R.* Travail, luttes et conscience révolutionnaire... P. 72.

⁶ *Lecoite F.* Les brigades Russes en Macédonie et la Légion Russe. 1915–1920. Université Paul Valéry. Montpellier III. 1997. P. 244; «Мы пережили здесь...». С. 30; *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 137; *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933. С. 214, 218; *Adam R.* Histoire des soldats Russes, p. 125, 163, 199–200. См. также: РГВИА. Ф. 15223. Оп. 2. Д. 5. Л. 181.

⁷ *Les Armées françaises dans la Grande Guerre.* Т. 8. Vol. 2. Annexes. Vol. 4. Paris, 1929. P. 575; *Lecoite F.* Op. cit. P. 193; *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 137.

⁸ *Adam R.* Travail, luttes et conscience révolutionnaire... P. 51; *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 218; *Лисовенко Д.У.* Указ. соч. С. 266; *Болтаевский А.А.* Указ. соч. С. 138, 141.

⁹ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 26–27.

5 февраля следующего года Клемансо подробно сообщил преемнику Муанье генералу Нивелю об использовании солдат на работах на железных дорогах, в сельском хозяйстве, на шахтах, где особенно ощущался недостаток рабочих рук, и добавил: «Шахты смогут получать выгоду, выплачивая за работу премию, *значительно меньшую зарплаты, которая выдается их рабочим* [выделено мной. — М. Ч.]»¹⁰.

Солдаты 3-й категории в Алжире были разделены на 17 отрядов (неравномерной численности), находившихся во всех трех департаментах: в Константинском — девять (или шесть), в Алжирском — семь (или восемь) и в Оранском — один (или три). Работали командами неопределенной численности — от нескольких человек до нескольких сотен (в редких случаях — еще больше) в зависимости от поставленных задач. Генерал Нивель справедливо высказывал серьезные опасения о невозможности поддерживать порядок во всех отрядах, но ничего не мог поделать (хотя в дальнейшем опасения Нивеля не подтвердились).

Виды работ и условия труда, разумеется, были разными. В среднем солдаты работали на одном месте по несколько месяцев (или даже меньше), затем их перебрасывали на другую плантацию, ферму, шахту. По мнению современного французского исследователя Адана, солдат часто переводили на новое место, во-первых, во избежание появления среди них устойчивых связей, могущих превратиться в массовое недовольство; во-вторых, из-за опасений налаживания связей солдат-бунтовщиков с местным «эксплуатируемым» населением; в-третьих, в связи с отсутствием сезонных работ, как правило, в зимний период¹¹. Продолжительность рабочего дня зависела от потребностей работодателя и от сезона: так, куртинец Носов вспоминал о 24-дневном перерыве в работе, вызванном ливневыми дождями.

Франкоалжирцы («черноногие», как называли алжирские арабы) с полной отдачей использовали внезапно оказавшуюся в их распоряжении дешевую рабочую силу. Тысячи солдат работали по 12–15 часов в день на плантациях у французских, а также у давно обосновавшихся в Алжире испанских и итальянских колонистов. Один из солдат в августе 1918 г. так прямо и сказал: «Французы думают, что русские могут заменить им лошадей и грузовые автомобили!»¹² Хозяева опасались, как бы Париж не вмешался и не заставил их повысить работникам-нефранцузам заработную плату. Когда в марте 1919 г. из Парижа в Алжир поступило распоряжение о сокращении рабочего дня на два часа для солдат, занятых на фермах и виноградниках, французские земельные магнаты отреагировали немедленно: 14 апреля того же года

¹⁰ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 31–32.

¹¹ *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 53–54.

¹² Цит. по: *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 58.

Аграрный союз г. Бон направил в Париж телеграмму протеста, так как эта мера послужит дурным примером для туземных рабочих, то есть может привести в целом к опасным последствиям для сельскохозяйственного производства¹³. (Хотя, судя по всему, к мнению Аграрного союза в Париже вряд ли прислушались.)

Сфера деятельности солдат 3-й категории была достаточно широка: из 17 групп девять использовались на сельскохозяйственных работах, пять — в железнодорожных мастерских и две — на прокладке железной дороги. В Константиновском департаменте они занимались прокладкой шоссе и железных дорог; в частности, на железной дороге Сук-Ахрас — Тебесса весной 1918 г. трудилась тысяча «африканцев». В Алжирском департаменте солдаты прокладывали шоссе, сооружали плотины, занимались земляными работами (в частности, распахивали целинные земли), работали на местных заводах и алюминиевых шахтах в Берруагиа; в округе Айн-Сефра (Оранский департамент) — на добыче каменного угля в Кенадсе.

Очень тяжело приходилось на виноградниках. Солдаты окапывали виноградные кусты, обрезали, подвязывали ветки, опрыскивали, убирали урожай, работая по 12 часов в сутки. В мае 1918 г. некий солдат сообщил: «Работаю у одного здешнего буржуя. Всего нас тут 148 человек. Трудимся на виноградниках. Рабочий день — 10 часов. (...) Часто болит голова. Работаю через силу. И все время грозят наказать. Попали мы в Богом забытую страну»¹⁴.

Особый интерес, раскрывающий работу «африканцев» в Алжире, представляют неопубликованные воспоминания четырех очевидцев: Астрова, Иванова, Носова и Обичкина. Мемуаристы сменили по несколько мест работы, на основе чего можно составить некое впечатление об особенностях работы (и проживания) депортированных. Трое из четырех (Иванов, Носов, Обичкин) работали на виноградниках. Астров упомянул о своей работе только в ротной канцелярии (другие солдаты, по его словам, работали на объектах сельского хозяйства и в сапожных и пошивочных мастерских; кто-то работал у маляра); Носов рассказывал только о работе на винограднике; Иванов и Обичкин работали дополнительно на каменоломне. Кроме того, Обичкину довелось трудиться и в канцелярии, и могильщиком, и сторожем, и на прокладке дорог, а Иванову — копать артезианские колодцы. Оба жили и работали в Константиновском департаменте, в частности, около Бона и Дюзервилля (совр. эль-Хаджар); Астров — в Оранском (например, около селения Серсу), Носов — в Алжирском (в Афревилле, совр. Хемис-Милиана).

¹³ *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 153.

¹⁴ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 149.

Таким образом, условия работ в непривычном для выходцев из России климате были непривычными и тяжелыми, но из десятка мемуаристов только один (Карев вместе с друзьями) ушел в Русский легион (по прибытию во Францию они бежали в Россию через Швейцарию).

Необходимость создания некоей особой дисциплинарной части для нарушавших здешние порядки солдат 3-й категории в Алжире французское военное руководство осознало к началу января 1918 г. Дисциплинарное формирование в виде батальона (иногда его называли взводом) оформилось в апреле того же года в крепости Мерс-эль-Кебир, где французы сосредоточили основную массу арестованных: до июля 1920 г. там ежемесячно содержалось 250—400 чел.

В начале 1919 г. французы сформировали дополнительно два дисциплинарных взвода: в селении Джельфа (220 км южнее г. Алжир, Алжирский департамент), где в феврале 1919 г. содержались свыше 100 солдат, и в созданном не ранее весны 1919 г. селении Тольга (20 км юго-западнее г. Бискра, Константинский департамент), где содержались от 60 до 80 чел.¹⁵ В дисциплинарные части солдат отправляли по распоряжению и воле местных ответственных лиц из французских офицеров.

Арестованные трудились в основном на каменоломнях или изготавливали плетеные коврики. Условия жизни были нестерпимыми. Так, 30 октября 1918 г. командующий Русской базой в Лавале генерал Ж.-М.-Ж.-А. Брюлар, опираясь на личные беседы с очевидцами, произнес характерную фразу о заключенных в Мерс-эль-Кебуре: «Они получают только самый минимум для жизни, о котором говорят медики»¹⁶. В одном из писем (дошло ли письмо до адресата?) отбывавший наказание в Мерс-эль-Кебуре в августе 1918 г. сообщал родителям: «Дорогие папа и мама! (...) Еще заставляли таскать камни, а мы отказались, тогда нас загнали в этот штрафной [дисциплинарный. — М.Ч.] батальон. (...) Некоторые просто подыхали с голода, едва на ногах держались, так их привязывали к лошади и пускали ее во весь опор. Один не выдержал и умер, бедняга. Здесь, в штрафном батальоне, мы страдаем уже 38 дней. Держат на хлебе и воде»¹⁷.

В ежемесячном отчете военной цензуры за август 1918 г. говорилось: «Письма русских солдат подтверждают, естественно [в тексте стоит слово «sic», то есть внимание читателя обращалось на слово «естественно». — М.Ч.], существование в условиях дисциплинарного батальона как нестерпимое. Окруженные бескрайними морскими просторами, изнывая под невыносимо палящим солнцем на физически тяжелой работе, под присмотром вооруженных хлыстами

¹⁵ Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 87.

¹⁶ Цит. по: Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 88.

¹⁷ Цит. по: Летнев А.Б. Алжирская одиссея. С. 150. См. также: Егоров М. Указ. соч. С. 93; Лисовенко Д.У. Указ. соч. С. 276—277.

надсмотрщиков, и в редких случаях проводя свободное время в беседах, они ведут настоящую жизнь раба, у которого физические страдания немногим уступают скуке и ностальгии по родной земле»¹⁸. Многочисленные очевидцы вспоминали об отвратительном питании. В частности, Новиков во время пребывания в Мерс-эль-Кебир свидетельствовал: «Не выдержал и с жадностью набросился на валявшиеся в углу кости. Я глодал оставшиеся на костях кусочки мяса, не замечая, что они были с червями»¹⁹.

С другой стороны, тот же Новиков свидетельствовал и о противоположном: несмотря на тяжелое положение с денежным содержанием, двое заключенных из Мерс-эль-Кебир могли позволить себе «выписать пару белья» (за что были отправлены в одиночный карцер на 45 суток каждый)²⁰.

Точная дата роспуска дисциплинарных частей отсутствует, но можно уверенно отнести ее к весне 1920 г., когда Париж с осени 1919 г. уже начал отправлять русских солдат из Алжира в Россию.

Для солдат 3-й категории (в Алжире) устанавливалось ежедневное жалованье (базовое) в 25 сантимов, достигая с разными выплатами общей суммы около 2 франков. Для сравнения: в приказе № 33 по Русским войскам во Франции от 22 октября 1917 г. русское командование объявляло о возможности устройства солдат-добровольцев на «вольные работы» во Франции не менее чем за 3 франка в день²¹. По распоряжению военного министра от 3 мая 1918 г. № 9857-SL/II ежедневное денежное содержание с доплатами каждому солдату-«африканцу» могло составлять в среднем 4–5 франков²². Некоторые хозяева устанавливали собственные добавки за сверхурочную работу или перевыполнение плана.

Но сколько солдаты получали в действительности? О размере заработка мемуаристы упоминали редко, если говорили вообще. Иванов вспоминал, что ему и товарищам его рабочего отряда управляющий давал в месяц «немного денег» на покупку табака и сигарет. Обичкин только один раз упомянул о своем жалованье: за одну отрытую могилу в каменистой почве, то есть за один день работ, он получал 2–3 франка²³. Астров неопределенно сказал, что солдаты получали 6 франков 75 сантимов²⁴, но за какой период, непонятно. В одном из писем не-

¹⁸ Цит. по: *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 88.

¹⁹ *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 19.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ РГВИА. Ф. 15223. Оп. 2. Д. 5. Л. 48; там же. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 2. Л. 52.

²² РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 44. Л. 64.

²³ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 88; там же. Д. 84. Л. 109.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 8. См. также: *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 17–18.

известного солдата говорилось: «Знаешь ли ты, сколько Франция, эта культурная страна, платит своим союзникам за настоящий каторжный труд? Это невероятно: полтора франка за 9 часов труда! Вот что такое Свобода, Равенство и Братство»²⁵.

В начале 1918 г. Носов утверждал: «Иногда вечерами торговали между собою, некоторые патрули заходили к нам на ярмарку, продавали часы, за которые платили 40 франков – летели 9–10 франков, продавали белье, меняли сапоги», но с марта 1919 г. (то есть после прекращения боевых действий), как вспоминал Носов, каторжанам-«африканцам» стали выдавать ежедневное жалование по 75 сантимов²⁶.

Объем денежного содержания офицеров русской службы должен был соответствовать денежному содержанию офицера французской службы в той же местности, на той же должности и того же чина.

Несмотря на разные обстоятельства получения денег, вряд ли подавляющее большинство солдат 3-й категории могло иметь стабильный и достойный заработок. Если даже ежедневный размер жалования составлял 4–5 франков, неизвестно, сколько солдату доставалось на руки, ибо французы могли вычитать из заработка расходы на проживание, обеспечение некоторыми видами довольствия, например, за обувь или одежду (форму), не говоря уже о штрафах. Вместе с тем автору известен поставленный солдатами в 1920 г. достаточно внушительный памятник (умершим однополчанам в 1918–1920 гг.) в Сук-Ахрасе (Константинский департамент), вряд ли при финансовой поддержке французов.

Об условиях проживания мемуаристы рассказывали скупо. Обичкина вместе с десятками земляков однажды разместили в конюшне, где в первую неделю от малярии и дизентерии умерли семь человек. Только тогда хозяин перевел работников в другое место, где было получше. Астров утверждал, что они жили вчетвером в доме у содержателя шорной мастерской и спали на полу. Об ужасных условиях проживания (как правило, первого периода пребывания в Алжире) свидетельствовали Власов, Карев, Попов. Обичкин, например, вспоминал: «Поселились в конюшне. Жара, вонь, блохи. Рядом – лошади... Духота днем и ночью»²⁷. Некоторые мемуаристы (Иванов, Носов) ничего не говорят об условиях жизни.

Судя по всему, улучшение условий проживания (и не только) могло происходить только в результате забастовок.

Ежедневный паек (официально объявленный) солдатам 3-й категории в Алжире, вероятно, соответствовал (по крайней мере, вряд

²⁵ Цит. по: *Adam R. Travail, luttés et conscience révolutionnaire...* P. 130.

²⁶ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 124, 128.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 102.

ли он был больше) нормам 3-й категории на Балканах: хлеб 650 гр., мясо 350 гр. или консервов 300 гр., сушеных овощей 60 гр., или зелени 450 гр., сахару 32 гр., чаю 5 гр., соли 20 гр., «вегеталину» (маргарин) 25 гр.²⁸

В реальности паек радовал солдат не часто. Так, солдат 2-го полка Носов оставил подробные воспоминания об особенностях питания: «Нас стали кормить плохо: хлеба выдавали приблизительно один фунт со осьмью» [«один фунт со осьмью» составлял 1,7 фунта или почти 700 гр. — *М. Ч.*]. (...) 18 февраля [1918 г. — *М. Ч.*] вместо 600 граммов хлеба выдали 500 граммов и так было мало пищи, а теперь еще стало меньше. Тогда Василий Егорович с одним товарищем стали думать, как бы улучшить пищу: хотели древесной рези — не выходит дело, тогда они решили вываренное кофе, которое высыпали на землю. Пробовали раза три подбавлять в суп, но нет — ее не проглотить. Потом оставили — решили лучше страдать голодными»²⁹. С другой стороны, Носов свидетельствовал о возможности для солдат посещать пункты общественного питания (правда, описываемый эпизод относится к послевоенному периоду): летом 1919 г. «нам пришлось завернуть в этот прекрасный ресторан и провести несколько времени с товарищами. (...) У нас же, здесь — заброшенных на далекой чужбине, как будто лежали камни на сердцах, а от этого тяжелого и грустного взора пришлось зайти в кофейную и “размочить” свое закаменелое сердце, проклятым и одушевляющим алкоголем»³⁰. О возможности солдат посещать кофейни и скромные рестораны свидетельствовал и Астров.

Питание во многом зависело от субъективных условий, в частности от отношения к солдатам их хозяев. Тот же Носов вспоминал о пребывании на одной ферме: «Наш хозяин был очень хороший человек и имел большое сознание — каждый нерабочий день давал вина, хлеба, добавок сигарет на 2-х человек пакет [пачка сигарет? — *М. Ч.*]. В честь отправки солдат на родину (сентябрь 1919 г.) Носов с товарищами получили от хозяина деньги, «несколько петухов в честь нашей отправки и по две бутылки вина на каждого человека»³¹.

По праздникам французы могли выдавать русским солдатам дополнительное питание. Так, в честь православной Пасхи 1918 г. (5 мая) солдатам выдали: «на 2-х человек 1 банка мясных консервов, на 3 человека 1 банка сардин, по 2 яичка, по 15 винных ягод [виноград или ту-

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Р-6194. Оп. 1. Д. 1. Л. 17. См. также: *Lecoine F.* *Op. cit.* Р. 200; ГАРФ. Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁹ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 123. См. также: *Карев П.Ф.* Указ. соч. С. 109; *Власов А.П.* Указ. соч. С. 114–115.

³⁰ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 124–125, 131. См. также: РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 105–106.

³¹ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 125, 133.

товник. — М. Ч.], по чашке вина, 50 сантимов деньгами — так пришлось проводить 3-ю Пасху за границей»³², но в дальнейшем православные праздники солдатам приходилось отмечать за собственный счет.

Таким образом, количество и качество питания, скорее всего, зависело от отношения к ним в той или иной местности и от финансовых возможностей солдат.

6 декабря 1917 г. главнокомандующий Североафриканской армией генерал Муанье предупредил военного министра Клемансо: «из-за отсутствия в Алжире врачей и особенно врачей, говорящих по-русски, прошу вас, чтобы эти войска сопровождали их врачи». На следующий день Клемансо ответил: «Их будет сопровождать французский врач, говорящий по-русски, и русские врачи, если на это согласится русское командование»³³.

Судя по воспоминаниям Иванова, Носова и Обичкина, медицинский уход за солдатами в Алжире находился на низком уровне. Больше всего солдаты страдали и умирали от малярии, пневмонии, бронхального гриппа, дизентерии и поразившего весь мир испанского гриппа («испанки»). Например, Иванова, тяжело заболевшего малярией, французский врач велел отнести в палатку для умирающих, и выжил солдат лишь чудом: его выходил один пожилой араб. Другие мемуаристы ничего не рассказали о медико-санитарной стороне их тогдашней жизни.

Особенно тяжелая ситуация предсказуемо складывалась вдали от крупных населенных пунктов и от гарнизонов. Большинство рабочих рот вообще не имели ни врачей, ни фельдшеров. Сказывалось и отсутствие языкового понимания. Чаще всего ответ французских эскулапов в обращении с пациентами исчерпывался лаконичным и ритуальным: «Бон, карашо!», после чего они быстро уходили.

Некоторые врачи откровенно говорили, что для лечения русских солдат достаточно ветеринаров. Солдаты вспоминали: «Здесьшний военный врач хорошо говорит по-русски, только какой он врач? По-моему, он просто инквизитор, вроде тех, которые были когда-то в Испании»³⁴. Носов вспоминал: «Обращения с нашими больными очень зверские: если кто заболел, то ему делают “облегченье” — дают 20 кг в мешок камня и сажают за проволоку». Тем не менее Носов свидетельствовал, что некоторых больных могли доставлять в госпиталь в г. Алжир»³⁵.

Таким образом, квалифицированную медицинскую помощь солдатам получить было весьма затруднительно и, вероятно, только в самых серьезных случаях.

³² Носов А.Д. Указ. соч. С. 121, 124.

³³ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 27, 28.

³⁴ Цит. по: Летнев А.Б. Алжирская одиссея. С. 149. См. также: Власов А.П. Указ. соч. С. 112.

³⁵ Носов А.Д. Указ. соч. С. 122–123, 124, 128.

О неудовлетворительном морально-психологическом состоянии русских солдат в Алжире свидетельствовал сам Ж. Клемансо, глава правительства и военный министр Франции, который 7 декабря 1917 г. отмечал: «Умонастроение очень плохое. Комсостав русских унтер-офицеров не имеет никакого авторитета»³⁶.

Два месяца спустя (6 февраля 1918 г.) генерал-губернатор Алжира Ш. Жоннар писал Клемансо о русских «африканцах»: «Они утверждают, что находятся в крепостной зависимости, голодают, их кормят как “свиной” (sic) [так в тексте. — М.Ч.], бьют, они афишируют чувство ненависти к французам, которое с каждым днем усугубляется; они отказываются работать. Что самое опасное, так это то, что многие из них говорят по-арабски и обращают в свою веру [то есть приучают к левым и/или антивоенным идеям. — М.Ч.] мусульманские круги. Они даже, говорят, встречают эмиссаров-большевиков, желающих спровоцировать какие-то волнения в Алжире.

Мне пишут: “Это пламенеющий соломенный факел в доме из фосфора”. Предположим, что эта оценка чрезмерная, тем не менее очевидно, что если какие-то волнения разразятся в Алжире, и если эти люди раздобудут оружие, то они будут представлять силу, превосходящую ту, которая сможет им противостоять»³⁷.

Из писем можно было увидеть разный настрой солдат. Так, некая безысходность явно звучала, например, в письме солдата Смердова из Медеи домой, в Вятскую губернию (6 апреля 1918 г.): «Мы пленники в Африке. Пища отвратительная, и мы сидим на голодном пайке. Нам не дают ни табака, ни мыла. Наши союзники-французы ведут нас на работу силой, под конвоем кавалеристов, пехотинцев и под дулами пулеметов. Я не знаю, когда нас освободят от наших вчерашних проклятых товарищей по оружию». Не менее мрачный тон звучит в письме солдата Лобанова из Афревилля товарищу в Лагуат: «Жизнь течет бесславная. С небес не падает на нас манна небесная, — у нас только суп из чистой водицы да немного хлеба. Мы подохнем и умрем с тоски в этой проклятой Франции!..»³⁸

Впрочем, некоторые из «африканцев» относились к своему положению с юмором: «Мы здесь, конечно, в полной безопасности. Выкрасть нас нет ну никакой возможности: сидим за такой красивой решёткой!» Некий изгнанник не без сарказма сообщал адресату: «Погрузили нас в трюм парохода... и высадили в Африке. Здесь за нами здорово присматривают... Одним словом, вольные граждане в свободной стране!»³⁹.

³⁶ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 28.

³⁷ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 32.

³⁸ Цит. по: *Deroo E., Gorokhoff G.* Héros et mutins: Les soldats russes sur le sol français. 1916–1918. Paris, 2010. P. 139.

³⁹ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 148.

Некоторые письма выдержаны в раздумчиво-меланхолической манере: «Живём в зыбучих песках. Только ветер свистит в дюнах. Здесь страдает горстка без вины виноватых русских героев. Светлые, радостные дни — не для них. Никто их не жалеет — все их здесь ненавидят. А кругом угрюмая пустыня» (апрель 1918 г.)⁴⁰.

Одновременно французы пытались предпринять ряд мер для успокоения умов и отвлечения солдат от борьбы против хозяев. Так, французы проводили среди «африканцев» ряд мер информационного характера, утверждая свободу как совокупность прав и обязанностей, без чего общество не способно существовать, а также пытались разъяснить тяжкую долю Франции, которая, обладая немногочисленным по сравнению с Россией населением, выносит на себе непомерную тяжесть войны, и поэтому главная цель русских солдат должна заключаться в помощи Франции как на фронте, так и в тылу для скорейшей победы над общим врагом. Однако пропаганда вряд ли имела заметный положительный результат. *Во-первых*, превратившись в одночасье из воинов (пусть даже недисциплинированных) в каторжан, отправленных в «теплую Сибирь», то есть в Африку, солдаты 3-й категории расценивали свое положение как истинное рабство и несправедливое наказание. Так, один солдат весьма остроумно заметил: «Франция обожает превращать беззащитных людей в рабов»⁴¹. *Во-вторых*, отсутствие системы пропаганды в силу рассредоточенности солдат по Алжиру.

Таким образом, морально-психологическое состояние солдат в целом оставалось напряженным и безрадостным.

Очевидный гнет вызывал естественную протестную реакцию у солдат. Методы их борьбы были разнообразными: от проявления простого недовольства до организации крупных забастовок, как правило, вспыхивавших спонтанно, и на короткий срок.

В качестве наказания французы часто практиковали уменьшенный рацион. Полное лишение или частичная выдача еды стали излюбленным орудием в руках французских начальников в борьбе с непокорными.

В целом рапорты французского начальства свидетельствовали о постоянном недовольстве солдат, выступавших, как правило, за сокращение рабочего дня, увеличение нормы питания и размеров жалования, против работ в выходные дни и т.д.⁴² Судя по ежемесячным отчетам цензуры, недовольство, проявляемое в письмах, с конца 1918 г. постоянно возрастало, создавая опасную угрозу в виде проявлений недисциплинированности, забастовок и полного отказа от работ.

⁴⁰ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 149.

⁴¹ Цит. по: *Adam R.* Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 130.

⁴² *Adam R.* Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 137.

Причины этого, безусловно, были связаны с окончанием войны и резко возросшим желанием русских солдат вернуться на родину.

Французы с тревогой отмечали распространение неизвестно кем и где напечатанных листовок (по их мнению, анархистского характера) и налаживание контактов солдат с подозрительными для французских властей гражданскими лицами. В апреле 1919 г., например, французы откровенно заговорили о необходимости замены работников-«африканцев» на работников-африканцев. Вместе с тем отмечалась неготовность солдат к организации каких-либо массовых волнений, что объяснялось разобщенностью их рабочих отрядов.

В июле 1919 г. «африканцы» пытались обратиться (безуспешно) с воззванием к «французскому народу»: «Граждане французы! Знаете ли вы, что мы не бунтовщики? Мы люди, испытывающие невероятные душевные и сердечные страдания. (...) Мы здесь превратились в белых рабов капитализма, вынужденных работать на дармовщинку. (...) Нас плохо кормят, мы получаем гроши, нас часто избивают, но куда идти и кому жаловаться?! Над нами ежедневно издеваются, морят голодом, заставляют таскать на себе мешки с камнями. (...) И никто во Франции не знает о наших мучениях!»⁴³

Почти все очевидцы единодушно рассказывали о жестоком обращении с ними французов. Так, настоящую строгость французских властей Иванов познал на себе после попытки празднования 1 мая 1919 г., отказавшись, в числе других, выйти на работы. В качестве наказания капитан жандармерии заставил бунтовщиков снять ботинки и оставил их в овраге с ядовитыми змеями (к счастью, никто из солдат не погиб)⁴⁴. Новиков рассказывал, как за отказ работать на ферме троих солдат посадили в одиночку на 15 суток⁴⁵. А Обичкин попал под арест не за отказ от работы на хозяина-итальянца, а за инициированную переводчиком драку (см. ниже). Некоторые свидетели (Астров, Носов, Карев, Попов) умалчивают о подобных наказаниях, делая акцент в своих воспоминаниях лишь на тяжелые условия работ.

Интересное и редкое (среди всех «африканцев») мнение высказал Астров. Описывая жестокости французов по приезду в Алжир, он неожиданно записал: «По мере того, как налаживалась жизнь на новом месте, солдаты сжились, освоились, никакой опасности не представляли, режим был смягчен [вероятно, автор хотел сказать: поскольку солдаты не представляли опасности для французов, им смягчили режим пребывания. — М. Ч.]. Солдаты пользовались свободой выхода из базы в поселок до определенного [установленного. — М. Ч.] времени.

⁴³ Цит. по: *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 158–159.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 105–108.

⁴⁵ *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 21.

В поселке имелись кофейные, небольшой ресторан мсье Терно, куда вход тоже был разрешен. (...) Но за малейшее нарушение порядка и провинность строго наказывали, сажали в будку, принуждали дробить на дороге камень»⁴⁶.

Таким образом, с самого начала их прибытия на африканскую землю русские солдаты пытались отстаивать свои права. Их борьба резко обострилась после окончания войны. Но отсутствие яркого лидера среди солдатской массы, к тому же, разобщенной по разным районам Алжира, помогло французам поддержать порядок в Алжире.

* * *

Редкое свободное от тяжелой работы время солдаты проводили достаточно однообразно. Обичкин вспоминал: «Больше всего, конечно, говорили о Родине, вспоминали разные случаи из жизни на родной земле, о родных — женах и детях, мечтали, как они приедут домой. Иногда пели песни — русские, украинские. (...) В выходные дни, если были деньги, мы шли в г. Бон, в 7 километрах от нас. Единственным развлечением в городе для нас была выпивка. Очень редко бывали в кино»⁴⁷. Очень остроумно написал один безывестный солдат: «Мы имеем счастье прогуливаться по городу — с метлой в руках»⁴⁸.

И все же, досуг можно было разнообразить. Носов вспоминал о проведенном 18 апреля 1919 г. «от большой скуки и худой невыносимой жизни» «небольшой спектакль, а после спектакля спели марсельезу, похоронный марш и с тем разошлись на покой»⁴⁹.

В отличие от солдат 1-й и 2-й категорий «трияжа», солдаты 3-й категории в Алжире не имели права на отпуск. Как правило, они не могли даже выходить за пределы своего местопребывания. Но насколько строго выполнялось последнее распоряжение, остается неизвестным, ибо для контроля за передвижением солдат 3-й категории требовалась сильная охрана, которая, как правило, отсутствовала (особенно там, где солдатам приходилось работать небольшими командами).

По данным Адана французы в целях поднятия общего настроения «африканцев» и одновременно пытаясь отвлечь их от борьбы против хозяев, поощряли посещение солдатами кинотеатров, библиотек, пение русских народных песен⁵⁰. Однако эти меры могли оказаться эффективными только в крупных местах сосредоточения солдат, но даже и они, разумеется, не дали положительного политического эффекта французским властям.

⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 3.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 102–103, 105–106.

⁴⁸ Цит. по: *Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire...* P. 76.

⁴⁹ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 128, 131.

⁵⁰ *Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire...* P. 124–127.

Таким образом, формы проведения досуга, как можно догадаться, не отличались особым разнообразием, но можно уверенно предположить, что и в случае расширения его возможностей вряд ли можно было существенно что-то изменить в лучшую для солдат (с точки зрения французского командования и работодателей) сторону.

Несмотря на мрачные, похожие на каторжные условия пребывания в Алжире, солдаты 3-й категории, как уже отмечалось, имели большие возможности для переписки. Новиков свидетельствовал: «Мой друг т. Рагозин получил письмо из Тебессы от т. Курочкина». Тот же мемуарист утверждал, что получал письма из Франции от своих товарищей, как и каждый солдат, по одному письму, два раза в месяц: 15-го и 30-го числа, и что им даже разрешали выписывать газеты⁵¹. О возможности переписки вспоминал и Носов. Известный бунтовщик-куртинец П. Кидяев переписывался с товарищами, находившимися во Франции и Алжире.

По данным Адана, через военную цензуру в г. Алжир только с марта по сентябрь 1918 г. прошли 13 422 письма, отправленных солдатами, и 9802 – полученных ими. В среднем цензоры читали 250 писем в день, то есть, скорее всего, достаточно бегло и невнимательно, поскольку в октябре 1918 г. чтением писем в Русском бюро г. Алжир занимались только два офицера⁵². Более того, часть писем избегала контроля (по некоторым подсчетам, до 40% всех писем): солдаты, например, отправляли корреспонденцию через представителей местного населения, с которыми успели познакомиться. Наиболее изворотливые даже разрабатывали специальные шифры и алфавиты, кодируя смысл, а также применяя невидимые чернила.

Основные темы, на которые цензура обращала внимание, включали: отношение к Франции, наличие/отсутствие «революционного сознания», жалобы на условия жизни, качество питания или его наличие/отсутствие. Хотя летом 1919 г. в связи с окончанием войны военно-полевая цензура была отменена, по мнению Адана, какие-то средства контроля над перепиской должны были сохраняться⁵³.

Хотя Париж надеялся, что письма из дома с описанием тягот жизни заставят потускнеть образ большевиков в глазах «африканцев», французы, похоже, добились обратной реакции. Так, цензоры сделали выборку нескольких характерных писем (март, май 1918 г.): «Я получил много писем из России... (...) Теперь французы превратились в буржуев, которые заодно с нашими буржуями»; «большевики отняли земли, зерно и лошадей у кулаков и роздали их беднякам»; «советское

⁵¹ Новиков В.Н. Указ. соч. С. 16, 21, 24.

⁵² Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 14, 16.

⁵³ Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 17, 22, 24–25.

правительство уже конфисковало некоторые заводы, и теперь все заводы и фабрики скоро будут нашими. Какие счастливые изменения в России для народа!»; «у нас на Украине есть собственное независимое правительство под названием Рада. К несчастью, Рада против большевиков, она за господ»⁵⁴.

Таким образом, французы, несмотря на условия труда, разрешали солдатам поддерживать связь с родными и друзьями; солдаты, хотя и с опозданием, но проявляли редкую осведомленность о главных событиях в России и в мире.

В Алжире присутствовали православные священники [о. Серафим (Д.Д. Булатов), о. Александр (Гереминевич)], но какую роль они играли в духовной жизни солдат — неизвестно. Так, очевидцы (Астров, Обичкин, Иванов, Новиков, Носов) ни разу даже не упомянули о присутствии в их среде служителей культа. Только Карев вспоминал, как солдат привели в местный костел: «Кюре на каждом слове вспоминал бога. Сидящие на скамьях наши солдаты также вспоминали его, но только с руганью. Когда французские колонисты вставали со скамьи и стояли с опущенными головами, шепча молитвы, мы продолжали сидеть». В итоге за неподобающее поведение солдат, к их радости, как вспоминал Карев, перестали водить в храм⁵⁵. С другой стороны, автору известна пара фотографий группы солдат с православным священником (одним и тем же), — вряд ли солдаты стали бы фотографироваться с ним, если бы испытывали к нему неприязнь.

Одна из неразрешенных проблем для исследователей — отношения между русскими военнослужащими. По крайней мере, солдаты-мемуаристы представляли солдат и унтер-офицеров как страдавших от французов в одинаковой мере, не отделяя первых от вторых. Скорее всего, эти отношения вряд ли отличались чем-то в лучшую сторону по сравнению с периодом участия в боевых действиях во Франции и на Балканах, особенно по отношению к своим же офицерам, которым запрещалось разговаривать с подчиненными. В случае контактов куртинцев и курновцев отношения между ними гарантированно могли быть резко отрицательными, откровенно враждебными.

В области межнациональных отношений среди солдатской массы, относившейся к 3-й категории, можно выделить три уровня: отношения с колонистами-работодателями; отношения между русскими и местным населением (европейского и арабского происхождения); отношения между русскими и французскими военнослужащими (включая представителей африканского компонента Североафриканской армии).

⁵⁴ Цит. по: *Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire...* P. 183, 184, 188–191, 193.

⁵⁵ *Карев П.Ф. Указ. соч. С. 110–111. См. также: Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire...* P. 66.

Отношения с работодателями формировались, судя по всему, исключительно по субъективным причинам, например в зависимости от личности и характера того или иного хозяина. Так, Носов совершенно откровенно назвал «своего» помещика «очень хорошим человеком» (см. выше). Правда, мотивация хозяев-работодателей остается предметом для рассуждений — не исключено, что к солдатам они могли относиться сугубо и исключительно как к работникам, о которых следует заботиться, чтобы они хорошо работали (но не всегда, как видели выше на примере размещения солдат в хлевах). С другой стороны, нельзя не сбрасывать со счетов свидетельство того же Носова, с теплотой вспоминавшего, как их хозяин вручил солдатам на дорогу щедрый подарок.

Любопытными представляются последствия стычки Обичкина с неким итальянцем, хозяином фермы. Как-то Обичкин, чувствуя себя больным, с трудом работал в винограднике. Наблюдавший за ним итальянец вдруг закричал: «...“pas comme ça!” (не так), выхватил кирку из моих рук и начал показывать как нужно работать. Меня охватила злость: “Работаешь, работаешь, все равно не угодишь. Тогда я сказал ему — работай comme ça (так) сам”, — повернулся и ушел в барак, где мы жили».

Однако за открытое неповиновение хозяину послушника наказывать не стали, а просто отстранили от работы: «Без работы я жил недели две-три. Валялся, как *и все* [выделено мной. — М. Ч.] целые дни в палатке. Кормили неплохо...», — вспоминал Обичкин, — а затем, «после нескольких недель безделья» направили на другую работу, в канцелярию отряда в Дюзервилль⁵⁶.

Иванов приводит другой случай. У хозяина, на которого он работал вместе с сотней товарищей, был младший сын, злой и вредный подросток, пытавшийся строить солдатам всевозможные козни. Однажды задира даже попытался отхлестать кнутом копавших канавы солдат. Но стоило тем угрожающе поднять кирки и заступы, как «надсмотрщик»-малолетка тут же убежал. Никаких наказаний для солдат за явную угрозу хозяйскому отпрыску наложено не было⁵⁷.

Однако не всегда для солдат дела складывались столь благополучно. Один из переводчиков, с которым пришлось работать Обичкину, оказался «паршивейшей личностью», «страшным пьяницей и картежником». Придравшись к тому, что Обичкин отдал солдатам без его разрешения газеты, он затеял драку. Обичкин был арестован и посажен на две недели в импровизированную кутузку — обыкновенный сарай, ибо «тюрьмы в местечке не было»⁵⁸.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 106–107.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 90–91.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Д. 6. Л. 107.

Отношение к русским солдатам со стороны франкоалжирцев, судя по всему, колебалось между отрицательным и положительным. Уже в первый же день пребывания в Северной Африке, если верить мемуаристам, происходили любопытные случаи. Так, в тунисской Бизерте Иванов обратил внимание на то, как на пристани «буржуазные дамы в белых платьях» «бросали в наши ряды апельсины и мандарины»⁵⁹.

По прошествии определенного времени уже в Алжире Обичкин заметил: мы, говорил он, «даже ухаживали за дочками хозяина — их у него было четыре — и две у управляющего. Все молодые французы находились в армии, и они не прочь были полюбезничать с русскими солдатами»⁶⁰ (некоторые солдаты здесь женились и, судя по всему, вместо репатриации предпочли остаться в Алжире).

Хотя французские жандармы регистрировали увеличение жалоб на кражи и прочее насилие со стороны солдат в отношении франкоалжирцев, Адан полагал, что в действительности преступления, осуществленные именно русскими «африканцами», были немногочисленны, так как представители властей пытались сознательно списывать на русских солдат преступления, которых они не совершали⁶¹.

Алжирские социалисты (среди них практически не было тогда арабов) выражали симпатии к российским изгнанникам и старались облегчить их участь. В мастерских, заводских цехах, где регулярно общались русские и европейские рабочие, завязывались беседы.

Местные власти всеми средствами пытались ограничивать контакты русских «африканцев» с франкоалжирцами, правда, только там, где солдат оказывалось слишком много. Франкоалжирцы из числа настроенных к русским благожелательно, делились с ними новостями, снабжали их социал-демократическими газетами, помогали им налаживать переписку с земляками⁶².

С представителями коренного населения — арабами и берберами — русские солдаты вступали в контакт в самых различных ситуациях. Вероятно, отношения с ними налаживались, судя по всему, неплохо (при наличии возможности какого-то общения хотя бы на французском языке).

Многие солдаты сочувствовали арабам (сентябрь 1918 г.): «Блида — городок красивый. Со всех сторон окружен крепостной стеной с бойницами... Куда ни глянь — одни казармы! А как же иначе? Как обеспечишь без них, без этих казарм, да без стен каменных расцвет французской культуры? И как гарантируешь алжирскому народу право

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 68.

⁶⁰ Там же. Д. 84. Л. 103–104.

⁶¹ *Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire...* P. 63.

⁶² *Летнев А.Б. Алжирская одиссея.* С. 155.

на самоопределение?», — вспоминал один из солдат⁶³. «Нашему хозяину не понравилось, что мы, русские, часто беседовали с работающими у него арабами»; «арабы очень хороший, добрый и трудолюбивый народ» (Егерев). Солдат Иванов также тепло отзывался об алжирских арабах⁶⁴. Отдельные мемуаристы (например, Носов) об арабах высказывались хотя и в нейтрально-положительном ключе, но, скорее, неопределенно.

При этом осталось неясным, что сами арабы думали о русских солдатах. По словам Обичкина, алжирские арабы «дружелюбно относились к нам, русским, так как видели в нас таких же угнетенных, как и они сами. В беседах они говорили, что считают нас братьями» (подобное мнение высказывали также Астров, Власов и Попов)⁶⁵. Однако по словам неизвестного солдата-«африканца», хотя «арабы обращались к нам со словом “камаруна” — товарищ, но все же общий социальный враг — хозяин был нам ближе своей культурой»⁶⁶.

Проведя в Алжире несколько месяцев, солдаты стали лучше разбираться в пестром этническом конгломерате местного населения, равно как и в межэтнических отношениях. Так, неизвестный автор сообщил (сентябрь 1918 г.): «Арабов французы просто презируют... “Так вот оно что, вы, стало быть, якшаетесь с арабами!” — такой упрек у них всегда наготове. А уж арабских женщин, мавританок, тех вообще за людей не считают. Не жалуют они и евреев, которым здесь совершенно не доверяют. Да и насчет испанцев не лучше. Тебя сразу предупреждают: лучше, мол, держись от них подальше, знаешь ли, он того, испанец...»⁶⁷

Отношения между русскими и французскими военнослужащими были достаточно нейтральными. В упоминавшемся уже предписании Клемансо к Муанье (30 ноября 1917 г.) министр особенно настаивал на запрете контактов русских солдат с местным населением и военнослужащими Иностранного легиона⁶⁸. Правда, русские солдаты, судя по всему, не видели особой разницы между легионерами, жандармами и французскими солдатами, о которых вспоминали лишь мимоходом. Немногим больше солдаты говорили о военнослужащих Североафриканской армии. Зато с удовольствием вспоминали о великодушно протянутой французским военным сигарете.

⁶³ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 153.

⁶⁴ *Егерев М.* Указ. соч. С. 93; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 56.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 107; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 4а; *Власов А.П.* Указ. соч. С. 120; *Ардашев М.А.* Указ. соч. С. 98.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 2а. Л. 63; *Adam R.* Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 160.

⁶⁷ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 155.

⁶⁸ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 26–27.

Известен и совсем уникальный случай, когда африканский стрелок по имени Зигла Муму, охранник тюрьмы, бежал вместе с русским заключенным П.В. Кривенем (будущим директором Харьковского художественного института и Украинской государственной картинной галереи). Примечательно, что, когда французы поймали беглецов, они расстреляли только Зиглу Муму (как дезертира), а Кривеня просто вернули в тюрьму⁶⁹.

В целом можно сказать, что в большинстве случаев русские мемуаристы достаточно нейтрально (а иногда и положительно) высказывались о рядовых и, отчасти, сержантах французской армии, и в то же время, как правило, рисовали непривлекательные портреты французских офицеров.

Чем дальше, тем более острым среди русских «африканцев» становилось желание вернуться в Россию. 28 июня 1919 г. генерал Нивель запросил главу правительства о скорейшем разрешении вопроса с их репатриацией. Нивель с большим беспокойством отмечал, что в случае отказа в репатриации Франция может столкнуться с восстанием русских солдат в Алжире: «Это восстание окажет огромное влияние и на европейцев, и на туземцев в колониях», — предупреждал Нивель⁷⁰.

На сегодняшний день целостную картину репатриации русских солдат и офицеров именно 3-й категории системы «трияжа» бывшей 1-й и 2-й Особых пехотных дивизий на территорию бывшей Российской империи представить невозможно. Даже известные работы по репатриации солдат и офицеров из Франции (и Балкан) в Россию не акцентировали внимания на военнослужащих, оказавшихся в 3-й категории⁷¹.

Скорее всего, время репатриации «африканцев» на родину можно датировать с весны 1919 г. по осень 1920 г. Так, в сентябре 1919 г. из г. Алжир на борту четырех пароходов в южнороссийские порты были отправлены 4214 человек, и к 20 октября того же года оставалось еще 5061 человек, пожелавших уехать⁷². «Африканцы» могли вернуться обратно в Россию и другим путем: через Францию, далее по железной дороге в Москву или Петроград. Менее вероятен еще один маршрут — морем через Швецию и Финляндию.

⁶⁹ Африка. Колониальное общество и политика. М., 1993. С. 159–160; Красное знамя. Харьков. 23 февраля 1977 г. № 38 (9707); там же. 24 февраля 1977 г. № 39 (9708).

⁷⁰ Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 157.

⁷¹ О репатриации русских войск см.: *Попова С.С.* Судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России (по неопубликованным документам военного министерства Франции) / Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 1995. С. 196–216; *Бочарова З.С.* Возвращение на Родину солдат Русского экспедиционного корпуса // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 51–58.

⁷² ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 29. Д. 10. Без нумерации.

К настоящему времени (2019 г.) вряд ли возможно воссоздать законченную картину условий жизни и работы русских солдат 3-й категории в Алжире, особенно учитывая их рассредоточенность мелкими группами. Тем не менее можно сделать некоторые предварительные выводы.

Прежде всего следует сказать, что в Алжире из 1-й дивизии оказалась абсолютно вся 3-я категория, а из 2-й дивизии — только самая активная ее часть («дурные элементы») 3-й категории (с точки зрения французских властей — самая недисциплинированная).

Из обеих дивизий в Алжир солдаты прибывали либо осознанно, либо по принуждению; первых насчитывалось подавляющее большинство, при этом их мотивация остается предметом для дискуссий.

Открытым остается и вопрос о степени виновности французского правительства, уготовившего бывшим союзникам (русским солдатам), проливавшим кровь в Шампани и на Балканах, нещадную эксплуатацию и невыносимые условия пребывания в североафриканских лагерях. Здесь нельзя не увидеть в действиях Парижа превентивные меры по защите внутренней безопасности государства и общества в условиях незавершенной войны. Можно вспомнить, что своих собственных мятежников и смутьянов из числа военнослужащих французские власти отправляли из метрополии подальше, например, в Марокко или другие колонии, определяя их в дисциплинарные части.

Система управления русским солдатским контингентом в Алжире была громоздкой, но, по каким-то причинам, она, вероятно, устраивала французское командование. Эта система контроля над русскими «африканцами», скорее всего, не могла охватить все находившиеся на территории Алжира рабочие отряды.

Пребывание 9–9,5 тыс. русских солдат в Алжире оказалось для них суровым испытанием, сопровождавшимся не только физическими, но и моральными страданиями. Для Парижа нахождение почти десятка тысяч солдат бывших союзных войск на французской территории (в Алжире) представило непредвиденные, в том числе и юридические, трудности.

Располагая имеющимися фактами, можно предположить, что условия труда, быта, денежного содержания, питания, медицинского обслуживания зависели главным образом от субъективных факторов: от отношения к солдатам-рабочим на данном месте их трудовой повинности; финансовых возможностей самих солдат; удаленности рабочих команд от крупных городов и центров (чем дальше от них, тем хуже).

Отдельный интерес представляет борьба солдат-рабочих за свои права против жестокой эксплуатации их труда. Об эффективности

этой борьбы судить трудно, но можно достаточно уверенно предположить, что, если она и не приводила к коренному улучшению положения солдат, то, по крайней мере, создавала очевидную напряженность для местных французских военных и гражданских властей.

Самый тяжелый период, вероятно, выпал на первые месяцы пребывания русских солдат на африканской земле, что не удивительно, ибо французы и местное европейское население Алжира после сепаратного Брестского мира на фоне жертвенности французского общества рассматривали их как презренных предателей общего дела Франции и Антанты.

Взаимоотношения между русскими военными служащими представляются понятными только в одном: солдаты отрицательно относились к власти над собой, особенно со стороны офицеров; менее понятно, власть каких офицеров они переносили хуже – русских или французских, или и тех, и других в равных долях.

Еще одну не до конца выясненную для исследователя проблему представляет комплекс межнациональных отношений, связанный с пребыванием русских солдат в Алжире. Можно лишь предположить, что вспышки неприязни и даже ненависти с обеих сторон во многом зависели от объективных причин (подписание большевиками перемирия с германцами, заключение Брестского мира, окончание Первой мировой войны, интервенция Антанты в Россию), усугублявшихся причинами субъективного характера (отношение со стороны конкретного хозяина-работодателя, конвоира, а также условия работы, быта, ностальгия по родине, резко усилившаяся после окончания войны).

Много вопросов вызывают и другие аспекты темы – нюансы системы управления русскими солдатами-рабочими в Алжире; жизнь и служба офицеров 3-й категории; неизвестными остаются и следы культурного влияния в Алжире русских военнослужащих, если, конечно, о них всерьез можно говорить.

Что касается репатриации русских «африканцев», то можно предположить, что в подавляющем большинстве они вернулись из Алжира в Россию. Оставшихся в Алжире было минимальное количество. Число умерших там колеблется от нескольких сотен до одной тысячи человек.

Таким образом, изучение пребывания русских солдат в Алжире в 1918–1920 гг., являющееся неотъемлемой частью истории Первой мировой вообще и истории России того периода в частности, вплоть до сегодняшнего дня незаслуженно остается малоисследованной темой.

ФРАНСУА МИТТЕРАН И МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ: ИЗ ИСТОРИИ НЕПРОСТЫХ ОТНОШЕНИЙ

К.П. Зуева

Трагический XX в., отмеченный двумя мировыми войнами, завершился событием, которое коренным образом изменило систему международных отношений, о чем еще долго будут спорить политики и историки. Речь идет о развале Советского Союза, который обрушил биполярную систему, превратив мир в однополярный. Одним из активных участников событий того времени, наряду с лидерами Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и ФРГ, был президент Франции Франсуа Миттеран.

Опытный политик, за плечами которого был длительный путь борьбы за высший пост в государстве, Миттеран, несомненно, стал крупной фигурой на французской политической сцене. Однако его политическая карьера неоднократно подвергалась угрозе из-за многочисленных скандалов, а в его биографии были факты, которые оценивались современниками далеко неоднозначно. Во время Второй мировой войны Миттеран служил в Комиссариате по делам военнопленных правительства Виши и даже был награжден орденом «Франциска». Известна глубокая неприязнь генерала де Голля к Миттерану, имя которого он собственноручно вычеркнул из списков представленных к награждению участников Сопrotивления. Ему ставили в вину и то, что во время войны в Алжире он выступал за «французский Алжир». Не будучи социалистом по своим взглядам (его называли самым левым среди правых), Миттеран в 1971 г. возглавил Социалистическую партию, что помогло ему в 1981 г. занять пост президента Франции. В этом качестве он пробыл 14 лет, став президентом-долгожителем.

За время пребывания на этом посту Миттеран провел целый ряд реформ, добившись успехов в экономической и социальной областях. Кстати, его «кумиром» среди французских государственных деятелей был Наполеон III, личность неоднозначная, называвший себя социалистом, осуществивший индустриализацию страны и модернизацию городов Франции, но закончивший свое правление позорным поражением во франко-прусской войне. Как личность, Миттеран был человеком закрытым и осторожным. Люди, близко общавшиеся с ним, свидетельствовали, что он никогда не говорил ни «да», ни «нет». Его излюбленным выражением было — «посмотрим»¹. Вместе с тем о нем

¹ *Dumas R. Politiquement incorrect. Secrets d'Etat et autres confidences. Carnets 1984–2014. Paris, 2015. P. 49.*

отзывались как о «человеке высокой культуры, любящим размышлять, философствовать и прекрасно знающим литературу, идет ли речь о великих французских и зарубежных классиках или о современных авторах»².

Что касается отношения Миттерана к Советскому Союзу, то оно было явно враждебным, и не только в идеологическом плане, поскольку он был откровенным антикоммунистом. Воспользовавшись поддержкой французских коммунистов для прихода к власти, он в то же время ставил своей задачей сократить до минимума влияние ФКП в политической жизни Франции. В международных делах Миттеран открыто и резко осуждал советское военное вмешательство в Афганистан, как и политику СССР по отношению к Польше в 1980-е гг.

С советской стороны Ф. Миттерану пришлось иметь дело с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, о котором написано уже огромное количество книг и статей, где зачастую с противоположных позиций оценивается политика первого (и последнего) президента СССР, замысел и результаты начатой им перестройки. При всей разнице в оценках политики Горбачева все исследователи сходятся в одном — именно он дал толчок процессам, приведшим к развалу Советского Союза и радикальным изменениям в системе международных отношений, последствия которых определяют современное мировое развитие.

В продолжающихся спорах на тему горбачевской перестройки принимают участие и французские политические аналитики. Известный политолог, основатель и президент Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль в своей книге «Память настоящего времени» писал: «Горбачев потерпел поражение, ибо его выводы относительно того, как надо реформировать СССР, оказались ошибочными»³. То же самое Монбриаль распространяет и на внешнюю политику Горбачева: «...и в этой сфере ход истории оказался весьма далек от первоначальных планов»⁴.

Монбриаль полагает, что в отличие от Петра I, у Горбачева отсутствовало острое чувство реальности. Объясняя впечатление, которое советский генсек производил на Западе, французский политолог подчеркивает: «...Как было не поддаться обаянию этого руководителя, который, несмотря на смуту, царившую в его империи, превосходно владел собой, обладал даром слова и проявил столько таланта во внешней политике!.. Феномен «горбомании» легко объясним в обществе охочем до зрелищ»⁵. Тем не менее Монбриаль считал, что деятельность

² Raimon J.-B. *Le quai d'Orsay à l'épreuve de la cohabitation*. Paris, 1989. P. 41.

³ Монбриаль Тьерри де. *Память настоящего времени*. М., 1997. С. 127.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 125–126.

советского генсека, при всех его ошибках и просчетах, войдет в историю скорее «со знаком плюс».

Весьма показательно в отношении политики Горбачева мнение дипломатического советника Миттерана Ю. Ведрина, который сравнивал советского реформатора с учеником чародея — персонажем баллады Гёте, пробудившего силы, с которыми не смог справиться⁶.

Личное знакомство Миттерана и Горбачева произошло в марте 1985 г., когда французский президент прилетел в Москву на похороны генсека ЦК КПСС К.У. Черненко. Первоначально Миттеран не планировал этот приезд, однако в последний момент изменил свое решение.

Дело в том, что в начале марта в Москву прибыла французская делегация во главе с дипломатическим советником президента Роланом Дюма. Целью этого визита было улучшение политических и торговых связей с Советским Союзом. Судя по всему, Р. Дюма, хорошо говоривший по-русски и имевший определенные связи в советском обществе, понял, что со смертью Черненко в СССР могут произойти изменения, поскольку в Москве ходили упорные слухи, что на его место может быть выдвинут человек, не принадлежащий к «старой гвардии». Именно Ведрин убедил Миттерана прилететь в Москву на похороны Черненко.

Первая беседа Горбачева и Миттерана продолжалась почти час вместо запланированных 10 минут. По свидетельству Дюма, первоначальная оценка французским президентом будущего советского лидера была достаточно сдержанной: «Он такой же, как и другие»⁷. Вместе с тем Миттеран отметил его молодость, открытость и хорошее знание положения дел в стране.

В августе 1985 г. было объявлено об официальном визите Горбачева во Францию уже в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. Визит состоялся в октябре месяце. Тогда произошло более обстоятельное знакомство двух лидеров. Для Миттерана важно было знать, насколько серьезных изменений можно ждать в советской политике с приходом Горбачева. А советскому лидеру было важно укрепить отношения с Францией и сделать ее союзницей в проведении задуманной им политики прекращения гонки вооружений. Во время бесед с Миттераном Горбачев настаивал на том, что Советский Союз и Западная Европа должны действовать сообща в этом направлении, чтобы заставить администрацию Рейгана предпринять встречные шаги.

Советскому лидеру была предоставлена возможность встретиться с французскими парламентариями, представителями деловых кругов,

⁶ *Vedrine H.* Le monde de Francois Mitterrand. Paris.1996. P. 435.

⁷ *Dumas R.* Op. cit. P. 67–68.

посетить завод «Пежо». Однако не будучи уверенным в том, насколько можно верить заявлениям Горбачева, Миттеран отказался подписывать по итогам визита совместное коммюнике, желая, по словам Дюма, «сохранить свободу рук»⁸.

Объясняя свою позицию послу СССР во Франции Ю. Воронцову, французский президент сказал, что его разногласия с США по СОИ известны всем, но повторять это в совместном с Горбачевым коммюнике означало придать этим разногласиям «совсем другой смысл»⁹. Взамен Миттераном было предложено проведение совместной пресс-конференции с представителями мировой прессы.

В ходе переговоров с Горбачевым Миттеран вел себя более, чем осторожно. По словам Дюма, со стороны Франции не было дано никаких «авансов». Однако французский президент понял, что в советской политике «в перспективе грядут изменения»¹⁰. Об этом свидетельствовал и ряд заявлений Горбачева. Во время торжественного приема, когда Миттеран упомянул об Афганистане, советский лидер ответил, что это было не его решение, давая таким образом понять, что он его не поддерживает. А в ходе пресс-конференции, отвечая на вопрос одного из журналистов, допускает ли он, что Советский Союз может когда-либо вступить в НАТО, Горбачев ответил: «Почему бы и нет?»¹¹ Однако после этой встречи Миттеран сказал Дюма: «Я не знаю, понимает ли он, какие потрясения ждут мир, если он осуществит то, что задумал»¹².

Совершенно очевидно, что Горбачев и его команда были в определенной степени разочарованы результатами визита во Францию. Весьма характерна в этом отношении запись, сделанная ближайшим помощником генсека А. Черняевым 7 октября 1985 г.: «Еще одна на протяжении веков попытка России обняться с Европой. И опять — ирония, холодность, вежливость сверху вниз. Опять Достоевско-блоковская ситуация: достаточно было посмотреть на лицо Миттерана во время совместной пресс-конференции — надменное лицо Европы в ответ на наше радушие»¹³.

Действительно, в ходе прошедших переговоров французский лидер проявил свойственную ему сдержанность и осторожность («посмотрим!»). Он довольно долго до конца не верил в реформаторскую деятельность Горбачева. На франко-германской встрече в Гейдельберге в конце 1986 г. Миттеран и Коль обсуждали вопрос, могут ли они до-

⁸ Ibid. P. 93.

⁹ Ibid. P. 94.

¹⁰ Ibid. P. 97.

¹¹ Ibid. P. 98.

¹² Ibid. P. 97.

¹³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 56.

верить новому советскому лидеру. Известный французский историк М. Ферро считал, что, «поддерживая Горбачева, Миттеран не оценил масштаб потрясений, которые испытали на себе СССР и страны Восточной Европы, в особенности ГДР: но кто тогда был более прощательным»¹⁴. Действительно, никто из западных лидеров и представить не мог, к чему приведут задуманные Горбачевым реформы, облеченные в формулу «перестройка» и «гласность».

После визита Горбачева во Францию Миттеран поспешил заверить обеспокоенных немцев, что речь не шла об их изоляции, а также направил письмо Рейгану, в котором объяснил переговоры с советским генсеком тем, что «Франция выполняет основную дипломатическую роль, заключающуюся в сближении двух блоков»¹⁵.

Миттеран понял, что Франция как партнер очень нужна новому советскому руководителю в его стремлении уменьшить накал международной напряженности и побудить руководство США снизить взрывоопасный уровень гонки ядерного оружия. Этот вывод французского президента вполне оправдался в дальнейшем, так как в ходе советско-французских переговоров в Москве летом 1986 г. речь шла главным образом о разоружении.

В первые годы пребывания у власти основное внимание Горбачева было направлено главным образом на улучшение советско-американских отношений и достижение договоренностей по ядерному разоружению. Европейская тематика отходила для него на второй план. Тем не менее диалог с Францией продолжался. Миттеран выступил в поддержку советско-американского диалога. Однако он был категорически против включения французского ядерного оружия в переговоры о его сокращении. Как известно, Горбачев счел его аргументы убедительными.

Как известно, процесс реформ, запущенных Горбачевым, в исторически короткое время вышел из-под контроля и создал предпосылки для развала не только Варшавского договора, но и самого Советского Союза. Особенно серьезная ситуация возникла, когда процессы демократизации начали создавать нестабильную обстановку в ГДР — одной из опор Варшавского договора и СЭВ. В повестку дня встал вопрос объединения ФРГ и ГДР. Канцлер Коль увидел в создавшейся ситуации возможность быстрее объединения двух немецких государств.

Иначе отреагировал президент Миттеран, воспринявший такую перспективу, скорее, как серьезную угрозу безопасности Европы, поскольку не было ясно, к каким методам мог прибегнуть Горбачев, чтобы остановить или хотя бы приостановить стремительно разви-

¹⁴ Ферро М. История Франции. М., 2015. С. 578.

¹⁵ Dumas R. Op. cit. P. 99.

вавшиеся процессы. Тем не менее он не был категорически против объединения Германии, но при соблюдении определенных условий: этот процесс не должен стать слишком поспешным, и объединенная Германия должна оставаться активным участником европейской интеграции, в частности, поддержать создание зоны евро. Известно его шутивное выражение: «Мы так любим немцев, что хотим, чтобы у них было две Германии».

Стремясь быть непосредственно в курсе событий, происходивших в странах Восточной Европы, Миттеран начиная с 1989 г. посетил ряд восточноевропейских столиц, в том числе Софию и Варшаву, где поддержал развитие демократического процесса. В частности, на пресс-конференции в Варшаве он выразил особенное одобрение «смелости настоящих патриотов, обладающих обостренным чувством ответственности, которые осуществляют трудный эксперимент и избрали путь демократии»¹⁶.

Что касается Горбачева, то, по свидетельству его помощника А. Черняева, он еще в 1987 г. «не исключал воссоединения Германии»¹⁷. Уже на следующий год во время встречи с канцлером ФРГ он сообщил ему о своем согласии на объединение двух германских государств. Когда эта проблема начала обсуждаться более конкретно, Горбачев предложил вариант нейтрализации нового немецкого государства, поскольку западная и восточная его части входили в разные военные блоки. Однако Миттеран и Коль высказались против этой идеи. Как свидетельствует Дюма, французский президент опасался нейтрализации Германии, поскольку это могло негативно повлиять на франко-германские отношения, которые всегда были «мотором» евроинтеграции. Эти опасения подогревались слухами о том, что объединенная «Большая Германия» может выйти из интеграционного объединения, чтобы иметь свободу рук для проведения политики подобной предвоенной.

Летом 1989 г. в присутствии ведущих европейских СМИ Миттеран заявил: «Стремление немцев к единству представляется мне законным, но оно может быть реализовано только мирным и демократическим путем»¹⁸. Однако он считал, что слишком торопиться с этим не следует.

Но события развивались слишком стремительно. К осени участились встречи Миттерана с Колем и Горбачева с Колем, а также с американцами, которые активно поддерживали немецкого канцлера в деле объединения Германии (детали этих поистине трагических для советского лидера переговоров подробно описаны в книге известного американиста А.И. Уткина)¹⁹.

¹⁶ *Dumas R.* Op. cit. P. 194.

¹⁷ *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 154.

¹⁸ *Dumas R.* Op. cit. P. 196.

¹⁹ *Уткин А.И.* Членство в восьмерке: цена вхождения. М.: Алгоритм, 2006.

Все это происходило на фоне тревожных сообщений, которые приходили из Восточной Европы и из Москвы. 10 ноября в Болгарии был свергнут Т. Живков. В ГДР советские войска были подняты по тревоге. Дюма пишет, что Горбачев отправил Миттерану паническое послание, прося его вмешаться, чтобы «события не приняли нежелательный оборот»²⁰. По его словам, из Кремля приходили двусмысленные и даже панические послания. Французскому президенту было известно, что между Горбачевым, Колем и американцами ведутся интенсивные переговоры по поводу объединения Германии. Однако детали этих переговоров были ему неизвестны, что вызывало у него серьезную обеспокоенность. Ситуацию не могли прояснить и во французском посольстве в Москве. Поэтому Миттеран отправил 13 ноября 1989 г. в советскую столицу министра иностранных дел Дюма, чтобы тот на месте оценил обстановку.

Тем временем, опираясь на полную поддержку американцев и пользуясь слабостью позиции Горбачева, который оказался к этому времени лицом к лицу со сложнейшей ситуацией в стране, канцлер Коль решил действовать быстро и жестко. 28 ноября он представил Бундстагу «Программу объединения двух Германий» из 10-и пунктов, в соответствии с которыми ГДР без всяких условий должна присоединиться к ФРГ.

Миттеран, как и все остальные (кроме американцев), был поставлен перед свершившимся фактом, и, по словам Дюма, был просто в ярости²¹. Поскольку в этот момент Франция председательствовала в ЕЭС, французский президент считал, что этим фактом Европу игнорируют при решении столь важного вопроса.

Непонятна ему была и позиция советской стороны в этом вопросе. Именно поэтому Миттеран поручил Дюма, который еще находился в Москве, договориться о встрече с Горбачевым. Было условлено, что она пройдет в Киеве. Уже после этой встречи на пресс-конференции, отвечая на вопрос: «Зачем вы приехали в Киев, господин президент?», Миттеран ответил: «Я хотел узнать от самого Горбачева, что он думает по поводу договоренностей, достигнутых между советской и американской сторонами и, в частности, захочет ли он «двинуть дивизии»²². На самом деле Миттеран хотел понять насколько Горбачев сдал позиции, чтобы самому не оказаться в числе «отстающих».

В ходе их встречи в Киеве 6 декабря 1989 г. Горбачев и Миттеран выразили возмущение тем, что канцлер Коль не уведомил их о таком важном шаге, как озвучивание пресловутых 10-и пунктов. «Речь Коля,

²⁰ *Dumas R.* Op. cit. P. 203.

²¹ *Ibid.* P. 205.

²² *Ibid.* P. 207.

его десять пунктов, — сказал Миттеран, — все перевернули с ног на голову. Он перемешал все факторы. Он спешит»²³.

Об этом же говорил и Горбачев, подчеркнув, что 10 пунктов Коля не вписываются в современную ситуацию и противоречат достигнутому с ФРГ взаимопониманию и принципам общеевропейского процесса. «Во-первых, — сказал он, — Коль забегает вперед, спешит. Во-вторых, он формулирует свои тезисы в такой форме, что фактически это означает диктат»²⁴. Горбачев рассказал Миттерану, что уже высказал свое возмущение вице-канцлеру Геншеру, прямо заявив ему: «Если вы хотите все взорвать, ликвидировать все, что достигнуто, тогда действуйте так, как вы действуете. Но вся ответственность ляжет на вас»²⁵.

Оба политика согласились с тем, что «германский компонент должен быть лишь одним из элементов европейской политики, но отнюдь не преобразующим, не ведущим»²⁶. Это означало, что решение германской проблемы должно происходить в рамках общеевропейского процесса. Однако кроме расплывчатых заявлений со стороны Горбачева никаких конструктивных предложений не последовало. А когда, по свидетельству бывшего заведующего международным отделом ЦК КПСС В. Фалина, принимавшего активное участие в подготовке переговоров по вопросу объединения Германии, на встрече в Киеве Миттеран предложил Горбачеву вместе лететь в Берлин, чтобы поддержать главу ГДР Э. Хонеккера, советский лидер ответил ему: «Хотите лететь — летите один, а я не полечу!»²⁷

Любопытно признание Горбачева в беседе с Миттераном о якобы возникшем у него «ощущении», что «США не совсем откровенно говорят о своей позиции, излагают ее не до конца»²⁸. Весьма сомнительно, что он не понимал, чего хотят от него Коль и стоящие за ним американцы и, возможно, не хотел говорить Миттерану, что готов им уступить. В соответствии с американскими планами объединение Германии должно происходить путем безоговорочного поглощения Западной Германией Восточной ее части, а новое германское государство оставаться членом НАТО.

Может быть, шая самодлюбие Горбачева, Буш до поры до времени не посвящал его в свои планы, что весьма сомнительно. Однако со-

²³ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 91. Оп. 1 // URL: http://www.rodion.org/other/mgigv/1989_3htm#64 (дата обращения: 4 мая 2019 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ «Вот тогда-то Горбачев и сдал ГДР» // Наша Версия. 26 августа 2019 г. — 1 сентября 2019 г. № 32 (707). С. 12.

²⁸ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 91. Оп. 1 // URL: http://www.rodion.org/other/mgigv/1989_3htm#64

ветский лидер находился в отчаянном положении, и уже обратился за экономической помощью к американскому «партнеру», что давало американцам серьезные рычаги давления на Горбачева в вопросе объединения Германии.

Судя по всему, после беседы 6 декабря Миттеран вряд ли до конца уяснил для себя позицию Горбачева. Однако он понял, что тот с ним не откровенен и что положение советского лидера становится все более шатким. По словам Дюма, Горбачев даже драматизировал ситуацию, говоря: «Разве европейцы хотят видеть на моем месте советского маршала?»²⁹

Несмотря на заверения Горбачева, что положение в ГДР нормализуется, а митингов становится меньше, обстановка там продолжала накаляться. Стремясь воспользоваться этой ситуацией, Коль и поддерживающие его американцы решили, что настало время окончательно решить вопрос о членстве будущей объединенной Германии в НАТО. Беседы на эту тему состоялись у Горбачева с госсекретарем США Бейкером и канцлером Колем еще в феврале 1990 г., и уже было ясно, что советский лидер сдает свои позиции, хотя каждый раз он пытался сформулировать какие-то возражения, которые, впрочем, его собеседниками всерьез не воспринимались.

Обсуждению этой темы главным образом была посвящена встреча Горбачева и Миттерана 25 мая 1990 г. Знакомство с текстом беседы двух лидеров производит странное впечатление. Казалось, что Горбачев существует в другой реальности и пытается убедить своего собеседника в том, что вопрос о принадлежности объединенной Германии к НАТО еще очень далек от окончательного решения. Был ли это сознательный обман или самообман – вопрос открытый. Однако, как следует из текста беседы, многоопытному Миттерану ситуация уже была более или менее понятна. Он прямо признал, что «ускорение процесса объединения Германии, начавшееся в ноябре прошлого года, опрокинуло (все) высказывавшиеся на этот счет возражения»³⁰. В ходе беседы Миттеран очень четко сформулировал свою позицию по этому вопросу, состоящую из трех пунктов. Первый содержал требование гарантий объединенной Германии в отношении западных границ Польши (такие гарантии Колем впоследствии были даны).

Во втором пункте говорилось о том, что «Германия должна пойти на уступки, передать Сообществу часть своих национальных компетенций, чтобы позволить им продвигаться вперед»³¹. Конкретно

²⁹ *Dumas R.* Op. cit. P. 208.

³⁰ Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 1. Оп. 1 // URL; http://www.rondon.org/other/mgigv/1990_4/htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.)

³¹ Там же.

речь шла о согласии Германии отказаться от дойчмарки и поддержать французскую идею введения общеевропейской валюты – евро. (Впоследствии это требование Коль также выполнил). И третье, что постулировал Миттеран, было его признание в том, что он не видит «каких-либо возможностей запретить Германии сделать свой выбор, когда она объединится и полностью обретет свой суверенитет»³².

Французский президент высказал также в ходе беседы мнение, что объединение Германии не должно негативно повлиять на уже сложившуюся в Европе систему договоренностей. «Существует, – сказал он, – такой аспект, как различные договоренности, заключенные в Европе. *Во-первых*, необходимо обеспечить соблюдение правил, согласованных в рамках Хельсинкского процесса. Следует придать больше веса содержанию СБСЕ. Необходим постоянный механизм, чтобы не просто проводить иногда встречи министров иностранных дел, а поставить их на регулярную основу»³³. Движение в вопросе сохранения присутствия советских войск на востоке Германии, по его мнению, «не должно быть слишком быстрым», и, вообще, было бы мудро, чтобы процесс объединения немцев «шел помедленнее»³⁴. В течение всей встречи Миттеран стремился донести до Горбачева мысль о том, что Советскому Союзу следует требовать от Германии определенных гарантий, и он «вправе получить их»³⁵.

Горбачев согласился с французским президентом в том, что в вопросе объединения Германии следует «действовать без спешки»³⁶. Однако неожиданно обмен мнениями между двумя лидерами перешел в область, мягко говоря, далекую от реальности. Советский лидер предложил собеседнику подумать о будущей структуре безопасности: «Почему бы не поразмышлять о налаживании взаимодействия между Варшавским договором и НАТО?.. Если будут вырисовываться какие-то формы взаимодействия и взаимосвязи между двумя военно-политическими группировками, то, может быть, единая Германия могла бы стать каким-то пространством, полем для такого взаимодействия. Тогда единая Германия не принадлежала бы только Варшавскому договору или только НАТО, а стала бы чем-то, что перекрывалось бы обеими организациями»³⁷.

Увлеченно развивая эту мысль, Горбачев продолжил: «Поиск новых форм отношений между союзами мог бы осуществляться в контексте разработки политической организации новой Европы. Тогда в сочета-

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

нии с тем, что вы говорили о конкретных мерах и гарантиях, связанных с объединением Германии — о границах, о присутствии иностранных вооруженных сил в Германии, о судьбе международных соглашений, заключенных немецкими государствами с другими странами, о других элементах урегулирования, — договоренности между союзами органически влились бы в этот процесс»³⁸. Такие заявления выглядели бы вполне здравыми, если бы они не делались в то время, когда появились все признаки распада Восточного блока, а до официального прекращения деятельности Варшавского договора оставался всего год.

В недавнем интервью корреспонденту «РИА Новости» экс-премьер ГДР Модров сказал по этому поводу: «В апреле 1990 года Горбачев заявил, что Германия лучше останется в Варшавском договоре и в НАТО одновременно. Как можно было иметь такие иллюзии? Он даже не осознавал, что Варшавского договора больше нет. И, конечно, никто не воспринимал такие предложения всерьез»³⁹. Вызывает большое сомнение в том, что Горбачев действительно был не в курсе происходящего.

Миттеран, очевидно, имеющий информацию о реальном положении дел в странах Восточной Европы, сдержанно возражал собеседнику, заявив, что не уверен в успехе подобного предприятия. Что касается вопроса о членстве Германии в НАТО, то президент Франции выразил готовность оказать Горбачеву поддержку, но высказал убеждение, что ключ к его решению находится в руках у советского лидера. Вместе с тем Миттеран откровенно информировал Горбачева о своей позиции: «Я не говорю “нет”, если знаю, что на следующем этапе мне придется сказать “да”. Если я скажу “нет” в вопросе принадлежности Германии к НАТО, то окажусь в изоляции в среде своих западных партнеров»⁴⁰. В конце беседы французский президент практически прямо предупредил Горбачева, что тому придется согласиться с членством Германии в НАТО, поскольку ни на какие другие варианты немцы не пойдут.

Судя по всему, ко времени их майской встречи с Горбачевым Миттеран уже прекрасно понимал, что положение в Советском Союзе приближалось к критическому: перестройка вышла из-под контроля, экономическая реформа в стране потерпела неудачу, начались

³⁸ Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 1. Оп.1 // URL; http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4/htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.)

³⁹ «Экс-премьер ГДР Ганс Модров: Горбачев не был великим политиком» // РИА Новости. 13 августа 2019 г. // URL:https://ria.ru/20190813/1557414550.html?utm_source=ria.24smi.info&utm_medium=referral&utm_campaign=&utm_content=2401857 (дата обращения: 4 мая 2015 г.)

⁴⁰ Из записи беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном один на один 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 51. Оп. 1; URL: http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.).

перебои с обеспечением населения продовольствием. Как писал в своих мемуарах Дюма, «Советский Союз был подобен пьяному тонущему судну»⁴¹. Миттеран прекрасно понимал также, что Горбачев пытался это скрыть от своего собеседника и что откровенный диалог с ним вести затруднительно. Об этом, кстати, свидетельствует бывший заместитель министра иностранных дел СССР А. Адамишин: «Горбачев... и Шеварднадзе один день обсуждали условия объединения (Германии. — К.З.), а на другой могли сказать, что будут защищать ГДР до конца»⁴².

Кроме того, Миттеран не мог не знать о заявлении, которое сделал Горбачев в интервью американскому журналу «Тайм» накануне их встречи. «Мне кажется, — сказал он, — что не все на Западе так уж безмерно рады объединению Германии, как иногда показывают. И даже надеются, что удастся застопорить его нашими руками, чтобы переложить ответственность на нас и посорить нас с немцами»⁴³. Под понятие «на Западе», конечно, подпадал и французский президент. Тем не менее Миттеран симпатизировал Горбачеву и даже сочувствовал ему. Но главное было в том, что он считал Советский Союз важным для Франции партнером. «Я постоянно повторяю: европейская безопасность невозможна без СССР, — говорил он, — не потому, что СССР — противник, имеющий мощную армию, а потому что он наш партнер. Это в наших интересах»⁴⁴. Миттеран неоднократно призывал лидеров стран Запада поддержать перестройку и лично Горбачева. Однако американцы и немцы стремились в условиях ослабления позиций Горбачева добиться от него как можно больше уступок.

Как известно, в результате переговоров в рамках «4+2» 12 сентября 1990 г. в Москве был подписан окончательный вариант договора о воссоединении Германии. Горбачев согласился на то, что это новое немецкое государство безоговорочно станет членом НАТО и не потребовал при этом никаких уступок и гарантий безопасности, хотя многие в Советском Союзе опасались, что после этого войска Альянса сосредоточатся на границах СССР. В своих мемуарах Дюма пишет по этому поводу: «Это опасение с советской стороны видеть силы Альянса у своих дверей стало более, чем актуальным с размещени-

⁴¹ *Dumas R.* Op. cit. P. 235.

⁴² *Адамишин А.Л.* О прошлом, которое продолжается // Россия в глобальной политике, 2008. № 3; URL:https://globalaffairs.ru/number/n_10947/ (дата обращения: 4 мая 2015 г.).

⁴³ Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. 30 июня. № 12 (70). С. 10 // URL:www.rodon.org/other/mgigv/1990_4htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.).

⁴⁴ Из записи беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном один на один 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 51. Оп. 1; URL:http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4htm#95 (дата обращения: 23 июня 2019 г.)

ем вооруженных сил Запада в Польше и странах Балтии и в Турции. Я вспоминаю, что этот вопрос был упомянут в договоре. Было четко указано, что “силы НАТО не будут размещены на протяжении старых границ СССР”. Однако эта статья больше не фигурирует в договоре... Я спрашиваю себя, в какой момент произошла манипуляция, если не сказать мистификация»⁴⁵. Трудно представить, что это произошло без согласия Горбачева. Весьма характерна реакция канцлера Коля на все эти события. Не скрывая торжества, он заявил: «ГДР нам досталась по цене бутерброда!»⁴⁶ Очевидно, он имел в виду продовольственную помощь ФРГ Советскому Союзу на сумму 220 млн марок и 13,5 млрд марок, которые были обещаны в качестве компенсации расходов по выводу советских войск из ГДР.

Помимо германской проблемы, решение которой, объединившись, Франция и Советский Союз могли бы сделать менее болезненным, чему помешала, по сути, капитулянтская позиция Горбачева, в активе обоих лидеров была тема, которая их, несомненно, сближала. Речь идет об идее общеевропейского сотрудничества, получившая во французском варианте название «Европейская конфедерация», а в интерпретации советского руководителя – «Общеевропейский дом». Эта идея была озвучена Горбачевым еще во время визита во Францию в октябре 1985 г. Выступая по французскому телевидению он заявил: «Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие – с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать и налаживать коммуникации в этом доме»⁴⁷.

По существу, это было предложение наладить в Европе качественно новые отношения. Именно так эти слова и были оценены Миттераном, который назвал их «прекрасной формулой»⁴⁸. Более полно концептуальные основы идеи «Общеевропейского дома» были изложены Горбачевым в выступлении перед Советом Европы в Страсбурге 6 июля 1989 г. Горбачев представил эту идею как становление нового «европейского порядка», затрагивающего все сферы международных отношений. В понимании советской стороной формулы «общеевропейского дома» на первый план выдвигались общеевропейские ценности, которые должны потеснить национальный

⁴⁵ *Dumas R.* Op. cit. P. 244–245.

⁴⁶ *Литовкин В.* Уроки августа 1991-го. Пришли как победители и освободители, уходили как нежеланные гости // ТАСС. 30 августа 2019 г. Версия для печати полная: URL: https://tass.ru/opinions/6786952?utm_source=tass&utm_medium=teaser&utm_campaign=teaser (дата обращения: 23 июня 2019 г.).

⁴⁷ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию, 2–5 октября 1985 г. М., 1985. С. 14–15.

⁴⁸ *Mitterrand F.* Mon projet. Nouvelle Observateur. Paris. 1989. 27 juillet-2 août, № 129. P. 22.

и блоковый эгоизм и позволили бы заменить традиционный баланс сил взаимоприемлемым балансом интересов, что реально обеспечило бы суверенное право народов на выбор собственного пути.

Конечная же цель ее состояла в том, чтобы через деидеологизацию, демилитаризацию и демократизацию международных отношений постепенно преодолеть экономическое и военно-политическое разделение Европы, перейти от противостояния между государствами двух систем к их конструктивному взаимодействию. По сути дела, это была достаточно абстрактная схема в духе большинства выступлений Горбачева, далекая от реальности и требующая большей конкретизации.

Несколько иной представлялась идея «Европейской конфедерации», выдвинутая и более четко сформулированная Миттераном в его новогоднем выступлении 31 декабря 1989 г. «Европа, — сказал он, — будет уже не той, что мы знаем последние полвека. Вчера она зависела от двух сверхдержав, но теперь вернется домой, к своей истории и географии. После Хельсинкских соглашений я ожидаю увидеть в 90-х годах европейскую конфедерацию в истинном смысле этого слова, которая вберет в себя все государства нашего континента»⁴⁹. Он обрисовал панъевропейскую структуру в виде концентрических кругов, где 12 членов ЕЭС должны были формировать активное ядро этого нового политического образования, к которому примыкали бы бывшие члены Организации Варшавского договора, затем и Советский Союз. В отличие от формулы Миттерана идея «Общеввропейского дома» предполагала, что единство и безопасность Европы должны основываться на сближении ее Восточной и Западной частей. Однако она не содержала никаких институциональных предложений, что, по мнению французского президента, было ее серьезным недостатком⁵⁰.

Во время совместной пресс-конференции с Горбачевым 27 мая 1990 г. Миттеран более подробно остановился на своей концепции «Европейской конфедерации», заявив, что она «будет расширяться по мере того, как каждая страна будет создавать свои демократические институты», а к Европе будут присоединяться, кто сможет, включая, конечно, СССР жаль, что пока мы не можем сказать: прежде всего СССР»⁵¹. Однако желая поддержать Горбачева, положение которого вызывало у Миттерана определенные опасения, он стремился подчеркнуть не различия, а схожесть обеих формул, заявив, что они, кроме того, «дополняют друг друга»⁵². Тем не менее он все-таки сказал, что

⁴⁹ Les vœux de M. Francois Mitterrand // *Le Monde*, 2 janvier 1990. P. 5.

⁵⁰ *Mitterrand F. De l'Europe aux cantons* // *Le Monde*, 7–8 janvier 1990. P. 7.

⁵¹ Пресс-конференция М.С. Горбачева и Ф. Миттерана // *Правда*, 27 мая 1990.

С. 3.

⁵² Пресс-конференция М.С. Горбачева и Ф. Миттерана // *Правда*, 27 мая 1990. С. 3.

«нельзя прийти к согласию при наличии слишком глубоких различий между внутренними учреждениями европейских стран»⁵³, имея в виду, что для вхождения в сообщество европейских стран Советский Союз и страны Восточной Европы должны выполнить ряд условий: ввести многопартийность, свободные выборы, систему представительной демократии и свободу информации.

Однако обе идеи просуществовали недолго. С развалом Советского Союза рухнул проект «Общеввропейского дома», а с уходом Миттерана исчезла из политического лексикона и «Европейская конфедерация».

Своеобразной поддержкой Горбачева стало одобрение Миттераном советского предложения подписать советско-французский договор, который официально назывался Договор о согласии и сотрудничестве между СССР и Французской Республикой. Надо сказать, что, когда перед приездом де Голля в Советский Союз в 1966 г. советская сторона зондировала почву о возможности подписания такого договора, генерал счел его несвоевременным. Когда же такая идея вновь возникла в 1990 г., Франция сразу же дала согласие на подписание такого документа. Договор был подписан 29 октября того же года.

Желая поддержать Горбачева, Миттеран предложил подписать договор до заключения соглашения об объединении Германии. Однако этого не удалось сделать. В конце октября 1990 г. советская делегация прибыла в Париж. Как свидетельствует Дюма, у французского руководства создалось впечатление, что советский лидер приехал искать поддержки у Франции. Он откровенно демонстрировал свою растерянность, говорил, что и представить себе не мог, что дела пойдут таким образом, в том числе и для него самого. Горбачев жаловался на недоверие к нему со стороны западных стран, хотя он проводил реформы, «которые от него требовали»⁵⁴.

Накануне подписания договора между Миттераном и послом СССР во Франции Ю. Дубининым состоялась продолжительная беседа, которая свидетельствует о том, что французский президент прекрасно понимал сложность обстановки в Советском Союзе. В существовавших тогда условиях при публичном формулировании реальной политики Франции задача для него многократно усложнялась. «Риск, возможность и цена ошибки, — пишет Дубинин, — возростали»⁵⁵. Миттеран подчеркнул, что ключевая роль «должна принадлежать в новой обстановке в Европе отношениям его страны с Советским Союзом. Он заявил о своей поддержке преобразований, начатых Горбачевым. Я понимаю, — сказал он, — всю сложность того, что происходит в Советском

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Dumas R.* Op. cit. P. 248.

⁵⁵ *Дубинин Ю.* Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997. С. 126.

Союзе, и остаюсь, как вы знаете, убежденным сторонником поддержки вашей страны в обеспечении успеха политики перестройки. Это один из главных вопросов для будущего Европы»⁵⁶. Вместе с тем он подчеркнул, что заинтересован в том, чтобы Советский Союз и впредь оставался сильным и прочным единым государством. Миттеран пояснил, что такой подход определяется не только одобрением процесса трансформации самих основ жизни советского общества, но самими национальными интересами Франции.

Основной пункт договора содержал обязательство Франции действовать заключению соглашения между Советским Союзом и ЕС. Как вспоминал посол Дубинин, «именно французская сторона предложила на этот раз вынести на первый план в договоре европейскую тематику. Основным аргументом в обоснование было то, что именно в этой области взаимодействие двух стран приобретало подчеркнутую важность и актуальность и могло оказаться наиболее эффективным»⁵⁷. Обе стороны обязались объединить усилия в деле преодоления раскола Европейского континента на антагонистические блоки и преобразования его в мирную и солидарную Европу. Своей задачей они ставили добиваться того, чтобы Европа трансформировалась в сообщество права и демократии, а также превращению ее в общий дом и к созданию европейской конфедерации. По существу это был документ, который создавал основу для нового этапа отношений между Советским Союзом и Францией. Кроме политической поддержки, французские власти оказали Горбачеву и экономическую помощь в виде кредита в 10 млрд франков. Половина из них уже была выделена СССР еще до подписания договора, а вторая половина должна была быть предоставлена после его заключения. Однако из-за развала Советского Союза этот кредит, но уже в меньшем размере, получила Россия после подписания при Ельцине российско-французского договора в 1992 г.

В той же беседе с советским послом перед подписанием договора Миттеран еще раз затронул тему сохранения единства советского государства. «Мы не хотим, — сказал он, — чтобы на карте Европы появилось множество самостоятельных образований, с которыми такой стране, как Франция, было бы во всех отношениях трудно иметь дело, прежде всего в экономической области»⁵⁸. Тем не менее вскоре произошел неприятный инцидент, свидетельствующий о том, что слова президента Франции явно расходятся с его действиями.

Речь шла о подготовке Парижского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое было назначено на 20–21 ноября.

⁵⁶ Там же. С. 127.

⁵⁷ Там же. С. 121.

⁵⁸ *Dumas R.* Op. cit. С. 128.

Страной-хозяйкой этого Совещания была Франция. Участвовать в нем были приглашены и прибалтийские республики, находившиеся тогда еще в составе Советского Союза. Как пишет Дюма, «речь шла не более ни менее о том, чтобы обеспечить за всеми участниками их суверенитет, признанный всеми остальными, равенство прав и обязанностей»⁵⁹.

Советская сторона выразила возмущение такой позицией Франции. В конце концов, вопрос был улажен: делегации прибалтов были приняты только на Кэ д'Орсе. Ключом к пониманию позиции Миттерана в этом вопросе служит разъяснение Дюма, который вспоминал, что президент считал законным, когда «народы брали судьбу в свои руки», хотя «стабильность мира рискует заплатить за это большую цену»⁶⁰. Тем не менее Миттеран позитивно оценил результаты референдума, проведенного в Советском Союзе в марте 1991 г., на котором его граждане высказались за сохранение целостности советского государства. Французский президент надеялся, что Советский Союз сохранится хотя бы в составе меньшего числа республик. Но он был уверен, что прибалтийские республики удержать в составе СССР Горбачев уже не сможет. В конце июня 1991 г. Миттеран принял главу литовской оппозиции В. Ландсбергиса. Но французы поспешили уверить Москву, что речь шла лишь о расширении культурных связей между Францией и Литовской Республикой, и никаких решений без консультаций с советской стороной приниматься не будет. Тем не менее в конце августа того же года Франция признала независимость всех трех прибалтийских республик.

Миттеран прекрасно понимал, что Советский Союз остро нуждался в экономической поддержке. В начале мая 1991 г. он посетил Москву с визитом, в ходе которого обсуждались главным образом крупные советско-французские экономические проекты. Этот визит был также демонстрацией политической поддержки Миттераном Горбачева. Французский президент сказал тогда: «Я не хочу извлекать выгоду из отношений с теми или иными республиками. Я рассуждаю совершенно холодно: в интересах Франции, чтобы на Востоке Европы существовала центральная сила. Если будет распад, если вернемся к тому, что было у вас до Петра Великого, — это историческая катастрофа, и это противоречит интересам Франции. Вековая история учит нас тому, что на Юго-Западе Европы для Франции необходимо иметь союзника, чтобы можно было обеспечить равновесие. Любой распад целостности на Востоке несет нестабильность. Вот почему мы не хотим и не будем поощрять сепаратистские амбиции»⁶¹.

⁵⁹ *Dumas R. Op. cit. С. 250.*

⁶⁰ *Ibid. С. 265.*

⁶¹ Горбачев в жизни. М., 2016. С. 481.

Стремясь в это трудное для советского лидера время помочь ему, Миттеран призвал руководителей стран Запада оказать Советскому Союзу экономическую помощь для ускоренного проведения реформ. В этом его позиция кардинально отличалась от позиции президента Буша, который считал, что помощь СССР может быть оказана только после того, как будут проведены реформы.

В июле 1991 г. в Лондоне должно было состояться совещание «серьезки». Горбачев рассчитывал, что страны, входящие в нее, смогут оказать Советскому Союзу мощную финансовую поддержку. Как признавал помощник генсека А. Черняев, это был «момент, когда стало окончательно ясно, что без решающего шага к смене экономической системы все дело перестройки рухнет»⁶². По его словам, для Горбачева это была «жизненная и неотложная необходимость», поскольку иным способом «с кризисом, уже переросшим в политический, справиться было едва ли возможно»⁶³.

Наиболее активным сторонником оказания экономической помощи СССР на этом совещании был Миттеран. «Есть классический спор о том, что было раньше, курица или яйцо, — сказал он в своем выступлении. — И есть стремление давать оценку экономическому эксперименту, когда он еще не завершен. Так вот, лучшим аргументом против неверия является то, что делает президент Горбачев»⁶⁴.

Тем не менее просьба Горбачева не была удовлетворена, хотя, как пишет Дюма, его страна «находилась на краю гибели»⁶⁵. По его свидетельству, британский премьер Мейджор сказал, что помощь «нужно побережь для его (Горбачева) преемника»⁶⁶.

Наиболее драматичный эпизод отношений между Горбачевым и Миттераном связан с событиями августа 1991 г., когда членами ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) президент Советского Союза был объявлен «заболевшим» и фактически отстранен от своих обязанностей. Известие об этом вызвало шок на Западе. Во Франции глубокое беспокойство выразили не только официальные власти, но и представители общественности. В официальном заявлении Елисейского дворца говорилось: «Франция придает особое значение тому, чтобы жизнь и свобода М. Горбачева и Б. Ельцина были гарантированы новыми руководителями Москвы. О них будут судить по их действиям, в частности, их отношению к этим двум политичес-

⁶² Черняев А. Указ. соч. С. 444.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 11 // URL: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_11/ (дата обращения: 23 июня 2019 г.).

⁶⁵ Dumas.R. Op. cit. P. 282.

⁶⁶ Ibid.

ким деятелям»⁶⁷. Опасаясь за жизнь Горбачева, Миттерану и Дюма несколько раз звонила известный ученый и общественный деятель Франции академик Элен Каррер д'Анкосс. «Они убьют его»⁶⁸, — говорила она. Миттеран несколько раз безуспешно пытался дозвониться до изолированного в Форосе советского лидера. Впоследствии Горбачев упрекал французского президента, ссылаясь на то, что Буш смог все-таки с ним связаться.

Однако вслед за официальным заявлением Миттеран сделал заявление на пресс-конференции, которое вызвало неоднозначную оценку как во Франции, так и в Советском Союзе. Как пишет Дюма, в ходе своего выступления президент Франции неожиданно прочитал пассаж из послания председателя ГКЧП Г. Янаева, где говорилось о том, что ни достижения на пути демократии, ни безопасность Горбачева не ставятся под вопрос.

Дюма считает, что этот жест «был ошибкой» и мог быть истолкован, как фактическое признание путчистов в качестве законного правительства Советского Союза⁶⁹. Подобным же образом было оценено заявление Миттерана и рядом советских деятелей. Посол Ю. Дубинин прямо писал, что Миттеран признал факт того, что переворот совершился. По его словам, новых руководителей не отвергали как таковых. Речь шла лишь о своеобразных критериях, на основании которых имелось в виду судить об их действиях. Как считал Дубинин, интерес Франции состоял в том, чтобы «сохранить контакт во что бы то ни стало с непредсказуемым и сверхвооруженным Советским Союзом»⁷⁰. Можно по-разному оценивать этот шаг Миттерана, однако нет сомнений в том, что он руководствовался не личными предпочтениями, а тем, как он понимал национальные интересы Франции, для которой СССР был важным партнером.

Как известно, Миттеран быстро скорректировал свою позицию в отношении ГКЧП. Через два дня последовало его новое заявление, в котором французский лидер призвал вернуться «к демократической практике в СССР в соответствии с принятыми им международными обязательствами»⁷¹. Кроме того, Миттеран выступил с предложением как можно быстрее организовать встречу глав государств и правительств членов Европейского Сообщества для обсуждения ситуации в Советском Союзе и согласования совместных действий. 3 октября он принял советского посла, во время беседы с которым вновь высказался в пользу сохранения единства Советского Союза, а в заключение доба-

⁶⁷ Дубинин Ю. Указ. соч. С. 140.

⁶⁸ Dumas R. Op. cit. P. 286.

⁶⁹ Dumas R. Dans l'oeil du Minotaure. Le labirinte de mes vies. Paris, 2013. P. 287.

⁷⁰ Дубинин Ю. Указ. соч. С. 141.

⁷¹ Там же. С. 142.

вил: «Но главное в этом вопросе зависит, разумеется, от вас самих, мы можем лишь оказывать содействие»⁷². Судя по всему, Миттерану уже было ясно, что судьба Горбачева предрешена.

Следует ко всему этому добавить, что в сложном противостоянии Горбачева и Ельцина Миттеран никогда не делал двусмысленных шагов и заявлений. Пока лишенный поста Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев оставался президентом СССР никаких официальных контактов с Ельциным, который был руководителем крупнейшей республики страны, Миттеран не имел. Правда, в апреле 1991 г. в ходе визита Ельцина во Францию произошла их «случайная» встреча. Однако после этого официальный представитель Елисейского дворца Ю. Ведрин сделал следующее заявление: «Ельцин представляет Россию, и интерес имеет беседа с ним именно в этом качестве. Однако здесь не должно быть неясности. У Советского Союза один президент. Им является Горбачев»⁷³.

Трагические события конца 1991 г. общеизвестны. 8 декабря Беловежское соглашение положило конец существованию СССР, а 31 декабря президент Советского Союза объявил о своей отставке. Буквально за несколько дней до этого Миттеран позвонил Горбачеву. По словам Черняева, он снял с себя присущую ему маску величия и напыщенности, просто по-человечески выразил ему сочувствие и сказал об огромном значении Горбачева как политика и о бессмертии того, что сделано ими вместе.

Уже в качестве частного лица Горбачев встречался с Миттераном. Последняя их встреча состоялась в 1995 г. в США, где оба участвовали в телевизионной программе воспоминаний мировых лидеров. К тому времени Миттеран также уже закончил свою политическую карьеру и был тяжело болен.

В книге «После Кремля. Михаил Горбачев — о крупных фигурах европейской политики» бывший советский президент с большим уважением и благодарностью отозвался о Миттеране, назвав его «лидером исторического масштаба» для своей страны. «Он глубоко размышлял о судьбах Европы и мира, высказывал далеко идущие идеи, — писал Горбачев. — Одной из центральных была идея «европейской конфедерации», которая перекликалась с моими предложениями о строительстве общеевропейского дома... Миттеран хотел, чтобы голос Франции звучал на мировой арене по-особенному, чтобы его страна ставила в повестку дня крупные вопросы, затрагивающие интересы и будущее всего человечества. И в наших разговорах всегда большое место занимали глобальные проблемы, необходимость преодоления бедно-

⁷² Там же. С. 146.

⁷³ Там же. С. 136.

сти и экологической угрозы. Он сохранял верность идеям социальной справедливости. А на лондонской встрече “большой семерки” с моим участием был одним из тех, кто выступал за существенные меры по поддержке реформируемой советской экономики»⁷⁴.

Каково же было отношение Миттерана к Горбачеву? Факты свидетельствуют о том, что оно не было однозначным. Советский лидер стал разрушителем системы, на которой строилась внешняя политика Франции 60–80-х гг., позволявшая ей играть роль «моста» между Востоком и Западом, что значительно повышало ее авторитет в мире. С разрушением биполярной системы международных отношений Миттерану первому пришлось искать новые точки опоры внешней политики Франции, что было связано не только с особенностями однополярного мира, но и с появлением объединенной Германии, ее давнего противника и соперника.

Ответом Франции на новую ситуацию стала активизация европейского проекта как важнейшего направления ее внешней политики. Как писали в свое время аналитики Института мировой экономики и международных отношений РАН, стремясь максимально связать ФРГ обязательствами по ЕС, в Париже «рассчитывали создать такие механизмы сотрудничества, которые позволили бы частично уравновесить экономическое превосходство» Германии⁷⁵. Наряду с этим, Миттеран, как свидетельствовал известный франковед Ю. Рубинский, «настойчиво, хотя и безуспешно, предлагал ему (Горбачеву) совместно искать пути обеспечения стабильности в Европе после падения Берлинской стены с помощью создания общеевропейской конфедерации, призванной обеспечить дополнительные гарантии сохранения баланса сил на континенте с учетом объединения Германии»⁷⁶. Однако и на европейском направлении позиции Франции были в определенной мере потеснены ФРГ. Недаром З. Бжезинский считал, что главными победителями в холодной войне стали США и Германия, а проиграла прежде всего Советский Союз и Франция.

Однако с точки зрения идеологии крушение социалистического государства было для Миттерана принципиальной победой, которую он, безусловно, приветствовал. С большим одобрением относился французский президент и к политике Горбачева, направленной на демократизацию советского общества. И если вначале Миттеран несколько настороженно относился к деятельности молодого советского

⁷⁴ Горбачев М.С. После Кремля. М., 2014. С. 361 // URL: <https://rg.ru/2014/11/06/politiki.html> (дата обращения: 23 июня 2019 г.).

⁷⁵ 1992 год: новые контуры Западной Европы. М., 1992. С. 218.

⁷⁶ Рубинский Ю.И. Приметы времени. Том III. Франция на новых рубежах. М., 2018. С. 124.

лидера, то впоследствии он активно поддерживал его в отличие от других руководителей Запада, хотя в их отношениях и возникали определенные недомолвки. Французский президент, умудренный опытом многолетних политических «битв», прекрасно понимал, чего не договаривал в беседах с ним советский лидер.

В политике, как известно, нет места дружеским отношениям. И каждый из государственных деятелей защищает национальные интересы своей страны. Именно в соответствии с таким критерием оценивается впоследствии роль каждого из них. Президент Франции Франсуа Миттеран обеспечил себе достойное место в истории своей страны. За свое место в истории России Михаил Горбачев все еще продолжает бороться...

ФАКТОР НАТО В РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1990–2010-Е ГГ.

П.П. Тимофеев

В мировой политике двусторонние отношения отдельно взятых государств определяются не только интересами национальных элит, но и учитывают множество факторов, влияющих на диалог извне. Говоря об отношениях Москвы и Парижа в годы холодной войны и после ее окончания трудно найти более весомый внешний фактор, оказывающий влияние на безопасность обеих стран, чем существование Североатлантического альянса (НАТО), одной из стран-учредительниц которого является Франция. С одной стороны, присутствие альянса в Европе традиционно воспринимается в Москве настороженно, если не враждебно, что само по себе не может не влиять на российско-французский диалог. С другой – в НАТО входят самые различные страны, имеющие весьма далекие друг от друга традиции отношений с Россией, включая дружественные (например, Греция). Цель данной статьи – определить степень и характер влияния фактора НАТО на российско-французские отношения в 1990–2010-х гг. Играл и играет ли он определяющую или маргинальную роль? Всегда ли этот фактор был негативным, разводящим обе стороны в разные стороны или же есть примеры, когда он помогал сблизиться России и Франции? Является ли Франция в НАТО «адвокатом» России или же, наоборот, застрельщиком атлантизма? В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, сосредоточившись на основных событиях указанного периода (более подробная разработка данной темы превышает размеры статьи).

* * *

Говоря об отношениях России с НАТО в 1990-е гг., можно выделить три крупные проблемы: 1) определение места НАТО в формирующейся системе европейской безопасности; 2) расширение НАТО на восток и 3) Косовский кризис 1999 г.

После распада СССР и окончания биполярности Москва и Париж начали поиски модели новой системы безопасности для Европы. Исчез Варшавский договор, в НАТО на Римском саммите в ноябре 1991 г. была принята Стратегическая концепция, предполагавшая сокращение вооруженных сил альянса. Там же отмечалось, что задачи новой Европы не могут быть решены лишь усилиями НАТО, для этого потребуется сотрудничество разных организаций. Российское руковод-

ство взяло курс на сближение с Западом, французское было озабочено формированием Европейского союза. Символическим шагом в атмосфере завершения раскола Старого Света стал мораторий на проведение ядерных испытаний, введенный Б. Ельциным 26 октября 1991 г., а Ф. Миттераном — 8 апреля 1992 г. В Париже понимали, что «новая» Россия, чье руководство просило помощи для обеспечения безопасности ядерных централов, не может угрожать Западу: Ф. Миттеран ожидал в России долгого переходного периода, сравнивая состояние российской экономики с экономиками европейских стран после окончания Второй мировой войны¹. Реформирующаяся Россия не была способна противостоять НАТО и главное — не желала делать этого. Франция же, вышедшая из военного комитета НАТО в 1966 г., после рождения ЕС постаралась сделать упор на укрепление его силовой составляющей — «европейской оборонной идентичности» — в частности, ЗЕС, который Париж не желал отдавать в подчинение НАТО².

В этих условиях руководство России и Франции обоюдно видело желательным придание центральной роли в Европе — СБСЕ/ОБСЕ³, а в мире — Совету Безопасности ООН. Одновременно с этим руководство РФ, по-прежнему мысля сверхдержавными категориями, ориентировалось на установление «особых отношений» с США⁴ и начало процесса сближения с «Большой семеркой». 26 января 1994 г. Б. Ельцин писал Ф. Миттерану: «Нельзя позволить противникам сближения России с Западом навязать нам паузу. (...) Надо действовать (...) через выработку и утверждение уже на встрече “семерки” в Неаполе основных положений стратегии сотрудничества России с “семеркой” как в экономической, так и в внешнеполитической сфере. Эта стратегия должна четко прочертить перспективу превращения “семерки” в “восьмерку”, сначала — в политической области. В этой связи очень рассчитываю на солидарность и понимание со стороны Франции»⁵.

Ответ Миттерана был общим, но благосклонным: «Я так же, как и Вы, убежден в необходимости тесного сотрудничества между Вашей страной и западными партнерами по международным вопросам. Вы можете рассчитывать на готовность Франции содействовать такому

¹ *Vedrine H.* Les mondes de Francois Mitterrand. A L'Elysée. 1981–1995. P., 1996. P. 583.

² *Dumas R.* Politiquement incorrect. P., 2015. P. 359, 423.

³ СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, учрежденное в 1973 г. В 1994 г. было превращено в ОБСЕ — Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции Франсуа Миттераном и Жаком Шираком. 1991–1999. М., 2018. С. 22–24.

⁴ См.: *Арбатова Н.К.* Национальные интересы и внешняя политика России: европейское направление (1991–1999). М., 2005. С. 112.

⁵ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 41–43.

сотрудничеству»⁶. Накануне саммита «семерки» в Неаполе президент РФ уточнил свое видение многостороннего управления в Европе и в мире, настаивая на превращении G7 в G8: «Восьмерка» должна стать эффективным рычагом воздействия на ход мировых событий (...) Не должна «восьмерка» дистанцироваться от задачи реформирования структур обеспечения стабильности в Евроатлантическом регионе. Отводя ключевую роль СБСЕ, надо выходить на такую модель, в которую органически вросли бы ЕС, Совет Европы, НАТО, ССАС, ЗЕС и СНГ»⁷. Франция не торопилась расширять «Большую семерку»⁸, опасаясь расползания повестки этого «клуба»⁹, нацеленного на решение экономических задач передовых государств Запада, с которыми Россия ассоциировалась очень слабо.

На этом фоне срочным тестом на дееспособность международных организаций стали поиски выхода из гражданской войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Позиции России и Франции по этому вопросу в 1991–1993 гг. были близки: и Москва, и Париж пытались встать «над ситуацией», призывали конфликтующие стороны к переговорам и рассчитывали на миротворчество ООН без проведения силовых операций. Франция рассчитывала подключать Россию ко всем усилиям по миротворчеству в Боснии (переговоры в Контактной группе, формирование сил ООН, заключение соглашения в подходящий момент и проч.). Как пишет Ю. Ведрин, «российский лидер может оценить (...) те усилия, которые мы прилагаем ради жизнеспособных политических решений – с участием России – в Югославии»¹⁰. В апреле 1992 г. Ельцин писал Б. Клинтону: «Не снимаю вины с сербов, но и другие участники конфликта не без греха. Кто виноват больше, кто меньше – решать это на данной стадии конфликта было бы очень рискованно. Как измерить степень влияния Белграда на Р. Караджича? Как соотносить с этим присутствие войск Хорватии в Боснии, прямые призывы А. Изетбеговича к международной интервенции?»¹¹ Миттеран же 1 июня заявлял, что

⁶ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 48–49.

⁷ ССАС – Совет Североатлантического сотрудничества, форум государств-членов НАТО и его партнеров в Центральной и Восточной Европе, учрежден в 1991 г., в 1997 г. заменен Советом евроатлантического партнерства. ЗЕС – Западноевропейский союз, военно-политический союз, созданный с началом холодной войны и существовавший в 1948–2011 г. Там же. С. 57–59.

⁸ «Большая семерка» (G7) – международный клуб, объединяющий ведущие промышленно-развитые страны Европы и Северной Америки (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Япония), учрежден в 1975 г.

⁹ *Vedrine H.* Op. cit. P. 588.

¹⁰ *Ibid.* P. 582–583, 585.

¹¹ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 148.

в югославском конфликте «все неправы, и проблемы – сложные»¹². 28 июня – в очередную годовщину убийства Франца-Фердинанда – он нанес визит в Сараево¹³, а в июле принял премьер-министра Союзной республики Югославия (СРЮ) М. Панича, отметив, что Париж не рассматривает отправку военных на место и постарается приложить свое влияние в СБ ООН, чтобы этого не произошло. Тогда же на саммите СБСЕ в Хельсинки Россия воспрепятствовала исключению СРЮ из СБСЕ и отсрочила применение к Югославии военных мер. В августе Ельцин писал Клинтону, что все три конфликтующие стороны по-прежнему нарушают договоренности о прекращении боевых действий, и для их примирения нужны переговоры, а не поспешные действия: «...в любом случае использование силы в Боснии представляется нам оправданным только и исключительно под эгидой ООН, на основе заложенных в резолюциях Совета Безопасности процедур в целях обеспечения безопасности сил ООН, их защиты от любых провокационных акций, с какой бы стороны они ни исходили», – отмечал президент РФ¹⁴.

Иной позиции придерживались США, решавшие после краха bipolarности задачу – обосновать присутствие НАТО в Европе и преодолеть его кризис идентичности. Новой миссией НАТО, по сути, стало урегулирование конфликтов на посткоммунистическом пространстве. Большую роль, судя по всему, здесь сыграла недавняя война в Персидском заливе, убедившая западный мир в том, что конфликты можно решать путем осуждения и наказания. В эйфории, охватившей победителей в холодной войне, югославский конфликт подавался упрощенно: «Общественное мнение в Германии и во Франции не желает ничего слышать, после сражений в Крайне они видят лишь сербского агрессора и хорватскую жертву», – отмечал Ю. Ведрин¹⁵. Уже в июле 1992 г. Клинтон заявил о готовности предоставить ВВС НАТО в распоряжение американской дипломатии, если боснийские сербы продолжают попытки осады Сараево. Осенью ВМС и авиация НАТО начали осуществлять военное обеспечение эмбарго в Адриатике против Югославии. Как признается тот же Ведрин, осада сербами Сараево оправдывала в глазах Запада наказывающие, устрашающие действия. Если французы считали, что НАТО может быть лишь исполнительным органом и действовать лишь на основе политического решения, принятого СБ ООН или генсеком ООН, то американцы продвигали решение по применению НАТО военной силы в Боснии. Эта дискус-

¹² *Dumas R.* Op. cit. P. 342.

¹³ Как пишет Р. Дюма, «никто не обратил внимание на дату, но зная вкус Миттерана к истории, я сомневаюсь, что это совпадение было случайным». *Ibid.* P. 356.

¹⁴ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 149.

¹⁵ *Vedrine H.* Op. cit. P. 614.

сия имела более глубокий смысл: речь шла о месте НАТО в обороне Европы в сравнении с сугубо европейскими механизмами, которые пыталась создавать Франция¹⁶.

Несмотря на усилия А. Жюппе, Франции не удалось убедить Клинтона, что решение можно найти, если американцы надавят на мусульман, немцы – на хорватов, а русские и французы – на сербов¹⁷. Позиция Парижа изменилась: в условиях, когда осада Сараево продолжалась, Франция решила подключиться в феврале 1994 г. к операции НАТО, которая не была согласована с СБ ООН.

Это обеспокоило Россию, и 16 февраля 1994 г. Ельцин обратился к Миттерану с письмом, в котором просил выправить ситуацию и не допускать ударов по боснийским сербам, обещая «нажать» на Милошевича. «Мы хотим стать подлинными партнерами, причем партнерами зрелыми, и ждем того же от вас. Наше партнерство проходит сейчас проверку в Сараево. (...) Чего от нас ожидают? Чтобы мы сделали вид, будто не видим разницы между решением НАТО и решением СБ ООН? Чтобы поддержали односторонний ультиматум НАТО¹⁸, да еще в тот самый момент, когда в России и в мире крупно спорят, куда трансформируется Североатлантический альянс», – писал Ельцин, предупреждая, что в этом случае в Боснии может начаться полномасштабный конфликт. К письму прикладывался проект заявления правительства РФ, в котором говорилось: «Последствия применения силы вне контекста резолюций СБ вышли бы далеко за рамки Сараево, создали бы качественно новую ситуацию в Боснии, Европе и в мире в целом. Впервые за последние годы по ключевому вопросу мировой жизни решения принимались бы не совместно в Совете Безопасности, а в одностороннем порядке»¹⁹. В ответ Ф. Миттеран, заявил, что действия НАТО по запросу генсека ООН преследуют «лишь цель, поставленную Советом Безопасности», чтобы сделать невозможным повторение обстрелов Сараево²⁰. На тот момент боснийские сербы отвели вооружения, вероятно, не без нажима России²¹, но в дальнейшем, с апреля 1994 г. Альянс производил удары по их позициям.

Очевидно, Россия уже не могла ничего противопоставить этому, к тому же в июне 1994 г. Россия присоединилась к программе

¹⁶ *Vedrine H.* Op. cit. P. 651–652.

¹⁷ *Ibid.* P. 662.

¹⁸ Ультиматум НАТО боснийским сербам был выдвинут 9 февраля 1994 г.

¹⁹ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 43–44, 44–47.

²⁰ Там же. С. 47–48.

²¹ 21 февраля 1994 г. Ф. Миттеран обратился к французам, заявив: «Отвод тяжелых вооружений был достигнут благодаря решимости союзников и посредническому вмешательству русских к сербам». *Vedrine H.* Op. cit. P. 665.

НАТО «Партнерство ради мира», подписала на Корфу соглашение с ЕС, и готовилась к саммиту «семерки» в Неаполе. 28 июня Ельцин в письме Миттерану сообщал: «Терпеть до бесконечности кровопролитие в Боснии мы не собираемся» и предлагал координацию сил в ООН и СБСЕ²². В сентябре 1995 г. после новых бомбардировок НАТО Ельцин снова обратился теперь уже к Шираку. Президент РФ выступил против операции, которая по существу «превратилась в экзекуцию боснийских сербов», и заявил, что действия авиации НАТО следует немедленно прекратить, подчеркнув, что общественное мнение испытывает напряжение, вызванное односторонними действиями НАТО. «Предлагаю провести конференцию в Москве на фоне наших разногласий по авиаударам, это имело бы большое значение, поскольку подчеркнуло бы единство наших действий», — отмечал Ельцин²³. С началом мирных переговоров в Дейтоне Россия рассчитывала на получение «своего» сектора для миротворцев в Боснии и Герцеговине. Франция поддержала эту идею, но США выступили против²⁴. В январе 1996 г. Россия присоединилась к силам ИФОР, введенным в Боснию под руководством НАТО. Российский контингент (бригада) под командованием генерал-полковника Леонтия Шевцова подчинялся дивизии «Север» под командованием США. Конфликт в Боснии показал, что не только ОБСЕ, но и другие международные организации не имели военных инструментов для проведения операций по поддержанию мира²⁵. В этом вакууме доминантная позиция НАТО в системе евробезопасности оказалась безальтернативной — к неудовольствию России, и в меньшей степени, Франции.

Как и военное вовлечение в Боснию, расширение НАТО на восток было призвано закрепить роль Альянса в Европе в условиях открывшегося вакуума силы в ЦВЕ. Этот шаг означал «победу традиционных взглядов на европейскую безопасность, несмотря на всю риторику о неделимости этой безопасности после краха биполярности, и по сути, неверия в демократическое будущее России»²⁶. Как Россия, стремившаяся интегрироваться в Запад, так и Франция, не желавшая в Европе новых разделительных барьеров, не видели необходимости в этом процессе.

Заявления российского руководства в конце 1991 г. о возможном членстве в НАТО были скорее данью демонстративному разрыву с СССР. Стремление превратить РФ в «важнейшего американского

²² Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 57–59.

²³ Там же. С. 79–80.

²⁴ *Chirac J.* Le temps présidentiel. Mémoires. P., 2011. Т. 2. P. 114.

²⁵ *Арбатова Н.К.* Указ. соч. С. 152.

²⁶ Там же. С. 113.

союзника» было ориентиром Ельцина²⁷, но ориентиром нереалистичным. После визитов в Польшу, Чехию и Словакию Ельцин направил Миттерану 15 сентября 1993 г. письмо, в котором выразил серьезное беспокойство расширением НАТО на Восток. Ельцин отметил: «Главную угрозу Европе представляет теперь не конфронтация между Востоком и Западом, а межнациональные конфликты нового поколения. Количественное расширение НАТО вряд ли решит задачу эффективного противодействия им. Необходимо наращивание антикризисного, миротворческого потенциала в масштабах всего континента» — то есть, с участием России. Показателен в письме следующий момент: «Мы, конечно, понимаем, что возможная интеграция восточноевропейских стран с НАТО не приведет автоматически к какому-то повороту Альянса против России. НАТО не рассматривается в качестве противостоящего нам блока. Но важно учитывать, как на такой шаг могло бы отреагировать наше общественное мнение. Не только оппозиция, но и умеренные круги, несомненно, восприняли бы это как своего рода неизоляцию страны в противоположность ее естественному вхождению в евроатлантическое пространство». Президент РФ отметил, что Россия видит решение данной проблемы в том, чтобы отношения Россия—НАТО «были на несколько градусов теплее, чем отношения альянса с Восточной Европой». «В перспективе, наверное, нельзя исключать и нашего вступления в НАТО. Но это пока теоретический вопрос», — отмечал Ельцин. Он предложил Миттерану альтернативу расширению: предоставить государствам Восточной Европы от имени России и НАТО гарантии безопасности с акцентом на обеспечение суверенитета, территориальной целостности, нерушимости границ, на поддержание мира в регионе²⁸.

Франция разделяла российский подход в этом вопросе. Как отмечает Ю. Ведрин, Миттеран в беседах с американцами, лоббировавшими идею расширения НАТО на Восток, постоянно напоминал о том, что Россия не должна чувствовать себя униженной, что «угроза» для стран ЦВЕ является уже теоретической и может быть решена другими средствами²⁹. 5 ноября 1993 г. Миттеран ответил Ельцину: «Я прекрасно осознаю сложность этого вопроса и так же, как и Вы, не считаю желательным создание нового барьера, разделяющего Европу». Президент Франции согласился, что теперь главной угрозой для Европы является уже не конфронтация между Востоком и Западом, а риск новых видов конфликтов, «в частности таких, которые могут порождаться проблемами меньшинств». В связи с этим Франция при-

²⁷ Там же. С. 114.

²⁸ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 33–34.

²⁹ *Vedrine H. Op. cit.* P. 585.

глашала Россию присоединиться к конференции, где можно было бы обсудить Пакт стабильности для стран ЦВЕ. Миттеран также напомнил, что и СБСЕ должно сыграть свою роль, например, при разработке операций по принуждению к миру³⁰.

Тем не менее, и Россия и Франция стали участниками в 1994 г. натовской программы «Партнерство ради мира», «трусливой формулы для координации членов НАТО, стран восточной Европы и России», которую Б Ельцин воспринимал как альтернативу расширению НАТО на Восток³¹. В декабре 1994 г., Ельцин снова выступил против расширения, и Миттеран снова поддержал его: «Это расширение бесполезно и может быть опасным»³². При этом, как отмечает Т. де Монбриаль, Франция особенно обеспокоилась тем, что в расширенном НАТО организацией будут совместно руководить США и Германия³³. Ж. Ширак, сменивший Миттерана в 1995 г., принимая расширение НАТО как неизбежное, постарался связать этот шаг с реформой внутри НАТО, требуя от американцев отдать европейцам два командных поста в альянсе (северное и южное командование) для усиления «европейской опоры НАТО»³⁴. По его словам, именно с окончанием Холодной войны задачи НАТО изменились, прежде всего — от военных операций как таковых к урегулированию кризисов. На встрече с Ельциным в октябре 1995 г. Ширак предложил тому подумать над идеей общей обороны между Россией и этим возможным европейским столпом НАТО³⁵. Выступая в 1996 г. в конгрессе США, Ширак заявил: «Реформа нашей организации упростит ее расширение, если мы сможем предложить России позитивные отношения с НАТО, в рамках той архитектуры безопасности, которая даст этой великой стране место, которое ей предназначено в Европе. Присутствие российских солдат вместе с союзниками в Боснии — первый перспективный шаг в этом направлении»³⁶. Отвечая в августе 1996 г. на письмо Клинтона

³⁰ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 39–40.

³¹ *Арбатова Н.К.* Указ. соч. С. 115; *Vedrine H.* Op. cit. P. 587.

³² *Vedrine H.* Op. cit. P. 588.

³³ *Монбриаль Т. де.* Русский дневник: 1977–2011. М., 2019. С. 167–168.

³⁴ *Chirac J.* Mon combat pour la paix. Textes et interventions. 1995–2007. P., 2007. P. 202–203. Ширак отмечал в мемуарах, что требование Франции означало радикальное изменение в военной организации НАТО. «Речь идет ни больше ни меньше о том, чтобы получить «южное командование НАТО», ответственное за проведение операций, касающихся средиземноморского бассейна, чтобы его возглавил европейский генерал — почему бы не француз? Это настоящая провокация в глазах боссов Пентагона. Такой ценой Франция сможет стать полноправным партнером США в урегулировании крупных международных проблем как те, которые мы вместе урегулировали в Боснии. *Chirac J.* Le temps présidentiel. P. 135.

³⁵ *Chirac J.* Le temps présidentiel. P. 113.

³⁶ *Chirac J.* Mon combat pour la paix. P. 80–81.

с предложением продвинуть расширение НАТО, не дожидаясь реакции России, президент Франции снова попытался связать этот вопрос с реформой НАТО, но получил твердый отказ США³⁷.

В условиях, когда Россия не могла остановить расширение НАТО, а Франция, хоть и понимала ее, не собиралась останавливать данный процесс, стороны приняли участие в подготовке основополагающего акта Россия–НАТО. Еще в октябре 1996 г. Ельцин писал Шираку о желании достичь с альянсом соглашения, которое зафиксирует «конкретные взаимные обязательства сторон в сфере безопасности, а также четко очерченные механизмы консультаций и принятия решений» и позволит исключить появление нового раскола континента³⁸. Ельцин сигнализировал Клинтону: реализация планов расширения НАТО объективно, вне зависимости от того, ставит ли кто такую цель или нет, приведет к созданию новых разделительных линий в Европе, ухудшению всей геополитической ситуации. Расширение НАТО коренным образом ухудшит геостратегическое положение России, нанесет непосредственный ущерб интересам нашей национальной безопасности³⁹. Как вспоминал Е.М. Примаков, «понимая, что предотвратить расширение НАТО не удастся, был выбран вариант, который позволил при сохранении нашего негативного отношения к этому процессу повести дело к сокращению для России его отрицательных военных последствий».

После упорных переговоров Россия добилась того, что на территории новых членов НАТО запрещалось размещать ядерное оружие, складировать или строить сооружения для его складирования, перебрасывать для постоянного базирования значительные вооруженные силы⁴⁰. Подписанный акт Ельцин считал «историческим», рассматривая его как шаг к Европе без разделительных линий⁴¹. С ним был солидарен и Ширак, по словам которого «Основополагающий акт НАТО и России позволил нам стереть недостойное разделение, прочерченное в Ялте, которое противопоставляло Восток и Запад более

³⁷ Билл Клинтон позитивно смотрел на ротацию командующих НАТО, но был категорически против того, чтобы это применялось к южному командованию, так как это означало бы, что 6-й флот США в Средиземноморье окажется под контролем европейца. «Жак, я должен быть честен, — написал он Шираку 26 сентября 1996 г., — По вопросу о южном командовании — нет!». *Chirac J. Le temps présidentiel*. P. 160.

³⁸ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 98–99.

³⁹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. 1996–1999. М., 2011. Т. 2. С. 127–128.

⁴⁰ *Примаков Е.М.* Россия в современном мире. М., 2018. С. 356–357.

⁴¹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 136; Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 105–106.

чем полвека»⁴². В то же время, как напоминает Е.М. Примаков, остались и вопросы. Например, в акте 1997 г. «члены альянса отказались от дополнительных постоянных развертываний существенных боевых сил. Но что это значит в конкретных цифрах, до сих пор не ясно. Российская сторона исходит из того, что бригадный уровень с лихвой отвечает критерию «существенности»⁴³. Кроме того, в акт не вошли требования, на которых настаивала Россия: ее участие в принятии решений НАТО по вопросам европейской безопасности, особенно тех, где предполагалось применение силы, а также заключение юридического договора, устанавливавшего взаимные обязательства России и НАТО⁴⁴.

В июле 1997 г. на Мадридской встрече НАТО Венгрия, Чехия и Польша были приглашены в НАТО (куда вступили в 1999 г.), а с Украиной блок подписал хартию об особом партнерстве. Как и в случае с ОБСЕ и с Боснией, взаимопонимание России и Франции по вопросу о расширении НАТО не позволило им предложить и продвинуть жизнеспособную альтернативу процессу. Единственной уступкой, которую Россия смогла выторговать, стал акт 1997 г., подписанный, что символично, в Париже.

После подписания Парижского акта отношения России и НАТО, казалось, потеплели. В феврале 1998 г. в Москве был открыт Центр документации НАТО по вопросам евробезопасности, в марте в Брюсселе открылось представительство РФ при НАТО. Но уже следующий, косовский, кризис показал, что недоверие между двумя сторонами никуда не исчезло. Еще 12 марта 1998 г., за год до натовских бомбардировок Югославии, Ельцин писал С. Милошевичу: «На заседании Контактной группы⁴⁵ в Лондоне 9 марта нам удалось ценой огромных усилий сдержать принятие увесистого пакета санкций против СРЮ. Но за это мы платим большую цену, осложняя свои отношения с США и их западноевропейскими союзниками, которые — хочу это подчеркнуть — на этот раз сомкнулись с Вашингтоном». Ельцин подчеркнул: возможности для маневра минимальны, западные державы (то есть страны НАТО) ясно дают понять, что они готовы действовать в одностороннем порядке. Россия предложила СРЮ предоставить Косово автономию и подключить ОБСЕ, пригласив в мятежный край ее наблюдателей⁴⁶. По ходу усугубления сербо-албанского противостояния

⁴² *Chirac J.* Mon combat pour la paix. P. 211–212.

⁴³ *Примаков Е.М.* Указ. соч. С. 409.

⁴⁴ *Арбатова Н.К.* Указ. соч. С. 115.

⁴⁵ В Контактную группу вошли Россия и пять стран НАТО: США, Великобритания, Франция, Германия и Италия.

⁴⁶ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 435–437, 639.

в Косово, западные страны поставили на повестку дня вопрос о новом вмешательстве НАТО⁴⁷.

Франция была не против применения НАТО военной силы, но настаивала на том, что эту операцию должен был легитимировать СБ ООН⁴⁸.

12 августа 1998 г. НАТО одобрил три варианта военного вторжения в Косово, а 12 октября Совет НАТО принял решение об использовании силы против СРЮ с отсрочкой на 96 часов⁴⁹. На переговорах в Рамбуйе 18 марта 1999 г. сербы при поддержке России отказались подписать текст соглашения, предполагавший ввод контингента НАТО в Косово. Этот текст подписали остальные члены КГ, а также косовские албанцы. Как отмечал посол Югославии М. Йованович, «Югославия как суверенное и независимое государство отказывается разрешить иностранным войскам оккупировать ее территорию и поступиться этим суверенитетом (...) Встречи во Франции были не переговорами об автономии Косово и Метохии, а грубой и беспрецедентной попыткой навязать решение, четко поддерживающее сепаратистские цели»⁵⁰.

Франция оценивала ситуацию иначе: Ширак считал, что после этого дипломатического провала НАТО должен вмешаться, чтобы прекратить «бесчинства и этнические чистки» в Косово. В своих мемуарах он уточняет, что в Косово было необязательно прибегать к средствам НАТО, кризис можно было бы решить автономными силами ЕС, но их на тот момент не было. Что касается легитимации бомбардировок СБ ООН, то Ширак объясняет, что Россия угрожала использовать право вето против такой операции, «лишая нас тем самым всякого шанса выполнить миссию строго гуманитарного порядка в рамках логики предыдущих резолюций СБ по Косово». Но поскольку речь шла о защите ценностей и принуждении сторон к миру, то Франция дала добро на авиаудары⁵¹. Посол Франции в ООН А. Дежамме заявил, что «усилия по соблюдению соглашений в Рамбуйе были исчерпаны», не объясняя, почему⁵².

⁴⁷ Об этом, например, заявил один из лидеров косовских албанцев И. Ругова на встрече с Ж. Шираком в мае 1998 г.

⁴⁸ *Chirac J. Le temps présidentiel.* P. 238–239.

⁴⁹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 575–576.

⁵⁰ Совет Безопасности ООН. 3988-е заседание (24 марта 1999 г.). Предварительный отчет. S/PV.3988. С. 17 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3988> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁵¹ *Chirac J. Le temps présidentiel.* P. 236, 241–242, 244–245.

⁵² Совет Безопасности ООН. 3988-е заседание (24 марта 1999 г.). Предварительный отчет. S/PV.3988. С. 11 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3988> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Россия выступила категорически против военной операции НАТО. «На каком основании НАТО берется решать судьбы народов в суверенных государствах? Кто наделил ее правом выступить в роли блюстителя порядка?», — писал Ельцин Клинтону 23 марта 1999 г.⁵³

24 марта, в день начала бомбардировок Югославии без санкции ООН Б. Ельцин выступил с заявлением, справедливо назвав эту операцию «неприкрытой агрессией» и подчеркнув, что тем самым был нарушен как Устав ООН, так и основополагающий акт Россия—НАТО⁵⁴. Он пообещал пересмотреть отношения Москвы с НАТО, «как организацией, проявившей неуважение к фундаментальным устоям системы международного общения», отозвать в Москву главного военного представителя РФ при НАТО, приостановить участие России в программе «Партнерство ради мира» и партнерстве Россия—НАТО. Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится», — резюмировал он⁵⁵. Через неделю, 30 марта в послании Федеральному Собранию Ельцин заявил, что Россия не будет вмешиваться в конфликт военным путем⁵⁶. Ни задачи безопасности России, ни ее возможности не позволяли рассчитывать на успешное военное противостояние НАТО⁵⁷, поэтому ставка Москвы была сделана на дипломатическое посредничество между НАТО и Югославией, пока 10 июня не была принята резолюция СБ ООН 1244.

В отличие от проблем Боснии и расширения НАТО позиции России и Франции в косовском кризисе серьезно разошлись. Тем не менее, несмотря на активное участие Парижа в бомбардировках Югославии (2-й вклад в коалицию по числу самолетов), российское руководство

⁵³ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 194—195.

⁵⁴ Не очень ясно, что конкретно имел в виду Б. Ельцин, говоря о нарушении альянсом акта Россия—НАТО. Скорее всего, речь шла или о покушении НАТО на безопасность на Балканах или об отказе НАТО консультироваться с Россией при урегулировании кризиса. См.: *Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора*. 27 мая 1997 // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁵⁵ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 640—641.

⁵⁶ Особенно эту позицию оценили США. Там же. С. 195—196.

⁵⁷ Отчасти на это намекает Т. де Монбриаль, резюмирующий в своем дневнике разговор 12 декабря 1998 г. с главой МИД РФ И.С. Ивановым: «Он объясняет с удивившей меня откровенностью, что Россия сегодня находится не в том положении, чтобы приказывать другим и все искусство состоит в том, чтобы наилучшим образом использовать существующие международные институты для создания “дружественных коалиций”». *Монбриаль Т. де*. Указ. соч. С. 217.

не акцентировало внимание на Франции как на инициаторе кампании, в отличие от США, Великобритании и Германии. Так, в марте 1998 г. в письме Милошевичу Ельцин отмечал: «Антиюгославскому и антисербскому нажиму со стороны Вашингтона, Лондона, Бонна и других столиц [то есть Парижа и Рима — *П.Т.*] необходимо противопоставить конструктивную позицию по политическому решению косовской проблемы»⁵⁸. В сентябре Ельцин писал Шираку: «Сейчас как никогда важно действовать согласованно, используя весь набор политических средств. (...) От того, насколько мы и дальше будем тесно взаимодействовать на этом направлении, во многом будет зависеть разрешение проблемы Косово»⁵⁹.

Очевидно, Москва так или иначе рассчитывала на то, что «привилегированное партнерство», о котором любили говорить Ельцин и Ширак⁶⁰, сработает. Но, судя по всему, единственной «любезностью», которую позволила Франция в рамках этого «партнерства», стал телефонный звонок, которым Ширак предупредил Ельцина утром 24 марта о начале бомбардировок СРЮ. В заявлении Ельцина от 24 марта 1999 г. из стран НАТО названы только США: «Я уже обратился к Президенту США Б. Клинтону, призываю также руководителей других государств-членов НАТО незамедлительно положить конец этой военной авантюре»⁶¹. 6 апреля Ельцин направил послание Шираку, в котором осудил бомбардировки, но не упоминая ни НАТО, ни Францию, и призвал «дать миру в Европе шанс» — начать политические консультации⁶². 12 апреля в письме Милошевичу Ельцин отмечал: «Трагические последствия войны против Югославии все больше начинают понимать и в Западной Европе что, в частности, проявилось на последнем заседании Совета НАТО в Брюсселе. Определенной зазор между позициями США и их союзников по альянсу обозначается. Нужно этим воспользоваться»⁶³.

Если уместен этот термин, то Франция, вероятно, воспринималась в Москве как особый, «привилегированный» собеседник из числа членов НАТО, с помощью которого можно было надавить на альянс. В ходе визита в Москву Ширака 12–13 мая оба президента констати-

⁵⁸ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 435–437.

⁵⁹ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 118–119.

⁶⁰ Там же. С. 116, 117, 121.

⁶¹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 640–641.

⁶² Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 122.

⁶³ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 442–443.

ровали разное понимание роли НАТО в кризисе. Ельцин критиковал солидарность Франции с США по НАТО, Ширак стремился показать ему, что Франция тем самым сражается «за верховную роль ООН в международных отношениях»⁶⁴. Как в письме Ельцину от 14 мая, так и в интервью 10 июня после окончания операции Ширак упирал на роль СБ ООН как на единственный источник международного права. В июне 1999 на саммите в Кёльне именно по настоянию Франции ЕС сделал первые шаги к обретению своего военного потенциала, что, по словам Ширака, стало «первым уроком Косово»⁶⁵. В ноябре, выступая в ИФРИ, Ширак призвал приложить усилия к построению многополярного мира, подчеркнув, что внутри НАТО нужна «Европа обороны», а «без участия России не существует мира и безопасности на нашем континенте». «Франция не может принять и не примет того, чтобы одна региональная оборонительная организация взяла на себя роль мирового жандарма, роль, которая доверена Хартией ООН Совету безопасности и только ему», — эти слова Ширака подтверждают, что Франция в ходе косовского кризиса заняла атлантистскую позицию во многом вынужденно⁶⁶. Но, разумеется, ее участие в натовской операции не могло не ударить как по российско-французским отношениям, так и по отношениям России с Западом в целом.

В целом же фактор НАТО играл важную, но не решающую роль в отношениях Москвы и Парижа в 1991–1999 гг. В своем диалоге обе страны обращались прежде всего к общим интересам, таким как сближение России с Западом, стремлении построить Европу без разделительных линий при ведущей роли ОБСЕ и с опорой на ООН, участие России в G7. Франция понимала позиции России в плане миротворчества в Боснии, проблемы расширения НАТО на Восток, желании участвовать в урегулировании косовского кризиса. Но это понимание не означало всемерной поддержки Парижем Москвы из-за разных приоритетов (например, реформы НАТО для Франции) и не принесло успеха в отстаивании близких позиций перед лицом США. В косовском кризисе фактор НАТО вообще развел Россию и Францию по разным сторонам, хотя Ельцин и Ширак стремились сгладить углы, а сохранившийся между ними диалог внес свой вклад в принятие резолюции ООН,

⁶⁴ Как вспоминал Ширак, «Ельцин, находившийся под давлением политических угроз, в экономически и финансово обескровленной России, высказал мне со своей обычной энергичностью то чувство унижения и ущемленной национальной гордости, которое он испытал, как и его соотечественники, перед лицом интервенции НАТО. В конечном итоге он опасался, как бы это дело не поставило под вопрос привязку его страны к западному лагерю, символом которой стало его недавнее сближение с НАТО». *Chirac J. Le temps présidentiel*. P. 249–250.

⁶⁵ *Ibid.* P. 248.

⁶⁶ *Chirac J. Mon combat pour le paix*. P. 62.

остановившей операцию НАТО. НАТО воспринимался Россией главным образом как проект США, Франция же выглядела более-менее понимающим партнером, диалог с которым был призван упростить сближение с НАТО в начале 1990-х и смягчить обострение в конце 1990-х гг.

* * *

В 2000-е гг. фактор НАТО был связан с целым рядом событий, влиявших на российско-французские отношения: сближение России с НАТО на фоне начала операции США и их союзников в Афганистане; две волны расширения НАТО (2002–2004 и 2008–2009 гг.); обострение отношений Россия–НАТО в связи с проектом развертывания системы ПРО США и проблемой ДОВСЕ (2006–2007); Кавказский кризис; возвращение Франции в военную организацию НАТО (2009 г.) и «Перезагрузка» отношений РФ–США.

В 2000–2001 гг. российско-французские отношения потеплели в связи с началом «энергодIALOG» Россия–ЕС, где Франция была председателем, а также некоторому «остыванию» остроты чеченского вопроса. Новым стимулом для сближения России и Франции стала их общая поддержка США после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, в результате которых страны НАТО впервые обратились к ст. 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне.

Новый президент России В. Путин стал первым лидером, поздравившим Дж. Бушу с выражением соболезнований после теракта⁶⁷, а Ж. Ширак – первым лидером, который нанес визит в США (18 сентября) после этого⁶⁸. 16 ноября, через месяц после начала операции США и почти сразу после освобождения Кабула от талибов, Франция отправила в Афганистан небольшой контингент в помощь американцам. Уже 14 сентября И. Иванов и Ю. Ведрин выразили соболезнование и дружественные чувства американскому народу, и выступили с призывом объединить усилия разных стран для борьбы с терроризмом⁶⁹. Для России это была возможность делегитимировать в глазах Запада чеченских сепаратистов.

В январе 2002 г. В. Путин и Ж. Ширак дали понять, что выступают за сближение России с НАТО путем регулярных консультаций

⁶⁷ Владимир Путин посетил место трагедии 11 сентября. 16 ноября 2001 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/41520> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁶⁸ Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012. С. 269.

⁶⁹ Стенограмма выступления министра иностранных дел России И.С. Иванова на пресс-конференции в Москве по итогам переговоров с министром иностранных дел Франции Ю. Ведрином 13 сентября 2001 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/573070 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

в формате «двадцатки» (19 стран альянса и Россия), в том числе для проведения антикризисных операций⁷⁰. Чуть позже МИД РФ подчеркнул: «Российская сторона исходит из того, что военное присутствие ряда стран НАТО в Средней Азии направлено на решение общей задачи, объединяющей Россию, Францию, весь цивилизованный мир, – искоренение угрозы терроризма с афганской территории»⁷¹. Показательно, что в свете тогдашней угрозы удара США по Ираку И. Иванов, как и Ю. Ведрин, отметили: Россия, как и Франция, помогает антиталибской коалиции не ради помощи США, а исходя из собственных интересов и борьбы с международным терроризмом⁷². Поддержка Францией сближения России с НАТО⁷³ дала практический результат: 28 мая 2002 г. в Риме была принята декларация «Отношения Россия–НАТО: новое качество», которая учреждала Совет Россия–НАТО (СРН). Отмечалось, что в рамках СРН Россия и государства-члены НАТО будут проводить консультации, вырабатывать консенсус, сотрудничать «по широкому спектру вопросов безопасности в евроатлантическом регионе», первым из которых значи-

⁷⁰ Пресс-конференция президента России В.В. Путина 15 января 2002 года, Париж. 17 января 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/569136; Conférence de presse conjointe de MM. Jacques Chirac, Président de la République, et Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie, sur le partenariat entre la France la Russie en matière internationale, à Paris le 15 janvier 2002 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/027000011.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷¹ Интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко РИА «Новости» в связи с предстоящим визитом министра иностранных дел России И.С. Иванова во Францию. 15 февраля 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/566320 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷² Point de presse conjoint de MM. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères, et Igor Ivanov, ministre russe des affaires étrangères, sur les questions de sécurité et les questions diplomatiques et stratégiques mondiales, concernant la lutte contre le terrorisme, les conflits du Proche-Orient et de Tchetchénie, les relations entre l’Otan et la Russie, entre l’Union européenne et la Russie, Paris le 15 février 2002 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/023000715.html>; Стенограмма выступления министра иностранных дел России И.С. Иванова в ходе пресс-конференции по итогам визита в Париж 15 февраля 2002 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/566208 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷³ Conférence de presse commune de MM. Jacques Chirac, Président de la République, et George W. Bush, Président des Etats-Unis d’Amérique, sur les relations franco-américaines et entre l’Europe et les Etats-Unis, notamment dans la lutte contre le terrorisme, le futur traité de désarmement entre les Etats-Unis et la Russie, le Proche Orient, les manifestations contre la visite de M. Bush, et le déplacement de M. Bush en Normandie, Paris le 26 mai 2002 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/027000135.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

лась борьба с терроризмом⁷⁴. Кроме того, 8 июля 2002 г. был учрежден российско-французский Совет по вопросам безопасности, призванный координировать действия двух стран в области международной безопасности, в том числе обсуждения взаимодействия России с НАТО. Первое заседание российско-французского Совета с участием министров обороны и иностранных дел прошло в ноябре 2002 г.⁷⁵

Как и в 1997 г., принятие в 2002 г. декларации и создание Совета Россия–НАТО предшествовало новой волне расширения НАТО на Восток⁷⁶. Но теперь речь шла о принципиально иных обстоятельствах: накануне Римского саммита Дж. Буш заявил, что «Россия не является врагом, и исходя из этой новой реальности военная доктрина НАТО должна быть пересмотрена», а пустующую нишу «советской угрозы» теперь займет угроза международного терроризма⁷⁷. «Новые отношения, которые установились между Россией и Западом, отчасти под воздействием общей борьбы с терроризмом должны им позволить избежать того, чтобы расширение НАТО, в частности, присоединение балтийских стран, не подрывало отношений организации с Россией»⁷⁸. Ж. Ширак считал, что «обновление основ сотрудничества» России и НАТО, подобно отношениям Россия–ЕС, должно позволить европейцам предотвратить появление новых разделительных линий в Европе⁷⁹ (формулировка, которая применялась еще в 1999-е гг.). В феврале 2003 г., принимая В. Путина, Ширак добавил: с обновлени-

⁷⁴ Отношения Россия–НАТО: новое качество. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО. 28 мая 2002 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3484> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁵ О заседании российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности. 19 ноября 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/539174 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁶ Приглашение в НАТО получили бывшие соцстраны – Албания, Болгария, Румыния, Словакия, Словения, две бывшие югославские республики – Хорватия и Македония, а также три бывшие республики СССР – Латвия, Литва, Эстония, в связи с чем газета «Коммерсант» иронично заметила: «НАТО становится Варшавским договором». *Строкань С.* НАТО становится Варшавским договором // Коммерсант. 21 ноября 2002 г. № 211. С. 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/352067> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Courmont B. et Nies S.* Elargissement des missions de l'OTAN et construction de l'espace de sécurité européen dans ses dimensions interne et externe: rationalisation, empiètement ou chevauchement? P. 63–64 // IRIS. URL: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2014/11/2004_otan.pdf (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁹ Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur les décisions de l'OTAN touchant la rationalisation des structures de commandement, le projet de «force de réaction de l'OTAN», le renforcement des capacités militaires des pays de l'OTAN et la coopération entre l'Union européenne et l'OTAN, Prague le 21 novembre 2002 // Vie

ем НАТО возникли новые возможности для сближения его с Россией, и он надеется, что Россия сможет извлечь для себя пользу и поможет определить контуры нового евроатлантического пространства безопасности⁸⁰. По мнению французских экспертов из ИРИС, НАТО должен постараться извлечь выгоду из новой ситуации и предложить сотрудничество еще более широкого масштаба, которое могло бы трансформировать отношения между Россией и Западом⁸¹.

С российской стороны звучали также спокойные заявления. Москва хоть и напоминала, что объективной потребности в расширении альянса нет, но не будет драматизировать данный вопрос. «Мы спокойно относимся к расширению, при этом мы видим, что военная организация НАТО нуждается в реформировании, чтобы отвечать на существующие, а не на мифические угрозы, прежде всего, угрозу международного терроризма», — заявил глава Минобороны России С. Иванов, добавив, что «главной проблемой является то, что три страны Балтии не являются подписантами Договора об ограничении вооруженных сил на границах»⁸². Как отмечали Д. Данилов и В. Журкин, отношение России к процессу расширения, оставаясь принципиально негативным, с точки зрения характера конкретных реакций (...) зависит, прежде всего, от способности России и НАТО достичь компромисса по ключевым вопросам безопасности и соответственно от перспектив повышения уровня доверия и сотрудничества⁸³.

Сближению позиций России и Франции в вопросах безопасности способствовала солидарность Москвы, Парижа и Берлина по иракскому кризису (2002–2003). В феврале 2003 г. В. Путин даже заявил: «Впервые в послевоенной истории предпринята попытка урегулировать сложную, острую проблему в сфере международной безопасности вне блока. Это, по сути, на мой взгляд, вполне можно рассматривать как первый шаг по созданию того самого многополярного мира»⁸⁴. В тот же день вышла статья И.С. Иванова «Новые реальности мировой политики», в которой говорилось, что смысл российско-франко-герман-

publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/027000308.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁰ *Chirac J.* Mon combat pour le paix. P. 144.

⁸¹ *Courmont B. et Nies S.* Op. cit. P. 64.

⁸² Россия спокойно относится к расширению НАТО на Восток. 21 ноября 2002 г. // Newsinfo. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2002-11-21/item/546733/>; *Маркушин В.* НАТО стала шире. 22 ноября 2002 г. // Красная звезда. URL: http://old.redstar.ru/2002/11/22_11/1_03.html (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸³ Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М., 2011. С. 671.

⁸⁴ Ответы президента России В.В. Путина на вопросы российских журналистов, Париж, гостиница “Бристоль”, 11 февраля 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7quv/content/id/532406 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

ской позиции состоит в том, чтобы продемонстрировать альтернативу войне. Далее говорилось: «Особую значимость в современных условиях приобретает сохранение единства евроатлантического сообщества, частью которого сегодня является Россия»⁸⁵. Тем самым, российское руководство не противопоставляло себя НАТО, а рассчитывало путем сближения с ним (при учете собственных интересов) предложить вместе с Западной Европой пути к многополярности. Предотвратить войну в Ираке не удалось, но данная коалиция стала одним из ярчайших примеров российско-французского сотрудничества.

В рамках российско-французского диалога по безопасности в июне 2003 г. было подписано положение о создании комитета по сотрудничеству в области военно-технического сотрудничества (ВТС). В июле состоялись беспрецедентные в истории отношений Россия–НАТО военно-морские манёвры российских и французских кораблей и подводок в Норвежском море. На них впервые использовалась электронная аппаратура сопряжения, позволяющая взаимодействовать корабельным системам слежения и распознавания, имеющим стандарты НАТО и России⁸⁶. Тогда же на втором заседании российско-французского Совета по вопросам безопасности обсуждалась возможность переброски военных грузов НАТО через территорию РФ в Афганистан⁸⁷. МИД РФ отмечал в ноябре 2003 г., что сближение России с ЕС и НАТО рассматривается Москвой в более широком контексте полномасштабной

⁸⁵ Статья министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова «Новые реальности мировой политики», опубликованная в английской газете «Файнэншл таймс» 14 февраля 2003 г. под заголовком редакции «America Must Not Return To Cold War Attitudes» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/532358 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁶ Ответы заместителя министра иностранных дел России А.Ю. Мешкова на вопросы ИТАР-ТАСС по итогам второго заседания российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности. 16 июля 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/513370; Об учениях надводных кораблей и атомных подводных лодок России и Франции в Норвежском море. 12 июля 2003 г. // Там же. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/513746 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁷ Стенограмма выступлений министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова и министра обороны Российской Федерации С.Б. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам второго заседания российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности переговоров при участии министра иностранных дел Французской республики Д. де Вильпена и министра обороны Французской республики М. Аллио-Мари, Москва, 8 июля 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/514082 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

интеграции России в мировое политическое и экономическое сообщество⁸⁸.

В марте 2004 г. состоялось третье заседание российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности. В связи с расширением НАТО на Восток 29 марта 2004 г.⁸⁹ министр обороны С.Б. Иванов отметил, что главный вопрос, беспокоящий Россию, состоит в том, что ряд вступающих в НАТО государств не являются подписантами ДОВСЕ. Говоря о военно-технических связях России и Франции, он отметил, что те превышают результаты аналогичного сотрудничества РФ и НАТО⁹⁰.

О том, что эта волна расширения НАТО никак не отражалась на российско-французских отношениях, говорит и пресс-конференция В. Путина и Ж. Ширака в апреле 2004 г., на которой президент Франции заявил: «Никто не может вообразить на секунду, что дух сегодняшней России состоит в том, чтобы развивать оборонительные технологии с агрессивными целями». Российский президент добавил, что обеспечение безопасности России будет происходить открыто, в том числе «в рамках наших контактов с НАТО»⁹¹.

На этом, в общем, благоприятном фоне к 2007 г. постепенно созрели две взаимосвязанные проблемы евробезопасности, снова поставившие под вопрос потепление отношений России с НАТО — это судьба ДОВСЕ и проект системы ПРО США в Европе. Еще с 2000 г.

⁸⁸ Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы российских СМИ по российско-французским отношениям. 5 ноября 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/498074 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁹ В этот день членами НАТО стали Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония.

⁹⁰ Стенограмма ответов на вопросы и.о. министра иностранных дел И.С. Иванова и и.о. министра обороны С.Б. Иванова в ходе совместной пресс-конференции в Париже с министрами иностранных дел и обороны Франции, Париж, 5 марта 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/482196 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹¹ Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов в ходе пресс-конференции по итогам встречи с президентом Франции Жаком Шираком, Краснознаменск, 3 апреля 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/478668; Conférence de presse de M. Jacques Chirac, Président de la République et de M. Vladimir Poutine, Président de Russie, sur la coopération entre la France, l'Europe et la Russie, notamment sur les plans aéronautique et spatial, la lutte contre le terrorisme, l'invitation de M. Poutine aux cérémonies du 60ème anniversaire du débarquement en Normandie et le développement d'armements nucléaires par la Russie, Moscou le 3 avril 2004 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/047000054.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Россия и Франция давали понять, что отрицательно относится к выходу США из договора по ПРО. Тем не менее в 2002 г. США вышли из него и в 2007 г. договорились с Чехией и Польшей о размещении там элементов ПРО и базы противоракет.

Это обеспокоило Москву, которая привлекла внимание европейских стран НАТО к необходимости ликвидировать «фланговые ограничения» ее возможностей на севере и в районе Кавказа. Этот вопрос МИД РФ поднимал как минимум с 2004 г.⁹², хотя возможно, его стоило поставить в центр обсуждения на уровне Россия–НАТО еще в связи с расширением НАТО 2002–2004 гг. 10 февраля 2007 г. в Мюнхене В. Путин прямо высказал свое беспокойство по вопросам ПРО и ДОВСЕ⁹³.

Франция в вопросе ДОВСЕ заняла солидарную с другими странами Запада позицию, увязав его подписание с выводом российских войск из Молдавии и Грузии⁹⁴ и отрицательно отреагировав на решение России в июле 2007 г. приостановить договор. Глава МИД Франции Б. Кушнер призвал Москву к переговорам, заявив, что «эрозия» ДОВСЕ может привести к новой гонке вооружений и новым линиям конфронтации. В то же время Франция вместе с ФРГ постаралась в 2008 г. стимулировать Словению и страны Балтии к режиму действия договора, но практические результаты этих усилий неизвестны.

В вопросе об американской ПРО Франция заняла осторожную позицию, дав понять, что понимает опасения России. В марте 2007 г. Ширак предупредил, что данный демарш рискует создать новые разделительные линии в Европе. Б. Кушнер в сентябре 2007 г. заявил, что не разделяет тезис о том, что элементы системы ПРО в Польше и Чехии создаются, чтобы угрожать России, хотя отметил, что понимает опасения Москвы⁹⁵.

⁹² О рабочем визите во Францию министра иностранных дел России С.В. Лаврова. 17 июля 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/464130 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁴ *Où va la Russie? Rapport d'information n° 416 (2007–2008) de M. Josselin de Rohan, Mme Josette Durrieu, MM. Jean-Pierre Fourcade, Robert Hue, Yves Pozzo di Borgo et Roger Romani, fait au nom de la commission des affaires étrangères, déposé le 25 juin 2008 // Senat français.* URL: https://www.senat.fr/rap/r07-416/r07-416_mono.html#toc20 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁵ Entretien de M. Bernard Kouchner, ministre des affaires étrangères et européennes, avec la radio «Echos de Moscou» le 18 septembre 2007 à Moscou, sur la question des droits de l'homme, le Kosovo, le dossier nucléaire iranien et la menace de nouvelles sanctions, le déploiement du bouclier antimissiles américain, les relations franco-russes et la coopération bilatérale, notamment la question des visas // Vie publique. URL: <http://>

Новый президент Франции Н. Саркози выступил с противоречивыми заявлениями: в июле 2008 г. он объявил, что каждая страна вольна сама решать вопрос о размещении установок на своей территории, а в ноябре, уже после Кавказского кризиса, сообщил, что противоракеты несвоевременны и не усилят безопасность Европы⁹⁶. В 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне Саркози объявил о готовности Франции участвовать в системе ПРО в Европе, но с условием, что та будет дополнять, а не подменять СЯС Франции и защищать европейцев (а не войска НАТО). Он добавил, что ПРО не направлена против России⁹⁷.

Президентство Н. Саркози, получившего за свое сближение с США и возврат Франции в военные комитеты НАТО (2009 г.) прозвище «Сарко-американец»⁹⁸, стало показательным примером того, как «европейский атлантизм» Франции может гармонично уживаться с учетом позиции России. Как отмечают отечественные франковеды, в основе «атлантического крена» Саркози лежало понимание того, что в результате волн расширения ЕС и НАТО на Восток в ЕС сложилось опасное разделение между «Старой» (Западной) и «Новой» (Восточной) Европой. Разница в их отношении к США ярче всего проявилось в ходе иракского кризиса 2003 г., и Саркози убедился, как важно учитывать их интересы, в том числе в отношении России: для Польши, Румынии, стран Балтии и т. д. атлантизм во многом был идентичен сдерживанию Кремля. В этих условиях решение Саркози вернуть Францию в военную организацию НАТО преследовало цель вовсе не отказаться от особой позиции Франции на мировой арене, а преодолеть отчуждение Восточной Европы и в идеале сделать НАТО более европейской организацией. Тем самым это сделало бы действия альянса более взвешенными, в том числе в отношении России и пост-

discours.vie-publique.fr/notices/073002764.html (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁶ *Gros-Verheyde N.* Bouclier antimissile US, une question européenne dit Sarkozy. 11.07.2008 // Bruxelles2. URL: <http://www.bruxelles2.eu/2008/07/11/bouclierantimissileu-sunequestioneuropeennedit Sarkozy>; Merchet J-D. Nicolas Sarkozy se prend les pieds dans le bouclier antimissile américain. 16.11.2008 // Libération. URL: <http://secretdefense.blogs liberation.fr/2008/11/16/nicolas-sarkozy/> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁷ Les membres de l'Otan s'accordent sur un bouclier antimissile. 20.11.2010 // 20 minutes. URL: <http://www.20minutes.fr/monde/625839-20101120-monde-les-membres-otan-accordent-bouclier-antimissile>; Otan: La défense antimissile répond à la menace iranienne, affirme Sarkozy. 20.11.2010 // 20 minutes. URL: <http://www.20minutes.fr/monde/625891-20101120-monde-otan-defense-antimissile-repond-menace-iranienne-affirme-sarkozy> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁸ «Sarko l'Américain» parle aux Américains. 08.11.2007 // Le Temps. URL: <https://www.letemps.ch/monde/sarko-lamerica-in-parle-aux-america-ins> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

советского пространства. В феврале 2009 г. Саркози прямо заявил, что не видит в России никакой угрозы НАТО⁹⁹.

Москва по достоинству оценила шаги, предпринятые Францией: в апреле 2008 г. на Бухарестском саммите НАТО по настоянию Саркози и Меркель Украина и Грузия (в отличие от Албании и Хорватии) не получили приглашение в НАТО. В декларации саммита была выбрана обтекаемая формулировка: «эти страны станут членами НАТО», но без конкретного указания на сроки¹⁰⁰. В ходе Кавказского кризиса августа 2008 г. Саркози, как известно, стал посредником между Грузией и Россией¹⁰¹, выступая как президент страны – председателя ЕС, а не члена НАТО. Тем не менее 19 августа 2008 г. НАТО приостановил работу СРН, а Россия в ответ заморозила ряд совместных программ с альянсом, в том числе «Партнерство ради мира». Но уже с 5 марта 2009 г. работа СРН возобновилась в связи с политикой «перезагрузки» отношений России и США, объявленной Б. Обамой¹⁰². В заявлении НАТО от 4 апреля 2009 г. отмечалось, что, несмотря на текущие разногласия, Россия «особо важна для нас как партнер и сосед», а Совет Россия–НАТО остается площадкой для диалога и решения спорных вопросов¹⁰³.

В апреле 2009 г. на саммите НАТО в Страсбурге и Келе Франция официально вернулась в военную организацию НАТО, новыми членами блока стали Албания и Хорватия. МИД РФ отметил, что дальнейшее развитие «партнерства с альянсом будет в значительной степени зависеть от того, насколько в НАТО готовы (...) выстраивать отношения с Россией не как с оппонентом, а как с партнером в сфере безопасности». Москва спокойно восприняла решение Парижа, заявив, что это – суверенное решение Франции и приветствуя подчеркнутую Саркози нацеленность на выстраивание партнерских отношений

⁹⁹ Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., 2011. С. 277, 305; Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голя до Саркози. С. 323–326.

¹⁰⁰ Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте. 3 апреля 2008 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_8443.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰¹ Изложение существа договоренностей между президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и президентом Французской республики Н. Саркози об осуществлении плана от 12 августа 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/326154 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰² Союзники договорились о возобновлении официальных заседаний Совета Россия–НАТО. 5 марта 2009 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_51343.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰³ Заявление по итогам встречи в верхах в Страсбурге / Келе. 4 апреля 2009 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_52837.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

с Россией¹⁰⁴. Так же спокойно, хотя и без особой радости, Россия прокомментировала расширение НАТО на балканские страны, отметив, что на этот процесс ушло гораздо меньше времени, чем на ратификацию соглашения об адаптации ДОВСЕ¹⁰⁵.

Российско-французские отношения снова потеплели. В 2009 г. Россия и Франция подписали новое соглашение о транзите грузов в Афганистан через пространство РФ, 2010 г. стал Годом России во Франции и Годом Франции в России. Открывая его в марте 2010 г., Саркози в присутствии Медведева заявил: «Франция вернулась в НАТО, Франция является союзником Соединенных Штатов. Но я сказал господину Медведеву, что России нечего бояться НАТО», холодной войне положили конец. Теперь уже Россия не наш противник, а наш новый партнер»¹⁰⁶. Франция стала первой страной НАТО, начавшей с Россией переговоры о поставке боевых кораблей – вертолетоносцев типа «Мистраль», причем Париж назвал это политическим¹⁰⁷, а не экономическим вопросом, своего рода символом новых отношений между Москвой и Парижем.

В октябре 2010 г. в Довиле состоялась трехсторонняя встреча Д. Медведева, Н. Саркози и А. Меркель, на которой стороны уточнили спорные вопросы в отношениях России и НАТО, а президент Медведев по приглашению Саркози и Меркель дал согласие на участие в саммите НАТО. 20 ноября 2010 г. в Лиссабоне состоялся саммит НАТО, в котором впервые в истории принял участие российский президент. На нем была принята новая концепция обороны НАТО 2011 г., в которой отмечалась необходимость курса на диалог с Москвой. Тем самым, не без влияния Франции, Россия уже не рассматривалась альянсом в качестве потенциального противника¹⁰⁸. Вопрос ПРО был «взят» под крышу НАТО.

¹⁰⁴ Комментарий официального представителя МИД России А.А. Нестеренко в связи с вопросом СМИ относительно решения Президента Франции о возвращении страны в военную структуру НАТО. 14 марта 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7quV/content/id/302126 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰⁵ Брифинг официального представителя МИД России А.А. Нестеренко, 9 апреля 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/web/guest/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wNaWMCU6Od/content/id/798180 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰⁶ Пресс-конференция по итогам российско-французских переговоров. 1 марта 2010 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7006>; Conference de presse conjointe du President de la Republique, Nicolas Sarkozy, et du President de la Federation de Russie, Dmitri Medvedev. 1 марта 2010 г. // La France au Royaume-Uni. Ambassade de France à Londres. URL: <https://uk.ambafrance.org/Conference-de-presse-du-President,16953> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰⁷ Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози. С. 347.

¹⁰⁸ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014. С. 212–214.

В то же время Франции весьма сдержанно отнеслась к проекту Договора о европейской безопасности (ДЕБ), предложенного Д. Медведевым 5 июня 2008 г. в Берлине и 5 октября в Эвиане¹⁰⁹. Этот проект предполагал, отталкиваясь от идеи неделимости безопасности, создать пояс добрососедства «от Ванкувера до Владивостока» на основе уважения национальных интересов всех сторон. Саркози заявил, что согласен обсуждать проект, но выдвинул ряд условий: подключение к дискуссии США, уважение существующих обязательств Франции, в том числе по НАТО, и отказ России от размещения в районе Калининграда российских ракет «Искандер». Дальнейшие обсуждения проекта фактически положили проект ДЕБ на полку: стороны «договорились о том, что обсуждение темы европейской безопасности будет продолжено (...) в различных форматах»¹¹⁰.

В 2000–2010-х гг. фактор НАТО оставался значимым, но по-прежнему отнюдь не ведущим фактором в российско-французских отношениях. Куда большую роль в них играли экономические интересы, диалог Россия–ЕС, настрой России и Франции на формирование многополярного мира и борьбу с терроризмом, личные отношения президентов двух стран. Участие Франции в НАТО не помешало Парижу сыграть роль посредника в Кавказском кризисе, выгодную России, провести совместно с Москвой учения ВМФ и начать переговоры о «Мистралях», предпринять усилия по переворачиванию страницы холодной войны. Хотя Россия и НАТО не нашли общего языка по вопросам ПРО и ДОВСЕ, Франция не стремилась «разжигать» разногласия по этому вопросу. Соответственно, даже возвращение в военную организацию НАТО обладающей ядерным оружием Франции в условиях конструктивных российско-французских отношений не вызвало серьезных протестов российской стороны. Пожалуй, период 2000–2010 гг. стал последним периодом российско-французских отношений, когда стороны стремились воспринимать друг друга как партнеры.

* * *

По сравнению с 2000-ми годами второе десятилетие XXI в. стало настоящим испытанием как для российско-французских, так и для российско-натовских отношений. Основными вызовами здесь стали три кризиса.

¹⁰⁹ Проект Договора о европейской безопасности. 29 ноября 2009 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/6152> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁰ Пресс-конференция по итогам российско-французских переговоров. 1 марта 2010 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7006> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Первый – Ливийский кризис 2011 г. На фоне начавшейся в 2010 г. серии арабских революций, сокрушивших авторитарные режимы президентов З. Бен Али в Тунисе и Х. Мубарака в Египте, Н. Саркози, стремясь укрепить роль Франции в НАТО, выступил инициатором создания международной коалиции из стран НАТО (сам блок стал участником операции «Союзный союзник»).

Основанием для вмешательства Франции и стран НАТО стала резолюция СБ ООН № 1973 от 17 марта 2011 г., вводящая «бесполетную зону» над Ливией, чтобы помешать ливийской армии «зачищать» вооруженную оппозицию. Хотя Россия также поддержала эту резолюцию, а Д. Медведев раскритиковал «безобразия» ливийских властей во главе с М. Каддафи, Москва сочла, что операция Франции и НАТО, длившаяся с марта по октябрь 2011 г., выходит за рамки резолюции СБ ООН. Как отмечала Е.О. Обичкина в 2012 г., России не удалось добиться от Запада (в том числе Франции) четкого определения границ по обеспечению «закрытого неба» над Ливией, тогда как Саркози, инициировав операцию, отошел от традиционной европейской осмотрительности в вопросах вмешательства. С точки зрения Москвы, Запад (прежде всего в лице НАТО) произвольно определяет виновников конфликтов и вмешивается во внутривосточные конфликты (как в случае с Косово в 1999 г.), что до 2014 г. в Москве считали недопустимым¹¹¹.

В то же время Ливийский кризис, погрузивший Джамахирию в хаос гражданской войны и снявший барьер на пути африканской миграции в ЕС, хоть и подпортил отношения между Россией и Францией, но имел и свои границы. Показательно, например, то, что именно в разгар кризиса, 17 июня 2011 г., Москва и Париж подписали контракт о строительстве вертолетоносцев «Мистраль» на французских верфях в Сен-Назере для нужд российского ВМФ. Речь шла о двух кораблях, хотя Минобороны РФ раздумывало довести число этих судов до четырех¹¹². Тем самым, острые расхождения по операции НАТО в Ливии не ставили под вопрос будущее российско-французского военно-технического сотрудничества. В 2013 г., после завершения операции НАТО, Россия помогла Франции вывести войска из Афганистана через Транссиб в Санкт-Петербург и далее – в ЕС.

Россия хоть отчасти и беспокоила Париж (в первую очередь из-за роста военного бюджета РФ и модернизации ее вооруженных сил), все же воспринималась в первую очередь в качестве партнера, пусть

¹¹¹ Обичкина Е.О. Буржуазный гедонизм против социалистической аскезы // Россия в глобальной политике. Т. 11. Специальный выпуск. 2013. С. 38.

¹¹² Россия и Франция заключили контракт на поставку двух вертолетоносцев типа «Мистраль». 17 июня 2011 г. // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2011/06/17/mistral-kontrakt-anons.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

и непростого. В Белой книге по обороне и безопасности, принятой во Франции в 2013 г., отмечалось, что потепление отношений России с США и другими западными странами еще не достигло всех целей, между РФ и НАТО сохраняются разногласия. Тем не менее в той же книге сообщалось, что Париж сделал тесное сотрудничество с Москвой одной из задач при принятии декларации Чикагского саммита НАТО в 2012 г.¹¹³ В этой декларации страны альянса постулировали: «Мы по-прежнему решительно настроены на укрепление вместе с Россией долгосрочного и всеохватного мира в евроатлантическом регионе (...) Мы хотим видеть подлинно стратегическое партнерство между НАТО и Россией и будем действовать соответственно, ожидая взаимности со стороны России»¹¹⁴.

Вторым, и главным кризисом в отношениях России с Францией и другими странами НАТО, стал Украинский кризис. Действия России, выступившей против военного переворота в Киеве, присоединившей Крым и поддерживавшей пророссийские силы на востоке Украины, вызвали глубокое непонимание среди французской политической элиты. Париж отказался признать присоединение Россией Крыма и поддержал Киев в конфликте с самопровозглашенными республиками Донбасса. В 2014 г. Олланд, назвав Украинский конфликт наряду с террористической группировкой ИГИЛ и лихорадкой Эбола тремя основными угрозами для Европы. Как страна ЕС Франция приняла участие в санкционных мерах всех уровней против России, как член G8 – поддержала исключение из нее Москвы, а как участница НАТО приняла участие в целом комплексе военно-политических мер альянса.

Уже через месяц после возвращения Крыма в состав России, 15 апреля 2014 г. Совет Россия–НАТО вновь, как и в 2008 г., приостановил работу. Были прекращены и заседания российско-французского Совета по вопросам безопасности. На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г., куда не пригласили российскую делегацию, было принято заявление, согласно которому «агрессивные действия России против Украины поставили под вопрос фундаментальным образом наше видение целой, свободной и мирной Европы». В связи с этим Альянс декларировал намерение поднять военные расходы, пообещал создать силы быстрого реагирования – Объединенную оперативную

¹¹³ Livre blanc: défense et sécurité nationale – 2013. P., 2013. P. 36–37 // Ministère des Armées. URL: <https://www.defense.gouv.fr/english/portail-defense/issues2/defence-policy/le-livre-blanc-sur-la-defense-et-la-securite-nationale-2013/livre-blanc-2013> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁴ Заявление по итогам встречи в верхах в Чикаго. 20 мая 2012 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_87593.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

группу повышенной готовности (VJTF), бороться с угрозами «гибридной войны», финансово поддержать Украину¹¹⁵.

Франция поддержала все эти меры. Наиболее известным шагом Парижа в этом плане стал разрыв 25 ноября 2014 г. контракта по кораблям «Мистраль», хотя к этому времени оба судна, окрещенные «Владивосток» и «Севастополь», уже были спущены на воду. После долгих переговоров с участием двух президентов окончательное решение было найдено в августе 2015 г., когда Париж и Москва подписали соглашение об урегулировании споров и выплате России компенсации¹¹⁶. В итоге корабли были проданы Египту, которому Россия также поставила боевые вертолеты.

8–9 июля 2016 г. Франция приняла участие в Варшавском саммите НАТО, который продолжил «жесткую линию» блока в вопросах отношений с Россией. В частности, на нем альянс постановил создать 4 батальонные группы (около 4 тыс. солдат в каждой) на основе постоянной ротации в Польше и странах Балтии, разместить в странах Центральной и Восточной Европы танковую бригаду США, создать фонды для материальной помощи Украине, усилить кибербезопасность и противоракетную оборону¹¹⁷. Непосредственным обязательством Франции в этих рамках стало ее решение разместить в Эстонии роту военнослужащих на срок от 3 до 6 месяцев в год. Это первый случай чуть ли не с Наполеоновских войн, когда французские войска появляются на западных границах России. Париж также призвал союзников укрепить национальные средства кибербезопасности¹¹⁸.

В то же время Франция заняла далеко не самую воинственную позицию в отношении России, во многом потому что ее гораздо больше заботили трагические события в Мали и на Ближнем Востоке¹¹⁹.

¹¹⁵ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. 5 сентября 2014 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁶ Франция назвала точную сумму компенсации России за «Мистрали». 3 сентября 2015 г. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150903/1226064889.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁷ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. 9 июля 2016 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁸ Sommet de l'OTAN à Varsovie (8 et 9 juillet 2016) // La France à l'OTAN. Représentation Permanente de la France auprès de l'OTAN. URL: <https://otan.delegfrance.org/Sommet-de-l-OTAN-a-Varsovie-8-et-9-juillet-2016> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁹ Ce que la France attend du sommet de l'Otan à Varsovie et pourquoi elle a bien peu de chances de l'obtenir. Interview de Olivier Kempf - Atlantico. 08.07.2016 // IRIS. URL: <https://www.iris-france.org/78493-ce-que-la-france-attend-du-sommet-de-lotan->

Париж отказался поставлять Украине летальное оружие, настаивая на необходимости политического решения кризиса. «Позиция России в плане поддержки украинских сепаратистов неприемлема, мы говорим это твердо, мы продолжаем санкции в этом отношении, но в то же время мы должны всеми силами избегать поддержания конфликтной ситуации, которая усугубляется и может привести к более серьезным нарушениям», — заявил 4 февраля 2015 г. тогдашний министр обороны Франции Ж.-И. Ле Дриан¹²⁰. Создание Нормандского формата переговоров и участие Франции в подписании Минских соглашений 2015 г. стали шагами в этом направлении. Несмотря на принятое в Варшаве решение направить батальонные группы в страны Балтии и в Польшу, Франция ограничилась отправкой лишь символического подразделения в 300 морских пехотинцев, 5 танков и 13 боевых машин пехоты (для сравнения: Великобритания направила в восточную Европу 800 чел., не говоря о США, ФРГ или Канаде, чьи контингенты достигают 1000 чел.).

В 2017 г. первая группа французских военных прибыла в Эстонию, в 2018 г. другая группа отслужила 8 месяцев в Литве; в апреле 2019 г. третья группа военных прибыла в Эстонию.

Разумеется, даже такое символическое участие Франции в действиях НАТО у западных границ России не может не беспокоить Москву. Но при этом важно учитывать, что гораздо более внушительные военные контингенты Франции расположены в Африке (7600 чел.) и на Ближнем Востоке (5600 чел.). Кроме того, Париж не принял участия в крупнейших маневрах НАТО за последние 25 лет «Анаконда-2016» (совокупное участие — более 25 тыс. чел.), в которых были задействованы войска 24 стран альянса. Ф. Олланд подчеркивал, что ПРО НАТО не направлено против России, а французский ядерный арсенал находится в распоряжении прежде всего президента Франции, а не командования НАТО. Он также дал понять, что намерен продолжать диалог с Россией, сочетая его с твердостью¹²¹.

Что касается России, то она, со своей стороны, предприняла ряд встречных шагов. 10 марта 2015 г. РФ вышла из ДОВСЕ, в мае 2015 г. был ликвидирован технический центр в Ульяновске, где с 2008 г. пла-

a-varsovie-et-pourquoi-elle-a-bien-peu-de-chances-de-lobtenir/ (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁰ Envoyer des armes de guerre à Kiev: Washington l'envisage, pas Paris. 04.02.2015 // France 24. URL: <https://www.france24.com/fr/20150204-envoyer-armes-guerre-ukraine-kiev-washington-russie-france-etats-unis-separatistes-> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²¹ Conférence de presse de M. François Hollande, Président de la République, sur l'OTAN, à Varsovie le 9 juillet 2016 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/167002219.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

нировалось создать перевалочный пункт (хаб) для поддержки транзита натовских военнослужащих и военных грузов в Афганистан. Россия провела крупные масштабные учения «Запад-2017» (13 тыс. чел. совместно с Белоруссией), а затем — «Восток-2018» с участием 297 тыс. чел., что превзошло даже крупнейшие советские маневры 1981 г., что усилило накал трений в российско-натовских отношениях.

Тем не менее в апреле 2016 г возобновил практическую работу Совет Россия—НАТО. До настоящего времени (октябрь 2019 г.) состоялось уже 10 заседаний Совета, хотя никаких принципиальных решений на нем пока не было принято. По мнению С. Ознобищева, если в ближайшее время отношениям России—НАТО не будет придан позитивный импульс, они могут деградировать еще больше¹²².

После избрания президентом Франции Э. Макрона, в стране был принят «Стратегический обзор» 2017 г. В нем выражается обеспокоенность Францией «новым утверждением российской мощи» на северном и восточном флангах Европы, констатируется, что присутствие французских сил в странах Балтии и Польше укрепляет безопасность в северо-восточной Европе, и содержится призыв сочетать в отношениях с Россией твердость и диалог. В этом смысле, по мнению Парижа, НАТО должен выбирать сбалансированный, устрашающий (*dissuasive*), но предсказуемый подход. Макрон подтвердил решение Франции повысить уровень расходов на оборону до 2% к 2024 г.¹²³ В условиях интенсивного российско-французского диалога сторонам удалось «разморозить» в 2018 г. двусторонний Совет сотрудничества по вопросам безопасности¹²⁴.

Третьим кризисом в российско-французских отношениях, менее заметным, но не менее дестабилизирующим, является нерешенная проблема контроля над вооружениями. В условиях, когда не были урегулированы вопросы ДОВСЕ и ПРО, новым ударом по системе евробезопасности стал выход США, а затем России (1–2 февраля 2019 г.) из договора о ракетах средней и малой дальности (ДРСМД), подписанного еще в 1987 г. В декабре 2018 г. страны НАТО поддержали вывод США о том, что Россия существенным образом нарушает свои обяза-

¹²² Ознобищев С. Отношения Россия—НАТО: обострение или нормализация? // Год планеты: ежегодник/ ИМЭМО РАН. М., 2018. Вып. 18. С. 67–68.

¹²³ *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*—2017. P. 42, 60 // Ministère des Armées. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale—2017> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁴ Интервью Посла России во Франции А.Ю. Мешкова международному информационному агентству «Россия сегодня», 8 февраля 2019 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/3505486 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

тельства, поскольку «разработала и ввела в действие ракетную систему 9М729»¹²⁵.

Встречные претензии России на нарушения со стороны США не рассматривались¹²⁶. Хотя прямых пикировок между Москвой и Парижем на эту тему не было зарегистрировано, еще в 2017 г. Франция предупреждала, что мир может столкнуться с отсутствием рамок для стратегических вооружений США и России¹²⁷. Париж в целом поддерживает американские аргументы, считая, что Вашингтон не нарушает ДРСМД, в отличие от РФ, и опасается развертывания российских ракет средней и малой дальности, не желая повторять ситуацию времен холодной войны¹²⁸. Россия, со своей стороны, отрицательно восприняла новую французскую космическую стратегию: «Франция стала вторым (после США) государством, которое официально признало возможность возникновения вооруженного конфликта в космическом пространстве. При этом в ответ на «недружественные» или «враждебные» действия в отношении французских космических объектов не исключаются меры противодействия, в том числе, как мы понимаем, и силового характера», — отмечает МИД РФ¹²⁹.

Как показывает опыт с ДОВСЕ и ПРО, неурегулированность «правил игры» в этой сфере грозит нанести серьезные удары по европейской безопасности, в связи с чем данные переговоры с Францией стоит только приветствовать.

В целом за 2010-е гг. в условиях ухудшения отношений России и Запада значимость фактора НАТО в диалоге Москвы и Парижа резко возросла. В условиях, когда Москва, с точки зрения Запада, бросила

¹²⁵ Заявление о Договоре о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД). 4 декабря 2018 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_161122.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁶ *Ознобищев С.* Указ. соч. С. 75.

¹²⁷ *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*—2017. P. 41.

¹²⁸ *Stroobants J-P.* et *Semo M.* Armes nucléaires: la fin d'un symbole. 02.08.2019 // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/08/02/les-etats-unis-sortent-officiellement-du-traite-sur-les-armes-nucleaires-intermediaires_5495989_3210.html; Une nouvelle ère de la dissuasion nucléaire. 03.08.2019 // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/08/03/une-nouvelle-ere-de-la-dissuasion-nucleaire_5496259_3232.html; *Alonso P.* Nucléaire: les Etats-Unis et la Russie en têtes à têtes. 01.08.2019 // Libération. URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/08/01/nucleaire-les-etats-unis-et-la-russie-en-tetes-a-tetes_1743255 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с обнародованием космической оборонной стратегии Франции. 5 августа 2019 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/3750896 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

вызов европейской безопасности (или же, если смотреть с другой стороны, — нарушила монополию Запада в несоблюдении международного права), Франция активно поддержала своих союзников по альянсу. Двусторонние отношения Москвы и Парижа в условиях Украинского кризиса вошли в пике, аналогов которому не было даже в 1999 г. (тогда Россия не бросала вызов монополии странам Запада на евроатлантическом пространстве, а сама могла мало чем ответить на интервенцию НАТО в Югославию). В отличие от 2000-х гг., за 2010-е гг. фактор НАТО играл в основном негативную роль, усиливая в контексте Ливийского и Украинского кризисов взаимные подозрения Парижа и Москвы.

При этом важно отметить, что Францию до сих пор трудно отнести к наиболее непримиримым атлантистам в рядах НАТО: даже в условиях сложного политического противостояния на Украине Париж стремится сохранять каналы взаимодействия с Москвой и отнюдь не поощряет куда более радикальные позиции некоторых восточно-европейских стран в отношении России. Не случайно в 2015 г. французские сенаторы в докладе «Отношения с Россией: как выйти из тупика?» рекомендовали «срочно попытаться интегрировать Россию в новый европейский концерт, признавая ее опасения насчет безопасности и привлекая ее (...) к тому, чтобы учесть наши [опасения]. Франция может внести свой вклад, возобновив историческое наследие своих особых отношений с Россией»¹³⁰. Разумеется, об «особых» отношениях говорить сейчас не приходится, но накопленный потенциал российско-французского диалога способен сыграть свою роль в нормализации отношений Россия—НАТО в будущем.

* * *

За 1990–2010-е гг. фактор НАТО оставался важным, но далеко не определяющим в российско-французском диалоге. С одной стороны, завершение биполярности превратило НАТО в 1990-е гг. в безальтернативный источник военной силы для США и их европейских союзников, с чем были вынуждены считаться и Франция, и Россия, особенно в ходе двух Балканских, Ливийского и Украинского кризисов. С другой стороны, российско-французские отношения имеют долгую историю и целый комплекс общих политических и экономических интересов, одним из которых является обоюдное стремление к созданию многополярного мира. В силу этого, а также исторически сложившейся значимой роли Москвы и Парижа в Старом Свете, эти

¹³⁰ Les relations avec la Russie: comment sortir de l'impasse? Rapport d'information n° 21 (2015-2016) de M. Robert del Picchia, Mme Josette Durrieu et M. Gaëtan Gorce, fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées, déposé le 7 octobre 2015 // Senat francais. URL: https://www.senat.fr/rap/r15-021/r15-021_mono.html#toc273 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

отношения естественным образом выходят за рамки НАТО. Даже сейчас, в условиях продолжающегося Украинского кризиса, санкционной войны между Россией и ЕС, готовности Парижа повысить военные расходы по просьбе США, присутствия (пусть и символического) французских военных в Прибалтике в рамках сил альянса, российско-французский диалог продолжается, в том числе и по военной линии, о чем свидетельствует 12-е заседание российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности, прошедшее в сентябре 2019 г, через 7 лет после предыдущей встречи¹³¹.

В условиях, когда НАТО и Россия, по сути, остаются друг для друга основными угрозами в Европе, естественно, фактор НАТО играл для российско-французских отношений в основном негативную роль. Даже в случаях, когда французское руководство не было согласно с решениями, которые США принимали в блоке, Париж мог мало что противопоставить «атлантической солидарности». Франция не убедила американцев предоставить России отдельный миротворческий сектор в Боснии, не помешала и не могла помешать расширению НАТО на Восток в 1990-е гг., отменила экономически выгодный контракт по «Мистралям». В случаях, когда интересы Парижа и Москвы расходились, например, в Косовском и Ливийском кризисах, Франция, не мешкая, занимала жесткую позицию, мало заботясь о реакции России. В то же время именно французское руководство сознавало пагубность расширения НАТО на Восток и появления новых разделительных линий между Россией и альянсом, заблокировало вступление в НАТО Украины и Грузии, выступило первопроходцем налаживания военного сотрудничества России и стран Запада. В случаях же, когда отношения между Россией и НАТО значительно теплели (например, в 2001–2002 гг.), это существенно облегчало российско-французские отношения. В целом именно отношения Россия–НАТО имеют больший потенциал влияния на российско-французские отношения, чем наоборот.

С учетом особой, нередко «фрондерской», позиции Парижа и НАТО, Францию вряд ли можно причислить к ярким атлантистам. Французская республика хоть и считает альянс одной из важных основ своей военной политики, включая возвращение в НАТО, с начала 1990-х гг. делает основной акцент на укрепление силового потенциала европейского интеграционного проекта.

¹³¹ Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам российско-французских переговоров на министерском уровне в формате «2+2», Москва, 9 сентября 2019 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/3780649 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Россия же и в 1990-е, и в 2000-е гг. стремилась использовать сближение с Францией для нейтрализации влияния НАТО в Европе. Именно в Париже был подписан акт 1997 г., именно Париж озаботился необходимостью сделать страны ЦВЕ, вступившие в ЕС и НАТО, более европеистскими и менее атлантистскими, именно президент Франции первым из лидеров стран блока дал согласие на сделку по продаже России военных кораблей, чтобы перевернуть страницу холодной войны. Разумеется, это не превращает Францию в союзника России, но позволяет Москве рассчитывать на Париж как на понимающую сторону в диалоге с НАТО особенно по близким для обеих сторон вопросам. В то же время, как справедливо отмечает К.П. Зуева, до тех пор, пока США остаются основным спонсором НАТО, европейцы вряд ли смогут серьезно влиять на политику блока¹³². Именно поэтому усилия Парижа по укреплению «европейской опоры» НАТО и формированию «европейской армии» в случае их успешной реализации со временем могут дать европейцам возможность гораздо сильнее влиять на процессы безопасности, а, следовательно, выстроить такую архитектуру безопасности Старого Света, которая позволит обойтись без новых разделительных линий от Атлантики до Урала или Владивостока в XXI в.

¹³² Зуева К.П. Франция в НАТО: трудное партнёрство в XXI веке // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века: сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции / Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М., 2016. С. 255.

ПУБЛИКАЦИИ

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ. ДЕПЕШИ И ПИСЬМА РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОМ СОЮЗЕ ЗА 1909–1911 ГГ.

Документы, предлагаемые вниманию читателя – личные письма и депеши посла в Париже Александра Ивановича Нелидова, депеши министра иностранных дел (а позже посла в Париже) Александра Петровича Извольского, а также поверенного в делах Анатолия Васильевича Неклюдова – освещают важный период в истории русско-французского союза. В них отразился сложный спектр проблем международных отношений начала XX в.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. – один из острейших в международных отношениях в преддверии Первой мировой войны¹ – стал этапом формирования блоков держав, столкнувшихся в ней и своеобразным испытанием на прочность для франко-русского союза. В ходе кризиса, спровоцированного твердым намерением Австро-Венгрии аннексировать Боснию и Герцеговину (две турецкие провинции, оккупированные ею по решению Берлинского конгресса 1878 г.) и замыслом А.П. Извольского за признание этого факта добиться в качестве компенсации выгодного для империи режима Черноморских проливов, расстановка сил на международной арене во многом определилась.

Вместе с тем имеющееся в исторической литературе утверждение, будто после подписания в 1907 г. соглашения между Петербургом и Лондоном о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете формирование англо-франко-русского блока завершилось², не адекватно. Как убедительно доказал И.И. Астафьев, «руководители внешней политики России не рассматривали заключение англо-русского соглашения 1907 г. как переход на сторону Англии во все обострявшемся англо-германском соперничестве. Они рассчитывали

¹ См. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964.

² См. *Нейман Л.А.* Франко-русские отношения во время Боснийского кризиса (1908–1909 гг.) // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. М., 1958, 1959 и др.

путем лавирования между Лондоном и Берлином остаться в стороне от назревавшей европейской коллизии. Балканские события 1908 г. показали Извольскому сложность подобной задачи. В Европе шел процесс политической консолидации соперничавших империалистических блоков, центрами которых стали Германия и Англия. Остаться в стороне от этого процесса для такой крупной и привлекательной в качестве союзника державы, как Россия, практически становилось невозможным. Этого не могли допустить ни Англия, ни Германия»³.

В этих условиях Петербург надеялся добиваться своих целей, используя тактику балансирования, хотя политика совместных действий с Веной на Балканах (оформленная соглашением 1897 г. и подтвержденная в Мюрцштеге в 1903 г.) провалилась, а Берлин значительно укрепил позиции в Турции. К тому же Германия активно поддерживала захватнические планы Австро-Венгрии, мечтавшей о превращении Габсбургской монархии в великую средиземноморскую державу.

Извольский пытался, с одной стороны умиротворяюще влиять на Вену при посредничестве Берлина, а с другой — получить дивиденды от сближения с Лондоном. Соглашение 1907 г. внушило российскому дипломату оптимизм, как выяснилось позже, неоправданный. Эвентуальное обещание Лондона рассмотреть в свое время вопрос о благоприятном для России решении вопроса о Проливах в ходе Ревельского свидания Николая II и Эдуарда VII 27–28 мая (9–10 июня) 1908 г. не затрагивалось. Хотя, по свидетельству современников, ходили слухи, будто король наобещал царю помочь добиться для русского флота свободы прохода через Дарданеллы и приобрести для него угольную станцию в Тихом океане⁴. Тем не менее эта манифестация англо-русского сближения обеспокоила Берлин.

В таком контексте особое значение для России приобретала позиция союзницы. Но, по информации Нелидова, рассчитывать на Францию едва ли верно, хотя считал он, «сохранить союз все-таки необходимо, ввиду особенно надвигающейся опасности возникновения во всей широте жизненного для нас восточного вопроса»⁵. По мнению посла, в Париже отношение к назревавшим событиям на Балканах «носит на себе отпечаток того безучастия, с которым республиканское правительство взирает на международные события, к которым непричастна непосредственно Франция и не затронуты самые чувствительные для нее материальные интересы».

³ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 167.

⁴ См.: Taubé M. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des tsars (1904–1917). Paris, 1928. P. 169–170; Красный архив. М., 1923. Т. 4. С. 128.

⁵ Цит. по: Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1925. С. 152.

В ходе Боснийского кризиса французская дипломатия заняла позицию, потворствующую австрийским замыслам⁶. Посол Третьей республики в Константинополе Ж. Констан заявил германскому коллеге А. Маршалю: «Если русские в этом деле рассчитывают на своих союзников, то они жестоко ошибаются». И действительно, Париж не поддержал предложение Петербурга о созыве международной конференции для урегулирования кризиса и корректировки некоторых статей Берлинского трактата в интересах России.

Л.А. Нейман справедливо констатировала, что «международное положение царской России, фактически оставленной своими французскими союзниками и английскими друзьями, было очень тяжелым». Тот факт, что ни Париж, ни Лондон не помогли Петербургу, отчетливо выявил противоречия между участниками формирующегося тройственного согласия и ободряюще действовал на членов Тройственного союза.

Захватническая политика Австро-Венгрии вызвала резкое противодействие Сербии, попытавшейся получить территориальные и экономические компенсации. Требование отказаться от них содержалось в австрийском ультиматуме (полностью поддержанном немцами), отклонение которого грозило войной. В этой ситуации выступить в поддержку Белграда был готов Петербург, и для него как никогда значимой становилась позиция Парижа. Но соответствующий запрос Нелидова был холодно встречен французским министром иностранных дел С. Пишоном. А 11 (24) февраля в газете «Temps» (официозе французского МИД) появилась знаменательная статья, в которой недвусмысленно выражалось отношение к происходящему: «С одной стороны, имеется возможность европейского конфликта, а с другой — разочарование для Сербии... Бывают моменты, когда долг повелевает рассуждать хладнокровно. Сколько бы Сербия нам ни внушала симпатий, она не стоит войны... Надо выбирать между расширением сербских границ и общеевропейским взрывом».

Официальный же ответ союзницы был сформулирован на следующий день в телеграмме Пишона послу в Петербурге адмиралу Тушару. Он гласил: «Интересы обеих держав обязывают их правительства принять все меры к предупреждению конфликта из-за вопросов, не затрагивающих жизненных интересов России, и что война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны об-

⁶ Нейман Л.А. Франко-русские отношения во время Боснийского кризиса (1908–1909 гг.) // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. М., 1958. 1959. С. 385, 389, 406; Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 159, 165, 180.

шественного мнения Франции»⁷. Таким образом, союзница решительно отказывалась признать выступление России в поддержку Сербии за *casus foederis* и, следовательно, возможность применить военную конвенцию.

Берлин со своей стороны в начале марта предложил Петербургу использовать все средства для давления на Белград, грозя в противном случае предоставить Вене свободу действий. После попытки уклониться от однозначного ответа Петербург был вынужден отступить и принудить Сербию согласиться на австрийские требования. 26–27 марта (8–9 апреля) державы, подписавшие Берлинский трактат, особыми нотами уведомили Австро-Венгрию о согласии на отмену 25 статьи, признав, таким образом, аннексию Боснии и Герцеговины.

Угроза войны, к которой Россия не была готова, миновала. В Берлине и Вене не скрывали торжества по поводу успеха Тройственного союза и отсутствия солидарности в рядах формирующегося англо-франко-русского согласия. На завершающей стадии кризиса Париж тщетно пытался затушевать ответственность за столь негативный для престижа группировки исход, но франко-русские отношения в ходе Боснийского кризиса существенно охладились.

В Петербурге после кризиса всерьез задумались относительно дальнейшего направления политики России. Обострилась борьба сторонников сближения с Берлином и тех, кто продолжал рассчитывать на Париж и Лондон⁸. По свидетельству ближайшего окружения, Николай II был крайне возмущен результатами деятельности Извольского, отставку которого активно обсуждала германофильски настроенная часть окружения царя⁹. Антигерманские настроения выплеснулись на страницы прессы в России, Англии и Франции.

Основная задача царизма, ослабленного поражением в войне с Японией и революцией в России, — избежать внешнеполитических осложнений — и после завершения Боснийского кризиса оставалась актуальной. Но теперь в Петербурге стремились избежать и новых дипломатических поражений, поэтому вновь попытались наладить отношения с Берлином. В начале мая 1909 г. товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков (замещавший находившегося в отпуске Извольского) набросал схему соглашения с Германией, против которого не возражал и царь. Суть его состояла в том, чтобы выяснить возможность присоединения Германии к австро-русскому соглаше-

⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Серия II. Т. XVIII. Ч. 1. № 341.

⁸ См. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1905–1910. М., 1961. С. 298–300.

⁹ См. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 194–196.

нию 1897 г. с тем, чтобы Берлин стал своего рода гарантом сохранения статус-кво на Балканах, ограничив экспансионистские планы Вены, в обмен на обещание Петербурга сохранить нейтралитет в случае англо-германской войны.

Николай II обратился с письмом к Вильгельму II, предложив встретиться. Но рандеву монархов в финских шхерах 4–5 (17–18) июня 1909 г. не оправдало ни надежд Берлина, ни расчетов Петербурга. Берлин не собирался жертвовать союзом с Веной ради соглашения с Петербургом, поэтому немецкие дипломаты были осторожны в беседах. Вильгельм II даже зачитывал тост с заранее заготовленным текстом, а не импровизировал по своему обыкновению. Возвратившийся из отпуска Извольский не одобрил поспешных действий Чарыкова, поскольку, улучшая отношения с Берлином не хотел портить таковых же с Лондоном и Парижем. На встрече он был крайне сдержан и лишь заверил, что англо-русское соглашение не имеет общеполитического характера и не направлено против Германии¹⁰.

Это стало свидетельством возвращения к политике равновесия между Англией и Германией. Нелидов приветствовал эту тактику. В личном письме Извольскому от 28 мая (10 июня) 1909 г., написанному вскоре после его возвращения из отпуска, посол с удовлетворением констатировал отсутствие перемен в направлении внешней политики, которое придал и продолжает поддерживать министр. Нелидов подчеркивал, сколь необходимо для России «не только сохранять объединение тройственной антанты, которое существовало до сих пор, но укреплять и развивать его, чтобы оказать более эффективное сопротивление агрессивным поползновениям и экспансии Тройственного союза, который, воодушевленный своими недавними успехами, угрожает стать помехой для наших прямых интересов на Ближнем Востоке»¹¹.

От реализации в будущем собственных замыслов ни в Петербурге, ни в Париже отказываться не собирались, а для этого требовалось укреплять союз. Поэтому стороны стараются наладить отношения и принимают меры для демонстрации их прочности. В мае 1909 г. по инициативе Парижа происходит смена послов в обеих столицах, а также синхронное назначение послов в Константинополе – Чарыкова и М. Бомпара, что должно было свидетельствовать о единстве политики двух держав в Турции. Нелидов в беседе с Пишоном после публикации информации о назначении послов подчеркнул важность того, чтобы их согласованная деятельность отвечала существующим сношениям между правительствами двух стран.

¹⁰ См.: *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 199–213.

¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 34.

С этой целью организуется третий визит во Францию русского монарха. Протокол встречи в Шербурге 18 (31) июля 1909 г. тщательно готовится: заранее согласуются дата визита, программа пребывания императорской четы, состав сопровождающих лиц, награды, которые получают моряки, тосты, которыми обмениваются царь и президент Республики А. Фальер. Сохранившиеся в архиве варианты проектов тоста Николая II свидетельствуют о том, как внимательно редактировался текст, в котором просматривается множество отсылок к тостам, произнесенным в ходе предыдущих визитов на высшем уровне.

В ходе визита состоялись две беседы Пишона с Извольским (одна — наедине, а другая в присутствии послов Нелидова и Ж. Луи), которые касались отношений союзниц во время Боснийского кризиса и тех мер, которые следовало принять, чтобы воспрепятствовать новому кризису на Балканах. К определенному заключению так и не пришли. Судя по записке Пишона от 18–19 июля (31 июля–1 августа), он ясно дал понять, что Париж окажет помощь Петербургу, если тот перестанет заигрывать с Берлином. Французский министр убедился в твердом решении «русского правительства сохранить двойную ориентацию, которую оно три года назад придало своей политике: тесный союз с Францией, дружественное согласие с Англией»¹².

Профессиональные и человеческие усилия Нелидова для поддержания русско-французских союзных отношений высоко ценили в стране пребывания, где его кончина в сентябре 1910 г. была встречена с искренней скорбью. Новым послом в Париже стал Извольский (остававшийся на этом посту до 1917 г.), а министром иностранных дел — С.Д. Сазонов. От тактики балансирования Извольского он переходит к укреплению отношений с Парижем и Лондоном. Провал попытки заключить в 1911 г. общеполитическое соглашение с Германией стал переломным моментом в политике, проводившейся Петербургом. В 1911–1912 гг. происходит консолидация Тройственного соглашения, и заключаются франко-русская и англо-французская морские конвенции.

Публикуемые документы (на русском и французском языках) хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде «Канцелярия министра иностранных дел». Они публикуются по правилам современной орфографии. При этом сняты обращения, а также стандартная формула вежливости в конце: «Прошу принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности».

И.С. Рыбаченок

¹² D.D.F. T. XII. № 266. P. 385–386.

Секретное письмо А.П. Извольского — А.И. Нелидову

St. Pétersbourg, le 15/28 Janvier 1909 г.

Dans un des passages de l'intéressante lettre que Vous m'adressiez, en date du 8/21 courant, Vous me signalez entre autre, certaines rumeurs qui se sont récemment fait jour dans la presse au sujet du rôle d'intermédiaire proposé au cabinet de Paris dans le différent austro-turc, et turco-bulgare et turco-serbe; Vous ajoutez que Mr. Pichon nie qu'une pareille démarche ait été faite auprès de lui dans le sens susindiqué.

A ce propos, je crois devoir mettre Votre Excellence au courant de la teneur de deux lettres qui viennent de me parvenir, l'un du Comte Osten-Sacken, l'autre du Comte Benckendorff traitant d'une question analogue; puisées toute deux à la même source, elles attestent, en effet, les efforts allemands pour amener la France à assumer un rôle d'intermédiaire, non pas dans les différends cités par Vous, mais dans le désaccord qui subsiste entre le Baron d'Aehrenthal et moi, au sujet de l'annexion.

Il résulte de ses lettres, que Mr. de Schoen, appuyé par les Ambassadeurs Autriche-Hongrie et d'Italie, a sondé dernièrement Mr. Jules Cambon à l'effet d'obtenir que la France offrît ses bons offices en vue d'améliorer mes rapports avec le baron d'Aehrenthal, — rapports qui se bornent actuellement, comme Vous le savez, à des relations strictements officielles.

Rentré de Paris, où il s'était rendu pour chercher des instructions, Mr. Cambon sempressa de transmettre au comte Osten-Sacken le point de vue du cabinet de Paris, auquel je ne puis que donner mon entière approbation.

Ces instructions portent que la France, en sa qualité d'alliée de la Russie, s'en tiendrait scrupuleusement au point de vue du cabinet de St. Pétersbourg, tout comme l'Allemagne s'associait à celui du cabinet de Vienne; que si la Russie trouvait de son intérêt que la France pris la parole pour elle et que l'Autriche en fît la même demande à l'Allemagne, le cabinet de Paris s'y emploierait de son mieux, mais que, dans tous les cas, la France ne ce désisterait pas de son rôle naturel d'avocat de la cause russe.

Les renseignements fournis au comte Benckendorff par Mr. Paul Cambon une légère divergence, en ce sens que le cabinet français ne serait prêt à accepter le rôle d'intermédiaire, qu'à la demande directe d l'Autriche de nous faire parvenir une proposition, et, cela va s'en dire, sous la réserve expresse qu'il ne s'agirait pas de l'appuyer.

L'ambassadeur de France à Londres a ajouté que si Mr. Pichon s'est jusqu'ici abstenu de Vous saisir de cette affaire, c'est qu'il tenait à éviter de prêter à une simple conversation, — qui n'aurait probablement pas de suite, le caractère d'une communication et qu'il ne voulait pas accorder à celle-ci plus d'importance qu'elle ne comportait.

Aussi bien, conclue judicieusement le comte Benckendorff, il n'est pas improbable que nous ne nous trouvions devant une nouvelle tentative allemande d'amorcer la France, en vue de la compromettre aux yeux de la Russie et que l'insistance du prince de Bülow, dans la réalisation de ce projet, prouverait, une fois de plus, l'existence d'un plan arrêté tendant à rompre l'action commune des Puissances de la Triple Entente, — rupture dont la France serait responsable en assumant un rôle clairement incompatible avec ses devoirs d'alliée.

№ 2

Личное письмо А.И. Нелидова — А.П. Извольскому

Paris, 22 Janvier / 4 Février 1909 г.

Je présente à votre excellence mes respectueux sentiments pour les informations qu'elle a bien voulu me communiquer dans sa lettre du 15/28 Janvier au sujet des tentatives faites par l'Allemagne pour amener la France à sentir d'intermédiaire entre les cabinets de Vienne et de St. Pétersbourg.

Ayant depuis l'expédition du dernier courrier, eu l'occasion de reparler à M. Pichon de cette affaire. J'ai entendu de sa bouche des explications qui concordent parfaitement avec ce que Vous ont écrit le comte Osten-Sacken et le comte Benckendorff. La version donnée par ce dernier ne serait qu'un complément de celle qui Vous a été transmise par notre Ambassadeur à Berlin.

Les faits se seraient passés de la façon suivante: M. de Schoen serait revenu à plusieurs reprises, dans ses entretiens avec M. Jules Cambon, sur les inconvénients des relations tendues qui s'étaient établies entre votre excellence et le baron d'Aehrenthal.

Il aurait en même temps insinué que ce serait un rôle bienfaisant que pourrait jouer la France dans l'intérêt de la paix générale si elle voulait s'employer à mener une détente dans les rapports des deux Empires.

Arrivé à Paris M. Cambon fit part de ses ouvertures au ministre des affaires étrangères et reçut de lui la réponse qui Vous a été rapportée par le comte Osten-Sacken. M. Pichon me dit avoir ajouté que, si, en l'absence de toute communication non officielle entre Pétersbourg et Vienne, M. d'Aehrenthal voyait la nécessité de faire passer à Votre Excellence quelques pièces d'un caractère plus intime, il ne se refuserait pas de la transmettre, mais en s'abstenant absolument d'y ajouter quelques recommandations personnelles.

A ma demande si des démarches dans le même sens avaient été faites auprès du ministre par l'ambassadeur de l'Allemagne, il m'a répondu que jamais le Prince Radolin n'avait touché à ce sujet.

St. Pétersbourg, le 18 février / 3 mars 1909.

En me faisant connaître les propositions combinées à Berlin entre Mr. de Kiderlin et Mr. Cambon au sujet des démarches à faire à Belgrade, l'ambassadeur de France a appuyé cette communication par la lecture d'un long télégramme de Mr. Pichon traitant la question au point de vue de la politique générale. Dans cette pièce, le ministre des affaires étrangères français exprime que les sentiments de la France pour la Russie, son attachement à l'alliance et les responsabilités qui lui incombent, font un devoir au gouvernement français d'examiner de concert avec nous, la ligne de conduite que les intérêts supérieurs des deux pays doivent leur faire adopter; il ajoute qu'il est de leur devoir à tous deux de tout faire pour écarter le risque d'un conflit dans une affaire où les intérêts primordiaux de la Russie ne sont pas engagés et dont par conséquent l'opinion publique française ne pourrait comprendre qu'une guerre à laquelle les armées de la France et de la Russie devraient prendre part, pût en sortir. Si les deux gouvernements se sont toujours montrés prêts à faire honneur à leurs engagements lorsque les intérêts vitaux de la France et de la Russie seraient menacés, ils ont à l'inverse, toujours considéré que dans tous les autres incidents de la vie internationale leurs efforts devaient s'unir dans l'intérêt de la paix et de la conciliation; or, tel est le cas aujourd'hui, et le gouvernement français pense que le moment est venu pour aborder en commun l'examen de la question qui fait en ce moment la principale difficulté, c.à.d. celle des revendications Serbes; Mr. Pichon s'adresse donc au gouvernement impérial pour le prier de lui faire connaître ses vues dans la certitude de l'examen qui en sera fait par les deux gouvernements permettra de mettre fin à la crise actuelle dans des conditions également satisfaisantes pour la France et la Russie.

La question qui nous est ainsi posée par le gouvernement français acquiert une importance spéciale en présence de la campagne faite actuellement contre nous dans une partie de la presse étrangère, laquelle accuse la Russie d'encourager les revendications territoriales de la Serbie et d'exposer par là à un grave danger la paix européenne. Les conseils que nous venons de donner à la Serbie et que nous avons tenu à rendre aussi catégoriques et aussi publics que possible, ne laisserons, nous aimons à l'espérer, subsister aucun doute sur nos intentions. En donnant cette preuve de notre sincère désir de servir la cause de la paix et de la conciliation, nous ne faisons que suivre la ligne de conduite que nous avons adoptée dès le début de la crise actuelle. Le gouvernement français n'ignore pas les difficultés de tous genres que la politique ambitieuse

¹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. 450–460. Подпись – автограф.

de l'Autriche-Hongrie a créées à la Russie en rompant le statut quo établi sur la peninsule des Balcans, en semant l'excitation et les alarmes parmi les peuples balcaniques et en soulevant le sentiment national du peuple Russe. Malgré cela, nous n'avons pas cessé un instant de travailler pour la paix et je n'est pas hésité personnellement à braver l'opinion publique en reconnaissant ouvertement nos anciens engagements envers l'Autriche-Hongrie et en employant tous mes efforts afin de calmer l'effervescence en Seberie et dans le Monténégro. Ce n'est donc pas sans un sentiment d'étonnement que nous voyons aujourd'hui rejeter sur nous la responsabilité pour la tournure aiguë de la crise et que nous lisons dans l'organe attitré du Quai d'Orsay que le première démarche à faire est de s'adresser à Russie pour lui demander ses intentions. Il nous semble que cette question aurait pu être posée avec plus de droit à l'Autriche qui a amassé des forces armées considérables sur les frontières de la Serbie et de Monténégro et fait menacer journellement par sa presse officieuse ces deux pays d'un ultimatum suivi d'une invasion. — Quoi qu'il en fût, nous nous sommes déclarés prêt à seconder toute action des puissances qui aurait pour but de détendre la situation et nous sommes encore disposés aujourd'hui à nous associer à une démarche collective à faire à Belgrade. Nous attendons à ce sujet, les propositions de cabinet de Paris, mais nous ne pouvons pas cacher l'impression de la diplo pénible que nous cause le fait que le gouvernement français abandonne la voie suivie jusqu'ici en commun par la Russie, la France et l'Angleterre, pour s'approprier une combinaison manifestement préparée à Vienne et suggérée par la voie de la diplomatie Allemande. Le but de cette combinaison est parfaitement clair: ni l'Autriche, ni l'Allemagne ne veulent de la conférence; le cabinet de Vienne n'a d'ailleurs pas caché dès le début de son intention de tout régler par des accords directs et de ne laisser à la conférence, si elle se réunit, que l'enregistrement des faits accomplis. Actuellement, après avoir signé son accord avec la Turquie, il veut, sa presse officieuse le dit clairement, amener la Serbie par des menaces et avec l'aide des autres Puissances, à entrer en pourparlers directes avec lui, ce qui équivaldrait à lui livrer ce pays à discrétion. Peut-on parler, en effet, sérieusement de négociations entre l'Autriche armée de pied en cap et la Serbie terrorisée et abandonnée par les puissances? Les compensations économiques que l'Autriche-Hongrie aurait à offrir, dans ce cas, à la Serbie, ne serait qu'un instrument d'avertissement et il est fort douteux qu'il se trouve un gouvernement Serbe pour entrer dans une pareille voie. Nous avons donc tout lieu de nous étonner que l'ambassadeur de France à Berlin s'empresse de seconder ces vues de l'Autriche-Hongrie. J'ai déjà fait observer dans mon télégramme du 14 fevr., N° 250, que le plan mis en avant par l'Autriche-Hongrie est absolument contraire à ce qui avait été convenu jusqu'ici entre les puissances et accepté par le cabinet de Vienne lui-même. Le gouvernement français voudra bien se rappeler que la question des avantages à assurer à la Serbie et au Monténégro avait été incluse d'un commun

accord, dans le programme de la conférence, et que l'Autriche-Hongrie avait consenti à en faire l'objet d'une discussion entre les Puissances, sous la seule réserve que ces avantages ne pourraient avoir qu'un caractère économique. Nous ne voyons aucune raison d'abandonner actuellement ce terrain qui offre l'unique possibilité de garantir dans la mesure du possible, les intérêts des petits pays balkaniques contre la politique ambitieuse et envahissante de l'Autriche-Hongrie. Aussi, en nous montrant prêts à nous joindre à une action des puissances à Belgrade, sommes-nous obligés, en même temps, d'insister sur la nécessité de conserver à la question son caractère éminemment européen; c'est dans ce but qu'en adressant nos conseils au gouvernement Serbe, nous avons exprimé l'opinion que la Serbie, en renonçant à maintenir ses revendications territoriales, doit s'en mettre pour la solution des questions pendantes à la décision des puissances. Il nous semble que c'est en conservant cette position plutôt qu'en encourageant les velléités autrichiennes, que les puissances contribueraient à une solution pacifique de la crise actuelle et à l'établissement d'un ordre de choses stable dans les Balkans. Ces velléités sont clairement formulées dans la réponse du cabinet de Berlin à la démarche des Ambassadeurs: exiger du gouvernement Serbe non seulement qu'il abandonne ses prétentions territoriales, mais encore qu'il s'adresse directement à l'Autriche-Hongrie pour discuter les avantages économiques que celle-ci veut bien lui accorder; un pareil plan, nous le disons ouvertement, ne saurait en aucun cas avoir notre appui et nous ne pouvons que regretter qu'il ait pu mériter les suffrages de la diplomatie Française.

Nous aimons à espérer que les franches explications qui précèdent ne laisseront au gouvernement français aucun doute sur les intentions pacifiques; il est parfaitement exact qu'au mois d'octobre j'ai publiquement déclaré que la Russie ne pouvait voir dans les origines de la crise actuelle un «casus belli» et j'ai la conscience de n'avoir rien dit ni entrepris depuis lors pour tendre davantage la situation; je viens, tout au contraire, de donner une preuve de plus de notre sincère désir de faire tout ce qui dépend de nous en faveur de la paix. Il me semble donc que s'est plutôt sur la politique Austro-Hongroise, pour laquelle on a tant d'indulgence à Paris, qu'il s'agirait de peser. Il est à se demander, en effet, quelle sera la situation, si l'esprit belliqueux, si fort en ce moment à Vienne, l'emporte définitivement? Une agression de l'Autriche-Hongrie contre les deux petits pays slaves voisins ne manquera pas de soulever en Russie une profonde indignation et une fois que le sans aura coulé, il est impossible de prévoir quelle sera la force du moment de l'opinion Russe et si le gouvernement impérial placé actuellement dans des conditions nouvelles de politique intérieure, aura assez de force pour y résister,

Avant de terminer, je voudrais attirer l'attention du gouvernement français pour un autre aspect de la question. La dépêche de Mr. Pichon fait une distinction entre les cas où se trouvent engagés les intérêts vitaux de la Russie et les autres incidents de leur vie internationale et semble

impliquer que le gouvernement français considère la crise actuelle comme appartenant à la seconde catégorie des faits. A ce point de vue il s'agirait pour nous, à l'heure actuelle, d'une question analogue à celle qui, peu d'années auparavant, à l'occasion des affaires du Maroc, avait suscité un différend entre la France et l'Allemagne. Il me semble qu'il y a là une erreur d'appréciation qu'il est nécessaire, dans l'intérêt même de nos futures relations avec la France, de rectifier. Ni au yeux de la France, ni à ceux de l'Europe la question Marocaine ne dépassait les dimensions d'une question d'intérêt colonial et économique. Cele ne nous a pas empêchés de mettre à la disposition du gouvernement français toutes les ressources de notre diplomatie, et le concours ouvert que nous lui avons prêté à la conférence d'Algeciras est une des cause, on nous le répète tous les jour à Berlin, pour lesquelles aujourd'hui nous ne pouvons compter dans aucune mesure sur l'appui de l'Allemagne. Lorsque tout récemment, à la suite d'un incident fortuit et assurément d'un ordre secondaire, la France s'est trouvée en face d'une menace Allemande, il ne s'est élevé aucune voix en Russie, ni dans les milieux responsables, ni dans le domaine de la presse pour contester la nature du service que la Russie devait à son alliée dans cette circonstance. Or, la crise suscitée dans les Balcans par la politique Autrichienne a pour la Russie une gravité particulière: la nation Russe y voit une poussée de germanisme contre le monde Slave, une tentative du bloc austro-allemand de profiter de l'affaiblissement momentané de la Russie pour faire un premier pas vers l'établissement de leur prépondérance dans les Balcans. L'esprit public en Russie a été frappé de la coïncidence remarquable entre le récent accord franco-allemand et l'attitude de l'Autriche, devenue subitement plus bellequeuse à l'égard des petits pays slaves. A supposer même que les choses finissent par s'arranger à l'amiable, ont craint chez nous et non sans raison que la Russie sortira de la crise moralement amoindrie et dépoillée aux yeux du monde Slave de l'auréole traditionnelle. Un pareil résultat est-il à l'avantage de la France ? En voulant nous courber devant la volonté du baron d'Aehrenthal, le gouvernement français ne risque-t-il pas d'affaiblir les sentiments si vivaces qui unissent le peuple Russe au peuple Français? Et un échec définitif de la diplomatie Russe ne donnera-t-il pas aux ennemis de notre système actuel d'alliances et d'amitiés de nouveaux et puissants arguments? On représente volontiers dans la presse étrangère la partie engagée actuellement entre la Russie et l'Autriche-Hongrie comme une lutte entre moi et le baron d'Aehrenthal. J'ai donné assez de preuves du peu de cas que je fais de ma popularité pour être soupçonné de mêler au débat un élément personnel. Je crois que l'amiral Touchard dont je ne puis assez louer l'attitude intelligente et sympathique comprend parfaitement ce côté de la situation; je ne puis m'empêcher de souhaiter que Mr. Cambon à Berlin et Mr. Crozier à Vienne y prêtent également leur attention et ne se montrent pas aussi prompts à s'approprier les plans politiques combinés à Vienne et portés par la voie de Berlin devant le gouvernement français.

Vous voudrez bien, mon cher ambassadeur, porter le contenu de cette lettre à la connaissance de Mr. Pichon soit in extenso, soit, si Vous le juger préférable, avec les coupures qui Vous serait suggérées par Votre tact éprouvé et par la connaissance parfaite que Vous avez des conditions politiques du moment.

№ 4

Личное письмо А.И. Нелидова – А.П. Извольскому

Paris, 18 Février / 3 Mars 1909 г.

L'amiral Touchard a fait part à M. Pichon des observations que Vous lui avez faites au sujet de la tiédeur que la diplomatie française, et notamment les Ambassadeurs à Vienne et à Berlin, auraient manifestée pour le point de vue défendu par le cabinet Impérial.

Vivement affecté par cette accusation, M. Pichon est venu protester auprès de moi de la sincérité et de la loyauté absolue de sa politique à l'égard de la Russie, et justifier la conduite des représentants français incriminés par votre excellence. Il ont strictement rempli, m'a-t-il dit, leurs instructions, toujours conformes à nos intentions, et si M. Crosier, quelque peu hypnotisé par le faste de la société de Vienne, dans laquelle il s'évertue à se créer une bonne position, a pu se montrer dans la forme, moins catégorique qu'il n'aurait dû l'être, il n'en est pas de même de M. Jules Cambon. Celui-ci n'a pas cessé de faire entendre expressément au cabinet de Berlin que la France suivait dans la crise actuelle en tout point la politique adoptée par le cabinet de St.Pétersbourg, et remplirait loyalement les exigences de l'alliance qui l'attache à la Russie. Il a si bien su en convaincre le prince de Bülow, que dans un entretien récent en discutant les éventualités à prévoir, le chancelier dit, entre autre, à M. Cambon: «Vous Vous mettez du côté de la Russie, comme nous nous placerons à côté de la Russie, comme nous nous placerons à côté de l'Autriche ...».

Mais il est évident que la presse, tant Allemande qu'Autrichienne, a grand intérêt à changer les couleurs et, prenant texte de relations moins tendues entre la diplomatie française et les autorités politiques de Vienne et de Berlin, de faire croire que la France se détachait peu à peu de son alliée et de son amie et se rapprochait de la triplice.

M. Pichon me donna à cette occasion les assurances les plus chaleureuses sur l'attitude que la France observerait dans le cas où la crise actuelle devrait nous amener à prendre une part active au conflit austro-serbe. «Nous exécuterons loyalement les devoirs de l'Alliance», me dit le ministre, et aussi longtemps que je suis là cette politique sera suivie. Mais comme cela crée pour les deux pays,

qui ni l'un ni l'autre ne désirent la guerre, une situation extrêmement grave, j'ai cru qu'il était de mon devoir de chercher le moyen d'éviter ce danger et de ne point en venir à ces résolutions extrêmes». Il m'expliqua à nouveau ce que j'ai eu l'honneur de Vous télégraphier le 13/26 Février sur N° 35: d'après tous les renseignements qui lui parvenaient ce qui exaspérait surtout l'Autriche et créait l'extrême irritation du cabinet de Vienne, c'était la cession territoriale à laquelle la Serbie prétendait avoir droit. M. Milovanovitch avait reconnu ici que l'Autriche n'y consentirait jamais; aucune des grandes puissances ne se montrait disposée à soutenir cette revendication. Il était dès lors inutile et dangereux pour la Serbie d'y insister, tandis que l'abandon spontané de sa part de cette réclamation permettrait aux Puissances de défendre d'autant plus énergiquement les intérêts économiques du royaume. Il pensait qu'une démarche dans ce sens, venant de la Russie, serait moins blessante pour les Serbes et avait plus de chances de succès qu'une intervention collective des cabinets. C'était là le sens de la communication dont l'ambassadeur de France avait été chargé auprès de votre excellence.

Quant aux propositions – Cambon et Kiderlen, le Ministre ne les avait ni adoptées, ni recommandées; il trouvait la dernière surtout peu acceptable pour nous, et ne la fait transmettre aux cabinets de St. Pétersbourg et de Londres que pour avoir à cet égard leur avis, sans lequel il ne voulait en aucun cas s'engager.

Telles sont, monsieur le ministre, les explications et les assurances que m'a données M. Pichon dans les entretus successives que j'ai eues avec avec lui à la fin de la semaine dernière.

Je n'ai aucune donnée pour ne pas le croire sincère quand il me déclare que le gouvernement français est absolument résolu à remplir strictement les obligations que lui impose notre traité d'alliance. Il me revient que d'autres membres du cabinet se seraient prononcés dans le même sens, en accentuant que si la France agissait différemment et manquait à ses engagements, elle se condamnerait moralement, et se trouverait matériellement, si la guerre était heureuse pour la Russie, isolée en Europe et déshonorée, – et dans le cas contraire livrée sans défense à l'Allemagne, car, disent les Anglais, la defection de la France vis-à-vis de la Russie serait la fin pour toujours de l'entente franco-anglaise.

Je ne puis cependant, tout en Vous soumettre toutes ces données, ne pas relever que l'idée d'une guerre est envisagée ici dans le public et dans presse avec des sentiments bien différents. La republique démocratique est par son essence même ennemie des guerres. L'antimilitarisme et le socialisme font dans ce sens des progrès notables. Mais ce sont surtout les tendances et les préoccupations mercantiles du public Français, et les soins de la conservation de son immense richesse qui servent à développer ici des dispositions ultra-pacifiques. Si la France était attaquée ou que ses intérêts directs, appréciables pour tous, fussent en jeu, le pays marcherait. Mais telle que la question est

présentée par la presse, dont une grande partie est gagnée par l'Autriche, avec le «Temps» en tête, — «lancer l'Europe dans une guerre pour une bande de territoire à annexer à la Serbie, qui n'y a aucun droit» — ce serait là, aux yeux des Français, la plus criminelle folie.

Votre courageuse démarche à Belgrade, à laquelle tout le monde applaudit hautement, tend à détourner ce danger, et, si, après réception d'une réponse de Belgrade, les nouvelles prétentions impertinentes de l'Autriche ne sont pas maintenues par elle, il y a tout lieu d'espérer que la crise se dénouera pacifiquement. Mais une action énergique des puissances sera probablement nécessaire aussi à Vienne, et, comme je vous l'ai télégraphié hier, M. Pichon ne demande qu'à s'entendre avec nous et les Anglais sur la forme et le développement à lui donner, en étant prêt à s'employer pour y engager les autres puissances.

C'est donc avec un intérêt redoublé qu'on attend ici les nouvelles de Belgrade et les décisions du gouvernement imperial qui décideront de la direction ultérieure à donner à l'action diplomatique des cabinets.

Personnellement le ministre français et, à ce qu'il croit, son collègue de Londres, estiment qu'il faudrait le plus tôt possible convoquer la conférence. Or, comme l'accord entre la Bulgarie et la Turquie semble être sur le point de s'établir sous notre égide, M. Pichon espère que la proposition pourrait en être lancée très prochainement. Comment sera-t-elle accueillie à Vienne et à Berlin — cela est encore une question qui donnera probablement lieu à de difficiles négociations, car jusqu'à présent on s'y montrait absolument hostile à une conférence qui ne bornerait pas son action à un simple enregistrement des accords directement établis entre les intéressés.

№ 5

Личное, конфиденциальное письмо А.И. Нелидова — А.П. Извольскому

Paris, 5/18 Mars 1909 г.

Ayant eu l'honneur de recevoir votre lettre de 18 fevrier/3 mars je n'ai pas manqué d'en donner connaissance à Mr. le ministre des affaires etrangeres.

Je ne puis vous cacher que cette lecture, dont l'effet a été renforcé par un télégramme de l'amiral Touchard rendant compte des observation que vous lui aviez faites sur une prétendue évolution de la politique française dans un sans contraire à ses accords avec nous, — a produit sur Mr. Pichon une très pénible impression.

Je me suis déjà trouvé dans le cas de vous exposer, dans ma lettre confidentielle de la même date que la votre précitée, toutes les considérations

et explications relatives à l'attitude qu'avait observée le cabinet de Paris. Le ministre m'a de nouveau répété que dans aucun moment le gouvernement français n'avait songé à se soustraire aux obligations que lui imposait son alliance avec nous, ni à s'écarter en quoique cela soit de la ligne de conduite conforme à nos vues qu'il avait adoptée dès le début de la crise actuelle.

Quant aux points spéciaux qui pouvaient avoir motivé vos accusations contre la diplomatie française, voici les explications que m'a, une fois de plus, données Mr. Pichon.

Vous aviez vous même reconnu (par vos télégrammes du 1, 4 et 6 fevrier que j'ai communiqué au ministre des affaires etrangeres français) que la détente survenue dans les relations entre l'Allemagne et la France permettrait à celle-ci de prendre l'initiative de représentations conciliantes à faire à Vienne et à Belgrade en faveur d'une valuation pacifique de la crise, et qu'il serait désirable d'y associer, si possible, à la France et à l'Angleterre — l'Allemagne et l'Italie. Les démarches entreprises dans ce but à Berlin ayant échoué, et un projet de note à adresser au gouvernement serbe ayant été mis en avant par la chancellerie allemande, le gouvernement français, sans nullement l'approuver ni le recommander, a cru de son devoir de le transmettre tel quel est ?..... à Pétersbourg qu' à Londres, afin de s'enquérir de l'accueil qui lui serait fait. Une rédaction modifiée, présentée par Mr. Kiderlin, à été également communiquée aux cabinets de l'entente, mais sans que celui de Paris ait été disposé à s'engager d'avantage dans la voie proposée par les allemands.

Quant à la communication qui Vous a été faite le 13 fevrier par l'ambassadeur de France en vue de s'entendre sur la situation, qui se présentait à ce moment comme particulièrement dangereuse, et bien établir les intentions réciproques, — Mr. Pichon soutient n'y avoir rempli qu'une des conditions essentielles de notre accord qui oblige les deux parties de procéder dans de semblables circonstances à une entente; et comme c'est la Russie qui était la plus intéressée, — ce sont les intentions que le gouvernement français désirait connaître afin d'y conformer sa conduite, selon les exigences des alliances.

Je n'est pas manqué de faire observer au ministre que ce qui a dû nécessairement produire à Pétersbourg une fâcheuse impression c'est la coïncidence de cette démarche avec un article du «Temps» dans ce journal, que l'on est habitué de concidérer comme inspiré par le Quai d'Orsay, — tâchait de rejeter sur la Russie la faute de la situation dangereuse dans laquelle la paix de l'Europe était placée, et soutenait que c'était au gouvernement russe qu'il fallait maintenant demander ses intentions.

2.

Mr. Pichon nia une fois de plus que le «Temps» ait des relations quelconques avec le ministère des affaires étrangères, qu'il mettait souvent par son manque de tact dans un grand embarras. Il avait d'ailleurs fait de

vives remontrances au rédacteur politique de ce journal et son langage s'était sensiblement modifié.

A mon observation que d'autre part la presse européenne, et notamment celle de Vienne et de Berlin, avait également eu l'impression d'une attitude quelque peu modifiée de la politique française et avait révélée avec complaisance, le ministre répliqua que c'était un jeu bien naturel de la part des organes des cabinets allemand et autrichien, qui cherchaient par tous les moyens à jeter de la méfiance entre nous en exagérant et dénaturant à dessein des détails absolument insignifiants en eux-mêmes. Cette manoeuvre tendancieuse a été signalée ici également de Londres.

Pour ce qui est de l'attitude personnelle des deux Ambassadeurs Français mis en cause, Mr. Pichon, tout en défendant de nouveau changement l'activité irréprochable, selon lui, de Mr. Jules Cambon, a reconnu que celle de Mr. Crozier pouvait donner lieu à des crieries, sinon pour le fond, en tout cas dans la forme que revêtaient ses relations avec les sphères dirigeantes de Vienne. Aussi en a-t-il adressé divers remontrances à ce sujet, donc la teneur doit Vous avoir été communiquée par l'amiral Fouchard.

Je puis constater en tout cas que les observations que j'ai été chargé de faire à Mr. Pichon ont porté, et que même il s'en est senti quelque peu froissé, ne reconnaissant de sa part aucun manquement vis-à-vis du pays ami et allié.

Les assurances sur la résolution de rester per fas et nefas fidèle à l'alliance et de conformer son activité à nos vues me font l'impression d'une parfaite sincérité, — et ce fait me semble d'une importance capitale dans la situation politique où nous nous trouvons engagés. La France aurait trop à perdre à l'affaiblissement matériel ou morale de la Russie pour ne pas faire tout ce qui dépend d'elle pour le prévenir. C'est donc en partie dans un sentiment fort naturel de sa propre conservation qu'elle redoute pour nous les dangers d'une guerre et qu'elle recherche les moyens d'une solution pacifique. C'est bien également notre politique à nous, mais il y a à faire entendre aux Français que ce n'est qu'en nous aidant à maintenir notre position vis-à-vis de l'Autriche qu'ils peuvent se garantir eux-mêmes de l'établissement en Europe de l'hégémonie austro-allemande qui serait certainement désastreuse pour eux.

Mr. Pichon en est convaincu, mais nous nous trouvons en face d'un parti-pris qu'il est très difficile de combattre, tant à Vienne qu'à Berlin, où l'on l'ont semble être encore plus intransigeant que dans la capitale autrichienne.

№ 23

Париж, 5/18 марта 1909 г.

Телеграфные сообщения вверенного мне посольства ставят в известность ваше высокопревосходительство о последовательных впечатлениях, получаемых здесь от постепенного развития настоящего, весьма опасного политического положения.

Принимая с готовностью все предложения императорского кабинета, г. Пишон старается по сношению с Лондоном и, если возможно с Римом, приводить их в исполнение. Но содействие г. Титтони становится все менее надежным, а в Берлине все предложения, клонящиеся в пользу мирного разрешения сербско-австрийских затруднений, встречают непоколебимую решимость, безусловно, поддерживать точку зрения Венского кабинета.

Если смотреть на настоящее положение с высшей историко-политической точки зрения, то становится все более ясным, что дело идет о наступательном движении германизма, передовым двигателем коего служит Австро-Венгрия, против пробуждающегося южного славянства, которое имеется в виду или задавить или подчинить воле Габсбургского дома. Немецкие и австрийские газеты и не скрывают этого свойства предполагаемого похода на Сербию, которую защитить может только вмешательство России, принудив ее к бездействию, или нанести нам тяжелый военный удар, который снова расстроил бы только что восстанавливающиеся наши боевые силы.

В сознании этой опасности французское правительство искренно старается способствовать приисканию такого дипломатического приема, который, ни в чем не задевая самолюбие сербов, оказался бы приемлемым для венского кабинета, если последний еще доступен беспристрастному суждению здравого смысла и чувству международной честности и справедливости.

Телеграммой от вчерашнего числа я имел честь передать вам сущность сделанного здесь английским послом предложения, которое, без сомнения, непосредственно представлено было и вашему суждению. Одновременно с ним и австро-венгерский посол, расточающий горячие уверения в миролюбии своего правительства, представил здесь формулу заявления, которое могло бы быть сделано Сербией, чтобы удовлетворить требованиям Венского кабинета. Она должна была быть передана Вам французским послом, равно как и английское

¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л.138–140. Подпись – автограф.

предложение. Но тогда как последнее только вскользь касается жгучего босно-герцеговинского вопроса, в предложении графа Кевенгулера на первом месте стоит упоминание о соглашении, состоявшемся по этому предмету между Австрией и Турцией.

Впоследствии того, разделяя вполне ваше мнение, согласное и со взглядом лондонского кабинета, что Сербия не имеет никакого основания высказываться об этом вопросе, и находя, что право это принадлежит исключительно державам, подписавшим Берлинский трактат, г. Пишон не признал предложение австро-венгерского посла серьезным основанием для соглашения, но счел тем не менее своей обязанностью передать его в Лондон и С. Петербург.

В сущности, в настоящем натянутом положении Ближнего Востока на очереди стоят два вопроса. Во-первых, легко разрешимый при малейшем проявлении благодушия и прямоты со стороны Австрии — вопрос о ее сношениях с Сербией, которой отовсюду даются советы умеренности и благоразумия, так как никакой существенной розни способной оправдать вооруженное столкновение между ними не существует. Другой вопрос, к которому Сербия непричастна — это право великих держав, подписавших Берлинский трактат, подвергнуть обсуждению нарушения, произведенные в этом акте. Венский кабинет, поддерживаемый берлинским, настаивает на том, что раз между ним и Портою состоялось соглашение, великие державы могут только принять оное к сведению, чем и должна ограничиться деятельность будущей конференции.

На стороне противного толкования, заключенного в ответе вашем Австрии, стоят Франция и Англия. Положение Италии здесь не вполне выяснено. Турция тоже еще не высказалась. Таким образом, великие державы разделились на две группы, и съезд конференции представляется немислимым пока Австрия и Германия не изменят своего взгляда, так как трудно допустить, чтобы Россия, Англия и Франция могли отказаться от своего мнения, твердо основанного на трактатах и на международном праве.

Немедленная опасность войны представляется угрожающей только по поводу первого вопроса между Австрией и Сербией, к мирному разрешению коего прилагаются тщательные старания как в Петербурге, так и в Лондоне и Париже. Вопрос конференции, хотя и способен, будучи неразрешенным, надолго оставить Европу в неустойчивом политическом положении, едва ли может непосредственно привести к вооруженному столкновению. Следовательно, все дело зависит от удачного исхода сербско-австрийского спора, являющегося теперь по виду только словесным препирательством, за которым, несомненно, кроются более широкие народные и политические интересы. Если в Вене существует предвзятое намерение разрешить их насилем, то

никакие доводы благоразумия делу не помогут, и тогда жгучим станет наше положение по отношению к славянам и их надежде на наше содействие.

Вот, милостивый государь, как представляется настоящее политическое затруднение по имеющимся здесь сведениям, в которых немаловажное значение имеют передаваемые из Берлина все более тревожные слухи, служащие как бы поощрением дерзким притязаниям барона Эренталя.

№ 7

Депеша А.И. Нелидова – А.П. Извольскому¹⁵

№ 28

19 марта / 1 апреля 1909 г.

Забастовка телеграфных чиновников, кроме многих замешательств в обыденной жизни французской столицы, отозвалась крайне неприятным образом и на стоявших на очереди политических переговорах.

Телеграмма вашего превосходительства от 4/17 марта под № 356, заключавшая в себе предложение князя Бюлова, послужившее впоследствии основанием для соглашения относительно признания нами присоединения Боснии и Герцеговины, была мною получена только неделю спустя вместе с несколькими другими телеграммами от 3, 4 и 8 марта. Между тем до меня дошла своевременно только одна депеша от того же числа, без номера, заключавшая в себе проект вашего ответа на означенное предложение. Я тотчас же сообщил его министру иностранных дел, но предмет этот и решение, которое следовало по оному принять, были слишком важны, чтобы г. Пишон, не получивший никаких уведомлений об этом ни из Берлина, ни из Петербурга, мог, не зная подробностей дела, выразить определенное о нем мнение. Тем не менее, по сообщении мной министру телеграммы вашей от 7/20 марта, № 386, я немедленно телеграфировал, что он вполне присоединяется к соображениям, высказанным в первом ответе вашем на предложение князя Бюлова. Когда же телеграфные сообщения были восстановлены, дело уже приняло под давлением германского правительства окончательный неизменяемый оборот.

Хотя изъявленное вашим высокопревосходительством согласие на признание австро-турецкого соглашения посредством обмена нот и отклонилось от установленного дотоле между Россией, Англией и Францией правила требовать свободного обсуждения этого вопроса

¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л.154–156. Подпись – автограф.

на конференции, оно, в сущности, было принято французским правительством довольно благоприятно как решительный шаг к мирному исходу из затруднения, которое угрожало привести к вооруженному столкновению, тогда как предмет этой войны, как я имел случай о том доносить, не пользовался здесь сочувствием населения. Здесь вполне постигли всю тяжесть принесенной нами жертвы, и общественное мнение высказывало вам благодарность за смелую решимость купить этой дорогой ценой сохранение европейского мира.

В министерстве иностранных дел произвело, однако, неприятное впечатление то обстоятельство, что действовав доселе в согласии с Лондоном и Парижем, императорский кабинет не оговорил необходимости согласия других держав на принимаемую им меру, и что признанию присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии не было поставлено условием предварительное согласие последней на сделанные ей от имени трех держав предложения относительно соглашения с Сербией. Таким образом, опасность столкновения продолжала существовать, и только благодаря настойчивости английского правительства венский кабинет вынужден был согласиться на предварительное разрешение австро-сербского спора.

Все эти обстоятельства, в высокой степени занимающие печать, вызвали в общественном мнении Европы весьма неблагоприятное о нас суждение, в связи с которым германские и австрийские газеты злорадно подчеркивают достигнутый венской дипломатией блестящий успех и приобретенное двуединой монархией господствующее положение на Балканах. В соответствии с таким настроением печати Тройственного союза во Франции и, по имеющимся здесь сведениям, в Англии общественное мнение во влиятельных политических сферах все сильнее высказывается в пользу наибольшего сближения между Россией, Францией и Англией, действовавшим сообща в сербско-австрийском споре.

Учитывая дальнейшее развитие международного положения в Европе, многие органы печати приходят к заключению, что наподобие того, что делала доселе Германия и что доставило ей и покровительствуемой ею Австрии столь блестящую победу, и обе западные державы вместе с Россией должны были бы стремиться к планомерному развитию своих сил, и когда они будут в состоянии не опасаться вызова со стороны Тройственного союза, — от которого в таком случае не преминет отделиться Италия, — со своей стороны поставить требования, которые восстановили бы политическое равновесие, нарушенное ныне в пользу Германии и Австрии.

Опыт последнего пятилетия показал, что подобная политика не должна неизбежно приводить к войне. Во время мароккского вопроса единение двойственного союза с Англией остановило в Альхесирасе

попытки преобладания, которые исходили из Берлина. Теперь тоже перевес в противоположную сторону достигнут был без кровопролития. Необходима только прочная связь между державами и ясно осознанная решимость их не допускать дальнейших наступательных действий Тройственного союза, при наличии достаточной силы, чтобы им противодействовать.

Таково направление, которое намерены дать своей политике как парижский, так, по-видимому, и лондонский кабинеты, в твердой уверенности, что тем же стремлением задается и русская политика, ближе всего затронутая произошедшим нарушением равновесия. Общественное мнение вполне сочувственно относится к подобному плану и будет, несомненно, поддерживать правительство, несмотря на желание жить в мире с Германией и развивать торговые и финансовые с ней отношения.

№ 8

Депеша А.И. Нелидова — А.П. Извольскому¹⁶

№ 29

19 марта / 1апреля 1909 г.

В печати появились на днях крайне оскорбительные для французского правительства обвинения, будто оно не исполнило своих союзных обязательств по отношению к России и тем вынудило ее подчиниться требованиям Венского кабинета, поддержанным Германией. Считая эти обвинения совершенно неосновательными, министр иностранных дел сделал через посредство агентства Гаваса заявление, опровергающее эти слухи и устанавливающее, что как Франция, так и Англия следовали совместно с Россией во всем кризисе намеренному с самого начала политическому направлению. Газета «Temps» развила эту мысль в прилагаемой у него передовой статье.

В дополнение к тому, что я уже имел случай писать по этому предмету вашему высокопревосходительству, я считаю долгом присовокупить, что, по полученным мною вполне достоверным сведениям, здешнее правительство не ограничилось дипломатическими действиями. Французский посол в Берлине обратил внимание г. Пишона на смелость, черпаемую Германией и Австрией в уверенности, что Россия ни в каком случае на войну не решится и что, по всему вероятно, и Англия и Франция воздержатся от всякого в ней участия, даже если бы в нее вовлечена была Россия. Г. Жюль Камбон присовокупил, что

¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л.158—159 об. Подпись — автограф.

необходимо было бы сделать какие-нибудь военные приготовления, которые указывали бы на решимость Франции исполнить обязательства связывающего ее с Россией союза. Равным образом он указывал и на неблагоприятное впечатление, произведенное сделанным одним из английских министров заявлением, что Англия отнюдь не намерена принять участие в возможной войне из-за сербского вопроса.

Указания эти, полученные при самом начале прекращения телеграфных сообщений, были тотчас же переданы председателю Совета министров и отправлены с нарочным в Лондон. Вследствие того здесь были немедленно сделаны распоряжения о прекращении отпусков в корпусах, расположенных на восточной границе, среди которых произведены некоторые передвижения и приняты другие меры на случай мобилизации. В Лондоне тоже приняли к сердцу полученные указания, и условлено было с французским правительством составить соединенный отряд судов, который в случае нужды сосредоточен был бы в Мальте. Английским адмиралтейством были намечены и другие меры.

Но между тем телеграфные агентства передали во все концы Европы подробный отчет о секретном совещании, происходившем в Царском Селе, на котором министры финансов, торговли и военный доказывали совершенную невозможность для России вести войну. Подобное оповещение Европе нашего полного бессилия, произведшее на наших друзей удручающее впечатление, не могло не ободрить наших противников к предъявлению России самых беззастенчивых требований в твердой уверенности, что мы должны будем уступить.

Кабинеты, действующие с нами заодно, вынесли из совокупности вышеизложенных обстоятельств уже подчеркнутое мною заключение, что России, Франции и Англии более чем когда-либо следует твердо держаться однородного образа действий, подготавливая свои силы с целью внушить своим противникам убеждение, что перед ними стоит политическое сочетание, способное заставить себя уважать и проводить свои законные требования. Только таким образом возможно будет: для Европы — восстановить нарушенное в пользу Тройственного союза политическое равновесие, для России — вновь приобрести временно утраченное влияние на славян и свое положение на Балканском полуострове, необходимые ей для исполнения великих, возложенных на нее провидением, исторических задач.

№ 30

19 марта / 1 апреля 1909 г.

Успех, одержанный австро-германской дипломатией в вопросе о присоединении Боснии и Герцеговины к Габсбургской монархии, явился не только крупным политическим событием, нарушившим признаваемое доселе несомненным правило неизменяемости трактатов без согласия их участников, и снова упрочившим в Европе, в ущерб существовавшему в последние двадцать лет политическому равновесию, преобладание Германии и руководимого ею Тройственного союза. Он представил для России новое непреодолимое доказательство тех опасностей, которые искони влекли за собою для нас все сделки с Австро-Венгерской монархией, не стеснявшейся принятыми ею обязательствами, когда представлялся благоприятный случай провести собственные выгоды. Не останавливаясь на примерах более отдаленных времен, стоит припомнить спешное признание, несмотря на существовавшее соглашение с нами, присоединения Восточной Румелии к Болгарии, временного болгарского правительства и князя Фердинанда, которых венский кабинет не преминул настроить враждебно против России. Вопрос о железной дороге через Ново-Базарский санджак и присоединение Боснии и Герцеговины были последними проявлениями вероломства австрийской политики, получившего всемирную известность.

Не меньшую опасность представляло бы для нас и слишком тесное сближение с Германией, понимающей политическое соглашение только в смысле подчинения своих друзей и союзников собственным целям и видам. Мы несомненно обязаны, по географическому своему положению, жить в мире и добрососедских отношениях с Германской империей, но только под условием полной независимости наших действий и решений, так как политические цели наши с германскими не сходятся. Последнее международное затруднение, только что столь неудачно для нас заключенное, в котором берлинский кабинет принял если не руководящее, то, во всяком случае, решающее участие, доказал нам, что, хотя собственные интересы Германии в нем затронуты не были, поставленный на очередь вопрос рассматривался им как часть общего историко-политического движения, имеющего целью подчинение славянства германизму и наступление последнего на юг для преобладания, через посредство Австрии, на Балканском полуострове.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 162–165 об. Подпись – автограф.

Хотя от некоторых сторон, преимущественно под внушением Германии, у нас отрицается важность для России сочувствия славян и допускается даже возможность образования под главенством Австрии объединенного югославянского государства, стремление наших соперников отвратить от нас славян, сеять между ними раздор и вовлекать их в круг своего влияния, уже доказывает наглядно, какое значение они придают этой силе, которая в наших руках стала бы непреодолимым оплотом против наступающего германизма. Со своей стороны, немцы и мадьяры видят в славянах не только народ низшего качества, который следует подчинить и задушить, но и взирают на занимаемый славянами Балканский полуостров как на путь к Средиземному морю, куда Германия давно пытается проникнуть.

Это стремление средневропейской империи идет прямо вразрез как с нашими выгодами, так и с интересами наших союзников и друзей — французов и англичан. Последние в особенности ревностно охраняют путь к Суэцкому каналу и Индии и считают для себя обязанностью противодействовать всякой попытке его преградить. Так, между прочим, заключенное в прошедшем году соглашение с Испанией относительно сохранения status quo в окружающих ее водах имело основанием, как утверждают дошедшие до Лондона сведения о попытках Германии к приобретению одного из принадлежащих Испании островов в Средиземном море для устройства на нем угольной станции. Франции также неудобно было бы иметь у своих берегов немецкие морские силы, а для России, при господствующем положении, занятом Германией в Константинополе, присутствие ее флота в Средиземном море было бы так же опасно, как было доселе полное господство в Турции англичан, пока соглашением, заключенным вами с лондонским кабинетом, не устранены были вопросы, способные вызвать между нами столкновение.

Все эти обстоятельства доказывают необходимость для нас еще теснейшего сближения с Францией и Англией, дабы соединенными силами противодействовать указанному выше наступательному австро-германскому движению на славян и на Балканский полуостров. Осуществление этого противодействия отнюдь не должно неизбежно вовлечь нас в вооруженное столкновение с Тройственным союзом. Как Австрия, поддержанная Германией, собрав свои военные силы, стала угрожать Сербии и противиться законным требованиям Европы, так и мы могли бы, когда восстановится наша военная мощь, по соглашению с Францией и Англией, принудить в благоприятную минуту Австро-Венгрию отказаться от своих видов на Балканы и возвратить свободу действий подчиненным ею ныне сербам. Опыт последнего кризиса доказал, что при наличии мирных вооружений дипломатические вопросы разрешаются только угрозой и насилем. Искусство

дипломатии заключается в том, чтобы выбрать подходящую минуту, воспользоваться удобным стечением обстоятельств и, в сознании присущей силы, твердо выдержать до конца.

Таким способом, несомненно, может быть подготовлено смягчение тяжелых впечатлений от понесенной нами неудачи, и вместе с тем намечено постепенное освобождение соплеменных нам народов Балканского полуострова от налагаемого на них подчинения австро-германскому влиянию. В настоящую решающую минуту нашей политики я считаю своим долгом указать на то ее направление, которое, по моему глубокому убеждению, единственно отвечает нашим интересам и встречает вместе с тем сочувствие и поддержку как со стороны правительства, при коем я имею честь представлять государя императора, так и в состоящем с ним в близкой связи английском королевстве.

№ 10

Депеша А.И. Нелидова — А.П. Извольскому¹⁸

№ 36

Париж, 2/15 апреля 1909 г.

Опасность вооруженного столкновения из-за присоединения Боснии и Герцеговины к Габсбургской монархии и провозглашения болгарской независимости, по-видимому, миновала. Главные международные вопросы, возбужденные самовольными действиями венского кабинета и софийского правительства, разрешены по существу; остается только исполнение дипломатических формальностей, которые не способны привести к серьезным замешательствам. Тревожное настроение, оказывавшее давление на ход европейских дел, сменилось чувством всеобщего облегчения, которое не замедлило отозваться и на ход биржевых и финансовых дел.

Так как оно совпало с парламентскими вакациями по случаю Св. Пасхи, то большинство министерств воспользовалось предложением заседаний провинциальных советов, в которых они состоят председателями или членами, чтобы выехать из Парижа. Так, министр иностранных дел отправился в департамент «Jura» и предполагал вернуться в Париж только 11/24 апреля, чтобы в тот же день вновь выехать с президентом республики в Ниццу, где должно состояться торжественное открытие памятника Г. Гамбетта. Но внезапное возникновение опасных беспорядков в Константинополе принудило председателя Совета министров спешно вызвать в Париж г. Пишона, который должен возвратиться завтра.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 182–185. Подпись — автограф.

Тревожные известия из Турции весьма естественно взволновали едва успокоившееся общественное мнение. Здесь начинают опасаться более широкого развития беспорядков в Турции и, вследствие оно, вооруженных столкновений на Балканском полуострове и резни христиан, чем поставлен был бы на очередь восточный вопрос во всем его ужасающем размере. Не могу не пожалеть, милостивый государь, что он застаёт нас еще неподготовленными не только к его разрешению в желательном для нас смысле, но даже и к принятию в нем деятельного материального участия, так как опыт истории и пример недавних событий доказал, что подобные мировые задачи неразрешимы без употребления силы.

В сознании этой истины я не переставал в пятнадцатилетнее управление мое Константинопольским посольством настаивать на необходимости заранее быть готовыми к неопределимым по времени, но неизбежным событиям, так как нельзя было предвидеть час «в он же придут». Незадолго до моего отъезда из Турции все казалось должным образом налаженным. Со стороны морского и военного ведомств приспособлены были средства для деятельного воздействия на положение дел в турецкой столице, когда там возникли бы беспорядки. Мы могли, к сожалению, убедиться в состоявшемся прошедшим летом под вашим председательством секретном совещании, что от оног устройства не осталось ничего.

Позвольте мне выразить надежду, что стараниями вашими снова приняты необходимые меры или, по крайней мере, признана необходимость и намечены распоряжения для доставления России возможности достойно исполнить историческое свое призвание и не дать разрешить против наших интересов мировую задачу, которая возникает на Ближнем Востоке.

№ 11

Депеша А.И. Нелидова — А.П. Извольскому¹⁹

№ 52

Париж, 28 мая / 10 июня 1909 г.

Назначение новых французских послов в С.-Петербург и Константинополь состоялось 23 мая / 5 июня, и было, сообразно заключенному с императорским правительством соглашению, опубликовано в понедельник 25 мая / 7 июня.

Имея в виду важность для нас согласного с французами действия на Ближнем Востоке, я счел долгом представить французскому мини-

¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 236—237. Подпись — автограф.

стру иностранных дел, что, раз назначение русского и французского представителей было взаимно обусловлено, то необходимо, чтобы деятельность их была вполне согласована и отвечала тем сношениям, которые существуют между нашими правительствами. А потому, сказал я, я надеюсь, что г-н Бомпар проникнется этой истиной и ему внушено будет, забыв неприятное впечатление, которое могло ему оставить насильственное прекращение неудачного его посольства в Петербурге, поддерживать со своим русским товарищем самые дружеские отношения и действовать с ним заодно. Г. Пишон дал мне по этому поводу самые положительные уверения, присовокупив, что и сам г. Бомпар, перевод коего из Петербурга в Константинополь был, как ему известно это, решен не без веденя императорского правительства, вполне понимает важность для него себя оправдать на этом новом поприще своей дипломатической деятельности. Это будет ему тем более легко, что он уже близко знаком со взглядами и интересами Петербургского кабинета, а равно и лично знает своего будущего русского товарища.

Имея случай видеть г. Бомпара, как на приеме во вверенном мне посольстве, так и за завтраком в министерстве иностранных дел в честь вновь назначенных послов, я слышал от него те же самые уверения. Он выражал свое удовольствие по поводу назначения императорским послом в Константинополь гофмейстера Чарыкова, которого он лично знает и уважает, и с которым, он уверен, легко мочь приходить к соглашению по вопросам их совместной деятельности. Г. Констан только что приехал в Париж, ранее, чем его ожидали, и отъезд его преемника состоится, вероятно, в самом непродолжительном времени. Что касается г. Жоржа Луи, то он будет ожидать сначала приезда сюда адмирала Тушара, и французское правительство постарается войти в сношения с императорским кабинетом относительно наиболее удобного времени прибытия его в С.-Петербург для представления своих верительных грамот.

№ 12

Секретная телеграмма А.В. Неклюдова²⁰

№ 122

19 июня / 2 июля 1909 г.

Я только что получил нижеследующую программу пребывания их величеств в Шербурге. Отряд броненосных крейсеров под начальством контр-адмирала выйдет на встречу их величеств при вступлении их во

²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 196. Л. 31. Литография.

французские воды у Дюнкирхена. По прибытии в Шербург 31 июля после постановки на якорь императорской яхты, президент республики в сопровождении министров, свиты и лиц, назначенных состоять при особах их величеств, отправится на «Штандарт» для приветствования государя императора и государыни императрицы. Вечером того же дня президент предложит их величествам на броненосце «Верите» официальный обед, на коем произнесены будут тосты. В случае, если их величества придут 31 утром, президент предполагает просить их завтракать у него интимно. На следующий день 1 августа президент республики даст на броненосце «Верите» в честь их величеств завтрак, на котором будут присутствовать командиры французских судов. Вечером того же дня мог бы иметь место на «Штандарте» обед, который его императорское величество предложит президенту республики. При отбытии отряд крейсеров будет сопровождать их величества до выхода «Штандарта» из французских вод.

№ 13 Секретная телеграмма А.В. Неклюдова²¹

№ 127

27 июня / 11 июля 1909 г.

Voici le texte du toast: «Sire, j'éprouve une joie sincère à souaiter la bienvenue à votre majeste et à sa majeste l' imperatrice à l' occasion du troisième voyage que depuis leur couronnement elles font en notre pays. La France et son gouvernement vous ont, Sire, une profonde gratitude pour les marques de fidèle sympathie et d'inaltérable amitié qui leurs viennent de votre majeste. Votre prsence aujourd' hui dans le port de Cherbourg en est un nouveau témoignage. Elle apporte à l'alliance qui unit nos deux gouvernements et nos deux nations, et qui est justement considérée comme une garantie de paix dans le monde, une consécration qui permet d'atendre d'elle dans l'avenir des effets non moins heureux que ceux qu'elle a produits dans le passé. En exprimant les sentiments d'attachement que la France porte à la Russie, je lève mon verre en l'honneur de vos majestes, en oclui de sa majeste l' imperatrice Marie Feodorowna et de toute la famille impérials. Je bois à la grandeur et à la prospérité de l'empire Russe, allié et ami de la république Française».

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 196. Л.154. Литография.

№ 14

Тост, произнесенный Николаем II за обедом в Шербурге²²

18/31 июля 1909 г.

Monsieur le Président,

Les paroles de bienvenue que Vous venez de prononcer nous ont profondément touchés l'impératrice et moi. C'est chaque fois avec un sentiment de sincère plaisir que J'aborde les côtes de la France. Le souvenir de mes précédents séjours dans Votre beau pays reste grave dans ma mémoire. Outre les chaleureuses sympathies que je nourris personnellement à l'égard de la France, je demeure comme Vous, Monsieur le Président, fermement convaincu que l'alliance entre nos deux pays constitue une précieuse garantie pour la paix générale et que les liens étroits d'amitié entre la Russie et la France continueront, à l'avenir comme par le passé, à faire ressentir leurs bienfaisants effets.

Si, au camp de Bétheny, il m'a été donné d'admirer l'armée française, J'éprouve aujourd'hui une joie réelle de pouvoir rendre hommage à la superbe flotte, dont la revue, à laquelle je viens d'assister, m'a vivement impressionné.

Animé de ces sentiments de cordialité et de constance inaltérable, partagés par la Russie entière, je lève mon verre à Votre santé, Monsieur le Président, à la grandeur de la France alliée et amie et je bois à la prospérité de la vaillante marine française.

№ 15

Депеша А.И. Нелидова – С.Д. Сазонову²³

№ 63

23 июля /5 августа 1909 г.

Официальные сообщения русской печати несомненно поставили вас в известность о всех подробностях происходившего в Шербурге свидания между государем императором и президентом французской республики. А потому я ограничусь только указанием на общее впечатление, которое это событие произвело во Франции.

Печать единогласно, за исключением самых незначительных по числу и влиянию крайних революционно-социалистических орга-

²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 196. Л. 160. Типографский.

²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 274–275. Подпись – автограф.

нов, приветствовала с полным сочувствием это новое проявление русско-французской дружбы и союза. Серьезные газеты поместили глубоко продуманные и прочувственные оценки международного значения Шербургских дней, причем со всех сторон с удовольствием выставляется строго мирный характер произнесенных речей и происходившего обмена мыслей.

Что произвело огромное и совершенно новое впечатление, это милостивая беседа его величества с представителями Маншского департамента (где лежит Шербург) в Палате депутатов и в Сенате. Государыня императрица со своей стороны особенно благосклонно разговаривала с мэром города Шербурга депутатом Майё (Mahiere), крайним социалистом, очень богатым судостроителем, делающим в стране много добра.

Как президент Фальер, так и министр иностранных дел, на происходившем на другой день по возвращении из Шербурга заседании Совета министров, в самых горячих выражениях изложили свои впечатления о свидании с августейшими гостями, и об этом сообщено было печати.

Вчера президент переехал на летнее время в замок Рамбулье, а министр иностранных дел отправился в свое имение в департамент Жюра. Некоторые другие министры тоже уезжают отдыхать от зимних правительственных парламентских трудов. Между тем, вновь назначенные министры — военный, морской, финансов и публичных работ — горячо принимаются за работу и ищут внести во вверенные им части преобразования, на необходимость которых указывали общественное мнение и парламентские прения. Таким образом, в политической жизни Франции наступает временное затишье, которое, надо надеяться, не будет нарушено какими-нибудь внезапными или непредвиденными потрясениями.

№ 16

Депеша А.В. Неклюдова — А.П. Извольскому²⁴

№ 34

Париж, 29 апреля / 12 мая 1910 г.

Неожиданная кончина е[го] в[еличества] короля Эдуарда VII произвела здесь подавляющее впечатление. В почившем привыкли видеть могущественного и искреннего друга Франции и преклонялись перед его авторитетом в вопросах внешней политики, в коих его долготет-

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 130—131. Подпись — автограф.

няя опытность и знание людей, его ровный и благосклонный характер и его тонкий и изощренный ум направлены были непрестанно к согласованию существенных интересов Великобритании с охранением всесветного мира.

При всей сложности и при всем противоречии международных интересов и национальных вожделений, — а, может быть, именно в силу этой сложности и этого противоречия, — в европейской политической истории всегда сказывалась потребность какого-нибудь общепризнанного авторитета, вокруг которого могли бы группироваться однородные интересы, и коего воздействие и заявления являлись бы решающими в минуты международных затруднений и опасности для европейского мира.

Было время, когда подобным авторитетом являлся князь Меттерних; несколько лет спустя Европа, — хотя и не без тревоги и не без оговорок, — прислушивалась к словам императора Наполеона III; с конца 60-х годов место главного решителя и посредника политических судеб занял властно князь Бисмарк; к концу царствования Александра III европейские кабинеты и народы приучились видеть в нашем венценосце главную опору охранения всеобщего мира; за последние годы всеобщее внимание, взбудораженное поглощающей и нервной деятельностью императора Вильгельма II, — сосредоточилось с успокоением на короле Эдуарде VII, этом благосклонном «дядюшке Европы», и от его усилий и ловкости ожидали если не разрешения, то упрощения и полюбовной отсрочки многих опасных осложнений.

Развенчание или исчезновение подобных авторитетов всегда вызывало известную растерянность и смуту в общественном мнении и в международной политике. И если подобное смущение чувствуется ныне повсюду, то в особенности ощутительно оно здесь. Я позволю себе выразить убеждение, основанное на шестилетнем наблюдении, что за последние годы внешняя политика Франции направлялась почти исключительно из Лондона при посредстве и сотрудничестве французского посла г. Поля Камбона. И надобно сознаться, что король Эдуард VII тщательно поддерживал эти расположения правительства республики и французского общественного мнения своими частыми и обаятельными личными сношениями с выдающимися французами всех категорий и всех направлений.

Понятно отсюда, что кончина короля Великобритании является для Франции национальным трауром, выражающимся и в газетных статьях, и во всевозможных общественных проявлениях. Французская депутация, посылаемая на погребение Эдуарда VII, будет состоять из министра иностранных дел г. Пишона, генерала Дальштейна (командира Парижского гарнизона) и адмирала Марки (Marquis). Лица эти выедут отсюда в среду 4/17 мая.

№ 17

Депеша А.В. Неклюдова – С.Д. Сазонову²⁵

№ 58

Париж, 16 /29 сентября 1910 г.

Ваше превосходительство осведомлено уже из газет о тех выражениях глубокого и искреннего сочувствия, которые проявились здесь по случаю кончины императорского посла А.И. Нелидова. Выражения эти относились и к политическому деятелю, и к человеку. В обоих этих качествах Александр Иванович снискал себе во Франции беспредельное уважение и искреннюю любовь.

Все панихиды по усопшем и похороны почтили своим присутствием их императорские высочества Великая княгиня Мария Павловна и князья Романовские герцоги Лейхтенбергские Юрий Максимилианович и Александр Георгиевич. Отпевание усопшего в русской посольской церкви произошло при торжественной обстановке в присутствии всех наличных французских министров, дипломатического корпуса и представителей армии, флота, Палаты депутатов, Сената, различных корпораций, русской колонии и местного общества всех оттенков. Во главе дам стояла г-жа Фальер. После отпевания гроб вынесен был на паперть и войсками Парижского гарнизона оказаны были праху почившего установленные почести. В тот же день президент республики (по этикету не присутствующий на погребениях) посетил вдову покойного в посольстве.

А.И. Нелидова искренне оплакивают во Франции, и его посольство в Париже останется здесь светлым воспоминанием, еще более связующим нас с нашей союзницей.

№ 18. Депеша А.В. Неклюдова – С.Д. Сазонову²⁶

№ 69

Париж, 1/14 декабря 1910 г.

Отношения Франции и правительства республики к России изменились с 1898 года, соответственно с внешними мировыми событиями и с внутренним состоянием обеих стран.

²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 236–236 об. Подпись – автограф.

²⁶ *Опубликовано:* Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 15–18. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 284–287. Подпись – автограф.

Уже со вступлением во власть радикально-социалистического блока в отношениях Франции и России начинала ощущаться некоторая натяжка. Представители крайних радикальных идей, возымевших господство во Франции, не могли питать к русскому строю тех искренних симпатий, которые одушевляли их предшественников; с своей стороны и многие из русских, самым несочувственным образом относясь к происходившим во Франции переменам, спрашивали себя, возможно ли для России при таком обороте дел поддерживать с Францией вполне искренние союзные отношения, можно ли безусловно надеяться на поддержку Франции. Это обоюдное недоумение усугублялось доводами французских консерваторов, которые весьма искренне видели в победе радикал-социальной партии первый удар, направленный против столь ценимого ими франко-русского союза. С своей стороны и некоторые из русских общественных деятелей, близко стоявших к происходящему во Франции, неохотно шли на искренние и дружеские отношения к правительству республики, хотя бы в силу уже одного того соображения, что более консервативные круги снова могут вернуться к власти и что чисто оппортунистическое отношение России к внутренним делам их страны может тем временем вселить в этих будущих правителях известную горечь и разочарование по отношению к русской дружбе.

Благодаря политическому такту и усилиям русской и французской дипломатии указанная натянутость не повела, однако, тогда же к ощутительному ослаблению франко-русских уз. Гораздо более серьезным испытанием союза явилась Русско-японская война и последовавшие вслед за тем внутренние события в России.

Первые неудачи наши на театре войны, до крайности поразив и встревожив французское общественное мнение, отозвались во французской внешней политике решительным торжеством давно уже лелеянных г. Лубэ — г. Делькассэ планов о сближении Франции с Великобританией и о желательном привлечении и самой России к этому новому соглашению.

Французские государственные люди, да и само французское общественное мнение, испугавшись ослабления России, охотно пошли навстречу давнишним заигрываниям Англии и в особенности ее нового и мудрого монарха, в надежде этим добавочным союзом снова восстановить нарушенное равновесие и найти для Франции новую и могущественную поддержку против угрожающих насилий со стороны Германии. Весною 1905 г. было заключено между Францией и Великобританией соглашение относительно Египта, Ньюфаундленда и Марокко, положившее начало крепкой англо-французской дружбе и параллельно с этим к осени того же года охладело в Англии увлечение Японией и ее победами.

После Портсмутского мира русская политика, которой предостав-
лялись на выбор лишь два исхода — либо приступить к англо-фран-
цузскому соглашению, либо решительно повернуть к Германии, — вы-
брала первый. Идеи и расчеты г. Делькассе восторжествовали и этого,
конечно, не могли простить ему в Берлине.

Революционное брожение в России послужило, однако, одновре-
менно с этою знаменательною переменою новым испытанием фран-
ко-русского союза. Нет никакого сомнения, что огромное большин-
ство не только радикальных правителей Республики, но даже их более
умеренных противников сочувствовало тому новому чисто парламент-
скому строю, возникновение коего в России представлялось им столь
желательным и неминуемым. Не говоря уже о масонах и евреях, вся
почти Франция видела в окончательном торжестве у нас новых начал
усиление России, а попутно и укрепление союза обновленной России
с республиканскою Францией.

Неудача русской революции скорее разочаровала бы французское
общественное мнение, если бы с восстановлением порядка в России
не связалось бы спасение и мощное укрепление экономического со-
стояния и кредита страны, коей Франция вверила последовательно
более 11 миллиардов своих народных сбережений. Это финансовое
соображение сыграло весьма значительную роль в том благоразумии,
которое выказали по отношению к внутренним событиям в России го-
сударственные люди Франции.

Если исключить некоторые увлечения бывшего одно время ми-
нистром чистого доктринера и идеалиста г. Леона Буржуа да еще не-
которые промахи французского представительства в С.-Петербурге,
французские правящие круги отнеслись ко всему происходившему
в России с мудрою сдержанностью и тем спасли для Франции блага
и гарантии франко-русского союза.

За последние три года, и особенно со времени поддержки, ока-
занной нами французам в Альхесирасе, правительственная Франция
вполне сознательно и искренно относится не только к своим союз-
ным обязательствам, но и к сохранению и укреплению самого союза;
каковы бы ни были личные чувства управляющих республикою лиц
к русскому строю и русской власти, — они стараются быть по отно-
шению к ней вполне корректными. Г. Клемансо, обливавший офи-
циальную Россию грязью в своей газете пока он был в оппозиции,
— немедленно по вступлении в должность министра внутренних дел
посетил русского посла, дабы заявить ему, что, как член правитель-
ства республики, он не может относиться к России и ее правительству
иначе как с симпатией и доверием. И такова политическая формула
всех переменяющихся во власти вожаков радикально-социального
«блока».

Что касается самого характера политических отношений между Францией и Россией, то на них, без сомнения, отразилась самым знаменательным образом общая политическая перемена, совершившаяся во Франции за последние 11 лет. Нынешняя радикальная Франция весьма миролюбива; особенно опасаются войны ее правители, хорошо сознающие, что равным образом и поражение и победа могут положить конец их власти и влиянию, повлекши за собою либо кровавую анархию, либо цезаризм.

Значительным умеряющим фактором является также и всесильное влияние *Haute Vanque*. Сообразно с этим французская внешняя политика отличается ныне крайней осторожностью. Между тем, как в начале франко-русского союза, французы как будто с нетерпением ожидали, когда, наконец, произойдет между Россией и среднеевропейскими державами то столкновение, которое поставит на очередь *casus foederis* и даст Франции удобный случай «реванша», ныне республика столь же мало, сколь мы сами, желает возникновения подобного случая и чаёт от Тройственного соглашения такого охранения мира и статус-кво, при котором Франция не была бы лишь поставлена в безвыходную альтернативу либо стерпеть невыносимое уязвление ее национального самолюбия, либо быть вынужденною на кровавое столкновение с Германией.

Во время политических осложнений, вызванных аннексией Боснии и Герцеговины, — официальная Франция с особенною тревогою следила за обострением отношений между Россией и Австрией (что, конечно, не ускользнуло от внимания среднеевропейской политики) и с искренним удовлетворением приветствовала прекращение этого опасного кризиса.

Охотно ведя отдельные и миролюбивые разговоры с Германией по вопросам специального значения, нынешняя официальная Франция не сознает себя вправе смотреть косо и с недоверием на подобный же образ действий со стороны России. Самым характерным и убежденным выразителем подобной политики является нынешний министр иностранных дел г. Пишон.

Таковы в общей сложности отношения, установившиеся за последние годы между обоими союзниками. Франко-русской дружбы больше нет: консервативные круги скорее дуются на Россию за ее близость с радикальным правительством республики; масоны, евреи и радикальный блок не питают никакого искреннего сочувствия к русской государственной власти. Но все понимают, что русско-французский союз, — особенно при наличности нашего соглашения с Англией, — есть единственная база, на которую может упираться французская политика и которая обеспечивает Франции безопасность и сохранение мира без ущерба ее достоинства.

Французское правительство никогда не выдаст нам ни одного политического преступника, но под рукою французская полиция будет всегда ревностно следить за замыслами наших анархистов. Французское общественное мнение решительно не сочувствует нашей власти в финляндском вопросе; оно настроено против нас и в вопросе польском и особенно в еврейском; но дальше газетных толков, брошюр и частных демонстраций это настроение никогда не пойдет. Люди, стоящие во главе республики, — кто бы они ни были, — не только не осмелятся, но даже не пожелают принять какое-либо участие в подобной агитации, которая им досадна и мешает.

В вопросах экономических, напротив того, все общественное мнение Франции склонно скорее преувеличивать успешную работу русского правительства, чем сомневаться в ней, и самым искренним образом заинтересовано в возможно большем развитии наших жизненных сил и в укреплении наших финансов.

Но прежде и превыше всего официальная Франция старается избежать всякого разногласия с Россией в вопросах внешней политики и при каждом удобном случае подчеркивает пред другими державами свое единение с нами. На этой почве политический оппортунизм французского правительства уступает место принципиальной преданности франко-русскому союзу и совестливому охранению союзных соглашений.

№ 19

Письмо А.В. Неклюдова — С.Д Сазонову²⁷

Париж 9/22 декабря 1910 г.

Приехав в Париж 2/15 декабря, я в тот же день имел длинный разговор с г. Пишоном. С первых же его слов я мог заключить, что он был особенно рад моему приезду в настоящую минуту, ибо ему предстоит на днях выступить перед Палатой депутатов с речью по иностранной политике, причем он должен будет, прежде всего, постараться рассеять опасения, вызванные среди здешней публики и печати последними заявлениями германского канцлера о потсдамском свидании, и, еще более, комментариями немецкой печати к этим заявлениям. Хотя г. Пишон уверял меня, что ни он, ни французское правительство, ни минуты не разделяли этих опасений, в его словах, несомненно, звучала тревожная нота, и он с видимым удовольствием и облегчением выслу-

²⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 292–293. Подпись — автограф.

шал от меня подтверждение успокоительных разъяснений, уже полученных от вас г. Ж. Луи. В виду проявленной здешним общественным мнением нервности г. Пишон указал мне на особенную важность, которую будут иметь в глазах французской публики как моя речь, при вручении моих грамот, так и ответ на нее г. Фальера, тем более, что по существующему здесь обычаю обе речи печатаются целиком в официальной газете. В виду этого заявления я счел возможным придать моим словам несколько большую рельефность, нежели принято в подобных случаях; ответ президента также был составлен в особенно теплых выражениях. Это не преминуло произвести желаемое действие, и было в полной мере отмечено французской печатью, как вы изволите убедиться из прилагаемых статей обеих наиболее авторитетных по иностранной политике газет — «Temps» и «Journal des Débats».

Г. Пишон, с которым я виделся частным образом сегодня, сказал мне, что он не преминет в своей предстоящей парламентской речи подчеркнуть полную неосновательность каких бы то ни было сомнений в прочности русско-французских отношений и высказать, что Франция может смотреть не только со спокойствием, но и с чувством искреннего удовлетворения на устранение поводов к трениям между Россией и Германией. Я несколько не сомневаюсь в том, что заявления эти будут вполне искренни и что г. Пишон как, несомненно, умный и опытный министр вполне правильно оценивает значение потсдамского свидания; но ему приходится считаться с более впечатлительными элементами Палаты и с усиливающейся оппозицией против его политики, которую упрекают в инертности и слабости; он ожидает сильных нападков, главным образом, на почве мароккских дел, и для него очень важно быть в состоянии указать на неизбежность русско-французских отношений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В 2017–2019 ГГ.*

- Абдуллаев Е.В.* «Прекрасное занятие для философа!»: об одной дневниковой записи Пушкина – лицеиста // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 40–52.
- Ададуров В.В.* Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 141–164.
- Андреев А.Н., Андреева С.* Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. // Вопросы истории. 2017. № 7.
- Андреева Е.* Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2018. Vol. 6. № 1. С. 114–129.
- Арутюнова Ж.М.* Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2016. № 1. С. 108–116.
- Бабинцев В.А., Галкина Ю.М.* Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 1. С. 241–254.
- Болт В.С.* Способы разрешения конфликтов между французами и военно-служащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 205–217.
- Бочарова З.С.* Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 2. С. 161–176.
- Васильева М.А.* «Русский Монпарнас» как хронотоп: О выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына // Ежегодник

* Здесь учтены и отдельные работы, опубликованные в 2016 г., но не вошедшие в список, помещенный в предыдущем выпуске сборника.

- Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2018. М. 2018. С. 465–474.
- Веденина Л.Г.* Франция и Россия: транскультурное и межкультурное взаимодействие (XI–XXI вв.) // Концепт: философия, религия, культура. М., 2017. № 3. С. 65–74.
- Вершинин А.А.* Миссия Альбера Тома в революционной России (апрель–июнь 1917 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 355–362.
- Вершинин А.А.* Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 126–148
- Вовк А.Ю.* «Изучаю улицы Парижа, хочу держать экзамен на шофера...»: Из истории пребывания лейб-казаков на чужбине в 1920-е годы // Родина. 2018. № 3. С. 118–121.
- Вовси Э.М.* Новая библиография истории Наполеоновских войн // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 436–442.
- Волотов В.А.* Батальная лексика в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» как отражение русско-французских отношений на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова: Спец. вып. Кострома, 2017. С. 60–62.
- Галайко В.* Купец Шукин художнику Матиссу: сударь, я хотел бы избежать ню...: Как выдающийся коллекционер «подмалевал» картину гениального импрессиониста // Родина. 2017. № 1. С. 70–73.
- Галкина Ю.М., Беспалов К.А.* «Дело Садуля» – новый источник о революции 1917 года // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 354–369.
- Галкина Ю.М.* К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон // Клио. СПб., 2018. № 3 (135). С. 176–186.
- Гладышев А.В.* Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 182–204.
- Гладышев А.В.* Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 205–217.
- Гребенщикова Г.А.* «Дрались как львы». К 190-летию морского сражения под Наварином // Военно-исторический журнал. 2017. № 10.
- Гончарова Т.Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.
- Громов Ф.Ю.* Бытовой жанр второй половины XVIII в.: русско- французские художественные связи // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2016. № 4 (29). С. 115–118.
- Гузевич Д.Ю.* Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2018. Vol. 6. № 1. С. 79–98.
- Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С.* Георгий Вернадский о французских истоках Русской революции // Клио. СПб., 2017. № 10 (130). С. 191–202.

- Дмитриев И.Е.* Модная индустрия Франции 1920–1950-х гг. глазами русского эмигранта К. М. Веригина // Клио. СПб., 2017. № 1 (121). С. 128–134.
- Долгорукова Н.М.* Бахтин во Франции (на материале первых французских рецензий 1970-х годов) // Новое литературное обозрение. М., 2018. № 2 (150). С. 100–107.
- Емельянов С.* Обед с Наполеоном: на могиле русского генерала Александра Балашова, пытавшегося предотвратить Отечественную войну, более полувека стоит магазин // Родина. 2018. № 6. С. 84–89.
- Ермакова А.В.* И.Ф. Анненский и А. Рембо: перевод как повторное творчество: (на примере стихотворения «Sensation» А. Рембо) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2018. Т. 24. № 4. С. 82–86.
- Жерлицына Н.А.* Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2017. № 4.
- Заиченко О.В.* Формирование комплекса «русской угрозы» как реакция на кризис европейского самосознания в первое десятилетие после французской революции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 131–148.
- Занин С.В.* Коммуникация, культура, и представления из истории русско-французских культурных связей // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 88–101.
- Заринов Р.И.* «Мы выступаем только по приказу, без большого энтузиазма...» Французская армия при осаде Севастополя в Крымской войне // Военно-исторический журнал. 2017. № 11.
- Заринова А.И.* Российское влияние на культуру Франции в первой четверти XX века (по материалам французской прессы) // Концепт: философия, религия, культура. М., 2018. № 2 (6). С. 96–104.
- Земцов В.Н.* Вильно в 1812 году: жизнь при Наполеоне (социокультурный контекст) // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 116–140.
- Земцов В.Н.* Искушение Львом Толстым, или пример одной парадоксальной истории войны 1812 года (о книге С.Н. Искюля) // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 421–435.
- Земцов В.Н.* Князь А. Б. Куракин и русская разведка в Париже в 1812 году // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 23–37.
- Земцов В.Н.* Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2016. Т. 4. №. 3. С. 217–234; № 4. С. 223–242.
- Земцов В.Н.* Начало войны между Францией и Россией в 1812 году (по французским архивным документам) // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 18–32.

- Казаченко А.А.* Транссибирская магистраль как символ культурных отношений между Россией и Францией: литературные путешествия в 1893–1913 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2016. Т. 15. № 3. С. 90–97.
- Канинская Г.Н.* Русское прошлое одного левого голлиста. Лео Амон (1908–1993) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2017. № 60. С. 90–110.
- Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю.* Итоги ратной службы и анализ потерь земского ополчения в 1812–1814 гг. // Вопросы истории. М., 2017. № 11. С. 61–81.
- Каррер д’Анкокс Э.* Генерал де Голль и Россия. М., 2019.
- Кирсанкина С.А.* Помнят Россия и Франция... К 100-летию со дня рождения Ю.А. Гарнаева // Военно-исторический журнал. 2017. № 12.
- Киселев М.А.* Трактат De L’esprit Des Lois Ш.–Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 4. С. 1131–1148.
- Кондратьев А.Г.* Кагуляры во Франции в 1930–1940-х гг. // Вопросы истории. 2017. № 5.
- Кондратьева Т.Н.* Борис Федорович Поршневы: между русистикой и франковедением, или о роли случайности в судьбе историка // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 3. С. 853–866.
- Кориунов Э.Л., Щерба А.Н.* Российское военное присутствие во Франции в 1815–1818 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 9.
- Коряков А., Матвеева И.* Плеть для племянницы Наполеона: за что уральский заводчик Анатолий Демидов выпорол свою супругу Матильду Бонапарт // Родина. 2017. № 7. С. 126–128.
- Кудрявцева Е.П.* За кулисами Венского конгресса // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 4. С. 77–85.
- Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю.* Встреча на Немане: дипломатический успех, ничья или поражение Александра I? (210 лет Тильзитскому мирному договору России и Франции) // Клио. 2017. № 6 (126). С. 60–65.
- Лазарева Е.В., Чудинова А.А.* Балканская политика Великобритании и Франции 1930-х гг. в отечественной историографии // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 3 (155). С. 149–156.
- Ликвинцева Н.В.* Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории русского зарубежья // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2018. М., 2018. С. 117–151.
- Ликвинцева Н.В.* Ответы «Парижского богословия» на вызовы русской революции: Протоиерей Сергей Булгаков и мать Мария

- (Скобцова) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 182–202.
- Линькова Е.В., Болливье де М.* Влияние Крымской войны 1853–1856 гг. на эволюцию взаимного восприятия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2016. Т. 15. №. 3. С. 84–89.
- Линькова Е.В.* Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2017. Т. 16. № 4. С. 602–616.
- Липкин М.А.* Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966–1969 // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2016. Vol. 4. № 4. С. 261–274.
- Магадеев И.Э.* Боеспособность российской армии в оценках французской военной миссии в России (январь–июль 1917 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 398–405.
- Магадеев И.Э.* Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.
- Майорова Н.С.* Образ Наполеона на страницах школьных учебников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2017. Т. 23. № 3. С. 73–76.
- Малова-Гра Г.А., Наумова Н.Н.* «Русский Париж» времен немецкой оккупации 1942–1944 гг.: По материалам газеты «Парижский вестник» // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 357–374.
- Мальцев Л.А., Танышина Н.П.* Роль балтийского фактора в политических отношениях России и Франции // Балтийский регион. Т. 8. № 4. Калининград, 2016. С. 104–113.
- Маркова А.* Типографские шедевры француза Августа Семена: 200 лет назад в Москве открылась типография, в которой впервые были напечатаны издания Грибоедова, Пушкина, Жуковского // Родина. 2018. № 4. С. 112–115.
- Махалова И.А.* История Наполеоновских войн в пропаганде воюющих держав в период Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 215–225.
- Мезин С.А.* Париж Петра Великого // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 2. С. 329–353.
- Мильчина В.А.* «Литературная приязнь» во Франции и России: Samaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2017. № 3 (145). С. 139–157.
- Мильчина В.А.* «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.

- Миньяр-Белоручев К.В.* Революция 1917 года в России глазами посла Великобритании во Франции Френсиса Берти // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 425–434.
- Митрофанов А.А.* Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 78–92.
- Митрофанов А.А.* Россия как «антипод французской революции». Политическое бюро Директории и генезис русофобии во Франции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 102–111.
- Монбриаль Т. де.* Русский дневник 1977–2011. М., 2019.
- Морозова К.Б.* Сотрудничество Российской национальной библиотеки с партнерами из Франции: прошлое и настоящее // Библиотекосведение: Журнал Российской государственной библиотеки. М., 2018. Т. 67. №. 2. С. 197–204.
- Моряков В.И.* Французские просветители Рейналь и Дидро о самодержавии и крепостном праве в России // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2017. № 6. С. 31–45.
- Мошечков П.В.* Французский аспект миссии Й. Дюриха и М.Р. Штефаника в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2018. № 1. С. 18–31.
- Мошечков П.В.* Чешские и словацкие добровольцы на пути из России во Францию (май–ноябрь 1917 г.) // Клио. 2018. № 6 (138). С. 113–122.
- Мяглова И.* Отражения. Истоки: из архива русско-французских культурных связей // Современная драматургия: Литературно-художественный журнал. М., 2017. № 4. С. 248–256; 2018. № 1. С. 242–250.
- Наумова Н.Н.* Революция 1917 года в отражении французской прессы // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 445–455.
- Николаев Д.А., Хвостова И.А.* Крымская война 1853–1856 гг.: исторические реалии и социально-политические мифологемы // Клио. СПб., 2017. № 11 (131). С. 147–152.
- Обичкина Е.О.* Советско-французские отношения в отечественной историографии с 1960-х по 1990-е годы: методологические подходы и проблематика // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М., 2017. С. 76–97.
- Олесич, Н.Я., Яковлева М.Г.* Пространство Русской общественной библиотеки имени И. С. Тургенева и его роль в сохранении Русского мира в Париже // Клио. СПб., 2017. № 4 (124). С. 210–216.
- Очкасова М.Р.* Дневниковые записи Л.Н. Толстого сквозь призму билингвизма писателя // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова: Спец. вып. Кострома, 2017. С. 138–140.

- Пиреев А.И.* Записки А.Н. Минха о Крымской войне // Отечественные архивы. 2018. № 1.
- Попова Е.А.* Отечественная историография о «веке Людовика XIV» в Европе // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М., 2017. С. 114–127.
- Поршнева О.С.* Наполеоновские войны и Первая мировая война в политике памяти и исторической памяти народов: размышления российских и зарубежных историков // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 65. С. 353–359.
- Постникова А.А.* Минск в 1812 г.: хроника жизни в период французской оккупации // Клио. СПб., 2018. № 9 (141). С. 125–131.
- Постникова А.А.* Русская кампания 1812 г.: взгляд из Лондона // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2017. № 59. С. 168–182.
- Постникова А.А.* Смоленск в 1812 году: оккупация и деятельность «французского» муниципалитета // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 165–181.
- Промыслов Н.В.* Роль географических факторов в конструировании памяти французов о походе в Россию в 1812 году // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 113–130.
- Промыслов Н.В.* «Секретное оружие» бунта: подготовка Наполеоном кампании 1812 года // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 145–164.
- Реброва Р.* Дворец Федора Апраксина и «образцовый дом» Ж.-Б. Леблона: деятельность французского архитектора в Петербурге по новым источникам // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2018. Т. 6. № 1. С. 130–138.
- Рей М.-П., Окунева О.В.* Венский конгресс как инструмент выработки новых дипломатических норм и обычаев // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 4. С. 31–44.
- Рубан Н.Л.* Фортепианные циклы А. Н. Черепнина в контексте культурного диалога России и Франции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. 2016. № 11 (73). Ч. 1. С. 115–118.
- Селезнев Ф.А.* Поездка П. Н. Милюкова по Западной Европе в июле-сентябре 1916 г. и ее политические последствия // Российская история. 2017. № 3. С. 94–102.
- Сергеев В.В., Таньшина Н.П.* Восточная Пруссия между французским «молотом» и русской «наковальной»: наполеоновский период // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. серия: Гуманитарные и общественные науки. БФУ. №. 3. 2018. С. 86–93.

- Сечин А.Г.* «Риторика послушания» Жана-Батиста Грёза в контексте русско-французских художественных связей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение: научно-теоретический журнал. СПб., 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 273–299.
- Сильянов М.В.* Российско-французское сближение конца XIX века в зеркале общественного мнения: историографические оценки // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2017. Т. 23. № 4. С. 41–45.
- Соколов О.В., Ещенко А.О.* Неизвестная страница истории российской дипломатии. Деятельность П. О. Моренгейма в Испании короля Жозефа Бонапарта // Клио. СПб., 2017. № 4 (124). С. 157–165.
- Соколов О.В., Ещенко А.О.* Российская дипломатия и наполеоновская Испания, 1808–1811 гг. // Клио. СПб., 2017. № 3 (123). С. 70–78.
- Соколов О.В.* Русские офицеры в штабе Наполеона // Клио. СПб., 2018. № 8 (140). С. 88–96.
- Соловьев Д.Б.* Тайна гибели генерала Коленкура. Археологическая реконструкция штурма Батареи Раевского // Военно-исторический журнал. 2017. № 1.
- Соловьев Ю.П.* Коллаборационизм 1812 года. Сословный аспект // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2017. № 58. С. 201–223.
- Сорока М.Е.* Долгий путь к Парижскому миру 1856 года // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 135–157.
- Спиридонов П.А.* Предпосылки развития децентрализованного культурного сотрудничества между Францией и постсоветской Россией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов, 2016. № 3 (65). Ч. 2. С. 159–161.
- Таньшина Н.П.* «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 26–44.
- Таньшина Н.П.* «Двойной портрет» Николая I французского художника Ораса Верне // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии. 18–19 мая 2018 г. Сборник материалов научно-практической конференции. Ялта, 2018.
- Таньшина Н.П.* «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Материалы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016. С. 164–172.
- Таньшина Н.П.* Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 91–108.

- Таньшина Н.П.* Балтийский фактор в российско-французских отношениях в XVIII–XIX вв. // Балтийский регион в новое и новейшее время: история и региональная политика. Калининград, 2016.
- Таньшина Н.П.* Венская система и венские соглашения: взгляд из Франции // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 4. С. 61–76.
- Таньшина Н.П.* Виктор Балабин: дипломат Николая I в Париже Луи-Филиппа // ЭНОЖ. № 10 (74). URL: <http://history.ies.su>
- Таньшина Н.П.* Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция // Арктика: история и современность / Материалы второй международной научной конференции. СПб., 2017. Ч. 1. С. 26–34.
- Таньшина Н.П.* Журнальные утки во французском меню // Родина. 2018. № 12. С. 98–101.
- Таньшина Н.П.* Император Николай I и король Луи-Филипп I. Двойной портрет // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 13. М., 2017. С. 17–46.
- Таньшина Н.П.* К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы» // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 118–136.
- Таньшина Н.П.* Маркиз де Кюстин и барон де Барант: два образа России в исторической памяти // Образы будущего России: желаемое-возможное-необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, МПГУ, 8–9 июня 2016 г. М., 2016. С. 75–84.
- Таньшина Н.П.* Наши люди в Париже (по дневнику российского дипломата Виктора Балабина) // Социокультурная жизнь Европы и России глазами интеллектуалов XIX века. Тезисы докладов. Орел, 2018. С. 14–16.
- Таньшина Н.П.* Образ Крыма в путевых записках Поля Гибала и Проспера де Баранта: взгляд с разницей в двадцать лет // Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Севастополь, 2018. С. 99–101.
- Таньшина Н.П.* Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России // Ключевские чтения–2016. Образ и смысл Победы в российской истории. М., 2017. С. 135–142.
- Таньшина Н.П.* Образ России во французской историографии второй половины XX в.: рассуждения о книге Шарля Корбе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы: Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2018. № 1.
- Таньшина Н.П.* Орас Верне: художник-дипломат в диалоге между Россией Николая I и Францией Луи-Филиппа // Вопросы всеоб-

шей истории Выпуск 19. Сборник научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Екатеринбург, 2017. С. 180–189.

Таньшина Н.П. При дворе трех императоров: княгиня Д.Х. Ливен // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 102–118.

Таньшина Н.П. Русофобия как фактор международных отношений в XIX в. (на примере взаимоотношений России и Франции) // Ялта-45: уроки истории. Система международных отношений в XX–XXI вв. и ее будущее: сб. материалов научной конференции. Ялта, 2018. С. 105–114.

Таньшина Н.П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 218–239.

Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.

Таньшина Н.П. Современная методология изучения российско-французских отношений в XIX веке (от окончания Наполеоновских войн до начала XX века) // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М.: МГИМО, 2017. С. 174–186.

Таньшина Н.П. Три взгляда на Францию 1838–1839 гг.: П. А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин // Локус: люди, общество, культуры, смыслы: Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2017. № 1. С. 72–85.

Таньшина Н.П. Ш.-А. Поццо ди Борго, Э.О. Ришелье, Л.В. Рошешуар: францужско-русский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками в 1814–1818 гг. // Французский ежегодник 2018. Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 218–239.

Таньшина Н.П., Борисенко Ю.И. Саркофаг Наполеона из «русского порфира»: Необходимый «античный» камень французы нашли в карельском селе Шокша // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.

Тихонова А.В. Участие швейцарцев в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона. Свидетельства «русских швейцарцев» о революционных событиях 1917 г. // Вопросы истории. 2017. № 6.

Файбисович В.М. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны кисти М.Л.Э. Виже-Лебрен // Родина. 2017. № 11. С. 10–13.

Файбисович В.М. Жан Жерен. Эпизод сражения под Кульмом // Родина. 2017. № 12. С. 10–12.

Файбисович В.М. Портрет флигель-адъютанта Сергея Марина: Он участвовал в заговоре против императора Павла I, снискал славу сатирика и пять раз был ранен в Наполеоновских войнах // Родина. 2018. № 6. С. 10–12.

- Федорец А.И.* Все на борьбу с Наполеоном!: Как московские купцы защищали соотечественников от врагов, голода и нужды // Родина. 2018. № 10. С. 52–55.
- Фортунатов В.В.* Августин Бетанкур как главный архитектор Санкт-Петербурга: к 200-летию Комитета для строений и гидравлических работ // Клио. СПб., 2017. № 6 (126). С. 159–165.
- Хормач И.А.* Россия и Парижская мирная конференция // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 84–112.
- Хорошилова О.А.* Жму вашу руку. Миллер // Родина. 2016. № 9. С. 70–73.
- Хорошилова О.А.* Пачка «тютю» для Майи Плисецкой: О чем могут напомнить фотографии знаменитого парижского модельера Марии Громцевой // Родина. 2018. № 1. С. 78–81.
- Храпунов Н.И.* Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 113–140.
- Храпунов Н.И.* Образ Крыма в записках французского эмигранта Поля Гибалья // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 437–452.
- Чекалов К.А.* «Бессмертные у нас» романы Ксавье де Монтепена и их русские переводы // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2018. Т. 24. № 2. С. 95–100.
- Черкасов П.П.* 1717–2017: Итоги и уроки // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 5–8.
- Черкасов П.П.* Отчеты советской делегации о XVII (1980) и XVIII (1981) сессиях советско-французской «Малой» комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству. Из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Публикация, вступительная статья и комментарии // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 12. М.: Весь мир. 2017. С. 314–324.
- Черкасов П.П.* Франция 1870-х годов в публицистике Ф.М. Достоевского // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 47–80.
- Чудинов А.В.* Восстановление архива Жильбера Ромма великим князем Николаем Михайловичем // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 340–353.
- Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М., 2017.
- Чудинов Д.А.* «Наполеон Бонапарт» А.З. Манфреда в оценках читателей // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 325–336.
- Шеваров Д.Г.* Бородинское поле Андрея Кайсарова // Родина. 2017. № 5. С. 41–45.
- Шеваров Д.Г.* Маленького принца звали Егорушка: Как литература и судьба связали Антона Чехова и Антуана де Сент-Экзюпери // Родина. 2018. № 9. С. 36–41.
- Шеваров Д.Г.* Мамаев курган ему снился и во Франции // Родина. 2018. № 2. С. 37–40.

- Шевченко П.В.* Г.В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг. // Российская история. 2017. № 6. С. 94–105.
- Шмелев Д.В.* Французские католики и СССР (по материалам еженедельника «Сет») // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 63. С. 200–217.
- Шубин А.В.* Французская интервенция на Украине 1918–1919 гг. в контексте российской революции // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 315–339.
- Шушарин И.* Когда поет далекий друг: Ив Монтан: дружба, обернувшаяся враждой // Ваш тайный советник. СПб. 2018. №. 4 (46). С. 44–45.
- Экитут С.А.* Пять сражений генерала Раевского // Родина. 2016. № 9. С. 44–49.
- Янковская М.С.* Культурный диалог Франции и России: русские фотографии-эмигранты на службе французского авангарда // Локус: люди, общество, культуры, смыслы: Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». М., 2017. № 2. С. 65–71.

Рецензии:

- Денисов Д.В.*, рец. на кн.: Э. Анобль. Французская история русской революции. Прочтение и интерпретации с 1917 года. Париж, 2016 // Новая и новейшая история. 2017. № 5.
- Зверева Т.В.*, рец на кн.: Е.А. Осипов. Франция и развитие процесса разрядки (1965–1975 гг.) // Вопросы истории. 2017. № 2.
- Михайлов В.В.*, рец. на кн.: В.И. Голдин. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века // Вопросы истории. 2017. № 5.
- Кузьминых А.Л.*, рец. на кн.: В.И. Голдин. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 2017. № 6.
- Тесля А.А.* Страхи, надежды и репутация: французы в николаевской России и о ней. Рец. на кн.: В.А. Мильчина. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I // Историческая экспертиза: Журнал рецензий. М., 2017. № 4 (13). С. 269–274.
- Черкасов П.П.* Русофобия: Реальность или миф? По страницам книги Ги Меттана. (*Ги Меттан* Запад–Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016) // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 169–181.
- Черкасов П.П.* Интеллектуальный путеводитель по исторической и современной Франции. Рец. на кн. Смирнов В.П. Образы Франции. История, люди, традиции. М.: Ломоносовъ. 2017 // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 118–122.

Публикации

«Духовное возрождение в России»: Выступление Г.П. Федотова на Франко-русской студии. Вступ. ст., ком., пер. Т. Викторовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 299–313.

Составитель *А.В. Лавренова*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУКРЕЕВА Елена Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела изобразительных материалов Государственного исторического музея.

ГОНЧАРОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

ЗУЕВА Кира Павловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ЛАВРЕНОВА Александра Викторовна – соискатель Института всеобщей истории РАН.

МЕЗИН Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, вице-президент Российского общества по изучению XVIII в.

ОГЕНЮИС Анн – доктор истории, член Комиссии по изданию дипломатических документов Министерства иностранных дел Франции.

РЫБАЧЁНОК Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ТАНЬШИНА Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических

исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

ТИМОФЕЕВ Павел Петрович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ЧЕРКАСОВ Петр Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ЧИНЯКОВ Максим Константинович — кандидат исторических наук, доцент Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

XVIII–XIX ВЕКА

<i>Мезин С.А. (Саратов). Французская россика периода дворцовых переворотов (1725–1762)</i>	5
<i>Букреева Е.М. Вклад французского ученого, барона де Бая, в формирование коллекций музея 1812 года</i>	42
<i>Гончарова Т.Н. (С.-Петербург). Трудный путь становления консульства Франции в Варшаве в эпоху Реставрации</i>	50
<i>Таньшина Н.П. Образ николаевской России в представлениях французских путешественников: русофобы или русофилы?</i> ...	71
<i>Черкасов П.П. Миссия Адольфа Тьера в Санкт-Петербург (20–22 сентября 1870 г.)</i>	98

Публикации

«Дневник моей поездки в Германию»: воспоминания Эммануила Осиповича де Ришелье (1766–1822). (Публикация, перевод, вступительная статья и комментарии <i>М.К. Чинякова</i>)	112
Канцлер К.В. Нессельроде в оценках французских дипломатов в Санкт-Петербурге (1850, 1853, 1858, 1862 гг.). Из фондов Архива Министерства иностранных дел Франции. (Публикация, перевод, вступительная статья и комментарии <i>П.П. Черкасова</i>)	165

XX ВЕК

<i>Anne Hogenhuis (Paris). François de Chevilly, aventurier, banquier et diplomate</i>	
<i>Огюиос Анн (Париж). Франсуа де Шевийи – авантюрист, банкир и дипломат</i>	173

<i>Чиняков М.К.</i> Русские солдаты в Алжире (1918–1920). Из истории Русского экспедиционного корпуса	210
<i>Зуева К.П.</i> Франсуа Миттеран и Михаил Горбачев: Из истории непростых отношений	236
<i>Тимофеев П.П.</i> Фактор НАТО в российско-французских отношениях в 1990–2010-е гг.	258

Публикации

Испытание на прочность. Депеши и письма российских дипломатов о русско-французском союзе за 1909–1911 гг. Из фондов Архива внешней политики Российской империи – АВПРИ. (Публикация и вступительная статья <i>И.С. Рыбачёнок</i>)	292
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работы по истории отношений России и Франции, опубликованные на русском языке в 2017–2019 гг. (составитель <i>А.В. Лавренова</i>)	330
Сведения об авторах	343

SOMMAIRE

XVIIIe – XIXe SIÈCLES

<i>Mezine S.A. (Saratov)</i> . Rossica français de l'époque des révolutions de palais (1725– 1762)	5
<i>Boukreeva E.M.</i> La contribution du baron de Baye, savant français, à la formation des collections du Musée de 1812 à Moscou	42
<i>Gontcharova T.N. (St.-Péttersbourg)</i> . Les débuts difficiles du Consulat de France à Varsovie sous la Restauration	50
<i>Tanchina N.P.</i> L'image de la Russie du temps de Nicolas I-er dans les représentations des voyageurs français: russophobes ou russofiles?	71
<i>Tcherkassov P.P.</i> La visite d'Adolphe Thiers à Saint-Péttersbourg (20–22 septembre 1870)	98

Publications

<i>Duc de Richelieu</i> : “Journal de mon voyage en Allemagne” (publication, traduction, introduction et commentaires par <i>M.C. Tchiniakov</i>)	112
Le Chancelier C.V. Nesselrode vu par des diplomates français en poste à Saint-Péttersbourg (1850, 1853, 1858, 1862). D'après les collections des Archives du Ministère français des Affaires étrangères (publication, traduction, préface et commentaires par <i>P.P. Tcherkassov</i>)	165

XXe SIÈCLE

<i>Anne Hogenhuis (Paris)</i> . François de Chevilly, aventurier, banquier et diplomate	173
---	-----

<i>Tchiniakov M.C.</i> Les soldats russes en Algérie (1918–1920). L'histoire du Corps expéditionnaire russe	210
<i>Zoueva K.P.</i> François Mitterrand et Mikhaïl Gorbatchev: une histoire de leurs relations complexes	236
<i>Timofeev P.P.</i> Le facteur de l'OTAN dans les relations russo-françaises dans les années 1990–2010	258

Publications

La solidité à l'épreuve. Dépêches et lettres des diplomates russes au sujet de l'Alliance russo-française pour les années 1909–1911. D'après les collections de l'Arkhiv vnechneï politiki Rossiïskoï imperii – AVPRI (publication et préface par <i>I.S. Ribatchenok</i>)	292
--	-----

APPENDICE

Ouvrages consacrés à l'histoire des relations russo-françaises parus en russe en 2017–2019 (<i>A.V. Lavrenova</i>)	330
Présentation des auteurs	343

Р 76 **Россия и Франция. XVIII–XX века** / Ин-т всеобщ. истории РАН / Отв. ред. и сост. П. П. Черкасов. Вып. 13. На рус. и фр. яз.. М.: Издательство «Весь Мир». 2020. 352 с.

ISBN 978-5-7777-0812-0

В очередном выпуске представлены статьи и документальные публикации по истории российско-французских отношений за последние три столетия. Исследователи, преподаватели, аспиранты и студенты – все, кто интересуется историей взаимоотношений России и Франции, найдут в нем много нового и полезного. Французская россика эпохи дворцовых переворотов в России (1725–1762), воспоминания знаменитого «дюка Ришелье» о его участии в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., образ николаевской России в представлениях французских путешественников, российская «одиссея» Франсуа де Шавийи – авантюриста, банкира и дипломата, русские солдаты в Алжире на исходе и после окончания Первой мировой войны, Михаил Горбачев и Франсуа Миттеран, фактор НАТО в российско-французских отношениях 1990–2010-х гг. – с этими и др. материалами, включая архивные находки, читатель ознакомится на страницах данного выпуска.

Для специалистов и всех, кто интересуется отечественной и всеобщей историей.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Научное издание

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ
XVIII—XX века

ВЫПУСК 13

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Художник: *В.Ю. Яковлев*
Верстка *С.А. Голодко*
Корректор: *Н.А. Самсонова*

Подписано к печати 03.09.2020
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 500 экз.
Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

La Russie et la France

XVIII-ème – XX-ème siècles

Volume 13

Sous la direction de
PIOTR TCHERKASSOV
membre-correspondant
de l'Académie des sciences de Russie

MOSCOU

VES
MIR

2020

Россия и Франция XVIII – XX века

Выпуск 13

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
ПЕТР ЧЕРКАСОВ

МОСКВА

ВЕСЬ
МИР

2020

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 76

Издание основано в 1995 г.

Составитель *П.П. ЧЕРКАСОВ*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Г.В. Цыпкин*
доктор политических наук *Н.К. Арбатова*

В оформлении обложки использованы:

на передней стороне — виды двух колонн-памятников: Вандомская колонна (арх. Ж. Гондуэн, Ж.-Б. Лепер) в Париже установлена в 1810 г. в память о победах Наполеона в 1805 г. (*вверху*) и Александровская колонна (арх. О. Монферран) в Санкт-Петербурге установлена в 1834 г. в память о победе Александра I над Наполеоном (*внизу*)
на задней стороне — телеграмма А. Тьера кн. А.М. Горчакову от 4 октября 1870 г., а также портреты двух дипломатов.

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0812-0

© Институт всеобщей истории РАН, 2020
© Черкасов П.П., составление, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Весь Мир», 2020

ФРАНЦУЗСКАЯ РОССИКА ПЕРИОДА ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ (1725—1762)¹

С.А. Мезин

Сочинения французских авторов XVIII в. о России не оставляли равнодушными их русских современников. Достаточно вспомнить острые полемические отклики на произведения Ф. Локателли, Вольтера, Ж. Шаппа д'Отроша, Н.Г. Леклерка, П.Ш. Левека и др. Уже в конце XVIII столетия была осознана историческая ценность донесений французских дипломатов из России. Во время Французской революции граф А.Р. Воронцов обращался к советнику российского посольства в Париже Машкову с просьбой приобрести записки французских дипломатов о России: копии депеш де Ла Шетарди, Дальона, Дугласа, де Лопиталья и др.² В XIX и в начале XX в. в России широко публиковались, переводились и использовались в качестве источников записки иностранцев, в том числе французская россика века Просвещения. Однако с середины 1930-х гг. внимание историков к сочинениям подобного рода заметно ослабло. Лишь во второй половине 1980-х гг. изучение россики, обогащенное новыми подходами, вновь стало занимать заметное место в исторических исследованиях отечественных авторов.

На сегодняшний день наиболее пристальное внимание исследователей привлекла французская россика петровского времени, а также сочинения французских авторов, посвященные эпохе Екатерины II³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00131.

² Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 13. С. 481—482.

³ См.: *Минцлов Р.И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872; *Сомов В.А.* Французская Россика эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986; *Somov V.A.* Les Russica français à travers les archives russes // La Culture française et les archives russes: Une image de l'Europe au XVIII-e siècle / Études réunis par Georges Dulac. Ferney-Voltaire, 2004. P. 27—34. *Беснятых Ю.Н.* Иностранные источники по исто-

Наименее изученными представляются известия французов о России середины XVIII в. Некоторые сочинения этого времени остаются неопубликованными и малоизвестными отечественным историкам.

Французская россика середины XVIII в., времени, по традиции называемом периодом дворцовых переворотов (1725–1762), включает в себя сочинения разных видов. Это и научно-литературные произведения знаменитого Вольтера, которые до сих пор полностью не переведены на русский язык, и частично опубликованная политическая переписка французских послов в России (Ж.-Б.Н. Маньян, Ж.И. де Ла Шетарди, Л. Дальон, П.Ф. де Лопиталь и др.), и записки путешественников (П. Дешизо, О. де ла Мотре, Ф.Ш. д'Агей де Мион), среди которых выделяется основательное, но никогда не переводившееся на русский язык сочинение Ж. Жюбе «Религия, нравы и обычаи московитов», это антирусский памфлет Ф. Локателли «Московитские письма» и специальные записки о России французских дипломатов (Ш.Ж. д'Эон, Л.А. де Ла Мессельер, Ж.Л. Фавье), это, наконец, записки о путешествии в Сибирь Ж. Шаппа д'Отроша, совершенном в конце царствования Елизаветы, опубликованные и получившие широкую огласку уже в 1760-е гг.

В настоящей работе речь пойдет об известиях авторов, побывавших в России, зачастую принадлежавших к дипломатическим кругам. (За пределами авторского внимания останутся сочинения на русскую тему Ш.Л. Монтескье, Вольтера, Ш.И. Сен-Пьера, Л. де Жокура и др.) Единственную попытку дать общую характеристику интересующих меня сочинений можно найти в недавно изданном томе «Опыта русской историографии» В.С. Иконникова (1841–1923)⁴. Известный историк дал обзор донесений и сочинений Маньяна, Локателли, Шетарди, Дальона, Лопиталья, Мессельера, Фавье с точки зрения их ценности в качестве материала для изучения политической и дипломатической истории того времени. В приложении к тому опубликована статья С.Н. Киржаева⁵, дающая информацию о современном состоянии литературы по этому вопросу и актуальных подходах к изучению известий иностранцев о России.

рии России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 15–17; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003; *Он же.* Французская Россика конца XVII – первой четверти XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 7. М., 2016. С. 332–343; и др.

⁴ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии: в 2 т. Т. 2, кн. 3. СПб., 2013. С. 616–635.

⁵ *Киржаев С.Н.* Небесполезное, хотя и пристрастное «инаковидение» России // Иконников В.С. Указ. соч. С. 717–743.

Многие произведения французской россики середины XVIII в. попали в поле зрения А.Ф. Строева, проанализировавшего мифологический образ далекой страны, созданный французскими авторами XVIII – начала XIX в. Автора интересует бытование литературных клише, рождающихся из смысловых оппозиций: центр и окраина, цивилизация и варварство, свобода и рабство (деспотизм), «блаженство» и «ледяной ад». Автор рассматривает эволюцию стереотипов на протяжении длительного отрезка времени, выделяя лишь две хронологические вехи – Французскую революцию и войну 1812 г. Строев соглашается с французским исследователем Д.А. Пажо (D.N. Pageaux) в том, что вопрос о правдивости или ложности путевых заметок не корректен в принципе, речь должна идти в первую очередь об исследовании законов дискурса, о приемах и правилах преобразования чужого мира, соединения и развертывания стереотипов⁶. Замечу, что при исследовании конкретных исторических источников такой чисто «риторический» подход едва ли продуктивен.

Накопленный опыт изучения «образа другого» позволяет по-новому взглянуть на известные тексты французской россики. Сегодня нас интересует не только то, *как* современник-иностранец характеризует различные явления русской жизни, но и вопрос *почему именно так* воспринимаются русские реалии, какова роль стереотипных представлений в формировании образа чужой страны. Проблема правдивости и ложности информации не снимается вовсе, но приобретает иной смысл при рассмотрении причин ошибок и искажений. Этнокультурные аспекты восприятия «иного» находятся в центре внимания. Новые публикации и находки дают возможность расширить исследовательское поле французской россики середины XVIII в.

В конце царствования Петра I появились надежды на улучшение и стабилизацию русско-французских отношений, которые в более раннее время омрачались взаимным непониманием и враждой. Однако заключение русско-австрийского союзного договора 1726 г. вновь и надолго привело к охлаждению отношений между Россией и Францией. Между тем внешнеполитический контекст являлся важным фактором взаимовосприятия и во многом определял тональность сочинений французов о России. Тем более что авторы многих записок были дипломатами.

Впрочем, французы, побывавшие в России сразу после смерти великого реформатора, находились еще под влиянием личности Петра I и совершенных им перемен. Вслед за Фонтенелем, сочинившим

⁶ Строев А.Ф. Россия глазами французов XVIII – начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8–41; см. также: *Он же*. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998; *Stroev A. La Russie et la France des Lumières: Monarques et philosophes, écrivains et espions*. Paris, 2017.

«Похвальное слово царю Петру I»⁷, они готовы были писать о царе, выведшем свой народ из состояния варварства, «сотворившем новую нацию». К таким поклонникам русского царя можно отнести врача и ботаника Пьера Дешизо (Pierre Deschisau, 1687–1730)⁸, посетившего Петербург дважды: в 1724 и 1726 гг. Результатом второго посещения было сочинение «Московитское путешествие»⁹. Несмотря на то, что ему не удалось ни получить место ботаника в Российской академии наук, ни совершить «ботаническое» путешествие в Персию, любопытный автор в доброжелательном духе описал своё пребывание в России. Дешизо не стал излагать деяния покойного царя, ибо «этот предмет был превосходно изложен... господином де Фонтенелем». Он лишь констатировал: «Мы с удивлением рассматриваем чудесную перемену, произошедшую в столь короткий срок с прежней Московией силой одного человека»¹⁰. Зато автор вставил в свое сочинение краткое «похвальное слово» царствующей императрице Екатерине I, «которая обещала довести до завершения проекты и предприятия к пользе своего народа, начатые ее высоким благодетелем, или, лучше сказать, подсказанные ею самой (! – С.М.)»¹¹. В небольшом сочинении Дешизо привлекает внимание описание Петербурга и наводнения 1726 г. Обозревая русскую столицу, автор отмечал наличие «квартала французов» на Васильевском острове и существенный вклад французских мастеров в строительство и украшение Петербурга и окрестностей. В качестве «непорядков» автор отмечал чрезмерное пьянство (даже при дворе!) и бани, «в которых находятся мужчины и женщины, по большей части лишенные стыда и скромности». Упомянул он и о «баранце» – выдумке о некоем растении из Астрахани, схожем с ягненком.

В том же 1726 г. Петербург посетил профессиональный путешественник Обри де ла Мотре (Aubrey de la Motraye, 1674–1743). Он происходил из семьи гугенотов и, покинув Париж в 1696 г., всю жизнь провел в странствиях, которые нашли отражение в трех томах его «Путешествий». В предисловии к первому тому автор писал о своем намерении сообщать читателям новые и неизвестные сведения о странах и городах, которые он посетил. Его интересовали политические события и придворные новости, внешний вид городов, нравы и обычаи на-

⁷ См.: Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб., 2017. С. 108.

⁸ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 254–256.

⁹ Deschisau P. Voyage de Moscovie, présenté à monsieur Herault, Lieutenant General de Police de la Ville, Previsté et Vocomté de Paris. Paris, 1727. P. 39; Пьер Дешизо. Путешествие в Петербург (1724 и 1726 гг.) / Предисловие, перевод с франц. и прим. Н.Л. Сухачева и Ю.Н. Беспятых // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 134–150.

¹⁰ Deschisau P. Voyage de Moscovie. P. 38.

¹¹ Ibid. P. 15.

родов. Автор утверждал, что он стремится описывать страны и народы «без предрассудков и без прикрас». Следует признать, что ему это в основном удавалось. В первом и втором томах, увидевших свет в 1723 г., де ла Мотре сообщал о противостоянии Карла XII и Петра I — об обоих монархах он отзывался с неизменным уважением. В первом томе «Путешествий» несомненный интерес представляют подробности о Полтавской битве, сообщаемые со слов шведских офицеров, бежавших вместе с королем в Турцию, где тогда находился путешественник. Во втором томе много внимания уделено Прутскому походу Петра I 1711 г. В третьем томе, озаглавленном «Путешествия на английском и на французском [языках] О. де ла Мотре по различным провинциям и местностям герцогской и королевской Пруссии, России, Польши и т.д.»¹², можно найти любопытные сведения о Петре I, его жене и сподвижниках, а также описания Пскова, Новгорода, Ладоги, Петербурга¹³. Например, автор, проезжая Ливонию, произвел разыскания о происхождении императрицы Екатерины I, которая, по его словам, не была дочерью ни полковника Абенделя, ни полковника Розена; ее отец был слугой последнего. Она примерно в пятилетнем возрасте осталась без родителей и без средств к существованию. Сначала сироту приютил местный учитель, а затем доктор (пастор) Глюк из Мариенбурга. По словам очевидцев, Глюк и его жена обращались с девочкой как со своей дочерью, выучили ее домашним делам, а также чтению и немецкому языку и выдали замуж за шведского сержанта «из хорошей фамилии». На следующий день после свадьбы Мариенбург был взят русскими войсками. Красивая пленница стала служанкой генерала Бауэра, а затем она перешла в услужение к князю Меншикову; с 1704 г. она стала любовницей царя¹⁴.

Вышеназванные путешественники находились еще в плену петровской темы и не были склонны к общим рассуждениям о России и русских, ограничиваясь в основном личными наблюдениями частного порядка.

Внимательным и вдумчивым наблюдателем российских реалий петровского и последующего времени оказался Жан-Батист Ноэль Маньян (Jean-Baptiste Noël Magnan, 1682—1752)¹⁵. Значение его дипломатических донесений в качестве источника признано давно, но поч-

¹² Voyages en anglais et en françois d' A. de la Motraye en diverses provinces et places de la Prusse Ducale et Royale, de la Russie, de la Pologne &c. À la Haye. 1732. Т. 3.

¹³ Описание Петербурга в современном переводе с научными комментариями помещено в книге Ю.Н. Беспятых «Петербург Петра I в иностранных описаниях» (Л., 1991. С. 29—30, 211—251). Автор характеризует описание де ла Мотре как «чрезвычайно содержательное» и «превосходное».

¹⁴ Voyages en anglais et en françois d' A. de la Motraye. Т. 3. Р. 196—201.

¹⁵ См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. Р. 557—559.

ти никто не задумывался о специфике его суждений и оценок. Автор единственной специальной статьи о Маньяне С.О. Андросов справедливо отмечал, что донесения французского дипломата из Петербурга насыщены разнообразной и полезной информацией. Историк обратил внимание на богатство и точность характеристик русских государственных деятелей: «Из многих черточек и разбросанных по разным письмам сведений складываются их портреты. И мы нередко с удивлением видим, что мнение Маньяна о них во многом сходно с тем взглядом, который выработала позднее историческая наука»¹⁶. Однако наблюдения Андросова о том, что Маньян с симпатией относился к России, а его дипломатические усилия подчас шли вразрез с официальным направлением французской политики, требуют уточнения. Трудно согласиться и с вскользь брошенной П.П. Черкасовым характеристикой Маньяна как «бесцветного»¹⁷. Маньян не обладал высоким дипломатическим рангом, но был человеком незаурядным. Необычным был и его жизненный путь.

Будущий дипломат родился в семье французов, проживавших в Стамбуле. В турецкой столице он провел молодость и овладел, кроме «природного» французского и турецкого, латинским, итальянским и греческим языками. Случай свел его с русским послом в Турции П.А. Толстым, и молодой человек стал сотрудником русского посольства. Во время русско-турецкой войны 1711 г. Маньян вместе с Толстым был заключен в Семибашенный замок и «полтора года всякую нужду терпел горькую». В тюрьме Маньян перешел из католичества в православие, что предопределило его дальнейший переезд в Россию. Около 1714 г. он приехал в Петербург, где стал советником Коммерц-коллегии, которую возглавлял П.А. Толстой. Маньян изучил русский язык и подписывался по-русски «Иван Маньян». С 1716 г. он был доверенным лицом известного негоцианта и дипломата Саввы Рагузинского в Петербурге, принимал товары с его кораблей из Венеции. В 1721 г. он стал советником Мануфактур-коллегии, был лично известен царю Петру I. В 1723 г. французский посол Ж. де Кампредон рекомендовал Маньяна на королевскую службу, где он пользовался покровительством министра Ф. де Морвиля. Пребывание во Франции в 1724–1726 гг. не принесло Маньяну ожидаемой должности переводчика с русского языка в Королевской библиотеке. Он даже собирался возвратиться на русскую службу. В конечном счете после охлаждения русско-французских отношений и отъезда посла Кампредона из Петербурга Маньян

¹⁶ Андросов С.О. Жан-Батист Маньян. Француз в России в первой трети XVIII в. // Андросов С.О. От Петра I к Екатерине II. Люди, статуи, картины. СПб., 2013. С. 183.

¹⁷ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 26.

был назначен поверенным в делах и находился в Петербурге с 1726 по 1733 г. Его главной обязанностью было ведение переписки и информирование министерства о событиях в России.

Свою должность Маньян исполнял самым тщательным образом, за что неоднократно получал благодарность министра. Знание русского языка и широкие связи в петербургском обществе¹⁸, знакомство с проблемами русской коммерции — все это позволяло Маньяну быть отличным наблюдателем. Его просьбы предоставить ему верительные грамоты и обеспечить дипломатическую неприкосновенность не находили отклика у французского министерства, которое сводило роль поверенного к тому, чтобы «слушать, расследовать и очень мало говорить». Несмотря на свой низкий статус, Маньян в 1729 г. вел переговоры со своим давним покровителем графом Рагузинским о возможности заключения русско-французского торгового договора, а в 1732 г. через графа Миниха пытался договориться о русско-французском союзе. Однако эти переговоры не увенчались успехом, поскольку противоречили общей политической обстановке, не способствовавшей сближению двух стран. Переписка Маньяна с руководителями французского внешнеполитического ведомства была опубликована Г.Ф. Штендманом в трех томах «Сборника Императорского Русского исторического общества».

Сообщая о событиях периода царствования Екатерины I, Маньян отмечал «неправильный образ жизни» императрицы, «не умеющей во все писать», расточительство двора, финансовые трудности и нерегулярную выплату жалования чиновникам и офицерам, плачевное состояние русского флота, снижение ввозных пошлин на иностранные товары и разрешение торговать через Архангельск. Констатируя всевластие А.Д. Меншикова, французский дипломат упоминал о всеобщей ненависти к временщику со стороны русских вельмож. Еще при жизни Екатерины I он прозорливо предсказал, что когда-нибудь все члены Верховного тайного совета дружно объединятся против Меншикова. Не скрылась от взгляда проницательного наблюдателя и особая роль гвардии в политической жизни страны: «Гвардия здесь играет ту же роль, что янычары в Турции»¹⁹. Без комментариев сообщал Маньян об аресте и ссылке своего бывшего патрона П.А. Толстого, а позже и о смерти его на Соловках. Информацию о болезни Екатерины I ди-

¹⁸ В частности, платным информатором Маньяна был казначей Академии наук Алексей Юров. — См.: *Курукин И.В.* Алексей Юров: «лишний человек» в эпоху петровских реформ и после // *Россия в XVIII столетии*. Вып. III / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2009. С. 146–147.

¹⁹ Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона и агента Маньяна за 1725 и 1727 гг. // *Сборник Имп. Русского исторического общества* (далее — Сб. ИРИО). СПб., 1888. Т. 64. С. 481, 519, 523.

пломат сопроводил замечанием, что она похожа на ту, от которой умер царь и которая трудно вылечивается. (В свое время французский посол Кампредон писал о том, что причиной смерти Петра I был сифилис²⁰.)

В письмах периода царствования Петра II Маньян подробно описывал расстановку политических сил при дворе, характеризовал личные качества и устремления членов Верховного тайного совета, детально излагал историю опалы А.Д. Меншикова, но ошибался в том, что последний был сослан «в Иркутск». Личность вице-канцлера А.И. Остермана, ведавшего вопросами внешней политики и твердо придерживавшегося «австрийской» ориентации, вызывала особый интерес французского наблюдателя. Он часто отмечал необыкновенное трудолюбие и высокие деловые качества Остермана, его умение отстраняться от сомнительных политических действий, что делало его незаменимым в глазах правителей. По словам Маньяна, «ни один из русских не чувствует себя достаточно трудолюбивым», чтобы взвалить на себя бремя государственных забот Остермана²¹.

Маньян писал, что воцарение Петра II вызвало радость «всего русского народа». Выдвижение на первый план «старорусской партии» Долгоруковых и Голицыных, побуждало французского дипломата все чаще высказываться о национальных чертах русского народа, которые проявлялись в политической практике. Он отмечал ненависть русских вельмож к Петербургу и их желание жить в Москве. Изображение других национальных качеств не позволяет говорить об особой симпатии автора к России. Русские, по его замечанию, «никогда не имеют вежливого и любезного вида», они небрежны в делах, недобросовестны в торговых операциях, склонны к обману, «хвастливы по природе», подозрительны, легко поддаются ложным впечатлениям. Более того, Маньян писал о «диком характере этого народа», о его «зверстве»: «этот народ по природе своей не чувствует уважения ни к кому... Ни правила чести, ни дружбы, ни благодарности, сами по себе не руководят ими и не могут на этот народ подействовать; преобладающие его свойства — с одной стороны, страшная грубость, а с другой — грязное корыстолюбие; можно даже сказать, что эта грубость растет, по мере того как находит все более и более снисхождения в нынешнее царствование несовершеннолетнего государя...»²²

Давно живший в Петербурге «русский француз» Маньян явно симпатизировал Петру I, который, по его словам, был смелым и дельным

²⁰ См.: Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором... // Сб. ИРИО. СПб., 1886. Т. 52. С. 401, 415.

²¹ Донесения французского поверенного по делам при русском дворе за 1727–1730 гг. // Сб. ИРИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 192.

²² Там же. С. 413; см. также с. 111, 142, 353, 397.

руководителем, направлявшим народ к славе и отучавшим его от лени. Он с сожалением замечал, что «большая часть постановлений этого государя, не понравившихся здешнему народу, в настоящее время уничтожены, и русские возвращаются постепенно ко всем своим прежним порядкам»²³.

Попытка «верховников» после смерти Петра II ввести в России «новую форму правления» расценивалась французским дипломатом как «намерение этого народа... возвратиться назад, к своему прежнему положению и своим старым обычаям». Министр Ж.Л. де Шовелен легко соглашался с этим мнением и выражал надежду, что торжество «старорусской партии... обратит снова Россию к прежнему варварскому состоянию». Столкновение русско-французских интересов в Польше позволяло рассматривать Россию в качестве врага. Маньян, подыгрывая своему министру, сообщал мнение некоего офицера-француза на русской службе о том, что легко будет «уничтожить Россию при помощи черемисов и других татар, живущих около Казани», которые недоброжелательны русской властью и готовы поднять восстание²⁴.

Провал аристократических планов Долгоруких и установление самодержавного правления Анны Ивановны (Иоанновны) породило у Маньяна надежду, что государство будет устроено так, «как оно было устроено... Петром I». Однако очень скоро сравнение «нынешнего правления» с петровским стало производиться не в пользу аннинского царствования, а основным лейтмотивом писем французского поверенного стала тема господства при дворе иностранцев и ненависти к ним русских. Царица, по словам наблюдателя, «окружена и руководствуется советами лишь немцев», русских она держит в качестве шутов и доводит собственный народ до полного отчаяния. Фаворит царицы Бирон «невыносим» для всего народа. Он повторит путь Меншикова, — справедливо предвидел Маньян. Русские терпеливо выносят страдания, но их терпение должно иссякнуть. «Здешнему государству грозит переворот вследствие сильного желания всего русского народа освободиться от ига чужеземного владычества»²⁵, — писал Маньян накануне своего отъезда из России. Он уже тогда обратил внимание на принцессу Елизавету Петровну, которая, по его мнению, могла бы легко найти сторонников, а придя к власти, возродила бы «систему покойного ее отца, царя Петра I». Однако этого переворота французской дипломатии пришлось ждать до 1741 г. Заметим, что Маньян искренне желал улучшения русско-французских отношений, считал, что внешнеполитическая система Петра I предполагала союз

²³ Там же. С. 309.

²⁴ Там же. С. 439, 287.

²⁵ Сб. ИРИО. СПб., 1892. Т. 81. С. 532; см. также с. 186, 194, 254–255, 483, 484, 531.

с Францией, но все действия скромного французского поверенного по налаживанию этих отношений находились в русле внешнеполитического курса Парижа.

Внимательным наблюдателем жизни послепетровской России оказался аббат Жак Жюбе (Jacques Jubé de La Cour, 1674–1745)²⁶, побывавший в России в 1728–1732 гг. Известный священник-янсенист, сторонник галликанской церкви, проповедовавший на французском языке, борец с папством, он укрылся от преследований в Голландии. Здесь он сблизился с женой русского дипломата княгиней Ириной Петровной Долгоруковой, урожденной Голицыной, перешедшей в католичество. Жюбе стал духовником княгини и воспитателем ее детей. Сорбонские профессора-янсенисты рекомендовали Жюбе последовать за семьей Долгоруковых в Россию и способствовать делу объединения церквей, о чем парижские теологи еще в 1717 г. говорили Петру I. Аббат опасался ехать в «страну неизвестную, грубую, упрямо привязанную к своим обычаям и непросвещенную», однако в конечном счете согласился, признав важность своей религиозной миссии. По характеру Жюбе был строгим моралистом, смелым и непримиримым борцом за «истинную веру», заядлым полемистом – французский историк сравнивает его с протопопом Аввакумом²⁷.

На первых порах, когда у власти в России при юном Петре II были Долгоруковы и Голицыны, деятельность Жюбе находила некоторую поддержку среди русского дворянства и духовенства, ему активно покровительствовал испанский посол в России герцог де Лириа. Ситуация радикально изменилась после прихода к власти императрицы Анны Ивановны (Иоанновны), опалы Долгоруковых и отъезда из России де Лириа. Жюбе едва не подвергся аресту и получил приказ покинуть Россию. Его религиозная миссия не удалась, но результатом поездки стала содержательная рукопись под названием «Религия, нравы и обычаи московитов с некоторыми подробностями в отношении их схизмы с точки зрения их присоединения к латинской церкви», работу над которой аббат закончил в Голландии в 1735 г. Рукопись, находившаяся в муниципальной библиотеке города Руана, через 250 лет была издана и прокомментирована известным специалистом по истории России Мишелем Мерво. Исследователь представляет текст Жюбе как «самый важный французский рассказ о России первой половины XVIII в.»²⁸. Сочинение принадлежит к жанру «поучительного» путешествия, формирующего мнение о России.

²⁶ См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 434–435.

²⁷ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites / Texte présenté et annoté par Michel Mervaud. Oxford, 1992. P. 78.

²⁸ Ibid. P. VII.

Аббат Жюбе полагал, что в его сочинении «найдется почти все, что можно пожелать, чтобы сформировать представление об этой огромной империи»²⁹. Впрочем, все сюжеты излагались без определенной системы. Как священника, принявшего на себя миссию присоединения русских «схизматиков» к латинской церкви, его, конечно, в первую очередь интересовали вопросы веры и состояние церкви, перспективы объединения. По этой же причине он не склонен подчеркивать глубину разрыва между церквями. Объединение, по его мысли, может привести к тому, что в России появится патриарх (желательно, получивший образование во Франции), а русский император станет императором Востока³⁰. Особенности православного вероисповедания, обряды, праздники, характеристика русских иерархов, описание московских церквей и монастырей — все эти сюжеты нашли отражение на страницах сочинения Жюбе, он неоднократно к ним возвращался. Главным врагом аббата Жюбе среди русских иерархов был архиепископ Новгородский Феофан Прокопович, которого автор характеризовал так: неглуп, красноречив, вхож в различные компании, повседневно пьян, трезвым его можно застать только рано утром, служит в церкви в пьяном виде, демонстративно не соблюдает постов, имеет двух любовниц, владеет прекрасной большой библиотекой³¹. Перечисляя праздники (главным образом церковные), аббат отмечал любопытную деталь: русские по-прежнему тайно празднуют наступление нового года в сентябре, а первое января не является для них большим праздником вопреки календарным нововведениям Петра I.

Описание политических событий Жюбе давал чаще всего с позиции князей Долгоруковых и Голицыных, связями с которыми он гордился. Автор весьма благожелательно отзывался о Петре II, который, по его словам, имел представительную внешность, был хорошо воспитан и образован, любил чтение, знал иностранные языки, был справедливым и щедрым. Однако юный царь был подвержен влиянию фаворита Ивана Долгорукова — человека бесчестного и развратного³². После смерти императора, по наблюдению француза, «большинство дворянства склонялось к республике, управляемой выборными сенаторами». Голицыны и Долгоруковы составили «кондиции», ограничивающие власть Анны Ивановны (Иоанновны), из-за чего

²⁹ Ibid. P. 80.

³⁰ Примечательно, что папский посол Антонио Поссевино на переговорах 1582 г. соблазнял Ивана IV титулом восточного императора в обмен на унию с католиками. (Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 306; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 169.)

³¹ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 107.

³² Ibid. P. 146.

и пострадали. Победила «партия» князя Черкасского, предложившая императрице порвать «кондиции» и принять самодержавие. При этом офицеры-гвардейцы громко бранили членов Верховного тайного совета, угрожая выбросить их из окна³³.

В сочинении Жюбе подробно описаны церемонии похорон Петра II и коронации Анны Ивановны (Иоанновны). Автор обратил внимание, что во время коронации все придворные были одеты «à la française». Как истинный француз Жюбе придиричливо описывал внешность императрицы, которая была одета роскошно, однако не имела никакой прически, была с ненапудренными черными волосами. Он также заметил, что во время коронации Анна проявила женскую слабость: «сев на трон, императрица вынула большой платок и несколько раз поднесла его к своим глазам». Эти слезы показались наблюдателю наигранными, неестественными³⁴.

В целом же политическая атмосфера в России обрисована автором в мрачных тонах: «Для русских в политике все средства хороши: ложь, клевета, обман, измена — ничего их не останавливает»³⁵. Лишь страх жестоких наказаний удерживает людей от преступлений.

Подобно другим европейским авторам, Жюбе писал о «всеобщем рабстве» русских перед лицом деспотической власти. Пётр I запретил именоваться рабами, «но никто от этого не выиграл, ибо они все рабы — не больше и не меньше, чем прежде»³⁶. Впрочем, об этом писали не только иностранцы. А.С. Пушкин не читал записок Жюбе, но был согласен с ним применительно ко времени Петра I: «Все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкой»³⁷.

Вместе с тем политическая власть в России нестабильна: «катастрофы и перевороты здесь обычное дело». Кто был первым, может стать последним. Опасность ссылки в Сибирь грозит каждому. «При этом русские испытывают удовольствие, видя падение и несчастье тех, кто еще вчера занимал высокие места»³⁸. Подобные утверждения можно было бы принять за враждебные инсинуации, если бы сами русские не признавались в этой слабости. Юродивый императрицы Анны Ивановны (Иоанновны) Тихон Архипыч говорил: «Нам, русским, не надобен хлеб, мы друг друга едим и с того сыты бываем»³⁹.

Жюбе был одним из немногих французов, кто специально обратил внимание на крепостное состояние русских крестьян. В подмосков-

³³ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 141.

³⁴ *Ibid.* P. 152.

³⁵ *Ibid.* P. 137–138.

³⁶ *Ibid.* P. 180.

³⁷ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Л., 1978. С. 122.

³⁸ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 134.

³⁹ *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 162.

ном имени Долгоруковых Никольское он наблюдал скованных по ногам крепостных, которые должны были работать в таком положении. Он заметил, что господа жестоко избивают своих слуг, но на это никто не обращает внимания. Жюбе не только подробнейшим образом описал наказание кнутом и батогами, но и зарисовал жестокие сцены⁴⁰. Крестьяне даже жениться не могут без разрешения господина. Земли в Московии продаются с крестьянами, а слуги покупаются⁴¹.

По мысли Жюбе, всеобщее рабство влияло на нравы и обычаи москвитов («в этой ситуации им трудно быть другими»), которые он подробно описал. Русские, по его словам, замкнуты на себе, самолюбивы, буйно придаются удовольствиям, любят обильный, а не хороший стол. Они неумеренно упиваются квасом, пивом, мёдом, водкой и вином при каждом удобном случае. Князья и мужики мало различаются в этом смысле⁴².

Внешне набожные, они лживы, вороваты и развратны. Самым ужасным символом разврата были для Жюбе общественные бани, где моются раздельно, но вход в воду — общий. Сам аббат бани не посещал (Боже, упаси!), но видел, проезжая по берегу реки, как мужчины и женщины вместе плескались в реке, на берегу которой была устроена баня⁴³. Жилища, пища, одежда, похоронные и свадебные обычаи, охота, кулачные бои, игры — ничто, кажется, не укрылось от взора любознательного наблюдателя. Крестьянские дома показались ему убогими, закопченными, без привычной европейской обстановки, дома знати — большими и внешне красивыми, но неудобными внутри; пища — обильной, но малосъедобной (рыба и икра дурно пахнут, пироги несъедобные, мясо непроваренное); плач и причитания на похоронах — глупыми, танцы — нелепыми. Много места в сочинении Жюбе отведено описанию Москвы, издали она показалась французу красивейшим городом мира, но вблизи разочаровала: вид был такой, будто враги только что покинули город⁴⁴.

По мнению Жюбе, особый характер москвитов делает их хорошими солдатами. Русские солдаты, приученные к дисциплине и командам, могут быть лучшими в Европе. Они сильные, закаленные, привычные переносить холод и жару, неприязнательные в еде. Они не боятся смерти, но не из-за храбрости и любви к славе, а из чувства повиновения⁴⁵.

⁴⁰ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 156—158.

⁴¹ *Ibid.* P. 154—155.

⁴² *Ibid.* P. 133.

⁴³ *Ibid.* P. 134—135.

⁴⁴ *Ibid.* P. 186—189.

⁴⁵ *Ibid.* P. 190—192.

Аббат Жюбе был единственным французом, побывавшим в России в первой половине XVIII в. и оставившим описание ее климата, природы, плодородия и естественных ресурсов.

Россия для Жюбе — «другой мир», далекая и своеобразная страна Севера, в то же время многое здесь напоминало ему о близости Востока (китайское, персидское, калмыцкое посольства). Однако не все казалось ему страшным и безнадежным в России. Русские разделены с католиками лишь по своему невежеству, — считал Жюбе. «Из всех народов Европы московиты самые невежественные, но, может быть, самые способные»⁴⁶. Если дать им свободу и просвещение, они будут такими же достойными людьми, способными культивировать науки и искусства. Опыт Петра I по просвещению своего народа Жюбе признавал неудачным, ибо царь торопливо создавал Академию из иностранцев, а надо было учить читать своих подданных⁴⁷.

Вековые стереотипы «русского варварства» (ненастоящее христианство, деспотизм и рабство, невежество), несомненно, оказывали влияние на восприятие французским аббатом русской действительности. Состояние русско-французских отношений, неудача религиозной миссии, печальная судьба Долгоруковых также омрачали для него картину русской жизни. Однако аббат Жюбе оказался одним из первых и редких европейских наблюдателей, кто стремился понять и объяснить темные стороны российской жизни и верил в возможность просвещения народа.

В конце 1735 г. в Париже появилась книга под названием «Московитские письма»⁴⁸. Сочинение это сразу же привлекло внимание русского посла в Лондоне (своего посла во Франции Россия тогда не имела) князя А.Д. Кантемира. Он писал вице-канцлеру А.И. Остерману 14 ноября 1735 г.: «На сих днях явилася здесь книжка, в осьмушку, печатаная на французском языке в Париже через Huart l'Ainé, под титулом *Lettres Moscovites*, о которой нужно мне показалось вашему сиятельству покорно донести, понеже, сколько я ни видел изданных до сих пор сатир и либелльов (памфлетов. — С.М.), сия с крайнейшею безстыдностью и продерзостию порекает двор, министров и весь народ российский...»⁴⁹ Проведенное в Петербурге расследова-

⁴⁶ *Jubé J.* La Religion les moeurs et les usages des Moscovites. P. 79.

⁴⁷ *Ibid.* P. 101.

⁴⁸ (*Locatelli F.*) *Lettres Moscovites*. Paris, 1736.

⁴⁹ *Оболенский М.А.* Сведения об авторе книги «*Lettres Moscovites*» // Библиографические записки. 1859. № 18. Стлб. 545–546; см. также о Локателли: *Оболенский М.А.* Дополнительные разыскания о судьбе книги «*Lettres Moscovites*» // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. СПб., 1862. Кн. 3. С. 1–14; *Александренко В.Н.* Переписка М.А. Корфа с М.А. Оболенским по поводу «Московитских писем» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892, февраль. С. 428–438; *Matthes E.* Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725

ние вскоре установило, что автором книги был некий Ф. Локателли, который с июня 1733 г. до ноября 1734 г. находился в России.

Граф Франциск (Франческо) Локателли Ланца (Francesco Locatelli Lanza, 1687–1770)⁵⁰ родился в итальянском городе Бергамо, но смолоду состоял на французской военной службе, участвовал в войне за Испанское наследство. Долгое проживание во Франции сделало его горячим поклонником политики, обычаев и языка этой страны, которую он называл «лучшей страной мира». «Московитские письма» были написаны по-французски, они вышли в Париже в момент обострения русско-французских отношений в связи с войной за польское наследство 1733–1734 гг. и принадлежат в равной мере и французской и итальянской россике. Слова издателя о том, что письма носили частный характер, были написаны по-итальянски и зашифрованы, а также его указание на то, что письма попали к нему случайно после таинственной смерти «анонимного» автора, не соответствуют действительности.

Локателли сообщал, что он был вынужден покинуть Париж из-за «приневоленной ему женитьбы». Более вероятно, что он покинул любезный ему город, чтобы не платить кредиторам. Желая укрыться от глаз знакомых, повествует автор, он отправился в далекую Россию, чтобы поступить там на службу. Однако исследователи видят в нем типичного европейского авантюриста, который прибыл в Россию не без тайных политических целей. Поскольку он остался без средств и якобы не мог поддерживать себя в положении, соответствующем его знатности, он выдал себя за купца под вымышленной фамилией Рокафорт. В российской столице он не захотел вступать в военную службу, так как назревала война в Польше, где русские сражались с французами, а автор считал, что «лучше навсегда отказаться носить шпагу, чем воевать с французами». Будучи знакомым с известным астрономом Ж.Н. Делилем, Локателли задумал вместе с ним отправиться в Камчатскую экспедицию, организованную Петербургской академией наук. Он доехал вместе с экспедицией до Казани, но оттуда решил направиться в Персию на службу в расположенный там русский корпус под командованием принца Л.-В. Гессен-Гомбургского. В Казани Локателли явился к губернатору П.И. Мусину-Пушкину⁵¹ и попросил помочь ему в дальнейшем путешествии до

und 1762. Frankfurt/M., Bern, Cirencester/U. K., 1981. S. 286–365; *Овсянников Ю.М.* «Московские письма» графа Локателли // Вопросы литературы. 1994. № 4. С. 219–239; *Беспятовых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 34–36, 49–50.

⁵⁰ См.: *Мария Ди Сальво.* Франческо Локателли и его памфлет «Lettres Moscovites»: из Петербурга в Стамбул // Россия и Италия: Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней / Под ред. Е.С. Токаревой, М.Г. Талалая. Вып. 6. М., 2015. С. 223–229.

⁵¹ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 476.

Астрахани. При этом он назвал свое настоящее имя и причины, заставившие его путешествовать под вымышленной фамилией. Губернатор пообещал помочь, но вместо этого отдал приказ задержать и обыскать подозрительного иностранца. Не без оснований принятый за шпиона, Локателли был отдан под стражу и с конвоем отправлен в Петербург. В дороге от Казани до Москвы и далее до Петербурга он содержался в суровых условиях, был, по его словам, обворован конвоирами, которые якобы даже пытались его отравить. Около года (с декабря 1733 г. по октябрь 1734 г.), пока дело Локателли рассматривалось в Сенате, он находился под арестом в весьма стесненных обстоятельствах: ему не позволяли пользоваться услугами врача и парикмахера, не давали переводчика, плохо кормили и т.д. Более всего незадачливого графа раздражала русская волокита: убежденный в своей невинности, он долго не имел возможности доказать ее русским властям. В конце концов сенаторы его оправдали и отвели подозрения в шпионаже. В представлении императрице Анне Ивановне (Иоанновне) говорилось: «Итак признается, ежелиб он Локателли выехал для какого шпионства, то бы он для корреспонденции жил в С.-Петербурге или бы поехал на Украину и в Польшу; а он ехал в низовой корпус для принятия службы в такое отдаленное место, где шпионства или переписок в европейские государства чинить ему не можно, и опасности б от того не было». На этом докладе императрица 15 октября 1734 г. написала следующую резолюцию: «Отпустить из России на кораблях и дать ему на дорогу сто рублей»⁵².

Свою книгу Локателли писал в Голландии. После ее выхода российский посланник в Гааге А.Г. Головкин добился от голландского правительства ордера на арест Локателли, но тот успел убежать. Вскоре он объявился в Испании, а оттуда направился в Стамбул с явной целью навредить России, которая в 1735–1739 гг. состояла в войне с Турцией. Локателли имел переписку с гетманом Правобережной Украины Филиппом Орликом, жившим в Османской империи. После того, как турки потеряли интерес к услугам «специалиста по России», Локателли вернулся на родину и закончил свою жизнь в Бергамо.

Приключения, пережитые автором в России, не могли не наложить отпечаток на содержание «Московитских писем», хотя Локателли пытался убедить читателей, что он пишет с «холодным разумом» и не мстит русским за несправедливость. Однако эмоции давали себя знать. Автора особенно возмутило то, что русские власти хотя и оправдали его, но впредь запретили ему появляться в России. Он писал, что если ему и придется вернуться туда, то только «в хорошей компании» и с оружием в руках.

⁵² *Оболенский М.А.* Сведения об авторе... Стлб. 549–550; ср.: (*Locatelli F.*) Op. cit. P. 250–251.

«Я возвращаюсь из другого мира», — сообщал автор в первом письме. Каким же представлялся ему этот «другой», русский, мир?

Русские — это другой тип людей, они коренным образом отличаются от европейцев. Более того, они хуже татар, которых ныне угнетают. Их происхождение неизвестно, сами они своей древностью не интересуются. По-видимому, они являются потомками скифских рабов, восставших когда-то против хозяев и укrywшихся затем в северных лесах. Татары — потомки скифов, а русские — потомки их подлых рабов. Рабство и невежество — их вечный удел⁵³. Московиты считают себя единственными истинными христианами в мире, даже европейцев они третируют как идолопоклонников. Но при этом в них полностью отсутствуют какие-либо религиозные и нравственные принципы. Суеверие заменяет им веру. Они не замечают глубины невежества, в которое они погружены. Их монахи — это пьяницы, живущие в преступной праздности и предающиеся всем видам пороков. В монастырях они спасаются от голода и от армии⁵⁴. Русские грубы и жестоки, но в то же время ленивы, трусливы и малодушны, они легко уступают перед силой⁵⁵. Они вороваты и продажны, «воровство так распространено среди этого народа, что никто его не стыдится»⁵⁶. Живут они в деревянных избах (они хорошие плотники, умеют строить одним топором, не используя гвоздей), спят на лавках, не пользуются ни простынями, ни одеялами. «Русские много спят — и долгими ночами, и после обеда. Все следуют этому обычаю, и это, вероятно, делает их глупыми»⁵⁷. Московиты очень подозрительны и недоверчивы по отношению к иностранцам: «никто из тех, кто однажды узнает их дела, не должен больше уехать из страны».

Мнение Локателли о русском народе пристрастно и необъективно, оно сродни наиболее мрачным стереотипам, которые неприятели России распространяли в Европе в XVI—XVII вв. Вместе с тем автор подметил некоторые слабые стороны русского характера, утрировав их.

По мнению автора, европейцы теперь имеют о России «более обширные знания, чем в прошлом, и большая реформа, которую там пытались провести, вызвала много разговоров»⁵⁸. Локателли считал, что под влиянием петровских реформ в Европе сложилось слишком хорошее впечатление о России, которое он пытался рассеять. Поэтому большое место в «Письмах» уделено Петру I и его реформам.

В духе своего времени Локателли полагал, что один человек может много сделать, если он наделен гением и монархической властью, как

⁵³ (Locatelli F.) Op. cit. P. 141—145.

⁵⁴ Ibid. P. 62—63.

⁵⁵ Ibid. P. 65.

⁵⁶ Ibid. P. 120.

⁵⁷ Ibid. P. 210.

⁵⁸ Ibid. P. 4.

Петр Великий. У царя было много хороших проектов и учреждений, он старался извлечь своих подданных из варварства. Он действовал самыми жестокими средствами, но громадные усилия и «потоки крови, которые Петр I должен был пролить», чтобы цивилизовать свой народ, не дали ожидаемых результатов⁵⁹. Все старания царя, кажется, завершились лишь тем, что подданные обрезали бороды и сменили одежду.

Действия Петра и его преемников сами по себе не очень удачны, считал автор: они слишком торопились. «Они хотели, так сказать, идти гигантскими шагами, и получилось, что они часто не обращали внимания на самое существенное». Вместо того чтобы создавать Академию наук и Кадетский корпус, надо было создать начальные школы, в которых обучали бы основным принципам религии и морали. Без хорошо образованной молодежи страна не выйдет из варварства⁶⁰. Но главная причина неудачи петровских реформ виделась автору «Московитских писем» в том, что Петр не знал своего народа и не смог изменить его. Царь стремился создать правительство на европейский манер. Однако оно оказалось неподходящим для «деспотического государства». «Сегодня нет ни одного москвитя, который не любил бы свою деревню и свою печку больше, чем самый важный пост»⁶¹. Петр I не смог искоренить воровства среди чиновников и говорил обычно, что, «если бы он хотел повесить всех воров, которые находятся в его государстве, он остался бы без подданных»⁶². Автор не верит в успех такого мероприятия царя, как строительство флота. «Отвращение всех москвитов к морю всегда было и будет в будущем одним из величайших препятствий для улучшения этого великого дела. ...Из-за непростительного небрежения оставлены гнить в Кронштадте все прекрасные корабли, которые были построены по приказу царя, что я видел сам с возмущением... Если верить служащим Адмиралтейства, все находится в ужасном беспорядке»⁶³. Не исполнен план Петра по строительству Петербурга, Академия наук находится в полном беспорядке, построенный при Петре Ладожский канал не оправдывает тех средств, что потратили на его строительство, к тому же при этом погубили огромное количество людей... Петр не понял свой народ, и народ не понял

⁵⁹ (Locatelli F.) Op. cit. P. 50–51.

⁶⁰ Ibid. P. 228–229.

⁶¹ Ibid. P. 113.

⁶² Я. Штелин записал со слов П.И. Ягужинского «анекдот» о том, как Петр приказал ему написать указ, что каждый, укравший на сумму, превышающую стоимость веревки, будет повешен. На что Ягужинский ответил: «Государь, неужели вы хотите остаться императором один без служителей и подданных? Мы все ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». См.: Штелин Я. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом. СПб., 1786. С. 124–125.

⁶³ (Locatelli F.) Op. cit. P. 231.

реформатора. «Они мечтают только о том, чтобы вернуться к своим старым обычаям, ненавидят все нововведения последнего времени»⁶⁴.

Реформы Петра I оценивались в «Московитских письмах» с точки зрения того положения, в котором оказалась Россия при Анне Ивановне (Иоанновне). Мнение Локателли в данном случае не расходится с общепринятым, и автору, проведенному год в заключении, нельзя отказать в некоторой пронизательности. «В России все важные дела находятся в руках иностранцев, которые очень ревниво относятся к своей власти»⁶⁵. Сенат, напротив, свою власть утратил. Сенатские чиновники глупы и высокомерны, все дела откладываются ими на завтра. Коллегии являются марионетками в руках министров-иностранцев. Губернаторы ничего не делают без указки сверху. «Московиты находятся под игом иностранцев. Их можно было бы пожалеть, если бы они того заслуживали», — подытоживал автор. Власть иностранцев держится на всеобщем рабстве, все шпионят друг за другом. Но в народе живет общая ненависть к иностранцам.

Книгу Локателли можно было бы принять за излияние души обиженного человека, за горестные заметки о России — то легкомысленные, то пронизательные. Но в ней имелось и нечто более опасное для русских властей, чем брань в адрес русского народа и «господ чужестранных в российской службе». И дело не только в том, что распространение книги в Европе могло усугубить неблагоприятное впечатление о России, а потому, как писал Кантемир, «трудно будет вызывать отовсюду мастеровых людей в службу». После первого столкновения России и Франции в войне за польское наследство во французской публицистике устами автора «Московитских писем» впервые отчетливо прозвучали две мысли: об агрессивности России, опасной для всей Европы, и о том, что Россия является колоссом на глиняных ногах, что ее могущество эфемерно, и европейские армии легко могут поставить ее на место силой своего оружия. Россия имеет планы распространить свое владычество на соседние территории. Русские уже завоевали прекрасные провинции, которые прокладывают им путь в Германию. Они давно пытаются главенствовать на Балтике. Весь мир является свидетелем тирании, которую они творят в Польше, посеяв несогласие в этом королевстве. Следует опасаться, как бы русские не проникли дальше в Европу, истребляя там все огнем и железом⁶⁶.

Логика автора не безупречна, когда он после заявлений о воинственности России писал о военной слабости русских. Локателли был последователен лишь в своей ненависти к России. «В действительности»

⁶⁴ Ibid. P. 141.

⁶⁵ Ibid. P. 107.

⁶⁶ Ibid. P. 141.

сти эта монархия представляет собой лишь призрак могущества, который может существовать только в представлении тех, кто не имеет о ней никакого представления»⁶⁷. Далее следуют разъяснения автора: Россия обширна, но она слабо населена, в ней населения меньше, чем в Германии; русская армия сравнительно невелика, около ста тысяч человек; русский флот вскоре полностью развалится; а главное — русские очень плохие воины, они трусливы по своей природе. «Если бы все знали, как я, трусость этого народа, то в Европе бы имели о нем совсем другое мнение, чем то, которое сформировалось в последнее время»⁶⁸. Русская армия хорошо одета, но очень плохо оплачивается. Ни солдаты, ни офицеры почти не получают денег. Правда, москвиты довольствуются малым: хлеб, соль, вода — их обычная еда. «Если бы можно было поместить другие души и умы в эти крепкие тела, это были бы отличные воины». Пока все держится лишь на страхе. Под Нарвой «горсточка смелых шведов обратила в бегство армию в 100 тысяч человек», после чего Петр искал способ, чтобы препятствовать бегству войска. Он не нашел ничего лучшего, как сформировать вторую линию сзади каждого батальона и эскадрона, приказав солдатам стрелять в каждого, кто попытается бежать.

Откровенно подстрекательская позиция автора, призывающего европейцев взять реванш за все поражения, мечтающего дожить до того времени, когда русские «будут загнаны в свои леса, в которых они прятались целые века», делала книгу Локателли особенно одиозной в глазах русских правителей. Правительству Анны Ивановны (Иоанновны) не могли понравиться и слова о том, что дочь Петра Великого Елизавета «имеет неоспоримые права на эту корону», но в России с ней обходятся плохо: «она не имеет возможности вести достойное существование и поддерживать своих старых слуг, у нее нет своего двора, она покинута всеми». Такое положение должно, по мнению Локателли, вызвать мщение. Если москвиты окажут поддержку Елизавете и выйдут из иностранного рабства, то министрам-иностранцам «не миновать грозы»⁶⁹.

А. Кантемиру не удалось предотвратить английское издание книги Локателли. В 1738 г. вышел немецкий перевод «Московитских писем» с прибавлением подробных возражений, подготовленных по указанию русского правительства⁷⁰. Автором «опровержения» был А. Кантемир⁷¹, а перевод его на немецкий язык был сделан секретаря-

⁶⁷ (*Locatelli F.*) Op. cit. P. 193.

⁶⁸ Ibid. P. 187.

⁶⁹ См.: (*Locatelli F.*) Op. cit. P. 348–351.

⁷⁰ Die sogenannte Moscovitische Brieffe... Franckfurth und Leipzig, 1738.

⁷¹ См.: *Оболенский М.А.* Дополнительные разыскания... С. 8; *Крестова Л.В.* Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике

рем русского посла Г. Гроссом⁷². Книга Локателли была запрещена в России до конца XIX в.

Локателли, выпуская антирусскую книгу, похоже, участвовал в определенной политической игре и учитывал конъюнктуру — заметное ухудшение в первой половине 1730-х гг. русско-французских отношений.

Когда дипломатические отношения между Россией и Францией были прерваны, в Петербурге для секретных переговоров с марта по сентябрь 1738 г. побывал граф Тома Артур де Лалли, барон де Толлендаль (Thomas Arthur de Lally, baron de Tollendal, 1702—1766)⁷³. Он составил записку для министра иностранных дел кардинала де Флери, в которой развивал мнение, что Российское государство и общество деградируют после смерти Петра I. «Царь Петр I вел 23 года непрерывные войны против Турции, Персии, Швеции, татар и калмыков, которых он подчинил своей власти; создал в то же время огромный флот; строил порты и города, заводил училища для усовершенствования искусств и наук и привлек в свое государство изумительное множество иностранцев, которым платил огромное жалование. При всем том, умирая, он оставил значительные суммы, достаточные для окончания задуманных им предположений. Кажется, что последующие три царствования (Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны. — С.М.) употребили все усилия, чтобы уничтожить даже следы основанных Петром учреждений: морские силы совершенно уничтожены, мануфактуры в упадке, искусства и науки в небрежении, кредит потрясенный, казна истощенная»⁷⁴.

В то время, когда Локателли находился под арестом, в Петербурге неожиданно для самого себя побывал подполковник Блезуасского полка Филипп Шарль д'Агей де Мион (Philippe Charles d'Agay de Myon)⁷⁵. В ходе войны за Польское наследство на помощь избранному королю Станиславу Лещинскому, осажденному русскими войсками в Данциге, прибыла французская эскадра. С нее высадился десант под руководством бригадира Ламотта де Ла Пейруза, который попытался прорваться в осажденный город. Один из руководителей десанта хвастливо заявлял: «Я сожалею, что мы пойдем против них (русских. — С.М.) с оружием в руках, нам было бы достаточно палок, чтобы их разогнать».

первой половины XVIII в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958.

⁷² Современные немецкие исследователи считают Г. Гросса автором примечаний. См.: *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin (Ost), 1973. S. 157; *Matthes E.* Op. cit. S. 324—335.

⁷³ См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* Vol. 2. P. 455.

⁷⁴ Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 гг. СПб., 1762. С. 23—24.

⁷⁵ См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* Vol. 2. P. 5—6.

Однако силы были неравны, и под угрозой уничтожения французский отряд капитулировал. Пленные французы были посажены на русские корабли и отправлены в Кронштадт. Сначала их разместили в специальном лагере в Копорье, затем перевели на квартиры в Нарве. Они пробыли в России с середины июля до начала ноября 1734 г. Русские власти обращались с французами весьма учтиво, стремились привлечь их на свою службу⁷⁶. Бригадир Ламотт и десять офицеров, в том числе Агей де Мион, были приглашены в Петербург ко двору Анны Ивановны (Иоанновны). Императрица принимала их в своих дворцах и угощала обедом, вельможи следовали ее примеру. Французов знакомили с достопримечательностями русской столицы. В конце концов, военно-дипломатический конфликт был урегулирован и французов отпустили на родину. Позже на основе дневниковых записей подполковник д'Агей де Мион составил рассказ под названием «Московитское путешествие», который увидел свет лишь в 1899 г.⁷⁷, а его краткий пересказ тогда же был опубликован по-русски⁷⁸.

Повествование французского офицера не претендует на литературность, выглядит простым и безыскусным. Оно является результатом непосредственного восприятия необычной страны. Рассказ не обременен книжными стереотипами и политическими видами. Автор не испытывал озлобления по отношению к пленившим его русским. Тем не менее менталитет француза, полагающего свою страну центром цивилизованного мира, и некоторые ходячие представления о русских порядках проявились в «Московитском путешествии» наряду с наблюдениями очевидца.

Неожиданно оказавшись в России (по условиям капитуляции их должны были высадить в шведском порту), французские пленники были уверены, что их отправят в Сибирь. Автор был удивлен смелыми речами русского адмирала И.М. Головина, осуждавшего несоблюдение этих условий. Француз был наслышан, что в России «малейшее слово против правительства наказывается Сибирью, куда посылают всех преступников и государственных заключенных, чтобы работать на рудниках, и откуда никто не возвращается»⁷⁹.

В Копорье д'Агей де Мион наблюдал жизнь русских мужиков и солдат. Мужики удивили его своей внешностью: «варварским и диким видом». Церковные обычаи «схизматиков» (крещение, поминки на кладбище) также показались ему нелепыми. Русская еда (хлеб по-

⁷⁶ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. С. 29.

⁷⁷ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie // Revue hebdomadaire.* 1899. № 19. P. 178–205; № 20. P. 317–344; № 21. P. 474–500.

⁷⁸ *Тимирязев В.А. Иностранцы о России // Исторический вестник.* 1899. Т. 78. № 11. С. 723–731.

⁷⁹ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 20. P. 326–327.

лусырой, черный и кислый, пиво и водка) была не по вкусу французам; пищу европейского качества они нашли лишь в Нарве, однако вино казалось им слишком дорогим. Удивлял обычай париться в бане, а затем бросаться зимой в прорубь — автор писал об этом, хотя провел в России лишь лето и осень. Близко наблюдая жизнь крестьян, д'Агей де Мион оказался среди первых французов (наряду с Ж. Жюбе), кто писал о крепостном состоянии сельских жителей: «Крестьянин в этом месте, как и повсюду в России, является рабом: господин покупает семью или несколько семей, чтобы поселить на своей земле; они размножаются, передаются по наследству и образуют колонию в деревне; господин является их сувереном и платит подушную подать царице»⁸⁰. Земля принадлежит помещикам, на ней работают крестьяне, которых господин может наказывать по своему усмотрению.

Русские солдаты, по мнению французского наблюдателя, были хорошо экипированы и вооружены, непритязательны в еде и выносливы. Солдаты показывали хорошую выучку и прекрасно владели оружием. Их наказывали за малейшие ошибки. Однако они легко и спокойно переносили наказание батогами, а наказание кнутом могло завершиться смертью, хотя такое случалось редко⁸¹. В столице для французских офицеров устраивали смотр гвардейских полков и показательные учения кадетов. Проход конногвардейцев произвел самое благоприятное впечатление. Автор признал, что они ни в чем не уступают французской кавалерии⁸². В манеже французам продемонстрировали прекрасных лошадей фаворита Бирона.

Пребывание в Петербурге французских офицеров было заполнено приемами, обедами, смотрами войск, увеселительными прогулками. Д'Агей де Мион описал аудиенции у императрицы, встречи с А.И. Остерманом, Э.И. Бироном, Р.Г. Левенвольде, Б.К. Минихом и др. Французов поразили величие царских апартаментов и роскошь одежды придворных. В окружении Анны Ивановны (Иоанновны) обращали на себя внимание две принцессы, возможные наследницы престола. Анна Леопольдовна — молодая и красивая, но стесняющаяся много говорить по-французски. Ее «поддерживают при дворе все иностранцы, которые управляют царицей»⁸³, — подметил автор. Принцесса Елизавета, оказавшая самый теплый прием французам, напротив, показалась очень общительной. «Ей около тридцати лет. Она довольно высокого роста, но немного полновата, у нее черные волосы»⁸⁴ и такие же

⁸⁰ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 20. P. 343. Автор допускает неточность: на деле подушную подать платили крестьяне под контролем помещиков.

⁸¹ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 20. P. 335–337.

⁸² *Ibid.* № 21. P. 487–488.

⁸³ *Ibid.* P. 491.

⁸⁴ Ошибка автора. Елизавета Петровна имела светло-каштановые волосы.

широко раскрытые глаза. У нее очень белая кожа и лучший цвет лица. Она наделена бесконечной грацией в движениях; ее полнота не мешает ей казаться прекрасно сложенной. Это одна из красивейших женщин на свете»⁸⁵. Эту принцессу, отмечает автор, очень любит русский народ, но императрица ее не жалует, предпочитает ей Анну Леопольдовну, которой и намерена передать корону.

Наконец, в сочинении д'Агей де Миона имеется вразумительное описание Петербурга 1734 г., которое вполне могло бы дополнить известный сборник Ю.Н. Беспятых⁸⁶.

При всей своей непосредственности и простоте повествование Агей де Миона содержит набор типичных для французской роскики замечаний: варварство простого народа, засилье иностранцев при дворе, ссылки в Сибирь и наказание кнутом, русские бани. Выказал он и обычную для французов симпатию к личности Елизаветы Петровны.

С идеей о деградации петровского наследия и о всевластии иностранцев в России, с надеждой на переворот в пользу Елизаветы Петровны связывал свой приезд в Петербург в конце 1739 г. французский посол де Ла Шетарди. Жак Иоахим Тротти, маркиз де Ла Шетарди (Jacques Joachim Trotti, marquis de La Chétardie, 03.10.1705 – 01.01.1759)⁸⁷ родился в Париже в дворянской семье, начал свою дипломатическую карьеру в Пруссии (1731–1738), а в июле 1739 г. был назначен чрезвычайным и полномочным послом при дворе российской императрицы Анны Ивановны (Иоанновны). Это назначение последовало после длительного охлаждения русско-французских дипломатических отношений и их полного прекращения из-за вооруженного конфликта в ходе войны за Польское наследство 1733–1734 гг.⁸⁸ Затем французская дипломатия выступила посредником при заключении Белградского мира России с Турцией (1739). Хотя этот мир оказался крайне невыгодным для России, обе стороны – Россия и Франция – посчитали французское посредничество поводом для возобновления нормальных отношений.

⁸⁵ *Agay de Myon Ph. Ch. d' Voyage de Moscovie...* № 21. P. 489–490.

⁸⁶ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.

⁸⁷ *Фурсенко В.* Шетарди // *Русский биографический словарь.* Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 245–267; *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995. С. 32–49; *Он же.* «Одиссея» маркиза де Ла Шетарди в России (1739–1744) // *Новая и новейшая история.* 2010. № 6. С. 165–191; *Les Français en Russie au siècle des Lumières.* Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Vol. 1–2. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 796–797.

⁸⁸ О русско-французских отношениях середины XVIII века см.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии; *Он же.* Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762. М., 2010.

Шетарди прибыл в Петербург в конце декабря 1739 г. Сблизившись с великой княжной Елизаветой Петровной, он (в союзе со шведским послом бароном Э.М. Нолькеном) стал одним из вдохновителей дворцового переворота 25 ноября 1741 г., который привел ее к власти. Впрочем, роль Шетарди в перевороте была не настолько существенной, чтобы утверждать, что «именно благодаря Франции дочь Петра взошла на престол»⁸⁹. Позже дипломат упрекал свое министерство за то, что оно отказало в просьбе принцессы Елизаветы одолжить ей 15 тыс. дукатов⁹⁰. Едва ли можно согласиться с Ф.Д. Лиштенан и в том, что «французы... хотели видеть в союзницах страну просвещенную, сильную, современную, прогрессивную»⁹¹. Целью Франции и ее дипломатов было «истощить силы» России, поставить ее в полную зависимость от короля, и тем самым избавиться от могущественного врага.

В начале нового царствования Шетарди занимал выдающееся место при дворе, на некоторое время стал, по выражению английского дипломата, «первым министром» Елизаветы Петровны. Однако открытая защита интересов Швеции вскоре отдалила его от императрицы, и он, нагруженный ее подарками, вынужден был покинуть Петербург в сентябре 1742 г. Через год (это был благоприятный момент после раскрытия заговора маркиза Ботты, когда Австрия и ее сторонники в России попали под подозрение императрицы) он вернулся в русскую столицу в надежде возродить свое влияние при дворе. Сторонник союза с Австрией (Священной Римской империей германской нации) и главный противник Шетарди А.П. Бестужев-Рюмин сумел дешифровать донесения французского дипломата, из которых было ясно, что тот печется об интересах врагов России, вмешивается во внутренние дела и позволяет оскорбительные высказывания в адрес императрицы. Вследствие этого Шетарди был выслан из России в 24 часа 17 июня 1744 г. У бывшего друга императрицы отобрали знаки ордена Андрея Первозванного, миниатюрный портрет Елизаветы и подаренную ею табакерку. Была направлена специальная нота французскому правительству, которое для вида подвергло неудачливого дипломата временному аресту.

Красивый, обладавший утонченными манерами и красноречием Шетарди всем своим видом и поведением стремился дать «понять русским... что такое Франция». В своих действиях маркиз проявил себя как человек крайне расточительный, тщеславный и самовлюбленный. Особое внимание он уделял одежде, церемониалу, тонкостям этикета. Не лишенный наблюдательности и остроумия он во многих случаях

⁸⁹ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 236.

⁹⁰ Сб. ИРИО. СПб., 1899. Т. 105. С. 226.

⁹¹ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. С. 28.

судил и поступал легкомысленно. Эти личные качества проявились и в его сочинениях.

Выписки из донесений маркиза де Ла Шетарди впервые были сделаны А.И. Тургеневым (1784–1846), однако Николай I запретил их публикацию, считая, что эти материалы «оскорбительны для России и не имеют исторической важности»⁹². Уже в 1862 г. эти выписки были переведены и опубликованы П.П. Пекарским в сопровождении содержательных комментариев⁹³. Инструкции, данные Шетарди французским правительством, были опубликованы А. Рамбо⁹⁴. Наконец, научная публикация донесений Шетарди была осуществлена Г.Ф. Штендманом⁹⁵.

Смерть императрицы Анны Ивановны (Иоанновны), воцарение Ивана Антоновича и регентство Бирона, ссылка последнего, возвышение и падение Миниха, регентство Анны Леопольдовны, подготовка и осуществление переворота 25 ноября 1741 г., начало правления Елизаветы Петровны – эти события нашли отражение в письмах Шетарди министру иностранных дел Ж.Ж. Амело де Шайу. Подчас французский наблюдатель проявлял прозорливость. Так, незадолго до кончины Анны Ивановны (Иоанновны) Шетарди довольно точно предсказал расстановку сил при дворе после ее смерти и возможные политические последствия (борьба между Остерманом и Минихом и стремление Анны Леопольдовны к личной власти)⁹⁶. Однако в деле возведения на престол Елизаветы Петровны, одним из инициаторов и вдохновителей которого он сам являлся, он проявлял поразительное непонимание реальной ситуации, когда за день до переворота сомневался в его успехе и рассуждал о том, не является ли «партия» принцессы «порождением фантазии», и больше рассчитывал на военную помощь шведов⁹⁷. Шетарди разделял мнение о нестабильности власти и легкости переворотов в России: «Здесь солдатчина и отвага нескольких низших гвардейских офицеров производят и в состоянии произвести величайшие перевороты»⁹⁸. И в то же время он полагал, что «здесь труднее, чем в какой-либо дру-

⁹² См.: *Искюль С.Н.* Александр Иванович Тургенев. 1784–1845 // Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке / Пер. с франц. Д.В. Соловьева. СПб., 2005. С. 33.

⁹³ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге издал с примечаниями и дополнениями П. Пекарский. СПб., 1862.

⁹⁴ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France*. Т. 1–30. Paris, 1890. Т. 8 (1). P. 341–353.

⁹⁵ Сб. ИРИО. СПб., 1893. Т. 86; СПб., 1894. Т. 92; СПб., 1896. Т. 96; СПб., 1897. Т. 100; СПб., 1899. Т. 105 (в двух последних томах донесения публиковались без перевода).

⁹⁶ Там же. Т. 86. С. 559–563.

⁹⁷ Там же. Т. 96. С. 609.

⁹⁸ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 374; Сб. ИРИО. Т. 96. С. 557.

гой стране подбить на неверное предприятие; власть здесь безгранична, и естественно, что даже самый неустрасимый человек, если не трусит за себя, то поколеблется и будет осторожен, когда вспомнит, что от сомнительной приверженности зависит пожертвование своей жизнью, имуществом и всем семейством до четвертого колена»⁹⁹.

Подстрекая шведское правительство к войне с Россией, Шетарди в своих посланиях сообщал о ничтожестве русской армии и флота, отсутствии денег, офицеров и матросов («нельзя выразить, как плохи у них лошади и оружие... русские морские силы без матросов... это государство не так страшно, как бы оно желало то показать... полки в жалком виде»)¹⁰⁰, а после воцарения Елизаветы распространялся о могуществе России, за что получил выговор от своего министра¹⁰¹.

Историки, изучавшие депеши Шетарди, отмечали, что они «мало касались внутренней жизни страны» (Иконников), «являлись повторением общих мест» (Фурсенко). Эти общие места (топосы), суждения о России, которые в значительной степени разделяли и другие представители французской россики середины XVIII в., также заслуживают внимания.

Россия ни в чем не похожа на другие европейские страны – эта мысль, пожалуй, является лейтмотивом писем Шетарди. Само познание России, по его мнению, затруднено: «страх и рабство парализуют всякое содействие» в сборе информации¹⁰². Нет возможности иметь корреспондентов в провинции из-за громадного пространства земель и слабых связей между областями.

В понимании того, что отличает Россию от европейского мира, французский дипломат не оригинален: это деспотизм власти и рабство всего населения без различия сословий. Господа полностью лишают своих крестьян прибыли, поэтому народ не склонен к предпринимательству и терпеливо сносит нищету. Промышленность в стране не развита, торговля в упадке, да и та, что есть, находится в руках англичан и голландцев. Отсюда же проистекает недостаток финансов¹⁰³. Русские дворяне только по имени являются знатными, «в действительности же они рабы, и так свыклись с рабством, что большая часть из них не чувствуют своего положения»¹⁰⁴. «Народ привык к неволе, к низкому бесчестному раболепию перед тем, кто всего более ему делает зла»¹⁰⁵. А это зло исходит от самого правительства: «Этот народ...

⁹⁹ Сб. ИРИО. Т. 96. С. 609.

¹⁰⁰ Там же. С. 172–173.

¹⁰¹ Там же. Т. 100. С. 38.

¹⁰² Там же. Т. 86. С. 302.

¹⁰³ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 79–80.

¹⁰⁴ Там же. С. 74.

¹⁰⁵ Там же. С. 117.

управляется безрассудством, которое, кажется, основало здесь свое владычество, нисколько не печалась о том, что крайности, до которых оно уже доходит, могут повергнуть эту страну в ее первоначальное состояние невежества»¹⁰⁶. Как и другие французские наблюдатели, Шетарди развивал тему иностранного владычества в России, писал об «иностранном правительстве» и «чужеземном иге»: «горсть иностранцев... завладели здесь властью, унижая народ»¹⁰⁷. Однако не одно сочувствие к русскому народу побуждало французских дипломатов постоянно педалировать тему иностранного засилья. Власть «немецкого правительства» ассоциировалась у них с влиянием враждебной Вены, с русско-австрийским союзом. Французская дипломатия исходила из того, что «система Петра Великого состояла в тесном союзе с Францией и Пруссией»¹⁰⁸.

Возвращение к «системе Петра Великого», как во внешней, так и во внутренней политике французские дипломаты давно связывали с приходом к власти Елизаветы Петровны. К достижению этой цели Шетарди приложил немало усилий. Он полагал: «если Елизавета придет к власти, любовь к своему народу побудит ее к удалению иностранцев. Уступая своей и народной склонности, она переедет в Москву. Знать обратится к своим хозяйственным занятиям, от чего была долго оторвана. Морские силы будут пренебреженны, и Россию увидят постепенно обращающуюся к старине... которая существовала до Петра I»¹⁰⁹. Идея о том, что возвращение к национальным принципам в политике приведет к деградации страны, к подчинению ее интересам Франции, оказалась иллюзорной. Сам Шетарди был вынужден констатировать: «Мало знают Россию, если станут заблуждаться насчет значения иностранного вмешательства...»¹¹⁰

На примере писем Шетарди можно увидеть, как идея русской угрозы для Европы странным образом сосуществовала с утверждением о слабости России. В этом смысле он был столь же непоследовательным, как Локателли. С одной стороны, он с тревогой писал: «Степень могущества, которой достигла Россия, в состоянии нарушить и поколебать равновесие на Севере»¹¹¹. Однако это могущество виделось ему воображаемым: «Они в опьянении от своего величия. Хотят предписывать законы всей Европе. При малейшем поражении они перейдут из одной крайности в другую и будут чрезмерно уважать

¹⁰⁶ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 120; Сб. ИРИО. Т. 86. С. 574.

¹⁰⁷ Сб. ИРИО. Т. 96. С. 446.

¹⁰⁸ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 314.

¹⁰⁹ Там же. С. 248. Сб. ИРИО. Т. 96. С. 131.

¹¹⁰ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. С. 494.

¹¹¹ Там же. С. 97.

других». «Ошибочно представляю себе страшилищем Московское государство»¹¹².

Страх Сибири, наказание кнутом, низкая ценность человеческой жизни — эти привычные штрихи также присутствуют в образе российского общества, созданном в депешах Шетарди.

Своеобразным дублером Шетарди на посту дипломатического представителя Франции в России был Луи д'Юссон, граф Дальон (Louis d'Usson, comte d'Allion, 1705–1760)¹¹³. Этот дипломат впервые побывал в России в 1724 г., когда его дядя Жан Луи д'Юссон де Боннак, бывший послом Франции в Турции, отправил своего племянника с поручением ко двору Петра I. С конца 1739 г. он исполнял обязанности секретаря Шетарди, который характеризовал коллегу как человека, знающего Россию, честного, усердного и преданного интересам короля¹¹⁴. После первого отъезда Шетарди из России Дальон был назначен в августе 1742 г. посланником при дворе Елизаветы Петровны. Когда в ноябре 1743 г. Шетарди возвратился на свой прежний пост, дипломаты не поладили между собой, и в драке Дальон шпагой поранил своему начальнику руку, после чего вынужден был покинуть Петербург. После высылки Шетарди Дальон вернулся в Россию в ноябре 1744 г. в ранге полномочного посла. Хотя Дальон был уполномочен королем признать императорский титул Елизаветы Петровны, он не принадлежал к числу ее любимцев и не имел к ней прямого доступа. Болтливый и неосторожный в своих высказываниях, не слишком любезный с дамами, неопрятный, он получил прозвище «французский дурень», «обезьянья рожа». М.П. Бестужев говорил, что «Дальон незаметно готовит себе дорогу в Сибирь». На самом деле Дальон был неглуп и умел анализировать происходящее, но при этом был вспыльчив, бестактен, не обладал талантом царедворца. Помимо дипломатии он занимался коммерцией — торговал в своем особняке пудрой, помадой и табаком без уплаты таможенной пошлины¹¹⁵. Наметившийся было при Шетарди франко-русский союз, основанный на его участии в перевороте 1741 г., изворотливости и интригах, не получил развития при Дальоне. Французское посредничество в русско-шведской войне (1741–1743) было отклонено, а в продолжавшейся войне за Австрийское наследство (1740–1748) Россия поддержала императрицу Марию-Терезию в противовес Франции и Пруссии. Между тем Дальон находился под влиянием прусского посла Мардефельда. Французский посол оставил свой пост в Петербурге в декабре 1747 г. Его ненадолго сменил консул Жан-Батист Декюри де Сен-Совер, не имевший ника-

¹¹² Там же. С. 220, 221.

¹¹³ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 804.

¹¹⁴ Сб. ИРИО. Т. 100. С. 293.

¹¹⁵ *Литтенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. С. 117.

кого веса в политических делах. В июне 1748 г. Версаль на несколько лет порвал отношения с Россией.

Послания Дальона французским министрам иностранных дел Амело де Шайу и д'Аржансону¹¹⁶ содержали сведения о текущих делах в России и поступающих в Петербург внешнеполитических новостях. Ограниченный в средствах, Дальон понимал, что своими интригами он не сможет изменить политическую ситуацию в России, а потому высказывал «свою слабую идею», что Франция не нуждается во внутренних смутах при русском дворе¹¹⁷. Его депеши кажутся прагматичными по сравнению с галантными и витиеватыми эпистолами Шетарди, их отличает заинтересованность в торговых делах и в заключении торгового договора, который мог бы стать шагом к политическому союзу с Россией¹¹⁸.

Впрочем, Дальона интересовали и общие вопросы политического развития России, о чем свидетельствует, например, приложенная к депеше от 19 января 1743 г. рукопись «Размышление отшельника», содержащая критику политического курса Елизаветы. Записка для конспирации была представлена как сочинение русского автора¹¹⁹. Министр, хотя и одобрил замечания Дальона, но не рекомендовал ему впредь давать императрице советы, касающиеся «столь деликатной материи»¹²⁰. Не избегал Дальон и рассуждений о судьбе реформ Петра I. В марте 1743 г. он писал, что после окончания войны со Швецией все русские будут желать лишь отдыха, а императрица — удовольствий. Страна погрузится в покой, нарушаемый лишь внутренними волнениями, и обратится в прежнее ничтожество, из которого ее извлек Петр Великий¹²¹.

Пауза в русско-французских дипломатических отношениях продолжалась до 1756 г. Однако в условиях опасного для обеих стран усиления Пруссии Фридриха II вновь появилось стремление к взаимному сближению России и Франции.

В октябре 1755 г. в Петербурге побывал агент тайной дипломатической службы Людовика XV (так называемого «секрета короля») шотландец шевалье Александр Пьер Макензи Дуглас (Alexandre Pierre Mackensie Douglas, 1713—1765)¹²². Ему удалось встретиться с вице-канцлером М.И. Воронцовым, который заверил его в желательности продолжения русско-французского политического диалога. В преддверии Семилетней войны Франция, готовая заключить антипруссский союз

¹¹⁶ Сб. ИРИО. Т. 100; Т. 105.

¹¹⁷ Там же. Т. 105. С. 15.

¹¹⁸ Там же. С. 403—410, 549—567.

¹¹⁹ Там же. Т. 100. С. 480—484.

¹²⁰ Там же. С. 513, 532.

¹²¹ Там же. С. 520.

¹²² Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 555—556.

с Австрией (Версальский договор 1 мая 1756 г.), получивший название дипломатической революции, считала целесообразным восстановить дипломатические отношения и с Россией, давней союзницей венского двора. Для подготовки обмена посольствами в русскую столицу вновь был направлен шевалье Дуглас. На этот раз он пробыл в Петербурге с апреля 1756 г. по август 1757 г. При его участии, хотя и с большими трудностями, было оформлено присоединение России к Версальскому договору. Во время своего пребывания в России Дуглас должен был собирать информацию о положении русской армии и флота, о состоянии финансов и торговли, о русских государственных деятелях и фаворитах императрицы, о дворе наследника престола. Насколько шотландец справился с этим заданием, сказать трудно, поскольку депеши Дугласа остаются неопубликованными. В определенной степени эту задачу информирования правительства удалось решить его помощнику шевалье д'Эону де Бомону, прибывшему в Петербург в августе 1756 г.

Шарль Женевьев Луи Огюст Андре Тимоте, шевалье д'Эон де Бомон (Charles Geneviève Louis Auguste André Thimothée, chevalier d'Éon de Beaumont, 1728–1810)¹²³ — один из знаменитых авантюристов века Просвещения. Его имя давно попало на страницы исторических исследований и романов. Известный французский писатель Фредерик Гайярде опубликовал вымышленные «Мемуары шевалье д'Эона»¹²⁴, в которых описывал приключения юного кавалера в женском обличье при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны. Миф о шпионе, проникшем под видом девушки в спальню русской императрицы, был развеян еще в классической работе А. Вандаля¹²⁵. Достоверные сведения о жизни и сочинениях шевалье д'Эона можно найти в работах П.П. Черкасова¹²⁶, А.Ф. Строева¹²⁷, Ф.-Д. Лиштенан. Между тем его сочинения, созданные во время пребывания в России, стали известны исследователям совсем недавно. В 2006 году Лиштенан опубликовала «Записку о России в 1759 году шевалье д'Эона»¹²⁸. В 2016 г. автор этих слов получил от французских экспертов по антиквариату Рока

¹²³ Ibid. P. 305–307.

¹²⁴ *Gaillardet F. Mémoires du chevalier d'Éon, publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille, et d'après les matériaux authentiques déposés aux Archives des affaires étrangères. Paris, 1836. T. 1–2.*

¹²⁵ *Vandal A. Louis XV et Élisabeth de Russie. Étude sur les relations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle d'après les Archives du Ministère des affaires étrangères. Paris, 1882. P. 223, 265–269, 300–310.*

¹²⁶ *Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. С. 98–100.*

¹²⁷ См.: *Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. С. 108–115 и др.*

¹²⁸ *En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / présenté et annoté par Francine-Dominique Liechtenhan. Paris, 2006.*

де Колиньи и Гули Маретт транскрипцию рукописи XVIII в. «Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies»¹²⁹ («Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»), которую они атрибутировали как сочинение того же автора. Это произведение французской россики до сих пор не было известно исследователям. Сведения о дворе императрицы Елизаветы Петровны были собраны шевалье д'Эоном во время его пребывания в Петербурге с августа 1756 г. по июнь 1757 г. Текст составлен в Париже, где летом 1757 г. находился шевалье между двумя поездками в Россию. Сочинение относится к популярному в XVIII в. жанру анекдотов — «неопубликованных», устных рассказов о скрытых, неизвестных сторонах жизни известных людей. Рассказы посвящены следующим сюжетам: распорядок дня императрицы, ее стол, фавориты, круг общения императрицы (вельможи, статс-дамы, фрейлины, артисты, дипломаты), одежда императрицы и придворных, приемы во дворце, дипломатические приемы, опалы и наказания, ссылка в Сибирь, личные качества императрицы, театр в Петербурге, придворные свадьбы, гвардия. В центре повествования находится личность императрицы Елизаветы Петровны.

В отличие от «Анекдотов» «Записка о России в 1759 году» претендует на обобщение сведений о России. Сам автор указывал, что в первом случае он выступал как литератор, а во втором — как государственный деятель¹³⁰. «Записка» была составлена во время повторного пребывания д'Эона в России в качестве первого секретаря французского посольства с сентября 1757 г. по август 1760 г.¹³¹ Д'Эон включил в нее информацию, которая могла бы быть полезной для руководителей внешнеполитического ведомства и для короля.

Как свидетельствуют комментарии Лиштенан, сведения о географии и истории России автор почерпнул из известных сочинений Д. Перри и Ф.И. Страленберга, которые давно были переведены на французский язык. Другие разделы «Записки», посвященные природным ресурсам страны, Петербургу, Академии наук, правительственным учреждениям, финансам, армии и флоту, торговле и мануфактурам, имеют более оригинальный характер. Автор подчеркивал трудность сбора такого рода информации в России из-за невежества и подозрительности русских, которые к тому же склонны к преувеличенному мнению о собственной стране¹³². Д'Эон, как и многие его

¹²⁹ Рукопись. Личный архив автора.

¹³⁰ En Russie au temps d'Élisabeth. P. 16.

¹³¹ А.Ф. Строев справедливо полагает, что «Записка» была написана до марта 1758 г., скорее всего, в июле — сентябре 1757 г.: *Строев А.Ф.* Русские царицы глазами кавалер-девицы // Россия в XVIII столетии / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. Вып. 4. М., 2013. С. 110—111.

¹³² En Russie au temps d'Élisabeth. P. 84.

предшественники, указывал на необходимость установления прямой торговли между Россией и Францией, которые имеют обоюдную заинтересованность в производимых в их странах товарах, но вынуждены терпеть большие убытки из-за посредников¹³³. Особое внимание он уделил описанию двора, вельмож, их связей и интересов (в этом плане «Записка» является своеобразным продолжением «Анекдотов»). Амбициозный автор стремился показать, что благодаря своим дипломатическим талантам он вхож в высшее общество Петербурга.

К двум названным сочинениям шеваляе д'Эона примыкают его записки «Персоны первых рангов этого двора» (1759) с характеристикой главных лиц из окружения Елизаветы Петровны и «Размышление о легкости переворота в России по смерти императрицы с планом, которому должно следовать для достижения успеха, и о возможности его дальнейшего исполнения» (март 1762). Этот сочиненный задним числом план указывал на возможность составить заговор русских вельмож в пользу великого князя Павла Петровича с целью введения в России «свободного» правления по образцу Польши и Швеции, которое привело бы страну к анархии и ослаблению¹³⁴. Д'Эон мечтал занять место французского посла в России и вдохновлялся примером де Ла Шетарди, также полагававшего в свое время, что дворцовый переворот приведет страну к ослаблению и восстановлению допетровских порядков¹³⁵. Это была одна из «вечных» идей французской дипломатии при Людовике XV.

Дипломатическая корреспонденция французского посла Поля Франсуа Галлюси, маркиза де Лопиталья (Paul François Galluci, marquis de L'Hôpital, 1697–1776)¹³⁶, занимавшего этот пост с июня 1757 г. по январь 1760 г., частично опубликована А. Рамбо¹³⁷. В его депешах информация о текущих придворных событиях, личные характеристики императрицы и ее окружения перемежаются с сообщениями о действиях русской армии против Фридриха II. Старый вояка маркиз не был склонен к активным интригам при русском дворе. «Я, конечно, знаю сильные и слабые стороны этого двора, но я не могу изменить ни форму правления, ни характер людей, которые влияют на большую политику»¹³⁸, — писал он. Его донесения дополняются относящимися к тому же времени записками дипломатов д'Эона и Мессельера.

¹³³ Ibid. P. 124.

¹³⁴ Ibid. P. 141–170, 141–170.

¹³⁵ Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 96. С. 131, 170.

¹³⁶ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 353–355.

¹³⁷ Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France. Paris, 1890.

Т. 8 (2). P. 31–102.

¹³⁸ Ibid. P. 97.

Луи Александр Фротье де Ла Мессельер (Louis Alexandre Frotier de La Messelière, 1710–1777)¹³⁹ к моменту приезда в Россию сделал военную карьеру и занимал высокий пост во французском посольстве в 1757–1759 гг. Он был лично известен императрице Елизавете Петровне, пользовался ее благосклонностью и был награжден орденом Св. Анны. Мессельер, как ранее Дуглас, утверждал, что в России на его жизнь покушались сторонники англо-прусской «партии». В 1772 г. он начал писать воспоминания¹⁴⁰, которые частично переведены на русский язык¹⁴¹. Мемуары Мессельера по манере и тону изложения отличаются от записок его предшественников. В них нет документальной точности дипломатических донесений, они откровенно субъективны и на редкость благожелательны к России и к русским. Мессельер не свободен от стереотипных представлений о России как об экзотической полуазиатской стране, но эти стереотипы не выливались в данном случае в образ варварской и враждебной державы. Автор выражал уверенность в том, что русские преодолеют варварские традиции и деспотизм и станут «одним из первых народов мира». Наблюдая учения русской армии, он восхищался ее боеспособностью и храбростью русских солдат, которых «можно повести штурмовать самый ад». Русские дороги (!), Петербург и его архитектура произвели на него самое благоприятное впечатление. Мессельер давал высокую оценку государственным способностям Елизаветы Петровны. Арест канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, извечного врага французских дипломатов, породил в авторе надежды на улучшение русско-французских отношений. Заметное место в мемуарах занимает весьма поверхностное описание участия России в Семилетней войне.

В 1760 г. произошла смена лиц во французском посольстве в Петербурге. Маркиза Лопиталья заменил Луи Шарль Огюст Ле Тоннелье, барон де Бретей, а на должность секретаря посольства вместо д'Эона был назначен другой агент «секрета короля» – Жан Луи Фавье (Jean Louis Favier, ок. 1710–1784)¹⁴². Последний прибыл в Петербург в феврале 1761 г. вместе с известным ученым путешественником аббатом Шаппом д'Отрошем. Фавье покинул Россию уже в апреле того же года, а в октябре он подал министру иностранных дел герцогу Шуазелю-Пралену записку «*Observations sur la cour de Russie, le ministère et le système actuel*» («Заметки о русском дворе, правительстве и нынешней системе»). Копия, снятая с записки в том же 1761 г., хранится в Отделе рукописей

¹³⁹ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 345–346.

¹⁴⁰ Voyage à Pétersbourg, ou Nouveaux memoires sur la Russie, par M. de La Messelière... Paris, 1803.

¹⁴¹ Записки Мессельера / Пер., предисл., примеч. и послесловие М.Н. Лонгина // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 4. Стб. 952–1031.

¹⁴² Les Français en Russie au siècle des Lumières. Vol. 2. P. 319–322.

Российской национальной библиотеки¹⁴³. Отдельные части этого сочинения публиковались в русском переводе¹⁴⁴.

Записки Фавье привлекательны уже тем, что их автор был известным писателем, эрудитом, полиглотом, знатоком европейской политической системы. Россия могла привлечь его внимание еще в бытность его секретарем маркиза Шетарди, когда последнего после высылки из Петербурга назначили послом в Турине (1749–1752). Еще более важными представляются его контакты с семейством Воронцовых. Будучи агентом «секрета короля» Фавье незадолго до своего приезда в Россию подвизался в качестве воспитателя молодого А.Р. Воронцова во время его путешествия по Испании и Италии. Обширные знания, наблюдательность, литературный талант придают несомненную ценность «Заметкам» французского дипломата, несмотря на краткость его пребывания в России.

В центре внимания автора – императрица Елизавета Петровна и ее окружение, великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна и их двор. Автор анализирует цели, которые Россия преследует в Семилетней войне, характеризует ее политику в отношении основных европейских государств, дает описание русской торговли. Личные характеристики отличаются проницательностью и тонкой нюансировкой образов. Автор, например, показывает, как под влиянием болезни менялись характер и поведение Елизаветы Петровны, ее «нравственное состояние».

* * *

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что сочинения французских авторов, побывавших в России в период дворцовых переворотов, различаются по целям написания и по жанрам: эпистолярный жанр представлен деловой дипломатической перепиской; присутствуют «аналитические» записки, дающие характеристику страны и двора, мемуары (воспоминания) и путешествия (травелоги). В этих сочинениях сполна отразились личные особенности их авторов – основательность «русского француза» Маньяна, проницательность и прозелитизм Жюбе, авантюризм и враждебность Локателли, высокомерие и легкомыслие де Ла Шетарди, грубоватый прагматизм Дальона, авантюризм и бахвальство д'Эона, созерцательность Лопиталья, благожелательность Мессельера, аналитический ум и тонкая наблюдательность Фавье. Тем не менее рассмотрение сочинений французской россики середины XVIII в. позволяет выделить общие «родовые» черты,

¹⁴³ ОР РНБ. Фг. F IV 186.

¹⁴⁴ Русский двор в 1761 году // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 178–206; Записки Фавье // Исторический вестник. 1887. Т. 29. С. 384–405.

характеризующие представления французских авторов о России. Эти представления уходят своими корнями в эпоху Петра I, когда образ России подвергался определенной трансформации при сохранении некоторых стереотипов о «варварской» стране Севера. Подобно их коллегам петровского времени, французские авторы середины XVIII в. еще нередко демонстрировали поверхностность наблюдений, отсутствие подлинного интереса к внутреннему состоянию русского общества, преобладание сюжетов персонального и придворного характера, любовь к интригам, склонность к беллетристике¹⁴⁵. Французским авторам середины XVIII в. Россия представлялась огромной неизведанной страной, которая за исключением столиц и некоторых западных городов оставалась *terra incognita* для иностранцев. Они подчеркивали глубокое отличие России от других европейских стран, нередко выделяли «дикие», азиатские черты в быте и нравах народа и двора. Редко касаясь темы простого народа, они отмечали его невежество и заботность. Общим местом были рассуждения о деспотизме русской власти и рабстве всех подданных без различия сословий и званий. Деспотизм изображался следствием недостаточной цивилизованности общества, которым можно управлять только с помощью страха, кнута и угрозы ссылки в Сибирь. Свидетельством внутренней слабости страны была, по мнению авторов, легкость дворцовых переворотов, «революций», совершавшихся с помощью гвардии («янычар»).

Почти все сочинения были проникнуты сознанием огромной роли Петра I как создателя «новой» России, хотя степень ее обновления авторы не склонны преувеличивать. Парадоксальным образом отмеченная ими «любовь» народа к наследию Петра I сочеталась в писаниях французов с «ненавистью» русских к Петербургу и иностранцам, которые с легкой руки реформатора наводнили страну. Нередко отмечалось стремление всех русских вернуться к «допетровскому» состоянию (или по меньшей мере перебраться из Петербурга в Москву). Созданная царем сильная армия, состоящая из неприхотливых и смелых солдат, представляла, по мнению французских наблюдателей, серьезную угрозу для соседних государств. Однако стремление России вмешиваться в решение европейских дел они полагали необоснованным.

Авторам рассмотренных сочинений нельзя отказать в верности наблюдений, которые, однако, утрировались и искажались под влиянием как вековых стереотипов «русского варварства», так и нового «мифа Петра Великого». Сложившийся в сочинениях французских авторов середины XVIII в. по большей части негативный образ страны был обусловлен также внешнеполитической доктриной версальского

¹⁴⁵ Мезин С.А. Французская Россия конца XVII – первой четверти XVIII в. С. 340–341.

двора, которая (подчас вопреки политическим реалиям) отводила России место политического захолустья Европы и потенциального врага Франции.

Впрочем, о цельном образе России, предполагающим глубокое и всестороннее описание и понимание явления, применительно к французской россике середины XVIII в. едва ли можно говорить. Детальное описание отдельных сторон русской жизни сочеталось в рассмотренных сочинениях с целым сонмом стереотипов. Желание понять и объяснить особенности состояния страны и народа лишь едва наметилось в сочинениях французских наблюдателей.

ВКЛАД ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕНОГО, БАРОНА ДЕ БАЯ, В ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯ 1812 ГОДА

Е.М. Букреева

4 сентября 2012 г. в Государственном историческом музее состоялось торжественное открытие Музея Отечественной войны 1812 г. Этот проект был реализован по Государственной программе о праздновании 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.¹ Экспозиция музея, расположенного на 1500 квадратных метрах, включает более 2 тыс. памятников по истории Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г., бóльшая часть которых происходит из фондов так и не открывшегося в начале XX в. Музея 1812 года²

В экспозиции нового музея можно увидеть уникальные экспонаты, хранящиеся в единственном экземпляре. Такие, например, как жезл маршала Даву, парадная сабля и личные награды французского императора Наполеона I, большое количество гравюр, бюсты французских маршалов, предметы из стекла и фарфора, книги, документы, в том числе автографы французских генералов, предметы обмундирования.

Значительный вклад в формирование этой коллекции внес французский ученый барон де Бай³. Являясь членом Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года⁴, он не только приносил в дар

¹ План был утвержден Председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным 2 ноября 2009 г.

² *Букреева Е.М.* «В память Отечественной войны 1812 года» (к истории первой выставки Музея 1812 года) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: Сборник материалов // Труды ГИМ. М., 2010. Вып. 183. С. 250–264; *Она же.* Музей 1812 года // Война 1812 года и освободительной поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. С. 531–533.

³ О нем см.: *Букреева Е.М.* «Русские струны французской души барона де Бая» // Золотая палитра. Информационно-аналитический журнал. М., 2010. С. 52–59; *Она же.* Бай де, барон // Война 1812 года и освободительной поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 1. С. 103–104; *Журавская И.Л., Рыбаченок И.С.* Русско-французский союз конца XIX века в документальных материалах ГИМ // Труды ГИМ. Вып. 67. М., 1988; *Кошелев П.А.* История комплектования фондов Музея 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 110. М., 1999; *Петров Ф.А.* Материалы ОПИ ГИМ по истории Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 92. М., 1997; *Полунина Н.М.* «Оказавшие особые заслуги музею» // Труды ГИМ. Вып. 106. М., 1998; *Палтусова И.Н.* Московский коллекционер оружия А.А. Катуар де Бионкур // Труды ГИМ. Вып. 121. М., 2000; *Белозерова И.В.* Князь Н.С. Щербатов (1853–1929). Материалы к биографии // Труды ГИМ. Вып. 136. М., 2003.

⁴ *Букреева Е.М.* Корреспондент Особого комитета Музея 1812 года барон де Бай (1853–1931). Материалы к биографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VIII: Сборник материалов // Труды ГИМ. М., 2009. С. 241–257.

многочисленные предметы, но и привлекал к этому своих соотечественников.

Амур-Огюст-Луи-Жозеф-Бертело де Бай (Amour Auguste Louis Joseph Berthelot de Baye) родился в Париже 31 января 1853 г. в старинной аристократической семье⁵. Его предки, известные с XI в., были участниками первых Крестовых походов⁶. С XIII в. бароны жили в родовом замке Château de Baye в 113 километрах от Парижа, недалеко от города Эперне.

В возрасте двадцати лет барон де Бай сделал научное открытие, обнаружив более ста гротов неолитической эпохи в долине Малого Морена (dans la Valle du Petit Morin), зарисовал их и включил рисунки в свою монографию, вышедшую в 1880 г. в Париже⁷. Его приглашают выступать с лекциями научные общества Франции, Бельгии, Англии, Венгрии. В 1889 г. он становится членом Национального общества антиквариев Франции, потом его секретарем, а в 1906 г. — президентом.

Впервые в Россию барон де Бай приехал в 1890 г. на VIII археологический съезд, где познакомился с русскими археологами: И.Е. Забелиным, графиней П.С. Уваровой, князем П.А. Путятиным, В.Н. Поливановым. С этого момента судьба барона де Бая будет неразрывно связана с Россией. Он полюбит ее как второе отечество и будет называть себя «полуфранцузом — полурусским». Тридцать лет жизни барон посвятит изучению археологии⁸, этнографии и истории Российской империи. География его путешествий по России поистине впечатляет. Это Сибирь, Урал, Поволжье⁹, Кавказ, Крым, Прибалтика, Украина, центральные районы России.

⁵ Семья барона де Бая состояла из отца Огюста Амеде Александра Бертело де Бай (Auguste Amédée Alexandre Berthelot de Baye, Paris, 4 avril 1825 – Baye, 18 novembre 1892), матери Джорджины Уилкинсон (Georgina Wilkinson, Grande-Bretagne 1825 – Paris 15 février 1903), брата Жана (Jean, 21 décembre 1857–1927); жены с 1877 г. Мари-Анн-Беатрис Оппенгейм (Marie Anne Béatrix Oppenheim, Constantinople, 19 avril 1859 – Paris, 9 novembre 1928); дочерей Иоланды (Renée Guillemette Georgina Marie Antoinette Yolande, Paris, 10 janvier 1887 – Saint-Germain-en-Laye, 6 août 1970) и Мари-Луиз, в замужестве графини де ля Прад (Marie-Louise Augustine Georgina, Comtesse de la Prade, Paris, 14 juillet 1879 – Montmirail, 6 mars 1977).

⁶ Первое упоминание о баронах относится к 1019 г., когда в Шампани поселилась семья сеньора де Бая, так называемого Бардуля II. Об этом см.: *Baye Joseph, de. Baronnie de Baye. Documents historiques réunis. Châlons-sur-Marne, 1883. P. 7.*

⁷ *Baye, Joseph de. L'Archéologie Préhistorique. Paris, 1880.*

⁸ *Букреева Е.М.* Вклад французского ученого барона де Бая в изучение археологической науки Российской империи // Уваровские таврические чтения «Древности Юга России» / Тезисы докладов и сообщений Второй международной научной конференции. Севастополь, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 19–22 сентября 2017 г. С. 5–8.

⁹ Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 190; *Чистяков Н.С.* Бай // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998.

Французский ученый изучал историю русских дворянских усадеб и русское искусство. Именно ему принадлежит первое монографическое исследование творчества В.М. Васнецова, позже он напишет книги о русских иконах¹⁰ и живописце XVIII столетия Михаиле Шибанове. Но ярче всего его научная деятельность проявилась в этнографии¹¹. Везде, где барон бывал, он приобретал предметы старины для личной коллекции сувениров из России. Из археологических памятников, историко-бытовых предметов, икон сформировалась коллекция русского искусства, хранившаяся в парижском отеле барона на улице Grande Armée, 58 и родовом замке в провинции Шампань. Своей коллекцией де Бай очень гордился и с удовольствием экспонировал ее в музеях и галереях Парижа.

В 1890 г. барон де Бай стал членом Императорского Московского археологического общества¹². Он принимал деятельное участие в раскопках и принес в дар Историческому музею и Московскому археологическому обществу свои коллекции предметов каменного века, найденные в провинции Шампань¹³. Дары были оценены российским правительством, и барон де Бай получил свой первый русский орден – Св. Анны 3-й ст.¹⁴

В ГИМ хранятся более 2 тыс. предметов на тему франко-русского союза, подаренных бароном в середине 1890-х гг.¹⁵ За этот дар дирек-

С. 55; *Нестеров А.Г., Сачкова И.И.* Франко-русская коллекция Свердловского областного краеведческого музея // Россия. Романовы. Урал. Вып. 3. Материалы III научных чтений, посвященных памяти Великого Князя Николая Михайловича. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 1997. С. 113–115; *Панина Светлана.* Уральские экскурсии барона Жозефа де Бая // «Французский след» на Урале. Материалы круглого стола, состоявшегося 23 июня 2010 года. Екатеринбург, 2010. С. 124–127; *Терехин В.* Две поездки с научной целью, совершенные в нынешнем 1897 г., в уездах Пензенском и Городищенском // Пензенские губернские ведомости. 1897. № 159.

¹⁰ *Baye, de.* Les Icones russes // Extrait de la Revue des études historiques. Janvier-Mars 1925. Paris: A. Picard, [s.d.]. 14 p.

¹¹ *Белоусов С.В., Борисов А.В., Букреева Е.М., Юрченков В.А.* Научная миссия французского ученого барона де Бая в Пензенскую губернию в 1897 году // Центр и периферия. Саранск, 2016. № 1. С. 58–65.

¹² Барон де Бай избран членом ИМАО 6 марта 1890 г. См.: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 23, 24.

¹³ Труды ИМАО. Древности. М., 1894. Т. 15. С. 105; ГИМ. Отдел учета. ГИК № 97172 (коллекция из франкских могильников в бассейне реки Марны, состоящая из 16 железных и др. предметов).

¹⁴ См.: Протокол № 372 заседания ИМАО от 2 ноября 1890 г. // Труды ИМАО. Древности. М., 1894. Т. 15. С. 94.

¹⁵ Коллекция франко-русских предметов барона де Бая поступала в музей на протяжении четырех лет: с марта 1894 г. по апрель 1897 г. См.: ГИМ. Отдел учета. ГИК №№ 29324, 30235, 32202, 32208, 32476, 32832, 33414, 34738, 34737.

ция Исторического музея 25 августа 1894 г. избрала его своим «членом-соревнователем»¹⁶.

В январе 1908 г. в Москве был создан Особый комитет по устройству Музея 1812 года¹⁷, куда почти сразу вошел корреспондент от Франции барон де Бай¹⁸. Статус официального представительства в комитете Музея 1812 года предоставлял барону широкие полномочия: возможность привлекать своих соотечественников к сбору материалов для музея и передавать их через Российское посольство во Франции, свободный доступ в национальные архивы с целью поиска документов и возможного их копирования, посещение заседаний комитета.

Казалось бы, археолог, специалист по каменному и бронзовому векам должен был быть далек от времени Наполеоновских войн. Но как любитель российской истории он не мог остаться в стороне и с интересом погрузился в эпоху 1812 г. Написал несколько небольших книг, посвященных этой тематике: «Borodino», «Voronovo. Le Château de Rostoptchine»¹⁹, «Smolensk. Les origines l'épopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits»²⁰, «Episodes de l'histoire du Couvent de St Sawa. Le Prince Eugène à St Sawa, 1812».

Став официальным представителем комитета Музея 1812 года от Франции, барон приступил к сбору материалов для будущего музея. На собственные средства барон приобретал все, что имело отношение к эпохе Наполеоновских войн. Состав его коллекции самый разнообразный: французские гравюры с портретами маршалов и генералов Великой армии, предметы живописи с батальными сценами, литографии с изображением членов королевской семьи, золотые монеты и бронзовые

¹⁶ Отчет Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 25 лет (1883–1908). М., 1916. С. 160.

¹⁷ *Митрошенкова Л.В., Львов Л.В.* Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года // Бородино в истории и культуре. Материалы Международной научной конференции, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 346–376.

¹⁸ Барон де Бай. Письмо графу С.Д. Шереметеву от 17 февраля 1909 г. См.: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 41. Ч. 3. Л. 250.

¹⁹ *Барон де Бай.* Вороново. Имение Ростопчина / Вступ. ст. *Е.М. Букреевой*; авт. прилож. — *И.В. Бармина, Е.М. Букреева, О.С. Данилова, Жан-Жак Шарпи.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.

²⁰ Об этом см.: *Букреева Е.М.* Беспристрастный взгляд на Смоленское сражение (к 100-летию выхода книги барона де Бая) // Край Смоленский. Гуманитарный, научно-популярный, литературно-художественный журнал. Смоленск, 2010. № 11. С. 30–45; *Она же.* Уникальный экземпляр книги французского ученого барона де Бая в собрании Национальной библиотеки Беларуси / *Е.М. Букреева* // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / складальнікі Г.У. Кірзева, А.А. Суша. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. Вып. 15. С. 112–118; *Букреева Е.М., Данилова О.С., Жан-Жак Шарпи.* Барон де Бай в гостях у княгини Тенишевой (из записных книжек французского ученого) // Край Смоленский. Смоленск, 2014. № 2. С. 25–33.

медали, фарфоровые бюсты, стекло, курительные трубки, табакерки с барельефом Наполеона, чернильницы, книги о Наполеоне, миниатюры и рисунки. Коллекция барона де Бая по эпохе Наполеоновских войн насчитывала, в общей сложности, более 2 тыс. предметов и поступала в Музей 1812 года постепенно, по мере приобретения.

К юбилейному 1912 г. общий объем фондов Музея 1812 года достигал уже нескольких тысяч предметов. Члены комитета не успевали регистрировать все поступления. Барон де Бай, приезжая в Россию, сам распаковывал посылки с французскими коллекциями и описывал их. Ближайшими помощниками и единомышленниками де Бая во Франции были в первую очередь родственники: младшая дочь Иоланда, в годы Первой мировой войны – сестра милосердия в военном госпитале Витриле Франсуа²¹; кузен барона Фернан-Жак, маркиз де Жирарден (род. 1857), подаривший музею большое количество иллюстративного материала; Андре Брюн, известный правовед, сотрудник военного журнала «Carnet de la Sabretache» и капитан Эмманюэль Сезар Мартен (род. 1852), командир эскадрона жандармов (1901). Все они в отсутствие барона собирали материалы для музея и отправляли в Москву через Российское посольство в Париже. Как правило, дары французских граждан подписывались: сохранились наклейки на живописных произведениях, благодаря которым можно уточнить источник поступления в ГИМ.

Так, благодаря дарственным надписям на оборотах холста были выявлены два живописных полотна, подаренных бароном Музею 1812 года: «Эпизод сражения при Прейсиш-Эйлау» Пьера Пти-Жерара (Pierre Petit Gérard, 1852–1933) и «Стреляющий француз» Мишеля Труайена (Michel Troyen, 1875–1915).

Дарственные надписи сохранились на некоторых миниатюрах, предметах из стекла и керамики, на гравюрах и титульных листах книг. Так, в фондах Государственной публичной исторической библиотеки было обнаружено более 50 книг из бывшей библиотеки Музея 1812 года, переданных туда в 1938 г.²² Благодаря наличию автографов французских дарителей в отделе редких книг ГПИБ было выявлено 18 изданий. Семь из них оказались бюллетенями императора Наполеона I, изданными в 1812 г. Три книги были подарены Альфредом Маркизе, графом

²¹ Букреева Е.М. «Русские струны французской души» барона де Бая // Золотая палата. Информационно-аналитический журнал. М., 2010. № 2. С. 58–59.

²² Об этом см.: Букреева Е.М. Библиотека Музея 1812 года: опыт реконструкции в Государственном историческом музее // Материалы XV Международных книговедческих чтений «Библиотеки в формировании инновационной среды для развития науки, образования и бизнеса» (Минск, 27–29 октября 2010 г.) / НББ. Минск, 2010. С. 98–103; Она же. Библиотека Музея 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. X: Сборник материалов // Труды ГИМ. Вып. 184. М., 2012. С. 219–239.

Сегюром и Анри Бонналем. Неожиданной находкой явилось наличие одного иллюстрированного издания с круглой печатью Музея 1812 года в отделе изобразительных материалов ГИМ. Это книга «Napoléon» Армана Дайо, подаренная Музеем 1812 года парижским редактором Эрнстом Фламарьоном и переданная через барона де Бая.

Барон де Бай принимал активное участие в организации юбилейной выставки, устроенной Особым комитетом Музея 1812 года в Историческом музее. Выставка, размещившаяся в девяти залах, состояла из двух отделов: русского и французского. Барон де Бай и его помощник, член военного общества «La Sabretache» Альбер Депрео (род. 1875), заведовали французскими залами. Стоит отметить, что экспозиция залов Наполеона и французской армии целиком состояла из предметов, подаренных Музеем 1812 года французскими гражданами. Не только частные лица откликнулись на просьбу де Бая оказать содействие молодому музею, но и различные учреждения Франции. Так, архив Военного министерства подарил карты, Генеральный штаб — документы, Лувр — гравюры с оригиналов Антуана Гро, Франсуа Жерара и других придворных живописцев французского императора. Президент Франции Раймон Пуанкаре подарил молодому музею гипсовые бюсты французских маршалов и генералов, копии со скульптуры, хранившейся в Лувре.

Успех выставки был огромным. Ее посетило более 42 тыс. человек, в том числе члены императорской фамилии, был издан иллюстрированный каталог²³, который и сегодня является бесценным источником по истории многих коллекций, разрозненных после революции. Сохранилась памятная фотография членов бюро выставки в Историческом музее, где среди прочих запечатлены два французских дарителя — барон де Бай и Альбер Депрео.

Вклад французских граждан был по достоинству оценен царским правительством. За принесенные в дар Музею 1812 года предметы барону де Баю был пожалован орден Св. Станислава 1-й степени, Альберу Депрео — орден Св. Станислава 3-й степени²⁴. Трем французским гражданам — Андре Брюну, Эмманюэлю Мартену и маркизу де Жирардену — была выражена официальная благодарность через Российское посольство. В личном фонде московского генерал-губернатора В.Ф. Джунковского и в документах Особого комитета были обнаружены послужные списки французских дарителей, высланные бароном де Баем для представления к награждению.

После закрытия юбилейной выставки здание для Музея 1812 года так и не было построено. Потешный дворец Кремля, в котором Музеем

²³ Выставка 1812 года. Иллюстрированное издание под редакцией В. Божовского. М., 1913.

²⁴ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Ед. 116. Л. 173; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. 11. Л. 181; Ед. 25. Л. 70.

было отведено несколько комнат, не мог вместить все коллекции, которые продолжали поступать еще в течение семи лет. Общий объем предметов, включая архив и библиотеку, достиг к 1916 г. двадцати четырех тысяч. Запечатанные ящики с коллекциями Музея 1812 года временно помещали в кладовых других музеев и учреждений: Музея изящных искусств, Оружейной палаты²⁵. Картины Верещагина, к примеру, были развешаны в доме московского генерал-губернатора.

Несмотря на отсутствие собственного здания, Музей 1812 года активно функционировал. Он был инициатором проведения двух выставок и участником одной зарубежной выставки, регулярно проводил экскурсии по двум залам своей временной экспозиции в Потешном дворце Кремля; издавал печатную продукцию; вел обширную переписку с потомками участников Отечественной войны 1812 г.; принимал активное участие в юбилейных Бородинских торжествах 1912 г.

Барон де Бай был свидетелем важных событий в истории Российского государства – коронации Николая II, открытия исторических памятников в Москве, с супругой и дочерью участвовал во всех юбилейных торжествах в 1912 г., посвященных 200-летию Отечественной войны 1812 г.²⁶

Приехав в Россию в июле 1914 г., перед самым началом Первой мировой войны, он оказался здесь в вынужденной эмиграции на шесть долгих лет. Благодаря документам личного архива барона – письмам, дневникам, фотографиям, оставшимся в России, мы имеем возможность восполнить лакуны в биографии барона для французских исследователей и хранителей его коллекций в парижских музеях.

С 1914 по 1920 г. барон продолжал свою деятельность в Музее 1812 года: разбирал французские посылки и описывал предметы, участвовал в заседаниях. В этот период его, конечно, больше интересует политика. Он стал печатать в журнале «Русский архив» обличительные статьи в адрес немецкого правительства²⁷, собирать коллекцию по истории Первой мировой войны и революции в России,

²⁵ ГАРФ. Ф. 826. Ед. 151. Л. 26.

²⁶ Букреева Е.М. Исследовательские поездки барона де Бая в Бородино (по материалам французских архивов) // Материалы XIX Международной научной конференции «Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов», 3–6 сентября 2014 г. / Сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2016. С. 74–90.

²⁷ Библиография работ барона де Бая, опубликованных в «Русском архиве» (1914–1916): Размышления француза в его втором отечестве // Русский архив. М., 1914. Кн. 3. Вып. 11. С. 350–381; Пруссификация Германии, ее история, цели, средства // Там же. 1915. Кн. 1. Вып. 1. С. 86–105; Дело Вильгельма II // Там же. 1915. Кн. 1. Вып. 2. С. 330–357; Мировой германский вопрос // Там же. 1915. Кн. 2. Вып. 6. С. 208–243; Нравоучения войны // Там же. 1915. Кн. 3. Вып. 9–10. С. 18–43; Освобождение или рабство. Их мировое владычество или упадок // Там же. 1916. Кн. 2. Вып. 5–6. С. 164–191.

выступать с публичными лекциями в различных обществах Москвы и Петрограда.

В 1919 г. судьба Музея 1812 года была предрешена: по решению Коллегии музейного отдела Наркомпроса он переходит в ведение Отдела по делам музеев. Создается комиссия для приема имущества Музея. Члены упраздненного Особого комитета В.А. Афанасьев, Н.С. Щербатов, В.А. Петров, барон де Бай и др. собираются на последнее свое заседание в помещении библиотеки Исторического музея 1 июня 1919 г., где обсуждают вопросы о порядке сдачи имущества. Они решают ходатайствовать перед музейным отделом, «чтобы имущество и собрания музея не разбивались, а были сосредоточены в общем военно-историческом музейном фонде, как отдельная самостоятельная и законная организацией часть»²⁸.

К концу 1921 г. все фонды Музея 1812 года, кроме коллекций, хранившихся в Музее изящных искусств, были сосредоточены в одном хранилище, располагавшемся в бывшем доме Юсупова у Красных ворот. Там в мае 1923 г. откроется Военно-исторический музей, где эпоха Наполеоновских войн будет частично представлена собраниями бывшего Музея 1812 года. К примеру, в 10 витринах экспонировалось более 340 предметов из коллекции де Бая²⁹: медали, жетоны, гравюры, бюсты, барельефы.

В сентябре 1920 г. барон де Бай смог вернуться во Францию. На родине его ждала заслуженная награда — орден Почетного легиона и титул маркиза. Французский ученый ушел из жизни 30 мая 1931 г.³⁰ Как и его предки, он был похоронен в фамильной усыпальнице церкви Сен-Рок недалеко от родового замка Château de Baye.

О вкладе французских граждан в создание московского музея как нельзя лучше сказал московский генерал-губернатор В.Ф. Джунковский: «Барон де Бай пробудил среди военных кругов и исторических кружков в Париже большой интерес к устраиваемому музею, последствием чего в музей поступило очень много ценных предметов, гравюр, писем, коллекций эпохи войны 1812 года, любезно присланных соотечественниками барона де Бай»³¹.

Эти коллекции французских дарителей существенно обогатили фонды Государственного исторического музея. Их можно назвать уникальными.

²⁸ ОПИ ГИМ. Ф.160. Ед. 10. Л. 29.

²⁹ Описание собраниям бывшего Музея 1812 года, хранящимся временно в ВИМ. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 137. Ед. 21. Л. 71–74.

³⁰ Возрождение. Париж, 1931. 11 июня (№ 2200). С. 4; Dictionnaire de biographie française sous la direction de M. Prévost et Roman d'Amat. Tome cinquième. Paris, 1951. P. 999.

³¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Ед. 50. Л. 227, 228.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ КОНСУЛЬСТВА ФРАНЦИИ В ВАРШАВЕ В ЭПОХУ РЕСТАВРАЦИИ*

Т.Н. Гончарова

Королевство Польское (в русской традиции Царство Польское), созданное по решению Венского конгресса 1814–1815 гг.¹, имело статус автономного государства в личной унии с Российской империей. Наличие общего монарха и общей внешней политики исключало аккредитацию дипломатических представителей при польском правительстве в Варшаве. Однако иностранные государства сохранили за собой право назначать в столицу Царства Польского консулов, в первоочередную задачу которых входило развитие торговых связей и защита прав соотечественников.

Престиж и лидерские позиции, завоеванные Российской империей после победы над Наполеоном, имели следствием поспешность, с какой режим Реставрации возобновил политические контакты: посольство Франции в Санкт-Петербурге было восстановлено уже в сентябре 1814 г. Затем пришел черед консульских представительств. В 1815 г. начали работу генеральное консульство в Санкт-Петербурге, консульства в Одессе и Риге, вице-консульство в Феодосии, в 1820 г. — консульское агентство в Кронштадте, в 1821 г. — вице-консульство в Москве и консульство в Тифлисе. Позже остальных, в 1824 г. открылось консульское агентство в Варшаве, преобразованное спустя два года в консульство. Французские кандидатуры на пост консула в Варшаве неоднократно давали российской стороне повод к проявлению недовольства. Чем было вызвано такое недовольство?

В статье предпринята попытка дать ответ на этот вопрос, основываясь на дипломатических источниках, хранящихся в архиве Министерства иностранных дел Франции.

Польша как объект франко-русского соперничества

После того как Речь Посполитая исчезла с политической карты Европы в результате последнего из трех разделов, осуществленных Пруссией, Австрией и Россией в 1772, 1793 и 1795 гг., многие польские

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383 «Контрреволюции: Феномен контрреволюции в истории: сравнительный анализ постреволюционных практик в Европе нового и новейшего времени».

¹ Статья 1 финального акта от 9 июня 1815 г.

патриоты видели в революционной Франции государство, способное восстановить справедливость и права несчастной нации, погрязшие вследствие чудовищного «преступления». Войны Наполеона против держав-участниц разделов оживили эти упования, подкрепляемые присутствием французских войск на польской территории с 1806 до конца 1812 г.

Основанное по условиям Тильзитского мира от 25 июня (7 июля) 1807 г. на отошедших к Пруссии исконно польских землях герцогство Варшавское, казалось, было первым шагом в процессе восстановления польской государственности. На тот момент прошло очень мало времени – всего 12 лет с тех пор, как Речь Посполитая прекратила свое существование! Диктуя условия с позиции силы, Наполеон мог бы потребовать от России вернуть отошедшие к ней по разделам Правобережную Украину, Белоруссию и Литву, но он предпочел проявить щедрость. Утвержденная императором французов конституция поставила герцогство номинально под управление короля Саксонии Фридриха-Августа I, однако фактически оно подчинялось Франции, которая была представлена в Варшаве посланниками в лице Ш.-Ф. Серра (1807–1811), Л. Биньона (1811–1812, 1813) и Д. Дюфур де Прадта (1812). К тому же при короле Саксонии, в Дрездене, находился французский посланник, так что Наполеон получал информацию о польских делах из двух источников.

Генерал Юзеф Понятовский, военный министр герцогства, приложил усилия для воссоздания польской армии. Воинственный пыл поляков, сражавшихся под французскими знаменами в составе польских легионов, снискал им славу превосходных солдат. Отражая вторжение австрийских войск в пределы герцогства в 1809 г., армия Понятовского захватила часть Галиции, вошедшей в состав Австрии по разделам. Согласно Шенбруннскому миру (14 октября 1809 г.), в результате присоединения Западной Галиции территория герцогства увеличилась на 50% при численности населения более 5 млн жителей, на которых легла обязанность содержать в боевом состоянии 60-тысячную армию².

Герцогство Варшавское создавало напряженность в отношениях России с Францией, особенно после расширения его территории. Отошедшие к Российской империи по воле Наполеона Белосток и Тарнопольский округ в 1807 и 1809 гг. не были достаточной компенсацией, способной развеять опасения императора Александра I по поводу наполеоновских планов на «русскую» Польшу. Царь попытался в январе 1810 г. заручиться гарантией Наполеона в том, что «Королевство Польское никогда не будет восстановлено», на что тот

² *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Vol. 2. Paris, 2004. P. 457–458.

ответил менее обязывающим контрпредложением, не получившим одобрения Александра³.

В действительности существование герцогства Варшавского под французским протекторатом воспринималось Александром I не столько даже как угроза его владениям, сколько как препятствие на пути к славе восстановителя Польши. Авторство этого плана принадлежало польскому магнату Адаму Чарторыйскому⁴, который решил сделать ставку на Россию в деле возрождения польской государственности. Объявив Пруссию «естественным врагом» Польши, А. Чарторыйский разработал хитрый «план убийства»⁵, который сводился к тому, чтобы посредством войны присоединить прусскую часть разделов к российской и возродить Польшу в недрах большой славянской империи. Отошедшую к Австрии Галицию планировалось присоединить в обмен на прусскую Силезию или Баварию⁶. Предполагая воспользоваться несговорчивостью берлинского кабинета в период оформления третьей коалиции 1805 г., Чарторыйский, тогда министр иностранных дел Российской империи, надеялся спровоцировать нападение русских войск на Пруссию. Но вместо этого Александр I отправился в Берлин на встречу с Фридрихом-Вильгельмом III, где вместе с ним и королевой Луизой принес клятву в вечной дружбе на могиле Фридриха Великого, инициатора первого раздела Польши⁷. Политическая программа А. Чарторыйского оказалась нереалистичной. Спустя всего лишь год, 14 октября 1806 г., Пруссия потерпела сокрушительное поражение при Йене и Ауэрштедте, заплатив дорогую цену за свое участие в четвертой коалиции.

В начале 1811 г. Александр I вновь решил разыграть польскую карту. Стягивая к западной границе империи воинские силы для того, чтобы произвести нападение на герцогство Варшавское, царь рассчитывал привлечь симпатии польского населения объявлением о возрождении Речи Посполитой под его скипетром. Однако узнав о контрмерах, принятых Наполеоном незамедлительно после того, как тому стало известно о готовившемся нападении, Александр I вынужден был отказаться от первоначального плана и вернуться на оборонительные позиции⁸.

³ *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Paris, 2004. Vol. 2. P. 459–466.

⁴ Князь Адам Чарторыйский (1770–1861), государственный деятель и мемуарист, входил в «негласный комитет» при Александре I, помощник канцлера А.П. Воронцова с 1802 г.; с 1804 по 1806 г. руководил дипломатией Российской империи.

⁵ «Mordplan» в немецкой историографии. См.: *Zawadzki W.H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland 1795–1831. Oxford, 1993.

⁶ *Dabrosz P., Kerautret M.* Le plan anti-prussien de Czartoryski. Le retour de la question polonaise // La revue Napoléon. Ao t 2005. № 23. P. 48.

⁷ *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. М., 2008. С. 188–190.

⁸ См.: *Соколов О.* Битва двух империй 1805–1812. М., 2012. С. 402–414.

Нашествие на Россию в 1812 г. было названо Наполеоном «второй польской кампанией», предпринятой для того, чтобы завершить дело, оставленное незаконченным в 1807 г.⁹ Ставка тем самым делалась на патриотический подъем поляков, прямо заинтересованных в успехе войны, от которой зависело возрождение их родины. Примерно 70 тыс. польских солдат сражались в составе Великой армии¹⁰. Так и не перейдя от слов к делу после занятия Литвы, Наполеон приберегал польскую карту на случай поиска компромисса с Александром I. После гибели Великой армии в снегах России, герцогство Варшавское выбыло из числа союзных Наполеону государств уже в конце января 1813 г., когда русские войска без боя заняли Варшаву, отеснив саксонские, польские и австрийские части за Вислу. Учрежденный Россией временный Верховный совет встал во главе администрации оккупированного герцогства. Несколько месяцев спустя после отречения Наполеона польский вопрос оказался вынесен на обсуждение Венского конгресса (октябрь 1814 – июнь 1815), где оказался в центре дискуссий.

Александр I выразил желание, чтобы все герцогство Варшавское, находившееся под контролем русского оружия, отошло России. Саксонию планировалось отдать Пруссии в качестве компенсации за «прусскую» часть Польши. Однако Франция в лице своего представителя на конгрессе Ш.-М. де Талейрана изо всех сил старалась помешать России утвердиться в Польше, продолжая в этом вопросе политическую линию наполеоновской империи. Склонив на свою сторону делегатов Австрии и Англии, К. фон Меттерниха и Р. С. Каслри, опасавшихся чрезмерного усиления России и Пруссии, Талейран подписал с ними 3 января 1815 г. договор о союзе, после чего все разрешилось компромиссом 11 февраля. Россия получила лишь часть бывшего герцогства Варшавского, а Пруссия лишь часть Саксонии.

В соответствии с Заключительным актом Венского конгресса от 9 июня 1815 г. западная часть Великой Польши с Познанью возвращалась Пруссии, Тарнопольский округ – Австрии, Краков объявлялся вольным городом под покровительством России, Австрии и Пруссии. Урезанное территориально герцогство Варшавское передавалось России, которая получила также восточную часть Великой Польши с Калишем и Западную Галицию¹¹. Образованное на этих землях Царство Польское объявлялось связанным личной унией с Российской империей через персону императора Александра I,

⁹ *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1810–1815). Paris, 2004. Vol. 3. P. 64.

¹⁰ *Kerautret M.* “L'armée des 20 nations”. Cohésion et diversité // Carnet de la Sabretache. 1812, la campagne de Russie. Décembre 2012. № 194. P. 6.

¹¹ Царство Польское простиралось на 127 тыс. км², немного уступая герцогству Варшавскому, которое занимало 149 тыс. км².

который стал именоваться царем (королем) польским. В целом так называемая Конгрессовая Польша представляла собой частичную реализацию взлелеянного царем совместно с Чарторыйским плана воссоздания Польши под его скипетром в качестве конфедеративного государства.

*Ликвидация долгов герцогства Варшавского.
Теодор де Эдувиль*

Либеральная конституция Царства Польского, утвержденная императором Александром I 15 (27) ноября 1815 г., вызвала ассоциации с конституцией герцогства Варшавского от 22 июля 1807 г. В соответствии с буквой этого документа поляки получили больше прав, чем подданные Российской империи. Все общественные дела должны были вестись на польском языке. Только поляки имели доступ к государственным должностям. Национальное представительство осуществлялось через двухпалатный сейм. По аналогии с герцогством Варшавским существовало пять министерств, на его территории продолжал действовать Кодекс Наполеона, имелась своя денежная система. Управление Царством Польским осуществлял назначенный королем наместник¹². На эту должность был определен бывший наполеоновский генерал поляк Юзеф Зайончек¹³. На деле же, брат Александра I цесаревич Константин, поставленный во главе 30-тысячной польской армии, сосредоточил в своих руках все рычаги управления, вопреки конституции. После смерти Ю. Зайончека в 1826 г., Константин Павлович официально стал именоваться наместником Царства Польского, сохранив пост главнокомандующего польской армии, состоявшей из солдат, которые после краха наполеоновской империи вернулись на родину. Третьим значимым лицом в государстве стал Н.Н. Новосильцев, полномочный делегат императора при Административном совете (правительстве) Царства Польского¹⁴. Ему было передано руководство тайной полицией.

¹² Конституция Польши 1815 г. Государственный реестр уникальных документов архивного фонда Российской Федерации // URL:<http://unikdoc.rusarchives.ru/GRSearch/Search/Details/74833797-e050-4df9-9476-747d0a16eb79?AspxAutoDetectCookieSupport=1> (дата обращения: 19 февраля 2019 г.).

¹³ Юзеф Зайончек (1752–1826), участник восстания 1794 г. под руководством Т. Костюшко, командовал польскими войсками в 1807 г.; генерал армии герцогства Варшавского, принимал участие в Русском походе Наполеона 1812 г.

¹⁴ Николай Николаевич Новосильцев (1761–1838), член т.н. «Негласного комитета» при Александре I, вице-президент Временного верховного совета, управлявшего герцогством Варшавским с 1813 по 1815 г.; перешел от либеральных воззрений к реакционным.

Прежнее вассальное положение герцогства Варшавского по отношению к Франции вызвало к жизни большое количество задолженностей между частными лицами и французскими властями. В результате перед режимом Реставрации встал вопрос о выплате обоюдных долговых обязательств как предварительного условия для налаживания отношений с Царством Польским. В дополнительной статье к Парижскому мирному договору от 30 мая 1814 г. Франция и Россия обязывались «назначить специальную комиссию, составленную с обеих сторон из одинакового количества комиссаров, на которых будет возложена задача экспертизы, ликвидации и всех договоренностей относительно взаимных претензий»¹⁵.

После эпизода «Ста дней» и восстановления власти Бурбонов, дополнительная статья к второму Парижскому договору от 20 ноября 1815 г. подтвердила намерение Франции без промедления отправить в Варшаву одного или нескольких комиссаров для того, чтобы способствовать ликвидации взаимных претензий с бывшим герцогством Варшавским¹⁶. По прошествии времени конвенция, заключенная в Париже 27 сентября 1816 г., заменила собой отдельную статью второго Парижского договора¹⁷.

Французскую сторону в этой тяжбе должен был представлять Теодор де Эдувиль¹⁸. Людовик XVIII подписал распоряжение о его назначении 9 мая 1817 г.¹⁹ Младший брат генерала Габриэля де Эдувиля, посла Наполеона в России с 1801 по 1804 г., члена Палаты пэров в эпоху Реставрации²⁰, Теодор к моменту своего назначения приобрел достаточно большой опыт в сфере дипломатии. В период с 1806 по 1813 г. ему довелось представлять интересы Франции во Франкфурте при князе примасе Рейнского союза. Именно этим во многом можно объяснить выбор его кандидатуры для ликвидации обоюдных долгов Франции и бывшего герцогства Варшавского, прежде входившего в Рейнский союз.

¹⁵ *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire (1810–1815). 3 vol. Paris, 2004. Vol. 3. P. 161–162.

¹⁶ *Ibid.* P. 278–279.

¹⁷ *La Fontaine H.* Pasicrisis internationale 1794–1900. Histoire documentaire des arbitrages internationaux. The Hague; Boston; London, 1997. P. 113.

¹⁸ Теодор Шарль де Эдувиль (1767–1846), граф, товарищ Наполеона по военной школе в Бриенне, полковник, впоследствии был секретарем посольства в Риме (1804), посланником в Регенсбурге при эрцканцлере Священной Римской империи (1805–1806), после упразднения которой он получил назначение во Франкфурт.

¹⁹ Archives du Ministère des Affaires étrangères (далее – АМАЕ). Personnel 1ère série. Dossier Hédouville № 2039.

²⁰ Габриэль Мари Теодор Жозеф де Эдувиль (1755–1825), персонаж высокого ранга, уже пожилой и увечный в 1817 г., иногда выдается создателями энциклопедий за комиссара в Варшаве. Такая путаница, вероятно, происходит от того, что оба брата имели среди своих трех-четырёх имен два одинаковых Теодор Жозеф, что ввело в заблуждение их биографов.

Между тем иностранные спекулянты принялись активно скупать французские долговые обязательства в Царстве Польском по заниженной цене, работая на собственную прибыль в ожидании интегрального возмещения долгов Францией. Вывозя деньги за рубеж, скупщики тем самым наносили ущерб государству, в связи с чем в июле 1817 г. на имя цесаревича Константина поступило обращение от некоего Игнатия Нёмарка, в котором этот подданный Царства Польского, вероятно, банкир, предлагал назначить его в качестве уполномоченного лица, которому будет доверена немедленная оплата частных долговых обязательств по более низкой цене, чем сумма, указанная в векселях. Из таблицы, приложенной к тексту проекта следовало, что из общей суммы претензий в 44 млн флоринов²¹ корона, таким образом, извлекла бы для себя прибыль в 15 млн²². В архиве Польской Библиотеки в Париже, где хранится эта записка, нам не удалось обнаружить документ, который помог бы пролить свет на реакцию цесаревича Константина на поступившее предложение, хотя можно с известной долей уверенности предположить, что она скорее всего была отрицательная.

Между тем 25 апреля 1818 г. между Францией и четырьмя союзными державами, Англией, Россией, Австрией и Пруссией, была заключена конвенция, которая окончательно разрешила вопрос об иностранных долговых обязательствах Франции. Союзники пришли к соглашению, что из общей суммы долгов, изначально составлявшей 1 млрд 300 млн, Франция должна была выплатить 340 млн²³. К конвенции прилагалась таблица, в которую были сведены все суммы, которые Франция задолжала разным странам, кроме бывшего герцогства Варшавского. Вопрос польских долговых обязательств должен был решиться прямым соглашением между Францией и Россией.

Т. де Эдувиль получил инструкции, подписанные председателем Совета министров герцогом де Ришелье 8 июля 1818 г.²⁴ В августе того же года начался сбор сведений с целью ликвидации долгов между Францией и бывшим герцогством Варшавским.

По прибытии в Варшаву, Эдувиль собрал частные претензии жителей к Франции, о чем уведомил министерство в своем рапорте от 6 марта 1821 г. Год спустя, комиссар жаловался на медлительность, с ка-

²¹ В Польше флорин обозначал золотую монету и являлся счетно-денежной единицей равной 30 польским грошам.

²² *Projet de liquidation des dettes pesant sur le duché de Varsovie par Ignace Newmark, 6 juillet 1817 // Archives de la Bibliothèque Polonoise de Paris. № 340.*

²³ *Koch C.-R., Schoell F. Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie. T. 3. Bruxelles, 1838. P. 563–569.*

²⁴ Арман-Эмманюэль дю Плесси, герцог де Ришелье (1766–1822), министр иностранных дел и председатель Совета министров с 24 сентября 1815 г. по 19 сентября 1818 г., затем в декабре 1818 г.

кой продвигались дела. Ф.-К. Любецкий²⁵, министр финансов Царства Польского, которому были вверены вопросы ликвидации долгов, считал необходимым сначала заключить соглашения с Пруссией и Австрией и только потом с Францией, тогда как последняя заявляла о своем желании вести переговоры исключительно с Россией. В апреле 1822 г. Эдувиль обратился к министру иностранных дел М. де Монморанси²⁶ с просьбой отозвать его в Париж в силу того, что ему более нечего добавить к уже собранным документам, в то время как намерение российской стороны заключить единое соглашение с Пруссией, Австрией и Францией отодвигало переговоры на 1823 г. К тому же, Эдувиль считал целесообразным перенесение переговоров в Париж, уверяя, что российская сторона не станет возражать против этого²⁷. В мае 1822 г. Т. де Эдувиль был отозван во Францию.

Вопрос о взаимных долговых обязательствах Франции и бывшего герцогства Варшавского не был урегулирован ни в 1823 г., ни в последующие годы, вплоть до падения режима Реставрации²⁸. Дело осложнялось тем, что герцогство Варшавское как одна из сторон тяжбы юридически более не существовало. Стороны пришли к согласию возобновить процесс ликвидации долгов в 1830 г., но Июльская революция во Франции и Ноябрьское восстание в Царстве Польском воспрепятствовали поездке польского комиссара. Только в 1834 г. Ф.-К. Любецкий по приглашению правительства Июльской монархии прибыл в Париж с целью ведения переговоров²⁹.

В то время как дело ликвидации долгов застопорилось, вопрос о консульстве Франции в Варшаве возник самым неожиданным образом. Объяснение этому можно, вероятно, усмотреть в том, что в течение четырех лет, проведенных в Варшаве, Теодору де Эдувилю приходилось заниматься не столько предметом его специальной миссии, сколько обычными консульскими обязанностями. Взаимодействуя

²⁵ Франциск-Ксаверий Друцкий-Любецкий (1778–1846), князь, уроженец Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, автор проекта автономии Литвы под протекторатом России в 1810–1812 гг., член временного Верховного совета герцогства Варшавского в 1813 г., министр финансов в правительстве Царства Польского с 1821 по 1830 г.

²⁶ Матьё де Монморанси (1766–1826), виконт, возглавлял министерство иностранных дел с 14 декабря 1821 г. по 25 августа 1822 г., затем с 30 ноября по 22 декабря 1822 г.

²⁷ Письмо Т. де Эдувиля от 8 апреля 1822 г. Варшава (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Hédouville № 2039).

²⁸ *Capefigie M. L'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe. Bruxelles, 1846. Vol. XII. P. 217–219.*

²⁹ Польский вопрос в сфере долговых обязательств стал предметом оживленной дискуссии в Палате депутатов в 1835 г. См.: *Procès-verbaux des séances de la Chambre des députés. Session de 1835. Vol. 2. Janvier 1835. Paris, 1835. P. 270–309.*

с цесаревичем, ему удалось войти к нему в доверие, в том числе и посредством оказания мелких услуг. Он, в частности, позаботился о доставке ему из Парижа при участии военного министерства определенной модели конской упряжи, представлявшей собой предмет мечтаний Константина Павловича³⁰. В итоге инициатором создания консульства Франции в Варшаве выступило не правительство Реставрации, а великий князь Константин, в ведении которого находились иностранные дела Царства Польского.

Консульское агентство в Варшаве. Габриэль де Корду и Адриен Кошле

Незамедлительно после отъезда Т. де Эдувиля цесаревич Константин письменно изложил стоявшему во главе иностранных дел графу К.В. Нессельроде свое пожелание о необходимости создания консульства Франции в Варшаве, аргументируя это неудобством переписки между Петербургом и Парижем для решения дел французов, проживающих в Царстве Польском, и трудностями наблюдения за политическими ссыльными³¹. При этом Константин Павлович высказывал пожелания относительно качеств будущего консула: «Как только будет признана своевременность этой меры, очень важно, чтобы выбор кандидата, на долю которого выпадет защита интересов французского правительства, пал на человека, чьи принципы и преданность легитимизму не вызывают сомнений, и который, кроме безупречного поведения с этой точки зрения, объединяет в себе качества, способные обеспечить ему уважение. Присутствие агента, в котором были бы соединены эти качества, явится несомненным свидетельством в пользу современного правительства Франции...»³² При этом цесаревич дал понять, что хотел бы видеть в качестве консула Теодора де Эдувиля, рекомендовав Нессельроде предпринять через посла России в Париже Шарля-Андре Поццо ди Борго необходимые демарши для его возвращения в Варшаву.

Действительно, в соответствии с приказом, отправленным из Петербурга, Поццо ди Борго попытался вытребовать желаемую великим князем кандидатуру, но эта попытка оказалась безуспешной. Несмотря на полученный им от императора Александра орден

³⁰ Письмо Монморанси к Эдувилю от 11 мая 1822 г. Париж (АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Hédouville № 2039).

³¹ Письмо великого князя Константина к Нессельроде от 3/15 июля 1822 г. Варшава (АМАЕ. Correspondance politique Russie (далее – CP Russie). Vol. 163. F. 305–306).

³² Ibid. F. 306.

Св. Станислава 2-го класса, Эдувиль не выказал никакого энтузиазма относительно возможного назначения в Варшаву³³.

Российское правительство, разочарованное отказом Эдувиля, остыло к этой идее, в то время как министр иностранных дел Ф.-Р. де Шатобриан³⁴ с горячностью ухватился за нее, предложив кандидатуру Габриэля де Корду, приходившегося ему родственником. Желание понятное, тем более что Пруссия и Австрия на тот момент уже были представлены в Варшаве генеральными консулами.

Спустя год после упомянутого письма, в июле 1823 г. Александр I дал свое согласие на открытие консульского агентства в Варшаве³⁵. Но этого оказалось недостаточно. Ожидали согласия цесаревича Константина на предложенную французской стороной кандидатуру, хотя и было ясно, что у него в принципе не может быть возражений. Роялизм Габриэля де Корду, «внука добропорядочного Мальзерб³⁶», прославившегося как адвокат Людовика XVI во время процесса 1792 г. и павшего жертвой якобинского террора, не вызывал сомнений. Уроженец Бургундии, он занимал блестящее положение в обществе эпохи Реставрации и, по словам вдовствующей маркизы де Корду, о нем отзывались как о «религиозном и добродетельном человеке»³⁷.

В конце сентября 1823 г. Шатобриан адресовал письмо генеральному консулу Франции в Санкт-Петербурге Гальц де Мальвираду³⁸, в котором просил его снабдить Габриэля де Корду инструкциями сразу после его приезда в столицу Российской империи. Сообщая, что его протееже новичок в консульских делах, Шатобриан препоручал Корду руководству Мальвирада, прося ввести его в курс дела и объяснить характер его обязанностей. «Большая часть дел, которыми он будет заниматься в Варшаве, — уточнял министр, — будет касаться частных интересов французов, которые еще довольно многочисленны

³³ См. копию письма Нессельроде к Поццо ди Борго от 22 июля / 3 августа 1822 г., Санкт-Петербург (АМАЕ. CP Russie. Vol. 164. F. 8).

³⁴ Франсуа-Рене де Шатобриан (1768–1848), французский писатель и дипломат, руководил иностранными делами в период с 28 декабря 1822 г. по 14 августа 1824 г.

³⁵ Деша Ла Ферронэ от 30 июня / 12 июля 1823 г., Санкт-Петербург // Николай Михайлович (великий князь). Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 456–457.

³⁶ Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб (1721–1794), магистрат и министр Людовика XVI.

³⁷ Письмо маркизы де Корду к Дама от 22 августа 1824 г. замок д'Овон (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cordoue № 1040).

³⁸ Жан-Пьер-Эдуар Гальц де Мальвирад (1781–1843), докладчик в Государственном совете Первой империи, в 1814 г. начал свою деятельность в качестве второго секретаря посольства Франции при российском дворе; получив назначение генеральным консулом в Санкт-Петербурге в октябре 1819 г., исполнял эти обязанности до упразднения генерального консульства в мае 1831 г.

в Польше». Ожидалось, что Мальвирад сделает все необходимые демарши для того, чтобы Корду получил аккредитацию в Варшаве как представитель генерального консульства. «Г-н де Корду не молод; он серьезный и старательный, и я не сомневаюсь, что мы останемся довольны его службой, принимая во внимание его пылкую преданность королю»³⁹, — заключал свое письмо Шатобриан.

Габриэль де Корду прибыл в Санкт-Петербург в январе 1824 г., где был радушно встречен. Посол Франции Огюст де Ла Ферронэ⁴⁰ задержал его в российской столице для того, чтобы лично представить цесаревичу Константину, приезда которого ожидали со дня на день⁴¹. В марте 1824 г. Г. де Корду приступил к исполнению консульских обязанностей в Варшаве, вполне довольный своими отношениями с великим князем, который любил вести с ним светские беседы, хотя временами бывал резок и несдержан.

Подчиненное по отношению к генеральному консулу Гальц де Мальвираду положение не позволяло Корду поддерживать прямое сообщение с французским правительством. Необходимость постоянной переписки с генеральным консульством в Петербурге для решения самых незначительных вопросов задерживала делопроизводство, от чего страдала сама идея, ради которой было создано консульское представительство в польской столице. Цесаревич выразил желание, чтобы консульская значимость Корду была приведена, наконец, в соответствие с занимаемым им положением в обществе⁴². Исходя из этого, Ла Ферронэ принялся настоятельно убеждать министра в необходимости присвоить Корду звание вице-консула с жалованьем в 10 тыс. франков, что позволило бы ему меньше зависеть от генерального консульства⁴³. Цесаревич, со своей стороны, проявлял нетерпение, однако дело не сдвигалось с мертвой точки⁴⁴.

³⁹ *Bassan F.* Deux lettres inédites de Chateaubriand: du Ministère des Affaires Étrangères à la publication de la "Vie de Rancé" // *Revue d'Histoire littéraire de la France.* 65e année. № 2 (Apr. — Juin, 1965). P. 273.

⁴⁰ Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф де Ла Ферронэ (1777–1842) впервые оказался на территории Российской империи в составе армии принца Конде в 1798 г.; назначенный в 1819 г. посланником Людовика XVIII при российском императоре; в 1821 г. он был повышен в звании до посла Франции в Российской империи, в каком качестве оставался до конца 1827 г., когда получил назначение на пост министра иностранных дел в правительстве Мартиньяка.

⁴¹ Дешеш Ла Ферронэ от 28 января 1824 г., Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 166. F. 26).

⁴² Дешеш Ла Ферронэ от 27 февраля 1824 г., Санкт-Петербург (Ibid. F. 72). См. также: Николай Михайлович (великий князь). Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 510.

⁴³ Дешеш О. де Ла Ферронэ от 26 апреля 1824 г., Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 166. F. 152).

⁴⁴ Дешеш О. де Ла Ферронэ от 13 мая 1824 г., Санкт-Петербург (Ibid. F. 173–174).

В результате пребывания Г. де Корду в Варшаве оказалось недолгим. Уже летом 1824 г. он испросил себе трехмесячный отпуск и отбыл в октябре во Францию, после чего в декабре подал в отставку, слишком уязвленный незначительностью звания и скромным жалованьем, которое вынуждало его расходовать на служебную деятельность личные средства⁴⁵. В ожидании замены Г. де Корду заботу об интересах подданных короля Франции в Царстве Польском взял на себя генеральный консул Пруссии Юлиус Шмидт.

Для оставшегося вакантным консульского агента в Варшаве Ла Ферронэ рекомендовал Адриена Кошле, на тот момент временно исполнявшего обязанности руководителя канцелярии в генеральном консульстве в Санкт-Петербурге⁴⁶. Бывший атташе при генеральном интендантстве Великой армии А. Кошле прибыл в Петербург в 1820 г. для ввода в действие новых машин на русских ткацких фабриках. Он был замечен за свои деловые качества, пригодные для консульской карьеры⁴⁷. Несмотря на его бонапартистское прошлое, Нессельроде и Поццо ди Борго выступили за него ходатаями перед французским правительством⁴⁸. Такой интерес высокопоставленных чиновников объяснялся тем, что Кошле приходился младшим братом чтице и доверенному лицу королевы Гортензии, супруги Луи Бонапарта, бывшего правителя вассальной по отношению к Французской империи Голландии⁴⁹. Гортензия являлась дочерью Жозефины де Богарне, семейству которой Александр I покровительствовал в период Первой Реставрации⁵⁰.

Тем не менее назначение А. Кошле в первый январский день 1825 г. было плохо принято в Варшаве. Цесаревичу не понравилось, что «Кошле являлся интендантом области Белосток в 1812 г., что тем

⁴⁵ Письмо Г. де Корду к Дама от 31 декабря 1824 г., Париж (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cordoue № 1040).

⁴⁶ Адриен Луи Кошле (1788–1858), аудитор в Государственном совете при Первой империи, он поддержал Наполеона в эпоху «Ста дней» в качестве префекта департамента Мёз. Письмо О. де Ла Ферронэ к Дама от 20 декабря 1824 г., Париж (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986).

⁴⁷ *État general des services de M. Cochelet (Adrien Louis)*. Ibid.

⁴⁸ Письмо Нессельроде к Поццо ди Борго, 1823 г., Санкт-Петербург (Ibid).

⁴⁹ Луиза Кошле, которую К. В. Нессельроде называл «известная demuазель» в упомянутом выше письме к Поццо ди Борго от 1823 г., является автором мемуаров о королеве Гортензии. АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet. № 986. См. также: *Mémoires sur la reine Hortense et la famille impériale, par mademoiselle Cochelet, lectrice de la reine*. 4 v. Paris, 1836–1838.

⁵⁰ Поццо ди Борго пытался определить А. Кошле на консульскую службу еще в 1814 г. См.: письмо Поццо ди Борго к Нессельроде от 14/26 сентября 1814 г. Париж // *Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814–1816) / Сборник русского исторического общества*. Под ред. А. Половцова. СПб., 1901. Т. 112. С. 95.

самым он должен был вступать в сношения с самыми значительными ее жителями в целях той политики, которую преследовало тогда французское правительство, и что данные обстоятельства, воспоминания, которые с ними связаны, и связи, которые явились естественным их следствием, неизбежно поставят г-на Кошле в ложное положение...»⁵¹. Уполномоченный российской стороной посол Поццо ди Борго уведомил министра иностранных дел Франции М. де Дама⁵² об этой чрезвычайно деликатной для будущего отношений обеих стран ситуации. Однако консульский агент уже отправился на место своего назначения.

Прибыв в марте 1825 г. в Варшаву, А. Кошле натолкнулся на холодный прием со стороны цесаревича и общества. Александр I вынужден был согласиться с возражениями своего брата, доведя до сведения французского правительства о нежелательности дальнейшего пребывания Кошле в Варшаве. Для того чтобы сгладить неприятное впечатление от подобного демарша, российское правительство изъявило готовность не чинить затруднений при назначении Кошле в качестве консульского агента в любом другом торговом городе империи.

Смушение, испытанное Ла Ферронэ вследствие этого инцидента, проглядывает в его письме от 28 мая, где он отзывается о Кошле как о жертве «неоправданных предубеждений великого князя Константина»⁵³. По прошествии всего семи месяцев после своего прибытия в Варшаву Адриен Кошле получил назначение консульским агентом в Ригу, где оставался до 1828 г.⁵⁴ Чрезвычайная подозрительность, которую проявил цесаревич Константин, протестуя против его пребывания в Варшаве, имела под собой определенные основания.

Консульство в Варшаве. Жан-Франсуа Мимо и Реймон Дюран

Бешю де Ла Сансе, бывший военный комиссар в армии Наполеона, проведя в Варшаве август–сентябрь 1820 г., написал по итогам своего там пребывания отчет об исполнении возложенной на него обязанно-

⁵¹ Письмо Нессельроде к Поццо ди Борго от 7/19 мая 1825 г. Варшава (АМАЕ. СР Russie. Vol. 168. F. 242).

⁵² Максанс де Дама (1785–1862), барон, возглавлял министерство иностранных дел Франции с 4 августа 1824 по 4 января 1828 г.

⁵³ Письмо О. де Ла Ферронэ к М. де Дама от 28 мая 1825 г. Санкт-Петербург (АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986).

⁵⁴ Впоследствии А. Кошле довелось сделать блестящую карьеру в консульской службе при Июльской монархии, но не в России, а в Центральной Америке, Дунайских княжествах, Египте и Великобритании. См.: АМАЕ. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet. № 986.

сти передать Александру I, находившемуся в польской столице по случаю открытия сейма, ноту французского правительства о революции в Неаполе. В заключительной части этого пространного отчета были зафиксированы интересные наблюдения о настроениях поляков. В них отмечалось состояние обеспокоенности и экзальтации, которое царило в Варшаве. Речь Александра I на открытии сейма в 1818 г. была истолкована как желание в будущем присоединить к Королевству Польскому отошедшие к России украинские, белорусские и литовские земли для того, чтобы восстановить Речь Посполитую в границах 1772 г.⁵⁵ Бешю отмечал большую свободу в разговорах и господство в Королевстве Польском «идеи независимости»⁵⁶. Строя предположения о том, что расширение Королевства стало бы губительным для России, Бешю давал французскому правительству совет не противиться ее «неосторожным проектам». Заметка герцога де Ришелье, оставленная на полях донесения, выражала полное согласие министра с этим выводом. Отмечая неприязнь между русскими и поляками, наблюдатель констатировал устойчивые польские симпатии в отношении французов. Многие поляки были «заражены бонапартизмом», путая его с либерализмом. «Поляки очень любят французов; но то, что усиливает чудесным образом их естественную склонность в этом отношении, это неприятность, которую они надеются доставить русским проявлением этого чувства»⁵⁷.

Отмеченная Бешю враждебность польских патриотов в отношении русско-польского государства еще более обострилась к 1825 г. Александр I разочаровал тех, кто возлагал надежды на воссоздание Речи Посполитой с его помощью, сейм не созывался с 1820 г., была введена цензура, полиция совершала аресты без суда и следствия. Цесаревич Константин тратил большие суммы на военное дело, генералы растрачивали казенные деньги, следствием чего стали финансовые проблемы и рост налогов, вызывавший недовольство населения. Вместе с тем в Царстве Польском происходило развитие промышленности, в том числе и за счет обоснования там французских предпринимателей и инженеров. Среди них — Филипп де Жирар⁵⁸, известный

⁵⁵ Слухи о желании царя объединить в будущем западные окраины Российской империи с Царством Польским стали активно циркулировать уже после того, как в 1817 г. состоялось присоединение к 30-тысячной польской армии литовского полка, одетого в одинаковые с поляками мундиры. См.: *Beauvois D. Histoire de la Pologne*. Paris, 1995. P. 218.

⁵⁶ *Mémoire de Béchu sur sa mission à Varsovie* (AMAE. CP Russie. Vol. 161. F. 96).

⁵⁷ *Ibid.* F. 97.

⁵⁸ Филипп Анри де Жирар (1775—1845), уроженец Лурмарена на юго-востоке Франции, прибыл в Царство Польское, чтобы спастись от кредиторов. Участник объявленного в 1810 г. конкурса, по условиям которого изобретатель прядильной машины должен был получить 1 млн франков, он так и не увидел причитавшихся

своими изобретениями, такими как машина для прядения льна, основал льняную фабрику в окрестностях Варшавы в местечке, которое впоследствии стало называться Жирардув. С урбанизацией и развитием экономики все большее число французов оседало в пределах Царства Польского, так что потребность в консульском присутствии в Варшаве со временем возрастала.

Французское правительство стало рассматривать вопрос о преобразовании консульского агентства в настоящее консульство, возможно, рассчитывая тем самым задобрить цесаревича. Жан-Франсуа Мимо⁵⁹, литератор, бывший консул в Картахене (Испания) и Кальяри (Сардиния), казалось, был подходящей кандидатурой для назначения в Варшаву. Но министр Максанс де Дама предварительно пожелал убедиться в благоволении цесаревича к этому кандидату. Неожиданная смерть Александра I 19 ноября (1 декабря) 1825 г., последовавшее затем междуцарствие, восшествие на престол Николая I, восстание на Сенатской площади и процесс над декабристами отсрочили ответ цесаревича. Лишь в мае 1826 г. до Парижа дошло известие о том, что Константин в конечном счете отверг кандидатуру Ж.-Ф. Мимо.

Посол Ла Ферронэ не скрывал своей растерянности, сообщая министру следующее: «По-видимому, великий князь Константин настолько отсрочил свой ответ, чтобы иметь досуг навести о г-не Мимо самые детальные справки. Мне неизвестно, каковы источники, в которых Его Императорское Высочество почерпнул предубеждения против выбора министерства; но я знаю, что биограф г-на Мимо <...> сумел поставить ему в вину его отношения с г-ном Биньоном⁶⁰. Великий князь утверждает, что г-н Биньон отнюдь не оставил по себе в Варшаве воспоминаний, которые могут рекомендовать его друзей, и основываясь на столь легковесной причине, которая носит характер необъяснимого предубеждения, Его Императорское Высочество аргументирует свой отказ кандидатуры г-на Мимо»⁶¹.

Дружба с Луи Биньоном, публицистом и депутатом в 1820-е гг., явилась в глазах цесаревича достаточным основанием для того, чтобы

ему денег, вследствие медлительности имперской бюрократии и краха наполеоновской империи. См.: *Girbal Ph. Philippe de Girard, inventeur de genie, Lourmarinois. Lauris, 2009.*

⁵⁹ Жан-Франсуа Мимо (1774–1837), автор «Истории Сардинии», изданной в Париже в 1825 г.

⁶⁰ Луи Биньон (1771–1841), администратор и дипломат, имперский комиссар в Пруссии в 1806–1808 гг. и Австрии в 1809 г., представлял Наполеона в герцогстве Варшавском и Литве в 1811–1812 гг.; в эпоху Реставрации, в 1817 г. был избран депутатом, автор воспоминаний и 10-томной «Истории Франции», написанной по поручению Наполеона и изданной в 1829–1830 и 1838 гг.

⁶¹ Конфиденциальная депеша О. де Ла Ферронэ к Дама от 3 мая 1826 г. Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 170. F. 355).

вторично отклонить предложенную правительством Реставрации кандидатуру. Причина заключалась в прошлом Биньона, который в своем качестве посланника в герцогстве Варшавском в контексте предвоенной напряженности (март 1811 — июнь 1812) создал разветвленную разведывательную службу, позволившую ему регулярно поставлять в Париж сведения о России военного, географического и статистического характера. Впоследствии, уже после вторжения Наполеона и занятия им Вильно, Биньон возглавил созданное в Литве временное правительство. В контексте выявленного в Варшаве в 1826 г. тайного Патриотического общества, связанного с декабристами, и последовавшего ареста его членов, цесаревич более всего опасался, что друг Биньона, известного своей поддержкой польского национального движения, примется поощрять подогреваемые извне антироссийские настроения.

Тем не менее император Николай I, по просьбе Ла Ферронэ, попытался убедить великого князя Константина в необходимости пересмотреть решение, которое рисковало негативно сказаться на франко-российских отношениях. Цесаревич упорствовал в своем отказе. В мае 1826 г. кандидатура Ж.-Ф. Мимо все же была утверждена императором, и французский посол увидел в этом доказательство его стремления укреплять отношения с Карлом X. Однако навязывание цесаревичу неугодного ему консула было чревато всевозможными осложнениями, поэтому Ла Ферронэ посоветовал отсрочить отъезд Ж.-Ф. Мимо, тем более что раскрытие заговора среди польских офицеров создавало атмосферу политической напряженности в Варшаве⁶².

Жан-Франсуа Мимо так и не отправился в польскую столицу. Вместо него в Варшаву прибыл Реймон Дюран⁶³, назначенный консулом 19 июля 1826 г. с окладом в 11 тыс. франков. Ж.-Ф. Мимо получил назначение на освобожденный Дюраном пост консула в Венеции.

На этот раз французские власти постарались найти кандидата, не имевшего никакого отношения к наполеоновской эпопее. Роялизм Реймона Дюрана был безусловным и очевидным для всех. Родом из богатой семьи торговцев зерном из Лангедока, он рано лишился отца, погибшего на гильотине в 1794 г., после чего сын перебрался в Барселону, где со временем основал собственное дело. Его дебют в консульской

⁶² Дешеша О. де Ла Ферронэ от 31 мая 1826 г. Санкт-Петербург (АМАЕ. СР Russie. Vol. 170. F. 391).

⁶³ Луи-Мари-Реймон Дюран (1786—1837) состоял в родстве с высокопоставленными лицами эпохи Реставрации, депутатами и банкиром, которые принимали активное участие в консульской карьере своего племянника, так что его досье, хранящееся в дипломатическом архиве Министерства иностранных дел в Ла Курнёв, содержит большое количество адресованных ими просьб. См.: АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Durand № 1470.

службе пришлось на эпоху «Ста дней», благодаря рекомендации герцога Ангулемского, племянника Людовика XVIII, попытавшегося (безуспешно) организовать сопротивление продвижению Наполеона на юг. Наполеон мог бы тогда захватить герцога Ангулемского в плен, однако, надеясь на примирение с Европой, приказал генералу Груши, командовавшему войсками в районе Монпелье, дать герцогу возможность спастись, благодаря чему наследник Бурбонов смог перебраться из города Сет в Барселону на торговом корабле, принадлежавшем Реймону Дюрану⁶⁴.

Начав карьеру в Барселоне, Дюран был переведен в консульство Порто в 1816 г. и далее в Венецию в 1824 г., где оставался менее двух лет до назначения в Варшаву. По всей видимости, Дюран ничем не скомпрометировал себя в глазах великого князя Константина Павловича. Сменивший Ла Ферронэ в качестве посла Франции в России Казимир де Мортемар⁶⁵ проездом через Варшаву в мае 1828 г., заметил с удовлетворением, что Дюран оказался «на хорошем счету у великого князя, обыкновенно любим и уважаем населением, что делает ему тем больше чести, что он находится в деликатном положении под наблюдением суровой и хорошо организованной полиции»⁶⁶.

Эпилог

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что именно великий князь Константин Павлович выступил инициатором открытия в 1824 г. французского консульского агентства в Варшаве, которое в угоду ему было преобразовано в консульство в 1826 г. В то же время его стремление жестко контролировать процесс отбора кандидатов на этот пост имело следствием частые осложнения в двусторонних отношениях. Объяснение такому придирчивому поведению можно усмотреть в Русской кампании Наполеона 1812 г., в ходе которой французская администрация поддерживала в польских патриотах надежды на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.

Рискуя вызвать раздражение французской стороны, великий князь Константин Павлович тем не менее отклонил одна за другой

⁶⁴ *Turquan J.* La dernière dauphine. Madame duchesse d'Angoulême (1778–1851). 4e éd. Paris, 1909. P. 246.

⁶⁵ Казимир-Луи-Викторьен де Рошешуар, герцог де Мортемар (1787–1875), генерал, назначенный послом в России в марте 1828 г., в ходе первой кампании Русско-турецкой войны находился при генеральном штабе русской армии вместе с императором Николаем I.

⁶⁶ Деша К. де Мортемара от 16 мая 1828 г. Варшава (АМАЕ. СР Russie. Vol. 174. F. 181).

кандидатуры А. Кошле и Ж.-Ф. Мимо, движимый опасениями, что бывший интендант Белостока и друг Л. Биньона, посредством прежних знакомств, не преминули бы поставить под сомнение российское господство в Польше. Напротив, кандидатуры роялистов Г. Корду и Р. Дюрана, не запятнавших себя поддержкой польского национального дела, пришлось по вкусу русскому наместнику в царстве Польском.

Сменившая режим Реставрации Июльская монархия оставила Реймона Дюрана консулом в польской столице, несмотря на закрепившуюся за ним репутацию приверженца старшей ветви Бурбонов и в особенности герцога Ангулемского, которому он был обязан началом своей консульской карьеры. Пришедший к власти в результате Июльской революции Луи-Филипп I, представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов был настроен миролюбиво, тогда как отзыв консула из Варшавы мог бы дать лишний повод для осложнения политических отношений с Россией.

Император Николай I, как известно, в штыки воспринял известие о новой революции во Франции, свергнувшей легитимного короля Карла X, хотя и признавал определенную вину самого свергнутого монарха в сложившейся ситуации⁶⁷. Последовавшая за июльскими событиями в Париже августовская революция в Брюсселе с лозунгами отделения Бельгии от Объединенного королевства Нидерландов усилила негодование императора, придававшего большое значение поддержанию порядка, учрежденного на Венском конгрессе в 1815 г. Осенью 1830 г. распространились слухи о готовившемся Николаем I наступлении на Бельгию, в котором войскам Царства Польского отводилась роль авангарда, что спровоцировало взрыв возмущения в среде польских патриотов, нацеленных на восстановление независимой Речи Посполитой.

Ноябрьское восстание в Варшаве, в результате которого великий князь Константин Павлович вынужден был спасаться бегством из Бельведерского дворца, ввергло Царство Польское в тяжелые испытания. На весь период вызванных восстанием беспорядков и русско-польской войны, начало которой пришлось на февраль 1831 г., консульство Франции в Варшаве приобрело первостепенное значение. Польские патриоты уповали на французскую помощь, полагая найти в консуле Дюране проводника их чаяний перед правительством Июльской монархии. Однако Дюран занял отстраненную позицию в полном соответствии с правительственным курсом на невмешательство. «С первого дня восстания консул Франции в Варшаве г-н Реймон Дюран объявил многим членам сейма, что они не должны ожидать от

⁶⁷ *Высочков Л. Николай I. М., 2003. С. 361–365.*

его правительства ни поощрения, ни поддержки»⁶⁸. Луи-Филипп I, будучи реалистом, не хотел своими действиями в пользу польских повстанцев спровоцировать европейскую войну, в которой Россия, Пруссия и Австрия выступили бы против Франции единым фронтом. В этой миролюбивой политике Июльской монархии просматривается не только идеологическая составляющая, но и прагматичная оценка ситуации.

Последовавшее в декабре 1830 г. назначение чрезвычайным послом в России герцога де Мортемара, известного своими доверительными отношениями с Николаем I, должно было служить значимым залогом миролюбивой политики Луи-Филиппа I. Повстречав по дороге в Санкт-Петербург в конце января 1831 г. агентов повстанческого правительства, К. де Мортемар, основываясь на полученных им инструкциях, приложил усилия к тому, чтобы разубедить их в обоснованности надежд на французскую помощь. Более или менее подробные описания этой встречи ночью, посреди густого леса, в сильный холод, приводятся во многих трудах по истории внешней политики Июльской монархии для иллюстрации ее приверженности курсу на невмешательство⁶⁹. Однако увещевания посла Луи-Филиппа I не имели должного эффекта. Разгоряченные борьбой поляки уповали на то, что волна общественных манифестаций в Париже с требованиями их поддержки и демократическая оппозиция в парламенте возьмут верх над осторожной политикой короля.

В марте 1831 г., в атмосфере накала страстей в Палате депутатов консул Реймон Дюран стал в какой-то момент восприниматься как символическая фигура проводимой правительством Казимира Пьерье политики невмешательства, следствием чего стало выражение несдерживаемого негодования либералов в его адрес. За Дюраном закрепились репутация «карлиста», иными словами, легитимиста и, как следствие, предателя. Маркиз де Лафайет, патриарх европейской демократии, выступил против Дюрана с обличениями в том, что тот принес присягу новому режиму только после того, как цесаревич Константин посоветовал ему так поступить, исходя из собственных интересов, а именно из стремления предотвратить его замену кем-либо из либералов. В довершение скандала, по словам Лафайета, выходило, что великий князь Константин сам отправил министру М. Моле присягу

⁶⁸ *Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 2e éd. 8 v. Paris, 1859. Vol. 2. P. 280.*

⁶⁹ См., например: *Nouvion V. Histoire du règne de Louis-Philippe, roi des Français, 1830—1848. 4 v. Paris, 1858. Vol. 2. P. 189—192; Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. 2e éd. 8 v. Paris, 1859. Vol. 2. P. 280—281; Thureau-Dangin P. Histoire de la Monarchie de Juillet. 3e éd. 7 v. Paris, 1897. Vol. 1. P. 193; Montfort H. La Pologne. Paris, 1946. P. 182.*

консула, при полном одобрении императора и невозмутимости французского правительства⁷⁰.

Прозвучавшие с трибуны обвинения были два года спустя воспроизведены леворадикальным депутатом (впоследствии — социалистом-утопистом) Этьеном Кабе в хлестком памфлете, обличавшем короля в заискивании перед Николаем I. В качестве доказательства автор памфлета приводил среди прочего факт оставления Р. Дюрана консулом в Варшаве в 1830 г. «Этот консул, который не скрывал ни в коей мере своей привязанности к Карлу X, принес присягу Июльской революции лишь после того, как выслушал мнение Константина на этот счет, и руководствуясь лишь советом этого русского, данным в интересах России»⁷¹. По мнению Кабе, характеризовавшего Дюрана как приверженца сохранения Польши под пятой «московского колосса», министерство не могло не знать о его легитимистских пристрастиях. В результате, заключал Кабе, Луи-Филипп и министр иностранных дел О. Себастиани действовали как его сообщники, бросив поляков на произвол судьбы. «Консул Дюран, преданный Карлу X и Николаю, внушал только недоверие полякам и был им бесполезен: его равнодушные, его раздражение против польской революции, могли принести этой последней только вред; это враг; лживость его донесений такова, что в марте Себастиани счел, что русские штурмом взяли Варшаву, тем не менее, он оставил его на посту, несмотря на неотступные просьбы польской дипломатической миссии заменить его кем-нибудь другим»⁷².

Жесткая критика Реймона Дюрана в Палате депутатов и публицистике за равнодушие к делу польского освобождения несколько не повредила его положению. После вступления русской армии в Варшаву 27 августа (8 сентября) 1831 г. и принятия 14 (26) февраля 1832 г. Органического статута Царства Польского, упразднившего полученные ранее по конституции 1815 г. элементы польской государственности, Дюран остался консулом в Варшаве, против чего российская сторона не возражала. Более того, тактика сдержанного наблюдателя, которой придерживался Дюран в ходе восстания, была по достоинству оценена Николаем I, который наградил французского консула орденом Св. Анны 2-й степени.

⁷⁰ Для того чтобы утверждение не звучало голословно, Лафайет ссылался на письмо великого князя Константина, адресованное в Санкт-Петербург 6 (18) сентября 1830 г. // *Sarrans B. Lafayette et la Révolution de 1830: histoire des choses et des hommes de Juillet*. 2 vol. Paris, 1833. Vol. 2. P. 13–14.

⁷¹ *Cabet. Révolution de 1830 et situation présente (novembre 1833) expliquées et éclairées par les Révolutions de 1789, 1792, 1799 et 1804 et par la Restauration*. 3e éd. Paris, 1833. P. 52.

⁷² *Ibid.* P. 56.

Французские официальные круги также не имели оснований для недовольства им. По словам самого Дюрана, в частной аудиенции в декабре 1835 г. Луи-Филипп I выразил ему свое удовлетворение точностью, с какой «польская революция» была представлена в его депешах. «Действительно, я писал по три рапорта в неделю, и они были примечательны своей верностью»⁷³. Повышение в звании до генерального консула стало бы для Дюрана реальным признанием его заслуг. Скорее всего, такое повышение было бы хорошо воспринято и императором Николаем I, который усмотрел бы в нем признание произведенных им в Царстве Польском перемен. Тем не менее, несмотря на посулы французского правительства, сделанные еще в 1831 г., Реймон Дюран так и остался представлять Францию в Варшаве в звании консула до начала 1837 г., когда проблемы со здоровьем потребовали немедленно его возвращения в родной Монпелье.

⁷³ Письмо Р. Дюрана к Моле от 29 октября 1836 г. Варшава (АМАЕ. Personnel lère série. Dossier Durand № 1470).

ОБРАЗ НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ: РУСОФОБЫ ИЛИ РУСОФИЛЫ?*

Н. П. Таньшина

Годы правления в России императора Николая I (1825–1855), а во Франции – короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848) были отмечены резким обострением двусторонних отношений, что было связано с негативным отношением российского государя, убежденного защитника принципа легитимизма, к режиму, рожденному Июльской революцией 1830 г. На это время приходится всплеск антирусских настроений во французском обществе и в политической элите Франции, а русофобия становится устойчивым явлением. Несмотря на крайне ограниченные контакты между двумя странами интерес французов к России оставался достаточно высоким. Какой же образ Российской империи воссоздавали на страницах своих работ французские путешественники, побывавшие в нашей стране?

Хрестоматийным стал взгляд на нашу страну, запечатленный в книге маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». О книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» написано множество работ. Наверное, она является самой известной и скандальной книгой о России. По ней судили и судят о России по сию пору, из нее выдергивают цитаты как в пользу России, так и против нее. П. П. Черкасов справедливо отмечает, что путешествие маркиза имело весьма негативные последствия для репутации Российской империи, которая оказалась основательно «подмоченной» по меньшей мере на полтора столетия вперед¹. Однако можно ли считать выводы, сделанные Кюстином, не говорившим по-русски, пробывшим в России только два месяца, посетившим лишь четыре города, объективными и обоснованными? Составил ли он адекватное представление о стране, ее народе и политических нравах? Как справедливо подчеркивает П. П. Черкасов, «... автор и не ставил перед собой столь широких задач. Ни народ, ни русская культура его не интересовали. Зато государственная система и политические нравы, утвердившиеся в Российской империи, вызы-

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

¹ Черкасов П. П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 76.

вали нескрываемый интерес у путешествующего литератора, равно как и живые символы этой системы – придворные, министры и чиновники»².

Легитимист Кюстин, отец и дед которого были гильотинированы в эпоху террора, прибыл в Россию с искренним намерением найти здесь веские аргументы против либерально-конституционных тенденций, характерных для Июльской монархии. Поездка в Россию явилась для него своеобразным экспериментом: он хотел понять, способна ли абсолютная монархия оправдать надежды, которые на нее возлагали французские легитимисты.

Однако когда французский аристократ побывал в России, он отказался от своего первоначального замысла и написал обширный четырехтомный памфлет, в котором его впечатления от путешествия были облечены в форму сатирической публицистики³. Кюстин вернулся из России убежденным противником абсолютной монархии и сторонником представительного правления как наименьшего из зол⁴. Он писал: «Уезжая из Парижа, я полагал, что лишь тесный союз Франции и России способен внести мир в европейские дела; но, увидев вблизи русский народ и узнав истинный дух его правительства, я почувствовал, что этот народ отделен от прочего цивилизованного мира мощным политическим интересом, опирающимся на религиозный фанатизм; и мне думается, что Франция должна искать себе поддержку в мире тех наций, которые согласны с нею в своих нуждах»⁵.

Кюстин не спешил публиковать свою работу. Да и издание книги было непростой задачей. Его «Испания во время правления Фердинанда VII» вышла в свет только в 1838 г., тогда как Кюстин посетил Испанию в 1831 г., а король Фердинанд VII умер в 1833 г.

Анонсированная в «Библиографии Франции» 13 мая 1843 г., «Россия в 1839 году» поступила в продажу в магазине П.Ф. Амие по цене 30 франков за 4 тома. Издание быстро разошлось, и в ноябре вышло второе издание за 14 франков тиражом в 3 тыс. экземпляров. И снова успех! Этот успех заставил журналистов обратить внимание на эту работу в последние месяцы 1843 г. и в первые месяцы 1844 г. От одного издания к другому Кюстин вносил в текст какие-то фрагменты или дополнения. В 1846 г. вышли еще два издания. Пятое издание,

² Черкасов П. П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. 2009. № 3. С. 76.

³ Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. Т. 31/32. Русская культура и Франция. М., 1937. С. 156.

⁴ Литература о книге А. де Кюстина обширна, см., например: Мильчина В. Несколько слов о маркизе Кюстине, его книге и первых русских читателях // Мильчина В., Осповат А. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». СПб., 2008.

⁵ Кюстин А. де. Указ соч. С. 346.

опубликованное в июле 1854 г., было особенно заметным — оно появилось во время Крымской войны, что придавало книге пророческий смысл.

Книга Кюстина имела большой общественный резонанс. В каждой стране у нее были как поклонники, так и противники, причем первых было гораздо больше, особенно в Германии. Во Франции же, по словам французского исследователя Мишеля Кадо, напротив, политическая метаморфоза, превратившая убежденного легитимиста в сторонника конституционного режима, была слишком внезапной, чтобы не вызвать подозрения. Это вовсе не означало, что книгу не читали, но читали ее во многом вопреки, а не благодаря появлявшимся критическим статьям⁶. Однако как бы к книге не относились, как справедливо отмечал М. Кадо, после А. Кюстина никто не мог писать о России так, как писали до него⁷. В России книга была немедленно запрещена, благодаря чему стала одной из самых читаемых в свете в сезон 1843—1844 гг.

Несмотря на то, что в России возобладали точка зрения императора Николая I — взирать на все публикации с холодным равнодушием — антикюстиновская пропаганда под руководством Третьего отделения была весьма активна (другое дело, что не особенно эффективна). В ней были задействованы выдающиеся умы эпохи — Ф.И. Тютчев, П.А. Вяземский и многие другие. Работа князя Вяземского «Еще несколько слов о работе г-на Кюстина “Россия в 1839 году” по поводу статьи в “Le Journal des Debats” от 4 января 1844 г.», может быть, является самой сильной в длинном списке опровержений⁸. Петр Андреевич тонко подметил основные причины успеха книги Кюстина. *Во-первых*, она состояла из набора устоявшихся штампов и стереотипов, воссоздавая распространенный на Западе образ России. То есть французы видели в России то, что хотели увидеть, как это было, например, в ходе Отечественной войны 1812 г., когда, обработанные пропагандистской машиной, офицеры видели под Смоленском северное сияние и белых медведей, о чем сообщали в своих мемуарах. Поэтому книга Кюстина применяется на Западе и к России сталинской, и к России брежневской, и к России современной. *Во-вторых*, что не менее важно, книга провоцировала скандал, и уже одно это предвещало ей успех. Как писал Петр Андреевич, «если людям нравятся сказки, то еще больше им

⁶ Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. P., 1967. P. 242—243.

⁷ Ibid. P. 540.

⁸ Французский текст статьи Вяземского содержится в книге М. Кадо «Россия в интеллектуальной жизни Франции. 1839—1856» и используется в авторском переводе по этому изданию. Первый перевод на русский язык был сделал Г.А. Невелевым: *Невелев Г.А.* А. де Кюстин и П.А. Вяземский // Теоретическая культурология и проблемы отечественной культуры. Брянск, 1992. С. 66—93.

нравится шумиха и скандал. Это прекрасная пища для бездельников, людей простодушных и доверчивых. Стоит ли удивляться тому, что эта работа, написанная, очевидно, исключительно с целью угодить современным политическим настроениям, имела резонанс?»⁹.

Кстати, это прекрасно понимал и сам Кюстин. В своей книге он приводит очень точное наблюдение императрицы Александры Федоровны, заметившей в разговоре с ним: «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас знают очень мало и не хотят узнать лучше»¹⁰. Это весьма характерная деталь: она объясняет, почему из книги Кюстина, где было сказано много хорошего о России, надергали нужных цитат, составив своеобразный дайджест, или пасквиль о России, растиражировав удобные клише и стереотипы.

И это же объясняет абсолютную неизвестность других книг о России, позитивных, написанных современниками Кюстина, а их было немало. Но такие книги, не имеющие скандально-памфлетного характера, имели гораздо меньше шансов стать бестселлерами.

Например, одна из них принадлежит барону Просперу де Баранту, в 1835–1841 гг. являвшемуся посланником Франции в России¹¹. Книга Баранта «Заметки о России», местами тоже критическая, но в целом доброжелательная, в немалой степени разрушала сформировавшиеся во Франции и на Западе стереотипные представления о России: Барант считал, что Россия, при всей ее самобытности, являлась неотъемлемой частью западной цивилизации, а не дикой и варварской страной. Но именно по этой причине его книга и оказалась забыта (она была опубликована только один раз в 1875 г., на русский язык не переводилась): иностранцам импонирует другой взгляд на Россию, кюстиновский¹². Характерно, что французские исследователи, изучавшие работу Баранта, в частности М. Кадо, весьма объективный историк, вовсе

⁹ *Vyazemsky P.A.* Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // Cadot M. Op. cit. P. 265–266.

¹⁰ *Кюстин А.* Указ. соч. С. 163.

¹¹ После дипломатического инцидента 1841 г. барон де Барант и граф П.П. Пален не вернулись к исполнению своих обязанностей, хотя официально отозваны не были, а интересы двух стран представляли поверенные в делах.

¹² См.: *Таньшина Н.П.* «Заметки о России» французского дипломата барона де Баранта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 184–204; *Она же.* «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Материалы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016 г. Ялта, 2016; *Она же.* Маркиз де Кюстин и барон де Барант; два образа России в исторической памяти // Образы будущего России: желаемое-возможное-необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, МПГУ, 8–9 июня 2016 г. М., 2016. С. 75–84.

не зараженный антирусскими настроениями, считал работу Баранта враждебной России. Он вообще полагал, что наиболее критические свидетельства о России принадлежат путешественникам, находившимся в нашей стране продолжительное время¹³. Но это уже к вопросу о том, что у книги столько интерпретаций, сколько у нее читателей. Каждый видит то, что хочет увидеть, а цитат для создания крайне одиозного образа России можно надергать и у Проспера де Баранта.

Не менее показательной является и работа Шарля де Сен-Жюльена, французского журналиста и писателя (1802–1869), многие годы работавшего в России¹⁴. Весной 1851 г. он совершил долгое путешествие через Москву, Нижний Новгород, Казань, потом по Волге добрался до Астрахани; оттуда направился на Кавказ, в курортные города Пятигорск, Кисловодск и оказался в Тифлисе. Обратный путь проделал через Тамань, Керчь, Крым, Херсонес, Одессу, украинские степи и Киев. В 1853 г. Сен-Жюльен опубликовал о своем путешествии весьма увлекательную книгу под названием «Живописное путешествие по России»¹⁵.

Как полагал М. Кадо, Сен-Жюльен вернулся в Россию искать успеха, который не мог обрести во Франции, отсюда и его доброжелательный тон. В предисловии к книге, написанном в Петербурге в мае 1853 г., он объясняет свой замысел: уже давно у него возникла идея написать книгу о России, политическое влияние которой в Европе заметно возросло. Однако, по словам Сен-Жюльена, за исключением небольшого коли-

¹³ Cadot M. Op. cit. P. 539.

¹⁴ См. о нем: *Сперанская Н.М.* Шарль де Сен-Жюльен – французский журналист в России // *Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века.* М., 2013. В 1831 г. он был приглашен на должность старшего лектора французского языка и истории французской литературы на филологический факультет Петербургского университета, издавал в Петербурге газету «le Furet». В 1834 г. Сен-Жюльен опубликовал «Краткий курс французской литературы», прочитанный им в 1833–1834 гг. Он познакомил Россию с Виктором Гюго, несмотря на негативное отношение к писателю со стороны императора Николая I. В 1836 г. Сен-Жюльен был назначен библиотекарем в Румянцевский музей. В 1840 г. он опубликовал «Книгу для чтения по французскому языку», и анонимно – «Путеводитель по Санкт-Петербургу». Именно этот путеводитель изучал Бальзак перед поездкой в Россию. Осенью 1846 г. Сен-Жюльен вышел в отставку и тогда же стал членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук с чином «надворного советника». Он писал сценарии или адаптировал сценарии других авторов для французской труппы Михайловского театра. Летом 1847 г. он вернулся во Францию, а уже 1 октября «la Revue des Deux Mondes» опубликовал первое из его больших исследований о русской литературе под заголовком «Пушкин и литературное движение России за последние сорок лет». В России работа была воспринята критически.

¹⁵ *Saint-Julien Ch. de.* Voyage pittoresque en Russie. P., 1853. В следующем году эта работа была опубликована в книге вместе с работой М. Бурдьё «Путешествие по Сибири». См: *Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Siberie, par M.R. Bourdier.* P., 1854. Цитаты далее приводятся по этой работе.

чества работ, публиковавшихся в «la Revue des Deux Mondes» и некоторых других изданиях, о России издавались только памфлеты или книги, содержащие массу заблуждений. Россия, по его мнению, остается terra incognita для Европы, отдаленная от нее расстоянием, незнанием языка и нехваткой серьезного изучения на местности. По его мнению, «путешествие по России может быть плодотворным только после глубокого погружения в ее историю, язык, обычаи»¹⁶.

Сен-Жюльен говорит об огромном прогрессе, достигнутом Россией, вовсе не чуждой европейской цивилизации. Причем, по его словам, ощутимые изменения затронули все слои общества. Если в его прежний визит одна русская барышня на его вопрос, какие из французских новинок она читала, простодушно ответила: «Мольера», то спустя десять лет дамы в салонах мелкопоместного дворянства были неплохо осведомлены о современной французской литературе. И сами салоны изменились: если прежде они поражали француза просто обилием угощений и напитков, то теперь приемы стали более изысканными¹⁷. И при этих изменениях, по мнению Сен-Жюльена, русские смогли сохранить свою национальную идентичность, самобытность, не подверженную никаким пертурбациям. Он пишет, что славянский характер остался тем же, и «старый боярин, старая Русь навсегда в нем остались»¹⁸. Более того, по его мнению, вместе с приобщением России к принципам европейской цивилизации национальный дух «повсюду пустил еще более мощные корни»¹⁹. Сущность же русского национального характера француз выразил предельно лаконично, и заключается она в одном слове: «авось», или «avos», в интерпретации автора: «Никакие бедствия не смогут покорить Россию. Avos спасет от всего; это непере译имое слово означает одновременно веру в Бога, надежду на судьбу, подчинение силе вещей»²⁰. Единственное, чего не хватает русским, по мнению Сен-Жюльена, это дара предвидения.

Несмотря на то, что Сен-Жюльен особо оговаривал, что его книга находится вне политики и не отражает какую-либо политическую доктрину, уйти от политики ему не удалось, и политическая позиция автора видна с первых страниц книги. Прежде всего это проявляется в его отношении к абсолютной власти, которую он считает «прогрессивной и правильной». По его словам, «идеи разумных реформ и полезных улучшений занимают лучшие умы, включая императора»²¹. Император Николай, которого Сен-Жюльен именуется «достойным последовате-

¹⁶ *Saint-Julien Ch. de. Voyage pittoresque en Russie...* P. 4–5.

¹⁷ *Ibid.* P. 221–223.

¹⁸ *Ibid.* P. 5.

¹⁹ *Ibid.* P. 15.

²⁰ *Ibid.* P. 5.

²¹ *Ibid.* P. 15.

лем» Петра Великого, «не имеет времени быть царем-бездельником»²². При этом, подчеркивал он, Николай наследовал только положительные качества Петра I: «Он имеет силу воли, твердость принципов, моральную мощь своего предка, но у него нет жестокости его характера. Его бояться и любят (добавим в скобках, идеальное сочетание по Макиавелли. — *Н. Т.*), особенно народ, который очень редко ошибается в своих чувствах по отношению к тому, кто им управляет»²³. Кроме того, Сен-Жюльен был убежден, что абсолютная власть в России направлена только во благо подданных; «она становится бессильной, если захочет сделать зло»²⁴. Это связано, по мнению путешественника, с тем, что в России, как и в Европе, существует общественное мнение: «Злоупотребления властью возможны только во времена варварства или революционной диктатуры. Иван IV больше невозможен в наши дни в России, как невозможен Людовик IX во Франции»²⁵. Как видим, Сен-Жюльен был весьма далек от того, чтобы ассоциировать образ власти в России с «черным мифом» об Иване Грозном. Абсолютная власть, по его словам, персонифицирует «в своем отеческом действии все живые силы страны». Отсюда «национальность абсолютной власти, то есть ее соответствие национальным интересам»²⁶.

Как и Барант, Сен-Жюльен не ограничился только посещением столиц. Помимо Нижнего Новгорода, пункта «обязательной программы» для иностранных путешественников, он побывал в Астрахани, на Кавказе, где ему очень понравилось, поэтому покидал он этот гостеприимный край с большим сожалением: «Я испытал там незабываемые эмоции, повстречал удивительных людей. Я там нашел все то, что может возбудить воображение и очаровать душу: в целом жизнь, наполненную приключениями, и дружеские сердца»²⁷.

После Кавказа его ждал Крым; причем он намеревался путешествовать как настоящий цыган, ночуя в палатке в степи. Из Тифлиса он направился в Кисловодск, потом в Пятигорск, через Тамань — в Крым.

По мнению Сен-Жюльена, Крым остается территорией, известной только в теории: «Все знают о том, где находится Крым, этот почти остров. Знают, что он плодороден, богат и живописен, что он имеет тенистые долины с журчащими ручьями, что красоте его мест и видов позавидовали бы Швейцария и Италия. Все это знают, но никто этого не видел, и потому я хотел его увидеть своими глазами...»²⁸ В этом

²² Ibid. P. 15–16.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Ibid. P. 15.

²⁵ Ibid. P. 16.

²⁶ Ibid. P. 14.

²⁷ Ibid. P. 405–406.

²⁸ Ibid. P. 414.

проявляется весьма характерная деталь: о России все путешественники пишут так, будто до них никто и никогда о ней не писал (а в Крыму побывали многие путешественники, в том числе французы, и многие оставили свои наблюдения, как, например, П. Гибаль и П. де Барант). Как ученого-филолога его особенно привлекал Херсонес Таврический, именно туда был устремлен его взор! Он отмечал большой прогресс, достигнутый в Керчи, после того, как она в 1774 г. перешла к России. В отличие от многих иностранцев, подчеркивавших, что после присоединения Крыма к России татары были вынуждены покинуть свои места, что привело к упадку полуострова, Сен-Жюльен отмечал, что, действительно, татары оставили Керчь и она, действительно, обезлюдела. «Но за 30 лет Керчь совершила значительный прогресс. Ее торговля возрастает с каждым днем. И сегодня она может забыть об исходе татар. Керчь должна стать одним из важнейших городов полуострова. И это уже происходит»²⁹, — такой вывод делает Сен-Жюльен. Вообще, в Керчи его привлекали прежде всего «ее греческое имя, ее греческое происхождение и античное прошлое»³⁰.

Поэтому с огромным нетерпением путешественник желал увидеть Херсонес Таврический. Он писал: «Ступив на знаменитый берег Херсонеса, я испытал нечто вроде электрического разряда»³¹. Его переполняли эмоции. Если Россия в целом — это незнакомая ему культура, то в Херсонесе на него нахлынули «воспоминания о прошлом, об античных памятниках, социальных потрясениях, исторических революциях. Немного в мире земель, история которых уходит так глубоко, как история Крыма»³².

Еще Сен-Жюльен хотел увидеть Крым татарский. Он провел настоящую классификацию татарского населения, разделив его на три группы: татары, проживающие на южном побережье полуострова; татары городов северного Крыма, живущие в горах; татары степные. Последние, по его словам, сохранили чистоту расы, не смешиваясь с монголами. Они занимаются земледелием, скотоводством, но не разводят сады³³. Среди горных татар доминирует тюркский тип, особенно в высших классах. У южных татар преобладает почти монгольский тип. Эти татары ленивые; они довольствуются фруктами, табаком и выпечкой. В целом же татары Крыма, по мнению Сен-Жюльена, «достойные, трезвые и гостеприимные». «Что касается недостатков, то я скажу так: у какого народа их нет? Да, они нечистоплотные, но это проистекает из их природы. Да,

²⁹ *Saint-Julien Ch. de. Op. cit. P. 416.*

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibid. P. 409.*

³² *Ibidem.*

³³ *Ibid. P. 411–412.*

они не всегда держат слово, но только по отношению к христианам. Я же замечаю у них только хорошие качества»³⁴.

С другой стороны, Сен-Жюльен порой воспроизводит хрестоматийные представления о татарской лени: «Эти три класса татар ничего ни у кого не просят. Объем их труда пропорционален их потребностям, а сумма их удовольствий регулируется их состоянием»³⁵.

Оказавшись в Феодосии, он отметил ее удобное местоположение, но больше всего его поразило название одного из отелей, «La Ville de Paris»: «Приехать в Херсонес Таврический, чтобы разместиться в отеле с таким названием!» Поэтому Сен-Жюльен выбрал гостиницу с названием «Ville de Constantinople», что гораздо больше соответствовало местному колориту³⁶.

Ему был очень интересен Бахчисарай, по его словам, его важнейшая цель в Крыму (хотя до этого такой целью был Херсонес, как мы знаем). Он описывает ханский дворец, где все «все утопает в садах и фонтанах, наполнено запахами, свежестью, тенью и тайной, самой фееричной вещью на свете»³⁷. Он описывает фонтан, «воспетый Пушкиным в его знаменитой поэме»³⁸. Бахчисарай для него — это татарская Гренада; город, сумевший сохранить свой древний характер³⁹.

Севастополь как военный порт его не заинтересовал (видимо, потому что он ученый, а не политик). Из Севастополя он совершил 36-часовое морское путешествие на пароходе в Одессу. «Вот город, происхождение которого может сравниться с Венецией или Амстердамом, не обстоятельствами, предшествовавшими его рождению, но скорее, случаю, которым он обязан своему рождению. Когда подумаешь, что еще в конце прошлого века не был заложен первый камень, поражаешься этому городу. В 1792 г. на месте, которое занимает сегодня этот большой город, этот замечательный порт, была только маленькая татарская деревушка и турецкая крепость»⁴⁰.

По его словам, после того как герцог Ришелье в 1803 г. стал губернатором Одессы, под его руководством эта территория родилась во второй раз, а всего спустя 60 лет превратилась в замечательный город с 72 тыс. жителей. Ришелье он именует «подлинным создателем новой столицы Новороссии»⁴¹. Правда, по его мнению, в городе доминирует торговый дух, поэтому не стоит там искать «ничего для души, ума

³⁴ Ibid. P. 412–413.

³⁵ Ibid. P. 413.

³⁶ Ibid. P. 418.

³⁷ Ibid. P. 425.

³⁸ Ibid. P. 427.

³⁹ Ibid. P. 426–427.

⁴⁰ Ibid. P. 433–434.

⁴¹ Ibid. P. 435.

и чувств. Там, где деньги занимают первое место, не надо думать ни об искусствах, ни о душе, ни о чувствах». В то же время через Одессу Европа получала зерно: «Одесса кормит Европу во времена неурожая, и даже этой зимой, что бы делала Европа без Одессы?»⁴²

Потом по степям через Херсон и Екатеринослав Сен-Жюльен направился в Киев. Теперь Киев — его главная цель: «Теперь я вижу только Киев, Киев древний и благочестивый!»⁴³ Пишет о стенах времен Ярослава Мудрого (в его интерпретации — Великого), которые должны были «поразить варваров»⁴⁴, видимо, имея в виду степные народы. То есть русские для него не варвары. Киев для него «город московитской веры», «колыбель могущества» Руси, «бывшая столица Владимира Великого», «река, где крестились народы». Его поразила Киево-Печерская лавра, особенно «священные катакомбы этого московитского Рима, но не пустые, как Рима латинского. Здесь покоятся в саркофагах тела мучеников и святых»⁴⁵.

В целом же можно сказать, что взгляд Сен-Жюльена на Россию весьма доброжелательный, позитивный. Работа написана очень ярко, создавая привлекательный для иностранцев образ России. Как полагал М. Кадо, книга Сен-Жюльена не стала бестселлером: она появилась в очень неподходящий момент, накануне Крымской войны, когда публике было не до травелогов, особенно если в них Россия описывалась в позитивном ключе, а противник априори не может быть привлекательным. На мой взгляд, появившись она в другое время, и тогда вряд ли стала бы популярной: как известно, хорошая история — это негативная история, но и тут важно не переборщить, о чем мы еще поговорим.

Бывали в России и другие французы, стремившиеся разрушить отождествление русских с «казаками» и «варварами», например, легитимист граф Поль де Жюльвекур. В России он даже женился на Лидии Николаевне Кожиной, побочной дочери Николая Сергеевича Всеволожского⁴⁶, и в целом приезжал в нашу страну не за несколькими быстрыми репортажами, как другие путешественники.

В 1834 г. вместе с Жюлем Сен-Феликсом⁴⁷ Жюльвекур опубликовал книгу «Вокруг света» (*Autour du monde*), посвященную России. Он был поражен Петербургом, его гранитными набережными, памятниками; повсюду он видел руку Петра Великого. Русский абсолютизм его

⁴² *Saint-Julien Ch. de*. Op. cit. P. 434–435.

⁴³ *Ibid.* P. 435.

⁴⁴ *Ibid.* P. 443.

⁴⁵ *Ibid.* P. 443–444.

⁴⁶ Н.С. Всеволожский (1772–1857), российский государственный и военный деятель, историк, топограф.

⁴⁷ Сен-Феликс Жюль (Феликс д'Аморе), французский поэт и писатель (1806–1874), автор множества романов и исторических очерков.

тоже не возмущал. Он не испытывал никакой антипатии к Николаю I и даже пытался реабилитировать его в глазах французов.

В 1837 г. появилась вторая книга Жюльвекура – «Балалайка, русские народные песни и поэзия, переведенные в стихах и прозе»⁴⁸. Это изложение его мыслей и впечатлений от литературной России. Значительную часть книги составляют переводы, сделанные в том числе Пушкиным, Венедиктовым, Баратынским. В предисловии автор подробно излагает свои взгляды, утверждая, что вплоть до настоящего времени Россия в целом была французам не известна: жители старой Европы, сидя за одним европейским столом с Россией, отворачивались от нее как от соседа-варвара⁴⁹. Как справедливо отмечал французский исследователь Шарль Корбе, это общая черта всех французских работ: все авторы пишут так, будто бы до них никто Россию не изучал.

По Жюльвекуру, это не Россия является варварской, а, напротив, современная Европа погрязла в революциях и возвращается к варварству. Россия же является оплотом порядка против «революционной пропаганды». Сегодня, как пишет Жюльвекур, европейцы запрашивают «паспорта в Петербург и Москву. Рим и его бывшее величие их больше не интересует. Будущее находится на берегах Невы»⁵⁰.

Россия, следовательно, идет не в хвосте, а в авангарде цивилизованных наций. В плане просвещения и цивилизации она ничем не уступает Европе, разве что, возрастом: Россия, по словам Жюльвекура, страна молодая, но в этом заключается ее достоинство: она полна сил и надежд, ею движет любовь, в том числе к семье и отечеству, тогда как страны старушки-Европы, с их иссохшей душой, руководствуются только эгоизмом и чувством наживы»⁵¹.

Как отмечал М. Кадо, это открытие до Жюльвекура сделали еще эмигранты в годы Революции конца XVIII в., радушно принятые императрицей Екатериной II. Правда, они не прониклись так глубоко духом русской цивилизации, чтобы восхищаться ею. Жюльвекур же попытался Россию понять. Причем он подчеркивал, что Россию нельзя изучать на расстоянии и судить о ней по европейским стандартам, поскольку «если ее голова находится в Европе, ее физиономия – в Азии, то ее душа – у Бога»⁵².

Изучение русского общества открыло ему, как он решил, земной рай, где все организовано во благо людей: «Мы думали увидеть здесь варварское, тираничное правительство, без законов, без институций,

⁴⁸ *Julvécourt P. de*. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. P., 1837.

⁴⁹ *Ibid.* P. VI.

⁵⁰ *Ibid.* P. VII.

⁵¹ *Ibid.* P. VIII.

⁵² *Ibid.* P. XI–XII.

без юстиции, и вот, при более близком знакомстве с Россией наша происходящая от невежества ненависть сменяется истинным восхищением. При этом режиме, называемом деспотическим, преобладает чувство патернализма. Этот патернализм распространяется на все общество, от императора до последнего из его подданных...»⁵³

Власть императора, который в Европе, по словам Жюльвекура, воспринимается не иначе, как «северный султан, своей «железной рукой давящий на каждого из своих подданных», вовсе не является деспотичной. Он отмечает патерналистский характер власти в России: «Государь окружен народом, который любит и обожает его, как родного отца. Издаваемые им указы зачастую менее произвольные, чем ордонансы наших гражданских королей, издаваемые при участии представительных палат»⁵⁴.

Соответственно система крепостного права в России, по Жюльвекуру, также является формой патернализма, а вовсе не эксплуатации: «... эти так называемые рабы, живя под патронажем своих хозяев, в гораздо меньшей степени рабы, нежели мы, живущие под защитой конституции и не имеющие свободы»⁵⁵.

Жюльвекур, вероятно, намеревался посвятить свою жизнь изучению России и опубликовать когда-нибудь серьезную работу на эту тему, однако у него не хватило времени исполнить задуманное: в конце 1840-х гг. он умер от аневризмы⁵⁶. Что касается «Балалайки», то, по мнению князя А.В. Мещерского, книга не имела большого успеха во французском обществе⁵⁷.

В Россию дважды приезжала принцесса Матильда Бонапарт, дочь Жерома Бонапарта, племянница Наполеона⁵⁸, вместе со своим супругом Анатодем Демидовым. Ее воспоминания, в которых описывается их путешествие в Россию, публиковались в журнале «la Revue des Deux Mondes» в 1927 и 1928 гг. под названием «Воспоминания о годах изгнания»⁵⁹.

Николай пригласил принцессу присутствовать на бракосочетании своего сына Александра с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской, состоявшемся в Москве 16 (28) апреля 1841 г. Дорога из Петербурга в Москву показалась Матильде мрачной, она с ужасом описывала жи-

⁵³ *Julvécourt P. de.* Op. cit. P. XI–XII.

⁵⁴ *Ibid.* P. IX.

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P., 1967. P. 192.

⁵⁷ *Мещерский А.В.* Из моей старины // Николай I. Портрет на фоне империи. М., 2011. С. 234.

⁵⁸ Ее мать, Екатерина Вюртембергская, была кузиной Николая I.

⁵⁹ *Mathilde, princesse de.* Souvenirs des années d'exil // *Revue des Deux Mondes.* 1927. 15 déc. 1928. 1, 15 janvier.

лища крестьян — «норы, вырытые в земле, покрытые опавшими листьями и навозом», где люди и животные жили вместе, являясь добычей паразитов⁶⁰.

Но вот об императоре Николае у нее остались совсем иные воспоминания. Находясь в Москве, она видела, как на Красной площади толпа народа встречала Николая криками «Ура!»: «Тысячи людей осадили его коня, пытаясь его коснуться, и когда им это удавалось, они крестились». Матильда была поражена зрелищем подобного «восхищения, без всякого намека на пошлость и подобострастие». Николай, по ее словам, принимал эти «безумные проявления [любви] со слезами на глазах, проникнутый не надменностью, но признательностью»⁶¹.

По словам М. Кадо, принцесса Матильда разрешила одну из важнейших проблем, волновавшую западных наблюдателей: они полагали, что русские так поклоняются своим государям исключительно из чувства вечного страха. Матильда же говорит не о страхе, а о привязанности народа к монарху и восхищении им (об этом, как мы знаем, писал и Сен-Жюльен)⁶². По мнению исследователя, лестные слова Матильды в адрес императора — это не что иное, как благодарность за любезный прием, оказанный ей Николаем⁶³. На мой взгляд, Матильда в своем восхищении императором была искренней.

Бывали в России и технические специалисты. В 1838 г. для геологических исследований южных земель — Кавказа и степей Каспийского моря, в Россию отправилась супружеская чета Ксавье и Адель Оммер де Гелль. За открытие в 1839 г. железного рудника на берегу Днепра император Николай I наградил Ксавье орденом Св. Владимира. В 1841 г. семья путешествовала по Молдавии и югу России. В 1848 г. Ксавье Оммер де Гелль умер от дизентерии в Персии, а Адель в 1860 г. еще раз побывала в России. Супруги оставили ряд работ о путешествиях по Кавказу, степям Каспийского моря, Крыму и югу России⁶⁴.

Как полагал М. Кадо, супругам в России явно не понравилось. У меня же по прочтении работ Адель Оммер де Гелль сложилось иное мнение. Сам факт того, что по следам путешествия по России и Молдавии Адель выпустила поэтический сборник, показателен. А после прочтения ее поэмы о Крыме создается впечатление, что она

⁶⁰ Ibid. 1928. 15 janvier. P. 378.

⁶¹ Ibid. P. 379.

⁶² Cadot M. Op. cit. P. 145.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ *Hommaire de Helle X.* Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. T. 1—3. P., 1843—1845; *Hommaire de Helle A.* Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell. Orient, Russie et Moldavie. P., 1846; *Hommaire de Helle A.* Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. P., 1860; *Hommaire de Helle A.* Équipée dans les steppes de Russie 1840—1844. P., 1868 (перезд. в 1993 г.).

в него совершенно влюбилась! Она пишет о том, что невозможно не испытывать удовольствия от посещения Крыма и чувства сожаления от расставания с ним⁶⁵, и что «Бог создал эту землю для тех, кто хочет жить в мире и любви»⁶⁶.

Аналогичное впечатление создается по прочтении работы Адель Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря и южной России», опубликованной в 1860 г. Свою книгу она предваряет статьей, написанной известным литератором Сен-Марк Жирарденом и публиковавшейся в «Le Journal des Débats» 5 декабря 1845 г. и 6 января 1846 г. Статья, имеющая явно критический характер, посвящена работе ее мужа «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крыма и южной России», выходявшей в 1843—1845 гг. Сен-Марк Жирарден называет работу Ксавье де Гелля самой «забавной и поучительной из всех книг, которые можно прочесть о России», и упрекает супругов-путешественников в том, что, не посетив ни Петербурга, ни Москвы, и видя только южные русские земли, берега Каспийского и Черного морей, они судят о России в целом, принципах ее управления, составе населения, нравах, обычаях, то есть обо всем, что, якобы, лучше понимаешь вдали от двора и административного центра⁶⁷. Адель не спорит с известным литератором; она просто делится своими впечатлениями о путешествии по югу России, теперь уже в прозе, но ее отношение к нашей стране остается прежним: Россия ей нравится. Адель — настоящая путешественница; а путешествие по степям Каспийского моря для нее настоящая авантюра! Утонченная парижанка, она не боится трудностей, более того, она в восторге от того, что окажется в столь отдаленных местах, где будет вести кочевую жизнь, полную приключений, ночевать не в уютной комнате гостиницы, а под навесом в пустыне⁶⁸. Нельзя сказать, что восторженная путешественница видит российскую действительность исключительно в радужных тонах. Адель говорит и о «деспотизме» власти (которая, по ее же словам, оказывается не такой уж деспотичной⁶⁹), и воспроизводит стереотипы о «потемкинских деревнях»⁷⁰, но в целом увиденную ею Россию описывает, на мой взгляд, с симпатией.

⁶⁵ *Hommaire de Helle A. Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell.* P. 157.

⁶⁶ *Ibid.* P. 156.

⁶⁷ *Hommaire de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* P. II.

⁶⁸ *Ibid.* P. 2—3.

⁶⁹ Например, дипломат Виктор Балабин поражался, как трепетно французы относились к сохранению того, что называется «культурно-историческим наследием», а Адель не понимала, почему русские не только не сохраняли, но разрушали исторические памятники, а «деспотичная» власть никак не могла этому воспрепятствовать. *Ibid.* P. 6.

⁷⁰ *Ibid.* P. 6—8.

В 1839 г. путешествие по Северу России совершил еще один французский путешественник, медик и естествоиспытатель Эжен Робер, который в свое время был в составе экипажа Жозефа-Поля Гемара в его арктических путешествиях. По следам путешествия по России Робер опубликовал работу «Письма о России», опубликованную в 1840 г.⁷¹ Книга построена в виде писем из Архангельска, Москвы, Нижнего Новгорода, адресованных В.Я. Струве. В его текстах нет политики как таковой, его интересует прежде всего природа, ресурсы России, особенно Севера, ну и, конечно, люди. Причем это и представители высшего общества, но в основном простые люди, с которыми путешественнику доводилось общаться.

В Архангельск он отправился из столицы, и первое письмо датируется 10 (22) июля 1839 г. Письмо второе – из Нижнего Новгорода, от 28 августа (7 сентября), тоже посвящено описанию Архангельска. От Петербурга он в восторге. Исаакиевский собор, который он посетил вместе с французом Лемером, украшавшим церковь Мадлен в Париже и приглашенным в Россию; Казанский собор, Александрийская колонна, статуя Петра, Невский проспект, Эрмитаж, Биржа, Петергоф, Павловск, Царское Село, Елагин остров, своими водами напомнивший ему Сен-Клу, – традиционный набор туристических достопримечательностей⁷². Как натуралист, он посетил Ботанический сад, Горный институт, где его особенно заинтересовала минералогическая коллекция, а также «знаменитый мамонт, или сибирский слон»⁷³.

Однако дальше началась другая Россия. «Едва я покинул Петербург, чтобы отправиться в путешествие на север России, как оказался в совершенно новом мире, и почти сразу от порога этой огромной и шумной столицы я вдруг был перенесен в недра огромных лесов. Один, без переводчика за 12 дней, которые мне показались гораздо длиннее, я смог предаться размышлениям, побыть наедине с самим собой, и, однако, на каждом шагу я мог делать интересные наблюдения»⁷⁴. Первые наблюдения были живописного свойства: Робера поразили сосны: «В молчаливом одиночестве сравнивал я мириады сосен с тропическими пальмами!»⁷⁵ Сосны, по его словам, – это пальмы Севера⁷⁶. Его потрясло, как посреди этого моря сосен, вдруг появились пять куполов храма (азиатских куполов, в его изложении) «греческой», то есть православной, церкви, своими белыми, будто снежными маковками

⁷¹ Robert E. Lettres sur la Russie. P., 1840.

⁷² Ibid. P. 83, 89.

⁷³ Ibid. P. 90.

⁷⁴ Ibid. P. 5.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Ibid. P. 6.

возвышавшимися над темнотой леса»⁷⁷. Такая картина, по его словам, постоянно возникала перед глазами на всем протяжении следования от Петербурга до Архангельска. Он отправился в это путешествие без переводчика, чем вызвал непонимание окружающих. Однако это был сознательный шаг: «Так я смогу лучше изучить страну, вынужденный уделять огромное внимание всему, что меня окружает. Хотя, вовсе не зная языка, я не встречал никаких препятствий. Хорошей карты достаточно, а доброжелательность жителей (kharacho! Kharacho! Хорошо, хорошо!) и их чистосердечность делали остальное. При желании таким образом можно добраться до Камчатки»⁷⁸.

Ему помогли превосходные рекомендательные письма, полученные от барона П. де Баранта, французского посланника в России в 1835–1841 гг., а также государственного советника Фишера, директора Императорского ботанического сада, секретаря Академии наук. Кроме того, у него была подорожная («padarogni», то есть, как он объясняет, почтовый билет, чтобы брать лошадей)⁷⁹. Однако в Шлиссельбурге наличие этого документа ему не особенно помогло: там ему встретился рыжий бородатый малый, сразу внушивший недоверие. По словам Робера, это был единственный начальник почты, на которого он мог бы пожаловаться. Несмотря на его подорожную, тот хотел, чтобы француз заплатил 12 рублей вместо 4-х, которые тот ему был должен. Робер был рад сойтись с ним на 6 рублях, но не преминул пожаловаться коменданту крепости. В дополнение всего лошади оказались плохими⁸⁰.

Робер особо подчеркивал гостеприимство простых русских и то, что они никогда не стремились заломить цену за оказанную помощь, а, напротив, «стремились продемонстрировать вам свое гостеприимство и позволяли самим оценить их услуги, или очень скромно просили за свои хлеб и молоко»⁸¹.

Вообще, русские люди показались ему необычайно вежливыми: «Вежливость, царящая среди жителей этих земель, поистине восхитительна. Они приветствуют друг друга с самым глубоким почтением, обнажая голову. Женщины здороваются по-азиатски, склонив голову к груди, что, по словам Робера, исполнено благородства. Иностранец, по его словам, «обязательно будет объектом уважения этих храбрых людей»⁸². По его словам, мальчишки, которым он давал монету в 5 копеек, буквально целовали ему ноги. Конечно, это было проявлением

⁷⁷ Robert E. Op. cit. P. 7.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid. P. 8.

⁸⁰ Ibid. P. 7.

⁸¹ Ibid. P. 9.

⁸² Ibidem.

не столько уважения, сколько того, что для этих мальчишек пять копеек — невиданные деньги. Русские крестьяне, или «мужики», по его словам, очень веселые люди. «Мои сопровождавшие пели почти всегда, может быть, по причине тех 6 гривен (60 сантимов), которые я им давал», а в их пении ему слышались ирландские мотивы⁸³. Проезжая через одну деревню, он заметил группу из 3-х или 4-х человек, которые, по его словам, вне всякого сомнения, были пьяными от кваса, то есть «разновидности пива, ароматизированного мятой». Веселость этих людей, на взгляд Робера, была замечательной. Так, по его мнению, реагируют на усталость большинство крепких мужчин⁸⁴.

Относительно женщин он, во многом, находился в плену стереотипов. Как и многие путешественники-иностранцы, красавиц он не видел: «Женщины, которых я встречал до настоящего времени, вовсе не хорошенькие». Только в одном населенном пункте ему удалось увидеть очень красивую девушку. В то же время он замечал: «Если красивые лица редки, то мало и уродов, каких я видал в Гамбурге, где девушки красивы и свежи, как розы, но горбуны на каждом шагу»⁸⁵. Часто по пути он встречал босоногих женщин, с головой, обмотанной, как у морисков⁸⁶. Хотя женщины являются превосходными наездницами: «Женщины вскакивают на лошадь как настоящие амазонки, или как Дульсинея Дон Кихота, одна нога тут, другая там»⁸⁷. Русские, по его словам, очень хорошо управляют лошадью; ребенок 10–12 лет может вполне управлять четверкой лошадей⁸⁸.

При этом русские, по словам Робера, гонят лошадей с такой скоростью, что бедные путешественники в своей повозке чувствуют все дорожные камни. «Не будь откидного верха моей повозки, я неоднократно рисковал бы оказаться на дороге. Первые дни такого путешествия трудно выносить, и я бы не советовал дамам путешествовать подобным образом»⁸⁹.

По пути он остановился на ночлег в Холмогорах (не упоминая в этом месте текста, что это родина Ломоносова) в надежде поспать несколько часов на почтовой станции. Но, увы: там было столько насекомых, что спать было совершенно невозможно, хотя он устроился на столе. По его словам, такого количества тараканов, как на севере, он не встречал даже в Сенегале⁹⁰.

⁸³ Ibid. P. 10.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibid. P. 12.

⁸⁶ Ibid. P. 14.

⁸⁷ Ibid. P. 10.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibid. P. 11–12.

⁹⁰ Ibid. P. 15.

Наконец он прибыл в Архангельск. По словам Робера, Александр I, оказавшись здесь в 1819 г., назвал его своим «малым Петербургом». Из архитектурных сооружений Робер выделяет Адмиралтейство, здание правительства, многочисленные церкви, а также «древний замок», то есть Гостиный двор, построенный в 1669 г. Центральное место города украшает бронзовая статуя Ломоносова, которого Робер именует «знаменитым русским поэтом, выходцем из холмогорских крестьян»⁹¹.

Что касается порта Архангельска, то, по словам Робера, французы недооценивают его важность. Он отмечает, что каждый год в этот порт заходят более 300 английских, прусских и голландских торговых судов, тогда как французских – всего один или два. Он в целом говорит об экономическом потенциале края, отмечая, что помимо тканей, здесь изготавливают изделия из кости морской коровы или мамонта. Как исследователь-натуралист он отмечает, что хотя растительность в Архангельске и его окрестностях весьма привлекательна, ему не хватает фруктов юга России, хотя здесь его угощали вкуснейшей дыней, которую ему доставили из Вологды, но больше всего ему понравилось малиновое варенье (конфитюр в его терминологии)⁹². Кроме того, по его словам, в теплицах в Архангельске выращивали «самые красивые персики, какие только можно встретить». Он писал, что «эти фрукты «без всякого сомнения, привлекли бы внимание наших гурманов на парижских рынках». Персиковые деревья были привезены из Гавра. Кроме того, в этих теплицах выращивают красивые яблоки. Вишневые деревья растут в открытом грунте, но, к сожалению, в тот год были заморозки, и плоды не завязались⁹³.

Из архангельских «достопримечательностей» Робер выделяет производство сахара-рафинада братьев Брандт. «Эта сахарная фабрика способна соперничать с лучшими французскими аналогичными заведениями». Она производит сахар трех видов. Русский сахар, по мнению Робера, очень хорошего качества и по очень умеренной цене. По его данным, во время континентальной блокады Архангельск снабжал сахаром Европу⁹⁴.

Архангельск, или «Архангел», как называет город Робер, имел и свой театр, который, правда, уже давно являлся биржей по продаже зерна. И торговцы весело шутили: встретимся в опере. В городе был торговый клуб и публичный сад, и, по словам Робера, если бы не комары, все было бы замечательно⁹⁵.

⁹¹ Robert E. Op. cit. P. 16.

⁹² Ibid. P. 17.

⁹³ Ibid. P. 30.

⁹⁴ Ibid. P. 31.

⁹⁵ Ibid. P. 16.

По сведениям Робера, во время Войны 1812 г. после отступления из Москвы около 200 французов направились в Архангельск. Офицеры, по его словам, были превосходно приняты в домах местной знати. Однако два года спустя все они вернулись во Францию и ко времени его путешествия там не осталось ни одного француза, не считая французского консульского агента г-на Руссатье, рожденного в Швеции, но происходившего из Пуату⁹⁶.

Робер в Архангельске был введен в дома местного дворянства, получил превосходный прием у военного губернатора адмирала Сулима и гражданского губернатора, которым его рекомендовали С.С. Уваров, министр народного просвещения, и вице-канцлер К.В. Нессельроде. Благодаря помощи Руссатье он смог посетить дома знатных горожан, которые, по его словам, жили так же богато, как в Гамбурге. Кроме того, вместе с капитаном Румянцовым он осмотрел новый корабль, который должен был отправиться в Кронштадт и который мог брать на борт 700 человек экипажа⁹⁷. Робера поразил внутренний каркас судна, сделанный из дерева лиственницы. Рядом с портом находилась великолепная фабрика по производству канатов, построенная по приказу Петра Великого. Все потребности порта обслуживала огромная литейная, расположенная на берегу Белого моря. По словам Робера, каждый год один линейный корабль и один фрегат выходили из порта Архангельска. Экипажи комплектовались матросами, прибывавшими из Кронштадта или даже с берегов Черного моря. Преодолевая, таким образом, 1,5–2 тыс. верст пешком, эти матросы, по словам Робера, были готовы как к службе на земле, так и на море. В Архангельске же рекрутов почти не брали⁹⁸, однако на этот корабль взяли 30 рекрутов из Архангельска. Вместе со своими женами они сопровождали судно до Кронштадта. Причем, по словам Робера, эти женщины, вместе с водкой, получали обычный рацион матросов, и занимались на корабле разного рода работами⁹⁹.

Как натуралисту, ему очень хотелось отправиться на Новую Землю, тем более что как раз в это время планировалась так и не состоявшаяся совместная международная экспедиция в эти края под руководством Ж.-П. Гемара. Но, к его большому сожалению, в тот год туда не было рыболовных судов, а самому снарядить судно ему было не по силам. Поэтому он осматривал город и окрестности, а гражданский губернатор рассылал приказы, дабы облегчить ему его исследования.

Как этнографа его интересовало местное население и его обычаи. По его словам, территория Архангельской губернии, включая Новую Землю, в два раза превосходила Францию, но насчитывала всего

⁹⁶ Ibid. P. 18.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibid. P. 26.

⁹⁹ Ibidem.

220 тыс. жителей. Он сообщал, что в Коле, столице русской Лапландии, и Мезене, столице земли самоедов, были школы, где изучали грамматику, арифметику, географию и историю. Около Архангельска он видел семьи самоедов и был поражен их сходству с лапландцами. И у тех, и у других татаро-монгольские черты. Самоеды приходили просить милостыню в Архангельск, где они не хотели заниматься какой-либо деятельностью¹⁰⁰. Однако женщины у самоедов очень трудолюбивы и всегда заняты по хозяйству. По словам Робера, они легко осваивали русский, между собой говорили, как и лапландцы, на языке саамов. Огонь для них был священен, и они его бережно хранили¹⁰¹.

Роберу довелось побывать на праздниках в двух деревнях, расположенных на разных берегах Двины. В одной деревне было много народа, девушки собрались на красивой лужайке, водили хороводы, напомнившие Роберу немецкий котильон. Большинство танцующих девушек, как и их кавалеры, были, по словам путешественника, детьми богатых крестьян, у которых он побывал в гостях, где его угощали превосходным вином с Тенерифе или Мадейры¹⁰².

В другой деревне программа праздника была еще более насыщенной. Там девушки пели хором, потом, сменив наряды на более простые и покрыв голову платками, «светловолосяе, свежие как розы», они водили хороводы, обмениваясь платками. Обойдя церковь, они разделились на группы по 3 человека и начали играть в какую-то игру, похожую на догонялки¹⁰³. Праздник длился до часу ночи, а с восходом солнца Робер со спутниками на трех лодках, на одной из которой щедро вознагражденные музыканты продолжали исполнять народные песни, отправился в Архангельск¹⁰⁴.

Оттуда в сопровождении одного купца он держал курс в Нижний Новгород. Ему очень понравилось путешествовать в обществе русских: «Те русские, с которыми я путешествовал, были для меня лучшими людьми на свете, всегда веселыми и активными. Я должен только заметить, что если крестьяне были несколько грубоватыми от усталости, то торговцы были более обходительными. Моему компаньону, например, было неловко спать в пуховой кровати рядом со мной¹⁰⁵.

В пути ему попадались «солидные дома и фермы»; он видел, по его словам, большой прогресс в выращивании льна и конопли, а все жители ему казались очень счастливыми¹⁰⁶.

¹⁰⁰ *Robert E.* Op. cit. P. 23.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 24.

¹⁰² *Ibid.* P. 27.

¹⁰³ *Ibid.* P. 28.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 29.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 32.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 33.

По дороге в Нижний они встретили купца с женой, направлявшихся туда на ярмарку, и решили поехать вместе. Робер был поражен аппетитом русских, которые ели огурцы с медом, тогда как он пил молоко, не уступающее по качеству, по его словам, молоку швейцарских коров. Он сожалел, что русские не любили кофе; более того, они его почти презирали. Однако они любили чай: он и стоил дешевле и лучше подходил холодному и влажному климату севера России. Вообще, по его словам, русские повсюду ели хлеб с молоком. «Я как Анри Монье, не помню в какой пьесе, восклицаю: Молоко! Оно хорошо только для кошек и собак!» И, однако, француз был вынужден признать, что, путешествуя по России, этой пищи было достаточно¹⁰⁷. От жажды и жары его спасала простокваша¹⁰⁸. Женщины в этих краях ему показались более привлекательными: по крайней мере, они были хорошо сложены и были не такими костлявыми, как на севере. «Хотя из-за жары и жатвы они носили только простую тунику (то есть рубаху. — *Н. Т.*), их очарованию это не вредило»¹⁰⁹.

Дорога же из Москвы в Петербург, по его словам, должна поразить воображение путешественника, проезжающего по ней впервые. «На протяжении 150-ти верст она превосходна и содержится в отличном состоянии»¹¹⁰.

Конечно, бывали среди французских путешественников и такие, которые, как маркиз де Кюстин, возвращались из России разочарованными и создававшими крайне непривлекательный образ России. Примером такой работы может являться книга Фредерика Лакруа «Тайны о России. Политическая и нравственная картина Российской империи»¹¹¹, увидевшая свет в 1845 г., всего через два года после публикации работы Кюстина. Лакруа сам не бывал в России, но берется судить о ней по очень широкому кругу вопросов. Буквально на первой странице книги автор утверждает, что только он провел всесторонний анализ русского общества, прежде всего властных структур, включая персону самого императора, и поэтому только его книга раскрывает все тайны о России, проникнуть в которые не удалось даже маркизу Кюстину.

Напуская флера таинственности, Лакруа сообщает читателю, что его книга написана на одном очень серьезном источнике, рукописи, переданной ему одним человеком, долгое время проживавшим в России. Конечно, имя этого человека не может быть раскрыто, а сам он не может опубликовать работу под своим именем. Более того, в дополнение

¹⁰⁷ Ibid. P. 36.

¹⁰⁸ Ibid. P. 37.

¹⁰⁹ Ibidem.

¹¹⁰ Ibid. P. 80.

¹¹¹ *Lacroix F.* Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. P., 1845.

к этой рукописи в распоряжении Лакруа оказались, якобы, некие архисекретные и совершенно неизвестные в Европе документы!¹¹²

То обстоятельство, что автор не бывал в России, не помешало ему выполнить главную задачу: разоблачить российский деспотизм. Об этом заявляется буквально в первых строках этой книги. Лакруа нужно снять маску с России, разоблачить ее «ловкие интриги» и «наглое шарлатанство»¹¹³, показать весь ложный блеск ее кажущийся цивилизации и деспотичность власти ее правителя. Автор сразу заявляет, что «деспотизм» — это ключевое слово, и именно исходя из идеи деспотичности власти он строит свою работу и анализирует все слои русского общества¹¹⁴.

Несмотря на интригующее название книги — «Тайны о России», — все секреты автор раскрывает буквально с первой страницы. Уже из введения мы узнаем про все и всех в России. Правитель — деспот: «Он самодержец, это значит, что только в себе самом он черпает силу и право управлять. Он есть свой государственный совет и свой сенат. Более того, он глава церкви, представитель Бога на земле, он сам почти Бог. Все существует только посредством его и для него. Он может все создать и все разрушить. Он располагает свободой и жизнью каждого из своих подданных».

Подданные, понятное дело, предельно развращены деспотичной властью. Дворянство имеет только четыре привилегии: не получать палочных ударов; самому раздавать эти удары; быть подавляемым императором; душить этого самого императора, когда притеснение становится невыносимым. Духовенство столь же аморально, как и невежественно. Народ — лживый, скрытный, без чувства собственного достоинства, невосприимчивый к издевательствам и преступлениям со стороны деспотичной власти. Ну, и далее по списку: законодательство — запутанное; администрация — продажная и сутяжническая; система народного просвещения — смехотворная; торговля — в состоянии стагнации, армия — полностью лишена военного духа, морской флот — блестящая погремушка в руках шарлатана; финансы — в таком состоянии, что их не спасет и все золото Урала. В целом — изъеденный червями эшафот¹¹⁵. И не пытайтесь найти хоть какие-то хорошие слова о России, их в лексиконе автора этой книги просто нет!

Текст Лакруа — это настоящий антирусский памфлет, содержащий только лозунги, разоблачения и обвинения! Да и мотивация у автора книги соответствующая: что-то Россия заметно усиливает свои позиции, пугает старушку Европу. Соответственно, надо создать крайне

¹¹² *Lacroix F.* Op. cit. P. 1.

¹¹³ *Ibid.* P. 471

¹¹⁴ *Ibid.* P. 2.

¹¹⁵ *Ibidem.*

неприглядный образ врага, ведь «авторитет и вес России в мире будет значительно подорван, если ее престиж «будет окончательно разрушен, и если все увидят, что нация, распираемая от чувства гордости в своем лживом глянце цивилизации, под видимостью блеска скрывает лишь многочисленные хвори и полное бессилие»¹¹⁶.

Большинство критических работ появляются уже накануне и в ходе Крымской войны. После окончания Крымской войны отношения между Россией и Францией начали быстро восстанавливаться. И в это время появляются работы, дружественные России. К таким относится книга Нестора Консидерана «Россия в 1856 г. Воспоминания о путешествии», опубликованная в 1857 г.¹¹⁷

В предисловии к своей книге автор справедливо отмечает: «На протяжении долгого времени признаком хорошего тона считалось плохо говорить о России, которую почти не знали, или скорее не знали вовсе»¹¹⁸. Консидеран провел в России семь недель и, по его собственным словам, не претендовал на то, что проник в суть вещей и узнал жизнь империи, которую он смог только пересечь (от Петербурга до Москвы и от Москвы до Варшавы). Он лишь внимательно наблюдал и точно фиксировал свои наблюдения¹¹⁹. Его задача заключалась в следующем: «Увидеть, услышать и рассказать»¹²⁰. Автор выражает уверенность, что «каждый, кто захочет изучить эту огромную и любопытную страну, найдет, что изучать»¹²¹. По его словам, суровые суждения, выносимые иностранцами о России, являются следствием того, что большинство посещавших ее путешественников имели лишь одно занятие: сравнивать ее во всем и всегда со своими собственными странами»¹²².

Конечно, Консидеран не мог обойти молчанием книгу Астольфа де Кюстина, даже название его книги, «Россия в 1856 году», созвучно работе Кюстина. Как справедливо отметил французский исследователь Мишель Кадо, после ее публикации никто не мог писать о России так, как писали до появления этой книги. По словам Консидерана, книга Кюстина интересна обилием фактического материала, но в целом является не «более чем диатрибой рассказчика, мечтающего стать историком»¹²³. Кстати, эту черту подмечали многие критики Кюстина. По мнению Консидерана, Кюстин «не захотел понять, что у народа

¹¹⁶ Ibid. P. 4.

¹¹⁷ *Considérant N. La Russie en 1856. Souvenirs de voyage. Bruxelles, Leipzig, Paris, 1857. T. 1.*

¹¹⁸ Ibid. P. III.

¹¹⁹ Ibid. P. II.

¹²⁰ Ibid. P. 5.

¹²¹ Ibid. P. III.

¹²² Ibid. P. III–IV.

¹²³ Ibid. P. V.

нового, самобытного, автохтонного, есть собственная цивилизация», а постоянные сравнения русского народа с Европой, сравнение социальной жизни России с социальной жизнью Европы приведут лишь к тому, что вы так никогда и не узнаете этот народ¹²⁴. Об этом, кстати, в одном из своих донесений графу Луи Моле сообщал Проспер де Барант. Поэтому книга Кюстина, по справедливому замечанию Консидерана, при всей любви ее автора к правде, была воспринята как памфлет¹²⁵.

Как и многие авторы, Консидеран позиционирует свою работу как новаторскую и объективную и отмечает, что его книга может избавить читателя от некоторых предубеждений, сформированными книгой Кюстина. Вообще-то, он не делает никаких выводов и обобщений, он, действительно, только описывает то, что видел. Но взгляд этот доброжелательный. Оценочные суждения содержатся, наверное, лишь во введении. Он убежден, что с 1839 г., то есть с момента путешествия Кюстина в Россию, наша страна «прошла гигантскими шагами по пути цивилизации. Ее социальная и политическая роль выросла, провоцируя опасения объединенной Европы»¹²⁶. С другой стороны, он, в отличие от Кюстина, по его же словам, «не был заражен духом подозрения, недоверия и скепсиса, что не позволило Кюстину увидеть страну такой, какой она была в реальности»¹²⁷. Он не согласен с одним из важнейших утверждений Кюстина о том, что Россия — это «царство фасадов», что все в ней — лишь видимость и делается только с «целью пустить пыль в глаза»: «Я не понимаю, почему Кюстин видит в расположении к нему императорского двора только желание его ослепить. Меня никто не ослеплял. Везде меня встречали с симпатией и сердечностью, о чем я всегда буду помнить. Я себя чувствовал совершенно свободным и был хозяином своих собственных суждений с первого до последнего дня путешествия. И я испытываю чувство глубокого уважения к народу, чья социальная миссия едва началась, и которому предстоит еще так много сделать, но который, бесспорно, владеет двумя качествами великих народов: верой в свои собственные силы и любовью к родной земле»¹²⁸. Конечно, автор относит Россию к великим народам, это важно, но тут явно прослеживается определенный элемент снисходительности: Россия — это молодая страна, молодая нация, и ей еще предстоит многому научиться.

Как и книга Кюстина, работа Консидерана построена в виде писем, посвященным самым разным аспектам жизни России: социаль-

¹²⁴ *Considérant N. Op. cit. P. V.*

¹²⁵ *Ibidem.*

¹²⁶ *Ibidem.*

¹²⁷ *Ibid. P. V–VI.*

¹²⁸ *Ibid. P. VI–VII.*

ной иерархии, церемонии коронации, придворным балам, ресторанам и тюрьмам, состоянию гигиены, больницам, национальной кухне, театрам, музыке, нравам.

В путь он отправился из Брюсселя через Берлин и морским путем в Санкт-Петербург. Первое письмо датируется 9 (21) августа 1856 г. и написано из Петербурга. Он справедливо пишет, что без знания русского языка невозможно понять жизнь широких слоев русского общества, не элиты и не аристократии¹²⁹.

Дорога его не утомила; путь из Брюсселя до Петербурга занял всего лишь неделю, а состояние дорог было превосходным. По его словам, если не принимать во внимание процедуру прохождения таможи, «невозможно желать более удобной дороги»¹³⁰.

В столице он осмотрел все достопримечательности, но не стал описывать свои впечатления, полагая, что до него это уже многократно делали. Его поразила коллекция голландского и фламандского искусства в Эрмитаже: там собраны полотна мастеров, которые, по словам Консидерана, французы не знают, поскольку большинство их работ находится за границей¹³¹.

17 (29) августа он отправился по железной дороге в Москву. По его словам, «если для географа это всего лишь 150 лье¹³², то для человека, который наблюдает и сравнивает, это целый мир»¹³³. И этот человек из европейского города, Петербурга, попадает в мир совсем другой цивилизации, где есть мужики с длинными бородами, попы в черных рясах и церкви с зелеными или золотыми куполами¹³⁴.

Москва для него — «это Восток, перенесенный в сердце России; это символ слияния старых азиатских рас с великой славянской семьей, это душа, религия, это священный ковчег огромной империи, чья мысль находится в Санкт-Петербурге»¹³⁵. По его мнению, «тот, кто не видел Москву, не поймет самого главного в России: только там начинаешь проникать в историческую сущность этого могущественного государства, простирающегося от Варшавы до Петропавловска»¹³⁶.

Ему очень понравилась русская кухня; он побывал в лучших московских ресторанах, из которых особо выделил «Троицкой трактир». Его поразило, что все блюда подавались с огурцами, а закуску он на-

¹²⁹ Ibid. P. 3.

¹³⁰ Ibid. P. 5.

¹³¹ Ibid. P. 80.

¹³² 1 лье = 5,5 км

¹³³ *Considérant N. Op. cit.* P. 85.

¹³⁴ Ibid. P. 86.

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Ibid. P. 86–87.

зывает «задуской»¹³⁷. В другом заведении, куда его отвел князь Петр Долгорукий, он впервые отведал пироги. Но больше всего по душе ему пришлось «превосходная черная икра, привезенная рыбаками с берегов Волги, из владений Долгоруких»¹³⁸.

Именно через Москву и Варшаву он решил возвращаться домой. Так он мог посмотреть внутреннюю Россию, проделав путь по новой дороге, а не описывать те же впечатления, что и в первых письмах, только с меньшей степенью живости. А заодно у него появлялась прекрасная возможность побывать в Польше и познакомиться с Варшавой¹³⁹.

В обратный путь из Москвы он отправился 15 сентября; поскольку было уже холодно и, видимо, памятуя о невзгодах своих соотечественников, оделся по-зимнему: облачился в тулуп, до ушей завернулся в огромную шаль, укрылся пледом, а на ноги обул валенки, называемые им «фетровыми ботинками»¹⁴⁰. И на обратном пути остался очень доволен русскими почтовыми станциями и, в целом, состоянием дорог, отметив, что дорожная служба в России была организована даже лучше, чем во Франции (до начала развития во Франции железнодорожного строительства). Лошади проделывали 11 верст в час, что, по словам путешественника, было весьма быстрым ходом¹⁴¹. У извозчиков любимое слово — «soukinzin», сын собаки, объясняет Консидеран для читателя¹⁴².

На него произвел огромное впечатление самовар, из которого они пили чай. Самовар, по его словам, несомненно, завезенный в Россию из Голландии, был единственным «предметом мебели» у русских. Как и прочих иностранцев, его поражало отсутствие кроватей, и он писал, что богатые русские в путешествие их берут с собой, а мужики предпочитают спать на полу, завернувшись в свои огромные одежды¹⁴³.

Дорога от Москвы до Брест-Литовска поразила его своей безлюдностью; по его наблюдениям, на протяжении 250 лье они встретили лишь 7–8 населенных пунктов, из которых самые крупные менее 2 тыс. человек¹⁴⁴.

Конечно, двигаясь по дороге, по которой отступали французы, он не мог не предаться тягостным для него мыслям. Пересекая по хлюпкому мосту, по которому боялись идти лошади, Березину, он с ужасом, по его словам, думал, что на дне реки лежат тела французов, «героев

¹³⁷ *Considérant N.* Op. cit. P. 111–112.

¹³⁸ *Ibid.* P. 113.

¹³⁹ *Ibid.* P. 164.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 167.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 168.

¹⁴² *Ibid.* P. 169.

¹⁴³ *Ibid.* P. 172.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 177.

1812 года»¹⁴⁵ (как это странно звучит для русского слуха). На него нахлынули ужасные воспоминания о той «катастрофе», о «шестидесяти тысячах человек, измученных, окоченевших от холода, без кавалерии, без артиллерии... окруженных со всех сторон ста двадцатью тысячами русских под командованием лучших генералов Александра...». Он размышляет об «ужасной катастрофе, когда двадцать тысяч несчастных, раненых, отставших, женщин и больных, погибли в реке под русским огнем и обрушившимися на них кессонами и обозом...». Березину он именует «ужасной страницей истории этого бронзового человека... когда в один день было разрушено здание его славы и могущества, за которое он так дорого заплатил»¹⁴⁶.

Конечно, в рамках этой статьи рассмотрены далеко не все работы французских путешественников о России¹⁴⁷. Несмотря на то, что в исторической памяти и массовом сознании осталась книга А. де Кюстина, работ, в которых содержался позитивный взгляд на николаевскую Россию, было, на мой взгляд, гораздо больше. Для французов Россия была неизвестной и только открываемой ими страной, одновременно дикой и гостеприимной. Русского языка они, чаще всего, не знали; оставались в России на протяжении нескольких недель или месяцев; видели лишь два-три русских города; общались, в основном, с аристократией. Антиниколаевская либеральная и католическая пропаганда, несмотря на ее настойчивый характер, не повлияла на впечатления большинства французских путешественников о России. Даже крепостное право, как отмечалось выше, не воспринималось многими из них как варварский институт. Напротив, жизнь русской аристократии в обществе, экономически основанном на крепостничестве, в глазах французов обладала определенным шармом и напоминала образ жизни плантаторов на Юге США.

Все это делает несомненно важным новое прочтение травелогов о России, в нашей стране совершенно неизвестных. Парадоксально, но мы сами, по какой-то непонятной традиции, продолжаем ссылаться на Кюстина и смаковать его выводы. А работ многих его соотечественников, имевших другой взгляд на Россию, просто не знаем. Между тем их изучение позволяет сделать вывод о том, что русофобия — это во многом явление политического свойства. Французы, побывавшие в николаевской России, в большинстве своем оказывались если и не русофилами, то отнюдь не русофобами.

¹⁴⁵ Ibid. P. 179.

¹⁴⁶ Ibid. P. 180.

¹⁴⁷ Краткий анализ многих работ о России представлен в классической работе французского исследователя Мишеля Кадо: *Cadot M. Op. cit.*

МИССИЯ АДОЛЬФА ТЬЕРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (20–22 СЕНТЯБРЯ 1870 Г.)

П.П. Черкасов

Падение Второй империи в результате революции 4 сентября 1870 г. поставило перед новой республиканской властью во Франции неотложную задачу прекращения войны с Пруссией. После капитуляции под Седаном 100-тысячной Шалонской армии во главе с Наполеоном III война Францией фактически была проиграна, хотя 170-тысячная Рейнская армия маршала Ф.А. Базена продолжала удерживать стратегически важную крепость Меца, но была там окружена. Тем временем прусские войска, практически не встречая сопротивления, продвигались из Эльзаса и Лотарингии к Парижу, который 19 сентября был блокирован.

Большинство членов правительства «национальной обороны» во главе с военным губернатором Парижа генералом Л.Ж. Трошю, вчерашним бонапартистом, переметнувшимся на сторону республиканцев, пришли к выводу о бесперспективности продолжения войны. Желая предотвратить становившуюся вполне реальной угрозой безвозвратной утраты захваченных противником территорий на востоке страны, правительство «национальной обороны» приняло решение обратиться за помощью к великим державам с призывом убедить Пруссию в необходимости немедленного прекращения военных действий на приемлемых для Франции условиях, главное из которых — сохранение ее территориальной целостности.

Эта ответственная миссия была возложена на ветерана французской политики 73-летнего Адольфа Тьера, старого либерала-орлеаниста, одного из столпов Июльской монархии, а затем последовательного противника Второй империи¹. Во Франции неожиданно вспомнили, что он был одним из 10 депутатов Законодательного корпуса², кто 15 июля 1870 г. выступил против объявления войны Пруссии, считая, что Франция не готова к военным действиям. Тогда его предостерега-

¹ О нем см.: *Christophe R.* Le Siècle de Monsieur Thiers. Paris, 1966; *Descaves P.* Monsieur Thiers. Paris, 1960; *Dreyfus R.* Monsieur Thiers contre l'Empire, la guerre, la Commune 1869–1871. Paris, 1928; *Guillemin H.* L'avènement de Monsieur Thiers, suivi de Réflexions sur la Commune. Paris, 1971; *Guiral P.* Adolphe Thiers ou De la nécessité en politique. Paris, 1986; *Hanotaux G.* Le Gouvernement de M. Thiers. 1870–1873. Vol. I–II. Paris, 1925; *Игнатченко И.В.* Адольф Тьер: судьба французского либерала первой половины XIX века. М., 2017.

² Законодательный корпус — нижняя палата парламента Второй империи. К началу франко-прусской войны состояла из 245 депутатов.

ющий голос утонул в криках воинственно настроенного парламентского большинства, а в день объявления войны (19 июля) дом «предателя» Тьера в Париже подвергся нападению агрессивно настроенной толпы. Полиции с трудом удалось предотвратить расправу с Тьером и членами его семьи. Теперь же, в сентябре 1870 г., вчерашний «предатель» превратился в глазах протрезвевшего от милитаристского опьянения общества в «прозорливого оракула».

В сформированном правительстве «национальной обороны» Тьеру, как самому опытному политику, которого знала вся Европа, предложили пост министра иностранных дел, но он отказался, уступив это место Жюлю Фавру, одному из лидеров республиканцев, не имевшему никакого опыта в международных делах³.

Тьер не разделял намерения той группы пришедших к власти республиканцев во главе с Л. Гамбетта, кто требовал продолжать войну. Он настаивал на немедленном заключении перемирия, пока пруссаки не подошли к Парижу. Счет шел на дни. Именно по этой причине он и согласился на доверенное ему правительством деликатное поручение — попытаться убедить великие державы поддержать Францию в критический для нее момент.

Миссия Тьера осложнялась тем обстоятельством, что пришедший 4 сентября 1870 г. к власти во Франции республиканский режим не обладал в глазах великих держав, и прежде всего Пруссии, необходимой легитимностью. В Берлине даже после Седанской капитуляции 2 сентября 1870 г. продолжали считать оказавшегося в плену Наполеона III законным правителем Франции, а в Лондоне, Вене и Петербурге откровенно сомневались в устойчивости новой власти в Париже. Тьеру предстояло рассеять эти сомнения и убедить своих собеседников в прочности правительства «национальной обороны», которое он представлял. Маршрут его дипломатического турне предполагал посещение Лондона, Петербурга, Вены и Флоренции⁴.

О предстоящем приезде Тьера в Петербурге узнали из телеграммы, полученной 12 сентября 1870 г. из Парижа от Жюля Фавра. «Достопочтенному господину Тьеру, бывшему депутату Законодательного корпуса, доверено особое поручение к Вашему превосходительству, —

³ Учитывая неопытность Фавра, новые республиканские власти сохранили на их постах в МИД Франции двух ключевых дипломатов бонапартистского режима — графа Александра де Шодорди, директора кабинета министра иностранных дел, и Депреза, директора Политического департамента. Они стали главными дипломатическими советниками Фавра, занявшего также пост заместителя председателя правительства «национальной обороны». См.: *Histoire de la diplomatie française / J.-C. Allain, P. Guillen, G.-H. Soutou, L. Theis, M. Vaïsse. Vol. II. De 1815 à nos jours.* Paris, 2005. P. 143.

⁴ Флоренция — столица Итальянского королевства в 1865—1871 гг.

писал Жюль Фавр канцлеру и министру иностранных дел Российской империи князю А.М. Горчакову. — Он лично сообщит Вам о цели и характере своей миссии. Здесь же я ограничусь тем, что попрошу Вас принять его и выслушать с теми дружескими чувствами, которые правительство Его Величества императора России всегда проявляло в отношении Франции.

Наделенный моим полным доверием, как и доверием моих коллег, и я бы здесь добавил — доверием всей страны, г-н Тьер, как никто другой, может представлять в своем лице всю французскую нацию. С нашей стороны я готов одобрить все, что он будет иметь честь сказать вам от имени правительства национальной обороны»⁵.

Из телеграммы следовало, что Тьер наделен самыми широкими полномочиями в ведении переговоров с князем Горчаковым.

Через несколько дней после получения телеграммы от Фавра Горчаков был письменно проинформирован французским временным поверенным в Петербурге о том, что Тьер 16 сентября покинул Лондон, и направляется в российскую столицу на борту парового корвета. Маркиз Жозеф де Габриак⁶, заменивший в качестве поверенного в делах только что покинувшего свой пост в Петербурге посла Франции генерала Э.Ф. Флери⁷, запросил Горчакова о возможности захода корвета в Петербург для пополнения запасов угля. Дело, конечно, было не в угле, а в необходимости высадить на берег единственного пассажира — Адольфа Тьера. Разумеется, необходимое разрешение на заход корвета в петербургский порт было получено.

Одновременно французский дипломат в том же письме поинтересовался, не получал ли князь Горчаков из Берлина новую информацию относительно намерений Пруссии в отношении Франции⁸. По этому

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее везде — АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 470. 1870 г. Д. 50. Л. 2—2 об. Фавр — Горчакову, 12 сентября 1870 г. (Здесь и далее даты указаны по новому стилю. — П. Ч.)

⁶ Жозеф де Габриак прослужил в качестве первого секретаря посольства Франции в Петербурге более трех лет (1868—1870). Ему принадлежит авторство содержательной записки о внутреннем состоянии пореформенной России. См.: Archives des Affaires Étrangères (далее — ААЕ). Correspondance politique. Russie. 1870. Vol. 243. Fol. 61—72. Службное досье Жозефа де Габриака см.: ААЕ. Personnel. 1-ère série. № 1719.

⁷ Генерал Эмиль Феликс Флери принадлежал к числу давних и ближайших советников Наполеона III. Он был назначен послом в Россию в сентябре 1869 г. Его службное досье см: ААЕ. Personnel. 1-ère série. № 1625. На своем посту в Петербурге Флери пробыл менее года, до момента крушения Второй империи. 9 сентября 1870 г. генерал сложил с себя полномочия посла и через несколько дней выехал во Францию. О своей посольской миссии в России Флери рассказал в воспоминаниях (*Fleury. La France et la Russie en 1870. Paris, 1902*).

⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 49. Л. 49—49 об. Габриак — Горчакову, 16 сентября 1870 г.

вопросу русский министр не мог ничем обнадежить французского поверенного в делах. Ему было хорошо известно намерение короля Вильгельма I и канцлера Бисмарка в полной мере удовлетворить территориальные и финансовые аппетиты Пруссии за счет находившейся на грани поражения Франции.

Самого Горчакова в то время больше интересовал вопрос о том, удержится ли во Франции новый республиканский режим, и можно ли вообще иметь с ним дело?.. Необходимую информацию по этому вопросу он получал от Г.Н. Окунева, временного поверенного в делах России во Франции⁹.

Окунев внимательно следил за развитием событий в Париже и практически в ежедневном режиме информировал о них министра иностранных дел. «Сегодня Франция побеждена, но она не упала духом», — отмечал он в депеше от 9 сентября. В этом смысле, продолжал Окунев, перед сформированным правительством «национальной обороны» стоит «единственная задача — защитить родную землю от вражеского нашествия; именно для этого оно и было образовано»¹⁰.

Вместе с тем, как считал русский дипломат, новое французское правительство сознает очевидное превосходство противника и намеревается обратиться к великим державам с призывом о поддержке с их стороны в заключении такого мира с Пруссией, который не был бы очевидно унижителен и, следовательно, неприемлем для Франции. Принципиально важным вопросом для Франции является сохранение ее «территориальной целостности» при согласии на «возмещение Пруссии понесенных ею военных расходов». «Франция хоть сегодня готова подписать мирный договор на этих двух основаниях», — резюмировал Окунев¹¹.

Информируя Горчакова о своих контактах с министром иностранных дел Фавром, Окунев передал просьбу французского министра к императору Александру попытаться склонить короля Вильгельма к прекращению войны на основе двух принципов — сохранение территориальной целостности Франции и согласие последней на выплату

⁹ Григорий Николаевич Окунев (1823—1883) временно возглавил дипломатическую миссию в Париже в мае 1870 г. после неожиданной смерти (от инсульта) посла, графа Эрнеста Густавовича Стакельберга. Новым послом во Францию был назначен 72-летний барон Ф.И. Бруннов, но начавшаяся в июле того же года франко-прусская война воспрепятствовала его приезду в Париж. В результате статский советник Окунев, занимавший пост советника посольства, стал официальным представителем России в воюющей Франции, свидетелем разворачивавшихся там драматических событий. Формулярный список Г.Н. Окунева: АВПРИ. Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел — ДЛС и ХД). Оп. 464. Д. 2470. Л. 5—9.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 6 об.—7. Окунев — Горчакову, 9 сентября 1870 г.

¹¹ Там же. Л. 7—7 об.

репараций Пруссии. В то же время, отмечал Окунев, в Париже принимаются срочные меры к организации обороны французской столицы перед угрозой ее окружения пруссаками¹².

Одновременно российский дипломат сообщал об оживленных контактах британского посла в Париже лорда Лайонса и австро-венгерского – князя Рихарда фон Меттерниха с Фавром и другими членами правительства «национальной обороны». У него складывалось впечатление о расположенности Лондона и Вены официально признать новый режим в случае, если он сумеет доказать свою жизнеспособность¹³.

Во второй депеше, составленной в тот же день (9 сентября), Окунев сообщил Горчакову о неожиданном визите к нему Фавра, который проинформировал его о том, что британский министр иностранных дел лорд Джордж Гренвилл счел основы предлагаемого правительством «национальной обороны» мирного окончания войны с Пруссией «умеренными» (“modérées”). Об этом французскому министру только что сообщил английский посол лорд Лайонс¹⁴. «Г-н Жюль Фавр, – продолжал Окунев, – сказал мне также, что он только что был проинформирован князем Меттернихом о том, что австро-венгерский канцлер¹⁵ уже передал правительству Пруссии французские мирные предложения»¹⁶.

Теперь, по словам французского министра, многое зависит от позиции России. «Он (Фавр. – П. Ч.) умоляет Его Императорское Величество (Александра II. – П. Ч.) выступить с инициативой коллективного демарша нейтральных держав с тем, чтобы побудить Берлин принять основы мира, предлагаемые Францией», – писал Окунев¹⁷.

В третьей телеграфной депеше, отправленной в Петербург на исходе 9 сентября, Окунев сообщил, что правительство «национальной обороны» в обстановке начинавшегося наступления пруссаков на столицу Франции приняло решение не покидать Париж, но одновременно настоятельно порекомендовало иностранному дипломатическому корпусу перебраться в более безопасное место, в г. Тур, расположенный в долине Луары¹⁸.

¹² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 7–7 об.

¹³ Там же. Л. 3–4 об.

¹⁴ Там же. Л. 11–11 об. Окунев – Горчакову, 9 сентября 1870 г.

¹⁵ Граф Фридрих Фердинанд фон Бейст (1809–1886) – канцлер и министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1867–1871 гг.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 12. Окунев – Горчакову, 9 сентября 1870 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Иностранцы, в том числе и Г.Н. Окунев, выехали из окруженного пруссаками Парижа в Тур 20–21 сентября 1870 г. Незадолго до их отъезда в Тур переместились отдельные представители правительства Трошю–Фавра во главе с министром юстиции Адольфом Кремье, назначенным председателем правительственной

В ответном письме Окуневу князь Горчаков высказал скептическое отношение к идее совместного посредничества нейтральных держав, включая Россию, в мирном разрешении франко-прусского военного конфликта. В то же время он проинформировал временного поверенного о том, что император намерен посоветовать королю Вильгельму «войти в неформальные сношения с людьми, находящимися в настоящее время у власти во Франции, хотя последние и сами признают, что не являются законным правительством».

Новые французские власти, продолжал Горчаков, намерены вручить свою судьбу в руки Учредительного собрания, которое должно будет определить будущий политический режим во Франции, который придаст необходимую законную основу мирному окончанию франко-прусской войны. Такова позиция России, которая должна быть понятна правительству «национальной обороны». Император будет твердо ее придерживаться, и он не предпримет никаких дополнительных шагов в этом вопросе.

«Мы не можем знать, на каких условиях обе воюющие стороны придут к заключению мира, — писал Горчаков. — Г-н Жюль Фавр согласен на денежную компенсацию, но безоговорочно отказывается от любой территориальной уступки. Берлинский двор настаивает на стратегических и оборонительных гарантиях. Нам трудно определить смысл и границы этого эластичного определения. К настоящему времени мы не получали по этим вопросам никаких конфиденциальных уточнений ни от одной из воюющих сторон. Если им удастся вступить в непосредственный контакт, даже в неофициальном порядке, они, возможно, сумеют договориться, и в этом случае никто не сможет порадоваться больше, чем Его Величество Император, успешному окончанию этой кровавой войны и установлению прочного мира»¹⁹.

Из письма министра со всей определенностью следовало, что надежды правительства «национальной обороны» Франции на активное содействие великих (нейтральных) держав, включая Россию, поискам мирного выхода из франко-прусской войны безосновательны. Россия, во всяком случае, считала, что достижение мира — это дело исключительно воюющих сторон: Франции и Пруссии. Единственно, что император Александр и министр иностранных дел могли порекомендовать прусскому королю и его канцлеру, так это найти способ вступить в прямой контакт с республиканской властью в Париже, при всей ее неустойчивости. К этому, собственно, и сводились “bons offices”, которые Россия соглашалась оказать Франции.

делегации в Туре. Непосредственные контакты с дипломатическим корпусом в Туре осуществлял граф Шодорди, директор кабинета министра иностранных дел.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 119. Л. 199–103. Горчаков — Окуневу, 14 сентября 1870 г.

Дело осложнялось тем, что Вильгельм и Бисмарк все еще продолжали считать плененного в Седане Наполеона III законным императором. На худой конец, они были бы согласны вступить в мирные переговоры с его 14-летним наследником, Эженом Луи Наполеоном (Наполеоном IV), точнее — с главой Регентского совета (императрицей Евгенией), но никак не с захватившими власть республиканцами, не имевшими в глазах Берлина никакой легитимности. К тому же, Пруссия твердо намеревалась оставить за собой, по меньшей мере, две захваченные еще в начале войны провинции — Эльзас и Лотарингию.

Все эти обстоятельства делали миссию Адольфа Тьера по вовлечению великих держав в поиски выхода из франко-прусской войны практически невыполнимой. Первый неутешительный сигнал он получил еще в Лондоне, где вежливо уклонились от миротворческих инициатив, тем более согласованных с другими нейтральными странами. Премьер-министр Уильям Гладстон, с которым встретился Тьер, посоветовал ему вступить в прямые переговоры с Бисмарком, пообещав со своей стороны всяческое содействие в организации этой встречи²⁰. Бóльшего французскому эмиссару добиться в Лондоне не удалось.

Тем не менее, исполненный сознанием гражданского долга и ответственности перед Францией, ветеран французской политики направился с берегов туманного Альбиона в Северную Пальмиру, куда он прибыл утром 20 сентября.

Когда Тьер уже завершал переговоры с Горчаковым, последний получил телеграфную депешу от Окунева. Дипломат сообщал, что накануне его отъезда в Тур (20 сентября) он встретился с Жюлем Фавром, который сказал, что поездка Тьера по европейским столицам имеет двойную цель: внушить доверие к новому правительству в Париже и убедить великие державы оказать посреднические услуги Франции в прекращении злополучной войны с Пруссией, безответственно начатой Наполеоном III. «Цель его (Тьера. — *П. Ч.*) миссии, — передавал Окунев слова Фавра, — заключается в том, чтобы представить европейским кабинетам объяснения относительно природы и временного характера правительства, подхватившего [в Париже] власть, выпавшую из рук императора Наполеона, разъяснить им намерения этого правительства и убедить их в необходимости, как коллективных, так и индивидуальных усилий трех держав, чтобы склонить короля Вильгельма к тому, чтобы сохранить за Францией целостность ее территории, удовлетворившись самой широкой компенсацией за понесенные издержки, которую страна [Франция] готова заплатить ради прекращения войны»²¹.

²⁰ Guiral P. Op. cit. P. 345.

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 26–27. Окунев — Горчакову, 21 сентября 1870 г.

Не теряя драгоценного времени, Тьер, приведя себя в порядок после морского путешествия, немедленно отправился к ожидавшему его князю Горчакову. Государственный канцлер, который всегда с уважением относился к патриарху французского либерализма, своему ровеснику²², принял его весьма радушно, но сразу же определил пределы возможного участия России в выходе из франко-прусской войны. «Вы найдете здесь, — сказал Горчаков, приветствуя именитого гостя, — живые симпатии к Франции, порожденные предпочтением, питаемым в России к вашей родине, и старую общностью интересов, давно забытых. Симпатии эти вам будут выражать, но не заблуждайтесь на этот счет²³. В России один владыка — император, он один правит. А император хочет мира, и усилиям вашим воспротивится не племянник²⁴, а государь, обязанный пеших о благе своего народа, и только его одного. Впрочем, — продолжал канцлер, — он окажет вам помощь для переговоров, но и не больше. Вам помогут вступить в переговоры без потери времени, и верьте мне: вот все, что можно для вас сделать»²⁵.

Вечером того же дня Тьер получил в Царском Селе аудиенцию у императора Александра, который был с ним приветлив, но чуть более сдержан по сравнению с Горчаковым. «Канцлер был прав, и я скоро в этом убедился, — резюмировал Тьер свои впечатления от встречи с царем. — Государь этот — благороднейший в мире человек, прилежный к делам, понимающий в них толк и исполненный откровенности и прямотушия. Он подтвердил мне слова своего министра, сказав, что сам войны не поведет, но послужит нам опорой в переговорах и делает все от него зависящее, чтобы Франция понесла возможно меньшие жертвы, земельные и денежные. Он честно сдержал слово»²⁶.

В тот же вечер Тьер был принят членами императорской фамилии, которые все дружно заверили его в расположенности к Франции и высказали пожелание скорейшего заключения мира.

На следующий день французский эмиссар продолжил переговоры с Горчаковым, но не услышал от него ничего нового. Канцлер подтвер-

²² Оба они родились на исходе XVIII века: Тьер — в 1797 г., а Горчаков — в 1798 г. Оба были свидетелями и участниками важных событий 1820—1860-х гг. XIX в.

²³ Горчаков имел в виду т.н. московскую партию, возглавляемую редактором «Московских ведомостей» Михаилом Катковым, который отстаивал идею сближения России с Францией против Пруссии (Германии).

²⁴ Александр II приходился племянником прусскому королю Вильгельму I по линии матери (императрицы Александры Федоровны), дочери Фридриха-Вильгельма III.

²⁵ Цит. по: *Татищев С.С.* Император Александр. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 475.

²⁶ Сразу же после этой встречи Александр II отправил в прусскую штаб-квартиру в Версаль телеграмму с просьбой принять Тьера и обсудить с ним возможность открытия переговоров о прекращении войны (*Татищев С.С.* Указ. соч. С. 476).

дил пожелание императора о необходимости установления прямого контакта Тьера с Бисмарком, находящимся в Версале и добавил, что в Петербурге с часу на час ожидают ответа на предложение царя принять Тьера. Вместе с тем Горчаков не стал скрывать настороженного отношения Петербурга к новым французским властям, не доказавшим пока свою способность ни управлять страной, ни даже эффективно противостоять врагу.

В ожидании ответа из Версаля прошел еще один день, и Тьер уже собирался выехать из Петербурга в Вену, когда Горчаков пригласил его к себе. «Мы получили известия, — приветствовал он своего гостя. — Мир возможен. Но вам надо много принять на себя. Надо ехать в Версаль, мужественно начать переговоры, и вы получите условия, которые позволительно принять, особенно если Париж хоть немного, но сумел защититься. Проявите мужество мира (*ayez le courage de la paix*) и, я повторяю вам, вы дадите мир вашей родине и всей Европе, особенно если счастье чуть-чуть улыбнется французскому оружию под стенами Парижа»²⁷.

Одновременно Горчаков передал Тьеру предварительные условия прекращения войны, на которых настаивает Пруссия. «Король Вильгельм хочет получить Эльзас и Лотарингию, — сказал он. — Из телеграммы Бисмарка я узнал, что они могли бы ограничиться Эльзасом. Может быть, только Страсбургом, при условии, конечно, что вы немедленно сложите оружие. Если вы согласны, я могу дать вам паспорт для проезда в Версаль, где находится Бисмарк. Вы с уверенностью можете вести с ним дела»²⁸.

Тьер ответил, что у него нет полномочий на мирные переговоры от правительства, находящегося в окруженном Париже²⁹. «Будьте великим гражданином, — возразил канцлер, — и возьмите на себя ответственность. Вас ждут в Версале; вы будете приняты хорошо и получите все, что возможно получить в настоящую минуту»³⁰.

Тьер сказал, что в любом случае ему необходимо каким-то образом попасть в осажденную столицу, чтобы получить полномочия от правительства «национальной обороны» на переговоры и заключение мира.

Горчаков взялся устранить препятствие с проездом Тьера в Париж и Версаль. Канцлер отправился к императору, который дал санкцию на обращение к Бисмарку с просьбой о выдаче Тьеру охранного свидетельства (“*sauf-conduit*”) для проезда через расположение прусских войск, блокировавших французскую столицу. В конечном счете в результате бесед с Горчаковым французский эмиссар получил от россий-

²⁷ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 476.

²⁸ *Guiral P.* Оp. cit. P. 348.

²⁹ *Castrie, duc de.* Monsieur Thiers. Paris, 1983. P. 325.

³⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 476.

ского канцлера лишь два совета: незамедлительно установить прямой контакт с Бисмарком и одновременно добиться повышения боеспособности французской армии, что должно укрепить позиции нового правительства Франции в переговорах с Берлином. На реальное посредничество России в прекращении войны рассчитывать не приходилось.

22 сентября, попрощавшись с Горчаковым, которого он поблагодарил за оказанные “bons offices”, Тьер выехал из Петербурга в направлении Вены.

О ходе своих переговоров с Горчаковым он сообщал в шифрованных телеграфных депешах, которые отправлял в Тур³¹. С содержанием некоторых из этих депеш уполномоченный МИД Франции в Туре Александр де Шоторди считал нужным ознакомить российского временного поверенного Г.Н. Окунева. «Шоторди, — сообщал последний князю Горчакову, — доверительно дал мне прочесть телеграфные отчеты Тьера о его миссии в Петербурге. Он отмечает теплый прием, который был ему оказан и который согрел его душу. Он пишет, что, как и ожидал, столкнулся здесь с предубеждениями против режима, установленного во Франции, и старался их рассеять...; общественное мнение здесь очень благожелательно по отношению к Франции, что объясняется [возросшей] военной мощью Германии. [В этом смысле] просматривается перспектива тесного союза с Францией, что отвечало бы интересам России. К сожалению, шовинистическая бонапартистская политика, приведшая к развязыванию войны, вызвала [здесь] опасения, под влиянием которых императорский кабинет взял на себя обязательства по отношению к Пруссии. И он получил все, что было возможно, не вовлекая Россию в войну.

Она (Россия. — П. Ч.) желает участия Европы в мирных переговорах. Если же мир будет достигнут без посредства держав, Россия не признает достигнутые договоренности. Эти меры, лишённые одобрения, никогда не смогут стать частью европейского права.

Он (Тьер. — П. Ч.) получил также обещание добрых услуг (“bons offices”) со стороны императорского кабинета в том, чтобы обеспечить Франции наилучшие, из возможных, условия мира. Единственно, о чем сожалеет Россия, так это о том, что отсутствие военных успехов Франции не приближает такую возможность.

Он (Тьер. — П. Ч.) хотел бы продлить свое пребывание в Петербурге, чтобы проследить за выполнением полученных обещаний, но считает, что его присутствие в Туре более необходимо. К тому же он глубоко убежден, что Франция может с полным доверием отнестись к обещаниям императорского кабинета.

³¹ См. ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1870. Vol. 244. Fol. 307 и далее.

Он намерен провести три дня в Вене, и не может поступить иначе, потому что хорошо знаком с императором (Францем-Иосифом. — П. Ч.), который желает встретиться с ним. Затем он отправится на два дня во Флоренцию, где тоже есть дела, после чего вернется в Тур, чтобы посвятить себя служению своей несчастной стране».

«Это почти текстуальное воспроизведение двух телеграмм Тьера, — прокомментировал Окунев полученную от Шоторди информацию. — Похоже, от нас ожидали более четкого отношения к Пруссии. Тем не менее, я думаю, что они (новые власти Франции. — П. Ч.) должны быть довольны тем, что получили»³².

Версия Горчакова о его встречах с Тьером изложена в зашифрованной телеграмме, которую канцлер направил Окуневу 23 сентября: «Тьер вчера уехал. Должно быть, он убедил себя в том, что мы разделяем его позицию. Сочувствуя бедствиям во Франции, мы будем настойчиво соблюдать строгий нейтралитет. Мы высоко оценили мужество французского переговорщика (*négociateur*), но не дали ему никаких обещаний и не взяли на себя никаких обязательств. Он, со своей стороны, проявил умеренность и трезво оценивает ситуацию. Я указал ему на целесообразность вступления в переговоры со штабом короля [Пруссии].

Он был бы готов к этому, имея на руках “*sauf-conduit*” (пропуск для проезда), в чем мы могли бы в случае необходимости ему посодействовать перед королем. Но прежде он хотел бы встретиться в Туре с людьми, находящимися у власти. Оттуда через Вас он свяжется с нами по телеграфу³³. Таково истинное положение вещей. Ни больше, ни меньше. Это единственно верная версия. Я излагаю ее для вашего руководства»³⁴.

Окончательную оценку содержания и результатов переговоров с Тьером князь Горчаков дал в Отчете Министерства иностранных дел за 1870 г., который он подал императору весной 1871 г. К тому времени в Версале уже был подписан прелиминарный мирный договор (26 февраля 1871 г.), положивший конец франко-прусской войне.

«В беседах со мной г-н Тьер пытался исправить прошлое, даже из-за своей любимой идеи английского союза, — писал Горчаков. — Он дал мне наилучшие заверения относительно будущей политики Франции, наученной постигшими ее неудачами во всем, что касается интересующих нас политических вопросов. Он попытался показать мне опасность, которую представляет военное преобладание и амби-

³² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 118. Л. 73–73 об. Окунев — Горчакову, 23 сентября 1870 г.

³³ Именно так Тьер и поступит, прислав 4 октября 1870 г. телеграмму и письмо на имя Горчакова. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 51. Л. 1–2 об.

³⁴ Там же. Д. 119. Л. 70–70 об. Горчаков — Окуневу, 23 сентября 1870 г.

ции Пруссии для России, из чего должно следовать, что, нельзя допустить сокрушения Франции.

Ответ был для меня очевиден. Вернув его (Тьера. — П. Ч.) к настоящему положению вещей, я обратил внимание на то, что его видение ситуации не соответствует реальностям.

Отдав должное свидетельствам нашей доброй воли в отношении Франции, он (Тьер. — П. Ч.) заметил, что в конечном счете наш нейтралитет со всей очевидностью был выгоден Пруссии, и он попросил нас возместить ущерб, нанесенный Франции, коллективным посредничеством Европы вместо обреченных на неудачу односторонних попыток [tentations isolées].

<...> Я обязан был напомнить ему, что наш нейтралитет продиктован исключительно нашими собственными интересами; и что мы не могли ими пожертвовать... <...>

Одних только воспоминаний о последовательной враждебности, которую Франция демонстрировала по отношению к нам даже в ущерб себе, было бы достаточно, чтобы поколебать нашу веру в необходимость союза с этой страной. Ее нынешние неудачи еще больше уменьшили [для нас] ее ценность, а постигшие ее социальные бедствия, угрожающие [Франции] гибелью в анархии, делают проблематичными любые расчеты на будущее.

Напротив, наши отношения с Пруссией и Германией всегда основывались на традициях близости и на взаимных услугах. Эти традиции порождены не случайным стечением обстоятельств, а глубокими причинами и общими интересами. Благоразумие должно побуждать нас к сохранению союза с этим могущественным соседом [Германией], к укреплению, а не ослаблению наших общих интересов и взаимной симпатии. <...>

Правительство национальной обороны неоднократно призывало нас воздействовать на короля Пруссии, чтобы склонить его к миру, умерив его притязания. Не отказываясь от такого содействия, мы убедили [французское правительство] в бесполезности всех подобных попыток до тех пор, пока оно не предложит конкретную программу переговоров, что сделало бы возможным достижение соглашения. Мы же, со своей стороны, ограничились передачей в ставку германского командования высказанных нам пожеланий»³⁵.

Таким образом, можно сделать совершенно определенный вывод: петербургская миссия Тьера имела весьма ограниченный успех, что, впрочем, было вполне предсказуемо³⁶.

³⁵ Там же. Ф. 137 (Отчеты МИД). Оп. 475. Отчет за 1870 г. Д. 61. Л. 76–88 об.

³⁶ То же самое можно сказать о результатах поездки Тьера в Лондон, Вену и Флоренцию. Ни в одной из столиц не пожелали вовлекаться в урегулирование

Во-первых, республиканский режим, установившийся в Париже после падения Второй империи 4 сентября 1870 г., был глубоко чужд русскому самодержавию, и к тому же еще не успел доказать свою жизнеспособность. Поэтому спешить с его признанием и изъявлять готовность к оказанию ему важных политических услуг в Петербурге не желали.

Во-вторых, еще с середины 1860-х гг. Россия испытывала возрастающее разочарование в попытке сближения с Францией, происходившего после окончания Крымской войны в 1856 г. Вопреки неоднократным обещаниям Наполеона III содействовать отмене дискриминационных в отношении России статей Парижского мирного договора, запрещавшего ей держать военный флот на Черном море и даже иметь береговые укрепления на своем побережье, Франция ничего не предприняла в этом отношении, хотя умело воспользовалась поддержкой России в приобретении Лазурного берега и Савойи в 1859–1860 гг.³⁷

К тому же, в Петербурге не забыли о недружественной по отношению к России позиции Франции во время восстания 1863 г. в Польше, о покушении польского эмигранта Антония Березовского на Александра II в Булонском лесу в июне 1867 г., как не забыли и о том, что террорист отделался в Парижском суде сравнительно легким наказанием.

Все это имело следствием охлаждение России к Франции и ее поворот к более тесному сближению с Пруссией, чему способствовали и близкие родственные связи Романовых с Гогенцоллернами. Поэтому нейтралитет России в начавшейся франко-прусской войне, которую российская дипломатия не смогла предотвратить, как ни старалась, оказался более благожелательным по отношению к Пруссии, и Тьер, безусловно, был прав, когда попенял на это Горчакову, встречаясь с ним в Петербурге.

Что касается самого Тьера, то, добравшись с полученным через посредство Горчакова «*sauf-conduit*» до Тура и Парижа, он получил согласие правительства «национальной обороны» на переговоры с Бисмарком, которые проходили во второй половине октября 1870 г. Эти переговоры оказались безуспешными, и лишь после капитуляции Парижа (28 января 1871 г.)³⁸, избранный Национальным собранием гла-

франко-прусского конфликта, посоветовав правительству «национальной обороны» напрямую договариваться с Бисмарком.

³⁷ См. об этом: *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М., 2015. С. 218–236.

³⁸ Тремя месяцами ранее, 27 октября 1870 г., после 72 дней осады Меца (Лотарингия) капитулировала защищавшая его боеспособная 170-тысячная армия маршала Ф.А. Базена. В результате этой неоправданной капитуляции две высвободив-

вой исполнительной власти Адольф Тьер³⁹ и канцлер Германской империи граф Отто фон Бисмарк 26 февраля 1871 г. подписали в Версале прелиминарный мирный договор, положивший конец войне, в результате которой Франция лишилась Эльзаса и Восточной Лотарингии, а также была обложена контрибуцией в размере 5 млрд франков.

шиеся немецкие армии были брошены против наспех сформированных Луарской и Северной французских армий, которые не устояли под натиском превосходящих сил противника и потерпели ряд поражений, ускоривших окончательный военный разгром Франции.

³⁹ Выборы в Национальное собрание прошли 8 февраля 1871 г., а 17 февраля депутаты избрали Тьера главой исполнительной власти, что означало объединение в его руках полномочий главы государства и правительства.

ПУБЛИКАЦИИ

«ДНЕВНИК МОЕЙ ПОЕЗДКИ В ГЕРМАНИЮ»: ВОСПОМИНАНИЯ ЭММАНУИЛА ОСИПОВИЧА ДЕ РИШЕЛЬЕ (1766–1822)

Жизненный путь автора мемуаров – французского аристократа, русской службы генерал-лейтенанта (1799) в представлении не нуждается. В истории России он известен как Эммануил Осипович де Ришелье, в истории Франции – как Арман Эммануэль Софи Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон (с 1766 г.), герцог де Фронсак (с 1788 г.), герцог де Ришелье (с 1791 г.). Его отец приходился знаменитому кардиналу Ришелье правнучатым племянником. Но Эммануил Осипович де Ришелье стал известен в России не по родству с великим кардиналом, а благодаря его вкладу в развитие Одессы – он стал не только одним из самых ее знаменитых градоначальников (1803–1814), но и одним из ее отцов-основателей, и генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии (1805–1814).

В его честь в Одессе был поставлен памятник и названы ряд городских объектов (улица, лицей, гимназия) и не только (шампанское и коньяк «Золотой Дюк», футбольный клуб). Во времена первой Реставрации Ришелье вернулся во Францию (которую оставил после Французской революции), где занимал ряд важных государственных постов: сменил знаменитого Ш.-М. Талейрана на посту министра иностранных дел (1815–1818) и возглавил правительство при Людовике XVIII (1815–1821, с перерывом).

Деятельность «дюка Ришелье» изучалась и изучается в трудах как на русском, так и на французском языках: в ряде документальных публикаций, научной и научно-популярной литературе¹; одной из не-

¹ Алданов М. Дюк Эммануил Осипович де Ришелье // Наука и жизнь. 1995. № 5. С. 110–124; К повышению... достоин // Исторический архив. 2010. № 6. С. 190–191; Третьякова Л. Последний из рода Ришелье // Вокруг света. 2001. № 1. С. 66–73; Crousaz-Crétet L. Le Duc de Richelieu en Russie et en France, 1897; Waresquiel E. de. Le Duc de Richelieu. Paris, 1990 (rééd. 2009).

давних работ следует назвать его подробную биографию в знаменитой серии ЖЗЛ².

Самой серьезной публикацией его преимущественно эпистолярного наследия стал 54-й том (один из 148-ми томов), изданных Императорским Русским историческим обществом, но на французском языке, без перевода на русский³.

Именно в этом сборнике и были опубликованы воспоминания Ришелье о его участии в штурме Измаила (11/22 декабря 1790 г.) в качестве французской службы гусарского полка Эстерхази майора герцога де Фронсак, под названием «Дневник моей поездки в Германию»⁴ (далее — «Дневник»). Цель, время и место написания «Дневника» не совсем понятны. Скорее всего, Ришелье двигало желание рассказать о пережитом, включая знакомство с Россией, русской армией, о первых шагах на военном поприще, которые он совершил именно под Измаилом. Не исключено, что Ришелье написал воспоминания в первой половине 1791 г., то есть сразу после первого возвращения из России.

«Дневник» описывает события, произошедшие с Ришелье в период с 23 августа/3 сентября 1790 г., касавшиеся его отъезда из Франции днем ранее, то есть после Революции, которую он не принял, до 14/25 января 1791 г. включительно. Цель поездки, по его словам, заключалась не только в присутствии при коронации в Вене императора Священной Римской империи германской нации Леопольда II в октябре того же года, но и «в тщательном изучении намерений сильных мира сего в отношении разного рода событий, происходивших в различных державах и во Франции»⁵.

В том же октябре, и в той же Вене Ришелье познакомился с австрийской службы полковником принцем К. де Линем, сыном фельдмаршала К.-И. де Линя, и именно в Вене Ришелье узнал, совершенно случайно, от прибывшего к фельдмаршалу курьера от князя Потемкина, о планируемом захвате Измаила русскими войсками. Принц де Линь высказал горячее желание участвовать в штурме; к его мнению незамедлительно присоединился Ришелье вместе с французской службы полковником графом А.-Л.-А. Ланжерон (А.Ф. Ланжерон); к тому же в русской императорской армии уже служил родственник Ришелье — русской службы (с 1787 г.) полковник граф Р. де Дамá д'Антиньи (известный в русской литературе как граф Дамас). Втроем (де Линь, де Фронсак и Ланжерон) они прибыли к светлейшему князю Г.А. Потёмкину, направившего иностранных офицеров под Измаил, в распоряжение командующего Дунайской флотилии генерал-майора О.М. де Рибаса.

² *Глаголева Е.* Дюк де Ришелье. М., 2016.

³ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54.

⁴ *Richelieu.* Journal de mon voyage en Allemagne. С. 111–198.

⁵ Там же. С. 112.

Они прибыли под Измаил задолго до штурма, и Ришелье имел хорошую возможность познакомиться с военным бытом русских войск. Хотя в ходе штурма Ришелье, входивший в состав колонны бригадира Е.И. Маркова, не зная русского языка, потерял ее, тем не менее во главе небольшого отряда проявил мужество, за что был удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст. и золотой шпаги с надписью «За храбрость».

Как известно, взятие Измаила стало громким событием в карьере А.В. Суворова, но источников личного происхождения, посвященных этому событию, не столь много, как кажется на первый взгляд, и не всегда информативных: воспоминания С.И. Мосолова, служившего при штурме командиром батальона Лифляндского егерского корпуса, и генерал-поручика А.Н. Самойлова⁶, переписка обер-офицера Г.И. Чернышева с генерал-поручиком С.Ф. Голицыным⁷ и современный перевод на русский язык небольшой записки полковника Ланжерона⁸. На французском языке касательно штурма известен (не считая воспоминаний Ришелье) только один источник — полковника Дамá⁹, воспоминания которого переведены на русский язык только в части событий, произошедших до штурма Измаила¹⁰. Из мемуаров Дамá и Ришелье самый больший интерес вызывают, безусловно, впечатления последнего, которые, как известно, легли в основу 7-й и 8-й глав «Дон Жуана» Дж. Г. Байрона.

По большому счету, отсутствие перевода мемуаров Ришелье на русский язык не удивительно (достаточно вспомнить, что разговоры героев романа «Война и мир» на французском языке в дореволюционный период тоже не переводились на русский); интересно другое — авторы работ о штурме Измаила редко ссылались на воспоминания Ришелье, хотя при небольшом количестве опубликованных источников его мемуары, не представлявшие тайны и не хранившиеся в спецхране, должны были привлечь внимание исследователей. Например, генерал-лейтенант Н.А. Орлов, автор единственной посвященной штурму Измаила в дореволюционную эпоху крупной работы, сослался на эти воспоминания не более двух раз и, можно сказать, осторожно, только в рамках штурма, словно демонстративно не об-

⁶ *Самойлов А.Н.* Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина-Таврического // Русский архив. 1867. № 12. Стлб. 1537–1578; Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова // Там же. 1905. № 1. С. 124–173.

⁷ Бумаги и письма князя Сергея Федоровича Голицына // Русский архив. 1876. № 5. С. 136–138; Письма во время осады Измаила 1790 года от графа Г.И. Чернышева князю С.Ф. Голицыну // Там же. 1871. № 3. Стлб. 385–408.

⁸ *Полевщикова Е.* Французские волонтеры в Измаиле: неопубликованная записка графа Ланжерона // Дерибасовская-Решильевская: Литературно-художественный, историко-краеведческий иллюстрированный альманах. 2007. Вып. 29. С. 6–11.

⁹ *Damas R. de.* Mémoires. 1787–1806. Paris, 1912.

¹⁰ Записки Рожера Дамá / Русская новизна. СПб., 1914. Кн. 18. С. 1–100.

ращая внимания на изложенные Ришелье предшествовавшие штурму события¹¹. Данная тенденция — умалчивание существования воспоминаний Ришелье (впрочем, как и не переведенных на русский язык мемуаров Дамá) — существовала не только в дореволюционный период¹², но и в советский¹³, разве что за исключением современности, да и то мемуары использовались более чем фрагментарно и конъюнктурно¹⁴.

Нежелание исследователей ссылаться на воспоминания Ришелье можно объяснить. Например, дореволюционных историков, вероятно, не устраивало описание «досуворовацкого» периода осады, где он не упоминал ни о каком военном совете (краеугольном камне официальной версии как причины отправки Потемкиным под Измаил Суворова), и давал достаточно критическое описание действий русских войск. При этом факт насилий, совершенных русскими войсками в Измаиле, в дореволюционной литературе не скрывался.

В свою очередь, воспоминания Ришелье не устраивали и советских историков, выступавших в рамках поддержания патриотической версии изложения событий, не желающих признавать ни отсутствие военного совета, ни, скажем так, достаточно странных действий в бою русских войск, ни тем более сцен жестокостей и грабежей, учиненных русскими войсками по взятии города.

Описанию событий под Измаилом Ришелье отвел в «Дневнике» достаточно много места — около половины из почти 90 страниц¹⁵. Этот отрывок делится на условные две части равной пропорции: пребывание Ришелье под стенами крепости и непосредственное его участие в штурме. Таким образом, события изложены в стандартной хронологической последовательности. К сильным сторонам воспоминаний можно отнести наблюдательность и проницательность автора, попытки разобраться в окружавших его явлениях и происходивших вокруг него событиях.

Много места в «Дневнике» занимает, разумеется, русская армия. Ришелье показал ее сильные и слабые стороны: он хвалил русского солдата за его высокий боевой дух, невероятную набожность, безупречную

¹¹ Орлов Н.А. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. СПб., 1890. С. 58, 73.

¹² Колобакин Б.М. Суворов под Измаилом / Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. 1800 г. — 6 мая — 1900 г. СПб., 1900. Т. 1. С. 172—196; Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787—1791 гг. СПб., 1880. Т. 2; Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов СПб., 1900.

¹³ Боголюбов А.Н. Полководческое искусство А.В. Суворова. М., 1939; Гарнич Н.Ф. Штурм Измаила. М., 1952; Коробков Н.М. Взятие Измаила (1790 год) // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 24—40; Михайлов О.Н. Суворов. М., 1973; Осипов К. Александр Васильевич Суворов. М., 1955.

¹⁴ Лопатин В.С. Суворов. М., 2012. С. 220.

¹⁵ Richelieu. Journal de mon voyage en Allemagne. P. 152—192.

дисциплинированность, крайнюю неприхотливость, одновременно рисуя безжалостность российской действительности, мало обращавшей внимания, например, на сохранность человеческой жизни в России, и высказывая негодование в адрес системы продвижения русских офицеров по службе, о воровстве командиров кавалерийских полков.

Одновременно Ришелье представил очень интересные (и редкие) образы отдельных исторических персонажей: как неизвестных (шевалье де Ломбар), так и известных (генерал-поручика П.С. Потёмкина, де Рибаса), и прежде всего Суворова. Ришелье не только говорил о его необычайно простом и здоровом образе жизни, о его храбрости и огромном авторитете среди русских войск, но и о необычайной удачливости генерала, заменявшей ему подчас военные дарования.

Мемуары изобилуют интересными деталями, которые трудно встретить в других известных источниках о событиях до и во время штурма: о неоднозначном поведении некоторых русских офицеров в бою; о нежелании запорожских казаков становиться в авангард атаковавших колонн; о беспорядке среди высадившихся под стенами Измаила солдат; о цифрах потерь (10 тыс. чел. убитых и раненых), отличавшиеся от официальных (21 декабря 1790 г. Суворов в рапорте на имя Г.А. Потемкина вывел потери русских войск в 4577 чел.¹⁶). Отдельного изучения заслуживает концепция самой идеи штурма, которую Ришелье представил с не менее редкой стороны, настаивая на отсутствии четких целей русского командования по отношению к взятию Измаила, и достаточно логично представил успех как закономерную цепь случайного стечения обстоятельств в пользу русских войск.

Практически единственный из всех мемуаристов Ришелье нарисовал широкими мазками картину совершенных русскими войсками злодеяний, включая акты насилия над гражданскими лицами, которая вызовет неприятие у определенной части читателей.

Однако Ришелье, как следовало бы подумать, не упивается подобным зрелищем: русофобия не свойственна мемуаристу, если кто-то успел его так себе представить. Более того, у него нет никакого желания рисовать негативный образ русского солдата, хотя, казалось, он имел полное на это право, как непосредственный участник. С другой стороны, Ришелье не собирается замалчивать факты убийств горожан, невиданные размеры грабежа победителями имущества поверженного врага. В данной ситуации Ришелье выступил защитником русского солдата, и без обиняков объяснил соответствующее его поведение как вполне естественное в сложившейся исторической ситуации. Как сказал Байрон в «Дон Жуане»,

¹⁶ Суворов А.В. Документы. М., 1951. Т. 2. С. 540, 577. О противоречиях в численности потерь см.: Чиняков М.К. Суворов и Измаил. М., 2017. С. 137–151.

«...в боях
Меняются характеры и страсти,
И наш порыв уже не в нашей власти».

Правда, Ришелье, в силу происхождения, не мог не объяснить причины произошедших фактов жестокости с точки зрения своей принадлежности к благородному сословию, убеждая читателя в невозможности постижения простыми людьми в ответственные моменты чувств «просвещения и разума»¹⁷.

Очень интересны рассуждения Ришелье, приведенные в завершающей части рассказа о взятии Измаила, о критическом анализе действий русской и турецкой армий до и во время штурма, словно подталкивая читателя (вряд ли намеренно) к достаточно логичному выводу о похожем способе ведения боевых действий обоими противниками (заклучавшемся в полном пренебрежении к действиям друг друга вопреки даже здравому смыслу). Одновременно он пытался извлечь уроки из штурма на будущее (например, когда указал о выдаче необходимого количества патронов для солдат перед штурмом).

Ришелье не ограничился описанием боевых действий как таковых. Он пытался выступать как сторонний наблюдатель внутренней жизни России, являвшейся тогда (и не только тогда) *terra incognita* для Франции и французов. При отсутствии познаний в русском языке Ришелье многое в российской жизни было непонятно, и вместе с тем интересно и занимательно. Он даже пытался рассуждать о происхождении курганов (трактуя их как древние ориентиры в степи для татар), о жизни запорожских казаков. Автор оставил любопытные зарисовки и о турках, о турецкой армии, о способах ведения ими боевых действий, — достаточно редкую информацию среди других свидетельств того периода.

Мемуарист не упустил случая показать и свои политические пристрастия: не намекая на монархию как на идеальный тип государства, он демонстрировал понятное неприятие (явно в силу того же социального происхождения) революции, выставляя только отрицательные ее стороны.

Не обошлось в воспоминаниях и без недостатков, главным из которых является противоречивость изложения материала. Например, сначала Ришелье сомневался в огромной численности турецкого гарнизона, но затем убедительно и постоянно рассказывал о нем как о само собой разумеющемся факте; сначала Ришелье говорил о ненужности взятия крепости, но затем убедительно доказал обратное. Отзываясь достаточно объективно (насколько возможно для любого

¹⁷ Richelieu. Op. cit. P. 189.

мемуариста) о русской армии, тем не менее Ришелье иногда может сгущать краски (впрочем, как любой автор воспоминаний). В частности, он не намеревался сопоставлять отрицательные стороны поведения русских войск по взятию крепости с другими аналогичными действиями в Истории, например, связанными с французской армией.

Не всегда критика мемуариста объективна. Хотя Ришелье справедливо критиковал состояние русской военной медицины, утверждая, что из раненного в русской армии можно было быстро превратиться в покойника, однако общее состояние медицины во Франции и в России, думается, было вполне сопоставимо: в 1781 г. Людовик XVI, вследствие экономических и финансовых проблем, сократил количество военных госпиталей и уменьшил в них количество врачей, а в 1794 г. в военном госпитале Нанта ежемесячно умирали до 16% солдат, в основном от болезней¹⁸. С другой стороны, мнение Ришелье проистекает, скорее всего, из-за отсутствия у него боевого опыта в рядах французской армии.

В целом, думается, не стоит по прочтении мемуаров пытаться переписать штурм Измаила «à la Richelieu», основываясь только и исключительно на представленном ниже мемуарном отрывке, но введение воспоминаний Ришелье в широкий научный оборот (для читателей, не владеющих французским языком), и использовать их при изучении штурма Измаила, сравнивая с другими источниками (включая личного происхождения), безусловно, является насущной необходимостью, учитывая известную аксиому: степень достоверности мемуариста часто пропорциональна степени его осведомленности, а Ришелье, служивший под началом де Рибаса, излагал обстоятельства штурма с точки зрения последнего, причем иногда своеобразно. Например, первоначально он хвалил прозорливость де Рибаса, просившего накануне штурма отсрочить его ближе к рассвету, но спустя пару страниц сам же и указал, что именно утренний туман и спас его и других на берегу Дуная под турецким огнем.

В тексте «Дневника» даты сохранены по новому стилю; в других случаях они приведены по обоим стилям. Описание жизни запорожских казаков, маршрут движения Ришелье по Измаилу во время штурма оставлен без комментариев.

Перевод публикуется впервые. Перевод с французского языка и комментарии подготовлены автором публикации.

М.К. Чиняков

¹⁸ *Pigeard A.* Dictionnaire de la Grande Armée. Paris, 2002. P. 535; *Wey R.* Le Service de santé des armées au centre du champ de bataille // *Médecine et Armées*. T. 38. № 5. Décembre 2008. P. 411; *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 494.

ДНЕВНИК МОЕЙ ПОЕЗДКИ В ГЕРМАНИЮ*

(отрывок)

Крепость Измаильская расположена на левом берегу одного из главных гирл Дуная¹, в двадцати лье² от его устья в Черное море. Крепость просторная, построенная амфитеатром, с тремя мечетями и минаретами. С противоположного берега реки крепость являла зрелище впечатляющее и запоминающееся. Город, представлявший полукруг вокруг Дуная, имеет предположительно два лье в дуге окружности, а по диаметру, то есть по длине реки, учитывая две крайние точки крепостной ограды, — около 800 туазов³. Измаил пал в последнюю войну⁴, но тогда он был в виде негодного селения со слабыми ретраншементами⁵. Турки с тех пор почувствовавшие значимость местоположения сего города и осознавшие, насколько выгодно для них иметь на Дунае крепость, коя может служить либо в качестве плац-парада⁶, либо опорною базою для вторжения в Молдавию⁷, либо для прибежища потерпевших поражение войск, во время длившегося мира с последней войны⁸ укрепили сию крепость и расширили ее территорию⁹.

Работы по совершенствованию крепости производил французский инженер месье Делафит¹⁰, составивший очень четкий ее профиль, искусно следовавший неровностям местности. Но месье Делафит был отозван во Францию до того, как успел завершить работу над укреплением, включавшее ныне только очень высокий вал, насыпанный

* *Richelieu. Journal de mon voyage en Allemagne.* (Пер. с фр. и прим. М.К. Чинякова).

¹ Речь идет о Килийском гирле. Далее идут примечания М.К. Чинякова, либо указывается, где «Прим. автора (*Richelieu*)», а где «Прим. перев. (*М.К. Чернякова*)».

² Лье — старинная французская единица измерения расстояния (4,444 км).

³ Туаз — старинная французская единица измерения расстояния (1,949 м).

⁴ 26 июля/6 августа 1770 г. генерал-поручик Н.В. Репнин взял Измаил (без боя).

⁵ Ретраншемент — вспомогательная фортификационная постройка в виде внутренней оборонительной ограды. Представляет, как правило, ров и вал.

⁶ Плац-парад — расчищенное, выровненное место, площадь в городе или крепости обычно перед казармами для учений, разводов, парадов и смотров войск.

⁷ По условиям Кючук-Кайнарджийского мира (1774) Молдавское княжество стало протекторатом Российской империи.

⁸ Ришелье намекал на период после русско-турецкой войны (1768—1774).

⁹ Турки именовали Измаил «армейскою крепостию». — *Прим. автора.*

¹⁰ Лафит-Клавэ (Делафит) Андре-Жозеф де (1740—1794), — французской службы инженерных войск генерал-майор (1792). С 1784 по 1788 г. находился в командировке в Турции. По его проекту и под его наблюдением строились и перестраивались укрепления Очакова. Участвовал в попытке турок высадиться в Кинбурне (1787). Был отозван во Францию приблизительно осенью 1788 г.

из очень плотной земли, подобной туфу¹¹, с широким и глубоким рвом и чрезвычайно крутыми эскарпом и контрэскарпом¹². По правилам фортификации, для невозможности пробития в валу бреши следовало обшить его камнем, но Делафит предположил укрепить его палисадом¹³ по европейскому образцу. Однако наследовавший ему турецкий инженер, служивший бостанджи-пашой¹⁴ или главным садовником сераля¹⁵, не имея никаких познаний в фортификационном деле и располагая очень большими магазинами¹⁶ кольев для палисада, не счел нужным сделать лучше, как поставить сей палисад в середине парапета¹⁷, вместо того, чтобы вбить колья на самой внешней оконечности вала с целью сделать эскаладу¹⁸ почти невозможной. Можно даже приписать успех приступа, как увидим ниже, незнанию основ фортификации неизвестным мусульманским зодчим.

До нашего прихода со стороны Дуная отсутствовали оборонительные сооружения, кроме как нескольких батарей, и подход к реке фланкировал¹⁹ очень большой редут в форме бастиона²⁰. Сей возведенный из гранита редут²¹ прикрывал крепость с тыла, со стороны Дуная, и защищал подход от неприятеля со стороны реки; редут входил в состав

¹¹ Туф – легкая, цементированная, пористая горная порода. Очень прочная и долговечная.

¹² Эскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или рва, обращенный передней частью к противнику. Контрэскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или рва, обращенный передней частью к обороняющемуся.

¹³ Палисад (или частокол) – препятствие или стена из ряда заостренных столбов (в среднем высотой около 3 м), вертикально врытых или вбитых на 1/3 своей длины в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусьями.

¹⁴ Бостанджи-паша (в данную эпоху) – глава садоводов или суперинтендант султанских садов.

¹⁵ Сераль – резиденция турецкого султана в восточной части Стамбула.

¹⁶ Магазин (*уст.*) – склад.

¹⁷ Парапет – насыпь в фортификационном сооружении, предназначавшаяся для удобной стрельбы, защиты от пуль и укрытия от наблюдения противника, а также и в качестве дополнительной преграды на случай штурма.

¹⁸ Эскалада – штурм крепости при помощи лестниц (от *фр.* escalier – лестница).

¹⁹ Фланкировать – обстреливать противника с флангов продольным огнем для защиты своих позиций.

²⁰ Бастион – пятиугольное долговременное укрепление, возводившиеся на углах крепостной ограды и примыкавшие к ней. Здесь и далее Ришелье под словом «бастион» подразумевал преимущественно известное измаильское укрепление под названием «Табия», классифицировать которое по документам затруднительно.

²¹ Редут – сомкнутое укрепление в виде правильного или неправильного многоугольника и самостоятельное в смысле обороны. Таким образом, бастион и редут – два разных укрепления. Получается, что Ришелье либо путался, либо не мог квалифицировать «Табью», либо плохо разбирался в фортификации.

ную часть крепости, но был отделен от нее, хотя с горжи²² был закрыт почти совершенно. В противоположной стороне от редута, по сему берегу Дуная, с тою же целью находился сильно укрепленный кавальер²³, но не обшитый камнем. Линия между обоими укреплениями, как я сказал, длиною около 800 туазов, была очень плохо защищена²⁴. Турки, рассматривавшие реку как преграду более чем достаточную, совершенно не ожидали увидеть русскую флотилию на Дунае, и во время осады принялись работать с неутомимым усердием, построив на сем протяжении, от одного укрепления до другого, коммуникационную линию²⁵, коя, фланкированная развернутыми в батарее 90 пушками, чрезвычайно затрудняла бы приступ. Посему, если приступ состоялся в день прибытия войск к городу, они столкнулись бы намного с меньшим сопротивлением и потеряли менее людей²⁶, чем за 24 дня осады²⁷. Сие описание крепости мне кажется необходимым для общего разумения операции.

Теперь я перейду к изложению событий осады. Я уже говорил, что предприятие противу Измаила было не более как покушением²⁸, ибо приступить к осаде было невозможно ввиду погодного сезона, где столько непредусмотренных трудностей могли остановить проведение операции. Войска русские отнюдь не располагали осадною артиллериею, а невозможность приобрести шпионов среди турок оставляла осаждавших в полном незнании о численности гарнизона, — если верить слухам, в крепости насчитывалось от 15 до 40 тыс. чел. Сверх того, между начальниками, действовавшими самостоятельно, происходило мало понимания и уразумения. До прибытия генерала Суворова²⁹ ге-

²² Горжа — тыльная сторона отдельных укреплений.

²³ Кавальер — вспомогательное внутреннее оборонительное сооружение, то есть малый бастион, огороженный стенами главного бастиона. Возвышаясь над главным бастионом, кавальер обеспечивал обстрел, как правило, артиллерийским огнем ворвавшегося на него (главный бастион) противника. В данном случае Ришелье имел в виду высокую насыпь для обстрела ружейным огнем ворвавшегося в крепость противника.

²⁴ Однако для обороны крепости со стороны реки следовало рассматривать находившиеся на Дунае 35–40 турецких судов.

²⁵ Коммуникационная линия (*фр.* *ligne de communication*) (в фортификации): часть вала или траншеи, насыпь для защиты прислуги крепостной артиллерии от огня противника.

²⁶ Здесь и далее, как правило, под словом «люди» (в дореволюционную эпоху) подразумевалось слово «нижние чины».

²⁷ Как вскоре увидим, сие мнение о скором приступе исходило от генерала де Рибаса.

²⁸ Покушение (*усм.*) — попытка.

²⁹ Суворов Александр Васильевич (1730–1800), — граф (1789), князь (1799), русский полководец, генералиссимус (1799). С 1789 г. носил почетное прозвище граф

нерал де Рибас³⁰, начальствовавший флотилией, отнюдь не подчинялся генералам, начальствовавшими сухопутными войсками. Таково было положение вещей, когда мы прибыли на борту одного из судов флотилии.

Нас принял генерал де Рибас, под началом коего, как я сказал, находились военно-морские силы императрицы на Дунае. Сия флотилия, включавшая суда, известные только в здешних краях, насчитывала около ста двадцати парусов; самые большие, под названием бригантины³¹, располагали 16-ю пушками.

Главная сила сего флота именовалась лансонами³², то есть судами, ходившими как под парусами, так и на веслах, с низкой осадкой, и вооруженные пушками очень большого калибра и 120-фунтовыми³³ гаубицами, стрелявшими картечами, ядрами и воспламеняющимися бомбами³⁴. Остаток флота включал множество легких судов, таких как прамы, шлюпы, канонерские лодки, дубель-шлюпки³⁵ и т.д.

Суворов-Рымникский, с 1799 г. — князь Итальянский граф Суворов-Рымникский. За штурм Измаила Суворов был награжден весьма скромно.

³⁰ Рибас де (Дерибас) Иосиф (Осип) Михайлович (Хосе де Рибас Жузеп де Рибас) (1751—1800) — испанский дворянин по происхождению, российский военный и государственный деятель, генерал-майор (1789), контр-адмирал (1792), вице-адмирал (1793). Основатель Одесского порта и города Одессы. Во время штурма Измаила командовал Черноморской гребной флотилией. За штурм Измаила был удостоен шаги с алмазами и 800 душ в Полоцкой губернии.

³¹ Бригантина — двухмачтовое парусное судно, распространенное во всех регионах — от Средиземного моря до Тихого океана. Вооружение бригантины не превышало 20 пушек.

³² Лансон — одно- или двухмачтовое парусно-гребное промысловое или каботажное судно, распространенное в черноморских странах в XVIII—XIX вв., в основном в Турции. На лансонах, используемых в военное время, могло быть установлено вооружение, состоявшее из 4—8 орудий малого калибра, либо 1—2 крупнокалиберных пушек или мортир. Из-за низкой осадки обладали прекрасной возможностью для высадки десанта на мелководье.

³³ Вероятно, опечатка или ошибка Ришелье, ибо если 68-фунтовое орудие имело диаметр артиллерийского ствола около 200 мм, 120-фунтовое должно было иметь диаметр около 350 мм и весьма значительную массу ствола с соответствующим лафетом для установки на борту корабля. Скорее всего, речь шла о 12-фунтовом орудии (около 100 мм).

³⁴ Русские называли сии снаряды на германский лад — *hundkugel*. — Прим. автора. (В действительности речь идет о брандскугеле (нем. *brandkugel*), бомбе (в описываемое время) — разрывной артиллерийский снаряд, предназначенный для стрельбы из мортир, гаубиц и пушек. Бомбой считался снаряд весом 1 пуд и более (снаряды весом от одного артиллерийского фунта до пуда назвались гранатами, а менее одного артиллерийского фунта — пулями.)

³⁵ Прам — крупное плоскодонное артиллерийское парусно-гребное судно, применявшееся в качестве плавучей батареи, то есть с сильной артиллерией, для действий против береговых укреплений и при осадах приморских крепостей. Шлюп — тип парусного корабля, несшего до 28 орудий. Канонерская лодка —

Сия флотилия, с посаженными на борт ее судов 4 тысячами солдат, вышла из портов Крыма, пересекла устье Дуная, защищаемое многочисленными батареями, кои она захватила, и, изгнав оказавшие лишь слабое сопротивление турецкие суда, сия флотилия продвинулась по реке до пятнадцати сотен туазов от города, где и находилась к нашему прибытию. Часть сей флотилии, поднявшаяся по другому гирлу Дуная и повернувшая вокруг острова³⁶, бросила якорь ниже города; она включала суда с запорожскими казаками³⁷, сим родом человеческим, странным весьма и не похожим ни на один какой другой народ.

Сии казаки представляли объединение большого количества особ разных народов, — русских, поляков, донских казаков, турок, соединившихся вместе для проживания при соблюдении известных³⁸ правил, и подчинялись вождям, коих они сами себе и выбирали. У них совершенно не было ни женщин, ни постоянного места для проживания: они жили в тростниковых зарослях на берегу Черного моря за счет лихоимства и морского разбойничества.

Императрица попробовала дать сим казакам землю и сделать из них добрых и полезных подданных, но до настоящего времени сей проект не увенчался успехом. Сии люди, по образу их жизни, каковая не укротила их нравы, предаются при всяком случае невоздержанному бессердечию и варварству самому безжалостному. Сей вид удали есть единственный, коим они добыли себе славу, и их храбрость противу неприятеля, каковой отвечает им сопротивлением, никак не сообразуется с тою жестокостию, кою они проявляют к противнику, обращенному в бегство. Следует не путать ни в коем разе сих варваров, узурпировавших имя казаков, с настоящими казаками, иными словами,

небольшие боевые корабли с артиллерийским вооружением, предназначенным для боевых действий на реках, озерах и в прибрежных морских районах. В эпоху парусного флота канонерскими лодками называли крупные шлюпки или небольшие парусно-гребные суда с 1–3 крупными орудиями. Дубель-шлюпка — небольшое парусно-гребное военное судно, располагавшее до 15 орудий, предназначенное для действий на реках, в лиманах и вблизи морских побережий.

³⁶ Речь идет о т.н. острове Чатал (Сулин), который островом не является. Ришелье и другие современники под этим «островом» подразумевали противоположную от крепости территорию суши (14 на 15 км), омываемую двумя гирлами (Килийским и Сулинским). Под «другим гирлом» Ришелье имел в виду именно Сулинское.

³⁷ 3/14 августа 1775 г. вышел манифест Екатерины II «Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии». С этого времени название «запорожские казаки» официально исчезло, хотя словосочетание использовалось еще в течение длительного времени. Из оставшихся в России запорожских казаков с 1783 г. Г.А. Потемкин создал Войско верных казаков Черноморских (с 1860 г. Кубанское казачье войско).

³⁸ Известных (*уст.*) — некоторых.

с донскими казаками, о коих я говорил выше³⁹, и кои не менее полезны войскам, ибо они бдительностию предохраняют войски от всяких неожиданностей и неустрашимостию наводят страх на врага.

Во время нашего прибытия мы стали свидетелями небольшой стычки между одною дивизиею лансонов и двумя малыми судами под командованием подполковника де Рибаса, брата генерала⁴⁰, и турецких судов, устремившихся их атаковать. Впрочем, последние, после бесчисленных выстрелов, были вынуждены отступить с уроном под защиту пушек крепости.

30-го ноября вся флотилия бросила якорь на расстоянии около 900 туазов от города. Весь день турки вели огонь достаточно живой, но безуспешный. Именно тогда сухопутные войски и приблизились к крепости. Они включали два корпуса: один, под начальством генералов Гудовича⁴¹ и Павла Потемкина⁴², был составлен из войск, бывших в Килии⁴³, и вставших лагерем в добром лье от города. Другой корпус, под начальством генерал-майора Кутузова⁴⁴, оставался еще на расстоянии около четырех лье от города. Затем к крепости подошел еще и третий корпус, под начальством Самойлова⁴⁵, сформированный из войск, стоявших под Килией⁴⁶, и вставший лагерем между двумя вышеозначенными корпусами. Сии корпуса последовательно сближались друг к другу, но полное обложение Измаила так и не состоялось,

³⁹ Эта часть не публикуется.

⁴⁰ Ришелье ошибся: брат генерала, де Рибас (Дерибас) Эммануил Михайлович (1760–1791), был русской службы полковником. Вместе с братом активный участник русско-турецкой войны (1788–1791). Потерял правую руку при осаде Очакова, но продолжал воевать с протезом. Умер от ранений, полученных при взятии Измаила.

⁴¹ Гудович Иван Васильевич (1741–1820) – граф (1797), русский генерал-фельдмаршал (1807). Прибыл под Измаил, но был отозван князем Г.А. Потёмкиным на Кавказ.

⁴² Потёмкин Павел Сергеевич (1743–1796) – граф (1795), русский военный и государственный деятель. Приходился троюродным братом князю Г.А. Потёмкину. За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 2-й ст.

⁴³ То есть осаждавших и взявших Килию.

⁴⁴ Голенищев-Кутузов (с 1812 г. Голенищев-Кутузов-Смоленский) Михаил Илларионович (1745–1813), граф (1811), светлейший князь (1812), – российский полководец, дипломат, генерал-фельдмаршал (1812), участник русско-турецких войн, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г. Первый полный кавалер ордена Св. Георгия. Во время штурма крепости командовал 6-й колонной (со стороны суши). За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁴⁵ Самойлов Александр Николаевич (1744–1814) – граф, российский полководец и государственный деятель, племянник Г.А. Потёмкина, генерал-прокурор Правительствующего сената (1792–1796). За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Владимира 1-й ст.

⁴⁶ То есть не штурмовавших Килию.

и сие неудобство могло стать гибельным, если б другой неприятель, нежели турки, действовал более дерзновенно, особенно со столь многочисленным гарнизоном. Все сии русские войски заключали около двадцати тысяч человек, не считая семи-восьми тысяч регулярных казачков, коих в русских войсках почти никто никогда не считал⁴⁷.

Казачки весьма полезны не менее регулярных войск, и среди их преимуществ, например, можно назвать их дешевизну, поскольку за 40 рублей, получаемых ими ежегодно от казны, они снабжаемы за собственный счет и также без денег от казны содержат собственную лошадь, — вряд ли возможно иметь кавалерию менее дорогую. Правда, форма казачков не отличалась ни богатством, ни изяществом: круглая меховая шапка, чем-то похожий на польскую форму мундир, очень широкие шаровары⁴⁸ и пара сапог, — вот почти и весь их гардероб. Их оружие заключалось в паре пистолетов, каковые они носили за поясом, сабле и пике двенадцати футов⁴⁹ длиною. Сии казачки бреют голову, оставляя единственно косу посреди головы, коя спускается до низа спины. Их вожди, подобно туркам, носят бороду. Казачки не имеют надобности ни в приказах, ни в словах, и общаются друг с другом посредством особого свиста, по коему спознают друг друга. Казачки ездят на очень невысоких лошадях, но крепких и выносливых, на коих они совершали ловкие набегии. Сии люди, за коими действительно любопытно наблюдать, наделены чрезвычайною сметливостию. Не имея никакого представления ни о компасе, ни о меридианах, ни о какой астрономии, казачки находят дорогу в степи простым наблюдением за звездами, и, руководствуясь сим единственным способом, они почти никогда не сбиваются с пути. В походах они беспрестанно занимают большое пространство впереди войск, и их пикеты всегда связаны друг с другом разъездами для быстрого осведомления начальства.

Казачки не менее полезны и во время осадной войны, охраняя войски от внезапной вылазки неприятеля. Но самый лучший способ ведения боевых действий, в коем они не знают себе равных, — совсем другой: когда, например, следует что-то сжечь или опустошить область, будь то в прямой вред неприятелю, будь то для воспрепятствования ему обеспечения себя провиантом. Пруссия еще не забыла зло, каковое казачки учинили ей во время Семилетней войны. Другая легкая кавалерия, даже венгерская, никоим образом даже не достигала, разве что в редчайших случаях, достигнутых казачками высот разрушения и истребления.

⁴⁷ Ришелье не упомянул об арнаутах, о которых либо забыл, либо включил их в категорию «запорожские казачки».

⁴⁸ Ришелье назвал их кюлотами (*фр. culottes*). О кюлотах см. ниже.

⁴⁹ Фуг (*фр. pied*) — на описываемый период около 0,3 м.

Вечером 30-го ноября настало время для построения на острове батарей, кои должны были бомбардировать крепость и кои не могли не причинить ей много вреда, поскольку сей город расположен амфитеатром, и посему почти ни один выстрел не долженствовал пропасть даром. Одновременно следовало постараться потопить стоявшие у берега и служившие крепости защитой турецкие суда в количестве 25-ти или 30-ти лансонов. Осаждавшие льстили себе, что сия канонада с сухого пути, умноженная поддержкою артиллерии с флотилии, должна внушить туркам достаточно ужаса и принудить их сдаться.

Для построения батарей отрядили пять сотен солдат, коих, в случае десанта со стороны неприятеля, должны были поддержать другие шесть сотен. Сии силы находились под начальством бригадира⁵⁰ Маркова⁵¹, резерв — под начальством графа де Дамас⁵². На правом фланге, где начальствовал генерал-майор Арсеньев⁵³, приняли подобные же меры для построения другой подобной батареи⁵⁴.

При наступлении ночи мы выдвинулись к разведанному прежде участку: он находился приблизительно в 150 туазов от каменного бастиона, о коем я уже говорил выше. Возведение батареи началось с небольшой конфузии, ибо рабочие не знали, что им нужно делать, и сверх того, не обошлось без известной лености в исполнении работ. Пуще всего меня поразило, что, несмотря на предпринятые чрезвычайные предосторожности, все разговаривали и кричали, а турки, кои не могли не слышать производимый нами шум, тем не менее предоставили нам возможность построить укрепление, ни разу не выстрелив по нам из пушки. Сие нерадение происходит, как мне показалось, из питаемого беспрестанно русскими к туркам глубокого презрения, ибо русские рассматривали недостойным принимать диктовавшиеся на войне благоразумием меры предосторожности от турок, и чувство их,

⁵⁰ Бригадир (в 1722–1796 гг.) — военный чин выше полковника и ниже генерал-майора, относящийся к генеральским чинам.

⁵¹ Марков Евгений Иванович (1-й) (1769–1828) — российский военачальник, генерал-лейтенант (1807). При штурме Измаила, в чине лейб-гвардии Преображенского полка секунд-майора командовал 3-й колонной (со стороны Дуная). За героизм при взятии Измаила, в 1792 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

⁵² Дамас (Дамá) д'Антиньи Роже де (1765–1823) — граф, французской службы полковник (1789), перешедший с 1787 г. на русскую службу, неаполитанской службы генерал-лейтенант (1804). За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁵³ Арсеньев Николай Дмитриевич (1749/1754–1796) — российский военачальник, генерал-майор. При штурме Измаила командовал 1-й колонной (со стороны Дуная). За героизм при взятии крепости был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁵⁴ Я не говорю о построенной у устья малой реки [речь идет о реке Репида. — Прим. перев.] третьей батарее, находившейся столь смешно далеко, что пальба с нее по крепости была совершенно бесполезною, и посему батарею весьма быстро забросили. — Прим. автора.

русских, превосходства над сим неприятелем, было распространено в равной мере как среди нижних чинов, так и среди русских офицеров, и служило причиною бесполезной потери множества людей, вместо того, дабы проявить излишнюю осторожность и осмотрительность.

Офицеры, занимавшиеся построением сей батареи, не принадлежали к инженерному корпусу, хотя таковые служили в войсках, но никто не прибегал к их услугам, и я не знаю почему, — их обязанности исполняли офицеры из разных корпусов, служивших в артиллерии, кои должны были иметь знания достаточные. Но нетерпение бригадира Маркова, всем начальствовавшим, и также испытывавший, как и всякий другой представитель армии своей, вышеозначенное предубеждение к туркам, верил, что противу турок укрепление будет всякое весьма полезным, и не позволил дать сему укреплению соответствовавшее ему улучшение.

Около трех часов утра вдруг обнаружилось, что строившаяся батарея находилась слишком близко к крепости, дабы привести туда пушки⁵⁵, — поставленные на выгруженные с судов морские лафеты 48-фунтовые пушки, носивших в России наименование единорогов⁵⁶. Ввиду короткого ствола единороги не предназначались для стрельбы на дальность прямого выстрела и могли действовать только с возвышенности. Однако сия артиллерия не могла успешно пробить брешь в огромном редуте, весьма солидно построенном из гранита. Сверх того, удаление от крепости в 150 туазов было уже значительным, и поскольку русские не удосужились построить в батарее платформу⁵⁷, нельзя было и надеяться на верность стрельбы, посему пушке рассчитывали на присущий туркам ужас, последовавший бы по разрушению и пожару их жилищ, чем на нанесенный вред их укреплениям. Тем не менее батарея была построена как построена, и осталось ждать сигнала для открытия каонады.

Сигнал долженствовал последовать на рассвете, когда флотилии следовало приблизиться к городу, и тогда артиллерия как с сухого пути, так и с судов, начала бы пальбу. Около шести часов утра русские пу-

⁵⁵ Вообще сия батарея была построена настолько дурно, насколько сие было вообще вообразить возможно. Парапету не хватало долженствовавшей ему высоты, а амбразуры были такою ширины, что чрез них могла свободно проехать повозка, но сие, как мне говорили, достаточно противу турок, и в силу сего блестящего принципа под Очаковом и Измаилом можно было не страшно потерять две-три тысячи людей. — *Прим. автора.*

⁵⁶ Единорог — русская гладкоствольная артиллерийская пушка-гаубица. Превосходила пушки в скорости заряжания, дальности стрельбы и меньшей массой.

⁵⁷ На платформах (деревянных) в осадных батареях пушки размещались для более меткого и быстрого ведения огня: например, для обеспечения уменьшения отката пушки при выстреле и облегчению работы расчета пушки для накатывания к бойнице после заряжания платформы ставились с подъемом к тылу.

стили два брандера для нанесения урону турецким судам; но либо они пустили брандеры издалека, или в силу какой-либо иной причины, но они взорвались в стороне, не причинив никакого ущерба ни одному турецкому судну⁵⁸. Около семи часов вся флотилия придвинулась вперед, и спустя полчаса началась канонада. Дивизия судов, составлявшая авангард, отправилась вниз по течению реки, с героической храбростью разместилась между нашими батареями и городом, и под ужасным неприятельским картечным и ружейным огнем держалась в сей ужасной позиции целых шесть часов⁵⁹.

Турки ответствовали с великою живостью, и на столь малой дистанции причинили много урону судам. Один из них поднялся на воздух у меня на глазах, представив зрелище жуткое и страшное, самую волнующую картину смерти и разрушения. Другой лансон унесло течением, и, дрейфуя, он пристал к турецкому берегу, где на наших глазах попал в плен с экипажем в пятьдесят или шестьдесят человек. Батареи на сухом пути также пострадали, ибо в силу несовершенства исполнения постройки они не служили надежным убежищем от неприятельского огня. Амбразуры были чрезвычайно велики и земля внутри батарей недостаточно вырыта, и посему было достаточно лишь немного отодвинуться от проема амбразур, как тебя становилось видно издалека с ног до головы, до самых пряжек на башмаках. Впрочем, турки понесли также большой урон: многие их суда были истреблены, другие потоплены, и мы знали, что они потеряли много людей. С нашей стороны были четыре или пять сотен человек раненых и убитых, что составило значительную потерю относительно того малого количества людей, коими мы располагали.

Около часа пополудни флотилии дали сигнал к отступлению, и именно тогда много потерпели урону два самых выдвинутые вперед судна, переходившие под батареями крепости⁶⁰. Турецкие пушки, принужденные замолчать нашими усилиями, вновь обрушили сильный огонь на сии несчастные суда, шедшими словно на смотр, и потярявшими много людей.

⁵⁸ По официальной версии, брандеры отнесло в сторону течением.

⁵⁹ Авангард флотилии был доверен принцу Карлу Линю, выказавшему в сем деле, где ему посчастливилось избежать очень больших опасностей, как присутствие духа, так и мужество в равной мере. — *Прим. автора.*

⁶⁰ Я не должен упустить случая рассказать, как находившаяся ниже по течению дивизия флотилии с запорожскими казаками на борту, желая соединиться с остальными судами флотилии, пересекла вышепомянутое пространство крепости вдоль сказанных 800 туазов, не обращая внимания на обрушившийся на них неприятельский дождь из огня. Сверх того, около 150 казаков решили произвести дерзновенный набег с целью грабежа самых ближайших к берегу домов. Сия дерзость им не удалась, и, как и следовало ожидать, почти все казаки погибли. — *Прим. автора.*

Охваченные внезапным дерзновением и воодушевлением, известное количество турецких смельчаков сели в шлюпы, переплыли чрез Дунай и высадили десант на наш берег. Тогда граф де Дамас получил приказ выйти с батареи во главе двух сотен солдат и сбросить турок обратно в Дунай. Едва мы вышли с батареи, как превратились в мишень для всей крепостной артиллерии. Граф де Дамас велел людям рассеяться, что стало причиною малых потерь. В сем случае я не был доволен поведением русских солдат. С превеликим трудом нам удалось принудить их идти вперед, ибо каждое мгновение они бросались на землю, и нам приходилось ударами заставлять их подниматься. Хотя, признаться, мы шли под ливнем пуль и вспахивавших землю вокруг нас ядер.

Несмотря на наши малопривлекательные действия, турки не стали дожидаться нашей атаки и вернулись на суда достаточно проворно. По нашему возвращению на батарею турки сопровождали нас тем же огнем, коим мы были встречены по выходу из сего укрепления, и наши солдаты доказали частым коленопреклонением, что они не были приучены к нахождению под сей стрельбою. Однако я могу уверенно сказать, что полк, в состав коего входили сии люди, покрыл себя славою при приступе, каковой был намного длиннее и более горяч, чем сия стычка⁶¹. Сей день, каковой, можно сказать, прошел достаточно живо, стал моим первым шагом на военном поприще. Покуда длилось сие дело, я очень внимательно изучал себя, и находил себя соответствовавшим прошлому моему состоянию, когда я твердо решил продолжать военную карьеру.

После сего первого покушения, успех коего, как только что видели, был, по крайней мере, сомнительным⁶², генерал де Рибас, полагавший принудить турок к сдаче только канонадою, разработал проект произвести тотчас приступ по захвату крепости. Но, поскольку сей генерал не имел под своим начальством достаточного количества войск для баталии, коя долженствовала быть также живой, он сообщил о сим намерении генералам Гудовичу и Павлу Потёмкину с целию дать ему часть войск и поддержать его диверсиею с сухого пути. Оба генерала, напуганные предполагавшейся опасностью и решительностью предприятия, и, может быть, завидуя возможной славе де Рибаса, под предлогом невозможности надежды на успех с твердостью отказали ему, хотя легкость перевозки большого количества войск на самую менее защищенную сторону крепости, где можно было встретить наименее сопротивления, не предоставляя времени туркам укрепить сию сторону, представляло явную выгоду. Генералы отнюдь не прислушивались

⁶¹ Ришелье, вероятно, намекал на Полоцкий мушкетерский полк, о подвигах которого рассказал ниже.

⁶² Мы были сильно удивлены, когда узнали немного времени спустя, что сие дело превратилось в викторию: сим чудом мы обязаны автору реляций.

к доводам генерала де Рибаса, и он решил первоначально потребовать от турок сдачу крепости как некую формальность, от каковой нельзя было ожидать большого успеха, после чего он построил бы еще несколько батарей, и посмотреть, принудит ли турок уступить сие увеличение огня противу крепости.

В соответствии с сим решением, не предполагавшим большой активности, в ночь на 2-е декабря приступили к постройке третьей батареи, наиболее приближенной к берегу Дуная, долженствовавшей произвести наижесточайший огонь на турецкие дома и суда. Батареи продолжали строить многие другие последующие ночи, и 12-е декабря⁶³ на берегу Дуная уже находились свыше 80 пушек в батареях. Каждый день сего промежутка времени проходил в канонаде более или менее жестокой, — либо с батареей, либо с судов, кои, приближаясь к городу, бросали в него бомбы. Турки, со своей стороны, не оставались безучастными: они без устали работали над укреплением берега Дуная посредством построения ретраншементов и батарей. Одновременно они по-прежнему вели сильный огонь, и их канониры⁶⁴, кои, я не знаю почему, не уступали нашим или даже превосходили их; особенно турки проявляли большую ловкость в бросании бомб, в искусстве, предполагавшим пуще умения, чем в чем-либо⁶⁵.

С вечера 30-го ноября до 12-го декабря мы находились на батарее бригадира Маркова, к коему были причислены с самого начала. Войски, охранявшие батарею, отнюдь не сменялись в течение столь долгого времени, и я должен воздать должную похвалу русским солдатам, переносившим с превосходными храбростию и терпением трудности, каковые другие народы не смогли бы претерпевать. Несмотря на неудобства долгого пребывания в одном и том же месте, в условиях постоянной изменчивости суровой погоды, со слабою надеждою на редкие мгновения отдохновения и сна на земле сырой и холодной,

⁶³ В тексте ошибочно указано «12-е сентября».

⁶⁴ Неслыханное дело, но, располагая столь посредственной артиллериею в виде отвратительных лафетов, очень низких колес с широким ободом и большим весом пушки с лафетом, не дававших возможности быстро сменить прицел, турецкие канониры могли стрелять весьма цельно. — *Прим. автора.* [Поскольку в данную эпоху пушки не имели прицельных приспособлений и их наводили на глазок, диаметр колеса (не говоря уже о массе лафета) играл огромное значение: чем больше он был, тем быстрее можно было развернуть пушку в нужную сторону. — *Прим. перев.*]

⁶⁵ Бомба для гладкоствольного орудия представляла начиненное порохом ядро с дистанционной трубкой, также начиненной порохом и вставлявшееся в отверстие; вокруг отверстия были две скобы, за которые бомбу поднимали особыми крючками при заряджении. Вставлялась в ствол дистанционной трубкой вниз и воспламенялась от пороховых газов. В случае неосторожного обращения бомба могла взорваться в артиллерийском стволе.

занимаясь каждую ночь работами, — либо делать поправки⁶⁶ батареи, либо укреплять коммуникационные линии, — от людей не только нельзя было услышать никакого ропота, но они даже не теряли ни на мгновение присущую им веселость и доброе настроение⁶⁷.

Пища, каковую русские солдаты довольствовались среди множества трудов, солдатам других армий не показалась бы никоим образом достаточною для вознаграждения за перенесенные тягости. Овсянка, приготовленная на воде⁶⁸ с щепоткою соли, без хлеба, мяса, овощей, — такова обыкновенная пища русского солдата, и самое примечательное, что употребляя в пищу на первый взгляд малопитательный продукт, они сохраняли, по крайней мере, силу и бодрость подобно австрийскому солдату, каковой, бесспорно, питается лучше всех солдат Европы. Сия воздержанность в питании не является единственным ценным качеством русских, и сие справедливо, что воздержанность вкупе с храбростию и покорностию, коими они владеют в степени не менее превосходною, русского солдата можно рассматривать как лучшего в Европе. Будь немного построже отбор в обер-офицеры, наличие большего боевого опыта у генералов, меньше оказанных вопреки обычаю милостей и произвола в продвижении по службе, — все сие возвысило бы русские войски намного выше над другими армиями, приобретшими самую высокую репутацию в последнее время⁶⁹.

Один из серьезных упреков, коих можно сделать русским войскам, проявление малой заботы к людям, пренебрежение как варварское, так и неразумное в стране, население коей на огромных ее пространствах весьма немногочисленное. Вследствие нехватки хирургов и лекарств всякий раненый уже почитается как убитый; к больным отношение не отличается большим ожидаемым человеколюбием, и сие досадное затруднение нельзя объяснить скудностию и удаленностию края, где проходят боевые действия, поскольку количество лошадей, каковым, как я уже говорил, располагали русские войски⁷⁰, дало бы им

⁶⁶ Поправление (*уст.*) — ремонт.

⁶⁷ В Европе нет ни одного солдата столь постоянно веселого нрава, как русский. Нередко можно было наблюдать, как они исполняли песни в течение пяти или шести часов без малейшего перерыва. — *Прим. автора.*

⁶⁸ Русские именуют сие блюдо кашею. — *Прим. автора.*

⁶⁹ Можно сказать, что русская кавалерия совершенно бесполезна в силу того, что каждый полковник рассматривает свой полк как имение, из коего он хочет извлечь как можно более прибыли, не заботясь ни о состоянии, в коем пребывают его войска, ни даже о полном комплекте конского состава, за содержание коего он кладет деньги себе в карман. Сие злоупотребление, быть может, самое трудное для истребления, ибо всякий генерал или министр, вознамерившийся бы предпринять сие, будет неминуемо повержен господами кавалерийскими полковниками, большинство коих являются влиятельными особами при высочайшем дворе. — *Прим. автора.*

⁷⁰ Эта часть не публикуется.

всякую возможность создать походные госпитали для перевозки больных⁷¹, и при желании можно было бы без усилий добыть себе добрых хирургов⁷², кои, в случае поддержания сего начинания, не мешкали бы набрать учеников. Но невысокая ценность солдатской жизни в совокупности с совершенною нерадивостию внушает уверенность посредством рекрутского набора без стеснений восполнить умерших солдат новыми и заставляет пренебрегать способами, использовавшимися в странах более просвещенных, для сохранения здоровья подданных, каковые являлись ценными для тамошних монархов, и коих не трудно заменить там, где покорность менее слепа и ярмо менее тяжелое. Одно только размышление об ужасном расходе людей, происходившим без пользы в сей армии, заставляет ужаснуться и повергнуть в ужас чувства человеколюбия от дурного зрелища, кое можно предвидеть, и кое приведет к гибели пуще людей, чем от оружия неприятеля⁷³.

Пребывание наше на батарее, как можно было в сие поверить, не было ни приятным, ни удобным. Тем не менее, несмотря на многочисленные неудобства образа жизни столь странной, все окружавшее меня было столь ново, что сие времяпровождение не казалось мне прискорбным. В жизни человеческой все познается в сравнении, и человек, обладая лишь небольшою долю храбрости, способен привыкнуть к всякому образу жизни. У нас не было ничего похожего на кровать, мы спали на земле, а шинель с легкостью заменяла нам самые лучшие на свете тюфяки. Отвратительный на блюде ужин, каковым он и был в действительности, мы принимали со всеобщею радостью, и момент его прибытия являлся, без сомнения, самым приятным событием дня.

⁷¹ Во-первых, Ришелье, вероятно, подразумевал под «походными госпиталиями» (*фр.* «*hôpitaux ambulants*») «летучие амбулансы», появившиеся во французской республиканской армии в 1792 г. благодаря предприимчивости военного врача Д.-Ж. Ларрея для транспортировки раненых с поля боя до госпиталя. Во-вторых, Ришелье уверен, что «летучие амбулансы» могли появиться в русской армии намного раньше, чем во французской.

⁷² Известны только два хирурга наивысших добродетелей, — французские господа Мюссо и Лодземан. — *Прим. автора.*

⁷³ Существует еще большая причина разрушительной силы среди русских войск: проявление малой заботы при перевозке рекрутов. В столь необъятной империи перевозке следовало бы уделять гораздо больше внимания, но оно совершенно отсутствует. Рекруты или Рекрут, поставляемые помещиками, собираются в губерниях в назначенном месте, где становятся объектом алчности обер-офицеров, кои, рассматривая свое назначение как подарок судьбы, стараются заработать деньги всеми возможными способами: они уменьшали размер рационов, изнуряли солдат двойными маршами и т.д.; другие, и самые гуманные, переживали, что рекрут, получив малое вознаграждение, вернется в свое село, и отправляли его на верную смерть. Таким образом, до армии не доходила и четвертая часть необходимого количества рекрутов. Только сим и объясняется огромная потребность русских войск в живой силе, — из-за потерь, не вызванных ни болезнями, ни огнем неприятеля. — *Прим. автора.*

Хотя мы находились всего в около 150 туазах от города, мы отлично различали происходившие и на валу, и на части берега различные события жизни турок, их разнообразные занятия, — ничто не ускользало от нашего ока. На двух воротах со стороны, смотревшей на лагерь⁷⁴, располагались киоски⁷⁵, похожие на возведенные в английских садах. Именно в них, сидя на подушках, паши и другие старшие офицеры гарнизона проводили большую часть дня, курили трубки, наблюдая за судами и позициями войск. Ничто не могло поколебать их духа, и их храбрость, или, скорее, безучастность, ярко проявилась, например, во время самой оживленной бомбардировки: они на наших глазах оставались недвижимыми в неизменной позе на одном и том же месте, где, без малейшего сомнения, подвергались самым большим опасностям. Султан⁷⁶ из императорской семьи⁷⁷, находившийся в крепости со своими шестью детьми, воодушевлял осажденных, отличаясь неоднократно выказываемыми неустрашимостью и дерзновением. Как-то раз, в силу непрерывности нашего огня турки были принуждены бежать со своих батарей, размещенных против наших, и мы воочию увидели, как прискакавший на лошади на пляж султан, несколько не обращая внимания на пролетавшие мимо него ядра со всех сторон, ободрял солдат, гарцуя перед ними, и волею-неволею вернул их на батареи. Сей принц завидного присутствия духа и героической храбрости имел конец печальный, о чем я поведаю ниже.

Тем временем успехи, добытые нами силою огня и умножением количества наших батарей, имели мало успеха. Много раз, по правде говоря, в различных частях города принимался вспыхивать пожар, но турки быстро его тушили, после чего озаботились выкапыванием в валах подземных жилищ от бомб и ядер, выказывая полное безразличие к судьбе собственных жилищ, полагаясь на их количество и силу

⁷⁴ Поскольку батарея Маркова располагалась западнее крепости, Ришелье мог видеть только Хотинские и Бросские ворота.

⁷⁵ Киоск — архитектурный термин. Обозначает легкую, на столбах или колоннах постройку, род беседки, с круглым, квадратным или многогранным планом, с открытыми пролетами между столбами или с решетчатой отделкой этих пролетов, с невысокой конической или пирамидальной формой крыши. Обычно строились в парках и садах.

⁷⁶ Судя по всему, здесь и далее Ришелье отождествлял под султаном обладателя высокого титула в Османской империи, — сераскера (сераскира) (*тур.* serasker). Под сераскером (на тот период) мог пониматься либо чин, соответствовавший маршалу (т.е. носитель его являлся весьма ответственным лицом перед монархом), либо обычный титул, присваиваемый султаном (монархом) провинциальным ага (в Османской империи: титул военачальников) в надежде сохранить их лояльность Стамбулу, хотя эта надежда часто ею и оставалась.

⁷⁷ Если Ришелье рассматривал сераскера (Айдозли-пашу или Айдозли-Мехмет-пашу) как родственника султана, — это единственное упоминание о сераскере, биография которого совершенно не известна.

их крепости. Они с презрением смотрели на наши работы, выходили в большом количестве на берег, где бесчисленное количество раз потрясали саблями, словно вызывая нас на бой. Тем временем нельзя не заметить, что несмотря на сие бахвальство и многочисленность их гарнизона, они не отваживались ни выйти из крепости со стороны суши, ни высадить десант на нашем берегу⁷⁸. Все сие доказывает, что турки не имели большого желания отважиться на серьезное дело.

Генерал де Рибас, человек амбициозный и расторопный, уставший от медлительности развития событий и скучавший от отсутствия успеха, попытался во второй раз склонить генералов к приступу крепости. Он приводил им прежние доводы, но достиг не большего успеха, чем в первый: либо из-за опасения за свою судьбу, либо из-за опасения скомпрометировать себя, они никоим образом не хотели соглашаться с его просьбою, и всё, что он сумел добиться от них, — обещания предпринять покушение действий: сухопутные генералы⁷⁹ должны были приблизиться к крепости с видимостию приступа; одновременно одна большая часть судов должна была выдвинуться вперед к крепости и открыть жестокий огонь по ней вместе с батареями с сухого пути. Если сие покушение не принудило бы турок к сдаче, следовало немедленно оставить экспедицию, — войска сухопутные должны были вернуться на свои квартиры⁸⁰, а флотилия, посадив на борт судов свои войска и пушки, — уйти вверх по Дунаю к Галацу; генерал Суворов, в лагере у Бырлада, неподалеку от Галаца⁸¹, ждал только прибытия генерала де Рибаса для атаки Браилова, сильно укрепленного турецкого города, расположенного почти у Дуная. Таков был согласованный проект генералов.

Утром 11-го числа декабря, огонь возобновился со всех батарей с чрезвычайною силою. Значительное количество канонерских лодок и лансонов выдвинулись на очень близкую дистанцию к городу и открыли сильный огонь. Сия ужасная и беспрестанная канонада по городу около двух сотен пушек, включая орудия флотилии, была прервана только среди ночи, и возобновилась с тою же силою до вечера 12-го⁸². Хотя турки отвечали с живостию, тем не менее после полудня

⁷⁸ За исключением того случая, о коем я поведал выше, и другого, произошедшего два дня спустя, когда четыре-пять сотен неприятеля отважились атаковать батарею генерала Арсеньева, отбросившего турок ценою жизни малого количества солдат. — *Прим. автора.*

⁷⁹ Под сухопутными генералами (*фр. généraux de terre*) Ришелье понимал генералов, командовавших сухопутными войсками (Гудовича, Самойлова, П.С. Потёмкина, Кутузова), в отличие от де Рибаса, командовавшего флотилией.

⁸⁰ Квартирное расположение — временное размещение войск на постой в населенных пунктах в военное и мирное время.

⁸¹ Бырлад находится в сотне километров севернее Галаца.

⁸² В сей день последнее турецкое ядро задело лицо французского волонтера графа Дюбуа-Милон, находившегося вместе с нами на батарее генерала Маркова,

12-го они оставили многие батареи, и их огонь умолк совершенно. Тем не менее турки даже не помышляли сдаться; красный флаг продолжал полоскаться над городом, означая намерение неприятеля обороняться до последней крайности. Для пущего устрашения осаждавших собственным числом, турки водрузили на всем протяжении вала огромное количество малых знамен всех цветов, каждое из коих принадлежало отдельной роте⁸³.

После исполненного генералами плана, в ночь с 12-го на 13-е декабря русские начали возвращать пушки обратно на борт судов, войска — отступать. Добившиеся успеха турки принялись проявлять радость очередными криками и новыми бахвальствами.

Во время нашего пребывания на батарее мы успели привыкнуть к ярким выражениям турками их разнообразных чувств каждый вечер в час молитвы, производившейся на закате солнца. Повсеместные восклицания доносились с разных сторон города и продолжались в течение получаса. К крикам турок незамедлительно присоединялись вой и лай несметного количества собак и животных, заполнявших всякий турецкий город, и сие продолжалось еще долго вечером и в течение всей ночи⁸⁴. Каждое малое событие, выражение радости или боли, они выказывали тою же тональностью и теми же возгласами. Слово «Алла», обозначавшее «Господь», повторялось ими чаще всего, либо в молитве, либо в их боевых кличах, либо при изъявлении веселья или скорби. К словесным оборотам они обыкновенно присовокупляли множество оскорблений и соответствовавших случаю выражений презрения к неверным.

Всю ночь и самую большую часть дня, в течение коего осуществлялась наша погрузка на суда, турки докучали нам шумными и раскатистыми взрывами хохота и не прекращавшимися радостными кликами, коими не переставали оглашать окрестности. Шум со стороны турок, причиняемые ими же нетерпение и скука, умножались разочарованием, проистекавшим от неудачи экспедиции, и нерешительные солдаты, в душе не огорчавшиеся отложенному приступу, теперь получили возможность более, чем другие, выражать сожаление, что им не удалось воспользоваться столь прекрасным случаем приобрести славу.

и изуродовало его. Несчастный граф ушел в мир иной спустя восемь дней после ужасных страданий. — *Прим. автора.*

⁸³ Они называли роту байрак, а командира — байрактар. — *Прим. автора.* [В действительности байрак (*тур.* bayrak) — знамя, байрактар (*тур.* bayraktar) — знаменосец, рота — бёлюк (*тур.* bölük). — *Прим. перев.*]

⁸⁴ Разведение собак у турок составляет один из канонов их религии, запрещавшей им убивать собак. — *Прим. автора.* [Наличие большого количества собак в Измаиле, скорее всего, проистекало от соблюдения турками провозглашенного в Коране запрета на убийство любого животного без достаточной причины. — *Прим. перев.*]

Днем 12-го декабря все было готово для нашего отъезда, и часть флотилии подняла паруса для следования к Галацу. На судне, на борт коего взошел генерал де Рибас, и на коем находились и мы, матросы уже подняли часть парусов, когда в сие самое мгновение неожиданно пришло известие о прибытии офицера, отправленного срочно князем Потёмкиным⁸⁵ генералу де Рибасу. Дело в том, что сей генерал тайно послал к князю сообщение с деталями плана захвата города приступом, и с нетерпением ожидал возвращения курьера. В письме князь Потёмкин одобрил в виде намека взгляды де Рибаса, и, полагаясь на непрестанно споспешествующее его оружию счастье, приказал не атаковать, но взять крепость. Сей необычный приказ прекрасно показывал характер князя.

По прочтении приказа генерал де Рибас не мог сдерживать радости, возникшей от чтения новости; он нам ее сообщил тотчас же, одновременно велел вернуться обратно части флотилии, начавшей подниматься вверх по Дунаю, а остальным оставаться на месте и не предпринимать никакого движения. Одновременно де Рибас довел до нашего сведения, что тот же приказ долженствовали получить сухопутные генералы, кои соответственно также начали возвращаться, и что князь Потёмкин предписал графу Суворову принять общее начальствование всеми русскими силами, собранными под крепостию Измаильскою⁸⁶.

Многие причины способствовали возникновению радости у генерала де Рибаса. Мысль о службе рядом с человеком настолько смелым, как и постоянно удачливым во всех начинаниях, каким и был Суворов; сознание того, что он не мог упустить случая оказаться под началом столь блестящего генерала, и предчувствие, что большая часть успеха от сей экспедиции долженствовала обязательно осенить и его, ибо, как я уже говорил, де Рибас мог рассматриваться как подлинный зачинщик предприятия⁸⁷, — все сие преисполнило месть де Рибаса надеждою, удовлетворением и желанием возвыситься над генералами Гудовичем и Павлом Потёмкиным, кои, как уже видели, не собирались разделять

⁸⁵ Потемкин-Таврический Григорий Александрович (1739–1791) — русский военный и государственный деятель, создатель Черноморского военного флота и его первый главноначальствующий, светлейший князь (1776) и генерал-фельдмаршал (1784). Руководил присоединением к России и первоначальным устройством Таврии и Крыма. Основал ряд городов, включая современные областные центры: Екатеринослав (1776), Херсон (1778), Севастополь (1783), Николаев (1789). Возможно, тайный (morganatic) супруг Екатерины II.

⁸⁶ Сей приказ поручил генералу Гудовичу начальство над русскими силами на Кубани. — *Прим. автора.* [12/23 ноября 1790 г. Гудович был назначен командующим Кубанского корпуса и начальником Кавказской линии. — *Прим. перев.*]

⁸⁷ Де Рибас не ошибся в предположении, ибо вся честь экспедиции принадлежала ему, и был осыпан милостями, коих, надо сказать, он заслуживал. — *Прим. автора.*

его взгляды, а также тайною радостью от унижения противодействовавших его проектам, идеям и расчетам сих генералов. Одним словом, известие от князя Потёмкина вызвало в генерале де Рибасе проявления чувства самолюбия и тщеславия к его вящему чрезмерному удовольствию. Не зная о мотивах сего генерала, мы искренне разделяли его радость, и с тех пор были почти совершенно уверены в предстоящем приступе, каковой, следуя пророчеству, сделанному нам месяцем ранее в Вене посетившим принца де Линя⁸⁸ русским офицером, долженствовал стать очень живым и очень занятым.

Радость, испытываемая турками по поводу нашего отъезда, и проявленная в манере столь бурной, оказалась, как можно было предвидеть, недолгою. Со следующего дня пушки вновь начали выгружать с судов флотилии на берег, и солдаты приступили к производству работ, необходимых для восстановления недавно оставленных батарей, кои заняли достаточным количеством людей для воспрепятствования туркам в разрушении укреплений. Турки, удивленные увиденным, и особенно заметив вновь покрытый судами Дунай, тем не менее открыли пальбу, но вялую. Сухопутные войски, следуя полученному приказу от князя Потёмкина, вновь приблизились к городу и заняли прежний лагерь, по коему турки во время их отсутствия совершали прогулки. Вместе с принцем Карлом де Линь я разместился на борту дубель-шлюпки, возглавляемую капитаном шевалье Ломбаром⁸⁹, выдающейся доблести офицером флота и известного необычайными приключениями, произошедшими с ним в Константинополе, где он был арестован и заключен под стражу в бане, откуда сбежал, можно сказать, чудесным образом.

Мы жили в дыре столь узкой, что в ней могли не иначе только как спать. Однако, несмотря на неудобства проживания, жилище было чрезвычайно предпочтительно проживанию на батарее, поскольку по крайней мере, там была крыша над головою, — преимущество, в котором нам было отказано на батарее совершенно.

Таким образом мы оставались в бездействии до прибытия графа Суворова, каковой вечером 16-го числа декабря⁹⁰, следуя своему

⁸⁸ Принц де Линь, Карл-Иосиф-Антоний-Ламораль-Гислен (1759–1792), — австрийской службы полковник, сын фельдмаршала К.-И. де Линя (1735–1814). За героизм при штурме Измаила полковник Линь был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

⁸⁹ Шевалье Ломбар был невероятно храбрым человеком, но с редким недостатком среди подобных ему выдающихся людей в виде хвастовства. Он умер зимою вследствие неизлечимой лихорадки на фоне последствий истощения, вызванного последствиями чрезмерных удовольствий в объятиях чрезвычайно хорошей турецкой пленницы. — *Прим. автора.*

⁹⁰ Ришелье ошибся: Суворов прибыл к Измаилу 2/13 декабря.

обыкновенному правилу, прибыл к нам на казацкой лошади⁹¹, без палатки и экипажа.

О прибытии графа Суворова, каковое произвело большое впечатление на войска, объявил всеобщий пушечный залп с суши и флотилии. Сей генерал, виктория коему не уставала сопутствовать в его начинаниях, и успех коего был столь также велик противу польских конфедератов, как и противу турок в течение сей войны⁹², внушал солдатам доверие чрезвычайно полезное в предстоявшем отважном начинании. Манеры генерала были простыми, поскольку жил он в солдатской палатке, где не имел даже стульев. Приветливость Суворова и его добродушие снискали ему всеобщую привязанность всех войск. Сей странный человек, подобный более вождю казаков или татар, чем генералу европейской армии, был наделен неустранимостью и смелостью необыкновенными. Храбрость Суворова, могущая превратиться в безрассудство, заставляла пренебрегать его всякими правилами военного искусства. Успехи Суворова, укреплявшего общее предубеждение у всех русских в тщетности предосторожности и науки противу турок, умножали еще пуше его совершенную беспечность в отношении всего, что составляет военное искусство.

Образ жизни, одежда и речи графа Суворова есть не менее странные, как и его военные взгляды. Он обедал между семью и восемью часами утра. Он принимал самую отвратительную пищу на простой циновке в разбитой прямо на земле палатке. После полудня та же самая пища служила ему ужином. Он спал несколько часов в день и проводил часть ночи в песнях; на рассвете выходил из палатки почти голым и катался по траве, утверждая, что сие упражнение ему необходимо для предохранения от ревматизма. У него не было лошадей, и, когда ему следовало выезжать на разведку, он брал первую попавшуюся ему казацкую лошадь, мчался во весь опор, или шел по краю рва, не стесняясь ни пушечных ядер, ни реальной опасности попасть в плен. Его манера изъясняться на всех языках производила не менее странное впечатление, как и он сам, — его фразы отличались несвязностью. Если Суворов выглядел безрассудным, он, по крайней мере, не делал и не говорил почти ничего, чтобы таким казаться; но он был удачлив, и за сие качество, кое столь высоко ценил кардинал Мазарини⁹³,

⁹¹ Ришелье подчеркнул простоту Суворова.

⁹² Ришелье намекал на участие Суворова в Войне против Барской конфедерации (1769–1772), где он получил 3-ю степень ордена Св. Георгия, минуя 4-ю. В течение русско-турецкой войны (1787–1791) Суворов разбил турок при Кинбурне (1787), Фокшанах (1789) и Рымнике (1789).

⁹³ Джулио Мазарини (1602–1661), урожденный Джулио Раймондо Маццарино, — церковный и политический деятель и первый министр Франции при Людовике XIII и Людовике XIV.

Суворова по праву очень уважали императрица и князь Потёмкин. Его невиданная набожность имела успехом много привязанности к нему со стороны войск, проявлявших последнюю беспрестанно.

Русские солдаты сохранили еще, к счастью для них и их государя, богобоязненность, может быть, суеверную, но умножавшую их храбрость. Они не пренебрегали исполнением ни одного религиозного обряда, и убеждение умереть мучениками, особенно в войне против турок, каковую они рассматривали как религиозную, чрезвычайно умножало их храбрость и отважность, — если нижние чины сохранят сию ценную черту характера в течение долгого времени, сие будет иметь счастливое продолжение, хотя, к сожалению, проявление религиозных чувств их офицеров, по сравнению с чувствами их подчиненных, проявляется в весьма меньшей степени⁹⁴.

Суворов согласился с мнением генерала де Рибаса, к которому питал большое доверие, уполномочил его составить план производства атаки и приказал войскам плотнее приблизиться к крепости, сужая кольцо осады, что было незамедлительно исполнено. Например, корпус под начальством генерал-майора Кутузова разместился на дистанции столь близкой к городу, что неприятельские ядра залетали даже в его лагерь⁹⁵. По приказу Суворова солдаты приступили к производству большого количества фашин и лестниц, в коих имелась надобность для исполнения задуманного приступа.

Одновременно, дабы избежать, насколько возможно, смертоубийственных действий, было решено потребовать еще раз у турок сдачи. Большие надежды возлагали на присутствие генерала Суворова, коего турки почитали за его счастье и смелость и рассчитывали, что одно только его присутствие внушит им необъятный ужас и заставит капитулировать. Генерал написал туркам письмо с предложением военных почестей и условий капитуляции, предложенных турецкому гарнизону в Бендерах годом ранее и исполненных⁹⁶, угрожая одновременно туркам обращению самому жестокому, если они попробуют оказать сопротивление, и дал им три дня на раздумье⁹⁷. Сие письмо было вручено туркам чрез офицера в сопровождении двух трубачей.

⁹⁴ Ришелье, вероятно, намекал на антирелигиозные чувства французов, приведшие, по его мнению, к Французской революции.

⁹⁵ Одно из срикошетировавших ядер залетело в палатку, где обедали четырнадцать офицеров. Ядро выбило ножки у семи стульев, на коих восседали офицеры, и они благополучно опрокинулись на задницы без всякого ущерба здоровью, что исторгло большой смех у участников сего действия. — *Прим. автора.*

⁹⁶ Осада Бендер продолжалась с 29 октября/9 ноября по 3/14 ноября 1789 г. По условиям капитуляции Г.А. Потёмкин даровал жителям свободный выход из крепости и неприкосновенность имущества горожан.

⁹⁷ В действительности в письме срок на раздумье отводился только на одни сутки 7/18 декабря, затем срок был отодвинут Суворовым до утра 10/21-го.

Когда офицер с трубачами приблизились к городу, нам явилось зрелище, каковое можно было себе трудно вообразить. Стояла отменно ясная погода, и подавляющая часть офицеров вышла посмотреть своими глазами, на достаточно большом расстоянии от города, способ передачи послания туркам. Турки, со своею стороны, при приближении к валу офицера и трубачей, высыпали на вал, успев украсить его большим количеством знамен, о коих я говорил выше, представив нашим взорам зрелище действительно живописное огромным количеством прекрасно одетых людей, привлеченных со всех сторон города любопытством.

Следующий день, 18-го числа декабря⁹⁸, предназначался для заложения пяти новых батарей, одну из коих следовало разместить на самой приближенной к Дунаю части берега острова, не более в сотне туазов от города. Поскольку в русских войсках не было офицера инженерных войск, равного по чину де Линю, занимаемым им в австрийской армии, и таланты коего в сей области были всеми признаны, генерал Суворов уполномочил его заняться проведением соответствующих работ. К сему новому назначению принц де Линь отнесся не без отвращения, прекрасно зная, что русские всегда завистливы к иностранцам, и сие обстоятельство могло привести к самым большим непредвиденным трудностям.

Вечером 17-го числа того же месяца, в день передачи письма турецкому гарнизону, принц де Линь лично разведал участок на берегу Дуная, и на закате следующего дня русские начали возводить укрепления. Сии батареи были весьма значительны, ибо каждая из оных, связанная друг с другом коммуникационными линиями, должноствовавшими воспрепятствовать неприятелю в случае вылазки неприятеля, предназначалась для десяти пушек⁹⁹. Сверх того, в каждой батарее следовало разместиться пяти сотням рабочих; для отражения возможной вылазки неприятеля был приготовлен резерв в виде четырех батальонов, четырех эскадронов гусар и четырех сотен как спешенных, так и в конном строю казаков. Сии батареи, составленные из 12-фунтовых пушек¹⁰⁰ и удаленные от крепости приблизительно на 120 туазов, предназначались для частичного разрушения вала, дабы войски

⁹⁸ Поскольку письмо было вручено 7/18 декабря, следовательно, следующий день — 8/19 декабря.

⁹⁹ Обычно осадные батареи строили из расчета на шесть пушек.

¹⁰⁰ Следует непременно отметить, что осада происходила без единой 18-фунтовой или тем более 24-фунтовой пушки. Батареи включали единороги на лафетах морских орудий или пушки полевой артиллерии. Совершенно верно, что действие сих батарей оказалось бесполезным, и что можно было провести приступ без серьезной опасности, и даже с известными преимуществами, 29 сентября вместо 22 октября. — *Прим. автора.* [Ришелье имел в виду 18/29 ноября и 11/22 декабря. — *Прим. перев.*]

понесли меньше потерь при приступе. С противоположной стороны крепости следовало построить с тою же целью две подобные батареи, но офицеры, уполномоченные заниматься работами, имели неосмотрительность установить их на столь большой дистанции от крепости, что цель обстрела оказалась вне сферы ведения огня.

Батарея, построение коей долженствовало начаться вечером, началось только в восемь с половиною вечера, и, как видите, мы потеряли три часа¹⁰¹. Командиры проявили столь много нежелания, что ничего не было готово вовремя. Принц Линь, испытывая нетерпение от задержек, готов был многократно оставить предписанное ему к исполнению предприятие: однако после известных размышлений мы все-таки отправились на место постройки батареи. Наконец, после долгих неудобств, началось долгожданное заложение укрепления, но опять не без большой лености и конфузии. Четыре батальона резерва в двух кареях разместились в сотне шагов позади места, уготованного для возведения каждой из батарей; четыре эскадрона гусар стояли подалее позади слева. Находившиеся впереди казаки формировали цепь аванпостов, самые выдвинутые из коих находились у самого рва крепости. Такова была диспозиция.

Шум и конфузия в сей раз оказались весьма значительнее, чем во время построения первой батареи, где я присутствовал. Поскольку мы находились на близкой дистанции к крепости, при великолепном лунном свете турки не могли не слышать нас и даже не могли не видеть. Тем не менее турки оставались спокойными и не выказывали никаких знаков беспокойства, пока новый шум не вывел их из глубокой беспечности. Дело в том, что габионы и фашины¹⁰², предназначенные для возведения батарей, нижние чины долженствовали, следуя правилу, нести в полной тишине, но офицеры прибегнули, как им показалось, к самому простому и самому ловкому способу перевозки, — доставляя их на место постройки батареи на повозках. Можно вообразить удивление принца Линя, услышавшего и увидевшего прибытие запряженных быками восьмидесяти повозок, шум от коих раздавался на доброе лье в окружности. Он отправлял многие приказы, один за другим, с целью остановить движение сих повозок, но они все равно продолжали двигаться.

Сей бесстыдный образ действий не замедлил получить наказание: моментом спустя, с вала Измаила раздался всеобщий залп артиллерии,

¹⁰¹ Под Измаилом солнце восходило в 7 ч 40 мин и заходило в 16 ч 20 мин

¹⁰² Габион — цилиндрическая плетенка без дна из хвороста и кольев, применяемая для устройства крутостей высоких насыпей укреплений и служившая для прикрытия от пуль людей, работающих при осаде и обороне крепостей и орудий полевых войск. Фашина — пуки хвороста, перевязанные в нескольких местах. Применяются в фортификации для самых разнообразных целей: укрепления высоких насыпей, устройства плотин, мощения дорог и т. д.

последствия коего трудно вообразить. Тотчас же все рабочие, солдаты и казаки побросали пушки и побежали сломя голову как можно дальше, мечтая единственно о спасении жизни своей. Нам стоило большого труда, посредством угроз и ударов, удержать людей на месте, но второй залп и обрушившиеся на нашу батарею большое множество ядер внушило им такой ужас, что невозможно было и помышлять о продолжении работ. Самые смелые бросались наземь и искали убежище во всех неровностях поверхности земли, другие бежали прочь от крепости во весь дух и были остановлены только при помощи резерва и гусар¹⁰³, выказавшими в течение сего времени очень твердую выдержку. Потратив время впустую в течение получаса по возвращению к работе разбежавшихся работников, принц Линь, пришедший в отчаяние и посчитавший невозможным добиться от сих работников усердия для окончания работ до утра и так уже поздно начатого укрепления, принял решение идти к Суворову за необходимыми приказами с целью продолжить постройку батареи на следующий день, поскольку сегодня продолжать начатое было просто невозможно. Сия идея казалась единственно верным решением, ибо, как и все, даже офицеры¹⁰⁴ потеряли голову, что вылазка неприятельская, каковую можно было без труда предвидеть, неминуемо привела бы нас в большое затруднение.

Мы с величайшею поспешностью отправились к палатке генерала Суворова. Хотя мы прекрасно представляли, что у нас были важные причины побеспокоить генерала, его адъютанты и ординарцы отказывались будить Суворова, заявив, что генерал отдал самые достойные приказы, и нет никаких причин тревожить его сон под каким-либо предлогом. Таким образом, следовало искать помощи у генерала Павла Потёмкина¹⁰⁵. После известного размышления тот продиктовал самый простой приказ, – вывести солдат всякими возможными способами на работы и принудить продолжать их неважно какую ценою.

¹⁰³ Разница в поведении между солдатами, не имевшими оружия и занятых только проведением работ, с теми, кто находился в строю под наблюдением прямым офицеров и унтер-офицеров, являлась весьма великою. Хотя наш резерв подвергался опасности наравне с рабочими, но ни один солдат в строю даже не помышлял и двинуться с места, в то время как не было возможности удержать хотя бы одного рабочего. – *Прим. автора.*

¹⁰⁴ Я видел спрятавшегося в канаве одного офицера, где он шевелился не более, чем кусок дерева. Когда его подняли на ноги и намеревались вернуть к предписанным ему ранее работам, сей офицер оказался настолько глуп и объят страхом, что не понимал, жив ли он, а если жив, то где находился – или в Петербурге, или в Константинополе. – *Прим. автора.*

¹⁰⁵ Когда раздались первые выстрелы, сей генерал, отправившийся за мгновение до канонады осмотреть строившееся укрепление, находился за сто шагов до него. Вместо того, чтобы ободрить находившихся под огнем работников, генерал галопом вернулся в лагерь. – *Прим. автора.*

По нашему возвращению на батарею турки, каковые не могли не заметить успех канонады, прекратили ее безо всякой причины, ибо предпочли, вероятно, сон преимуществам, кои они могли приобрести полнейшим вмешательством в наши работы, и более не произвели за всю ночь ни единого выстрела из пушки. Сие можно было полагать за счастье, всегда способствовавшего русскому оружию даже в самых малых случаях. Сие неожиданное спокойствие облегчило восстановление среди наших людей известного порядка. Наученные опытом, рабочие с бодростью возобновили работы, и на рассвете батареи и коммуникационная линия находились если не законченными, то, по крайней мере, достаточно выдвинутыми к крепости и защищенными. Поскольку пальба должна была начаться только по окончании срока, данного туркам требованием о сдаче крепости, мы могли в следующую ночь не только закончить начатое, но и провести работы по улучшению уже сделанного. До самого рассвета мы ждали вылазки, приготовившись достойно встретить неприятеля, но турки оставались спокойными и не помышляли атаковать укрепление, постройку коего они могли бы затруднить очень легко, посредством одною только канонады. Они возобновили ее только утром, когда рабочие и резерв ушли вне сферы действия огня, оставив только один батальон в каждой батарее с артиллеристами для obsługi пушек. Сии войска пострадали немного, ибо величина батарей и коммуникационная линия предлагали им уверенное убежище противу пушек: погибли несколько нижних чинов, но только вследствие действия бомб. Сие укрепление, отлично расположенное и построенное по лучшим правилам фортификации, сделало много чести принцу де Линю, тем более что для его завершения он столкнулся с огромным количеством препятствий всех видов¹⁰⁶.

Два последовавших дня использовались генералом де Рибасом, уполномоченного, как я уже говорил, для составления плана для приступа, каковой долженствовал состояться, если турки не приняли бы предложенную им капитуляцию, 22-го декабря. Сей план был доведен до генерала Суворова, одобрявшего и прочитавшего его на военном совете, где собрался весь генералитет. Суворов сопровождал чтение плана речью весьма патетической, в коей увещевал генералов забыть существовавшую между ними вражду и частные претензии друг к другу во благо общего интереса и славы императрицы.

Предложенный генералом де Рибасом план атаки крепости, коему впоследствии следовали, предусматривал одновременный приступ Измаила со всех сторон. Как с флотилии, так и с батареей с сухого пути

¹⁰⁶ Например, со злою волею всех офицеров в целом, совершенною неспособностью к выполнению работ теми, кого ему выделили в помощники, и отсутствием долженствовавшего порядка среди солдат и рабочих. — *Прим. автора.*

и батарей с острова надлежало в течение 24 часов вести сильный огонь по городу непрерывно. Между пятью и шестью часами утра сухопутные войски, разделенные на шесть колонн, должныствовали произвести эскаладу вала. Три другие колонны, составленные частично из приписанных флотилии войск и частично из сухопутных войск, должныствовали сесть на шлюпы, барки, баркасы и другие малые суда, и, поддержанные известным количеством лансонов и канонерских лодок, высадиться на берегу в трех местах. Сим войскам надлежало захватить батареи, перейти чрез коммуникационные линии и соединиться, двигаясь вправо и влево, с колоннами с сухого пути, кои, преодолев вал эскаладою, должныствовали захватить его и не двигаться далее вовнутрь города¹⁰⁷. Таков был план, одобренный всеми присутствовавшими генералами.

Начальствование колонн было разделено между генерал-майорами¹⁰⁸ и бригадирами. Генерал-лейтенанты Самойлов и Павел Потёмкин имели под начальством: первый – левое крыло, второй – правое; генерал де Рибас начальствовал флотилиею и тремя колоннами, долженствовавшими произвести десант. 19-го и 20-го декабря прошли, как и предыдущие дни, в эзерцициях и маневрах, предназначенных для обучения войск для производства приступа в день сражения¹⁰⁹ во избежание, насколько возможно, беспорядка и конфузии, неразлучных при проведении операции подобного рода¹¹⁰.

Утром 20-го прибыл, наконец, ответ от турок, составленный в весьма надменном стиле: они выражали доводы, принуждавшие их отказаться от предложенной им капитуляции, и в заключение сказали, что в случае приступа сумеют защититься от штыков саблями, иначе говоря, с помощью Аллаха и Пророка сумеют победоносно отбиться от неприятеля. Письмо турок окончательно лишило всякую надежду добиться уступки крепости кроме как силой, и отныне все помыслы были не более как о приступе.

¹⁰⁷ Запрет двигаться вовнутрь города действительно касался, в соответствии с диспозицией (первой) Суворова (точная дата ее составления неизвестна), всех штурмовавших Измаил войск.

¹⁰⁸ 1-й сухопутною колонною начальствовал генерал-майор Львов, 2-й – генерал-майор Ласси, 3-й – генерал-майор Мекноб, 4-й (из казаков) – бригадир Орлов, 5-й (из казаков) – бригадир Платов и 6-й – генерал-майор Голенищев-Кутузов. Генерал-лейтенант Павел Потёмкин и Самойлов начальствовали каждый тремя колоннами. Первою колонною со стороны флотилии командовал бригадир Марков, 2-й – бригадир Чепега, 3-й – генерал-майор Арсеньев. Сиими тремя колоннами начальствовал генерал-майор де Рибас. – *Прим. автора.*

¹⁰⁹ Суворов настаивал на точности исполнения сих репетиций, дабы обучить рекрутов штыковым ударам по особо заготовленным с сей целью фашинам. – *Прим. автора.*

¹¹⁰ Сия репетиция проводилась с известным беспорядком и конфузией, вселявшими мало надежд на успех высадки, долженствовавшей произойти послезавтра в боевых условиях. – *Прим. автора.*

Граф Дамас, во главе двух баталионов, кои долженствовали действовать как частный десант, вошел в правую колонну. Принцу де Линю, хотя не причисленному к русской службе, поручено было тем не менее начальствовать двумя баталионами егерей, входивших в состав колонны бригадира Маркова и долженствовавшими действовать по высадке на берегу у каменного бастиона. Не желая расставаться с принцем де Линем, я вошел как волонтер в сию колонну.

Всё было приготовлено, и на рассвете 21-го началась, в соответствии с приказом, одна из самых жарких канонад, кои знала история. Сорок пушек со стороны суши, сто — с острова и не менее ста пятидесяти орудий с различных судов в течение двадцати четырех часов повели непрерывную жестокую пальбу. Турки отвечали очень живо, и «Константин», вторая бригантин флотилии об осмнадцати бронзовых¹¹¹ пушек, поднялась на воздух около 10 часов утра без всякой надежды спасти кого-либо из экипажа. Правда, занятая судами позиция была чрезвычайно опасная — там же, где они размещались днем, во время первой атаки. Экипажи понесли урон в людях и особенно в офицерах. Сухопутные же войска отнюдь не использовались в течение сего дня, посвященного отдохновению и подготовке к приступу. В частности, русские посвятили сей день исполнению религиозных обрядов, о коих никогда не забывали, особенно накануне баталии.

Приступ, как я уже сказал, долженствовал проводиться девятью колоннами, каждая из коих включала приблизительно около двух тысяч двести-триста человек, включая регулярные войска и казаков; две колонны были составлены исключительно из казаков. Многие лодки запорожские составляли авангард трех колонн со стороны Дуная; но нельзя было заставить сих казаков идти впереди до тех пор, пока регулярные войска не расчистили бы для них дорогу. Каждая из сухопутных колонн была снабжена восемью лестницами, кои должныствовали нести два человека. Сверх того, известное количество человек должныствовали нести фашины, кои, однако, не нашли никакого применения из-за глубины рва.

В случае отбития турками приступа резервом служила кавалерия: она состояла только из одного гусарского полка и одного карабинерного полка¹¹² и нескольких тысяч казаков, часть коих была спешена. Сия кавалерия в общем была посредственной. Русские имели привычку посылать лошадей в табун, то есть на подножный корм, и почти не кормили

¹¹¹ Бронзовые пушки предпочитали ставить на быстроходных кораблях, ибо, по сравнению с чугунными пушками, они были легче, хотя и обладали невысокой живучестью ствола.

¹¹² В штурме Измаила принимали участие Воронежский гусарский и Северский карабинерный полки.

их; сии животные беспрестанно страдали во время зимних кампаний, употребляя в пищу более чем отвратительную прошлогоднюю траву.

Для наблюдения за приступом генерал Суворов выбрал некий курган¹¹³, нечто вроде небольшого отдельного стоявшего холма, коих в изобилии находили на сих равнинах, и сия возвышенность, сильно приближенная к крепости, давала ему простую возможность наблюдать, если не за всеми атаками, то, по крайней мере, за самыми подавляющими частям оных, кои можно было бы окинуть одним оком.

Перед приступом следовало выпустить каждые полчаса три ракеты, последняя из оных, за несколько минут до пяти часов с половиною утра, должна была стать сигналом выступления всех колонн. Генерал де Рибас, разумно опасавшийся неразлучного при ночной атаке беспорядка, напрасно просил на Военном совете начать приступ только за четверть часа до наступления дня. Генералы возражали, настаивая на необходимости застать неприятеля врасплох в темноте, и убеждали де Рибаса, что конфузия, неизбежно произошедшая бы среди турок, уменьшила бы их сопротивление и поспособствовала бы успеху осаждавших. Позднейшие события подтвердили прозорливость предположения генерала де Рибаса, видевшего намного лучше, чем другие генералы.

В нижеследующем повествовании о сем небывалом памятном деле, о коем я ниже поведаю, я прежде всего расскажу о том, что происходило в колонне, в составе коей мне довелось участвовать, затем перейду к описанию деталей действий каждой другой колонны и закончу общими размышлениями о сей удивительной экспедиции.

Хорошо отдохнув в течение нескольких часов перед завтрашними трудами, около часа пополудни мы перебрались на другую сторону Дуная, где в нескольких сотнях туазов выше малой реки, впадавшего в главную реку¹¹⁴, нашли ожидавшие приступа войска, долженствовавшие составлять нашу колонну. Колонна включала пять баталионов пехоты, около двух тысяч человек, и в авангарде три сотни запорожских казаков, но кои ни в коей мере оным не стали, ибо они остались позади, не имея ни малейшего намерения садиться на суда.

¹¹³ Нет согласия о происхождении и использовании сих курганов, находившихся в большом количестве в степях. Одни утверждали, что сии суть древние могилы татарских вождей, проживавших там. Но мне кажется, что их слишком много для данного утверждения. Я очень охотно принимаю мнение тех, кто верил, что татары имели обычай воздвигать сии возвышенности во время движения по степи, желая обеспечить себя средствами находить дорогу по возвращению. — *Прим. автора.*

¹¹⁴ Речь шла о реке Репида, впадающей в Дунай. Поскольку Ришелье решил участвовать в штурме в колонне Маркова, он должен был сначала переправиться на «остров», и только оттуда в составе этой колонны уже десантироваться на берег близ бастиона («Табии»).

Посадка войск на баркасы и шлюпки прошла в полном порядке, и по ее окончании мы плыли на буксире вдоль берега противу батарей, возведенных принцем де Линем, где стали ожидать последнего сигнала в виде третьей ракеты. Сии батареи были местом встречи и первой колонны, но с сухого пути, составленной из двух тысяч отборных гренадер Фанагорийского гренадерского полка, шефом коего являлся Суворов. Сия колонна должна была действовать вместе с нами — ей следовало, захватив эскаладаю ретраншемент, соединявший сей бастион с Дунаем, овладеть бастионом чрез горжу; в то время как мы должны были высадиться противу батареи, расположенной слева от каменного бастиона.

После сигнала мы двинулись на приступ, и я могу сказать со всею ответственностию, что нельзя вообразить картину одновременно столь величавую и столь великолепную, чем та, коею нам довелось стать очевидцами.

Ночь стояла как никогда самая темная, а густой туман не позволял нам различать ничего, кроме отражавшихся в воде вспышек огня нашей артиллерии, представлявших весьма особенное зрелище; горизонт полыхал со всех сторон. Едва мы преодолели пространство в несколько туазов, оставив позади батареи, как турки, отнюдь не стрелявшие в течение ночи, заметив наши перемещения, открыли очень жестокий огонь, воспламенивший весь горизонт окончательно и совершенно. Но сие было еще не столь впечатляющее зрелище: когда мы придвинулись вперед к месту высадки, на всем протяжении вала, каковой мы могли заметить, разгорелся ружейный огонь. Вот именно тогда крепость на наших глазах превратилась в настоящий вулкан, изрыгавший пламя со всех сторон. Ружейная пальба умножилась, и залпы следовали столь быстро один за другим, что я не мог припомнить случая, видел ли я подобное на учениях, даже когда нижние чины вели стрельбу рядами, — пальбу столь насыщенную и мощную.

Раздавшийся отовсюду со стороны города общий клич «Алла!» сделал еще более необычным наблюдаемое нами зрелище, не поддающееся описанию. Наши люди стали машинально кричать в ответ свои воинственные боевые кличи, но желая избегнуть беспорядка и конфузии, мы использовали все возможные способы, дабы принудить их замолчать, и счастье сопутствовало нам. Тем временем мы продолжали двигаться вперед сквозь сию невероятную пальбу неприятеля и его беспрестанные крики, кои могли сильно воздействовать только на тех, кто еще не привык к сему.

Наши гребцы, безо всякого сомнения напуганные, начали терять силы. Многие лодки принялись нас обгонять, и страх, что сии лодки воспрепятствуют нам прийти первыми к берегу, и что боязливость гребцов станет причиною нашего бесчестия, побудил принца де Линя

оставить корму баркаса, где он находился до тех пор, пока не поспешил перейти вперед и принудить гребцов исполнить свой долг. В итоге мы опередили другие лодки, и чрез несколько ударов веслами приблизились к берегу, где можно было причалить только в самом что ни на есть узком месте, ибо пространство у пляжа было забито затопленными турецкими судами.

Приблизившись к сему месту, принц Линь, державшийся у самого края борта, дабы быстрее спрыгнуть на берег, внезапно получил пулю прямо в нижнюю часть голени. К счастью, пуля не задела кость и нанесла легкое ранение, но контузия оказалась очень тяжелою, и, если бы не помощь денщика, каковой вместе со мною поддержал его вовремя, он точно упал бы. Но, едва придя в себя, принц, не теряя ни пыла, ни храбрости, спрыгнул на берег, осыпaeмый пулями и картечами из каменного бастиона, находившегося от нас не более чем в двух десятках шагах.

Около четырех десятков егерей с нашего шлюпа последовали за нами, быстро спрыгнув на берег, где оставались в течение нескольких минут без движения, прежде чем суда с остальными войсками смогли, наконец, пересечь Дунай и добраться до берега. Турки, как только заметили прибытие войск, тотчас оставили батарею слева от каменного бастиона и укрылись в нем. Конечно, сей поступок турок имел счастливые для нас последствия, и если темнота не помешала бы им разглядеть наше малое число, они непременно сбросили бы нас в Дунай, где мы неминуемо бы все потонули, ибо лодки, на коих нас привезли, не замедлили поспешить прочь на расстояние вне ружейного выстрела неприятеля. Во всяком случае, наша позиция не очень благоприятствовала нам, ибо мы находились под самым наихудшим огнем, каковой можно было вообразить, но, если бы тумана было менее, мы были бы перебиты до единого в течение менее получаса.

Как только два батальона высадились, спустя известное мгновение они построились в боевой порядок, и сие движение они исполнили самым совершенным образом, каковой нельзя было ожидать в подобного рода обстоятельствах, в коих мы оказались. Мы двинулись вправо, как для приближения к батарее, каковую нам следовало захватить, так и для установления связи с остатком нашей колонны, высадившейся намного ниже по течению реки. В сие время колонна, составленная из Фанагорийских гренадер, эскаладаю взобралась на ретраншемент и перешли чрез палисад не без больших потерь из-за убийственного огня с бастиона, сильно и нам вредившего. Мы оказались не бесполезными в сей операции, ибо наше присутствие и наша помощь произвели очень большое впечатление на гренадер, кои, войдя в черту города, немедленно присоединились к нам. Тем временем мы несли большие потери от огня неприятеля, и я могу сказать, что пока мы оставались

на сей позиции, двигаясь вправо, свыше половины офицеров наших обоих баталионов были убиты или ранены. Я сам чудом избегнул плачевной участи, ибо ружейная пуля с бастиона пробила мою фуражную шапку¹¹⁵ и прошла едва над моею головою. Солдаты падали со всех сторон, и берег был усеян их телами.

Увидев, что принц Линь с опухшими коленом и бедром мог держаться только с помощью двух человек, и что ему было почти невозможно двигаться по топкому берегу, где все утопали по щиколотку, колонный начальник бригадир Марков подошел к нам и принялся уговаривать принца использовать все возможные средства вернуться на борт судна генерала де Рибаса. Я поддержал доводы бригадира настолько живо, насколько сие было возможно, и в то же мгновение Марков также получил пулю в ногу. Теперь мне пришлось искать баркас для перевозки обоих сих господ, и, хотя для перевозки десанта в две тысячи двести человек нашлось достаточное количество лодок, я с трудом нашел один баркас для перевозки трех человек. После того, как мои поиски увенчались успехом, принц Линь, бригадир Марков, некие подполковник и майор егерей, также раненые, сели на борт баркаса для возвращения обратно. Принц Линь, ранение коего вывело его из строя и каковой не смог более оставаться до конца сражения, где он рассчитывал завоевать большую славу, отчаявшись, залился слезами боли и гнева.

Сам я оказался в одной из самых тягостных ситуаций в жизни. Вместе с Карлом Линем, конечно, я сделал бы все, что следовало, наилучшим образом, а теперь, после его проклятого ранения, я находился в одиночестве среди солдат, языка коих я не знал, и в обстоятельствах самых неприятных во всех отношениях. На какой-то момент сие размышление повергло меня в глубокое уныние, но вскоре я пришел в себя, и мы не замедлили уйти из неприятного места, где находились, ибо причисленный к гренадерскому полку офицер, входивший во второй отряд нашей колонны¹¹⁶, подошел к нам с целию просить помочь нас поддержать продвигавшийся вперед поражаемый огнем неприятеля его отряд.

Таким образом, мы двинулись вперед, и пройдя чрез турецкие коммуникационные линии и ретраншемент, вошли в пространство между городскими лачугами, среди коих было трудно соблюсти порядок, каковой мы сохраняли до сей минуты. Не зная того, кто взял начальство над отрядом, частию коего я состоял, и не зная, куда мне далее двигаться, я заметил, что в стороне, в направлении коей меня немного

¹¹⁵ Фуражная шапка (*фр.* bonnet de police или bonnet) – форменный головной убор французской армии в XVIII в.

¹¹⁶ В состав колонны Маркова входил либо Днепровский Приморский гренадерский полк, либо Николаевский Приморский гренадерский полк.

сориентировали, должен находиться вал, и где велась весьма оживленная пальба, что дало мне основания поверить в присутствие там второй колонны с сухого пути, под начальством генерал-майора Ласси¹¹⁷. Призвав к себе егерей, окружавших меня в достаточно большом количестве, я немедленно двинулся в сию сторону. Мы не заставили долго нас искать у подножия внутреннего склона вала, на коем я заметил наших людей, крики коих я слышал уже в течение известного времени. Я не ошибся в расчетах: сей колонною действительно начальствовал Ласси, посредством эскалады достигший вершины вала. Турки, позади траверсов¹¹⁸ и фланков¹¹⁹ соседнего бастиона, обрушили на колонну живейший ружейный и пушечный огонь. Я вскарабкался на вал по его внутреннему склону вместе с последовавшими за мною людьми, и как раз именно тут я и признал, как нам помогло незнание турецкого инженера при построении палисадов, ибо мы находились посередине верхней части вала, имевшего ширину около 20 футов¹²⁰, на коей можно было разместиться солдатам, кои, взобравшись на вал, могли удобно построиться на внутреннем пространстве сего парапета и перешагнуть чрез палисад, возвышавшийся не более чем на два фута¹²¹. Вскоре я увидел генерала Ласси, и испытал настоящее удовольствие в объединении усилий со столь достойным генералом, доказавшим в сем деле свою заслуженную репутацию.

Несмотря на запреты офицеров и на их старания остановить нижних чинов, последние принялись стрелять. Поскольку пространство, занимаемое нами, было чрезвычайно узким, те, кто стоял позади, или стреляли в воздух, и их огонь не мог причинить никакого урона неприятелю, или их пальба, коя велась слишком горизонтально, вредила пуше товарищам, нежели туркам. Я не колеблюсь заявить, что успех сей пальбы привел к множеству убитых таким образом, что стоявшие в первых рядах боялись не столь турецких пуль, сколь русских. Пользуясь случаем, следует отметить, что все приступы почти всегда должны быть решаемы штыком, и для достижения успеха следует побеспокоиться о нижних чинах, выдавая каждому из них только четыре,

¹¹⁷ Ласси Борис Петрович (1737–1820) – российский военачальник, генерал от инфантерии (1798), герой штурмов Измаила и Праги. При штурме Измаила (в чине генерал-майора) руководил 2-й колонной (со стороны суши). Получил ранение, но не оставил поле боя. За героизм при взятии крепости был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

¹¹⁸ Траверс – земляная насыпь для закрытия внутренностей укреплений, располагавшаяся на протяженных прямолинейных участках для прикрытия входов, защиты от рикошетов и т.п.

¹¹⁹ Фланк – сторона укрепления, перпендикулярная или почти перпендикулярная линии фронта.

¹²⁰ Около 6 м.

¹²¹ Около 0,6 м.

но никак не более чем шести патронов, ибо прекрасно доказано, что сия беспорядочная стрельба не только ничуть не вредит неприятелю, но рождает в вашем войске много беспорядка и конфузии, затрудняет нижним чинам слышать голос офицеров и ввергает людей в возможный страх и панический ужас, каковой особенно пагубен в боях противу турок.

Сей беспрестанный огонь, коему предались наши солдаты, привел к резкому замедлению нашего продвижения вперед, и турки, спрятанные за траверсами, стреляли по нам цельно и причинили нам немало потерь. Напрасно генерал Ласси с офицерами, отлично выполнявшие свой долг, посредством просьб и угроз старались мешать нижним чинам вести стрельбу и принуждать их идти вперед. Они смогли добиться лишь частичного исполнения приказов, и огонь прекратился не ранее чем патронные сумки оказались опустошенными. Тогда у солдат осталось только холодное оружие противу турок, кои в малом количестве, но с невероятною храбростию устремились на нас и нашли верную гибель на штыках наших.

Вал был повсюду пересечен сказанными траверсами, приблизительно каждые полусотню шагов. Стоило нам штыковым ударом изгнать турок до единого из-за одного траверса, как неприятель проворно убегал за следующий, откуда возобновлял стрельбу и вновь старался попытать счастья тем же приемом на всем протяжении вала до большого бастиона.

Захват каждой батареи стоил нам огромных трудов. Первая, куда мы вошли, была расположена поверх Килийских ворот¹²², где располагался один из вышепомянутых киосков¹²³. На батарее располагались шесть пушек, некоторые из коих были очень большого калибра, другие очень небольшого; турки сами себе причиняли неудобство: они равнодушно стреляли по одной и той же цели хоть из 48-фунтовой пушки, хоть из 6-фунтовой.

Как только мы двинулись далее сей батареи, среди наших солдат вдруг возник страх, заставивший нас поверить в скорую гибель нашу. Некоторые из шедших в первых рядах прыгали за траверс, где и погибали; ужас распространился среди шедших за нами, и они отступили на полусотню шагов с криками во весь голос: «Турки! Турки!» и неся на лицах печать ужаса или отчаяния. Нельзя не заметить, что если б в сей момент, когда солдаты потеряли голову, турки заметили бы сию ретираду, они не преминули бы ею воспользоваться, и тог-

¹²² Ришелье ошибся – Килийские ворота находились именно с противоположной стороны; колонна Ласси штурмовала Бросские ворота.

¹²³ Оказавшись на сей батарее, я был столь преисполнен радостию, что не минуя минуты не медля, достал кошелек и раздал большую часть его содержимого окружающим меня солдатам. – *Прим. автора.*

да немногие среди нас могли бы уцелеть, ибо нет неприятеля в бою страшнее, чем турки, к коим ты поворачиваешься спиною. К счастью, неприятель не открыл нашу ретираду, и люди, увидев, что за ними никто не следует, устыдились овладевшего ими испуга. Они воспрянули духом и возобновили движение вперед, выказав твердость, благодаря коей мы вскоре стали хозяевами сего бастиона, траверс коего преграждал нам вход вовнутрь.

У нас почти не было патронов, но храбрость наших солдат умножилась в силу преодолеваемых ими трудностей, а храбрость турок пропорционально уменьшилась, и каждое мгновение виктория, хотя не намного, но становилась более вероятною, чем ранее. Тем не менее мы продвигались вперед, поражая неприятеля почти одним только холодным оружием, и спустя шесть часов боя начали уставать от грядущей неизвестности. Естественно, нами овладело беспокойство.

Колонна под начальством генерал-майора Мекноба¹²⁴ во время эскалады встретила намного пуще сопротивления, чем колонна генерала Ласси¹²⁵, и хотя пространство, что она могла преодолеть для объединения с Ласси, было многократно меньше преодолеваемого пространства нами, время, потерянное из-за повстречавшегося сопротивления при эскаладе, стало причиною сего случившегося опоздания. Вместо того, дабы пройти свою половину пути до объединения с его силами, нам пришлось преодолеть его почти весь, хотя место, откуда они начали свою атаку, было всего в сотне туазов.

Незадолго до окончания боя, я имел счастье избежать второго ранения самым счастливым образом: ружейная пуля угодила мне в колено, но не ранила меня, пробив только мои кюлоты¹²⁶. Известное время погода я проникся уверенностью, что далее меня подстерегали не меньшие опасности, ибо, приближаясь к бастиону, мы столкнулись с новым очень живым сопротивлением, но общий клич «Ура!», означавший викторию, и «Да здравствует Екатерина Вторая!» раздались со всех сторон. Турки отступили, и мы вошли в бастион подобно горному

¹²⁴ Мекноб Федор Иванович (1737–1791) — российский военачальник, генерал-майор (1787). При штурме Измаила, командуя 3-й колонной (с суши), получил пулевое ранение ноги. За героизм при штурме крепости награжден орденом св. Владимира 2-й ст. Скончался от последствий измаильской раны.

¹²⁵ Только благодаря принцу Карлу колонна не потеряла ни одного человека при эскаладе, так как был приказ поставить лестницы в посередине куртины, где она могла бы быть разгромлена. По увещанию принца Карла, генерал Ласси взял на себя смелость подняться на фас бастиона, что и помогло ему избежать больших потерь. — *Прим. автора.* [Не совсем понятно, как принц Карл, отправленный в тыл из-за ранения, мог рекомендовать что-либо Ласси. Вероятно, речь могла идти о советах, данных принцем Карлом Ласси перед штурмом. — *Прим. перев.*]

¹²⁶ Кюлоты — часть мужского костюма: штаны, предназначенные для ношения вместе с чулками или гетрами.

потоку, каковой сметает преграды на своем пути, разрушает плотины и совершенно заливают равнину водою.

Именно в сем бастионе укрывался сераскер или командующий войсками¹²⁷. Именно в сем бастионе была разбита его зеленая палатка, и здесь же были выкопаны подземные жилища для размещения части гарнизона; здесь же находилось большое количество женщин. Сераскер являл образ очень храброго человека. Когда некий английский офицер военно-морского флота¹²⁸ захотел пленить сераскера, тот застрелил неприятеля из пистолета, но пал и сам, пронзенный то ли пятнадцатью, то ли шестнадцатью штыковыми ударами.

В сем бастионе находились не менее трех тысяч турок, из коих никто не уцелел. Хотя их было много, по крайней мере, больше, чем тех, кто их атаковал, туркам даже не пришла в голову идея защищаться: либо увидев себя окруженными со всех сторон, они сочли сопротивление бессмысленным, либо они лишились храбрости ввиду долгого боя, но во всяком случае, как только сие мнение охватило их, они ожидали момента смерти с беспримерною покорностью Провидению.

Я не буду изображать картины гнусностей, образ коих парализовал мои чувства в течение последовавших трех часов, начиная с сего момента. Образ смерти и печали представал со всех сторон перед моими глазами. Солдаты, обуреваемые неистовством, вдохновленные резней, взбудораженные проливавшейся кровию, стали абсолютно безразличными ко всему происходящему и не желали пуше слушать внушения офицеров; ничего не могло смягчить солдатские сердца, даже крики женщин и плач детей. Я не собираюсь оскорблять чувства тех, кто приступит к чтению о жутких деталях ужаса, коему мы все являлись свидетелями. Никогда, я верю, более не представится глазам моим зрелище столь ужасное, кое мне суждено было узреть тогда. Но, желая смягчить воспоминания о стольких несчастиях, я не могу отказать себе в удовольствии рассказать о счастье спасения мною жизни десятилетней девочки, образ невинности и непорочности коей представлял резкий контраст с окружавшею ее жестокостию.

Прибыв к бастиону, где бой сменился резней, я увидел лежавших на земле четырех женщин с перерезанными горлами, между телами коих находился ребенок с очаровательным личиком, искавший убежища от неистовства двух казаков, готовых и ему перерезать горло. Сие зрелище тотчас привлекло мой взгляд, и я, как и следовало думать, не колебался принять в объятия несчастную маленькую девочку,

¹²⁷ Теперь Ришелье вводит в рассказ сераскера, не ассоциируя его с султаном, но рассказывая далее о судьбе (традиционно повторяемой в отечественной литературе) именно сераскера.

¹²⁸ Этот никому не известный офицер должен был служить волонтером в войске Суворова, как и Ришелье.

защищая ее от сих обоих варваров. Мне потребовалось много усилий, дабы сдержаться и не пронзить сих негодяев саблей, каковую держал в руке. Я довольствовался тем, что отогнал их прочь, расточая им удары и оскорбления, коих они вполне заслужили, и имел удовольствие заметить, что моя юная пленница имела только легкий порез от того же оружия, кое, вероятно, нанесло смертельный удар ее матери. Приглядевшись, я увидел на шее у ребенка золотой медальон, висевший на золотую же цепочке, с ликом короля Франции, о чем свидетельствовала надпись вокруг него. Сие последнее обстоятельство послужило для меня последним доводом в пользу спасения и охранения от опасностей сей девочки, каковая, увидев добрые мои намерения и мое искреннее желание не причинять ей никакого зла, быстро привязалась ко мне.

Вместе с милою пленницею на руках я продолжал идти вдоль вала, и нередко имел счастье избежать многих опасностей, ибо турки могли избежать неистовства солдат только под защитою офицеров. Не зная итогов уже совершенно законченной баталии, но не желая, как кто-то мог подумать, использовать сию возможность для сбережения жизни своей, я шел посередине резни, и земля повсюду была усеяна убитыми. Если солдаты переставали быть ожесточенными, то только для того, дабы сменить сию жестокость на страсть к овладению добычей, каковую они могли с легкостью удовлетворить ввиду ее изобилия, ибо никогда ранее город, набитый столь огромными богатствами, не попадал в руки русских. Причины богатства заключались в большом количестве находившихся в Измаиле богатых людей, прибывших в сей город из капитулировавших ранее других гарнизонов, и жителей из других городов. Особенно в изрядном количестве, около восемнадцати сотен, мы нашли в подземных или в устроенных на валу конюшнях лошадей необычайной красоты, многие из коих принадлежали к египетским табунам и являлись собственностью султана¹²⁹; напуганные шумом, они выбежали из стойла и носились по всему городу.

Невозможно было представить себе ужас и даже причудливость представшей перед моими глазами картины. Солдаты, нагруженные добычею, одетые в женские платья и турецкую одежду и ставшие почти неузнаваемыми; избегнувшие бойни несчастные турки, бегавшие повсюду полуголыми в поисках убежища от жестокости солдат; ржание лошадей, галопировавших вокруг вала; лай и вой бесчисленного количества собак, смешанные со стонами умиравших и воинственными криками победителей; земля, покрытая разбросанною драгоценною одеждою; стоявшие повсюду разноцветные палатки, — сие зрелище предлагало глазам вопиющие контрасты, впечатление от коих нельзя

¹²⁹ Вероятно, под султаном Ришелье подразумевал сераскера.

вообразить. В сложившейся ситуации почти невозможно поведать о хаосе душевных переживаний. Ужас от окружавшего вас опустошения, удивление от впервые увиденных вами воочию сцен и даже, если можно так сказать, тайное удовлетворение от осознания удаchi избежания стольких опасностей, — все сие родило у меня большое количество впечатлений, менявшихся с невероятною стремительностью одно за другим.

Принятые мною беспрестанные заботы для спасения моей юной пленницы от угрожавших ей опасностей возложили на меня огромную обязанность и чрезвычайно занимали меня, но вскоре я имел приятную возможность отвлечься от сих переживаний, ибо на бастионе, где-то рядом с центром крепости¹³⁰, я имел удовольствие заметить графа Дамас, каковой, войдя в город с противоположною нам стороны, исполнял на валу, со своими нижними чинами, маневры, подобные нашему. Как можно рассказать об удовольствии отыскать друга, про коего ты даже не знаешь, жив ли он, и вдруг встречаешь его живым и здоровым после столь тревожного долгого отсутствия. Взаимная радость друзей броситься в объятия в столь похожих обстоятельствах не может сравниться ни с чем на свете. После того, как я ему рассказал об участи принца Карла, а он мне об участи бывшего с ним графа Ланжерона¹³¹, мы блуждали еще в течение известного времени по валу в твердом намерении убедиться в окончании боев.

Меня уже начали утомлять картины окружавшего нас зрелища мертвых тел и умиравших. Почти каждую минуту на наших глазах солдаты умерщвляли несчастных самым страшным образом и в самых возмутительных обстоятельствах. Я чувствовал, что вскоре силы оставят меня от видения сих открывавшихся мне мерзостей, и отнюдь не сомневаясь в достигнутою нами виктории, поскольку мы увидели прибывший чрез ворота многочисленный кавалерийский отряд, взявший под контроль главные улицы, я оставил графа Дамаса, возвратившегося к своему генералу, а сам вновь направился к берегу, следуя вдоль вала, откуда мы прибыли. Как я говорил выше, количество убитых было чрезвычайно велико, и мне беспрестанно приходилось переступать чрез многие трупы, беря на руки девочку, кою хотел уберечь от ужаса наступать на тела соотечественников. Вместе с тем я мог

¹³⁰ Теперь под бастионом Ришелье либо имел в виду не «Табии», либо ошибся с ее местоположением.

¹³¹ Ланжерон Александр Федорович (1763–1831), — граф, французский эмигрант, российский военачальник, русской службы генерал от инфантерии (1811), генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии (1815–1822). Именем Ланжерона названы некоторые объекты города Одессы. Во время штурма он шел в колонне Арсеньева, и, когда взобрался на вал, его случайно столкнул вниз один из солдат, но Ланжерон отделался небольшой травмой.

оценить количество погибших наших людей, и мне кажется, оно было чересчур значительно.

Приблизившись к каменному бастиону, я заметил, что сие укрепление, каковое я полагал давно уже взятым, еще не находилось во власти русских. Атаковавшая бастион колонна обогнула его и атаковала чрез горжу, но успех не сопутствовал ей, поскольку, как я говорил выше, бастион представлял настоящий редут с забаррикадированною очень узкою и почти закрытою горжей, двумя пушками защищенною. Внутри оборону держали около тысячи турок, старавшиеся добиться капитуляции.

Как только турки в бастионе увидели девочку у меня на руках, они громкими возгласами потребовали отпустить ее к ним, ибо страшлись, что она будет убита, и старались взять ее к себе и включить в состав гарнизона, готового капитулировать. Я был вынужден уступить их просьбам и просьбе офицера, ведшего с осажденными переговоры. Не без больших трудностей и не без строгого обещания со стороны сего офицера вернуть ее мне тотчас же, как только турки сложат оружие, я отдал ребенка, ставшего мне столь дорогим, и даже сейчас, когда я пишу сии строки, меня обуревают горестные мысли о судьбе сей девочки, поскольку, несмотря на предпринятые мною невиданные розыски и труды, мне не удалось отыскать ее, и мне остается только верить, что она не погибла самым несчастным образом.

Турками, укрывшимися в бастионе, предводительствовал трехбунчужный паша, начальствовавший в крепости всеми оттоманскими войсками¹³². Сей старик соединял самым достойным образом самые отличные качества турецкого характера. Он вышел из убежища под честное слово полковника де Рибаса, уполномоченного принять капитуляцию, уселся на распростертые на земле несколько ковров среди руин своей крепости и посреди обезображенных трупов соотечественников и закурил трубку с невиданным спокойствием, словно находился в собственном гареме. Старшие офицеры при паше, окружавшие его, не выказывали никаких знаков скорби, более того, на их лицах лежала печать безучастности к происходившему вокруг.

Была достигнута договоренность, что сия тысяча турок сдастся безусловно и спасет жизни свои при условии сдачи оружия, после чего они вышли из бастиона. Сии смелые люди, не побежденные, были принуждены сложить к нашим ногам оружие, каковое столь умело использовали противу нас. Большинство из них, кои до сих пор столь храбро держались в несчастьи, не опускались до последней степени унижений. Слезы гнева капали с их глаз, и многие старались сломать свое оружие, только чтоб оно не попало в наши руки. Сии люди, как

¹³² Речь идет о мухафизе (коменданте) Мехмет-паше.

и почти все защитники города, были отлично вооружены: одно ружье, пара пистолетов у пояса, сабля, кинжал и часто с ножом¹³³; но их ружья, в отличие от русских, не имели штыков, и сие обстоятельство являлось одною из главных причин их частых поражений, — предубеждение турок и их привязанность к древним обычаям мешали им использовать опыт неприятеля, дабы встать на один уровень с ним.

Паша был единственным, кому разрешили сохранить саблю. Он гордо ехал на лошади во главе других пленников, и проследовал перед уменьшившимся вдвое гренадерским полком генерала де Рибаса¹³⁴, располагавшего только своим штабом и единственным офицером и не более чем двумя сотнями егерей, — единственным войском, каковое не разбежалось. Под конвоем егерей и нескольких кавалеристов турки были препровождены в лагерь, откуда их чрез известное время увезли в Бендеры¹³⁵.

Еще большее количество турок пришли сдать на большом закрытом пространстве, кое обыкновенно окружает мечети¹³⁶. Здесь собрались семь или восемь тысяч человек, и, конечно, было большое счастье, что их поверженная храбрость не позволила нам почувствовать на себе ее силу; ибо если они вышли бы из своего состояния покоя, они истребили бы всякого русского в городе или беспорядочно разбежались бы во все стороны. Победители не занимались ничем иным, кроме как грабежом, но генерал де Рибас, вступивший с турками в переговоры, внушил им гордою осанкою уверенность в наличии у него возможных средств для их гибели, если они не примут предложенных им условий, и турки поверили генералу.

Среди турок был один из сыновей султана, единственный из всех принцев, избегнувший было убийства. Сей юноша шестнадцатилетний, с приятным лицом, казавшийся нечувствительным к обрушившимся на его страну и семью несчастиям. Его отец сделал во время приступа все, что можно было ожидать от человека большой храбрости, каким он и был. Увидев, что русские проникли в крепость со всех сторон, не встречая на своем пути сопротивления, сын султана устремился к тому месту в городе, где сходились множество улиц,

¹³³ Сие холодное оружие имело высшую степень закалки.

¹³⁴ Вероятно, речь идет о Днепровском Приморском гренадерском полку.

¹³⁵ В Бендерах располагалась ставка князя Г.А. Потёмкина.

¹³⁶ Ришелье назвал «большое закрытое пространство, окружавшее мечети» термином «коп». Не очень понятно, о чем идет речь, ибо он, например, мог иметь в виду построенную в XV–XVI вв. Малую мечеть (существующую и в современное время), вокруг которой Ришелье мог увидеть некий забор, но строительство заборов вокруг мечетей не характерно для исламской архитектуры, ибо мечеть не должна быть огорожена, символизируя открытость ислама для любой нуждавшейся в спасении души. Либо Ришелье увидел христианскую церковь, использовавшуюся как мечеть.

и, велел беспрестанно играть воинственную музыку, собрал всех, кто пришел с разных сторон вала.

Начальствуя сим небольшим отрядом, сей принц двинулся вперед в намерении атаковать русских, пока они рассеялись по городу в целях грабежа. Сей план был хорошо задуман и доказывал наличие у сына султана ума и особенно хладнокровия. Он даже первоначально одержал некий успех, ибо, повстречав в начале одной из улиц несколько запорожских казаков, лично отрубил им головы и захватил две небольшие пушки, каковые убитые казаки привели с собою. Но, к несчастью для принца, он повстречал шедшие в полном порядке известные отряды, каковые, едва заметив его, двинулись противу принца сразу в штыки. Несмотря на героическую храбрость, силы оставили принца, и он был сброшен с лошади на землю большим количеством штыковых ударов, отчего и скончался на месте. Его пять детей и войско, кое он сумел собрать, были перебиты до единого. Нельзя выразить словами глубокое сожаление в адрес сего несчастного, равно как и смелого принца, соединившего с героическим мужеством редкое великодушие воинов его народа, ибо наши пленные, кои попадали в плен, свидетельствовали о гуманном с ними обращении с его стороны.

Таким образом закончился сей достопамятный приступ, где в течение одного дня тридцать тысяч восемьсот шестьдесят, хоть и турок, лишились жизни. В сие число, заставляющее содрогнуться чувства человеческие, входили не менее двух тысяч женщин и детей. Урон со стороны русских войск составил двести офицеров и четыре тысячи нижних чинов погибших; ранено приблизительно пять тысяч офицеров и нижних чинов.

Все колонны понесли приблизительно равные потери, за исключением трех из них, особенно пострадавших, чем другие. Прежде всего две колонны, составленные из регулярных казаков, под начальством бригадиров Орлова¹³⁷ и Платова¹³⁸. Особенно большие потери понесла колонна последнего, следовавшего предписанною ему диспозицией маршем на приступ вала и центр куртины¹³⁹ в месте, где ров был чрезвычайно глубоким. Несмотря на препятствия, ставшие, несомненно, естественным результатом подобного рода атаки, сии смелые казаки

¹³⁷ Орлов Василий Петрович (1745–1801) – российский военачальник, генерал от кавалерии (1798), войсковой атаман (с 1797 г.) Донского казачьего войска. За героизм при штурме Измаила награжден орденом Св. Владимира 2-й ст.

¹³⁸ Платов Матвей Иванович (1753–1818), – российский военачальник, граф (1812), атаман Донского казачьего войска (с 1801 г.), генерал от кавалерии (1809), принимавший участие во всех войнах Российской империи конца XVIII – начала XIX в. За героизм при штурме Измаила был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.

¹³⁹ Куртина – участок крепостной ограды, соединявший два смежных бастиона или две башни.

смело прыгнули в ров и поставили лестницы к валу. Не в силах сопротивляться обрушившемуся на них ужасному огню с двух соседних флангов, после многих попыток неудачного приступа казаки были принуждены отступить, оставив во рву большое количество павших. Турки, воодушевленные успехом, спустились по приставленным казаками лестницам, с помощью коих казаки намеревались взобраться на вал, и преследовали оных в течение доброй четверти лье от города. Бежавшие смогли собраться только под защитою Полоцкого пехотного полка¹⁴⁰, совершившего в сложившихся обстоятельствах настоящие чудеса. При поддержке полка казаки, в свою очередь, поменялись ролями с турками, коих гнали до Измаила, и немногим туркам удалось вернуться обратно в крепость. Развивая успех, казаки вновь предприняли эскаладу вала, и на сей раз счастье сопутствовало им.

Я не могу упустить случая рассказать о героическом подвиге, совершенном священником Полоцкого полка¹⁴¹. Сей бесстрашный человек, увидев, что почти все офицеры погибли, и что полк, лишенный начальников, готов был дрогнуть, лично возглавил нижних чинов. Держа в одной руке крест, в другой саблю, сей воин Христов обратился к солдатам с более чем короткою речью, в коей посредством патетического красноречия предложил им терновый венец, если они пойдут вперед, одновременно пугая их адовыми муками, если они уступят неверным. Сия характерная от священника речь, произнесенная в решительный момент и обращенная к нижним чинам, завоевала бóльший успех, чем можно было ожидать, и солдаты тотчас же воспрянули духом. Во время атаки священник встал во главе колонны, и в его крест попали две неприятельские ружейные пули, не причинившие сему кресту никакого вреда. В воздаяние за проявленную им отважность и присутствие духа он получил разрешение носить нагрудный крест с лентою Св. Георгия.

Сия колонна, под начальством Платова, имела приказ, войдя в город, идти прямо и не останавливаясь до самого берега Дуная и захватить батареи на берегу; колонна долженствовала поддержать левый фланг десанта под начальством графа Дамас. Тот, высадившись на берег и вскарабкавшись по крутому спуску, находившемуся противу места его высадки, отнюдь не нашел никакой помощи, и батареи,

¹⁴⁰ Со времен Петра I полки назывались мушкетерскими, получив с 1811 г. название «пехотные».

¹⁴¹ Речь идет об о. Трофиме (Куцинский Трофим Егорович) (?–1806). За беспримерную храбрость о. Трофим стал первым в России священником, получившим золотой наперсный крест, бриллиантами украшенный, на Георгиевской ленте (17 октября 1791 г.), специально учрежденный для награждения военных священников за боевые заслуги; кроме того, он был награжден также 500 рублями и пожизненной пенсией в 300 рублей.

каковые должны были захватить казаки, остались в руках турок, кои развернули пушки и принялись стрелять по городу в течение долгого времени после того, как он оказался в наших руках. Граф Дамас присоединился к остальным войскам, составлявшим колонну, частью коей он и был, после захвата батарей, кои он долженствовал взять, и продолжил марш, сражаясь вдоль вала до тех пор, пока мы не повстречались. Колонна Дамаса понесла потери, приблизительно равные потерям нашей колонны.

Колонна под начальством генерал-майора Кутузова оказалась, бесспорно, самую особо пострадавшей, не считая двух предыдущих, составленных из казаков. Колонна появилась перед валом, высоту коего, разумеется, не видя его собственными глазами, определить представлялось невозможным. Сия знатная высота вала столь напугала волонтеров, коим следовало первыми спуститься в ров, что в момент исполнения сего движения они повернулись к следовавшему за ними генералу Кутузову и убедили его идти первым. Кутузов не колебался удовлетворить их просьбу, и, осенив трижды себя крестным знаменем и увещав солдат последовать его примеру, первым прыгнул в ров. Турки оказали ожесточенное сопротивление, и сия колонна потеряла половину численности ее.

Отряд, коему следовало исполнить третий десант, между десантом генерал-майора Арсеньева и нашим, находившемся под начальством бригадира Чепеги¹⁴², мог почитаться только как резерв, и вошел в город намного позднее наших колонн.

В вышепомянутах рассказе я привел детали операций каждой колонны и препятствий, с коими они столкнулись и кои победоносно преодолели для их взаимного успеха. Сия виктория навсегда сделала честь мужеству, послушанию и особенно непобедимому упорству русских войск. К несчастью, сей триумф, совершенно бесполезный¹⁴³, обошелся очень большою кровью и оказался оскверненным невиданною доселе во всей истории резней, совершавшейся по большей части хладнокровно¹⁴⁴.

¹⁴² Чепега Захарий Алексеевич (1725–1797) – российский военачальник, казачий атаман Войска верных казаков Черноморских, генерал-майор русской армии, активный участник русско-турецких войн второй половины XVIII в. При штурме Измаила командовал 2-й колонной (со стороны Дуная). За героизм при взятии крепости был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст. В 2013 г. в г. Ейск Краснодарского края ему был установлен памятник.

¹⁴³ Ниже Ришелье заявил о противоположном.

¹⁴⁴ Ришелье явно лукавил. Хотя ниже он отзывался уже не столь категорично о поведении русских войск после взятия Измаила, он, будучи человеком образованным, не мог не знать хотя бы о последствиях штурма Константинополя (1204), не говоря уже о последствиях взятия римлянами Карфагена (146 г. до н.э.), бургундскими войсками Нея (1472) и французскими войсками Негрепелисса (1622).

С противной стороны, будет не меньшим заблуждением приписывать совершенные варварства характерною чертою русских. Пребывая без предубеждения к русским, я твердо убежден, что никакое войско в Европе в сложившихся обстоятельствах не смогло бы проявить большую человечность и гуманизм. Такова натура большинства людей, коим не свойственны проявления хладнокровия и возможности для подавления чувства гнева в момент прекращения сопротивления; трудно принудить солдат видеть в поверженных неприятелях только людей, коим нельзя причинять какое бы то ни было зло, поскольку они пуше не защищаются. Я видел, как по мере увеличения сопротивления, с коим приходилось сталкиваться солдату, умножалась жестокость его, и по внезапному исчезновению сопротивления гнев солдата вспыхивал с новою силою, и, несмотря на господствовавшую среди русских войск обыкновенную субординацию, даже князь Потемкин или, быть может, сама императрица Екатерина, не смогли бы спасти жизнь ни одного турка, коего солдаты решили бы лишить жизни.

Следует воздержаться от мнения, что просвещение и разум могли бы оказать пуше влияния на сознание людей низшего разряда, чем дисциплина и субординация. Например, жестокосердие англичан в войне в Америке¹⁴⁵ и примеры невиданного варварства, коему мы являемся очень часто свидетелями во Франции после революции¹⁴⁶, решительно укрепляют мнение превосходства дисциплины над просвещением, и можно безапелляционно утверждать, что плоды просвещения распространяются на людей сего низшего разряда только во время их работы, каковую они выполняют, и не способны смягчить их привычки и характер, а в случае, когда сии люди вырываются из-под принуждения, они остаются предоставленными своим порокам. Таким образом, как в интересах человечности, так и в интересах дисциплины, долг генерала состоит в воздержании проявлять всякое действие, каковое лишает нижнего чина покорности офицеру. Пример русских войск только подкрепляет сие предположение, ибо хотя они самые дисциплинированные в Европе, без сомнения, их можно почитать потерянными, как только они безостановочно опускаются до насилия.

Мне не остается ничего более, как завершить описание сей экспедиции, лишний раз добавив только что сказанное несколькими общими размышлениями о главных причинах, способствовавших успеху предприятия, отмечаемого во всех рапортах как непостижимого.

¹⁴⁵ Ришелье, вероятно, намекал на серию войн между англичанами и французами в Северной Америке: Войну королевы Анны (1702–1713), Войну короля Георга (1744–1748) и франко-индейскую войну (1754–1763).

¹⁴⁶ Речь идет о хорошо известных истории последствиях Французской революции.

Точное количество убитых и пленных турецкого гарнизона составило свыше тридцати шести тысяч человек.

До сих пор нельзя не удивляться потрясающему бездействию гарнизона, располагавшего столь значительными силами. К тому же турки располагали весьма изрядным количеством судов, с помощью коих могли перевезти чрез Дунай достаточный десант на остров для проведения упорных боев противу намного меньших по численности русских войск, следствием чего турки могли бы замедлить построение батарей, тем самым выигрывая время, что оказалось бы для неприятеля знатным преимуществом в силу погодных условий. В случае неудачи турки, что они совершенно упустили из вида, могли бы предусмотрительно вырубить часть соседнего с Дунаем острова густых зарослей тростника, о коих я говорил выше¹⁴⁷, дабы не препятствовать наблюдению за происходившими событиями на другом берегу, то есть у русских.

Ворота крепости с началом осады, казалось, превратились для турок в некие загадочные барьеры, кои они не отважились перейти, и, несмотря на подавляющее численное превосходство гарнизона, они ни разу не показывались вне вала до приступа.

Расположение русского лагеря предлагало туркам достаточно много возможностей атаковать его с выгодами, если турки проявили хотя бы немного расторопности. Различные корпуса, входившие в состав осадных войск, находились не на том расстоянии друг от друга, дабы нельзя было ударить между ними или вредить каждому из оных отдельно до того момента, пока они смогли бы помочь друг другу. Но турки, похоже, не знали обо всех сих обстоятельствах, кои, я считаю, были для них совершенно неизвестными. Мы видели, что они не выказывали много рвения для расстройства возведения батарей, и их невиданная леность и абсолютная беспечность представляются совершенно непростительными.

Успех приступа не делал более чести военным талантам турок; если они обладали бы большею предусмотрительностью, вне всякого сомнения, двадцать три тысячи человек никогда не смогли победить тридцать шесть тысяч турок, совершенно укрывшихся за надежным валом. Военное искусство турок ограничилось тем, что они поставили на валу всех имевшихся у них в распоряжении воинов, но, кажется, они не догадались поставить в одном из выгодных мест, коих город предлагал изрядное количество, один резервный отряд для производства атаки на русских в тот момент, когда они начали бы рассредоточиваться по городу. Без сомнения, подобное ведение действия со стороны турок стало бы достаточным обстоятельством для воспрепятствования успеху приступа.

¹⁴⁷ Эта часть не публикуется.

По правде говоря, во время приступа турки выказали очень много мужества, но только ни малейшего видения порядка и подчинения дисциплине, без коих отважность совершенно бессмысленна. Нет сомнений, что турки, по сравнению с народами Европы, обладали выдающимся индивидуальным мужеством, но отсутствие среди их войска порядка и покорности их командирам в бою помешало туркам использовать их преимущества. Если судить по мгновенному успеху маневра султана¹⁴⁸, не располагавшего никакою предварительно составленною диспозицией, можно предположить успех неожиданною атакой русских турецким резервным отрядом, атаковавшего бы уставшего от боя неприятеля с присущей туркам стремительностью.

С другой стороны, можно бросить несколько упреков и русским войскам, ошибки коих могли стать для них фатальными. Прежде всего, столь широко распространенное в их войсках пренебрежение и презрение к туркам, когда требуемые военным искусством предосторожности рассматриваются ими как совершенно бесполезные. Сие равнодушие проявлялось во всем, — в построении батарей, траншей, насыпей, в проведении разведки, и беспрестанно оплачивалось бесславно погибавшими солдатами, в то время как проявление пушей заботы и предосторожности могли бы сохранить жизнь оным.

К сей ошибке, являвшейся одинаковою во всех войнах у русских, можно присовокупить скажем, еще одну. Если бы начальствовавшие русскими войсками последовали советам генерала де Рибаса, и войски пошли на приступ крепости тотчас, можно было бы сберечь много жизней, поскольку оборона города имела множество изъянов, и 24 часа канонады сохранили бы немалое множество солдат.

Расположение лагеря вокруг города предлагало также обширное поле для критики: каждый из трех корпусов¹⁴⁹, составлявших армию, стоял лагерем отдельно один от другого и мог быть занят неприятелем, если последний проявил бы немного расторопности.

Способ производства приступа представлял также много неудобств для русских, и сие предприятие можно назвать даже безрассудным, ибо можно быть уверенным, что в случае неудачи приступа войски не сумели бы спастись и были бы совершенно разгромлены. Я не знаю, можно ли было составить лучшую диспозицию со столь небольшими по количеству войсками, но мне кажется, что вполне возможным было пойти другим путем, чем подвергать смертельному риску большое войско во имя успеха, каковой был более чем сомнителен. Сие размышление, несмотря на достигнутую викторию, обосновано во всех отношениях.

¹⁴⁸ Разумеется, Ришелье имел в виду того, кого назвал сыном султана.

¹⁴⁹ Ришелье имел в виду войска Самойлова, П. С. Потёмкина и Кутузова.

Много солдат полагали, что их потери не достаточно компенсировались приобретенными выгодами, но я отнюдь не согласен с их мнением: ибо, несмотря на ужасное несчастье потерять более половины офицеров и треть нижних чинов, невозможно отказаться верить с политической и военной точек зрения, что сии потери не окупались выгодами полной гибели армии в почти сорок тысяч человек и покорению одного из ключевых городов Оттоманской империи, самой большой крепости, коей владели тогда турки¹⁵⁰, и каковая, кроме триста восьмидесяти пушек¹⁵¹, располагала 25-тью или 30-тью судами, попавшими в руки русских. Боеприпасы в городе находились в избытке, но съестных припасов, наоборот, имелось в недостаточном количестве, и до меня дошли даже слухи, что их хватило бы не более чем на три недели. Посему, если можно было бы подождать, крепость пала бы без единого выстрела, но о нехватке провианта никто и помыслить не мог, и опыт восставал противу сего мнения, ибо во всех городах, взятых приступом во время сей войны, победители всегда находили в поверженных крепостях продовольствие в огромном количестве.

Добыча победителей, как я сказал, была удивительно дивною, и солдаты обогатились сверх того, что можно было бы вообразить. Без особого труда можно было найти владельцев многих тысяч дукатов; при сем самая большая часть офицерских денег доставалась солдатам во время продажи офицерам награбленных вещей.

Несмотря на знатное своеволие, господствовавшее среди войск в тот день, уже с вечера порядок был восстановлен; в город вошли и встали гарнизоном пять баталионов под начальством генерал-майора Кутузова¹⁵².

¹⁵⁰ Намеренно или нет, но Ришелье ввел читателей в явное заблуждение, ибо умолчал о настоящих крупнейших крепостях Османской империи (не говоря уже о Стамбуле) — Багдаде, Белграде, Бендерах и Виддине.

¹⁵¹ Большинство турецких пушек были 25-фунтовыми, к коим турки испытывали много предпочтения. Лафеты сих пушек перемещать было невозможно, и нельзя не переставать удивляться, как с такими посредственными средствами туркам удавалось вести цельную стрельбу. — *Прим. автора.*

¹⁵² После штурма Суворов оставил в крепости гарнизон — Херсонский гренадерский полк, Бугский егерский корпус, Полоцкий мушкетерский полк, бомбардирскую роту с 12 полевыми орудиями и 3 донских казачьих полка.

КАНЦЛЕР К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ В ОЦЕНКАХ ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1850, 1853, 1858, 1862 ГГ.)

Из фондов Архива Министерства иностранных дел Франции

23 (11) марта 1862 г. в Санкт-Петербурге на 82-м году жизни скончался канцлер Российской империи (с 1844 г.), бывший министр иностранных дел (1822–1856 гг.) граф Карл Васильевич Нессельроде¹. Смерть этого крупного государственного деятеля, возглавлявшего российскую дипломатию на протяжении трех с половиной десятилетий, разумеется, не могла пройти мимо внимания иностранных дипломатов в столице России.

Откликнулся на это событие и Анри де Фурнье, 1-й секретарь посольства Франции в России², исполнявший в то время обязанности временного поверенного в отсутствие находившегося в отпуске посла, герцога Луи Наполеона де Монтебелло. О смерти канцлера он пишет в депеше от 25 марта 1862 г., адресованной министру иностранных дел Эдуарду Тувенелю.

Депеша объемом шесть листов рукописного текста recto verso посвящена внутрироссийским делам, в частности, начинавшейся в тот момент реформе в армии, инициированной военным министром генералом Д.А. Милютиним. Однако начинается донесение Фурнье сообщением о смерти канцлера Нессельроде.

Как и полагается в подобных случаях, французский дипломат воздает должное заслугам покойного русского вельможи, который «на протяжении столь долгого периода времени так достойно служил стране и династии». Ни одного критического высказывания по адресу графа Нессельроде. Разве что легкий намек можно было усмотреть

¹ О ветеране российской политики четырех царствований (Павла I, Александра I, Николая I и Александра II) см.: *Гребенщикова Г.А.* К.В. Нессельроде: К 230-летию со дня рождения. Штрихи к портрету // Клио. 2010. № 3 (49); *Очерки истории Министерства иностранных дел России.* М., 2002. Т. 1, 3; *Пономарев В.Н.* Финал долгой карьеры. К.В. Нессельроде и Парижский мир // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992; *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887.

² Фурнье служил в петербургском посольстве с декабря 1859 г., являясь ближайшим сотрудником герцога Монтебелло, который оставлял его за себя, когда должен был выезжать во Францию. В Петербурге Фурнье пробыл до октября 1862 г., когда получил назначение посланником в Стокгольм. Его служебное досье см.: Archives des Affaires Étrangères (далее везде — ААЕ). Personnel. 1-re série. № 1680.

в словах Фурнье о том, что покойный «лицетворял собой славное и все еще живое прошлое России».

Однако не всегда французские дипломаты, работавшие в Петербурге, были столь же благосклонны к Нессельроде. Их оценки всякий раз зависели от текущего состояния франко-российских отношений.

Критику ветерана российской политики нередко можно встретить в переписке посольства Франции в Петербурге с Министерством иностранных дел Франции в период «фальшивой», как ее определил русский самодержец, Июльской монархии (1830–1848 гг.), неприязнь к которой не считали нужным скрывать ни сам император Николай I, ни его ближайший сподвижник граф Нессельроде. На протяжении почти 18 лет существования Июльской монархии франко-российские отношения были отмечены холодной сдержанностью³.

С приходом к власти во Франции в конце 1848 г. Луи-Наполеона, возродившего в 1852 г. Вторую бонапартистскую империю, эти отношения постепенно улучшались до той поры, пока интересы двух стран не столкнулись на Ближнем Востоке, следствием чего стала Крымская война 1853–1856 гг.⁴ Немалая доля ответственности за этот конфликт лежала на канцлере К.В. Нессельроде, не предпринявшим ни малейших усилий для того, чтобы охладить воинственный пыл императора Николая Павловича.

Ниже публикуются выдержки из четырех документов, выявленных автором в Архиве Министерства иностранных дел Франции. В них содержатся оценки личности графа Нессельроде и проводившейся им политики последних лет его нахождения у власти. Эти документы, относящиеся к 1850, 1853, 1858 и 1862 гг., публикуются в хронологической последовательности.

Автор первого из публикуемых документов – дивизионный генерал, маркиз Жак де Кастельбажак, французский посланник при дворе Николая I в 1850–1854 гг.⁵ Ниже публикуется фрагмент его депеши от 27 апреля 1850 г., направленной в Париж. В ней французский дипломат характеризует ближайшее окружение императора Николая, в котором, как отмечает Кастельбажак, первую роль играл граф Карл Васильевич Нессельроде.

³ См.: Манухина Н.П. Русско-французские отношения в годы Июльской монархии // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2003. Вып. 5. С. 115–142; Танышина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.

⁴ См.: Тарле Е.В. Крымская война // Сочинения: в 12 т. М., 1959. Т. VIII–IX; Figes O. La guerre de Crimée: une histoire. New York, 2012; Gouttman A. La Guerre de Crimée 1853–1856. Paris, 1995.

⁵ Сведения о нем см.: ААЕ. Personnel. 1-re série. № 783.

Второй документ также составлен Кастельбажаком. Он относится к кануну Крымской войны (июль 1853 г.), когда в Париже (и Лондоне) были встревожены действиями России в Дунайских княжествах, занятых русскими войсками, что станет прологом к ее очередному столкновению с Турцией. Французский посланник информирует своего министра иностранных дел о настроениях в окружении Николая I по вопросу назревавшей войны.

Здесь он высказывает свое мнение и о позиции канцлера Нессельроде, выгодно отличавшейся, как считал Кастельбажак, своей умеренностью от воинственных настроений «ультра-русских» патриотов во главе с великим князем Константином Николаевичем, вторым сыном императора Николая. Здесь же французский дипломат отмечает ограниченность возможностей непопулярного в обществе и армии Нессельроде, не способного (или не рискнувшего) противостоять ура-патриотической волне.

Третий документ, автором которого является Шарль Боден, временный поверенный в делах Франции в России⁶, представляет собой фрагмент составленных им для министра иностранных дел графа Александра Валуевского «Конфиденциальных записок о наиболее важных лицах Российской империи. 1858 год»⁷.

Среди них под номером XXVIII Боден помещает графа К.В. Нессельроде, остававшегося канцлером и после того, как его место во главе министерства иностранных дел занял князь Александр Михайлович Горчаков. Правда, уже сам номер (XXVIII), присвоенный французским дипломатом канцлеру империи, красноречиво свидетельствовал о том, что бывшее влияние Нессельроде к 1858 г. в значительной степени было утрачено.

О четвертом публикуемом ниже документе, относящемся к 1862 г., уже было сказано.

⁶ Шарль Боден был первым официальным представителем Франции в России после окончания Крымской войны и возобновления дипломатических отношений между Петербургом и Парижем. На посту временного поверенного он провел в России полтора года — с июля 1856 г. до декабря 1857 г. За это время Боден серьезно изучил положение дел в России и расстановку сил при дворе Александра II. Свои наблюдения и оценки он изложил в «Конфиденциальной записке», написанной по возвращении в Париж в начале 1858 г. Личное досье Ш. Бодена см. ААЕ. Personnel. 1-re série. № 269.

⁷ “Notes confidentielles sur les principaux personnages de l’Empire de Russie. 1858” [Charles Baudin] // ААЕ. Mémoires et Documents. Russie. Vol. 45. Этот объемный документ, составленный французским дипломатом по возвращении из России, включал в себя сведения, в ряде случаев снабженные краткими комментариями автора, о 99 представителях высшей петербургской знати, министрах, губернаторах и крупных военачальниках, составлявших окружение молодого императора Александра II, а также о видных литераторах и журналистах — М.Н. Каткове, Н.А. Некрасове и др.

Документы публикуются на языке оригинала и в моем переводе с французского.

П.П. Черкасов

I

Фрагмент депеши Жака де Кастельбажака министру иностранных дел Франции Жану Эрнесту Дюко де Лаитту⁸ (27 апреля 1850 г.)

[...] Il y a certainement en Russie, comme dans tous les pays, et sous toutes les formes de Gouvernement, des influences secondaires et des influences subalternes, et même plus qu'ailleurs, dans l'administration intérieure, où la vénalité a une grande action: mais dans les grandes affaires et surtout dans les questions politiques importantes c'est l'Empereur Nicolas qui a l'initiative et la décision.

Le Chancelier, malgré sa longue expérience, et la confiance méritée dont il jouit depuis si longtemps, n'a pas dans les grandes questions toute l'influence qu'on pourrait supposer. Il peut cependant influencer, atténuer une résolution trop prompte ou trop forte et exerce une action réelle sur la direction et la conduite des affaires. Il a donc une influence, et il est important pour la diplomatie étrangère, de la ménager et de la cultiver.

C'est un homme d'état d'un esprit intelligent, facile, délié, bienveillant et conciliant: par caractère et lassitude des affaires, dont il s'occupe cependant journellement et activement, il est porté à la paix, à l'affranchissement des difficultés, et il répugne aux partis extrêmes.

C'est, après l'Empereur, le seul homme réellement influent dans les grandes questions politiques. [...]

Перевод:

[...] Конечно, в России, как и во всех странах и при всех формах правления, присутствуют различные второстепенные и третьестепенные влияния, особенно в делах внутренней администрации, где большую роль играет продажность: но в важных политических вопросах все инициативы и все решения исходят от императора Николая.

Несмотря на свой многолетний опыт и заслуженное доверие, которым он пользуется на протяжении столь долгого периода времени, канцлер не играет определяющей роли в решении важных вопросов, как можно было бы предположить. Однако он может оказывать смягча-

⁸ ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 206. Fol. 64 verso – 65 verso. Подлинник, фр. яз.

ющее и сдерживающее влияние при принятии излишне резких или поспешных решений, и тем самым влияет на направление и ведение дел. Следовательно, его можно считать влиятельной фигурой, которую иностранная дипломатия должна [всячески] обхаживать и поддерживать.

Это государственный деятель, наделенный ясным, проницательным и тонким умом, легким, доброжелательным и примирительным нравом; по своему характеру и по причине усталости от ежедневных дел, он склонен к душевному спокойствию, к избавлению от трудностей; его натуре претят крайности.

После Императора это единственный действительно влиятельный человек при решении больших политических вопросов. [...]

II

Фрагмент депеши Жака де Кагельбажака министру иностранных дел Франции Эдуарду Друэн де Люису⁹ (1 июля 1853 г.)

[...] Mr. de Nesselrode se trouve dans une position difficile: il excite le mécontentement de la noblesse et du haut commerce qui veulent la paix pour leurs intérêts personnels et qui trouvent qu'il n'est assez modéré.

D'autre côté, le peuple et l'armée et tous les ultra-Grec l'accusent de faiblesse et les hauts employés civils et militaires Russes lui sont hostiles à cause de son origine allemande, comme ils le sont plus ou moins à tout ce qui n'est pas slave et surtout aux Allemands qui leur sont plus antipathiques encore comme les Polonais, Slaves comme eux. [...]

Перевод:

[...] Г-н Нессельроде находится в трудном положении: [с одной стороны,] он вызывает недовольство дворянства и высших торговых кругов, которые в силу своих личных интересов желают сохранения мира и которые считают его [Нессельроде] недостаточно умеренным.

С другой стороны, народ, армия и все ультра-греки¹⁰ обвиняют его в слабости, а высокопоставленные гражданские и военные российские чины враждебны ему из-за его немецкого происхождения, как они вообще враждебны ко всему неславянскому и особенно к немцам,

⁹ ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 209. Fol. 139 recto verso. Подлинник, фр. яз.

¹⁰ Имеются в виду поборники идеи освобождения греков и других православных народов Балкан от турецкого господства, активизировавшиеся в России с обострением Восточного вопроса в начале 1850-х гг.

которые им еще более антипатичны, чем поляки — такие же славяне, как и они. [...]

III

Фрагмент «Конфиденциальных записок о наиболее важных лицах Российской империи. 1858 год»¹¹

[Шарль Боден]

[...] XXVIII. Le Comte de Nesselrode, Chancelier de l'Empire

Né en 1780. Fils d'un Allemand naturalisé Russe, et d'une mère d'origine juive; étranger à la Russie par sa naissance comme il l'a toujours été par ses sentiments. Il a, pendant trente cinq ans, mené la politique Russe dans l'arrière Autrichienne, où il a fini par l'embourber. Maintenant, il ne peut pardonner au Prince Gortchakoff, son successeur, d'avoir fait rentrer la Russie dans le systeme de ses alliances naturelles. Le Comte Nesselrode a immensément de finesse, mais peu de portée dans l'esprit; c'est un intrigant tres habile, mais un homme d'etat très mediocre. Les vues larges et élevées lui sont étrangères; il ne les comprend meme pas, mais personne ne s'entend mieux que lui aux petits expédieux, aux finesses de cuisine et aux intrigues de couloirs. Jamais il n'a su resister a son maître l'Empereur Nicolas, et son seul mérite a été s'attenuer quelque fois dans la journée la violence des déterminations du Souverain. Il est d'une grande avidité en matiere d'argent. "Petit Juif", tel est le surnom dont-il jouit dans la Russie entière. [...]

Перевод:

[...] XXVIII. Граф Нессельроде, канцлер империи

Родился в 1780 г. Сын натурализовавшегося в России немца и еврейки. Чужд России как по происхождению, так и по сознанию. На протяжении тридцати пяти лет он направлял русскую политику в угоду Австрии, и в конечном итоге завел ее в тупик. Теперь он не может простить князю Горчакову, своему преемнику, возвращение России в систему ее естественных союзов. Граф Нессельроде в избытке наделен утонченностью, но ему не хватает дальновидности; он очень умелый интриган, но очень посредственный государственный человек. Широкие и возвышенные взгляды ему чужды; он даже не понимает их, но никто не может превзойти его в знании кулинарных деликатесов¹²

¹¹ ААЕ. Mémoires et Documents. Russie. Vol. 45. Fol. 105 verso — 106 verso. Подлинник, фр. яз.

¹² Граф Нессельроде был известен пристрастием к изысканной кухне и считался непревзойденным гастрономом-новатором. Нередко он баловал себя и наиболее по-

и закулисных интриг. Он никогда не был в состоянии противостоять своему господину, императору Николаю, и его единственной заслугой можно считать то, что иногда ему удавалось сдерживать суровость решений, принимаемых монархом. Он отличается крайней жадностью в денежных делах. «Маленький еврей» — это то прозвище, которое он заслужил в России. [...]

IV

Фрагмент депеши Анри де Фурнье министру иностраннных дел Эдуарду Тувенелю¹³ (25 марта 1862 г.)

[...] Mr. Le Comte de Nesselrode est mort, avant-hier Dimanche à 8 heures du soir. Sa santé atteinte gravement depuis six semaines, semblait assez remise pour que l'on espérât prolonger son existence encore quelques mois. Une imprudence commise par lui compliqua son mal d'une fluxion de poitrine, qui l'a emporté. Il avait 82 ans. Jusqu'au dernier moment, Mr de Nesselrode est resté avec toute sa présence d'esprit et toute sa lucidité de facultés.

J'ai vu, cinq ou six jour avant sa mort, des lettres qu'il écrivait sur les questions de Finances les plus ardues, et qui montraient une intelligence encore toute aux affaires.

Samedi soir, il appela auprès de lui le Ministre des Finances M. de Reutern, auquel il avait voué une affection toute particulière, et l'entretint longuement des questions de crédit public qui sont à l'ordre du jour, et que l'on considère comme urgentes.

Dimanche l'Empereur, qui venait plusieurs fois chaque jour savoir des nouvelles du malade, eut avec lui son dernier entretien. Mr. de Nesselrode pria Sa Majesté Impériale qui le quitta d'envoyer auprès de lui le Grand Duc Constantin, ajoutant: "Sir, je désire que se soit le plutôt possible, car demain je n'y serai plus".

Le Grand Duc arriva quelque temps après; personne n'assista à ces dernières et solennelles paroles; personne n'a su ce qui s'était dit. Le Grand Duc sortit ému et en larmes. Mr. de Nesselrode s'éteignit peu d'heures après.

Cette fin, calme, toute aux affaires du Pays et de la Dynastie que Mr. de Nesselrode avait pendant sa longue présence aux affaires, si heureusement

четных своих гостей блюдами собственного приготовления, получившими его имя — «суп Нессельроде», «пудинг Нессельроде», «мороженое Нессельроде» и т.д.

¹³ ААЕ. Correspondance politique. Russie. Vol. 226. Fol. 271 verso — 272 verso. Подлинник, фр яз.

et si glorieusement servis, a vivement impressionné. C'était le passé glorieux et encore vivant de la Russie, et en le voyant disparaître de la scène du monde, plus d'une pensée triste et préoccupée par les choses incertaines du présent, l'aura sans doute accompagné. [...]

Перевод:

[...] Граф Нессельроде умер вчера, в воскресенье в 8 часов вечера. Его здоровье серьезно ухудшалось на протяжении последних шести недель, но вместе с тем оставалась надежда, что он может прожить еще несколько месяцев. Проявлявшаяся им неосмотрительность осложнила его состояние воспалением легких, которое и унесло его в могилу. Ему было 82 года. До последнего момента господин Нессельроде в полной мере сохранял присутствие духа и ясность рассудка.

Еще за пять-шесть дней до своей смерти он писал записки по самым сложным вопросам финансов, что свидетельствовало о том, что его разум в полной мере продолжает работать.

В субботу вечером он вызвал к себе министра финансов г-на Рейтерна¹⁴, к которому всегда испытывал особое расположение, и подробно обсудил с ним вопросы текущей финансовой политики, выделив из них наиболее приоритетные.

В воскресенье Император, который ежедневно навещал его по несколько раз, интересуясь состоянием здоровья больного, побеседовал с ним — как оказалось, в последний раз. Перед тем как Император покинул его, г-н Нессельроде попросил Его Императорское Величество пригласить к нему Великого князя Константина. При этом он добавил: «Государь, я бы хотел, чтобы это произошло как можно скорее, потому что завтра меня уже может не быть».

Некоторое время спустя явился Великий князь. Никто не присутствовал при их встрече, и никто не знает, о чем они говорили. Великий князь вышел [от умирающего] взволнованным, со слезами на глазах. Г-н Нессельроде скончался несколько часов спустя.

Его спокойная кончина, отмеченная до последнего вздоха участием в делах страны и династии, которым господин Нессельроде так достойно служил на протяжении столь долгого периода времени, произвела большое впечатление. Он олицетворял собой славное и все еще живое прошлое России. Уходя с мировой сцены, он несомненно был озабочен грустными мыслями о неопределенности настоящего [положения дел], [...]

¹⁴ Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), граф, министр финансов России в 1862–1878, впоследствии — председатель Комитета министров.

FRANÇOIS de CHEVILLY, AVENTURIER, BANQUIER ET DIPLOMATE

Anne Hogenhuis

Le parcours de François de Chevilly peut être retracé grâce à trois sortes de sources qui se complètent: le manuscrit de souvenirs rédigé par sa fille dans les années 1950 (non paginé), les mémoires ou études sur l'époque et les documents d'archives. Il éclaire de façon originale les relations franco-russes au début du XXe siècle sous leur aspect économique, diplomatique et humain.

François d'Humilly de Chevilly est né à Chambéry le 29 juin 1867. A la mort de son père il a cinq ans. Il hérite d'un titre de comte, d'une large parentèle savoyarde et d'un château massif et sombre, mais de peu de fortune¹. Il termine ses études à Paris au collège des Jésuites, rue des Postes, pépinière qui offre à la France un vivier de bons serviteurs civils et militaires. En 1887 il entre à Saint-Cyr où il remporte des prix aux concours hippiques et se fait beaucoup d'amis.

On le note dans l'entourage du jeune Marcel Proust, parmi les élégants rencontrés à Thonon, sur le Léman, sans préciser si c'est lui ou son cousin Pierre. Par contre la présence de sa sœur aînée, Marie, est attestée en 1900 auprès de Proust². Sont aussi là, à Coppet les d'Haussonville. Ils ont employé un Chevilly comme messenger auprès de la princesse Marie d'Orléans, fille du duc de Chartres et épouse d'un prince danois pour suggérer à Alexandre III le mariage du futur Nicolas avec une princesse française, ce qui faciliterait le rapprochement entre les deux pays³. Le complot orléaniste se perd dans des embrouillaminis d'amateurs. Déjà la Russie.

A sa sortie de Saint-Cyr, Chevilly est envoyé à Morlaix où il est reçu chez le préfet maritime, le comte de Marquessac, où on donne des bals, des

¹ Son patron, saint François de Sales, se retrouve dans les lignées de ses deux parents. Evêque et diplomate il a œuvré pour la réconciliation entre catholiques et protestants.

² *George D. Painter*, Marcel Proust, 2 vol. 1959, Pinguin. Vol. 1. P. 227 et suiv., 234–243.

³ Archives du ministère des Affaires étrangères, (MAE), Papiers Hansen, carnet gris. Alexandre III passe ses vacances chez ses beaux-parents danois.

dîners et de grands banquets où les jeunes gens se moquent des «officiels» (républicains). La fortune des Marquessac avait été largement entamée par la vie parisienne de l'amiral et lorsque le 12 novembre 1891, il épouse leur fille Marguerite, ce n'est pas un mariage d'argent. Après un passage à Nantes, ce sera Paris et l'École militaire, avec leur fille Odette née le 25 août.

Aucun document photographique ne subsiste sur le jeune ménage. Pour François, un cliché avec sa mère et ses sœurs où il disparaît sous son képi. A ce vide supplée la description qu'en fait Odette, qualités morales et physiques confondues, dans un genre agiographique: «Grand, blond, les yeux bleus, un peu myope, il portait monocle. Distingué, très courtois et bien élevé, d'une intelligence immédiate. Optimiste, aimant tout ce qui est beau. Dans l'intimité il était charmant, d'un caractère très égal, il s'intéressait à tout, sans attacher jamais d'importance aux menus ennuis quotidiens et diminuant aussi leur portée. Dans le monde il était très brillant et très recherché. Sa conversation éblouissante tenait tout le monde sous le charme. Il savait écouter aussi». Il avait du succès auprès des femmes. De nombreux amis et des obligés en légion.

Odette expliquera qu'il n'avait pas les moyens nécessaires au train de vie d'un officier de carrière et qu'il a démissionné de l'armée en 1894 pour se lancer dans les affaires. C'est l'année du Conseil de guerre qui condamne Dreyfus à la déportation. Il serait toutefois audacieux d'établir un lien.

L'aventure

Débutent une nouvelle vie, sous le signe d'aventures où dans un climat de prospérité générale la fortune paraît à portée de la main.

Chevilly s'occupe d'abord d'une affaire de gaz acétylène qui périclité faute d'investissements. La suivante dont on ne sait rien, en Espagne semble mieux prospérer. On invite beaucoup à dîner, ce que facilitent une cuisinière et une femme de chambre. Un fils Alain naît le 5 février 1899. Mais, suit en 1900 un déménagement à Asnières, une banlieue modeste dans une grande maison en bordure d'un terrain vague qui longe la Seine. Chevilly tente en vain sa chance en Espagne, Allemagne, Autriche ou Bohême. Marguerite se débat dans la pauvreté et une solitude croissante. A l'été 1903 elle fait une fausse-couche et s'enfonce dans la maladie. Un nouveau départ s'impose.

Chevilly «se laisse convaincre» d'accompagner une dame qui possède les titres d'une mine d'or en Colombie dont elle veut remettre en route l'exploitation. Sur ce voyage, juste quelques anecdotes. Avec un ingénieur, ils débarquent en Colombie en pleine révolution et se heurtent aux troupes des deux camps. Ils sont arrêtés par l'un d'entre eux et invités à dîner par le général qui a la lèpre. Lorsqu'il s'agit de signer sa libération, le monocle de Chevilly tombe dans l'herbe haute. La troupe se met à sa recherche et le retrouve. Ils

se quittent les meilleurs amis du monde. Pour retrouver la mine située sur les hauts-plateaux, le groupe voyage à dos de mulet. L'ingénieur décède de la fièvre jaune. Chevilly tombe à son tour malade. Guéri, il cherche encore l'or et revient à Paris sans l'avoir trouvé, mais content de son aventure. Il en fait une communication à la Société de Géographie, rédige plusieurs articles et publie un fascicule sous pseudonyme.

Le moment est venu d'assurer sa situation. Seul il ne peut rien. En septembre 1904, il accepte un poste à la Banque privée dont le siège est à Lyon. Une banque d'affaires qui prend son essor. Il accepte: le mot sous la plume d'Odette trahit un manque d'enthousiasme. Mais Chevilly a déjà quelques attaches à Lyon et il se fait de bons amis dans l'établissement, dont le meilleur est M. Zbinden, le PDG suisse de la banque. Il loue un logement, quitte à faire la navette pour voir sa famille quand il le peut. Marguerite effectue alors un séjour dans une maison de santé tenue par les sœurs auxiliatrices qui avaient accueilli gratuitement Odette dans leur pension de l'avenue d'Iéna. Elle se sait perdue mais tente encore de s'installer à Lyon. Elle décède près de Paris le 10 mai 1906. Sitôt après, Chevilly liquide l'appartement parisien et accepte une mission de la banque pour régler une affaire en Equateur. Les enfants sont envoyés chez leurs grand-mères.

La mission en Equateur est tout aussi riche en aventures que la précédente en Colombie. Et aussi peu documentée, sinon par les souvenirs que note Odette. Débarqué à New York, Chevilly en profite pour une excursion aux chutes du Niagara, puis par le canal du Panama il rejoint Quito. Là, il règle les affaires de la banque puis part vers la plantation de caoutchouc qu'il vient d'acheter. (L'essor de l'automobile fait du caoutchouc une matière première recherchée). Il nomme un contremaitre, mais il n'en aura plus de nouvelles jusqu'en 1920. Il apprend que celui-ci avait exploité la plantation puis l'a vendue. Pour le retour il descend vers Guayaquil en pirogue, prend beaucoup de photos et se heurte au chef d'une tribu Jivaros dont il connaît les talents pour rapetisser les têtes coupées.

L'aventure pour lui se termine bien. Peu après une promotion lui donne des responsabilités au siège parisien de la banque. Il loue un bel appartement boulevard Pereire où il installe sa famille et part en Russie.

La Banque privée

A partir de 1908 la carrière de Chevilly s'oriente vers la Russie. La biographie officielle du *Qui êtes-vous?* cite des missions pour la Banque privée en Russie et en Espagne⁴. La chronique familiale n'a gardé aucune trace de séjours espagnols. Seule la Russie figure au palmarès.

⁴ Qui êtes-vous? Annuaire des contemporains. Notices biographiques. Paris: Ruffly, 1924.

Au départ, les activités de la banque étaient dirigées vers les colonies. Créée en 1898, après l'absorption du Comptoir lyonnais, elle se nommait encore Banque privée, industrielle, commerciale et coloniale Lyon-Marseille, mais la seconde partie du titre ne tarde pas à sauter. Epaulée d'administrateurs et de juristes aux noms prestigieux, dont la Banque de commerce privé de Saint-Petersbourg⁵, elle se place au centre des affaires franco-russes. Ses résultats justifient les espoirs des promoteurs, malgré un mauvais passage en 1902/1903 où la banque s'était tournée vers la Hongrie ou la Finlande. Depuis elle renoue avec les bonnes affaires d'antan. En 1912 la direction de la banque est aux mains de François-Marsal, futur ministre des Finances, tandis que M. Zbinden conserve la direction des agences. Elle finance le chemin de fer Riazan-Ouralsk et fortifie son conseil d'administration en y faisant entrer des banquiers influents.

Comment expliquer l'ascension rapide de Chevilly, sinon par sa bonne mine et la confiance qu'il inspire. Il apporte à la banque un nom et un titre qui lui ouvriront des portes et séduiront d'autant plus les Russes que la Banque privée s'adresse à une clientèle très privée, sensible au titre et à la particule. En retour Chevilly profite du renom de la banque. Qu'y fait-il? Les archives bancaires ont mal survécu au régime soviétique et les récits d'Odette sont rien moins que précis: «Tout va pour le mieux». Après avoir rempli plusieurs missions, il se fait énormément de relations. «La vie russe lui plut énormément, il connaît vite tout le monde et séjourne souvent à Saint-Petersbourg». Tout en restant attaché à la banque dont il surveille les intérêts, «il traite aussi d'affaires pour son propre compte, en particulier dans les chemins de fer».

Des intérêts annexes s'y ajoutent. En témoigne le compte-rendu du conseil d'administration de juin 1912. La banque se réunit à Riga pour l'AG de la société *Le caoutchouc*. Sont nommés membres du conseil d'administration, les actionnaires: M. Bergougnan, l'ancêtre des pneus Michelin de Saint-Etienne, le comte de Chevilly et un M. Berthier. Cette société conclut un accord avec La Banque privée et la Société Bergougnan. Les résultats sont très satisfaisants⁶.

Le prestige de François s'affirme aussi bien dans la société que dans les milieux d'affaires. Par son propre mérite, il est devenu visible aux yeux de la chronique mondaine. A des obsèques parisiennes, *Le Figaro* du 20 février 1909, a reconnu le comte de Chevilly venant après le prince de Ligne, le comte Greffuhle, le prince de Chimay, le duc de Mortemart, le comte

⁵ Les autres fondateurs sont: Ulysse Pila, Charles de Fischer, Auguste Lumière, Louis Pradel, Francisque Vial et Jacques Vuy. S'y ajoute en 1906, entre autres, André Poniatowski.

⁶ Banque privée industrielle commerciale et coloniale Lyon Marseille «Banque Privée» www.entreprises-coloniales.fr mis en ligne 31 décembre 2016, Dernière modification 3 mars 2018.

d'Haussonville, et suivi de quelques marquis et autre piétaille... A présent, il en impose, tout comme le monocle qui l'a distingué au cœur de la jungle.

Pourtant, ses fidèles ne sont pas tous à particule. Il a fait le tour des usages du monde auquel il appartient. Son non-conformisme lui permet de s'adapter aux hasards pour saisir l'occasion. Il expose ses règles de bonne conduite à Odette en août 1909: «...fais sur ton caractère l'effort nécessaire pour t'adapter. Songe bien à cela. C'est une des plus grandes qualités et des plus difficiles que la faculté d'adaptation. C'est par elle que l'on est goûté partout par où on passe. Note bien qu'il ne s'agit pas du tout de perdre sa personnalité. Il faut au contraire la conserver mais en même temps la montrer sous les formes qui conviennent le mieux et plaisent le plus dans le milieu où on se trouve. Réfléchis. Fais toi-même et sur toi-même les remarques nécessaires, observe et écoute les personnes qui composent le milieu où tu te trouves, ensuite, tout naturellement, tu t'adapteras. C'est la suprême bonne éducation et la suprême distinction en même temps que d'être partout à sa place. Il faut que tout dans la contenance, dans l'habillement, la conversation, le maintien varie suivant l'ambiance et le milieu [...] garde-toi aussi des jugements trop hâtifs. Ne te laisse pas aller à de vains emportements...» Ce moment de sincérité le révèle dans ce qu'il a de plus intime. Opportuniste, Chevilly? Sa capacité d'adaptation pourrait le suggérer, encore que ses codes privés lui tracent des limites. Mais le résultat est une réussite rapide.

Entre deux voyages à Saint-Petersbourg, un nouveau déménagement en 1910 coïncide avec une fortune éclatante. Le pavillon au 128 boulevard Pereire, entouré d'un jardin est une belle adresse dans un quartier à la mode : On se promène le matin au Bois et on salue ses connaissances. Suivra en 1912 l'achat d'un yacht en Angleterre du le *Gipsy Queen*, un «dundee deux mats» de vingt mètres de long. Les voyages avec les enfants mêlent les excursions touristiques et les rendez-vous d'affaires à Bruxelles, Ostende, Rotterdam ou Amsterdam. Chevilly se fait aussi construire à peu de distance de la vieille forteresse d'Humilly un petit château clair et gai, *Les Granges*, achevé à l'été 1914. Une décapotable 16 cv Berliet, bleu marine, à l'immense capot allongé, peut transporter huit personnes, la grand-mère Chevilly comprise.

La Russie

Le train de vie en Russie est au diapason. Chevilly invite Odette en Russie. Ils partent le 28 avril 1911. Les deux jours passés dans le Nord-express sont «un enchantement», surtout dû à la compagnie d'un père de bonne humeur, qui sait voir et expliquer. A la station frontière de Wirballen, elle est impressionnée par la faveur qu'on accorde à son père en lui abrégeant les formalités. Il est une personnalité connue.

Saint-Pétersbourg plait beaucoup à Odette. Chevilly habite au 34, quai des Français, dans bel appartement où un couple russe assure le ménage et la cuisine. Un petit bureau est réservé au secrétaire M. Bibikoff (prince?). Ce sera une suite de réceptions, dîners, spectacles et courses en traineau sur la Neva gelée. Son père l'invite au *Cuba* où l'on dîne au son des violons tsi-ganes. Il y serre beaucoup de mains et connaît au moins de nom tous ceux qui comptent. Il emmène Odette chez le prince et la princesse Dolgorouki dont le fils Michel la guidera dans le tour des palais et des musées.

Le pittoresque reprend le dessus avec un voyage qui débute par trois jours à Moscou. De là ils partent à Nijni Novgorod d'où ils descendent la Volga jusqu'à Simbirsk. Là, ils sont reçus chez l'ingénieur qui suit le projet. Le lendemain a lieu l'inauguration officielle du premier tronçon de la ligne de chemin de fer Volga-Bougoulma qui traverse la Sai, un affluent de la Kama, sur l'immense pont qu'on vient de terminer⁷. Puis ils remontent la Volga en bateau jusqu'à Kazan et Samara d'où le Transsibérien les ramène à Moscou. Les chemins de fer sont une entreprise privée russe qui procure aux rentiers français des retours sur investissement raisonnables et qui promettent de croître sur la longue durée⁸.

La fortune

L'année 1912 consacre le succès en Russie de la France et aussi celui de Chevilly. En août arrive le président de la République, Raymond Poincaré qui entraîne de nombreux contrats. Les entreprises que Chevilly patronne pour la Banque sont florissantes. Les siennes propres suivent la courbe des investissements français dans les matières premières : fer, charbon, blé et déjà le pétrole. Assez importantes pour que l'ambassade envoie un rapport à Paris sur ses activités. En 1913 il soutient Gustave Gain l'explorateur qui part au Turkestan à la recherche des gisements de pechblende nécessaires à Madame Curie pour en extraire le radium⁹. Chevilly fait aussi la promotion d'œuvres d'art, un marché en plein essor pour un public épris de modernité. Il a passé un contrat avec Paul Guillaume. Celui-ci, employé dans un garage automobile, aurait découvert des sculptures africaines dans une cargaison de caoutchouc¹⁰.

⁷ Bougoulma, petite ville tatare aux portes de l'Oural deviendra importante par les gisements de Magnitogorsk. La Banque privée de Saint-Pétersbourg avait lancé en 1910 des titres d'emprunt à 4./ au prix de 500 francs, offerts aux épargnants français.

⁸ *Thierry Claeys*, Les investissements français en Russie de 1870 à 1917, Francirus, daylotion.com, 0.03.2015.

⁹ Archives du MAE Correspondance politique avec Saint-Pétersbourg. Vol. 493.

¹⁰ iesanetwork.com/s.lenoel/html/paulguillaume.himl, mars 2019.

Les belles voitures et le caoutchouc, voilà qui permet un rapprochement. «Un peintre assez miteux à l'époque,» juge Odette. «Papa qui avait du flair s'intéressait à lui et l'aida matériellement en plusieurs occasions». Chevilly la rassure «Ce n'est pas si mal, ça plaira un jour, tu verras». Néanmoins, il n'en achète pas pour son propre salon. Elle ajoute que Guillaume «apportait en vrac au 128 bd Pereire quantité de sculptures nègres, en bois, authentiques ou fausses pour les placer dans le petit jardin, exposées aux intempéries afin qu'elles vieillissent avant d'être offertes au public. Mais cela ne nous gênait pas». Il eut bientôt sa galerie où en 1914, sa première exposition présentait deux artistes russes, Larionov et Gontcharova.

Chevilly peut acheter ce qu'il veut. Pour son fils, il prépare une éducation d'héritier moderne. A la rentrée 1912 il le retire de sa pension religieuse et engage un professeur pour l'instruire sur les matières qu'il trouve importantes: «Tant pis pour les examens qui ne servent à rien». Voit-il déjà son fils en banquier ou en négociant d'art? A Odette pour sa majorité, en 1913, il offre du parfum et une rente qui sera sa dot. L'idée de la marier s'installe. Elle sort, elle prend des leçons de chant et assiste aux grands dîners élégants que son père offre à Paris. Dans un dîner chez les Fredericks, de l'ambassade russe, elle se distingue en affirmant tout haut qu'elle a une belle voix. Le maître de maison dit à François: «Hé bien! Chevilly, la *toche* n'ouvre pas souvent la bouche, mais au moins, quand elle parle, on sait ce qu'elle veut dire...» La *toche* commente Odette est une déformation, pour *dotch*, fille. Une autre fois un convive le complimente sur sa fille hystérique. «Ah bon?» Chevilly réajuste son monocle. «Oui, hystérique, elle ressemble à Charlotte Corday...» «Vous voulez dire historique!» Il s'amuse.

L'été la *Gipsy Queen* emmène François et ses enfants dans des endroits à la mode. A Biarritz ils rencontrent Maurice Verstraete qui possède un yacht plus grand et plus beau que le leur, commente Odette. Elle hésite aussi à dire si cet ami était belge ou russe. Son incertitude s'explique car Verstraete est au cœur d'un écheveau de liens franco-belges et russes. Secrétaire d'ambassade chargé du commerce, il a surveillé les achats de céréales et plongé dans des projets industriels en Ukraine ou pétroliers au Caucase. En 1899 le gouvernement français en a fait son représentant à la Banque russo-chinoise. Il a profité de la défaite russe en Extrême-Orient pour racheter les parts du chemin de fer russo-chinois et fonder avec la Société générale, et un apport de la Banque de Paris et des Pays-Bas en 1910 la Banque Russo-Asiatique. Auprès de ce géant, la Banque privée reste modeste, mais elle s'appuie sur ce modèle de réussite¹¹.

¹¹ Anna Krantz, *Maurice Verstraete*. Un banquier français en Russie au début du XXe siècle, in *Miscellanées franco-russes*, Bordeaux, s. d. P. 456–463. Thierry Claeys. Description d'une action de la Banque Russo-Asiatique (1911) in *Revue française d'histoire économique* 2017/1 (n°7–8). P. 216–223.

Pour le printemps 1914 le maire de Lyon prépare une exposition internationale et charge Chevilly de la section russe. Pour le pavillon, celui-ci choisit comme architecte son cousin Paul de Launay, qui construit une isba où l'on vend tous les produits russes imaginables. Pendant les fréquents déplacements à Lyon que le projet exige, Chevilly rencontre le maire, Edouard Herriot, avec lequel «il eut beaucoup de contacts toujours très agréables».

La guerre

A l'été 1914 Chevilly part en famille pour la croisière de l'été sur le *Gipsy Queen*. Comme les nouvelles sont mauvaises, il débarque pour aller prendre le vent à Paris. Tout confirme une guerre prochaine. Par dépêche, il enjoint aux navigants de rentrer à la maison. Ils ne remonteront plus à bord du yacht que le capitaine rachètera et armera pour la pêche au homard.

Lorsque Odette revient à Paris, son père est déjà en partance pour Saint-Pétersbourg. Il court y arranger ses affaires car se dessine déjà l'entrée en guerre de la Russie. Ses enfants et sa belle voiture sont envoyés à Cieurac. De Saint-Pétersbourg parviennent des lettres très attendues qui relatent l'enthousiasme des foules dans les rues, portant des drapeaux, chantant des hymnes russes et alliés. Mais pour les affaires, il est trop tard, Chevilly n'a pas pu sortir à temps ses capitaux qui resteront bloqués en Russie et subiront les conséquences des événements. Sur ce constat, il revient en France, on ne sait par quelles voies, pour reprendre du service malgré ses quarante-sept ans. Il rejoint le 137e d'Infanterie au Mans, avec le grade de capitaine, et sans délai il monte au front.

Il écrit alors à sa fille pour lui parler d'Inna Neslukowska. De son attachement pour elle et de l'ennui qu'il a, étant au front, de ne pouvoir lui écrire. De l'inquiétude aussi où elle serait de ne pas recevoir de ses nouvelles. Il lui demande, comme à sa meilleure amie, d'écrire de temps à autre à Inna pour la rassurer. Il comprendra si elle refusait. Au contraire très touchée d'être dans la confiance, elle écrira et Inna répondra, deux fois seulement car le danger s'estompe.

Chevilly a mené fin octobre, à la tête de sa compagnie «une dure charge à la baïonnette» au Quesnoy, près de Valenciennes. Ces lignes du front franco-britannique occupées par les Allemands à la fin d'août 1914 ne seront plus reprises avant 1918. A sa famille il confie qu'il a souffert d'une crise d'asthme assez violente pour qu'on l'évacue. Déjà les gaz asphyxiants? Remis en état, il arrive en permission à Cieurac. Il parle peu de la guerre et lorsqu'il relate sa bataille, le plus mauvais souvenir vient des crapauds qui infectaient les tranchées et qu'il attrapait avec une pince spéciale fabriquée par ses soldats. Des récits en litote pour ne pas ajouter à l'angoisse de ses enfants.

Après ce congé il revient au Mans pour y former les recrues avec lesquelles il passe les fêtes de Noël. Au printemps 1915 Il loue une petite maison

et invite ses enfants à venir le retrouver. Au cours d'un exercice Odette entend de loin les commentaires de deux soldats : «Tu vois ce capitaine-là, le blond, ben tu sais il n'y a pas un plus chic type dans tout le régiment». On peut croire à leur sincérité, son père est profondément humain!

L'état-major interallié

Le séjour au Mans s'interrompt par une mutation à Versailles, à l'état-major interallié. Le 15 octobre 1915 Chevilly est décoré de la Légion d'Honneur dans la cour du château. Les délégués alliés siègent à l'Hôtel des réservoirs. Sa mission au centre de commandement allié le place au cœur d'un dispositif où science militaire et diplomatie se mêlent. Il est dans son élément. Sa promotion suivante en découle. Elle repose sur son expérience de la Russie.

Le colonel Jacques Langlois qui prend en main la carrière de Chevilly est le chef de la section russe à l'état-major général où il assure la liaison avec la *Stavka*. Il s'agit d'établir une bonne coordination avec les Russes, chacun des deux côtés soupçonnant l'autre de ne prendre en compte que les difficultés de son propre front et oublier celles de l'autre. Pour les résoudre, Joffre a envoyé en mission Langlois. Celui-ci, de février 1915 à février 1917, a effectué neuf voyages dont il a conclu qu'il ne suffit pas d'un front à l'autre d'être représenté, il faut résoudre les problèmes d'armements et celui des nouvelles technologies à transférer. Une meilleure coordination stratégique s'impose aussi, sur le modèle franco-britanniques, à la fois militaire et diplomatique¹².

Paraphés par Joffre, Poincaré et le ministre de la Guerre, les rapports de Langlois sont mis en œuvre et le resteront malgré le limogeage de Joffre en décembre 1916. La représentation militaire est simplifiée, les diverses missions dépendront toutes du général Janin, nommé le 16 avril 1916. Des missions spécialisées dans les armements, les transferts de technologie ou la propagande.

Langlois recommandait une réorganisation de la propagande en Russie pour prendre en compte la susceptibilité des Russes et informer la presse russe et l'opinion sur la situation en France. Dans les instructions de Janin à ses officiers, du 13 mars 1917, il leur recommande de veiller à établir un dialogue entre égaux et ne pas se conduire comme en pays conquis, mais en amis cordiaux et réservés. On passe à une nouvelle diplomatie plus confiante et ouverte entre partenaires d'une même coalition.

¹² Reorganizatsia francuzskogo voennogo predstavitel'stva v Rossii: predtchustvie peremen (1916–1917) *Vladimir Babintsev, Julia Galkina*, (The reorganisation of the french military commission in Russia: in anticipation change (1916–1917) in *Quaestio Rossic*. Vol 5 n., p. 241–254. 2017.1.221. Cité p. 250–251 d'après le SHD T. 17, N° 574.

L'organigramme désigne le commandant de Chevilly comme responsable de la propagande. Langlois le connaissait-il déjà ? L'a-t-il choisi sur la recommandation du général de Castelnau, qui en son temps avait été au collège jésuite rue des Postes, et nommé en 1915 son adjoint par Joffre, lui aussi ancien élève des Jésuites? Quelle que soit l'origine de sa nomination, en mars 1916 Chevilly repart à Petrograd, nouveau nom de la capitale.

La situation dès le premier abord s'y révèle inquiétante. Il faut rendre confiance aux Russes, les persuader que la France ne les lâchera pas. Rompre leur sensation d'isolement et de méfiance envers les Alliés. Sensibiliser aussi les Russes aux difficultés inouïes que doit résoudre le gouvernement français. Telle est la mission de Chevilly. Mission à laquelle il se donnera avec l'énergie qu'on lui connaît. Sa vie privée heureuse le soutiendra dans d'inextricables difficultés.

Le mariage russe

Chevilly va épouser Inna Neskludowa. Une décision qu'il confie à sa fille pendant un court séjour à Paris. Du moins, ajoute-t-il, si Odette lui donne son assentiment. Elle sait que si elle accueillait l'idée avec mauvaise grâce, il ne changerait rien à son projet, mais en serait attristé. Donc elle se dit prête à accueillir de bon cœur Inna comme belle-mère, bien qu'elles aient juste quelques années de différence. Il lui fait garder le secret jusqu'après la cérémonie. Malgré son courage, il n'ose affronter sa mère qui sera furieuse. Un bref orage: elle ne peut jamais se fâcher longtemps contre son fils.

Lorsqu'il l'avait rencontrée «quelques années auparavant», Inna avait vingt-deux ans, d'une famille selon Odette «de bonne noblesse», de culture russe et orthodoxe. Ses parents avaient divorcé et sa mère l'avait destinée au ballet. Entrée à l'École des ballets impériaux à huit ans, elle y a reçu, en plus de la danse une excellente éducation. Une école sévère, au nombre de places limitées. A dix-huit ans elle faisait ses débuts sur scène avec de beaux succès dans des danses espagnoles surtout. Ces détails, Inna les révèle de vive voix à Odette.

En Russie où on adore les chorégraphies de Petipa, les ballerines sont adulées comme des princesses, ce qui a permis d'entourer d'un chaste rideau d'admiration les amours du prince héritier Nicolas avec une danseuse remarquée pour ses bonnes manières par Alexandre III, Matilda Kseczinskaia. Un nom d'origine polonaise et une éducation très russe. Inna également. Les frères de sa mère, née Kouskoff, sont officiers supérieurs dans l'armée impériale.

Le mariage a lieu en mai 1916. Civil au consulat, religieux à l'église orthodoxe, puis catholiques à Saint-Louis-des-Français. Après les dîners et réceptions, il repart à Paris d'où il ramènera ses enfants pour leur faire rencontrer Inna.

Les préparatifs des enfants sont une affaire d'Etat. Il faut tenir son rang avec une garde-robe adaptée au grand monde. Ils partent le 21 septembre 1916, munis de passeports diplomatiques signés par Philippe Berthelot. Pour qu'Odette se souvienne de son nom, il faut que ce grand serviteur de l'Etat ait été sinon un ami, du moins un personnage proche de son père. Un personnage des plus discrets, qui a largement déterminé la diplomatie française¹³.

L'itinéraire du voyage est choisi pour éviter les territoires ennemis et en mer les mines allemandes. Qu'ils soient diplomates, militaires, hommes d'affaires, artistes ou révolutionnaires en transit clandestin, tous décrivent une expérience marquante. Ces voyages périlleux sont l'occasion de rencontres et d'échanges d'informations pour ceux qui savent les entamer à leur gré, ce en quoi excelle Chevilly. A la gare de Petrograd les attendent Inna et la Delaunay-Belleville.

Chevilly a déménagé, toujours quai des Français, dans un immeuble vert amande où une plaque de marbre indique que Koutouzov y avait résidé. Un appartement au bel étage, avec de grandes pièces de réception est desservi par trois domestiques. Mme Neslukowska y règne en maîtresse. Grande, distinguée, elle aime beaucoup converser avec les hôtes de passage. Elle adore son beau-fils qui n'a qu'une dizaine d'années de moins qu'elle. Elle lui a fabriqué un diminutif qui joue sur son nom et sa nationalité: Françoussia!

Inna ne lui ressemble pas. Elle est petite, très mince, vive, très brune, avec un visage attrayant et expressif ainsi qu'un caractère affectueux. Enfin, Odette la dit intelligente et cultivée. Elles deviennent de grandes amies. Le choix de Chevilly révèle une personnalité non-conformiste, restée discrètement sous-jacente. L'occasion de sortir du cercle de la société dite bonne, quelque peu sclérosée des familles façon Marcillac pour entrer dans ce qu'on appellera la *coffee society*, celle d'un XXe siècle libéré des codes superfétatoires. Une liberté d'avant-garde, jusque-là juste effleurée par ses amitiés avec des artistes.

Les collègues et amis

Chevilly se jette immédiatement à l'eau. Dès son arrivée, il fait des conférences à l'Alliance française où va la bonne société. Il en prononce une à *Tsarskoe Selo* à l'hôpital de l'impératrice, en présence de celle-ci et des quatre grandes-duchesses, ses filles. Son talent et son charisme opèrent. Il rappelle comment en 1896, à Paris, il avait vu l'aînée, Olga, passer en carrosse dans les bras de sa nourrice, en magnifique costume russe. Il amène un sourire «sur le visage si beau et si triste de l'impératrice». Le contact est établi, mais reste

¹³ A l'exception des périodes où Poincaré, ministre, l'écartera pour lui préférer Paléologue.

encore à convaincre de la solidité de l'alliance le monde politique et les intellectuels.

Dans la tâche énorme qui lui incombe, il dispose d'une bonne équipe et lui-même se dépense sans compter. Dans le cercle très étendu de ses relations, viennent en premier les membres des nombreuses missions et de la mission militaire en particulier, une partie en poste fixe, l'autre faisant la navette entre Paris et la Russie. Auprès de l'ambassadeur, l'attaché militaire, le général Janin, ne dépend que de la Guerre. Il fréquente les grands-ducs et les généraux de l'état-major et supervise les quelques deux cents membres de la mission militaire. Langlois est son adjoint principal, viennent ensuite les colonels: Renard, Lavergne et Pyot de la mission des armements.

Parmi le personnel de la mission de propagande, deux Français de Moscou, Henri Ferrand et Louis Landru deviennent des familiers Parmi les amis, Pierre Darcy est l'un des plus proches, un homme d'affaire et d'industrie au grand cœur. Claude Anet aussi, le journaliste qui arrive d'Orient, et qui sait toutes les rumeurs. S'ajoutent quelques savoyards dont le commandant Ernest Grenard¹⁴ et son épouse Alma ainsi que les Jouan, les Welter. Ces derniers sont à l'Alliance française et collaborent avec la mission de propagande, de même que Brianchaninoff, détaché de l'administration russe. Passent souvent un voisin, Tchikatchoff dont le père et l'oncle furent des explorateurs célèbres et francophiles, ainsi que l'avocat de l'ambassade, Posnansky.

Chevilly a enrôlé Alain qui tape son courrier à la dictée. L'éducation en prise directe avec la vie des affaires porte ses fruits. Ses progrès en russe semblent supérieurs à ceux d'Odette qui pendant ce temps se promène avec Inna au Jardin d'été, malgré un froid de -25 et même -29. Elle visite aussi l'hôpital français où Inna aide les soldats à remplir leurs paperasseries administratives, en particulier les demandes de rapatriement. Elle fait la conversation aux blessés, qu'elle pense arrivés de Salonique. Par ailleurs, elles reçoivent. En plus des invités à déjeuner ou à dîner, viennent tous les jeudis en soirée «des gens qui leur plaisent». Si les invités ne sont pas trop nombreux, on joue aux cartes ou aux petits chevaux. Puis vient le souper, autour du samovar que préside Inna, le plus agréable moment de la soirée, selon Odette qui juge qu'encore, pendant cet hiver 1916, la vie en Russie est très large, luxueusement agréable, dans la société du moins: «On parle beaucoup de la guerre, mais on ne la sent pas. En tout cas, infiniment moins qu'en France». Chevilly continue à dîner au champagne chez Donon et aller au spectacle une ou deux fois par semaine, en habitués. Une revue sur papier glacé au printemps 1916 place en couverture une caricature de lui à l'Opéra: en habit et monocle, il lorgne la salle, une consécration. Il jubile. Il prend toujours une grande loge, où il invite deux ou trois personnes. Une loge souvent voisine de celle de l'ambassade.

¹⁴ Un parent du consul Fernand Grenard?

Protocole oblige, au premier entracte Chevilly va rendre ses devoirs à l'ambassadeur. Puis, au deuxième, Maurice Paléologue vient saluer les dames de la loge voisine. Malgré sa courtoisie rigoureuse, Odette ne le trouve pas sympathique. «Avant la révolution, il ne nous plaisait guère. Après, nous le détestions, trouvant qu'il s'occupait un peu trop des intérêts de l'ambassade et qu'il négligeait les intérêts des Français qui n'étaient pas de la maison. Ridicule aussi, trouve Odette, lorsque pour le baise-main, il prend dans sa main droite la main de la dame et l'élève un peu en s'inclinant puis met sa main gauche devant la bouche comme s'il crachait un noyau d'olive! Il est toujours accompagné de sa suite qu'Odette trouve insipide, les R. (Regnault?) et les H. (du Halgouet?), incolores et munis d'épouses bêtement suffisantes». L'ambassadeur porte un nom qui crée l'impression d'un lien avec les empereurs de Byzance¹⁵, et bien que républicain confirmé, il ne fréquente que la haute aristocratie.

Chevilly n'est pas un familier de l'ambassade. Parmi les diplomates qui rédigeront leurs souvenirs, son nom n'est que rarement évoqué. Paléologue l'ignore. Seul Louis de Robien, premier secrétaire, en est assez proche pour rapporter ses opinions¹⁶: «Chevilly dit que...» Charles de Chambrun, premier secrétaire, ne le mentionne pas, bien qu'ils se connaissent par alliance. D'ailleurs leurs attitudes face à la Russie reflètent leur opposition. Là où Chevilly se plonge avec curiosité dans la société environnante pour agir sur elle, Chambrun est sur ses gardes. Il trouve les hôtels affreux ou tout juste acceptables, la nourriture détestable et les Russes très ploucs, les fleurons aristocratiques exceptés¹⁷. Certainement la facilité avec laquelle Chevilly circule dans cette société incommode à l'ambassade. Son yacht, sa splendide voiture et ses moyens de banquier disproportionnés par rapport à son grade militaire, ne concordent pas avec ses fonctions, encore que l'armée l'ait promu commandant.

Et puis il y a Inna. Les dames de l'ambassade sont loin d'être la crème de la crème, mais elles sont très regardantes sur leurs relations : Inna ne fait pas partie du groupe social où il faut être vue et reçue. Rien ne la recommande aux yeux de ces épouses rétives et la grande aristocratie lui est fermée. Chevilly lui-même, par ses activités et son pedigree a pénétré ce milieu exclusif, mais son mariage ne lui apporte rien dans ce domaine, encore qu'il n'ait pas l'air d'en souffrir. Ses réseaux s'étoffent toujours plus d'hommes d'affaire et d'artistes.

Les protections réelles ou supposées dont il bénéficie à Paris pèsent certainement aussi dans la méfiance que lui manifeste l'ambassade. Tout au

¹⁵ *Paléologue, Maurice*. Le crépuscule des Tsars (Journal 1914–1917), Mercure de France, 2007.

¹⁶ *Robien, Louis de*. Journal d'un diplomate en Russie, 1917–1918, La Librairie Vuibert, 2017.

¹⁷ *Chambrun, Charles de*. Lettres à Marie, 1914–1918, Plon, 1941.

contraire, elles lui valent une considération appuyée de la part des Russes, très sensibles à la hiérarchie du pouvoir. En particulier lorsqu'arrive en mission le général de Castelnau avec sa suite nombreuse. Il passe voir les Chevilly en ami. Il plaît beaucoup à Odette avec laquelle il discute comme un bon grand-père.

Les journées révolutionnaires de février n'apportent pas de rupture dans les habitudes de la maisonnée, mais dès les premiers jours, Chevilly s'inquiète de la propagande en faveur de la paix qui se fait dans la Douma et à l'armée. Il signale au général Janin que les partis modérés arrivent mal à endiguer le flot révolutionnaire et pacifiste. Il estime avantageuse une démarche des socialistes français qui exprimeraient leur confiance dans le triomphe de la démocratie et la chute de la dernière citadelle de l'absolutisme qui est l'Allemagne grâce à la guerre poussée jusqu'au bout. Ce que Janin transmet par dépêche à Paris¹⁸.

Les journées de février 1917

Le récit que fait Odette de la Russie entrée en révolution, sans aucun doute, reflète les opinions de son père, encore qu'elle ne mesure pas les difficultés auxquelles il est confronté. Il n'apporte rien sur le déroulement des journées qui ne soit connu. Néanmoins, il reflète l'état d'esprit dans lequel elles ont été vécues par les représentants de la France qui dans un avenir proche devront prendre des décisions importantes pour l'avenir des relations franco-russes.

En décembre 1916 la famille organise une grande soirée de Nouvel an. «L'atmosphère était gaie et pleine d'espoir, on souhaitait la victoire, la fin de la guerre. De présages habituels chez les Russes on tirait des pronostics favorables. Hélas, en enterrant l'année finissante nous ne nous doutions pas que c'était bien plus encore à la Sainte et vieille Russie que nous disions adieu [...] Cependant toutes les conversations commençaient à refléter un malaise et une inquiétude générale. Tout le monde était mécontent. Partout régnait la corruption dans les ministères, les détournements et la débauche personifiée par Raspoutine qui avait ses petites et grandes entrées à la cour et en particulier auprès de l'impératrice que tout un parti et une partie de la cour accusaient de tous les crimes». Odette précise qu'elle n'en croit rien et pense que l'influence de Raspoutine se limitait à sa capacité d'arrêter les hémorragies du jeune Alexis. Chevilly, qui avait refusé de faire sa connaissance, l'avait croisé dans l'escalier d'un restaurant et était resté «désagréablement impressionné par ses yeux et le fluide qui en émanait». Un soir de décembre, au

¹⁸ *Général Maurice Janin*, En mission dans la Russie en guerre, (1916–1917) L'Harmattan, 2015. 17 mars, p. 117.

Théâtre Michel, on chuchote de loge en loge l'incroyable rumeur: Raspoutine a été assassiné. «Tout le monde est très excité, satisfait, mais aussi un peu inquiet. L'émotion est très vive en ville et dans tout le pays».

«Dans le peuple le mécontentement grondait. L'hiver était particulièrement rude, le ravitaillement mauvais, le charbon et le pain se faisaient rares. On voyait de longues files de gens à la porte des boulangeries. Toutes ces misères étaient habilement exploitées par des meneurs, si bien qu'un jour l'orage éclata. Ce fut je crois le 11 ou 12 mars 1917 que la révolution éclata. Ce matin-là papa partit avec Alain au bureau comme à l'ordinaire et nous renvoya l'auto. Au milieu de la matinée Inna et moi descendîmes pour chercher une montre en réparation. Devant la porte le concierge causait avec un petit groupe de gens assez animés racontant que tout allait mal, qu'on venait de mettre le feu à je ne sais quel bâtiment du Liteiny, pas très loin derrière chez nous. Avec Inna on se regarda et on monta en voiture. Nous avons remarqué que les rues étaient anormalement désertes (...) On continua donc jusqu'à la perspective Nevski où tout était aussi mort et silencieux et où, bien entendu, la bijouterie comme ses voisins était fermée. On donna l'ordre au chauffeur de rentrer à la maison. A ce moment-là on voit arriver à fond de train du haut du Nevski une patrouille de cosaques. Montés sur de petits chevaux, avec leurs longues robes, leurs bonnets de fourrure et leurs cartouchières, la lance en avant. A l'angle de la Morskaia on dût s'arrêter quelques instants le temps de laisser passer une autre patrouille...»

Chevilly, au téléphone, est très fâché de cette sortie. Il annonce qu'Alain et lui reviendraient à pied. «Le bureau était fort loin. Ils revinrent en bon état, mais ils avaient entendu des coups de feu en arrivant sur la Fontanka. Ils virent que l'entrée et la sortie des petits ponts étaient gardées par des hommes allongés avec une mitrailleuse devant eux. Que faire, sinon passer, puis qu'il n'y avait pas d'autre issue. Papa força l'allure, pressé de se sortir de ce mauvais pas. Il s'aperçut qu'Alain avait gardé un pas nonchalant et restait en arrière. Il l'attendit et tout bas le secoua vertement. Alain d'un air tranquille lui répondit: «Enfin, papa, nous ne pouvons pas marcher plus vite, ces hommes pourraient croire que nous avons peur».

«L'après-midi, aucun de nous ne sortit et tant qu'il faisait jour nous étions restés dans la chambre d'Inna, regardant par les fenêtres qui donnaient sur le quai les files interminables d'ouvrier venant des usines des faubourgs et traversant la Neva à même la glace comme des fourmis qui envahissaient la ville. Nous étions hypnotisés par ce spectacle d'autant plus impressionnant que c'était un déroulement silencieux. Le téléphone marchait bien et toute la journée nous téléphonions à droite à gauche, chacun échangeait ses pronostics, ses impressions ou ses renseignements. A vrai dire on en avait peu, assez contradictoires et peu encourageant. On comptait sur l'armée. Mais tout de suite, ou presque, une partie de la troupe se mutina, chassa ou assassina ses officiers et fit cause commune avec la révolution. Cependant cer-

tains régiments restèrent fidèles. Tout de suite et les jours suivants des barricades s'élevaient un peu partout et la ville fut sillonnée de camions remplis de soldats débraillés, d'ouvriers, d'agitateurs, voire de femmes qui faisaient le coup de feu. Tous armés jusqu'aux dents avec des soldats couchés sur les marches-pied et les garde-boues, les armes pointées sur les passants, sans parler des nombreuses autos volées instantanément à leurs propriétaires. Vers deux heures du matin on entendit taper à coups redoublés à la porte cochère sur la rue. Tous nous nous habillâmes par prudence. On entendit une grande discussion dans la cour intérieure près du garage. Puis les hommes repartirent. Le chauffeur vint alors nous dire qu'un groupe de gens étaient venus prendre l'auto, mais qu'il leur avait fait remarquer qu'elle appartenait à un officier français et convaincu non sans peine de ne toucher à rien.» L'uniforme français protège les Chevilly contre la colère des foules mais des changements s'opèrent d'heure en heure.

Le Gouvernement provisoire

Odette se remémore avec précision les incidents au lendemain de la chute du régime impérial. Alors que la famille finit de déjeuner, on entend du bruit sur le quai. «Deux camions bourrés d'individus, moitié soldats, moitié tout ce qu'on veut, s'arrêtent devant l'immeuble avec leur habituel harnachement de fusils et de mitrailleuses.» Inna et Odette courent vers la fenêtre. Aussitôt Chevilly les attrape par les épaules et les refoule vers la salle à manger qui n'a pas de baies. Peu après de nombreux coups de fusils sont tirés, mais les balles ricochent sur le mur et n'atteignent pas les vitres. Puis, la porte de la rue s'ouvre et toute la horde se rue dans l'escalier. Chevilly enfle son uniforme. On attend. Les hommes cherchent pour le pendre l'ancien ministre de l'Agriculture, Alexandre Krivochéïne leur voisin de palier. Après quelques tirs et une porte défoncée, ils trouvent son appartement vide et le mettent à sac, en tirant de temps à autre une salve, « pour le plaisir de faire du bruit ». Puis ils frappent des coups à la porte. Chevilly ouvre avant qu'ils n'entrent de force tandis qu'Inna déclare que c'est le logis d'un officier français et personne n'y est caché. Les manifestants saluent la magnifique révolution française et s'excusent du dérangement.

D'autres visites suivent. Seule avec Inna, Odette voit la cour intérieure envahie par un groupe de «tovarich» les bras pleins d'armes et de bouteilles. Puis monte leur chauffeur, très rouge et excité. Il s'installe dans un fauteuil, dans chaque main un pistolet ciselé d'argent avec lequel il gesticule et qu'il leur propose. Evitant de le contrarier ou de refuser ses pistolets et pour ne pas lui donner prétexte à les décharger contre le mur, les deux femmes l'écoutent de la façon la plus naturelle comme s'il était en visite. Le lendemain, il revient s'excuser de «son audace» de la veille, les camarades l'avaient enivré et il ne savait pas d'où venaient les armes. On fait semblant de le croire.

Néanmoins, un calme relatif suit l'abdication de Nicolas II. Un gouvernement dit provisoire s'installe au Palais d'hiver, formé de personnalités libérales qui s'engagent à continuer la guerre et les beaux quartiers attendent que passent les désordres. On se rend à nouveau au théâtre, encore que l'humeur de la salle soit à l'inquiétude. Les insignes impériaux ont disparu en même temps que les beaux uniformes. «Tout semble triste et morne». Au théâtre Michel, les loges réservées à la famille impériale sont occupées par des soldats. Après la représentation, on annonce Kerenski, ministre de la Justice «Plutôt petit, avec un masque de brute il parla assez longuement, il aboya plutôt exactement, contre la guerre en particulier... Les soldats déchaînés descendirent et envahirent la salle puis la scène. Ils installèrent leur idole du jour dans un fauteuil et le descendirent, par-dessus la rampe, jusque dans l'orchestre et dans la salle où il fut à nouveau acclamé tandis que les soldats en chœur chantaient la Marseillaise. Pauvre Marseillaise! ils la mettaient à toute les sauces. Nous en avons assez vu et nous sortîmes. Presque tous les spectacles se terminaient de la même manière...»

A la fin de mars Chevilly part pour quelques jours en Finlande tandis que le 6 avril une foule grosse de plusieurs milliers de manifestants va enterrer au Champ de Mars les victimes de la révolution. C'est aussi la fête de Pâques selon le calendrier julien. Les femmes s'absorbent dans les préparations culinaires, les cadeaux traditionnels d'œufs peints ou précieux et les embrassades de rigueur, entre autres avec le chauffeur «frotté, lustré et calamistré».

Un incident survient lorsqu'Inna traverse une foule en meeting qui s'en prend à sa splendide voiture. Elle s'en tire en assurant que son mari officier français appartient à l'ambassade: les voitures de l'ambassade arborent un fanion français et sont respectées. Chevilly en avait demandé un aux services de l'ambassade, qui, «assez en froid» avec lui, pour être désagréables, ont refusé. «Nous n'aimions déjà guère Paléologue, mais de ce jour on le vomit et du reste, à tous les Français, il donnait par trop l'impression de se soucier d'eux comme d'une guigne. Cependant je ne sais comment, quelques temps après on finit par arborer le fameux fanion à notre voiture.» Les dames prendront le tramway.

Albert Thomas

Les activités de Chevilly subissent même une accélération soudaine avec l'arrivée à Petrograd du ministre des Armements, le socialiste Albert Thomas, le 9 avril. Paléologue et son équipe redoutent que son arrivée, tout comme celle des députés socialistes, Cachin, Moutet et Laffont, par les manières trop populaires qu'ils adoptent dans leurs contacts ne donnent une mauvaise image de la France. Il redoute surtout la réaction des cadres de l'armée, restés conservateurs. Thomas avait été nommé ministre des Armements pour

mettre fin à la crise des munitions. Le gouvernement l'envoie pour déterminer la politique à tenir envers la Russie révolutionnaire, et en premier lieu assurer la poursuite de la guerre selon les conventions de l'alliance¹⁹.

Une mission extraordinaire par l'étendue de son champ et par la personnalité charismatique de Thomas qui conquerra ses auditeurs et triomphera à la Douma. Dépassant largement les problèmes d'armements, il vérifiera la tenue des divers fronts, discutera des buts de guerre et de la conférence internationale réclamée par les socialistes pour négocier la paix. Il supervise aussi l'activité diplomatique. Il a les pleins pouvoirs pour signifier son départ en congé à Paléologue. Il le lui annonce dès le 10. Il suggérera un peu plus tard à Paris de le remplacer par Herriot, sans éveiller d'écho. Paléologue se défendra, mais Paris tranchera et priera l'ambassadeur, suivant la formule, de prendre un congé. «A notre grande joie» s'exclame Odette. Pour son départ, les officiers français lui offrent un grand dîner d'adieu, auquel «papa assista naturellement, quoi qu'il en eût».

Sans tarder Thomas consulte. Il voit le général Janin, qui craint le pacifisme dans l'armée russe, Gravier de la mission des armements, qui confirme, Darcy qui explique le côté industriel du problème et Chevilly avec lequel il vérifie l'état d'esprit dans le public. Selon celui-ci «la Russie veut la paix. Le Soviet veut aussi la paix, seul le Gouvernement provisoire veut la guerre. La politique menée jusque- là a consisté à diminuer les gens qui sont pour la paix au lieu de les convaincre.» Il pense aussi que les socialistes français envoyés pour renforcer la solidarité avec le gouvernement provisoire ont renforcé le rôle du Soviet. «Il préconise donc, au lieu de convaincre les socialistes russes et la masse russe, d'une manière plus générale qu'il faut carrément dire que ceux qui ne veulent pas marcher avec nous sont des traîtres. Il faut parler très haut, bousculer. Le seul moyen de prévenir le danger»²⁰. Thomas et Chevilly s'entendent bien, ils ont un langage direct et le courage d'affronter les difficultés sans tomber dans l'esprit de parti.

Les jours suivants Thomas verra les leaders du Soviet²¹. Pour contrer la propagande pacifiste de Lénine qui vient de rentrer de Zurich, il réfléchit à une contre-propagande. Aux responsables civils et militaires il demande un service de presse qui dépouille les journaux, les fasse traduire et en tire un bulletin quotidien à remettre aux journaux de tous les partis, «directement ou indirectement» pour en tirer des articles ou des suggestions. Verstraete propose la création d'un journal français. Raoul Labry, de l'Institut français est disposé à l'aider, sans enthousiasme. Conscient du pessimisme, Thomas met tous les Français au travail. Il reçoit les ingénieurs mobilisés et les re-

¹⁹ *Albert Thomas Journal de Russie*, Ioannis Sinanoglou éd. in *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 14. n° 1-2. Janvier – juin 1973. Pp. 86-204.

²⁰ *Ibid.* P. 93-95.

²¹ Il a pour adjoint Eugène Petit qui a fréquenté par sa femme, Sofia Balachovskaia, les socialistes-révolutionnaires et les intellectuels antitsaristes.

présentants des sociétés françaises. Il réunit le 23 avril tous les instituteurs, gouvernantes ou professeurs. Ils doivent tous plaider la cause de la France: «un monde assez médiocre» qu'il faudra encadrer, éduquer...»²²

Chevilly a aussi reçu, le 23 avril la visite du colonel Langlois qui l'informe des plans d'offensive sur le front français. La Russie doit de son côté remplir son rôle. Il expose au général Janin, la nouvelle façon dont il va procéder pour contrer le Soviet qui veut imposer au grand quartier général la négociation d'une paix séparée avec l'Allemagne «sans plus se soucier des alliés et des alliances».

Thomas centralise les services et les actions sous la direction de Chevilly. Il note: «Feuilles volantes, agence de presse, contacts avec les journaux russes, propagande par la parole et les affiches. Les thèmes traités sur les feuilles volantes distribuées sur le front russe furent choisis de façon à stimuler la combativité de l'armée. 1/ Discours de Kerenski aux paysans (un million tiré distribué). 2/ Première série de huit feuilles: – Nécessité d'une offensive. Kerenski aux délégués du front sud; – Appel belge – Pourquoi les Anglais font la guerre – Lettre d'un soldat français – Appel serbe. 3/ Seconde série: (Tirage à 500 000 sera terminé le 8 juin) – Théories allemandes sur la guerre – Paix allemande – Y aura-t-il une révolution allemande? – Historique du début de la guerre. 4/ Troisième série: – Si l'Allemagne était victorieuse; – Pourquoi le soldat russe se bat-il?»²³

Le gouvernement français mise sur une république qui sous le signe de la liberté galvanisera les foules pour reprendre l'offensive, une réminiscence du mythe des soldats de An II à Valmy. Les désertions mettent en question la vanité des exhortations qui s'adressent à un pays fourbu. Chevilly craint le pire, il est épuisé et pense que le moment est venu de prendre du repos, comme le lui suggèrent Inna et Odette. Il souffre certainement de l'inanité de ses efforts. Mais il n'est pas question de baisser les bras. Le ministre apprécie Chevilly, ses services et ses idées. Il ne veut surtout pas qu'il s'en aille. Lui de son côté salue le courage et la volonté du ministre. Il le soutiendra d'autant plus qu'un médecin consulté l'a rassuré sur son état général. Il reste donc à son poste alors que «Tout le monde se désolait sentant qu'on se rapprochait de plus en plus d'une paix séparée».

Chevilly continue sans états d'âme. Une grande exposition à l'Alliance française présente des objets fabriqués par des soldats français. La conférence qu'il y organise le 16 mai au soir fait salle comble. Odette relate. Pierre Darcy, aimé et apprécié de toute la colonie française, introduit la séance. Puis Chevilly prononce une allocution extrêmement bien et très émouvante. Russes et Français lui font une ovation qui lui cause, comme à Inna, beaucoup de fierté. Enfin «Albert Thomas parle longuement et remarquablement,

²² Ibid. P. 118–127.

²³ Ibid. P. 136–137.

disant carrément ce qu'il a à dire, pourquoi il est venu en montrant nettement la situation. Là encore, un énorme succès». Tous reprennent courage à entendre ce qu'ils désirent...

L'été 1918

La nouvelle organisation impose à Chevilly de quitter ses bureaux pour se rapprocher de l'ambassade avec laquelle il coopère désormais officiellement. Il loue à la princesse Gagarine un appartement sur la Serguevskaja, près de la Douma, tandis qu'au Quai des Français s'installent les bureaux de la Propagande. Pour ses proches ce n'en est qu'une étape qui les rapproche du retour en France, sans savoir à quelle échéance, mais qui s'impose comme inévitable. Souhaitable aussi, pense Odette. Inna fait ses malles pour les confier au garde-meuble et avec Odette elles portent l'argenterie en dépôt à la Banque d'Etat, la plus sûre. Dans le grand hall de la banque, règne une cohue comme dans une gare avec une longue attente pour les formalités d'enregistrement. La banque sera parmi les premières à être nationalisée, ses coffres fracturés et vidés.

Le mobilier sans intérêt est vendu en peu de jours. Le reste sera envoyé aux Granges. On vend aussi la belle voiture et on prend en location une victoria avec un cheval noir et un cocher. La voiture de Saint-Sauveur (du Creusot), plus belle encore que celle de Chevilly, sera confisquée avant peu. La famille emménage le 27 mai dans un vaste appartement moderne, et ne garde que les femmes de chambre. Pour battre les tapis Inna emploie des tirailleurs arabes, heureux de gagner un peu d'argent. Fait prisonniers par les Allemands en France et expédiés en Turquie. Ils se sont évadés et passés en Russie ils ont été décorés par Thomas.

Si les Chevilly reprennent leurs réceptions du jeudi, c'est désormais en petit comité. Les mondanités ne sont plus de saison, les gens «s'éparpillent». Eux-mêmes hésitent à sortir le soir. Néanmoins s'ajoutent au cercle de nouveaux venus, de l'ambassade, les Laurent, Saint-Denis et Billion «si prétentieux». Pour le quotidien «tout est beaucoup plus difficile. On s'approvisionne à l'état-major en sucre ou en farine. Manque la viande, mais la volaille abonde, si on peut la payer. Le calme est du reste des plus relatifs. On entend des explosions, qu'on pense venir de 'la République de Cronstadt' qui bombarde la ville. Le soir les rues ne sont plus sûres. On crie, on vole, on assassine.» Le 15 juin, six cent marins de Cronstadt sont venus manifester et crier «A bas la guerre» en brandissant leurs drapeaux rouges, sans que le gouvernement réagisse.

A la Propagande on travaille dur. «Papa voulut qu'on sorte un journal édité en français, *Le Journal de Petrograd*. On réussit à mettre au point le premier numéro pour le 8 ou 10 juin, avec des articles écrits par Chevilly, Welter,

Briantchaninoff...» Thomas organise encore une démonstration de solidarité avec le ministre des Affaires étrangères, Milioukov, engagé pour la poursuite de la guerre et très fragilisé par les manifestations. Il réunit dans un grand banquet tous les industriels qu'il a convaincu de participer à l'effort de guerre. Les gouvernements alliés s'y sont associés. Il a ainsi réuni une petite cagnotte qu'il lègue à la Propagande, le banquier saura gérer l'affaire.

Le décompte révèle 200 000 roubles pour la Russo-asiatique et autant pour Schneider (c'est à dire Verstraete et Saint-Sauveur); 100 000 pour la Société russe de munitions (Poutilov) ainsi que la Société Baranowsky et la Société des tabacs; 50 000 chacune pour la Société d'optique, la Société Giraud, la Société Gillet et fils; 67 000 pour le gouvernement français; 133 000 pour les gouvernements anglais et américain²⁴. Ce rapprochement entre alliés et associés souligne leur inquiétude. Le ministre part le 14 juin. Au gouvernement français, il dira sa satisfaction d'avoir mené à bon terme sa mission.

Joseph Noulens

L'été à Petrograd est lourd, étouffant au propre comme au figuré «Le 1er juin une manifestation de la Ligue patriotique défile devant la maison avec de “vrais drapeaux russes”. Il y avait si longtemps qu'on n'en avait pas vus que c'était très réconfortant! Au front russe une première offensive réussit et une seconde quelques jours après. Ce furent deux belles victoires et on annonçait une vingtaine de mille prisonniers...» Le 14 juillet tous les Français assistent à une grande messe solennelle. Le lendemain Chevilly dit à sa fille qu'il a vu le nouvel ambassadeur, Joseph Noulens qui a été très aimable avec lui.

Sitôt arrivé, Noulens se trouve au cœur du chaos Il ne sait pas grand-chose de ce qui se passe en Russie sinon ce qu'en relataient les dépêches assez optimistes de Thomas. Il a été choisi pour son réalisme d'homme d'affaires, attentif aux détails et au coût des options. D'avoir à la Propagande un banquier ne peut que le rassurer. Ils s'entendront très bien. Avant de quitter Paris, il a rencontré les représentants des grandes entreprises qui ont des intérêts en Russie. Il emmène une mission de techniciens de l'armement, d'une trentaine de personnes²⁵.

Il débarque le jour où une grande manifestation organisée par les bolcheviks fait défiler sur le quai des Français des régiments entremêlés de mitrailleurs et d'autos blindées, suivis d'une masse désordonnée de soldats armés. «On en compta 20 000 qui allaient à la Douma réclamer du pain». On

²⁴ Note d'Albert Thomas sur l'organisation de la propagande à Petrograd, mai 1917, (Archives nationales) cité par Ioannis Sinanoglou. Op. cit. P. 279–280.

²⁵ *Noulens, Joseph*. Mon ambassade en Russie soviétique 1917–1919, Le Quai Michel de Maule, 2017. P. 51–55.

se bat dans les rues. Chevilly et Alain veulent se rendre à leur bureau et se trouvent à deux reprises face à des mitrailleurs en action. Ils se réfugient dans une église et s'échappent par une autre porte. Des accrochages ont lieu entre les cosaques et l'armée révolutionnaire. Noulens est sidéré par la situation insurrectionnelle et par l'inertie du Gouvernement provisoire. Ses compatriotes découvrent, comme lui, qu'à Paris il a été très mal informé.

L'offensive lancée par Kerenski, devenu chef du gouvernement a tourné au désastre. Riga tombe aux mains des Allemands. La Finlande s'est proclamée détachée de la Russie. L'Ukraine est en pleine incertitude entre l'occupation allemande, l'afflux des militaires blancs qui s'y réfugient et les autonomistes qui hésitent. A Petrograd, les émeutes obligent le gouvernement à se remanier à nouveau. Noulens ne supporte pas le marasme ambiant et l'irrésolution de Kerenski. Il pense qu'il suffirait d'un peu de poigne pour éliminer les meneurs, comme l'ont fait Pétain et Clemenceau en France²⁶. D'autres le pensent aussi. Tractations et discussions vont bon train pendant ce mois d'août 1917.

Madame Neslukowska décide d'émigrer en France. Les démarches pour obtenir un passeport et un visa prennent beaucoup de temps. Dans les bureaux la cohue et les longues files sont harassantes. Elle partira par Arkhangelsk où accostent les navires alliés. Chevilly n'est pas rentré pour l'accompagner au train. Odette et Inna s'alarment. Dans les premiers jours de septembre il était parti à Kiev. Il reviendra le lendemain en disant qu'il s'est trompé de date.

Des rumeurs de putsch circulent. Beaucoup de Russes pensent qu'il suffirait d'un bon coup de balai pour chasser le Soviet et mettre fin à l'anarchie. En premier Boris Savinkov, l'ancien terroriste SR devenu ardent patriote. Nommé ministre de la Guerre par Kerenski, il est soutenu par les militaires français sur place et à Paris. Des pourparlers sont entrepris par son intermédiaire avec le général très populaire, Lavr Kornilov, stationné à l'ouest de la capitale pour rétablir l'ordre. Kerenski lui a donné le feu vert et à la tête de sa Division sauvage il marche sur Petrograd où on se bat pendant plusieurs jours et voilà, note Odette, que «la marche de Kornilov fut interrompue, ses régiments ayant soudain passé du côté du gouvernement». En fait, Kerenski sans prévenir, le 14 septembre, accuse le général de putsch et l'arrête en s'appuyant sur le Soviet²⁷. «On ne pouvait plus rien y comprendre. La ville était en état de siège depuis deux jours et les arrestations pleuvaient. On apprend que Tchikatcheff était aussi à Kiev...»

La France aurait versé des fonds. Les journaux parlent d'ingérence impérialiste. Les ambassades affirment qu'elles sont restées dans une neutralité expectative tout en tentant une médiation. Les archives évoquent le voyage d'un

²⁶ *Noulens, Joseph*. Op. cit. P. 21.

²⁷ *Ibid.* P. 85.

proche de Kornilov, Zavoïco, directeur à la Russo-Asiatique, reçu à Paris et à Londres. Mais rien n'implique un ancien directeur de la Banque privée²⁸.

Kornilov s'enfuit en Russie méridionale où avec d'autres il reprendra la lutte, à la fois contre l'Allemagne et contre les Rouges. Odette constate: «Profondément dégoûtés de tout ce qui se passait» des amis russes s'engagent comme volontaires. D'autres quittent le pays. L'émigration commence en même temps que la guerre civile. Dans ces circonstances troubles, le 15 septembre Kerenski proclame enfin la République, mettant fin au provisoire. «C'est après cette dernière nouvelle que nous avons dit adieu à la Russie...»

La mise à l'abri

Les Chevilly partent le 18 septembre par Arkhangelsk en compagnie d'une division serbe avec son état-major qui après avoir combattu dans leur pays, ont traversé la Russie pour rejoindre le front de Salonique en passant par la France et Marseille. Durant les quinze jours de voyage, on ne se déshabille qu'à moitié pour être prêts en un instant. L'escadre formée de dix-sept bâtiments passe à cent milles au-dessus du Cap Nord. Pour éviter mines et torpilles elle marche en ordre irrégulier, zigzagant autour du navire principal qui, au centre, avance aussi en zigzags. Au lieu d'aller à Brest, le navire accoste au nord de l'Ecosse. Les Serbes ne veulent pas lâcher les Chevilly, traités avec eux en prioritaires jusqu'à Cherbourg. «C'était le moment de se séparer de l'armée serbe. On se fit de grands adieux avec promesse de se revoir et de s'écrire [...] Les Anglais, très bien d'ailleurs furent très aimables, leur première surprise passée et nous donnèrent cinq nègres superbes pour porter nos valises au train...» L'arrivée à la gare Saint-Lazare, siattendue, n'en reste pas moins abrupte, le passage d'un monde à un autre.

Un retour dans une ville dont on ne sait plus rien et la tête encore pleine de la Russie dont on a partagé la vie et le malheur. Des images qui déchirent le cœur et qui laissent indifférents ceux qui n'ont pas vécu cette tragédie. «C'était bien triste de voir partir en lambeaux la Russie d'autrefois et l'on sentait son avenir si sombre et incertain que cela serrait le cœur. Quand y reviendrions-nous?» Puis tout reprend, les embrassades, les courses. Les malles perdues en gare de Petrograd arrivent grâce au consul qui les fait transporter sur un petit cargo. Une propension naturelle leur fait retrouver à Lyon et à Paris leurs compagnons de voyage serbes. Des amis, autant russes que français réapparaissent. Madame Neslukowska, Ferrand, Landru, les Jouan, les Welter, Matveeff, Brianchaninoff...

Chevilly passe «trois ou quatre jours» au Grand quartier général (GQG) pour voir le général de Castelnau, puis, le 9 novembre il part avec Inna se

²⁸ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. P. 22–23.

reposer à Nice. Elle avait toujours rêvé de la Côte d'Azur. En se promenant à Beaulieu, il achète une villa «très bien», séparée de la mer par un sentier, avec des terrasses et un jardin plein de roses. La villa *Douchka* sera pour Inna un point de chute et une assurance contre les aléas de la politique. Alain s'engage dans l'armée. Odette séjourne encore chez Inna, mais elle vivra seule à Paris. Des amis arrivant de Russie retrouvent Inna dont la villa devient un point de chute. Redevenu libre, François refait ses valises sans s'attarder.

Entre temps, à Saint-Pétersbourg le petit parti bolchevik a chassé le gouvernement provisoire. Le coup d'Etat de Lénine se répercute à Moscou où la résistance est plus sérieuse. Dans les provinces la révolution progresse cahin-caha. En France le GQG s'appuie sur les obligations de l'alliance de revers et se prépare à intervenir en Russie contre l'Allemagne. Le Quai d'Orsay recense le 26 novembre les moyens sur place et dresse une image des missions militaires liées à la poursuite de la guerre, dont la mission du comte de Chevilly, qui doit, avec 17 personnes, créer et diriger la propagande française en Russie.

Réunie à Paris les 22 et 23 décembre la conférence interalliée avec les Anglais, décide d'intervenir. Les représentants à Petrograd devront s'abstenir de toute relation directe avec le gouvernement de Lénine, mais pourront laisser entendre qu'ils seront disposés à le reconnaître et discuter d'une paix juste et durable dès que la Russie aura un gouvernement régulier. On espère ainsi en détacher ceux qui veulent la paix²⁹. Dans la foulée, un accord confie aux deux puissances interventrices la responsabilité d'un secteur particulier. A la France revient la Russie méridionale, en fait l'Ukraine avec son blé et ses industries. A l'Angleterre, le sud-est, avec le Caucase et son pétrole³⁰.

L'intervention

Le 29 décembre 1917, Chevilly retourne en Russie «où à présent régnaient les bolcheviks qui rendaient tout encore plus difficile et dangereux». Il est accompagné de deux militaires. Laporte de la Banque de France voyage avec eux. Qui l'envoie? La Guerre dont il dépend, encore que l'ambassadeur, mal relié aux Affaires étrangères, dépende largement des militaires pour son information et son action. Il sera placé sous sa tutelle. Quelle est l'objet de sa mission? Odette n'en dit rien et les archives restent muettes sur ce point. L'ambassadeur Noulens le dit chargé de la propagande française en Russie. Mais entre-temps, dans son ancien poste, le remplace Robert de Flers, connu dans un genre plus léger.

²⁹ Robien qui commente la décision pense que c'est le désir de paix qui domine et il ne comprend pas les militaires qui pensent possible une reprise de la guerre. Cf. Louis de Robien. Op. cit. P. 197–198.

³⁰ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. P. 42–45.

Des contacts que Chevilly prend à Petrograd nous savons seulement que le 22 février il est allé avec Robien à Tsarskoe Selo où le grand-duc Paul vit en résidence surveillée dans un cottage modeste. Ce francophile de toujours leur reproche d'avoir fait le jeu des bolcheviks en menant campagne pour une reprise de la guerre contre l'Allemagne que les soldats refusent³¹. Chevilly partage ce pessimisme et la suite de ses contacts en témoigne. Il est de tout cœur aux côtés de ceux qui combattent Moscou, mais sans abandonner l'idée d'une reprise des opérations contre l'Allemagne.

La situation évolue de jour en jour. Rapidement les négociations de paix ouvertes à Brest-Litovsk soulignent la position de faiblesse des bolcheviks. Ils sont englués dans une situation très difficile. Dans les pays baltes, l'abandon du front ouvre la porte vers Petrograd dont les Allemands se rapprochent. Ils avancent aussi en Ukraine, le grenier à pain, qui ne reconnaît aucun pouvoir aux bolcheviks. Les Ukrainiens envoient leurs propres négociateurs à Brest-Litovsk, ils préfèrent l'occupation allemande aux bolcheviks. La France continue à agir. A la fin de l'année le général Tabouis, sur place a reconnu l'Ukraine indépendante. Il est rappelé sans délai. Mais la Rada a demandé du secours contre l'Allemagne et a reçu 100 millions de roubles pour sa propagande³². On ne sait par quel moyen.

Le brouillard est total. Le gouvernement de Lénine a déménagé à Moscou. Les membres des missions militaires restées sur place entament des conversations officieuses avec le gouvernement de Lénine qui n'empêchent pas la paix «honteuse» d'être signée le 3 mars à Brest-Litovsk. Les ambassadeurs alliés quittent Petrograd et se retrouvent à Vologda, à mi-chemin entre Moscou et Mourmansk et à des années-lumière de l'actualité. Installés dans un train, ils gèrent sans grands moyens leurs relations avec les bolcheviks et se préparent pour le débarquement allié à Arkhangelsk et Mourmansk, approuvé par le CSG.

Chevilly apparaît à Vologda. Il a pris des contacts sérieux à Moscou³³. Il en rend compte aux diplomates. Le 22 avril il rencontre Robien dans son wagon, qui regrette qu'on n'emploie pas la méthode forte et rapide pour restaurer l'ordre. Tous deux pensent que «les bolcheviks n'en ont plus pour très longtemps. D'ailleurs, pense le diplomate, il n'est pas de folie qu'ils ne fassent et ils semblent prendre à tâche de faire sombrer leur règne dans l'absurdité»³⁴.

Chevilly est encore à Vologda le 14 mai. Il partage l'attente de l'intervention alliée. «L'ambassadeur la réclame tous les jours, tout en se berçant de l'illusion de former un nouveau front contre l'Allemagne. Les Russes d'ordre en ont compris la nécessité: ils acceptent et désirent notre intervention. Tous ceux que Chevilly a rencontrés à Moscou, depuis Krivochéine, son ancien voisin,

³¹ *Robien, Louis de*. Op. cit. P. 272.

³² Archives MAE Russie, vol 165, note du 22/12/17). Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Op. cit. P. 39 et suiv. La reconnaissance bâclée sera démentie et Tabouis rappelé.

³³ *Noulens, Joseph*. Op. cit. P. 249–260.

³⁴ *Robien, Louis de*. Op. cit. P. 290–291.

jusqu'au patriarche Tikhon, sont d'accord sur l'urgence de la réaliser. L'ancien ministre Krivochéïne lui a dit très nettement que si les Alliés ne se décidaient pas, la Russie serait obligée de se tourner vers les Allemands, auxquels la remise en ordre en Finlande et en Ukraine a donné un grand prestige»³⁵.

Le plan allié repose sur un débarquement de troupes britanniques à Mourmansk, qui devraient marcher sur Petrograd. Le 10 juin Noulens part à Moscou, annoncer l'intervention alliée. Chevilly commente: «En mars Noulens avait tout le monde contre lui, y compris la colonie française mais grâce au service de propagande, un retournement s'est produit en avril-mai, regroupant la majorité des forces russes et laissant les Allemands accolés au cadavre bolchevik»³⁶.

A Moscou, Noulens et Grenard ont pris contact avec l'organisation des SR qui prépare un soulèvement le 7 juillet, au nord de Moscou à Yaroslav, Mourom, Rybinsk, soutenus par des troupes britanniques. L'organisation de Savinkov leur paraît la meilleure pour continuer la guerre contre l'Allemagne et faire front aux bolcheviks. D'autres aventuriers de haut vol entrent en action. On trouve Bruce Lockhart, le consul britannique incontrôlé qui inquiète Noulens ou Sidney Reilly, l'espion mythique qui coopère avec eux³⁷. Mais les troupes britanniques ne débarquent que le 2 août et ne manifestent aucune envie de se battre. Quinze jours plus tard les soulèvements sont réprimés dans un massacre horrible.

Les bolcheviks accusent la France d'avoir monté et monnayé l'action. Le lieutenant de Savinkov à Moscou évoque des subsides qui lui ont permis de prendre pied, transmis par un agent secret anglais³⁸. Noulens se défendra dans ses mémoires d'avoir encouragé Savinkov, qui lui fait tout de même bonne impression... Il concède tout au plus d'avoir suivi les phases successives du complot pour en informer Paris. Grenard admittra bien plus tard, qu'il a sur ordre de l'ambassadeur transmis 150 mille roubles aux insurgés, succédant au versement d'une somme plus modique. Pour transférer les sommes, destinées à redresser le lien franco-russe, si on a eu besoin d'un intermédiaire, rien n'indique son nom. Noulens, pour gérer les problèmes bancaires, obtient un attaché financier Clément-Simon, collègue de Chevilly à la Banque privée, qui l'aidera à former sur place un consortium d'entreprises françaises³⁹. Car Chevilly a quitté Vologda au plus vite, après avoir rempli sa mission⁴⁰.

³⁵ *Robien, Louis de*. Op. cit. P. 307–309.

³⁶ Dépêche du 23/8/1918. Cf Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Op. cit. P. 64.

³⁷ *Lockhardt, Robin Bruce*. *Ace of Spies*, New York 1968. *Milton, Gilles*. *Roulette russe*, Noir sur blanc, 2015.

³⁸ *Klement'ev V.F.* *V bolchevitskoy Moskve (1918–1920)*, Moskva, Russkij Put', 1998, P. 120–123 et passim.

³⁹ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. *Les relations franco-soviétiques*. P. 100.

⁴⁰ Noulens et son équipe quitteront Vologda pour Arkhangelsk en septembre. Entre temps il organise un commerce d'export import avec la France, graines de betterave ou lin contre parfums et liqueurs.

Un bilan

Il a aussi visité les Français à Petrograd, en grande détresse. «Ce qu'il trouvait comme ravitaillement, il le repassait les trois quarts du temps aux Français restés sur place, mais sans pouvoir faire plus. Très éprouvé par les privations, à son retour il a maigri de dix-sept kilos. Très fatigué aussi par la tension nerveuse. [...] Constamment il se sentait suivi, épié et on venait pour un oui ou un non le réveiller au milieu de la nuit pour perquisitionner dans sa chambre. Ne sachant jamais s'il prendrait la fantaisie aux gens de l'emmener. A Moscou, tout ce qu'il avait vu ou entendu ne rapportait pas de nouvelles encourageantes. Dieu merci, il est revenu à temps pour lui éviter d'être arrêté comme le fut à ce moment son cher ami Darcy qui mourut d'épuisement six mois plus tard en prison».

A Moscou, Darcy, proche du Comité des Forges, entreprenant et astucieux avait regroupé les petits propriétaires de la colonie et à l'occasion s'était chargé de missions officielles. Avec Saint-Sauveur, Verstraete et Chevilly, ils ont dîné chez Donon, soudés par le danger et par l'espoir de sortir de la tourmente. L'hiver suivant les Chevilly iront au service solennel dit à Saint-Philippe du Roule, dans une église pleine de monde: «C'était un homme exceptionnel et aimé de tous».

Moscou est perdu pour la France. Restent sur place pour jouer les intermédiaires quelques agents, dont Georges Sadoul ou Pierre Pascal qui partagent la foi bolchevique et ont jugé que Darcy méritait son sort⁴¹.

De retour à Paris, Chevilly dresse le bilan de l'été, peu satisfaisant. Il a retrouvé un poste à la Banque privée parisienne, celle de Saint-Pétersbourg n'existe plus et les investissements en Russie figurent au passif. Il a perdu les sommes laissées en 1914 sur son compte russe. Restent des titres et des actions. Ses affaires, pour la plupart, se situent entre l'Oural et l'Ukraine. Avec son optimisme et son savoir-faire il espère encore les récupérer.

Les succès des Blancs sont rassurants et on attend la convergence des armées qui, de Sibérie, d'Estonie et de Russie méridionale, marchent sur Moscou. Tout irait donc pour le mieux si ce n'était le contrecoup en France et en Angleterre de la victoire sur l'Allemagne. Néanmoins, Chevilly reste engagé dans l'action entreprise auprès de l'armée des Volontaires en Russie méridionale. La propagande a encore un rôle à jouer, mais on s'oriente de plus en plus vers des considérations économiques. Un rôle destiné au banquier qui n'hésitera pas à boucler ses valises s'il obtenait le feu vert pour reprendre le chemin de la Russie, du côté de l'Ukraine. En témoignent les instructions qu'il se rédige lui-même, comme c'est l'usage agréé au Quai d'Orsay. Quel

⁴¹ *Coeuré, Sophie, Pascal, Pierre*. La Russie entre christianisme et communisme. Les Editions Noir sur blanc, 2014.

qu'ait été son interlocuteur, la note qu'il lui laisse le 19 novembre suscite assez d'intérêt pour figurer dans deux dossiers différents.

«Si nous voulons nous réserver quelques avantages sur le terrain politique et surtout sur le terrain économique, nous devons être sur place et y travailler activement. Avant tout, il faudrait être fixé sur la situation exacte des pays où nous pouvons agir: Ukraine, Crimée, Donetz, Caucase. Il me semblerait donc utile de se rendre compte de ce qui existe réellement, de prendre un premier contact avec ces pays et de ne décider des modalités de notre action qu'en toute connaissance de cause. C'est peut-être dans ce rôle d'avant-garde que je pourrais être utilisé.

Suivant les circonstances, je serai en mission officielle ou en voyageur privé, chargé d'étudier l'état des affaires françaises dont nous sommes sans nouvelle. Pour faciliter mon enquête, je pourrais emmener trois ou quatre Russes ayant chacun une situation et des intérêts dans les régions à visiter. Je pourrais aussi emmener quelques Français choisis si possible parmi mes anciens collaborateurs que j'installerais dans les principales villes où nous devons reprendre notre œuvre de propagande, c'est-à-dire Odessa, Kief, Kharkov et Tiflis. Ces agents de propagande seraient en même temps mes correspondants pour les renseignements nécessaires. Aussitôt que les consuls seraient réinstallés dans ces villes, mes agents seraient reliés et feraient partie officiellement ou non de leur personnel. Je pourrais, il me semble terminer assez vite cette première et nécessaire enquête et donner au gouvernement des éléments sérieux d'appréciation sur les mesures qu'il aurait à prendre»⁴². Le projet circulera entre les instances hiérarchiques et aboutira à la fin de l'hiver. En attendant, Chevilly n'a qu'une envie, repartir...»

Odessa

Au printemps 1919 Chevilly repart en Russie, cette fois-ci vers Odessa. Dès la réouverture des Dardanelles à la suite de l'armistice, l'armée française d'Orient qui avait combattu dans les Balkans a débarqué à Odessa, apportant son soutien aux Volontaires. En échange d'armes et d'avions, l'armée des Volontaires a passé un contrat promettant des exportations de blé. Paris réclame avec impatience leur livraison : les récoltes portent encore les stigmates de la guerre alors que le retour à la paix oblige le gouvernement à améliorer la situation alimentaire.

D'Odessa au début de l'été Chevilly prend contact avec le représentant militaire chargé des achats de blé. La guerre civile perturbe les récoltes ainsi que le transport et lorsque les Volontaires reculent, les exportations de blé se réduisent encore plus. Chevilly n'a aucune autorité pour se faire entendre

⁴² Archives MAE Russie, vol 379 et 467, 19 novembre 1918.

auprès des Blancs d'autant moins qu'ils ont d'autres problèmes plus urgents que les récoltes, mais il intervient auprès du commandant Villaine, qui n'a rien pu faire malgré toute sa bonne volonté, observe Chevilly. La commission interalliée du ravitaillement lui a imposé un programme sans grand souci de s'assurer s'il était réalisable. Ceci d'autant moins que le Anglais et même les Italiens semblent en bien meilleure position auprès des Volontaires. Il note le fossé entre les promesses de jadis et «notre abandon actuel»⁴³. Une opinion qu'il a pour mission de désamorcer. Car la situation se détériore à vue d'œil.

L'armistice du 11 novembre signé, les troupes françaises de l'armée d'Orient ne veulent plus s'engager et la Marine entend ne pas s'opposer aux sommations des Rouges. Ainsi sont évacués les ports de Kherson et Nikolaev en mars 19 tandis que la chute d'Odessa est prévisible. L'occupation française n'a abouti à aucun résultat, pour les mêmes raisons qui ont entraîné l'évacuation du contingent intervenu en Russie du Nord⁴⁴. Odessa est évacuée le 4 avril. Une tragédie dans l'improvisation.

Chevilly insiste sur les responsabilités du commandement militaire français à Odessa, la non-exécution des engagements pris, l'absence d'approvisionnement et la surprise de voir les vainqueurs des Allemands battus par les bolcheviks. «L'évacuation n'est pas due à la faiblesse des Volontaires... les seuls succès sur les bolcheviks sont à leur actif, pas au notre»⁴⁵. Les rescapés remercient Chevilly qui par «son sang-froid» a pu éviter les scènes de paniques. Débarqués à Constantinople, ils font l'éloge de leur sauveur auprès du commissaire de la République en Orient, Jules Defrance. Leur lettre collective de remerciements les plus élogieux et sincères est transmise au Quai d'Orsay. Ils ont été sensible au caractère très humain de l'envoyé qui partage la douleur des malheureux alors que les structures étatiques n'en sont pas capables.

A Constantinople, Chevilly continue sa mission auprès de Defrance. Les Turcs ne peuvent s'occuper de ces réfugiés sans ressources et le haut-commissaire français souhaite avoir auprès de lui «un fonctionnaire talentueux» pour résoudre les problèmes créés par leur afflux. Chevilly transmet au ministre des Affaires étrangères, Stephen Pichon le certificat d'excellents services que lui ont délivré les Russes. Il ajoute à la main: «J'ai fait de mon mieux pour servir les intérêts de la France bien que rentré dans la vie civile et je reste toujours à la disposition de mon pays et serai toujours heureux s'il m'était donné de me rendre utile et s'il vous paraissait convenable de me confier une mission ou de me demander des renseignements...» Le poste ne sera pas créé. On n'a que faire des réfugiés, même s'ils se prévalent encore de leur fidélité à l'alliance⁴⁶.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ *Noulens, Joseph*. Op. cit. P. 417.

⁴⁵ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 115. Notes du 22/3 et du 6/5 1919.

⁴⁶ Archives MAE, Notes et rapports du Service russe, Z619 11 E, Action en Russie méridionale, documents du 28 mai, 1er juin et 18 juillet 1919. Ainsi que du 30 mai, 13 juin.

Chevilly aide encore ces réfugiés en revenant quelques mois plus tard sur l'île de Halki, aux portes de Constantinople, vérifier si se sont améliorées les conditions de vie spartiates offertes par la Marine. Il demande que soit créée une petite école pour les enfants, qu'on leur distribue du lait ainsi qu'aux vieillards et aux malades, puis du linge et des chaussures pour les plus indigents. Dans ces Russes il reconnaît des semblables... Les réfugiés ne reculent devant aucune hyperbole pour exprimer leur reconnaissance: «Grâce à cet homme remarquable, sa présence d'esprit, son abnégation et son dévouement absolu, des centaines et des milliers de Russes ont pu être évacués et sauvés. M. de Chevilly a agi noblement, dignement, correctement. Grâce à son amitié sincère et bien comprise envers les Russes et la connaissance profonde de notre pays, et des événements qu'y s'y déroulent, il a contribué à préserver l'idée de l'alliance franco-russe bien comprise sous l'assaut de la propagande allemande et bolcheviste. A ces moments pénible, M. de Chevilly représentait pour nous la France, comme pouvait le faire un de ses meilleurs fils...» Hélas, il a dû repartir... Il a aimé la société russe. Il a aidé ses semblables, encore qu'on ne puisse oublier que la propagande a été au cœur de ses missions».

Dans son rapport du 28 mai 1919 aux Affaires étrangères, il fustige l'attitude du général Franchet d'Esperey qui exprime «son opinion sur les Russes avec une franchise brutale et quelques fois mal renseignée» et nomme des incapables à des postes de responsabilité où personne n'en veut. En retour, le Quai d'Orsay apprécie l'action du bureau de propagande «qui a eu le mérite d'agir avec adresse et de ne pas obtenir des résultats opposés à ceux qu'on espérait». Chevilly a pu désamorcer quelques conflits, mais il reste que l'opinion russe en veut à la France.

De Constantinople, il tente de ressusciter le commerce par l'intermédiaire des coopératives russes qui ont fleuri dans l'anarchie ambiante. Au départ Darcy avait imaginé un système pour acheter des matières premières au nez des Allemands sans se compromettre avec les soviets. Il a créé une société de troc, *Tovarobmen*, dont le commerce passe par Constantinople. Pour le faciliter, avec un groupe de propriétaires financiers et d'industriels russes, Chevilly crée la Banque commerciale pour la Russie et le Levant⁴⁷. Il agit en personne privée. Il est l'homme de la situation, en liaison avec les trois mondes auxquels il appartient, ceux des banquiers, des diplomates et des militaires. Le rôle de ces derniers s'efface avec la fin de la guerre civile russe⁴⁸.

Jusqu'en novembre 1920 le gouvernement du général Wrangel résiste encore dans le réduit de la Crimée. L'ancienne armée finit évacuée dans les îles grecques, le Balkans ou la Tunisie et se retrouvera en France, mais Chevilly n'est plus dans l'aventure héroïque. Il est au côté de Noulens, immergé dans le chaos des relations avec la Russie soviétique.

⁴⁷ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 171.

⁴⁸ *Ibid.* P. 155.

Entre deux mondes

Bien que Paris n'ait pas subi de révolution politique, la société vit une profonde transformation. Ses compagnons de jeunesse, Saint-Cyriens ou membres du Jockey Club, ont disparu, tués, gazés, terrés dans leurs provinces. Les caisses de l'Etat sont vides. Chevilly garde pour soi son sens d'une défaite.

Les Russes blancs se réclament encore du titre d'anciens alliés, mais ne rencontrent d'écho qu'au ministère de la Guerre⁴⁹. La France a gagné la guerre et il n'est plus question d'aider ceux qu'on avait poussés à la continuer. Chevilly garde un sens aigu de la faillite humaine dans la tragédie dont il a été un acteur.

Avec l'ancien ambassadeur Noulens il participe en 1921 à la campagne de secours contre la famine en Russie. Le Suédois d'origine russe, Nobel a créé un comité d'aide. Les Américains procèdent par l'ARA. Noulens, en marge, propose une aide au président du Comité russe, Skobelev, mais dans les pourparlers qui s'engagent, il demande que Moscou revienne sur les nationalisations. Dans le contexte tragique du moment, il n'a pas la moindre chance d'aboutir et fait figure d'affameur. L'entrée en Russie est refusée à son délégué. Un échec personnel pour lui et son équipe⁵⁰. Il faut s'adapter, dirait Chevilly, et prendre les soviétiques comme ils sont. Les ignorer ou, avec un peu d'adresse les amadouer. Peu après, à Berlin à Berlin le 5 janvier Chevilly rencontre Skobelev et discute avec lui des dettes en homme d'affaires réaliste.⁵¹

En France, la défense des intérêts en souffrance s'organise. Les porteurs de titres se regroupent dans la Commission pour la défense des intérêts français, présidée par Noulens, tandis que les propriétaires s'organisent en une Ligue nationale. Ils ne croient pas vraiment à une restitution de leur bien et se contenteraient de le recevoir en concession pour le remettre en état de produire. Chevilly travaille en liaison étroite avec Noulens pour éviter que des propriétés françaises ne soient offertes à des concurrents américains, anglais ou allemands. Dans ces négociations il joue un rôle actif qu'il doit à son expérience, à ses connections et à l'argent qu'il a perdu.

Depuis la guerre l'économie est devenue un instrument de politique étrangère. Tel est l'esprit de la réforme au Commerce introduite le 25 août 1919 par Alexis Charmeil, conseiller d'Etat, en charge de la direction de l'Expansion économique qu'il a lui-même créée⁵². Il veut centraliser l'information

⁴⁹ Hogenhuis, *Anne, Hippus, Zinaïda, Savinkov, Boris*. Alexandre Kerenski face à la guerre, in *Revue Russe*, n° 47 2016. P. 105–116.

⁵⁰ DDF 1922 I, document 5 du 2/1/ 1922.

⁵¹ DDF 1922 I, document 119 ; Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Op. cit. P. 208.

⁵² *Badel, Laurence*. Le grand commerce français, 1925–1948. In *Un milieu libéral européen*, Chap. III, Vincennes, Institut de la gestion publique et du développement économique 1999, disponible sur Internet.

et l'action, en particulier pour les pays où il n'y a pas d'ambassade. Ce qui est le cas de la Russie. Sous sa tutelle Chevilly obtient la création de l'Office commercial pour la Russie et les pays limitrophes, ce dernier rajout destiné à rassurer les parties de l'empire devenues indépendantes par où transitent beaucoup d'échanges en rupture des règles officielles. Le commerce est un lien naturel entre la Russie soviétique, qui a besoin d'importer du matériel, et la France, qui veut en exporter et acheter du blé ou du pétrole. L'Office centralise les offres et les demandes, encore qu'une grande partie des opérations échappe à l'administration. Il suit aussi les négociations en cours pour des concessions d'entreprises. On ne reconnaît certes pas le gouvernement soviétique, mais il y a toujours moyen de contourner la règle. En ce sens, le poste d'attaché commercial permet de procéder à des échanges discrets. Il sera l'antichambre officieuse où s'enclenchent des contacts facilités par la NEP⁵³.

A la Chambre, des députés demandent à la fin de mars 1921 la reprise des relations commerciales avec la Russie. Sans tarder les «hirondelles qui annoncent le printemps» affluent vers la Russie soviétique, à leurs propres risques et périls, leur dit-on. Chevilly organise des réunions à l'Office commercial où les voyageurs présentent les résultats de leurs incursions, même s'il doute que leur enthousiasme soit spontané... Le mouvement est donné.

Le pétrole volé

Cette vision correspond au dessein d'Aristide Briand, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères. Au début 1922, il a convoqué une grande conférence européenne pour reconstruire l'Europe en recréant les échanges d'avant-guerre. Celle-ci se réunira sous la présidence de Raymond Poincaré, dont l'opposition au projet augure mal de la suite. Elle se réunit en avril à Gênes pour subir un échec retentissant lorsque Rathenau et Tchitcherine signent à Rapallo un accord où ils renoncent aux dettes et prétentions respectives.

Pendant les mois précédents, de multiples rumeurs ont circulé sur les activités de Chevilly. Il a tenté un rapprochement avec les Hollandais qui ont beaucoup investi dans les titres de chemins de fer russes, mais qui redoutent d'être noyés dans les revendications françaises. Il s'est rendu à Berlin, qui grouille de soviétiques. Il négocie avec les coopératives soi-disant indépendantes qui sont passées sous le contrôle de Skobelev. Par l'intermédiaire de la firme commerciale *Arcos*, dont il est le président, il les représente à Londres et par extension à Paris. Skobelev demande au Commerce des vi-

⁵³ *Hogenhuis, Anne*. French Plans for the Reconstruction of Russia : A History and Evaluation, in Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922, Carol Fink et alli. Cambridge University Press, 1991.

sas et des entrepôts pour stoker ses produits : œufs, fourrures, soies, charbon, laine à carder, lin, tout ce qu'il peut vendre. Et surtout, le pétrole qui donne l'impulsion à la reprise de conversations avec l'URSS.

On se retrouve en août, pour en discuter à La Haye, capitale de l'or noir. Chevilly n'y participe pas comme délégué, mais il suit de près les négociations. Car à Paris, si on affirme qu'on respecte le droit des propriétaires anciens, on adopte une attitude plus souple sur les achats. En effet, la Marine se ravitaille en pétrole caucasien. Consulté, Chevilly admet que les commerçants français doivent être libres de s'approvisionner à leurs risques et périls. Il le souligne quelques jours plus tard en démissionnant de la Ligue des intérêts français en Russie qui proteste contre l'achat de « pétrole volé ». Il suggère, d'accord avec le directeur des Pétroles, de créer une commission qui formulerait la politique française en matière de pétrole afin d'échapper aux grands trusts anglo-saxons, d'autant plus qu'il est très difficile de prouver la provenance d'une cargaison de pétrole⁵⁴.

Chevilly a posé des jalons. Le principe d'une reprise économique avec l'URSS est admis au Quai d'Orsay avec l'accord du Commerce, des associations de propriétaires et de porteurs de titres. On y étudie l'expérience des divers pays qui ont envoyé des représentants à Moscou⁵⁵. Des contacts sont pris de toute part. On s'interroge sur le voyage à Moscou d'Edouard Herriot, avec lequel Chevilly avait eu de bonnes relations en 1914. En vue des élections qui se préparent pour le printemps 1924, le maire de Lyon promet dans son programme la reconnaissance du régime soviétique.

La négociation

Toutefois, Poincaré, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères, pris dans le contexte difficile de l'occupation de la Ruhr temporise. Il ne veut pas que le Commerce prenne l'idée en main, la prérogative lui appartient. Ce sont les banques qui prennent l'initiative. Pour s'engager dans des affaires russes elles ont demandé des garanties du gouvernement français contre le risque de saisies, un engagement auquel Poincaré ne peut souscrire tant qu'un règlement définitif n'est pas en vue. C'est alors que le 16 octobre 1923, François-Marsal, ministre des Finances, ex-administrateur de la BUP et de la Banque Privée, fait obtenir des visas d'entrée au directeur de la Gosbank, Aron Scheinemann qui vient régler le problème des transferts de fonds, accompagné par Matvei Skobelev et Alexandre Lekitch⁵⁶.

⁵⁴ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 243–244. Documents diplomatiques français (DDF) 1922 II, document 234 du 20/10/1923.

⁵⁵ DDF 1922 II, document du 2/10/1922.

⁵⁶ *Sur Lekitch, voir V.A. Chichkine, Sovetskoe gosudarstvo i strany zapada, 1917–1923*. Leningrad, 1983.

L'accélération est soudaine. Le 26 octobre Skobelev tente d'être reçu aux Affaires étrangères par Grenard du Bureau russe, qui se dérobe, car on ne lui reconnaît aucune légitimité. Le 15 novembre, un intermédiaire, Jules de Cuverville, qui négocie pour introduire en Russie le système métrique, relate que Lekitch, arrivé en France pour y commander des poids et mesures, attend pour conclure que les questions pendantes entre les deux pays soient résolues. Il serait muni de pleins pouvoirs et s'apprêterait à proposer la réunion d'une conférence pour régler les problèmes et échanger des représentants entre les deux capitales.

Le lendemain, Chevilly vient demander au directeur des Affaires politiques, Emmanuel de Peretti, s'il peut rencontrer Lekitch qui souhaite que se développent les relations commerciales avec la Russie et affirme que la France pourrait y prendre une place importante. «Mais oui, répond Peretti, on voudrait bien des relations économiques, même politiques avec le peuple russe», mais comment faire tant qu'il y a des Soviétiques qui ne reconnaissent ni le droit de propriété ni la dette envers la France?⁵⁷

Ce sont là les principes affirmés par Poincaré. Fait-il confiance à Chevilly? Le sous-directeur des Affaires commerciales du Quai d'Orsay, Jacques Seydoux, lui rédige la note de renseignements suivante: «M. de Chevilly, attaché commercial pour la Russie. Ses fonctions devraient être renouvelées prochainement (mai 1924). Elles le seront. Il est parent de M. Charmeil au Commerce et le Commerce a l'air satisfait de lui. Les Affaires étrangères n'ont pas d'objection à faire». Mais quelques lignes de commentaire suivent, barrées par le destinataire: «Seydoux a dit qu'il s'occupait d'affaires et entre autres d'affaires de pétrole et Seydoux n'a pas confiance». Averti, Poincaré, accorde néanmoins sa confiance à Chevilly⁵⁸.

Lekitch n'a qu'un visa de 15 jours. Chevilly obtient qu'il soit prolongé et lui-même se démet de sa fonction d'attaché commercial pour dialoguer sans qualité officielle. Un pari risqué, il opérera sans filet. Espère-t-il en retour un poste? Certainement. Néanmoins, le service de son pays passe sans aucun doute en premier. Il s'engage dans une négociation suivie au plus haut niveau. Il y aura quatre entretiens dont à chaque fois il rendra compte et prendra ses instructions chez Peretti⁵⁹. Les rencontres auront lieu dans un appartement privé, surveillé par la police qui s'inquiète.

Le 2 décembre Lekitch entame la discussion sur le statut de la représentation commerciale en France. Le 5, il entre dans le vif du sujet. Il a un mandat pour négocier au niveau gouvernemental. Le moment est favorable pour la France, dit-il, car d'ici quelques semaines interviendra un traité avec un autre pays. Il pense possible de s'entendre sur tous les points sans excep-

⁵⁷ DDF 1923 II, document 338 du 16/11.

⁵⁸ DDF 1923 II, document 361 du 26/11/23.

⁵⁹ Ibid. Document 385 du 2/12, 399 du 5/12, 409 du 10/12, 425 du 13/12, 429 du 16/12, 446 du 20/12 et 466 du 27/12.

tion en dressant deux tableaux parallèles des propositions. Du côté soviétique, il envisage une déclaration de non-agression envers les voisins polonais et roumains, alliés à la France, et envers la France, un engagement de non propagande. Une extinction des dettes de guerre par les dommages conséquents à l'intervention militaire. Pour les biens nationalisés, des compensations ou des remises en possession ainsi qu'une indemnisation par Moscou pour les porteurs de fonds. Suivraient un accord commercial et un échange de missions restreintes en attendant la reconnaissance officielle. Une personnalité ayant la confiance de son gouvernement s'installera à Moscou pour régler les problèmes pendants... Ceci réglé, il ira Londres prendre des instructions.

Poincaré donne l'instruction de poursuivre, tout en marquant des limites de principe. Il « ignore » le gouvernement soviétique qui veut être reconnu. « Nous ne demandons rien: il faut que le gouvernement soviétique fasse des offres ». « La reconnaissance ne peut faire l'objet d'une négociation. C'est un acte spontané, suivant une offre spontanée, du gouvernement soviétique, de conditions qui sembleraient suffisantes au gouvernement français. Il n'y a lieu d'envisager ni négociateurs officieux ni officiels ni mission ». Chevilly expose à Peretti les inconvénients de cette méthode: « Vous souhaitez qu'ils fassent une proposition unilatérale qui ait l'apparence d'une reculade ou d'un abandon de principe, sans compensation, ce qui est toujours gênant pour des gens à l'amour propre sensible... Une conversation préalable qui flattait leur amour-propre nous permettait plus facilement d'heureuses compensations. Je comprends parfaitement que c'est cette compensation d'amour-propre que vous tenez à ne pas leur donner... » Il reprend néanmoins les sessions, même si Lekitch lui déclare qu'il est entré en contact avec des sénateurs et des députés et que ces conversations parallèles sont tout aussi importantes que les leurs.

Poincaré semble satisfait, trouvant suffisantes les ouvertures faites. Il suggère que Lekitch prenne contact avec Moscou et transmette les propositions qu'il sait pouvoir être agréées à Paris. Le seul risque qu'il court est qu'on ne lui répondra pas si à Moscou on ne s'en tient pas aux idées qu'il a exprimées au premier contact. Lekitch part donc consulter ses supérieurs. Noulens soutient l'ouverture en transmettant à Poincaré une résolution de la Commission générale pour l'envoi d'une mission commerciale à Moscou.

Soudain, c'est la consternation. Le 26 décembre, le substitut du tribunal de la Seine a ordonné la saisie d'un lot de ballots de soie importés que son propriétaire spolié déclare volés par les Soviets. Poincaré avait pourtant au début de décembre écrit au ministre du Commerce qu'en se fondant sur le précédent dit du pétrole volé, il était difficile de fournir une preuve incontestable de propriété, ce qui donnait une sérieuse garantie aux acheteurs. De son côté le Quai d'Orsay avait averti le Garde des Sceaux des conséquences du réquisitoire du procureur de la République. En vain. Les Affaires

étrangères essaient de rattraper l'affaire. Benes intervient. *Le Temps*, journal officieux, reproduit les propositions soviétiques, mais Lekitch a été rappelé. Il ne veut plus rien transmettre à Moscou étant donnée l'humeur qui y règne et les mauvais procédés du gouvernement français!⁶⁰

Chevilly a-t-il joué le rôle d'appât pour permettre à Poincaré de se déjuger après avoir pratiqué une ouverture apparente? Poincaré avait misé sur la pression et il a échoué. Aux élections du 11 mai 1924 il est battu. C'est à Herriot devenu président du Conseil que revient le soin de négocier une reprise des relations qui aboutira à la reconnaissance par les télégrammes du 28 et 29 octobre 1924.

La fin de son rôle diplomatique pour Chevilly. Ses fonctions ne sont pas renouvelées. Dans la compétition pour les nouveaux postes créés à Moscou, les politiques seront privilégiés. Le bureau russe où officiait Grenard est supprimé. Aucun des collègues et amis de Chevilly ne figure dans les nouvelles nominations. L'esprit des temps nouveaux ne veut plus des anciens. Les problèmes litigieux sont renvoyés à des commissions. Chevilly y siège avec Noulens et les propriétaires spoliés, sombrant dans d'interminables évaluations qui n'aboutiront pas de son vivant⁶¹.

Epilogue

La vie s'est passée, avec des hauts et des bas, trop portée par ses coups de cœur pour que Chevilly ait envie de s'appesantir sur ce qui fut bon ou ne le fut pas. On le verra encore siéger dans les commissions, à Paris ou Genève. En mai 1935, il a 65 ans. Sa santé «si longtemps superbe» décline. Il décède le 11 mai. A ses obsèques, l'église de la Trinité déborde de monde. Il est inhumé à Humilly et quelques jours plus tard, selon son désir, un dernier office est célébré à la cathédrale russe de Paris, rue Daru. S'y retrouvent les rescapés de l'épopée russe. «Un service magnifique et la cathédrale pleine de monde».

Le portrait de son père tracé par Odette se terminait par un hommage posthume: «Il eut à la fin de sa vie la satisfaction de voir sa persévérance couronnée de succès, mais les revers et les difficultés qu'il eût au début et à la fin de son existence ne l'abattaient pas. Il tenait bon avec un cran formidable. Il avait toujours eu une santé magnifique, et même lorsqu'elle

⁶⁰ *Hogenhuis-Seliverstoff, Anne*. Op. cit. P. 253–254.

⁶¹ *Bonin, Hubert*. L'épargne française exposée au risque russe dans les années 1900–1920, Cahiers du GREThA n°2010-05. P. 9–12. Une école d'historiens a discrédité les investissements et les emprunts russes, accusant les promoteurs d'avoir réalisé d'énormes profits aux dépens des épargnants. Pourtant, d'après les chiffres sur l'ensemble de la période, les retombées pour les rentiers furent réelles. Banquiers et experts ont joint leurs compétences pour des projets dont les Français ont bien profité.

s'altéra il ne s'abandonna jamais. Il était d'un naturel conciliant, cherchant par-dessus tout la paix et la tranquillité, ne s'emballant jamais, sachant discuter calmement avec ses interlocuteurs si leurs vues ne correspondaient pas aux siennes. Il était croyant et pratiquant sans exagération, plein d'indulgence envers tous. Enfin il aimait son pays et le prouva en reprenant du service dans l'armée puis en accomplissant avec succès les diverses missions qui lui furent confiées car il avait aussi les qualités d'un diplomate».

Il emporte avec lui les secrets de ses vies successives, aventurier à la découverte du monde, banquier doublé d'un entrepreneur hardi et agent officiel ou officieux au service de son pays. Il est resté fidèle aux trois pôles qui ont orienté sa vie: Humilly, Paris et la Russie.

РУССКИЕ СОЛДАТЫ В АЛЖИРЕ (1918–1920). ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

М.К. Чиняков

Во время Первой мировой войны в связи с тяжелым положением на западноевропейском театре военных действий (ТВД) в конце 1915 г. Франция обратилась с просьбой к Российской империи выделить войска для оказания помощи в борьбе против общего врага — держав Центрального союза. В силу специальных соглашений и договоренностей, заключенных между французским и императорским правительствами, в феврале 1916 г. — октябре 1917 г. Россия направила во Францию (и на Балканы) пять бригад (1-я, 2-я, 3-я и 4-я Особые пехотные и 2-я Особая артиллерийская бригады) и один батальон (2-й Особый инженерный батальон). После окончания Первой мировой войны все они стали называться «Русский экспедиционный корпус» общей численностью свыше 50 тыс. солдат и офицеров.

Во Францию были отправлены 1-я и 3-я Особые пехотные бригады, сведенные в июне 1917 г. в 1-ю Особую пехотную дивизию, и на Балканы — 2-я и 4-я Особые пехотные, 2-я Особая артиллерийская бригады и 2-й Особый инженерный батальон, сведенные в том же месяце во 2-ю Особую пехотную дивизию.

Обе «французские» бригады приняли достойное участие в боях против германцев с июня 1916 г. по апрель 1917 г. Однако последствия Февральской революции и большие потери, понесенные в апреле 1917 г. в ходе неудачного наступления, получившего имя главнокомандующего французскими армиями генерала Р.-Ж. Нивеля — «наступление Нивеля» (или «бойня Нивеля») — привели бригады, находившиеся с июня—июля того же года в военном лагере Ля-Куртин, к военному мятежу (Куртинскому кризису), характеризовавшемуся резким падением дисциплины и боевого духа.

В течение четырех дней (16–19 сентября того же года) мятеж среди куртинцев был подавлен силами оставшихся верными командованию войсками, размещенными в военном лагере Курно (курновцами), но французское и Временное правительства не знали, что делать с русскими воинскими контингентами во Франции (16–18 тыс. чел.). 5 ноября орган Временного правительства — «Междуведомственный Комитет по заграничному снабжению» — вынес решение об отказе в возвращении в Россию бригад 1-й дивизии и возможности их использования во Франции, если не на фронте, то в качестве рабочей силы.

16 ноября на основании этого решения председатель Совета министров и военный министр Франции Ж. Клемансо издал постановление № 27576 I/II о разделении русских воинских контингентов на три категории (так называемый триаж, то есть отборка, сортировка): желавших сражаться вместе с союзниками (Русский легион), добровольцев-рабочих и тех, кто не желал ни сражаться, ни работать и подлежал ссылке на принудительные работы в Северную Африку¹. Для управления русскими контингентами на территории Франции в декабре 1917 г. была создана Русская база, размещавшаяся в г. Лаваль.

На Балканах русские войска также поддержали славу русского оружия, но общественно-политические процессы, переживаемые Россией в 1917 г., докатились и до них. В январе—феврале 1918 г. система «триажа» была введена и среди частей 2-й Особой пехотной дивизии, но 3-ю категорию командование дислоцировавшейся на Балканах Союзной Восточной армии (СВА) разделило на две части: самые «дурные элементы» этой категории были отправлены в Алжир, бóльшая же часть осталась на Балканах в распоряжении французов, греков и англичан. Здесь на Балканском ТВД была создана другая Русская база, в Салониках.

Впервые о пребывании русских солдат 1-й и 2-й Особых дивизий 3-й категории «триажа» в Северной Африке упомянуто (не считая газетных публикаций) в изданном в 1919 г. сборнике «Русские солдаты во Франции»². О солдатах 3-й категории обеих дивизий в Африке рассказывали только разноплановые работы, освещавшие в той или иной степени историю русских войск во Франции и на Балканах, поскольку никакого обобщающего труда на эту тему в советский период так и не было создано. Даже крупнейший отечественный арабист в монографии по истории Алжира в XX в. не посвятил пребыванию нескольких тысяч русских солдат ни строчки³. Не совсем понятно отсутствие интереса к этой теме в советское время (с политической точки зрения), ибо как не по данному вопросу можно было бы показать классовую жестокость французской буржуазии по отношению к солдатам, то есть простым рабочим и крестьянам из России. Возможно, слабый интерес к данной проблематике находился в прямой взаимосвязи с советско-французскими политическими отношениями. Иными сло-

¹ О 1-й категории см.: *Чиняков М.К.* Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны (декабрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.) / Россия и Франция. XVIII—XX вв. Вып. 11. М., 2014. С. 167—186. О 2-й категории см.: *Он же.* Русские рабочие отряды во Франции (1917—1919). Из истории Русского экспедиционного корпуса // Там же. Вып. 12. М., 2017. С. 152—175.

² Русские солдаты во Франции. М., 1919. С. 10—13.

³ *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. М., 1999. См. также: *Шведов А.А., Подцероб А.Б.* Советско-алжирские отношения. М., 1986.

вами, в СССР, вероятно, не хотели лишний раз вспоминать неприятные моменты, способные омрачить сложившиеся в 1960-е гг. хорошие отношения между Москвой и Парижем.

И лишь в постсоветский период появился интерес к истории пребывания русских солдат в 1917–1920-е гг. на территории Северной Африки, точнее, Алжира. Первым отечественным ученым, вплотную занявшимся исследованием этой проблематики, стал известный африканист, доктор исторических наук А.Б. Летнев (1929–2013). Из иностранных исследователей, изучавших данный вопрос, большой интерес к теме проявил французский ученый Р. Адан, посвятивший 3-й категории русских войск в Алжире солидный раздел монографии, вводя в научный оборот материалы французских отчетов военно-полевой цензуры⁴. Работы Летнева и Адана внесли серьезный вклад в изучение данной тематики и заложили прочный фундамент для дальнейших исследований.

На сегодняшний день отечественные историки вынуждены оперировать немногими источниками. К опубликованным можно отнести воспоминания, как изданные в СССР (вероятно, подвергшиеся цензурной правке), так и в современной России. Здесь следует выделить воспоминания солдат 1-й Особой дивизии (А.П. Власов, М. Егерев, П.Ф. Карев, Д.У. Лисовенко) и 2-й Особой дивизии (В.И. Иванов и В.Н. Новиков). Особняком стоят воспоминания солдата 1-й Особой пехотной бригады Д.А. Попова, опубликованные в обработке писателя М.А. Ардашева⁵, ибо не совсем понятно, во-первых, насколько Ардашев следовал оригиналу (по смыслу, а не в рамках литературного стиля); во-вторых, существует ли оригинал воспоминаний, и если «да», то в каком архиве он хранится. Здесь же можно отметить и публикацию комплекса очень интересных документов, посвященных пребыванию русских войск и во Франции, и на Балканах⁶ (в рамках вышеуказанной тематики).

К неопубликованным источникам следует отнести, во-первых, служебную документацию; во-вторых, неизданные воспоминания, храня-

⁴ *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея (Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте) / Африка глазами современников и историков. М., 1998. С. 129–185; *Он же.* Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 128–136; *Adam R.* Travail, luttres et conscience révolutionnaire des soldats-travailleurs russes en France. 1918–1920. Annexes. Université des Science Sociales Grenoble II. Grenoble, 1989. См. также: *Болтаевский А.А.* Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁵ *Власов А.П.* Незабываемые переживания (Воспоминания рядового солдата). Владимир, 2014; *Егерев М.* Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–97; *Карев П.Ф.* Нас не укротили. Иваново, 1937; *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины. М., 1960; *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: воспоминания русского солдата о пребывании во французских лагерях. М.; Л., 1929; *Ардашев М.А.* Куртинцы // Фронт без окопов. Б. м., 1966. С. 54–102.

⁶ «Мы пережили здесь свою революцию...» // Источник. 2000. № 1. С. 20–41.

щиеся в отечественных государственных и частных архивах. К последней категории (неизданные воспоминания) следует отнести воспоминания солдат обеих дивизий И.А. Астрова, В.И. Иванова, Г.Д. Обичкина (будущего директора Института марксизма-ленинизма) и хранящихся у Н.Р. Малиновской, дочери министра обороны СССР маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского мемуаров солдата 2-го Особого пехотного полка А.Д. Носова⁷. К сожалению, вне внимания отечественных исследователей остается находящийся во французских архивах (прежде всего в Военно-историческом архиве в Венсенне) крупнейший массив письменных источников, включая служебную и частную переписку французских должностных лиц по данной тематике.

В данной статье все даты указываются по новому стилю.

* * *

Вопрос об отправке непокорных солдат 3-й категории 1-й дивизии «трияжа» именно в Африку Париж решил достаточно быстро. Уже 30 ноября 1917 г., спустя две недели после постановления Совета министров Франции о провозглашении системы «трияжа» (16 ноября), Клемансо сообщил главнокомандующему Североафриканской армией генералу Ш.-Э. Муанье (с декабря 1917 г. его сменил генерал Нивель) о скорой отправке на работы в Северную Африку русских солдат в качестве работников «принудительного труда, за которыми следует надзирать»⁸. (Существовали проекты об отправке солдат и в Тунис.)

Время прибытия из Франции первых эшелонов записавшихся в 3-ю категорию, точно неизвестно, но можно предположить три самые первые и крупные отправки солдат из Франции в алжирские порты [Оран, Бон (совр. Аннаба)]: 13 декабря (прибыли 19), 19 декабря (прибыли 24) и 20 декабря (прибыли 25).

Прибытие первой партии солдат 2-й Особой пехотной дивизии с Балкан (через Бизерту) на территорию Алжира можно отнести на середину или конец февраля 1918 г., ибо по данным главнокомандующего СВА к африканским берегам отправились четыре эшелона с солдатами, вышедшие из Салоник с 1 по 9 февраля (время прибытия неизвестно).

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 1–8 (И.А. Астров); Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 71 (с 2017 г. ф. 802). Оп. 44 (с 2017 г. оп. 1). Д. 2 (с 2017 г. д. 83). Л. 1–136 (В.И. Иванов); Там же. Д. 6 (с 2017 г. д. 84). Л. 62–114 (Г.Д. Обичкин); *Носов А.Д.* Записи песен, трансформированных солдатами Особого лагеря Ля Куртин под свое настроение, записанные рядовым 3 батальона 2 особого пехотного полка 1 бригады Афанасием Демьяновичем Носовым. Л. 1–138. Рукопись. (Архив Н.Р. Малиновской).

⁸ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 27, 28.

В дальнейшем (в течение 1918 г.) французы отправляли в Алжир группы солдат разной численности, общее количество которых можно приблизительно оценить в две-три сотни человек.

Таким образом, основной массив солдат был доставлен в Алжир двумя партиями в течение декабря 1917 г. — февраля 1918 г.

Можно выделить две причины, по которым солдаты оказались в 3-й категории: либо на добровольной основе (то есть осознанно, как, например, Иванов, Обичкин), либо в качестве наказания (то есть по принуждению, как Карев или Попов). С другой стороны, мотивация первой категории представляет широкое поле для исследования. Здесь можно указать несколько факторов, в частности неприятие русскими солдатами французского командования или существовавших исторических условий. Например, генерал Лохвицкий видел причину записи в 3-ю категорию среди курновцев в том, что среди них «явилось желание пострадать за правду»¹. Часть мемуаристов (Астров, Егеров, Иванов, Носов) не акцентировали внимание на причинах своего решения записаться в 3-ю категорию.

Основываясь на косвенных данных, можно высказать предположение, что солдаты в большинстве оказались обыкновенными жертвами не столько левой (сугубо антивоенной?) агитации, не мучениками во имя высоких идей, как их обычно изображали, а заложниками собственной ошибочной убежденности, ибо, судя по всему, они могли полагать, что записавшиеся в первые две категории будут отправлены в Россию позже.

Согласно предписанию премьер-министра и военного министра от 6 мая 1918 г. русские войска в Алжире «во всех отношениях» подчинялись главнокомандующему Североафриканской армии². При штабе армии было создано Русское бюро, осуществлявшее контроль над всеми солдатами 3-й категории (в Африке). Отделения Русского бюро действовали в каждом из трех департаментов: в Алжирском, Оранском и Константинском.

В Русском бюро в Алжире (как центральном учреждении) работали специалисты, владевшие русским языком (40 офицеров и сержантов французской службы), однако квалифицированных переводчиков постоянно не хватало: их насчитывалось не более пятнадцати человек. Поскольку они собирали информацию, обеспечивали выполнение приказов французского командования, докладывали о настроениях депортированных, доверием солдат они не пользовались³.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 15234. Оп. 1. Д. 87. Л. 25. См. также: *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 13.

² РГВИА. Ф. 15235. Оп. 1. Д. 4. Л. 100.

³ *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 142; *Adam R.* Travail, luttes et conscience révolutionnaire... P. 71.

Полномочия Русской базы в Лавале были сильно ограничены на территории Алжира, и она не играла там никакой серьезной роли, хотя по министерскому постановлению от 24 декабря 1917 г. именно Русская база должна была осуществлять управление всеми русскими воинскими контингентами на территории Франции. С Лавалем шла только переписка о французском персонале, переводчиках и о выплачиваемом им Парижем денежным содержанием. Контроль за русскими войсками осуществлялся из г. Алжир. На практике неоднократно возникали проблемы между Лавалем, Парижем, штабом Североафриканской армии и Русским бюро (в г. Алжир) по вопросам разграничения полномочий административного, интендантского и финансового характера⁴. Противоречия в работе привели к созданию в сентябре 1918 г. в г. Алжир единой «Вспомогательной базы» (*франц.* «Base Annexe Divisionnaire»), призванной координировать решения штаба Нивеля и Русского бюро, но по-прежнему без строгого подчинения Русской базе в Лавале.

Непосредственно солдатами командовали русские офицеры (обер-офицеры и несколько штаб-офицеров), из которых, судя по всему, в 3-ю категорию записалось из 2-й дивизии (из 1-й дивизии записываться в 3-ю категорию запрещалось) ничтожное количество. Однако после перехода русских войск под французское командование все русские офицеры оказались на французской службе, и Париж отправил часть их, по представлениям начальников обеих дивизий (разумеется, в разный временной промежуток), в Алжир, из расчета 2–3 офицера на некую условную роту (200–300 чел.). Не располагая авторитетом среди подчиненных и не желая продолжать службу в 3-й категории, а также в силу нежелания подчиняться французским офицерам и, возможно, из-за несогласия с их действиями, русские офицеры старались оставить Алжир. Многие подавали рапорты с просьбой об отправке на фронт, но их просьбы проходили тщательную проверку на благонадежность и боевые качества; в случае отправки на ТВД их старались заменять новыми офицерами, остававшимися без применения (преимущественно из 2-й дивизии). Тем не менее, по данным Адана, количество офицеров русской службы в Алжире с середины 1918 г. постоянно сокращалось: летом 1918 г. их насчитывалось не более 50 человек; в феврале 1919 г. — 31; весной 1919 г. — пара десятков; в июне того же года в Алжирском департаменте остался только один офицер на 3 тыс. русских солдат.

Условия жизни и особенности проживания офицеров в Алжире остаются неизвестными. В силу малого влияния на солдат со стороны русских офицеров Нивель ставил французских, но их катастрофически не хватало. Унтер-офицерский состав «африканцев» состоял, как

⁴ Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 40–41, 320–323.

правило, из русских при минимальном участии французских военнослужащих⁵.

Таким образом, судя по всему, управление русским воинским контингентом в Алжире формально выполнялось русскими же офицерами, но фактически руководство 3-й категорией осуществлялось через французские органы власти г. Алжир (Русское бюро, Вспомогательная база, штаб Североафриканской армии), подчинявшихся (формально) напрямую Парижу (Военному министерству).

Точную численность 3-й категории «трияжа» (как и численность остальных двух категорий) определить трудно, прежде всего из-за того, что солдаты приблизительно до середины 1918 г. имели право переходить из одной категории в другую (не говоря уже о принудительном зачислении в 3-ю категорию).

По официальным французским сводкам, в январе–феврале 1918 г. (то есть без 3-й категории 2-й дивизии) в Алжире находились от 3261 чел. до 4,5 тыс. солдат: в абсолютном большинстве – куртинцы, остальные курновцы⁶. Однако не все куртинцы записались в 3-ю категорию; о причинах решения которых можно только догадываться (либо что-то осознали, либо в чем-то разочаровались, либо чего-то испугались).

По итогам «трияжа» 2-й дивизии в 3-ю категорию записались, по данным главнокомандующего СВА, приблизительно 23–24 июня, 11649 чел., из которых 46 офицеров и 4462 солдата были отправлены в Африку⁷.

Таким образом, общее количество «африканцев» из двух дивизий можно определить в 9–9,5 тыс. человек⁸ (не считая прибытия солдат в позднейший период и незначительную отправку «африканцев» на территорию метрополии).

30 ноября 1917 г. Клемансо сообщил главнокомандующему Североафриканской армией Муанье: «в случае необходимости, работникам можно поручить общественно полезную работу или работу на военных объектах»⁹.

⁵ *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 72.

⁶ *Lecoite F. Les brigades Russes en Macédonie et la Légion Russe. 1915–1920.* Université Paul Valéry. Montpellier III. 1997. P. 244; «Мы пережили здесь...». С. 30; *Летнев А.Б. Алжирская одиссея.* С. 137; *Данилов Ю.Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг.* Париж, 1933. С. 214, 218; *Adam R. Histoire des soldats Russes,* p. 125, 163, 199–200. См. также: РГВИА. Ф. 15223. Оп. 2. Д. 5. Л. 181.

⁷ *Les Armées françaises dans la Grande Guerre.* Т. 8. Vol. 2. Annexes. Vol. 4. Paris, 1929. P. 575; *Lecoite F.* Op. cit. P. 193; *Летнев А.Б. Алжирская одиссея.* С. 137.

⁸ *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 51; *Данилов Ю.Н.* Указ. соч. С. 218; *Лисовенко Д.У.* Указ. соч. С. 266; *Болтаевский А.А.* Указ. соч. С. 138, 141.

⁹ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 26–27.

5 февраля следующего года Клемансо подробно сообщил преемнику Муанье генералу Нивелю об использовании солдат на работах на железных дорогах, в сельском хозяйстве, на шахтах, где особенно ощущался недостаток рабочих рук, и добавил: «Шахты смогут получать выгоду, выплачивая за работу премию, *значительно меньшую зарплаты, которая выдается их рабочим* [выделено мной. — М. Ч.]»¹⁰.

Солдаты 3-й категории в Алжире были разделены на 17 отрядов (неравномерной численности), находившихся во всех трех департаментах: в Константинском — девять (или шесть), в Алжирском — семь (или восемь) и в Оранском — один (или три). Работали командами неопределенной численности — от нескольких человек до нескольких сотен (в редких случаях — еще больше) в зависимости от поставленных задач. Генерал Нивель справедливо высказывал серьезные опасения о невозможности поддерживать порядок во всех отрядах, но ничего не мог поделать (хотя в дальнейшем опасения Нивеля не подтвердились).

Виды работ и условия труда, разумеется, были разными. В среднем солдаты работали на одном месте по несколько месяцев (или даже меньше), затем их перебрасывали на другую плантацию, ферму, шахту. По мнению современного французского исследователя Адана, солдат часто переводили на новое место, во-первых, во избежание появления среди них устойчивых связей, могущих превратиться в массовое недовольство; во-вторых, из-за опасений налаживания связей солдат-бунтовщиков с местным «эксплуатируемым» населением; в-третьих, в связи с отсутствием сезонных работ, как правило, в зимний период¹¹. Продолжительность рабочего дня зависела от потребностей работодателя и от сезона: так, куртинец Носов вспоминал о 24-дневном перерыве в работе, вызванном ливневыми дождями.

Франкоалжирцы («черноногие», как называли алжирские арабы) с полной отдачей использовали внезапно оказавшуюся в их распоряжении дешевую рабочую силу. Тысячи солдат работали по 12–15 часов в день на плантациях у французских, а также у давно обосновавшихся в Алжире испанских и итальянских колонистов. Один из солдат в августе 1918 г. так прямо и сказал: «Французы думают, что русские могут заменить им лошадей и грузовые автомобили!»¹² Хозяева опасались, как бы Париж не вмешался и не заставил их повысить работникам-нефранцузам заработную плату. Когда в марте 1919 г. из Парижа в Алжир поступило распоряжение о сокращении рабочего дня на два часа для солдат, занятых на фермах и виноградниках, французские земельные магнаты отреагировали немедленно: 14 апреля того же года

¹⁰ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 31–32.

¹¹ *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 53–54.

¹² Цит. по: *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 58.

Аграрный союз г. Бон направил в Париж телеграмму протеста, так как эта мера послужит дурным примером для туземных рабочих, то есть может привести в целом к опасным последствиям для сельскохозяйственного производства¹³. (Хотя, судя по всему, к мнению Аграрного союза в Париже вряд ли прислушались.)

Сфера деятельности солдат 3-й категории была достаточно широка: из 17 групп девять использовались на сельскохозяйственных работах, пять — в железнодорожных мастерских и две — на прокладке железной дороги. В Константиновском департаменте они занимались прокладкой шоссе и железных дорог; в частности, на железной дороге Сук-Ахрас — Тебесса весной 1918 г. трудилась тысяча «африканцев». В Алжирском департаменте солдаты прокладывали шоссе, сооружали плотины, занимались земляными работами (в частности, распахивали целинные земли), работали на местных заводах и алюминиевых шахтах в Берруагиа; в округе Айн-Сефра (Оранский департамент) — на добыче каменного угля в Кенадсе.

Очень тяжело приходилось на виноградниках. Солдаты окапывали виноградные кусты, обрезали, подвязывали ветки, опрыскивали, убирали урожай, работая по 12 часов в сутки. В мае 1918 г. некий солдат сообщил: «Работаю у одного здешнего буржуа. Всего нас тут 148 человек. Трудимся на виноградниках. Рабочий день — 10 часов. (...) Часто болит голова. Работаю через силу. И все время грозят наказать. Попали мы в Богом забытую страну»¹⁴.

Особый интерес, раскрывающий работу «африканцев» в Алжире, представляют неопубликованные воспоминания четырех очевидцев: Астрова, Иванова, Носова и Обичкина. Мемуаристы сменили по несколько мест работы, на основе чего можно составить некое впечатление об особенностях работы (и проживания) депортированных. Трое из четырех (Иванов, Носов, Обичкин) работали на виноградниках. Астров упомянул о своей работе только в ротной канцелярии (другие солдаты, по его словам, работали на объектах сельского хозяйства и в сапожных и пошивочных мастерских; кто-то работал у маляра); Носов рассказывал только о работе на винограднике; Иванов и Обичкин работали дополнительно на каменоломне. Кроме того, Обичкину довелось трудиться и в канцелярии, и могильщиком, и сторожем, и на прокладке дорог, а Иванову — копать артезианские колодцы. Оба жили и работали в Константиновском департаменте, в частности, около Бона и Дюзервилля (совр. эль-Хаджар); Астров — в Оранском (например, около селения Серсу), Носов — в Алжирском (в Афревилле, совр. Хемис-Милиана).

¹³ *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 153.

¹⁴ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 149.

Таким образом, условия работ в непривычном для выходцев из России климате были непривычными и тяжелыми, но из десятка мемуаристов только один (Карев вместе с друзьями) ушел в Русский легион (по прибытию во Францию они бежали в Россию через Швейцарию).

Необходимость создания некоей особой дисциплинарной части для нарушавших здешние порядки солдат 3-й категории в Алжире французское военное руководство осознало к началу января 1918 г. Дисциплинарное формирование в виде батальона (иногда его называли взводом) оформилось в апреле того же года в крепости Мерс-эль-Кебир, где французы сосредоточили основную массу арестованных: до июля 1920 г. там ежемесячно содержалось 250–400 чел.

В начале 1919 г. французы сформировали дополнительно два дисциплинарных взвода: в селении Джельфа (220 км южнее г. Алжир, Алжирский департамент), где в феврале 1919 г. содержались свыше 100 солдат, и в созданном не ранее весны 1919 г. селении Тольга (20 км юго-западнее г. Бискра, Константинский департамент), где содержались от 60 до 80 чел.¹⁵ В дисциплинарные части солдат отправляли по распоряжению и воле местных ответственных лиц из французских офицеров.

Арестованные трудились в основном на каменоломнях или изготавливали плетеные коврики. Условия жизни были нестерпимыми. Так, 30 октября 1918 г. командующий Русской базой в Лавале генерал Ж.-М.-Ж.-А. Брюлар, опираясь на личные беседы с очевидцами, произнес характерную фразу о заключенных в Мерс-эль-Кебуре: «Они получают только самый минимум для жизни, о котором говорят медики»¹⁶. В одном из писем (дошло ли письмо до адресата?) отбывавший наказание в Мерс-эль-Кебуре в августе 1918 г. сообщал родителям: «Дорогие папа и мама! (...) Еще заставляли таскать камни, а мы отказались, тогда нас загнали в этот штрафной [дисциплинарный. — М.Ч.] батальон. (...) Некоторые просто подыхали с голода, едва на ногах держались, так их привязывали к лошади и пускали ее во весь опор. Один не выдержал и умер, бедняга. Здесь, в штрафном батальоне, мы страдаем уже 38 дней. Держат на хлебе и воде»¹⁷.

В ежемесячном отчете военной цензуры за август 1918 г. говорилось: «Письма русских солдат подтверждают, естественно [в тексте стоит слово «sic», то есть внимание читателя обращалось на слово «естественно». — М.Ч.], существование в условиях дисциплинарного батальона как нестерпимое. Окруженные бескрайними морскими просторами, изнывая под невыносимо палящим солнцем на физически тяжелой работе, под присмотром вооруженных хлыстами

¹⁵ Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 87.

¹⁶ Цит. по: Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 88.

¹⁷ Цит. по: Летнев А.Б. Алжирская одиссея. С. 150. См. также: Егоров М. Указ. соч. С. 93; Лисовенко Д.У. Указ. соч. С. 276–277.

надсмотрщиков, и в редких случаях проводя свободное время в беседах, они ведут настоящую жизнь раба, у которого физические страдания немногим уступают скуке и ностальгии по родной земле»¹⁸. Многочисленные очевидцы вспоминали об отвратительном питании. В частности, Новиков во время пребывания в Мерс-эль-Кебир свидетельствовал: «Не выдержал и с жадностью набросился на валявшиеся в углу кости. Я глодал оставшиеся на костях кусочки мяса, не замечая, что они были с червями»¹⁹.

С другой стороны, тот же Новиков свидетельствовал и о противоположном: несмотря на тяжелое положение с денежным содержанием, двое заключенных из Мерс-эль-Кебир могли позволить себе «выписать пару белья» (за что были отправлены в одиночный карцер на 45 суток каждый)²⁰.

Точная дата роспуска дисциплинарных частей отсутствует, но можно уверенно отнести ее к весне 1920 г., когда Париж с осени 1919 г. уже начал отправлять русских солдат из Алжира в Россию.

Для солдат 3-й категории (в Алжире) устанавливалось ежедневное жалованье (базовое) в 25 сантимов, достигая с разными выплатами общей суммы около 2 франков. Для сравнения: в приказе № 33 по Русским войскам во Франции от 22 октября 1917 г. русское командование объявляло о возможности устройства солдат-добровольцев на «вольные работы» во Франции не менее чем за 3 франка в день²¹. По распоряжению военного министра от 3 мая 1918 г. № 9857-SL/II ежедневное денежное содержание с доплатами каждому солдату-«африканцу» могло составлять в среднем 4–5 франков²². Некоторые хозяева устанавливали собственные добавки за сверхурочную работу или перевыполнение плана.

Но сколько солдаты получали в действительности? О размере заработка мемуаристы упоминали редко, если говорили вообще. Иванов вспоминал, что ему и товарищам его рабочего отряда управляющий давал в месяц «немного денег» на покупку табака и сигарет. Обичкин только один раз упомянул о своем жалованье: за одну отрытую могилу в каменистой почве, то есть за один день работ, он получал 2–3 франка²³. Астров неопределенно сказал, что солдаты получали 6 франков 75 сантимов²⁴, но за какой период, непонятно. В одном из писем не-

¹⁸ Цит. по: *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 88.

¹⁹ *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 19.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ РГВИА. Ф. 15223. Оп. 2. Д. 5. Л. 48; там же. Ф. 15304. Оп. 3. Д. 2. Л. 52.

²² РГВИА. Ф. 15304. Оп. 2. Д. 44. Л. 64.

²³ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 88; там же. Д. 84. Л. 109.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 8. См. также: *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 17–18.

известного солдата говорилось: «Знаешь ли ты, сколько Франция, эта культурная страна, платит своим союзникам за настоящий каторжный труд? Это невероятно: полтора франка за 9 часов труда! Вот что такое Свобода, Равенство и Братство»²⁵.

В начале 1918 г. Носов утверждал: «Иногда вечерами торговали между собою, некоторые патрули заходили к нам на ярмарку, продавали часы, за которые платили 40 франков – летели 9–10 франков, продавали белье, меняли сапоги», но с марта 1919 г. (то есть после прекращения боевых действий), как вспоминал Носов, каторжанам-«африканцам» стали выдавать ежедневное жалование по 75 сантимов²⁶.

Объем денежного содержания офицеров русской службы должен был соответствовать денежному содержанию офицера французской службы в той же местности, на той же должности и того же чина.

Несмотря на разные обстоятельства получения денег, вряд ли подавляющее большинство солдат 3-й категории могло иметь стабильный и достойный заработок. Если даже ежедневный размер жалования составлял 4–5 франков, неизвестно, сколько солдату доставалось на руки, ибо французы могли вычитать из заработка расходы на проживание, обеспечение некоторыми видами довольствия, например, за обувь или одежду (форму), не говоря уже о штрафах. Вместе с тем автору известен поставленный солдатами в 1920 г. достаточно внушительный памятник (умершим однополчанам в 1918–1920 гг.) в Сук-Ахрасе (Константинский департамент), вряд ли при финансовой поддержке французов.

Об условиях проживания мемуаристы рассказывали скупо. Обичкина вместе с десятками земляков однажды разместили в конюшне, где в первую неделю от малярии и дизентерии умерли семь человек. Только тогда хозяин перевел работников в другое место, где было получше. Астров утверждал, что они жили вчетвером в доме у содержателя шорной мастерской и спали на полу. Об ужасных условиях проживания (как правило, первого периода пребывания в Алжире) свидетельствовали Власов, Карев, Попов. Обичкин, например, вспоминал: «Поселились в конюшне. Жара, вонь, блохи. Рядом – лошади... Духота днем и ночью»²⁷. Некоторые мемуаристы (Иванов, Носов) ничего не говорят об условиях жизни.

Судя по всему, улучшение условий проживания (и не только) могло происходить только в результате забастовок.

Ежедневный паек (официально объявленный) солдатам 3-й категории в Алжире, вероятно, соответствовал (по крайней мере, вряд

²⁵ Цит. по: *Adam R. Travail, luttés et conscience révolutionnaire...* P. 130.

²⁶ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 124, 128.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 102.

ли он был больше) нормам 3-й категории на Балканах: хлеб 650 гр., мясо 350 гр. или консервов 300 гр., сушеных овощей 60 гр., или зелени 450 гр., сахару 32 гр., чаю 5 гр., соли 20 гр., «вегеталину» (маргарин) 25 гр.²⁸

В реальности паек радовал солдат не часто. Так, солдат 2-го полка Носов оставил подробные воспоминания об особенностях питания: «Нас стали кормить плохо: хлеба выдавали приблизительно один фунт со осьмью» [«один фунт со осьмью» составлял 1,7 фунта или почти 700 гр. — *М. Ч.*]. (...) 18 февраля [1918 г. — *М. Ч.*] вместо 600 граммов хлеба выдали 500 граммов и так было мало пищи, а теперь еще стало меньше. Тогда Василий Егорович с одним товарищем стали думать, как бы улучшить пищу: хотели древесной рези — не выходит дело, тогда они решили вываренное кофе, которое высыпали на землю. Пробовали раза три подбавлять в суп, но нет — ее не проглотить. Потом оставили — решили лучше страдать голодными»²⁹. С другой стороны, Носов свидетельствовал о возможности для солдат посещать пункты общественного питания (правда, описываемый эпизод относится к послевоенному периоду): летом 1919 г. «нам пришлось завернуть в этот прекрасный ресторан и провести несколько времени с товарищами. (...) У нас же, здесь — заброшенных на далекой чужбине, как будто лежали камни на сердцах, а от этого тяжкого и грустного взора пришлось зайти в кофейную и “размочить” свое закаменелое сердце, проклятым и одушевляющим алкоголем»³⁰. О возможности солдат посещать кофейни и скромные рестораны свидетельствовал и Астров.

Питание во многом зависело от субъективных условий, в частности от отношения к солдатам их хозяев. Тот же Носов вспоминал о пребывании на одной ферме: «Наш хозяин был очень хороший человек и имел большое сознание — каждый нерабочий день давал вина, хлеба, добавок сигарет на 2-х человек пакет [пачка сигарет? — *М. Ч.*]. В честь отправки солдат на родину (сентябрь 1919 г.) Носов с товарищами получили от хозяина деньги, «несколько петухов в честь нашей отправки и по две бутылки вина на каждого человека»³¹.

По праздникам французы могли выдавать русским солдатам дополнительное питание. Так, в честь православной Пасхи 1918 г. (5 мая) солдатам выдали: «на 2-х человек 1 банка мясных консервов, на 3 человека 1 банка сардин, по 2 яичка, по 15 винных ягод [виноград или ту-

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Р-6194. Оп. 1. Д. 1. Л. 17. См. также: *Lecoine F.* *Op. cit.* Р. 200; ГАРФ. Ф. Р-6194. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

²⁹ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 123. См. также: *Карев П.Ф.* Указ. соч. С. 109; *Власов А.П.* Указ. соч. С. 114–115.

³⁰ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 124–125, 131. См. также: РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 105–106.

³¹ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 125, 133.

товник. — М. Ч.], по чашке вина, 50 сантимов деньгами — так пришлось проводить 3-ю Пасху за границей»³², но в дальнейшем православные праздники солдатам приходилось отмечать за собственный счет.

Таким образом, количество и качество питания, скорее всего, зависело от отношения к ним в той или иной местности и от финансовых возможностей солдат.

6 декабря 1917 г. главнокомандующий Североафриканской армией генерал Муанье предупредил военного министра Клемансо: «из-за отсутствия в Алжире врачей и особенно врачей, говорящих по-русски, прошу вас, чтобы эти войска сопровождали их врачи». На следующий день Клемансо ответил: «Их будет сопровождать французский врач, говорящий по-русски, и русские врачи, если на это согласится русское командование»³³.

Судя по воспоминаниям Иванова, Носова и Обичкина, медицинский уход за солдатами в Алжире находился на низком уровне. Больше всего солдаты страдали и умирали от малярии, пневмонии, бронхиального гриппа, дизентерии и поразившего весь мир испанского гриппа («испанки»). Например, Иванова, тяжело заболевшего малярией, французский врач велел отнести в палатку для умирающих, и выжил солдат лишь чудом: его выходил один пожилой араб. Другие мемуаристы ничего не рассказали о медико-санитарной стороне их тогдашней жизни.

Особенно тяжелая ситуация предсказуемо складывалась вдали от крупных населенных пунктов и от гарнизонов. Большинство рабочих рот вообще не имели ни врачей, ни фельдшеров. Сказывалось и отсутствие языкового понимания. Чаще всего ответ французских эскулапов в обращении с пациентами исчерпывался лаконичным и ритуальным: «Бон, карашо!», после чего они быстро уходили.

Некоторые врачи откровенно говорили, что для лечения русских солдат достаточно ветеринаров. Солдаты вспоминали: «Здесьшний военный врач хорошо говорит по-русски, только какой он врач? По-моему, он просто инквизитор, вроде тех, которые были когда-то в Испании»³⁴. Носов вспоминал: «Обращения с нашими больными очень зверские: если кто заболел, то ему делают “облегченье” — дают 20 кг в мешок камня и сажают за проволоку». Тем не менее Носов свидетельствовал, что некоторых больных могли доставлять в госпиталь в г. Алжир»³⁵.

Таким образом, квалифицированную медицинскую помощь солдатам получить было весьма затруднительно и, вероятно, только в самых серьезных случаях.

³² Носов А.Д. Указ. соч. С. 121, 124.

³³ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 27, 28.

³⁴ Цит. по: Летнев А.Б. Алжирская одиссея. С. 149. См. также: Власов А.П. Указ. соч. С. 112.

³⁵ Носов А.Д. Указ. соч. С. 122–123, 124, 128.

О неудовлетворительном морально-психологическом состоянии русских солдат в Алжире свидетельствовал сам Ж. Клемансо, глава правительства и военный министр Франции, который 7 декабря 1917 г. отмечал: «Умонастроение очень плохое. Комсостав русских унтер-офицеров не имеет никакого авторитета»³⁶.

Два месяца спустя (6 февраля 1918 г.) генерал-губернатор Алжира Ш. Жоннар писал Клемансо о русских «африканцах»: «Они утверждают, что находятся в крепостной зависимости, голодают, их кормят как “свиной” (sic) [так в тексте. — М.Ч.], бьют, они афишируют чувство ненависти к французам, которое с каждым днем усугубляется; они отказываются работать. Что самое опасное, так это то, что многие из них говорят по-арабски и обращают в свою веру [то есть приучают к левым и/или антивоенным идеям. — М.Ч.] мусульманские круги. Они даже, говорят, встречают эмиссаров-большевиков, желающих спровоцировать какие-то волнения в Алжире.

Мне пишут: “Это пламенеющий соломенный факел в доме из фосфора”. Предположим, что эта оценка чрезмерная, тем не менее очевидно, что если какие-то волнения разразятся в Алжире, и если эти люди раздобудут оружие, то они будут представлять силу, превосходящую ту, которая сможет им противостоять»³⁷.

Из писем можно было увидеть разный настрой солдат. Так, некая безысходность явно звучала, например, в письме солдата Смердова из Медеи домой, в Вятскую губернию (6 апреля 1918 г.): «Мы пленники в Африке. Пища отвратительная, и мы сидим на голодном пайке. Нам не дают ни табака, ни мыла. Наши союзники-французы ведут нас на работу силой, под конвоем кавалеристов, пехотинцев и под дулами пулеметов. Я не знаю, когда нас освободят от наших вчерашних проклятых товарищей по оружию». Не менее мрачный тон звучит в письме солдата Лобанова из Афревилля товарищу в Лагуат: «Жизнь течет бесславная. С небес не падает на нас манна небесная, — у нас только суп из чистой водицы да немного хлеба. Мы подохнем и умрем с тоски в этой проклятой Франции!..»³⁸

Впрочем, некоторые из «африканцев» относились к своему положению с юмором: «Мы здесь, конечно, в полной безопасности. Выкрасть нас нет ну никакой возможности: сидим за такой красивой решёткой!» Некий изгнанник не без сарказма сообщал адресату: «Погрузили нас в трюм парохода... и высадили в Африке. Здесь за нами здорово присматривают... Одним словом, вольные граждане в свободной стране!»³⁹.

³⁶ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 28.

³⁷ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 32.

³⁸ Цит. по: *Deroo E., Gorokhoff G. Héros et mutins: Les soldats russes sur le sol français. 1916–1918. Paris, 2010. P. 139.*

³⁹ Цит. по: *Летнев А.Б. Алжирская одиссея. С. 148.*

Некоторые письма выдержаны в раздумчиво-меланхолической манере: «Живём в зыбучих песках. Только ветер свистит в дюнах. Здесь страдает горстка без вины виноватых русских героев. Светлые, радостные дни — не для них. Никто их не жалеет — все их здесь ненавидят. А кругом угрюмая пустыня» (апрель 1918 г.)⁴⁰.

Одновременно французы пытались предпринять ряд мер для успокоения умов и отвлечения солдат от борьбы против хозяев. Так, французы проводили среди «африканцев» ряд мер информационного характера, утверждая свободу как совокупность прав и обязанностей, без чего общество не способно существовать, а также пытались разъяснить тяжкую долю Франции, которая, обладая немногочисленным по сравнению с Россией населением, выносит на себе непомерную тяжесть войны, и поэтому главная цель русских солдат должна заключаться в помощи Франции как на фронте, так и в тылу для скорейшей победы над общим врагом. Однако пропаганда вряд ли имела заметный положительный результат. *Во-первых*, превратившись в одночасье из воинов (пусть даже недисциплинированных) в каторжан, отправленных в «теплую Сибирь», то есть в Африку, солдаты 3-й категории расценивали свое положение как истинное рабство и несправедливое наказание. Так, один солдат весьма остроумно заметил: «Франция обожает превращать беззащитных людей в рабов»⁴¹. *Во-вторых*, отсутствие системы пропаганды в силу рассредоточенности солдат по Алжиру.

Таким образом, морально-психологическое состояние солдат в целом оставалось напряженным и безрадостным.

Очевидный гнет вызывал естественную протестную реакцию у солдат. Методы их борьбы были разнообразными: от проявления простого недовольства до организации крупных забастовок, как правило, вспыхивавших спонтанно, и на короткий срок.

В качестве наказания французы часто практиковали уменьшенный рацион. Полное лишение или частичная выдача еды стали излюбленным орудием в руках французских начальников в борьбе с непокорными.

В целом рапорты французского начальства свидетельствовали о постоянном недовольстве солдат, выступавших, как правило, за сокращение рабочего дня, увеличение нормы питания и размеров жалования, против работ в выходные дни и т.д.⁴² Судя по ежемесячным отчетам цензуры, недовольство, проявляемое в письмах, с конца 1918 г. постоянно возрастало, создавая опасную угрозу в виде проявлений недисциплинированности, забастовок и полного отказа от работ.

⁴⁰ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 149.

⁴¹ Цит. по: *Adam R.* Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 130.

⁴² *Adam R.* Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 137.

Причины этого, безусловно, были связаны с окончанием войны и резко возросшим желанием русских солдат вернуться на родину.

Французы с тревогой отмечали распространение неизвестно кем и где напечатанных листовок (по их мнению, анархистского характера) и налаживание контактов солдат с подозрительными для французских властей гражданскими лицами. В апреле 1919 г., например, французы откровенно заговорили о необходимости замены работников-«африканцев» на работников-африканцев. Вместе с тем отмечалась неготовность солдат к организации каких-либо массовых волнений, что объяснялось разобщенностью их рабочих отрядов.

В июле 1919 г. «африканцы» пытались обратиться (безуспешно) с воззванием к «французскому народу»: «Граждане французы! Знаете ли вы, что мы не бунтовщики? Мы люди, испытывающие невероятные душевные и сердечные страдания. (...) Мы здесь превратились в белых рабов капитализма, вынужденных работать на дармовщинку. (...) Нас плохо кормят, мы получаем гроши, нас часто избивают, но куда идти и кому жаловаться?! Над нами ежедневно издеваются, морят голодом, заставляют таскать на себе мешки с камнями. (...) И никто во Франции не знает о наших мучениях!»⁴³

Почти все очевидцы единодушно рассказывали о жестоком обращении с ними французов. Так, настоящую строгость французских властей Иванов познал на себе после попытки празднования 1 мая 1919 г., отказавшись, в числе других, выйти на работы. В качестве наказания капитан жандармерии заставил бунтовщиков снять ботинки и оставил их в овраге с ядовитыми змеями (к счастью, никто из солдат не погиб)⁴⁴. Новиков рассказывал, как за отказ работать на ферме троих солдат посадили в одиночку на 15 суток⁴⁵. А Обичкин попал под арест не за отказ от работы на хозяина-итальянца, а за инициированную переводчиком драку (см. ниже). Некоторые свидетели (Астров, Носов, Карев, Попов) умалчивают о подобных наказаниях, делая акцент в своих воспоминаниях лишь на тяжелые условия работ.

Интересное и редкое (среди всех «африканцев») мнение высказал Астров. Описывая жестокости французов по приезду в Алжир, он неожиданно записал: «По мере того, как налаживалась жизнь на новом месте, солдаты сжились, освоились, никакой опасности не представляли, режим был смягчен [вероятно, автор хотел сказать: поскольку солдаты не представляли опасности для французов, им смягчили режим пребывания. — М. Ч.]. Солдаты пользовались свободой выхода из базы в поселок до определенного [установленного. — М. Ч.] времени.

⁴³ Цит. по: *Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire...* P. 158–159.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 105–108.

⁴⁵ *Новиков В.Н.* Указ. соч. С. 21.

В поселке имелись кофейные, небольшой ресторан мсье Терно, куда вход тоже был разрешен. (...) Но за малейшее нарушение порядка и провинность строго наказывали, сажали в будку, принуждали дробить на дороге камень»⁴⁶.

Таким образом, с самого начала их прибытия на африканскую землю русские солдаты пытались отстаивать свои права. Их борьба резко обострилась после окончания войны. Но отсутствие яркого лидера среди солдатской массы, к тому же, разобщенной по разным районам Алжира, помогло французам поддержать порядок в Алжире.

* * *

Редкое свободное от тяжелой работы время солдаты проводили достаточно однообразно. Обичкин вспоминал: «Больше всего, конечно, говорили о Родине, вспоминали разные случаи из жизни на родной земле, о родных — женах и детях, мечтали, как они приедут домой. Иногда пели песни — русские, украинские. (...) В выходные дни, если были деньги, мы шли в г. Бон, в 7 километрах от нас. Единственным развлечением в городе для нас была выпивка. Очень редко бывали в кино»⁴⁷. Очень остроумно написал один безывестный солдат: «Мы имеем счастье прогуливаться по городу — с метлой в руках»⁴⁸.

И все же, досуг можно было разнообразить. Носов вспоминал о проведенном 18 апреля 1919 г. «от большой скуки и худой невыносимой жизни» «небольшой спектакль, а после спектакля спели марсельезу, похоронный марш и с тем разошлись на покой»⁴⁹.

В отличие от солдат 1-й и 2-й категорий «трияжа», солдаты 3-й категории в Алжире не имели права на отпуск. Как правило, они не могли даже выходить за пределы своего местопребывания. Но насколько строго выполнялось последнее распоряжение, остается неизвестным, ибо для контроля за передвижением солдат 3-й категории требовалась сильная охрана, которая, как правило, отсутствовала (особенно там, где солдатам приходилось работать небольшими командами).

По данным Адана французы в целях поднятия общего настроения «африканцев» и одновременно пытаясь отвлечь их от борьбы против хозяев, поощряли посещение солдатами кинотеатров, библиотек, пение русских народных песен⁵⁰. Однако эти меры могли оказаться эффективными только в крупных местах сосредоточения солдат, но даже и они, разумеется, не дали положительного политического эффекта французским властям.

⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 3.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 102–103, 105–106.

⁴⁸ Цит. по: *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 76.

⁴⁹ *Носов А.Д.* Указ. соч. С. 128, 131.

⁵⁰ *Adam R. Travail, luttes et conscience révolutionnaire...* P. 124–127.

Таким образом, формы проведения досуга, как можно догадаться, не отличались особым разнообразием, но можно уверенно предположить, что и в случае расширения его возможностей вряд ли можно было существенно что-то изменить в лучшую для солдат (с точки зрения французского командования и работодателей) сторону.

Несмотря на мрачные, похожие на каторжные условия пребывания в Алжире, солдаты 3-й категории, как уже отмечалось, имели большие возможности для переписки. Новиков свидетельствовал: «Мой друг т. Рагозин получил письмо из Тебессы от т. Курочкина». Тот же мемуарист утверждал, что получал письма из Франции от своих товарищей, как и каждый солдат, по одному письму, два раза в месяц: 15-го и 30-го числа, и что им даже разрешали выписывать газеты⁵¹. О возможности переписки вспоминал и Носов. Известный бунтовщик-куртинец П. Кидяев переписывался с товарищами, находившимися во Франции и Алжире.

По данным Адана, через военную цензуру в г. Алжир только с марта по сентябрь 1918 г. прошли 13 422 письма, отправленных солдатами, и 9802 – полученных ими. В среднем цензоры читали 250 писем в день, то есть, скорее всего, достаточно бегло и невнимательно, поскольку в октябре 1918 г. чтением писем в Русском бюро г. Алжир занимались только два офицера⁵². Более того, часть писем избегала контроля (по некоторым подсчетам, до 40% всех писем): солдаты, например, отправляли корреспонденцию через представителей местного населения, с которыми успели познакомиться. Наиболее изворотливые даже разрабатывали специальные шифры и алфавиты, кодируя смысл, а также применяя невидимые чернила.

Основные темы, на которые цензура обращала внимание, включали: отношение к Франции, наличие/отсутствие «революционного сознания», жалобы на условия жизни, качество питания или его наличие/отсутствие. Хотя летом 1919 г. в связи с окончанием войны военно-полевая цензура была отменена, по мнению Адана, какие-то средства контроля над перепиской должны были сохраняться⁵³.

Хотя Париж надеялся, что письма из дома с описанием тягот жизни заставят потускнеть образ большевиков в глазах «африканцев», французы, похоже, добились обратной реакции. Так, цензоры сделали выборку нескольких характерных писем (март, май 1918 г.): «Я получил много писем из России... (...) Теперь французы превратились в буржуев, которые заодно с нашими буржуями»; «большевики отняли земли, зерно и лошадей у кулаков и роздали их беднякам»; «советское

⁵¹ Новиков В.Н. Указ. соч. С. 16, 21, 24.

⁵² Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 14, 16.

⁵³ Adam R. Travail, lutttes et conscience révolutionnaire... P. 17, 22, 24–25.

правительство уже конфисковало некоторые заводы, и теперь все заводы и фабрики скоро будут нашими. Какие счастливые изменения в России для народа!»; «у нас на Украине есть собственное независимое правительство под названием Рада. К несчастью, Рада против большевиков, она за господ»⁵⁴.

Таким образом, французы, несмотря на условия труда, разрешали солдатам поддерживать связь с родными и друзьями; солдаты, хотя и с опозданием, но проявляли редкую осведомленность о главных событиях в России и в мире.

В Алжире присутствовали православные священники [о. Серафим (Д.Д. Булатов), о. Александр (Гереминевич)], но какую роль они играли в духовной жизни солдат — неизвестно. Так, очевидцы (Астров, Обичкин, Иванов, Новиков, Носов) ни разу даже не упомянули о присутствии в их среде служителей культа. Только Карев вспоминал, как солдат привели в местный костел: «Кюре на каждом слове вспоминал бога. Сидящие на скамьях наши солдаты также вспоминали его, но только с руганью. Когда французские колонисты вставали со скамьи и стояли с опущенными головами, шепча молитвы, мы продолжали сидеть». В итоге за неподобающее поведение солдат, к их радости, как вспоминал Карев, перестали водить в храм⁵⁵. С другой стороны, автору известна пара фотографий группы солдат с православным священником (одним и тем же), — вряд ли солдаты стали бы фотографироваться с ним, если бы испытывали к нему неприязнь.

Одна из неразрешенных проблем для исследователей — отношения между русскими военнослужащими. По крайней мере, солдаты-мемуаристы представляли солдат и унтер-офицеров как страдавших от французов в одинаковой мере, не отделяя первых от вторых. Скорее всего, эти отношения вряд ли отличались чем-то в лучшую сторону по сравнению с периодом участия в боевых действиях во Франции и на Балканах, особенно по отношению к своим же офицерам, которым запрещалось разговаривать с подчиненными. В случае контактов куртинцев и курновцев отношения между ними гарантированно могли быть резко отрицательными, откровенно враждебными.

В области межнациональных отношений среди солдатской массы, относившейся к 3-й категории, можно выделить три уровня: отношения с колонистами-работодателями; отношения между русскими и местным населением (европейского и арабского происхождения); отношения между русскими и французскими военнослужащими (включая представителей африканского компонента Североафриканской армии).

⁵⁴ Цит. по: *Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire...* P. 183, 184, 188–191, 193.

⁵⁵ *Карев П.Ф. Указ. соч. С. 110–111. См. также: Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire...* P. 66.

Отношения с работодателями формировались, судя по всему, исключительно по субъективным причинам, например в зависимости от личности и характера того или иного хозяина. Так, Носов совершенно откровенно назвал «своего» помещика «очень хорошим человеком» (см. выше). Правда, мотивация хозяев-работодателей остается предметом для рассуждений — не исключено, что к солдатам они могли относиться сугубо и исключительно как к работникам, о которых следует заботиться, чтобы они хорошо работали (но не всегда, как видели выше на примере размещения солдат в хлевах). С другой стороны, нельзя не сбрасывать со счетов свидетельство того же Носова, с теплотой вспоминая, как их хозяин вручил солдатам на дорогу щедрый подарок.

Любопытными представляются последствия стычки Обичкина с неким итальянцем, хозяином фермы. Как-то Обичкин, чувствуя себя больным, с трудом работал в винограднике. Наблюдавший за ним итальянец вдруг закричал: «...“pas comme ça!” (не так), выхватил кирку из моих рук и начал показывать как нужно работать. Меня охватила злость: “Работаешь, работаешь, все равно не угодишь. Тогда я сказал ему — работай comme ça (так) сам”, — повернулся и ушел в барак, где мы жили».

Однако за открытое неповиновение хозяину послушника наказывать не стали, а просто отстранили от работы: «Без работы я жил недели две-три. Валялся, как *и все* [выделено мной. — М. Ч.] целые дни в палатке. Кормили неплохо...», — вспоминал Обичкин, — а затем, «после нескольких недель безделья» направили на другую работу, в канцелярию отряда в Дюзервилль⁵⁶.

Иванов приводит другой случай. У хозяина, на которого он работал вместе с сотней товарищей, был младший сын, злой и вредный подросток, пытавшийся строить солдатам всевозможные козни. Однажды задира даже попытался отхлестать кнутом копавших канавы солдат. Но стоило тем угрожающе поднять кирки и заступы, как «надсмотрщик»-малолетка тут же убежал. Никаких наказаний для солдат за явную угрозу хозяйскому отпрыску наложено не было⁵⁷.

Однако не всегда для солдат дела складывались столь благополучно. Один из переводчиков, с которым пришлось работать Обичкину, оказался «паршивейшей личностью», «страшным пьяницей и картежником». Придравшись к тому, что Обичкин отдал солдатам без его разрешения газеты, он затеял драку. Обичкин был арестован и посажен на две недели в импровизированную кутузку — обыкновенный сарай, ибо «тюрьмы в местечке не было»⁵⁸.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 106–107.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 90–91.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Д. 6. Л. 107.

Отношение к русским солдатам со стороны франкоалжирцев, судя по всему, колебалось между отрицательным и положительным. Уже в первый же день пребывания в Северной Африке, если верить мемуаристам, происходили любопытные случаи. Так, в тунисской Бизерте Иванов обратил внимание на то, как на пристани «буржуазные дамы в белых платьях» «бросали в наши ряды апельсины и мандарины»⁵⁹.

По прошествии определенного времени уже в Алжире Обичкин заметил: мы, говорил он, «даже ухаживали за дочками хозяина — их у него было четыре — и две у управляющего. Все молодые французы находились в армии, и они не прочь были полюбезничать с русскими солдатами»⁶⁰ (некоторые солдаты здесь женились и, судя по всему, вместо репатриации предпочли остаться в Алжире).

Хотя французские жандармы регистрировали увеличение жалоб на кражи и прочее насилие со стороны солдат в отношении франкоалжирцев, Адан полагал, что в действительности преступления, осуществленные именно русскими «африканцами», были немногочисленны, так как представители властей пытались сознательно списывать на русских солдат преступления, которых они не совершали⁶¹.

Алжирские социалисты (среди них практически не было тогда арабов) выражали симпатии к российским изгнанникам и старались облегчить их участь. В мастерских, заводских цехах, где регулярно общались русские и европейские рабочие, завязывались беседы.

Местные власти всеми средствами пытались ограничивать контакты русских «африканцев» с франкоалжирцами, правда, только там, где солдат оказывалось слишком много. Франкоалжирцы из числа настроенных к русским благожелательно, делились с ними новостями, снабжали их социал-демократическими газетами, помогали им налаживать переписку с земляками⁶².

С представителями коренного населения — арабами и берберами — русские солдаты вступали в контакт в самых различных ситуациях. Вероятно, отношения с ними налаживались, судя по всему, неплохо (при наличии возможности какого-то общения хотя бы на французском языке).

Многие солдаты сочувствовали арабам (сентябрь 1918 г.): «Блида — городок красивый. Со всех сторон окружен крепостной стеной с бойницами... Куда ни глянь — одни казармы! А как же иначе? Как обеспечишь без них, без этих казарм, да без стен каменных расцвет французской культуры? И как гарантируешь алжирскому народу право

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 68.

⁶⁰ Там же. Д. 84. Л. 103–104.

⁶¹ *Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire...* P. 63.

⁶² *Летнев А.Б. Алжирская одиссея.* С. 155.

на самоопределение?», — вспоминал один из солдат⁶³. «Нашему хозяину не понравилось, что мы, русские, часто беседовали с работающими у него арабами»; «арабы очень хороший, добрый и трудолюбивый народ» (Егерев). Солдат Иванов также тепло отзывался об алжирских арабах⁶⁴. Отдельные мемуаристы (например, Носов) об арабах высказывались хотя и в нейтрально-положительном ключе, но, скорее, неопределенно.

При этом осталось неясным, что сами арабы думали о русских солдатах. По словам Обичкина, алжирские арабы «дружелюбно относились к нам, русским, так как видели в нас таких же угнетенных, как и они сами. В беседах они говорили, что считают нас братьями» (подобное мнение высказывали также Астров, Власов и Попов)⁶⁵. Однако по словам неизвестного солдата-«африканца», хотя «арабы обращались к нам со словом “камаруна” — товарищ, но все же общий социальный враг — хозяин был нам ближе своей культурой»⁶⁶.

Проведя в Алжире несколько месяцев, солдаты стали лучше разбираться в пестром этническом конгломерате местного населения, равно как и в межэтнических отношениях. Так, неизвестный автор сообщил (сентябрь 1918 г.): «Арабов французы просто презируют... “Так вот оно что, вы, стало быть, якшаетесь с арабами!” — такой упрек у них всегда наготове. А уж арабских женщин, мавританок, тех вообще за людей не считают. Не жалуют они и евреев, которым здесь совершенно не доверяют. Да и насчет испанцев не лучше. Тебя сразу предупреждают: лучше, мол, держись от них подальше, знаешь ли, он того, испанец...»⁶⁷

Отношения между русскими и французскими военнослужащими были достаточно нейтральными. В упоминавшемся уже предписании Клемансо к Муанье (30 ноября 1917 г.) министр особенно настаивал на запрете контактов русских солдат с местным населением и военнослужащими Иностранного легиона⁶⁸. Правда, русские солдаты, судя по всему, не видели особой разницы между легионерами, жандармами и французскими солдатами, о которых вспоминали лишь мимоходом. Немногим больше солдаты говорили о военнослужащих Североафриканской армии. Зато с удовольствием вспоминали о великодушно протянутой французским военным сигарете.

⁶³ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 153.

⁶⁴ *Егерев М.* Указ. соч. С. 93; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 83. Л. 56.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 84. Л. 107; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1098. Инв. № 4473. Л. 4а; *Власов А.П.* Указ. соч. С. 120; *Ардашев М.А.* Указ. соч. С. 98.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5934. Оп. 1. Д. 2а. Л. 63; *Adam R.* Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 160.

⁶⁷ Цит. по: *Летнев А.Б.* Алжирская одиссея. С. 155.

⁶⁸ «Мы пережили здесь свою революцию...». С. 26–27.

Известен и совсем уникальный случай, когда африканский стрелок по имени Зигла Муму, охранник тюрьмы, бежал вместе с русским заключенным П.В. Кривенем (будущим директором Харьковского художественного института и Украинской государственной картинной галереи). Примечательно, что, когда французы поймали беглецов, они расстреляли только Зиглу Муму (как дезертира), а Кривеня просто вернули в тюрьму⁶⁹.

В целом можно сказать, что в большинстве случаев русские мемуаристы достаточно нейтрально (а иногда и положительно) высказывались о рядовых и, отчасти, сержантах французской армии, и в то же время, как правило, рисовали непривлекательные портреты французских офицеров.

Чем дальше, тем более острым среди русских «африканцев» становилось желание вернуться в Россию. 28 июня 1919 г. генерал Нивель запросил главу правительства о скорейшем разрешении вопроса с их репатриацией. Нивель с большим беспокойством отмечал, что в случае отказа в репатриации Франция может столкнуться с восстанием русских солдат в Алжире: «Это восстание окажет огромное влияние и на европейцев, и на туземцев в колониях», — предупреждал Нивель⁷⁰.

На сегодняшний день целостную картину репатриации русских солдат и офицеров именно 3-й категории системы «трияжа» бывшей 1-й и 2-й Особых пехотных дивизий на территорию бывшей Российской империи представить невозможно. Даже известные работы по репатриации солдат и офицеров из Франции (и Балкан) в Россию не акцентировали внимания на военнослужащих, оказавшихся в 3-й категории⁷¹.

Скорее всего, время репатриации «африканцев» на родину можно датировать с весны 1919 г. по осень 1920 г. Так, в сентябре 1919 г. из г. Алжир на борту четырех пароходов в южнороссийские порты были отправлены 4214 человек, и к 20 октября того же года оставалось еще 5061 человек, пожелавших уехать⁷². «Африканцы» могли вернуться обратно в Россию и другим путем: через Францию, далее по железной дороге в Москву или Петроград. Менее вероятен еще один маршрут — морем через Швецию и Финляндию.

⁶⁹ Африка. Колониальное общество и политика. М., 1993. С. 159–160; Красное знамя. Харьков. 23 февраля 1977 г. № 38 (9707); там же. 24 февраля 1977 г. № 39 (9708).

⁷⁰ Adam R. Travail, luttres et conscience révolutionnaire... P. 157.

⁷¹ О репатриации русских войск см.: *Попова С.С.* Судьба Русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России (по неопубликованным документам военного министерства Франции) / Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 1995. С. 196–216; *Бочарова З.С.* Возвращение на Родину солдат Русского экспедиционного корпуса // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 51–58.

⁷² ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 29. Д. 10. Без нумерации.

К настоящему времени (2019 г.) вряд ли возможно воссоздать законченную картину условий жизни и работы русских солдат 3-й категории в Алжире, особенно учитывая их рассредоточенность мелкими группами. Тем не менее можно сделать некоторые предварительные выводы.

Прежде всего следует сказать, что в Алжире из 1-й дивизии оказалась абсолютно вся 3-я категория, а из 2-й дивизии — только самая активная ее часть («дурные элементы») 3-й категории (с точки зрения французских властей — самая недисциплинированная).

Из обеих дивизий в Алжир солдаты прибывали либо осознанно, либо по принуждению; первых насчитывалось подавляющее большинство, при этом их мотивация остается предметом для дискуссий.

Открытым остается и вопрос о степени виновности французского правительства, уготовившего бывшим союзникам (русским солдатам), проливавшим кровь в Шампани и на Балканах, нещадную эксплуатацию и невыносимые условия пребывания в североафриканских лагерях. Здесь нельзя не увидеть в действиях Парижа превентивные меры по защите внутренней безопасности государства и общества в условиях незавершенной войны. Можно вспомнить, что своих собственных мятежников и смутьянов из числа военнослужащих французские власти отправляли из метрополии подальше, например, в Марокко или другие колонии, определяя их в дисциплинарные части.

Система управления русским солдатским контингентом в Алжире была громоздкой, но, по каким-то причинам, она, вероятно, устраивала французское командование. Эта система контроля над русскими «африканцами», скорее всего, не могла охватить все находившиеся на территории Алжира рабочие отряды.

Пребывание 9–9,5 тыс. русских солдат в Алжире оказалось для них суровым испытанием, сопровождавшимся не только физическими, но и моральными страданиями. Для Парижа нахождение почти десятка тысяч солдат бывших союзных войск на французской территории (в Алжире) представило непредвиденные, в том числе и юридические, трудности.

Располагая имеющимися фактами, можно предположить, что условия труда, быта, денежного содержания, питания, медицинского обслуживания зависели главным образом от субъективных факторов: от отношения к солдатам-рабочим на данном месте их трудовой повинности; финансовых возможностей самих солдат; удаленности рабочих команд от крупных городов и центров (чем дальше от них, тем хуже).

Отдельный интерес представляет борьба солдат-рабочих за свои права против жестокой эксплуатации их труда. Об эффективности

этой борьбы судить трудно, но можно достаточно уверенно предположить, что, если она и не приводила к коренному улучшению положения солдат, то, по крайней мере, создавала очевидную напряженность для местных французских военных и гражданских властей.

Самый тяжелый период, вероятно, выпал на первые месяцы пребывания русских солдат на африканской земле, что не удивительно, ибо французы и местное европейское население Алжира после сепаратного Брестского мира на фоне жертвенности французского общества рассматривали их как презренных предателей общего дела Франции и Антанты.

Взаимоотношения между русскими военными служащими представляются понятными только в одном: солдаты отрицательно относились к власти над собой, особенно со стороны офицеров; менее понятно, власть каких офицеров они переносили хуже – русских или французских, или и тех, и других в равных долях.

Еще одну не до конца выясненную для исследователя проблему представляет комплекс межнациональных отношений, связанный с пребыванием русских солдат в Алжире. Можно лишь предположить, что вспышки неприязни и даже ненависти с обеих сторон во многом зависели от объективных причин (подписание большевиками перемирия с германцами, заключение Брестского мира, окончание Первой мировой войны, интервенция Антанты в Россию), усугублявшихся причинами субъективного характера (отношение со стороны конкретного хозяина-работодателя, конвоира, а также условия работы, быта, ностальгия по родине, резко усилившаяся после окончания войны).

Много вопросов вызывают и другие аспекты темы – нюансы системы управления русскими солдатами-рабочими в Алжире; жизнь и служба офицеров 3-й категории; неизвестными остаются и следы культурного влияния в Алжире русских военнослужащих, если, конечно, о них всерьез можно говорить.

Что касается репатриации русских «африканцев», то можно предположить, что в подавляющем большинстве они вернулись из Алжира в Россию. Оставшихся в Алжире было минимальное количество. Число умерших там колеблется от нескольких сотен до одной тысячи человек.

Таким образом, изучение пребывания русских солдат в Алжире в 1918–1920 гг., являющееся неотъемлемой частью истории Первой мировой вообще и истории России того периода в частности, вплоть до сегодняшнего дня незаслуженно остается малоисследованной темой.

ФРАНСУА МИТТЕРАН И МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ: ИЗ ИСТОРИИ НЕПРОСТЫХ ОТНОШЕНИЙ

К.П. Зуева

Трагический XX в., отмеченный двумя мировыми войнами, завершился событием, которое коренным образом изменило систему международных отношений, о чем еще долго будут спорить политики и историки. Речь идет о развале Советского Союза, который обрушил биполярную систему, превратив мир в однополярный. Одним из активных участников событий того времени, наряду с лидерами Советского Союза, Соединенных Штатов, Великобритании и ФРГ, был президент Франции Франсуа Миттеран.

Опытный политик, за плечами которого был длительный путь борьбы за высший пост в государстве, Миттеран, несомненно, стал крупной фигурой на французской политической сцене. Однако его политическая карьера неоднократно подвергалась угрозе из-за многочисленных скандалов, а в его биографии были факты, которые оценивались современниками далеко неоднозначно. Во время Второй мировой войны Миттеран служил в Комиссариате по делам военнопленных правительства Виши и даже был награжден орденом «Франциска». Известна глубокая неприязнь генерала де Голля к Миттерану, имя которого он собственноручно вычеркнул из списков представленных к награждению участников Сопrotивления. Ему ставили в вину и то, что во время войны в Алжире он выступал за «французский Алжир». Не будучи социалистом по своим взглядам (его называли самым левым среди правых), Миттеран в 1971 г. возглавил Социалистическую партию, что помогло ему в 1981 г. занять пост президента Франции. В этом качестве он пробыл 14 лет, став президентом-долгожителем.

За время пребывания на этом посту Миттеран провел целый ряд реформ, добившись успехов в экономической и социальной областях. Кстати, его «кумиром» среди французских государственных деятелей был Наполеон III, личность неоднозначная, называвший себя социалистом, осуществивший индустриализацию страны и модернизацию городов Франции, но закончивший свое правление позорным поражением во франко-прусской войне. Как личность, Миттеран был человеком закрытым и осторожным. Люди, близко общавшиеся с ним, свидетельствовали, что он никогда не говорил ни «да», ни «нет». Его излюбленным выражением было — «посмотрим»¹. Вместе с тем о нем

¹ *Dumas R.* Politiquement incorrect. Secrets d'Etat et autres confidences. Carnets 1984–2014. Paris, 2015. P. 49.

отзывались как о «человеке высокой культуры, любящим размышлять, философствовать и прекрасно знающим литературу, идет ли речь о великих французских и зарубежных классиках или о современных авторах»².

Что касается отношения Миттерана к Советскому Союзу, то оно было явно враждебным, и не только в идеологическом плане, поскольку он был откровенным антикоммунистом. Воспользовавшись поддержкой французских коммунистов для прихода к власти, он в то же время ставил своей задачей сократить до минимума влияние ФКП в политической жизни Франции. В международных делах Миттеран открыто и резко осуждал советское военное вмешательство в Афганистан, как и политику СССР по отношению к Польше в 1980-е гг.

С советской стороны Ф. Миттерану пришлось иметь дело с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, о котором написано уже огромное количество книг и статей, где зачастую с противоположных позиций оценивается политика первого (и последнего) президента СССР, замысел и результаты начатой им перестройки. При всей разнице в оценках политики Горбачева все исследователи сходятся в одном — именно он дал толчок процессам, приведшим к развалу Советского Союза и радикальным изменениям в системе международных отношений, последствия которых определяют современное мировое развитие.

В продолжающихся спорах на тему горбачевской перестройки принимают участие и французские политические аналитики. Известный политолог, основатель и президент Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль в своей книге «Память настоящего времени» писал: «Горбачев потерпел поражение, ибо его выводы относительно того, как надо реформировать СССР, оказались ошибочными»³. То же самое Монбриаль распространяет и на внешнюю политику Горбачева: «...и в этой сфере ход истории оказался весьма далек от первоначальных планов»⁴.

Монбриаль полагает, что в отличие от Петра I, у Горбачева отсутствовало острое чувство реальности. Объясняя впечатление, которое советский генсек производил на Западе, французский политолог подчеркивает: «...Как было не поддаться обаянию этого руководителя, который, несмотря на смуту, царившую в его империи, превосходно владел собой, обладал даром слова и проявил столько таланта во внешней политике!.. Феномен «горбомании» легко объясним в обществе охочем до зрелищ»⁵. Тем не менее Монбриаль считал, что деятельность

² Raimon J.-B. Le quai d'Orsay à l'épreuve de la cohabitation. Paris, 1989. P. 41.

³ Монбриаль Тьерри де. Память настоящего времени. М., 1997. С. 127.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 125–126.

советского генсека, при всех его ошибках и просчетах, войдет в историю скорее «со знаком плюс».

Весьма показательно в отношении политики Горбачева мнение дипломатического советника Миттерана Ю. Ведрина, который сравнивал советского реформатора с учеником чародея — персонажем баллады Гёте, пробудившего силы, с которыми не смог справиться⁶.

Личное знакомство Миттерана и Горбачева произошло в марте 1985 г., когда французский президент прилетел в Москву на похороны генсека ЦК КПСС К.У. Черненко. Первоначально Миттеран не планировал этот приезд, однако в последний момент изменил свое решение.

Дело в том, что в начале марта в Москву прибыла французская делегация во главе с дипломатическим советником президента Роланом Дюма. Целью этого визита было улучшение политических и торговых связей с Советским Союзом. Судя по всему, Р. Дюма, хорошо говоривший по-русски и имевший определенные связи в советском обществе, понял, что со смертью Черненко в СССР могут произойти изменения, поскольку в Москве ходили упорные слухи, что на его место может быть выдвинут человек, не принадлежащий к «старой гвардии». Именно Ведрин убедил Миттерана прилететь в Москву на похороны Черненко.

Первая беседа Горбачева и Миттерана продолжалась почти час вместо запланированных 10 минут. По свидетельству Дюма, первоначальная оценка французским президентом будущего советского лидера была достаточно сдержанной: «Он такой же, как и другие»⁷. Вместе с тем Миттеран отметил его молодость, открытость и хорошее знание положения дел в стране.

В августе 1985 г. было объявлено об официальном визите Горбачева во Францию уже в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. Визит состоялся в октябре месяце. Тогда произошло более обстоятельное знакомство двух лидеров. Для Миттерана важно было знать, насколько серьезных изменений можно ждать в советской политике с приходом Горбачева. А советскому лидеру было важно укрепить отношения с Францией и сделать ее союзницей в проведении задуманной им политики прекращения гонки вооружений. Во время бесед с Миттераном Горбачев настаивал на том, что Советский Союз и Западная Европа должны действовать сообща в этом направлении, чтобы заставить администрацию Рейгана предпринять встречные шаги.

Советскому лидеру была предоставлена возможность встретиться с французскими парламентариями, представителями деловых кругов,

⁶ *Vedrine H.* Le monde de Francois Mitterrand. Paris.1996. P. 435.

⁷ *Dumas R.* Op. cit. P. 67–68.

посетить завод «Пежо». Однако не будучи уверенным в том, насколько можно верить заявлениям Горбачева, Миттеран отказался подписывать по итогам визита совместное коммюнике, желая, по словам Дюма, «сохранить свободу рук»⁸.

Объясняя свою позицию послу СССР во Франции Ю. Воронцову, французский президент сказал, что его разногласия с США по СОИ известны всем, но повторять это в совместном с Горбачевым коммюнике означало придать этим разногласиям «совсем другой смысл»⁹. Взамен Миттераном было предложено проведение совместной пресс-конференции с представителями мировой прессы.

В ходе переговоров с Горбачевым Миттеран вел себя более, чем осторожно. По словам Дюма, со стороны Франции не было дано никаких «авансов». Однако французский президент понял, что в советской политике «в перспективе грядут изменения»¹⁰. Об этом свидетельствовал и ряд заявлений Горбачева. Во время торжественного приема, когда Миттеран упомянул об Афганистане, советский лидер ответил, что это было не его решение, давая таким образом понять, что он его не поддерживает. А в ходе пресс-конференции, отвечая на вопрос одного из журналистов, допускает ли он, что Советский Союз может когда-либо вступить в НАТО, Горбачев ответил: «Почему бы и нет?»¹¹ Однако после этой встречи Миттеран сказал Дюма: «Я не знаю, понимает ли он, какие потрясения ждут мир, если он осуществит то, что задумал»¹².

Совершенно очевидно, что Горбачев и его команда были в определенной степени разочарованы результатами визита во Францию. Весьма характерна в этом отношении запись, сделанная ближайшим помощником генсека А. Черняевым 7 октября 1985 г.: «Еще одна на протяжении веков попытка России обняться с Европой. И опять — ирония, холодность, вежливость сверху вниз. Опять Достоевско-блоковская ситуация: достаточно было посмотреть на лицо Миттерана во время совместной пресс-конференции — надменное лицо Европы в ответ на наше радушие»¹³.

Действительно, в ходе прошедших переговоров французский лидер проявил свойственную ему сдержанность и осторожность («посмотрим!»). Он довольно долго до конца не верил в реформаторскую деятельность Горбачева. На франко-германской встрече в Гейдельберге в конце 1986 г. Миттеран и Коль обсуждали вопрос, могут ли они до-

⁸ Ibid. P. 93.

⁹ Ibid. P. 94.

¹⁰ Ibid. P. 97.

¹¹ Ibid. P. 98.

¹² Ibid. P. 97.

¹³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 56.

верить новому советскому лидеру. Известный французский историк М. Ферро считал, что, «поддерживая Горбачева, Миттеран не оценил масштаб потрясений, которые испытали на себе СССР и страны Восточной Европы, в особенности ГДР: но кто тогда был более прощательным»¹⁴. Действительно, никто из западных лидеров и представить не мог, к чему приведут задуманные Горбачевым реформы, облеченные в формулу «перестройка» и «гласность».

После визита Горбачева во Францию Миттеран поспешил заверить обеспокоенных немцев, что речь не шла об их изоляции, а также направил письмо Рейгану, в котором объяснил переговоры с советским генсеком тем, что «Франция выполняет основную дипломатическую роль, заключающуюся в сближении двух блоков»¹⁵.

Миттеран понял, что Франция как партнер очень нужна новому советскому руководителю в его стремлении уменьшить накал международной напряженности и побудить руководство США снизить взрывоопасный уровень гонки ядерного оружия. Этот вывод французского президента вполне оправдался в дальнейшем, так как в ходе советско-французских переговоров в Москве летом 1986 г. речь шла главным образом о разоружении.

В первые годы пребывания у власти основное внимание Горбачева было направлено главным образом на улучшение советско-американских отношений и достижение договоренностей по ядерному разоружению. Европейская тематика отходила для него на второй план. Тем не менее диалог с Францией продолжался. Миттеран выступил в поддержку советско-американского диалога. Однако он был категорически против включения французского ядерного оружия в переговоры о его сокращении. Как известно, Горбачев счел его аргументы убедительными.

Как известно, процесс реформ, запущенных Горбачевым, в исторически короткое время вышел из-под контроля и создал предпосылки для развала не только Варшавского договора, но и самого Советского Союза. Особенно серьезная ситуация возникла, когда процессы демократизации начали создавать нестабильную обстановку в ГДР — одной из опор Варшавского договора и СЭВ. В повестку дня встал вопрос объединения ФРГ и ГДР. Канцлер Коль увидел в создавшейся ситуации возможность быстрее объединения двух немецких государств.

Иначе отреагировал президент Миттеран, воспринявший такую перспективу, скорее, как серьезную угрозу безопасности Европы, поскольку не было ясно, к каким методам мог прибегнуть Горбачев, чтобы остановить или хотя бы приостановить стремительно разви-

¹⁴ Ферро М. История Франции. М., 2015. С. 578.

¹⁵ Dumas R. Op. cit. P. 99.

вавшиеся процессы. Тем не менее он не был категорически против объединения Германии, но при соблюдении определенных условий: этот процесс не должен стать слишком поспешным, и объединенная Германия должна оставаться активным участником европейской интеграции, в частности, поддержать создание зоны евро. Известно его шутивное выражение: «Мы так любим немцев, что хотим, чтобы у них было две Германии».

Стремясь быть непосредственно в курсе событий, происходивших в странах Восточной Европы, Миттеран начиная с 1989 г. посетил ряд восточноевропейских столиц, в том числе Софию и Варшаву, где поддержал развитие демократического процесса. В частности, на пресс-конференции в Варшаве он выразил особенное одобрение «смелости настоящих патриотов, обладающих обостренным чувством ответственности, которые осуществляют трудный эксперимент и избрали путь демократии»¹⁶.

Что касается Горбачева, то, по свидетельству его помощника А. Черняева, он еще в 1987 г. «не исключал воссоединения Германии»¹⁷. Уже на следующий год во время встречи с канцлером ФРГ он сообщил ему о своем согласии на объединение двух германских государств. Когда эта проблема начала обсуждаться более конкретно, Горбачев предложил вариант нейтрализации нового немецкого государства, поскольку западная и восточная его части входили в разные военные блоки. Однако Миттеран и Коль высказались против этой идеи. Как свидетельствует Дюма, французский президент опасался нейтрализации Германии, поскольку это могло негативно повлиять на франко-германские отношения, которые всегда были «мотором» евроинтеграции. Эти опасения подогревались слухами о том, что объединенная «Большая Германия» может выйти из интеграционного объединения, чтобы иметь свободу рук для проведения политики подобной предвоенной.

Летом 1989 г. в присутствии ведущих европейских СМИ Миттеран заявил: «Стремление немцев к единству представляется мне законным, но оно может быть реализовано только мирным и демократическим путем»¹⁸. Однако он считал, что слишком торопиться с этим не следует.

Но события развивались слишком стремительно. К осени участились встречи Миттерана с Колем и Горбачева с Колем, а также с американцами, которые активно поддерживали немецкого канцлера в деле объединения Германии (детали этих поистине трагических для советского лидера переговоров подробно описаны в книге известного американиста А.И. Уткина)¹⁹.

¹⁶ *Dumas R.* Op. cit. P. 194.

¹⁷ *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 154.

¹⁸ *Dumas R.* Op. cit. P. 196.

¹⁹ *Уткин А.И.* Членство в восьмерке: цена вхождения. М.: Алгоритм, 2006.

Все это происходило на фоне тревожных сообщений, которые приходили из Восточной Европы и из Москвы. 10 ноября в Болгарии был свергнут Т. Живков. В ГДР советские войска были подняты по тревоге. Дюма пишет, что Горбачев отправил Миттерану паническое послание, прося его вмешаться, чтобы «события не приняли нежелательный оборот»²⁰. По его словам, из Кремля приходили двусмысленные и даже панические послания. Французскому президенту было известно, что между Горбачевым, Колем и американцами ведутся интенсивные переговоры по поводу объединения Германии. Однако детали этих переговоров были ему неизвестны, что вызывало у него серьезную обеспокоенность. Ситуацию не могли прояснить и во французском посольстве в Москве. Поэтому Миттеран отправил 13 ноября 1989 г. в советскую столицу министра иностранных дел Дюма, чтобы тот на месте оценил обстановку.

Тем временем, опираясь на полную поддержку американцев и пользуясь слабостью позиции Горбачева, который оказался к этому времени лицом к лицу со сложнейшей ситуацией в стране, канцлер Коль решил действовать быстро и жестко. 28 ноября он представил Бундстагу «Программу объединения двух Германий» из 10-и пунктов, в соответствии с которыми ГДР без всяких условий должна присоединиться к ФРГ.

Миттеран, как и все остальные (кроме американцев), был поставлен перед свершившимся фактом, и, по словам Дюма, был просто в ярости²¹. Поскольку в этот момент Франция председательствовала в ЕЭС, французский президент считал, что этим фактом Европу игнорируют при решении столь важного вопроса.

Непонятна ему была и позиция советской стороны в этом вопросе. Именно поэтому Миттеран поручил Дюма, который еще находился в Москве, договориться о встрече с Горбачевым. Было условлено, что она пройдет в Киеве. Уже после этой встречи на пресс-конференции, отвечая на вопрос: «Зачем вы приехали в Киев, господин президент?», Миттеран ответил: «Я хотел узнать от самого Горбачева, что он думает по поводу договоренностей, достигнутых между советской и американской сторонами и, в частности, захочет ли он «двинуть дивизии»²². На самом деле Миттеран хотел понять насколько Горбачев сдал позиции, чтобы самому не оказаться в числе «отстающих».

В ходе их встречи в Киеве 6 декабря 1989 г. Горбачев и Миттеран выразили возмущение тем, что канцлер Коль не уведомил их о таком важном шаге, как озвучивание пресловутых 10-и пунктов. «Речь Коля,

²⁰ *Dumas R.* Op. cit. P. 203.

²¹ *Ibid.* P. 205.

²² *Ibid.* P. 207.

его десять пунктов, — сказал Миттеран, — все перевернули с ног на голову. Он перемешал все факторы. Он спешит»²³.

Об этом же говорил и Горбачев, подчеркнув, что 10 пунктов Коля не вписываются в современную ситуацию и противоречат достигнутому с ФРГ взаимопониманию и принципам общеевропейского процесса. «Во-первых, — сказал он, — Коль забегает вперед, спешит. Во-вторых, он формулирует свои тезисы в такой форме, что фактически это означает диктат»²⁴. Горбачев рассказал Миттерану, что уже высказал свое возмущение вице-канцлеру Геншеру, прямо заявив ему: «Если вы хотите все взорвать, ликвидировать все, что достигнуто, тогда действуйте так, как вы действуете. Но вся ответственность ляжет на вас»²⁵.

Оба политика согласились с тем, что «германский компонент должен быть лишь одним из элементов европейской политики, но отнюдь не преобразующим, не ведущим»²⁶. Это означало, что решение германской проблемы должно происходить в рамках общеевропейского процесса. Однако кроме расплывчатых заявлений со стороны Горбачева никаких конструктивных предложений не последовало. А когда, по свидетельству бывшего заведующего международным отделом ЦК КПСС В. Фалина, принимавшего активное участие в подготовке переговоров по вопросу объединения Германии, на встрече в Киеве Миттеран предложил Горбачеву вместе лететь в Берлин, чтобы поддержать главу ГДР Э. Хонеккера, советский лидер ответил ему: «Хотите лететь — летите один, а я не полечу!»²⁷

Любопытно признание Горбачева в беседе с Миттераном о якобы возникшем у него «ощущении», что «США не совсем откровенно говорят о своей позиции, излагают ее не до конца»²⁸. Весьма сомнительно, что он не понимал, чего хотят от него Коль и стоящие за ним американцы и, возможно, не хотел говорить Миттерану, что готов им уступить. В соответствии с американскими планами объединение Германии должно происходить путем безоговорочного поглощения Западной Германией Восточной ее части, а новое германское государство оставаться членом НАТО.

Может быть, шая самлюбие Горбачева, Буш до поры до времени не посвящал его в свои планы, что весьма сомнительно. Однако со-

²³ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 91. Оп. 1 // URL: http://www.rodion.org/other/mgigv/1989_3htm#64 (дата обращения: 4 мая 2019 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ «Вот тогда-то Горбачев и сдал ГДР» // Наша Версия. 26 августа 2019 г. — 1 сентября 2019 г. № 32 (707). С. 12.

²⁸ Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 91. Оп. 1 // URL: http://www.rodion.org/other/mgigv/1989_3htm#64

ветский лидер находился в отчаянном положении, и уже обратился за экономической помощью к американскому «партнеру», что давало американцам серьезные рычаги давления на Горбачева в вопросе объединения Германии.

Судя по всему, после беседы 6 декабря Миттеран вряд ли до конца уяснил для себя позицию Горбачева. Однако он понял, что тот с ним не откровенен и что положение советского лидера становится все более шатким. По словам Дюма, Горбачев даже драматизировал ситуацию, говоря: «Разве европейцы хотят видеть на моем месте советского маршала?»²⁹

Несмотря на заверения Горбачева, что положение в ГДР нормализуется, а митингов становится меньше, обстановка там продолжала накаляться. Стремясь воспользоваться этой ситуацией, Коль и поддерживающие его американцы решили, что настало время окончательно решить вопрос о членстве будущей объединенной Германии в НАТО. Беседы на эту тему состоялись у Горбачева с госсекретарем США Бейкером и канцлером Колем еще в феврале 1990 г., и уже было ясно, что советский лидер сдает свои позиции, хотя каждый раз он пытался сформулировать какие-то возражения, которые, впрочем, его собеседниками всерьез не воспринимались.

Обсуждению этой темы главным образом была посвящена встреча Горбачева и Миттерана 25 мая 1990 г. Знакомство с текстом беседы двух лидеров производит странное впечатление. Казалось, что Горбачев существует в другой реальности и пытается убедить своего собеседника в том, что вопрос о принадлежности объединенной Германии к НАТО еще очень далек от окончательного решения. Был ли это сознательный обман или самообман – вопрос открытый. Однако, как следует из текста беседы, многоопытному Миттерану ситуация уже была более или менее понятна. Он прямо признал, что «ускорение процесса объединения Германии, начавшееся в ноябре прошлого года, опрокинуло (все) высказывавшиеся на этот счет возражения»³⁰. В ходе беседы Миттеран очень четко сформулировал свою позицию по этому вопросу, состоящую из трех пунктов. Первый содержал требование гарантий объединенной Германии в отношении западных границ Польши (такие гарантии Колем впоследствии были даны).

Во втором пункте говорилось о том, что «Германия должна пойти на уступки, передать Сообществу часть своих национальных компетенций, чтобы позволить им продвигаться вперед»³¹. Конкретно

²⁹ *Dumas R.* Op. cit. P. 208.

³⁰ Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 1. Оп. 1 // URL; http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4/htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.)

³¹ Там же.

речь шла о согласии Германии отказаться от дойчмарки и поддержать французскую идею введения общеевропейской валюты – евро. (Впоследствии это требование Коль также выполнил). И третье, что постулировал Миттеран, было его признание в том, что он не видит «каких-либо возможностей запретить Германии сделать свой выбор, когда она объединится и полностью обретет свой суверенитет»³².

Французский президент высказал также в ходе беседы мнение, что объединение Германии не должно негативно повлиять на уже сложившуюся в Европе систему договоренностей. «Существует, – сказал он, – такой аспект, как различные договоренности, заключенные в Европе. *Во-первых*, необходимо обеспечить соблюдение правил, согласованных в рамках Хельсинкского процесса. Следует придать больше веса содержанию СБСЕ. Необходим постоянный механизм, чтобы не просто проводить иногда встречи министров иностранных дел, а поставить их на регулярную основу»³³. Движение в вопросе сохранения присутствия советских войск на востоке Германии, по его мнению, «не должно быть слишком быстрым», и, вообще, было бы мудро, чтобы процесс объединения немцев «шел помедленнее»³⁴. В течение всей встречи Миттеран стремился донести до Горбачева мысль о том, что Советскому Союзу следует требовать от Германии определенных гарантий, и он «вправе получить их»³⁵.

Горбачев согласился с французским президентом в том, что в вопросе объединения Германии следует «действовать без спешки»³⁶. Однако неожиданно обмен мнениями между двумя лидерами перешел в область, мягко говоря, далекую от реальности. Советский лидер предложил собеседнику подумать о будущей структуре безопасности: «Почему бы не поразмышлять о налаживании взаимодействия между Варшавским договором и НАТО?.. Если будут вырисовываться какие-то формы взаимодействия и взаимосвязи между двумя военно-политическими группировками, то, может быть, единая Германия могла бы стать каким-то пространством, полем для такого взаимодействия. Тогда единая Германия не принадлежала бы только Варшавскому договору или только НАТО, а стала бы чем-то, что перекрывалось бы обеими организациями»³⁷.

Увлеченно развивая эту мысль, Горбачев продолжил: «Поиск новых форм отношений между союзами мог бы осуществляться в контексте разработки политической организации новой Европы. Тогда в сочета-

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

нии с тем, что вы говорили о конкретных мерах и гарантиях, связанных с объединением Германии — о границах, о присутствии иностранных вооруженных сил в Германии, о судьбе международных соглашений, заключенных немецкими государствами с другими странами, о других элементах урегулирования, — договоренности между союзами органически влились бы в этот процесс»³⁸. Такие заявления выглядели бы вполне здравыми, если бы они не делались в то время, когда появились все признаки распада Восточного блока, а до официального прекращения деятельности Варшавского договора оставался всего год.

В недавнем интервью корреспонденту «РИА Новости» экс-премьер ГДР Модров сказал по этому поводу: «В апреле 1990 года Горбачев заявил, что Германия лучше останется в Варшавском договоре и в НАТО одновременно. Как можно было иметь такие иллюзии? Он даже не осознавал, что Варшавского договора больше нет. И, конечно, никто не воспринимал такие предложения всерьез»³⁹. Вызывает большое сомнение в том, что Горбачев действительно был не в курсе происходящего.

Миттеран, очевидно, имеющий информацию о реальном положении дел в странах Восточной Европы, сдержанно возражал собеседнику, заявив, что не уверен в успехе подобного предприятия. Что касается вопроса о членстве Германии в НАТО, то президент Франции выразил готовность оказать Горбачеву поддержку, но высказал убеждение, что ключ к его решению находится в руках у советского лидера. Вместе с тем Миттеран откровенно информировал Горбачева о своей позиции: «Я не говорю “нет”, если знаю, что на следующем этапе мне придется сказать “да”. Если я скажу “нет” в вопросе принадлежности Германии к НАТО, то окажусь в изоляции в среде своих западных партнеров»⁴⁰. В конце беседы французский президент практически прямо предупредил Горбачева, что тому придется согласиться с членством Германии в НАТО, поскольку ни на какие другие варианты немцы не пойдут.

Судя по всему, ко времени их майской встречи с Горбачевым Миттеран уже прекрасно понимал, что положение в Советском Союзе приближалось к критическому: перестройка вышла из-под контроля, экономическая реформа в стране потерпела неудачу, начались

³⁸ Из беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 1. Оп.1 // URL; http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4/htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.)

³⁹ «Экс-премьер ГДР Ганс Модров: Горбачев не был великим политиком» // РИА Новости. 13 августа 2019 г. // URL:https://ria.ru/20190813/1557414550.html?utm_source=ria.24smi.info&utm_medium=referral&utm_campaign=&utm_content=2401857 (дата обращения: 4 мая 2015 г.)

⁴⁰ Из записи беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном один на один 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 51. Оп. 1; URL: http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.).

перебои с обеспечением населения продовольствием. Как писал в своих мемуарах Дюма, «Советский Союз был подобен пьяному тонущему судну»⁴¹. Миттеран прекрасно понимал также, что Горбачев пытался это скрыть от своего собеседника и что откровенный диалог с ним вести затруднительно. Об этом, кстати, свидетельствует бывший заместитель министра иностранных дел СССР А. Адамишин: «Горбачев... и Шеварднадзе один день обсуждали условия объединения (Германии. — К.З.), а на другой могли сказать, что будут защищать ГДР до конца»⁴².

Кроме того, Миттеран не мог не знать о заявлении, которое сделал Горбачев в интервью американскому журналу «Тайм» накануне их встречи. «Мне кажется, — сказал он, — что не все на Западе так уж безмерно рады объединению Германии, как иногда показывают. И даже надеются, что удастся застопорить его нашими руками, чтобы переложить ответственность на нас и посорить нас с немцами»⁴³. Под понятие «на Западе», конечно, подпадал и французский президент. Тем не менее Миттеран симпатизировал Горбачеву и даже сочувствовал ему. Но главное было в том, что он считал Советский Союз важным для Франции партнером. «Я постоянно повторяю: европейская безопасность невозможна без СССР, — говорил он, — не потому, что СССР — противник, имеющий мощную армию, а потому что он наш партнер. Это в наших интересах»⁴⁴. Миттеран неоднократно призывал лидеров стран Запада поддержать перестройку и лично Горбачева. Однако американцы и немцы стремились в условиях ослабления позиций Горбачева добиться от него как можно больше уступок.

Как известно, в результате переговоров в рамках «4+2» 12 сентября 1990 г. в Москве был подписан окончательный вариант договора о воссоединении Германии. Горбачев согласился на то, что это новое немецкое государство безоговорочно станет членом НАТО и не потребовал при этом никаких уступок и гарантий безопасности, хотя многие в Советском Союзе опасались, что после этого войска Альянса сосредоточатся на границах СССР. В своих мемуарах Дюма пишет по этому поводу: «Это опасение с советской стороны видеть силы Альянса у своих дверей стало более, чем актуальным с размещени-

⁴¹ *Dumas R.* Op. cit. P. 235.

⁴² *Адамишин А.Л.* О прошлом, которое продолжается // Россия в глобальной политике, 2008. № 3; URL:https://globalaffairs.ru/number/n_10947/ (дата обращения: 4 мая 2015 г.).

⁴³ Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. 30 июня. № 12 (70). С. 10 // URL:www.rodon.org/other/mgigv/1990_4htm#95 (дата обращения: 4 мая 2015 г.).

⁴⁴ Из записи беседы М.С. Горбачева с Ф. Миттераном один на один 25 мая 1990 г. // Архив Горбачев-Фонда. Ф. № 51. Оп. 1; URL:http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_4htm#95 (дата обращения: 23 июня 2019 г.)

ем вооруженных сил Запада в Польше и странах Балтии и в Турции. Я вспоминаю, что этот вопрос был упомянут в договоре. Было четко указано, что “силы НАТО не будут размещены на протяжении старых границ СССР”. Однако эта статья больше не фигурирует в договоре... Я спрашиваю себя, в какой момент произошла манипуляция, если не сказать мистификация»⁴⁵. Трудно представить, что это произошло без согласия Горбачева. Весьма характерна реакция канцлера Коля на все эти события. Не скрывая торжества, он заявил: «ГДР нам досталась по цене бутерброда!»⁴⁶ Очевидно, он имел в виду продовольственную помощь ФРГ Советскому Союзу на сумму 220 млн марок и 13,5 млрд марок, которые были обещаны в качестве компенсации расходов по выводу советских войск из ГДР.

Помимо германской проблемы, решение которой, объединившись, Франция и Советский Союз могли бы сделать менее болезненным, чему помешала, по сути, капитулянтская позиция Горбачева, в активе обоих лидеров была тема, которая их, несомненно, сближала. Речь идет об идее общеевропейского сотрудничества, получившая во французском варианте название «Европейская конфедерация», а в интерпретации советского руководителя – «Общеевропейский дом». Эта идея была озвучена Горбачевым еще во время визита во Францию в октябре 1985 г. Выступая по французскому телевидению он заявил: «Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие – с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать и налаживать коммуникации в этом доме»⁴⁷.

По существу, это было предложение наладить в Европе качественно новые отношения. Именно так эти слова и были оценены Миттераном, который назвал их «прекрасной формулой»⁴⁸. Более полно концептуальные основы идеи «Общеевропейского дома» были изложены Горбачевым в выступлении перед Советом Европы в Страсбурге 6 июля 1989 г. Горбачев представил эту идею как становление нового «европейского порядка», затрагивающего все сферы международных отношений. В понимании советской стороной формулы «общеевропейского дома» на первый план выдвигались общеевропейские ценности, которые должны потеснить национальный

⁴⁵ *Dumas R.* Op. cit. P. 244–245.

⁴⁶ *Литовкин В.* Уроки августа 1991-го. Пришли как победители и освободители, уходили как нежеланные гости // ТАСС. 30 августа 2019 г. Версия для печати полная: URL: https://tass.ru/opinions/6786952?utm_source=tass&utm_medium=teaser&utm_campaign=teaser (дата обращения: 23 июня 2019 г.).

⁴⁷ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию, 2–5 октября 1985 г. М., 1985. С. 14–15.

⁴⁸ *Mitterrand F.* Mon projet. Nouvelle Observateur. Paris. 1989. 27 juillet-2 août, № 129. P. 22.

и блоковый эгоизм и позволили бы заменить традиционный баланс сил взаимоприемлемым балансом интересов, что реально обеспечило бы суверенное право народов на выбор собственного пути.

Конечная же цель ее состояла в том, чтобы через деидеологизацию, демилитаризацию и демократизацию международных отношений постепенно преодолеть экономическое и военно-политическое разделение Европы, перейти от противостояния между государствами двух систем к их конструктивному взаимодействию. По сути дела, это была достаточно абстрактная схема в духе большинства выступлений Горбачева, далекая от реальности и требующая большей конкретизации.

Несколько иной представлялась идея «Европейской конфедерации», выдвинутая и более четко сформулированная Миттераном в его новогоднем выступлении 31 декабря 1989 г. «Европа, — сказал он, — будет уже не той, что мы знаем последние полвека. Вчера она зависела от двух сверхдержав, но теперь вернется домой, к своей истории и географии. После Хельсинкских соглашений я ожидаю увидеть в 90-х годах европейскую конфедерацию в истинном смысле этого слова, которая вберет в себя все государства нашего континента»⁴⁹. Он обрисовал панъевропейскую структуру в виде концентрических кругов, где 12 членов ЕЭС должны были формировать активное ядро этого нового политического образования, к которому примыкали бы бывшие члены Организации Варшавского договора, затем и Советский Союз. В отличие от формулы Миттерана идея «Общеввропейского дома» предполагала, что единство и безопасность Европы должны основываться на сближении ее Восточной и Западной частей. Однако она не содержала никаких институциональных предложений, что, по мнению французского президента, было ее серьезным недостатком⁵⁰.

Во время совместной пресс-конференции с Горбачевым 27 мая 1990 г. Миттеран более подробно остановился на своей концепции «Европейской конфедерации», заявив, что она «будет расширяться по мере того, как каждая страна будет создавать свои демократические институты», а к Европе будут присоединяться, кто сможет, включая, конечно, СССР жаль, что пока мы не можем сказать: прежде всего СССР»⁵¹. Однако желая поддержать Горбачева, положение которого вызывало у Миттерана определенные опасения, он стремился подчеркнуть не различия, а схожесть обеих формул, заявив, что они, кроме того, «дополняют друг друга»⁵². Тем не менее он все-таки сказал, что

⁴⁹ Les vœux de M. Francois Mitterand // *Le Monde*, 2 janvier 1990. P. 5.

⁵⁰ *Mitterrand F. De l'Europe aux cantons* // *Le Monde*, 7–8 janvier 1990. P. 7.

⁵¹ Пресс-конференция М.С. Горбачева и Ф. Миттерана // *Правда*, 27 мая 1990.

С. 3.

⁵² Пресс-конференция М.С. Горбачева и Ф. Миттерана // *Правда*, 27 мая 1990. С. 3.

«нельзя прийти к согласию при наличии слишком глубоких различий между внутренними учреждениями европейских стран»⁵³, имея в виду, что для вхождения в сообщество европейских стран Советский Союз и страны Восточной Европы должны выполнить ряд условий: ввести многопартийность, свободные выборы, систему представительной демократии и свободу информации.

Однако обе идеи просуществовали недолго. С развалом Советского Союза рухнул проект «Общеввропейского дома», а с уходом Миттерана исчезла из политического лексикона и «Европейская конфедерация».

Своеобразной поддержкой Горбачева стало одобрение Миттераном советского предложения подписать советско-французский договор, который официально назывался Договор о согласии и сотрудничестве между СССР и Французской Республикой. Надо сказать, что, когда перед приездом де Голля в Советский Союз в 1966 г. советская сторона зондировала почву о возможности подписания такого договора, генерал счел его несвоевременным. Когда же такая идея вновь возникла в 1990 г., Франция сразу же дала согласие на подписание такого документа. Договор был подписан 29 октября того же года.

Желая поддержать Горбачева, Миттеран предложил подписать договор до заключения соглашения об объединении Германии. Однако этого не удалось сделать. В конце октября 1990 г. советская делегация прибыла в Париж. Как свидетельствует Дюма, у французского руководства создалось впечатление, что советский лидер приехал искать поддержки у Франции. Он откровенно демонстрировал свою растерянность, говорил, что и представить себе не мог, что дела пойдут таким образом, в том числе и для него самого. Горбачев жаловался на недоверие к нему со стороны западных стран, хотя он проводил реформы, «которые от него требовали»⁵⁴.

Накануне подписания договора между Миттераном и послом СССР во Франции Ю. Дубининым состоялась продолжительная беседа, которая свидетельствует о том, что французский президент прекрасно понимал сложность обстановки в Советском Союзе. В существовавших тогда условиях при публичном формулировании реальной политики Франции задача для него многократно усложнялась. «Риск, возможность и цена ошибки, — пишет Дубинин, — возростали»⁵⁵. Миттеран подчеркнул, что ключевая роль «должна принадлежать в новой обстановке в Европе отношениям его страны с Советским Союзом. Он заявил о своей поддержке преобразований, начатых Горбачевым. Я понимаю, — сказал он, — всю сложность того, что происходит в Советском

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Dumas R.* Op. cit. P. 248.

⁵⁵ *Дубинин Ю.* Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997. С. 126.

Союзе, и остаюсь, как вы знаете, убежденным сторонником поддержки вашей страны в обеспечении успеха политики перестройки. Это один из главных вопросов для будущего Европы»⁵⁶. Вместе с тем он подчеркнул, что заинтересован в том, чтобы Советский Союз и впредь оставался сильным и прочным единым государством. Миттеран пояснил, что такой подход определяется не только одобрением процесса трансформации самих основ жизни советского общества, но самими национальными интересами Франции.

Основной пункт договора содержал обязательство Франции действовать заключению соглашения между Советским Союзом и ЕС. Как вспоминал посол Дубинин, «именно французская сторона предложила на этот раз вынести на первый план в договоре европейскую тематику. Основным аргументом в обоснование было то, что именно в этой области взаимодействие двух стран приобретало подчеркнутую важность и актуальность и могло оказаться наиболее эффективным»⁵⁷. Обе стороны обязались объединить усилия в деле преодоления раскола Европейского континента на антагонистические блоки и преобразования его в мирную и солидарную Европу. Своей задачей они ставили добиваться того, чтобы Европа трансформировалась в сообщество права и демократии, а также превращению ее в общий дом и к созданию европейской конфедерации. По существу это был документ, который создавал основу для нового этапа отношений между Советским Союзом и Францией. Кроме политической поддержки, французские власти оказали Горбачеву и экономическую помощь в виде кредита в 10 млрд франков. Половина из них уже была выделена СССР еще до подписания договора, а вторая половина должна была быть предоставлена после его заключения. Однако из-за развала Советского Союза этот кредит, но уже в меньшем размере, получила Россия после подписания при Ельцине российско-французского договора в 1992 г.

В той же беседе с советским послом перед подписанием договора Миттеран еще раз затронул тему сохранения единства советского государства. «Мы не хотим, — сказал он, — чтобы на карте Европы появилось множество самостоятельных образований, с которыми такой стране, как Франция, было бы во всех отношениях трудно иметь дело, прежде всего в экономической области»⁵⁸. Тем не менее вскоре произошел неприятный инцидент, свидетельствующий о том, что слова президента Франции явно расходятся с его действиями.

Речь шла о подготовке Парижского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое было назначено на 20–21 ноября.

⁵⁶ Там же. С. 127.

⁵⁷ Там же. С. 121.

⁵⁸ *Dumas R.* Op. cit. С. 128.

Страной-хозяйкой этого Совещания была Франция. Участвовать в нем были приглашены и прибалтийские республики, находившиеся тогда еще в составе Советского Союза. Как пишет Дюма, «речь шла не более ни менее о том, чтобы обеспечить за всеми участниками их суверенитет, признанный всеми остальными, равенство прав и обязанностей»⁵⁹.

Советская сторона выразила возмущение такой позицией Франции. В конце концов, вопрос был улажен: делегации прибалтов были приняты только на Кэ д'Орсе. Ключом к пониманию позиции Миттерана в этом вопросе служит разъяснение Дюма, который вспоминал, что президент считал законным, когда «народы брали судьбу в свои руки», хотя «стабильность мира рискует заплатить за это большую цену»⁶⁰. Тем не менее Миттеран позитивно оценил результаты референдума, проведенного в Советском Союзе в марте 1991 г., на котором его граждане высказались за сохранение целостности советского государства. Французский президент надеялся, что Советский Союз сохранится хотя бы в составе меньшего числа республик. Но он был уверен, что прибалтийские республики удержать в составе СССР Горбачев уже не сможет. В конце июня 1991 г. Миттеран принял главу литовской оппозиции В. Ландсбергиса. Но французы поспешили уверить Москву, что речь шла лишь о расширении культурных связей между Францией и Литовской Республикой, и никаких решений без консультаций с советской стороной приниматься не будет. Тем не менее в конце августа того же года Франция признала независимость всех трех прибалтийских республик.

Миттеран прекрасно понимал, что Советский Союз остро нуждался в экономической поддержке. В начале мая 1991 г. он посетил Москву с визитом, в ходе которого обсуждались главным образом крупные советско-французские экономические проекты. Этот визит был также демонстрацией политической поддержки Миттераном Горбачева. Французский президент сказал тогда: «Я не хочу извлекать выгоду из отношений с теми или иными республиками. Я рассуждаю совершенно холодно: в интересах Франции, чтобы на Востоке Европы существовала центральная сила. Если будет распад, если вернемся к тому, что было у вас до Петра Великого, — это историческая катастрофа, и это противоречит интересам Франции. Вековая история учит нас тому, что на Юго-Западе Европы для Франции необходимо иметь союзника, чтобы можно было обеспечить равновесие. Любой распад целостности на Востоке несет нестабильность. Вот почему мы не хотим и не будем поощрять сепаратистские амбиции»⁶¹.

⁵⁹ *Dumas R. Op. cit. С. 250.*

⁶⁰ *Ibid. С. 265.*

⁶¹ Горбачев в жизни. М., 2016. С. 481.

Стремясь в это трудное для советского лидера время помочь ему, Миттеран призвал руководителей стран Запада оказать Советскому Союзу экономическую помощь для ускоренного проведения реформ. В этом его позиция кардинально отличалась от позиции президента Буша, который считал, что помощь СССР может быть оказана только после того, как будут проведены реформы.

В июле 1991 г. в Лондоне должно было состояться совещание «серьезки». Горбачев рассчитывал, что страны, входящие в нее, смогут оказать Советскому Союзу мощную финансовую поддержку. Как признавал помощник генсека А. Черняев, это был «момент, когда стало окончательно ясно, что без решающего шага к смене экономической системы все дело перестройки рухнет»⁶². По его словам, для Горбачева это была «жизненная и неотложная необходимость», поскольку иным способом «с кризисом, уже переросшим в политический, справиться было едва ли возможно»⁶³.

Наиболее активным сторонником оказания экономической помощи СССР на этом совещании был Миттеран. «Есть классический спор о том, что было раньше, курица или яйцо, — сказал он в своем выступлении. — И есть стремление давать оценку экономическому эксперименту, когда он еще не завершен. Так вот, лучшим аргументом против неверия является то, что делает президент Горбачев»⁶⁴.

Тем не менее просьба Горбачева не была удовлетворена, хотя, как пишет Дюма, его страна «находилась на краю гибели»⁶⁵. По его свидетельству, британский премьер Мейджор сказал, что помощь «нужно побереечь для его (Горбачева) преемника»⁶⁶.

Наиболее драматичный эпизод отношений между Горбачевым и Миттераном связан с событиями августа 1991 г., когда членами ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) президент Советского Союза был объявлен «заболевшим» и фактически отстранен от своих обязанностей. Известие об этом вызвало шок на Западе. Во Франции глубокое беспокойство выразили не только официальные власти, но и представители общественности. В официальном заявлении Елисейского дворца говорилось: «Франция придает особое значение тому, чтобы жизнь и свобода М. Горбачева и Б. Ельцина были гарантированы новыми руководителями Москвы. О них будут судить по их действиям, в частности, их отношению к этим двум политичес-

⁶² Черняев А. Указ. соч. С. 444.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 11 // URL: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy2/page_11/ (дата обращения: 23 июня 2019 г.).

⁶⁵ Dumas.R. Op. cit. P. 282.

⁶⁶ Ibid.

ким деятелям»⁶⁷. Опасаясь за жизнь Горбачева, Миттерану и Дюма несколько раз звонила известный ученый и общественный деятель Франции академик Элен Каррер д'Анкосс. «Они убьют его»⁶⁸, — говорила она. Миттеран несколько раз безуспешно пытался дозвониться до изолированного в Форосе советского лидера. Впоследствии Горбачев упрекал французского президента, ссылаясь на то, что Буш смог все-таки с ним связаться.

Однако вслед за официальным заявлением Миттеран сделал заявление на пресс-конференции, которое вызвало неоднозначную оценку как во Франции, так и в Советском Союзе. Как пишет Дюма, в ходе своего выступления президент Франции неожиданно прочитал пассаж из послания председателя ГКЧП Г. Янаева, где говорилось о том, что ни достижения на пути демократии, ни безопасность Горбачева не ставятся под вопрос.

Дюма считает, что этот жест «был ошибкой» и мог быть истолкован, как фактическое признание путчистов в качестве законного правительства Советского Союза⁶⁹. Подобным же образом было оценено заявление Миттерана и рядом советских деятелей. Посол Ю. Дубинин прямо писал, что Миттеран признал факт того, что переворот совершился. По его словам, новых руководителей не отвергали как таковых. Речь шла лишь о своеобразных критериях, на основании которых имелось в виду судить об их действиях. Как считал Дубинин, интерес Франции состоял в том, чтобы «сохранить контакт во что бы то ни стало с непредсказуемым и сверхвооруженным Советским Союзом»⁷⁰. Можно по-разному оценивать этот шаг Миттерана, однако нет сомнений в том, что он руководствовался не личными предпочтениями, а тем, как он понимал национальные интересы Франции, для которой СССР был важным партнером.

Как известно, Миттеран быстро скорректировал свою позицию в отношении ГКЧП. Через два дня последовало его новое заявление, в котором французский лидер призвал вернуться «к демократической практике в СССР в соответствии с принятыми им международными обязательствами»⁷¹. Кроме того, Миттеран выступил с предложением как можно быстрее организовать встречу глав государств и правительств членов Европейского Сообщества для обсуждения ситуации в Советском Союзе и согласования совместных действий. 3 октября он принял советского посла, во время беседы с которым вновь высказался в пользу сохранения единства Советского Союза, а в заключение доба-

⁶⁷ Дубинин Ю. Указ. соч. С. 140.

⁶⁸ Dumas R. Op. cit. P. 286.

⁶⁹ Dumas R. Dans l'oeil du Minotaure. Le labyrinthe de mes vies. Paris, 2013. P. 287.

⁷⁰ Дубинин Ю. Указ. соч. С. 141.

⁷¹ Там же. С. 142.

вил: «Но главное в этом вопросе зависит, разумеется, от вас самих, мы можем лишь оказывать содействие»⁷². Судя по всему, Миттерану уже было ясно, что судьба Горбачева предрешена.

Следует ко всему этому добавить, что в сложном противостоянии Горбачева и Ельцина Миттеран никогда не делал двусмысленных шагов и заявлений. Пока лишенный поста Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев оставался президентом СССР никаких официальных контактов с Ельциным, который был руководителем крупнейшей республики страны, Миттеран не имел. Правда, в апреле 1991 г. в ходе визита Ельцина во Францию произошла их «случайная» встреча. Однако после этого официальный представитель Елисейского дворца Ю. Ведрин сделал следующее заявление: «Ельцин представляет Россию, и интерес имеет беседа с ним именно в этом качестве. Однако здесь не должно быть неясности. У Советского Союза один президент. Им является Горбачев»⁷³.

Трагические события конца 1991 г. общеизвестны. 8 декабря Беловежское соглашение положило конец существованию СССР, а 31 декабря президент Советского Союза объявил о своей отставке. Буквально за несколько дней до этого Миттеран позвонил Горбачеву. По словам Черняева, он снял с себя присущую ему маску величия и напыщенности, просто по-человечески выразил ему сочувствие и сказал об огромном значении Горбачева как политика и о бессмертии того, что сделано ими вместе.

Уже в качестве частного лица Горбачев встречался с Миттераном. Последняя их встреча состоялась в 1995 г. в США, где оба участвовали в телевизионной программе воспоминаний мировых лидеров. К тому времени Миттеран также уже закончил свою политическую карьеру и был тяжело болен.

В книге «После Кремля. Михаил Горбачев — о крупных фигурах европейской политики» бывший советский президент с большим уважением и благодарностью отозвался о Миттеране, назвав его «лидером исторического масштаба» для своей страны. «Он глубоко размышлял о судьбах Европы и мира, высказывал далеко идущие идеи, — писал Горбачев. — Одной из центральных была идея «европейской конфедерации», которая перекликалась с моими предложениями о строительстве общеевропейского дома... Миттеран хотел, чтобы голос Франции звучал на мировой арене по-особенному, чтобы его страна ставила в повестку дня крупные вопросы, затрагивающие интересы и будущее всего человечества. И в наших разговорах всегда большое место занимали глобальные проблемы, необходимость преодоления бедно-

⁷² Там же. С. 146.

⁷³ Там же. С. 136.

сти и экологической угрозы. Он сохранял верность идеям социальной справедливости. А на лондонской встрече “большой семерки” с моим участием был одним из тех, кто выступал за существенные меры по поддержке реформируемой советской экономики»⁷⁴.

Каково же было отношение Миттерана к Горбачеву? Факты свидетельствуют о том, что оно не было однозначным. Советский лидер стал разрушителем системы, на которой строилась внешняя политика Франции 60–80-х гг., позволявшая ей играть роль «моста» между Востоком и Западом, что значительно повышало ее авторитет в мире. С разрушением биполярной системы международных отношений Миттерану первому пришлось искать новые точки опоры внешней политики Франции, что было связано не только с особенностями однополярного мира, но и с появлением объединенной Германии, ее давнего противника и соперника.

Ответом Франции на новую ситуацию стала активизация европейского проекта как важнейшего направления ее внешней политики. Как писали в свое время аналитики Института мировой экономики и международных отношений РАН, стремясь максимально связать ФРГ обязательствами по ЕС, в Париже «рассчитывали создать такие механизмы сотрудничества, которые позволили бы частично уравновесить экономическое превосходство» Германии⁷⁵. Наряду с этим, Миттеран, как свидетельствовал известный франковед Ю. Рубинский, «настойчиво, хотя и безуспешно, предлагал ему (Горбачеву) совместно искать пути обеспечения стабильности в Европе после падения Берлинской стены с помощью создания общеевропейской конфедерации, призванной обеспечить дополнительные гарантии сохранения баланса сил на континенте с учетом объединения Германии»⁷⁶. Однако и на европейском направлении позиции Франции были в определенной мере потеснены ФРГ. Недаром З. Бжезинский считал, что главными победителями в холодной войне стали США и Германия, а проиграла прежде всего Советский Союз и Франция.

Однако с точки зрения идеологии крушение социалистического государства было для Миттерана принципиальной победой, которую он, безусловно, приветствовал. С большим одобрением относился французский президент и к политике Горбачева, направленной на демократизацию советского общества. И если вначале Миттеран несколько настороженно относился к деятельности молодого советского

⁷⁴ Горбачев М.С. После Кремля. М., 2014. С. 361 // URL: <https://rg.ru/2014/11/06/politiki.html> (дата обращения: 23 июня 2019 г.).

⁷⁵ 1992 год: новые контуры Западной Европы. М., 1992. С. 218.

⁷⁶ Рубинский Ю.И. Приметы времени. Том III. Франция на новых рубежах. М., 2018. С. 124.

лидера, то впоследствии он активно поддерживал его в отличие от других руководителей Запада, хотя в их отношениях и возникали определенные недомолвки. Французский президент, умудренный опытом многолетних политических «битв», прекрасно понимал, чего не договаривал в беседах с ним советский лидер.

В политике, как известно, нет места дружеским отношениям. И каждый из государственных деятелей защищает национальные интересы своей страны. Именно в соответствии с таким критерием оценивается впоследствии роль каждого из них. Президент Франции Франсуа Миттеран обеспечил себе достойное место в истории своей страны. За свое место в истории России Михаил Горбачев все еще продолжает бороться...

ФАКТОР НАТО В РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1990–2010-Е ГГ.

П.П. Тимофеев

В мировой политике двусторонние отношения отдельно взятых государств определяются не только интересами национальных элит, но и учитывают множество факторов, влияющих на диалог извне. Говоря об отношениях Москвы и Парижа в годы холодной войны и после ее окончания трудно найти более весомый внешний фактор, оказывающий влияние на безопасность обеих стран, чем существование Североатлантического альянса (НАТО), одной из стран-учредительниц которого является Франция. С одной стороны, присутствие альянса в Европе традиционно воспринимается в Москве настороженно, если не враждебно, что само по себе не может не влиять на российско-французский диалог. С другой – в НАТО входят самые различные страны, имеющие весьма далекие друг от друга традиции отношений с Россией, включая дружественные (например, Греция). Цель данной статьи – определить степень и характер влияния фактора НАТО на российско-французские отношения в 1990–2010-х гг. Играл и играет ли он определяющую или маргинальную роль? Всегда ли этот фактор был негативным, разводящим обе стороны в разные стороны или же есть примеры, когда он помогал сблизиться России и Франции? Является ли Франция в НАТО «адвокатом» России или же, наоборот, застрельщиком атлантизма? В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, сосредоточившись на основных событиях указанного периода (более подробная разработка данной темы превышает размеры статьи).

* * *

Говоря об отношениях России с НАТО в 1990-е гг., можно выделить три крупные проблемы: 1) определение места НАТО в формирующейся системе европейской безопасности; 2) расширение НАТО на восток и 3) Косовский кризис 1999 г.

После распада СССР и окончания биполярности Москва и Париж начали поиски модели новой системы безопасности для Европы. Исчез Варшавский договор, в НАТО на Римском саммите в ноябре 1991 г. была принята Стратегическая концепция, предполагавшая сокращение вооруженных сил альянса. Там же отмечалось, что задачи новой Европы не могут быть решены лишь усилиями НАТО, для этого потребуется сотрудничество разных организаций. Российское руковод-

ство взяло курс на сближение с Западом, французское было озабочено формированием Европейского союза. Символическим шагом в атмосфере завершения раскола Старого Света стал мораторий на проведение ядерных испытаний, введенный Б. Ельциным 26 октября 1991 г., а Ф. Миттераном — 8 апреля 1992 г. В Париже понимали, что «новая» Россия, чье руководство просило помощи для обеспечения безопасности ядерных централов, не может угрожать Западу: Ф. Миттеран ожидал в России долгого переходного периода, сравнивая состояние российской экономики с экономиками европейских стран после окончания Второй мировой войны¹. Реформирующаяся Россия не была способна противостоять НАТО и главное — не желала делать этого. Франция же, вышедшая из военного комитета НАТО в 1966 г., после рождения ЕС постаралась сделать упор на укрепление его силовой составляющей — «европейской оборонной идентичности» — в частности, ЗЕС, который Париж не желал отдавать в подчинение НАТО².

В этих условиях руководство России и Франции обоюдно видело желательным придание центральной роли в Европе — СБСЕ/ОБСЕ³, а в мире — Совету Безопасности ООН. Одновременно с этим руководство РФ, по-прежнему мысля сверхдержавными категориями, ориентировалось на установление «особых отношений» с США⁴ и начало процесса сближения с «Большой семеркой». 26 января 1994 г. Б. Ельцин писал Ф. Миттерану: «Нельзя позволить противникам сближения России с Западом навязать нам паузу. (...) Надо действовать (...) через выработку и утверждение уже на встрече “семерки” в Неаполе основных положений стратегии сотрудничества России с “семеркой” как в экономической, так и в внешнеполитической сфере. Эта стратегия должна четко прочертить перспективу превращения “семерки” в “восьмерку”, сначала — в политической области. В этой связи очень рассчитываю на солидарность и понимание со стороны Франции»⁵.

Ответ Миттерана был общим, но благосклонным: «Я так же, как и Вы, убежден в необходимости тесного сотрудничества между Вашей страной и западными партнерами по международным вопросам. Вы можете рассчитывать на готовность Франции содействовать такому

¹ *Vedrine H.* Les mondes de Francois Mitterrand. A L'Elysée. 1981–1995. P., 1996. P. 583.

² *Dumas R.* Politiquement incorrect. P., 2015. P. 359, 423.

³ СБСЕ — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, учрежденное в 1973 г. В 1994 г. было превращено в ОБСЕ — Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции Франсуа Миттераном и Жаком Шираком. 1991–1999. М., 2018. С. 22–24.

⁴ См.: *Арбатова Н.К.* Национальные интересы и внешняя политика России: европейское направление (1991–1999). М., 2005. С. 112.

⁵ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 41–43.

сотрудничеству»⁶. Накануне саммита «семерки» в Неаполе президент РФ уточнил свое видение многостороннего управления в Европе и в мире, настаивая на превращении G7 в G8: «Восьмерка» должна стать эффективным рычагом воздействия на ход мировых событий (...) Не должна «восьмерка» дистанцироваться от задачи реформирования структур обеспечения стабильности в Евроатлантическом регионе. Отводя ключевую роль СБСЕ, надо выходить на такую модель, в которую органически вросли бы ЕС, Совет Европы, НАТО, ССАС, ЗЕС и СНГ»⁷. Франция не торопилась расширять «Большую семерку»⁸, опасаясь расползания повестки этого «клуба»⁹, нацеленного на решение экономических задач передовых государств Запада, с которыми Россия ассоциировалась очень слабо.

На этом фоне срочным тестом на дееспособность международных организаций стали поиски выхода из гражданской войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Позиции России и Франции по этому вопросу в 1991–1993 гг. были близки: и Москва, и Париж пытались встать «над ситуацией», призывали конфликтующие стороны к переговорам и рассчитывали на миротворчество ООН без проведения силовых операций. Франция рассчитывала подключать Россию ко всем усилиям по миротворчеству в Боснии (переговоры в Контактной группе, формирование сил ООН, заключение соглашения в подходящий момент и проч.). Как пишет Ю. Ведрин, «российский лидер может оценить (...) те усилия, которые мы прилагаем ради жизнеспособных политических решений – с участием России – в Югославии»¹⁰. В апреле 1992 г. Ельцин писал Б. Клинтону: «Не снимаю вины с сербов, но и другие участники конфликта не без греха. Кто виноват больше, кто меньше – решать это на данной стадии конфликта было бы очень рискованно. Как измерить степень влияния Белграда на Р. Караджича? Как соотносить с этим присутствие войск Хорватии в Боснии, прямые призывы А. Изетбеговича к международной интервенции?»¹¹ Миттеран же 1 июня заявлял, что

⁶ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 48–49.

⁷ ССАС – Совет Североатлантического сотрудничества, форум государств-членов НАТО и его партнеров в Центральной и Восточной Европе, учрежден в 1991 г., в 1997 г. заменен Советом евроатлантического партнерства. ЗЕС – Западноевропейский союз, военно-политический союз, созданный с началом холодной войны и существовавший в 1948–2011 г. Там же. С. 57–59.

⁸ «Большая семерка» (G7) – международный клуб, объединяющий ведущие промышленно-развитые страны Европы и Северной Америки (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Япония), учрежден в 1975 г.

⁹ *Vedrine H.* Op. cit. P. 588.

¹⁰ *Ibid.* P. 582–583, 585.

¹¹ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 148.

в югославском конфликте «все неправы, и проблемы – сложные»¹². 28 июня – в очередную годовщину убийства Франца-Фердинанда – он нанес визит в Сараево¹³, а в июле принял премьер-министра Союзной республики Югославия (СРЮ) М. Панича, отметив, что Париж не рассматривает отставку военных на место и постарается приложить свое влияние в СБ ООН, чтобы этого не произошло. Тогда же на саммите СБСЕ в Хельсинки Россия воспрепятствовала исключению СРЮ из СБСЕ и отсрочила применение к Югославии военных мер. В августе Ельцин писал Клинтону, что все три конфликтующие стороны по-прежнему нарушают договоренности о прекращении боевых действий, и для их примирения нужны переговоры, а не поспешные действия: «...в любом случае использование силы в Боснии представляется нам оправданным только и исключительно под эгидой ООН, на основе заложенных в резолюциях Совета Безопасности процедур в целях обеспечения безопасности сил ООН, их защиты от любых провокационных акций, с какой бы стороны они ни исходили», – отмечал президент РФ¹⁴.

Иной позиции придерживались США, решавшие после краха bipolarности задачу – обосновать присутствие НАТО в Европе и преодолеть его кризис идентичности. Новой миссией НАТО, по сути, стало урегулирование конфликтов на посткоммунистическом пространстве. Большую роль, судя по всему, здесь сыграла недавняя война в Персидском заливе, убедившая западный мир в том, что конфликты можно решать путем осуждения и наказания. В эйфории, охватившей победителей в холодной войне, югославский конфликт подавался упрощенно: «Общественное мнение в Германии и во Франции не желает ничего слышать, после сражений в Крайне они видят лишь сербского агрессора и хорватскую жертву», – отмечал Ю. Ведрин¹⁵. Уже в июле 1992 г. Клинтон заявил о готовности предоставить ВВС НАТО в распоряжение американской дипломатии, если боснийские сербы продолжают попытки осады Сараево. Осенью ВМС и авиация НАТО начали осуществлять военное обеспечение эмбарго в Адриатике против Югославии. Как признается тот же Ведрин, осада сербами Сараево оправдывала в глазах Запада наказывающие, устрашающие действия. Если французы считали, что НАТО может быть лишь исполнительным органом и действовать лишь на основе политического решения, принятого СБ ООН или генсеком ООН, то американцы продвигали решение по применению НАТО военной силы в Боснии. Эта дискус-

¹² *Dumas R.* Op. cit. P. 342.

¹³ Как пишет Р. Дюма, «никто не обратил внимание на дату, но зная вкус Миттерана к истории, я сомневаюсь, что это совпадение было случайным». *Ibid.* P. 356.

¹⁴ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 149.

¹⁵ *Vedrine H.* Op. cit. P. 614.

сия имела более глубокий смысл: речь шла о месте НАТО в обороне Европы в сравнении с сугубо европейскими механизмами, которые пыталась создавать Франция¹⁶.

Несмотря на усилия А. Жюппе, Франции не удалось убедить Клинтона, что решение можно найти, если американцы надавят на мусульман, немцы – на хорватов, а русские и французы – на сербов¹⁷. Позиция Парижа изменилась: в условиях, когда осада Сараево продолжалась, Франция решила подключиться в феврале 1994 г. к операции НАТО, которая не была согласована с СБ ООН.

Это обеспокоило Россию, и 16 февраля 1994 г. Ельцин обратился к Миттерану с письмом, в котором просил выправить ситуацию и не допускать ударов по боснийским сербам, обещая «нажать» на Милошевича. «Мы хотим стать подлинными партнерами, причем партнерами зрелыми, и ждем того же от вас. Наше партнерство проходит сейчас проверку в Сараево. (...) Чего от нас ожидают? Чтобы мы сделали вид, будто не видим разницы между решением НАТО и решением СБ ООН? Чтобы поддержали односторонний ультиматум НАТО¹⁸, да еще в тот самый момент, когда в России и в мире крупно спорят, куда трансформируется Североатлантический альянс», – писал Ельцин, предупреждая, что в этом случае в Боснии может начаться полномасштабный конфликт. К письму прикладывался проект заявления правительства РФ, в котором говорилось: «Последствия применения силы вне контекста резолюций СБ вышли бы далеко за рамки Сараево, создали бы качественно новую ситуацию в Боснии, Европе и в мире в целом. Впервые за последние годы по ключевому вопросу мировой жизни решения принимались бы не совместно в Совете Безопасности, а в одностороннем порядке»¹⁹. В ответ Ф. Миттеран, заявил, что действия НАТО по запросу генсека ООН преследуют «лишь цель, поставленную Советом Безопасности», чтобы сделать невозможным повторение обстрелов Сараево²⁰. На тот момент боснийские сербы отвели вооружения, вероятно, не без нажима России²¹, но в дальнейшем, с апреля 1994 г. Альянс производил удары по их позициям.

Очевидно, Россия уже не могла ничего противопоставить этому, к тому же в июне 1994 г. Россия присоединилась к программе

¹⁶ *Vedrine H.* Op. cit. P. 651–652.

¹⁷ *Ibid.* P. 662.

¹⁸ Ультиматум НАТО боснийским сербам был выдвинут 9 февраля 1994 г.

¹⁹ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 43–44, 44–47.

²⁰ Там же. С. 47–48.

²¹ 21 февраля 1994 г. Ф. Миттеран обратился к французам, заявив: «Отвод тяжелых вооружений был достигнут благодаря решимости союзников и посредническому вмешательству русских к сербам». *Vedrine H.* Op. cit. P. 665.

НАТО «Партнерство ради мира», подписала на Корфу соглашение с ЕС, и готовилась к саммиту «семерки» в Неаполе. 28 июня Ельцин в письме Миттерану сообщал: «Терпеть до бесконечности кровопролитие в Боснии мы не собираемся» и предлагал координацию сил в ООН и СБСЕ²². В сентябре 1995 г. после новых бомбардировок НАТО Ельцин снова обратился теперь уже к Шираку. Президент РФ выступил против операции, которая по существу «превратилась в экзекуцию боснийских сербов», и заявил, что действия авиации НАТО следует немедленно прекратить, подчеркнув, что общественное мнение испытывает напряжение, вызванное односторонними действиями НАТО. «Предлагаю провести конференцию в Москве на фоне наших разногласий по авиаударам, это имело бы большое значение, поскольку подчеркнуло бы единство наших действий», — отмечал Ельцин²³. С началом мирных переговоров в Дейтоне Россия рассчитывала на получение «своего» сектора для миротворцев в Боснии и Герцеговине. Франция поддержала эту идею, но США выступили против²⁴. В январе 1996 г. Россия присоединилась к силам ИФОР, введенным в Боснию под руководством НАТО. Российский контингент (бригада) под командованием генерал-полковника Леонтия Шевцова подчинялся дивизии «Север» под командованием США. Конфликт в Боснии показал, что не только ОБСЕ, но и другие международные организации не имели военных инструментов для проведения операций по поддержанию мира²⁵. В этом вакууме доминантная позиция НАТО в системе евробезопасности оказалась безальтернативной — к неудовольствию России, и в меньшей степени, Франции.

Как и военное вовлечение в Боснию, расширение НАТО на восток было призвано закрепить роль Альянса в Европе в условиях открывшегося вакуума силы в ЦВЕ. Этот шаг означал «победу традиционных взглядов на европейскую безопасность, несмотря на всю риторику о неделимости этой безопасности после краха биполярности, и по сути, неверия в демократическое будущее России»²⁶. Как Россия, стремившаяся интегрироваться в Запад, так и Франция, не желавшая в Европе новых разделительных барьеров, не видели необходимости в этом процессе.

Заявления российского руководства в конце 1991 г. о возможном членстве в НАТО были скорее данью демонстративному разрыву с СССР. Стремление превратить РФ в «важнейшего американского

²² Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 57–59.

²³ Там же. С. 79–80.

²⁴ *Chirac J.* Le temps présidentiel. Mémoires. P., 2011. Т. 2. P. 114.

²⁵ *Арбатова Н.К.* Указ. соч. С. 152.

²⁶ Там же. С. 113.

союзника» было ориентиром Ельцина²⁷, но ориентиром нереалистичным. После визитов в Польшу, Чехию и Словакию Ельцин направил Миттерану 15 сентября 1993 г. письмо, в котором выразил серьезное беспокойство расширением НАТО на Восток. Ельцин отметил: «Главную угрозу Европе представляет теперь не конфронтация между Востоком и Западом, а межнациональные конфликты нового поколения. Количественное расширение НАТО вряд ли решит задачу эффективного противодействия им. Необходимо наращивание антикризисного, миротворческого потенциала в масштабах всего континента» — то есть, с участием России. Показателен в письме следующий момент: «Мы, конечно, понимаем, что возможная интеграция восточноевропейских стран с НАТО не приведет автоматически к какому-то повороту Альянса против России. НАТО не рассматривается в качестве противостоящего нам блока. Но важно учитывать, как на такой шаг могло бы отреагировать наше общественное мнение. Не только оппозиция, но и умеренные круги, несомненно, восприняли бы это как своего рода неизоляцию страны в противоположность ее естественному вхождению в евроатлантическое пространство». Президент РФ отметил, что Россия видит решение данной проблемы в том, чтобы отношения Россия—НАТО «были на несколько градусов теплее, чем отношения альянса с Восточной Европой». «В перспективе, наверное, нельзя исключать и нашего вступления в НАТО. Но это пока теоретический вопрос», — отмечал Ельцин. Он предложил Миттерану альтернативу расширению: предоставить государствам Восточной Европы от имени России и НАТО гарантии безопасности с акцентом на обеспечение суверенитета, территориальной целостности, нерушимости границ, на поддержание мира в регионе²⁸.

Франция разделяла российский подход в этом вопросе. Как отмечает Ю. Ведрин, Миттеран в беседах с американцами, лоббировавшими идею расширения НАТО на Восток, постоянно напоминал о том, что Россия не должна чувствовать себя униженной, что «угроза» для стран ЦВЕ является уже теоретической и может быть решена другими средствами²⁹. 5 ноября 1993 г. Миттеран ответил Ельцину: «Я прекрасно осознаю сложность этого вопроса и так же, как и Вы, не считаю желательным создание нового барьера, разделяющего Европу». Президент Франции согласился, что теперь главной угрозой для Европы является уже не конфронтация между Востоком и Западом, а риск новых видов конфликтов, «в частности таких, которые могут порождаться проблемами меньшинств». В связи с этим Франция при-

²⁷ Там же. С. 114.

²⁸ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 33–34.

²⁹ *Vedrine H. Op. cit.* P. 585.

глашала Россию присоединиться к конференции, где можно было бы обсудить Пакт стабильности для стран ЦВЕ. Миттеран также напомнил, что и СБСЕ должно сыграть свою роль, например, при разработке операций по принуждению к миру³⁰.

Тем не менее, и Россия и Франция стали участниками в 1994 г. натовской программы «Партнерство ради мира», «трусливой формулы для координации членов НАТО, стран восточной Европы и России», которую Б. Ельцин воспринимал как альтернативу расширению НАТО на Восток³¹. В декабре 1994 г., Ельцин снова выступил против расширения, и Миттеран снова поддержал его: «Это расширение бесполезно и может быть опасным»³². При этом, как отмечает Т. де Монбриаль, Франция особенно обеспокоилась тем, что в расширенном НАТО организацией будут совместно руководить США и Германия³³. Ж. Ширак, сменивший Миттерана в 1995 г., принимая расширение НАТО как неизбежное, постарался связать этот шаг с реформой внутри НАТО, требуя от американцев отдать европейцам два командных поста в альянсе (северное и южное командование) для усиления «европейской опоры НАТО»³⁴. По его словам, именно с окончанием Холодной войны задачи НАТО изменились, прежде всего — от военных операций как таковых к урегулированию кризисов. На встрече с Ельциным в октябре 1995 г. Ширак предложил тому подумать над идеей общей обороны между Россией и этим возможным европейским столпом НАТО³⁵. Выступая в 1996 г. в конгрессе США, Ширак заявил: «Реформа нашей организации упростит ее расширение, если мы сможем предложить России позитивные отношения с НАТО, в рамках той архитектуры безопасности, которая даст этой великой стране место, которое ей предназначено в Европе. Присутствие российских солдат вместе с союзниками в Боснии — первый перспективный шаг в этом направлении»³⁶. Отвечая в августе 1996 г. на письмо Клинтона

³⁰ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 39–40.

³¹ *Арбатова Н.К.* Указ. соч. С. 115; *Vedrine H.* Op. cit. P. 587.

³² *Vedrine H.* Op. cit. P. 588.

³³ *Монбриаль Т. де.* Русский дневник: 1977–2011. М., 2019. С. 167–168.

³⁴ *Chirac J.* Mon combat pour la paix. Textes et interventions. 1995–2007. P., 2007. P. 202–203. Ширак отмечал в мемуарах, что требование Франции означало радикальное изменение в военной организации НАТО. «Речь идет ни больше ни меньше о том, чтобы получить «южное командование НАТО», ответственное за проведение операций, касающихся средиземноморского бассейна, чтобы его возглавил европейский генерал — почему бы не француз? Это настоящая провокация в глазах боссов Пентагона. Такой ценой Франция сможет стать полноправным партнером США в урегулировании крупных международных проблем как те, которые мы вместе урегулировали в Боснии. *Chirac J.* Le temps présidentiel. P. 135.

³⁵ *Chirac J.* Le temps présidentiel. P. 113.

³⁶ *Chirac J.* Mon combat pour la paix. P. 80–81.

с предложением продвинуть расширение НАТО, не дожидаясь реакции России, президент Франции снова попытался связать этот вопрос с реформой НАТО, но получил твердый отказ США³⁷.

В условиях, когда Россия не могла остановить расширение НАТО, а Франция, хоть и понимала ее, не собиралась останавливать данный процесс, стороны приняли участие в подготовке основополагающего акта Россия–НАТО. Еще в октябре 1996 г. Ельцин писал Шираку о желании достичь с альянсом соглашения, которое зафиксирует «конкретные взаимные обязательства сторон в сфере безопасности, а также четко очерченные механизмы консультаций и принятия решений» и позволит исключить появление нового раскола континента³⁸. Ельцин сигнализировал Клинтону: реализация планов расширения НАТО объективно, вне зависимости от того, ставит ли кто такую цель или нет, приведет к созданию новых разделительных линий в Европе, ухудшению всей геополитической ситуации. Расширение НАТО коренным образом ухудшит геостратегическое положение России, нанесет непосредственный ущерб интересам нашей национальной безопасности³⁹. Как вспоминал Е.М. Примаков, «понимая, что предотвратить расширение НАТО не удастся, был выбран вариант, который позволил при сохранении нашего негативного отношения к этому процессу повести дело к сокращению для России его отрицательных военных последствий».

После упорных переговоров Россия добилась того, что на территории новых членов НАТО запрещалось размещать ядерное оружие, складировать или строить сооружения для его складирования, перебрасывать для постоянного базирования значительные вооруженные силы⁴⁰. Подписанный акт Ельцин считал «историческим», рассматривая его как шаг к Европе без разделительных линий⁴¹. С ним был солидарен и Ширак, по словам которого «Основополагающий акт НАТО и России позволил нам стереть недостойное разделение, прочерченное в Ялте, которое противопоставляло Восток и Запад более

³⁷ Билл Клинтон позитивно смотрел на ротацию командующих НАТО, но был категорически против того, чтобы это применялось к южному командованию, так как это означало бы, что 6-й флот США в Средиземноморье окажется под контролем европейца. «Жак, я должен быть честен, — написал он Шираку 26 сентября 1996 г., — По вопросу о южном командовании — нет!». *Chirac J. Le temps présidentiel*. P. 160.

³⁸ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентом Франции... С. 98–99.

³⁹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. 1996–1999. М., 2011. Т. 2. С. 127–128.

⁴⁰ *Примаков Е.М.* Россия в современном мире. М., 2018. С. 356–357.

⁴¹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 136; Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 105–106.

чем полвека»⁴². В то же время, как напоминает Е.М. Примаков, остались и вопросы. Например, в акте 1997 г. «члены альянса отказались от дополнительных постоянных развертываний существенных боевых сил. Но что это значит в конкретных цифрах, до сих пор не ясно. Российская сторона исходит из того, что бригадный уровень с лихвой отвечает критерию «существенности»⁴³. Кроме того, в акт не вошли требования, на которых настаивала Россия: ее участие в принятии решений НАТО по вопросам европейской безопасности, особенно тех, где предполагалось применение силы, а также заключение юридического договора, устанавливавшего взаимные обязательства России и НАТО⁴⁴.

В июле 1997 г. на Мадридской встрече НАТО Венгрия, Чехия и Польша были приглашены в НАТО (куда вступили в 1999 г.), а с Украиной блок подписал хартию об особом партнерстве. Как и в случае с ОБСЕ и с Боснией, взаимопонимание России и Франции по вопросу о расширении НАТО не позволило им предложить и продвинуть жизнеспособную альтернативу процессу. Единственной уступкой, которую Россия смогла выторговать, стал акт 1997 г., подписанный, что символично, в Париже.

После подписания Парижского акта отношения России и НАТО, казалось, потеплели. В феврале 1998 г. в Москве был открыт Центр документации НАТО по вопросам евробезопасности, в марте в Брюсселе открылось представительство РФ при НАТО. Но уже следующий, косовский, кризис показал, что недоверие между двумя сторонами никуда не исчезло. Еще 12 марта 1998 г., за год до натовских бомбардировок Югославии, Ельцин писал С. Милошевичу: «На заседании Контактной группы⁴⁵ в Лондоне 9 марта нам удалось ценой огромных усилий сдержать принятие увесистого пакета санкций против СРЮ. Но за это мы платим большую цену, осложняя свои отношения с США и их западноевропейскими союзниками, которые — хочу это подчеркнуть — на этот раз сомкнулись с Вашингтоном». Ельцин подчеркнул: возможности для маневра минимальны, западные державы (то есть страны НАТО) ясно дают понять, что они готовы действовать в одностороннем порядке. Россия предложила СРЮ предоставить Косово автономию и подключить ОБСЕ, пригласив в мятежный край ее наблюдателей⁴⁶. По ходу усугубления сербо-албанского противостояния

⁴² *Chirac J.* Mon combat pour la paix. P. 211–212.

⁴³ *Примаков Е.М.* Указ. соч. С. 409.

⁴⁴ *Арбатова Н.К.* Указ. соч. С. 115.

⁴⁵ В Контактную группу вошли Россия и пять стран НАТО: США, Великобритания, Франция, Германия и Италия.

⁴⁶ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 435–437, 639.

в Косово, западные страны поставили на повестку дня вопрос о новом вмешательстве НАТО⁴⁷.

Франция была не против применения НАТО военной силы, но настаивала на том, что эту операцию должен был легитимировать СБ ООН⁴⁸.

12 августа 1998 г. НАТО одобрил три варианта военного вторжения в Косово, а 12 октября Совет НАТО принял решение об использовании силы против СРЮ с отсрочкой на 96 часов⁴⁹. На переговорах в Рамбуйе 18 марта 1999 г. сербы при поддержке России отказались подписать текст соглашения, предполагавший ввод контингента НАТО в Косово. Этот текст подписали остальные члены КГ, а также косовские албанцы. Как отмечал посол Югославии М. Йованович, «Югославия как суверенное и независимое государство отказывается разрешить иностранным войскам оккупировать ее территорию и поступиться этим суверенитетом (...) Встречи во Франции были не переговорами об автономии Косово и Метохии, а грубой и беспрецедентной попыткой навязать решение, четко поддерживающее сепаратистские цели»⁵⁰.

Франция оценивала ситуацию иначе: Ширак считал, что после этого дипломатического провала НАТО должен вмешаться, чтобы прекратить «бесчинства и этнические чистки» в Косово. В своих мемуарах он уточняет, что в Косово было необязательно прибегать к средствам НАТО, кризис можно было бы решить автономными силами ЕС, но их на тот момент не было. Что касается легитимации бомбардировок СБ ООН, то Ширак объясняет, что Россия угрожала использовать право вето против такой операции, «лишая нас тем самым всякого шанса выполнить миссию строго гуманитарного порядка в рамках логики предыдущих резолюций СБ по Косово». Но поскольку речь шла о защите ценностей и принуждении сторон к миру, то Франция дала добро на авиаудары⁵¹. Посол Франции в ООН А. Дежамме заявил, что «усилия по соблюдению соглашений в Рамбуйе были исчерпаны», не объясняя, почему⁵².

⁴⁷ Об этом, например, заявил один из лидеров косовских албанцев И. Ругова на встрече с Ж. Шираком в мае 1998 г.

⁴⁸ *Chirac J. Le temps présidentiel.* P. 238–239.

⁴⁹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 575–576.

⁵⁰ Совет Безопасности ООН. 3988-е заседание (24 марта 1999 г.). Предварительный отчет. S/PV.3988. С. 17 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3988> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁵¹ *Chirac J. Le temps présidentiel.* P. 236, 241–242, 244–245.

⁵² Совет Безопасности ООН. 3988-е заседание (24 марта 1999 г.). Предварительный отчет. S/PV.3988. С. 11 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/S/PV.3988> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Россия выступила категорически против военной операции НАТО. «На каком основании НАТО берется решать судьбы народов в суверенных государствах? Кто наделил ее правом выступить в роли блюстителя порядка?», — писал Ельцин Клинтону 23 марта 1999 г.⁵³

24 марта, в день начала бомбардировок Югославии без санкции ООН Б. Ельцин выступил с заявлением, справедливо назвав эту операцию «неприкрытой агрессией» и подчеркнув, что тем самым был нарушен как Устав ООН, так и основополагающий акт Россия—НАТО⁵⁴. Он пообещал пересмотреть отношения Москвы с НАТО, «как организацией, проявившей неуважение к фундаментальным устоям системы международного общения», отозвать в Москву главного военного представителя РФ при НАТО, приостановить участие России в программе «Партнерство ради мира» и партнерстве Россия—НАТО. Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится», — резюмировал он⁵⁵. Через неделю, 30 марта в послании Федеральному Собранию Ельцин заявил, что Россия не будет вмешиваться в конфликт военным путем⁵⁶. Ни задачи безопасности России, ни ее возможности не позволяли рассчитывать на успешное военное противостояние НАТО⁵⁷, поэтому ставка Москвы была сделана на дипломатическое посредничество между НАТО и Югославией, пока 10 июня не была принята резолюция СБ ООН 1244.

В отличие от проблем Боснии и расширения НАТО позиции России и Франции в косовском кризисе серьезно разошлись. Тем не менее, несмотря на активное участие Парижа в бомбардировках Югославии (2-й вклад в коалицию по числу самолетов), российское руководство

⁵³ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 194—195.

⁵⁴ Не очень ясно, что конкретно имел в виду Б. Ельцин, говоря о нарушении альянсом акта Россия—НАТО. Скорее всего, речь шла или о покушении НАТО на безопасность на Балканах или об отказе НАТО консультироваться с Россией при урегулировании кризиса. См.: *Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора*. 27 мая 1997 // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁵⁵ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 640—641.

⁵⁶ Особенно эту позицию оценили США. Там же. С. 195—196.

⁵⁷ Отчасти на это намекает Т. де Монбриаль, резюмирующий в своем дневнике разговор 12 декабря 1998 г. с главой МИД РФ И.С. Ивановым: «Он объясняет с удивившей меня откровенностью, что Россия сегодня находится не в том положении, чтобы приказывать другим и все искусство состоит в том, чтобы наилучшим образом использовать существующие международные институты для создания “дружественных коалиций”». *Монбриаль Т. де*. Указ. соч. С. 217.

не акцентировало внимание на Франции как на инициаторе кампании, в отличие от США, Великобритании и Германии. Так, в марте 1998 г. в письме Милошевичу Ельцин отмечал: «Антиюгославскому и антисербскому нажиму со стороны Вашингтона, Лондона, Бонна и других столиц [то есть Парижа и Рима — *П.Т.*] необходимо противопоставить конструктивную позицию по политическому решению косовской проблемы»⁵⁸. В сентябре Ельцин писал Шираку: «Сейчас как никогда важно действовать согласованно, используя весь набор политических средств. (...) От того, насколько мы и дальше будем тесно взаимодействовать на этом направлении, во многом будет зависеть разрешение проблемы Косово»⁵⁹.

Очевидно, Москва так или иначе рассчитывала на то, что «привилегированное партнерство», о котором любили говорить Ельцин и Ширак⁶⁰, сработает. Но, судя по всему, единственной «любезностью», которую позволила Франция в рамках этого «партнерства», стал телефонный звонок, которым Ширак предупредил Ельцина утром 24 марта о начале бомбардировок СРЮ. В заявлении Ельцина от 24 марта 1999 г. из стран НАТО названы только США: «Я уже обратился к Президенту США Б. Клинтону, призываю также руководителей других государств-членов НАТО незамедлительно положить конец этой военной авантюре»⁶¹. 6 апреля Ельцин направил послание Шираку, в котором осудил бомбардировки, но не упоминая ни НАТО, ни Францию, и призвал «дать миру в Европе шанс» — начать политические консультации⁶². 12 апреля в письме Милошевичу Ельцин отмечал: «Трагические последствия войны против Югославии все больше начинают понимать и в Западной Европе что, в частности, проявилось на последнем заседании Совета НАТО в Брюсселе. Определенной зазор между позициями США и их союзников по альянсу обозначается. Нужно этим воспользоваться»⁶³.

Если уместен этот термин, то Франция, вероятно, воспринималась в Москве как особый, «привилегированный» собеседник из числа членов НАТО, с помощью которого можно было надавить на альянс. В ходе визита в Москву Ширака 12–13 мая оба президента констати-

⁵⁸ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 435–437.

⁵⁹ Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 118–119.

⁶⁰ Там же. С. 116, 117, 121.

⁶¹ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 640–641.

⁶² Переписка президента России Бориса Николаевича Ельцина с президентами Франции... С. 122.

⁶³ Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. С. 442–443.

ровали разное понимание роли НАТО в кризисе. Ельцин критиковал солидарность Франции с США по НАТО, Ширак стремился показать ему, что Франция тем самым сражается «за верховную роль ООН в международных отношениях»⁶⁴. Как в письме Ельцину от 14 мая, так и в интервью 10 июня после окончания операции Ширак упирал на роль СБ ООН как на единственный источник международного права. В июне 1999 на саммите в Кёльне именно по настоянию Франции ЕС сделал первые шаги к обретению своего военного потенциала, что, по словам Ширака, стало «первым уроком Косово»⁶⁵. В ноябре, выступая в ИФРИ, Ширак призвал приложить усилия к построению многополярного мира, подчеркнув, что внутри НАТО нужна «Европа обороны», а «без участия России не существует мира и безопасности на нашем континенте». «Франция не может принять и не примет того, чтобы одна региональная оборонительная организация взяла на себя роль мирового жандарма, роль, которая доверена Хартией ООН Совету безопасности и только ему», — эти слова Ширака подтверждают, что Франция в ходе косовского кризиса заняла атлантистскую позицию во многом вынужденно⁶⁶. Но, разумеется, ее участие в натовской операции не могло не ударить как по российско-французским отношениям, так и по отношениям России с Западом в целом.

В целом же фактор НАТО играл важную, но не решающую роль в отношениях Москвы и Парижа в 1991–1999 гг. В своем диалоге обе страны обращались прежде всего к общим интересам, таким как сближение России с Западом, стремлении построить Европу без разделительных линий при ведущей роли ОБСЕ и с опорой на ООН, участие России в G7. Франция понимала позиции России в плане миротворчества в Боснии, проблемы расширения НАТО на Восток, желанием участвовать в урегулировании косовского кризиса. Но это понимание не означало всемерной поддержки Парижем Москвы из-за разных приоритетов (например, реформы НАТО для Франции) и не принесло успеха в отстаивании близких позиций перед лицом США. В косовском кризисе фактор НАТО вообще развел Россию и Францию по разным сторонам, хотя Ельцин и Ширак стремились сгладить углы, а сохранившийся между ними диалог внес свой вклад в принятие резолюции ООН,

⁶⁴ Как вспоминал Ширак, «Ельцин, находившийся под давлением политических угроз, в экономически и финансово обескровленной России, высказал мне со своей обычной энергичностью то чувство унижения и ущемленной национальной гордости, которое он испытал, как и его соотечественники, перед лицом интервенции НАТО. В конечном итоге он опасался, как бы это дело не поставило под вопрос привязку его страны к западному лагерю, символом которой стало его недавнее сближение с НАТО». *Chirac J. Le temps présidentiel*. P. 249–250.

⁶⁵ *Ibid.* P. 248.

⁶⁶ *Chirac J. Mon combat pour la paix*. P. 62.

остановившей операцию НАТО. НАТО воспринимался Россией главным образом как проект США, Франция же выглядела более-менее понимающим партнером, диалог с которым был призван упростить сближение с НАТО в начале 1990-х и смягчить обострение в конце 1990-х гг.

* * *

В 2000-е гг. фактор НАТО был связан с целым рядом событий, влиявших на российско-французские отношения: сближение России с НАТО на фоне начала операции США и их союзников в Афганистане; две волны расширения НАТО (2002–2004 и 2008–2009 гг.); обострение отношений Россия–НАТО в связи с проектом развертывания системы ПРО США и проблемой ДОВСЕ (2006–2007); Кавказский кризис; возвращение Франции в военную организацию НАТО (2009 г.) и «Перезагрузка» отношений РФ–США.

В 2000–2001 гг. российско-французские отношения потеплели в связи с началом «энергодIALOG» Россия–ЕС, где Франция была председателем, а также некоторому «остыванию» остроты чеченского вопроса. Новым стимулом для сближения России и Франции стала их общая поддержка США после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, в результате которых страны НАТО впервые обратились к ст. 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне.

Новый президент России В. Путин стал первым лидером, позвонившим Дж. Бушу с выражением соболезнований после теракта⁶⁷, а Ж. Ширак – первым лидером, который нанес визит в США (18 сентября) после этого⁶⁸. 16 ноября, через месяц после начала операции США и почти сразу после освобождения Кабула от талибов, Франция отправила в Афганистан небольшой контингент в помощь американцам. Уже 14 сентября И. Иванов и Ю. Ведрин выразили соболезнование и дружественные чувства американскому народу, и выступили с призывом объединить усилия разных стран для борьбы с терроризмом⁶⁹. Для России это была возможность делегитимировать в глазах Запада чеченских сепаратистов.

В январе 2002 г. В. Путин и Ж. Ширак дали понять, что выступают за сближение России с НАТО путем регулярных консультаций

⁶⁷ Владимир Путин посетил место трагедии 11 сентября. 16 ноября 2001 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/41520> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁶⁸ Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012. С. 269.

⁶⁹ Стенограмма выступления министра иностранных дел России И.С. Иванова на пресс-конференции в Москве по итогам переговоров с министром иностранных дел Франции Ю. Ведрином 13 сентября 2001 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/573070 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

в формате «двадцатки» (19 стран альянса и Россия), в том числе для проведения антикризисных операций⁷⁰. Чуть позже МИД РФ подчеркнул: «Российская сторона исходит из того, что военное присутствие ряда стран НАТО в Средней Азии направлено на решение общей задачи, объединяющей Россию, Францию, весь цивилизованный мир, – искоренение угрозы терроризма с афганской территории»⁷¹. Показательно, что в свете тогдашней угрозы удара США по Ираку И. Иванов, как и Ю. Ведрин, отметили: Россия, как и Франция, помогает антиталибской коалиции не ради помощи США, а исходя из собственных интересов и борьбы с международным терроризмом⁷². Поддержка Францией сближения России с НАТО⁷³ дала практический результат: 28 мая 2002 г. в Риме была принята декларация «Отношения Россия–НАТО: новое качество», которая учреждала Совет Россия–НАТО (СРН). Отмечалось, что в рамках СРН Россия и государства-члены НАТО будут проводить консультации, вырабатывать консенсус, сотрудничать «по широкому спектру вопросов безопасности в евроатлантическом регионе», первым из которых значи-

⁷⁰ Пресс-конференция президента России В.В. Путина 15 января 2002 года, Париж. 17 января 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/569136; Conférence de presse conjointe de MM. Jacques Chirac, Président de la République, et Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie, sur le partenariat entre la France la Russie en matière internationale, à Paris le 15 janvier 2002 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/027000011.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷¹ Интервью официального представителя МИД России А.В. Яковенко РИА «Новости» в связи с предстоящим визитом министра иностранных дел России И.С. Иванова во Францию. 15 февраля 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/566320 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷² Point de presse conjoint de MM. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères, et Igor Ivanov, ministre russe des affaires étrangères, sur les questions de sécurité et les questions diplomatiques et stratégiques mondiales, concernant la lutte contre le terrorisme, les conflits du Proche-Orient et de Tchetchénie, les relations entre l'Otan et la Russie, entre l'Union européenne et la Russie, Paris le 15 février 2002 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/023000715.html>; Стенограмма выступления министра иностранных дел России И.С. Иванова в ходе пресс-конференции по итогам визита в Париж 15 февраля 2002 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/566208 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷³ Conférence de presse commune de MM. Jacques Chirac, Président de la République, et George W. Bush, Président des Etats-Unis d'Amérique, sur les relations franco-américaines et entre l'Europe et les Etats-Unis, notamment dans la lutte contre le terrorisme, le futur traité de désarmement entre les Etats-Unis et la Russie, le Proche Orient, les manifestations contre la visite de M. Bush, et le déplacement de M. Bush en Normandie, Paris le 26 mai 2002 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/027000135.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

лась борьба с терроризмом⁷⁴. Кроме того, 8 июля 2002 г. был учрежден российско-французский Совет по вопросам безопасности, призванный координировать действия двух стран в области международной безопасности, в том числе обсуждения взаимодействия России с НАТО. Первое заседание российско-французского Совета с участием министров обороны и иностранных дел прошло в ноябре 2002 г.⁷⁵

Как и в 1997 г., принятие в 2002 г. декларации и создание Совета Россия–НАТО предшествовало новой волне расширения НАТО на Восток⁷⁶. Но теперь речь шла о принципиально иных обстоятельствах: накануне Римского саммита Дж. Буш заявил, что «Россия не является врагом, и исходя из этой новой реальности военная доктрина НАТО должна быть пересмотрена», а пустующую нишу «советской угрозы» теперь займет угроза международного терроризма⁷⁷. «Новые отношения, которые установились между Россией и Западом, отчасти под воздействием общей борьбы с терроризмом должны им позволить избежать того, чтобы расширение НАТО, в частности, присоединение балтийских стран, не подрывало отношений организации с Россией»⁷⁸. Ж. Ширак считал, что «обновление основ сотрудничества» России и НАТО, подобно отношениям Россия–ЕС, должно позволить европейцам предотвратить появление новых разделительных линий в Европе⁷⁹ (формулировка, которая применялась еще в 1999-е гг.). В феврале 2003 г., принимая В. Путина, Ширак добавил: с обновлени-

⁷⁴ Отношения Россия–НАТО: новое качество. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО. 28 мая 2002 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3484> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁵ О заседании российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности. 19 ноября 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/539174 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁶ Приглашение в НАТО получили бывшие соцстраны – Албания, Болгария, Румыния, Словакия, Словения, две бывшие югославские республики – Хорватия и Македония, а также три бывшие республики СССР – Латвия, Литва, Эстония, в связи с чем газета «Коммерсант» иронично заметила: «НАТО становится Варшавским договором». *Строкань С.* НАТО становится Варшавским договором // Коммерсант. 21 ноября 2002 г. № 211. С. 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/352067> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Courmont B. et Nies S.* Elargissement des missions de l'OTAN et construction de l'espace de sécurité européen dans ses dimensions interne et externe: rationalisation, empiètement ou chevauchement? P. 63–64 // IRIS. URL: https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2014/11/2004_otan.pdf (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁷⁹ Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur les décisions de l'OTAN touchant la rationalisation des structures de commandement, le projet de «force de réaction de l'OTAN», le renforcement des capacités militaires des pays de l'OTAN et la coopération entre l'Union européenne et l'OTAN, Prague le 21 novembre 2002 // Vie

ем НАТО возникли новые возможности для сближения его с Россией, и он надеется, что Россия сможет извлечь для себя пользу и поможет определить контуры нового евроатлантического пространства безопасности⁸⁰. По мнению французских экспертов из ИРИС, НАТО должен постараться извлечь выгоду из новой ситуации и предложить сотрудничество еще более широкого масштаба, которое могло бы трансформировать отношения между Россией и Западом⁸¹.

С российской стороны звучали также спокойные заявления. Москва хоть и напоминала, что объективной потребности в расширении альянса нет, но не будет драматизировать данный вопрос. «Мы спокойно относимся к расширению, при этом мы видим, что военная организация НАТО нуждается в реформировании, чтобы отвечать на существующие, а не на мифические угрозы, прежде всего, угрозу международного терроризма», — заявил глава Минобороны России С. Иванов, добавив, что «главной проблемой является то, что три страны Балтии не являются подписантами Договора об ограничении вооруженных сил на границах»⁸². Как отмечали Д. Данилов и В. Журкин, отношение России к процессу расширения, оставаясь принципиально негативным, с точки зрения характера конкретных реакций (...) зависит, прежде всего, от способности России и НАТО достичь компромисса по ключевым вопросам безопасности и соответственно от перспектив повышения уровня доверия и сотрудничества⁸³.

Сближению позиций России и Франции в вопросах безопасности способствовала солидарность Москвы, Парижа и Берлина по иракскому кризису (2002–2003). В феврале 2003 г. В. Путин даже заявил: «Впервые в послевоенной истории предпринята попытка урегулировать сложную, острую проблему в сфере международной безопасности вне блока. Это, по сути, на мой взгляд, вполне можно рассматривать как первый шаг по созданию того самого многополярного мира»⁸⁴. В тот же день вышла статья И.С. Иванова «Новые реальности мировой политики», в которой говорилось, что смысл российско-франко-герман-

publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/027000308.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁰ *Chirac J.* Mon combat pour le paix. P. 144.

⁸¹ *Courmont B. et Nies S.* Op. cit. P. 64.

⁸² Россия спокойно относится к расширению НАТО на Восток. 21 ноября 2002 г. // Newsinfo. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2002-11-21/item/546733/>; *Маркушин В.* НАТО стала шире. 22 ноября 2002 г. // Красная звезда. URL: http://old.redstar.ru/2002/11/22_11/1_03.html (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸³ Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М., 2011. С. 671.

⁸⁴ Ответы президента России В.В. Путина на вопросы российских журналистов, Париж, гостиница “Бристоль”, 11 февраля 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7quv/content/id/532406 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

ской позиции состоит в том, чтобы продемонстрировать альтернативу войне. Далее говорилось: «Особую значимость в современных условиях приобретает сохранение единства евроатлантического сообщества, частью которого сегодня является Россия»⁸⁵. Тем самым, российское руководство не противопоставляло себя НАТО, а рассчитывало путем сближения с ним (при учете собственных интересов) предложить вместе с Западной Европой пути к многополярности. Предотвратить войну в Ираке не удалось, но данная коалиция стала одним из ярчайших примеров российско-французского сотрудничества.

В рамках российско-французского диалога по безопасности в июне 2003 г. было подписано положение о создании комитета по сотрудничеству в области военно-технического сотрудничества (ВТС). В июле состоялись беспрецедентные в истории отношений Россия–НАТО военно-морские манёвры российских и французских кораблей и подлодок в Норвежском море. На них впервые использовалась электронная аппаратура сопряжения, позволяющая взаимодействовать корабельным системам слежения и распознавания, имеющим стандарты НАТО и России⁸⁶. Тогда же на втором заседании российско-французского Совета по вопросам безопасности обсуждалась возможность переброски военных грузов НАТО через территорию РФ в Афганистан⁸⁷. МИД РФ отмечал в ноябре 2003 г., что сближение России с ЕС и НАТО рассматривается Москвой в более широком контексте полномасштабной

⁸⁵ Статья министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова «Новые реальности мировой политики», опубликованная в английской газете «Файнэншл таймс» 14 февраля 2003 г. под заголовком редакции «America Must Not Return To Cold War Attitudes» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/532358 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁶ Ответы заместителя министра иностранных дел России А.Ю. Мешкова на вопросы ИТАР-ТАСС по итогам второго заседания российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности. 16 июля 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/513370; Об учениях надводных кораблей и атомных подводных лодок России и Франции в Норвежском море. 12 июля 2003 г. // Там же. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/513746 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁷ Стенограмма выступлений министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова и министра обороны Российской Федерации С.Б. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам второго заседания российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности переговоров при участии министра иностранных дел Французской республики Д. де Вильпена и министра обороны Французской республики М. Аллио-Мари, Москва, 8 июля 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/514082 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

интеграции России в мировое политическое и экономическое сообщество⁸⁸.

В марте 2004 г. состоялось третье заседание российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности. В связи с расширением НАТО на Восток 29 марта 2004 г.⁸⁹ министр обороны С.Б. Иванов отметил, что главный вопрос, беспокоящий Россию, состоит в том, что ряд вступающих в НАТО государств не являются подписантами ДОВСЕ. Говоря о военно-технических связях России и Франции, он отметил, что те превышают результаты аналогичного сотрудничества РФ и НАТО⁹⁰.

О том, что эта волна расширения НАТО никак не отражалась на российско-французских отношениях, говорит и пресс-конференция В. Путина и Ж. Ширака в апреле 2004 г., на которой президент Франции заявил: «Никто не может вообразить на секунду, что дух сегодняшней России состоит в том, чтобы развивать оборонительные технологии с агрессивными целями». Российский президент добавил, что обеспечение безопасности России будет происходить открыто, в том числе «в рамках наших контактов с НАТО»⁹¹.

На этом, в общем, благоприятном фоне к 2007 г. постепенно созрели две взаимосвязанные проблемы евробезопасности, снова поставившие под вопрос потепление отношений России с НАТО — это судьба ДОВСЕ и проект системы ПРО США в Европе. Еще с 2000 г.

⁸⁸ Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы российских СМИ по российско-французским отношениям. 5 ноября 2003 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/498074 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁸⁹ В этот день членами НАТО стали Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония.

⁹⁰ Стенограмма ответов на вопросы и.о. министра иностранных дел И.С. Иванова и и.о. министра обороны С.Б. Иванова в ходе совместной пресс-конференции в Париже с министрами иностранных дел и обороны Франции, Париж, 5 марта 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/482196 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹¹ Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов в ходе пресс-конференции по итогам встречи с президентом Франции Жаком Шираком, Краснознаменск, 3 апреля 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/478668; Conférence de presse de M. Jacques Chirac, Président de la République et de M. Vladimir Poutine, Président de Russie, sur la coopération entre la France, l'Europe et la Russie, notamment sur les plans aéronautique et spatial, la lutte contre le terrorisme, l'invitation de M. Poutine aux cérémonies du 60ème anniversaire du débarquement en Normandie et le développement d'armements nucléaires par la Russie, Moscou le 3 avril 2004 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/047000054.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Россия и Франция давали понять, что отрицательно относится к выходу США из договора по ПРО. Тем не менее в 2002 г. США вышли из него и в 2007 г. договорились с Чехией и Польшей о размещении там элементов ПРО и базы противоракет.

Это обеспокоило Москву, которая привлекла внимание европейских стран НАТО к необходимости ликвидировать «фланговые ограничения» ее возможностей на севере и в районе Кавказа. Этот вопрос МИД РФ поднимал как минимум с 2004 г.⁹², хотя возможно, его стоило поставить в центр обсуждения на уровне Россия–НАТО еще в связи с расширением НАТО 2002–2004 гг. 10 февраля 2007 г. в Мюнхене В. Путин прямо высказал свое беспокойство по вопросам ПРО и ДОВСЕ⁹³.

Франция в вопросе ДОВСЕ заняла солидарную с другими странами Запада позицию, увязав его подписание с выводом российских войск из Молдавии и Грузии⁹⁴ и отрицательно отреагировав на решение России в июле 2007 г. приостановить договор. Глава МИД Франции Б. Кушнер призвал Москву к переговорам, заявив, что «эрозия» ДОВСЕ может привести к новой гонке вооружений и новым линиям конфронтации. В то же время Франция вместе с ФРГ постаралась в 2008 г. стимулировать Словению и страны Балтии к режиму действия договора, но практические результаты этих усилий неизвестны.

В вопросе об американской ПРО Франция заняла осторожную позицию, дав понять, что понимает опасения России. В марте 2007 г. Ширак предупредил, что данный демарш рискует создать новые разделительные линии в Европе. Б. Кушнер в сентябре 2007 г. заявил, что не разделяет тезис о том, что элементы системы ПРО в Польше и Чехии создаются, чтобы угрожать России, хотя отметил, что понимает опасения Москвы⁹⁵.

⁹² О рабочем визите во Францию министра иностранных дел России С.В. Лаврова. 17 июля 2004 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/464130 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁴ *Où va la Russie? Rapport d'information n° 416 (2007–2008) de M. Josselin de Rohan, Mme Josette Durrieu, MM. Jean-Pierre Fourcade, Robert Hue, Yves Pozzo di Borgo et Roger Romani, fait au nom de la commission des affaires étrangères, déposé le 25 juin 2008 // Senat français.* URL: https://www.senat.fr/rap/r07-416/r07-416_mono.html#toc20 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁵ Entretien de M. Bernard Kouchner, ministre des affaires étrangères et européennes, avec la radio «Echos de Moscou» le 18 septembre 2007 à Moscou, sur la question des droits de l'homme, le Kosovo, le dossier nucléaire iranien et la menace de nouvelles sanctions, le déploiement du bouclier antimissiles américain, les relations franco-russes et la coopération bilatérale, notamment la question des visas // Vie publique. URL: <http://>

Новый президент Франции Н. Саркози выступил с противоречивыми заявлениями: в июле 2008 г. он объявил, что каждая страна вольна сама решать вопрос о размещении установок на своей территории, а в ноябре, уже после Кавказского кризиса, сообщил, что противоракеты несвоевременны и не усилят безопасность Европы⁹⁶. В 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне Саркози объявил о готовности Франции участвовать в системе ПРО в Европе, но с условием, что та будет дополнять, а не подменять СЯС Франции и защищать европейцев (а не войска НАТО). Он добавил, что ПРО не направлена против России⁹⁷.

Президентство Н. Саркози, получившего за свое сближение с США и возврат Франции в военные комитеты НАТО (2009 г.) прозвище «Сарко-американец»⁹⁸, стало показательным примером того, как «европейский атлантизм» Франции может гармонично уживаться с учетом позиции России. Как отмечают отечественные франковеды, в основе «атлантического крена» Саркози лежало понимание того, что в результате волн расширения ЕС и НАТО на Восток в ЕС сложилось опасное разделение между «Старой» (Западной) и «Новой» (Восточной) Европой. Разница в их отношении к США ярче всего проявилось в ходе иракского кризиса 2003 г., и Саркози убедился, как важно учитывать их интересы, в том числе в отношении России: для Польши, Румынии, стран Балтии и т. д. атлантизм во многом был идентичен сдерживанию Кремля. В этих условиях решение Саркози вернуть Францию в военную организацию НАТО преследовало цель вовсе не отказаться от особой позиции Франции на мировой арене, а преодолеть отчуждение Восточной Европы и в идеале сделать НАТО более европейской организацией. Тем самым это сделало бы действия альянса более взвешенными, в том числе в отношении России и пост-

discours.vie-publique.fr/notices/073002764.html (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁶ *Gros-Verheyde N.* Bouclier antimissile US, une question européenne dit Sarkozy. 11.07.2008 // Bruxelles2. URL: <http://www.bruxelles2.eu/2008/07/11/bouclierantimissileu-sunequestioneuropeennedit Sarkozy>; Merchet J-D. Nicolas Sarkozy se prend les pieds dans le bouclier antimissile américain. 16.11.2008 // Libération. URL: <http://secretdefense.blogs liberation.fr/2008/11/16/nicolas-sarkozy/> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁷ Les membres de l'Otan s'accordent sur un bouclier antimissile. 20.11.2010 // 20 minutes. URL: <http://www.20minutes.fr/monde/625839-20101120-monde-les-membres-otan-accordent-bouclier-antimissile>; Otan: La défense antimissile répond à la menace iranienne, affirme Sarkozy. 20.11.2010 // 20 minutes. URL: <http://www.20minutes.fr/monde/625891-20101120-monde-otan-defense-antimissile-repond-menace-iranienne-affirme-sarkozy> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

⁹⁸ «Sarko l'Américain» parle aux Américains. 08.11.2007 // Le Temps. URL: <https://www.letemps.ch/monde/sarko-lamerica-in-parle-aux-america-ins> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

советского пространства. В феврале 2009 г. Саркози прямо заявил, что не видит в России никакой угрозы НАТО⁹⁹.

Москва по достоинству оценила шаги, предпринятые Францией: в апреле 2008 г. на Бухарестском саммите НАТО по настоянию Саркози и Меркель Украина и Грузия (в отличие от Албании и Хорватии) не получили приглашение в НАТО. В декларации саммита была выбрана обтекаемая формулировка: «эти страны станут членами НАТО», но без конкретного указания на сроки¹⁰⁰. В ходе Кавказского кризиса августа 2008 г. Саркози, как известно, стал посредником между Грузией и Россией¹⁰¹, выступая как президент страны – председателя ЕС, а не члена НАТО. Тем не менее 19 августа 2008 г. НАТО приостановил работу СРН, а Россия в ответ заморозила ряд совместных программ с альянсом, в том числе «Партнерство ради мира». Но уже с 5 марта 2009 г. работа СРН возобновилась в связи с политикой «перезагрузки» отношений России и США, объявленной Б. Обамой¹⁰². В заявлении НАТО от 4 апреля 2009 г. отмечалось, что, несмотря на текущие разногласия, Россия «особо важна для нас как партнер и сосед», а Совет Россия–НАТО остается площадкой для диалога и решения спорных вопросов¹⁰³.

В апреле 2009 г. на саммите НАТО в Страсбурге и Келе Франция официально вернулась в военную организацию НАТО, новыми членами блока стали Албания и Хорватия. МИД РФ отметил, что дальнейшее развитие «партнерства с альянсом будет в значительной степени зависеть от того, насколько в НАТО готовы (...) выстраивать отношения с Россией не как с оппонентом, а как с партнером в сфере безопасности». Москва спокойно восприняла решение Парижа, заявив, что это – суверенное решение Франции и приветствуя подчеркнутую Саркози нацеленность на выстраивание партнерских отношений

⁹⁹ Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., 2011. С. 277, 305; Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голя до Саркози. С. 323–326.

¹⁰⁰ Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте. 3 апреля 2008 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_8443.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰¹ Изложение существа договоренностей между президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и президентом Французской республики Н. Саркози об осуществлении плана от 12 августа 2008 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/326154 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰² Союзники договорились о возобновлении официальных заседаний Совета Россия–НАТО. 5 марта 2009 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_51343.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰³ Заявление по итогам встречи в верхах в Страсбурге / Келе. 4 апреля 2009 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_52837.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

с Россией¹⁰⁴. Так же спокойно, хотя и без особой радости, Россия прокомментировала расширение НАТО на балканские страны, отметив, что на этот процесс ушло гораздо меньше времени, чем на ратификацию соглашения об адаптации ДОВСЕ¹⁰⁵.

Российско-французские отношения снова потеплели. В 2009 г. Россия и Франция подписали новое соглашение о транзите грузов в Афганистан через пространство РФ, 2010 г. стал Годом России во Франции и Годом Франции в России. Открывая его в марте 2010 г., Саркози в присутствии Медведева заявил: «Франция вернулась в НАТО, Франция является союзником Соединенных Штатов. Но я сказал господину Медведеву, что России нечего бояться НАТО», холодной войне положили конец. Теперь уже Россия не наш противник, а наш новый партнер»¹⁰⁶. Франция стала первой страной НАТО, начавшей с Россией переговоры о поставке боевых кораблей – вертолетоносцев типа «Мистраль», причем Париж назвал это политическим¹⁰⁷, а не экономическим вопросом, своего рода символом новых отношений между Москвой и Парижем.

В октябре 2010 г. в Довиле состоялась трехсторонняя встреча Д. Медведева, Н. Саркози и А. Меркель, на которой стороны уточнили спорные вопросы в отношениях России и НАТО, а президент Медведев по приглашению Саркози и Меркель дал согласие на участие в саммите НАТО. 20 ноября 2010 г. в Лиссабоне состоялся саммит НАТО, в котором впервые в истории принял участие российский президент. На нем была принята новая концепция обороны НАТО 2011 г., в которой отмечалась необходимость курса на диалог с Москвой. Тем самым, не без влияния Франции, Россия уже не рассматривалась альянсом в качестве потенциального противника¹⁰⁸. Вопрос ПРО был «взят» под крышу НАТО.

¹⁰⁴ Комментарий официального представителя МИД России А.А. Нестеренко в связи с вопросом СМИ относительно решения Президента Франции о возвращении страны в военную структуру НАТО. 14 марта 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7quV/content/id/302126 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰⁵ Брифинг официального представителя МИД России А.А. Нестеренко, 9 апреля 2009 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/web/guest/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wNaWMCU6Od/content/id/798180 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰⁶ Пресс-конференция по итогам российско-французских переговоров. 1 марта 2010 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7006>; Conference de presse conjointe du President de la Republique, Nicolas Sarkozy, et du President de la Federation de Russie, Dmitri Medvedev. 1 марта 2010 г. // La France au Royaume-Uni. Ambassade de France à Londres. URL: <https://uk.ambafrance.org/Conference-de-presse-du-President,16953> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹⁰⁷ Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози. С. 347.

¹⁰⁸ Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014. С. 212–214.

В то же время Франции весьма сдержанно отнеслась к проекту Договора о европейской безопасности (ДЕБ), предложенного Д. Медведевым 5 июня 2008 г. в Берлине и 5 октября в Эвиане¹⁰⁹. Этот проект предполагал, отталкиваясь от идеи неделимости безопасности, создать пояс добрососедства «от Ванкувера до Владивостока» на основе уважения национальных интересов всех сторон. Саркози заявил, что согласен обсуждать проект, но выдвинул ряд условий: подключение к дискуссии США, уважение существующих обязательств Франции, в том числе по НАТО, и отказ России от размещения в районе Калининграда российских ракет «Искандер». Дальнейшие обсуждения проекта фактически положили проект ДЕБ на полку: стороны «договорились о том, что обсуждение темы европейской безопасности будет продолжено (...) в различных форматах»¹¹⁰.

В 2000–2010-х гг. фактор НАТО оставался значимым, но по-прежнему отнюдь не ведущим фактором в российско-французских отношениях. Куда большую роль в них играли экономические интересы, диалог Россия–ЕС, настрой России и Франции на формирование многополярного мира и борьбу с терроризмом, личные отношения президентов двух стран. Участие Франции в НАТО не помешало Парижу сыграть роль посредника в Кавказском кризисе, выгодную России, провести совместно с Москвой учения ВМФ и начать переговоры о «Мистралях», предпринять усилия по переворачиванию страницы холодной войны. Хотя Россия и НАТО не нашли общего языка по вопросам ПРО и ДОВСЕ, Франция не стремилась «разжигать» разногласия по этому вопросу. Соответственно, даже возвращение в военную организацию НАТО обладающей ядерным оружием Франции в условиях конструктивных российско-французских отношений не вызвало серьезных протестов российской стороны. Пожалуй, период 2000–2010 гг. стал последним периодом российско-французских отношений, когда стороны стремились воспринимать друг друга как партнеры.

* * *

По сравнению с 2000-ми годами второе десятилетие XXI в. стало настоящим испытанием как для российско-французских, так и для российско-натовских отношений. Основными вызовами здесь стали три кризиса.

¹⁰⁹ Проект Договора о европейской безопасности. 29 ноября 2009 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/6152> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁰ Пресс-конференция по итогам российско-французских переговоров. 1 марта 2010 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7006> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Первый – Ливийский кризис 2011 г. На фоне начавшейся в 2010 г. серии арабских революций, сокрушивших авторитарные режимы президентов З. Бен Али в Тунисе и Х. Мубарака в Египте, Н. Саркози, стремясь укрепить роль Франции в НАТО, выступил инициатором создания международной коалиции из стран НАТО (сам блок стал участником операции «Союзный союзник»).

Основанием для вмешательства Франции и стран НАТО стала резолюция СБ ООН № 1973 от 17 марта 2011 г., вводящая «бесполетную зону» над Ливией, чтобы помешать ливийской армии «зачищать» вооруженную оппозицию. Хотя Россия также поддержала эту резолюцию, а Д. Медведев раскритиковал «безобразия» ливийских властей во главе с М. Каддафи, Москва сочла, что операция Франции и НАТО, длившаяся с марта по октябрь 2011 г., выходит за рамки резолюции СБ ООН. Как отмечала Е.О. Обичкина в 2012 г., России не удалось добиться от Запада (в том числе Франции) четкого определения границ по обеспечению «закрытого неба» над Ливией, тогда как Саркози, инициировав операцию, отошел от традиционной европейской осмотрительности в вопросах вмешательства. С точки зрения Москвы, Запад (прежде всего в лице НАТО) произвольно определяет виновников конфликтов и вмешивается во внутривосточные конфликты (как в случае с Косово в 1999 г.), что до 2014 г. в Москве считали недопустимым¹¹¹.

В то же время Ливийский кризис, погрузивший Джамахирию в хаос гражданской войны и снявший барьер на пути африканской миграции в ЕС, хоть и подпортил отношения между Россией и Францией, но имел и свои границы. Показательно, например, то, что именно в разгар кризиса, 17 июня 2011 г., Москва и Париж подписали контракт о строительстве вертолетоносцев «Мистраль» на французских верфях в Сен-Назере для нужд российского ВМФ. Речь шла о двух кораблях, хотя Минобороны РФ раздумывало довести число этих судов до четырех¹¹². Тем самым, острые расхождения по операции НАТО в Ливии не ставили под вопрос будущее российско-французского военно-технического сотрудничества. В 2013 г., после завершения операции НАТО, Россия помогла Франции вывести войска из Афганистана через Транссиб в Санкт-Петербург и далее – в ЕС.

Россия хоть отчасти и беспокоила Париж (в первую очередь из-за роста военного бюджета РФ и модернизации ее вооруженных сил), все же воспринималась в первую очередь в качестве партнера, пусть

¹¹¹ Обичкина Е.О. Буржуазный гедонизм против социалистической аскезы // Россия в глобальной политике. Т. 11. Специальный выпуск. 2013. С. 38.

¹¹² Россия и Франция заключили контракт на поставку двух вертолетоносцев типа «Мистраль». 17 июня 2011 г. // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2011/06/17/mistral-kontrakt-anons.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

и непростого. В Белой книге по обороне и безопасности, принятой во Франции в 2013 г., отмечалось, что потепление отношений России с США и другими западными странами еще не достигло всех целей, между РФ и НАТО сохраняются разногласия. Тем не менее в той же книге сообщалось, что Париж сделал тесное сотрудничество с Москвой одной из задач при принятии декларации Чикагского саммита НАТО в 2012 г.¹¹³ В этой декларации страны альянса постулировали: «Мы по-прежнему решительно настроены на укрепление вместе с Россией долгосрочного и всеохватного мира в евроатлантическом регионе (...) Мы хотим видеть подлинно стратегическое партнерство между НАТО и Россией и будем действовать соответственно, ожидая взаимности со стороны России»¹¹⁴.

Вторым, и главным кризисом в отношениях России с Францией и другими странами НАТО, стал Украинский кризис. Действия России, выступившей против военного переворота в Киеве, присоединившей Крым и поддерживавшей пророссийские силы на востоке Украины, вызвали глубокое непонимание среди французской политической элиты. Париж отказался признать присоединение Россией Крыма и поддержал Киев в конфликте с самопровозглашенными республиками Донбасса. В 2014 г. Олланд, назвав Украинский конфликт наряду с террористической группировкой ИГИЛ и лихорадкой Эбола тремя основными угрозами для Европы. Как страна ЕС Франция приняла участие в санкционных мерах всех уровней против России, как член G8 – поддержала исключение из нее Москвы, а как участница НАТО приняла участие в целом комплексе военно-политических мер альянса.

Уже через месяц после возвращения Крыма в состав России, 15 апреля 2014 г. Совет Россия–НАТО вновь, как и в 2008 г., приостановил работу. Были прекращены и заседания российско-французского Совета по вопросам безопасности. На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г., куда не пригласили российскую делегацию, было принято заявление, согласно которому «агрессивные действия России против Украины поставили под вопрос фундаментальным образом наше видение целой, свободной и мирной Европы». В связи с этим Альянс декларировал намерение поднять военные расходы, пообещал создать силы быстрого реагирования – Объединенную оперативную

¹¹³ Livre blanc: défense et sécurité nationale – 2013. P., 2013. P. 36–37 // Ministère des Armées. URL: <https://www.defense.gouv.fr/english/portail-defense/issues2/defence-policy/le-livre-blanc-sur-la-defense-et-la-securite-nationale-2013/livre-blanc-2013> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁴ Заявление по итогам встречи в верхах в Чикаго. 20 мая 2012 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_87593.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

группу повышенной готовности (VJTF), бороться с угрозами «гибридной войны», финансово поддержать Украину¹¹⁵.

Франция поддержала все эти меры. Наиболее известным шагом Парижа в этом плане стал разрыв 25 ноября 2014 г. контракта по кораблям «Мистраль», хотя к этому времени оба судна, окрещенные «Владивосток» и «Севастополь», уже были спущены на воду. После долгих переговоров с участием двух президентов окончательное решение было найдено в августе 2015 г., когда Париж и Москва подписали соглашение об урегулировании споров и выплате России компенсации¹¹⁶. В итоге корабли были проданы Египту, которому Россия также поставила боевые вертолеты.

8–9 июля 2016 г. Франция приняла участие в Варшавском саммите НАТО, который продолжил «жесткую линию» блока в вопросах отношений с Россией. В частности, на нем альянс постановил создать 4 батальонные группы (около 4 тыс. солдат в каждой) на основе постоянной ротации в Польше и странах Балтии, разместить в странах Центральной и Восточной Европы танковую бригаду США, создать фонды для материальной помощи Украине, усилить кибербезопасность и противоракетную оборону¹¹⁷. Непосредственным обязательством Франции в этих рамках стало ее решение разместить в Эстонии роту военнослужащих на срок от 3 до 6 месяцев в год. Это первый случай чуть ли не с Наполеоновских войн, когда французские войска появляются на западных границах России. Париж также призвал союзников укрепить национальные средства кибербезопасности¹¹⁸.

В то же время Франция заняла далеко не самую воинственную позицию в отношении России, во многом потому что ее гораздо больше заботили трагические события в Мали и на Ближнем Востоке¹¹⁹.

¹¹⁵ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. 5 сентября 2014 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁶ Франция назвала точную сумму компенсации России за «Мистрали». 3 сентября 2015 г. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150903/1226064889.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁷ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. 9 июля 2016 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁸ Sommet de l'OTAN à Varsovie (8 et 9 juillet 2016) // La France à l'OTAN. Représentation Permanente de la France auprès de l'OTAN. URL: <https://otan.delegfrance.org/Sommet-de-l-OTAN-a-Varsovie-8-et-9-juillet-2016> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹¹⁹ Ce que la France attend du sommet de l'Otan à Varsovie et pourquoi elle a bien peu de chances de l'obtenir. Interview de Olivier Kempf - Atlantico. 08.07.2016 // IRIS. URL: <https://www.iris-france.org/78493-ce-que-la-france-attend-du-sommet-de-lotan->

Париж отказался поставлять Украине летальное оружие, настаивая на необходимости политического решения кризиса. «Позиция России в плане поддержки украинских сепаратистов неприемлема, мы говорим это твердо, мы продолжаем санкции в этом отношении, но в то же время мы должны всеми силами избегать поддержания конфликтной ситуации, которая усугубляется и может привести к более серьезным нарушениям», — заявил 4 февраля 2015 г. тогдашний министр обороны Франции Ж.-И. Ле Дриан¹²⁰. Создание Нормандского формата переговоров и участие Франции в подписании Минских соглашений 2015 г. стали шагами в этом направлении. Несмотря на принятое в Варшаве решение направить батальонные группы в страны Балтии и в Польшу, Франция ограничилась отправкой лишь символического подразделения в 300 морских пехотинцев, 5 танков и 13 боевых машин пехоты (для сравнения: Великобритания направила в восточную Европу 800 чел., не говоря о США, ФРГ или Канаде, чьи контингенты достигают 1000 чел.).

В 2017 г. первая группа французских военных прибыла в Эстонию, в 2018 г. другая группа отслужила 8 месяцев в Литве; в апреле 2019 г. третья группа военных прибыла в Эстонию.

Разумеется, даже такое символическое участие Франции в действиях НАТО у западных границ России не может не беспокоить Москву. Но при этом важно учитывать, что гораздо более внушительные военные контингенты Франции расположены в Африке (7600 чел.) и на Ближнем Востоке (5600 чел.). Кроме того, Париж не принял участия в крупнейших маневрах НАТО за последние 25 лет «Анаконда-2016» (совокупное участие — более 25 тыс. чел.), в которых были задействованы войска 24 стран альянса. Ф. Олланд подчеркивал, что ПРО НАТО не направлено против России, а французский ядерный арсенал находится в распоряжении прежде всего президента Франции, а не командования НАТО. Он также дал понять, что намерен продолжать диалог с Россией, сочетая его с твердостью¹²¹.

Что касается России, то она, со своей стороны, предприняла ряд встречных шагов. 10 марта 2015 г. РФ вышла из ДОВСЕ, в мае 2015 г. был ликвидирован технический центр в Ульяновске, где с 2008 г. пла-

a-varsovie-et-pourquoi-elle-a-bien-peu-de-chances-de-lobtenir/ (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁰ Envoyer des armes de guerre à Kiev: Washington l'envisage, pas Paris. 04.02.2015 // France 24. URL: <https://www.france24.com/fr/20150204-envoyer-armes-guerre-ukraine-kiev-washington-russie-france-etats-unis-separatistes-> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²¹ Conférence de presse de M. François Hollande, Président de la République, sur l'OTAN, à Varsovie le 9 juillet 2016 // Vie publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/167002219.html> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

нировалось создать перевалочный пункт (хаб) для поддержки транзита натовских военнослужащих и военных грузов в Афганистан. Россия провела крупные масштабные учения «Запад-2017» (13 тыс. чел. совместно с Белоруссией), а затем — «Восток-2018» с участием 297 тыс. чел., что превзошло даже крупнейшие советские маневры 1981 г., что усилило накал трений в российско-натовских отношениях.

Тем не менее в апреле 2016 г возобновил практическую работу Совет Россия—НАТО. До настоящего времени (октябрь 2019 г.) состоялось уже 10 заседаний Совета, хотя никаких принципиальных решений на нем пока не было принято. По мнению С. Ознобищева, если в ближайшее время отношениям России—НАТО не будет придан позитивный импульс, они могут деградировать еще больше¹²².

После избрания президентом Франции Э. Макрона, в стране был принят «Стратегический обзор» 2017 г. В нем выражается обеспокоенность Францией «новым утверждением российской мощи» на северном и восточном флангах Европы, констатируется, что присутствие французских сил в странах Балтии и Польше укрепляет безопасность в северо-восточной Европе, и содержится призыв сочетать в отношениях с Россией твердость и диалог. В этом смысле, по мнению Парижа, НАТО должен выбирать сбалансированный, устрашающий (*dissuasive*), но предсказуемый подход. Макрон подтвердил решение Франции повысить уровень расходов на оборону до 2% к 2024 г.¹²³ В условиях интенсивного российско-французского диалога сторонам удалось «разморозить» в 2018 г. двусторонний Совет сотрудничества по вопросам безопасности¹²⁴.

Третьим кризисом в российско-французских отношениях, менее заметным, но не менее дестабилизирующим, является нерешенная проблема контроля над вооружениями. В условиях, когда не были урегулированы вопросы ДОВСЕ и ПРО, новым ударом по системе евробезопасности стал выход США, а затем России (1–2 февраля 2019 г.) из договора о ракетах средней и малой дальности (ДРСМД), подписанного еще в 1987 г. В декабре 2018 г. страны НАТО поддержали вывод США о том, что Россия существенным образом нарушает свои обяза-

¹²² Ознобищев С. Отношения Россия—НАТО: обострение или нормализация? // Год планеты: ежегодник/ ИМЭМО РАН. М., 2018. Вып. 18. С. 67–68.

¹²³ *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*—2017. P. 42, 60 // Ministère des Armées. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale—2017> (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁴ Интервью Посла России во Франции А.Ю. Мешкова международному информационному агентству «Россия сегодня», 8 февраля 2019 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/3505486 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

тельства, поскольку «разработала и ввела в действие ракетную систему 9М729»¹²⁵.

Встречные претензии России на нарушения со стороны США не рассматривались¹²⁶. Хотя прямых пикировок между Москвой и Парижем на эту тему не было зарегистрировано, еще в 2017 г. Франция предупреждала, что мир может столкнуться с отсутствием рамок для стратегических вооружений США и России¹²⁷. Париж в целом поддерживает американские аргументы, считая, что Вашингтон не нарушает ДРСМД, в отличие от РФ, и опасается развертывания российских ракет средней и малой дальности, не желая повторять ситуацию времен холодной войны¹²⁸. Россия, со своей стороны, отрицательно восприняла новую французскую космическую стратегию: «Франция стала вторым (после США) государством, которое официально признало возможность возникновения вооруженного конфликта в космическом пространстве. При этом в ответ на «недружественные» или «враждебные» действия в отношении французских космических объектов не исключаются меры противодействия, в том числе, как мы понимаем, и силового характера», — отмечает МИД РФ¹²⁹.

Как показывает опыт с ДОВСЕ и ПРО, неурегулированность «правил игры» в этой сфере грозит нанести серьезные удары по европейской безопасности, в связи с чем данные переговоры с Францией стоит только приветствовать.

В целом за 2010-е гг. в условиях ухудшения отношений России и Запада значимость фактора НАТО в диалоге Москвы и Парижа резко возросла. В условиях, когда Москва, с точки зрения Запада, бросила

¹²⁵ Заявление о Договоре о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД). 4 декабря 2018 г. // Организация Североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_161122.htm (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁶ *Ознобищев С.* Указ. соч. С. 75.

¹²⁷ *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*—2017. P. 41.

¹²⁸ *Stroobants J-P.* et *Semo M.* Armes nucléaires: la fin d'un symbole. 02.08.2019 // *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/08/02/les-etats-unis-sortent-officiellement-du-traite-sur-les-armes-nucleaires-intermediaires_5495989_3210.html; Une nouvelle ère de la dissuasion nucléaire. 03.08.2019 // *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/08/03/une-nouvelle-ere-de-la-dissuasion-nucleaire_5496259_3232.html; *Alonso P.* Nucléaire: les Etats-Unis et la Russie en têtes à têtes. 01.08.2019 // *Libération*. URL: https://www.liberation.fr/planete/2019/08/01/nucleaire-les-etats-unis-et-la-russie-en-tetes-a-tetes_1743255 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

¹²⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с обнародованием космической оборонной стратегии Франции. 5 августа 2019 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/3750896 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

вызов европейской безопасности (или же, если смотреть с другой стороны, — нарушила монополию Запада в несоблюдении международного права), Франция активно поддержала своих союзников по альянсу. Двусторонние отношения Москвы и Парижа в условиях Украинского кризиса вошли в пике, аналогов которому не было даже в 1999 г. (тогда Россия не бросала вызов монополии странам Запада на евроатлантическом пространстве, а сама могла мало чем ответить на интервенцию НАТО в Югославию). В отличие от 2000-х гг., за 2010-е гг. фактор НАТО играл в основном негативную роль, усиливая в контексте Ливийского и Украинского кризисов взаимные подозрения Парижа и Москвы.

При этом важно отметить, что Францию до сих пор трудно отнести к наиболее непримиримым атлантистам в рядах НАТО: даже в условиях сложного политического противостояния на Украине Париж стремится сохранять каналы взаимодействия с Москвой и отнюдь не поощряет куда более радикальные позиции некоторых восточно-европейских стран в отношении России. Не случайно в 2015 г. французские сенаторы в докладе «Отношения с Россией: как выйти из тупика?» рекомендовали «срочно попытаться интегрировать Россию в новый европейский концерт, признавая ее опасения насчет безопасности и привлекая ее (...) к тому, чтобы учесть наши [опасения]. Франция может внести свой вклад, возобновив историческое наследие своих особых отношений с Россией»¹³⁰. Разумеется, об «особых» отношениях говорить сейчас не приходится, но накопленный потенциал российско-французского диалога способен сыграть свою роль в нормализации отношений Россия—НАТО в будущем.

* * *

За 1990—2010-е гг. фактор НАТО оставался важным, но далеко не определяющим в российско-французском диалоге. С одной стороны, завершение биполярности превратило НАТО в 1990-е гг. в безальтернативный источник военной силы для США и их европейских союзников, с чем были вынуждены считаться и Франция, и Россия, особенно в ходе двух Балканских, Ливийского и Украинского кризисов. С другой стороны, российско-французские отношения имеют долгую историю и целый комплекс общих политических и экономических интересов, одним из которых является обоюдное стремление к созданию многополярного мира. В силу этого, а также исторически сложившейся значимой роли Москвы и Парижа в Старом Свете, эти

¹³⁰ Les relations avec la Russie: comment sortir de l'impasse? Rapport d'information n° 21 (2015-2016) de M. Robert del Picchia, Mme Josette Durrieu et M. Gaëtan Gorce, fait au nom de la commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées, déposé le 7 octobre 2015 // Senat francais. URL: https://www.senat.fr/rap/r15-021/r15-021_mono.html#toc273 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

отношения естественным образом выходят за рамки НАТО. Даже сейчас, в условиях продолжающегося Украинского кризиса, санкционной войны между Россией и ЕС, готовности Парижа повысить военные расходы по просьбе США, присутствия (пусть и символического) французских военных в Прибалтике в рамках сил альянса, российско-французский диалог продолжается, в том числе и по военной линии, о чем свидетельствует 12-е заседание российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности, прошедшее в сентябре 2019 г, через 7 лет после предыдущей встречи¹³¹.

В условиях, когда НАТО и Россия, по сути, остаются друг для друга основными угрозами в Европе, естественно, фактор НАТО играл для российско-французских отношений в основном негативную роль. Даже в случаях, когда французское руководство не было согласно с решениями, которые США принимали в блоке, Париж мог мало что противопоставить «атлантической солидарности». Франция не убедила американцев предоставить России отдельный миротворческий сектор в Боснии, не помешала и не могла помешать расширению НАТО на Восток в 1990-е гг., отменила экономически выгодный контракт по «Мистральям». В случаях, когда интересы Парижа и Москвы расходились, например, в Косовском и Ливийском кризисах, Франция, не мешкая, занимала жесткую позицию, мало заботясь о реакции России. В то же время именно французское руководство сознавало пагубность расширения НАТО на Восток и появления новых разделительных линий между Россией и альянсом, заблокировало вступление в НАТО Украины и Грузии, выступило первопроходцем налаживания военного сотрудничества России и стран Запада. В случаях же, когда отношения между Россией и НАТО значительно теплели (например, в 2001–2002 гг.), это существенно облегчало российско-французские отношения. В целом именно отношения Россия–НАТО имеют больший потенциал влияния на российско-французские отношения, чем наоборот.

С учетом особой, нередко «фрондерской», позиции Парижа и НАТО, Францию вряд ли можно причислить к ярким атлантистам. Французская республика хоть и считает альянс одной из важных основ своей военной политики, включая возвращение в НАТО, с начала 1990-х гг. делает основной акцент на укрепление силового потенциала европейского интеграционного проекта.

¹³¹ Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам российско-французских переговоров на министерском уровне в формате «2+2», Москва, 9 сентября 2019 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/3780649 (дата обращения: 10 сентября 2019 г.).

Россия же и в 1990-е, и в 2000-е гг. стремилась использовать сближение с Францией для нейтрализации влияния НАТО в Европе. Именно в Париже был подписан акт 1997 г., именно Париж озаботился необходимостью сделать страны ЦВЕ, вступившие в ЕС и НАТО, более европеистскими и менее атлантистскими, именно президент Франции первым из лидеров стран блока дал согласие на сделку по продаже России военных кораблей, чтобы перевернуть страницу холодной войны. Разумеется, это не превращает Францию в союзника России, но позволяет Москве рассчитывать на Париж как на понимающую сторону в диалоге с НАТО особенно по близким для обеих сторон вопросам. В то же время, как справедливо отмечает К.П. Зуева, до тех пор, пока США остаются основным спонсором НАТО, европейцы вряд ли смогут серьезно влиять на политику блока¹³². Именно поэтому усилия Парижа по укреплению «европейской опоры» НАТО и формированию «европейской армии» в случае их успешной реализации со временем могут дать европейцам возможность гораздо сильнее влиять на процессы безопасности, а, следовательно, выстроить такую архитектуру безопасности Старого Света, которая позволит обойтись без новых разделительных линий от Атлантики до Урала или Владивостока в XXI в.

¹³² Зуева К.П. Франция в НАТО: трудное партнёрство в XXI веке // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века: сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции / Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М., 2016. С. 255.

ПУБЛИКАЦИИ

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ. ДЕПЕШИ И ПИСЬМА РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОМ СОЮЗЕ ЗА 1909–1911 ГГ.

Документы, предлагаемые вниманию читателя – личные письма и депеши посла в Париже Александра Ивановича Нелидова, депеши министра иностранных дел (а позже посла в Париже) Александра Петровича Извольского, а также поверенного в делах Анатолия Васильевича Неклюдова – освещают важный период в истории русско-французского союза. В них отразился сложный спектр проблем международных отношений начала XX в.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. – один из острейших в международных отношениях в преддверии Первой мировой войны¹ – стал этапом формирования блоков держав, столкнувшихся в ней и своеобразным испытанием на прочность для франко-русского союза. В ходе кризиса, спровоцированного твердым намерением Австро-Венгрии аннексировать Боснию и Герцеговину (две турецкие провинции, оккупированные ею по решению Берлинского конгресса 1878 г.) и замыслом А.П. Извольского за признание этого факта добиться в качестве компенсации выгодного для империи режима Черноморских проливов, расстановка сил на международной арене во многом определилась.

Вместе с тем имеющееся в исторической литературе утверждение, будто после подписания в 1907 г. соглашения между Петербургом и Лондоном о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете формирование англо-франко-русского блока завершилось², не адекватно. Как убедительно доказал И.И. Астафьев, «руководители внешней политики России не рассматривали заключение англо-русского соглашения 1907 г. как переход на сторону Англии во все обострявшемся англо-германском соперничестве. Они рассчитывали

¹ См. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964.

² См. *Нейман Л.А.* Франко-русские отношения во время Боснийского кризиса (1908–1909 гг.) // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. М., 1958, 1959 и др.

путем лавирования между Лондоном и Берлином остаться в стороне от назревавшей европейской коллизии. Балканские события 1908 г. показали Извольскому сложность подобной задачи. В Европе шел процесс политической консолидации соперничавших империалистических блоков, центрами которых стали Германия и Англия. Остаться в стороне от этого процесса для такой крупной и привлекательной в качестве союзника державы, как Россия, практически становилось невозможным. Этого не могли допустить ни Англия, ни Германия»³.

В этих условиях Петербург надеялся добиваться своих целей, используя тактику балансирования, хотя политика совместных действий с Веной на Балканах (оформленная соглашением 1897 г. и подтвержденная в Мюрцштеге в 1903 г.) провалилась, а Берлин значительно укрепил позиции в Турции. К тому же Германия активно поддерживала захватнические планы Австро-Венгрии, мечтавшей о превращении Габсбургской монархии в великую средиземноморскую державу.

Извольский пытался, с одной стороны умиротворяюще влиять на Вену при посредничестве Берлина, а с другой — получить дивиденды от сближения с Лондоном. Соглашение 1907 г. внушило российскому дипломату оптимизм, как выяснилось позже, неоправданный. Эвентуальное обещание Лондона рассмотреть в свое время вопрос о благоприятном для России решении вопроса о Проливах в ходе Ревельского свидания Николая II и Эдуарда VII 27–28 мая (9–10 июня) 1908 г. не затрагивалось. Хотя, по свидетельству современников, ходили слухи, будто король наобещал царю помочь добиться для русского флота свободы прохода через Дарданеллы и приобрести для него угольную станцию в Тихом океане⁴. Тем не менее эта манифестация англо-русского сближения обеспокоила Берлин.

В таком контексте особое значение для России приобретала позиция союзницы. Но, по информации Нелидова, рассчитывать на Францию едва ли верно, хотя считал он, «сохранить союз все-таки необходимо, ввиду особенно надвигающейся опасности возникновения во всей широте жизненного для нас восточного вопроса»⁵. По мнению посла, в Париже отношение к назревавшим событиям на Балканах «носит на себе отпечаток того безучастия, с которым республиканское правительство взирает на международные события, к которым непричастна непосредственно Франция и не затронуты самые чувствительные для нее материальные интересы».

³ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 167.

⁴ См.: Taubé M. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des tsars (1904–1917). Paris, 1928. P. 169–170; Красный архив. М., 1923. Т. 4. С. 128.

⁵ Цит. по: Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1925. С. 152.

В ходе Боснийского кризиса французская дипломатия заняла позицию, потворствующую австрийским замыслам⁶. Посол Третьей республики в Константинополе Ж. Констан заявил германскому коллеге А. Маршалю: «Если русские в этом деле рассчитывают на своих союзников, то они жестоко ошибаются». И действительно, Париж не поддержал предложение Петербурга о созыве международной конференции для урегулирования кризиса и корректировки некоторых статей Берлинского трактата в интересах России.

Л.А. Нейман справедливо констатировала, что «международное положение царской России, фактически оставленной своими французскими союзниками и английскими друзьями, было очень тяжелым». Тот факт, что ни Париж, ни Лондон не помогли Петербургу, отчетливо выявил противоречия между участниками формирующегося тройственного согласия и ободряюще действовал на членов Тройственного союза.

Захватническая политика Австро-Венгрии вызвала резкое противодействие Сербии, попытавшейся получить территориальные и экономические компенсации. Требование отказаться от них содержалось в австрийском ультиматуме (полностью поддержанном немцами), отклонение которого грозило войной. В этой ситуации выступить в поддержку Белграда был готов Петербург, и для него как никогда значимой становилась позиция Парижа. Но соответствующий запрос Нелидова был холодно встречен французским министром иностранных дел С. Пишоном. А 11 (24) февраля в газете «Temps» (официозе французского МИД) появилась знаменательная статья, в которой недвусмысленно выражалось отношение к происходящему: «С одной стороны, имеется возможность европейского конфликта, а с другой — разочарование для Сербии... Бывают моменты, когда долг повелевает рассуждать хладнокровно. Сколько бы Сербия нам ни внушала симпатий, она не стоит войны... Надо выбирать между расширением сербских границ и общеевропейским взрывом».

Официальный же ответ союзницы был сформулирован на следующий день в телеграмме Пишона послу в Петербурге адмиралу Тушару. Он гласил: «Интересы обеих держав обязывают их правительства принять все меры к предупреждению конфликта из-за вопросов, не затрагивающих жизненных интересов России, и что война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны об-

⁶ Нейман Л.А. Франко-русские отношения во время Боснийского кризиса (1908–1909 гг.) // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. М., 1958. 1959. С. 385, 389, 406; Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 159, 165, 180.

шественного мнения Франции»⁷. Таким образом, союзница решительно отказывалась признать выступление России в поддержку Сербии за *casus foederis* и, следовательно, возможность применить военную конвенцию.

Берлин со своей стороны в начале марта предложил Петербургу использовать все средства для давления на Белград, грозя в противном случае предоставить Вене свободу действий. После попытки уклониться от однозначного ответа Петербург был вынужден отступить и принудить Сербию согласиться на австрийские требования. 26–27 марта (8–9 апреля) державы, подписавшие Берлинский трактат, особыми нотами уведомили Австро-Венгрию о согласии на отмену 25 статьи, признав, таким образом, аннексию Боснии и Герцеговины.

Угроза войны, к которой Россия не была готова, миновала. В Берлине и Вене не скрывали торжества по поводу успеха Тройственного союза и отсутствия солидарности в рядах формирующегося англо-франко-русского согласия. На завершающей стадии кризиса Париж тщетно пытался затушевать ответственность за столь негативный для престижа группировки исход, но франко-русские отношения в ходе Боснийского кризиса существенно охладились.

В Петербурге после кризиса всерьез задумались относительно дальнейшего направления политики России. Обострилась борьба сторонников сближения с Берлином и тех, кто продолжал рассчитывать на Париж и Лондон⁸. По свидетельству ближайшего окружения, Николай II был крайне возмущен результатами деятельности Извольского, отставку которого активно обсуждала германофильски настроенная часть окружения царя⁹. Антигерманские настроения выплеснулись на страницы прессы в России, Англии и Франции.

Основная задача царизма, ослабленного поражением в войне с Японией и революцией в России, — избежать внешнеполитических осложнений — и после завершения Боснийского кризиса оставалась актуальной. Но теперь в Петербурге стремились избежать и новых дипломатических поражений, поэтому вновь попытались наладить отношения с Берлином. В начале мая 1909 г. товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков (замещавший находившегося в отпуске Извольского) набросал схему соглашения с Германией, против которого не возражал и царь. Суть его состояла в том, чтобы выяснить возможность присоединения Германии к австро-русскому соглаше-

⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Серия II. Т. XVIII. Ч. 1. № 341.

⁸ См. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1905–1910. М., 1961. С. 298–300.

⁹ См. *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 194–196.

нию 1897 г. с тем, чтобы Берлин стал своего рода гарантом сохранения статус-кво на Балканах, ограничив экспансионистские планы Вены, в обмен на обещание Петербурга сохранить нейтралитет в случае англо-германской войны.

Николай II обратился с письмом к Вильгельму II, предложив встретиться. Но рандеву монархов в финских шхерах 4–5 (17–18) июня 1909 г. не оправдало ни надежд Берлина, ни расчетов Петербурга. Берлин не собирался жертвовать союзом с Веной ради соглашения с Петербургом, поэтому немецкие дипломаты были осторожны в беседах. Вильгельм II даже зачитывал тост с заранее заготовленным текстом, а не импровизировал по своему обыкновению. Возвратившийся из отпуска Извольский не одобрил поспешных действий Чарыкова, поскольку, улучшая отношения с Берлином не хотел портить таковых же с Лондоном и Парижем. На встрече он был крайне сдержан и лишь заверил, что англо-русское соглашение не имеет общеполитического характера и не направлено против Германии¹⁰.

Это стало свидетельством возвращения к политике равновесия между Англией и Германией. Нелидов приветствовал эту тактику. В личном письме Извольскому от 28 мая (10 июня) 1909 г., написанному вскоре после его возвращения из отпуска, посол с удовлетворением констатировал отсутствие перемен в направлении внешней политики, которое придавал и продолжает поддерживать министр. Нелидов подчеркивал, сколь необходимо для России «не только сохранять объединение тройственной антанты, которое существовало до сих пор, но укреплять и развивать его, чтобы оказать более эффективное сопротивление агрессивным поползновениям и экспансии Тройственного союза, который, воодушевленный своими недавними успехами, угрожает стать помехой для наших прямых интересов на Ближнем Востоке»¹¹.

От реализации в будущем собственных замыслов ни в Петербурге, ни в Париже отказываться не собирались, а для этого требовалось укреплять союз. Поэтому стороны стараются наладить отношения и принимают меры для демонстрации их прочности. В мае 1909 г. по инициативе Парижа происходит смена послов в обеих столицах, а также синхронное назначение послов в Константинополе – Чарыкова и М. Бомпара, что должно было свидетельствовать о единстве политики двух держав в Турции. Нелидов в беседе с Пишоном после публикации информации о назначении послов подчеркнул важность того, чтобы их согласованная деятельность отвечала существующим сношениям между правительствами двух стран.

¹⁰ См.: *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 199–213.

¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 34.

С этой целью организуется третий визит во Францию русского монарха. Протокол встречи в Шербурге 18 (31) июля 1909 г. тщательно готовится: заранее согласуются дата визита, программа пребывания императорской четы, состав сопровождающих лиц, награды, которые получают моряки, тосты, которыми обмениваются царь и президент Республики А. Фальер. Сохранившиеся в архиве варианты проектов тоста Николая II свидетельствуют о том, как внимательно редактировался текст, в котором просматривается множество отсылок к тостам, произнесенным в ходе предыдущих визитов на высшем уровне.

В ходе визита состоялись две беседы Пишона с Извольским (одна — наедине, а другая в присутствии послов Нелидова и Ж. Луи), которые касались отношений союзниц во время Боснийского кризиса и тех мер, которые следовало принять, чтобы воспрепятствовать новому кризису на Балканах. К определенному заключению так и не пришли. Судя по записке Пишона от 18–19 июля (31 июля–1 августа), он ясно дал понять, что Париж окажет помощь Петербургу, если тот перестанет заигрывать с Берлином. Французский министр убедился в твердом решении «русского правительства сохранить двойную ориентацию, которую оно три года назад придало своей политике: тесный союз с Францией, дружественное согласие с Англией»¹².

Профессиональные и человеческие усилия Нелидова для поддержания русско-французских союзных отношений высоко ценили в стране пребывания, где его кончина в сентябре 1910 г. была встречена с искренней скорбью. Новым послом в Париже стал Извольский (остававшийся на этом посту до 1917 г.), а министром иностранных дел — С.Д. Сазонов. От тактики балансирования Извольского он переходит к укреплению отношений с Парижем и Лондоном. Провал попытки заключить в 1911 г. общеполитическое соглашение с Германией стал переломным моментом в политике, проводившейся Петербургом. В 1911–1912 гг. происходит консолидация Тройственного соглашения, и заключаются франко-русская и англо-французская морские конвенции.

Публикуемые документы (на русском и французском языках) хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде «Канцелярия министра иностранных дел». Они публикуются по правилам современной орфографии. При этом сняты обращения, а также стандартная формула вежливости в конце: «Прошу принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности».

И.С. Рыбаченок

¹² D.D.F. T. XII. № 266. P. 385–386.

Секретное письмо А.П. Извольского — А.И. Нелидову

St. Pétersbourg, le 15/28 Janvier 1909 г.

Dans un des passages de l'intéressante lettre que Vous m'adressiez, en date du 8/21 courant, Vous me signalez entre autre, certaines rumeurs qui se sont récemment fait jour dans la presse au sujet du rôle d'intermédiaire proposé au cabinet de Paris dans le différent austro-turc, et turco-bulgare et turco-serbe; Vous ajoutez que Mr. Pichon nie qu'une pareille démarche ait été faite auprès de lui dans le sens susindiqué.

A ce propos, je crois devoir mettre Votre Excellence au courant de la teneur de deux lettres qui viennent de me parvenir, l'un du Comte Osten-Sacken, l'autre du Comte Benckendorff traitant d'une question analogue; puisées toute deux à la même source, elles attestent, en effet, les efforts allemands pour amener la France à assumer un rôle d'intermédiaire, non pas dans les différends cités par Vous, mais dans le désaccord qui subsiste entre le Baron d'Aehrenthal et moi, au sujet de l'annexion.

Il résulte de ses lettres, que Mr. de Schoen, appuyé par les Ambassadeurs Autriche-Hongrie et d'Italie, a sondé dernièrement Mr. Jules Cambon à l'effet d'obtenir que la France offrît ses bons offices en vue d'améliorer mes rapports avec le baron d'Aehrenthal, — rapports qui se bornent actuellement, comme Vous le savez, à des relations strictements officielles.

Rentré de Paris, où il s'était rendu pour chercher des instructions, Mr. Cambon sempressa de transmettre au comte Osten-Sacken le point de vue du cabinet de Paris, auquel je ne puis que donner mon entière approbation.

Ces instructions portent que la France, en sa qualité d'alliée de la Russie, s'en tiendrait scrupuleusement au point de vue du cabinet de St. Pétersbourg, tout comme l'Allemagne s'associait à celui du cabinet de Vienne; que si la Russie trouvait de son intérêt que la France pris la parole pour elle et que l'Autriche en fît la même demande à l'Allemagne, le cabinet de Paris s'y emploierait de son mieux, mais que, dans tous les cas, la France ne ce désisterait pas de son rôle naturel d'avocat de la cause russe.

Les renseignements fournis au comte Benckendorff par Mr. Paul Cambon une légère divergence, en ce sens que le cabinet français ne serait prêt à accepter le rôle d'intermédiaire, qu'à la demande directe d l'Autriche de nous faire parvenir une proposition, et, cela va s'en dire, sous la réserve expresse qu'il ne s'agirait pas de l'appuyer.

L'ambassadeur de France à Londres a ajouté que si Mr. Pichon s'est jusqu'ici abstenu de Vous saisir de cette affaire, c'est qu'il tenait à éviter de prêter à une simple conversation, — qui n'aurait probablement pas de suite, le caractère d'une communication et qu'il ne voulait pas accorder à celle-ci plus d'importance qu'elle ne comportait.

Aussi bien, conclue judicieusement le comte Benckendorff, il n'est pas improbable que nous ne nous trouvions devant une nouvelle tentative allemande d'amorcer la France, en vue de la compromettre aux yeux de la Russie et que l'insistance du prince de Bülow, dans la réalisation de ce projet, prouverait, une fois de plus, l'existence d'un plan arrêté tendant à rompre l'action commune des Puissances de la Triple Entente, — rupture dont la France serait responsable en assumant un rôle clairement incompatible avec ses devoirs d'alliée.

№ 2

Личное письмо А.И. Нелидова — А.П. Извольскому

Paris, 22 Janvier / 4 Février 1909 г.

Je présente à votre excellence mes respectueux sentiments pour les informations qu'elle a bien voulu me communiquer dans sa lettre du 15/28 Janvier au sujet des tentatives faites par l'Allemagne pour amener la France à sentir d'intermédiaire entre les cabinets de Vienne et de St. Pétersbourg.

Ayant depuis l'expédition du dernier courrier, eu l'occasion de reparler à M. Pichon de cette affaire. J'ai entendu de sa bouche des explications qui concordent parfaitement avec ce que Vous ont écrit le comte Osten-Sacken et le comte Benckendorff. La version donnée par ce dernier ne serait qu'un complément de celle qui Vous a été transmise par notre Ambassadeur à Berlin.

Les faits se seraient passés de la façon suivante: M. de Schoen serait revenu à plusieurs reprises, dans ses entretiens avec M. Jules Cambon, sur les inconvénients des relations tendues qui s'étaient établies entre votre excellence et le baron d'Aehrenthal.

Il aurait en même temps insinué que ce serait un rôle bienfaisant que pourrait jouer la France dans l'intérêt de la paix générale si elle voulait s'employer à mener une détente dans les rapports des deux Empires.

Arrivé à Paris M. Cambon fit part de ses ouvertures au ministre des affaires étrangères et reçut de lui la réponse qui Vous a été rapportée par le comte Osten-Sacken. M. Pichon me dit avoir ajouté que, si, en l'absence de toute communication non officielle entre Pétersbourg et Vienne, M. d'Aehrenthal voyait la nécessité de faire passer à Votre Excellence quelques pièces d'un caractère plus intime, il ne se refuserait pas de la transmettre, mais en s'abstenant absolument d'y ajouter quelques recommandations personnelles.

A ma demande si des démarches dans le même sens avaient été faites auprès du ministre par l'ambassadeur de l'Allemagne, il m'a répondu que jamais le Prince Radolin n'avait touché à ce sujet.

St. Pétersbourg, le 18 février / 3 mars 1909.

En me faisant connaître les propositions combinées à Berlin entre Mr. de Kiderlin et Mr. Cambon au sujet des démarches à faire à Belgrade, l'ambassadeur de France a appuyé cette communication par le lecture d'un long télégramme de Mr. Pichon traitant la question au point de vue de la politique générale. Dans cette pièce, le ministre des affaires étrangères français exprime que les sentiments de la France pour la Russie, son attachement à l'alliance et les responsabilités qui lui incombent, font un devoir au gouvernement français d'examiner de concert avec nous, la ligne de conduite que les intérêts supérieurs des deux pays doivent leur faire adopter; il ajoute qu'il est de leur devoir à tous deux de tout faire pour écarter le risque d'un conflit dans une affaire où les intérêts primordiaux de la Russie ne sont pas engagés et dont par conséquent l'opinion publique française ne pourrait comprendre qu'une guerre à laquelle les armées de la France et de la Russie devraient prendre part, pût en sortir. Si les deux gouvernements se sont toujours montrés prêts à faire honneur à leurs engagements lorsque les intérêts vitaux de la France et de la Russie seraient menacés, ils ont à l'inverse, toujours considéré que dans tous les autres incidents de la vie internationale leurs efforts devaient s'unir dans l'intérêt de la paix et de la conciliation; or, tel est le cas aujourd'hui, et le gouvernement français pense que le moment est venu pour aborder en commun l'examen de la question qui fait en ce moment la principale difficulté, c.à.d. celle des revendications Serbes; Mr. Pichon s'adresse donc au gouvernement impérial pour le prier de lui faire connaître ses vues dans la certitude de l'examen qui en sera fait par les deux gouvernements permettra de mettre fin à la crise actuelle dans des conditions également satisfaisantes pour la France et la Russie.

La question qui nous est ainsi posée par le gouvernement français acquiert une importance spéciale en présence de la campagne faite actuellement contre nous dans une partie de la presse étrangère, laquelle accuse la Russie d'encourager les revendications territoriales de la Serbie et d'exposer par là à un grave danger la paix européenne. Les conseils que nous venons de donner à la Serbie et que nous avons tenu à rendre aussi catégoriques et aussi publics que possible, ne laisserons, nous aimons à l'espérer, subsister aucun doute sur nos intentions. En donnant cette preuve de notre sincère désir de servir la cause de la paix et de la conciliation, nous ne faisons que suivre la ligne de conduite que nous avons adoptée dès le début de la crise actuelle. Le gouvernement français n'ignore pas les difficultés de tous genres que la politique ambitieuse

¹³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. 450–460. Подпись – автограф.

de l'Autriche-Hongrie a créées à la Russie en rompant le statut quo établi sur la peninsule des Balcans, en semant l'excitation et les alarmes parmi les peuples balcaniques et en soulevant le sentiment national du peuple Russe. Malgré cela, nous n'avons pas cessé un instant de travailler pour la paix et je n'est pas hésité personnellement à braver l'opinion publique en reconnaissant ouvertement nos anciens engagements envers l'Autriche-Hongrie et en employant tous mes efforts afin de calmer l'effervescence en Seberie et dans le Monténégro. Ce n'est donc pas sans un sentiment d'étonnement que nous voyons aujourd'hui rejeter sur nous la responsabilité pour la tournure aiguë de la crise et que nous lisons dans l'organe attitré du Quai d'Orsay que le première démarche à faire est de s'adresser à Russie pour lui demander ses intentions. Il nous semble que cette question aurait pu être posée avec plus de droit à l'Autriche qui a amassé des forces armées considérables sur les frontières de la Serbie et de Monténégro et fait menacer journellement par sa presse officieuse ces deux pays d'un ultimatum suivi d'une invasion. — Quoi qu'il en fût, nous nous sommes déclarés prêt à seconder toute action des puissances qui aurait pour but de détendre la situation et nous sommes encore disposés aujourd'hui à nous associer à une démarche collective à faire à Belgrade. Nous attendons à ce sujet, les propositions de cabinet de Paris, mais nous ne pouvons pas cacher l'impression de la diplo pénible que nous cause le fait que le gouvernement français abandonne la voie suivie jusqu'ici en commun par la Russie, la France et l'Angleterre, pour s'approprier une combinaison manifestement préparée à Vienne et suggérée par la voie de la diplomatie Allemande. Le but de cette combinaison est parfaitement clair: ni l'Autriche, ni l'Allemagne ne veulent de la conférence; le cabinet de Vienne n'a d'ailleurs pas caché dès le début de son intention de tout régler par des accords directs et de ne laisser à la conférence, si elle se réunit, que l'enregistrement des faits accomplis. Actuellement, après avoir signé son accord avec la Turquie, il veut, sa presse officieuse le dit clairement, amener la Serbie par des menaces et avec l'aide des autres Puissances, à entrer en pourparlers directes avec lui, ce qui équivaldrait à lui livrer ce pays à discrétion. Peut-on parler, en effet, sérieusement de négociations entre l'Autriche armée de pied en cap et la Serbie terrorisée et abandonnée par les puissances? Les compensations économiques que l'Autriche-Hongrie aurait à offrir, dans ce cas, à la Serbie, ne serait qu'un instrument d'avertissement et il est fort douteux qu'il se trouve un gouvernement Serbe pour entrer dans une pareille voie. Nous avons donc tout lieu de nous étonner que l'ambassadeur de France à Berlin s'empresse de seconder ces vues de l'Autriche-Hongrie. J'ai déjà fait observer dans mon télégramme du 14 fevr., N° 250, que le plan mis en avant par l'Autriche-Hongrie est absolument contraire à ce qui avait été convenu jusqu'ici entre les puissances et accepté par le cabinet de Vienne lui-même. Le gouvernement français voudra bien se rappeler que la question des avantages à assurer à la Serbie et au Monténégro avait été incluse d'un commun

accord, dans le programme de la conférence, et que l'Autriche-Hongrie avait consenti à en faire l'objet d'une discussion entre les Puissances, sous la seule réserve que ces avantages ne pourraient avoir qu'un caractère économique. Nous ne voyons aucune raison d'abandonner actuellement ce terrain qui offre l'unique possibilité de garantir dans la mesure du possible, les intérêts des petits pays balkaniques contre la politique ambitieuse et envahissante de l'Autriche-Hongrie. Aussi, en nous montrant prêts à nous joindre à une action des puissances à Belgrade, sommes-nous obligés, en même temps, d'insister sur la nécessité de conserver à la question son caractère éminemment européen; c'est dans ce but qu'en adressant nos conseils au gouvernement Serbe, nous avons exprimé l'opinion que la Serbie, en renonçant à maintenir ses revendications territoriales, doit s'en mettre pour la solution des questions pendantes à la décision des puissances. Il nous semble que c'est en conservant cette position plutôt qu'en encourageant les velléités autrichiennes, que les puissances contribueraient à une solution pacifique de la crise actuelle et à l'établissement d'un ordre de choses stable dans les Balkans. Ces velléités sont clairement formulées dans la réponse du cabinet de Berlin à la démarche des Ambassadeurs: exiger du gouvernement Serbe non seulement qu'il abandonne ses prétentions territoriales, mais encore qu'il s'adresse directement à l'Autriche-Hongrie pour discuter les avantages économiques que celle-ci veut bien lui accorder; un pareil plan, nous le disons ouvertement, ne saurait en aucun cas avoir notre appui et nous ne pouvons que regretter qu'il ait pu mériter les suffrages de la diplomatie Française.

Nous aimons à espérer que les franches explications qui précèdent ne laisseront au gouvernement français aucun doute sur les intentions pacifiques; il est parfaitement exact qu'au mois d'octobre j'ai publiquement déclaré que la Russie ne pouvait voir dans les origines de la crise actuelle un «casus belli» et j'ai la conscience de n'avoir rien dit ni entrepris depuis lors pour tendre davantage la situation; je viens, tout au contraire, de donner une preuve de plus de notre sincère désir de faire tout ce qui dépend de nous en faveur de la paix. Il me semble donc que s'est plutôt sur la politique Austro-Hongroise, pour laquelle on a tant d'indulgence à Paris, qu'il s'agirait de peser. Il est à se demander, en effet, quelle sera la situation, si l'esprit belliqueux, si fort en ce moment à Vienne, l'emporte définitivement? Une agression de l'Autriche-Hongrie contre les deux petits pays slaves voisins ne manquera pas de soulever en Russie une profonde indignation et une fois que le sang aura coulé, il est impossible de prévoir quelle sera la force du moment de l'opinion Russe et si le gouvernement impérial placé actuellement dans des conditions nouvelles de politique intérieure, aura assez de force pour y résister,

Avant de terminer, je voudrais attirer l'attention du gouvernement français pour un autre aspect de la question. La dépêche de Mr. Pichon fait une distinction entre les cas où se trouvent engagés les intérêts vitaux de la Russie et les autres incidents de leur vie internationale et semble

impliquer que le gouvernement français considère la crise actuelle comme appartenant à la seconde catégorie des faits. A ce point de vue il s'agirait pour nous, à l'heure actuelle, d'une question analogue à celle qui, peu d'années auparavant, à l'occasion des affaires du Maroc, avait suscité un différend entre la France et l'Allemagne. Il me semble qu'il y a là une erreur d'appréciation qu'il est nécessaire, dans l'intérêt même de nos futures relations avec la France, de rectifier. Ni au yeux de la France, ni à ceux de l'Europe la question Marocaine ne dépassait les dimensions d'une question d'intérêt colonial et économique. Cele ne nous a pas empêchés de mettre à la disposition du gouvernement français toutes les ressources de notre diplomatie, et le concours ouvert que nous lui avons prêté à la conférence d'Algeciras est une des cause, on nous le répète tous les jour à Berlin, pour lesquelles aujourd'hui nous ne pouvons compter dans aucune mesure sur l'appui de l'Allemagne. Lorsque tout récemment, à la suite d'un incident fortuit et assurément d'un ordre secondaire, la France s'est trouvée en face d'une menace Allemande, il ne s'est élevé aucune voix en Russie, ni dans les milieux responsables, ni dans le domaine de la presse pour contester la nature du service que la Russie devait à son alliée dans cette circonstance. Or, la crise suscitée dans les Balcans par la politique Autrichienne a pour la Russie une gravité particulière: la nation Russe y voit une pousée de germanisme contre le monde Slave, une tentative du bloc austro-allemand de profiter de l'affaiblissement momentané de la Russie pour faire un premier pas vers l'établissement de leur prépondérance dans les Balcans. L'esprit public en Russie a été frappé de la coïncidence remarquable entre le récent accord franco-allemand et l'attitude de l'Autriche, devenue subitement plus bellequeuse à l'égard des petits pays slaves. A supposer même que les choses finissent par s'arranger à l'amiable, ont craint chez nous et non sans raison que la Russie sortira de la crise moralement amoindrie et dépoillée aux yeux du monde Slave de l'auréole traditionnelle. Un pareil résultat est-il à l'avantage de la France ? En voulant nous courber devant la volonté du baron d'Aehrenthal, le gouvernement français ne risque-t-il pas d'affaiblir les sentiments si vivaces qui unissent le peuple Russe au peuple Français? Et un échec définitif de la diplomatie Russe ne donnera-t-il pas aux ennemis de notre système actuel d'alliances et d'amitiés de nouveaux et puissants arguments? On représente volontiers dans la presse étrangère la partie engagée actuellement entre la Russie et l'Autriche-Hongrie comme une lutte entre moi et le baron d'Aehrenthal. J'ai donné assez de preuves du peu de cas que je fais de ma popularité pour être soupçonné de mêler au débat un élément personnel. Je crois que l'amiral Touchard dont je ne puis assez louer l'attitude intelligente et sympathique comprend parfaitement ce côté de la situation; je ne puis m'empêcher de souhaiter que Mr. Cambon à Berlin et Mr. Crozier à Vienne y prêtent également leur attention et ne se montrent pas aussi prompts à s'approprier les plans politiques combinés à Vienne et portés par la voie de Berlin devant le gouvernement français.

Vous voudrez bien, mon cher ambassadeur, porter le contenu de cette lettre à la connaissance de Mr. Pichon soit in extenso, soit, si Vous le juger préférable, avec les coupures qui Vous serait suggérées par Votre tact éprouvé et par la connaissance parfaite que Vous avez des conditions politiques du moment.

№ 4

Личное письмо А.И. Нелидова – А.П. Извольскому

Paris, 18 Février / 3 Mars 1909 г.

L'amiral Touchard a fait part à M. Pichon des observations que Vous lui avez faites au sujet de la tiédeur que la diplomatie française, et notamment les Ambassadeurs à Vienne et à Berlin, auraient manifestée pour le point de vue défendu par le cabinet Impérial.

Vivement affecté par cette accusation, M. Pichon est venu protester auprès de moi de la sincérité et de la loyauté absolue de sa politique à l'égard de la Russie, et justifier la conduite des représentants français incriminés par votre excellence. Il ont strictement rempli, m'a-t-il dit, leurs instructions, toujours conformes à nos intentions, et si M. Crosier, quelque peu hypnotisé par le faste de la société de Vienne, dans laquelle il s'évertue à se créer une bonne position, a pu se montrer dans la forme, moins catégorique qu'il n'aurait dû l'être, il n'en est pas de même de M. Jules Cambon. Celui-ci n'a pas cessé de faire entendre expressément au cabinet de Berlin que la France suivait dans la crise actuelle en tout point la politique adoptée par le cabinet de St.Pétersbourg, et remplirait loyalement les exigences de l'alliance qui l'attache à la Russie. Il a si bien su en convaincre le prince de Bülow, que dans un entretien récent en discutant les éventualités à prévoir, le chancelier dit, entre autre, à M. Cambon: «Vous Vous mettez du côté de la Russie, comme nous nous placerons à côté de la Russie, comme nous nous placerons à côté de l'Autriche ...».

Mais il est évident que la presse, tant Allemande qu'Autrichienne, a grand intérêt à changer les couleurs et, prenant texte de relations moins tendues entre la diplomatie française et les autorités politiques de Vienne et de Berlin, de faire croire que la France se détachait peu à peu de son alliée et de son amie et se rapprochait de la triplice.

M. Pichon me donna à cette occasion les assurances les plus chaleureuses sur l'attitude que la France observerait dans le cas où la crise actuelle devrait nous amener à prendre une part active au conflit austro-serbe. «Nous exécuterons loyalement les devoirs de l'Alliance», me dit le ministre, et aussi longtemps que je suis là cette politique sera suivie. Mais comme cela crée pour les deux pays,

qui ni l'un ni l'autre ne désirent la guerre, une situation extrêmement grave, j'ai cru qu'il était de mon devoir de chercher le moyen d'éviter ce danger et de ne point en venir à ces résolutions extrêmes». Il m'expliqua à nouveau ce que j'ai eu l'honneur de Vous télégraphier le 13/26 Février sur N° 35: d'après tous les renseignements qui lui parvenaient ce qui exaspérait surtout l'Autriche et créait l'extrême irritation du cabinet de Vienne, c'était la cession territoriale à laquelle la Serbie prétendait avoir droit. M. Milovanovitch avait reconnu ici que l'Autriche n'y consentirait jamais; aucune des grandes puissances ne se montrait disposée à soutenir cette revendication. Il était dès lors inutile et dangereux pour la Serbie d'y insister, tandis que l'abandon spontané de sa part de cette réclamation permettrait aux Puissances de défendre d'autant plus énergiquement les intérêts économiques du royaume. Il pensait qu'une démarche dans ce sens, venant de la Russie, serait moins blessante pour les Serbes et avait plus de chances de succès qu'une intervention collective des cabinets. C'était là le sens de la communication dont l'ambassadeur de France avait été chargé auprès de votre excellence.

Quant aux propositions – Cambon et Kiderlen, le Ministre ne les avait ni adoptées, ni recommandées; il trouvait la dernière surtout peu acceptable pour nous, et ne la fait transmettre aux cabinets de St. Pétersbourg et de Londres que pour avoir à cet égard leur avis, sans lequel il ne voulait en aucun cas s'engager.

Telles sont, monsieur le ministre, les explications et les assurances que m'a données M. Pichon dans les entretiens successives que j'ai eues avec avec lui à la fin de la semaine dernière.

Je n'ai aucune donnée pour ne pas le croire sincère quand il me déclare que le gouvernement français est absolument résolu à remplir strictement les obligations que lui impose notre traité d'alliance. Il me revient que d'autres membres du cabinet se seraient prononcés dans le même sens, en accentuant que si la France agissait différemment et manquait à ses engagements, elle se condamnerait moralement, et se trouverait matériellement, si la guerre était heureuse pour la Russie, isolée en Europe et déshonorée, – et dans le cas contraire livrée sans défense à l'Allemagne, car, disent les Anglais, la defection de la France vis-à-vis de la Russie serait la fin pour toujours de l'entente franco-anglaise.

Je ne puis cependant, tout en Vous soumettre toutes ces données, ne pas relever que l'idée d'une guerre est envisagée ici dans le public et dans presse avec des sentiments bien différents. La république démocratique est par son essence même ennemie des guerres. L'antimilitarisme et le socialisme font dans ce sens des progrès notables. Mais ce sont surtout les tendances et les préoccupations mercantiles du public Français, et les soins de la conservation de son immense richesse qui servent à développer ici des dispositions ultra-pacifiques. Si la France était attaquée ou que ses intérêts directs, appréciables pour tous, fussent en jeu, le pays marcherait. Mais telle que la question est

présentée par la presse, dont une grande partie est gagnée par l'Autriche, avec le «Temps» en tête, — «lancer l'Europe dans une guerre pour une bande de territoire à annexer à la Serbie, qui n'y a aucun droit» — ce serait là, aux yeux des Français, la plus criminelle folie.

Votre courageuse démarche à Belgrade, à laquelle tout le monde applaudit hautement, tend à détourner ce danger, et, si, après réception d'une réponse de Belgrade, les nouvelles prétentions impertinentes de l'Autriche ne sont pas maintenues par elle, il y a tout lieu d'espérer que la crise se dénouera pacifiquement. Mais une action énergique des puissances sera probablement nécessaire aussi à Vienne, et, comme je vous l'ai télégraphié hier, M. Pichon ne demande qu'à s'entendre avec nous et les Anglais sur la forme et le développement à lui donner, en étant prêt à s'employer pour y engager les autres puissances.

C'est donc avec un intérêt redoublé qu'on attend ici les nouvelles de Belgrade et les décisions du gouvernement imperial qui décideront de la direction ultérieure à donner à l'action diplomatique des cabinets.

Personnellement le ministre français et, à ce qu'il croit, son collègue de Londres, estiment qu'il faudrait le plus tôt possible convoquer la conférence. Or, comme l'accord entre la Bulgarie et la Turquie semble être sur le point de s'établir sous notre égide, M. Pichon espère que la proposition pourrait en être lancée très prochainement. Comment sera-t-elle accueillie à Vienne et à Berlin — cela est encore une question qui donnera probablement lieu à de difficiles négociations, car jusqu'à présent on s'y montrait absolument hostile à une conférence qui ne bornerait pas son action à un simple enregistrement des accords directement établis entre les intéressés.

№ 5

Личное, конфиденциальное письмо А.И. Нелидова — А.П. Извольскому

Paris, 5/18 Mars 1909 г.

Ayant eu l'honneur de recevoir votre lettre de 18 fevrier/3 mars je n'ai pas manqué d'en donner connaissance à Mr. le ministre des affaires etrangeres.

Je ne puis vous cacher que cette lecture, dont l'effet a été renforcé par un télégramme de l'amiral Touchard rendant compte des observation que vous lui aviez faites sur une prétendue évolution de la politique française dans un sans contraire à ses accords avec nous, — a produit sur Mr. Pichon une très pénible impression.

Je me suis déjà trouvé dans le cas de vous exposer, dans ma lettre confidentielle de la même date que la votre précitée, toutes les considérations

et explications relatives à l'attitude qu'avait observée le cabinet de Paris. Le ministre m'a de nouveau répété que dans aucun moment le gouvernement français n'avait songé à se soustraire aux obligations que lui imposait son alliance avec nous, ni à s'écarter en quoique cela soit de la ligne de conduite conforme à nos vues qu'il avait adoptée dès le début de la crise actuelle.

Quant aux points spéciaux qui pouvaient avoir motivé vos accusations contre la diplomatie française, voici les explications que m'a, une fois de plus, données Mr. Pichon.

Vous aviez vous même reconnu (par vos télégrammes du 1, 4 et 6 fevrier que j'ai communiqué au ministre des affaires etrangeres français) que la détente survenue dans les relations entre l'Allemagne et la France permettrait à celle-ci de prendre l'initiative de représentations conciliantes à faire à Vienne et à Belgrade en faveur d'une valuation pacifique de la crise, et qu'il serait désirable d'y associer, si possible, à la France et à l'Angleterre — l'Allemagne et l'Italie. Les démarches entreprises dans ce but à Berlin ayant échoué, et un projet de note à adresser au gouvernement serbe ayant été mis en avant par la chancellerie allemande, le gouvernement français, sans nullement l'approuver ni le recommander, a cru de son devoir de le transmettre tel quel est ?..... à Pétersbourg qu' à Londres, afin de s'enquérir de l'accueil qui lui serait fait. Une rédaction modifiée, présentée par Mr. Kiderlin, à été également communiquée aux cabinets de l'entente, mais sans que celui de Paris ait été disposé à s'engager d'avantage dans la voie proposée par les allemands.

Quant à la communication qui Vous a été faite le 13 fevrier par l'ambassadeur de France en vue de s'entendre sur la situation, qui se présentait à ce moment comme particulièrement dangereuse, et bien établir les intentions réciproques, — Mr. Pichon soutient n'y avoir rempli qu'une des conditions essentielles de notre accord qui oblige les deux parties de procéder dans de semblables circonstances à une entente; et comme c'est la Russie qui était la plus intéressée, — ce sont les intentions que le gouvernement français désirait connaître afin d'y conformer sa conduite, selon les exigences des alliances.

Je n'est pas manqué de faire observer au ministre que ce qui a dû nécessairement produire à Pétersbourg une fâcheuse impression c'est la coïncidence de cette démarche avec un article du «Temps» dans ce journal, que l'on est habitué de concidérer comme inspiré par le Quai d'Orsay, — tâchait de rejeter sur la Russie la faute de la situation dangereuse dans laquelle la paix de l'Europe était placée, et soutenait que c'était au gouvernement russe qu'il fallait maintenant demander ses intentions.

2.

Mr. Pichon nia une fois de plus que le «Temps» ait des relations quelconques avec le ministère des affaires étrangères, qu'il mettait souvent par son manque de tact dans un grand embarras. Il avait d'ailleurs fait de

vives remontrances au rédacteur politique de ce journal et son langage s'était sensiblement modifié.

A mon observation que d'autre part la presse européenne, et notamment celle de Vienne et de Berlin, avait également eu l'impression d'une attitude quelque peu modifiée de la politique française et avait révélée avec complaisance, le ministre répliqua que c'était un jeu bien naturel de la part des organes des cabinets allemand et autrichien, qui cherchaient par tous les moyens à jeter de la méfiance entre nous en exagérant et dénaturant à dessein des détails absolument insignifiants en eux-mêmes. Cette manoeuvre tendancieuse a été signalée ici également de Londres.

Pour ce qui est de l'attitude personnelle des deux Ambassadeurs Français mis en cause, Mr. Pichon, tout en défendant de nouveau changement l'activité irréprochable, selon lui, de Mr. Jules Cambon, a reconnu que celle de Mr. Crozier pouvait donner lieu à des criiques, sinon pour le fond, en tout cas dans la forme que revêtaient ses relations avec les sphères dirigeantes de Vienne. Aussi en a-t-il adressé divers remontrances à ce sujet, donc la teneur doit Vous avoir été communiquée par l'amiral Fouchard.

Je puis constater en tout cas que les observations que j'ai été chargé de faire à Mr. Pichon ont porté, et que même il s'en est senti quelque peu froissé, ne reconnaissant de sa part aucun manquement vis-à-vis du pays ami et allié.

Les assurances sur la résolution de rester per fas et nefas fidèle à l'alliance et de conformer son activité à nos vues me font l'impression d'une parfaite sincérité, — et ce fait me semble d'une importance capitale dans la situation politique où nous nous trouvons engagés. La France aurait trop à perdre à l'affaiblissement matériel ou morale de la Russie pour ne pas faire tout ce qui dépend d'elle pour le prévenir. C'est donc en partie dans un sentiment fort naturel de sa propre conservation qu'elle redoute pour nous les dangers d'une guerre et qu'elle recherche les moyens d'une solution pacifique. C'est bien également notre politique à nous, mais il y a à faire entendre aux Français que ce n'est qu'en nous aidant à maintenir notre position vis-à-vis de l'Autriche qu'ils peuvent se garantir eux-mêmes de l'établissement en Europe de l'hégémonie austro-allemande qui serait certainement désastreuse pour eux.

Mr. Pichon en est convaincu, mais nous nous trouvons en face d'un parti-pris qu'il est très difficile de combattre, tant à Vienne qu'à Berlin, où l'on l'ont semble être encore plus intransigeant que dans la capitale autrichienne.

№ 23

Париж, 5/18 марта 1909 г.

Телеграфные сообщения вверенного мне посольства ставят в известность ваше высокопревосходительство о последовательных впечатлениях, получаемых здесь от постепенного развития настоящего, весьма опасного политического положения.

Принимая с готовностью все предложения императорского кабинета, г. Пишон старается по сношению с Лондоном и, если возможно с Римом, приводить их в исполнение. Но содействие г. Титтони становится все менее надежным, а в Берлине все предложения, клонящиеся в пользу мирного разрешения сербско-австрийских затруднений, встречают непоколебимую решимость, безусловно, поддерживать точку зрения Венского кабинета.

Если смотреть на настоящее положение с высшей историко-политической точки зрения, то становится все более ясным, что дело идет о наступательном движении германизма, передовым двигателем коего служит Австро-Венгрия, против пробуждающегося южного славянства, которое имеется в виду или задавить или подчинить воле Габсбургского дома. Немецкие и австрийские газеты и не скрывают этого свойства предполагаемого похода на Сербию, которую защитить может только вмешательство России, принудив ее к бездействию, или нанести нам тяжелый военный удар, который снова расстроил бы только что восстанавливающиеся наши боевые силы.

В сознании этой опасности французское правительство искренно старается способствовать приисканию такого дипломатического приема, который, ни в чем не задевая самолюбие сербов, оказался бы приемлемым для венского кабинета, если последний еще доступен беспристрастному суждению здравого смысла и чувству международной честности и справедливости.

Телеграммой от вчерашнего числа я имел честь передать вам сущность сделанного здесь английским послом предложения, которое, без сомнения, непосредственно представлено было и вашему суждению. Одновременно с ним и австро-венгерский посол, расточающий горячие уверения в миролюбии своего правительства, представил здесь формулу заявления, которое могло бы быть сделано Сербией, чтобы удовлетворить требованиям Венского кабинета. Она должна была быть передана Вам французским послом, равно как и английское

¹⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л.138–140. Подпись – автограф.

предложение. Но тогда как последнее только вскользь касается жгучего босно-герцеговинского вопроса, в предложении графа Кевенгулера на первом месте стоит упоминание о соглашении, состоявшемся по этому предмету между Австрией и Турцией.

Впоследствии того, разделяя вполне ваше мнение, согласное и со взглядом лондонского кабинета, что Сербия не имеет никакого основания высказываться об этом вопросе, и находя, что право это принадлежит исключительно державам, подписавшим Берлинский трактат, г. Пишон не признал предложение австро-венгерского посла серьезным основанием для соглашения, но счел тем не менее своей обязанностью передать его в Лондон и С. Петербург.

В сущности, в настоящем натянутом положении Ближнего Востока на очереди стоят два вопроса. Во-первых, легко разрешимый при малейшем проявлении благодушия и прямоты со стороны Австрии — вопрос о ее сношениях с Сербией, которой отовсюду даются советы умеренности и благоразумия, так как никакой существенной розни способной оправдать вооруженное столкновение между ними не существует. Другой вопрос, к которому Сербия непричастна — это право великих держав, подписавших Берлинский трактат, подвергнуть обсуждению нарушения, произведенные в этом акте. Венский кабинет, поддерживаемый берлинским, настаивает на том, что раз между ним и Портою состоялось соглашение, великие державы могут только принять оное к сведению, чем и должна ограничиться деятельность будущей конференции.

На стороне противного толкования, заключенного в ответе вашем Австрии, стоят Франция и Англия. Положение Италии здесь не вполне выяснено. Турция тоже еще не высказалась. Таким образом, великие державы разделились на две группы, и съезд конференции представляется немислимым пока Австрия и Германия не изменят своего взгляда, так как трудно допустить, чтобы Россия, Англия и Франция могли отказаться от своего мнения, твердо основанного на трактатах и на международном праве.

Немедленная опасность войны представляется угрожающей только по поводу первого вопроса между Австрией и Сербией, к мирному разрешению коего прилагаются тщательные старания как в Петербурге, так и в Лондоне и Париже. Вопрос конференции, хотя и способен, будучи неразрешенным, надолго оставить Европу в неустойчивом политическом положении, едва ли может непосредственно привести к вооруженному столкновению. Следовательно, все дело зависит от удачного исхода сербско-австрийского спора, являющегося теперь по виду только словесным препирательством, за которым, несомненно, кроются более широкие народные и политические интересы. Если в Вене существует предвзятое намерение разрешить их насилем, то

никакие доводы благоразумия делу не помогут, и тогда жгучим станет наше положение по отношению к славянам и их надежде на наше содействие.

Вот, милостивый государь, как представляется настоящее политическое затруднение по имеющимся здесь сведениям, в которых немаловажное значение имеют передаваемые из Берлина все более тревожные слухи, служащие как бы поощрением дерзким притязаниям барона Эренталя.

№ 7

Депеша А.И. Нелидова – А.П. Извольскому¹⁵

№ 28

19 марта / 1 апреля 1909 г.

Забастовка телеграфных чиновников, кроме многих замешательств в обыденной жизни французской столицы, отозвалась крайне неприятным образом и на стоявших на очереди политических переговорах.

Телеграмма вашего превосходительства от 4/17 марта под № 356, заключавшая в себе предложение князя Бюлова, послужившее впоследствии основанием для соглашения относительно признания нами присоединения Боснии и Герцеговины, была мною получена только неделю спустя вместе с несколькими другими телеграммами от 3, 4 и 8 марта. Между тем до меня дошла своевременно только одна депеша от того же числа, без номера, заключавшая в себе проект вашего ответа на означенное предложение. Я тотчас же сообщил его министру иностранных дел, но предмет этот и решение, которое следовало по оному принять, были слишком важны, чтобы г. Пишон, не получивший никаких уведомлений об этом ни из Берлина, ни из Петербурга, мог, не зная подробностей дела, выразить определенное о нем мнение. Тем не менее, по сообщении мной министру телеграммы вашей от 7/20 марта, № 386, я немедленно телеграфировал, что он вполне присоединяется к соображениям, высказанным в первом ответе вашем на предложение князя Бюлова. Когда же телеграфные сообщения были восстановлены, дело уже приняло под давлением германского правительства окончательный неизменяемый оборот.

Хотя изъявленное вашим высокопревосходительством согласие на признание австро-турецкого соглашения посредством обмена нот и отклонилось от установленного дотоле между Россией, Англией и Францией правила требовать свободного обсуждения этого вопроса

¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л.154–156. Подпись – автограф.

на конференции, оно, в сущности, было принято французским правительством довольно благоприятно как решительный шаг к мирному исходу из затруднения, которое угрожало привести к вооруженному столкновению, тогда как предмет этой войны, как я имел случай о том доносить, не пользовался здесь сочувствием населения. Здесь вполне постигли всю тяжесть принесенной нами жертвы, и общественное мнение высказывало вам благодарность за смелую решимость купить этой дорогой ценой сохранение европейского мира.

В министерстве иностранных дел произвело, однако, неприятное впечатление то обстоятельство, что действовав доселе в согласии с Лондоном и Парижем, императорский кабинет не оговорил необходимости согласия других держав на принимаемую им меру, и что признанию присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии не было поставлено условием предварительное согласие последней на сделанные ей от имени трех держав предложения относительно соглашения с Сербией. Таким образом, опасность столкновения продолжала существовать, и только благодаря настойчивости английского правительства венский кабинет вынужден был согласиться на предварительное разрешение австро-сербского спора.

Все эти обстоятельства, в высокой степени занимающие печать, вызвали в общественном мнении Европы весьма неблагоприятное о нас суждение, в связи с которым германские и австрийские газеты злорадно подчеркивают достигнутый венской дипломатией блестящий успех и приобретенное двуединой монархией господствующее положение на Балканах. В соответствии с таким настроением печати Тройственного союза во Франции и, по имеющимся здесь сведениям, в Англии общественное мнение во влиятельных политических сферах все сильнее высказывается в пользу наибольшего сближения между Россией, Францией и Англией, действовавшим сообща в сербско-австрийском споре.

Учитывая дальнейшее развитие международного положения в Европе, многие органы печати приходят к заключению, что наподобие того, что делала доселе Германия и что доставило ей и покровительствуемой ею Австрии столь блестящую победу, и обе западные державы вместе с Россией должны были бы стремиться к планомерному развитию своих сил, и когда они будут в состоянии не опасаться вызова со стороны Тройственного союза, — от которого в таком случае не преминет отделиться Италия, — со своей стороны поставить требования, которые восстановили бы политическое равновесие, нарушенное ныне в пользу Германии и Австрии.

Опыт последнего пятилетия показал, что подобная политика не должна неизбежно приводить к войне. Во время мароккского вопроса единение двойственного союза с Англией остановило в Альхесирасе

попытки преобладания, которые исходили из Берлина. Теперь тоже перевес в противоположную сторону достигнут был без кровопролития. Необходима только прочная связь между державами и ясно осознанная решимость их не допускать дальнейших наступательных действий Тройственного союза, при наличии достаточной силы, чтобы им противодействовать.

Таково направление, которое намерены дать своей политике как парижский, так, по-видимому, и лондонский кабинеты, в твердой уверенности, что тем же стремлением задается и русская политика, ближе всего затронутая произошедшим нарушением равновесия. Общественное мнение вполне сочувственно относится к подобному плану и будет, несомненно, поддерживать правительство, несмотря на желание жить в мире с Германией и развивать торговые и финансовые с ней отношения.

№ 8

Депеша А.И. Нелидова — А.П. Извольскому¹⁶

№ 29

19 марта / 1апреля 1909 г.

В печати появились на днях крайне оскорбительные для французского правительства обвинения, будто оно не исполнило своих союзных обязательств по отношению к России и тем вынудило ее подчиниться требованиям Венского кабинета, поддержанным Германией. Считая эти обвинения совершенно неосновательными, министр иностранных дел сделал через посредство агентства Гаваса заявление, опровергающее эти слухи и устанавливающее, что как Франция, так и Англия следовали совместно с Россией во всем кризисе намеренно с самого начала политическому направлению. Газета «Temps» развила эту мысль в прилагаемой у него передовой статье.

В дополнение к тому, что я уже имел случай писать по этому предмету вашему высокопревосходительству, я считаю долгом присовокупить, что, по полученным мною вполне достоверным сведениям, здешнее правительство не ограничилось дипломатическими действиями. Французский посол в Берлине обратил внимание г. Пишона на смелость, черпаемую Германией и Австрией в уверенности, что Россия ни в каком случае на войну не решится и что, по всему вероятно, и Англия и Франция воздержатся от всякого в ней участия, даже если бы в нее вовлечена была Россия. Г. Жюль Камбон присовокупил, что

¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л.158—159 об. Подпись — автограф.

необходимо было бы сделать какие-нибудь военные приготовления, которые указывали бы на решимость Франции исполнить обязательства связывающего ее с Россией союза. Равным образом он указывал и на неблагоприятное впечатление, произведенное сделанным одним из английских министров заявлением, что Англия отнюдь не намерена принять участие в возможной войне из-за сербского вопроса.

Указания эти, полученные при самом начале прекращения телеграфных сообщений, были тотчас же переданы председателю Совета министров и отправлены с нарочным в Лондон. Вследствие того здесь были немедленно сделаны распоряжения о прекращении отпусков в корпусах, расположенных на восточной границе, среди которых произведены некоторые передвижения и приняты другие меры на случай мобилизации. В Лондоне тоже приняли к сердцу полученные указания, и условлено было с французским правительством составить соединенный отряд судов, который в случае нужды сосредоточен был бы в Мальте. Английским адмиралтейством были намечены и другие меры.

Но между тем телеграфные агентства передали во все концы Европы подробный отчет о секретном совещании, происходившем в Царском Селе, на котором министры финансов, торговли и военный доказывали совершенную невозможность для России вести войну. Подобное оповещение Европе нашего полного бессилия, произведшее на наших друзей удручающее впечатление, не могло не ободрить наших противников к предъявлению России самых беззастенчивых требований в твердой уверенности, что мы должны будем уступить.

Кабинеты, действующие с нами заодно, вынесли из совокупности вышеизложенных обстоятельств уже подчеркнутое мною заключение, что России, Франции и Англии более чем когда-либо следует твердо держаться однородного образа действий, подготавливая свои силы с целью внушить своим противникам убеждение, что перед ними стоит политическое сочетание, способное заставить себя уважать и проводить свои законные требования. Только таким образом возможно будет: для Европы — восстановить нарушенное в пользу Тройственного союза политическое равновесие, для России — вновь приобрести временно утраченное влияние на славян и свое положение на Балканском полуострове, необходимые ей для исполнения великих, возложенных на нее провидением, исторических задач.

№ 30

19 марта / 1 апреля 1909 г.

Успех, одержанный австро-германской дипломатией в вопросе о присоединении Боснии и Герцеговины к Габсбургской монархии, явился не только крупным политическим событием, нарушившим признаваемое доселе несомненным правило неизменяемости трактатов без согласия их участников, и снова упрочившим в Европе, в ущерб существовавшему в последние двадцать лет политическому равновесию, преобладание Германии и руководимого ею Тройственного союза. Он представил для России новое непреодолимое доказательство тех опасностей, которые искони влекли за собою для нас все сделки с Австро-Венгерской монархией, не стеснявшейся принятыми ею обязательствами, когда представлялся благоприятный случай провести собственные выгоды. Не останавливаясь на примерах более отдаленных времен, стоит припомнить спешное признание, несмотря на существовавшее соглашение с нами, присоединения Восточной Румелии к Болгарии, временного болгарского правительства и князя Фердинанда, которых венский кабинет не преминул настроить враждебно против России. Вопрос о железной дороге через Ново-Базарский санджак и присоединение Боснии и Герцеговины были последними проявлениями вероломства австрийской политики, получившего всемирную известность.

Не меньшую опасность представляло бы для нас и слишком тесное сближение с Германией, понимающей политическое соглашение только в смысле подчинения своих друзей и союзников собственным целям и видам. Мы несомненно обязаны, по географическому своему положению, жить в мире и добрососедских отношениях с Германской империей, но только под условием полной независимости наших действий и решений, так как политические цели наши с германскими не сходятся. Последнее международное затруднение, только что столь неудачно для нас заключенное, в котором берлинский кабинет принял если не руководящее, то, во всяком случае, решающее участие, доказал нам, что, хотя собственные интересы Германии в нем затронуты не были, поставленный на очередь вопрос рассматривался им как часть общего историко-политического движения, имеющего целью подчинение славянства германизму и наступление последнего на юг для преобладания, через посредство Австрии, на Балканском полуострове.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 162–165 об. Подпись – автограф.

Хотя от некоторых сторон, преимущественно под внушением Германии, у нас отрицается важность для России сочувствия славян и допускается даже возможность образования под главенством Австрии объединенного югославянского государства, стремление наших соперников отвратить от нас славян, сеять между ними раздор и вовлекать их в круг своего влияния, уже доказывает наглядно, какое значение они придают этой силе, которая в наших руках стала бы непреодолимым оплотом против наступающего германизма. Со своей стороны, немцы и мадьяры видят в славянах не только народ низшего качества, который следует подчинить и задушить, но и взирают на занимаемый славянами Балканский полуостров как на путь к Средиземному морю, куда Германия давно пытается проникнуть.

Это стремление средневропейской империи идет прямо вразрез как с нашими выгодами, так и с интересами наших союзников и друзей — французов и англичан. Последние в особенности ревностно охраняют путь к Суэцкому каналу и Индии и считают для себя обязанностью противодействовать всякой попытке его преградить. Так, между прочим, заключенное в прошедшем году соглашение с Испанией относительно сохранения status quo в окружающих ее водах имело основанием, как утверждают дошедшие до Лондона сведения о попытках Германии к приобретению одного из принадлежащих Испании островов в Средиземном море для устройства на нем угольной станции. Франции также неудобно было бы иметь у своих берегов немецкие морские силы, а для России, при господствующем положении, занятом Германией в Константинополе, присутствие ее флота в Средиземном море было бы так же опасно, как было доселе полное господство в Турции англичан, пока соглашением, заключенным вами с лондонским кабинетом, не устранены были вопросы, способные вызвать между нами столкновение.

Все эти обстоятельства доказывают необходимость для нас еще теснейшего сближения с Францией и Англией, дабы соединенными силами противодействовать указанному выше наступательному австро-германскому движению на славян и на Балканский полуостров. Осуществление этого противодействия отнюдь не должно неизбежно вовлечь нас в вооруженное столкновение с Тройственным союзом. Как Австрия, поддержанная Германией, собрав свои военные силы, стала угрожать Сербии и противиться законным требованиям Европы, так и мы могли бы, когда восстановится наша военная мощь, по соглашению с Францией и Англией, принудить в благоприятную минуту Австро-Венгрию отказаться от своих видов на Балканы и возвратить свободу действий подчиненным ею ныне сербам. Опыт последнего кризиса доказал, что при наличии мирных вооружений дипломатические вопросы разрешаются только угрозой и насильем. Искусство

дипломатии заключается в том, чтобы выбрать подходящую минуту, воспользоваться удобным стечением обстоятельств и, в сознании присущей силы, твердо выдержать до конца.

Таким способом, несомненно, может быть подготовлено смягчение тяжелых впечатлений от понесенной нами неудачи, и вместе с тем намечено постепенное освобождение соплеменных нам народов Балканского полуострова от налагаемого на них подчинения австро-германскому влиянию. В настоящую решающую минуту нашей политики я считаю своим долгом указать на то ее направление, которое, по моему глубокому убеждению, единственно отвечает нашим интересам и встречает вместе с тем сочувствие и поддержку как со стороны правительства, при коем я имею честь представлять государя императора, так и в состоящем с ним в близкой связи английском королевстве.

№ 10

Депеша А.И. Нелидова — А.П. Извольскому¹⁸

№ 36

Париж, 2/15 апреля 1909 г.

Опасность вооруженного столкновения из-за присоединения Боснии и Герцеговины к Габсбургской монархии и провозглашения болгарской независимости, по-видимому, миновала. Главные международные вопросы, возбужденные самовольными действиями венского кабинета и софийского правительства, разрешены по существу; остается только исполнение дипломатических формальностей, которые не способны привести к серьезным замешательствам. Тревожное настроение, оказывавшее давление на ход европейских дел, сменилось чувством всеобщего облегчения, которое не замедлило отозваться и на ход биржевых и финансовых дел.

Так как оно совпало с парламентскими вакациями по случаю Св. Пасхи, то большинство министерств воспользовалось предложением заседаний провинциальных советов, в которых они состоят председателями или членами, чтобы выехать из Парижа. Так, министр иностранных дел отправился в департамент «Jura» и предполагал вернуться в Париж только 11/24 апреля, чтобы в тот же день вновь выехать с президентом республики в Ниццу, где должно состояться торжественное открытие памятника Г. Гамбетта. Но внезапное возникновение опасных беспорядков в Константинополе принудило председателя Совета министров спешно вызвать в Париж г. Пишона, который должен возвратиться завтра.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 182–185. Подпись — автограф.

Тревожные известия из Турции весьма естественно взволновали едва успокоившееся общественное мнение. Здесь начинают опасаться более широкого развития беспорядков в Турции и, вследствие оно, вооруженных столкновений на Балканском полуострове и резни христиан, чем поставлен был бы на очередь восточный вопрос во всем его ужасающем размере. Не могу не пожалеть, милостивый государь, что он застает нас еще неподготовленными не только к его разрешению в желательном для нас смысле, но даже и к принятию в нем деятельного материального участия, так как опыт истории и пример недавних событий доказал, что подобные мировые задачи неразрешимы без употребления силы.

В сознании этой истины я не переставал в пятнадцатилетнее управление мое Константинопольским посольством настаивать на необходимости заранее быть готовыми к неопределимым по времени, но неизбежным событиям, так как нельзя было предвидеть час «в он же придут». Незадолго до моего отъезда из Турции все казалось должным образом налаженным. Со стороны морского и военного ведомств приспособлены были средства для деятельного воздействия на положение дел в турецкой столице, когда там возникли бы беспорядки. Мы могли, к сожалению, убедиться в состоявшемся прошедшим летом под вашим председательством секретном совещании, что от оног устройства не осталось ничего.

Позвольте мне выразить надежду, что стараниями вашими снова приняты необходимые меры или, по крайней мере, признана необходимость и намечены распоряжения для доставления России возможности достойно исполнить историческое свое призвание и не дать разрешить против наших интересов мировую задачу, которая возникает на Ближнем Востоке.

№ 11

Депеша А.И. Нелидова — А.П. Извольскому¹⁹

№ 52

Париж, 28 мая / 10 июня 1909 г.

Назначение новых французских послов в С.-Петербург и Константинополь состоялось 23 мая / 5 июня, и было, сообразно заключенному с императорским правительством соглашению, опубликовано в понедельник 25 мая / 7 июня.

Имея в виду важность для нас согласного с французами действия на Ближнем Востоке, я счел долгом представить французскому мини-

¹⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 236—237. Подпись — автограф.

стру иностранных дел, что, раз назначение русского и французского представителей было взаимно обусловлено, то необходимо, чтобы деятельность их была вполне согласована и отвечала тем сношениям, которые существуют между нашими правительствами. А потому, сказал я, я надеюсь, что г-н Бомпар проникнется этой истиной и ему внушено будет, забыв неприятное впечатление, которое могло ему оставить насильственное прекращение неудачного его посольства в Петербурге, поддерживать со своим русским товарищем самые дружеские отношения и действовать с ним заодно. Г. Пишон дал мне по этому поводу самые положительные уверения, присовокупив, что и сам г. Бомпар, перевод коего из Петербурга в Константинополь был, как ему известно это, решен не без веденя императорского правительства, вполне понимает важность для него себя оправдать на этом новом поприще своей дипломатической деятельности. Это будет ему тем более легко, что он уже близко знаком со взглядами и интересами Петербургского кабинета, а равно и лично знает своего будущего русского товарища.

Имея случай видеть г. Бомпара, как на приеме во вверенном мне посольстве, так и за завтраком в министерстве иностранных дел в честь вновь назначенных послов, я слышал от него те же самые уверения. Он выражал свое удовольствие по поводу назначения императорским послом в Константинополь гофмейстера Чарыкова, которого он лично знает и уважает, и с которым, он уверен, легко мочь приходиться к соглашению по вопросам их совместной деятельности. Г. Констан только что приехал в Париж, ранее, чем его ожидали, и отъезд его преемника состоится, вероятно, в самом непродолжительном времени. Что касается г. Жоржа Луи, то он будет ожидать сначала приезда сюда адмирала Тушара, и французское правительство постарается войти в сношения с императорским кабинетом относительно наиболее удобного времени прибытия его в С.-Петербург для представления своих верительных грамот.

№ 12

Секретная телеграмма А.В. Неклюдова²⁰

№ 122

19 июня / 2 июля 1909 г.

Я только что получил нижеследующую программу пребывания их величеств в Шербурге. Отряд броненосных крейсеров под начальством контр-адмирала выйдет на встречу их величеств при вступлении их во

²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 196. Л. 31. Литография.

французские воды у Дюнкирхена. По прибытии в Шербург 31 июля после постановки на якорь императорской яхты, президент республики в сопровождении министров, свиты и лиц, назначенных состоять при особах их величеств, отправится на «Штандарт» для приветствования государя императора и государыни императрицы. Вечером того же дня президент предложит их величествам на броненосце «Верите» официальный обед, на коем произнесены будут тосты. В случае, если их величества придут 31 утром, президент предполагает просить их завтракать у него интимно. На следующий день 1 августа президент республики даст на броненосце «Верите» в честь их величеств завтрак, на котором будут присутствовать командиры французских судов. Вечером того же дня мог бы иметь место на «Штандарте» обед, который его императорское величество предложит президенту республики. При отбытии отряд крейсеров будет сопровождать их величества до выхода «Штандарта» из французских вод.

№ 13 Секретная телеграмма А.В. Неклюдова²¹

№ 127

27 июня / 11 июля 1909 г.

Voici le texte du toast: «Sire, j'éprouve une joie sincère à souaiter la bienvenue à votre majeste et à sa majeste l' imperatrice à l' occasion du troisième voyage que depuis leur couronnement elles font en notre pays. La France et son gouvernement vous ont, Sire, une profonde gratitude pour les marques de fidèle sympathie et d'inaltérable amitié qui leurs viennent de votre majeste. Votre prsence aujourd' hui dans le port de Cherbourg en est un nouveau témoignage. Elle apporte à l'alliance qui unit nos deux gouvernements et nos deux nations, et qui est justement considérée comme une garantie de paix dans le monde, une consécration qui permet d'atendre d'elle dans l'avenir des effets non moins heureux que ceux qu'elle a produits dans le passé. En exprimant les sentiments d'attachement que la France porte à la Russie, je lève mon verre en l'honneur de vos majestes, en oclui de sa majeste l' imperatrice Marie Feodorowna et de toute la famille impérials. Je bois à la grandeur et à la prospérité de l'empire Russe, allié et ami de la république Française».

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 196. Л.154. Литография.

№ 14

Тост, произнесенный Николаем II за обедом в Шербурге²²

18/31 июля 1909 г.

Monsieur le Président,

Les paroles de bienvenue que Vous venez de prononcer nous ont profondément touchés l'impératrice et moi. C'est chaque fois avec un sentiment de sincère plaisir que J'aborde les côtes de la France. Le souvenir de mes précédents séjours dans Votre beau pays reste grave dans ma mémoire. Outre les chaleureuses sympathies que je nourris personnellement à l'égard de la France, je demeure comme Vous, Monsieur le Président, fermement convaincu que l'alliance entre nos deux pays constitue une précieuse garantie pour la paix générale et que les liens étroits d'amitié entre la Russie et la France continueront, à l'avenir comme par le passé, à faire ressentir leurs bienfaisants effets.

Si, au camp de Bétheny, il m'a été donné d'admirer l'armée française, J'éprouve aujourd'hui une joie réelle de pouvoir rendre hommage à la superbe flotte, dont la revue, à laquelle je viens d'assister, m'a vivement impressionné.

Animé de ces sentiments de cordialité et de constance inaltérable, partagés par la Russie entière, je lève mon verre à Votre santé, Monsieur le Président, à la grandeur de la France alliée et amie et je bois à la prospérité de la vaillante marine française.

№ 15

Депеша А.И. Нелидова – С.Д. Сазонову²³

№ 63

23 июля /5 августа 1909 г.

Официальные сообщения русской печати несомненно поставили вас в известность о всех подробностях происходившего в Шербурге свидания между государем императором и президентом французской республики. А потому я ограничусь только указанием на общее впечатление, которое это событие произвело во Франции.

Печать единогласно, за исключением самых незначительных по числу и влиянию крайних революционно-социалистических орга-

²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 196. Л. 160. Типографский.

²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1909 г. Д. 110. Л. 274–275. Подпись – автограф.

нов, приветствовала с полным сочувствием это новое проявление русско-французской дружбы и союза. Серьезные газеты поместили глубоко продуманные и прочувственные оценки международного значения Шербургских дней, причем со всех сторон с удовольствием выставляется строго мирный характер произнесенных речей и происходившего обмена мыслей.

Что произвело огромное и совершенно новое впечатление, это милостивая беседа его величества с представителями Маншского департамента (где лежит Шербург) в Палате депутатов и в Сенате. Государыня императрица со своей стороны особенно благосклонно разговаривала с мэром города Шербурга депутатом Майё (Mahiere), крайним социалистом, очень богатым судостроителем, делающим в стране много добра.

Как президент Фальер, так и министр иностранных дел, на происходившем на другой день по возвращении из Шербурга заседании Совета министров, в самых горячих выражениях изложили свои впечатления о свидании с августейшими гостями, и об этом сообщено было печати.

Вчера президент переехал на летнее время в замок Рамбулье, а министр иностранных дел отправился в свое имение в департамент Жюра. Некоторые другие министры тоже уезжают отдыхать от зимних правительственных парламентских трудов. Между тем, вновь назначенные министры — военный, морской, финансов и публичных работ — горячо принимаются за работу и ищут внести во вверенные им части преобразования, на необходимость которых указывали общественное мнение и парламентские прения. Таким образом, в политической жизни Франции наступает временное затишье, которое, надо надеяться, не будет нарушено какими-нибудь внезапными или непредвиденными потрясениями.

№ 16

Депеша А.В. Неклюдова — А.П. Извольскому²⁴

№ 34

Париж, 29 апреля / 12 мая 1910 г.

Неожиданная кончина е[го] в[еличества] короля Эдуарда VII произвела здесь подавляющее впечатление. В почившем привыкли видеть могущественного и искреннего друга Франции и преклонялись перед его авторитетом в вопросах внешней политики, в коих его долготет-

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 130—131. Подпись — автограф.

няя опытность и знание людей, его ровный и благосклонный характер и его тонкий и изощренный ум направлены были непрестанно к согласованию существенных интересов Великобритании с охранением всесветного мира.

При всей сложности и при всем противоречии международных интересов и национальных вожелений, — а, может быть, именно в силу этой сложности и этого противоречия, — в европейской политической истории всегда сказывалась потребность какого-нибудь общепризнанного авторитета, вокруг которого могли бы группироваться однородные интересы, и коего воздействие и заявления являлись бы решающими в минуты международных затруднений и опасности для европейского мира.

Быловремя, когда подобным авторитетом являлся князь Меттерних; несколько лет спустя Европа, — хотя и не без тревоги и не без оговорок, — прислушивалась к словам императора Наполеона III; с конца 60-х годов место главного решителя и посредника политических судеб занял властно князь Бисмарк; к концу царствования Александра III европейские кабинеты и народы приучились видеть в нашем венценосце главную опору охранения всеобщего мира; за последние годы всеобщее внимание, взбудораженное поглощающей и нервной деятельностью императора Вильгельма II, — сосредоточилось с успокоением на короле Эдуарде VII, этом благосклонном «дядюшке Европы», и от его усилий и ловкости ожидали если не разрешения, то упрощения и полюбивной отсрочки многих опасных осложнений.

Развенчание или исчезновение подобных авторитетов всегда вызывало известную растерянность и смуту в общественном мнении и в международной политике. И если подобное смущение чувствуется ныне повсюду, то в особенности ощутительно оно здесь. Я позволю себе выразить убеждение, основанное на шестилетнем наблюдении, что за последние годы внешняя политика Франции направлялась почти исключительно из Лондона при посредстве и сотрудничестве французского посла г. Поля Камбона. И надобно сознаться, что король Эдуард VII тщательно поддерживал эти расположения правительства республики и французского общественного мнения своими частыми и обаятельными личными сношениями с выдающимися французами всех категорий и всех направлений.

Понятно отсюда, что кончина короля Великобритании является для Франции национальным трауром, выражающимся и в газетных статьях, и во всевозможных общественных проявлениях. Французская депутация, посылаемая на погребение Эдуарда VII, будет состоять из министра иностранных дел г. Пишона, генерала Дальштейна (командира Парижского гарнизона) и адмирала Марки (Marquis). Лица эти выедут отсюда в среду 4/17 мая.

№ 17

Депеша А.В. Неклюдова – С.Д. Сазонову²⁵

№ 58

Париж, 16 /29 сентября 1910 г.

Ваше превосходительство осведомлено уже из газет о тех выражениях глубокого и искреннего сочувствия, которые проявились здесь по случаю кончины императорского посла А.И. Нелидова. Выражения эти относились и к политическому деятелю, и к человеку. В обоих этих качествах Александр Иванович снискал себе во Франции беспредельное уважение и искреннюю любовь.

Все панихиды по усопшем и похороны почтили своим присутствием их императорские высочества Великая княгиня Мария Павловна и князья Романовские герцоги Лейхтенбергские Юрий Максимилианович и Александр Георгиевич. Отпевание усопшего в русской посольской церкви произошло при торжественной обстановке в присутствии всех наличных французских министров, дипломатического корпуса и представителей армии, флота, Палаты депутатов, Сената, различных корпораций, русской колонии и местного общества всех оттенков. Во главе дам стояла г-жа Фальер. После отпевания гроб вынесен был на паперть и войсками Парижского гарнизона оказаны были праху почившего установленные почести. В тот же день президент республики (по этикету не присутствующий на погребениях) посетил вдову покойного в посольстве.

А.И. Нелидова искренне оплакивают во Франции, и его посольство в Париже останется здесь светлым воспоминанием, еще более связующим нас с нашей союзницей.

№ 18. Депеша А.В. Неклюдова – С.Д. Сазонову²⁶

№ 69

Париж, 1/14 декабря 1910 г.

Отношения Франции и правительства республики к России изменились с 1898 года, соответственно с внешними мировыми событиями и с внутренним состоянием обеих стран.

²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 236–236 об. Подпись – автограф.

²⁶ *Опубликовано*: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 15–18. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 284–287. Подпись – автограф.

Уже со вступлением во власть радикально-социалистического блока в отношениях Франции и России начинала ощущаться некоторая натяжка. Представители крайних радикальных идей, возымевших господство во Франции, не могли питать к русскому строю тех искренних симпатий, которые одушевляли их предшественников; с своей стороны и многие из русских, самым несочувственным образом относясь к происходившим во Франции переменам, спрашивали себя, возможно ли для России при таком обороте дел поддерживать с Францией вполне искренние союзные отношения, можно ли безусловно надеяться на поддержку Франции. Это обоюдное недоумение усугублялось доводами французских консерваторов, которые весьма искренне видели в победе радикал-социальной партии первый удар, направленный против столь ценимого ими франко-русского союза. С своей стороны и некоторые из русских общественных деятелей, близко стоявших к происходящему во Франции, неохотно шли на искренние и дружеские отношения к правительству республики, хотя бы в силу уже одного того соображения, что более консервативные круги снова могут вернуться к власти и что чисто оппортунистическое отношение России к внутренним делам их страны может тем временем вселить в этих будущих правителях известную горечь и разочарование по отношению к русской дружбе.

Благодаря политическому такту и усилиям русской и французской дипломатии указанная натянутость не повела, однако, тогда же к ощутительному ослаблению франко-русских уз. Гораздо более серьезным испытанием союза явилась Русско-японская война и последовавшие вслед за тем внутренние события в России.

Первые неудачи наши на театре войны, до крайности поразив и встревожив французское общественное мнение, отозвались во французской внешней политике решительным торжеством давно уже лелеянных г. Лубэ — г. Делькассэ планов о сближении Франции с Великобританией и о желательном привлечении и самой России к этому новому соглашению.

Французские государственные люди, да и само французское общественное мнение, испугавшись ослабления России, охотно пошли навстречу давнишним заигрываниям Англии и в особенности ее нового и мудрого монарха, в надежде этим добавочным союзом снова восстановить нарушенное равновесие и найти для Франции новую и могущественную поддержку против угрожающих насилий со стороны Германии. Весною 1905 г. было заключено между Францией и Великобританией соглашение относительно Египта, Ньюфаундленда и Марокко, положившее начало крепкой англо-французской дружбе и параллельно с этим к осени того же года охладело в Англии увлечение Японией и ее победами.

После Портсмутского мира русская политика, которой предостав-
лялись на выбор лишь два исхода — либо приступить к англо-фран-
цузскому соглашению, либо решительно повернуть к Германии, — вы-
брала первый. Идеи и расчеты г. Делькассе восторжествовали и этого,
конечно, не могли простить ему в Берлине.

Революционное брожение в России послужило, однако, одновре-
менно с этою знаменательною переменою новым испытанием фран-
ко-русского союза. Нет никакого сомнения, что огромное большин-
ство не только радикальных правителей Республики, но даже их более
умеренных противников сочувствовало тому новому чисто парламен-
тскому строю, возникновение коего в России представлялось им столь
желательным и неминуемым. Не говоря уже о масонах и евреях, вся
почти Франция видела в окончательном торжестве у нас новых начал
усиление России, а попутно и укрепление союза обновленной России
с республиканскою Францией.

Неудача русской революции скорее разочаровала бы французское
общественное мнение, если бы с восстановлением порядка в России
не связалось бы спасение и мощное укрепление экономического со-
стояния и кредита страны, коей Франция вверила последовательно
более 11 миллиардов своих народных сбережений. Это финансовое
соображение сыграло весьма значительную роль в том благоразумии,
которое выказали по отношению к внутренним событиям в России го-
сударственные люди Франции.

Если исключить некоторые увлечения бывшего одно время ми-
нистром чистого доктринера и идеалиста г. Леона Буржуа да еще не-
которые промахи французского представительства в С.-Петербурге,
французские правящие круги отнеслись ко всему происходившему
в России с мудрою сдержанностью и тем спасли для Франции блага
и гарантии франко-русского союза.

За последние три года, и особенно со времени поддержки, ока-
занной нами французам в Альхесирасе, правительственная Франция
вполне сознательно и искренно относится не только к своим союз-
ным обязательствам, но и к сохранению и укреплению самого союза;
каковы бы ни были личные чувства управляющих республикою лиц
к русскому строю и русской власти, — они стараются быть по отно-
шению к ней вполне корректными. Г. Клемансо, обливавший офи-
циальную Россию грязью в своей газете пока он был в оппозиции,
— немедленно по вступлении в должность министра внутренних дел
посетил русского посла, дабы заявить ему, что, как член правитель-
ства республики, он не может относиться к России и ее правительству
иначе как с симпатией и доверием. И такова политическая формула
всех переменяющихся во власти вожаков радикально-социального
«блока».

Что касается самого характера политических отношений между Францией и Россией, то на них, без сомнения, отразилась самым знаменательным образом общая политическая перемена, совершившаяся во Франции за последние 11 лет. Нынешняя радикальная Франция весьма миролюбива; особенно опасаются войны ее правители, хорошо сознающие, что равным образом и поражение и победа могут положить конец их власти и влиянию, повлекши за собою либо кровавую анархию, либо цезаризм.

Значительным умеряющим фактором является также и всесильное влияние *Haute Vanque*. Сообразно с этим французская внешняя политика отличается ныне крайней осторожностью. Между тем, как в начале франко-русского союза, французы как будто с нетерпением ожидали, когда, наконец, произойдет между Россией и среднеевропейскими державами то столкновение, которое поставит на очередь *casus foederis* и даст Франции удобный случай «реванша», ныне республика столь же мало, сколь мы сами, желает возникновения подобного случая и чаёт от Тройственного соглашения такого охранения мира и статус-кво, при котором Франция не была бы лишь поставлена в безвыходную альтернативу либо стерпеть невыносимое уязвление ее национального самолюбия, либо быть вынужденною на кровавое столкновение с Германией.

Во время политических осложнений, вызванных аннексией Боснии и Герцеговины, — официальная Франция с особенно тревогою следила за обострением отношений между Россией и Австрией (что, конечно, не ускользнуло от внимания среднеевропейской политики) и с искренним удовлетворением приветствовала прекращение этого опасного кризиса.

Охотно ведя отдельные и миролюбивые разговоры с Германией по вопросам специального значения, нынешняя официальная Франция не сознает себя вправе смотреть косо и с недоверием на подобный же образ действий со стороны России. Самым характерным и убежденным выразителем подобной политики является нынешний министр иностранных дел г. Пишон.

Таковы в общей сложности отношения, установившиеся за последние годы между обоими союзниками. Франко-русской дружбы больше нет: консервативные круги скорее дуются на Россию за ее близость с радикальным правительством республики; масоны, евреи и радикальный блок не питают никакого искреннего сочувствия к русской государственной власти. Но все понимают, что русско-французский союз, — особенно при наличности нашего соглашения с Англией, — есть единственная база, на которую может упираться французская политика и которая обеспечивает Франции безопасность и сохранение мира без ущерба ее достоинства.

Французское правительство никогда не выдаст нам ни одного политического преступника, но под рукою французская полиция будет всегда ревностно следить за замыслами наших анархистов. Французское общественное мнение решительно не сочувствует нашей власти в финляндском вопросе; оно настроено против нас и в вопросе польском и особенно в еврейском; но дальше газетных толков, брошюр и частных демонстраций это настроение никогда не пойдет. Люди, стоящие во главе республики, — кто бы они ни были, — не только не осмелятся, но даже не пожелают принять какое-либо участие в подобной агитации, которая им досадна и мешает.

В вопросах экономических, напротив того, все общественное мнение Франции склонно скорее преувеличивать успешную работу русского правительства, чем сомневаться в ней, и самым искренним образом заинтересовано в возможно большем развитии наших жизненных сил и в укреплении наших финансов.

Но прежде и превыше всего официальная Франция старается избежать всякого разногласия с Россией в вопросах внешней политики и при каждом удобном случае подчеркивает пред другими державами свое единение с нами. На этой почве политический оппортунизм французского правительства уступает место принципиальной преданности франко-русскому союзу и совестливому охранению союзных соглашений.

№ 19

Письмо А.В. Неклюдова — С.Д Сазонову²⁷

Париж 9/22 декабря 1910 г.

Приехав в Париж 2/15 декабря, я в тот же день имел длинный разговор с г. Пишоном. С первых же его слов я мог заключить, что он был особенно рад моему приезду в настоящую минуту, ибо ему предстоит на днях выступить перед Палатой депутатов с речью по иностранной политике, причем он должен будет, прежде всего, постараться рассеять опасения, вызванные среди здешней публики и печати последними заявлениями германского канцлера о потсдамском свидании, и, еще более, комментариями немецкой печати к этим заявлениям. Хотя г. Пишон уверял меня, что ни он, ни французское правительство, ни минуты не разделяли этих опасений, в его словах, несомненно, звучала тревожная нота, и он с видимым удовольствием и облегчением выслу-

²⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 110. Л. 292—293. Подпись — автограф.

шал от меня подтверждение успокоительных разъяснений, уже полученных от вас г. Ж. Луи. В виду проявленной здешним общественным мнением нервности г. Пишон указал мне на особенную важность, которую будут иметь в глазах французской публики как моя речь, при вручении моих грамот, так и ответ на нее г. Фальера, тем более, что по существующему здесь обычаю обе речи печатаются целиком в официальной газете. В виду этого заявления я счел возможным придать моим словам несколько большую рельефность, нежели принято в подобных случаях; ответ президента также был составлен в особенно теплых выражениях. Это не преминуло произвести желаемое действие, и было в полной мере отмечено французской печатью, как вы изволите убедиться из прилагаемых статей обеих наиболее авторитетных по иностранной политике газет — «Temps» и «Journal des Débats».

Г. Пишон, с которым я виделся частным образом сегодня, сказал мне, что он не преминет в своей предстоящей парламентской речи подчеркнуть полную неосновательность каких бы то ни было сомнений в прочности русско-французских отношений и высказать, что Франция может смотреть не только со спокойствием, но и с чувством искреннего удовлетворения на устранение поводов к трениям между Россией и Германией. Я нисколько не сомневаюсь в том, что заявления эти будут вполне искренни и что г. Пишон как, несомненно, умный и опытный министр вполне правильно оценивает значение потсдамского свидания; но ему приходится считаться с более впечатлительными элементами Палаты и с усиливающейся оппозицией против его политики, которую упрекают в инертности и слабости; он ожидает сильных нападков, главным образом, на почве мароккских дел, и для него очень важно быть в состоянии указать на неизбежность русско-французских отношений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ФРАНЦИИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В 2017–2019 ГГ.*

- Абдуллаев Е.В.* «Прекрасное занятие для философа!»: об одной дневниковой записи Пушкина – лицеиста // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 40–52.
- Ададуров В.В.* Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 141–164.
- Андреев А.Н., Андреева С.* Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. // Вопросы истории. 2017. № 7.
- Андреева Е.* Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2018. Vol. 6. № 1. С. 114–129.
- Арутюнова Ж.М.* Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2016. № 1. С. 108–116.
- Бабинцев В.А., Галкина Ю.М.* Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 1. С. 241–254.
- Болт В.С.* Способы разрешения конфликтов между французами и военно-служащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 205–217.
- Бочарова З.С.* Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 2. С. 161–176.
- Васильева М.А.* «Русский Монпарнас» как хронотоп: О выставке в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына // Ежегодник

* Здесь учтены и отдельные работы, опубликованные в 2016 г., но не вошедшие в список, помещенный в предыдущем выпуске сборника.

- Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2018. М. 2018. С. 465–474.
- Веденина Л.Г.* Франция и Россия: транскультурное и межкультурное взаимодействие (XI–XXI вв.) // Концепт: философия, религия, культура. М., 2017. № 3. С. 65–74.
- Вершинин А.А.* Миссия Альбера Тома в революционной России (апрель–июнь 1917 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 355–362.
- Вершинин А.А.* Революция 1917 года в России глазами французских политиков // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 126–148
- Вовк А.Ю.* «Изучаю улицы Парижа, хочу держать экзамен на шофера...»: Из истории пребывания лейб-казаков на чужбине в 1920-е годы // Родина. 2018. № 3. С. 118–121.
- Вовси Э.М.* Новая библиография истории Наполеоновских войн // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 436–442.
- Волотов В.А.* Батальная лексика в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» как отражение русско-французских отношений на рубеже XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова: Спец. вып. Кострома, 2017. С. 60–62.
- Галайко В.* Купец Шукин художнику Матиссу: сударь, я хотел бы избежать ню...: Как выдающийся коллекционер «подмалевал» картину гениального импрессиониста // Родина. 2017. № 1. С. 70–73.
- Галкина Ю.М., Беспалов К.А.* «Дело Садуля» – новый источник о революции 1917 года // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 354–369.
- Галкина Ю.М.* К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон // Клио. СПб., 2018. № 3 (135). С. 176–186.
- Гладышев А.В.* Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 182–204.
- Гладышев А.В.* Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 205–217.
- Гребенщикова Г.А.* «Дрались как львы». К 190-летию морского сражения под Наварином // Военно-исторический журнал. 2017. № 10.
- Гончарова Т.Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.
- Громов Ф.Ю.* Бытовой жанр второй половины XVIII в.: русско-французские художественные связи // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2016. № 4 (29). С. 115–118.
- Гузевич Д.Ю.* Вербовка иностранных специалистов – выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2018. Vol. 6. № 1. С. 79–98.
- Дворниченко А.Ю., Белоусов М.С.* Георгий Вернадский о французских истоках Русской революции // Клио. СПб., 2017. № 10 (130). С. 191–202.

- Дмитриев И.Е.* Модная индустрия Франции 1920–1950-х гг. глазами русского эмигранта К. М. Веригина // Клио. СПб., 2017. № 1 (121). С. 128–134.
- Долгорукова Н.М.* Бахтин во Франции (на материале первых французских рецензий 1970-х годов) // Новое литературное обозрение. М., 2018. № 2 (150). С. 100–107.
- Емельянов С.* Обед с Наполеоном: на могиле русского генерала Александра Балашова, пытавшегося предотвратить Отечественную войну, более полувека стоит магазин // Родина. 2018. № 6. С. 84–89.
- Ермакова А.В.* И.Ф. Анненский и А. Рембо: перевод как повторное творчество: (на примере стихотворения «Sensation» А. Рембо) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2018. Т. 24. № 4. С. 82–86.
- Жерлицына Н.А.* Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2017. № 4.
- Заиченко О.В.* Формирование комплекса «русской угрозы» как реакция на кризис европейского самосознания в первое десятилетие после французской революции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 131–148.
- Занин С.В.* Коммуникация, культура, и представления из истории русско-французских культурных связей // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 88–101.
- Заринов Р.И.* «Мы выступаем только по приказу, без большого энтузиазма...» Французская армия при осаде Севастополя в Крымской войне // Военно-исторический журнал. 2017. № 11.
- Заринова А.И.* Российское влияние на культуру Франции в первой четверти XX века (по материалам французской прессы) // Концепт: философия, религия, культура. М., 2018. № 2 (6). С. 96–104.
- Земцов В.Н.* Вильно в 1812 году: жизнь при Наполеоне (социокультурный контекст) // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 116–140.
- Земцов В.Н.* Искушение Львом Толстым, или пример одной парадоксальной истории войны 1812 года (о книге С.Н. Исколюя) // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 421–435.
- Земцов В.Н.* Князь А. Б. Куракин и русская разведка в Париже в 1812 году // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 23–37.
- Земцов В.Н.* Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2016. Т. 4. №. 3. С. 217–234; № 4. С. 223–242.
- Земцов В.Н.* Начало войны между Францией и Россией в 1812 году (по французским архивным документам) // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 18–32.

- Казаченко А.А.* Транссибирская магистраль как символ культурных отношений между Россией и Францией: литературные путешествия в 1893–1913 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2016. Т. 15. № 3. С. 90–97.
- Канинская Г.Н.* Русское прошлое одного левого голлиста. Лео Амон (1908–1993) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2017. № 60. С. 90–110.
- Каргапольцев С.Ю., Лапина И.Ю.* Итоги ратной службы и анализ потерь земского ополчения в 1812–1814 гг. // Вопросы истории. М., 2017. № 11. С. 61–81.
- Каррер д’Анкокс Э.* Генерал де Голль и Россия. М., 2019.
- Кирсанкина С.А.* Помнят Россия и Франция... К 100-летию со дня рождения Ю.А. Гарнаева // Военно-исторический журнал. 2017. № 12.
- Киселев М.А.* Трактат De L’esprit Des Lois Ш.–Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 4. С. 1131–1148.
- Кондратьев А.Г.* Кагуляры во Франции в 1930–1940-х гг. // Вопросы истории. 2017. № 5.
- Кондратьева Т.Н.* Борис Федорович Поршневы: между русистикой и франковедением, или о роли случайности в судьбе историка // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 3. С. 853–866.
- Кориунов Э.Л., Щерба А.Н.* Российское военное присутствие во Франции в 1815–1818 гг. // Военно-исторический журнал. 2017. № 9.
- Коряков А., Матвеева И.* Плеть для племянницы Наполеона: за что уральский заводчик Анатолий Демидов выпорол свою супругу Матильду Бонапарт // Родина. 2017. № 7. С. 126–128.
- Кудрявцева Е.П.* За кулисами Венского конгресса // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 4. С. 77–85.
- Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю.* Встреча на Немане: дипломатический успех, ничья или поражение Александра I? (210 лет Тильзитскому мирному договору России и Франции) // Клио. 2017. № 6 (126). С. 60–65.
- Лазарева Е.В., Чудинова А.А.* Балканская политика Великобритании и Франции 1930-х гг. в отечественной историографии // Известия Уральского федерального университета (УрФУ). Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 3 (155). С. 149–156.
- Ликвинцева Н.В.* Архимандрит Лев (Жилле) в контексте истории русского зарубежья // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2018. М., 2018. С. 117–151.
- Ликвинцева Н.В.* Ответы «Парижского богословия» на вызовы русской революции: Протоиерей Сергей Булгаков и мать Мария

- (Скобцова) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 182–202.
- Линькова Е.В., Болливье де М.* Влияние Крымской войны 1853–1856 гг. на эволюцию взаимного восприятия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2016. Т. 15. № 3. С. 84–89.
- Линькова Е.В.* Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. М., 2017. Т. 16. № 4. С. 602–616.
- Липкин М.А.* Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966–1969 // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2016. Vol. 4. № 4. С. 261–274.
- Магадеев И.Э.* Боеспособность российской армии в оценках французской военной миссии в России (январь–июль 1917 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 398–405.
- Магадеев И.Э.* Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.
- Майорова Н.С.* Образ Наполеона на страницах школьных учебников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2017. Т. 23. № 3. С. 73–76.
- Малова-Гра Г.А., Наумова Н.Н.* «Русский Париж» времен немецкой оккупации 1942–1944 гг.: По материалам газеты «Парижский вестник» // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 357–374.
- Мальцев Л.А., Танышина Н.П.* Роль балтийского фактора в политических отношениях России и Франции // Балтийский регион. Т. 8. № 4. Калининград, 2016. С. 104–113.
- Маркова А.* Типографские шедевры француза Августа Семена: 200 лет назад в Москве открылась типография, в которой впервые были напечатаны издания Грибоедова, Пушкина, Жуковского // Родина. 2018. № 4. С. 112–115.
- Махалова И.А.* История Наполеоновских войн в пропаганде воюющих держав в период Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 215–225.
- Мезин С.А.* Париж Петра Великого // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2017. Vol. 5. № 2. С. 329–353.
- Мильчина В.А.* «Литературная приязнь» во Франции и России: Samaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2017. № 3 (145). С. 139–157.
- Мильчина В.А.* «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.

- Миньяр-Белоручев К.В.* Революция 1917 года в России глазами посла Великобритании во Франции Френсиса Берти // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 425–434.
- Митрофанов А.А.* Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 78–92.
- Митрофанов А.А.* Россия как «антипод французской революции». Политическое бюро Директории и генезис русофобии во Франции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 102–111.
- Монбриаль Т. де.* Русский дневник 1977–2011. М., 2019.
- Морозова К.Б.* Сотрудничество Российской национальной библиотеки с партнерами из Франции: прошлое и настоящее // Библиотекосведение: Журнал Российской государственной библиотеки. М., 2018. Т. 67. №. 2. С. 197–204.
- Моряков В.И.* Французские просветители Рейналь и Дидро о самодержавии и крепостном праве в России // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2017. № 6. С. 31–45.
- Мошечков П.В.* Французский аспект миссии Й. Дюриха и М.Р. Штеффаника в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2018. № 1. С. 18–31.
- Мошечков П.В.* Чешские и словацкие добровольцы на пути из России во Францию (май–ноябрь 1917 г.) // Клио. 2018. № 6 (138). С. 113–122.
- Мяглова И.* Отражения. Истоки: из архива русско-французских культурных связей // Современная драматургия: Литературно-художественный журнал. М., 2017. № 4. С. 248–256; 2018. № 1. С. 242–250.
- Наумова Н.Н.* Революция 1917 года в отражении французской прессы // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 445–455.
- Николаев Д.А., Хвостова И.А.* Крымская война 1853–1856 гг.: исторические реалии и социально-политические мифологемы // Клио. СПб., 2017. № 11 (131). С. 147–152.
- Обичкина Е.О.* Советско-французские отношения в отечественной историографии с 1960-х по 1990-е годы: методологические подходы и проблематика // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М., 2017. С. 76–97.
- Олесич, Н.Я., Яковлева М.Г.* Пространство Русской общественной библиотеки имени И. С. Тургенева и его роль в сохранении Русского мира в Париже // Клио. СПб., 2017. № 4 (124). С. 210–216.
- Очкасова М.Р.* Дневниковые записи Л.Н. Толстого сквозь призму билингвизма писателя // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова: Спец. вып. Кострома, 2017. С. 138–140.

- Пиреев А.И.* Записки А.Н. Минха о Крымской войне // Отечественные архивы. 2018. № 1.
- Попова Е.А.* Отечественная историография о «веке Людовика XIV» в Европе // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М., 2017. С. 114–127.
- Поршнева О.С.* Наполеоновские войны и Первая мировая война в политике памяти и исторической памяти народов: размышления российских и зарубежных историков // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 65. С. 353–359.
- Постникова А.А.* Минск в 1812 г.: хроника жизни в период французской оккупации // Клио. СПб., 2018. № 9 (141). С. 125–131.
- Постникова А.А.* Русская кампания 1812 г.: взгляд из Лондона // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2017. № 59. С. 168–182.
- Постникова А.А.* Смоленск в 1812 году: оккупация и деятельность «французского» муниципалитета // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 165–181.
- Промыслов Н.В.* Роль географических факторов в конструировании памяти французов о походе в Россию в 1812 году // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 64 (спец.). С. 113–130.
- Промыслов Н.В.* «Секретное оружие» бунта: подготовка Наполеоном кампании 1812 года // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 145–164.
- Реброва Р.* Дворец Федора Апраксина и «образцовый дом» Ж.-Б. Леблона: деятельность французского архитектора в Петербурге по новым источникам // Quaestio Rossica: научное издание. Екатеринбург, 2018. Т. 6. № 1. С. 130–138.
- Рей М.-П., Окунева О.В.* Венский конгресс как инструмент выработки новых дипломатических норм и обычаев // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 4. С. 31–44.
- Рубан Н.Л.* Фортепианные циклы А. Н. Черепнина в контексте культурного диалога России и Франции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. 2016. № 11 (73). Ч. 1. С. 115–118.
- Селезнев Ф.А.* Поездка П. Н. Милюкова по Западной Европе в июле-сентябре 1916 г. и ее политические последствия // Российская история. 2017. № 3. С. 94–102.
- Сергеев В.В., Таньшина Н.П.* Восточная Пруссия между французским «молотом» и русской «наковальной»: наполеоновский период // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. серия: Гуманитарные и общественные науки. БФУ. №. 3. 2018. С. 86–93.

- Сечин А.Г.* «Риторика послушания» Жана-Батиста Грёза в контексте русско-французских художественных связей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение: научно-теоретический журнал. СПб., 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 273–299.
- Сильянов М.В.* Российско-французское сближение конца XIX века в зеркале общественного мнения: историографические оценки // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2017. Т. 23. № 4. С. 41–45.
- Соколов О.В., Ещенко А.О.* Неизвестная страница истории российской дипломатии. Деятельность П. О. Моренгейма в Испании короля Жозефа Бонапарта // Клио. СПб., 2017. № 4 (124). С. 157–165.
- Соколов О.В., Ещенко А.О.* Российская дипломатия и наполеоновская Испания, 1808–1811 гг. // Клио. СПб., 2017. № 3 (123). С. 70–78.
- Соколов О.В.* Русские офицеры в штабе Наполеона // Клио. СПб., 2018. № 8 (140). С. 88–96.
- Соловьев Д.Б.* Тайна гибели генерала Коленкура. Археологическая реконструкция штурма Батареи Раевского // Военно-исторический журнал. 2017. № 1.
- Соловьев Ю.П.* Коллаборационизм 1812 года. Сословный аспект // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2017. № 58. С. 201–223.
- Сорока М.Е.* Долгий путь к Парижскому миру 1856 года // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 135–157.
- Спирidonov П.А.* Предпосылки развития децентрализованного культурного сотрудничества между Францией и постсоветской Россией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. Тамбов, 2016. № 3 (65). Ч. 2. С. 159–161.
- Таньшина Н.П.* «Наполеоновская легенда» во Франции в годы Июльской монархии // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 26–44.
- Таньшина Н.П.* «Двойной портрет» Николая I французского художника Ораса Верне // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливадии. 18–19 мая 2018 г. Сборник материалов научно-практической конференции. Ялта, 2018.
- Таньшина Н.П.* «Крым вдруг стал в моде»: Крым в путевых заметках французского дипломата Проспера де Баранта // Материалы научной конференции «Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XX вв.». Ялта, 25–26 апреля 2016. С. 164–172.
- Таньшина Н.П.* Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 91–108.

- Таньшина Н.П.* Балтийский фактор в российско-французских отношениях в XVIII–XIX вв. // Балтийский регион в новое и новейшее время: история и региональная политика. Калининград, 2016.
- Таньшина Н.П.* Венская система и венские соглашения: взгляд из Франции // Россия и современный мир: проблемы, мнения, дискуссии, события. 2017. № 4. С. 61–76.
- Таньшина Н.П.* Виктор Балабин: дипломат Николая I в Париже Луи-Филиппа // ЭНОЖ. № 10 (74). URL: <http://history.ies.su>
- Таньшина Н.П.* Жозеф-Поль Гемар и несостоявшаяся русско-французская арктическая экспедиция // Арктика: история и современность / Материалы второй международной научной конференции. СПб., 2017. Ч. 1. С. 26–34.
- Таньшина Н.П.* Журнальные утки во французском меню // Родина. 2018. № 12. С. 98–101.
- Таньшина Н.П.* Император Николай I и король Луи-Филипп I. Двойной портрет // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 13. М., 2017. С. 17–46.
- Таньшина Н.П.* К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы» // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 118–136.
- Таньшина Н.П.* Маркиз де Кюстин и барон де Барант: два образа России в исторической памяти // Образы будущего России: желаемое-возможное-необходимое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, МПГУ, 8–9 июня 2016 г. М., 2016. С. 75–84.
- Таньшина Н.П.* Наши люди в Париже (по дневнику российского дипломата Виктора Балабина) // Социокультурная жизнь Европы и России глазами интеллектуалов XIX века. Тезисы докладов. Орел, 2018. С. 14–16.
- Таньшина Н.П.* Образ Крыма в путевых записках Поля Гибала и Проспера де Баранта: взгляд с разницей в двадцать лет // Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Севастополь, 2018. С. 99–101.
- Таньшина Н.П.* Образ победы над наполеоновской Францией в николаевской России // Ключевские чтения–2016. Образ и смысл Победы в российской истории. М., 2017. С. 135–142.
- Таньшина Н.П.* Образ России во французской историографии второй половины XX в.: рассуждения о книге Шарля Корбе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы: Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2018. № 1.
- Таньшина Н.П.* Орас Верне: художник-дипломат в диалоге между Россией Николая I и Францией Луи-Филиппа // Вопросы всеоб-

шей истории Выпуск 19. Сборник научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Екатеринбург, 2017. С. 180–189.

Таньшина Н.П. При дворе трех императоров: княгиня Д.Х. Ливен // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 102–118.

Таньшина Н.П. Русофобия как фактор международных отношений в XIX в. (на примере взаимоотношений России и Франции) // Ялта-45: уроки истории. Система международных отношений в XX–XXI вв. и ее будущее: сб. материалов научной конференции. Ялта, 2018. С. 105–114.

Таньшина Н.П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 218–239.

Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.

Таньшина Н.П. Современная методология изучения российско-французских отношений в XIX веке (от окончания Наполеоновских войн до начала XX века) // История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. Т. 3. М.: МГИМО, 2017. С. 174–186.

Таньшина Н.П. Три взгляда на Францию 1838–1839 гг.: П. А. Вяземский, В.М. Строев, М.П. Погодин // Локус: люди, общество, культуры, смыслы: Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2017. № 1. С. 72–85.

Таньшина Н.П. Ш.-А. Поццо ди Борго, Э.О. Ришелье, Л.В. Рошешуар: францужско-русский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками в 1814–1818 гг. // Французский ежегодник 2018. Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 218–239.

Таньшина Н.П., Борисенко Ю.И. Саркофаг Наполеона из «русского порфира»: Необходимый «античный» камень французы нашли в карельском селе Шокша // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.

Тихонова А.В. Участие швейцарцев в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона. Свидетельства «русских швейцарцев» о революционных событиях 1917 г. // Вопросы истории. 2017. № 6.

Файбисович В.М. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны кисти М.Л.Э. Виже-Лебрен // Родина. 2017. № 11. С. 10–13.

Файбисович В.М. Жан Жерен. Эпизод сражения под Кульмом // Родина. 2017. № 12. С. 10–12.

Файбисович В.М. Портрет флигель-адъютанта Сергея Марина: Он участвовал в заговоре против императора Павла I, снискал славу сатирика и пять раз был ранен в Наполеоновских войнах // Родина. 2018. № 6. С. 10–12.

- Федорец А.И.* Все на борьбу с Наполеоном!: Как московские купцы защищали соотечественников от врагов, голода и нужды // Родина. 2018. № 10. С. 52–55.
- Фортунатов В.В.* Августин Бетанкур как главный архитектор Санкт-Петербурга: к 200-летию Комитета для строений и гидравлических работ // Клио. СПб., 2017. № 6 (126). С. 159–165.
- Хормач И.А.* Россия и Парижская мирная конференция // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 84–112.
- Хорошилова О.А.* Жму вашу руку. Миллер // Родина. 2016. № 9. С. 70–73.
- Хорошилова О.А.* Пачка «тютю» для Майи Плисецкой: О чем могут напомнить фотографии знаменитого парижского модельера Марии Громцевой // Родина. 2018. № 1. С. 78–81.
- Храпунов Н.И.* Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 113–140.
- Храпунов Н.И.* Образ Крыма в записках французского эмигранта Поля Гибалья // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 437–452.
- Чекалов К.А.* «Бессмертные у нас» романы Ксавье де Монтепена и их русские переводы // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2018. Т. 24. № 2. С. 95–100.
- Черкасов П.П.* 1717–2017: Итоги и уроки // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 5–8.
- Черкасов П.П.* Отчеты советской делегации о XVII (1980) и XVIII (1981) сессиях советско-французской «Малой» комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству. Из фондов Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Публикация, вступительная статья и комментарии // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 12. М.: Весь мир. 2017. С. 314–324.
- Черкасов П.П.* Франция 1870-х годов в публицистике Ф.М. Достоевского // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 12. М., 2017. С. 47–80.
- Чудинов А.В.* Восстановление архива Жильбера Ромма великим князем Николаем Михайловичем // Французский ежегодник. 2017. М., 2017. С. 340–353.
- Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. М., 2017.
- Чудинов Д.А.* «Наполеон Бонапарт» А.З. Манфреда в оценках читателей // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 325–336.
- Шеваров Д.Г.* Бородинское поле Андрея Кайсарова // Родина. 2017. № 5. С. 41–45.
- Шеваров Д.Г.* Маленького принца звали Егорушка: Как литература и судьба связали Антона Чехова и Антуана де Сент-Экзюпери // Родина. 2018. № 9. С. 36–41.
- Шеваров Д.Г.* Мамаев курган ему снился и во Франции // Родина. 2018. № 2. С. 37–40.

- Шевченко П.В.* Г.В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг. // Российская история. 2017. № 6. С. 94–105.
- Шмелев Д.В.* Французские католики и СССР (по материалам еженедельника «Сет») // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2018. № 63. С. 200–217.
- Шубин А.В.* Французская интервенция на Украине 1918–1919 гг. в контексте российской революции // Французский ежегодник. 2018. М., 2018. С. 315–339.
- Шушарин И.* Когда поет далекий друг: Ив Монтан: дружба, обернувшаяся враждой // Ваш тайный советник. СПб. 2018. №. 4 (46). С. 44–45.
- Экитут С.А.* Пять сражений генерала Раевского // Родина. 2016. № 9. С. 44–49.
- Янковская М.С.* Культурный диалог Франции и России: русские фотографии-эмигранты на службе французского авангарда // Локус: люди, общество, культуры, смыслы: Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «История и политология». М., 2017. № 2. С. 65–71.

Рецензии:

- Денисов Д.В.*, рец. на кн.: Э. Анобль. Французская история русской революции. Прочтение и интерпретации с 1917 года. Париж, 2016 // Новая и новейшая история. 2017. № 5.
- Зверева Т.В.*, рец на кн.: Е.А. Осипов. Франция и развитие процесса разрядки (1965–1975 гг.) // Вопросы истории. 2017. № 2.
- Михайлов В.В.*, рец. на кн.: В.И. Голдин. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века // Вопросы истории. 2017. № 5.
- Кузьминых А.Л.*, рец. на кн.: В.И. Голдин. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века // Военно-исторический журнал. 2017. № 6.
- Тесля А.А.* Страхи, надежды и репутация: французы в николаевской России и о ней. Рец. на кн.: В.А. Мильчина. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I // Историческая экспертиза: Журнал рецензий. М., 2017. № 4 (13). С. 269–274.
- Черкасов П.П.* Русофобия: Реальность или миф? По страницам книги Ги Меттана. (*Ги Меттан* Запад–Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016) // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 169–181.
- Черкасов П.П.* Интеллектуальный путеводитель по исторической и современной Франции. Рец. на кн. Смирнов В.П. Образы Франции. История, люди, традиции. М.: Ломоносовъ. 2017 // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 118–122.

Публикации

«Духовное возрождение в России»: Выступление Г.П. Федотова на Франко-русской студии. Вступ. ст., ком., пер. Т. Викторовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2017. М., 2017. С. 299–313.

Составитель *А.В. Лавренова*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУКРЕЕВА Елена Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела изобразительных материалов Государственного исторического музея.

ГОНЧАРОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

ЗУЕВА Кира Павловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ЛАВРЕНОВА Александра Викторовна – соискатель Института всеобщей истории РАН.

МЕЗИН Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, вице-президент Российского общества по изучению XVIII в.

ОГЕНЮИС Анн – доктор истории, член Комиссии по изданию дипломатических документов Министерства иностранных дел Франции.

РЫБАЧЁНОК Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ТАНЬШИНА Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических

исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

ТИМОФЕЕВ Павел Петрович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

ЧЕРКАСОВ Петр Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

ЧИНЯКОВ Максим Константинович — кандидат исторических наук, доцент Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

XVIII–XIX ВЕКА

<i>Мезин С.А. (Саратов). Французская россика периода дворцовых переворотов (1725–1762)</i>	5
<i>Букреева Е.М. Вклад французского ученого, барона де Бая, в формирование коллекций музея 1812 года</i>	42
<i>Гончарова Т.Н. (С.-Петербург). Трудный путь становления консульства Франции в Варшаве в эпоху Реставрации</i>	50
<i>Таньшина Н.П. Образ николаевской России в представлениях французских путешественников: русофобы или русофилы?</i> ...	71
<i>Черкасов П.П. Миссия Адольфа Тьера в Санкт-Петербург (20–22 сентября 1870 г.)</i>	98

Публикации

«Дневник моей поездки в Германию»: воспоминания Эммануила Осиповича де Ришелье (1766–1822). (Публикация, перевод, вступительная статья и комментарии <i>М.К. Чинякова</i>)	112
Канцлер К.В. Нессельроде в оценках французских дипломатов в Санкт-Петербурге (1850, 1853, 1858, 1862 гг.). Из фондов Архива Министерства иностранных дел Франции. (Публикация, перевод, вступительная статья и комментарии <i>П.П. Черкасова</i>)	165

XX ВЕК

<i>Anne Hogenhuis (Paris). François de Chevilly, aventurier, banquier et diplomate</i>	
<i>Огюиос Анн (Париж). Франсуа де Шевийи – авантюрист, банкир и дипломат</i>	173

<i>Чиняков М.К.</i> Русские солдаты в Алжире (1918–1920). Из истории Русского экспедиционного корпуса	210
<i>Зуева К.П.</i> Франсуа Миттеран и Михаил Горбачев: Из истории непростых отношений	236
<i>Тимофеев П.П.</i> Фактор НАТО в российско-французских отношениях в 1990–2010-е гг.	258

Публикации

Испытание на прочность. Депеши и письма российских дипломатов о русско-французском союзе за 1909–1911 гг. Из фондов Архива внешней политики Российской империи – АВПРИ. (Публикация и вступительная статья <i>И.С. Рыбачёнок</i>)	292
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работы по истории отношений России и Франции, опубликованные на русском языке в 2017–2019 гг. (составитель <i>А.В. Лавренова</i>)	330
Сведения об авторах	343

SOMMAIRE

XVIIIe – XIXe SIÈCLES

<i>Mezine S.A. (Saratov)</i> . Rossica français de l'époque des révolutions de palais (1725– 1762)	5
<i>Boukreeva E.M.</i> La contribution du baron de Baye, savant français, à la formation des collections du Musée de 1812 à Moscou	42
<i>Gontcharova T.N. (St.-Pétersbourg)</i> . Les débuts difficiles du Consulat de France à Varsovie sous la Restauration	50
<i>Tanchina N.P.</i> L'image de la Russie du temps de Nicolas I-er dans les représentations des voyageurs français: russophobes ou russofiles?	71
<i>Tcherkassov P.P.</i> La visite d'Adolphe Thiers à Saint-Pétersbourg (20–22 septembre 1870)	98

Publications

<i>Duc de Richelieu</i> : “Journal de mon voyage en Allemagne” (publication, traduction, introduction et commentaires par <i>M.C. Tchiniakov</i>)	112
Le Chancelier C.V. Nesselrode vu par des diplomates français en poste à Saint-Pétersbourg (1850, 1853, 1858, 1862). D'après les collections des Archives du Ministère français des Affaires étrangères (publication, traduction, préface et commentaires par <i>P.P. Tcherkassov</i>)	165

XXe SIÈCLE

<i>Anne Hogenhuis (Paris)</i> . François de Chevilly, aventurier, banquier et diplomate	173
---	-----

<i>Tchiniakov M.C.</i> Les soldats russes en Algérie (1918–1920). L'histoire du Corps expéditionnaire russe	210
<i>Zoueva K.P.</i> François Mitterrand et Mikhaïl Gorbatchev: une histoire de leurs relations complexes	236
<i>Timofeev P.P.</i> Le facteur de l'OTAN dans les relations russo-françaises dans les années 1990–2010	258

Publications

La solidité à l'épreuve. Dépêches et lettres des diplomates russes au sujet de l'Alliance russo-française pour les années 1909–1911. D'après les collections de l'Arkhiv vnechneï politiki Rossiïskoï imperii – AVPRI (publication et préface par <i>I.S. Ribatchenok</i>)	292
--	-----

APPENDICE

Ouvrages consacrés à l'histoire des relations russo-françaises parus en russe en 2017–2019 (<i>A.V. Lavrenova</i>)	330
Présentation des auteurs	343

Р 76 **Россия и Франция. XVIII–XX века** / Ин-т всеобщ. истории РАН / Отв. ред. и сост. П. П. Черкасов. Вып. 13. На рус. и фр. яз.. М.: Издательство «Весь Мир». 2020. 352 с.

ISBN 978-5-7777-0812-0

В очередном выпуске представлены статьи и документальные публикации по истории российско-французских отношений за последние три столетия. Исследователи, преподаватели, аспиранты и студенты – все, кто интересуется историей взаимоотношений России и Франции, найдут в нем много нового и полезного. Французская россика эпохи дворцовых переворотов в России (1725–1762), воспоминания знаменитого «дюка Ришелье» о его участии в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., образ николаевской России в представлениях французских путешественников, российская «одиссея» Франсуа де Шавийи – авантюриста, банкира и дипломата, русские солдаты в Алжире на исходе и после окончания Первой мировой войны, Михаил Горбачев и Франсуа Миттеран, фактор НАТО в российско-французских отношениях 1990–2010-х гг. – с этими и др. материалами, включая архивные находки, читатель ознакомится на страницах данного выпуска.

Для специалистов и всех, кто интересуется отечественной и всеобщей историей.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Научное издание

РОССИЯ И ФРАНЦИЯ
XVIII—XX века

ВЫПУСК 13

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Художник: *В.Ю. Яковлев*
Верстка *С.А. Голодко*
Корректор: *Н.А. Самсонова*

Подписано к печати 03.09.2020
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 500 экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская д. 5, стр. 1
Тел./факс: (495) 632-47-04, 632-47-06, (495) 678-43-18
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

La Russie et la France

XVIII-ème – XX-ème siècles

ИМПЕРАТОРСКІЙ Телеграфъ въ Царскомъ Селѣ

ТЕЛЕГРАММА № 626

„60“, Слово

Получено въ Петербургъ 20 1870 г. 10 ч. 50 м. по н. н.
Послано въ Царское Село 22 часовъ 1870 г. 11 ч. 35 м. по н. н.

*A. Monsieur le Prince Gortchakov
Lazarev.*

*Prince, suspendez le telegramme convenu, mais
veuillez lui procurer la sanction dont il a besoin
pour être expédié immédiatement. Je crois à sa très
grande utilité. De Vienne, de Florence ou de Tours,
suivant les nouvelles, je vous prierai de lui donner
cours. Mille assurances de respect et d'attachement.*

4 Octobre 1870.

Thiers.

Imprimé: H. Martens

ВЕСЬ
МИР

978-5-7777-0812-0

9 785777 708120

www.vesmirbooks.ru